

ФУНКЦИОНАЛЬНО- КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ЕГО АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Материалы I международной
научной конференции,
5-7 октября 2011 г.

Барнаул 2012

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Общероссийская общественная организация
«РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ»
Алтайское региональное отделение

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ЕГО АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Материалы I международной научной конференции

5-7 октября 2011 г.

Барнаул 2012

УДК 81'1
ББК 81Оя431
Ф947

Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы I международной научной конференции 5-7 октября 2011 г. / Алтайская государственная педагогическая академия ; Лингвистический институт ; Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» ; Алтайское региональное отделение ; под ред. И.Ю. Колесова. – Барнаул : АлтГПА, 2012. – 413 с.

ISBN 978-5-88210-639-2

Редакционная коллегия:

д-р пед. наук, профессор *Н.В. Ефремова*,
д-р филол. наук, профессор *Л.А. Козлова*,
д-р филол. наук, профессор *Т.Г. Пшенкина*,
д-р филол. наук, профессор *О.В. Трунова*,
д-р филол. наук, доцент *И.Ю. Колесов*,
канд. пед. наук, доцент *Э.Г. Вольтер*,
канд. пед. наук, доцент *С.В. Беляева*,
канд. филол. наук, доцент *Л.В. Казанцева*,
канд. филол. наук *А.С. Илинская*,
канд. филол. наук *Д.А. Кожанов*,
канд. филол. наук *К.А. Отт*,
Д.П. Ананин

Издание содержит публикации участников I международной научной конференции, освещающие проблемы, методологию и результаты функционально-когнитивного анализа современных языков в теоретическом и прикладном ракурсах. Авторы обсуждают такие актуальные направления и проблемы в анализе родного и иностранных языков, как психолингвистические и лингвокогнитивные исследования и их аппликативный потенциал, когнитивные и семиотические аспекты коммуникации, перевода и личности переводчика. В статьях также изучаются вопросы концептуальной организации текста и дискурса, полипарадигмальность и интегративные тенденции в функциональном анализе языковых единиц, проблемы семиотики, риторики, теории коммуникации и лингводидактики. Внимание исследователей направлено, таким образом, на современные аспекты изучения языка и личности, языка и ментальности человека, на анализ взаимодействия культур и столкновения языков в процессе межкультурной коммуникации.

Сборник статей адресован филологам, преподавателям вузов, студентам и аспирантам филологических направлений подготовки, всем интересующимся актуальными вопросами теории языка и применением результатов анализа языка в теории и практике перевода и в лингводидактике.

ISBN 978-5-88210-639-2

© Алтайская государственная
педагогическая академия, 2012

Содержание

<i>Абышева Е.М., Тюмень (Россия)</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗНАНИЯ И ЧУДЕСНОГО НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК.....	12
<i>Аверьянова Е.В., Тюмень (Россия)</i> АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ФИГУРА ИСКУШЕНИЯ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ XVI-XVII вв.	13
<i>Адлер Е.В., Барнаул (Россия)</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НЕТИПИЧНОЙ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ ОБЪЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	15
<i>Акимова Н.Ф., Барнаул (Россия)</i> ОЦЕНОЧНАЯ КАРТИНА МИРА В ЛЕКСИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА.....	17
<i>Анохина М.А., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ МИМИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	19
<i>Анохина Ю.М., Омск (Россия)</i> О КОННОТАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛИИ.....	20
<i>Баах Ю.В., Омск (Россия)</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯДЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА 'BILD' В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	22
<i>Бабенко М.Г., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПАРЕНТЕЗЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПИСАТЕЛЯ.....	24
<i>Бабушкина О.Н., Челябинск (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ОЦЕНКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	26
<i>Баева Н.А., Кемерово (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (на материале произведений женщин-писателей викторианской эпохи).....	27
<i>Бардамова Е.А., Улан-Удэ (Россия)</i> ВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА ВОЗРАСТНЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ.....	30
<i>Барсукова С.С., Барнаул (Россия)</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ЭФФЕКТОМ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ.....	31
<i>Башикатова Ю.А., Кемерово (Россия)</i> «ЖИВОТ» И «СТОМАХ» В СОМАТИЧЕСКОМ КОДЕ КУЛЬТУРЫ.....	34
<i>Беляева С.В., Барнаул (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЭПОСА	35
<i>Берзина Г.П., Новосибирск (Россия)</i> УРОВНИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕССИВОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	37
<i>Беседина Н.А., Белгород (Россия)</i> МОРФОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА.....	39
<i>Битнер М.А., Красноярск (Россия)</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ С ШИРОКОЗНАЧНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ.....	41
<i>Богатова С.М., Омск (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В. ВУЛФ.....	43
<i>Боева-Омелечко Н.Б., Ростов-на-Дону (Россия)</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ ПОДЛИННИКА ВО ВТОРИЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	45
<i>Борисова Т.Г., Ставрополь (Россия)</i> МАКРОКОНЦЕПТ 'ВЕЩЕСТВО' КАК РЕЗУЛЬТАТ КОГНИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	47
<i>Боровиков М.И., Барнаул (Россия)</i> ЭВОЛЮЦИЯ СВОБОДНЫХ РИТМОВ В НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ.....	48
<i>Боровицкая Е.Н., Киев (Украина)</i> СОЦИАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА КОНЦЕПТА 'ОТРИЦАНИЕ' В СТРУКТУРЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (В ПОИСКАХ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ).....	51
<i>Будаев Э.В., Нижний Тагил (Россия)</i> ВАРИАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ.....	52
<i>Будаев Э.В., Нижний Тагил (Россия), Чудинов А.П., Екатеринбург (Россия)</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	54

<i>Булынина М.М., Воронеж (Россия)</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКСПЛИЦИРОВАННОГО МНОКОМПОНЕНТНОГО МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	60
<i>Буренкова С.В., Омск (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	61
<i>Буянова Л.Ю., Краснодар (Россия)</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУПЕРТЕКСТ: СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ И МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ.....	63
<i>Васева Л.А., Иркутск (Россия)</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР (на материале текстов народных сказок).....	65
<i>Васеева Е.А., Чита (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ДВУСОСТАВНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ (на материале англоязычных терминов заповедного дела)....	67
<i>Васильева Е.В., Улан-Удэ (Россия)</i> К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИНОЯЗЫЧНАЯ МЕДИА-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ».....	68
<i>Вишнякова Е.П., Хабаровск (Россия)</i> ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КОНФЛИКТА ДВУХ МИРОВ: МИРА ВИДЯЩИХ И МИРА СЛЕПЫХ (на материале новеллы Г. Уэллса «Страна слепых»).....	70
<i>Владимирская Л.М., Барнаул (Россия)</i> ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ОБЪЕКТИВАЦИИ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ.....	72
<i>Воднева М.Г., Краснодар (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале произведений В.С. Маканина).....	74
<i>Войткова А.Н., Иркутск (Россия)</i> КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	75
<i>Вольтер Э.Г., Барнаул (Россия)</i> О ПОДВОДНЫХ РИФАХ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДЛОГА <i>sur</i>	77
<i>Воронушкина О.В., Барнаул (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БАЗА ДЕКОДИРОВАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ НЕМЕЦКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	79
<i>Watson, N.V., Barnaul (Russia) – Denver, Colorado (USA)</i> THE DYNAMICS OF BILINGUALISM.....	80
<i>Галич Г.Г., Омск (Россия)</i> КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ: К МЕТОДИКЕ ОПИСАНИЯ.....	84
<i>Гацура Н.И., Омск (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В РАССКАЗЕ О. ХАКСЛИ «БАНКЕТ В ЧЕСТЬ ТИЛЛОТСОНА»	86
<i>Гилёва Е.П., Кочешкова И.Ю., Барнаул (Россия)</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘ВРЕМЯ’ В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН.....	88
<i>Голованова Е.И., Челябинск (Россия)</i> СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО И ФАНТАЗИЙНОГО В ДИСКУРСЕ ЛИНГВИСТА (на примере языковой личности М. В. Панова).....	90
<i>Головина Т.А., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.....	92
<i>Горбачевская С.И., Москва (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ РУТИННЫХ ФОРМУЛ КАК МЕТОД ПЕРЕВОДА.....	94
<i>Горшунов Ю.В., Бирск (Россия)</i> НОВЫЕ УЧРЕЖДЕНЧЕСКИЕ АББРЕВИАТУРЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	95
<i>Гричин С.В., Демешкина Т.А., Томск (Россия)</i> АВТОРИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ В ТЕКСТЕ НАУЧНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	97
<i>Груенко С.Е., Омск (Россия)</i> ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ.....	99
<i>Грязнова О.Б., Улан-Удэ (Россия)</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘ДОМ / РОДИНА’ В ПРОЗЕ Г. БАШКУЕВА.....	100
<i>Гуторова П.В., Иркутск (Россия)</i> КОНЦЕПТЫ ‘ПОКАЯНИЕ’ И ‘ПРОЩЕНИЕ’ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	102
<i>Дашинимаева П.П., Улан-Удэ (Россия)</i> АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПСИХОНЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА-РЕЧИ-МЫШЛЕНИЯ.....	104

<i>Дербина И.Н., Латышева Н.В., Тюмень (Россия)</i> СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ – СУБЪЕКТОВ ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ – В НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ.....	105
<i>Джаманова Н.В., Новосибирск (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНОМАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА <i>-ness</i> В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ФАУЛЗА.....	107
<i>Добричев С.А., Барнаул (Россия)</i> ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В КОНВЕРСНЫХ СТРУКТУРАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	109
<i>Долгова И.А., Самара (Россия)</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИНАМИЧЕСКОГО АСПЕКТА МАКРОСФЕРЫ «ОТНОШЕНИЕ».....	110
<i>Доценко Д.В., Красноярск (Россия)</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘ <i>ВЕРА</i> ’ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	112
<i>Дронова Л.П., Томск (Россия)</i> КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ	114
<i>Друкаров М.Е., Новосибирск (Россия)</i> ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В ШВАНКЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ.....	116
<i>Дудова Н.А., Омск (Россия)</i> ОПИСАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА ‘ <i>REGEN</i> ’.....	118
<i>Dobrowolskij D.O., Moscow (Russia)</i> COGNITIVE APPROACHES TO IDIOM ANALYSIS.....	120
<i>Егорова В.И., Курск (Россия)</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КАРНАВАЛЬНОСТИ.....	121
<i>Егорова М.А., Иркутск (Россия)</i> СООТНОШЕНИЕ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО» И «МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО».....	122
<i>Емельянова О.Е., Иркутск (Россия)</i> К ВОПРОСУ О СЕМИОСФЕРЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА: АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ “ <i>BLOOD</i> ” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	124
<i>Емельянова С.М., Уссурийск (Россия)</i> КОНЦЕПТ ‘ <i>ZEIT</i> ’ В СВЕТЕ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА СЛОВА-РЕПРЕЗЕНТАНТА.....	125
<i>Ефремова Н.В., Барнаул (Россия)</i> МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЦЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....	127
<i>Ефремова О.Ю., Барнаул (Россия)</i> О КОМПЛЕКСНОМ ПРЕПОДАВАНИИ ГРАММАТИКИ И ПРАКТИКИ УСТНОЙ РЕЧИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ УРОВНЯ «НАЧИНАЮЩИЕ».....	129
<i>Ехлакова Н.Ф., Омск (Россия)</i> «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	131
<i>Жанаев А.Т., Улан-Удэ (Россия)</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ СОЗНАНИЯ И ВЕРБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ БУРЯТ.....	132
<i>Завьялова Г.А., Кемерово (Россия)</i> РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО ФРЕЙМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ А. КРИСТИ).....	134
<i>Зайнуллина Л.М., Уфа (Россия)</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	136
<i>Записных О.В., Барнаул (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ.....	138
<i>Заякова Е.В., Барнаул (Россия)</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЯ ИНТЕНЦИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА.....	139
<i>Зубкова О.С., Курск (Россия)</i> О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЕМИОТИЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ В РАМКАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ.....	142
<i>Иванова Т.В., Иркутск (Россия)</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ «ШАНТАЖ».....	143
<i>Ивашкевич И.Н., Минск (Беларусь)</i> О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА.....	145
<i>Ивашко Е.А., Москва (Россия)</i> ТЕОРИЯ ГИБРИДИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ	147

<i>Игнатъева О.В., Барнаул (Россия)</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОНЯТИЯ «ПОДАРОК» И ЕГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	149
<i>Илинская А.С., Барнаул (Россия)</i> ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	151
<i>Кабанова Е.В., Омск (Россия)</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТЕМПЕРАТУРЫ В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	153
<i>Каверина О.А., Иркутск (Россия)</i> МОДУС СРАВНЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С СОЮЗАМИ <i>as if / as though</i>	154
<i>Казакова О.М., Барнаул, Зимбули А.Е., Санкт-Петербург (Россия)</i> ЛИНГВОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОПОСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	156
<i>Казанцева Л.В., Барнаул (Россия)</i> ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА 'ПРИЧИНА' В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ПЕРИОДЕ.....	158
<i>Казачинина А.В., Барнаул (Россия)</i> К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА (ОСВОЕННОГО И НЕОСВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКОМ) В АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ.....	160
<i>Калёных Е.В., Улан-Удэ (Россия)</i> ЭВОЛЮЦИЯ ТЕКСТА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ЭПОХИ ВЕБ.....	162
<i>Карпущина В.Н., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В РОМАНАХ Б. АКУНИНА.....	164
<i>Катынская М.В., Благовещенск (Россия)</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ ИМИДЖА АВСТРАЛИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕТЕВЫХ ТЕКСТАХ...	165
<i>Керимов Р.Д., Федянина Л.И., Кемерово (Россия)</i> ПРЕДМЕТНЫЙ КОД НЕМЕЦКИХ КОНЦЕПТОВ 'ДЕНЬГИ' И 'ПОЛИТИКА'.....	167
<i>Клименок А.Н., Сологуб О.П., Новосибирск (Россия)</i> ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ УЧАСТНИКОВ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	169
<i>Ковалева Л.М., Иркутск (Россия)</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В XXI ВЕКЕ.....	172
<i>Кожанов Д.А., Барнаул (Россия)</i> ЭВОЛЮЦИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА КАК ОТРАЖЕНИЕ СМЕНЫ ПАРАДИГМ В НАУКЕ XX ВЕКА.....	174
<i>Козлова Л.А., Барнаул (Россия)</i> ИНТЕГРАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	175
<i>Козырева М.М., Москва (Россия)</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на примере перевода субтитров фильма «Дневник Бриджит Джонс»).....	178
<i>Кокорина Ю.Г., Москва (Россия)</i> ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ.....	179
<i>Колесникова В.С., Барнаул (Россия)</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИАЛЕКТА И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	181
<i>Колесов И.Ю., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНАЯ СЦЕНА КАК МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА.....	183
<i>Колмогорова А.В., Новокузнецк (Россия)</i> СОЦИО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕНИЯ МАТЕРИ С РЕБЁНКОМ.....	186
<i>Коляда Н.А., Ростов-на-Дону (Россия)</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. КОНСАЛИКА.....	187
<i>Коробейникова Н.Н., Барнаул (Россия)</i> УЧЕТ ИКОНИЧЕСКОГО МОДУСА ЗНАКА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ФУНКЦИИ КОММЕНТАРИЯ.....	189
<i>Косых Е.А., Барнаул (Россия)</i> РЕБЁНОК КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ.....	192
<i>Кофман Е.П., Красноярск (Россия)</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 'ОТРИЦАНИЕ' (на материале английского языка).....	194

<i>Кочкинекова А.В., Барнаул (Россия)</i> ФРЕЙМ КАК ПРОВОДНИК В СФЕРУ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА.....	196
<i>Кравцова Т.А., Рубцовск (Россия)</i> ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК ПРЕДМЕТ МЕТАЯЗЫКОВОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ.....	198
<i>Кошкарова Н.Н., Челябинск (Россия)</i> ДИХОТОМИЯ «ВОСТОК-ЗАПАД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ.....	199
<i>Кравченко А.В., Иркутск (Россия)</i> ЧТО ИЗУЧАЕТ КОНЦЕПТОЛОГИЯ?	201
<i>Кузнецов В.Г., Москва (Россия)</i> АППЛИКАТИВНО–ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ФРЕЙМОВЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	204
<i>Кузнецова А.В., Ростов-на-Дону (Россия)</i> ТЕКСТ В КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ.....	206
<i>Кузнецова Т.Я., Архангельск (Россия)</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В ЗЕРКАЛЕ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ.....	207
<i>Кузьмина С.Е., Нижний Новгород (Россия)</i> МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ (на материале английского языка)	209
<i>Купна Н.С., Барнаул (Россия)</i> ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ СОСТАВНОГО ГЛАГОЛЬНОГО МОДАЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО.....	211
<i>Купцов А.Е., Ярославль (Россия)</i> РОЛЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ЛОГИКО-КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (на материале испанского языка).....	212
<i>Курбатова Л.П., Барнаул (Россия)</i> ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ЛИНГВО-КОГНИТИВНОМ УРОВНЕ.....	214
<i>Куровская Ю.Г., Усть-Илимск (Россия)</i> ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ИМЕН.....	216
<i>Лебедева К.Л., Барнаул (Россия)</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ.....	217
<i>Лизунова Е.А., Новокузнецк (Россия)</i> К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯВЛЕНИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ МИМИКРИИ И МАНИПУЛЯЦИИ.....	219
<i>Ложкина Е.А., Ижевск (Россия)</i> ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ‘МНЕНИЕ’ В АНГЛИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	221
<i>Лукьянова Е.В., Белгород (Россия)</i> КОНЦЕПТ ‘LOSS / ПОТЕРЯ’ И ЕГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС.....	223
<i>Луткова Е.С., Москва (Россия)</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “US COLLEGE EDUCATION” КАК МОДЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ.....	225
<i>Лушников Г.И., Кемерово (Россия)</i> ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	227
<i>Магировская О.В., Красноярск (Россия)</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА В РАМКАХ СИСТЕМЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ КООРДИНАТ.....	229
<i>Максимов В.Д., Максимова Т.Д., Барнаул (Россия)</i> О ТАКСОНОМИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ФОНОНИМОВ.....	231
<i>Мараховская Т.А., Иркутск (Россия)</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРНЕТ-ФОРУМА КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	233
<i>Мельникова А.С., Белгород (Россия)</i> КОНЦЕПТ ‘ПУТЬ’ КАК ОСНОВА СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА.....	234
<i>Мельничук О.А., Якутск (Россия)</i> КАТЕГОРИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	236
<i>Можсаева Т.Г., Анкара (Турция)</i> ВРЕМЕННЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАГОЛОВКОВ МЕДИАСООБЩЕНИЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА.....	238

<i>Моисеенко Л.Н., Омск (Россия)</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (на материале современного немецкого языка).....	240
<i>Морель Морель Д.А., Белоусов В.Ю., Белгород (Россия)</i> ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА (на материале концепта 'Напитки')»	242
<i>Мороз Н.А., Тюмень (Россия)</i> ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	244
<i>Москаленко Е.А., Ставрополь (Россия)</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНЫХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА.....	246
<i>Москаленко Н.В., Максимова Т.Д., Барнаул (Россия)</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ...	247
<i>Москалюк Л.И., Барнаул (Россия)</i> ВЫБОР ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ БИЛИНГВОВ	249
<i>Мучкина Е.С., Красноярск (Россия)</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА ФРАНЦУЗА В РОМАНЕ «A YEAR IN PROVENCE» (P. MAYLE).....	250
<i>Немчинова Н.В., Лесосибирск (Россия)</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ТЕКСТОВЫХ ФРАГМЕНТОВ С ИНТЕНЦИЕЙ «ПОЖЕЛАНИЕ».....	253
<i>Немыка А.А., Краснодар (Россия)</i> СИСТЕМНОСТЬ СВЯЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕНАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАК ИСТОЧНИК КОГНИТИВНОГО ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	255
<i>Нижник Н.Ф., Барнаул (Россия)</i> ТЕКСТ КОМИКСА КАК СИСТЕМА.....	256
<i>Никифорова Л.К., Новоуральск (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ С УЧЕТОМ ДИАХРОНИЧЕСКОГО АСПЕКТА (на примере метафор французского, немецкого и русского языков)....	258
<i>Николаева О.В., Владивосток (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ.....	260
<i>Обнорская М.Е., Барнаул (Россия)</i> АРХЕТИПЫ, МИФЫ, ПРОТОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ.....	261
<i>Орлова О.Г., Кемерово (Россия)</i> ЖАНРОВАЯ ФОРМА ПУБЛИКАЦИИ КАК ДИСКУРСООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ (на примере «русского» дискурса газеты «The New York Times» XIX века).....	264
<i>Осипов Б.И., Анохина Ю. М., Омск (Россия)</i> О КОННОТАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	266
<i>Осокина Н.Ю., С.-Петербург (Россия)</i> СИНЕСТЕЗИЯ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ (ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА).....	268
<i>Oguy O.D., Chernivtsi (Ukraine)</i> CONCEPTUAL RESEARCHES IN UKRAINE: ONOMASIOLOGIC PROBLEM AND ITS SEMASIOLOGIC PERSPECTIVE.....	270
<i>Петрова Л.А., Одесса (Украина)</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦВЕТА В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНОГО КОНСТРУКТА «ГЛАЗА».....	270
<i>Петрова Н.В., Иркутск (Россия)</i> ПОЛИГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ.....	272
<i>Плотникова А.М., Екатеринбург (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ (на материале русских глаголов социальных действий и отношений).....	274
<i>Плотникова Л.И., Белгород (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ АНТРОПОЛЕКСЕМ.....	276
<i>Поликарпов А. М., Архангельск (Россия)</i> ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА.....	277
<i>Полуйкова С.Ю., Омск (Россия)</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ.....	280
<i>Полякова Н.В., Томск (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА 'ВОДА' В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ.....	281

<i>Полякова Н.В., Москва (Россия)</i> МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ УСЛОВНОСТИ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ С ГИПОТЕТИЧЕСКИМ ПРИДАТОЧНЫМ (на материале французского языка).....	283
<i>Проскурин С.Г., Новосибирск (Россия)</i> ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ.....	284
<i>Прохорова Л.П., Кемерово (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ НАРРАТИВНЫХ ФОРМУЛ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ.....	288
<i>Пшеникина Т.Г., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭВРИСЕМИЧНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ИХ УЧЁТ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА.....	289
<i>Рапопорт Л.С., Барнаул (Россия)</i> КОМПРЕССИЯ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ.....	292
<i>Резинкин А.Ю., Барнаул (Россия)</i> МЕТОНИМИЯ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.....	294
<i>Резниченко Л.В., Белгород (Россия)</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ СУБСТАНТИВИРОВАННЫМИ ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА.....	296
<i>Робустова В.В., Москва (Россия)</i> НЕПРЯМАЯ НОМИНАЦИЯ В КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	297
<i>Рогозина И.В., Барнаул (Россия)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ-АНТРОПОНИМ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....	299
<i>Романова Т.В., Нижний Новгород (Россия)</i> ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.....	302
<i>Рохвадзе Р.Ф., Иркутск (Россия)</i> ФАКТ / FACT: КОНЦЕПТ И КАТЕГОРИЯ (на материале современного английского языка).....	303
<i>Руденко С.Ю., Барнаул (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА АЛТАЕ (на примере с. Шумановка Немецкого национального района Алтайского края).....	305
<i>Рябова М.Ю., Кемерово (Россия)</i> ПАРАДОКС И ТЕОРИЯ ХОЛИЗМА.....	307
<i>Савицкий И.П., Барнаул (Россия)</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ НЕУЗУАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ.....	309
<i>Самсонова О.Д., Иркутск (Россия)</i> ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА 'CERTAINTY'.....	311
<i>Сарычева Г.П., Ростов-на-Дону (Россия)</i> МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА НОВОГО ТИПА.....	313
<i>Селезнев А.А., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ НОМИНАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПОСТРОЕНИЯ.....	315
<i>Семенова Т.И., Иркутск (Россия)</i> ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОШИБОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ.....	317
<i>Серова И.Г., Барнаул (Россия)</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ 'ТНЕВ' и 'РАДОСТЬ' В РОМАНЕ ДЖОНА ФАУЛЗА «КОЛЛЕКЦИОНЕР».....	319
<i>Сильченко А.И. Томск (Россия)</i> «ДОЖДЬ» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ... ..	321
<i>Сильченко Е.В., Барнаул (Россия)</i> КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ КОММУНИКАНТОВ.....	322
<i>Симоненко М.А., Астрахань (Россия)</i> СЕМИОТИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В НАИВНОМ ДИСКУРСЕ ГОРОЖАН.....	324
<i>Сироткина Т.А., Сургут (Россия)</i> НАЗВАНИЯ НАРОДОВ КАК ОБЪЕКТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОЙ ЭТНОНИМИКИ.....	326
<i>Смагулова Г.Н., Алматы (Казахстан)</i> ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	328
<i>Смирнова А.Г., Кемерово (Россия)</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КРОСС-ГЕНДЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ.....	330

<i>Сологуб О.П., Новосибирск (Россия)</i> КАТЕГОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОСТИ, СРЕДСТВА ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ (на примере официально-деловых текстов).....	332
<i>Сологуб О.П., Гордеева М.Н., Новосибирск (Россия)</i> КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	334
<i>Сотникова Е.С., Иркутск (Россия)</i> О СМЫСЛОВОЙ ЕМКОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ.....	336
<i>Степанова Н.Н., Барнаул (Россия)</i> СРАВНЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (на примере детективного романа «Четырнадцатый камень» Ф. Варгас).....	338
<i>Стрекалева Т.В., Ткачук А.Н., Красноярск (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА).....	340
<i>Стрелкова Е.Ю., Хабаровск (Россия)</i> МАНИФЕСТАЦИЯ ТРЕХМЕРНОГО КОНЦЕПТА 'ГОЛОС' В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале романа С. Майер «Сумерки»).....	342
<i>Сундуева Е.В., Улан-Удэ (Россия)</i> ОБОЗНАЧЕНИЯ НАПРЯЖЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ СРЕДСТВАМИ КОРНЕВОГО СОГЛАСНОГО [R]	344
<i>Супрун Л.Ф., Барнаул (Россия)</i> СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА.....	346
<i>Терских Н.В., Красноярск (Россия)</i> ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ... ..	347
<i>Токарева М.В., Иркутск (Россия)</i> ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОФИЛИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ СИТУАЦИИ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ.....	349
<i>Топка Л.В., Иркутск (Россия)</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА «КАТЕГОРИЧНОСТЬ» И НЕКОТОРЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ.....	351
<i>Тронько С.С., Барнаул (Россия)</i> ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА 'TOD', АКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ ЛЕКСЕМОЙ <i>der Tod</i>	353
<i>Трунова Н.В., Москва (Россия)</i> ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ВРЕМЕННОГО СДВИГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ.....	355
<i>Трунова О.В., Барнаул (Россия)</i> СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	357
<i>Туктарова Е.В., Иркутск (Россия)</i> СУБЪЕКТИВНОСТЬ АВТОРА В ТЕКСТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	359
<i>Федяева Е.В., Новосибирск (Россия)</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНОЧНОЙ КВАНТИФИКАЦИИ В СФЕРЕ ВРЕМЕНИ.....	360
<i>Федяева Н.Д., Омск (Россия)</i> НОРМА В КРУГУ КОГНИТИВНЫХ ФЕНОМЕНОВ.....	362
<i>Филистович Т.П., Барнаул (Россия)</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕРОНИМИЧЕСКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	364
<i>Фукс А.И., Барнаул (Россия)</i> ОТ ВАЛЕНТНОСТИ К КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ГЛАГОЛА.....	366
<i>Фурс Л.А., Тамбов (Россия)</i> ФОРМАТЫ МЕТАКОГНИТИВНОГО ЗНАНИЯ.....	368
<i>Fedulenkova T.N., Arkhangelsk (Russia)</i> PHRASEOLOGICAL COMPETENCE IN ESP LEARNING.....	369
<i>Ханташкеева Т.В., Улан-Удэ (Россия)</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 'СУДЬБА' В РУССКОМ ЗАГОВОРНОМ ТЕКСТЕ.....	371
<i>Хохлова Е.А. Барнаул (Россия)</i> ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В ЖЕНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (на материале шванков российских немцев).....	373
<i>Храмова Т.Ю., Барнаул (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	375
<i>Khalina N.V., Barnaul (Russia)</i> THE TWO TRADITIONS IN THE CONTEMPORARY FOREIGN LINGUISTICS: LINGUISTICS APPLIED (L-A) AND APPLIED LINGUISTICS (A-L).....	377
<i>Цветкова Т.В., Барнаул (Россия)</i> СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ И СРЕДСТВА ЕГО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (на материале немецкого и английского языков).....	379
<i>Цыбина Ю.Ю., Курск (Россия)</i> РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	381

<i>Чайкисова А.В., Иркутск (Россия)</i> ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ.....	383
<i>Чальи В.В., Краснодар (Россия)</i> МАНИПУЛЯТИВНЫЙ УРОВЕНЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА.....	385
<i>Чепель Ю.В., Курск (Россия)</i> ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ, ВАРИАТИВНОСТЬ, АЦЕНТРИЧНОСТЬ ПЕРСОНОСФЕРЫ ИНТЕРНЕТА.....	387
<i>Шатилович О.В., Тюмень (Россия)</i> К ВОПРОСУ О ПАРАКОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ...	389
<i>Шибкова О.С., Климовских Ю.А., Ставрополь (Россия)</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ.....	390
<i>Шишцына Г.М., Белгород (Россия)</i> О РАЗНОВИДНОСТЯХ СМЫСЛОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА.....	392
<i>Широколобова А.Г., Кемерово (Россия)</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ТЕРМИНОВ ДАМБОСТРОЕНИЯ.....	394
<i>Шишигина О.Ю., Кемерово (Россия)</i> НОМИНАТИВНАЯ ПЛОТНОСТЬ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА 'WOMAN', РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫХ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	396
<i>Шишкова В.А., Шелехов (Россия)</i> ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СТРАХА И СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ЕЕ КОНСТРУКЦИЙ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ.....	398
<i>Шнякина Н.Ю., Омск (Россия)</i> СИЛА И СЛАБОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА (на материале немецкого языка).....	399
<i>Шрайнер Н.В., Барнаул (Россия)</i> КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ПРОПРИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (на примере немецких топонимов Алтайского края).....	401
<i>Шустрова Е.В., Екатеринбург</i> ВЕДУЩИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДИСКУРСА ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ Б. ОБАМЫ.....	403
<i>Щурина Ю.В., Чита (Россия)</i> ДЕМОТИВАТОР КАК КОМИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	405
<i>Юлдашев Т.А., Омск (Россия)</i> ГЛАГОЛ-СКАЗУЕМОЕ КАК ЭКСПОНЕНТ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ.....	407
<i>Языкова Н.В., Москва (Россия)</i> ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ С ПОЗИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА.....	409
<i>Яковлева Э.Б., Самара (Россия)</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЦЕПТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ЭЛИМИНИРОВАННОГО ИЗ ДИСКУРСА С МУЛЬТИКОДОВЫМ ХАРАКТЕРОМ ПЕРЕДАЧИ.....	411

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗНАНИЯ И ЧУДЕСНОГО НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Процессы становления и развития знания, познавательных процессов лежат в одной из ключевых областей когнитивной лингвистики. Чаще всего знание выступает либо как концептосфера, к которой неприложима оценка, либо как объективная ценность, которую не в силах изменить ни его источник, ни его обладатель.

Для нашего исследования особый интерес представляет знание в наивной картине мира, отражением которой и являются пословицы и поговорки. Под наивной картиной мира понимается определённый способ восприятия и организации мира, нашедший отражение в основных концептах языка. Данные концепты «складываются в некую единую систему взглядов, своеобразную коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1995, с. 44]. Способ концептуализации действительности «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Они отражают опыт десятков поколений говорящих и способны быть надёжным проводником знания о мире.

Таким образом, в пословицах и поговорках, как и в любом жанре фольклора, находит отражение всё то, чем живёт, с чем сталкивается народ на протяжении веков: этнографические реалии, ландшафты, климат, животный мир, воспоминания об исторических событиях и личностях, отзвуки древнейших религиозных воззрений и картина современной организации общества.

Отражением такой картины мира, его составной частью и является концепт «чудо», оказывающийся связанным с сакральным (наивным) знанием.

В статье, посвященной древнегерманской мифопоэтической модели мира, Т.В. Топорова отмечает, что на основании древнеирландских источников можно реконструировать две разновидности сакрального знания, воплощённого в способности проникать в прошлое и предсказывать будущее, – его носителями явились поэты-жрецы (друиды и в дальнейшем филиды): знание как нечто услышанное и знание как нечто увиденное [Топорова, 2000, с. 35]. Как было установлено, первая концепция представлена в древнеирландских «риторических» текстах (*roscada*) начинающихся с формулы *co-cloith ni* «нечто было услышано»; она имеет параллель с древнеиндийской традицией «*struṭih*» - «*божественное вдохновение*» (букв. *услышанное*). Второй концепция реализуется в трактовке поэта-провидца, барда (ср., в частности, др.-ирл. *filí* – поэт и и.-е. * *fuel* – видеть). Таким образом, кельтское общество было представлено тремя основными группами: друиды, филиды и барды.

В.П. Калыгин и А.А. Королёв более подробно останавливаются на исследовании одного из сословий кельтов – филидов. Именно с их творчеством данные учёные связывают архаистическое направление, которое постепенно стало традиционным ирландским направлением. О происхождении филидов доподлинно практически ничего не известно. Вероятнее всего они составляли какую-то группу внутри коллектива друидов, но обладала ли эта группа более или менее определёнными функциями, остаётся неизвестным [Калыгин, Королёв, 1989, с. 113].

Важной особенностью поэтики филидов была установка на создание текста, обладающего магическими свойствами. Для построения такого текста существовали определённые правила и технические процедуры, которые в совокупности формировали характеристики, противопоставляющие «обработанный» (поэтический) язык, языку «необработанному», обыденному. Основной чертой поэтической техники филидов была чрезвычайная насыщенность текста различными повторами: аллитерация, консонансы, внутренняя рифма [Калыгин, Королёв, 1989, с. 114; Cana, 1989, с. 145].

Все основные функции филидов обусловлены тем, что филиды были носителями Знания, которое позволяло им постигать истину [Калыгин, Королёв, 1989, с. 115]. Знание позволяло филидам проникать в прошлое и предсказывать будущее с помощью шаманистических процедур.

Все анализу были подвергнуты 372 англоязычные ирландские пословицы, обнаруженные нами на сайте www.blot.ru.

Лексемы *mind, wisdom, wise* представлены в следующих пословицах:

1. *You'll never plow a field by turning it over in your **mind**.*
2. *Two things that go for loss-turf on a mountain and the **wisdom** of a poor man.*
3. *A closed mouth--a **wise** head*
4. *Everyone is **wise** till he speaks*
5. *Food is no more important than wisdom The beginning of **wisdom** is the fear of God*
6. *There's no **wise** man without a fault*
7. *He may die of wind but he'll never die of **wisdom***
8. ***Wisdom** is what makes a poor man a king, A weak person powerful, a good generation of a bad one, a foolish man reasonable.*
9. *Though **wisdom** is good in the beginning it is better at the end.*

На ассоциативном уровне удалось обнаружить, что мудрость, знание ассоциируются у ирландцев с:

1. терпением – 1. *Patience cures many an old complaint*; 2. *The one who waits the fine day, will get the fine day*; 3. *Patience and forbearance make a bishop of his reverence*; 4. *Patience can conquer destiny*; 5. *Patience is a plaster for all sores*; 6. *For what cannot be cured patience is best*; 7. *There is not a tree in heaven higher than the tree of patience*; 8. *Patience is a virtue that causes no shame*; 9. *Time and Patience would bring the snail to Jerusalem*.

Данные примеры говорят о том, что терпению ирландцы приписывают магические свойства, что также свидетельствует о пересечении семантических полей знания и чудесного.

2. миром, спокойствием – 1. *Nobody ever bought peace but the man who hadn't got it*; 2. *Peace (quietness) is worth buying*; 3. *The world's quiet and the pig is in the sty*; 4. *No matter who succeeds or fails, the peacemaker will always suffer*; 5. *To the fighting man peace is sure*; 6. *The end of a feast is better than the beginning of a fight*.

3. немногословностью, молчаливостью, например – 1. *A wise head keeps a shut mouth*; 2. *Everyone is wise till he speaks*.

На оценочном уровне мы можем привести следующие примеры высокой оценки мудрости ирландцами. Причём началом познания мудрости у ирландцев может считаться страх Господень:

1. *Food is no more important than wisdom. The beginning of wisdom is the fear of God*;

2. *He may die of wind but he'll never die of wisdom*;

3. *A little of anything isn't worth a pin; but a wee (urination) bit of sense is worth a lot*;

4. *Wisdom is what makes a poor man a king. A weak person powerful, a good generation of a bad one, a foolish man reasonable*.

Но всем с тем ирландцы понимают, что только лишь мудрость не может гарантировать полноты жизни:

1. *There's no wise man without a fault*;

2. *Though wisdom is good in the beginning it is better at the end*.

Кроме того, мудрость, совершенно справедливо на наш взгляд, считается привилегией старшего, более опытного поколения:

1. *Praise the young and they will make progress*

2. *Many a happy colt makes a fine horse*

3. *The young shed many skins*

4. *Youth likes to wander*

5. *The growth of the gosling*

6. *Youth cannot believe* (под глаголом *believe* подразумевается неготовность молодого поколения принимать на веру определённые интеллектуальные достижения предыдущего поколения, а также его стремление всё проверять на собственном опыте).

Таким образом, обратившись к анализу англоязычных ирландских пословиц и поговорок, нам удалось проследить взаимосвязь знания и чудесного. Становление магического (наивного) знания в ирландском обществе связывают с творчеством филидов. Кроме того, терпению, которое необходимо для овладения знаниями ирландцы приписывают магические свойства.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С.37-67.

2. Калыгин, В.П. Введение в кельтскую филологию [Текст] / В.П. Калыгин, А.А. Королёв. – М. : Наука, 1989. – 251 с.

3. Топорова, Т.В. О типах познания в древнегерманской мифопоэтической модели мира [Текст] / Т.В. Топорова // Вопросы языкознания. – 2000. – №2. – С.35-45.

4. Cana, P.M. Notes on the combination of prose and verse in early Irish narrative [Text] / P.M. Cana // Early Irish literature. Media and communication. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1989. – P.125-147.

Источник иллюстративного материала

Англоязычные ирландские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blot.ru>

janeeyre@bk.ru

Аверьянова Е.В., Тюмень(Россия)

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ФИГУРА ИСКУШЕНИЯ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ XVI-XVII вв.

Цель настоящей статьи – выявление языковых средств выражения архетипической фигуры искушения в церковнославянском языке. Материалом исследования послужили древнерусские жития XVI-XVII вв. Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые рассматривается вопрос о связи семиотической категории манипуляции с языком.

Мы исходим из следующего определения манипуляции, предложенного Парижской семиотической школой: «Манипулятор может осуществлять свое убеждающее действие, опираясь на модальность “мочь”: тогда в прагматическом измерении он предложит манипулируемому положительные объекты (культурные ценности) или отрицательные объекты (угрозы)...» [Greimas, Courtés, 1993, p. 221].

Искушение и запугивание рассматриваются в работе как манипулятивные фигуры. Понятие «фигура» ввел в лингвистику Луи Ельмслев. Он называл так либо единицы плана содержания, не имеющие плана выражения (например, метафора), либо единицы плана выражения, не имеющие плана содержания (фонемы). Таким образом, фигура по Ельмслеву не является знаком [Ельмслев, 1960]. Мы же под фигурой понимаем знак, имеющий как план содержания, так и план выражения, но при этом одному содержанию соответствует относительная регулярность выражений. Представляется, что в основе манипулятивных фигур (дискурсивных образований) лежат архетипы (ментальные образования).

Понятие «архетип» после длительного перерыва ввел К.Г. Юнг вслед за Платоном. Он обозначал им формальный прообраз психических представлений [Юнг, 1996; Юнг, 2007а; Юнг, 2007б]. Ю.А. Шрейдер обращает внимание на важное различие двух научных понятий “тип”. Первое определяется как наиболее характерное единичное явление, с наибольшей полнотой выражающее сущность; второе – как прообраз, основная форма, допускающая отклонения (архетип) [Шрейдер, 1981, с. 1]. Архетип позволяет представить объекты путем описания, эксплицитно указывающего на общее и особенное объектов данного типа. По мнению Ю.А. Шрейдера, если архетип невозможно предъявить через один типичный образец, его воплощающий, как обстоит дело с нашим материалом, его приходится рассматривать как образ (гештальт), заданный многообразием типических образцов (типическим многообразием) [там же: 2]. Часть описания архетипа, допускающая нормативную интерпретацию без обращения к другим частям того же описания, называется описанием мерона или *мероном* описания [Майен, Шрейдер, 1976]. Предполагается, что архетип состоит из меронов, описания которых необходимо входят в описание архетипа [там же].

Нами было установлено, что в религиозном дискурсе преобладают манипулятивные фигуры искушения и запугивания: на материале из 250000 знаков древнерусского текста было обнаружено 320 манипуляций. Из них 201 пример (62,8%) являются искушениями, 93 примера (29%) – запугиваниями.

Очевидно, что в случае искушения речь идет о предложении двустороннего контракта. Первая часть контракта содержит требование к манипулируемому (адресату) и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит обязательство манипулятора (адресанта) и также является мероном описания. Искушение имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов.

Представляется, что языковая архетипическая структура может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): “Если ты (вы, он(-и)) сделаешь (сделаете, -ет(ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем),-ет(-ют)) для тебя (вас, него, них) что-либо или ты(вы, он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо”.

Рассмотрим языковые реализации, близкие к архетипу.

Условное придаточное (протасис) содержит глагол в будущем времени. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется глагол в будущем или в настоящем времени (45 искушений, или 20,5%):

«Аще не пиеш зелиа, скоро исцѣлѣши...» “Если не будешь пить лекарства, – быстро (Жития Святых в четырех книгах. 1. С. 465). поправишься...”

Архетип допускает вариации: первый мерон (требование к манипулируемому) может содержать глагол в повелительном наклонении, при этом во втором мероне (обязательстве манипулятора) употребляется будущее время: “Сделай(-те) (пусть он(-и) сделает(-ют)) что-либо, я(мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) для тебя (вас, него(них)) что-либо или ты(вы) (он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо” (88 искушений, или 40%):

...и҃ѣ҃г҃уменѣ въ велицѣи скорби бывшѣ,
нависа ноцѣю во снѣ Савва блаженный глаголаѣ
емѣ: что скорбиши братѣ, иди и глаголи со
дерзновенѣмѣ, не оусѣмнѣвадса, и Господь
вѣдетъ съ тобою помогаѣи ти (Жития Святых в
четырёх книгах. 2. С. 47).

...когда игумен был в большой скорби,
ночью во сне ему явился блаженный Савва,
говоря ему: «Что скорбишь, брат, иди и говори
смело, не сомневаясь, и Господь будет с тобою,
помогая тебе».

Таким образом, мы выявили структуру архетипа искушения в церковнославянском языке. Языковая архетипическая структура искушения может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): “Если ты (вы, он(-и)) сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) для тебя (вас, него, них) что-либо или ты(вы, он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо”.

Библиографический список

1. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – Вып. 1. – С. 264-389.

2. Майен, С.В. Методологические аспекты теории классификации / С.В. Майен, Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1976. - №12. – С. 69-79.
3. Шрейдер, Ю.А. Типология как основа классификации / Ю.А. Шрейдер // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1981. - № 11. – С. 1-5.
4. Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Перевод с англ. [Текст] / К.Г. Юнг. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.
5. Юнг, К.Г. Об архетипе, в особенности о понятии «Анима» / К.Г. Юнг // Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. Пер. с нем. Т.А. Ребеко. – М. : Академический Проект, 2007. – С. 24-43.
6. Юнг, К.Г. Психологические аспекты архетипа матери / К.Г. Юнг // К.Г. Юнг Структура психики и архетипы. Пер. с нем. Т.А. Ребеко. М. : Академический Проект, 2007. – С. 44-79.
7. Greimas, A.J. Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage [Text] / A.J. Greimas, J. Courtés. – P. : Hachette Supérieur, (1979)1993.

Источник иллюстративного материала

Димитрий Ростовский. Жития Святых в четырех книгах [Электронный ресурс] / Аксион эстин. – СПб., 2009. – 1 CD-ROM. – Святоотеческое наследие. Вып. 2. Святитель Димитрий Ростовский (1651-1709).

septurion@ Rambler.ru

Адлер Е.В., Барнаул (Россия)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НЕТИПИЧНОЙ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ ОБЪЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвистические исследования последних лет обращаются к способам репрезентации концептуального анализа, в частности концептуализации пространства в языке. Пространственные отношения в языковой картине мира представляют собой широкое поле для самых смелых экспериментов и гипотез лингвистов. Одной из частных проблем является вопрос о том, какое знание о форме объектов получает актуализацию в языке.

В языках, как известно, в виде языковой картины мира представлено то знание об окружающем мире, которое в данной культуре было получено в результате процесса познания. Знания о формах объектов или о том, какие признаки формы воспринимаются органами чувств, включают такие признаки, как типичные общие виды формы (например, геометрических тел и фигур: *круг, куб, овал* и другие), так и специфические формы (*куполообразный, стреловидный*), однако, формы предметов и тел окружающего мира бесконечно разнообразны (например, форма кленового листа и т.п.). В языковых же номинациях отображаются, скорее всего, лишь те виды признаков формы, которые стали существенными для носителей данной культуры.

Наименования форм в современном английском языке содержат концептуальные признаки, отражающие восприятие человеком окружающего мира, которые и составляют основу лексического значения данных единиц.

Поскольку значение представляет собой определенное отражение действительности, закрепленное языковым знаком, то оно открывается в предмете или явлении, в системе объективных связей, взаимодействия предмета с другими предметами, и приобретая устойчивость, входит в содержание общественного сознания [Леонтьев, 1972, с. 288-289]. В значениях зафиксирована обработанная сознанием и языком форма отображения предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых общественной практикой [Красных, 2003, с. 34; Леонтьев, 1975, с. 140-141].

По отношению к концепту значение выступает как его часть, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно-релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта. Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга: компоненты лексического значения слова выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова, его структура сложнее и многограннее, чем значение слова [Пименова, 2004, с. 7].

Концепты возникают в процессе структурирования информации как об объективном положении дел в мире, так и о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах и сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику, и позволяют хранить знания о мире в специфической ментальной форме – концептуальной системе – совокупности всех концептов, данных уму человека, их упорядоченном объединении. Многие разделяют сегодня точку зрения Р. Джекендоффа о том, что основными составляющими концептуальной системы являются концепты, близкие «семантическим частям речи» – концепты ОБЪЕКТА и его ЧАСТЕЙ, ДВИЖЕНИЯ, ДЕЙСТВИЯ, МЕСТА или ПРОСТРАНСТВА, ВРЕМЕНИ, ПРИЗНАКА, ФОРМЫ и т.п. [Jackendoff, 1992].

На основе указанных свойств концептов в частности и концептуальных систем в целом, объединяя сходные результаты познания в категории и виды значений, мы полагаем, что представление о форме объектов

в языковой картине мира далеко не тождественно реальной, объективной форме этих объектов в природе. В отличие от физико-геометрического пространства, в пространстве семиотическом и языковом форм гораздо меньше, чем тел в природе, и каждый объект действительности укладывается в отведенный для него топологический класс. Подобная категоризация возможна благодаря схематизации [Talmy, 1983] – процессу, который состоит в подчеркивании, выведении на первый план одних признаков объекта и игнорировании других его характеристик, менее важных для данной схемы. Таким образом, концепт формы неотделим от поля физических объектов [Гилярова, 2002].

Не вдаваясь в детали того, что собой представляют подобные идеализированные схемы форм, (когнитивная наука не пришла еще к единому мнению на этот счет), следует исходить из того, что это фигуры в обыденном понимании этого слова, то есть совокупности определенным образом расположенных точек, линий, поверхностей или тел. Для целей лингвистического исследования можно предположить, что это фигуры в геометрическом смысле, то есть части плоскости, ограниченные замкнутой линией, подобные примитивным детским рисункам, с которыми воспринимающий сопоставляет контуры видимого объекта, мысленно поворачивая и переворачивая его, если это необходимо. Такая схема составляет часть знаний об объектах определенной категории, ассоциируемых в уме говорящих с лексемой, эту категорию обозначающей.

Несмотря на то, что форма одного того же тела видится наблюдателю разной в каждый новый момент времени и с разных точек наблюдения, в человеческом сознании почти за каждым объектом закреплено представление о его постоянной форме.

Исследуя лексические номинации предметов, обладающих какой-либо геометрической формой, выявлены такие признаки формы физических объектов, как:

- 1) геометрический тип фигуры и/или внешнего вида тела (предмета): *oval, ellipse, pisiform, egg-shaped, heart-shaped, disk-shaped*;
- 2) характер поверхности: *smooth, sleek, even (road); rough, rugged, uneven*;
- 3) протяженность объекта: *long, oblong, prolate; short*;
- 4) наличие полости: *compact, blind; hollow*;
- 5) размер: *big, small, medium*;
- 6) гибкость, податливость при воздействии на предмет: *rigid, hard; soft*.

Информация о форме физических объектов в языке бывает как эксплицитной, так и имплицитной, и выражается разными способами, прямыми и косвенными.

В большинстве языков существуют лексические единицы, основное назначение которых – называть форму объекта, например, *circle, oval, square, cube, triangle, diamond, cone* и др., которые через признаки формы указывают на предмет, обладающий такой формой. Некоторые предметные имена имеют указание на форму в коннотативной зоне. Это, как правило, сочетание названия какой либо формы, на которую похож объект (*heart, icicle, wedge, arrow, egg* и пр.), и дополнительный компонент *-shaped* или *-form*. Такой вид словообразования распространен в качестве метода называния нестандартных форм каких-либо объектов.

В мире встречаются самые различные нестандартные формы, которые могли быть созданы либо природой, либо руками человека. В математике множества Мандельброта, во фракталах, определённых как множество точек на комплексной плоскости, внутри можно выделить бесконечное количество элементарных фигур, причём самая большая в центре представляет собой кардиоиду – плоскую линию, которая описывается фиксированной точкой окружности, катящейся по неподвижной окружности с таким же радиусом. В английском языке эта фигура звучит как *heart-shaped curve*. Эта фигура получила своё название из-за схожести своих очертаний со стилизованным изображением сердца. В данном случае описание фигуры строится путем ассоциативного восприятия изображения с сердцем и упоминание самого предмета и добавлением компонента *-shaped*, которое указывает на то, что предмет имеет определённую форму. Причём компонент *heart-* является эталоном формы. По схожей схеме строится и описание формы концепт-кара *Ё-мобиль*, представленного на автомобильном салоне в немецком Франкфурте в 2011 году. Так, журналисты, описывая форму автомобиля, называют ее как *wedge-shaped*. В данном случае форма автомобиля схожа с клином, а компонент *-shaped* как раз указывает на эту схожесть. Другие примеры: *egg-shaped, disk-shaped, bottle-shaped*. Компонент *-form* используется в словах типа *arciform, oviform, pisiform, cruciform, vermiform*.

Чтобы показать сходство предмета с формой клина в английском языке имеется иконический знак, в котором элемент “V” используется в качестве эталона формы: *V-shaped*, где буква *V* полностью повторяет форму клина.

По данной аналогии возникают прилагательные с первичным элементом – буквой, которая своим видом репрезентирует тип формы: *O-shaped woven dress* (женское платье из сплетенных друг с другом вязаных колец), *T-shaped crossroads, an L-shaped room, I-shaped, T-shaped, U-shaped*.

Эталоны формы не только выступают в сравнительных оборотах, но и нередко служат отправной точкой для образования переносных значений. Форма в этом случае является основой для метафорического переноса. Так существительное *submarine* (a long ship which can travel under water) развивает значение бутерброда, похожего по форме на подводную лодку (a large sandwich consisting of a long roll split lengthwise and filled with layers of meat, cheese, tomatoes, lettuce, and condiments, also called 'sub').

Таким образом, форма объекта, наряду с такими его свойствами, как размер и степень подвижности, играет важную роль в процессе вербализации информации, получаемой визуально. В данной статье мы продемонстрировали, каким образом в английском языке передаются нетипичные формы объектов. Проблема концептуализации формы является одним из вопросов в анализе концептуальных признаков формы объекта, которые могут быть выявлены в лексической системе английского языка.

Библиографический список

1. *Гилярова, К.А.* Языковая концептуализация формы физических объектов [Текст] / К.А. Гилярова // автореф. дисс. ... канд. филол. н. – М., 2002.
2. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных – М. : Гнозис, 2003.
3. *Леонтьев, А.А.* Общение как объект психолингвистического исследования [Текст] / А.А. Леонтьев // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С.106-123.
4. *Леонтьев, А.Н.* Проблемы развития психики [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1972.
5. *Пименова, М.В.* Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004.
6. *Jackendoff, R.* Languages of the mind: Essays on mental representation [Text] / R. Jackendoff. – Cambridge (Mass.), 1992.
7. *Talmy, L.* How language structures space [Text] / L. Talmy // Spatial orientation: Theory, research, and application. Plenum Press, NY 1983, 1983. – P. 225-282.

eugen.adler@hotmail.com

Акимова Н.Ф., Барнаул (Россия)

ОЦЕНОЧНАЯ КАРТИНА МИРА В ЛЕКСИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Оценочная картина мира того или иного языкового сообщества представляет собой совокупность его ценностных установок, отражаемых в выборе и формировании языковых средств. В данной работе речь идет о быстро развивающемся сленге молодежи, проживающей вокруг крупных городов в кварталах с большим количеством иммигрантов. Условия жизни порождают определенную специфику стиля общения внутри данного языкового коллектива: ему свойственна ярко выраженная грубовато-фамильярная окраска как своеобразное стремление к протесту и самовыражению. Все это, безусловно, находит отражение в оценочной деятельности носителей данного социолекта и, как следствие, в особенностях оценочной лексической и фразеологической номинации. В работе ставится задача выявить некоторые приоритеты языкового сознания данного социума, а также проследить механизм лексической реализации оценочных значений, соответствующих его мировидению.

Поскольку молодежный сленг входит составной частью в общий разговорно-сниженный лексический слой французского языка, для него характерно субъективное начало, что дает возможность говорящему выражать оценку именуемого предмета на денотативном и коннотативном уровнях.

Как и в языке вообще, оценка здесь находит свое выражение чаще по отношению к тому, что воспринимается отрицательно, что не соответствует норме, принятой данным языковым коллективом. Для оценочной деятельности в исследуемом социолекте характерна антропоцентричность: оценивается прежде всего человек, его качества, поведение, а также его действия, состояние и т.д.

Согласно классификации оценок, разработанной Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988], существуют общие оценки (хороший – плохой) и частные оценки. Общая оценка, как правило, гиперболична: лексическая единица обозначает не просто «хорошо» или «хороший», а «потрясающе(-ий)», «обалденно(-ый)» или, наоборот, «мерзко(-ий)», «отвратительно(-ый)». Для этого при выражении общей положительной оценки используются большей частью образные прилагательные: *mortel* (прямое знач. «смертельный»), *puissant* («мощный»), *fatal* («гибельный»), *décoiffant* («растрепывающий волосы»). Такая гиперболичность образа, будучи нарушением нормы и меры, ведет к интенсификации оценки. Для создания номинаций с общей отрицательной оценкой наблюдается предпочтительное использование некоторых образов, в частности, такого, как «гнилой, прогнивший», выраженного по-разному. Это, например, варианты прилагательного *pourri*. На их примере можно проиллюстрировать наиболее характерные для молодежного социолекта способы образования вариантов слов: верланнизацию (верлан), т.е. своеобразную метатезу – перестановку частей слова или выражения (*gironi*); псевдосуффиксацию, т.е. использование суффикса, не меняющего значение слова (*pourave*: суффикс *-ave*, использованный в данной номинации, заимствован из цыганского и может присоединяться к слову для образования любой части речи). Такие необычные формы делают номинации более экспрессивными, а поскольку экспрессивность есть усиление коммуникативного намерения говорящего [Мед, 2008, с. 28], то она может усиливать и эмоциональную оценочность языковой единицы. Другое прилагательное со значением

«гнилой» – *nase* – взято из классического аргю, оно также получило в молодежном социолекте метафорическое значение «отвратный».

Сами понятия, на которых строятся образы отрицательно-оценочных номинаций, показывают отношение к ним носителей данного социалекта. Такие образы нередко связаны с гомосексуалистами (*enlécu* от *enculé* «ублюдок») и с женщинами легкого поведения (*fil de tainp*=*fil de putain* “подонок, мразь”).

Как для разговорной речи вообще, для социолекта городских окраин характерны сокращенные формы номинаций. Сокращение двух слов, начинающихся одинаково, может привести к их омонимии, на которой строится оценочный каламбур: капризный человек (*dèg* от *dégoûté*) оценивается одновременно и как омерзительный (*dèg* от *dégueulasse*).

Ввиду того, что этот социум состоит из представителей разных этнических групп, значительная часть его оценочного лексикона заимствована из их родных языков, например, *choucard* «очень хороший, крутой» – из цыганского; *roloto* «ничтожный» – из арабского.

Наиболее характерными для исследуемого социолекта ч а с т н ы м и оценками являются гендерная, интеллектуальная, а также сублимированные оценки (этическая и эстетическая).

Ч а с т н ы е оценки носят чаще всего характер коннотативного компонента значения номинации.

Гендерной оценке обычно подвергаются женщины. Гиперболические обозначения красивой девушки основаны на метафорическом образе, связанном с оружием, производящим взрывы: *canon* («пушка»), *bombax* и *beubon* (деформированные варианты слова *bombe*) и даже *mururoa* (атолл Муруроа – место ядерных испытаний).

Молодежный жаргон остается верным традициям французского аргю, где слова одной лексико-семантической группы переосмысливаются аналогичным образом для создания целой серии синонимов. Так, для отрицательно-оценочного обозначения женщины здесь используют названия разных грызунов: *souris* («мышь»), *taure* («крот»), *rat(e)* («крыса»). Также слова, относящиеся к одной серии синонимов (обозначающие в данном случае женщину легкого поведения), могут переосмысливаться путем расширения своего значения для образования другой серии синонимов со значением просто «девка, баба»: *radasse*, *lopsa*, *lops* (от *salope*), *taspé*, *taspèche* (верлан от *pétasse*) с сильной пейоративной коннотацией.

В данном социолекте принимают на себя отрицательно-оценочную функцию некоторые суффиксы (-*oche*, -*os*, -*ote*), которые в других сниженных слоях выполняют роль лишь псевдосуффикса и не привносят в слово дополнительной информации. Причем суффиксы могут конкурировать между собой в разных регионах. Например, для выражения негативного отношения к женщине, отличающейся снобизмом, в окрестностях Марселя пользуются ироничным словом *damoche*, а в пригородах других городов – словом *damote*. Среди традиционных субъективно-оценочных суффиксов встречаются -*ouille*, -*asse* и др.

Красота мужского лица не находит широкого отражения в социолекте городских окраин. Зато есть целая серия синонимов для положительно-оценочного обозначения мужчины физически сильного, крепкого, коренастого: *stauco* (от *costaud*); *lèz* – сокращение от просторечного *balèze* (такое сокращение путем афферезиса делает номинацию более экспрессивной), *rocheux* «сильный, здоровенный» (прямое знач. «скалистый»).

Тот факт, что степень интенсивности оценки зависит во многом от того образа, на котором строится метафорическая номинация, становится очевидным на примере **этической** оценки, выраженной лексическими единицами со значением «врун, лжец». В исследуемом молодежном сленге такой человек – всего лишь безобидный музыкант, который играет на флейте (*raconte de la flûte*, *flûteur*) или на дудке (*pipauteur*), что позволяет предположить, что ложь не является большим пороком в данном социуме.

Что касается профессий, следует отметить, что большое количество отрицательно-оценочных номинаций относится к профессии полицейского, и это вполне понятно, принимая во внимание высокую криминогенность кварталов, где проживает описываемое языковое сообщество. Чаще всего такие номинации представляют собой зоосемические метафоры: *coy* (от *coyotte* «койот»), *neufouï* (от *fouin* «куница»), и др.

Есть род деятельности, который обычно осуждается обществом – это всякого рода незаконная торговля, в том числе наркотиками, подпольная трудовая деятельность и т.д. Но в молодежном сленге все номинации таких понятий носят вполне благопристойный характер, чаще всего они представляют собой различные деформации слова *business*: *nesbi*, *ness*, *biz*, а также слово *négoce* «коммерция». Очевидно, что такие номинации выполняют не столько оценочную, сколько эвфемистическую функцию и не клеймят позором деятельность, приносящую доход за неимением других источников.

Эстетическая оценка касается преимущественно стиля одежды: *avoir du leust* = *avoir du style*. Важно не выглядеть *ringard* (старомодным) или *sapé comme un sonac* (плохо одетым). Отрицательную оценку может создать, как видим, уничижительный суффикс -*ard* и компаративный оборот.

Большинство номинаций отрицательной **интеллектуальной** оценки обозначают здесь не слабоумного человека, а человека со странным поведением, «чокнутого, сумасшедшего». Основным способом моделирования такой оценки является метафора: *déjané* (прямое знач. «вышедший из обода»), *cramé* («обожженный»), *chtarbé* («ударившийся»). Интеллектуальная отрицательная оценка в некоторых случаях достигает уровня инвективности, когда оценочные слова переходят в категорию бранных: *onc* (от *con*); *bouffon*, *fonbou* «дурак, кретин» (прямое знач. «идиот»).

Таким образом, на основе лексического материала, отобранного из словарей молодежного жаргона, преимущественно из словаря Ж.-П. Гудайе [Goudaillier 1997], в количестве 257 единиц, удалось проследить механизмы реализации в лексике различных категорий оценок, формирующих оценочную картину мира, присущую данному языковому коллективу. К таким механизмам относятся, в частности: гиперболические метафоры, отрицательно воспринимаемые образы, экспрессивность за счет необычности формы, каламбур, субъективно-оценочные суффиксы, компаративные обороты. Исследование позволило выявить также некоторую специфику в характере оценки (положительной или отрицательной), связанную с условиями жизни и составом данного социума.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988.
2. Мед, Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи) : Автореф. дис. ...докт. филол. наук [Текст] / Н.Г. Мед. – СПб., 2008.
3. Goudaillier, J.-P. Comment tu tchatches? [Text] / J.-P. Goudaillier. – P. : Maisonneuve et Larose, 1997.

nfakimova@mail.ru

Анохина М.А., Барнаул (Россия)

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ МИМИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексико-семантическая группа английских глаголов мимических действий представлена разнообразными по семантике единицами. В качестве дифференцирующей семы глаголов данной ЛСГ может выступать смех (*cackle, giggle, guffaw, titter* и т.д.), улыбка (*beam, fleer, smirk, sneer* и т.д.), гримаса (*blink, frown, pout, wink* и т.д.).

В когнитивную модель глаголов мимических действий включаются такие компоненты, как Субъект, Объект, Инструмент, Способ / Образ выполнения действия. Мимические действия передают как положительные эмоции Субъекта, так и отрицательные. Обратимся к примерам:

(1) *He beamed down at us from the terrace above, a great warm welcoming smile, full of confidence, like the man who keeps his friends because he uses the right deodorants* (G. Greene).

(to beam – I. to smile widely because you are very happy) (MED).

(2) *“And so modest, as well” Jane chortled, shaking her head* (C. Hart).

(to chortle – to laugh because you are amused or pleased about something) (LDCE).

В приведенных примерах семантика глаголов актуализирует компоненты Образ действия и Причина, присутствующие в когнитивной модели, и раскрывает радостное, веселое настроение Субъекта.

(3) *They all snickered and giggled* (CCELD).

(to snicker – If you snicker, you laugh quietly and disrespectfully, for example at smth rude or at someone’s misfortune) (CCELD); (to giggle – to laugh repeatedly in an uncontrolled and childish way, often at smth silly or smth that you know you should not be laughing at) (CIDE).

(4) *“Oh, do me a favour!” Maggie guffawed, shooting a demanding glance at Mack to elaborate on her behalf* (L. Taylor).

(to guffaw – to laugh loudly, esp. at smth stupid that someone has said or done) (CIDE).

(5) *He winced and she knew she had said the wrong thing* (M. Mitchell).

(to wince – to react to something with a sudden expression on your face that shows you are embarrassed or feel pain) (MED).

В подобных примерах компоненты Образ действия и Способ, инкорпорированные в когнитивной модели, находят актуализацию в семантике глаголов, передающих отношение Субъекта к услышанной информации, которая кажется для него глупой, неправильной или смешной.

(6) *Sophie pouted and kept walking* (D. Brown).

(to pout – to push your lips because you are annoyed or to look sexually attractive) (LDCE).

(7) *“You like art?” I asked and he smirked back at me like a fellow conspirator* (G. Greene).

(to smirk – If you smirk, you smile in an unpleasant and superior way, usually because you have gained an advantage over someone else or you smth that they do not know) (CCELD).

В данных примерах находят свою языковую репрезентацию компоненты Причина и Способ действия, указывающие на эмоциональное состояние Субъекта, который проявляет недовольство сложившейся ситуацией действия (pout) или выказывает самодовольство своей персоной (smirk).

(8) *The saint-like children glowered at him like an open furnace while Mother simpered* (G. Durrell).

(to simper – When someone simpers, they smile in a rather silly way) (CCELD).

(9) *In the silence that followed, the audience tittered nervously* (CIDE).

(to titter – to laugh quietly, especially because you are nervous or embarrassed) (MED).

Семантика глаголов *simper* и *titter* актуализирует компоненты Образ и Способ действия, присутствующие в когнитивной модели соответствующих глаголов, и отражает эмоциональное состояние Субъекта, которое внешне выражается глупой, притворной улыбкой (*simper*) и нервным, приглушенным хихиканьем (*titter*).

(10) *Dr Mortimer blinked through his glasses in wild astonishment* (A.C. Doyle).

(to blink – to close and then open (the eyes) quickly once or several times) (CIDE).

(11) “*Canst thou spit?*” *Agustin asked him and winked at Robert Jordan* (E. Hemingway).

(to wink – to close one eye briefly as a way of greeting someone or showing friendliness, affection, sexual attraction etc., or of showing that you are not serious about smth you have said) (CIDE).

В данных примерах компоненты когнитивной модели реализуются в семантике глаголов *blink* и *wink*, которые передают особенности мимических действий Субъекта, связанные с мышцами глаз.

Ряд глаголов мимических действий включают в свою структуру семантические компоненты звучания. Звуки могут выступать как следствие выражения эмоций (плач, сопение, смех, стон). Речевые звуки выступают в качестве элементов словесного сообщения, заключая в себе звуковые признаки, выражающие настроение говорящего и его отношение к собеседнику и содержанию того, о чем он говорит. Вслед за А.В. Бондарко, мы отмечаем особенность многих глаголов звучания отображать мультипликативный способ действия, который заключается в том, что «действие, представленное в процессе его протекания, является прерывистым, расчлененным, складывается из неопределенного множества отдельных однородных проявлений (глаголы типа *мигать*, *чмокать*)» [Бондарко, 2003, с. 142].

(12) *She looked at me for a moment and then she chuckled pleasantly* (G. Durrell).

(13) *He started chuckling like a madman* (J.D. Salinger).

(to chuckle – to laugh quietly, especially in a private or secret way) (MED).

В данных предложениях интегрированные компоненты Образ и Способ действия когнитивной модели реализуются в семантике глагола *chuckle*. Глагол *chuckle*, включаясь в разные контексты, может передавать поведение Субъекта, адекватное ситуации протекания действия, и неуместное.

Как показывают вышеописанные примеры, наиболее частотными компонентами когнитивной модели глаголов мимических действий выступают Способ и Образ действия.

Библиография

Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А.В. Бондарко. – М. : Едиториал УРСС, 2003.

Список источников иллюстративного материала

1. *Brown, D.* The Da Vinci Code [Text] / D. Brown. – London : Corgi Books, 2004.
2. CIDE – Cambridge International Dictionary of English [Text] / P. Procter (Ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
3. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary [Text] / J. Sinclair (Ed.). – London, Glasgow : The University of Birmingham, Collins Publishers, 1990.
4. *Doyle, A.C.* The Hound of the Baskervilles [Text] / A.C. Doyle. – Moscow : Jupiter-Inter, 2003.
5. *Durrell, G.* Marrying off Mother and Other Stories [Text] / G. Durrell. – L. : Fontana, 1992.
6. *Greene, G.* The Quiet American [Text] / G. Greene. – Moscow : The Higher School Publishing House, 1968.
7. *Hart, C.* Splendor [Text] / C. Hart. – N. Y. : Avon Books, 1993.
8. *Hemingway, E.* For Whom the Bell Tolls [Text] / E. Hemingway. – Moscow : Progress Publishers, 1981.
9. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. The Complete Guide to Written and Spoken English [Text] / A. Gadsby. (Ed. dir.). – L. : Longman Group Ltd, 1995.
10. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition [Text] / M. Rundell (Ed.). – Oxford : Macmillan Publishers Ltd, 2002.
11. *Mitchell, M.* Gone with the Wind [Text] / M. Mitchell. – N. Y. : Warner Books, 1993.
12. *Salinger, J.D.* The Catcher in the Rye [Text] / J.D. Salinger. – Moscow : Progress Publishers, 1968.
13. *Taylor, L.* Reading between the Lines [Text] / L. Taylor. – L. : Arrow Books, 1999.

marisha1980@mail.ru

Анохина Ю.М., Омск (Россия)

О КОННОТАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИИ

Национально-культурная коннотация – это исторически сложившийся и социально общепринятый в определенном языковом сообществе образно-символический и эмотивно-оценочный элемент семантики

фразеологизмов [Латыпов, 1989]. Исследователи выделяют фразеологически обусловленную коннотацию, когда образное значение получает свое значение во фразеологической единице и, как правило, не проявляется в свободном сочетании; фразеологически связанную коннотацию, т.е. совокупность ассоциативно-символических значений элементов устойчивых сравнений, являющихся компонентами фразеологических единиц других типов; неязыковую коннотацию, при которой компоненты фразеологической единицы еще до вхождения в ее состав имеют символическое значение, фольклорное, предметное, но не лингвистическое [Нагаева, 2003, с. 37-39]. При анализе устойчивых сравнений с точки зрения лингвострановедения, представляется возможным выделить некоторые черты французского менталитета, отраженные в данном разряде фразеологических единиц. Представляя собой род национально-культурной информации, эти черты могут быть выражены как в идиоматическом значении устойчивых сравнений, так и в значении их элементов. При рассмотрении коннотативной лексики в составе устойчивых сравнений необходимо разделять коннотативные элементы С, выраженные именами прилагательными и глаголами, и коннотативные элементы А и В, выраженные преимущественно именами существительными. Группа предметных символов в составе фразеологических единиц особенно велика, этим объясняется преобладание имен существительных среди символических компонентов фразеологизма [Степанова, 1987, с. 81].

Одним из важных аспектов изучения страноведения является французская национальная кухня. Здесь выделяют три группы: две фразеологические, со стержневым элементом С, а одну лингвокультурологическую, со стержневым элементом В. Ядро первой из групп с элементом С включает устойчивые сравнения *manger comme un bœuf / un fermier / un glouton / un Hospitalier / un loup / un maçon / un orge / un tigre* и т.д. В приведенных выражениях особенно подчеркивается негативное отношение к невоздержанной манере поглощения пищи, что дает основание выделить такую черту французского менталитета, как умеренность. Ядро второй из фразеологических групп со стержневым элементом С включает в себя устойчивые сравнения *boire comme un chantre / un fiancé / une éponge / une grenouille / un musicien / un pompier / un porc / un sonneur / un trou / un Suisse / un Templier* и т.д. Коннотативное значение элементов С объясняется коннотативным фоном, поскольку виноделие всегда было неотъемлемой частью экономики и самой цивилизации французов. Но Франции принадлежит печальный рекорд: первое место в мире по потреблению чистого алкоголя на душу населения. Реакция французов на пьяного в общественном месте – не сочувствие, а брезгливое презрение и негодование [Нагаева, 2003, с. 129].

Жизненно важным для французов является вопрос о том, как они выглядят. Хотя они и говорят, что «одежда не делает монаха», а все же встречают незнакомца именно «по одежке», автоматически зачисляя в ту или иную привычную категорию по внешним признакам. Тщеславие, желание нравиться, блистать и боязнь насмешки заставляет французов обращать повышенное внимание на свой и, конечно, чужой внешний вид: «*Le savoir s'habiller est une pièce maîtresse du savoir-vivre français. Sortir avec une femme qui sait s'habiller est un de ces plaisirs raffinés que d'autres peuples goûtent moins que les Français*» [Харитонова, 2000, с. 126]. В связи с этим выделяется следующая группа фразеологизмов: *habillé (fait, accouter) comme un fagot / un mannequin, habillé (mis, vêtu) comme un prince, vêtu comme un carnaval / un chiffonnier / un grand seigneur / un loup-garou / un moulin, fait comme un chien fou / un modèle / un torchon / un voleur / un Cendrillon, ficelé comme un saucisson / un sac* и т.д.

Не менее важной чертой французов является красноречие, которое описывает фразеологическая группа на основе глагола *parler*, причем манера говорения может оцениваться положительно: *parler comme père et mère / un livre / un oracle / un ange*; и отрицательно: *parler comme un moulin / un four débouché / un perroquet / un capucin / un pot cassé, parler français comme une vache espagnole*. Смежной с предыдущей является фразеологическая группа с глаголом *crier*, в центре которой выражения: *crier comme un cochon qu'on écorche / un aigle / un paon / un putois / un veau / un aveugle qui a perdu son baton / un diable / un brûlé / un fou* и т.д.

К доминирующим качествам французов относят также природную веселость, смешливость [Воробьев, 1997, с. 215]. Это объясняет выделение фразеологической группы, ядро которой составляют устойчивые сравнения *rire comme une baleine / un bossu / un coffre / un crevé / un fou / un gamin / une gosse / un enfant* и т.д. Природная французская веселость часто воспринимается как легкомыслие. Считается даже, что легкость является первым интеллектуальным даром французов [Воробьев, 1997, с. 213]. Таким образом, выделяется следующая группа фразеологизмов: *étourdi comme un hanneton, léger comme l'air / un bouchon / un liège / une bulle de savon / un serf / une plume / un duvet / un papillon / un oiseau / le vent / le zéphyre* и т.п. Общепризнано, что французам присущи не только легкомыслие и беспечность, но и живость, упомянутая еще великим Кантом, а также высокий темп речи, быстрота реакции и экспансивность, по сравнению с более сдержанными северными народами [Смирнов, 1988, с. 101]. Это отражено в следующих устойчивых сравнениях: *vif (agile) comme une anguille / un écureuil / un lézard / un lièvre / un oiseau / un papillon / la poudre / le salpêtre, agile (alerte, lesté) comme un cerf / un chamois / un chat / les doigts de fée, un panthère / un singe / un tigre, rapide comme un éclair / la foudre / une flèche / une pensée* и т.п.

Среди коннотативных элементов В устойчивых сравнений, отмечены, прежде всего, этнонимы – названия или самоназвания наций и народностей, за которыми на некоторой территории закреплена определенная коннотация, один из видов языковых стереотипов, жесткие языковые сочетания, за которыми можно предположить стабильные, даже устойчивые схемы мышления [Нагаева, 2003, с. 137]. Эта область является весьма деликатной в силу по большей части отрицательной окрашенности этнонимов. Как правило,

они передают благоприятное отношение к своей нации и являются критичными по отношению к другим, часто бывают произвольными и противоречивыми. Даже уроженцы различных провинций Франции пользуются в народе вполне определенной репутацией по части характера. Например, нормандец считается человеком осторожным, сдержанным, себе на уме. Об этом свидетельствуют и фразеологизмы: *madré /adroit comme un Normand (un prêtre normand), un fin Normand*. Гасконцы, напротив, считаются грубиянами, хвастунами и врунами: *agir en Gascon, fier comme un Gascon, faire la lessive de Gascon, une plaisanterie de Gascon*. Во фразеологизме *savant comme un Grec* слышится отголосок давней эпохи, когда греки были учителями римлян. Да и само выражение унаследовано из латыни. В контакт с турецкой нацией французы входили весьма не часто, лишь во время крестовых походов и войн 16, 18 и 19 веков, и каждый раз Франция поддерживала Турцию против христианских государств. Возможно, именно в силу таких союзнических отношений образ турка не получил отрицательной окраски во французском языке: *fort comme un Turc, fumer comme un Turc, tête de Turc*. Отметим также устойчивое сравнение, не несущее отрицательной характеристики по отношению к жителям Швейцарии, но доказывающее давность эпохи франко-швейцарских контактов, времен, когда вооружением служили алебарды: *cela est vrai comme les Suisses portent la hallebarde par-dessus l'épaule*. Однако, швейцарцы, охранявшие французских королей в давние времена, всегда держались особняком и без жалования служить не хотели, что и вызвало народную нелюбовь к ним. Этот факт нашел отражение и во фразеологии: *boire (manger) en Suisse, boire comme Suisse, faire Suisse, fumer comme un Suisse*. Стереотипное представление о пьяницах-поляках обязано своим возникновением вовсе не реальному их образу жизни, а всего лишь одной имевшей переносный смысл строчке Вольтера: «*Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre*». Однако французы, всегда недолголюбивавшие восточных славян и считавшие их варварами, восприняли ее буквально, отсюда и выражения: *boire comme un Polonais, ivre comme un Polonais*.

Одним из проявлений традиционализма французов является их приверженность католицизму. Но со времен Просветителей влияние церкви стало ослабевать, что вызвало даже иронию по отношению к религии и ее институтам. Это находит отражение в соответствующей фразеологической группе: *gris comme un Cordelier, manger comme un Hospitalier, bouffer comme un pape, souïl comme un Templier* и т.д.

Итак, рассмотрение устойчивых сравнений с точки зрения лингвострановедения позволяет выделить следующие черты французского менталитета, отраженные во фразеологии: гурманство и в то же время умеренность, хороший вкус, красноречие, веселость и легкость характера, франкоцентризм, а также гордость своей малой родиной, традиционализм с одной стороны и вольнодумство с другой.

Библиографический список

1. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. Теория и методы [Текст] / В.В. Воробьев. – М., 1997.
2. Латыпов, Л.Н. Лингвострановедческий аспект фразеологических единиц (на материале фразеологизмов русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Л.Н. Латыпов. – Л., 1989.
3. Нагаева, К.Э. Национально-культурный компонент значения французских устойчивых сравнений: автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / К.Э. Нагаева. – М., 2003.
4. Смирнов, В.П. Франция: страна, люди, традиции [Текст] / В.П. Смирнов. – М., 1988.
5. Степанова, И.С. Английские фразеологические единицы с флористическим компонентом: автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / И.С. Степанова. – Киев, 1987.
6. Харитонова, И.В. Франция как она есть [Текст] / И.В. Харитонова, И.С. Самохина – М., 2000.

lett.youlia@mail.ru

Баах Ю.В., Омск (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯДЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА 'BILD' В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Основным языковым средством выражения концепта, по мнению многих исследователей, является номинант концепта, в нашем случае – это лексема *Bild* (картина, образ). Феномен, обозначаемый лексемой *Bild*, является гетерогенным; языковые единицы, в состав которых входит компонент “Bild”, эксплицируют различные значения: *Weltbilder, Menschenbilder, Leit- oder Idealbilder, Spiegelbilder, Sprachbilder, mentale Bilder*. Сложные взаимосвязи, играющие центральную роль при использовании и интерпретации картин (образов), рассматриваются во многих дисциплинах. Картины (образы) являются предметом исследования в психологии, нейробиологии, когнитивной науке, семиотике, истории искусств, философии, информатике и др. Лингвистика же рассматривает все значения слова *Bild*, которые соотносятся с объектами других наук.

Обращение к современным философским и психологическим исследованиям категории «образа» [Веккер, 1998; Гостев, 1984; Завалова, 1986; Леонтьев, 1983; Ломов, 1984; Рубинштейн, 2000; Metzler, 1999], а также проведенный анализ толковых и синонимических словарей немецкого языка [Duden, 1996; Wahrig DW, 2006; Wahrig SW, 2006] позволили выявить следующие ключевые признаки в структуре немецкого концепта «Bild»:

- материальный объект, чаще созданный искусственно;
- внутренняя или ментальная картина, образ.

Анализ текстовых извлечений из немецкой художественной литературы и публицистики с объективациями концепта – его центральным номинантом – лексемой *Bild* и ее синонимами позволил обнаружить ряд дополнительных признаков исследуемого концепта.

Так, картина как материальный объект может обладать следующими признаками:

- нечто изображенное, воспроизведенное (*Dargestelltes, Wiedergegebenes, Abbildung*): *In Dantes "Inferno" schmort Mohammed für seine Sünden in der Hölle. Das ist in der Kathedrale von Bologna in einem lebendigen Bild aus dem 15. Jahrhundert dargestellt, schlimmer als die dänischen Karikaturen [UL].*

- 1) картина как произведение искусства (*Gemälde*): *"Sie haben einen guten Geschmack", lobte Ferdinand, „das Bild ist ein Porträt der Prinzessin Borghese“. [Remarque, 1964, S. 174];*

- 2) рисунок, изображение чего-либо на бумаге (*Zeichnung*): *Es ist eine richtige Kunst schöne Bilder in Büchern zeichnen zu können [UL];*

- нечто, воспринимаемое зрительно: *Sie haben meine Bilder gesehen – das sind doch Bilder! [Remarque, 1979, S. 546];*

- картина как элемент декора: *Über dem Bett hingen viele kleine Bilder und Zettel. [Schlink, 1995, S. 194];*

- 3) изображение, зафиксированное на пленке, снимок (*Fotografie, Aufnahme*): *So hatte er nur ein Bild von der Hochzeit und ein paar kleine Momentaufnahmen von ihr. [Remarque, 1964, c. 172];*

- 4) изображение, воспроизводимое на телеэкране (*Fernsehbild*): *Schön anzuschauen: Flachbild-Fernseher mit HDTV-Standard sehen nicht nur gut aus, sondern liefern auch ein scharfes Bild [UL].*

Если рассматривать соотношение концепта 'Bild' с «внутренней картиной, образом», то необходимо различать в соответствии с уровнями психического отражения образы сенсорные, перцептивные, мыслительные и т.д. К проблеме психического отражения и его форм обращаются психологи Веккер Л.М., Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Леонтьев А.Н. и др. Данные ученые относят сенсорно-перцептивный уровень к базовым в системе образного отражения [Завалова, 1986, с. 8].

Признак «сенсорно-перцептивный образ» в структуре исследуемого концепта может эксплицироваться в немецком языке как самой лексемой *Bild*, так и синонимичными ей языковыми единицами *Anblick* (*etw., was sich dem Auge darbietet*) и *Ansicht* (*Bild, Abbildung*) [Duden, 1996; Wahrig DW, 2006]:

Fußgänger sprangen beiseite, erschreckt durch den ungewohnten Anblick, Pferde scheuten, ein Schlitten rutschte ab, der Wagen jagte die Kehren zum Sanatorium hinauf und hielt vor dem Portal. [Remarque, 1964, S. 506]

Marek Harloff als zarter Junge mit großer Gitarre im Arm auf einem noch größeren Sessel kauend, bietet ein herzerreißendes Bild der Sehnsucht. [UL]

В данных контекстах воплощен «первичный образ»: продукт зрительного восприятия, а также четко представлены выделяемые наблюдателем фрагменты окружающей действительности.

Следующий уровень отражения в психологии — это уровень представлений. Если ощущение и восприятие какого-либо предмета или его свойства возникают только при его непосредственном воздействии на орган чувств, то представление возникает без такого непосредственного воздействия. В этом смысле оно является вторичным образом предмета [Завалова, 1986, с. 8].

В соответствии с представленными в психологии видами образов и на основе лексикографического анализа представляется возможным выделить в немецком языке лексические единицы, объективирующие признак «вторичный образ», отраженный в немецком концепте 'Bild'. Гипотетическая структура концепта включает:

образы-представления

- представление (*Vorstellung, Gedanke*): *In wirrem Durcheinander summen mir die Gedanken im Schädel – ich höre die warnende Stimme meiner Mutter, ich sehe die Russen mit den wehenden Bärten am Gitter lehnen, ich habe die helle, wunderbare Vorstellung einer Kantine mit Sesseln, eines Kinos in Valenciennes... [Remarque, 1971, S. 153]*

образы памяти

- воспоминание (*Erinnerung*): *Schon das Rauschen von Wasser könnte die Erinnerung an die Flutwelle auslösen [UL].*

- впечатление (*Eindruck*): *Doch habe ich von seiner Persönlichkeit einen starken und sympathischen Eindruck behalten [Hesse, 1974, S. 2].*

образы воображения

- сновидение (*Traum, Traumbild*): *Nicht nur nachts im Traum, sondern auch tagsüber drängen sich diese Bilder auf [UL].*

- мечты, грезы (*Traum, Traumbild, Vision*): *Das Wort Vision kann ebenso gut einen Zukunftsentwurf wie ein unwirkliches Traumbild bezeichnen [UL].*

- фантазия (*Einbildung, Fantasie*): *... ich sehe quälend, scheußlich in meiner Einbildung eine graue gefühllose Gewehrmündung, die lauend lautlos mitgeht, wie ich auch den Kopf zu wenden versuche... [Remarque, 1971, S. 153].*

• фальшивое представление о действительности, иллюзия, фикция (*Illusion, Trugbild, Fiktion, Chimäre, Halluzination*): *Die Fotos haben auf der Insel die Illusion zerstört, dass die Briten die Gentlemen unter den Besatzern am Golf seien [UL]*.

образы мышления

• понятие (*Begriff*): *Außerdem war er in kleinbürgerlicher Erziehung aufgewachsen und hatte von dorther eine Menge von Begriffen und Schablonen beibehalten [Hesse, 1986, S. 43]*.

• взгляд, воззрение (*Anschauung*): *Das erste Trommelfeuer zeigte uns unseren Irrtum, und unter ihm stürzte die Weltanschauung zusammen, die sie uns gelehrt hatten [Remarque, 1971, S. 11]*.

• осознание, знание, выводы (*Einsicht, Einblick, Überblick, Übersicht, Kenntnis, Wissen*): *Mit dem Begriff der Autorität, dessen Träger sie waren, verband sich in unseren Gedanken größere Einsicht und menschlicheres Wissen [Remarque, 1971, S. 11]*.

Исходя из изложенного, можно заключить, что немецкий язык располагает многообразием лексем, объективирующих ключевые признаки концепта 'Bild', каждая лексическая единица занимает определенную «семантическую нишу» в немецкой языковой картине мира и способствует раскрытию содержания изучаемого концепта.

Библиографический список

1. Веккер, Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов [Текст] / Л.М. Веккер. – М. : Смысл, 1998.
2. Гостев, А.А. Актуальные проблемы изучения образного мышления [Текст] / А.А. Гостев // Вопросы психологии. – 1984. – №1. – С.114-119.
3. Завалова, Н.Д. Образ в системе психической регуляции деятельности [Текст] / Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко. – М. : Наука, 1986.
4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. В 2 т.– М. : Педагогика, 1983. – Т.2. – С.94-102.
5. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст] / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. A-Z [Electronic resource] / Duden. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1996. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Leipzig – Wortschatz [Electronic resource] / Wortschatz Deutsch. – Access mode : <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> [UL]
9. Metzler Philosophie Lexikon. Begriffe und Definitionen 2., erw. und aktualisierte Aufl. [Text] / P. Prechtl, F.-P. Burkard. – Stuttgart, 1999.
10. Wahrig Deutsches Wörterbuch [Electronic resource]. – München : Gütersloh, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). [DW]
11. Wahrig Synonymwörterbuch [Electronic resource]. – München : Gütersloh, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). [SW]

Список источников иллюстративного материала

1. Hesse, H. Der Steppenwolf [Text] / H. Hesse. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1974.
2. Remarque, E.M. Drei Kameraden [Text] / E.M. Remarque. – Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1964.
3. Remarque, E.M. Im Westen nichts Neues [Text] / E.M. Remarque. – Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1971.
4. Remarque, E.M. Arc de Triomphe [Text] / E.M. Remarque. – Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1979.
5. Schlink, B. Der Vorleser [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1995.

julbaach@rambler.ru

Бабенко М.Г., Барнаул (Россия)

КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПАРЕНТЕЗЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

Художественный текст прагматически определен, так как его производит человек, который не только организует материал языка для передачи соответствующего содержания, т.е. не только вкладывает в него синтаксическое и семантическое содержание, но и выражает свое отношение к высказываемому. Прагматическая направленность текста определяет выбор средств языка для наилучшего воздействия на читателя. Данный выбор связан с понятием прагматического фокуса высказывания, критерием для которого являются успешность и эффективность коммуникации. В случае, когда высказывание выражается независимым предложением, оно попадает в особенно сильный фокус. Parenthesis, будучи маркированной как

самостоятельное высказывание, и тем самым, фокусируя на себе внимание, позволяет вмешиваться в переработку сказанного в предложении-носителе, для того, чтобы выразить то, что по-другому выразить невозможно, т.е. знание, передаваемое парентезой должно перерабатываться именно в данном и никаком другом месте высказывания [Hoffmann, 1998, S. 310].

Парентеза является определенным лингвокогнитивным отрезком, выступающим в дискурсивной цепи текста и имеющим четкую структурно-пунктуационную фиксацию. Главную роль при распределении ролей блока «modus - dictum» играет языковая личность говорящего (автора текста), регулирующая распределение метатекстовой нагрузки.

Текстовый блок, или фрагмент, именуемый парентетическим, осуществляет в тексте основного высказывания весьма разнообразные и сложные функции, непосредственно участвуя в создании многомерного дискурсивного пространства на всех уровнях, и прежде всего на лингвистическом и когнитивном. При этом задействуется и этносоциальный момент, связанный с национально-культурными традициями языка, отражающимися в речевом поведении его носителя [Байчорова, Витковская, 2009, с.61].

Основным направлением логического развертывания мысли в пределах текстовых блоков с парентетическими конструкциями является выведение нового знания на основе либо общественного знания, либо выработанных ранее ассоциаций. В силу этого композиционно-структурная значимость парентезы в рамках текстовых блоков любого ранга должна учитываться на уровне как смысловой структуры, так и грамматической – в семантике парентетических конструкций и в порядке следования частей блока.

Характер знания, которое несут парентетические конструкции, а значит, и их когнитивное функционирование определяются:

- 1) степенью сложности информации;
- 2) способом и типом модальной оценки;
- 3) характером авторского комментария.

Н.А. Пескова выделяет следующие виды парентетических конструкций:

- 1) вводно-модальные слова и сочетания как фреймы-ассоциации;
- 2) вводно-модальные «метакомментаторы» как фреймы-образы;
- 3) вставные слова и сочетания как информационные фреймы, включающие слоты (терминалы с информацией);
- 4) вставные квазипредложения и тексты как скрипты (сценарии – динамические цепочки слотов с начальной и конечной стадией);
- 5) вводно-вставные конструкции переходного типа (контаминированные) как сложные фреймовые структуры [Пескова, 2002, с.137].

В рамках художественного произведения предложение рассматривается не только как структурная единица, но и конструкция, посредством которой реализуется содержание-намерение в контексте. Содержание-намерение реализуется при наличии определенных компонентов, в числе которых знание ситуативного контекста, общее для автора и читателя ситуативное поле. Парентетические конструкции имеют не только семантическое значение, но и играют важную роль в создании лингвопоэтической картины художественного произведения. Метазначение, которое выводится из сочетания знаний, часто вытекает не из семантической нагрузки, задача читателя – увидеть, понять, расшифровать сказанное, при этом особый интерес представляет функциональная перспектива высказывания. Автор не может гарантировать однозначного распознавания высказывания читателем.

Парентеза является частью когнитивной деятельности человека, как своеобразное средство передачи мысли. Человеческая мысль не всегда развивается линейно, и это часто отражается в построении дискурса, в использовании предикативных средств и парентетических внесений. Такого рода внесения не только служат отправителю текста средством соотнесения тех или иных событий, выражения своего понимания данных взаимодействий, но и дают ему возможность в известном смысле повлиять на получателя текста.

Специфика языка художественного произведения заключается в индивидуальности языка и слога каждого писателя. Состав привлекаемых автором речевых средств и способы их употребления определяются целой совокупностью факторов: мировоззрением писателя, своеобразием творческого метода писателя, выражением его творческой индивидуальности.

В любом произведении в прямом выражении или опосредованно слышен голос автора. Основываясь на фактах объективной реальности и сочетая их с элементами вымысла, автор дает свою интерпретацию и представляет информацию исходя из своего видения. Обработанная информация вновь преломляется через сознание автора. Автор выражает свое мнение, тем самым подавая информацию субъективно. Парентетические конструкции как индикаторы авторской позиции придают информации дополнительную субъективность [Макурова, 2006]:

(1) „*Ich bin gespannt, Birgit! Hast du ihm lange nachgetrauert – deinem H.P.? – Hast du seinetwegen nicht wieder geheiratet*“ [Brückner, 1991, S. 25].

В данном примере парентеза является индикатором авторского отношения к персонажу произведения, говорящий выражает свое негативное отношение к герою, используя лишь инициалы, а не его полное имя.

Тексту художественной литературы изначально присуща экспрессивность. При создании воображаемого мира писатель не может быть безразличным к нему. Здесь все формы отражения действительности проходят через фильтр авторского замысла, и автор всегда прямо или косвенно выражает свое отношение к изображаемому. Парентетические вношения являются одним из возможных средств, используемых для решения этой задачи. Они служат автору не только средством соотнесения тех или иных событий, выражения своего понимания данных взаимосвязей, но и одновременно дают ему возможность в известном смысле «навязать» это понимание читателю, т.е. их функционирование в тексте отличается прагматической направленностью.

Парентеза позволяет достичь экспрессивности контекста при минимальном использовании языковых средств. Уместное использование этих синтаксических конструкций является одним из показателей мастерства автора. При выражении эмоциональности высказывания предпочтению отдается усеченным парентетическим конструкциям, эллиптическим предложениям, одному слову, имеющим особую воздействующую силу:

(2) «*Bubrow. Ich gehe mit ihm essen. Türkisch. Ende der Woche – spätestens – lege ich ihn dir auf die Matte, wenn er der ist, den ich vermute*» [Konsalik, 1991, S. 157].

Экспрессивный оттенок парентетической конструкции усиливается, если данное образование выражено на иностранном языке:

(3) „*Ja, in der Tat, wie eine Gans – a real goose! – habe ich mich benommen*“, *sagte sie halblaut* [Kellermann, 1972, S. 145].

Парентезы, являясь одним из средств достижения экспрессивности текста, выполняют и другие важные функции, создавая многоплановость повествования и выполняя компрессию информации. С помощью парентезы автор может избежать продолжительных отклонений от основной линии повествования, необходимости использования дополнительных предложений и даже целых абзацев.

Таким образом, использование в художественных текстах парентетических вношений позволяет не только передать определенную модальность высказывания: умелое манипулирование парентезами позволяет создать общее эмоционально-экспрессивное впечатление от текста. То, насколько искусно и тонко автор использует парентезу, оказывает воздействие на эффективность всего текста в целом.

Библиографический список

1. *Байчорова, М.Ш.* Вводные и вставные конструкции как факт парентезиса [Текст] / М.Ш. Байчорова, Л.В. Витковская // Пятигорский государственный лингвистический университет / Вестник. – 2009. – №3. – С.61-64.
2. *Макурова, С.Р.* Проблема «неплавности» речи в регистре художественной литературы [Электронный ресурс] / С.Р. Макурова. – Режим доступа : <http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.4>
3. *Пескова, Н.А.* Когнитивная основа изоморфизма некоторых синтаксических конструкций [Текст] / Н.А. Пескова // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация: сб. науч. тр. – Пятигорск, 2002. – С.133-139.
4. *Hoffmann, L.* Parenthesen [Text] / L. Hoffmann // Linguistische Berichte. – 1998. – Heft 175. – S.299-328.

Список источников иллюстративного материала

1. *Brückner, C.* Die Mädchen aus meiner Klasse [Text] / C. Brückner. – Berlin : Ullstein, 1991.
2. *Kellermann, B.* Das blaue Band [Text] / B. Kellermann. – Berlin : Verlag Volk und Welt, 1972.
3. *Konsalik, H.G.* Die Liebenden von Sotschi [Text] / H.G. Konsalik. – München : Bertelsmann Verlag, 1991.

bmg74@mail.ru

Бабушкина О.Н., Челябинск (Россия)

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ОЦЕНКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Все факты фразеологического осмысления профессиональной деятельности возможно распределить по трем группам: 1) фразеологизмы, репрезентирующие общую оценку деятельности, не связанную с представлением об определенной профессии и эксплицированную с использованием общекультурных символов и стереотипов; 2) фразеологизмы, содержание которых обусловлено социальной оценкой той или иной профессии; 3) фразеологизмы, восходящие к обозначениям, возникшим в конкретной профессиональной среде.

Рассмотрим указанные группы на примере оценочных фразеологизмов английского и русского языков, характеризующих такой аспект профессиональной деятельности человека, как рвание работника.

Положительно оценочный фразеологизм русского языка *трудолюбив как пчела* – об очень трудолюбивом человеке [РФ, с. 583] содержит информацию об отношении работника к своему делу. Внутренняя форма данного фразеологизма хранит знание о поведении пчел. Во многих этнокультурах пчела олицетворяет мудрость, порядок, чистоту, целомудрие. Наиболее высоко человек оценивает «трудолюбие» пчел, благодаря

которому эти насекомые стали символом неустанной плодотворной деятельности и прилежания. Когнитивная модель пространства-источника «вести себя как пчела» переносится в пространство-цель «быть трудолюбивым, заниматься созидательной деятельностью».

Оценка профессиональной деятельности с позиции стороннего наблюдателя вербализована фразеологизмом *засучив рукава* – усердно, старательно, энергично (делать что-либо) [РФ, с. 613]. Дискурсивная среда, в которой возник данный фразеологизм, восходит к эпохе Древней Руси, когда люди носили одежду с удлиненными рукавами, в спущенном виде они полностью закрывали кисти рук, доходили почти до земли и затрудняли движение. Когнитивная модель пространства-источника «засучить рукава для хорошего выполнения работы» переносится в пространство-цель «выполнять работу инициативно, энергично, с большим желанием».

Возникнув в сфере определенной профессиональной деятельности, оценочные фразеологизмы нередко претерпевают процесс генерализации и воспринимаются носителями и исследователями языка уже как фразеологизмы общей семантики. Так, например, отрицательно оценочный фразеологизм русского языка *тянуть канитель* (разг., неодобр.) – затягивать какое-либо дело [ФРР, с. 107–108] исторически связан с профессиональной деятельностью работников металлообрабатывающих заводов, где изготавливался этот вид проволоки. Яркий внутренний образ данной фразеологической единицы позволяет эмоционально оценить деятельность человека, который целенаправленно затягивает ведение дел.

К морскому делу восходит фразеологизм *брать/взять на буксир* – помогать тому, кто отстаёт в каком-либо деле, способствовать какому-либо движению, компании за что-либо [РФ, с. 71]. Буксир – «канат для буксировки», а также «судно, которое тянет на канате специальные несамоходные суда (напр., баржи с грузом), а также суда, которые из-за поломки сами не могут дойти до места назначения». Фразеологическое значение возникло на основании сходства объекта профессионального знания (первоначального денотата) с действием человека по оказанию помощи кому-либо, передачей опыта, а также содействием кому-либо для ускорения темпа работы.

Фразеологизм *мутить воду* (разг., неодобр.) – умышленно запутывать какое-либо дело, вносить неразбериху во что-либо; вносить смуту, раздор [ФРР, с. 107 – 108] связан с наблюдениями рыбаков: некоторые рыбы, спасаясь от преследования, взмучивают воду, мешая ее с песком и илом ударами плавников и хвоста и ослепляя врага. Яркий внутренний образ данного фразеологизма позволяет эмоционально оценить деятельность человека, который постоянно хитрит, сбивает с толку окружающих его людей, коллег.

Знания и опыт, приобретаемые человеком в процессе профессиональной деятельности, подвергаются квалифицирующей деятельности сознания и организуются в особую стереотипизированную когнитивную структуру. Данная структура получает языковую репрезентацию в оценочных фразеологизмах, характеризующих профессиональную деятельность. Фразеологизм как продукт интерпретативно-оценочного осмысления является результатом концептуальной деривации, основанной на эмпирическом и/или понятийном осмыслении определенного аспекта (или аспектов) действительности в соответствии с ценностными представлениями социума.

Концептуальная деривация предполагает не только образование нового концепта, но и установление его связей с исходной структурой знания в концептуальной системе человека, поскольку зародившийся новый смысл мотивирован исходным, и его понимание часто требует знания исходного смысла. Концептуальная деривация выступает как когнитивный процесс, лежащий в основе вторичной репрезентации концептов в языке.

Таким образом, когнитивная организация фразеологизмов, связанных с генерализацией профессиональных знаний, представляет особый интерес. В когнитивной структуре таких фразеологизмов зафиксировано обыденное и профессиональное знание в их единстве и взаимодействии.

Библиографический список

1. РФ – *Бирих, А.К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов [Текст] / А.К. Бирих // СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., исправл. и доп. – М. : Астрель; АСТ; Люкс, 2005.
2. ФРР – *Мелерович, А.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц [Текст] / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М. : Русские словари, Астрель, 2001.

babushkina_on@mail.ru

Баева Н.А., Кемерово (Россия)

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (на материале произведений женщин-писателей викторианской эпохи)

Термин «когнитивный стиль» трактуется как индивидуально-своеобразный способ переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании,

категоризации, оценивании происходящего [Холодная, 2004, с. 40]. Индивидуальные различия в процессах переработки информации формируют определенные типы людей в зависимости от особенностей их когнитивной сферы, то есть способа организации познавательного контакта с миром. У каждого человека при восприятии мира непроизвольно активизируется именно та модальность ментального опыта, которая лежит в основе индивидуального стиля кодирования информации.

В связи с различными способами восприятия информации в психологии выделяют три основные сферы чувственного опыта человека – визуальную, аудиальную, кинестетическую. Люди с преобладанием визуальной сферы опыта перерабатывают информацию об окружающей действительности с помощью перцептивных или мыслительных зрительных образов; «аудиалы» концентрируются на слуховом способе восприятия действительности; кинестетическая сфера предполагает восприятие через обоняние, осязание, тактильные и другие чувственные впечатления.

Некоторые исследователи связывают способ, которым конкретная личность познает мир, используя определенные познавательные способности и эмоциональные свойства, с когнитивным стилем личности. Когнитивные стили, согласно теории индивидуальности Д.Уорделла и Дж.Ройса, определяют способ, которым индивид преимущественно познает окружающую действительность. Д.Уорделл и Дж.Ройс выделяют три общих стиля: рациональный, эмпирический, метафорический [Wardell, Royce, 1978, с. 474-505].

Согласно их классификации, при доминирующем рациональном стиле ярко выражены концептуальные способности личности – способность к рассуждению, построению теорий, выстраиванию логических выводов (вербальные способности), а также личная автономия, беспристрастность (эмоциональная независимость).

Эмпирический стиль предполагает развитие перцептивных способностей (визуализация, память, конкретно-образный опыт, акустический опыт) и проявлений интра/экстраверсии (социальное сдерживание).

При метафорическом стиле восприятия наблюдается тенденция к символизации, беглость идей, множественность впечатлений, интуиция и эмоциональная восприимчивость.

В рамках теории о когнитивных стилях выделяют четыре основных способа кодирования информации: 1. словесно-речевой (знаки); 2. визуальный (зрительные образы); 3. предметно-практический (предметные действия); 4. сенсорно-эмоциональный (сенсорно-эмоциональные впечатления) [Холодная, 2004, с. 298]. Следовательно, каждый способ кодирования информации характеризует присущий определенному человеку особый стиль восприятия.

Разработка понятия «стиль» в психологии может быть соотнесено с лингвистикой, в частности, с изучением стиля отдельных писателей и литературных жанров, на что указывает Н.Н. Трошина [Трошина, 2008, с. 109]. В художественном произведении автор может использовать особый когнитивный стиль и апеллировать к одному из способов восприятия, подключая визуальные, аудиальные или кинестетические области. Взаимодействие разных образных рядов расширяет границы текста, обогащает содержание художественного произведения и способствует углубленному пониманию.

Рассмотрим репрезентацию различных когнитивных стилей на примерах романов женщин-писателей викторианской эпохи. Романы сестер Бронте являются культурным феноменом Англии XIX века. Воспитанные в одной семье и видевшие один пейзаж Хоуорта, сестры-писательницы обнаруживают яркий талант, по-разному проявившийся в стиле написания романов. Преобладающий стиль кодирования информации Анны Бронте можно охарактеризовать как словесно-речевой стиль: «In stature he was a little, a very little, above the middle size; the outline of his face would be pronounced too *square* for beauty, but to me it announced decision of character; his dark brown hair was *not carefully curled*, like Mr. Hatfield's, but simply *brushed aside* over a *broad white forehead*; the eyebrows, I suppose, were too *projecting*, but from under those dark brows there gleamed an eye of singular power, brown in colour, *not large*, and somewhat *deep-set*, but strikingly brilliant, and full of expression; there was character, too, in the mouth something that bespoke a man of firm purpose and an habitual thinker» [«Agnes Grey»]. В языке портретного описания мы видим рассуждение автора, построение образа героя с использованием общеупотребительной лексики: выступающие (*projecting*) брови, широкий светлый лоб (*broad white forehead*), зачесанные назад волосы (*brushed aside*), глубоко посаженные глаза (*deep-set*), полные выражения (*full of expression*). На основании словесного портрета делается вывод-предположение, что перед нами человек думающий и целеустремленный.

Когнитивный стиль Эмили Бронте соответствует сенсорно-эмоциональному стилю кодирования информации с доминированием эмоционального компонента: «Her position before was sheltered from the light; now, I had a distinct view of her whole figure and countenance. She was slender, and apparently scarcely past girlhood: an *admirable* form, and *the most exquisite little face that I have ever had* the pleasure of beholding; small features, *very fair*; flaxen ringlets, or rather golden, hanging loose on her *delicate* neck; and eyes, had they been agreeable in expression, that would have been irresistible: fortunately for my *susceptible heart*, the only *sentiment* they evinced hovered between scorn and a *kind of desperation*, singularly unnatural to be detected there» [«Wuthering Heights»]. Наличие эмоциональной лексики *sentiment, desperation, admirable, susceptible heart, fortunately*, а также экспрессивных синтаксических конструкций *the most ...that I have ever had; had they been ..., that would have been ...* говорят в пользу данного утверждения.

Стиль Шарлотты Бронте приближен к сенсорно-эмоциональному с доминированием кинестетического компонента. Это подтверждается наличием эмоционально-оценочной лексики – *dreadful, saddened, never liked*,

humbled и лексем, означающих тактильные и осязательные ощущения – *physical, nipped fingers and toes, chilly*: «I was glad of it: I never liked long walks, especially on *chilly* afternoons: *dreadful* to me was the coming home in the raw twilight, with *nipped fingers and toes*, and a heart *saddened* by the *chidings* of Bessie, the nurse, and *humbled* by the consciousness of my *physical* inferiority to Eliza, John, and Georgiana Reed» [«Jane Eyre»].

В пейзажных описаниях романа Джордж Элиот «Мельница на Флоссе» ярко проявляется визуальный стиль кодирования информации. Использование лексемы со значением «видеть» *look at* и ее лексический повтор, колоремы *bright-green, purple, white*, сравнения *as old as the elms and chestnuts*, лексемы со значением света *gleam*, лексем, косвенно номинирующих цвет *grassy, grass* – все это создает яркую картинку пасторального пейзажа: «And this is Dorlcote Mill. I must stand a minute or two here on the bridge and *look at* it, though the clouds are threatening, and it is far on in the afternoon. Even in this leafless time of departing February it is pleasant to *look at*,—perhaps the chill, damp season adds a charm to the *trimly kept*, comfortable dwelling-house, as old as *the elms and chestnuts that shelter it* from the northern blast. The stream is *brimful* now, and lies high in this little *withy plantation*, and half drowns *the grassy fringe of the croft* in front of the house. As I *look at* the *full stream*, the *vivid grass*, the delicate *bright-green* powder softening the outline of the great trunks and branches that *gleam* from under the bare *purple boughs*» [The Mill on the Floss].

При создании портрета одной из героинь романа автор использует образное сравнение девочки с шотландским пони: «Maggie's hair, as she threw off her bonnet, *painfully* confirmed her mother's accusation. Mrs. Tulliver, desiring her daughter to have a curled crop, "like other folks's children," had had it cut too short in front to be pushed behind the ears; and as it was usually straight an hour after it had been taken out of paper, Maggie was *incessantly* tossing her head to keep the *dark, heavy locks* out of her *gleaming* black eyes,—an action which *gave her very much the air of a small Shetland pony* [The Mill on the Floss].

Элизабет Гаскелл создает яркие зарисовки урбанистического пейзажа, для которого характерны шум, суэта, грязь. Автор широко использует прием контраста для противопоставления городского и природного пейзажей: «There are some fields near Manchester, well known to the inhabitants as "Green Heys Fields," through which runs a public footpath to a little village about two miles distant. In spite of these fields being flat, and low, nay, in spite of the want of wood (the great and usual recommendation of level tracts of land), there is a charm about them which strikes even the inhabitant of a mountainous district, who sees and feels the effect of *contrast* in these commonplace but *thoroughly rural fields*, with the *busy, bustling manufacturing town* he left but half-an-hour ago». Контраст усиливается за счет использования парного эпитета *thoroughly rural* при описании пасторального пейзажа и эпитета-цепочки *busy, bustling manufacturing* при описании города. Аллитерация и перечисление атрибутов создают эффект шумного города. Городской шум создают также звуки транспорта, – *whiz, scream*, усиленные полисиндетоном, а также лексемами, содержащими в своем значении компонент звучания – *horns, bells*: «Common as railroads are now in all places as a means of transit, and especially in Manchester, Mary had never been on one before; and she felt bewildered by the hurry, the *noise* of people, and *bells*, and *horns*; the *whiz* and the *scream* of the arriving trains [Gaskell, 1956:339]. Это яркий пример сенсорно-эмоционального стиля кодирования информации с доминированием слухового компонента.

Таким образом, рассмотрение когнитивного аспекта языкового стиля женщин-писателей представляется актуальным, поскольку позволяет выявить определенные особенности стиля кодирования информации каждого автора. Эти особенности выражаются на языковом уровне в использовании определенной лексики, тропов, синтаксических структур.

Библиографический список

1. *Холодная, М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума [Текст] / М.А. Холодная. – СПб. : Питер, 2004.
2. *Трошина, Н.Н.* Когнитивная парадигма в лингвостилистике [Текст] / Н.Н. Трошина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2008. – С.104–121.
3. *Wardell, D.M.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and effect [Electronic resource] / D.M. Wardell, J.R. Royce // Journal of Personality. – 1978. – Vol. 46. – Issue 3. –P.474-505. – Mode of access : <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.14676494.1978.tb01013.x/abstract#fn1>.

Список источников иллюстративного материала

1. *Bronte, A.* Agnes Grey [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.gutenberg.org/files/767/767-h/767-h.htm>
2. *Bronte, Ch.* Jane Eyre [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>
3. *Bronte, E.* Wuthering Heights [Text] / E. Bronte. – L. : Penguin Books Ltd, 1994.
4. *Eliot, G.* The Mill on the Floss [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.gutenberg.org/files/6688/6688-h/6688-h.htm>
5. *Gaskell, E.* Mary Barton. [Text] / E. Gaskell. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1956.

ВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА ВОЗРАСТНЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Представление о времени у бурят зафиксировано в языке в разнообразных формах. В качестве одной из координат временных циклов социальной модели мира используются идеи цикличности поколений и возрастной иерархии. Время на личностном уровне имеет индивидуальный образ временной единицы – собственный век: от рождения до момента, когда душа покидает тело с тем, чтобы в дальнейшем возродиться в каком-либо из представителей последующих поколений. Время и возраст воспринимаются как соотносительные величины, поэтому временные понятия нередко описываются в возрастных терминах. Такое сближение моделей времени и жизни Н.Д. Арутюнова считает вполне естественным потому, что жизнь протекает во времени и подчинена его законам [Арутюнова, 1999, с. 689]. Возрастные параметры в бурятском языке объективируются различными средствами: словами, парными словами, фразеологизмами, паремиями.

Для обозначения содержания и структуры этапов в жизни человека язык использует возрастной символизм. В первую очередь личностное время находит отражение в подсистеме терминов родства: *аба* ‘отец’, *хубуун* ‘сын’, *бабай* ‘дед’. Временные идеи актуализируют и половозрастные апеллятивы: *нарай* ‘младенец’, *эрэ* ‘мужчина’, *хугшэн* ‘старик’. Обозначения возраста человека демонстрируют не столько количественные, сколько качественные возрастные интерпретации этапов жизни, характеризующиеся физическими возможностями. Каждому возрастному периоду приписываются определенные черты и признаки, которые отражают процесс взросления и развития, и находят фиксацию в возрастном самосознании. Первый этап жизненного пути начинается с момента появления на свет – *нарай ухибуун* ‘новорожденный’, *хѳѳхэй* ‘ребенок’. В первый период своей жизни ребенок уязвим и достаточно незащищен, у бурят считалось, что только в год он становится способным для физического и психологического развития, поэтому существовал и практикуется обряд *милангууд* ‘праздник первого года жизни, во время которого подстригались волосы’, т.е. первая в жизни младенца инициация.

Следующий период длится до наступления половой зрелости и направлен на социализацию детей, которая начинается с того момента, как *хулѳѳ шоройдоһон саһаа хойшо* ‘с тех пор, как замарал ноги’. Это время именуется *хара бага* ‘малолетний возраст’, где *хара* ‘черный’ актуализирует значение *древний, ранний*. Говоря о подрастающих детях, прибегают к метонимии: *гарын ганзагада хурэбэ, хулын дурѳѳдэ хурэбэ* ‘руки достают до тороки, ноги – до стремени’, потому что одним из критерием взросления детей была их способность самостоятельно обращаться с лошадью. Именно в этом возрасте дети приобщаются к тем видам деятельности, которые соответствует их половой принадлежности: *абын хубуун ангуушан, эжэн басаган одолюшон* ‘сын отца – охотник, мать дочери – швея’.

С наступлением половой зрелости начинали действовать правила и нормы поведения, которые предъявлялись к юношам и девушкам. Возрастной символизм на этом этапе предполагает овладение существенными, неотъемлемыми половозрастными атрибутами. Так, для юноши необходимым является обладание конем, оружием, орудиями труда: *хубуниһи шулуу баллаха балтатай, харбаха номотой, шоно улдэхэ хулэгтэй* ‘сын его имеет молот, чтобы разбивать камень, оружие, чтобы стрелять, коня, чтобы преследовать волка’. В культуре наших предков возраст взросления вписан в систему ценностей как этап подготовки молодых людей к будущей социальной роли и определенным видам хозяйственной деятельности: *ташуур бариха хубумнай, эхэ болохо басаганмнай* ‘сын, который станет хозяином (букв. будет держать кнут, дочь, которая станет матерью)’. Трудовая деятельность является показателем важнейшего этапа в жизни человека – его социализации, а трудоспособность – показатель времени.

Вступление в брак знаменовало кардинальное изменение в жизни человека – повышался вес человека в социуме: *гэр айл болохо* ‘жениться, завести семью’ (букв. становится с домом и семьей). Зрелость связывается с физическим совершенством: *бээ хусэхэ* ‘достигнуть зрелости’ (букв. достичь своего тела). Мужчины этого возраста именуется *эрэ*, а женщины – *эхэнэр*, это сильные и опытные промысловики и умелые мастерицы. Считается, что в пору своего расцвета человек находится на пике приложения своих способностей и возможностей, ср.: *хусэн дундаа* ‘в расцвете сил’ (букв. в середине силы), *хусэндѳѳ байха* (*хусэтэй байха*) ‘быть в силе’. Отсутствие семьи не приветствуется обществом: *эхэнэргүй эрэ – эжэлгүй морин, һамгагүй эрэ һаһалгүй тэхэ* ‘мужчина без женщины – конь без пары, муж без жены – козел без бороды’. В одиночестве усматривается причина нищеты и забвения, неспособность преодолеть трудности жизни: *хубуу шубуугүй* ‘бедный, одинокий’ (букв. нет ни сына, ни птицы), *ганса хун – хун болохогүй* ‘один человек человеком не станет’.

Окончание репродуктивного периода означало переход человека в разряд *убгэн хугшэд* ‘старое поколение’. Это время наступало с появлением внуков, свидетельствующих о продолжении рода, укреплении его вертикали. Для бурятской картины мира именно человеческий род – движущая сила социального времени, представляющего генеалогическую модель. *Убгэ эсэгэнэр* ‘деды’, *айлай хугшэд* ‘почтенные люди’ в бурятском обществе всегда пользовались уважением как члены коллектива, совершившие много важных и полезных дел для людей, имеющие значительный опыт, жизненную мудрость, поэтому *буурал толгойтонь хара толгойтойгоо һургадаг* ‘седовласый учит черноволосого’. Их называют *ундэр наһатай* ‘высокого возраста’. Люди преклонного возраста иницируют в новых социальных ролях *аха зах* ‘самый старший’ на различного

рода праздниках, *убгэн туруу 'глава сватовства'*. В бурятской культуре старость высокопрестижна: опыт человека, приобретенный в течение всей жизни, а также и в прошлой жизни, рассматривается как ценный ресурс: *убгэн хунэй хэлээн - уе дууһаса 'слово, сказанное стариком ценно в веках'*. Уважение к человеку возрастает на протяжении всей жизни. Эти истины и установления и закодированы в единицах языка, зафиксированы в поговорах и пословицах: *хун уеддθθ, ногон хухэдθθ 'человек в возрасте ценен, трава, пока зеленая', ахань ахашаг болбол хайн, дуунь дуушэг болобол хайн 'хорошо, если старший будет вести себя, как старший, а младший – так, как подобает младшему'*. Возрастные номинации старости, помимо понятийного компонента неизменно содержит аксиологический, что составляет этноспецифические представления носителей языка о данном возрастном периоде.

В составе возрастных номинаций широко представлены парные слова, сложные лексические единицы, целостный смысл которых появился в результате семантической трансформации сочинительных сочетаний. В одних наименованиях названная сема является базовой, к ним можно отнести случаи собственно номинации возраста, например: *убгэ эсэгэ 'дед' (букв. старик, отец), ури хуугэд 'детвора' (букв. ребенок, дети)*. Семантика их прозрачна и мотивирована значением слов, их составляющих; одно из них, как правило, делегирует возрастной признак: *убгэ 'старик', ури 'ребенок'*, другое, выраженное термином родства, имплицитно указывает на временную удаленность по поколениям: *эсэгэ 'отец', хуугэд 'дети'*.

Наиболее плотными в частотном плане выступают парные слова, обозначающие детство и старость. Оппозиция *взрослый* не получает достаточной фиксации в языке, потому что язык традиционно избегает определять норму [Арутюнова, 1988]. В большинстве своем возрастные номинации обнаруживают транспозиционную семантику; в качестве источника для семантической деривации выступают признаки внешности, социального статуса, поведения и др. Так, в *нялха нойтон 'совсем малый ребенок' (букв. тот, который мямлит, мокрый)* находим отсылку как к неспособности младенца членораздельно говорить, так и к внешним проявлениям грудничков. Комбинативное значение указывает на определенную точку в хронологии возраста – самый ранний период в становлении человека. Нередко дети рассматриваются как продолжение собственного «я», тогда модель переосмысления имеет следующий вид: *тело→возраст*, например: *ури бэе 'потомство, дети' (букв. потомство, тело)*.

Для обозначений молодости используется метафора субъективного восприятия поры жизни, характеризующейся жизнерадостным мироощущением и верой в свое будущее. В основе наименований находится аксиологический образ, который не на прямую называет хронологический этап, а апеллирует к отличительным особенностям, составляющим общее восприятие жизненного периода, например: *эдир залуу 'в расцвете лет' (букв. задорный, молодой), иэжэр алтан уе 'золотая пора' (букв. чистое, золотое время)*. Действующая семантическая модель - *образ→возрастной апеллятив*.

В композитных словах, объективирующих преклонный возраст, дополнительным семантическим компонентом выступает изменение, отражающее наступление важной фазы жизни, предполагающей почтение окружающих людей. Так, в *элинсэг хулинсаг 'далекие предки'* общее значение складывается из двух составляющих *элинсэг 'ясный'* и *хулинсаг 'качающийся'* (от *хол- 'шаткий'*), в качестве доминирующего и определяющего признака выбирается *убедительность, не оставляющая сомнений* в авторитете старца. При этом секундарный признак физического состояния сохраняется в интегрированной семантике комплексного знака и имплицитно участвует в возрастной идентификации личности.

Древнейшая традиция бурят исчислять социальное время и хронометрировать его путем подсчета *уе 'поколение'* своего рода представлена в парном словом *уетэн хирэтэн 'ровесники, сверстники' (букв. поколения, времени)*, ядерной семой которого является *принадлежность к одному поколению vs. одному временному периоду*.

Итак, в основе возрастных номинаций лежат важнейшим представления носителей языка о таких топологических признаках времени как развитие и движение. При определении этапов жизни человека языком используется система стереотипизированных образов внешнего вида, поведения, социального статуса, содержательная структура которых апеллирует как к понятийному, так и аксиологическому компоненту.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988.

bardam_k@mail.ru

Барсукова С.С., Барнаул (Россия)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ЭФФЕКТОМ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ

Располагая определённым жизненным опытом, человек обладает некоторым набором знаний, которые позволяют ему выдвигать предположения относительно того, что произойдёт в дальнейшем, или строить

причинно-следственные связи между явлениями окружающей действительности. Поскольку художественное произведение строится по образу и подобию мира реального, то в нём, как в зеркале, отражается, воспроизводится, проецируется реальный или структурируется возможный мир, и интрига художественного произведения, выстраиваемая автором, обычно позволяет предвидеть возможные пути её развёртывания. Однако читатель может столкнуться с неожиданным поворотом, непредсказуемым завершением. В стилистическом определении такая структура создаёт эффект обманутого ожидания. Эффект обманутого ожидания представляет собой способ формальной организации текста, фокусирующий внимание читателя на определённых элементах сообщения, посредством нарушения предсказуемости. Это один из наименее изученных эффектов, как в плане форм его актуализации, так и в плане создания прагматических смыслов. Суть данного эффекта заключается в следующем: непрерывность и линейность речи означают, что появление каждого последующего элемента подготовлено предшествующими и само подготавливает последующие. Другими словами, последующее частично дано в предыдущем. При такой связи переходы от одного элемента к другому малозаметны, сознание как бы скользит по воспринимаемой информации. Однако если на этом фоне появляются элементы малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности, при этом неподготовленное и неожиданное создаёт сопротивление восприятию, преодоление этого сопротивления требует определённого усилия со стороны читателя, а потому сильнее воздействует на него. Явление это замечено уже давно, а в современной стилистике рассматривается в трудах Дж. Лича [Leech, 1981], Р. Якобсона [Якобсон, 1987], Р. Фаулера [Fowler, 1967] и М. Риффатера [Риффатер, 1980]. Отмечено, что термин «эффект обманутого ожидания» был введён Р. Якобсоном [Арнольд, 1990].

Обманутое ожидание в том или ином виде встречается в любой области искусства и в любом его направлении, а в речи – при использовании единиц разных языковых уровней. Замена одной фонемы в отдельно взятом слове другой может в определённых ситуациях создать эффект обманутого ожидания. В лексике это могут быть редкие слова: архаизмы, заимствования, авторские неологизмы, слова со специфической лексической окраской, слова в необычной для них синтаксической функции, или использование перифраза. На уровне словосочетания эффект обманутого ожидания создаётся за счёт таких стилистических средств, как, например, оксюморон – сочетание не сочетаемых по значению слов (*deafening silence, delicious torment, original copy*). Приведем пример:

(1) *Not least of all, they shared a passionate indifference to the practices of their ancestral faith* (E. Segal).

Дефиниционный анализ компонентов атрибутивного сочетания демонстрирует их полное противопоставление: *passionate* в качестве одного из определений в словарной статье содержит “*caused by or showing strong feelings*”, в то время как *indifference* определяется через отрицание чувственной реакции – “*lack of feeling, interest or reaction*” (OALD). Смысл сочетания формируется, таким образом, семантически контрадикторными, взаимоисключающими значениями. Прогностически прилагательное *passionate* может закрывать валентность таких номинативных единиц, как *love, desire, interest*, в то время как *indifference* сочетается с атрибутивными единицами типа *complete, absolute, strange, unexpected*. Именно нарушение смысловой комбинаторики становится механизмом создания эффекта обманутого ожидания:

(2) *Oh! I live London society! I think it has immensely improved. It is entirely composed now of beautiful idiots and brilliant lunatics* (O. Wilde).

Отметим, что контрадикторность компонентов оксюморона определяется объективной онтологической несовместимостью объекта и приписываемого ему признака.

Аналогичный эффект достигается использованием катахрезы (употребление сочетаний слов с несовместимыми буквальными значениями), например:

(2) *... he is to do nothing but pay bills and compliments* (O. Wilde).

(3) *By seven thirty all that had been served were large cocktails and small talk* (E. Segal).

На уровне предложения эффект обманутого ожидания может создаваться при помощи такого приёма, как, например, спад напряжения:

(4) *If she married a husband he beat her; if she employed a broker he cheated her, if she engaged a cook she drank* (W.S. Maugham).

Во всех приведенных случаях проявляется психо-лингвистический феномен вероятностного прогнозирования, представляющий собой мысленный обгон в процессе чтения. Согласно концепции И.М. Файгенберга, вероятностное прогнозирование является неотъемлемым компонентом активной мыслительной деятельности и определяет успешность восприятия и понимания [Feigenberg, 1967]. Существуют определенные языковые закономерности и правила согласования, представляющие норму языка. Когда эта норма нарушается, создается ситуация непредсказуемого, неожиданного смыслового несоответствия, что собственно и составляет эффект обманутого ожидания. В отличие от словосочетания, в котором несовместимость компонентов выявляется при сопоставлении их семантики, в предложении эффект обманутого ожидания воспринимается на уровне «здорового смысла». Однако интерпретативный анализ показывает, что в предложении имеются (не всегда четко маркированные) показатели, способствующие созданию эффекта обманутого ожидания. Например:

(5) *“In moments of crisis <...> I size up the situation in a flash, set my teeth, contract my muscles, take a firm grip of myself and, without a tremor do the wrong thing”* (B. Shaw).

В предложении все предпринимаемые для выхода из кризиса попытки расположены в порядке увеличения их интенсивности, иными словами, в этом предложении использован приём градации, призванный создавать некоторое напряжение. Однако напряжение исчезает при прочтении заключающей его нексусной структуры.

Распространённым приёмом создания эффекта обманутого ожидания на уровне предложения является антитеза. Рассмотрим следующее предложение:

(6) *“Too black for heaven, and yet too white for hell”* (J. Dryden).

Противопоставление в данном конкретном примере имеет сложную конфигурацию, поскольку происходит по двум параллельным линиям: *black – white* и *heaven – hell*. Кроме того, это противопоставление образует метонимический переносом, где *black* имплицитно отрицательные свойства личности, а *white* – положительные. Эффект обманутого ожидания возникает здесь за счёт того, что при прочтении первой части предложения у читателя создаётся отрицательный образ человека; в то же время вторая часть в определенной мере ослабляет это значение, тем самым изменяя прагматический смысл высказывания.

Еще один прием создания эффекта обманутого ожидания – паратактические конструкции (стилистический прием зевгма):

(7) *Well, it's not the sort of thing you bring up over Greek verbs and English muffins* (E. Segal).

Существо данных конструкций заключается в том, что в единое однопорядковое синтаксическое образование (традиционно именуемое однородными членами предложения) объединяются единицы, кардинально отличающиеся по прагматической ценности и классификационной семантике, то есть относящиеся к разным смысловым категориям:

(8) *Ladies and gentlemen – and geniuses – it has been my humble honor to listen to the first playing of what is undoubtedly the most fabulous musical to sweep Broadway off its feet* (E. Segal).

Функцию создания эффекта обманутого ожидания может выполнять нарушение нормативной синтаксической структуры предложения, в частности, парцелляция:

(9) *Just then the Beeders came in, Sir William and Lady. <...> Lady tall, slender, Spanish eyes, brown skin, thin nose. Greco hands. Collector's piece ...* (J. Cary).

Конструкции такого рода представляют собой технику «потока сознания» и используются с целью выражения характера восприятия, осмысления и оценки объекта, демонстрируя возникающие при этом коннотации. В данном случае речь идет о восприятии художника. Парцелированные структуры позволяют сделать больший акцент на том, что для него представляется значимым. Таким образом можно заключить, что эффект обманутого ожидания создается благодаря прогностической несостоятельности, предопределяемой сдвигом в формальной репрезентации высказывания. На уровне предложения сдвиг может заключаться в смысловой транспозиции (явление параллакса), в нарушении нормативной комбинаторики (оксюморон), противопоставлении (антитеза), параллельной представленности несовместимых или несоотносимых признаков (zevгма), нарушении стандартной синтаксической структуры (парцелляция). Отметим, что в статье приемы создания эффекта обманутого ожидания были рассмотрены только на одном уровне анализа – уровне предложения. На уровне текста экспрессивный ресурс расширяется и может зависеть от жанра, индивидуальных особенностей стиля автора и других показателей.

Библиографический список

1. *Riffaterre, M.* Критерии стилистического анализа [Текст] / М. Риффатер. – М.: Прогресс, 1980.
2. *Feigenberg, L.* Introduction to Satire [Текст] / L. Feigenberg. – Iowa, 1967.
3. *Fowler, R.* Essays on Style and Language / Linguistic and Critical Approach to Literary Style [Текст] / R. Fowler. – L., 1967.
4. *Leech, G. A., Short, M. H.* Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose [Текст] / G. A. Leech, M. H. Short. – Longman, 1981.

Список источников иллюстративного материала

1. *Cary, J.* The Horse's Mouth. – L.: Penguin, 1956.
2. *Dryden, J.* The Poetical Works of John Dryden [Электронный ресурс] / J. Dryden. – Режим доступа : <http://www.fullbooks.com/The-Poetical-Works-of-John-Dryden-Vol5.html>
3. *Segal, E.* The Class. – NY: Bantam Books, 1985.
4. *Show, B.* Steady Nerves in a Crisis [Электронный ресурс] / B. Show. – Режим доступа : http://www.triviumpursuit.com/speech_debate/pieces.php
5. *Wilde, O.* Plays. – L.: Cox & Wyman Ltd, 1970.

sveta_barsukova@yahoo.com

«ЖИВОТ» И «СТОМАХ» В СОМАТИЧЕСКОМ КОДЕ КУЛЬТУРЫ

Объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще и знаковую функцию, оказываются способными нести некие добавочные значения. Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые мы называем кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) национальной культуры.

Человеческое тело является комплексом символических смыслов, которыми оно «обросло» в процессе становления и функционирования национальной культуры. Едва ли не каждая часть тела человека наделена экstrasоматическим содержанием, которое может существенно изменяться в зависимости от конкретных контекстов, сохраняя, вместе с тем, контуры стереотипных осмыслений.

Как известно, любое контрастное исследование направлено на раскрытие национальной специфики через призму сравниваемых языков и ставит себе задачу дать вербализованное представление о духовном мире человека как носителя определенной культуры. В данной статье мы проводим сопоставительный анализ единиц соматического кода – *живот* и *stomach*.

Прежде всего, *живот* – это (как гласит внутренняя форма слова) жизнь: О.-с. *životъ; корень *živ-, суф. – ot(-ъ). И.-е. корень *g^hei- : g^hiç-, тот же, что в о.-с. *žiti, *živъ. Ср. лит. gyvatà, f. – «жизнь»; латин. vīta < *vīvitā (<*g^hiçota) [Черных]. Данное представление о животе находит отражение в образе фразеологизмов: *положить живот за кого-н.*; *класть душу и живот*; *даровать живот*; *не на живот, а на смерть*; *кончатъ живот*; *не щадить живота своего*. Живот в русской лингвокультуре – жизненно важный центр (ср. в Японии живот рассматривается как центр *Хара* – место жизни, отсюда *харакири* – удар по центру жизни).

По данным электронного словаря *Online Etymology Dictionary*, лексема *stomach* была заимствована из французского языка в среднеанглийский период и вытеснила исконно английские слова: М.Е. mawe "stomach, maw" (from О.Е. maga), М.Е. buc, bouk "stomach, belly" (from О.Е. būs "belly, stomach", see bucket) [OED]. Новое слово заменило две древнеанглийские лексемы, в основе которых лежали разные мотивирующие признаки. Слово maw (maga), обозначающее внутреннюю часть живота, желудок, происходило от корня со значением «сумка, мешок», а лексема buc относилась скорее к внешнему облику живота и восходила к протоиндоевропейскому корню *bheu- со значением «расти, набухать».

Особая группа культурных смыслов, носителем которых являются соматизмы *живот* и *stomach*, связана с представлением о том, что в животе расположены органы пищеварения. При этом образы ряда фразеологизмов мотивированы древнейшим метонимическим отождествлением части и целого: *желудок и кишечник – неотделимая часть целого – живота человека: набивать себе живот, подводит живот, живот расстроился; eat a bellyful, fill one's belly, have the stomach for something, one's eyes are bigger than one's stomach, way to a man's heart is through his stomach, cast-iron stomach, an army marches on its stomach*. Однако интересно отметить, что в «чистом» виде как «орган пищеварения» *живот* в русском языке выступает в составе фразеологизмов достаточно редко.

Еще один важный смысл, воплощаемый компонентом *живот*, связан с восприятием живота как средоточия жизненно важных органов, которые можно повредить чрезмерной ношей или усилием: *сорвать живот, надорвать кишки, живот, надсадить живот со смеху. Животы не нитка: надорвешь, не подвяжешь* (русская поговорка).

Что касается понятийных признаков концепта *stomach*, актуализированных в семах слова-репрезентанта, то здесь обнаруживается более широкий спектр значений, в том числе, фиксирующих метафорическое переосмысление живота как органа, в котором заключены такие качества, как гордость, моральный дух, смелость, негодование.

В словаре *The American Heritage Dictionary of the English Language* находим следующие значения слова *stomach*:

1. a. The enlarged, saclike portion of the alimentary canal, one of the principal organs of digestion, located in vertebrates between the esophagus and the small intestine.
- b. A similar digestive structure of many invertebrates.
- c. Any of the four compartments into which the stomach of a ruminant is divided.
2. The abdomen or belly.
3. An appetite for food.
4. A desire or inclination, especially for something difficult or unpleasant: *had no stomach for quarrels*.
5. Courage; spirit.
6. *Obsolete* Pride [AHDEL].

Как видно из современного толкования, значение лексемы *stomach* составляют следующие семантические компоненты (семы): 'расширенная сумкообразная часть пищеварительного тракта, в котором переваривается пища (желудок)', 'брюшная полость', 'желание, аппетит, склонность', 'смелость, моральный дух', 'гордость'.

Как уже было отмечено, русский язык обнаруживает более узкий список значений – ‘жизнь’, ‘часть тела у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения’, а также ‘домашний скот, имущество’:

ЖИВОТ, *á*, м. 1. Часть тела у человека и животных (от грудобрюшной преграды до лобковой кости), в которой расположены органы пищеварения. *Вздутый ж. Болит ж.* || Желудок или кишечник (простореч.). *Ж. расстроился.* 2. Жизнь (устар., теперь употр. в немногих поговорочных выражениях). *Не щадя живота своего. Не на ж., а на смерть* (ср. жизнь). *Ж. положить за кого-н., за что-н.* (пожертвовать жизнью). 3. чаще мн. Домашний скот (обл.). || Имущество, домашний скарб (обл.) [Ушаков].

Признаки, отмечаемые в одноязычных толковых словарях, представляют собой далеко не полный перечень понятийных признаков. Существенно пополнить этот список можно, обратившись к словарям синонимов.

В словаре *Collins Thesaurus of the English Language* представлены три группы синонимов, характеризующие различные оттенки значений лексемы *stomach*:

1. *belly, inside(s) (informal), gut (informal), abdomen, tummy (informal), puku*, сближающиеся на основе семы ‘желудок’.

2. *tummy, pot, spare tyre (informal), paunch, belly, breadbasket (slang), potbelly*, сближающиеся на основе семы ‘живот, пузо’.

3. *inclination, taste, desire, appetite, relish, mind*, сближающиеся на основе семы ‘желание, склонность, аппетит’ [СТЕЛ].

Как мы видим, доминантой синонимического ряда слов, репрезентирующих данный концепт в языке, является лексема *stomach*. Следующими по частотности являются слова *belly, tummy* и анатомический термин *abdomen*.

Главными синонимами слова-репрезентанта *живот* являются лексемы *пузо* и *брюхо*, с которыми тесно связаны такие понятия, как богатство, сытость: *Отрастил брюшко*, особ. о купце, разбогател; *Отрастил пузо*, разжился и раздобыл. *Набить пузо*, наесться досыта. *Поповское брюхо из семи овчин шито* [Даль].

Для русской языковой картины характерно наличие устойчивых выражений, характеризующих поведение человека, занимающего в обществе зависимое положение, типа: *ползает на брюхе* — униженно показывать свою преданность. Актуальное для русского менталитета переносное значение живота как символа праздности зафиксировано в целом ряде пословиц и устойчивых выражений: *Сытое брюхо к работе (к ученью) туго; И ленивому свое брюхо не докучает; Лежать кверху брюхом (пузом)* [Даль].

В английской лингвокультуре живот символизирует храбрость и решительность: *have the stomach for someting, a strong stomach, get enough guts to do smth.* Этноспецифичной для английского языка является идиома с использованием образа насекомого: *butterflies in one's stomach*.

Человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает свою систему представлений о мире. Путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у народов, соответственно различной будет и языковая картина мира, проявляющаяся в принципах категоризации действительности. Несмотря на свою универсальность, соматический код культуры в полной мере иллюстрирует данное положение.

Список использованных словарей и условных сокращений

1. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] / В. Даль. – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/>

2. Толковый словарь русского языка Ушакова [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/>

3. *Черных, П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / П.Я. Черных. – Режим доступа : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=chernykh>

4. AHDEL – The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fourth Edition copyright © 2000 by Houghton Mifflin Company. Updated in 2009. [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.thefreedictionary.com>

5. СТЕЛ – Collins Thesaurus of the English Language. – HarperCollins Publishers, 2002.

6. OED – Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.etymonline.com>

stbua@mail.ru

Беляева С.В., Барнаул (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЭПОСА

Французский героический эпос - поэтическая история Франции с IX-го по XII-й века, дающий целостную картину жизни нации, борьбу за лучший миропорядок. Наш интерес к французскому эпосу понятен и закономерен. Изучение французского эпоса, особенностей данного жанра является одной из задач курса

«Истории литературы Франции» в лингвистическом вузе, важным компонентом изучения французского языка, французской культуры.

Следует отметить, что в целом эпос Франции изучен хорошо, в течение второй половины девятнадцатого века в Европе опубликован ряд работ (*Paris, Gautier, Tavernier, Bruckner, Bedier, Boissonade*). Сегодня эти труды стали уже классическими, хотя многие положения опровергнуты (например, теория Ж. Бедье о создании «Песни о Роланде» в монастыре). На протяжении двадцатого века «*Chansons de Geste*» становятся предметом исследования настолько часто, что литература о «Песнях о деяниях» на сегодняшний день практически необъятна.

Во второй половине двадцатого века отечественные и зарубежные ученые уделяют достаточно много внимания изучению французского эпоса, эпической стилистики, рассматривая вопросы о сущности и главных признаках жанра, о содержании и художественной форме эпических поэм. К важнейшим проблемам французского эпоса относятся вопросы, связанные с его происхождением, проблемы историзма, эпического авторства, единства эпического повествования, языка и стиля. Для рассмотрения в данной статье мы остановимся на некоторых вопросах, которые являются на наш взгляд недостаточно изученными. Женским образам во французском эпосе не уделяется должного внимания, поскольку считается, что они разработаны чрезвычайно слабо. Тем не менее, в работах А.Д. Михайлова и М.К. Сабанеевой убедительно доказывается обратное. Нам кажется, что подобное исследование представляет интерес в контексте сравнительно-исторического изучения языка и общества.

К наиболее известным французским эпическим поэмам относятся «Песнь о Роланде», «Паломничество Карла Великого», «Коронование Людовика», «Песнь о Гильоме», «Нимский обоз», «Эмери Норбоннский», «Рауль де Камбрэ», на примере которых мы и рассматриваем французский эпический жанр, его зарождение, развитие, его особенности, а также его влияние на рыцарскую литературу средневекового периода.

Прежде всего, следует отметить, что героический эпос, наряду с рыцарской лирикой (поэзия трубадуров), рыцарскими романами (романы Круглого стола, «Тристан и Изольда») является примером светской или придворной литературы. Основными особенностями развития французского героического эпоса являются на первом этапе создание кратких песен и преданий о выдающихся событиях, которые характеризуются небольшим объемом, краткостью, близостью к историческим фактам, а также создание многочисленных вариантов у сказителей, что характеризуется сменой исторических черт на легендарные. На втором этапе развития эпос характеризуется использованием созданного материала жонглерами: масштабностью изображения, усложнением сюжетов, их циклизацией, появлением вставных эпизодов, разговорных сцен, душевных переживаний. Всё это и привело к превращению эпической песни в эпопею с сохранением черт и приемов устной народной поэзии, использованием эпитетов, прямого выражения чувств певца при простоте языка.

Светская или рыцарская культура зародилась и развивалась на юге Франции, в Провансе, распространившись затем на север Франции и в другие страны. Появление этой культуры, а также литературы, отражающей её, показывает тенденции средневекового общества: в этот период рыцарство, отличавшееся невежеством и грубыми нравами, начинает изменяться, становится тоньше и благороднее.

При королевских и герцогских дворах входят в моду хорошие манеры, красивые наряды, занятия музыкой и поэзией. Возникает новый рыцарский «кодекс благородства» - «*courtoisie*». Рыцарь становится символом защитника слабых, он должен быть не только смелым, верным и мужественным, но и великодушным к побежденному врагу, а также учтивым. К героическому идеалу присоединяется, таким образом, идеал этический и эстетический. Пробуждается интерес к проблемам чувства, вырабатывается тонкая и сложная концепция куртуазной любви. Возникает культ прекрасной дамы - поклонение женщине как характерная черта европейской цивилизации, не свойственная никакой другой. Эти идеи культивируются при дворах многих знатных дам, на службе у которых состоят певцы и поэты. Ярким примером этому является двор королевы Алиеноры Аквитанской, который превращается в школу придворного искусства Западной Европы.

Все это определяет стиль и формы светской литературы, появившейся во Франции в XII-м веке и содержащей утверждение светского идеала.

Но прежде рыцарской поэзии и рыцарского романа, развивается героический эпос, в центре которого, безусловно, находятся образы рыцаря и его врагов-язычников.

Женские персонажи остаются на втором плане, тем не менее, играют немаловажную роль, представляя разные образы. Женщины представлены в зависимости от своего социального и семейного статуса, то есть невеста, супруга, мать. Принадлежность к лагерю христиан или к лагерю сарацин обуславливает оценку любого образа в эпосе и женского в частности. Как известно в литературном произведении авторская оценка выступает необходимым компонентом художественного целого, совсем иначе в эпическом произведении. Например, в «Песни о Роланде» рапсод (не автор, а хранитель сказания) упоминает о себе лишь однажды. Поэтому большая часть оценок вложена в уста героев эпоса, в отдельных случаях рапсод-хранитель, рапсод-исполнитель ссылается на устную традицию, на источники, не беря на себя ответственности за факты. Следовательно, героизация персонажей или их разоблачение, любовь или ненависть принадлежат всему народу.

Женские образы вражеского лагеря представлены персонажами хитрыми и коварными, пытающимися обольстить того или иного французского рыцаря, либо слабыми и непостоянными, либо, наконец,

осознающими свою «неправоту» и принимающими христианство, что дает им возможность стать настоящей героиней – женой или матерью христианского рыцаря (как это происходит в случае с Орабль – Гибур после крещения из «Песни о Гильоме»). Нужно отметить, что персонаж клеветницы и интриганки появляется и в лагере христиан (например, сестра Гильома в «Песни о Гильоме»), отражая тенденцию средневековой литературы подозрительного отношения к женщине, к её способностям (врачевательница, колдунья).

Воплощением верности во французских эпических поэмах является персонаж невесты (Альда в «Песни о Роланде, Элоиза в «Рауле де Камбрэ»), которая даже после гибели жениха не желает дарить свою любовь никому другому. Образ невесты является символом чистой любви достойной дамы, хотя место, которое невеста занимает в жизни рыцаря, весьма незначительно. Примечательно, что в разных поэмах авторы используют очень похожие выражения для описания невест, их чувств.

Образ жены, являющейся верным другом рыцаря, заботящейся о его доме, детях, челяди, наиболее ярко отражает новые тенденции рыцарской литературы – уважительного отношения к женщине, которая выступает и как мудрая советчица супруга или сына, и как мудрая правительница в их отсутствие (Гибур в «Песни о Гильоме»). Поведение мудрой супруги заслуживает уважения рыцаря, который, по мнению автора, должен любить свою добропорядочную жену, дорожить ею. Также как и мужчины, женщины могут быть непоследовательны, вспыльчивы, но в отличие от идеального рыцаря, способны на хитрость, на обман ради благих целей, которыми для них являются жизнь и благополучие любимых (Гибур в «Песни о Гильоме», Эрменжарта в «Смерти Эмери Нарбоннского»).

Образы любящей матери занимают особое место в эпических поэмах (Марсан, мать Бернье; Аалэс, мать Рауля в «Рауле де Камбрэ»), показывая женщин достойных, благородных, гордых, любящих.

Вопрос о личном, индивидуальном начале в эпосе очень важен. Художественные средства в обрисовке отдельного человека еще недостаточно развиты, поскольку портрет не выделяется из описания и оценки, а внешность героя передается обычно с помощью описания его облачения, вооружения или его действий. Предметы зачастую более индивидуализированы, чем персонажи (меч Дюрандаль, рог Олифан в «Песни о Роланде»). Характеры героев представляют собой вариации общего типа эпического героя (именно поэтому эпосу свойственна клишированность), хотя прослеживаются первые признаки выделения личности, индивидуальности из общей массы. Однако можно сказать, что французскому эпосу свойственны типологические признаки характероцентричного портрета, к которым относятся описание психологических особенностей (умственные способности, личностные характеристики, моральные качества) и социальных характеристик (социальное положение, возраст, образование) персонажа, позволяющие воссоздать более полный художественный образ.

Персонажи французских женщин в эпосе, являющиеся отражением средневекового, рыцарского миропонимания, позволяют лучше понять рыцарскую культуру, пробуждение интереса к краскам и формам внешнего мира, к душевным переживаниям; изучение данного вопроса помогает понять, как и почему в эту эпоху возникает сложная концепция рыцарской «куртуазной» любви.

Библиография

Сабанеева, М.К. Художественный язык французского эпоса: Опыт филологического синтеза / М.К. Сабанеева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

liin_frlang@uni-altai.ru

Берзина Г.П., Новосибирск (Россия)

УРОВНИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕССИВОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Категоризация – это одно из ключевых понятий когнитивной лингвистики в описании познавательной деятельности человека, понимаемая в узком смысле как «подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории»... [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 42]. Наиболее полно развитие теории категоризации представлено в трудах Б. Берлина, Р. Брауна, Дж. Брунера, Л. Витгенштейна, Л. Заде, Дж. Лакоффа, Э. Рош, В. Эванса и других.

В. Эванс и М. Грин выделяют два принципа, которые определяют систему категоризации в человеческом сознании: 1) принцип когнитивной экономии; 2) принцип структурной организованности мира [Evans et al., 2006, с. 255]. Продуктом процесса категоризации являются категории, в которых фиксируется наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов.

В центре нашего внимания находится категория концессивности, которая, как сложное лингвокогнитивное явление, имеет свою концептуальную систему и широкую систему языковых репрезентаций, при этом категориальный формат представления категории концессивности в языке обнаруживает структурную и содержательную неоднородность, сложную семантическую организацию.

Целью статьи является описание уровней категоризации лексических концессивов исследуемой категории. *Концессивы* в нашем понимании – это лексические (ausweichen, nachgeben, biegsam, konzessiv, der

Rabatt, die Einräumung, unterlegen sein, vom Preise ablassen, Platz machen und viele andere), лексико-грамматические средства (trotz, wider, obwohl, obzwar, wenngleich, trotzdem, wenn auch, zwar ...aber und viele andere) выражения concessивных (уступительных) отношений в языке.

Как подчеркивает Н.Н. Болдырев, формат лексических категорий включает неязыковой концепт и знание языковых средств его репрезентации, а также знание их инвариантно-вариантного принципа их объединения [Болдырев, 2009, с. 35]. В ходе исследования концептуальной системы категории concessивности нами было установлено, что уступительность понятийная включает в свое содержание концептуальные признаки 1) *излом прямой черты, с понижением или заломом назад*; 2) *нелинейность в развитии ожидаемого события*; 3) *разноуровневость*; 4) *изолированность*; 5) *часть целого*; 6) *смена*; 7) *неравенство*, что является общим для всех уступительных концептов, стоящих в категориальной иерархии [Берзина, 2011, с. 153].

Названные признаки представляют собой минимальный набор интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации лексических concessивов на уровне обыденного сознания, содержат пучок коммуникативно-значимых абстрактных смыслов. Эти признаки цементируют все значения лексических concessивов в единую семантическую структуру и представляют собой содержательное ядро категории concessивности.

В структуре категоризации естественных объектов и явлений выделяют базовый, суперординатный (вышестоящий) и субординатный или субкатегориальный (нижестоящий) уровни (Дж. Лакофф, Э. Рош и другие). При этом следует отметить, что категории не просто организованы в иерархии – от более общих к более частным, но организованы таким образом, что когнитивно более базовые категории сосредоточены в «середине иерархии» от «общего к частному». Обобщение идет «вверх» от базового уровня, а спецификация – «вниз» [Lakoff, 1987, p. 112]. Кратко рассмотрим особенности уровней категоризации лексических concessивов.

Способность человека к целостному, гештальтному восприятию объектов и явлений действительности ориентирована на базовый уровень категоризации.

Э.Рош и ее коллеги установили, что базовый уровень – это уровень, на котором члены категорий воспринимаются по сходным общим очертаниям. На данном уровне одиночный ментальный образ может отражать всю категорию в целом. Э. Рош отмечает, что на базовом уровне быстрее всего идентифицируются члены категории, используются наиболее естественные и общепринятые названия для членов категории, которые образуют основу словарного запаса языка; на базовом уровне структурируется наибольшая часть нашего знания [Rosch, 1976].

Из вышесказанного следует, что базовый уровень – уровень, на котором осуществляется каждодневное общение. Единицы этого уровня известны и понятны большинству говорящих, он является наиболее когнитивно и лингвистически значимым по сравнению с другими уровнями категоризации. Слова, репрезентирующие определенные концепты базового уровня, как правило, коротки и структурно просты, отмечаются высокой частотностью употребления в актах коммуникации. Состав базового уровня категоризации лексических concessивов можно выявить, анализируя варианты значений лексем. Они являются средством доступа к содержанию ментальных единиц базового уровня понятийного пространства категории concessивности.

Анализ лексикографической литературы позволил определить круг общих структурных элементов базового уровня категории concessивности. Выявленные общие компоненты позволяют представить исследуемый феномен как совокупность семи ее составляющих: 1) уступить *место* (ausweichen, den Weg freigeben, den Platz überlassen); 2) уступить – *отказаться, отдать в пользу другого* (abtreten, überlassen, einräumen, aufgeben, zedieren); 3) уступить – *быть хуже*; (abfallen, nachstehen, überlegen sein, darunterliegen, zurückstehen); 4) уступить – *продать дешевле* (abhandeln, vom Preise ablassen, einen Preisnachlaß gewähren, abstreichen); 5) уступить – *вынужденно согласиться* (nachgeben, zustimmen, übereinkommen, eine Einigung erzielen, sich auf halbem Wege treffen); 6) *уступка* (die Einräumung, das Zugeständnis, der Ablaß, der Abschlag, die Abtretung); 7) *уступчивый* (biegsam, gefügig, lenksam, nachgiebig).

Центральность базового уровня подтверждается и действием на нем принципа *когнитивной экономики*, который проявляется в репрезентации концептов базового уровня простыми языковыми единицами.

Как известно, уровни высшего и низшего порядков предполагают наличие специальных знаний. На субординатном (подчинённом) уровне группируются максимально конкретные объекты категории concessивности, например, der Abandon – отказ, *уступка, переуступка* (в морском страховом деле; в биржевой торговле); die Konzession – *уступка* (вынужденная), *концессия* – договор, заключаемый государством с частным предпринимателем, иностранной фирмой на эксплуатацию промышленных предприятий, земельных и других угодий [Толковый словарь иностранных слов, 2003, с. 357]; die Vorleistung – *уступка* партнеру, другой стороне с целью добиться аналогичных ответных действий.

Очевидно, что лексические concessивы субординатного уровня содержат концептуальные признаки, конкретизирующие concessивы базового уровня, для дефиниции которых требуются определенные знания в различных сферах человеческой деятельности (экономика, внешняя торговля, юриспруденция и другие), и выделяют дополнительные функциональные и качественные характеристики категории concessивности. Таким образом, на подчинённом уровне группируются максимально конкретные лексические единицы категории

концессивности, субординатный уровень представляет собой уровень конкретизации и детализации лексических концессивов.

Суперординатный уровень выступает в функции обобщения и выделения наиболее ярких признаков категории концессивности. Мы полагаем, что наиболее обобщенный признак категории концессивности содержится в грамматических терминах *Konzessivität*, *Konzessivsatz* (*Einräumungssatz*), *konzessiv* и других, так как наиболее важные с точки зрения языка смыслы, что единодушно признается лингвистами, кодируются на грамматическом уровне. Как пишет Т.А. Майсак, грамматикализация – это процесс, в ходе которого лексический материал в высоко ограниченных прагматических и морфологических контекстах приобретает грамматическую функцию, а затем происходит развитие у него функций в большей степени грамматических и собственных операторам [Майсак, 2005, с. 38].

Таким образом, одним из таких принципиально новых подходов к моделированию лексических групп является ориентация на познавательные процессы, позволяющие раскрыть не только значения слов, но и знания, репрезентированные ими. При этом сам язык рассматривается в качестве одной из основных когнитивных способностей. Когнитивное моделирование ставит своей целью выработать структурную модель организации знаний о событии или явлении окружающего мира в сознании человека.

Библиографический список

1. Берзина, Г.П. Концептуальная система категории концессивности [Текст] / Г.П. Берзина // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания : колл. моногр. – Краснодар : Центр социально-политических исследований «Премьер», 2011. – С.135-160.
2. Болдырев, Н.Н. Концептуальная основа языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : колл. моногр. – М. ; Тамбов : Ин-т языкознания РАН ; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2009. – С.25-77.
3. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ, 1996.
4. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л.П. Крысин. – М. : Русский язык, 2003.
5. Майсак, Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции [Текст] / Т.А. Майсак. – М. : Языки славянских культур, 2005.
6. Evans, V. et al. Cognitive Linguistics: An Introduction [Text] / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.
7. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago, 1987.
8. Rosch, E. Structural bases of typicality effects [Text] / E. Rosch, C. Simpson, R.S. Miller // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 1976. - №2. – P.491-502.

bgp55@mail.ru

Беседина Н.А., Белгород (Россия)

МОРФОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

Развитие современной лингвистической науки связано с введением новых понятий и разработкой новых методов исследования языковых единиц различных уровней. Наиболее интенсивно этот процесс происходит в рамках когнитивно-дискурсивного направления (см., например, сборники научных трудов «Принципы и методы когнитивных исследований языка», «Когнитивные исследования языка» и др.). В настоящем докладе освещаются теоретические основы когнитивного подхода к исследованию морфологического уровня в языке и предлагаются новые понятия, позволяющие исследовать морфологию английского языка с данной точки зрения (подр. см. [Беседина 2006]). Специфика когнитивного подхода к морфологии заключается в обращении к проблеме с принципиально иных позиций, а именно с точки зрения того, как языковые факты отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации в языке. Такой подход позволяет рассмотреть в более широком научном ракурсе проблему морфологических категорий, в привязке к основным познавательным процессам (концептуализации и категоризации) и в преломлении к процессу репрезентации концептуального содержания в языке.

Исследование морфологии с указанных позиций позволяет выделить **морфологическую репрезентацию** как особый тип представления в языке концептуального содержания, подразумевающий категориальный способ его структурирования с помощью морфологических категорий и форм, выступающих в качестве языкового механизма, обеспечивающего этот процесс. В таком качестве морфологические категории представляют собой концептуальное объединение форм, служащее осмыслению мира в языке и выступающее в качестве формата знания особого типа (подр. о форматах знания см. [Болдырев 2006]). Как следствие, обобщенные значения морфологических категорий создают ту «сетку координат» (термин Е.С. Кубряковой) в организации языка как когнитивной системы, в рамках которой осуществляется видение и осмысление мира человеком. Вместе с

другими грамматическими категориями они «обеспечивают языку выход за пределы непосредственно наблюдаемого и отражают воистину беспредельные возможности языка» [Кубрякова, 2006, с. 13].

В морфологических формах язык фиксирует не только наиболее обобщенные и абстрактные характеристики окружающего мира, но и те стороны, которые оказываются для человека наиболее регулярными и менее подверженными влиянию каких-либо факторов. Именно такие характеристики и стороны окружающей действительности передаются в морфологических формах с определенной степенью обязательности и регулярности. Например, временные, количественные параметры, показатели меры степени признака и реальности/ирреальности действия в большей степени представляются универсальными и в меньшей степени зависимыми от позиции говорящего. Эти знания, как правило, репрезентируются в языке соответствующими морфологическими категориями (времени, числа, степеней сравнения, наклонения).

Сказанное позволяет заключить, что морфологические категории и формы объективируют языковое знание как составную часть знания о мире, включающее в себя знание языковых значений, форм и категорий и знание о мире, как оно концептуализировано языком. При этом они обладают максимальной степенью значимости в формировании языкового знания. Как следствие, морфологические категории создают костяк системы языка и закрепляют в качестве обязательных основные координаты всего языкового пространства. Напомним, что еще А.А. Реформатский сравнивал морфологию со скелетом, на котором держится все остальное в языке. По его мнению, морфология представляет собой центр языкового пространства, и для того, чтобы узнать язык, надо прежде всего понять его морфологию, без которой нет языков. При этом А.А. Реформатский подчеркивает, что у разного типа языков своя морфология, но она все равно присутствует [Реформатский, 1979, с. 58].

С когнитивной точки зрения, морфологические категории служат структуризации концептуального содержания, организуя каркас тех форм, в которые «выливается» содержание, передаваемое лексикой (подр. см. [Talmy, 2000, р. 1-4]). Как следствие, они, как и другие грамматические и словообразовательные категории, входят в класс формально маркированных категорий, характеризующихся наличием у каждой из них особой языковой формы (ср. формы Progressive, Perfect, Perfect Progressive, Passive и т.д.).

Основным понятием, лежащим в основе анализа процесса морфологической репрезентации, является **морфологически передаваемый концепт**. Он определяется как выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического. Морфологически передаваемый концепт существует в двух ипостасях: как единица знания, репрезентируемая с помощью морфологических категорий и форм, и как концепт, лежащий в основе формирования морфологических категорий и реализующийся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое число, время, наклонение и т.д.). Как следствие, он позволяет подводить существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и определяет семантику последних.

Содержание морфологически передаваемого концепта включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики, которые в процессе активизации требуют дальнейшего уточнения и конкретизации при участии дополнительных лингвистических факторов (подр. см. [Беседина 2006]). Эти характеристики (например, совпадение с моментом речи, предшествование моменту речи, следование за моментом речи, соответствие действительности, несоответствие действительности, длительность, результативность, активность, пассивность, множественность, немножественность, большая степень интенсивности признака, высшая степень интенсивности признака, посессивность и др.) обладают статусом особых категориальных смыслов и имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса. В этом смысле морфологически передаваемые концепты обнаруживают более тесную привязку к языку, являясь классификационными, и могут быть определены как обязательно вербализуемые концепты.

Сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается полностью только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической репрезентации. Вследствие этого, морфология выступает как область смыслов, служащих для формирования конкретных, в частности грамматических и лексико-грамматических смыслов. Данная особенность объясняет тот факт, что морфология не существует изолированно в языковой системе, она органично вплетена в ткань языка и является необходимым компонентом смысла в процессе речемыслительной деятельности.

Как следствие, морфологическая репрезентация представляет собой полифакторный интегративный процесс, в котором задействованы и другие уровни языковой системы. Сказанное, в свою очередь, позволяет утверждать, что специфика грамматической системы каждого языка и его концептуальной системы проявляется в наборе морфологически передаваемых концептов, который не совпадает в различных языках, в силу того, что инвентарь морфологических категорий может заметно варьироваться от языка к языку.

Данный факт с необходимостью предполагает использование специального метода исследования, в качестве которого предлагается **метод концептуально-репрезентативного анализа**. Он определяется как специальный лингвистический метод в рамках когнитивного подхода к изучению языка. Он представляет собой последовательное продолжение и углубление концептуального анализа с точки зрения выявления не только содержания концепта, но и того, как это содержание, формируемое совокупностью концептуальных

характеристик, передано в языке, какие лингвистические уровни и факторы в каждом конкретном случае задействованы в его репрезентации. Концептуально-репрезентативный метод предполагает два направления анализа: от языковой семантики к концептуальному содержанию и от концептуального содержания к языковой семантике. Глубинным принципом предлагаемого метода является принцип причинно-следственного взаимодействия концептуализации и репрезентации в процессе функционирования языка как динамической системы, находящейся во взаимодействии с другими когнитивными структурами. В рамках концептуально-репрезентативного метода концептуальный анализ представляет собой не просто анализ концептов и их концептуальных характеристик, а направлен на выявление концептов в их двойной функции – как оперативных единиц сознания, и как неких идеальных единиц, объективированных в языковых формах и категориях. Применение предлагаемого метода в таком понимании к морфологической репрезентации необходимо, прежде всего потому, что морфология не представляет собой автономного языкового уровня, а обеспечивает технику языковой системы, неизбежно взаимодействуя с другими уровнями.

Библиографический список

1. *Беседина, Н.А.* Морфологически передаваемые концепты : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / Н.А. Беседина. – Тамбов, 2006.
2. *Болдырев, Н.Н.* Языковые категории как формат знания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. - № 2. - С.5-22.
3. *Кубрякова, Е.С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие [Текст] / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2006. – Т.65. - № 2. – С.3-13.
4. *Реформатский, А.А.* Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии. [Текст] / А.А. Реформатский. – М. : Наука, 1979.
5. *Talmy, L.* Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1. [Text] / L. Talmy. Cambridge : CUP, 2000.

NBesedina@bsu.edu.ru

Битнер М.А., Красноярск (Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ С ШИРОКОЗНАЧНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

Знаки естественного языка являются одним из способов материализации идеального мыслительного содержания, в основе которого лежит мир, представленный объектами, их признаками и отношениями [Никитин, 2009, с. 21]. В языке существуют способы репрезентации дискретных объектов и континуумов, признаковости и субстантивности, причины и следствия, части и целого. Однако, при поверхностном рассмотрении языковая форма отображения действительности кажется непоследовательной: язык «исчисляет» неисчислимое (ахматовское «полтора кота») и делит неделимое (a bit of a girl). Разгадка данного противоречия кроется в том, что вербализованное представление получают не сами объекты и явления, а способ их освоения познающим субъектом. Другим основанием для выбора языковой формы является прагматическая нагрузка единицы, то есть способность передавать субъективно-оценочную информацию с целью воздействия на адресата.

Исходя из прагматической целесообразности и имеющегося инвентаря языковых средств, субъект речи выражает значение либо посредством формы, либо путем именованности. Канонической единицей номинации является слово, в котором цельнооформленно представлены значения категориальности (предметности или признаковости), лексическое и грамматическое значения [Юрченко, 2008, с. 80-81]. Непроизводные слова именуют предметы интегративно, а в производных словах можно наблюдать расчлененность содержательной структуры. Так, в слове «вор» категориальная сема «тот, кто» не выражена, в отличие, например, от слова «учитель», где она получает формальное выражение [Алефиренко, 2005, с. 192]. Полностью расчлененное представление денотата можно наблюдать в предложении в виде базовых пропозициональных структур «субъект — предикат (признак)» и «субъект — предикат — объект» [Юрченко, 2008, с. 115]. Переходным звеном между словом и предложением является словосочетание, которое не способно выражать коммуникативно-логическую структуру мысли и не имеет модальности, но, в отличие от слова, обладает потенциалом к акцентуации существенного признака, посредством его прямого названия.

Особенностью современного английского языка, развитие которого идет по пути нарастания аналитических черт, является номинация неоднословной лексемой [Плоткин, 1989, с. 199-201]. Компоненты лексемы имеют разную функциональную нагрузку, а в словосочетании каждое слово обладает автономностью и, сохраняя свою семантическую определенность, называет либо признак, либо вещь. Компоненты аналитической лексемы слиты в единый комплекс. Служебный компонент, представленный так называемым широкозначным словом, призван выражать общее грамматическое и категориальное значение. Не являясь семантически опустошенным, он характеризует лексему как субстантивную или признаковую [Шапошникова,

2005, с. 16]. Широкозначность, традиционно противопоставляемая многозначности, позволяет таким единицам с одной стороны обладать собственной семантикой, с другой стороны, служить неким каркасом для формирования новых лексем. Широкозначное слово, благодаря семантическому конформизму, то есть способности «подстраиваться» под контекст, создает фон, который придает рельефность акцентируемому признаку.

Функция таких широкозначных слов близка функции местоимений, которые, благодаря своей индексальной природе, могут указывать на разные денотаты. В следующих примерах, местоимение *one* означает человека (1) и вещь (2). Подобные сочетания используются для ярко мотивированных именовании, основанных на одном существенном (или единственно известном) признаке.

(1) The two strangers left with all the stealthy tact of professional undertakers, but Nessie heard *the tall one* say to Kevin, 'Rest well, O'Neil [BNC, el.res.].

(2) That's Alice's shelf, that's mine, *the smaller one* [BNC, el.res.].

Местоимение *one* в данных контекстах является носителем семантики персональности или вещиности, то есть субститутом слов *person/thing*. В английском языке, однако, слово *thing* может относиться не только к одушевленному объекту, но и к человеку.

(3) Oh, you see, I know! You're *a snappy old thing* with a temper [Webster, el.res.].

Широкозначное существительное в подобной лексеме выполняет функцию формального представления семы '*person*'. Лексема же в целом обладает большей прагматической емкостью за счет интенсификации атрибутивного признака.

Особый интерес с точки зрения прагматического значения единицы представляют лексемы типа *a tired piece if Eddie*, построенные по модели «Adj. - Noun (eur) of Noun» и используемые для обозначения лиц. В данной модели вторая позиция обычно заполняется эврисемантами *thing/ piece*. Партитивное сочетание *a thing of / a piece of ...*, имеющее значение «части целого», применительно к человеку означает, что речь идет не о целостной характеристике личности, но об одном из проявлений характера или одной из черт, обычно не свойственных описываемому лицу.

(4) *A grudge piece of Joe* couldn't but set the last faithful staunch ally against her [Twitter, el. res.].

(5) That was *the drunk piece of me*, I dunno how to explain [Twitter, el. res.].

Лексические единицы со значением части целого, используемые для именовании лиц, всегда имеют оценочное значение пренебрежительно-негативного отношения. Они характерны для эмоциональных высказываний, как в примере (6).

(6) Dave might be *a bit of a lad*, but he was marrying me, not you ... [Harrison, 2009, с. 243] – Дэйв, может, парень так себе, но ...

Примечательно, что в сочетаниях типа *a bit of a lad*, *a little of a girl* существительные во второй позиции выполняют функцию признакового слова, то есть функция идентификации предмета речи, характерная для имени, отходит на второй план. Такие единицы заполняют позицию предикатива. Возможность ментального градуирования онтологически не делимого объекта указывает на то, что речь идет о градуируемом признаке, а не о части целого.

Обобщая изложенное, следует подчеркнуть, что комплексы с широкозначными существительными прочно вошли в лексическую подсистему английского языка как аналитические единицы номинации. Расчлененное представление признака и его носителя способствует интенсификации первого и увеличивает прагматический потенциал аналитической лексемы в целом. Подобные единицы особо часто используются в эмоциональной разговорной речи для выражения оценочного отношения говорящего к некоторому субъекту.

Библиографический список

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Спорные проблемы семантики [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005.
2. *Никитин, М.В.* Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. *Плоткин, В.Я.* Строй английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / В.Я. Плоткин. – М. : Высшая школа, 1989.
4. *Шапошникова, И.В.* Становление аналитизма как диахроническая типологическая константа в английском языке [Текст] / И.В. Шапошникова // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах / Ин-т языкознания РАН ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. – С.7-26.
5. *Юрченко, В.С.* Философия языка и философия языкознания: Лингвистические очерки [Текст] / В.С. Юрченко. – М. : Издательство ЛКИ, 2008.

Список источников иллюстративного материала

1. British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> – [BNC]
2. *Harrison, K.* Old School Ties. – London, Orion books, 2009.
3. Twitter [Electronic resource]. – Mode of access : <http://twitter.com/>
4. *Webster, J.* Daddy-Long-Legs [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.fullbooks.com/Daddy->

Богатова С.М., Омск (Россия)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В. ВУЛФ

Жизнь и смерть являются универсальными культурными концептами и ключевыми понятиями любой философской и религиозной системы, и шире – любой национальной или индивидуальной картины мира. Представления о смерти, ее оценка и переживание варьируются в разных культурах и исторических эпохах. Поэтому, по мнению В.Ш. Сабирова, имеет смысл говорить о существовании особых духовно-ценностных и теоретико-философских парадигм [Сабиров, 2000]. Исследователь выделяет четыре парадигмы осмысления и отношения к смерти:

- трактовка смерти и смертности человека (онтология смерти);
- оценка смерти (аксиология смерти);
- представление о бессмертии (метафизика смерти);
- моральные императивы (нормативная этика смерти).

Следуя данной схеме, можно проанализировать понимание антиномии «жизнь/смерть» в авторской картине мира Вирджинии Вулф на материале романа «Миссис Дэллоуэй». Данный роман, посвященный всего одному дню в жизни главной героини, ставит перед читателем значительные философские вопросы: что есть жизнь и смерть? Она пишет в своем дневнике о планах на данный роман: «In this book I have almost too many ideas. I want to give life and death, sanity and insanity» [Woolf, 1978, с. 82]. Действительно, центральным событием романа является самоубийство второстепенного персонажа и потенциальное самоубийство главной героини, однако, по мнению автора, роман предназначался на самом деле для утверждения жизни. Рассмотрим как концептуализируются различные парадигмы смерти в данном романе:

1) Онтология смерти

Первым и центральным признаком концепта «смерть» в романе «Миссис Дэллоуэй» является «конец существования», что указывает на уверенность в том, что смертность – это часть человеческой природы:

... did it matter that she must inevitably cease completely; all this must go on without her; did she resent it; or did it not become consoling to believe that death ended absolutely?

After that, how unbelievable death was!—that it must end.

Таким образом, главная героиня выражает свое убеждение в том, что смерть неизбежна (inevitably) и окончательная (completely, absolutely), что жизни после смерти не существует. Неумолимость наступления смерти (и внутренне согласие с ее правом) выражается также в модальности данных высказываний, которая реализуется в повторе глагола «must» (моральный долг). Данное убеждение подтверждается и следующим примером, в котором атрибут «harpu» по отношению к смерти может быть уместен только в том случае, если автор высказывания примиряется с фактом неизбежности смерти и размышляет лишь о наиболее удачном времени для ее наступления:

“If it were now to die, ’twere now to be most happy,” she had said to herself once, coming down in white.

Вторым важным признаком концепта «смерть» в авторской КМ В. Вулф является признак «неотъемлемая часть жизни». Присутствие смерти посреди жизни считается легитимным, однако появление ее все же всегда непредсказуемо:

A young man (that is what Sir William is telling Mr. Dalloway) had killed himself. He had been in the army.” Oh! thought Clarissa, in the middle of my party, here’s death, she thought.

...a moment, in which things came together; this ambulance; and life and death.

2) Аксиология смерти

В авторской картине мира В. Вулф концепт «смерть» получает неоднозначную оценку. С одной стороны, смерть воспринимается как ужасная трагедия, что выражено лексемами с корнем “horror”, “awe” (т.е. актуализируется признак «страх»):

That phase came directly after Sylvia’s death—that horrible affair.

It ended in a transcendental theory which, with her horror of death...

... and it was bound, Clarissa used to think, to end in some awful tragedy; her death; her martyrdom.

С другой стороны, в тексте романа присутствуют высказывания, которые актуализируют совершенно противоположные признаки. Смерть, которая часто концептуализируется как прекращение деятельности (см. пункт 1), в данном случае реализует признак «активное действие»:

Death was defiance. Death was an attempt to communicate; people feeling the impossibility of reaching the centre which, mystically, evaded them; closeness drew apart; rapture faded, one was alone. There was an embrace in death.

... had some woman breathed her last and whoever was watching, opening the window of the room where she had just brought off that act of supreme dignity.

Данный признак актуализируется за счет таких субстантивов как «act», «defiance», «attempt», «embrace». В этом ключе, концепт «смерть» получает фактически положительную оценку как феномен достойный уважения (“supreme dignity”).

3) Метафизика смерти

Именно метафизика смерти является наиболее специфичным элементом любой картины мира, она отражает представление ее носителей о загробной участи человека. В авторской картине мира В. Вулф жизнь души после смерти представляется в виде некоего призрачного состояния:

... or say that she believed, that since our apparitions, the part of us which appears, are so momentary compared with the other, **the unseen part of us, which spreads wide, the unseen might survive, be recovered somehow attached to this person or that, or even haunting certain places after death...** perhaps, perhaps.

Отсутствие четкой концепции метафизики смерти выражается глаголами «might», «believe» и модальным словом «perhaps». Глаголы же, описывающие действия души человека после смерти (“the unseen part of us”) – spreads wide, survive, be recovered, attached, haunted – создают образ некоего безличностного существования в виде бесплотного духа. Такая концепция не совпадает ни с христианским представлением о личном спасении человека в ином мире, ни с восточными буддистскими учениями о дхарме, а представляется собой нечто отличное от них.

Душа человека после смерти в авторской картине мира В. Вулф, представляется своего рода духовной субстанцией, которая остается привязанной (“attached”, “haunted”) к любимым людям или местам. Так, например, Леди Брутон настолько дорожила идеями империализма, что даже после смерти, по мнению В. Вулф, она не может быть оторвана (“parted”) от Британской территории:

*Millicent Bruton... she had the thought of **Empire** always at hand ... so that one could not figure her even in death parted from the earth or roaming territories over which, in some spiritual shape, the Union Jack had ceased to fly. To be not English even among the dead—no, no! Impossible!*

4) Нормативная этика смерти

Моральные императивы, связанные со смертью, выражаются в основном в порицании материалистического отношения к жизни, которое приравнивается к духовной смерти. В следующих примерах автор внутренней речи укоряет главную героиню в невнимании к духовной стороне своей жизни, что привело к «смерти ее души»:

*He woke with extreme suddenness, saying to himself, “**The death of the soul.**” “Lord, Lord!” he said to himself out loud, stretching and opening his eyes. “**The death of the soul.**” ...He hadn't blamed her for minding the fact, since in those days a girl brought up as she was, knew nothing, but it was her manner that annoyed him; timid; hard; something arrogant; unimaginative; prudish. “**The death of the soul.**” He had said that instinctively, ticketing the moment as he used to do – **the death of her soul.***

Личностные качества, приводящие к духовной смерти, выражены следующими атрибутами: hard, timid, arrogant, unimaginative, prudish. Все эти характеристики являются своего рода гипонимами понятию «моральной трусости», которое так претило В. Вулф.

Другой аспект нормативной этики смерти в авторской картине мира В. Вулф проявляется в следующем примере:

*Somehow it was **her disaster – her disgrace.** It was **her punishment** to see sink and disappear here a man, there a woman, in this profound darkness, and she forced to stand here in her evening dress.*

Здесь смерть любого человека – на что указывает неопределенный артикль при субстантивах *man/woman* и указательные местоимения *here/there* – оценивается как личная трагедия (*disaster, disgrace, punishment*), которая усиливается троекратным повтором личного местоимения *her*. Трагедия для автора заключается в отсутствии сострадания и соучастия в смерти окружающих, чему противопоставляется продолжение светского приема (*forced to stand there in her evening dress*). Отношение по принципу «show must go on» перед лицом смерти оскорбляет человеческое достоинство, по мнению автора. Таким образом, утверждаемый моральный императив «уважай смерть другого, ибо ты сам смертен» вторит известной цитате Джона Донна: «Any man's death diminishes me, because I am involved in Mankind; And therefore never send to know for whom the bell tolls; it tolls for thee» [Donne, 1839, c. 575].

Библиографический список

1. *Сабиров, В.Ш.* Жизнь. Смерть. Бессмертие (Обзор основных религиозно-философских парадигм) [Текст] / В.Ш. Сабиров // Человек. – 2000. - №5-6.
2. *Donne, J.* The Works of John Donne [Electronic resource] / H. Alford (Ed.). – Vol III. – L. : John W. Parker, 1839. – Mode of access : <http://www.luminarium.org/sevenlit/donne/meditation17.php>
3. *Woolf, V.* A writer's diary [Text] / V. Woolf. – L. : Triad Grafton Books, 1978.

Источник иллюстративного материала

Вулф, В. Миссис Дэллоуэй : роман : [на англ. яз.] / В. Вулф. – М. : Мэнеджер, 2002.

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ ПОДЛИННИКА ВО ВТОРИЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Своеобразие перевода художественного произведения как вида вторичного текста обусловлено тем, что он имеет целью эстетическое воздействие. В силу этого он является совершенно *особым видом толкования подлинника* – его художественной интерпретацией. В результате такого перевода происходит творческое пересоздание подлинника [Кашковская, 1999, с. 133]. Данный подход соответствует положению, выдвинутому М.В. Вербицкой, которая считает, что эстетика вторичного текста имеет особый характер [Вербицкая, 1997, с. 30].

Лингвопоэтическое сравнение текстов оригинала и перевода направлено на то, чтобы зафиксировать те языковые элементы оригинального текста, которые в текстовом вторичном были в) сохранены без изменений; б) опущены вовсе; в) заменены [Липгарт, 2007, с. 30].

При этом необходимо иметь в виду, что перевод поэтических произведений представляет большие трудности в связи со строгими формальными требованиями и ограничениями, накладываемыми на поэтический текст, с одной стороны, и выразительными средствами поэзии, с другой (речь идёт о необходимости передачи при переводе ритма, аллитераций и т.д.). Как писал Дж. Г. Байрон, «монархи иногда менее властны, чем рифмы» («sometimes monarchs are less imperative than rhymes») (D.J., V, LXXVII). То есть даже сохранение элементов первичного произведения без изменения требует больших творческих усилий от поэта-переводчика, хотя, конечно, особенно ярко индивидуально-авторское начало проявляется при введении переводчиком во вторичный текст элементов, отсутствующих в тексте оригинала.

Рассмотрим это на основе сопоставления оппозиций лексических и грамматических антонимов, содержащихся в произведении Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» и его переводе на русский язык Т. Гнедич. Данное сопоставление показывает, что переводчик может вводить во вторичный текст следующие элементы, отсутствующие в тексте оригинала:

а) системные лексические (одночленичные) антонимы. Например:

It was a wild and breaker-beaten coast,

А остров был безлюден и уныл:

With cliffs above, and a broad sandy shore (D.J., 2, CLXXVII).

Вверху – скалистый, а внизу – песчаный.

Если в оригинале есть только наречие «*above*», то в переводе появляется и его антоним: «*вверху / внизу*»;

б) фразеологизмы. Например:

Some women use their tongues — she look'd a lecture.

Она была живое поученье,

Each eye a sermon, and her brow a homily (D.J., 1, XV).

Мораль и притча с головы до ног.

Введённый Т. Гнедич фразеологизм усиливает экспрессивность иронического описания матери Жуана;

в) грамматические межчленичные антонимы, существование которых объясняется возможностью передачи одного фрагмента действительности в разной категориальной форме, т.е. разными частями речи, например:

Polygamy may be held in dread,

Ей-богу, полигамия грустнее,

Not only as a sin, but as a bore (D.J., 6, XII).

Чем наш простой и моногамный брак.

В оригинале содержится только существительное «*полигамия*», в переводе появляется его антоним – прилагательное «*моногамный*», что усиливает контраст смысла с помощью контраста формы;

г) грамматические антонимы-члены категориальных оппозиций настоящего / прошедшего времени. Например:

She looked a sadness sweeter than her smile.

Так ласково глаза ее блестели,

As if her heart had deeper thoughts in store

Как будто скрытой нежности запас

She must not own, but cherish'd more the while

Жуану передать они хотели.

For that compression in its burning core (D.J., 1, LXXII).

Очаровать одним сияньем глаз

Все женщины умеют и умели.

Введение переводчиком оппозиции форм «*умеют / умели*» усиливают описание эффекта воздействия женских чар на мужчин, показывая его неизменность;

д)

грамматические антонимы-члены категориальных оппозиций активного / пассивного залога. Например:
In vain the yell of victory is roar'd И, право, побеждённых каждый стон
By the advancing Muscovite – the groan Был стоном победивших повторён.
Of the last foe is echoed by his own (D.J., 1, LXXII).

Употребление субстантивированных причастий активного и пассивного залога «побеждённые / победившие» придаёт большую экспрессивность строфе о мужестве мусульман, которые отважно защищали свой город и предпочитали смерть поражению;

е) грамматические антонимы-члены категориальных оппозиций единственного и множественного числа существительных. Так в следующем примере переводчик опускает оппозицию форм глагола «joy / joys», но употребляет другую аналогичную оппозицию «тысяча / тысячи», смещая акцент с радостной реакции императрицы на кровавую цену победы, которая вызвала эту реакцию:

Great joy was hers, or rather joys : the first Во-первых, ей весьма приятно было
Was a ta'en city, thirty thousand slain (D.J., 9, LIX). Узнать, что враг разбит и город взят.
Хотя она на это уложила
 Не тысячу, а тысячи солдат;

ж) оксюмороны, состоящие из грамматических межчастеречных антонимов. Например:

(1) *And ever-dying Gladiator's air,* И образ гладиатора страдающий
Their energy like life tonus all their fame Живет в веках, бессмертно умирающий.
Yet looks not life, for they are still the same (D.J., 4, LXI).
 (2) *...it would strike you blind* Могла б закружиться голова,
Could I do justice to the full detail; Когда бы описание вышло живо.
So, luckily for both, my phrases fail (D.J., 5, XCVII). А посему молчу красноречиво!

Не вызывает сомнений, что подобные оксюмороны усиливают экспрессивность повествования и являются ярким проявлением креативности поэта-переводчика;

з) семантически несовместимые сочетания, состоящие, как правило, из индивидуально-авторских лексических антонимов и являющиеся такой фигурой речи, как зевгма. Например:

И своеволье ножки совершенной
Ступало не случайно и не раз
По шеям и сердцам толпы пленённой (Д.Ж., 5, 111).

Данная зевгма, основанная на противопоставлении физического и духовного, отсутствующая в соответствующей строфе оригинала (They trod us upon the necks (D.J., 5, CXI)), создаётся, вместе с тем, под влиянием последнего, в котором часто употребляются аналогичные зевгмы (*lips / soul, eye / heart* и под.).

Приведённые выше примеры отчётливо показывают, что первичный поэтический текст и его перевод являются составной частью большего класса явлений, которые В.В. Виноградов назвал «вариантными формами воплощения того же замысла» [Виноградов, 1963, с. 57] и которые характеризуются спецификой когнитивной и эмоциональной сфер их авторов.

Библиографический список

1. *Вербицкая, М.В.* К обоснованию теории «вторичных текстов» [Текст] / М.В. Вербицкая // *Филологические науки.* – 1997. - № 1. – С. 30-36.
2. *Виноградов, В.В.* Сюжет и стиль [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : АН СССР, 1963.
3. *Кашковская, М.В.* Французская лексика в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и вопросы её перевода на английский язык [Текст] / М.В. Кашковская // *Пушкин: Сб. статей.* – М. : МГУ, 1999. – С.133-151.
4. *Липгарт, А.А.* Основы лингвопоэтики: Учебное пособие [Текст] / А.А. Липгарт. – М. : КомКнига, 2007.

Список источников иллюстративного материала

1. *Байрон, Дж. Г.* Дон Жуан [Текст] / Дж. Г. Байрон. – М. : Художественная литература, 1974.
2. *Byron, G.* Don Juan [Text] / G. Byron. – М. : Foreign Publishing House, 1948.

satava_rnd@mail.ru

МАКРОКОНЦЕПТ 'ВЕЩЕСТВО' КАК РЕЗУЛЬТАТ КОГНИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Когнитивная наука является достаточно новой парадигмой гуманитарного знания, которая занимается изучением разума и мышления, ментальных процессов и состояний, связанных с ними, а также исследованием аспектов получения, приобретения, переработки и использования информации человеком.

В настоящее время в русистике ученые исследуют самые разнообразные концепты. Количество концептов, исследуемых учеными, велико и постоянно пополняется, однако макроконцепт 'Вещество' в лингвистической науке до настоящего времени не рассматривался, находясь вне зоны интересов русистов.

Мы полагаем, что основу макроконцепта 'Вещество' репрезентирует семантика ключевого слова «вещество», именующего данный макроконцепт. В свою очередь, макроконцепт 'Вещество' стратифицируется на множества и подмножества микроконцептов, которые объективируются номинативными единицами, называющими тот или иной вид вещества.

Поскольку концепты представляют собой упорядоченный, осознанный и ценностно значимый опыт, который обозначен и охарактеризован языковыми единицами, то в составе концептов можно выделить по меньшей мере три составные части – образную (совокупность представлений), понятийную (языковое обозначение этих представлений в виде имен, развернутых дефиниций, системных противопоставлений) и ценностную (соотнесение этого опыта с системой важнейших ориентиров поведения). Именно макроконцепт 'Вещество' характеризуется максимальной значимостью, так как *вещество* неразрывно связано с жизнью, деятельностью и бытом человека, существуя в виде совокупности различной сложности и агрегатного состояния объектов, которые занимают соответствующие уровни в иерархической системе мира.

Вещество представляет собой основной вид материи, обладающий массой покоя. В целом материя и вещество – это одни из главных участников всех процессов, происходивших и происходящих во Вселенной. Они генетически взаимосвязаны и взаимообусловлены, но в то же время субстанционально и функционально противоположны. Материя первична и непрерывна, вещество же как ее особый вид дискретно, что и объективируется в языке.

Семантическая структура лексемы *вещество* свидетельствует об универсальности репрезентируемого макроконцепта, его значительной роли в сознании и жизни человека. Подчеркивая важность вещества, ученые рассматривают его наряду с информацией и энергией. Но в настоящее время в сознании человека это не выступает на первый план, а в современных энциклопедических словарях *вещество* определяется как вид материи, совокупность дискретных образований, обладающих массой покоя [СЭС, 1992, с. 217; БЭС, 2004, с.199].

В «Толковом словаре русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Складневской представлено следующее определение: «**Вещество**. Биологически активные вещества (см. Активный)» [Складневская, 1998, с. 133]. «Активный. Биологически активные **вещества** (действующие активно на жизненно важные органы, физиологические процессы и т.п.: витамины, микроэлементы)» [Складневская, 1998, с. 43]. Таким образом, в конце XX века при интерпретации *вещества* его научные, физические параметры не считаются доминирующими; *вещество* трактуется лишь как фактор, активно влияющий на живой организм.

В процессе познания действительности постоянно происходит стратификация новых понятийных единиц и их блоков, которые приобретают языковую форму, адекватно репрезентирующую их субстанциональную специфику. Системная совокупность понятий как гносеологическая парадигма обуславливает параметры деривационных механизмов и деривационной актуализации макроконцепта 'Вещество' в его предметно-тематических и смысловых модификациях.

Все эти процессы коррелируют с когнитивной деятельностью человека, которая теснейшим образом связана с языком как инструментом познания.

В современном русском языке макроконцепт 'Вещество' репрезентируется посредством таких механизмов языка, как деривационная система, терминология, система общеупотребительных слов, тексты различных жанров, актуализируясь преимущественно системой субстантивов с вещественным значением и системой специализированных формантов.

Вещество как философская, научная и онтологическая категория теснейшим образом связана с жизнью и деятельностью людей с момента появления человеческого коллектива, а возникновение лексических средств, репрезентирующих макроконцепт 'Вещество' в языке, относится к глубокой древности. Мир веществ отличается необычайным разнообразием и представлен огромным количеством различных видов, что отражается и выражается в языке.

Вся совокупность наименований видов вещества, репрезентирующая макроконцепт 'Вещество' в языке, выступает в качестве «моделирующей знаковой системы» (термин В.М. Лейчика), предназначенной для получения, хранения и передачи информации о соответствующем фрагменте действительности. История континуума наименований видов вещества демонстрирует эволюцию языковой категории вещественности, тесно связанную с эволюцией коллективного сознания, с развитием абстрактного мышления. В этом движении проявляется неразрывная связь между реальностью, языком, мышлением и сознанием. Изменение

действительности требует иных моделей для ее интерпретации. Языковой знак удерживает и фиксирует не всю информацию, связанную с обозначаемыми объектами и ситуациями, а сосредоточивает внимание лишь на определенных деталях. Таким образом, во вновь создаваемых единицах номинации отражается присущее данному периоду определяющее направление коллективного сознания.

Макроконцепт *‘Вещество’* настолько специфичен, что на языковом уровне это реализуется в отсутствии у лексемы *вещество* (имени концепта) широких синонимических и антонимических отношений. По данным словарей, указанное слово имеет только один синоним, а антонимов не имеет вообще. Следовательно, это является нормой и показывает нормативное мышление, нормативный уровень интерпретации данного понятия, что подтверждается фиксацией в лексикографических источниках.

В системе языка концепт получает семантическое измерение, выражается семантическими структурами различной сложности и абстрактности и имеет свои репрезентанты в семантической системе языка – соответствующие семы, представляемые в языковых значениях.

Анализ семантической структуры лексемы *вещество* позволяет выявить концептуальные признаки, которые задают основные векторы ее семантического развития и, следовательно, семантическую модель макроконцепта *‘Вещество’*, проецирующуюся на семантическое пространство языка.

Когнитивные структуры обуславливают структуры семантические, и поэтому при использовании языкового знака человек «включает» определенную семантическую программу, которая направлена на соответствующий фрагмент концептосферы. В семанте лексемы *вещество* можно выделить следующие семы: *‘основной вид материи’*, *‘качественная сущность материи’*, *‘совокупность дискретных образований’*, *‘обладающие массой покоя’*, *‘слагается из элементарных частиц’*. Совокупность таких сем формирует особую семантическую модель, репрезентирующую макроконцепт *‘Вещество’*.

Языковое представление макроконцепта *‘Вещество’* осуществляется в пространстве научных, художественных, публицистических текстов с учетом лексико-семантической дистрибуции, обусловленной спецификой жанра того или иного текста. Все лексемы, репрезентирующие макроконцепт *‘Вещество’*, в текстах различных жанров объединяются на основе денотативных сем, находящихся в ведении функциональной системы языка, и активно воспроизводятся в сознании реципиента. Фоновыми знаниями, представленными в виде пропозиции, для номинативных единиц, концептуализирующих *вещество*, выступают такие сферы, как: *природность / неприродность*; *агрегатное состояние*; *способ получения*; *функциональная предназначенность*, с помощью которых интерпретируются концепты.

Текстологический анализ различных источников показал, что *вещество* с точки зрения его видовых субстанциональных характеристик определяется как твердое, газообразное, жидкое, органическое, неорганическое, живое, косное, биокосное, синтетическое, взрывчатое, межзвездное, солнечное, наследственное, мозговое, липкое, страшное, питательное и т.д.

Анализ языковых средств репрезентации макроконцепта *‘Вещество’* в современном русском языке позволил нам выявить основное содержание данного макроконцепта, который в вербализованном виде является сложным образованием.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. А.П. Горкин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2004.
2. Советский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1992.
3. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / Под ред. Г.Н. Складневской. – РАН ; Ин-т лингв. исследований. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998.

ddis@bk.ru

Боровиков М.И., Барнаул (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ СВОБОДНЫХ РИТМОВ В НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Из трех метрических форм немецкой поэзии самое независимое существование имеют свободные ритмы, которые выступают не только как принадлежность современного стиха, но и как историко-диахроническая категория. Свободные ритмы соответствуют принятому в русском стиховедении понятию дисметрического верлибра.

Считая стихи и прозу членами одного художественно-словесного ряда и учитывая оба критерия при их характеристике – разъединяющего (по принципу ритма и метра) и объединяющего (по принципу поэтичности), можно все жанровые формы представить как разного рода сочетание метра или ритма с синтаксисом художественного произведения.

Свободный стих мог явиться первым видом художественной речи, где слова были соединены с мелодией, не имеющей тактового строения. Библия выказывает все признаки свободного стиха, а Библия является одним из древнейших памятников словесности.

На основании структурно-синхронических связей выстраивается следующий ряд: свободный стих – чисто тонический стих – силлабо-тонический стих – проза – свободный стих.

В немецкой поэзии верлибр представляет собой не столько последовательно историческое, сколько диахроническое явление, имеющее проекцию в современность и, появляясь внутри разных литературных течений, выступающее как ряд родственных друг другу индивидуальных систем.

Так, в немецкой поэзии свободные ритмы известны со времен Ф. Клопштока и возникли, следовательно, в эпоху раннего Просвещения. Выросшие из вариаций античных размеров [Kauser, 1960, с. 152], в том числе и гекзаметра, они выражали эмоциональную свободу и явились «предшественниками» «бури натиска».

Свободные ритмы И.В. Гёте связаны с периодом «бури и натиска» и со свободолобивыми идеями, ставящими человека над природой и богами („Prometheus“).

Романтизм не просто вообрал в себя свободные ритмы, но и начался с них, выражая своей раскрепощенной формой главные формальные требования романтиков и подчеркивала стремление вырваться за рамки стиха. Свободные ритмы Ф. Гёльдерлина были вольной вариацией античных размеров, что связано с его восторженным отношением к античности.

Мистико-символические тенденции раннего романтизма отразились в свободных ритмах Новалиса («Hymne an die Nacht»).

Свободные ритмы как система современного стиха были введены натуралистами, а именно – Арно Хольцем, который обосновал их теоретически как новое революционное искусство.

Свободные ритмы экспрессионистов являли своей гротескной метафорической символикой противоположность натурализму и выражали смысл новой революции в лирике.

Новейший верлибр (П. Целан, Э. Арндт, Г. Маурер и др.) явился наследником как натурализма с его прозаическими настроениями, так и противоположного ему верлибра неоромантиков и Б. Брехта.

Таким образом, в развитии свободного стиха наблюдается ряд закономерностей:

1. Он каждый раз связан с теми новыми идеями, которые вносит в художественную литературу новое литературное течение (сентиментализм – раскрепощение чувства, «буря и натиск» – революционные идеи и культ естественного свободного человека, романтизм – стремление к бесконечному, реализм – возвращение к предметному миру, натурализм – к «прозаической правде жизни», либо к логической игре словесными новообразованиями, экспрессионизм – безудержное самовыражение).

2. Верлибр связан с взрывом стершихся форм [Жовтис, 1966, с. 105-123], то есть с борьбой форм в полном смысле этого слова: свободные ритмы Ф. Клопштока явились уничтожением силлаботонической условности поэзии XVIII века, свободные ритмы И.В. Гёте создавали контраст с классическими стихами, буквально «взрывную» роль сыграл верлибр в поэзии Ф. Гёльдерлина как романтическая бесформенность, пришедшая на смену строгой оформленности классицизма. Силлаботонику поздних романтиков взрывают свободные ритмы Г. Гейне «Die Nordsee», а привычные формы постромантизма или эстетскую «неоклассическую поэзию» (в частности, Э. Гейбеля) – «революционные прозаические ритмы натурализма» которому в свою очередь противостоял верлибр экспрессионистов, который был затем заменен реалистическим стихом Б. Брехта «нерифмованной лирикой с нерегулярными ритмами [Brecht, 1975, S. 217].

3. Свободные ритмы в немецкой поэзии отмечали каждое литературное течение, подчеркивая тем самым его новизну. Так, Ф. Клопшток явился предшественником «бури и натиска», Новалис – родоначальником немецкого романтизма; свободные ритмы Гейне были отходом от романтической песенной традиции; в натурализме они отражали его прозаическую сущность; в символизме и экспрессионизме основали традиции современного стиха, а в творчестве Б. Брехта послужили родоначальниками современного реализма в поэзии.

4. Свободные ритмы, представляя собой диахроническое явление в истории немецкого стиха и выступая в своем абсолютном значении разрушителей привычных метров, не исчезают, тем не менее, как метрическая форма и переходят в свое синхроническое существование, то есть вливаются в современный стих, образуя уже внутри него и сплошной преемственный ряд (экспрессионизм – модернизм; натурализм – реализм), и борьбу соположенных течений (натурализм – экспрессионизм – поэзия Б. Брехта).

5. Свободные ритмы соприкасаются с родственным чисто тоническим стихом и создают двуединство диахронии и истории, подобно тому, как чисто тонический стих образует диахроническую параллель со стихом силлабо-тоническим.

По сравнению со свободными ритмами стих чисто тонический является более урегулированным и нормативным его вариантом, оживляющим строго метрическую симметрию силлабо-тонического стиха, представляя собой сочетание напевности и разговорности. Так, в период «бури и натиска» свободные ритмы Гете существовали наряду с народной песней, то же самое происходило и в период романтизма, когда песенный стих стал закономерностью, образовав параллельный вариант свободного стиха ранних романтиков.

Контрастным двуединством, которое образует верлибр в истории немецкой поэзии, является его соотношение со строго метрическими размерами, но не в соседствующих эпохах, как это происходило с силлабо- и чисто тоническим стихом, а в одну и ту же эпоху и даже у одного и того же поэта: свободные ритмы Ф. Клоп-

штока на фоне классического XVIII века, свободные ритмы И.В. Гёте в сочетании с его классическими стихами, свободные ритмы Гельдерлина и строгие оды Шиллера, прозаический стих Арно Хольца и его же классические метры из «Книги времен», сонет и свободный стих в поэзии Р.М. Рильке, сонет и свободные ритмы в поэзии Г. Маурера и т. д.

1) Свободные ритмы и внутри самих себя образуют динамическое единство прозаических и романтических форм, подобно тому единству, которое в народном стихе составляют песенные и ломаные ритмы. Таким образом, свободные ритмы, являясь крайне экспрессивной, асимметричной формой стиха, образуют в истории немецкой поэзии контрастный элемент, приводящий всю систему в движение, дополняющий взаимодействие двух других видов стихосложения: каждая из этих трех метрических «организаций» имеет свою историческую вершину; силлабо-тонический стих в классицизме Гёте и Шиллера, часто чисто тонический – в романтизме; свободные ритмы – в новейшей поэзии.

Каждая из этих вершин является в то же время диахронической точкой, имеющей проекцию в современность: силлабо-тонический стих возрождается в классических тенденциях XIX века – в поэзии Ф. Рюккерта, А. Дросте Хюльсхофф, И. Р. Бекера, чисто тонический стих – у раннего Р. М. Рильке, С. Георге, у пролетарских поэтов – Э. Вайнерта и И.Р. Бекера; свободные ритмы в совокупности представляют собой диахроническую систему, ведущую от истории вниз, вглубь веков.

Расцвет чисто тонического стиха занимает промежуточное положение между расцветом силлаботоники и свободными ритмами; будучи древнее стиха силлабо-тонического чисто песенный стих как бы изживает себя в романтизме, в то время как строго метрический стих проникает в современность и образует контрастный, закономерный параллелизм с верлибром.

Таким образом, верлибр становится наиболее динамичной и выразительной формой, своеобразным фокусом, в котором сходятся закономерности стиха и прозы, объединяющие их в одну художественную систему речи.

Библиографический список

1. *Аристотель* Поэтика / Пер. М.М. Позднева. – СПб. : Амфора, 2008.
2. *Брандес, М.П.* Стилистический анализ / М.П. Брандес. – М. : Либроком. – 2009.
3. *Гончаров, Б.П.* Звуковая организация стиха и проблемы рифмы / Б.П. Гончаров. – М. : Наука, 1973.
4. *Григорьев, В.П.* Поэтика слова / В.П. Григорьев. – М. : Наука, 1979.
5. *Жовтис, А.* Границы свободного стиха/ А. Жовтис // Вопросы литературы. – 1966. – №5 – С. 105-123.
6. *Arndt, E.* Deutsche Verslehre. – Berlin : Volk und Wissen, 1985.
7. *Kayser, W.* Geschichte des deutschen Verses. – Bern : Francke, 2002.

mibor2010@mail.ru

Боровицкая Е.Н., Киев (Украина)

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА КОНЦЕПТА 'ОТРИЦАНИЕ' В СТРУКТУРЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (в поисках универсальной методологии моделирования)

Наше исследование – гипотетическая схема, предварительно характеризующая и предварительно выражающая интенциональное состояние участника дискурса в дальнейшем как вариант его возможного мотивированного языкового поведения, сконструирована с помощью различных видов *отрицательных конструкций как метаконструкций*, побуждающих или не побуждающих к действию [Боровицкая, 2010, с. 56-59]. С помощью, так сказать, «поверхностной» языковой структуры своей сконструированной модели как *метамодели* каждый адресант должен суметь дать общеконтекстуальное представление как понимание, на основании которого выстраивается сообщение, смысл которого становится понятен всем. Научная задача не из лёгких. Изучая *социально-прагматическую специфику* концепта 'Отрицание', в дальнейшем используем её для исследования глубинного смысла высказывания как характеристики интенционального состояния участника дискурса. Исследование этих проблем видится как раз актуальным в контексте *социальной прагматики дискурса* [Боровицкая, 1998, с. 65-68], междисциплинарного направления современных исследований, учитывая принципы которого, реконструируется смысл высказывания как структурной дискурсной формации, в данном случае, с отрицательной её сущностью, и предполагается, что этот смысл синтезируется с общего смысла семиотической ситуации как знаковой, детерминированной социальными характеристиками (нормой, статусом, позицией). На наш взгляд, намного легче будет решить поставленную задачу, если попробовать с *социально-прагматическим подходом* интегрировать феноменологические принципы междисциплинарных подходов, в частности позицию *Серла* относительно способности речи отображать реальные процессы благодаря развитию биологической способности сознания устанавливать определённые связи организма с миром на основании таких интенциональных состояний, как *вера, намерение, желание, другие* [Searle, 1983]. Исследуя различные виды отрицательных языковых конструкций как *дискурсные метаконструкции*, мы таким образом изучаем

особенности интенционального состояния, способного реконструировать языковое поведение как действие. Таким образом конструируется *гипотетическая модель дискурса* с набором различных отрицательных интенционально значимых языковых конструкций, как дискурсных формаций, анализ которых несомненно фундирует в интегрированную концептуальную парадигму как универсальную феноменологическую модель исследования.

По смыслу любое отрицание может быть утверждением противоположного (возможность/невозможность осуществления чего-то). В качестве яркого примера проявления *социально-прагматических особенностей* концепта 'Отрицание' в структуре дискурса предлагаем сконструированную модель, как *гипотетическую дискурсную метамодель* выборов как политического процесса. Довольно сложным видится смысловое варьирование и реализация концепта 'Отрицание' на трёх зависимых уровнях институционального дискурса: семантическом, синтаксическом, прагматическом. Таким образом, предлагаем *диалогическую метаструктуру* гипотетического политического процесса как дискурса: «*Организация и проведение выборов*», где само отрицание рассматривается при таких подразумеваемых имплицитных иллокутивных глаголах, как *думать, считать, полагать* на различных этапах осуществления самого процесса.

Как раз на первом этапе – этапе подготовки, – *канун предвыборной кампании*, – в общеотрицательных высказываниях можем наблюдать случаи образования *двойного отрицания*. При употреблении отрицания перед спрягаемой формой глагола *мочь* и перед примыкающим к этому глаголу инфинитивом происходит снятие отрицания, и возникают утверждение, а также категорическое утверждение с оттенками долженствования, обязательности: 1) *Он никогда не сможет не набрать необходимое количество голосов* (обязательно наберет) – категорическое утверждение. 2) *Он не набрать не может/не сможет необходимое количество голосов* (должен набрать) – утверждение. 3) *Он не может/не сможет не набрать необходимое количество голосов* (должен набрать) – утверждение.

На следующем этапе, – во время самой *предвыборной кампании*, – в отрицательных высказываниях можем наблюдать различные случаи употребления отрицания. Возможность употребления *частичного отрицания* после спрягаемой формы глагола *мочь* и перед примыкающим к этому глаголу инфинитивом, обозначающее *неполное отрицание*, которое частично относится к субъекту как участнику процесса, но сам процесс при этом не отрицается: 1) *Не он не может/не сможет не набрать необходимое количество голосов* – частичное тройное отрицание. В данном случае возникает имплицитная возможность существования каких-то других, возможно значимых, но скрытых причин: почему *он* на самом деле *не может набрать необходимое количество голосов*; 2) *Не он не может/не сможет набрать необходимое количество голосов* – частичное двойное отрицание (либо утверждение иного, того, что препятствует набрать *необходимое количество голосов*); 3) *Он может не набрать необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*он может не набрать, но может и набрать*); 4) *Не он может набрать необходимое количество голосов* – частичное отрицание, относящееся к субъекту как участнику процесса, но не отрицается сам процесс (*не он, а кто-то другой...*).

На следующем этапе, – *канун голосования*, – наблюдаем частичное отрицание самого субъекта как участника процесса, а не самого процесса: 1) *Не он скорее никогда не может/не сможет набрать необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он скорее никогда не может/не сможет набрать необходимое количество голосов*, а что-то может произойти, что может/сможет ему препятствовать набрать *необходимое количество голосов*); 2) *Не он скорее никогда не наберёт необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он скорее никогда не наберёт необходимое количество голосов*, а что-то может произойти, что может/сможет ему препятствовать набрать *необходимое количество голосов*); 3) *Не он никогда не может (утверждение)/не сможет (частичное отрицание) набрать необходимое количество голосов* (*не он никогда не сможет набрать необходимое количество голосов*, а что-то может произойти, что может/сможет ему препятствовать набрать *необходимое количество голосов*); 4) *Не он не наберёт скорее необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он не наберёт скорее необходимое количество голосов*, а что-то может произойти, что может/сможет ему препятствовать набрать *необходимое количество голосов*); 5) *Не он скорее не наберёт необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он скорее не наберёт необходимое количество голосов*, а что-то может произойти, что может/сможет ему препятствовать набрать *необходимое количество голосов*); 6) *Скорее наберёт не он необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он, а кто-то другой...*); 7) *Не он наберёт скорее необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он, а кто-то другой...*); 8) *Он скорее не наберёт необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он, а кто-то другой...*); 9) *Не он скорее наберёт необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он, а кто-то другой...*); 10) *Скорее не он наберёт необходимое количество голосов* – частичное отрицание (*не он, а кто-то другой...*).

Следующий этап – *голосование избирателей*: 1) *Он не может/не сможет набрать необходимое количество голосов* (полное отрицание); 2) *Он не наберёт необходимое количество голосов* (полное отрицание); 3) *Он никогда не сможет набрать необходимое количество голосов* (полное отрицание); 4) *Он никогда не наберёт необходимое количество голосов* (категорическое отрицание).

Последний этап – *итоги голосования*: 1) *Он не мог/не смог набрать необходимое количество голосов* (полное отрицание); 2) *Он не набрал необходимое количество голосов* (полное отрицание). Таким образом,

исследуя отрицательные метавысказывания на каждом этапе политического процесса, мы наблюдаем, как с их помощью можно проследить специфику процесса лидирования одного из кандидатов:

- предвыборная кампания: *он может не набрать необходимое количество голосов (может не набрать* (частичное отрицание) – отображение начала политического процесса; - голосование избирателей: *он скорее не наберёт необходимое количество голосов (скорее не наберёт* (частичное отрицание) – отображение ещё незавершённости политического процесса; - итоги голосования: *он не набрал необходимое количество голосов (не набрал* (полное отрицание) – отображение завершённости политического процесса (поражение как способ выражения). Окончательный результат этого политического события всегда характеризуется либо полным отрицанием (опровержением как поражением), либо полным утверждением (констатацией факта положительного результата процесса) для кандидата и его избирателей; отсюда как раз вера в его компетентность как руководителя, что все его политические действия в дальнейшем будут конструктивными, и основываться только на моральных принципах. Как раз такие интенциональные характеристики кандидата, как *готовность/неготовность*, и выражают, в данном случае, полное и частичное отрицание. Интенциональные характеристики, детерминирующиеся внешне, постоянно акцентируются в агитационных (сознательных) спичах политика (что в свою очередь выражает его интенция). А также идеология политической *корректности/некорректности* определяет как раз *социально-прагматическую* специфику самого концепта 'Отрицание'. Таким образом, к определённым политическим спичам, которые в своей структуре могут иметь имплицитный негатив, следует отнести политические перформативы (*доверия/недоверия, поддержки, выбора, требования, обещания*).

Таким образом, *социально-прагматический анализ*, интегрируя феноменологические принципы анализа дискурса, даёт возможность обнаружить имплицитный смысл полного и частичного негативов, определённо значимых для глубинного понимания как конкретного политического процесса, так и любого другого – идеологического, - никоим образом не связанного с государственной сущностью самого концепта 'Политика'.

Библиографический список

1. Боровицька, О.М. Динаміка міркування як трансформація інформаційного стану (простору) індивіда (до питання про специфіку аналізу інтерпретаційного змісту висловлювання в контексті викладання розділів модальної логіки) [Текст] / О.М. Боровицька // Проблеми викладання логіки та дисциплін логічного циклу: IV Міжн. науково-практ. конф. : Матеріали доп. Тавист. – К., 2010. – С.56-59.
2. Боровицька, О.М. Загальнофілософські проблеми соціальної прагматики [Текст] / О.М. Боровицька // Генеза. Філософські студії. Спецвипуск журналу – К., 1998. – С.65-68.
3. Searle, J. Intentionality [Текст] / J. Searle. – Cambridge, 1983.

bolenar@mail.ru

Будаев Э.В., Нижний Тагил (Россия)

ВАРИАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

Дискурсивный анализ политических метафор относится к активно развиваемым направлениям современной лингвистики, однако на сегодняшний момент отсутствует типологическое описание этой сферы лингвистических изысканий.

Анализ более тысячи современных исследований политической метафоры позволяет выделить четыре типа дискурсивного изучения политических метафор: этнокультурное, социальное, диахроническое, мультимодальное.

Этнокультурное дискурсивное исследование направлено на сравнение особенностей метафорических систем в политических дискурсах различных этнокультурных образований. В рамках этого подхода выделяются две противоборствующие парадигмы: лингвокультурологическая парадигма и парадигма универсализма.

Противопоставление названных парадигм основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления. Лингвокультурологическая парадигма призвана продемонстрировать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного цивилизационного пространства, а в третьих – имеет общечеловеческий характер. Парадигма универсализма, опирающаяся на теорию воплощенного разума, теорию первичных метафор и нейронную теорию метафор, ставит целью не разграничение общего и специфичного, а поиск универсальных оснований теорий политической метафоры в сочетании с нивелированием межкультурных различий.

Несмотря на гносеологическую ценность изысканий в рамках универсализма и поиск естественнонаучных оснований метафоризации, данная парадигма пока малопригодна для описания культурных особенностей метафор. Так как в парадигме универсализма первичные метафоры рассматриваются в качестве своеобразных «атомов» абстрактного мышления, детерминированных телесным опытом, то сложные

метафоры должны тоже определяться сенсомоторной деятельностью. Однако привязать многие сложные метафоры к концепции до сих пор никому не удалось, потому что в действительности знакомство с концептами, формирующими сложные метафоры, происходит на более поздних стадиях онтогенеза. Несмотря на то, что синтез интегрированной теории первичных метафор и теории воплощенного разума сделал теоретические построения более последовательными, вопрос о культурной специфике метафоры остался слабым местом теории.

В лингвокультурологической парадигме причины межкультурных различий в инвентаре и актуализации метафор коренятся не в особенностях когнитивных интегративных процессов и «телесных» закономерностях функционирования разума *per se*, а в исторических особенностях развития того или иного лингвокультурного сообщества. Различия могут быть связаны с геоклиматическими условиями ареала, на котором формировалась этнокультурная общность; с различной значимостью определенных концептов для жизни людей определенного культурного сообщества или с концептуальными лакунами.

В отличие от этнокультурного сопоставления, социальное сопоставление ориентировано на сравнение дискурсов, объединяемых по различным социальным критериям. В рамках социально-дискурсивного подхода выделяются идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление.

Идеологическое сопоставление призвано выявить особенности использования метафоры сторонниками разных идеологических взглядов, участниками определенных политических объединений, приверженцами различных методов решения политических проблем. Исследовательские процедуры по идентификации сторон дискурсивного противостояния определяется двумя критериями: 1) принадлежностью к определенному политическому объединению (политическая партия, фракция, идеологическое течение и т.п.); 2) отношением к определенной насущной проблеме без акцентирования внимания на принадлежности субъектов дискурсивной деятельности к определенной политической общности (сторонники / противники / индифферентные / не определившиеся с мнением и т.д.).

Идиолектное сопоставление направлено на изучение метафоры, актуализированной отдельными политиками и другими личностями – субъектами дискурсивной деятельности. Выделено два основных типа идиолектного сопоставления: собственно идиолектное и идиолектно-групповое.

При собственно идиолектном сопоставлении сравниваются метафоры отдельных политиков, а потом делаются выводы об общем и специфичном в их метафорических идиолектах. По критерию результатов исследования собственно идиолектные сопоставления подразделяются на три группы. В первую группу входят публикации, акцентирующие внимание на общности метафоры определенных политиков. Вторая группа представлена исследованиями, демонстрирующими специфику метафор субъектов политической деятельности. К третьей группе относятся исследования смешанного типа, в которых между метафорами одних политиков обнаруживаются сходства, а при сопоставлении с метафорикой других политиков обнаруживаются различия. Таким образом, выявляются группы идиолектных дискурсов, объединяемых общностью используемых метафорических образов.

При идиолектно-групповом сопоставлении результаты идиолектного анализа метафоры сопоставляются с метафорическими образами, присущими определенным политическим общностям.

Гендерное сопоставление политической метафоры основывается на двух основных подходах: субъектно-дискурсивном и объектно-дискурсивном. Первый подход направлен на изучение влияния мужской и женской картины мира на метафорическую концептуализацию политики в дискурсе СМИ. Исследования этого рода направлены на выявление гендерного характера агрессивности политической метафоры и демонстрацию того, что конфронтационные метафоры не оставляют возможности для поиска консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. В качестве решения проблем предлагаются другие, менее конфронтационные метафорические модели. Различия в оценочных смыслах, которые привносит метафорическая проекция из гендерной модели на политические отношения, не только укоренены в общественном сознании, но и соотносятся с культурными ценностями определенного сообщества.

Объектно-дискурсивный вид сопоставления связан с изучением различий в метафорическом представлении политиков-мужчин и политиков-женщин. В этом аспекте феминистские исследования высвечивают еще одно следствие из доминирования «мужских» метафор в политическом дискурсе: такие метафоры воспроизводят в общественном сознании представление о политике как о мужском деле, в котором не остается места для женщин-политиков.

Диахроническое сопоставление охватывает вопросы исторического развития системы политических метафор. В круг вопросов диахронического сопоставления входит изучение архетипичности и вариативности.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Второе свойство отражается в вариативности уровня метафоричности и доминантности отдельных метафор в политическом дискурсе.

В диахроническом исследовании выделяется континуальный и дискретный анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафоры, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень

велика. Дискретный анализ используется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов.

Важным методом диахронического анализа является фрагментация дискурса, т.е. разделение периода времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять. Фрагментация бывает равномерной и фокусной. При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафорики. Особый интерес представляют сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации. При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании.

Диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый показатель выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафорики).

Предметом мультимодального сопоставления политической метафорики являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов. В современных исследованиях выделяется несколько методик мультимодального анализа: невербальное сопоставление, вербально-невербальное сопоставление и исследование метафор в креолизованных текстах. Сопоставительное изучение невербальной политической метафоры не только расширяет наши знания о природе политических метафор, но и становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафорики и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

В представленной типологии между выделенными ракурсами дискурсивного сопоставления нет непроходимых границ. С одной стороны, использование одного ракурса сопоставления позволяет исследователю сосредоточиться на более детальном анализе предмета. С другой стороны, синтетический подход позволяет увидеть новые грани и корреляции, которые могут быть недоступны при сопоставительном изучении одного аспекта политической метафорики.

aedw@rambler.ru

Будаев Э.В., Нижний Тагил (Россия), Чудинов А.П., Екатеринбург (Россия)
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ¹

Теория и история политической коммуникации уже давно привлекает внимание специалистов, которые стремятся анализировать политический дискурс с использованием лингвистических методов и приемов [Будаев, Чудинов 2006, 2008; Чудинов 2007 и др.]. Видимо, пришло время рассмотреть политическую лингвистику с точки зрения выделения основных этапов ее становления и развития, что позволит полнее осознать закономерности этой научной области, точнее соотнести традиции и новаторство, отчетливее увидеть истоки ее современных направлений.

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить еще в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались уже в Древней Греции и Риме, однако эта традиция оказалась прерванной на много столетий, когда на смену античным демократиям пришли феодальные монархии. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились лишь вместе с развитием демократии в Западной Европе и Северной Америке. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики.

Первоначально (то есть еще до возникновения политической лингвистики как особого научного направления) публикации по проблемам политической коммуникации воспринимались как разновидность стилистических или риторических исследований. Соответствующие публикации носили преимущественно «рецептурный», восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной публичной речевой деятельности, в том числе в политической сфере.

¹ Выражаем признательность РГНФ за материальную поддержку проекта «Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе» (грант 07-04-02002а).

В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию достоинств и – в меньшей степени – недостатков в речевой деятельности конкретных политических деятелей. Особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастерства политических лидеров. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

В работах критической направленности основное внимание традиционно уделялось «разоблачению» недобросовестных уловок политических противников, а также их косноязычию, малообразованности и речевой небрежности. Значительное число критических публикаций было посвящено «порче» родного языка, среди причин которой обычно назывались те или иные политические события, а также общее падение нравов, утрата духовных основ и уважения к национальным традициям.

2. Возникновение и становление политической лингвистики (двадцатые – пятидесятые годы XX века). История возникновения и становления любой научной дисциплины неразрывно связана с историей общества, и политическая лингвистика не стала исключением. В череде событий XX в. точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война, которая привела к невиданным человеческим потерям и кардинальному изменению мироощущения человечества. В новых условиях необходимость изучения политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. После опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобретает высокую научную и гуманитарную ценность. Поэтому неудивительно, что после войны внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью Уолтера Липпманна, Пола Лазарсфельда, Гарольда Лассвелла.

У. Липпманн в период Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, после войны занялся изучением вопросов пропаганды и агитации, служил советником у двенадцати президентов США. В современной политической лингвистике активно используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса установки повестки дня» (agenda-setting process), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества.

Также У. Липпманну принадлежит первенство в применении контент-анализа в качестве метода для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, в 1920 году было опубликовано исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г. Как показал У. Липпманн, среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих в мире событиях ввиду анти-большевистской предвзятости анализируемых текстов.

Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по воздействию информации радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – единственного основанного на базе университета исследовательского института того времени, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы» или приобретать облигации военных займов. Примечательно, что эти правительственные программы разрабатывались и анализировались как самим П. Лазарсфельдом, так и другими исследователями (в том числе Гарольдом Лассвеллом).

П. Лазарсфельду принадлежит первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат Огайо). В течение полугода вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 человек с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. К удивлению исследователей, только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Этот эксперимент заставил засомневаться в доселе принимаемом как само собой разумеющееся положении о тотальном характере воздействия СМИ на избирателя.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (opinion leaders), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Хотя исследователи указывали на недооценку пропагандистской роли СМИ, разработки П. Лазарсфельда инициировали интерес к исследованию дополнительных факторов коммуникационного воздействия на избирателя.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Продемонстрированный Г. Лассвеллом исследовательский потенциал методов количественной семантики получил значительное распространение. Так, в 40-е гг. XX в. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи выявляли различные взаимосвязи между семантикой языковых единиц и политическими процессами на основе анализа советских лозунгов, языка Интернационала, текстов фашистской пропаганды.

В этот период появляется дополнительный импульс к осмыслению роли языка в политике, связанный с практикой тоталитаризма и новой, еще более разрушительной мировой войной. Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера, обратившихся к критическому изучению тоталитарного дискурса.

Первый из них написал в 1948 году роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двомыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну – интернациональной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Notizbuch eines Philologen» («LTI. Записная книжка филолога») была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Язык Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского «новояза» оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Например, оказалось, что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение – достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне – это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неугодные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического новояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века «социалистического лагеря». Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: например, в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Так, в советском новоязе *Буржуазный гуманизм* или *Абстрактный гуманизм* – это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям «эксплуататорских классов» и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *Социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов продолжают до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогическими

формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

3. Политическая лингвистика шестидесятых – восьмидесятых годов XX века. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам. Точно также опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

Вполне закономерно, что в эпоху холодной войны особое внимание лингвистов привлекал милитаристский дискурс. На фоне «балансирования между войной и миром» понимание того, как политики убеждают рядовых граждан в необходимости применения ядерной бомбы, получает гуманистический смысл. По аналогии с «новоязом» Дж. Оруэлла (*newspeak*) в понятийном арсенале лингвистов закрепляется понятие «нюкспик» (*nukespeak*) (*Chilton 1982*), т.е. «ядерный язык», который используют политики для оправдания возможного применения ядерной бомбы, для завуалирования и затемнения катастрофических последствий такого сценария развития событий. С другой стороны, важную роль в развитии политической ситуации играли и метафорические образы, подчеркивающие всю опасность последствий атомной катастрофы («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.). Неудивительно, что осознание актуальности задач, стоящих перед исследователями политической коммуникации, становится значимым фактором в становлении политической лингвистики.

Важное место в политической лингвистике рассматриваемого периода занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). Как показывает П. Серио, эта школа возникла «как попытка устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах». В классическом контент-анализе перед исследователем стремится обобщить различные способы выражения сходного содержания и проанализировать полученные результаты с использованием статистических подсчетов. Такой анализ воспринимается французскими специалистами как «совокупность второстепенных технических приемов».

Теоретической основой для французской школы анализа дискурса стали идеи психоанализа, марксизма и структурной лингвистики. Как пишет, Патрик Серио в теории дискурса Мишеля Пеше, главенствуют три имени, «объединяемых под шутивным названием «Тройственное согласие» – Карл Маркс, Зигмунд Фрейд и Фердинанд де Соссюр. Предмет исследования во французской школе анализа дискурса – это не отдельный текст, а множество текстов с учетом их исторической, социальной и интеллектуальной направленности, с учетом их взаимосвязей с другими текстами и с учетом институциональных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. При этом учитывается не только содержание текста, но и интенции автора, не только то, что сказано, но и то, что не сказано. По возможности следует также сопоставить содержимое текста с интрадискурсом автора (другими его высказываниями по соответствующей проблеме) и интердискурсом (высказываниями других лиц по соответствующей проблеме).

Итак, в шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века получили распространение исследования политической лексики, теории и практики политической аргументации, политической коммуникации в исторической перспективе, политических метафор и символов. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы, парламентских и президентских дебатах, в партийном дискурсе и др. Все более тонким становится научный аппарат изучения политической коммуникации и все больше фактором учитывается при исследовании дискурсивной значимости тех или иных высказываний, текстов или корпусов текстов.

Уже в этот период изучение политической коммуникации складывается в относительно самостоятельное направление лингвистических изысканий. В 70–80-х гг. за рубежом регулярно появляются учебники по политической коммуникации и методам ее анализа.

4. Современный этап развития политической лингвистики. Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. (R. Anderson, A. Beard, F. Beer, W. Benoit, J. Blommaert, A. Burkhardt, D. Busse, P. Chilton, W. Connolly, H. Diekmannshenke, T. van Dijk, N. Fairclough, E. Felder, L. Feldman, H. Girnth, D. Hahn, K.L. Hacker, R.P. Hart, F. Januschek, S. Jäger, J. Klein, J. Kopperschmidt, P. Kornelia, G. Lakoff, Ch. de Landtsheer, F. Liedtke, U. Maas, A. Musolff, O. Panagl, P. von Polenz, B. Pörksen, F. Rigotti, C. Schäffner, H. Stürmer, D. Watts, C. Wächter, R. Wesel, J. Wilson, R. Wodak и др.). На современном этапе развития становится все более ясным, что политическая лингвистика становится автономным научным направлением, вбирая в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии, а сфера научного интереса расширяется за счет включения в анализ новых аспектов политической коммуникации.

В рамках современной политической лингвистики можно выделить четыре относительно автономных научных направления:

- критический анализ политического дискурса,
- контент-анализ политического дискурса,
- риторический анализ политического дискурса,
- когнитивное исследование политического дискурса.

Важно иметь в виду, что между представленными направлениями нет непроницаемых границ и в практических исследованиях возможно использование разнохарактерных методов. Иногда приходится фиксировать «фамильное теоретическое сходство» исследований: когнитивный подход может сочетаться с критическим дискурс-анализом, а тот, в свою очередь, дополняться психолингвистическими методиками. Вместе с тем базовые различия в теоретических основаниях и ведущих методах исследований не вызывают сомнения.

Критический анализ политического дискурса направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов. Эти исследования представляют собой своего рода реакцию на традиционные публикации «рецептурного» и «восхваляющего» направлений предшествующей научной парадигмы.

Материалом для критического дискурс-анализа, как правило, становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. С 1990 г. выходит специальный журнал «Discourse and Society» («Дискурс и общество»), представляющий публикации названного направления, созданные в различных странах, а также журналы «Critical Discourse Studies» («Критические исследования дискурса») и «Discourse Studies» («Исследования дискурса»).

В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному (половому) и этническому неравенству. Внимание авторов особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. В частности, феминистские критические исследования представляют женщин как угнетенную социальную группу, характеризуют многообразные коммуникативные проблемы, являющиеся следствием угнетенного положения женщин в патриархальном обществе. Не меньшее внимание уделяется коммуникативным аспектам этнического и расового неравенства.

Внимание специалистов по критическому дискурс-анализу особенно привлекают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Примером могут служить исследовательские программы, выполненные под руководством Т. ван Дейка в Голландии. При реализации этих программ изучается то, как суринамцы, турки, марокканцы и другие «чужаки» представлены в публикациях голландских СМИ, учебниках, парламентских дебатах, корпоративном дискурсе и др. В исследованиях, выполненных под руководством Рут Водак (Венский университет), детально охарактеризован антииммигрантский и антисемитский дискурс в Австрии. Подобные научные программы активно реализуются и в иных демократических государствах. Важный результат сопоставления националистических дискурсов в различных европейских странах состоит в обнаружении значительного сходства между стереотипами, предубеждениями и другими формами вербального умаления «чужих», которые преимущественно представлены как нарушающие традиционные нормы, то есть лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики.

Значимое место в современной зарубежной политической лингвистике занимает контент-анализ политического дискурса, имеющий более чем вековую историю применения к изучению политической коммуникации. Среди хрестоматийных примеров эффективного использования этой методики – предсказание британскими и американскими аналитиками использования фашистской Германией крылатых ракет «Фау-1» и баллистических ракет «Фау-2» против Великобритании, сделанное на основе анализа пропагандистских кампаний в Германии. Другой пример связан с работой американской военной цензуры в годы Второй мировой

войны: повторение определенных тем в прессе послужило основой для обвинения редакторов некоторых СМИ в связях с нацистами.

В отличие от критического дискурс-анализа лингвисты этого направления полностью дистанцируются от субъективности исследователя и анализируют большие корпуса политических текстов с использованием методов компьютерной обработки материала. Исследователи ориентируются на количественные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Основная задача таких исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме. Первоначально девизом подобных исследований было «чем больше корпус, тем лучше». Однако многие исследователи акцентировали внимание на важной роли небольшого, но специально подобранного корпуса политических текстов. При подобном подходе материал для контент-анализа связан с конкретным политическим событием, институциональным дискурсом, определенным временным периодом.

В рамках современного контент-анализа активно изучаются количественные характеристики тактик восхваления, критики и защиты; соотношение в речи политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы, и на личные характеристики политиков; соотношение в политическом дискурсе акцентов на прошлое, настоящее и будущее (В. Бенуа, Л. Бразеаль, А. Ключовски, В. МакХейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок и др.). Например, как показали такие исследования, во многих странах претенденты на президентский пост всегда чаще используют тактику дискредитации оппонента, чем действующий президент, баллотирующийся на второй срок.

К риторическому направлению в изучении политического дискурса принадлежат специалисты, стремящиеся использовать традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя методики (Р. Айви, Р.Д. Андерсон, Р. Карпентер, М. Осборн, В. Риккерт и др.). Следует согласиться с тем, что новизна методики не гарантирует высокого качества исследования, что еще не до конца исчерпаны возможности традиционных методик изучения политической коммуникации. Вместе с тем наблюдается и несомненное развитие методик риторического изучения политической коммуникации.

Можно выделить следующие признаки современного этапа развития политической лингвистики.

1) Происходит «глобализация» политической лингвистики. Если ранее соответствующие научные исследования проводились, как правило, в Европе или Северной Америке, то в последние годы подобные публикации все чаще появляются в самых различных странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании (соответствующий обзор представлен в заключительном разделе настоящего издания). После падения «железного занавеса» специалисты из постсоветских государств начали все активнее осваивать методологии, методики, эвристики и темы, которые раньше были им недоступны по политическим причинам.

2) Политическая лингвистика, первый этап развития которой характеризовался преимущественным вниманием к тоталитарному дискурсу, а второй – к политическому дискурсу западных демократий, все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира. Сфера научных интересов новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.).

3) На современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. В этот период получает широкое распространение и признание название дисциплины (political linguistics, Politolinguistik), проводятся специальные научные конференции, публикуются многочисленные сборники исследований соответствующей тематики. Политическая лингвистика на рубеже веков и тысячелетий активно использует опыт, методологии и эвристики других научных направлений.

Библиографический список

1. Будаев, Э.В. Зарубежная политическая лингвистика [Текст] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006.
2. Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации [Текст] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М. : Наука ; Флинта, 2008.
3. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 2002.
4. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] / А.П. Чудинов. – М. : Наука; Флинта, 2007.
5. Chilton, P. Nukespeak: Nuclear Language, Culture and Propaganda [Text] / P. Chilton // C. Aubrey (Ed.), Nukespeak: The Media and the Bomb. – L. : Comedia Publishing Group. – P. 94-112.
6. Language in politics: Studies in quantitative semantics. – N. Y. : George W. Stewart, 1949.

aedw@rambler.ru, ap_chudinov@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКСПЛИЦИРОВАННОГО МНОКОМПОНЕНТНОГО МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В когнитивных исследованиях рассматриваются концепты лексические, фразеологические, синтаксические, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фразеосочетаниями или синтаксическими структурами.

Семантика слов, фразеосочетаний, предложений и текстов – ключ к содержанию концептов. Через семантику языка можно выделить концептуальные признаки (компоненты концепта), поскольку они соотносятся с семантическими признаками (семами) в значении слова (семеме); то, что при семантическом препарировании открывается в семемах лексемы, соотносится со слоями концепта; если семемы структурированы по семам, а семантемы по семемам, то концепт жестко не структурирован, не ограничен, имеет размытые края своего содержания. Концепт и его моделирование – предмет и цель когнитологии, реализуемые на основе материала, нарабатываемого когнитивной лингвистикой и психолингвистикой. Предмет когнитивной лингвистики – анализ семантического пространства языка, репрезентирующего тот или иной концепт, проникновение в механизмы языковых явлений с учетом не только собственно языковой, но и внеязыковой информации, для получения которой важно углубление в сам процесс познания окружающего мира и познавательную деятельность носителя языка.

«Цель когнитивно - лингвистического исследования: описав значения всех слов и выражений, репрезентирующих тот или иной концепт в национальном языке, систематизировать, то есть системно описать, представить в упорядоченном виде участок системы языка, репрезентирующий данный концепт (семантическое, лексико-семантическое, лексико-грамматическое, синтаксическое поле)» [Попова, Стернин, 1999, с. 24].

Многослойность и многосложность концептов становится результатом познавательной деятельности и формирования собственного опыта в сознании человека. В языке эти концепты или отдельные концептуальные признаки «облачаются» в те или иные значения слов, грамматические формы или синтаксические структуры.

Синтаксический концепт (СК) – сокращенное обозначение понятия концепт, объективируемый (вербализуемый, репрезентируемый) синтаксическими средствами.

Известно, что слово, обладая лексическим значением, реализует его в составе синтаксических единиц. При этом данная языковая единица является не только структурным, но и смысловым элементом. Будучи употребленными в предложении, слова перестают существовать как отдельные лексические единицы, они вступают в предикативные отношения ради единой цели - создать смысловое целое. В достижении этой цели одинаково важно учитывать смысловой потенциал и структуру высказывания, его многокомпонентность..

Образы предметов, явлений, понятий, их множества и совокупности представления представлены в языке лексическими и фразеологическими единицами. Между ментальными представлениями возникают отношения, связи, взаимозависимость, взаимопроизводность, как результат наблюдения и осмысливания их человеком. Отношения эти разнообразны и неисчерпаемы, они осмысляются в форме суждений.

Если признавать, что человек мыслит ментальными сущностями, т.е. концептами разного рода, то не вызывает никакого сомнения и установление предикативных отношений между концептами в силу природы человеческого мышления.

Знаковость одинаково свойственна и лексическим, и синтаксическим единицам языка. На уровне слова мыслительным предметом является лексический концепт, планом выражения является лексема, планом содержания - семема(ы). На уровне предложения первому соответствует синтаксический концепт (типовой обобщенный смысл, типовая пропозиция), второму – устойчивая последовательность словоформ субъектива и предикатива, третьему – предикативность (субъективная реальность), отражающая семантическую сторону структурной схемы простого предложения. В речевом общении все три компонента существуют в постоянном единстве.

«Набор синтаксических концептов входит в семантическое пространство языка. Без синтаксических концептов семантическое пространство языка существовать не может, ибо знание набора концептов без знания видов отношений между ними лишает такое пространство жизни и движения» [Волохина, Попова, 1999, с. 8].

Итак, знаками синтаксических концептов, представленных в семантическом пространстве языка, следует считать структурные схемы простого предложения (ССПП) с установленными отношениями между компонентами пропозиции, избранными на роль субъектива и предикатива ССПП. В основе систематизации ССПП лежат закрепленные в высказывании повторяющиеся смысловые позиции актантов. Позиционные схемы высказываний постоянно варьируются, они бесконечно разнообразны, поскольку представляют всевозможные пропозиции, бесчисленное количество вариантов смыслового (концептуального) набора.

Реальные конкретные словоформы (субъектив, предикатив, объектив), занимающие места в предложении, построенном, например, по структурной схеме «кто перемещает кого (что)», называют компоненты смысловой пропозиции (агенс, действие (перемещение), объект) и обслуживают в языке синтаксический концепт «агенс перемещает объект».

Наше исследование показало, что синтаксический концепт «агенса перемещает объект» (АПО) имеет собственную долгую и развивающуюся деривационную историю, которая обусловлена внутренними динамическими процессами и сложной природой межактантных отношений. Синтаксический концепт АПО подчиняет и включает в себя лексические концепты, распределяет их роли, связи, приоритеты в объективирующих его высказываниях. Среди прочих названных позиционных смыслов особую роль в существовании и развитии СК играет так называемый предикативный центр, воплощенный в ССПП именем действия – предикативом. В СК АПО эта словоформа представлена глаголами ЛСГ перемещения объекта. Каждый глагол имеет собственный набор сем и при определенных условиях реализует семемы Д1 – Д2 – К1. Семантический потенциал глагола, сформированный длительным процессом семантического накопления для языковой репрезентации мыслительных образов, позволяет ему в значительной степени влиять на развитие синтаксического концепта. Происходит обратная связь, семантическая отдача со стороны «сферы обслуживания» и переход ее в «рычаг управления»: глагол каузирует динамику синтаксического концепта.

Семный состав семем Д1 исследуемых глаголов может как предопределять, так и блокировать их лексическую сочетаемость с некоторыми разрядами имен в позиции агенса и объекта. Для того чтобы высказывание состоялось, закон семантического согласования требует наличия у всех сочетающихся с глаголом актантов общих сем, которыми непременно должны обладать лексические единицы, входящие в лексико-семантический разряд имен агенса и объекта глагольного действия. От изменения ЛСР этих имен меняются семемы глаголов, они становятся Д2, К1. Существенную роль в этом играет устранение или добавление новых дифференциальных сем, актуализация или нивелировка потенциальных сем, расслаивание глагольной архисемы на семантические стратумы с последующим преобладанием одного из них.

Мы пришли к выводу, что глаголы перемещения объекта отличаются значительным семантическим объемом, а результаты семемного и компонентного анализов показывают их богатый синтагматический потенциал.

Богатая семантическая природа и синтагматическая гибкость глаголов перемещения закономерно оказывают определяющее влияние на динамические процессы, происходящие в синтаксическом концепте «агенса перемещает объект».

Мы пытались определить, при каких изменениях семем изучаемых глаголов синтаксический концепт СК АПО сохраняется, а при каких он становится другим. Было обнаружено, что при реализации коннотативных глагольных семем происходит становление нового синтаксического концепта «агенса каузирует объект» (АКО), производного от основного СК «агенса перемещает объект».

На пути развития от СК АПО к СК АКО наблюдается частичное разрушение структурной схемы предложения «кто (что) перемещает (кого) что» - «кто (что) причиняет что». ССПП освобождается от «ненужного» компонента – субъектива, словоформы, обозначающей агенса действия, из-за его абсолютной очевидности и прозрачности.

Таким образом, процесс развития СК АПО заключается в изменении семем исследуемых глаголов по пути Д1 – Д2 – К1, сохранении структурной схемы предложения «кто (что) воздействует на кого (что)», устойчивости позиции глагола, замены агенса, объекта, других актантов и ситуантов, и на уровне К1 рождении нового синтаксического концепта «агенса каузирует объект».

Библиографический список

1. Волохина, Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения [Текст] / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж : Воронежск. ун-т, 1999.
2. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1999.

mmbul@rambler.ru

Буренкова С.В., Омск (Россия)

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В процессе изучения иностранного языка существенную роль играют различные словари, совершенствование которых в немалой степени определяет прогресс в методике преподавания языков. Работа с разным рода словарями представляет собой неотъемлемый элемент освоения любого языка, особенно если это освоение осуществляется самостоятельно и в условиях оторванности от языковой среды. Выбор наиболее релевантной в коммуникативном плане языковой и культурной информации, поиск оптимального способа подачи материала являются вследствие этого актуальными перспективными задачами современной лексикографии.

Отмеченные проблемы могут быть решены сегодня благодаря достижениям когнитивной науки, в рамках которой исследуются процессы усвоения, накопления и использования информации человеком. С развитием когнитивного подхода наметились перемены и в способах словарного описания лексики национального языка.

Облегчить изучение языка, как родного, так и иностранного, призваны словари идеографического (ономазиологического, активного) типа. Вследствие тематической организации единиц такого словаря пользователь получает обзор фактов той предметной области, которой касаются его речевые интенции. Иными словами, перед ним открывается все содержание концепта, весь пакет информации, стоящий за определенным словом-стимулом и выраженный лексикой соответствующей тематической группы. Тем самым пользователь идеографического словаря воспринимает многообразие целого отрезка мира.

Вместе с тем для изучающего иностранный язык наиболее актуальной проблемой выступает вопрос, как вести себя в различных повседневных житейских ситуациях, не нарушая нормы и установки другой культуры, чтобы быть адекватно понятым, чтобы не создавать конфликтов в общении. Сведения о нормативных предписаниях культуры, которые нередко становятся явными лишь при анализе разного рода нарушений норм, образуют важную составляющую межкультурной компетентности изучающего иностранный язык.

Поэтому фактическим материалом идеографического словаря, ориентированного на потребности практики преподавания иностранных языков, может служить обширный фрагмент языковой картины мира, коррелирующий с концептосферой нарушенности: сквозь призму нарушений реально воссоздать наиболее значимую ценностную часть национальной концептосферы. Нарушения норм, а значит и сама норма, охватывают широкий спектр явлений, событий, предметов, состояний и процессов, имеющих самое непосредственное отношение к человеку и вызывающих его разнообразные реакции, именно нарушения норм привлекают внимание говорящего и фиксируются многочисленными языковыми средствами.

Релевантные для рядового носителя языка явления, касающиеся наиболее важных моментов жизни, имеют первостепенное значение и для иностранца, изучающего эту лингвокультуру. Фиксация словарями культурной информации поможет изучающему иностранный язык правильно ориентироваться в другой культуре и языке. Словарь должен содержать функционально необходимые, актуальные в коммуникативном плане единицы, поэтому упорядочение тематических групп словаря следует осуществлять, исходя из принципа антропоцентризма и опираясь на факты обыденной, житейской картины мира.

Следует отметить, что в немецкой лексикографии практика ономазиологического представления лексики в значительной мере уступает традиционному семасиологическому описанию. К недостаткам имеющихся словарей, детерминированных кроме прочего сложностью самой лексико-семантической системы как предмета описания, можно отнести отсутствие в них дифференциации лексем по нюансам их значений, нивелирование особенностей их речевого использования: слова даются списком, отличающимся, кроме того, неполнотой.

Между тем полнота словарного толкования групп лексики в идеографическом словаре должна обеспечиваться не столько количеством единиц словника, сколько информативностью их семантизации, учитывающей важные культурологические и прагматические особенности функционирования единиц в речи. Комплексное исследование концепта должно включать изучение не только языковой фиксации его основных составляющих, но и рассмотрение первопричин явления, его значения для человека, сопутствующих явлению характеристик, как кодифицированных в лексике и фразеологии языка, так и представляющих собой энциклопедические знания, сведения других наук.

Следовательно, второй насущной задачей лексикографа выступает поиск оптимального способа словарной презентации материала. Теоретические основы идеографического словаря разрабатываются лексикографами как синтез теории семантического поля с принципами комплексного использования ономазиологического и семасиологического подходов к изучению лексики. Полевая организация лексикона, в наибольшей степени соответствующая особенностям человеческого мышления, является сегодня одной из лингвистических аксиом. Тем не менее актуальной проблемой в практике составления полей остается вопрос о критериях вхождения той или иной лексемы в поле.

Построение поля сопряжено кроме того с одной из самых трудноразрешимых задач – выявлением национального своеобразия поля. Для этого необходимо обращение к хранящимся в памяти индивида фоновым знаниям, с которыми самым непосредственным образом связан лексический фон значения языковых единиц.

Средством выявления фоновых знаний, перевода языка ментальных построений в формы естественного языка, выступает теория фреймов. Выдвинутая в свое время Марвином Минским [Минский, 1979] в рамках общей когнитивистской парадигмы, данная теория уверенно занимает одну из доминирующих позиций в современной лингвистике.

Понимание фрейма как структуры представления знаний, как языкового текста, содержащего множество вопросов о гипотетической ситуации, стоящей за словом, предоставляет ключ к решению проблемы произвольности в установлении полей [Konerding, 1993]. С помощью данной структуры осуществляется в нужный момент реконструкция хранящихся в памяти человека знаний о том или ином концепте, репрезентации их в виде поля языковых знаков, вербализация которых происходит средствами естественного языка. Таким образом методика фреймового анализа может быть рекомендована в качестве процедуры, обеспечивающей выявление механизмов вербализации тех или иных когниций, а объективация психолингвистической модели поля средствами языка может быть рассмотрена в качестве лексикографической проекции поля.

Релевантными в моделировании фреймов выступают вопросы, ориентированные на сущностные характеристики лексических единиц в системе языка, диктуемые свойствами самого языка, а именно: валентностью, смысловыми, сочетаемостными и ассоциативными связями лексем, а также прагматическими

особенностями их речевой реализации. Абстрактный характер фрейма, факт заданности вопросов, конституирующих фрейм, свойствами самой языковой системы позволяют считать данную схему объективным методом иерархического упорядочения лексических единиц поля любого языка.

Применение фреймов при составлении словарей активного типа позволяет не только определить состав, структуру тематических групп лексики с наименьшей степенью произвольности, но и обеспечить исчерпывающую характеристику конститuentов полевых образований: уточнить семантические, функционально-стилистические, ситуативные и прочие нюансы речевой реализации лексем, выяснить их соотношенность друг с другом и с единицами других тематических образований. Вопросы фрейма структурируют информацию по определенным направлениям, помогают упорядочить хаотические и разрозненные единицы, ассоциируемые с рассматриваемыми понятиями.

Тем самым использование фрейма в лексикографической практике способствует описанию индивидуальных свойств лексических единиц наряду с присущими им и объединяющими их в поле общими чертами, что нивелирует один из самых существенных недостатков ономазиологических словарей. Применение фрейма в идеографическом описании лексики придает материалам тематических словарей необходимую упорядоченность, позволяет логически обосновать организацию словника, т.е. теоретическую концепцию словаря.

Таким образом, исходя из того, что в основе любого тематически сформированного класса слов лежит коррелирующая концептуальная структура, в качестве содержательного основания учебного идеографического словаря предлагаются нарушения житейских норм, комплексный анализ лексической репрезентации которых посредством фреймов позволяет выявить культурологические особенности релевантных для культуры норм и ценностей. Использование фреймов для усовершенствования процедуры установления лексических полей – структурных элементов словаря идеографического типа – будет способствовать решению задачи нахождения наиболее приемлемого способа словарного представления лексики национального языка.

Библиографический список

1. *Минский, М.* Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979.
2. *Konerding, K.-P.* Frames und lexikalisches Bedeutungswissen: Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie [Text] / K.-P. Konerding. – Tübingen : Niemeyer, 1993.

burenkova_anna@mail.ru

Буянова Л.Ю., Краснодар (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУПЕРТЕКСТ: СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ И МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ

Понятие *языковой личности* до настоящего времени в полном объеме не параметрировано в аспектах её когнитивного, семиотического, ментально-знакового и культурного модусов репрезентации в национальном языке. Определение языковой личности как совокупности «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Павлючко, 1997, с. 103] в конце XX – начале XXI в.в. значительно расширило свою дефиниционно-концептуальную рамку, наполнившись особым понятийно-теоретическим содержанием. Языковая личность интерпретируется и как динамическая система, обладающая эксклюзивным соотношением самых различных пространств, – духовного, душевного, рационального, интуитивного, сознательного и бессознательного, узуального и творческого (уровень языка), потенциального и репрезентативного (уровень речи). Языковая личность также является и функциональной системой, а языковое сознание несет в себе отражение всех этапов её онтогенетического формирования и развития.

Процессы становления и эволюции личности соотносительны с когнитивно-вербальным процессом освоения и осмысления ею окружающей реальной действительности, что выражается в формировании материального субстрата результатов познания мира в формах языка – средства объективации мышления. В свою очередь, данная процессуальность связана с проблемой **семиотической кодификации**, означивания реалий этой действительности, предметов, явлений, действий, признаков, свойств, эмоций, чувств и т. д. при помощи соответствующих языковых единиц, понятий и категорий.

В основе той абстрагирующей деятельности человеческого мышления, в результате которой сформировались все языковые сущности, заложена процедура сравнения как базового когнитивного механизма. Жизнь языка, его существование были бы невозможны без этой деятельности личностного сознания, которое выработало и стратифицировало основные единицы-конститuentы концептуальной картины мира (предметность, процессуальность, действие, свойство, время, пространство, количественность, самоидентификация, принадлежность, владение и т. п.).

Языковая экзистенция личности может модифицироваться в рамках текстовой среды, под которой понимается однородная совокупность знаков, имеющих определенное значение. Текстовая среда интерпретируется как один целостный знак с неопределенным, но потенциально определяемым значением. «Художественный текст создается как уникальный ... знак особого содержания» [Лотман, 1972, с. 32]. В гуманитарной парадигме издавна наблюдается сложность дифференциации и идентификации понятий «текст», «текстовая среда», «языковая среда»: текстовая среда как имя противопоставляется тексту как мифу. «Тексты сами создают семантический мир, а не комбинируют готовый набор сем, существующий где-то вовне. Они не отражают глобального семантического мира, потому что такой мир не существует» [Келемен, 1977, с. 123]. Все поступающие извне языковые импульсы и впечатления формируют языковой мир личности, продуцируют языковую среду субъекта текста, являющегося одновременно реципиентом текста (текстов) другой языковой личности.

Общую когнитивную функцию в художественном тексте выполняют ключевые вербальные знаки, которые являются средством репрезентации авторской когниции и участвуют в построении текстовой когнитивной структуры. Аккумулируя в себе систему авторского знания и опыта, они как узлы уникальной «сети» авторской картины мира маркируют её доминантные ассоциативно-смысловые фрагменты, организуют различные по своей структуре когнитивные текстоформирующие конструкты (концепты – фреймы, гештальты, сценарии, скрипты и др.).

По нашим наблюдениям, в широком контексте языковая личность сама модифицируется в **супертекст** как знак коммуникации и репрезентанта ментально-культурного «слоя» проживаемой/прожитой жизни. Говорящий адекватно реагирует на языковое бытие денотата, даже если онтологические характеристики предмета ему неизвестны, так как в языковом сознании личности хранятся языковые образы как перцептивная реакция на языковую экспликацию предметов или понятий, т. е. на те выражения, которые запечатлены в языковом опыте субъекта. Максимально информативными и частотными когнитивно-семиотическими операторами и объективаторами языковой личности как супертекста выступают лексические средства языка, с которыми связаны экспликация, дескрипция, маркировка и номинация эмоций. В текстовом пространстве языковой личности наблюдается экспансия обозначающих психические переживания лексем (прямая номинация), что, в свою очередь, стимулирует использование средств вторичной номинации для репрезентации языкового сознания личности, ее внутреннего, «духовно-душевного», аппарата.

Изоморфизм понятий **текст** и **языковая личность как супертекст** наиболее четко прослеживается на материале текста поэтического, отличительным признаком которого является его субъектно-субъективная эмотивность и эмоциогенность, доминирование ситуативно эмоциональных лексем как нейтрального, так и образно-символьного плана. Поэтический текст – это эмоционально заряженное пространство актуализации и экспликации ментально-психологической и лингвоинтеллектуальной организации творца текста, выступающего одновременно его центральным субъектом. Понять природу языковой комбинаторики, семантико-понятийного варьирования, закономерности функционирования языка возможно, таким образом, при условии тщательного исследования специфики восприятия и объективации личностью самой действительности. Слово в любом тексте, а в поэтическом особенно, является важнейшим знаком мысли и чувства говорящего, а также признаком-маркером всех прочих психологических переживаний. В силу этого лексемы-эмотивы и фразеологические единицы воспринимаются как базовые для данной семантической сферы, существующей в рамках определенного бытийного и временного пространства, как закодированные «гены эмотивности», расшифровка которых позволит наиболее адекватно проследить и реконструировать схему коммуникации по линии «Я–Я». Поэтический текст и художественный дискурс в целом отражают, проецируют жизнь как индивидуально-авторскую картину мира в субъективно-эмоциональном ракурсе, с позиций конкретной языковой личности. Это отражение осуществляется посредством – и в процессе – языкового эксплицирования. Возникает особая дихотомия: язык жизни – жизнь языка. Эмоции – знаки жизни, эмотивы – знаки языка/речи, текст – знак языковой личности, причем манифестация эмоционального пространства личности через мысли, физиологические проявления, речевые действия и различные акты постоянно сопровождается процессами оязычивания каждого мельчайшего действия (ментального, мыслительного, речевого и др.).

Языковое сознание разных языковых личностей неповторимо и уникально, что отражается и на уровне текстовой – дискурсивной – модели его презентации. В художественной ткани произведений прослеживается зависимость и обусловленность манеры и способов языковой самореализации каждого из авторов спецификой и оригинальностью их духовной экзистенции, целостной картины мира, эмоционально-психологической организации.

Каждая вербальная единица/структура художественного текста максимально экспрессивна, логически «свернута», семантически максимально закодирована. За каждым словом в данном конкретном текстовом модуле – эксклюзивный внутренний мир творца текста; каждая метафора, каждое сравнение, каждое образное средство наполнены особой «духовной» семантикой, что позволяет осуществлять процесс лингвализации, «оязычивания» и структуриации неповторимой личностной ауры автора. Каждая жизненная коллизия, каждый поворот судьбы, эмоциональный разлом или срыв фильтруются через его языковое сознание, актуализируясь в особые семиотические и языковые/речевые образы, формы и образования разных уровней: в этом смысле

языковые инновации, окказиональную деривацию, специфические модели словообразования, необычность синтаксического рисунка и т. п. можно рассматривать как лингвистические маркировки стресса, психологического взрыва, депрессии, в то время как языковая «ровность» и узуальность, например, поэтического фрагмента косвенно свидетельствуют об эмоциональной устойчивости и комфортности психологического микроклимата личности.

Художественный текст представляет собой такое индивидуально-авторское семиотическое пространство, в котором органично синтезируются все модусы идеальной субстанции знака, репрезентированные грамматическими, словообразовательно-деривационными, морфологическими, лексическими, фразеологическими и синтаксическими средствами, воплощающими замысел автора. Именно поэтому возможно интерпретировать языковую личность как супертекст.

Библиографический список

1. Келемен, Я. Семиотика и художественное творчество [Текст] / Я. Келемен. – М. : Наука, 1977.
2. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972.
3. Павлючко, И.П. Эмотивный аспект языковой личности автора художественного текста [Текст] / И.П. Павлючко // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания : тез. докладов Междунар. науч. конф. «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия». – Волгоград : Перемена, 1997. – С.101-107.

lub_prof@mail.ru

Васева Л.А., Иркутск (Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР (на материале текстов народных сказок)

На современном этапе развития лингвистической науки научное сообщество не перестаёт изучать вопросы взаимодействия различных лингвокультур. Основным объектом лингвокультурологии является «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности», а предметом данной дисциплины являются «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», — всё, что составляет «языковую картину мира» [Воробьёв, 1997, с. 32].

Следует также отметить, что проблемами взаимодействия лингвокультур занимаются учёные специальных научных дисциплин как межкультурная коммуникация, социолингвистика, лингвострановедение, [Тер-Минасова, 2004, с. 36], а также психолингвистика и др. Таким образом, лингвокультурологию называют «новой наукой интегрального плана» [Малинович, 2008, с.83].

Цель настоящего сообщения – наметить точки соприкосновения русской и немецкой лингвокультур, аргументировать их взаимосвязь на материале текстов народных сказок.

Сказки есть у всех народов. В качестве анализируемого материала нами избраны народные сказки под названиями «Два брата» и «Die zwei Brüder». В аспекте межкультурной коммуникации можно предположить о взаимодействии культур, обращаясь к названиям указанных сказок.

Рассмотрим в словаре русского языка понятие «сказка», что кроется за ним. Это народнопоэтическое произведение, которое следует принципу единства формы и содержания [Ожегов, 1990]. У каждого типа сказки есть структура, композиция, сюжет, персонажи / герои и мотивы / функции действующих лиц [Пропп, 1998].

Важность изучения сказочного дискурса неоспорима, так как ментальность различных этносов и их моральные принципы занимают одно из важнейших мест в межкультурной коммуникации.

Э. Сепир называет целый ряд экспонентов культуры: пословицы, лечебные заклинания, стандартизированные молитвы, народные предания, песни, родословные. Следовательно, и сказка являются одним из экспонентов культуры.

Э.Б. Тайлер приводит определение культуры «Kultur oder Zivilisation ist in ihrem weitesten ethnographischen Sinn jenes komplexe Ganze, das Wissen, Glauben, Kunst, Moral, Gesetz, Sitte und jegliche andere Fähigkeiten und Gewohnheiten einschliesst, die von Menschen als Mitglied der Gesellschaft erworben werden» [цит. по: Малинович, 2008, с. 87]. «Культура или цивилизация в самом широком этнографическом смысле этого сложного целого включает в себя знание, веру, искусство, мораль, право, обычаи и все другие способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества» (перевод наш – Л.В.). В этой связи в рамках нашего исследования главным образом следует обращать внимание на одну из составляющих определения культуры Э.Б. Тайлера – мораль.

Понятие «мораль» связано с обычаями, нравами, поведением, сознанием и отношениями определённого общества [БЭС, 1998]. Н.Д. Арутюнова отмечает важность того, что «человек является главным и единственным всеобъемлющим началом рассуждений о морали» [Арутюнова, 1988, с. 33-34]. Только сам человек определяет, что является моралью для него и общества, в котором он живёт. В этой связи попытаемся определить через призму русского сознания мораль в немецкой лингвокультуре.

Мораль всегда назидательна, об этом свидетельствует анализ лексикографических источников [РАС, 2002, с. 330]. Старшее поколение людей с помощью сказки поучает детей морали, принципам, нормам и правилам поведения в различных ситуациях.

В лингвистическом аспекте Т.Ю. Метёлкина выявляет положительную и отрицательную оценки лексических единиц, выражающих мораль [Метёлкина, 1988]. При анализе иллюстративного материала необходимо обратить внимание на такие моральные свойства как вежливость, доброта, готовность помочь, мужество, честность, непорочность, справедливость (положительная оценка); порочность, продажность, цинизм, ревность / подозрительность, ненависть, жестокость, зависть, ленность, эгоизм (отрицательная оценка).

Обратимся к анализу текстов сказок для определения их функционального назначения. В отличие от русской, в немецкой сказке описаны истории жизни братьев двух поколений. Старшее поколение братьев отличается социальным статусом, один из них мастер золотых дел, второй – бедный метельщик. В русской сказке оба брата мельники, только за свою работу один берёт дорого, другой дешевле. Характеристика братьев в немецкой сказке выражается следующими лексическими единицами: *bös von Herzen* (злое сердце), *der Goldschmied war klug und listig* (золотых дел мастер был хитёр и умён), *neidisch und hartherzig* (завистливый и бессердечный), *gut und redlich* (добрый и честный). В эксплицитной форме оценочных коннотаций героев в русской сказке нами не было выявлено, а в имплицитной они присутствуют.

Богач завидовал своему брату, у которого успешнее была торговля из-за низкой цены. Это иллюстрирует такое моральное свойство как зависть. А бедняк готов вылечить дочь царя. В обеих сказках бедный брат готов помочь богатому. Один соглашается принести золотую птицу, другой – пойти с братом в лес за валом для мельницы. Это свидетельствует о готовности помочь, как одном из моральных свойств человека.

У бедняков проблема накормить своих детей, а у богатей - стать ещё богаче. В содержательной форме обеих сказок присутствуют ненависть, цинизм и жестокость богача. В русской сказке бедняк за кусок хлеба разрешает брату выколоть себе глаза, а в немецкой богач из мести уговаривает брата избавиться от своих детей (братьев-близнецов).

В конце русской сказки богача съели окаяшки. В немецкой сказке судьба братьев старшего поколения неизвестна. В ней две истории о братьях, где дети бедняка отличаются от своего дяди и отца. Оставшись в лесу, они встретили доброго охотника, который их воспитал и научил охотничьему делу. Близнецы наделены добротой, честностью, взаимовыручкой, храбростью, верностью, совестью, мужеством и справедливостью. В конце сказки оба брата пируют при королевском дворе после долгого расставания. Один из них стал наследником всего королевства за спасение королевы от дракона. Можно полагать, что оба брата стали жить при дворе.

Таким образом, при анализе текстов русской и немецкой сказок нами выявлены примеры столкновения ментальности их народов и взаимодействия их лингвокультур. Обе сказки носят назидательный характер. Общим для них является изображение родственных отношений, противопоставление богатства и бедности, жадности и щедрости, жестокости и доброты. Также нами выявлены отличительные особенности. Концовка русской сказки трагична, где кровное родство не способствует преодолению жадности и зависти одного из братьев. В немецкой сказке братья преодолевают все трудности благодаря кровному родству и верности друг другу. Этот неполный анализ по количеству сказок позволяет сделать следующие выводы. В немецкой лингвокультуре состояние материального положения влияет на отношения с меньшей степенью негативности. А в русской лингвокультуре, несмотря на кровное родство, трудности материального положения человека побуждают его к проявлению отрицательных моральных свойств.

Таким образом, это предварительные выводы, для более полной и объективной картины взаимодействия русской и немецкой лингвокультур требуется анализ большего фактологического материала.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988.
2. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология: теория и методы [Текст] / В.В. Воробьёв. – М. : Изд-во РУДН, 1997.
3. Малинович, Ю.М. Язык и культура: семиосфера внутреннего мира человека (введение в лингвокультурологию) [Текст] / Ю.М. Малинович // Иркутский государственный лингвистический ун-т / Вестник. – 2008. - № 2. – С.82-92.
4. Метёлкина, Т.Ю. Историко-ономасиологическое исследование группы английских прилагательных, обозначающих моральные качества человека (проблема семантического эпигенеза) : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Т. Ю. Метёлкина. – М., 1988.
5. Пропп, В.Я. Морфология «волшебной» сказки [Текст] / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От ситуации к стимулу [Текст] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М. : Астрель ; АСТ, 2002.
7. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 2004.

8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-ое издание [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998.

Список источников иллюстративного материала

1. *Круглов, Ю.Г.* Русские народные сказки: Кн. для самост. чтения. 4-6кл. [Text] / Ю.Г. Круглов. – М. : Просвещение, 1983.
2. *Gebrüder Grimm.* Kinder- und Hausmärchen. Große Ausgabe. Band 1 (1850). Die zwei Brüder. [Electronic resource] / J. u. W. Grimm. – Mode of access : <http://maerchen.com/grimms-maerchen.htm>. (20 марта 2011)

gorbunovaluda@bk.ru

Васеева Е.А., Чума (Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ДВУСОСТАВНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ (на материале англоязычных терминов заповедного дела)

Предметом рассмотрения в данной статье являются двусловные терминологические сочетания английского языка, построенные по модели «существительное+существительное», относящиеся к терминосистеме заповедного дела. Изучение подобных составных единиц, как в сфере общеупотребительной лексики, так и в области специального подязыка, давно привлекает внимание лингвистов и терминологов. Конструкция N+N обладает высокой частотностью употребления благодаря своей компактности и семантической ёмкости. Экономичность выражения в сочетании с большим потенциалом семантического варьирования делают такие сочетания востребованными в современном языке в связи с возрастанием информационного потока и потребностью передавать наибольшее количество информации в короткий промежуток времени. Анализ семантики терминосочетаний модели N+N в когнитивно-ономасиологическом ракурсе позволяет выявить типы знания, находящие отражение в их содержательной структуре.

Как пишет Л.А. Манерко, ономасиологический подход при описании непростых единиц номинации связан с выделением двух основных категорий – ономасиологического базиса и ономасиологического признака [Манерко, 2000, с. 29]. В терминологических сочетаниях, состоящих из двух существительных, второй, или стержневой, компонент является ономасиологическим базисом. Чаще всего это лексема, заимствованная из общеупотребительного языка или из общенаучной терминологии, использующейся в разных научных отраслях. Первый компонент сочетания, выражающий ономасиологический признак, придаёт специфику всему комплексу, относя данное наименование к конкретной предметной области. Например, широко употребительная в исследуемой области лексема *area*, ставшая основой многих наименований охраняемых природных территорий, заимствована из общего языка. Специальным термином данная единица становится в сочетании с признаковыми элементами: *nature area*, *wilderness area*, *conservation area*. При вхождении в сферу специальной лексики концептуальное содержание данной языковой единицы с одной стороны сузилось и конкретизировалось, так как в данной специальной области она означает не просто свободное пространство, а именно участок природы, не нарушенной воздействием человека, а с другой стороны, в концептуальную структуру добавились новые смыслы, отсутствовавшие в общем языке, - то, что данная территория имеет организационно-правовой статус, определённый режим охраны и/или использования и т.п. Компоненты связываются в единый термин на основе разнообразных предикативных отношений. В сочетании *conservation area* содержится прямое указание на специальную деятельность, для которой и создаётся данная территория: *the area designated for conservation of nature*. В двух других сочетаниях компоненты связаны на основе характеристики самой территории – того, что она собой представляет и что является объектом деятельности. При этом сочетание *nature area* является кратким вариантом термина (*especially*) *protected nature area*, что без труда определяется специалистами в данной области. В ряде случаев базисный компонент терминологического сочетания может использоваться отдельно, и при этом имплицитно передавать всё содержание полной единицы.

Примечательны случаи, когда внешне тождественные сочетания обнаруживают при детальном рассмотрении совершенно различное содержание, будучи образованными от разных пропозициональных структур. Проанализируем, например, терминосочетания *tourism damage* и *wildlife damage*. Первое из них образовано от следующей пропозиции: *damage caused by tourism*, где *tourism* обозначает источник воздействия, а *damage* – его результат; направленность отношения: *tourism* → *damage*. Исходная пропозиция второго термина: *damage done to wildlife*, где *wildlife* – объект, испытывающий результат воздействия; направленность отношения: *wildlife* ← *damage*.

Часть терминологических сочетаний в качестве одного из компонентов содержат единицы, образованные путём метафорического переноса. Метафорическое переосмысление часто позволяет объединить в одном наименовании целый ряд признаков. Например, в терминах *core zone*, *buffer zone* первые компоненты – метафоры, которые благодаря «высвечиванию отдельных свойств источника» [Лакофф, 2004, предисл. Баранова, с. 43] указывают одновременно и на место расположения называемых участков охраняемой

природной территории (*core* - в самом центре, «сердцевине», *buffer* – между главной частью и остальной территорией), и на их значимость (*core* – наиболее значимая часть, *buffer* – вспомогательного значения), и на функциональное предназначение (*core* – играет главную роль в сохранении видов животных и растений, *buffer* – служит смягчению воздействия извне), и на режим охраны (*core* – самый строго охраняемый участок, *buffer* – менее строгий режим охраны).

Таким образом, двусоставные терминологические сочетания, образованные по модели N+N, демонстрируют высокий когнитивный потенциал и возможности концептуального комбинирования, что помещает их в число наиболее продуктивных типов терминологических единиц.

Библиографический список

1. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 2004.
2. *Манерко, Л.А.* Язык современной техники: ядро и периферия [Текст] / Л.А. Манерко. – Рязань, 2000.

vaseyeva@rambler.ru

Васильева Е.В., Улан-Удэ (Россия)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИНОЯЗЫЧНАЯ МЕДИА-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ»

В настоящее время доказывать важность изучения иностранных языков не приходится, это уже стало своего рода аксиомой. Это напрямую отражает состояние российского общества. В нашем государстве, находящемся на стадии трансформации и модернизации, так же как и в мире в целом, наблюдаются две тенденции: усиление роли средств массовой информации как результат развития информационных и телекоммуникационных технологий и широкое взаимодействие культур, как результат глобализации и открытости, что непосредственно повышает значимость иностранного языка.

Данные тенденции оказали влияние и на стандарты третьего поколения для высших учебных заведений. Анализ стандартов по направлениям подготовки «бакалавр-лингвист» [ФГОС ВПО 035700, 2010], «бакалавр-филолог» [ФГОС ВПО 032700, 2010], а так же для бакалавров таких направлений как «международные отношения» [ФГОС ВПО 031900, 2009], «журналистика» [ФГОС ВПО 031300, 2009], «регионоведение» [ФГОС ВПО 032000, 2009] позволяет говорить о повышении требований, предъявляемых к современному специалисту. В стандартах подчеркивается, что современный специалист в рамках данных направлений должен владеть умениями межкультурного взаимодействия в целях обеспечения сотрудничества при решении профессиональных задач, придерживаться принципа культурного релятивизма, а также быть способен занимать гражданскую позицию и уметь работать с информацией в глобальных сетях.

Требования государственного стандарта определяют особую актуальность проблемы формирования иноязычной медиа коммуникативной компетенции как одной из компетенций в составе профессиональной компетентности специалиста.

Процессы глобализации и широкого взаимодействия культур нашли свою реализацию в межкультурном подходе к изучению иностранных языков (Г.В. Елизарова, С.Г. Тер-Минасова, В.П. Фурманова, И.И. Халеева, М. Вугам), где основной акцент делается на формирование межкультурной компетенции, «компетенции особой природы, основанной на знаниях и умениях, способности осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достижения в итоге позитивного для обеих сторон результата общения» [Елизарова, 2005, с. 71]. Под межкультурным общением в рамках изучения иностранных языков принято понимать процесс взаимодействия коммуникантов, являющихся носителями разных культур и языков [Халеева, 1989, с. 56].

Суть межкультурной коммуникативной компетенции заключается в том, что владеющий данной компетенцией становится «дипломатом» (J. Corbet), «медиатором культур» или «межкультурным коммуникантом» (Елизарова Г.В., Языкова Н.В., Вугам М., Eva Alcon Soler, Maria Pilar Safont Jorda, Maria Jose Soperias Aguilar), т.е. он становится способным взаимодействовать с другими культурами с позиции знания и понимания. Поэтому обучение иностранному языку с позиции межкультурного подхода должно помочь студентам овладеть лингвистической и межкультурной компетенцией как способностью обеспечивать взаимопонимание и взаимодействие с представителями различных культурных и социальных общностей [Вугам, 2002, с. 5].

Во многих отечественных концепциях межкультурная компетенция трактуется как составная часть иноязычной коммуникативной компетенции наряду с другими ее составляющими (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.И. Наролина, В.В. Сафонова, С.Ф. Шатилов и др.). Однако многие западные ученые говорят о необходимости интеграции этих двух компетенций (Вугам М., Corbett J., YU Wei, CHANG Xiao-meі и другие). Из российских ученых аналогичного мнения придерживается Г.В. Елизарова, Н.Д. Гальскова, Н.В. Языкова, которые считают, что целью обучения иностранному языку на современном этапе должно стать формирование языковой личности в роли межкультурного коммуниканта или медиатора культур, и что межкультурная компетенция должна стать неотъемлемой частью иноязычной коммуникативной компетенции. По нашему

мнению, только интеграция иноязычной коммуникативной и межкультурной компетенций отвечает современным требованиям, предъявляемым к вторичной языковой личности.

Усиление роли средств массовой информации или медиа средств повлияло на формирование нового педагогического направления – медиаобразования, которое рассматривается как направление в педагогике, выступающее за изучение закономерностей массовой коммуникации (пресса, телевидения, радио, кино, видео и т.д.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладеть способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств [Российская педагогическая энциклопедия, 1993, с. 555]. Результатом медиаобразования, по мнению большинства ученых, является медиаграмотность или медиакомпетентность (Дагаева Е.А., Жижина М.В., Короченский А.П., Федоров А.В., В.Duncan, R. Kurbey, C. Worsnop и другие), главной характеристикой которой, как показывает анализ различных определений этого понятия, является критическое мышление. Медиакомпетентность – это «совокупность мотивов, знаний, умений, способностей, способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме» [Федоров, 2007, с. 181]. Для достижения медиакомпетентности у человека должна быть сформирована медиакомпетентность, которую мы определяем, как готовность и способность личности критически отбирать, анализировать и использовать информацию, полученную по различным медиаканалам, на основе определенного комплекса знаний, умений и отношений.

Исходя из состояния современного российского общества и требований образовательных стандартов, медиакомпетентность приобретает особую значимость для специалистов в области иностранных языков в качестве составляющей профессиональной компетентности [Чичерина, 2008]. Однако анализ литературы и диссертационных исследований показал, что медиатекст как основная единица медиадискурса в методике преподавания иностранных языков в основном используется в качестве средства обучения языку. Но, на наш взгляд, значение медиадискурса и медиатекста для изучающих языки гораздо шире. Иноязычные медиатексты представляют собой аутентичные материалы, которые активно используются как эффективное средство обучения иностранному языку и культурам на языковых факультетах; СМИ являются постоянным источником актуальной информации о стране изучаемого языка; медиатекст является наиболее доступным ресурсом для самостоятельного совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции в течение всей жизни [Чичерина, 2008, с. 118].

Исходя из вышесказанного, прослеживается взаимозависимость формирования межкультурной коммуникативной компетенции, и медиакомпетентности. На современном этапе медиатизации общества с изменением информационного ландшафта обучение иностранному языку становится неэффективным без медиакомпетентности студентов, а следовательно, возникает необходимость внедрения медиаобразования в процесс обучения иностранному языку. [Хлызова, 2010, с. 161]. Для студентов языковых факультетов способность к критическому восприятию и анализу медиатекста является необходимым условием использования текстов иноязычной медиакультуры в процессе изучения иностранного языка и формирования тезауруса вторичной языковой личности как системы знаний о мире изучаемого языка и культуры.

Основываясь на сказанном выше, мы считаем, что результатом интеграции медиаобразования и обучения иностранному языку должно стать формирование **иноязычной медиа коммуникативной компетенции**, которая понимается нами как *готовность и способность личности к адекватному межкультурному взаимодействию в области медиадискурса на основе комплекса знаний, умений и отношений посредством иностранного языка.*

Решение проблемы формирования и развития иноязычной медиа коммуникативной компетенции в языковом вузе требует уточнения ее сущности и структуры, что представляет собой предмет нашего дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. *Елизарова, Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам [Текст] / Г.В. Елизарова. – СПб. : Каро, 2005.
2. Российская педагогическая энциклопедия. Т.1 [Текст] / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Большая российская энциклопедия, 1993.
3. *Федоров, А.В.* Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза [Текст] / А.В. Федоров. – М. : Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007.
4. *Халева, И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи [Текст] / И.И. Халева, – М. : Высшая школа, 1989.
5. *Хлызова, Н.Ю.* (2010) Феномен «медиакомпетентности языковой личности» в образовании / [Электронный ресурс] / Н.Ю. Хлызова. Режим доступа : <http://www.edu.of.ru/attach/17/105737.pdf>
6. *Чичерина, Н.В.* Концепция формирования медиаграмотности у студентов яз. факультетов на основе иноязычных медиатекстов: дисс. ... докт. пед. н. [Текст] / Н.В. Чичерина. – СПб, 2009.

Вишнякова Е.П., Хабаровск (Россия)

ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КОНФЛИКТА ДВУХ МИРОВ: МИРА ВИДЯЩИХ И МИРА СЛЕПЫХ (на материале новеллы Г. Уэллса «Страна слепых»)

В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований язык рассматривается как часть и отражение биологической, социальной и культурной сущности человека. В данной статье пристальное внимание обращается на такую сферу человеческой познавательной деятельности, как перцепция. Согласно энциклопедическим источникам, перцепция – это психический процесс, в ходе которого происходит анализ и осмысление получаемой через органы чувств информации об окружающем мире, обеспечивающий отражение объективной реальности в сознании и ориентировку в окружающем мире [БЭС, 1991, с. 247].

В соответствии с каналом, по которому поступают ощущения в мозг человека, выделяют разные виды перцептивной модальности, определяемой как принадлежность ощущения или сигнала к определенной сенсорной системе: зрительной, слуховой, тактильной, обонятельной или вкусовой [ПС, 2006, с. 220]. Модальность восприятия – это канал, по которому человек получает информацию из внешнего мира. В связи с этим принято выделять три основные модальности: визуальную (я вижу), аудиальную (я слышу) и кинестетическую (я чувствую).

Отражение чувственного восприятия в языке порождает перцептивность как лингвистическую категорию. Перцептивность – это содержащееся в семантике языковых единиц указание на определенную перцептивную модальность. Слова, указывающие на ту или иную модальность, называются сенсорными предикатами (или атрибутами), представляющими собой сенсорноориентированные слова и выражения, указывающие на систему чувственного восприятия, задействованную говорящим [Холл, 2003, с. 105].

В данной статье представлены результаты исследования художественной картины мира новеллы Г. Уэллса «Страна слепых». Художественный мир этого произведения представляет собой совокупность двух возможных миров: видимый мир главного героя и мир слепых. Повествование о двух мирах ведется в разных модальностях: в зрительном коде – с точки зрения видящего главного героя Нуньеса, попавшего в страну слепых, и в аудиально-кинестетическом коде – с позиции слепых жителей горной долины, где расположена Страна слепых. Аудиально-кинестетический код повествования отражает характер восприятия мира слепыми, моделирует их языковую картину мира, помогая читателю проникнуть в сознание слепых персонажей и посмотреть на мир их глазами, а точнее, услышать мир их ушами и пощупать их пальцами.

Визуальный код повествования, используемый автором параллельно с аудиально-кинестетическим кодом, помогает читателю осознать значимость зрения для главного героя, приобретающего в новых для него обстоятельствах мировоззренческий смысл (*My world is sight*).

Противопоставление двух вышеупомянутых модальных кодов повествования, служит лингвистическим средством выражения художественного конфликта – конфликта между двумя мирами: миром главного героя и миром слепых. Для изображения конфликта писатель использует контраст как композиционный прием, организуя на его основе весь текст произведения, прибегая к разнообразным средствам выражения контраста с использованием модальных предикатов: оксюмору, парадоксу, иронии, коррекции, градации. При этом основным способом противопоставления двух миров является прием антитезы, основанной на использовании антонимических модальных предикатов.

“You are blind and I can see” – заявляет Нуньес, наивно полагая, что этого достаточно, чтобы убедить слепых в своем превосходстве над ними. Когда Нуньеса спрашивают *“Cannot you hear the path?”*, он отвечает: *“I can see it”*. Таким образом, выражения *hear the path* и *see the path* являются эквивалентными между собой, относясь к аудиальной и визуальной модальности соответственно. Но в данном примере эти два перцептивных глагола являются антонимичными, выражая два способа чувственного восприятия, противопоставляемые в исследуемом произведении и лежащие в основе конфликта между двумя картинами мира – зрячего Нуньеса и слепого населения долины.

Анализ семантики модальных предикатов помог вскрыть такие глубинные противопоставления, как свой-чужой, прекрасное-безобразное. Приведем подробный анализ антитезы, демонстрирующей противопоставление прекрасного и безобразного.

После разговора со старейшинами из Страны слепых, поведавшими ему о мудрости, которую они извлекли из многолетнего опыта своего существования в их слепом мире, Нуньеса оставляют одного, и он размышляет над новым положением, в котором он оказался. И в этот момент меняется его точка зрения на окружающий мир. *Nunez had an eye for all beautiful things, and it seemed to him that the glow upon the snow-fields and glaciers that rose about the valley on every side was the most beautiful thing he had ever seen. His eyes went from that inaccessible glory to the village and irrigated fields, fast sinking into the twilight, and suddenly a wave of emotion*

took him, and he thanked God from the bottom of his heart that the power of sight had been given him. Нуньес вдруг осознает, что нет в этом мире ничего прекраснее света, который открывается зрению и раскрашивает мир красками, наполняя все вокруг красотой (*the glow was the most beautiful thing*). Во втором предложении автор использует прием антитезы, способствующий передаче читателю эмоционального состояния, которое овладевает Нуньесом в ту минуту, когда он видит поразивший его воображение контраст между непостижимым великолепием, божественным сиянием (*inaccessible glory*), разливающимся по заснеженным склонам гор и ледникам, и полумраком, быстро сгущающимся и поглощающим долину. Визуальные предикаты *glory* и *twilight* используются в данном контексте как речевые антонимы, образуя антонимичную оппозицию. Согласно лексикографическим источникам, лексема *glory* имеет следующие значения: 1) *brilliant, radiant, majestic beauty, magnificence, splendence, which gives great pleasure*[WOD]; 2) *an emanation of light supposed to proceed from beings of peculiar sanctity* [WRUD]; 3) *a ring or spot of light* [MWALD], *a ring or a disc of bright light around the head of an angel or a saint* [WOD]; 4) *the splendour and bliss of heaven* [WOD]; 5) *a state of great gratification or exaltation* [MWALD]; 6) *a state of perfect happiness* [MWLD]. Анализ словарных дефиниций лексемы *glory* позволяет нам понять, какую красоту видит Нуньес, и какие эмоции она вызывает в его душе. Это величественная красота божественного света, такое райское великолепие и блеск, созерцание которого наполняет душу несказанным блаженством и ликованием. На ее непостижимость, сверхчувственность указывает эпитет *inaccessible*, имеющий следующую дефиницию в словаре: *difficult or impossible to reach* [LDCE]; *difficult or impossible to understand, admire or appreciate* [WOD].

И вот, любясь красотой и переживая наслаждение, Нуньес бросает взгляд на деревню, в которой ему отныне предстоит жить, и видит, что она на его глазах погружается в сумрак (*twilight*). В словаре находим следующую дефиницию лексемы *twilight*: *diffused, dim light from the sky when the sun is below the horizon; incomplete darkness* [OD]. Из дефиниций фразеологической единицы *twilight world* и прилагательного *twilight* следует, что тусклый свет и соответствующее время суток вызывают у человека чувство меланхолии, грусти и эмоционально воздействуют на него как нечто таинственное и пугающее. *Twilight world – a way of living that is mysterious and slightly frightening or immoral* [MEDAL]. *Twilight (adj.) – being melancholy or sad* [WOD]. Таким образом, существительные *glory* и *twilight* противопоставлены по двум признакам в данном контексте – сила света и эмоциональное состояние: *brilliant light – dim light; bliss – melancholy*. И этот контраст сияющего света и полумрака, блаженства и уныния так поражает Нуньеса, что он благодарит Бога за то, что он способен видеть это великолепие, излучающееся на землю и наполняющее этот мир лучезарной красотой.

Итак, в проведенном исследовании была выявлена лингвоэстетическая роль перцептивности языкового знака. При помощи противопоставления модальных кодов повествования автор передает ключевую идею своего художественного замысла – конфликт между двумя мировоззрениями, культурами.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. А.М. Прохорова. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 2. – 1991.
2. Психологический словарь [Текст] / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М. : Астрель ; АСТ ; Транзиткнига, 2006.
3. Холл, М. НЛП-мастер. Полный сертификационный курс. Высшая магия НЛП [Текст] / М. Холл, Б. Боденхамер. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Источник иллюстративного материала

Wells, H.G. The Country of the Blind [Текст] / Английский рассказ XX века. Сборник 1. Составитель Н.А. Самуэльян. – М. : Менеджер.

Список лексикографических источников

1. Webster's Online Dictionary (WOD) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.websters-online-dictionary.org>
2. Webster's Revised Unabridged Dictionary (WRUD) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.websters-online-dictionary.org>
3. Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary (MWALD) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://traduko.lib.ru>
4. Merriam-Webster's Learner's Dictionary (MWLD) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.learnersdictionary.com>
5. Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ldoonline.com>
6. Oxford English Dictionary (OED) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.oxforddictionaries.com>
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.macmillandictionary.com>

cheroky70@mail.ru

**ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
В ОБЪЕКТИВАЦИИ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ**

Прогностика в широком смысле понимается как теория и практика прогнозирования и присутствует в различных научных системах. Процесс прогнозирования строится в русле детерминации сущностей по некоторым знакам, которые репрезентируют каждую научную область.

Наличие отношений между знаками внутри одной системы (в данном случае, лингвистической) создает предпосылки для формирования знакового значения, актуализируемого в процессе лингвистического прогнозирования. Важным фактором в этом плане является то, что «... две сущности не объединены природной зависимостью, но между ними установлена условная намеренная связь с тем назначением, чтобы актуализировать определенную мысль даже в отсутствии оснований для импликации. Между сущностями нет природной связи, но в сознании субъекта установлена знаковая связь между ними, за знаком закреплена кодифицированная мысль, которая и составляет его знаковое значение» [Никитин, 2001, с. 59].

Обращение к терминам «прогнозирование», «прогностические потенции» обусловлено тем фактором, что каждое языковое средство, будучи «закрепленным» за одним или несколькими значениями, создает актуальную картину мира, но при этом содержательный аспект, как и смысл высказывания / текста, экстраполируется из суммы нескольких показателей. Это могут быть, кроме значения языкового знака, ситуационный код, антропологический код, интенциональный код и другие коды, которые позволяют оптимально расшифровать информацию. Однако для этого необходимо сознательно или подсознательно построить гипотезу и создать аргументационную базу, чтобы получить истинное знание о предмете. Такой подход представляет собой как раз элемент прогнозирования. Например, рассматривая утверждение как «... положительный противочлен оппозиции «утверждение – отрицание», имеющий значение наличия чего-либо и основанный на положительной оценке предикативной связи высказывания» [Владимирская, 1996, с. 19], можно обратиться к прогностическим потенциям следующей ситуации:

1. „*Hab mal ein mecklenburgischer Fräulein geliebt*“, sagte Claus. „*Ist übrigens keine schlechte Pianistin geworden...*“ (A. Zweig).

Словосочетание *keine schlechte Pianistin* могло быть выражено с помощью положительной лексемы *gut* (*gute Pianistin*). Однако говорящий не уверен в объективности своей оценки, поэтому старается отстраниться от нее, не предлагая конкретизации и доказательств своего мнения.

Использование лексемы *übrigens* (*впрочем*) свидетельствует о некотором недоверии к возможностям девушки из Мекленбурга (небольшого города) стать хорошей пианисткой.

Говоря о своей давней влюбленности адресант в качестве оправдания своего доброго отношения к девушке приводит веский с его точки зрения аргумент, что она чего-то добилась в жизни: „*Ist ... keine schlechte Pianistin geworden*“. Выдвинутые при лингвистическом анализе гипотезы приводят к формированию знания о субъекте речи: это не достаточно уверенный в себе молодой человек, обладающий определенным социальным статусом, но не способный мыслить и чувствовать самостоятельно, склонный к стереотипному восприятию действительности, зависимый от условностей общества. Указанные языковые средства позволяют прогнозировать психологические особенности говорящей личности. Контекст подтверждает сделанный посыл. Теория прогнозирования опирается на диалектические категории возможности и действительности, случайности и закономерности, частного и общего в процессе создания некоего образа. В основе данной теории лежит повторяемость одних и тех же связей, способных актуализировать зависимость между объектами и субъектами, объектами и объектами дискурсивного пространства, в результате чего появляются сущностные характеристики рассматриваемого события / факта. Идентификация смысловой картины происходит часто на подсознательном уровне в соответствии с интеллектуальной и языковой компетентностью субъекта речи. При всей важности дешифровки языковых знаков решающую роль в понимании сути текста играет точная референция, соотнесение высказывания с реальностью, которая изображается в дискурсе [Седов, 2004, с. 43].

Повторяемость некоторых событий позволяет строить достаточно достоверное умозаключение. Антропоцентрический характер всякого высказывания делает возможным не только его восприятие и понимание, но и условия его порождения, включающие интенциональный и мотивационный коды, что можно проследить на следующем примере:

2. „*Ein blütenreicher Frühling. Jederman sah das*“ (E. Strittmatter).

В данном высказывании утверждение актуализируется на деривационном уровне. Полусуффикс *-reich* придает прилагательному значение изобилия чего-то. Исходя из дефиниционного признака утверждения как «наличие чего-либо», можно опираться на утвердительную сему данного полусуффикса. Кроме того, основа прилагательного является положительной лексемой, обладающей повышенным прагматическим потенциалом. Влияние положительной лексемы на формирование общего утверждения можно аргументировать через замену полусуффикса *-reich* на антонимичный *-arm* или *-los* (*blütenarm, blütenlos*), и тогда все высказывание получает негативную окраску, поскольку для данной ситуации релевантным оказывается не факт наличия весны, а ее характеристика в модально-оценочном плане. При отрицательных лексических компонентах имело бы место частное отрицание при общем логическом утверждении. Выбор актуальных для выражения утверждения знаков

обусловлен определенным интенциональным кодом автора высказывания. Поэтому прогностические потенции такого знака как словосочетание *blütenreicher Frühling* объективируют личностные особенности говорящего следующего свойства: 1) повышенная эмоциональность как свидетельство неустойчивого характера; 2) склонность к преувеличению (*Jederman sah das* – далеко не каждый человек воспринимает близко весну как расцвет всего вокруг); 3) чувствительная натура; 4) категоричность суждений как свидетельство некоторой самодостаточности и повышенной самооценки. Первое предложение – бытийное, с особым содержанием мысли в именной части. Вполне можно было выразить оценку факта в двусоставном предложении, типа: *Der Frühling ist blütenreich*; или *Alles blüht im Frühling*. Однако в этих высказываниях теряется фактор экспрессивной оценки и фактор конкретизации момента времени, который присутствует в представленном бытийном предложении и является свидетельством образного мышления автора. Прогнозируя наличие указанных свойств личности, следует также признать половую принадлежность субъекта речи. Это состоявшийся мужчина, поскольку эмоциональная женщина не может столь кратко и точно выражать свои ощущения в силу повышенной полноты чувств и стремлением быть услышанной и понятой.

Таким образом, следует выделить среди прогностических потенций средств выражения утверждения фактор полоролевой идентификации личности.

Анализ фактологии дает основание говорить о том, что языковые знаки каждого вида обладают прогностическими потенциями гендерной идентификации личности говорящего.

3. *Hätte er nur jetzt nicht gefroren* (A. Seghers).

4. *Und vor dem Weggehen hatte er Magda gefragt, ob sie Russisch lernen wollte. ... "Was könnte ich Besseres wünschen, Herr Wahl", hatte das Mädchen geantwortet* (A. Zweig).

5. *„Haben Sie es schon ausgegeben?“ – „Glauben Sie, daß ich das geld eines Toten unterschlagen? Fragte Frau Marelli. „Ist es abgeholt worden?“*

„Abgeholt?“ fragte die Frau, nicht mehr vollständig sicheren Tones, denn sie war sich schon klar, dass sie ein paar Worte mehr gesagt hatte, als sie wollte (A. Seghers).

6. *„Hoffentlich gewinnst du's mein Junge“, seufzte die Mutter. „Hoffentlich!“ bestätigte Werner und streichelte ihre Hand* (A. Zweig).

Представленные ситуации включают мужские и женские высказывания с разной актуализацией утверждения. Женский стереотип тяготеет к частому многословию, когда об утверждении можно лишь догадываться, опираясь на знаковую аргументацию, например в ситуации 5. Каждый ответ фрау Марели оформлен в виде вопроса, включающего либо запрос мнения адресата (*Glauben Sie, daß...*), либо повтор реплики спрашивающего (*abgeholt – abgeholt*). Такой способ построения реагирующего высказывания свидетельствует о неуверенности говорящего, о стремлении уйти от точного ответа, о попытках прояснить ситуацию относительно осведомленности адресата. Тем не менее, по словам *“nicht mehr vollständig sicheren Tones”*, *“sie ein paar Worte mehr gesagt hatte, als sie wollte”* можно судить о наличии скрытого утверждения в высказываниях адресанта. Это свидетельствует не столько о многословии женщины, сколько о ее неуверенности в выборе решения. Тот же фактор присутствует в речи женщин (3, 4, 6). Утверждение (3) выражено сочетанием имплицитного (логического) отрицания (конъюнктив) и эксплицитного (*nicht*), риторическим вопросом (4), модальным словом (*hoffentlich – 6*), что актуализирует приоритетный вид утверждения в женских высказываниях – некатегоричное утверждение, сближающееся с отрицанием через фактор неуверенности. Как правило, мужская роль ассоциируется с силой, энергичностью, грубостью, агрессивностью, рассудочностью, категоричностью. Поэтому то же модальное слово *hoffentlich* в мужском высказывании (6) представляет категоричное утверждение (1-й вид), поскольку окружено такими знаками, как лексема *bestätigte*, повтор (*hoffentlich – hoffentlich*), интонация (восклицательный знак), прогнозирующими указанные стереотипные свойства личности мужчины. Что касается речи представительниц женского пола, то она в большей степени характеризуется некатегоричностью, неопределенностью, эвазийностью, вольным или невольным стремлением к таинственности при всей многословности своих высказываний.

Использование прогностических потенций средств выражения утверждения в коммуникации позволяет объективировать характерные особенности говорящего, поскольку анализ языковой личности «...представляет собой закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной действительности в мире» [Караулов, 1987, с. 5].

Библиографический список

1. Владимирская, Л.М. Микрополе утверждения в современном немецком языке [Текст] / Л.М. Владимирская. – Барнаул, 1996.
2. Владимирская, Л.М. Философско-лингвистический потенциал категории утверждения / отрицания в современном немецком языке [Текст] / Л.М. Владимирская. – Барнаул, 1997.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.
4. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики [Текст] / М.В. Никитин. – СПб., 1997.
5. Седов, К.Ф. Дискурс и личность [Текст] / К.Ф. Седов. – М., 2004.
6. Seghers, F- *Das siebte Kreuz*. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1967.
7. Stittmatter, E. *Ole Bienkopp*. – М. : Verlag Progress, 1980.

Воднева М.Г., Краснодар (Россия)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале произведений В.С. Маканина)

Пространство как одно из центральных понятий окружающей действительности находит отражение в картине мира (КМ): общеязыковой (национально-культурной и научной) и индивидуально-авторской (субъективной). Ю.С. Степанов относит «пространство» к базовым константам культуры [Степанов, 1997, с. 101], которые, по замечанию Л.Г. Бабенко, составляют «ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора» [Бабенко, 2000, с. 82].

Концепт «город» как важнейшая составляющая суперконцепта «пространство» является одним из базовых концептов русской ментальности. Город – доминирующая тема в русской литературе XIX–XX веков, ставшая истоком формирования городского текста: «петербургского» (XIX век) и «московского» (XX век) [Анциферов, 1991, с. 47-52]. Во второй половине XX века в русской литературе городской текст был осмыслен как городская проза, идейно-эстетической основой которой является художественный мир Ю.В. Трифонова [Шаравин, 2001, с. 201-203]. По мнению исследователей, самым последовательным и «творчески-полюемическим» продолжением традиций Ю.В. Трифонова является проза В.С. Маканина [Пискунов, 2005, с. 496], ядро индивидуально-авторской КМ которого составляет концепт «город». Динамизм концепта, понимаемый как «наполнение новым содержанием концептов, существующих в русском общественном сознании» [Вепрева, 2003, с. 17], может быть прослежен с позиции приобретения новых смысловых приращений в индивидуально-авторской КМ В.С. Маканина в произведениях различных периодов: в прозе начала 1970-х гг., в произведениях конца 1970-х – 1980-х гг. и начала 1990-х гг. Как отмечает М.В. Селеменова, в повестях В.С. Маканина начала 1970-х годов Москва – это «большой город, законы жизни в котором непонятны герою-провинциалу», в повестях конца 1970-х–1980-х годов Москва – это «четко структурированное пространство, которое подчиняет себе героя, понимающего и принимающего требования большого города» [Селеменова, 2009, с. 23], Москва в повести «Лаз», написанной в 1991 г., получает, по замечанию А.В. Шаравина, совершенно иное осмысление: «город, словно по-карнавальному расколот на две части-антитезы, вывернут наизнанку» [Шаравин, 2001, с. 154]. Таким образом, согласно мнению литературоведов, город занимает центральное место в произведениях данных периодов, следовательно, представляется важным рассмотреть особенности концептуализации понятия «город» в повестях В.С. Маканина «Повесть о Старом Поселке» (1974 г.), «Отдушина» (1977 г.), «Антилидер» (1980 г.), «Лаз» (1991 г.).

В ходе исследования данных повестей были выделены концептуальные признаки *города*, которые реализуются: 1 во всех исследуемых произведениях; 2 в некоторых исследуемых произведениях; 3 только в определенной повести [Маканин, 1980, 1990, 1991].

Выявлены концептуальные признаки *города*, которые реализуются во всех исследуемых произведениях: безмянный; столичный; суетный; имеющий постоянные атрибуты (многоэтажные дома; толпа; огни; деньги; транспорт; кофе); реальный (с названием конкретных улиц); населенный людьми, имеющими особые «городские» профессии и увлечения.

Отмечаются концептуальные признаки, реализующиеся в некоторых повестях: являющийся своим пространством («Антилидер», «Лаз»); глухой / захолустный («Отдушина», «Антилидер»); растущий / строящийся («Повесть о Старом Поселке», «Отдушина», «Антилидер»); разлучающий/разделяющий («Отдушина», «Лаз»); внутренне разделенный («Повесть о Старом Поселке», «Антилидер»); порождающий особую «городскую» любовь («Повесть о Старом Поселке», «Отдушина»); живущий по собственным законам («Повесть о Старом Поселке», «Лаз»); населенный людьми, объединенными в группы/ кланы («Повесть о Старом Поселке», «Антилидер», «Лаз»).

Зафиксированы концептуальные признаки, возникающие только в определенной повести:

«Повесть о Старом Поселке» – супербольшой / огромный / громадный; противопоставленный своему пространству (поселку); населенный «типичными», похожими людьми; населенный людьми-колесиками, механизмами; ограничивающий; воплощающий власть; дающий возможность карьерного роста.

«Отдушина» – курортный (Крым, Ялта Пятигорск); требующий отдушины; противопоставленный деревне; являющийся символом мирской суеты и славы (Париж); населенный людьми, требующими зрелищ; соотносимый с домом/квартирой; обманчивый; населенный одинокими людьми; имеющий постоянные атрибуты (метро и лестница как символ человеческой жизни).

«Антилидер» – старый / «исторический», противопоставленный новостройкам; являющийся городом детства; являющийся пространством, единственно возможным для существования горожанина.

«Лаз» – опустевший; подземный / лжегород; опасный; мертвый / несущий смерть; противопоставленный даче.

Таким образом, представления о городе, зафиксированные в повестях В.С. Маканина «Повесть о Старом Поселке», «Отдушина», «Антилидер», «Лаз», позволяют выявить особенности индивидуально-авторского видения города. Концепт «город», репрезентированный в повестях, написанных в разные временные периоды, приобретает общие для всех повестей и свойственные определенному произведению концептуальные приращения.

Индивидуально-авторская концептуализация понятия «город» основывается на национально-культурной специфике представлений о городе. *Город* является местом проживания людей, конкретным населенным пунктом с указанием астионима, представлен коренными жителями или приезжими, противопоставлен заолустному городку, поселку или деревне. Город может являться своим или чужим пространством, пространством опасным и даже мертвым, а также концептуализироваться как дом, живое существо и механизм.

Библиографический список

1. *Анциферов, Н. П.* «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина [Текст] / Н.П. Анциферов. – СПб. : Лениздат, 1991.
2. *Бабенко, Л.Г.* Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
3. *Маканин, В.* Там была пара. Лаз. Рассказ. Повесть [Текст] / В. Маканин // Новый мир. – 1991. - №5. – С.83-134.
4. *Маканин, В.* Отдушина. Повести. Роман [Текст] / В. Маканин. – М. : Известия, 1990.
5. *Маканин, В.* В большом городе [Текст] / В. Маканин. – М. : Молодая гвардия, 1980.
6. *Пискунов, В.М.* Чистый ритм Мнемозины [Текст] / В.М. Пискунов. – М. : Альфа-М, 2005.
7. *Селеменова, М.В.* Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. н. [Текст] / М. В. Селеменова. – М., 2009.
8. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
9. *Шаравин, А.В.* Городская проза 70-80-х гг. XX в. : дисс. ... д-ра филол. н. [Текст] / А.В. Шаравин. – Брянск, 2001.

vmg_@mail.ru

Войткова А.Н., Иркутск (Россия)

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В данной статье мы уделяем внимание всестороннему описанию комического вербального поведения, в котором принимаем во внимание как когнитивные, так и коммуникативные его особенности.

Часто дискурс определяют как особую ментальность идеологии, выраженную языком [Степанов 1997, с. 723], как «вербализованную речемыслительную деятельность, проявляющуюся как процесс и результат» [Красных, 2001, с. 200]. Понимая комическое как особый способ выражения критического отношения к действительности, его также можно понимать и как особый вид ментальности (мышления или мышледействия) – умение воспринимать действительность одновременно в двух модусах, и производя комическое, они сопоставляются и переходят в третий модус – определенное новое «знание» в игровом ключе.

Комический дискурс (далее КД) может быть и процессом и результатом: результатом в виде готовых текстов произведений, жанров (анекдотов, частушек, поговорок и т.д.) и процессом в определенной коммуникативной ситуации в практике повседневного общения, когда комическое создается или рассказывается нестратегично и спонтанно по ассоциативному присоединению.

В общей типологии дискурса КД сегодня можно рассматривать и как институциональный, и как персональный. Обилие юмористических передач и шоу, скетчкомов, сериалов свидетельствует, с одной стороны, о востребованности данного вида дискурса и о том, что им сегодня занимаются профессионально команды сценаристов, писатели-сатирики и т.д., т.е. у подобного дискурса есть цель – вызвать смеховую реакцию, определенное место и время общения, особый статусно-ролевой состав участников. Имена успешных юмористов становятся популярными [Плотникова, 2005].

Рассматривая КД как персональный, можно выделить область письменного КД, когда произведение не заявлено как, например, юмористическое, но писатель освещает события в своем повествовании с комической точки зрения, отпуская шуточные комментарии. В ситуации повседневного общения создание комического характеризуется спонтанностью и зависимостью от коммуникативной ситуации, где использование комического поощряется, устанавливает контакты, разряжает обстановку и т.д.

В целом, сегодня, принимая определение дискурса Н.Д. Арутюновой как определенную последовательность или серию взаимосвязанных речевых актов [Арутюнова, 1998], можно дополнить это определение относительно КД. Мы трактуем КД как *комический речевой акт или последовательность*

комических речевых актов, отражающих определенную ментальность, выражающих рекреативную функцию или критическое отношение к действительности преднамеренно или нестратегично в игровом модусе общения.

Как и любой другой дискурс, КД создается специфическим типом личности – *остроумной личностью*. В качестве ее основной характеристики рассматривается остроумие, т.е. способность создавать высказывание, контрастирующее с жизненной ситуацией и вызывающее смеховую реакцию. Когнитивные основы остроумия заложены на уровне бессознательного. В общении же человек пользуется своим остроумием вполне осознанно, совершенствуя и оттачивая его в течение жизни [Минский, 1988].

Теория речевых актов внесла в лингвистику понятие интенции и интенциональности, что предполагает наличие связи между сознанием субъекта и предметом как частью мира. Значимым оказывается и направленность сознания на предмет/объект. Остроумный человек, создавая остроты, критически их оценивает сразу же после момента создания, но до того момента, как они станут известны окружающим, т.е. вербализуя остроту, адресант осознанно направляет ее на адресата, тем самым выражает желание утвердиться в обществе, повысить свой социальный статус, уйти от неприятной реальности или привлечь внимание противоположного пола.

Следующим фактором является то, что комическое, как правило, проявляется в коммуникативной ситуации, в условиях которой всегда *адресант и адресат*, т.е. говорящие субъекты и определенное *речевое взаимоотношение* между ними, они сами выбирают плоскость своего общения, например, серьезную/несерьезную. Говорящий, создавая комическое, играет, нарушая стереотипное восприятие окружающей его действительности, и призывает слушающего воспринимать его речевой акт (или последовательность речевых актов) в этом же ключе. Следовательно, можно говорить об *игровом характере* как об одном из основных признаков КД.

Создание КД требует от говорящего отстранения от собственного «Я», вызванного тем, что в этот момент целевые установки его повседневной жизни уходят на задний план и заменяются игровым процессом [Плотникова, 2003, с. 166].

Исследователи комического разделяют мнение, что окружающие нас социальные явления действительности сами по себе не могут быть смешными. По мнению А. Бергсона, комическое не может существовать вне человека. Оно всегда связано с человеческим, либо с чем-то, относящимся или могущим быть отнесённым к человеку, «смешно не бывает одинокому» [Бергсон, 2000, с. 11]. Соответственно, логично говорить о наличии фактора *социального окружения*. Р. Провайн подтвердил данное положение и провёл экспериментальное исследование. Он предложил студентам фиксировать смешные случаи и отмечать, смеялись ли они в компании или в одиночестве. Оказалось, что студенты смеялись чаще, когда они находились в обществе [Provine, 2001].

Отметим также явление *неожиданности* в комическом. А. Шопенгауэр в книге «Мир как воля и представление» (1819) писал, что смеховая реакция выходит из неожиданного осознания несочетания между известным явлением и реальным объектом, и сама смеховая реакция – это лишь выражение этого несочетания [БЭС, Т.23, с. 765], где слово *неожиданное*, или *внезапное* мыслится основным.

Следующим самым важным признаком КД выделяется *принцип несоответствия*, противоречия или парадокса. Отметим, что почти все теории комического сходятся в одном – любое комическое высказывание заключается в противоречии. Смысл высказывания становится комическим только при разрешении противоречия или усмотрения, распознавания комического несоответствия [Ruch, 1998]. В частности, Р. Уайр и Дж. Коллинз, обобщая данные более ранних исследований, пишут, что юмористическое событие по определению содержит в себе некоторое противоречие. Процесс восприятия комического представляется как разрешение противоречия, т.е. реинтерпретация первоначального значения, раскрывающая комизм. Помимо чисто интеллектуального понимания содержания шутки (процессов интерпретации–реинтерпретации), восприятие комического определяется также контекстуальными переменными – тем, что авторы назвали смысловой переработкой [Wyer, Collins, 1992].

Выделим также принцип *новизны*. Комическое высказывание обладает действительно комическим эффектом, когда он вербализуется впервые. Действительно, шутка или анекдот, рассказанные во второй раз, уже не вызывают должной смеховой реакции.

Кроме того, необходимо подчеркнуть наличие определенной *дискурсивной компетенции* при восприятии КД, т.е. «определенного ряда когнитивных условий: знание адресатом мира, языка и ситуации» [Панина, 1996, с.10].

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – С. 5-32.
2. Бергсон, А. Смех [Текст] / А. Бергсон // Смех. Жан-Поль Сартр. Тошнота. Клод Симон. Дороги Фландрии. – М. : МАКС Пресс, 2000. – С. 7–126.
3. БЭС – Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.; СПб. : БЭС: Норит, 1999.

4. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003.
5. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного [Текст] / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 143-167.
6. Панина, М.А. Комическое и языковые средства его выражения: дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / М.А. Панина. – М., 1996.
7. Плотникова, С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий [Текст] / С.Н. Плотникова // Лингвистика дискурса. – Иркутск : ИГЛУ, 2005. – С. 5-16
8. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М. : Ин-т языкознания; РГГУ, 1997. – С. 38.
9. Provine, R.R. Laughter. A scientific investigation [Text] / R. Provine // Bulletin of Psychonomic Society. 2001. – P. 1-14.
10. Ruch, W. Sense of humor. A new look at an old concept [Text] / W. Ruch // The Sense of humor: Exploration of a personality characteristic / Ed. by W. Berlin. – N. Y. : Mouton de Cruyter, 1998. – P. 3-14.
11. Wyer, R.S. Theory of Humor Elicitation [Text] / R.S. Wyer, J.E. Collins // Psychological Review. – October, 1992. – Vol. 99. – No. 4. – P.663-688.

nasstenka@yandex.ru

Вольтер Э.Г., Барнаул (Россия)

О ПОДВОДНЫХ РИФАХ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДЛОГА *sur*

О ядерных, наиболее употребительных или частотных, французских предлогах *à* и *de* мы уже писали [Вольтер, 2010]. На сей раз поговорим о предлоге *sur*, не менее частом, многозначном, интригующем, ожидаемом или неожиданным, предсказуемом или непредсказуемом. В этой интриге, ожидаемости или неожиданности, предсказуемости или непредсказуемости, важно для нас, и заключены его привлекательность и шарм, равно как и сопряженные с ним трудности. Итак, рискнем навести в предлоге *sur* хотя бы некоторый порядок.

В надводной своей части, в самом прямом смысле, предлог *sur* предполагает некую *поверхность*, не обязательно горизонтальную, но видимую таковой. Множественные примеры тому подтверждение: *sur la tête* – на голове, *sur la table* – на столе, *sur le livre* – в книге (где открыта), *mettre sur papier* – положить на бумагу, *dessiner sur le mur* – рисовать на стене, *mettre un costume sur soi* – надеть (на себя) костюм, *l'action sur les jeunes* – влияние на молодежь, *la main sur la conscience* – положить руку на сердце, *j'ai peu d'argent sur moi* – у меня мало денег при себе (прежде деньги носили в мешочке на поясе), *je n'ai pas mon manuel sur moi* – у меня нет с собой учебника (уже не на поясе, но при себе), *tirer sur qn, tirer sur le corps à terre* – стрелять в кого-либо, в том числе *leжачего*, *déjeuner sur l'herbe* – завтрак на траве и т.п. В этом своем исходном значении французский предлог *sur* ближе всего к русским предлогам *на*, *при*, *за*, *в* и др. в зависимости от управления русского глагола. Нетрудно проследить это и на других примерах.

Уже более объемно не столько поверхность или плоскость, сколько *пространство*, как все тот же *вид сверху*, выражает предлог *sur* в других проекциях, где он эквивалентен все тому же русскому *на* или его синонимичным *над*, *по* и др.: *sur la Seine* – на Сене, *sur sa rive gauche* – на ее левом берегу, *les ponts sur la Seine* – мосты через Сену, *une belle vue s'ouvre sur la ville* – красивый вид открывается на город, *jouer sur le boulevard* – играть на бульваре, *les coups pleuvaient sur lui* – удары сыпались на него, *l'argent pleuvait sur lui* – деньги сыпались (дождем пролились) на него, *Verdun-sur-Meuse, Verdun-sur-Garonne, Verdun-sur-le-Doubs* (ср.: наш Ростов-на-Дону), *se pencher sur les livres* – сидеть (склониться) над книгами, *se concentrer sur son travail* – сосредоточиться на своей работе, *trouver sur le Net* – найти в Интернете, *sur un site* – на сайте и т.п. Или речь, мысль на тему: *une nouvelle sur qn* – новость о ком-либо, *travailler sur le text* – работать над текстом, *commentaires sur l'auteur* – комментарии к автору, *parler sur le sujet, sur le contenu du texte* – говорить на тему, по содержанию текста, *discuter sur toute(s) chose(s)* – дискутировать о разных вещах, *sur ce* – на этом, *вслед за этим* и др.

Вполне ожидаем, продолжим, предлог *sur* со значением *на*, каким его видят и русские, в серии французских глаголов, выражающих в самом общем виде известное *местоположение* или готовность его принять, таких как *être, mettre, (s')installer, s'asseoir, atterrir, (se) poser, exposer, étaler, trainer* и др., и требующих предлога *sur* в прямом, и не только прямом, смысле: *mettre la police sur pied* – поднять полицию на ноги, *s'installer sur son divan* – устроиться на диване, *s'asseoir sur une chaise* – сесть на стул, *atterrir sur la piste* – приземлиться на взлетно-посадочную полосу, *l'oiseau se pose sur une branche* – птица садится на ветку, *poser ses lèvres sur la croix* – целовать крест, *exposer sur le quai* – выставить на набережной, *étaler sur les tables* – разложить на столах, *trainer sur les tables, sur le plancher* – валяться (в беспорядке о вещах, бумагах и др.) на столах, на полу и т.д.

Сложнее русскоязычному предвосхитить французский предлог *sur* в именных и глагольных конструкциях со значением *времени*, чаще выражаемого предлогами *à, vers, de, depuis, en, dans*, др. в том или

ином контексте или без таковых. Однако его некоторое воображение и умение ориентироваться во времени и пространстве в различных ракурсах спасают и эту ситуацию. Сравним: *sur le champ* - *быстро, скоро* (наскоро, на скорую руку), *sur la fin de l'hiver* - *к концу зимы*, *sur l'heure du dîner* - *к обеду*, *sur la fin des cours* - *под конец* (пришлись на конец) *занятий*, *sur les dix heures* - *к десяти часам*, *sur le soir* - *к вечеру* (скажем, планировать или перенести на вечер), *être sur son départ* - *собираться уходить, уезжать* (на пороге, перед уходом, отъездом) и др.

Далее идет *возраст*, тоже неумолимое *время*, воспринимаемое всеми линейно: *sur le seuil de la vie* - *на пороге жизни*, *il va sur (ses) 40 ans* - *ему скоро 40*, или точнее - *он на 40 году жизни*, *sur le soir de la vie* - *на закате жизни*. Образно, выразительно, что, как видим, не чуждо и русской ментальности.

Труднее, чем *время*, представить себе с предлогом *sur* *число* или *количественные пропорции*, пока не обратимся к русским аналогам *на* или *из*. Сравним: *un jour sur deux* - *через день*, *neuf sur dix* - *девять из десяти*, *un sur mille* - *один на тысячу* и т.д. Не по этой ли схеме, кстати, составлены и русские числительные от 11 до 19, где единицы *кладутся на* десятку в виде редуцированного «-дцать»: одиннадцать, двенадцать, тринадцать и т.д.? Все копировали арабов, кому как удобно. На сегодня ясно одно: и французы, и мы воспринимаем составление, сложение или наложение цифр и чисел одинаково, соответственно оформляемые союзом *et*, предлогами *sur* - *на* или без таковых, что изучающего французский язык должно обнадеживать и радовать.

И, наконец, одни сложности. Настоящими подводными рифами, как мы их назвали, о которые могут разбиться воображение и многоязычный речевой опыт русскоментального, являются французские предложные конструкции с *sur* часто непредвосхищаемые. Но и они после двух-трех удачных логических перестроений становятся более понятными. Сравним: *lettre sur lettre* - *письмо за письмом* (одно на другое), *tirer sur le nez* - *дергать за нос*, *donner un coup sur le nez* - *щелкнуть по носу* (понятно: в обоих случаях физическое воздействие пришлось на нос), *sur la demande* ou *sur l'invitation de qn* - (скажем, ответить) *на чью-либо просьбу* или *приглашение*, *une nouvelle sur qn* - *новость о ком-либо* (на предмет кого-либо, бывает, наговорить на кого-либо), *mettre la main sur qn* - *арестовать кого-либо* (попасть в руки), *juger les gens sur les apparences* - *судить о людях по внешности*, *régler sur un modèle* - *следовать примеру*, *se régler sur un principe* - *руководствоваться принципом* и ряд других примеров.

Необычно и непредсказуемо видит француз и некоторые другие вещи. Если *il pleut sur Paris* - *в Париже* (на Париж льет) *дождь* еще понятно, то *se diriger sur Paris* - *направляться в Париж*, *la clef est sur la porte* - *ключ в двери*, *être sur son départ* - *собираться уходить или уезжать*, *tirer sur la cigarette* - *затянуться сигаретой*, *Voulez-vous fermer la porte sur vous, s'il vous plaît?* - *Закройте, пожалуйста, за собой дверь.*, *tourner sur la droite* (но: *à droite*) - *повернуть направо*, *sur la gauche* (но: *à gauche*) - *налево* нефранкофону иногда предвосхитить или увидеть трудно. Выход один: эти и им подобные предложные конструкции с *sur* всякий раз осмысливать, «присваивать» и регулярно воспроизводить как устойчивые аутентичные французские речения.

Осталось в дополнение, думаем - нелишне, сказать несколько слов о затронутом *sur*, являющимся во французском языке еще и приставкой, и тоже означающей в самом общем виде *кладущееся на* или *добавляемое сверх* - русские *сверх*, *пере-* или *пре-*: *au surplus* - *кроме того*, *surtout* - *сверх всего*, *surprix* - *наценка*, *surprofit* - *сверхприбыль*, *suraigu(i)* - *пронзительный*, *suranné(e)* - *престарелый(ая)*, *surajouter* - *добавлять*, *suralimenter* - *усиленно питать*, *surconsommation* - *сверхпотребление*, *surchauffer* - *перегреть*, *surcharger* - *перегружать*, *survivre* - *пережить* и многое другое.

А теперь вывод. И он утешительный. Не такой уж непредсказуем этот французский предлог *sur*! Видимый и мыслимый в языковом сознании в разных ракурсах в прямом и переносном значениях как *находящееся*, *кладущееся*, *проецируемое на*.... Да, не всякий русский *на* эквивалентен французскому предлогу *sur* (ср.: *crier contre*, *après qn*), но всякий французский *sur* рядом некоторых мнемических хитросплетений или ассоциаций в 9-ти случаях из 10-ти легко выводит нас на столь же частотный и многозначный русский предлог *на* (ср.: *prendre sur le fait* - *взять на месте с поличным*, *surprendre* - *застичь врасплох*, *взять или поймать на чем-либо*). Эти изначальные *sur* - *на* во французских и русских предложных конструкциях нам всякий раз и нужно постичь, осмыслить, увидеть своими глазами и глазами француза, сравнить эти видения, сопоставив их, чтобы принять одно единственно верное решение.

Библиографический список

1. Вольтер Э.Г. О пространственных, временных и иных отношениях, выражаемых французскими предлогами *à* и *de* [Текст] / Э.Г. Вольтер // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике : мат-лы IV-ой международной науч.-практ. конф. В 2-х ч. - Барнаул : АлтГПА, 2010. - Ч.1. - С. 106-110.
2. Гак, В.Г. Новый французско-русский словарь [Текст] / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. - М. : Русский язык, 2000.
3. Штейнберг, Н.М. Грамматика французского языка. Часть 1. Морфология и синтаксис частей речи : учеб. для студ. ин-тов и фак. иностр. яз. Изд. 4-е. [Текст] / Н.М. Штейнберг. - Л. : Просвещение, 1972.
4. Dictionnaire des difficultés de la langue française / par Adolphe V. Thomas sous la direction de Michel de Toro. - P. : Larousse-Bordas, 1997.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БАЗА ДЕКОДИРОВАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ НЕМЕЦКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Настоящая статья посвящена проблеме скрытых смыслов вообще и способам их декодирования, в частности. Скрытые смыслы в разных формах и под разными названиями изучались на протяжении тысячелетий. За последние сорок лет проблема установления их статуса и декодирования стала одной из центральных для современной лингвистики и философии языка (Г. Фреге, А.Ф. Лосев, Л. Витгенштейн, Р.И. Павиленис, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, В.В. Богданов и др.). Скрытые смыслы и значения описываются широким диапазоном терминов - пресуппозиции, импликации, текстовые импликатуры, подтекст, глубинные смыслы, имплицитные смыслы, скрытые категории, намеки, нулевые знаки и т.п. Каждый из перечисленных терминов закреплён за соответствующей лингвистической, философской, логической или литературоведческой дисциплиной. Вместе с тем, не существует ни общей теории, ни единого метода анализа, которые позволили бы создать их системное описание. Актуальность проводимого исследования, таким образом, обусловлена давно назревшей необходимостью идентификации понятия «скрытый смысл» и создания единой теории, позволяющей рассмотреть корреляции между скрытыми смыслами различных языковых уровней. Основная цель данной работы заключается в разработке общей концепции декодирования скрытых смыслов в равноуровневом коммуникативном пространстве немецкого языка. Ведь именно реализация успешной коммуникации обуславливает необходимость обращения к смысловой картине.

При рассмотрении феномена языковой невыраженности в данном исследовании используется термин «скрытый смысл», который отличается наибольшей широтой и применим во всех случаях, когда отдельный фрагмент содержания отсутствует в поверхностной структуре. В предлагаемой работе под скрытым смыслом понимается всякий смысл, вербально не выраженный в тексте высказывания, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и содержащихся в контексте показателей или индексов скрытой информации.

При рассмотрении скрытых смыслов существенным является понятие системности языка (в статике и динамике). По мнению Г. Гийома, любой язык – это система, включающая множество более мелких систем. Зависимости, управляющие их взаимодействием, создают единую «когерентную систему» [Гийом, 1992, с. 106]. Одним из возможных системных представлений языка является следующее: язык выступает как надсистема, объединяющая две системы: систему явных и систему скрытых смыслов, активно взаимодействующих между собой. Элементы системы скрытых смыслов активизируются в процессах коммуникации, что предполагает противоположно направленные процессы – кодирования и декодирования. Кодирование проявляется в том, что адресант использует скрытые категории и значения, содержащиеся в системе языка, или намеренно создает окказиональные скрытые смыслы. Противоположная сторона – декодирование – суть восприятия речи адресатом, поиски и обнаружение скрытых смыслов в высказываниях адресанта, художественном или публицистическом тексте.

Декодирование – это множество мыслительных операций, непосредственно связанных с нашей когницией. В сознании человека возникают мыслительные цепочки, состоящие из определённых звеньев – микроконцептов и концептов. Чаще всего возникающие в нашем сознании ассоциации и образы помогают нам понять истинный смысл, например, метафорических, аллегорических или фразеологических высказываний, что обеспечивает успешность коммуникации. Однако образное мышление не способствует выявлению скрытого смысла немецких высказываний, содержащих, например, грамматические формы с имплицитным потенциалом. В данном случае должна быть использована другая более конкретная методика. Фундаментом этой научной концепции могут выступать уровни коммуникативного пространства. Базовым в данном случае является уровень высказываний, которому при рассмотрении системы скрытых смыслов в статике соответствует уровень предложения. В связи с этим возникает вопрос о том, что такое смысл предложения, как он организован и из каких компонентов складывается. За основную смысловую единицу в настоящей работе принимается пропозиция, а декодирование скрытого смысла высказываний основывается на пропозициональном анализе и определении степени их актуальности для коммуникации. Основания для пропозиционального содержания предложения были заложены логиками, однако важные наблюдения в этой области сделаны также лингвистами (Н.Д. Арутюнова, П. Адамец, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, М.А. Halliday, R. Hasan, F. Gerd, T.A. van Dijk, L. Tesniere и др.).

В процессе речевого общения коммуниканты оперируют не предложениями, а высказываниями. В организации предложений-высказываний большую роль играют грамматические значения, входящие в те или иные грамматические категории. В этих значениях и категориях зашифрованы важные смысловые характеристики. Наглядной в этом отношении выступает категория утверждения/отрицания в немецком языке, рассматриваемая, вслед за профессором Л.М. Владимирской, с функционально-семантических позиций, что позволяет подойти к смысловой стороне явления [Владимирская, 1997]. Скрытым способом утверждение/отрицание в высказывании реализуется с большей экспрессией в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего.

Одним из наиболее ярких грамматических средств немецкого языка, указывающим на наличие скрытого смысла, является двойное отрицание, объединяющее много типов отрицаний, сочетание которых в высказывании сводится к выражению утверждения. Взаимоуничтожение двух отрицаний дает утверждение, на что указывается во многих грамматических исследованиях (Н.А. Булах, Е.И. Шендельс, Дуден, В. Юнг). Возникновение утвердительного суждения происходит методом «от противного», что предполагает наличие отрицательной пресуппозиции. Например:

«*Merken Sie sich noch: es gibt keine uninteressanten, langweiligen Menschen*» [Becher, 1969, с. 414].

В целом высказывание носит формально отрицательный характер (Нет неинтересных людей), хотя суть его раскрывает положительное явление (Все люди интересны). Если представить на этом месте сразу утвердительное высказывание, типа: *Er ist ein interessanter Mensch* или *Sie sind interessante Menschen* – это было бы несколько бездоказательно, субъективно, эмоционально нейтрально и не имело бы прагматического эффекта. Кроме того, приведенное высказывание, благодаря способу «отрицания отрицаемого», имплицировало не одну информацию, а несколько, которые можно представить в виде следующих пропозиций:

- 1) кто-то отрицательно относился к объекту;
- 2) кто-то давал объекту отрицательную характеристику;
- 3) говорящий имеет большой жизненный опыт;
- 4) говорящий уверен в себе и своей правоте.

Основной коммуникативно-прагматический эффект производят первая и вторая пропозиции, что диагностируется контекстом, так как для реципиента актуальной является информация касающаяся конкретного человека, а не всех людей. Таким образом, контекст играет диагностирующую роль при выявлении истинного (актуального) скрытого смысла, а выяснение основных и латентных пропозициональных структур, обладающих наибольшим прагматическим потенциалом, позволяет судить о содержании с достаточной корректностью.

Фактический материал свидетельствует о том, что грамматическая модель двойного отрицания в немецком языке является определенным индексом скрытого утверждения. Следовательно, ее можно рассматривать как средство выражения скрытого смысла, а именно скрытого в высказывании утверждения. Грамматические средства (в данной статье: двойное отрицание) позволяют определить моделированное утверждение/отрицание, тогда как все остальные способствуют отправлению и восприятию содержания текста в полном объеме. Таким образом, выражение скрытого смысла посредством грамматики носит чаще всего более формализованный характер, чем, например, с помощью таких стилистических средств как тропы.

Из вышесказанного следует, что скрытый смысл – это лингвистическое явление, имеющее логико-семантическое основание и позволяющее прогнозировать концептосферу личностного свойства.

Выработка определенной методики декодирования скрытых смыслов особенно актуальна для реализации успешной коммуникации в иноязычном пространстве. Понимание смысла высказывания может происходить и оптимизироваться лишь в условиях обобщенного и общего языкового сознания, что базируется на языковой, интеллектуальной, ментальной общности продуцента и реципиента. Адекватность декодирования скрытого коммуникативного смысла обеспечивается в данном случае, с одной стороны, контекстуальными условиями, с другой стороны, культурологической компетентностью реципиента. Речь идет, в первую очередь, о немецком языке, четком, ясном и достаточно предсказуемом в соответствии с национальным языковым сознанием, которое базируется на таких ключевых концептах, как ‘ORDNUNG’, ‘TRADITION’, ‘TOLERANZ’, ‘SPARSAMKEIT’. Указанные качества немецкого языка могут способствовать выработке единой методики декодирования скрытых смыслов.

Библиографический список

1. Владимирская, Л.М. Философско-лингвистический потенциал категории утверждения/отрицания в современном немецком языке : монография [Текст] / Л.М. Владимирская. – Барнаул : Алт. ун-т, 1997.
2. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992.

Источник иллюстративного материала

Becher, J.R. Abschied [Text] / J.R. Becher. – Berlin und Weimar : Aufbauverlag, 1969.

o.voronushkina@mail.ru

Watson, N.V., Barnaul (Russia) – Denver, Colorado (USA)

THE DYNAMICS OF BILINGUALISM

The lexical item *dynamic* encodes the main approach taken in this paper. As Webster’s dictionary offers, *dynamic implies* “marked by continuous change, activity, or progress.” In this paper, bilingualism will be considered from the point of view of a change of attitudes toward this phenomenon as well as the flexibility of its nature. Indeed, bilingualism as an area of investigation is rooted in psychology, linguistics, sociolinguistics, sociology, anthropology

and intercultural communication. The author will attempt to draw on the arguments that point to the multiplicity of dimensions and multidisciplinary nature of the issue under consideration.

In literature, bilingualism is defined differently by various authors and approached from a host of research perspectives, and, frequently, the fine-tuning of the definition really depends on the era the discussion is framed in. Historically, the treatment of bilingualism or multilingualism has ranged from fear to romance. In a number of countries around the world experiencing mass migration, the languages other than the language of majority were described as hostile and their speakers as lacking in intellectual and moral capacity and values. As Colin Baker (1996) said fearful thoughts included everything from "cerebral confusion" and "split personality" to spiritual deprivation. In many countries, children have had their mouths washed out with soap and have been beaten with canes simply for speaking in their native languages. Similar events occurred when the US increased its population with the arrival of new and less known immigrants from Southern and Eastern Europe at the beginning of the 20th century. It was documented that New York residents expressed their caution toward newcomers on the streets especially once they heard "the frightening guttural" noise stemming from the people with dark complexion and "tatar-looking features." Theodor Roosevelt uttered a statement that became so well known that to date many sociolinguists and supporters of bilingual education in the United States have referred to it as they describe the strides the country has made so far in its attitude to multilingualism. To that end, Roosevelt [Pavlenko, 2004] claimed that there was enough space only for one language in the country – that was English because the US was not "a boarding school" for languages. As Kenji Hakuta (1986), a psycholinguist at Stanford University, argues, "bilingualism has always been a political hot-button issue just one step removed from immigration."

The dynamic nature of bilingualism is manifested in how it has led scholars, practitioners, and lay people to reverse opinions later in the 20th century. Therefore what dominates currently in North America – that includes the Canadian context with its highly successful French programs – and Western Europe is the debate pertaining to cognitive and sociocultural gains people exhibit retaining their two linguistic systems through the entire life span. Many seek evidence for the positive contribution of bilingualism in the thriving area of research – neurolinguistics. Recently, scientists have discovered that bilingual adults have denser gray matter (brain tissue packed with information-processing nerve cells and fibers), especially in the brain's left hemisphere, where most language and communication skills are controlled. The effect is strongest in people who learned a second language before the age of five (before the biological window for language acquisition closes) and in those who are most proficient at their second language. To underscore the finding in neurolinguistics in favor of bilingualism, many researchers draw attention to the fact that when bilinguals carry out their interaction in both languages rather rapidly, they cite data that show significantly more activity in the right hemisphere than monolingual speakers, which is the source of the bilingual advantages in attention and control. This expanded neural activity is so prominent and predictable on brain scans that it serves as a "neurological signature" for bilingualism [Paradis, 2004].

Linking evidence from neurolinguistics to bilingualism, a Canadian psychologist Bialystok (2005) insists that bilingual children are more effective at multi-tasking. Furthermore, adults who speak more than one language do a better job prioritizing information in potentially confusing situations. And being bilingual helps ward off early symptoms of Alzheimer's disease in the elderly. This constant back-and-forth between two linguistic systems means frequent exercise for the brain's so-called executive control functions, located mainly in the prefrontal cortex. This is the part of the brain tasked with focusing one's attention, ignoring distractions, holding multiple pieces of information in mind when trying to solve a problem, and then flipping back and forth between them. To support the view of potentially heightened "alert system" among bilinguals, Kroll (2005) suggests when bilinguals prepare to speak, their brains seem to inhibit one language while using the other. This ability to quickly block the momentarily irrelevant language is a mental workout that enhances the brain's executive control functions. Learning to juggle two languages in the brain is a skill that probably deserves credit for bilinguals' cognitive advantages although researchers emphasize that this does not mean they learn any better than people who speak only one language. But it does keep the brain more nimble, allowing bilingual people to multitask better, pick out key information faster and more effectively ignore surrounding distractions. In general, bilingualism has been shown to foster classification skills, concept formation, analogical reasoning, visual-spatial skills, creativity, and other cognitive gains.

Another very important- albeit traditional in bilingual studies to a large extent – is the debate regarding who is really bilingual. This issue, seemingly simple, has undergone tremendous transformation. Voluminous research has offered evidence from studies that deal with speakers of a particular language and their culture and explore the cultural underpinnings of specific grammatical systems. Yet very few paid attention to how these systems reside and cooperate in one mind and how they negotiate their space. For many years, François Grosjean (1982), a psycholinguist of a Swiss university and a world-renown researcher in bilingualism, has been engaged in this discussion. He is a staunch proponent of the view that bilingualism is the use of two (or more) languages in one's everyday life and not knowing two or more languages equally well, which is the key to deeper understanding of dynamics of individual bilingualism. Grosjean insists that the bilingual is a unique speaker-hearer who should be studied as such and not always in comparison with the monolingual. Because the needs and uses of the two languages are usually quite different, the bilingual is rarely equally or completely fluent in his/her languages. In their everyday lives, bilinguals find themselves at various points along a situational continuum which induce particular language modes. According to Grosjean (1998) and his followers [Pavlenko & Jarvis, 2008], the concept of language mode is critical and it helps to differentiate such

things as interference, code-switching, borrowing. These factors create various linguistic needs in people who are in contact with two or more languages and who develop competencies in their languages to the extent required by these needs. In contact situations, it is rare that all facets of life require the same language. Hence, the failure to understand the complementary principle has been a major obstacle to obtaining a clear picture of bilinguals and has had many negative consequences: Bilinguals have been described and evaluated in terms of the fluency and balance intrinsic to monolinguals. Further, research on bilingualism was often conducted in terms of the bilingual's individual and separate languages (the use of language A or of language B when in fact both languages are often used simultaneously). Many bilinguals still evaluate their language competencies as inadequate, which is commonly supported by lay people. Consequently, the need to treat bilinguals as individuals with unique linguistic systems that are always in flux and with developing nonstandard mechanisms for language processing and production is only increasing. In other words, absolute bilingualism is very rare and more resembles a myth. Under normal circumstances (I do not mean exceptionally gifted individuals), all bilinguals develop diverse levels of specific aspects of the language itself (such as phonology or pragmatics) or usage context.

In support of Grojeon's stance and illustrating the flexibility of bilingual systems, Pavlenko (2010), in her copious efforts to investigate semantic and conceptual transfer (or rather mobility) between L2 and L1, discusses the notions of convergence and shift. The former describes language product of a bilingual as the linguistic or conceptual space coalesce in the middle. The latter deals with a particular linguistic form gravitating to either L1 or L2. Thus there is plenty of evidence showing how convergence and shift take place among many Russian-English bilinguals depending on situations and life stage. As it is well described in literature, Russian motion verbs encode voluminous information regarding aspect, path, directionality, and manner of motion. Heritage (born in the US or very young upon arrival) Russian language speakers have been noticed to use mainly the English verbs *go/walk* whereby more distinction with manner/means of transportation is asked for [Watson, 2006]. At the same time, late bilinguals with the dominant Russian language are statistically more inclined to utilize more specific English verbs such as "drive" or "ride" even though normally "go" is used in their places. The motion verb usage emerges as the phenomenon of shift. Perhaps it is possible to provide tentative explanation as to the reasons of such complexity of dual language production. If the verb *go* is considered to be one of 12 the most frequently used verbs among native speakers, then it is legitimate to claim that the major exposure to its usage takes place early in the child's life during the process of socialization. Therefore, even though the child is presumably surrounded by the equal amount of bilinguality, the environment may include more exact information regarding these motion verbs only in one language which seems to be aligned with thinking-for-speaking principle [Slobin, 1996]. Then it is not as much of the verb complexity in itself as the frequency of exposure early on in childhood that makes the difference and paves the way for the shift in usage of this specific feature in the bilingual system. It is also possible to assume that this particular feature will retain the traces of shift throughout the life span of a bilingual. Convergence, on the other hand, in the bilingual mind may be observed in the example of word order. Among young Russian-English bilinguals (again about those who were growing up abroad), it has been documented that, in otherwise seemingly monolingual language production in Russian, the word order in a sentence appears to be following that of an English sentence showing less flexibility of the sentence subject. These data demonstrate that bilingual dynamics hinge upon the complexity of the linguistic phenomenon under consideration.

These reflections shed light a little bit more on the true configuration of the bilingual's language repertoire: What languages are known and to what extent, what they are used for, with whom and when, why one language is less developed than another. It is important to bear in mind that the bilingual's language repertoire may change over time: As the environment changes and the needs for particular language skills also change, so will the bilingual's competence in his or her various language skills. New situations, new interlocutors and new language functions will involve new linguistic needs and will therefore change the language configuration of the person involved. An increasing understanding of the complementary principle has changed researchers' view of bilinguals these last years. What becomes especially essential in bilingual studies is that bilinguals are now seen not so much as the sum of two (or more) complete or incomplete monolinguals but rather as specific and fully competent speakers-hearers who have developed a communicative competence that is equal, but different in nature, to that of monolinguals. This, in turn, is leading to a redefinition of the procedure used to evaluate the bilingual's competencies. Bilinguals are now starting to be studied in terms of their total language repertoire, and the domains of use and the functions of the bilingual's various languages are now being taken into account.

Another aspect of the never-abating dynamic nature of bilingualism –although considered in very brief terms – produced a very interesting direction in bilingual studies; that is the research based on evaluations provided by bilinguals themselves. What emanates from such research method is a glance the complex negotiations in a bilingual mind and discursive constructions of bilingual and bicultural identities. In the second half of the 20th century, the increased transnational migration, the revival of ethnic consciousness, and progressive educational scholarship contributed to the lessening of concerns and a greater understanding of the benefits of bilingualism. Some of these studies conducted with bilinguals shatter the romantic views of bilingualism that at times naively emerges among lay people as bicultural and bilingual individuals began confiding their personal stories. Among these bilinguals are prominent authors or scholars as well. Thus, a unique experience is recounted by Tzvetan Todorov (1994) in his essay *Bilingualism, Dialogism and Schizophrenia*. Todorov arrived in France from Bulgaria as a young man and eventually became a prominent French scholar and intellectual. Eighteen years after his departure from Bulgaria, he was invited to

come back for a conference on Bulgarian studies. In translating his conference paper about nationalism from French into Bulgarian he noticed the following:

I had changed my imagined audience. And at that moment I realized that the Bulgarian intellectuals to whom my discourse was addressed could not understand the meaning I intended. The condemnation of attachment to national values changes significance according to whether you live in a small country (your own) placed within the sphere of influence of a larger one or whether you live abroad, in a different country, where you are (or think you are) sheltered from any threat by a more powerful neighbor. Paris is certainly a place that favors the euphoric renunciation of nationalist values: Sofia much less so ... (the necessary modification) required that I change an affirmation into its direct opposite. I understood the position of the Bulgarian intellectuals, and had I been in their situation, mine probably would have been the same [Todorov, 1994, p. 210].

No doubt, Todorov was dumbfounded by his own discovery that his world was not monolingual and monocultural any longer. Todorov's (1994) reflections along with Hoffman's (1989) memoir about second language learning, *Lost in Translation*, revealed the drama of duality, embedded in bilingualism. To that end, Hoffman reminisces her mother's words "you are becoming English." Pavlenko (2004) explores dominant metaphors and tropes that appear in bilinguals' reflections on their dual language production: tongue snatching, border crossing, borrowing, bigamy, betrayal, bifurcation, fragmentation, multiplicity, split, gap, alienation, dislocation, and double vision. All these confirm the feeling of duality Todorov's (1998) and Hoffman's (1990) offer in their discussions of bilingualism. These metaphors convey an array of emotions: guilt over linguistic and ethnic disloyalties, insecurity over the legitimacy of a newly learned language, anxiety about the lack of wholesome oneness, angst over the inability to stick to just one selected system.

Overall, it is important to underscore that in the era of generally positive attitude toward bilingualism the increasing need for adopting the holistic definition of bilingualism or the one that does not boil down to the simplified version of the math formula is sorely felt. Bilingual individuals are not "one-plus-one-equals perfect-two." They draw on the full range of their cultural and linguistic repertoires, rather than switch them 'on' and 'off'. As traditional linguists state, bilingual subjects are too "messy" for engaging them in any serious research. However, as Pavlenko (2004) beautifully argues some bilinguals may "derive enjoyment from hybridity and relativity of their existence and others may feel that they inhabit distinct and at times incommensurable lifeworlds and experience pain and anguish over this condition. Yet this is not an aberration on their part but a part of what makes us human" [Pavlenko, 2004, p. 39]. As a result, more fair assessment of bilingual development is only feasible when the "messy" subjects are involved and their intricate lives are considered from various perspectives. This special speaker-hearer with his/her unique system should be accounted for; similarly, negative referents such as "wrong" or "deficient" bilingual language acquisition should be avoided.

References

1. *Baker, C.* Foundations of bilingual education and bilingualism [Text] / C. Baker. – Amsterdam : John Benjamins, 2006.
2. *Bialystok, E.* Consequences of bilingualism for cognitive development. [Text] / E. Bialystok // Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approaches. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P.417-432.
3. *Grosjean, F.* Studying bilinguals: Methodological and conceptual issues [Text] / F. Grosjean // Bilingualism: Language and Cognition. – 1998. – Vol.1. – P. 131-149.
4. *Hoffman, E.* Lost in translation [Text] / E. Hoffman. – N. Y. : Penguin Books, 1990.
5. *Jarvis, S.* Crosslinguistic influence in language and cognition [Text] / S. Jarvis, A. Pavlenko. – N. Y.; L. : Routledge, 2008.
6. *Paradis, M.* A neurolinguistic theory of bilingualism [Text] / M. Paradis. – Amsterdam : John Benjamins, 2004.
7. *Pavlenko, A.* Second language influence and first language attrition in adult bilingualism [Text] / A. Pavlenko // First language attrition: Interdisciplinary perspectives on methodological issues. – Amsterdam : John Benjamins, 2004. – P.47-59.
8. *Pavlenko, A.* "The making of an American" [Text] / A. Pavlenko // Negotiation of identities in multilingual contexts. – Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2004. – P. 34-67.
9. *Pavlenko, A.* Verbs of motions in L1 Russian of Russian-English bilinguals [Text] / A. Pavlenko // Bilingualism : Language and cognition, 2010. – Vol.13. – No.1. – P. 49-62.
10. *Slobin, D.I.* From "thought and language" to "thinking for speaking" [Text] / D.I. Slobin // Rethinking linguistic relativity. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P.70-96.
11. *Todorov, T.* On human diversity [Text] / T. Todorov. – Boston : Harvard University Press, 1998.
12. *Watson, N.* Negotiation of social identities: the case of Russian-speaking youth in America : unpublished dissertation [Text] / N. Watson. – 2008.

natawat@aol.com

КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ: К МЕТОДИКЕ ОПИСАНИЯ

Одним из основных вопросов в современных исследованиях языка, имеющих когнитивную либо контентивную направленность, считается вопрос о кодировании в языке (как функционирующей системе) структур человеческого знания о мире. Относительно устоялось представление о том, что основной дискретной единицей знания является концепт - «квант знания» [Кубрякова, 1996, с. 90] или «зерно первосмысла» [Колесов, 2010, с. 4]. Широкое употребление получило также более частное понятие когнитивного, или концептуального признака как элемента концепта. Считается, что из концептов слагается концептуальная система индивида и языка, или так называемая языковая картина мира. Мотивом для обращения к понятию когнитивной категории в языковой реализации, заявленному в названии данной статьи, послужил вопрос о том, как концептуальная система слагается из концептов.

Представляется, что ответ на этот вопрос следует искать с позиций системного подхода: «в исследовательской работе не может быть аналитического изучения какого-то частичного объекта без точной идентификации этого частного в большой системе» [Анохин, 1978, с. 53].

Разработанный на базе биологических систем, этот подход приобрел общенаучный характер и может послужить основой соответствующего лингвистического приближения к проблеме. Для этого формулируется гипотеза о том, что языковая картина мира — это большая система (или, возможно, подсистема в составе большой системы человеческой психики). О свойствах этой системы существуют противоречивые высказывания, вплоть до того, что она мозаична, заполняется фрагментарно, является принципиально незавершенной, а подчас и противоречивой. Более точным представляется признание открытого характера языковой картины мира как концептуальной системы, а ее завершенность проявляется в том, что она способна обеспечивать коммуникативные потребности индивида и социума. Поиски системы в форматировании когниции с позиций языкознания можно связать с понятием категории.

Обращение к этому понятию продиктовано толкованием когниции через процессы концептуализации и категоризации. В этой статье основным объектом поиска является когнитивное содержание, по поводу которого, например, Р. Джекендофф мотивированно утверждает: «уровень концептуальной структуры должен содержать обширный ряд онтологических категорий, соответствующих различным категориям отражаемых (projected) сущностей» [Jackendoff, 1986, с. 56] (перевод мой — Г.Г.). Подход к проблеме, однако, не означает ее решения, но может к этому решению приближать, и то, что разрабатываемая упомянутым автором «проблема выведения знания о типе (категории) из знания об отдельных представителях (экземплярах), составляющая одну из центральных проблем когнитивной психологии, до сих пор еще не решена» [Кубрякова, 1996, с. 46], означает лишь то, что обращение к понятию категории можно считать актуальным, как для психологии, так и для лингвистики. Насколько методы лингвистического описания адекватны задаче — вопрос дискуссионный и требует проверки на конкретном материале, в том числе — в ракурсе, сформулированном Дж. Лакоффом: Что категории языка говорят нам о мышлении? [Лакофф, 2004]. Возможно, говорят не так уж много, но какие-то менее глобальные результаты, релевантные, например, для преподавания иностранных языков, могут быть получены.

Полное определение понятия категории, по всей вероятности, еще впереди. Прагматически достаточной для решения задач данной статьи можно признать следующую словарную дефиницию: «категория — одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [Кубрякова, 1996, с. 45]. В ней содержатся указания на главные функции: обобщение и классификацию, а также статус «формата знания» [Болдырев, 2006, с. 5]. Понятие категории широко исследовалось в ономазиологии в ипостаси мыслительной или понятийной категории [Булыгина, Крылов, 1990, с. 385-386]. В современных исследованиях оно фигурирует, в основном, в аспекте постановки задач. Ниже предлагается попытка определить методику описания (моделирования) конкретной когнитивной категории по принципу обратной связи: исходя из содержания объективирующих ее разряды и единицы структур языка. Общий подход включает сочетание путей исследования «от содержания» и «от формы» [Есперсен, 1958, с. 57-61], при приоритете содержания. Строгой дифференциации уровней языкового и мыслительного содержания не предпринимается, поскольку границы между ними в значительной мере условны, непосредственно не наблюдаемы и иногда не проводятся вовсе [Jackendoff, 1986, p. 18-20].

Для выработки схемы описания вербализуемой когнитивной категории можно предложить следующую последовательность действий, состоящую, как минимум, из трех этапов. На первом этапе, посредством экспансии в сферы смежных наук, определяется категоризируемое содержание как обобщенное знание. С этой целью с использованием энциклопедических словарей, учебников и т.п. выделяется научная область знания, объектом специального изучения в которой является та или иная категория. Так, для категории пространства, которая отражает одну из сторон реального мира и имеет глобальный характер, таких научных областей может быть несколько: философия, геометрия, физика, география и др. С учетом различий научной и наивной картин мира в энциклопедических описаниях выделенной категории производится поиск ключевых слов, не имеющих сугубо специального функционирования. Совокупность выявленных единиц образует **лексический корпус** соответствующей категории: точка, линия, фигура, тело, конечность/бесконечность, замкнутость/открытость,

ориентация, форма, местоположение, перемещение и т.д. Структура этого корпуса на первом этапе не приравнивается к структуре естественной категории и может оказаться неизоморфной ей. Гипотетически более близкими к языковому содержанию представляются структуры пространства в физике и геометрии. Особенно значимы здесь понятия евклидовой геометрии, возникшей как отражение фактов действительности и связанной с наглядными представлениями [Александров, 1988, с. 503-504]. В пользу физической картины пространства свидетельствует то, что она также имеет дело с явлениями реального мира, выделяет в них свои стороны для наблюдения и измерения и схематизирует их в соответствии со своими задачами [Ландсберг, 1985, с. 12-19].

На втором этапе выявленный лексический корпус проверяется по лингвистическим словарям – толковым, этимологическим, синонимическим и др. – на соответствие содержанию единиц языка. В зависимости от задач описания могут быть разграничены терминологические и общеупотребительные значения. Для естественной языковой категории существуют прежде всего неспециальные лексемы, хотя границы здесь могут быть нечеткими. На этом этапе возможна **первичная систематизация** содержания в форме фрейма или поля, а также разделение прямых и переносных значений лексем как экспонентов разных путей категоризации.

Одним из основных принципов, лежащих в основе предлагаемой методики, является признание комплексного характера языковых структур, общности континентальных функций лексических и грамматических единиц, кооперированно осуществляющих процедуры кодирования и декодирования содержания в звуко-буквенных формах. Поэтому полученная предварительная подсистема проверяется на узуальность вхождения в нее **грамматических структур**. В категории пространства в немецком и русском языках нет соответствующей морфологической категории или набора категорий (в отличие от, например, категорий времени или количества), однако присутствуют формы, не прошедшие полной грамматикализации, такие как предлоги и отделяемые приставки глаголов (в немецком языке).

Третий этап исследования проводится на текстовом (речевом) материале. На этом этапе принцип «от содержания» сочетается со встречным направлением исследования: анализируются речевые смыслы выделенных ранее форм. На основе индуктивного анализа достаточного объема материала построенная первичная структура может быть скорректирована. Анализ имеет форму когнитивной и прагматической интерпретации [Сусов, 1987] текстовых фрагментов. Выявляются результативные концептуальные и категориальные структуры, обобщаемые в границах изучаемой категории, а также процессуальные структуры – стратегии познания пространства и «шаги» процесса категоризации. Последняя задача может решаться в опоре на субъектно-объектные речевые построения, в которых выявляется общая когнитивная схема «субъект познания – познавательное действие/отношение – объект/предмет познания». Для категории пространства в этой схеме могут оказаться релевантными такие действия/отношения как наблюдение, измерение, сопоставление, систематизация, опыт (эксперимент), оценка.

Учитывая тот факт, что в выполненных ранее фундаментальных трудах о выражении пространства в языке оно рассматривалось во взаимосвязи со смежными категориями: времени и восприятия [Яковлева, 1994], предмета [Кубрякова, 2000, с. 84-92], бытия [Арутюнова, 1999, с. 737-792] и др., можно утверждать, что в области языковой реализации когнитивной категории пространства «изнутри» еще наблюдается достаточный простор для исследований.

Библиографический список

1. Александров, А.Д. Пространство, Геометрия. Евклидова геометрия [Текст] / А.Д. Александров // Математич. энцикл. словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – С. 503-504; 143-150; 214-215.
2. Анохин, П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем [Текст] / П.К. Анохин // Избранные труды. – М. : Наука, 1978. – С. 49-106.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999.
4. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. - №2. – С. 5-22.
5. Булыгина, Т.В. Понятийные категории [Текст] / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 385-386.
6. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958.
7. Колесов, В.В. Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма [Текст] / В.В. Колесов // Концептуальные исследования в современной лингвистике. – СПб., Горловка, 2010. – С. 3-17.
8. Кубрякова, Е.С. (отв. ред.) Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Филол. ф-т МГУ, 1996.
9. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства [Текст] / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.
10. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

11. Ландсберг, Г.С. (ред.) Элементарный учебник физики: учебное пособие в 3-х т. Т.1. Механика [Текст] / Г.С. Ландсберг. – М. : Наука, 1985.
12. Сусов, И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система [Текст] / И.П. Сусов // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин : КГУ, 1988. – С. 7-13.
13. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994.
14. Jackendoff, R. Semantics and Cognition [Text] / R. Jackendoff. – Cambridge : The MIT-press, 1986.

galich2004@rambler.ru

Гацура Н.И., Омск (Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В РАССКАЗЕ О. ХАКСЛИ «БАНКЕТ В ЧЕСТЬ ТИЛЛОТСОНА»

Целью данной статьи является анализ особенностей репрезентации авторского сознания на примере короткого рассказа О. Хаксли «Банкет в честь Тиллотсона».

Главной задачей подобного анализа становится выявление «способов вербальной репрезентации авторского сознания как организующего центра текста» [Бутова, 2001, с. 4], способов актуализации личностных смыслов, возникших в результате познавательной деятельности индивида [Пищальникова, 1999, с. 4].

Рассказ «Банкет в честь Тиллотсона» – это история о девяностосемилетнем, когда-то очень известном художнике, который становится центром внимания во время банкета, устроенного в его честь. В конечном итоге банкет приобретает уничижительный, неприятный оттенок, а художник становится всеобщим посмешищем.

Особенностью авторского сознания, репрезентированного в данном тексте, являются следующие:

а) своеобразное использование категорий пространства и времени, которые можно рассматривать с точки зрения монтажной организации художественного текста [Фомина, 2008, с. 158-163].

М Лотман рассматривает монтажное мышление на уровне художественного мышления как способность человека создать целое, наполненное особым смыслом, отличным от суммы его частей, придать связность тексту за счет эффекта соположения, ведущего к увеличению семантических возможностей [Лотман, 1970, с. 340].

Описанию пространства (дом лорда Баджери, каморка Тиллотсона) свойственна монтажность и детальное описание с многочисленными перечислениями. Упоминание имен художников 19-20 веков актуализирует интерес лорда к приобретению полотен признанных при жизни современников, среди которых есть и полотно еще живущего Тиллотсона, демонстрирует богатство их обладателя.

Проспекция в изложении событий (лорд Баджери представляет сюжеты картин, которые напишет Тиллотсон), заканчивающаяся определенной игрой слов – герцога Кларенса в бочонке мальвазии, герцога Мальвазии в бочонке кларенса представляет собой временной (чередование двух временных пластов) и пространственный виды монтажа, актуализируя коммерческий интерес и пренебрежительное отношение лорда к художнику.

Вложенный сюжет о тяжелой жизни художника 19 века Бенджамине Хейдоне, рассказанный Тиллотсоном (ретроспекция), и многократный повтор *the artist's life is a hard one* актуализируют авторскую эмоцию жалости, а размышления Споуда о том, какую статью он напишет о банкете (проспекция) как удачной охоте – авторское презрение к подобным циничным, бездушным людям.

Итак, выделение черт кинематографичности призвано способствовать лучшему пониманию авторских смыслов.

б) метафорические знаки и авторские смыслы, связанные с ними

Через описание смеха старика в коммуникативном пространстве Споуда актуализируется пренебрежительное отношение к престарелому художнику: *like a cracked bell, one of those little old bell....., that ring, with much rattling of wires, in the far-off servants' quarters of ancient houses..... the little bell in the deserted house; a ghostly hand pulling the cord in the drawing-room, and phantom footmen responding to the thin, flawed note.*

В коммуникативном пространстве Споуда Тиллотсон выглядит ничтожно, дряхлым стариком. Внезапное прозрение (эпифания) Споуда о смысле жизни актуализировано через метафору леса, природы, птиц, парящих в воздухе. В своей жизни Споуд играл в трещотку и отпугивал попадающихся на пути птиц, олицетворяющих прекрасные мысли, чувства, убеждения. Жизнь старика, его внутренний мир с ежами и честными сомнениями – чудесная тихая полянка, куда охотно слетались прекрасные стаи непуганых белокрылых существ.

в) актуализация доминантных концептов 'Жизнь', 'Время' авторской концептосистемы, их смысловых составляющих в коммуникативном пространстве автора и персонажей

Концепт 'Время' (для Тиллотсона) в рассказе имеет следующий смысловой состав: прошлое, забвение, старость, жалкое существование, бедственное положение, безумие.

Сегодняшнее время для Тиллотсона имеет смысловой компонент *обретение надежды, быстрый и замедленный ход*.

Способами актуализации являются параллельные конструкции I shall have money, I shall be able to see well enough to paint again, атрибутивы и номинативы: I believe my eyes are *getting better*, the future is very *rosy*, in far *too cheerful a mood*.... I shall be painting again, my luck is extraordinary.... (о Споуде) the *emissary of Providence*, a *turning-point in my life*, and the *beginning of happier days*.... the first things I shall do when my fortunes are restored will be to buy a hedgehog.... I'm not *so old as I was*, now I'm *old enough to know I'm young*, believe in the life to come, a very, very long timeit all seems but a day or two ago, strange that each day should seem so long and that *many days* added together should be *less than an hour*, метафоры: the eyes of memory don't grow dim.

г) характеристики персонажей через авторское повествование и описание, коммуникативные и смысловые пространства самих персонажей

В описании молодого Споуда, который позже разыскал всеми забытого художника Тиллотсона, актуализируется авторская ирония. На когнитивном уровне мы имеем дело с операцией захвата, стратегическим планом. Ему изо всех сил нужно было угодить лорду Баджери – найти Тиллотсона, поскольку Баджери был *a personage of considerable consequence* in that particular world in which young Spode had elected to make his success.

Ирония по поводу продуманности его действий достигается повторами. Смыслы расчетливости, нацеленности на результат акцентированы посредством следующих словосочетаний (*not a snob, too intelligent, too fundamentally decent, a definite event in his life, a step forward, success, social, material, and literary, essential strategical move in the campaign*).

Фрейм «охота» неоднократно актуализирован в смысловом и коммуникативном пространстве Споуда и лорда Баджери. Это и охота на старого художника, и на приглашенных на банкет аристократов с целью заставить их раскошелиться.

д) ирония как следствие актуализации эмотивно-смысловой доминанты – презрения к циничным и корыстолюбивым высшим кругам и жалости к старому, забытому всеми художнику

Доминантная эмоция жалости актуализирована через описание убогости комнаты Тиллотсона и нелепость его наряда, усугубляющая жалкое положение старика.

.....about *ten feet below the level of the soil* of South Holloway, *a little grey light, opaque with dirt, inveterate shadows of the dungeon*, smell of *damp plaster* and of woodwork that has begun to *moulder secretly at the heart*, the *obscure corners of the den*, the place for looking at ankles, *empty grate, deepen every line and wrinkle with intense black shadow*; he looked *immeasurably old*, a noble and *pathetic* head, *worn out evening-suit* was simply *buffoonish*, the coat was *too long*, the trousers *bagged in elephantine creases about his ankles, greasespots were visible* even in candlelight, the white tie was fantastically lop-sided.

Жалость к старику актуализирована через описание восприятия Тиллотсона собравшейся на банкете публикой и авторское описание публики, ненавидевшей друг друга.

Rival art critics *quivered with restrained hatred*. Mrs. Nobes, Mrs. Cayman, and Mrs. Mandragore, those *indefatigable hunters* of artistic big game, came on one another all unawares in this well-stored menagerie, where each had expected to *hunt alone*, and were *filled with rage*. ... this crowd of *mutually repellent vanities, all the feuds and hatreds* ... hatred still reigned undiminished The Cayman woman had been very successfully nobbled.

Антропонимы несут смысловую нагрузку и актуализируют определенные признаки персонажей: Mrs. Nobes (знатное происхождение), Mrs. Cayman (кайман – хищник из семейства аллигаторов), and Mrs. Mandragore (мандрагора – магическое растение), молодой Споуд (фарфор превосходного качества),

Неоднократная цитация Гамлета У. Шекспира (*Loan oft loseth both itself and friend. The Bard is always right*) в коммуникативном пространстве Тиллотсона, акцентирует авторскую эмоцию жалости к беззащитному стрелку, которого заботит вопрос о возвращении костюма, в котором он стал всеобщим посмешищем.

Таким образом, для актуализации личностных доминантных смыслов и эмоции автор особым образом использует коммуникативное, семиотическое, эмотивное, смысловое пространства текста. Через вербальные средства в тексте можно получить опосредованный доступ к структурам сознания автора – концептам, фреймам и т.д.

Библиографический список

1. Бутакова, Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование [Текст] / Л.О. Бутакова. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2001.
2. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970.
3. Пищальникова, В.А. Психопозитика [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999.
4. Тарасов, Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры [Текст] / Е.Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры. – М. : Наука, 2000. – С. 15–53.
5. Фомина, М.А. Компоненты монтажной организации художественного текста [Текст] / М.А. Фомина // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : Межвуз. сб. научн. трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2008. – Вып. 6. – С.158-164.

nagatsura@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА 'ВРЕМЯ' В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН

В настоящее время традиции филологического анализа поэтического текста активно и плодотворно обогащаются достижениями когнитивной науки, что позволяет говорить о развитии когнитивной поэтики. Целью лингвокогнитивного анализа стихотворения становится изучение отражения ментальных структур в языке поэзии, особенностей вербализации концептов. При этом художественный текст рассматривается как продукт индивидуального сознания языковой личности.

На сегодняшний день насчитывается достаточно много работ, изучающих идиостилевые черты различных авторов. Новым этапом в когнитивных исследованиях поэзии, по предложению Ж.Н. Масловой, должен стать переход от изучения идиостилей и поисков уникального к изучению общего, так как поэт существует неизбежно в рамках определённого языкового, культурного и социального окружения, и его место в поэзии осознаётся непосредственно в сравнении с представителями его поколения и его лингвокультуры. В частности, предлагается изучить способы вербализации и проследить динамику развития концептов в значительных временных промежутках и в пределах национальных литератур, рассмотреть, как концепты и механизмы вербализации поэтической картины мира отличаются от общеязыковой [Маслова, 2009, с. 385-386].

Такая постановка проблемы представляется очень интересной и перспективной, но, с другой стороны, предложенная цель когнитивной поэтики кажется труднодостижимой в силу того, что в поэзии как нигде находит выражение уникальная и часто парадоксальная индивидуальность её создателя. «Поэт – нестандартная языковая личность [...] Поэты с помощью творческой интуиции преобразуют существующие культурные ориентиры, открывают новые смыслы с помощью уже существующих языковых моделей» [Маслова, 2009, с. 382].

Когнитивными механизмами формирования этих новых смыслов являются метафора и метонимия, а также связанные с ними символизация и концептуальная интеграция. Эти механизмы гораздо шире, чем просто «стилистические приёмы», ни для поэта, ни для исследователя они не являются самоцелью. Ведь цель поэзии вообще, как указывал в своё время Ю.М. Лотман, – «познание мира и общение между людьми, самопознание, самопостроение человеческой личности в процессе познания» [Лотман, 1996].

Всё это не кажется ясным и очевидным, когда мы пытаемся осмыслить творчество такой самобытной поэтессы как Эмили Дикинсон. В её случае познание мира проходило без прямых контактов с этим миром, а общение поэта с читателем намеренно отодвинулось на десятилетия. Темы стихотворений Э. Дикинсон – это вечные темы поэзии: природа, любовь, жизнь, смерть, причем главенствующее место занимает вопрос бессмертия и познания Бога. Отличительные черты ее лирики – своеобразие трактовок, заключающееся в органическом взаимодействии обыденного и философского планов, а также непривычная для литературы XIX века форма выражения. Все коренные поэтические понятия обретают у Дикинсон особый философский смысл. Вместе с тем эти понятия для нее не абстракция, а что-то вполне действительное и конкретное.

В последнее время поэзия Э. Дикинсон все чаще становится объектом литературоведческих и лингвистических исследований [Безребрая, 2007; Костицына, 2004]. Однако даже в тех немногочисленных исследованиях её творчества за кадром остался такой важный концепт как 'Время'. Структура данного концепта трёхкомпонентна, что свойственно всем лингвокультурным концептам. Она включает в себя понятийный, образный и ценностный элементы. Понятийный компонент формируется фактуальной информацией о концепте 'Время', которая состоит как в наивных представлениях о времени, известных каждому носителю языка, так и в научных данных, известных более или менее узкому кругу специалистов в области, скажем, естественных, теологических, философских или лингвистических наук. Вся совокупность этих интегративных представлений о времени показывает опыт взаимодействия и обращения человека с ним. Этот же опыт убеждает нас и в том, что время – явление чрезвычайно сложное. Протекание и изменение времени скрыто от чувственного восприятия, вместе с тем мир не существует вне времени. Вот почему так важна образная составляющая данного концепта, поскольку она наделяет его предметной наглядностью. Время как явление абстрактное передаётся через образ. Материальным воплощением образа является метафора. Метафорическая экспликация концепта 'Время', несмотря на большое разнообразие и кажущуюся разрозненность метафор, по мнению некоторых исследователей [Баруздина, 2008; Коннова, 2007], имеет системный характер и инвариантное, универсальное содержание.

Целью нашего исследования является анализ метафорической репрезентации концепта 'Время' в поэтических текстах Э. Дикинсон и выделение, с одной стороны, субъективно-творческих, а с другой стороны, типичных корреляций концепта 'Время', который выступает в качестве области цели. Говоря о концепте 'Время' в поэзии Дикинсон, следует отметить, что его вербализация крайне редко представлена словом *time*, и речь идет не о некоем абстрактном времени, и даже не всегда о персонифицированном времени-агенте разрушительных или иных действий (такие случаи немногочисленны).

1) But now, all ignorant of the length / Of time's uncertain wing... (If You Were Coming In the Fall)

2) Apparently with no surprise / To any happy flower, / The frost beheads it at its play/ In accidental power... (Death and Life).

Автор интерпретирует время как «время жизни», которое в свою очередь разворачивается в виде когнитивных схем разных видов ЛАНДШАФТА (поле, горы, холмы, лес, море), а соответственно и ПУТЕШЕСТВИЯ личности, или души, по этому ландшафту.

3) *Exultation is the going / Of an inland soul to sea, - / Past the houses, past the headlands, / Into deep eternity (Setting Sail).*

4) *A little road not made of man, / Enabled of the eye, / Accessible to thill of bee, / Or cart, or butterfly. / If town it have, beyond itself, / 'T is that I cannot say; / I only sigh – no vehicle / Bears me along that way (A Little Road).*

Следующей метафорой, концептуализирующей понятие «время жизни» у Э. Дикинсон, является ВРЕМЯ ЖИЗНИ ЕСТЬ ВРЕМЯ СУТОК. Вопреки ожидаемым корреляциям утра с юностью, дня – со зрелостью, а ночи – со смертью, поэтесса видит жизнь как ночь, рассвет как приближение смерти, а день или полдень – как долгожданный переход в вечную жизнь.

5) *Here a star, and there a star, / Some lose their way. / Here a mist, and there a mist, / Afterwards – day! (Our Share of Night to Bear).*

6) *At last to be identified! / ... The rest of life to see! / Past midnight, past the morning star! / Past sunrise! Ah! What leagues there are / Between our feet and day! (Resurgam).*

Подобные позитивные ассоциации со смертью, возможно, также связаны с религиозно-философскими воззрениями поэтессы. Заметим, что в ожидании этого перехода к вечности время как бы замедляется и запаздывает (*lag*), медленно крадется (*steal*), задерживается (*delay*), а само событие перехода из одного мира в другой становится необыкновенно ценным и, по сути, представляется единственной целью жизни и движения по ландшафту времени.

7) *Delayed till she had ceased to know, / Delayed till in the vest of snow / Her loving bosom lay, / An hour behind the fleeting breath, / Later by just an hour than death, - / Oh, lagging yesterday! (Too Late).*

8) *Day rattles, too, / Stealth 's slow ... (The Lonely House).*

Неизменным в поэзии Дикинсон остается образ циклического времени как смены сезонов, и, в принципе, такое понимание совпадает с общекультурной традицией. Зима и снег традиционно ассоциируются со смертью, а лето – с жизнью, полной забот и суеты.

9) *And still the pensive spring returns, / And still the punctual snow! (New Feet).*

10) *A something in the summer's day, / As slow her flambeaux burn away, / Which solemnizes me. / A something in a summer's noon, - / An azure depth, a worldless tune, transcending ecstasy (Psalm of the Day).*

Образ суетности мира подкрепляется образом людей как пчел, трудящихся у «цветков» своей души, а разрыв пчелы и цветка ассоциируется со смертью пчелы и новой жизнью цветка.

11) *Come slowly, Eden! / Lips unused to thee, / Bashful, sip thy jasmynes, / As the fainting bee, / Reaching late his flower, / Round her chamber hums... (Apotheosis).*

12) *Auto-da-fe and judgment/ Are nothing to the bee; / His separation from his rose / To him seems misery (Two Worlds).*

Цветы собираются ангелами, либо кем-то еще, и попадают в вечное лето. Иногда подчеркивается сам процесс умирания цветка.

13) *Angels in the early morning / May be seen the dew among, / Stooping, plucking, smiling, flying / Do the buds to them belong? (Angels in the Early Morning).*

Весьма интересным представляется ряд топонимов, обладающих большим ассоциативным потенциалом, среди которых, прежде всего, следует выделить Арктику. Неоднократно, арктический цветок (а в Арктике зима, т.е. смерть – всегда), переносится или пересаживается в тропические леса – место вечного лета. Здесь прослеживается аллюзия на Эдемский сад.

14) *As if some little Arctic flower, / Upon the polar hem, / Went wandering down the latitudes, / Until it puzzled came / To continents of summer, / To firmaments of sun, / To strange, bright crowds of flowers, / And birds of foreign tongue (Transplanted).*

Безусловно, в поэтической картине мира определенного автора можно обнаружить некоторые универсалии, обусловленные той средой, в которой формируется сознание поэта, но в случае Э. Дикинсон творческая индивидуальность поэта представляется нам доминирующей над устоявшимися культурно обусловленными ментальными конструктами. Более того, в ряде случаев, анализ метафор Э. Дикинсон доказывает полную противоположность ее художественных концептов общекультурным, принятым в ее историческую эпоху.

Библиографический список

1. Баруздина, С.А. Лингвокультурный концепт «ВРЕМЯ» в метафорических репрезентациях (на материале немецкого языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / С.А. Баруздина. – Смоленск, 2008.
2. Безребрая, Н.Ю. Лингвостилистический и семантико-когнитивный аспекты поэтики Э. Дикинсон : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Н.Ю. Безребрая. – Киев, 2007.
3. Коннова, М.Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / М.Н. Коннова. – М, 2007.

4. Костицына, М.Г. Мир поэтической личности Э. Дикинсон : дис. ... канд. филол. н. [Текст] / М.Г. Костицына. – Казань, 2004.

5. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии [Электронный ресурс] / М.Ю. Лотман. – СПб., 1996. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/250674/read>

6. Маслова, Ж.Н. Концептуализация в поэтическом тексте [Электронный ресурс] / Ж.Н. Маслова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – Москва ; Тамбов, 2009. – С. 370-398. – Режим доступа : <http://cognitiveres.ralk.info>

Источник иллюстративного материала

Dickinson, E. Poems. [Электронный ресурс] / E. Dickinson. – Режим доступа : <http://www.everypoet.com>

irina_kocheshkov@mail.ru, e_gileva2011@mail.ru

Голованова Е.И., Челябинск (Россия)

**СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО И ФАНТАЗИЙНОГО
В ДИСКУРСЕ ЛИНГВИСТА (на примере языковой личности М. В. Панова)**

Современные лингвистические исследования отличаются высокой степенью абстракции, обращением к феноменам, недоступным для непосредственного восприятия и интерпретации. В связи с этим роль фантазийно-игрового начала (по типологии М.В. Никитина) в научной деятельности как разновидности духовной становится все более очевидной.

Дискурс современного лингвиста немислим без обращения к метафоре и символическому моделированию языковых фактов, что наряду со строгими рационально-логическими построениями определяет глубину, эвристичность и научную ценность нового знания. Весьма показательным в этом отношении творчество выдающегося представителя Московской лингвистической школы Михаила Викторовича Панова (1920-2001).

В работах М.В. Панова рационально-логическое и фантазийное находятся в тесном взаимодействии, переплетении, дополняют друг друга. Обладая развитым воображением и поэтическим даром, ученый представляет собственную точку зрения на языковые факты наглядно, образно и емко. Блестящий пример подобного соединения научной проницательности ученого, его строгих рационально-логических построений и фантазийно-игрового начала – статья «Об аналитических прилагательных» [Панов, 2004, с. 137-151].

Текст статьи предваряется эпиграфом: «Из мелкой сволочи вербуя рать. А. Пушкин». Выбор нетривиальной цитаты из наследия классика, использование в ней личной конструкции и трагестийное совмещение в пределах контекста «низкого» (*сволочь*) и «высокого» (*рать*) подспудно настраивает читателя на поликодовость последующего изложения.

Весьма характерно начало статьи (псевдонарратив): «Когда в языке формируется новый грамматический класс, в него стекаются самые разные по происхождению единицы, иногда – с темным, причудливым прошлым. Однако в новой грамматической общности, в новой семье их не попрекают происхождением: неважно, откуда они. Важно – где». Антропоморфные образы в терминологическом окружении и обыденные сентенции служат здесь нестандартной формой для трансляции вполне научных фактов. После такой прелюдии – уже в следующем абзаце – автор переходит к нейтральному стилю изложения: «За последние полвека в русском литературном языке сложилась особая часть речи: аналитические прилагательные». Впрочем, полной объективности автор избегает: «Лингвисты не торопятся признать *de jure* этот новый лингвистический класс. Мешает в первую очередь диахроническая пелена на глазах: помнят, откуда пришли эти слова, и не видят их новых и прочных связей». Образ «пелены» не только придает высказыванию экспрессивность, но и ясно выражает авторскую оценку событий.

С этого момента диалог автора с читателем приобретает подчеркнuto игровой характер: «Что же, проверим происхождение этой грамматической «сволочи» (сволакивается она в группу аналит-прилагательных), выясним, существенно ли сегодня это прошлое. Или они уже прошли грамматическую “перековку”?» Здесь обращает на себя внимание метафора «перековки» как емкий, выразительный, точный прием указания на изменение статуса, качественной определенности того или иного объекта. В конце предложения дается сноска: «Далее намечены группы аналит-прилагательных по их происхождению. Современность классифицируется с диахронической точки зрения. Конечно, такая классификация не может претендовать на полную последовательность и стройность...» Стоп! До сих пор текст сноски оформлен в соответствии с канонами собственно научного стиля, но далее эта каноничность разрушается: «...сквозь диахронические очки современность видится мутно и расплывчато» (курсив наш. – Е.Г.). Вновь камень в огород диахронистов и негативная оценка их способности признавать новые факты. И это, как оказалось, не в последний раз: «Извращенное сознание ультра-диахрониста может видеть в таких прилагательных приставки. Как были, так-де и остались. Эта квази-осторожность не идет на пользу дела. Действительно, по происхождению это приставки-интернационализмы. Но сейчас-то они уже псевдо-префиксы, обрели все

признаки слова, а став словами, они неизбежно попадают в класс аналитических прилагательных. Какие признаки? Свободная, нефразеологическая сочетаемость с существительными (приставки-то фразеологичны! это в их природе). Сочетаемость с частицами. Фонетическая примета слова: особое персональное ударение». Столь длинная цитата нужна нам не случайно: если не принимать во внимание ярко выраженную диалогичность авторских построений, перед нами абсолютно логически выверенное обоснование существования аналитических прилагательных, восходящих к приставкам.

Рациональная логика и последовательность убедительно представлены и в следующем фрагменте: «Но так как единицы *лже-*, *лесо-*, *хлебо-* обладают свободной, не фразеологической сочетаемостью, то *хлебоуборку*, *лесозаготовки* и следует признать лжесловами: в современном языке это уже словосочетания, словосоположения, слово-, так сказать, -кортежи, последовательности». На фоне нейтрального стиля весьма неожиданно употребление окказионализмов (*словосоположения*, *словокортежи*) и – в дальнейшем тексте – образных комментариев: «Полумертвая группа» (о словах, начинающихся с *зауряд-*: *зауряд-поручик*, *зауряд-офицер* и под.). И в этом же контексте: «Были устойчивые сочетания: *баба-жох*, *парень-хват* <...>. Произошло – хотя бы и в речи – освобождение этих закрепленных привесков от фразеологических цепей» («*освобождение от цепей*» – явная аллюзия к текстам революционной эпохи).

Интересен комментарий ученого к 17-й группе прилагательных (*тоже-лингвисты*, *тоже-политики*): «Редкий (единичный?) случай, когда частица (вообще: служебное слово) становится аналитическим прилагательным. Пожалуй, это уже факт языка. Не вроде-прилагательное, а настоящее. Конечно, аналитическое». Автору не откажешь в логике, с одной стороны, и в словотворчестве, словесной игре (*вроде-прилагательное*) – с другой.

«Морфемы (приставки, части сложных слов) ведут себя как части фразеологизма: значение их варьируется в разных словах так, что предсказать тот семантический *кунштюк*, *который выкинет слово* в данном контексте – в данном слове, в сочетании с такими-то морфемными *соседями*, – как правило, невозможно. Лишь только часть слова становится семантически стабильна в сочетании с любой единицей данного типа, она перестает быть частью слова. Она *дорастает* до отдельного слова. Так и появляются многие аналит-прилагательные (выделено нами. – Е.Г.)». На фоне общеязыковых метафор (*ведут себя* – о морфемах) в данном фрагменте появляется малопонятное «кунштюк», которое «выкинет слово», «соседи» – все это разрушает автоматизм восприятия научного текста и придает ему особый, условно-игровой характер.

Неожиданными оказываются и ответы автора на «виртуальные» реплики оппонентов: «Для многих аналитические прилагательные – это «фи!»-слова, неполноценные однодневки. Но день-то оказался долгод – и, видимо, будет длиться и длиться».

Замечателен конец статьи, где излагается, по сути, кредо Панова: «Даже и сейчас эти преграды мешают лингвисту аналитические прилагательные признать аналитическими прилагательными. Как же трудно было в первый раз установить их особый грамматический статус! Отделить их от похожего, но качественно иного! Здесь нужна раскованность и широта теоретической мысли, нужны пронизательность и умение, отойдя от «кажмости», понять суть сложного и движущегося новшества в языке, нужна смелость в преодолении ложных лингвистических традиций и еще большая смелость в создании новых. Строгое испытание для лингвиста – эти аналитические прилагательные.

А ведь, казалось бы, простая вещь».

В приведенном фрагменте автор, начав с парадоксального высказывания, переходит к эмоционально-напряженному монологу, с высокой патетикой, ритмизованным синтаксисом, повторами, и далее неожиданно «переключает» стилевой код, ослабляя напряжение, «снижая» пафос контекста до почти обыденного комментария. Как видим, перед нами не просто научная статья, перед нами научно-художественный текст, где гармонично переплелись черты науки и искусства.

Судя по всему, «раскованность и широта теоретической мысли» как раз и свойственны тем лингвистам, которые обладают не только развитым рационально-логическим мышлением, но и неординарным интуитивно-творческим, фантазийным началом. В большей или меньшей степени последнее проявляется во всех научных работах М.В. Панова.

Факты и закономерности языка предстают под пером лингвиста в человеческом обличье: они испытывают чувства, эмоции, вступают в разнообразные отношения между собой. Ср.: «Дальнейшее исследование ее [дизремы] *причуд* и *капризов* не может не быть важно и плодотворно для общей фонологической теории» [Панов, 2004, с. 319]; «почти у каждого звонкого *есть приятель* – глухой согласный» [Панов, 1964, с. 54]; «...перед мягким зубным другой зубной непременно смягчается. Другими словами, первый звук находится в зависимости от обстановки, окружения, *на него бросает тень сосед*» [Там же, с. 56]; «один звук *приноравливается* к другому», «Фонема [γ] (г фрикативное), когда-то *чувствовавшая себя вполне уверенно, сходит на нет*» [Панов, 1990, с. 28]; «Гласный, попав в неблагоприятную для него позицию, *не всегда умеет за себя постоять*» [Там же, с. 29]; «Такова первая особенность литературной нормы: эта норма-“однолюб”» [Панов, 2004, с. 91]; «У литературной речи есть удивительная, нежданная черта: способность *усыновлять* нелитературные отрезки текста» [Там же, с. 99].

Метафорическое моделирование применяется М.В. Пановым как для репрезентации уже отрефлектированного опыта, так и для концептуализации нового научного знания. При оформлении нового

знания фантазийно-игровое начало способствует активизации мыслительной деятельности читателя, служит ярким средством убеждения, инструментом точной характеристики и интерпретации.

В целом, эвристическое переживание языка, эмоции, стихия эксперимента и игры – характерные черты дискурса М.В. Панова, отражающие особенности его личности. Однако эти особенности постепенно становятся общими в лингвистическом дискурсе начала XXI века.

Библиографический список

1. *Панов, М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку [Текст] / М.В. Панов. Т. 1 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
2. *Панов, М.В.* История русского литературного произношения XVIII-XX вв. [Текст] / М.В. Панов. – М. : Наука, 1990.
3. *Панов, М.В.* И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии [Текст] / М.В. Панов. – М. : Наука, 1964.

ligol@csu.ru

Головина Т.А., Барнаул (Россия)

КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Прежде чем приступить к изложению когнитивного и лингвоперсоналогического аспектов функционирования частей речи, видится необходимым произвести краткий обзор проблематики частей речи, сложившейся в современной лингвистической науке. Данная проблематика считается одной из наиболее дискуссионных в языкознании. Так, А.Е. Супрун в монографии «Части речи в русском языке» отмечает: «К числу сложных и не решенных до конца вопросов теоретической грамматики русского языка относится проблема частей речи» [Супрун, 1971, с. 3]. В.Н. Мигирин указывает на то, что целый ряд вопросов в сфере частей речи «требует дальнейшей разработки» [Мигирин, 1973, с. 52]. Естественным объяснением такого положения вещей, характеризующимся непоследовательностью, пестротой и необоснованностью терминов для обозначения одного и того же языкового феномена, пресловутым смешением критериев классификации частей речи, может быть, на наш взгляд, следующее: многообразие частеречной терминологии – следствие мотивов и интересов, задач и установок авторов каждой отдельно взятой системы частей речи, существующих на фоне научной парадигмы своего времени, своего этапа развития науки. Каждая новая парадигма знаний выдвигала свою модель постановки новых проблем и определенных способов решения, пересмотр и реинтерпретацию накопленных данных с новых позиций, с новой точки зрения.

Систему разграничения частей речи, принятую в наше время, определяют три главных аспекта: «значение самого слова, его функции в составе предложения, его особенности в области флексии и словообразования» [Пауль, 1960, с. 415], следовательно, основными критериями классификации слов современного русского языка выступают *морфологический*, *синтаксический* и *семантические* критерии.

Следует отметить еще один взгляд на выделение частей речи, по своей сути существенно отличающийся от описанных выше подходов, свойственных лингвистике XX в. Он основан не на моделировании традиционного понятия «части речи» путем выделения тех или иных лингвистических критериев, а на признании этого понятия заранее данным, которое надо лишь уметь объяснить. Эта точка зрения является не столько собственно лингвистической, сколько *психологической*. Такой подход к решению проблемы был разработан Л.В. Щербой в известной статье «О частях речи в русском языке». Идея исследования языка сквозь призму порождения и восприятия речи, то есть с опорой на психологические процессы функционирования языка, лежит в основе взглядов А.А. Потебни. Природа возникновения части речи как категории для А.А. Потебни находится в тесной связи с природой человеческого познания вообще и с классификацией и систематизацией феноменов как специфическим процессом человеческого познания в частности: «Чувственным восприятием не дана вещь, мы не видим вещи, качества, мы видим явление, нечто такое, из которого не выделены ни значение, ни действие, ни качества вещи. Это выделение производит язык. Это я говорю в объяснение того, что местоименный корень указывает не на вещь, но на явление, указание субъективное» [Потебня, 1981, с. 152].

С середины 70-х годов с появлением в отечественном языкознании ономаσιологического направления к традиционным критериям выделения частей речи добавляется новый *ономаσιологический* подход. С ономаσιологической точки зрения части речи рассматриваются как «проекции в мир языка разных по своей сути или по их восприятию человеком объектов действительности» [Кубрякова, 1978, с. 4].

В конце XX века формируется когнитивная парадигма в языкознании, в фокусе внимания которой находятся «способы представления порождаемых в сознании человека структур знания и, как следствие, концептуального содержания языковых единиц» [Болдырев, Беседина, 2007, с. 3]. В рамках данной научной парадигмы происходит осмысление акта номинации с когнитивных позиций. Ученых интересуют вопросы о том, «какая часть знаний об объекте, переработанная или перерабатываемая сознанием и превращающаяся

постепенно в концепты объекта, получает отдельное наименование, или, в других терминах, о том, совокупность каких смыслов становится поводом для их объединения и подведения под определенную материальную последовательность – «крышу» [Кубрякова, 2004, с. 70]. Е.С. Кубрякова разрабатывает теорию *когнитивных* оснований частей речи, формулируя и доказывая гипотезу о том, что существительные, прилагательные, глаголы активизируют разные структуры сознания, порождают разные типы ментальных репрезентаций, а их формирование в языке связано с номинативной деятельностью человека. Основные грамматические категории языка (предметности, признаковости и процессуальности) объясняются не просто как функции познавательной деятельности человека, а как универсальные формы ментального освоения человеком действительности, способы ее познавательного моделирования.

В то же время становится все более очевидным, что для решения целого ряда актуальных проблем современной лингвистике необходим своеобразный синтез различных парадигм знания. Появившаяся на рубеже веков новая научная дисциплина лингвоперсонология объединяет когнитивный и психологические подходы к раскрытию соотношения «язык – личность» и, применительно к языковым единицам, в общем, и частям речи в частности, постулирует их *лингвоперсонологическую* природу.

Напомним, что главной идеей лингвоперсонологии провозглашен тезис о наличии корреляции между вариативностью языка и вариативностью языковой личности: «принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка коррелятивны между собой» [Голев, 2004, с. 41]. Следовательно, можно утверждать, что «многие языковые оппозиции и антиномии имеют среди прочих и лингвоперсонологическое объяснение» [Голев 2004: 42]. Синтезируя когнитивно-языковую концепцию частей речи с гипотезой их лингвоперсонологического измерения, мы считаем, что части речи являясь важнейшим способом познания действительности, являются одновременно и интерпритацией этой действительности. Современный человек членит мир, структурирует действительность, выражая «или целиком субъективное восприятие, или в сочетании с некоторой объективной информацией одновременно и элементы субъективной оценки этой информации» [Колшанский, 1975, с. 116].

Таким образом, исходя из гипотезы вариативности языка, обусловленной его антропологическим функционированием в плоскости психолого-коммуникативного разнообразия языковой способности, мы считаем, что выбор способа описания явления или ситуации лингвокогнитивен - разные языковые личности выделяют разные аспекты действительности и по-разному их оформляют в языковом, в частности – в частеречном плане.

Суммируя вышеизложенное следует отметить, что ретроспективный анализ существующих аспектов изучения частей речи, сложившихся в современной лингвистической науке, показал, что частеречная проблематика, имея более чем двухтысячелетнюю историю, «представляет собой не только и не всегда постоянное углубление в суть предмета исследования, а постепенное вовлечение в орбиту исследовательских интересов все новых и новых критериев, попыток обосновать их релевантность для частеречной теории» [Лукин, 2004, с. 9-10].

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке [Текст] / Н.Н.Болдырев, Н.А. Беседина // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2007. Том 66. № 1. – С. 3-10.
2. *Голев, Н.Д.* Лингвоперсонологическая вариативность языка [Текст] / Н.Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, филология, философия, и педагогика». – 2004. - №4. – С.41-46.
3. *Колшанский, Г.В.* Соотношение субъективного и объективного факторов в языке [Текст] / Г.В.Колшанский. – М. : Наука, 1975.
4. *Кубрякова, Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М., 1978.
5. *Кубрякова, Е.С.* Проблемы становления знаний о языке // Структуры представления знаний в языке [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М., 1994. – С.5-31.
6. *Лукин, О.В.* Принцип истории частеречной проблематики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / О.В. Лукин. – М., 2004.
7. *Миригин, Н.М.* Язык как система категорий отображения [Текст] / Н.М. Миригин. – Кишинев, 1973.
8. *Пауль, Г.* Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М., 1960а. – С.165-182.
9. *Потебня, А.А.* История русского языка. Лекции, читанные в 1882/83 академическом году в Харьковском университете [Текст] / А.А. Потебня // Потебнянські читання. – Київ, 1981.
10. *Супрун, А.Е.* Части речи в русском языке [Текст] / А.Е. Супрун. – М., 1971.

gol-an-ta@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ РУТИННЫХ ФОРМУЛ КАК МЕТОД ПЕРЕВОДА

Прагматические клише или рутинные формулы определяются как «достаточно фиксированные языковые реакции на стандартные ситуации социального общения» [Ратмайр, 1997, с. 15]. Прагматические клише встречаются и в официальной, и в профессиональной, и в повседневной речи. Их стереотипность связана с нивелированием лексико-семантических компонентов, составляющих их значение, и восприятием их в комплексе как единой коммуникативной единицы, а также с «предсказуемостью их употребления в стандартных ситуациях» [Ратмайр, 1997, с. 15].

«В речевом общении носителей языка определенные действия - здороваться, приказывать, выражать сомнения, радость, пояснять собственное речевое поведение – выполняются при помощи стандартных языковых выражений – ситуативных высказываний» [Городникова, Добровольский, 2000, с. 7]. У каждого народа может быть свой концепт одной и той же коммуникативной ситуации и свои правила речевого поведения. В культурологическом аспекте, концепты – это своего рода «сценарии культуры», схемы, наброски «образного способа действия» [Межкультурная коммуникация, 2001, с. 51-52].

Понимание чужих концептов и осознание своих собственных – одна из главных задач переводчика. Проблема преодоления неизбежных культурно-лингвистических барьеров всегда будет объективно существовать. Поэтому при подготовке переводчиков представление «мира языка» с концептуальной точки зрения представляется очень продуктивным.

Переводчику бывает трудно сразу отреагировать на нестандартные ответы на речевые клише. Например, встречаются двое знакомых в лифте, один другому говорит обычное *Grüß Gott!* и слышит в ответ: *So hoch fahre ich nicht*. Дело в том, что дословно *Grüß Gott!* может восприниматься как императив: „Привет Богу!“, поэтому ироничный ответ: „Так высоко я не поднимаюсь“ может понять только человек, хорошо знающий концепт южно-немецкого приветствия – конъюнктив *Grüße Sie Gott!*. Однажды, поприветствовав знакомого австрийца в обеденное время привычно звучащей рутинной формулой: *Mahlzeit!*, я услышала в ответ: *Guten Tag!* Зная, что в немецкоязычном обиходном дискурсе принято на формулу приветствия автоматически отвечать такой же фразой, я удивилась: А почему не *Mahlzeit!* И тогда мне объяснили: *Mahlzeit!* – это только часть фразы, принятой в католическом христианстве: *Gesegnete Mahlzeit!* – Да благословится обед ваш! И поэтому ему, как истинному католику, не хочется произносить эту фразу «всуе». Тут же я узнала, что активные атеисты не употребляют и не отвечают на австрийское приветствие *Grüß Gott!*, поскольку не хотят, чтобы Бог приветствовал их собеседника, или говорят в ответ стандартную нейтральную формулу: *Guten Tag!*

В другом стандартном приветствии: *Guten Morgen! Wie geht's?* (Здравствуйте! Доброе утро! Как дела?) оба предложения представляют одну единицу коммуникации. Они произносятся автоматически, и в ответ не предполагается, что Вы будете действительно рассказывать о своих делах и жаловаться на жизнь. Стандартный ответ: *Danke, gut* (Спасибо, хорошо). Однако в ответ можно услышать и необычное иронично-добродушное: *Langsam, langsam* или недовольное *Nicht so schnell, wie ich es wünschte*. Это значит, что собеседники осознают семантику каждой составляющей эту смысловую единицу, в частности, глагол движения.

Отсутствие у рецептора перевода необходимых фоновых знаний вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации, внесении в текст перевода соответствующих дополнений и разъяснений или создания в ходе предпереводческого анализа необходимых пресуппозиций. Особенно часто это происходит в связи с использованием в тексте оригинала имен собственных, географических названий и наименований разного рода культурно-бытовых реалий. Например, *Mauer*, которая в контексте германской публицистики воспринимается однозначно как Берлинская стена, нашими читателями может быть интерпретирована и как кремлевская, и как Великая Китайская стена и т.п., а *Union*, который стоит вместо *CDU/CSU* или *EU*, нашим переводчикам, конечно, нужно переводить соответственно смысловому контексту, но не словом «Союз», потому что у нас оно до сих пор ассоциируется с Советским Союзом. Интересно отметить, что новое поколение наших студентов уже не всегда понимает смысл выражения *Arbeiter- und Bauernstaat* и переводит его как «государство рабочих и строителей».

К фоновым знаниям относятся прецедентные тексты, пословицы и поговорки. Мы пытаемся на основе совпадения некоторых лексем и реалий подобрать что-то подобное, и часто попадаем впросак: например, *Stille Wasser sind tief* мы переводим как *В тихом омуте черти водятся*. Но ведь наша пословица несет четко негативную коннотацию, мы выражаем таким образом недоверие внешнему поведению человека. Смысл немецкой же пословицы, наоборот, – подчеркнуть, что *Her alle ist gold, was glänzt*. А *В тихом омуте ...* соответствует другой пословице – *Schweigender Hund beißt am ehesten*.

Особенно сложно понять и правильно перевести трансформированные прецедентные тексты. Если фоновые знания имеют универсальную природу, то это не так сложно. Например, аллюзия фраз *Das Phantom der Seifenoper* или *Kalter Frieden* понятна многим. Сложнее переводить, если речь идет о трансформатах немецких национально-культурных проverbsиальных языковых единиц, например: *Das ist also des Landes Brauch* трансформация цитаты из Фауста *Das war also des Pudels Kern*. Еще сложнее игра слов при трансформации, на первый взгляд, всем знакомой пословицы: *Ende gut, alles gut in Essen gut. Alles gut* – в данном случае – рекламного текста в ресторане.

Как мы видим, предсказуемость прагматических клише или рутинных формул – «не статичная, а динамичная величина» [Ратмайр, 1997, с. 20]. Например, Р. Ратмайр обращает внимание на расхождение в стереотипной интерпретации русского и немецкого языков при общении операторов информационной службы с клиентами. В русскоязычной ситуации, когда оператор не в состоянии дать требуемой информации, за беспокойство извиняется клиент: *В этом магазине телефона нет. – Извините.* Зато в немецкой речи, если кто-то извиняется, то это телефонистка: *Tut mir leid (Мне жаль), aber da habe ich keine Eintragung,* а клиент, как правило, выражает свою благодарность, независимо от того, получил ли он требуемую информацию или нет: *Danke* [Ратмайр, 1997, с. 20]. Хотелось бы отметить, что концепт немецкого *Danke* требует особого исследования. Это клише часто употребляется в Австрии как показатель окончания разговора, но в вежливой форме. Вероятно, излишняя, с нашей точки зрения, «австрийская вежливость» заставляет Ваших собеседников по телефону не только сказать подряд: *Tschuss, Servus, Va-Ba!*, но еще и добавить в конце: *Danke.*

В связи с расхождением концепта вежливости в русской и германской культуре очень трудно переводить фразы с *bitte* на каждом шагу, например: *Darf ich bitte durch!* (Досл.: *Можно мне, пожалуйста, пройти!*).

Ритуализованная природа речевого этикета привела к десемантизации рутинных формул народа. Немногие знают, что *Tschüss!* – слово французского происхождения, которое означало не что иное, как *à dieu* – с Богом. Читая сказки братьев Гримм, можно найти много клишированных выражений, первичный смысл которых в наши дни утратился. Например, приветствие – это пожелание доброго дня, на которое было принято отвечать благодарностью, как это и сделала воспитанная Красная Шапочка: *«Guten Tag, Rotkäppchen, sprach er. - Schönen Dank, Wolf»* [Aschenputtel ...1990, с. 40]. В русском переводе это передано так: *«Здравствуй, Красная Шапочка!» - сказал волк. «Спасибо тебе, волк, на добром слове»* [Aschenputtel...1990, с. 102].

Получается, что сохранение рутинных формул способствуют сохранению следов исторического развития языка и помогает разобраться в этимологии многих устойчивых выражений, понять их смысл, первоначальное значение и почувствовать креативные возможности языка.

Так речевая формула *Servus!* у австрийцев, кроме своей основной функции приветствия и прощания (*привет, пока*), передает удивление, восхищение, недовольство. В таких контекстах она употребляется с частицей *na* и соответствует русскому – *Ну привет!, Ну здравьте!* (причем в данном конкретном случае австрийское *Servus* произносится как [servas]). Например, когда автобусы приходят не по расписанию, немцы могут гневно сказать *Mist!*, австрийцы же выразятся более «вежливо»: *Servus!*

Формула благодарности *Ergebensten Dank!* может иметь функцию очень ироничной ответной реплики и выражать абсолютную неприемлемость для говорящего какого-либо предложения или требования. Употребляется в неофициальном общении [Городникова / Добровольский, 2000, с. 46].

Итак, «язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям» [Тер-Минасова, 2000, с. 15].

Когнитивный анализ нестандартных ответов на рутинные формулы, которые у каждого народа имеют свое специфическое концептуальное осмысление, помогает переводчику осознать семантику каждой составляющей эти смысловые единицы и подобрать адекватный способ перевода.

Библиографический список

1. *Городникова, М.Д.* Немецко – русский словарь речевого общения [Текст] / М.Д. Городникова, Д.О. Добровольский. – М. : Русский язык. 2000.
2. *Межкультурная коммуникация* [Текст] : уч. пос. ; под ред. В.Г. Зусмана. – Нижний Новгород, 2001.
3. *Ратмайр, Р.* Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) [Текст] / Р. Ратмайр // Вопросы языкознания. – 1997. - № 1. – С.15-23.
4. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово. 2000.
5. *Aschenputtel und andere Märchen gesammelt von den Brüdern Grimm* [Text]. – Bonn : INTER NATIONES. 1990.
6. *Coulmas, F.* Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik [Text] / F. Coulmas. – Wiesbaden, 1981.

gorbacevskaja@mail.ru

Горшунов Ю.В., Бирск (Россия)

НОВЫЕ УЧРЕЖДЕНЧЕСКИЕ АББРЕВИАТУРЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из наиболее заметных и отчетливо проявляемых тенденций развития языков на современном этапе является тенденция к аббревиации как массовому явлению, как одному из наиболее активных и продуктивных средств словообразования и массовой номинации. Аббревиация играет заметную и ощутимую роль в пополнении словарного состава, преимущественно его терминологических секторов. Она сосуществует и взаимодействует с другими способами пополнения словарного состава, но нередко оказывается

лингвистически более целесообразной и оправданной, чем другие способы. Развитие аббревиации и создание новой аббревиатурной и отаббревиатурной лексики в русском языке постсоветского периода характеризуется такой интенсивностью и такой масштабностью, что в пору говорить о новом «аббревиатурном взрыве» в языке. Значительные количественные и качественные сдвиги в аббревиации, интенсивные изменения в системе сокращений, наблюдаемые непосредственно, требуют внимательного изучения, осмысления и описания.

Специфику новых аббревиатур, их структурно-семантические и функционально-прагматические особенности рассмотрим на примере одной группы учрежденческих номинаций, представленной аббревиатурными названиями сферы образования – новыми и новейшими названиями вузов России. Мы не оговорились насчет степени новизны: многие вузы России только за последнее десятилетие сменили свои названия несколько раз! В новых социально-исторических условиях постсоветского времени имел место процесс переименования ряда городов и населенных пунктов России и возвращения им старых исконных имен. Переименование коснулось городов *Горького, Калинина, Кирова, Куйбышева, Ленинграда, Свердловска*, ставших, соответственно, *Нижним Новгородом, Тверью, Вяткой, Самарой, Санкт-Петербургом* и *Екатеринбургом*. Естественно, что этот процесс вызвал цепную реакцию переименования административно-хозяйственных структур, смену вывесок промышленных предприятий и учреждений, включая вузы, функционирующие на территории переименованных субъектов [Горшунов, 2008]. По всей России прошла волна реорганизации высших учебных заведений, стремившихся поднять свой рейтинг, повысить статус, сменить скромную вывеску «институт» на престижные «академия» и «университет». Начало процессу положили известные столичные вузы *МГПИ им. В.И. Ленина, МГПИИЯ им. М. Тореза, МВТУ им. Н.Э. Баумана*, ставшие, соответственно: *МПУ, МГУ, МГУ им. Баумана*. Немногочисленная до недавнего времени семья «классических университетов» России значительно пополнилась техническими и технологическими университетами за счет политехнических, авиационных, нефтяных, строительных и прочих периферийных институтов, лингвистическими университетами за счет институтов иностранных языков, педагогическими университетами за счет пединститутов и академий, медицинскими университетами и академиями за счет мединститутов, аграрными университетами и сельскохозяйственными академиями за счет сельхозинститутов [Горшунов, 2008]. Казалось бы, процесс переименования, связанный с реорганизацией системы высшего образования, на этом должен закончиться. Но реформа образования и заявленная модернизация высшего образования, политика, нацеленная на создание новых структур – мегауниверситетов - национальных исследовательских университетов (*НИУ*), федеральных университетов (*ФУ*), «университетов мирового класса», «элитных вузов» - породили череду новых переименований, на которые научная и педагогическая общественность не успевает адекватно реагировать. Статус ФУ дается «пожизненно», а статус НИУ – по конкурсу на 10 лет. Особый статус присвоен МГУ им. Ломоносова и СПбГУ. Остановимся более подробно на аббревиатурных названиях ФУ и назовем структурные элементы. Как известно, первые ФУ были созданы в 2007 году в Южном и Сибирском федеральных округах в рамках приоритетного национального проекта на базе действующих вузов и академических центров в Ростове-на-Дону и Красноярске. Новые университеты получили аббревиатурные названия *ЮФУ* и *СФУ = СибФУ*. Президент России Дмитрий Медведев подписал приказ «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах», в которых будут созданы 5 новых ФУ: Северный (Арктический) = *С(А)ФУ*, Казанский (Приволжский) = *КФУ*, Уральский = *УрФУ*, Дальневосточный = *ДВФУ*, и Северо-Восточный = *СВФУ*. *ЮФУ* был создан на базе Ростовского госуниверситета (*РГУ*) путём присоединения Ростовской госакадемии архитектуры и искусства (*РГАИИ*), Ростовского госпедуниверситета (*РГПУ*) и Таганрогского государственного радиотехнического университета (*РТТУ*). *СибФУ* был создан на базе Красноярского госуниверситета (*КрасГУ*) путём присоединения Красноярской государственной архитектурно-строительной академии (*КрасГАСА*), Красноярского государственного технического университета (*КГТУ*) и Государственного университета цветных металлов и золота (*ГУЦМИЗ*). Переименование и реорганизация этих образовательных учреждений были проведены в 2006 году. *С(А)ФУ* им. Михаила Ломоносова создается на базе Архангельского государственного технического университета (*АГТУ = АрхГТУ*). В 2011 году в *С(А)ФУ*, кроме АрхГТУ, должны войти Поморский госуниверситет (*ПГУ*), «*Севамашвуз*» - Северодвинский филиал Санкт-Петербургского государственного морского технического университета и ряд других образовательных учреждений. *КФУ* (Приволжский федеральный университет) создан на базе Казанского госуниверситета имени В.И. Ульянова-Ленина (*КГУ*). В его состав входят Татарский государственный гуманитарный педуниверситет (*ТГГПУ*), Казанский государственный финансово-экономический институт (*КГФЭИ*) и Елабужский госпедуниверситет (*ЕГПУ*). *УрФУ* создан на базе Уральского государственного технического университета - УПИ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (*УГТУ-УПИ*) путем объединения с классическим *УрГУ* им. А.М. Горького. *ДВФУ = ДФУ* создается объединением Дальневосточного госуниверситета (*ДВГУ*), Тихоокеанского государственного экономического университета (*ТГЭУ*), Уссурийского госпедуниверситета (*УГПУ*) и Дальневосточного государственного технического университета (*ДВГТУ*). *СВФУ* создан на базе Якутского госуниверситета имени М.К. Аммосова. **По сообщениям печати, количество федеральных университетов** в России будет увеличено до девяти. В когорту ФУ вольются *БФУ* и *СКФУ*. *БФУ* - Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта - создан на базе Российского госуниверситета им. И. Канта (*РГУ им. И.Канта*) и дислоцируется в Калининграде. *СКФУ* (Северо-Кавказский федеральный

университет) будет создан путем реорганизации ведущих вузов Ставропольского края на базе Ставропольского госуниверситета (*СГУ = СтасГУ*) и Северо-Кавказского технического университета (*СГТУ = СевКавГТУ*).

Появление огромного числа новых названий учреждений создает значительные трудности при восприятии текста и может привести к коммуникативно-прагматическим сбоям. В создавшейся ситуации, для адекватного информирования неподготовленного читателя, нередко приходится прибегать к семантическим компенсациям, например, указывать в скобках прежнее или, напротив, новое (полное) название вуза. Некоторые престижные столичные технические и гуманитарные вузы сохранили старое название, указывая на свой новый статус информацией в скобках: *МЭИ - Московский энергетический институт (технический университет)*, *МИСиС – Московский государственный институт стали и сплавов (технический университет)*. Замена названий вузов ведет к архаизации значительной части учрежденческих аббревиатур и их коррелятов [См. Горшун, 2008]. Функционирование и использование рассматриваемых аббревиатур осложняет присущая им омонимия. Форма *ГТУ*, например, может с равным успехом характеризовать *Тамбовский, Томский, Тюменский* и другие университеты. Впрочем, омонимия обычно обезвреживается контекстом. Нежелательная омонимия нередко преодолевается еще на стадии конструирования аббревиатурного названия, что достигается, например, заменой инициальной аббревиатуры на аббревиатуру слогового характера за счет расширения первого инициала и придания ему статуса корневой абформемы. Сравните конкурирующие формы *АГТУ* и *АрхГТУ*, *СГУ* и *СтасГУ*, *СГТУ* и *СевКавГТУ*; *ДФУ*, *ДФУ* и *ДальФУ*, *СФУ = СибФУ*. Слогово-инициальная аббревиатура, в отличие от «обезличенной» инициальной, более информативна: первый компонент слогового характера индивидуализирует аббревиатуру, делает ее легко опознаваемой и ассоциируемой непосредственно с референтом.

Завершая описание особенностей создания и функционирования учрежденческих аббревиатур – названий вузов России, появившихся в русском языке за последние два десятилетия, подчеркнем, что появление огромного количества новых аббревиатур, свидетельствует об удивительной отзывчивости и жизнеспособности аббревиации и позволяет прогнозировать ее высокую продуктивность в будущем. Выступая в роли зеркала реальности, аббревиация отражает происходящие в ней изменения, в том числе появление таких новых артефактов, как наименования образовательных учреждений.

Библиография

Горшун, Ю.В. Новые учрежденческие аббревиатуры русского языка на стыке веков [Текст] / Ю.В. Горшун // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней ; под общ. ред. Ю.В. Горшунова. – Бирск : Бирск. гос. соц-пед. акад., 2008. – С.41-47.

gorshunov_@rambler.ru

Гричин С.В., Демешкина Т.А., Томск (Россия)

АВТОРИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ В ТЕКСТЕ НАУЧНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Описание авторизации как категории, репрезентирующей три типа субъекта (квалификации, восприятия и обнаружения), делает логичным и необходимым описание особенностей ее реализации в этих трех ипостасях. В данной работе речь пойдет о наблюдениях за авторизацией восприятия.

Лингвистический подход в изучении восприятия в целом и через призму авторизации в частности возникает вследствие совпадения перцептивной и речевой форм деятельности в своих онтологических свойствах: так, перцептивное действие происходит в результате воздействия внешних раздражителей, передачи информации от них в другие системы, а речевое заключается в передаче информации собеседнику.

Данное исследование представляет собой попытку описать текстовое выражение авторизации восприятия, основываясь на некоторых результатах изучения восприятия в психологии. Согласно нашей гипотезе, принципы отбора и реализации авторизационных конструкций при осуществлении авторизацией своих текстостроительных функций должны коррелировать с особенностями восприятия человеком окружающего мира и, с прагматической точки зрения, быть средством управления вниманием реципиента научного текста.

Для авторизации характерно явление, на которое обратил внимание С. Ульманн, исследовавший лексику восприятия: «перенос из сферы физического восприятия в сферу умственную» [Ульман, 1970, с. 279-280]. Авторизующие конструкции репрезентируют финал процесса восприятия, этап, когда воспринятая информация подвергается когнитивным процессам, заключающимся в преобразовании сенсорной информации в готовое знание. Вероятно, особенностями восприятия можно объяснить и разницу между эксплицитной и имплицитной авторизацией. Имплицитной авторизация становится в результате необозначения акта перцепции и его перехода в пресуппозицию высказывания, понимаемую как совокупность предварительных знаний собеседников о предмете речи и включающую фоновые знания адресанта и адресата, когда стратегия сообщения содержания основывается на комбинировании эксплицитного и имплицитного, импликация экспликационала и экспликации импликационала.

Объем авторизуемой информации обусловлен действием некоторых когнитивных законов, связанных с особенностями восприятия информации. По нашим наблюдениям, некоторые законы восприятия человеком объективной действительности напрямую отражаются на особенностях употребления авторизующих конструкций, текстостроительной функции авторизации. Один из таких законов связан с объемом воспринимаемого, его ограниченностью. Так, Б.М. Величковский пишет, что «современные авторы склонны объяснять ограниченностью объема внимания, или рабочей памяти, множество разнообразнейших фактов, например, то, что на каждом уровне схематического описания текста обычно встречается не более двух-трех эпизодов [Величковский, 2006, с. 44].

Приведем несколько примеров, подтверждающих действие этих законов в сфере авторизации. На уровне предложения авторизующая конструкция вводит ограниченное количество источников информации. Сюда же можно отнести «включенные» образования, когда несколько разных авторов представляют собой, по сути, один источник информации: *В корейских грамматиках* [Холодович, 1954; Мазур, 1960; 2001; Martin, 1992; Chang, 1996; Song, 1999] *такие предикаты называются прилагательными или стативными глаголами.* (Вопросы языкознания. №4. 2005, – С. 40). Включение в одно предложение нескольких источников носит редкий характер, и такие источники информации сообщают семантически однородную информацию: *Как показано* в [Рудницкая, 2004], *некоторые стандартные свойства* подлежащего (по [Keenan, 1976]), *такие как начальная позиция в предложении, возможность релятивизации* [Keenan, Comrie, 1977] *или контроль рефлексивов, в корейском могут характеризовать невынесенный топик, не являющийся аргументом предиката.* (Вопросы языкознания. №4 2005. – С. 43).

В случае, если в предложении более одного источника информации, и эти источники не вводят семантически однородной информации, они оказываются связанными между собой следующими отношениями:

1) противопоставления: *С этой точкой зрения, в недавнее время развитой антропологом П.Гордоном* [Gordon, 2004], *не согласен Д.Эверетт* [Everett, 2004 a,b] – *наиболее крупный исследователь языка пирахан занимающийся им на протяжении почти 30 лет,* (Вопросы языкознания. № 5, 2005, С. 3).

2) сравнения: *Как показывает (23в) в сравнении с (23а), конструкция ТОП-ИМ с philyoha-ta «быть-нужным» лучше допускает вложение с нейтральной интонацией, чем конструкция с mwuser-ta «страшно»* (Вопросы языкознания. № 5, 2005. – С. 53).

3) дополнителности: *Помимо продемонстрированных в пп. 3.1.2-3.1.3 ограничений на конструкцию ТОП-ИМ с глаголами психологического состояния, запрет на релятивизацию ИГ-стимула [п.2.1.2, пример (7а)] также действует только в случае глаголов психологического состояния, а не других стативных глаголов с аргументами «экспериментер» и «стимул-пациент»* (Вопросы языкознания. № 5, 2005. – С. 54).

4) совмещенные отношения: а) сравнения - дополнителности: *В это время под влиянием тупи-гуарани (где система числительных основана на двоичной базе [Bariero, Saguier, 1986]; ср. о других языках этого ареала [Ferreira, 1976]) могли измениться и принципы счета.* (Вопросы языкознания. № 5, 2005. – С. 7); б) сравнения-противопоставления: *У коми к октябрю относится название ерым, которое, по мнению Н.Д. Конакова, происходит от слова иора «лось»* [Конаков, 1996, 16] (В.И.Лыткин возводит к йыр «холод, замерзание» [Сидоров, Лыткин, 1966]). (Вопросы языкознания. № 5, 2005- С.14). Приведенные отношения, включая совмещенные, очевидно, являются отражением комплексности восприятия человеком окружающей действительности, с одной стороны, и, что более важно в контексте нашего исследования, демонстрируют стремление к декомпозиции отраженной реальности на более мелкие фрагменты при ее фиксации в тексте.

Ограниченность объема воспринимаемой информации, невозможность охватить большое количество деталей вниманием за определенный промежуток времени отражаются и на текстовом уровне. «Эксперименты с классификацией и идентификацией различных сенсорно-перцептивных признаков показывают, что нам значительно проще определять разные признаки одного и того же предмета (цвет, размер и форму), чем один и тот же признак (например цвет) такого же числа разных предметов» [Величковский, 2006, с. 223]. Исследованный нами материал позволяет прийти к выводу, что детальной характеристике в авторизованных структурах подвергаются объекты, у которых выделяются ограниченное количество свойств / признаков.

Таким образом, наблюдения над реализацией авторизационных структур с семантикой восприятия подтверждают нашу гипотезу об отражении особенностей процесса восприятия окружающей действительности человеком в тексте научного произведения. Подобная корреляция обнаруживается при обращении к композиционно-содержательному анализу текста и выражается в ограничении объема авторизуемой информации, количества выделяемых у объекта авторизации признаков, особенностях детализации при описании объектов чувственного когнитивного и восприятия.

Библиографический список

1. Величковский, Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. - Т. 1 [Текст] / Б.М. Величковский. – М. : Смысл; Издательский центр «Академия», 2006.
2. Ульманн, С. Семантические универсалии [Текст] / С. Ульманн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. – М. : Прогресс. 1970. – С.250-299.

grichinergei@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Проблема лексического заимствования остаётся и сегодня достаточно актуальной лингвистической проблемой, что объясняется как языковыми, так и гносеологическими причинами. Гносеологические причины релевантности исследования иноязычных слов продиктованы состоянием современной лингвистической науки, описывающей и осмысливающей процессы заимствования иноязычной лексики как особые формы и способы познания. Изменение курса исследования заимствований связано с формированием и развитием одного из важнейших направлений лингвистики XX в. – когнитивной лингвистики. В центре внимания последней «находится язык как общий когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Кубрякова и др., 1996, с. 53]. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением, что «изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям, поскольку ... мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий» [Баранов, Добровольский, 1997, с. 14].

Взаимодействие двух культур закономерно приводит к заимствованию языковых элементов, прежде всего лексических единиц. Вместе с тем не следует упускать из виду, что в процессе языкового и культурного взаимодействия заимствуется зачастую не только слово, но и та совокупность знаний, которую оно представляет в своей лингвокультуре, иными словами – тот концепт, средством объективации которого данное слово выступает. Такое понимание позволяет рассматривать процесс заимствования в другом ракурсе: не только как процесс обогащения лексического состава языка, но и как способ взаимообмена культур. По справедливому замечанию В.И. Карасика, речь идёт об «импорте концептов», о «внедрении в иную культуру концепта – ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании» [Карасик, 2004, с. 212].

Как известно, французские заимствования области моды широко представлены в немецком языке. Небезынтересно, что само слово *Mode* носители немецкого языка не воспринимают сегодня как иноязычное. Согласно данным словарей, данная лексема появилась во французском языке с 1458 года в значении *тайна, образ жизни (mystère, manière de vivre)* [Larousse, 1993, с. 481], однако уже к 1549 году она встречается в современном значении. Примерно в это же время возникло и стало употребляться словосочетание *à la mode*.

Развитие французской культуры, господство французских королей обусловили приток французских слов в немецкий язык, в том числе и в язык моды (ср.: *Alamodezeit*). Принимая во внимание колоссальное влияние Франции на культурную жизнь Германии, справедливо предположить, что такого ёмкого и вместе с тем точного обозначения *моды* как социального явления и регулятора поведения в обществе в немецком языке, возможно, и не существовало вовсе. Ведь всё, что сегодня вбирает в себя концепт *Mode* (мода), едва ли можно выразить посредством любого другого слова в немецком языке: лишь в своей совокупности слова исконного происхождения могут объективировать всё многообразие концептуального содержания этого лаконичного по форме заимствования. Сравните: *Geschmack, Stil, Gewohnheit, Lebensart, Zeitgeist, Benehmen, Anstand, Haltung, Sitte, Kleidung, Kultur, Höflichkeit* и т.д. Следовательно, произошло импортирование не просто слова, а концепта. Что касается самой номинации, то она заполнила существовавшую в лексической системе немецкого языка лауну. Под лакуной принято понимать отсутствие лексической единицы в одном из языков при наличии её в другом, своеобразные «белые пятна на семантической карте мира», незаметные изнутри, но явные при сравнении языков [Степанов, 1965, с. 120].

Следует подчеркнуть, что лакунарность не свидетельствует об отсутствии в сознании носителей языка представлений об объектах и явлениях (сравните достаточно широкую палитру немецких обозначений понятия „Мода“, данную выше). Наличие лакун объясняется скорее иррелевантностью концептов, которые в других культурно-исторических и коммуникативных условиях могут приобретать значимость, и в этом случае «лакуна будет немедленно заполнена тем или иным способом» [Стернин, Быкова, 2000, с. 63].

При этом заимствование нередко выступает самым простым способом заполнения лакун. К тому же, как показывает исследование, заимствуется не только обозначение, но и его концептуальное содержание. Концепт „Мода“ – яркое тому подтверждение: более половины номинаций, репрезентирующих данный концепт в немецком языке, представляют собой слова французского происхождения, например: *Prestige, Elite, Image, Etikette, Manieren, Toilette, Cour, Creation, Couture, Robe, Fete, Courtoisie, Couturier, Silhouette* и т.д. Бóльшая часть из них появились в немецком языке вслед за заимствованием лексемы *Mode*, а именно, в период XVII–XVIII вв. Высокая степень ассимиляции многих заимствований данной тематической сферы является ещё одним доказательством коммуникативной значимости заимствованного концепта, сравните лексемы: *Marke, Schick, fein, Eleganz* и др., не воспринимаемые носителями немецкого языка как иноязычные, обладающие высокой словообразовательной продуктивностью (*Markenklamotten, Markenartikel*) и адаптированные к нормам немецкого языка (*ein schickes Kleid, eine elegante Lösung, sie sprach ein elegantes Französisch*).

Анализируя многочисленные концепты английской и американской культуры, вошедшие вместе с вербализирующими их словами в русское языковое сознание, В.И. Карасик приходит к выводу о целесообразности выделения нескольких разновидностей заимствованных концептов: 1) нулевые или пустые концепты – проявляются как варваризмы, используемые в речи вместо слов национального языка без

смысловой дефиниции; 2) квази-концепты – обозначают реалии чужой культуры, заимствуемые из другого языка; 3) паразитарные концепты – представляют рекламируемые явления, для которых в заимствующем языке есть собственные средства выражения; 4) чужие частнооценочные концепты – выражают ценности чужой культуры, не имеют прямых коррелятов в национальном языке [Карасик, 2004, с. 212-215].

Опыт исследования особенностей функционирования французских заимствований в немецком дискурсе моды позволяет заключить, что и в данном конкретном случае имеет место импорт концептов разного содержания: от нулевых до ценностных. Так, к типу нулевых или пустых концептов можно отнести образование *à la*. С точки зрения французского языка, данное образование состоит из незначительных единиц (предлога с определённым артиклем женского рода), а потому не обладает каким-либо особым планом содержания, т.е. представляет собой нулевой концепт. В других языках *à la* получает значение, которое может быть выражено собственными языковыми средствами, и функционирует как варваризм: в английском *à la – in the manner of, in the style of*; в немецком *à la – auf, nach Art von*.

К квази-концептам можно отнести слова *Parfum* (Flüssigkeit mit intensivem länger anhaltendem Duft „als Kosmetikartikel“), *Kostüm* (unter französischem Einfluss „Kleidungsstück für weibliche Personen“), *Pompadour* (beutelartige Damenhandtasche) [Duden, 2007]. Если концепт *Mode* имеет ценностную значимость для заимствующего языка, то данные концепты импортированы как трансляторы чужой культуры. Нулевые концепты используются в речи скорее в угоду моде, то же можно сказать и о паразитарных концептах.

К последним можно отнести такие примеры, как *Accessoire* (Beiwerk, Zubehör), *Charme/Scharm* (Prunk), *Tendenz* (Neigung, Hang). Реклама и модные журналы используют такого рода заимствования вместо исконных слов для усиления воздействия на потребителей, давая понять, что рекламируемый товар имеет нечто особенное и отличается от обыденных предметов, явлений и т.д.

Номинации, объективирующие чужие частнооценочные концепты, отражают реалии французской культуры и не имеют равнозначных немецких эквивалентов. Сравните: *Saison* (Zeitabschnitt im Hinblick auf Aktuelles z.B. in der Mode), *Boheme* (Künstlerkreise außerhalb der bürgerlichen Gesellschaft, ungebundenes Künstlertum, unkonventionelles Künstlermilieu), а также сам концепт *Mode*.

Таким образом, анализ французских заимствований в немецком языке моды позволяет сделать вывод о том, что особенности функционирования данной лексики обусловлены объемом и спецификой её концептуального содержания, а также наличием/отсутствием лакуна в лексической системе языка-реципиента.

Библиографический список

1. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1997. - № 1. – С.8-17.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004.
3. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : МГУ, 1996.
4. Степанов, Ю.С. Французская стилистика [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Высшая школа, 1965.
5. Стернин, И.А. Концепты и лакуны [Текст] / И.А. Стернин, Г.В. Быкова // Языковое сознание: Формирование и функционирование : сб. статей. – М. : РАН ; Ин-т языкознания, 2000. – С.55-67.
6. Duden. Das Fremdwörterbuch [Electronic Ressource] ; CD-Version : Hrsg. von dem Bibl. Institut & F.A. Brockhaus AG, Mannheim, 2007.
7. Larousse dictionnaire étymologique et historique du français [Texte] / J. Dubois, H. Mitterand, A. Daurat. – Imprimerie Hérissay à Evreux, Larousse, 1993.

gruenkos@mail.ru

Грязнова О.Б., Улан-Удэ (Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА 'ДОМ / РОДИНА' В ПРОЗЕ Г. БАШКУЕВА

Творчество современного писателя Бурятия Геннадия Тарасовича Башкуева зиждется на трех китах – прозе, драматургии и публицистике. Он автор повестей: «Пропавший» (1988), «Дураки» (1989), «Куба, любовь моя» (1990), «Прощай, мой Боливар» (1991), рассказов: «Баян-Гол», «Бурят, который никогда не видел Америку», «Вверх по Миссисипи», «Вещь», «Тайна» и др. произведений малых жанров. Стоит также отметить и его пьесы, например: «Климат резко континентальный» (1985), «Любовь на взлетной полосе» (1992), «Чио-чио-Саня» (1994) и др. В 2007 году писателем осуществлен целый ряд изданий, представляющих собой итог всего его творчества, - это книги: «На переломе», «Записки пожилого мальчика», «Пьесы разных лет». Нужно отметить и время создания произведений: все написано Г.Т. Башкуевым в очень трудный период – 1980-2000 г.г., в период, когда в условиях кризисного состояния страны осваиваются, преломляются и накладываются друг на друга различные течения и школы. При этом писателю важно не потерять свою траекторию творческого развития и органично вплестись в замысловатую мозаику литературного процесса России.

Г.Т. Башкуев, как и другие представители современной литературы Бурятии, воспитанный в лоне русской культуры, под её влиянием соединяет ментальность восточного человека с русской ментальностью, в результате чего появляется уникальное, самобытное творчество русскоязычных писателей в едином культурном пространстве Российской Федерации. Именно поэтому феномен русскоязычного писателя в литературоведении особенно в последнее время стал объектом пристального внимания и изучения (исследования Е.В. Голубевой, О.Ю. Барановой, С.И. Гармаевой, С.С. Имichelовой и др.). Литературоведы анализируют произведение русскоязычного писателя в свете сопоставительно-сравнительном, отражающем взаимодействие и синтез двух или нескольких генетически не связанных между собой культур. Что, конечно, находит свое вербальное выражение в содержательном пространстве текста. В качестве единства национально-ментального и общечеловеческого в ткани художественного произведения выступает определённый ряд понятий, приобретающий концептуальное значение. Данные понятия – концепты играют значительную роль в реализации идиостилей русскоязычных писателей литературы Бурятии, в частности идиостиля Г.Т. Башкуева. Укажем лишь самые основные из них. Это семья, дом, родина. Они являются, безусловно, особенно значимыми для функционирования национальной картины мира, так как реализуют эстетические идеалы носителей языка, служащие важным компонентом их языковой картины мира. Данные концепты отражают духовный опыт этноса, репрезентирует национально маркированные ценностные категории в ментальности каждого из народов, и тем самым служат углублению нравственных и эстетических представлений носителей национальных языков.

Попробуем рассмотреть заявленные концепты в аспекте диалога «своего» и «чужого» в прозе русскоязычного автора Г.Т. Башкуева (рассказ «Вверх по Миссисипи», повествование в рассказах «Записки пожилого мальчика» и повесть «Пропавший»).

Итак, повествование в рассказах «Записки пожилого мальчика» интригуют читателя заложенной не только в заглавии, но и в содержании антиномией: почему автор именно так охарактеризовал главного героя? Думается, что писатель таким образом обозначил внутреннее состояние рассказчика-героя, который находится «в искусственном положении вне игры» [Башкуев, 2007, с. 288]. Данное состояние обусловлено нелепой ситуацией: он заступился за сумасшедшую на перроне, в результате чего сам приобрёл мотив сумасшедшего – схватил железный прут и набросился на «честных людей», ожидавших поезд, и оказался под следствием. А цель была вполне «адекватная»: он хотел спасти когда-то первую красавицу двора продавщицу Ингу от бесплатного шоу – насмешек и издевательств со стороны «честных людей». Единственным выходом из сложившейся абсурдной ситуации остается память о детстве как средоточие высоких нравственных ценностей человека, способных излечить от страшного недуга, – это память о доме, о семье, о родине. Эти идеальные сущности, именуемые концептами, являются связующей нитью всего цикла: они звучат и в эпиграфе (строки Хэ Чжи-чжана. Династия Тан. 7 в.), и в лейтмотиве всего цикла, и в образной системе персонажей. Понятийный слой художественного концепта *‘Дом’* определяется следующим признаком – «жилище», «здание» (квартира, просторная комната без окон, дверей, потолка и пола, двухэтажный барак). А предметный слой представлен следующими когнитивными признаками: «внешний вид дома», «части-составляющие дома» и «внутреннее убранство дома». К типичным предметам интерьера, заполняющим внутреннее пространство дома, у Башкуева относятся: зеркало, фибровый чемодан, старые газеты, поношенные детские вещи, обеденный стол, табуреты. Они репрезентируют образ обжитого архаизированного пространства, средоточие культуры, духовности и покоя. Образу родного дома, где прошло детство героя и счастливая семейная жизнь, противопоставлен образ «антидома» – камеры с казенной пылью, теснотой, обшарпанными стенами, зарешеченным окном. Наиболее интересной частью дома с точки зрения концептуального содержания является окно. Помимо основной функции – обозначения границы между ограниченным внутренним миром антидома и безграничным внешним миром, окно способствует мысленному уходу героя в другую реальность – пространство воспоминания и ностальгии об ушедшем детстве. В этом случае оно становится не только местом соприкосновения пространств, но и местом встречи времен.

Поле концепта *‘Дом’* расширяется за счет появления когнитивного признака «Малая Родина». Родной город, центральная площадь, воскресная баня, родной двор с колоритными соседями: местная красавица – продавщица Инга, угощавшая вкусными конфетами ребят, склочная баба Крольчиха с грудным ребёнком, пенсионер Корнеич с супругой, сожители Хохряковы. Все это воспринимается как пространство родного дома, комфортная среда существования человека и его семьи. А в самостоятельном рассказе «Вверх по Миссисипи», не входящим в цикл «Записки пожилого мальчика», когнитивный признак «Родины малой» расцветивается национальными мотивами: степь, конь, бурханы, сопки, улус, деревянные бусы-четки и слова молитвы старика Агвана, который заходил к дедушке довольно часто. Эта память главного героя о проведённых в старом дедовском доме днях равнозначна представлениям о гармоничном мире, который может дать силы для дальнейшей жизни. А потерять его, не чувствовать больше связи с ним означает одно – опустошённость, одиночество, тупик.

Мотив опустошенности и бездомности звучит и в социально-исторической повести «Пропавший», в которой опять же концепт *‘Дом / Родина’* автор исследует мир, его систему ценностей в кризисном XX веке. С этой целью писатель воссоздает переходную, пограничную ситуацию в жизни главного героя Жорика-Жаргала Нурова, когда ещё не наступила смерть, но и жизнью это назвать нельзя. Жорик одинок, его никто не ждёт, он

никому не нужен (герой однажды почувствовал, что он – овца, беззащитная и глупая, которая обречена), причем такой образ существования его вполне устраивает. Только иногда мелькнет мысль о том, что надо и нужно жить как все: помнить, какого он роду-племени, помнить обычаи своего народа, уважать односельчан, работать с душой, самое главное – постоянно иметь желание и стремление жить, а не существовать. Но Жорика эти мысли стали одолевать весьма редко, поэтому он как заблудшая овца не может и не хочет найти приюта. Бездомная сущность героя звучит и через концепт «дом» как временное пристанище – зал ожидания с пыльной люстрой и подоконниками, чабанская стоянка – приземистая избушка с одним окном, узкими нарами, печью и столом, вагон поезда, где случайные попутчики оказываются то враждебно настроенными, то близкими по духу людьми, и изба в русской деревне Березняки. Даже родной отцовский дом не стал местом его постоянного жительства. Жорик погибает, потому что жестокий мир не захотел дать ему приют, одарить теплом и радушием. Только одна единственная старая Долгор, мать ждущая до сих пор своего сына с войны, пропавшего без вести для людей, но только не для неё, протягивает руку помощи Жорику. Но тоска по родной крови, материнские слезы все сильнее зовут Долгор в далёкую русскую деревню Березовку, там она сможет спокойно умереть и обнять Матвея. Трагичен финал повести: оказавшись в деревне Березняки (Жорик перепутал названия деревень), смерч заносит снегом и старую Долгор, и Жорика – они погибают. Их человеческое существование на земле прекратилось, может быть, там, на небе, они обретут то, что потеряли: мать – сына, Жаргал – дом, родину...

Таким образом, дом в прозе Г.Т. Башкуева воплощает представления о ценностях современной культуры, тем самым являясь важным культурно-специфическим концептом. Благодаря особенностям его репрезентации эпические произведения писателя приобретают притчево-философский смысл, в которых диалог автора и читателя выходит на уровень выявления и установления связи события или явления с неким универсальным законом жизни. Справедливо замечено исследователями, что «в его книгах можно найти то, что позволяет нам судить о нас самих, какими мы пришли в новое тысячелетие и как преодолеваем его» [Имихелова, 2010, с. 172].

Библиографический список

1. Башкуев, Г.Т. Записки пожилого мальчика [Текст] / Г.Т. Башкуев // Башкуев, Г.Т. На переломе : Публицистика. Проза. Пьесы. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007.
2. Имихелова, С.С. Драматургия Г. Башкуева: современное и вечное [Текст] / С.С. Имихелова // Поэзия национального бытия. О литературе и театре Бурятии: рецензии и статьи 1980-2010 гг. – Улан-Удэ, 2010.

461758-01@mail.ru

Гуторова П.В., Иркутск (Россия)

КОНЦЕПТЫ 'ПОКАЯНИЕ' И 'ПРОЩЕНИЕ' В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Антропологическую лингвистику характеризует обращение к проблеме языкового представления констант человеческой культуры, репрезентирующих знания о внутреннем мире человека. В рамки научных интересов попадает языковая объективация различных типов концептов, в числе которых морально-этические и ценностные смыслы языкового сознания. Ценностные смыслы социального бытия являются регуляторами и смысложизненными ориентирами деятельности человека культуры, поскольку в своей семантике отражают эмоционально-когнитивное состояние субъекта в ценностном измерении [Серебренникова, 2008, с. 21].

Целью данной статьи является рассмотрение актуализации ценностных этических смыслов «покаяние» и «прощение» на уровне лексико-семантической системы английского языка.

Н.Д. Арутюнова полагает, что смыслы подобного типа есть ментальные образования социо-оценочного характера, отражающие нравственные отношения и создающие мораль как одну из форм общественного сознания во всем многообразии ее аспектов [Арутюнова, 2000, с. 54]. Этические понятия являются отражением существующих в социуме форм внешней регуляции поведения (*честь, репутация*), а другие – внутренней, или саморегуляции (*совесть, вина*) [Чернейко, 1997, с. 121]. К формам внутренней регуляции поведения человека относятся и исследуемые нами ценностные смыслы «покаяние» и «прощение», имеющие сложную концептуальную структуру, которая может быть выявлена путём систематизации языковых средств, используемых носителями английского языка для их обозначения и представления.

Концепт 'Покаяние' в английском языковом сознании вербализуется номинациями: 1) субстантивными (*acknowledgment, apology, atonement, attrition, compunction, confession, conscience, contriteness, contrition, grief, guilt, penance, penitence, regret, remorse, repentance, self-abasement* и др.); 2) глагольными со значением 'каяться/ сожалеть/ признаваться/ стыдиться' (*repent, regret, confess, feel shame*); 3) адъективными со значением каузируемого состояния 'кающийся/ сожалеющий' (*repentant, penitent, remorseful, regretful*); 4) адвербиальными номинациями со значением 'внешнее проявление состояния покаяния' (*remorsefully, penitently, sorrowfully*); 5)

фразеологизмами (*turn over a new leaf, put on a new man, turn from sin*); 6) номинациями, обозначающими невербальное проявление эмоции (*fall down on one's knees, hung his head*).

Концепт 'Прощение' объективируется следующими номинациями: 1) субстантивными (*absolution, amnesty, conciliation, condonation, exculpation, excuse, exoneration, forbearance, forgiveness, grace, indemnity, indulgence, longanimity, oblivion, pardon, placability, quittance, propitiation, reconciliation, release, remission, reprieve*); 2) глагольными со значением 'прощать / извинять' (*forgive, excuse, remit, absolve*); 3) адективными со значением 'прощающий / незлопамятный / лояльный' (*forgiving, placable*); 4) фразеологизмами (*clean the slate, let the wound heal, shake hands*).

Многочисленность, семантическое, формальное и стилевое разнообразие номинаций покаяния и прощения свидетельствуют: данные феномены занимают важное место в наивно-языковой картине мира. Ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни, становится функционально важным и поэтому получает многостороннее обозначение в языке [Вольф, 2002, с. 17].

Знаками-репрезентантами изучаемых нами смыслов являются лексемы *repentance* и *forgiveness*, которые были выбраны в соответствии с критериями высокой частотности их употребления, наибольшей степенью обобщенности значения, стилистической нейтральности. Для языка важно, какого рода информация передаётся лингвистическим знаком и в какую языковую форму она облекается. «Концепты открываются именно в формах выражения мысли» [Красухин, 2000, с. 23].

Обратимся к вопросу о том, какие сведения об особенностях концептуализации покаяния даёт нам семантика *repentance* в словарных толкованиях. В результате проведенного исследования нами были выделены следующие концептуальные признаки: 1) «чувство печали, грусти или угрызения совести о том, что сделано» рефлексировано в дефинициях: *deep sorrow, compunction, or contrition for a past sin, wrongdoing, or the like* [RNDEL, 1966, p. 1216; WEUDEL, 1989, p. 1216]; *the state of being sorry for something you have done* [LDCE, 2001, p. 1201; LAAD, 2000, p. 1221]; 2) «сожаление о совершённом проступке, действии» толкуется как: *regret for any past action* [RNDEL, 1966, p. 1216]; *sincere regret for something* (OOD); 3) «акт, действие или процесс покаяния» представлен в дефинициях: *the action or process of repenting especially for misdeeds or moral shortcomings sin* [WNED, 1993, p. 863].

Признаками лексемы *forgiveness*, выделенными на основе словарных толкований, являются следующие: 1) «акт и процесс прощения кого-либо за что-либо» представлен в толкованиях: *the act of excusing a mistake or offense* (AHDEL, 2006); *the act of forgiving* [WNED, 1993, p. 3954]; *the act of forgiving someone* [LDCE, 2001, p. 554; LAAD, 2000, p. 568]; 2) «желание простить» фиксируется в дефинициях как: *willingness to forgive* [OALD, 1992, p. 352].

Рассмотрение лексического значения слова по словарным толкованиям позволяет выявить его характер и тип смысловой структуры [Уфимцева, 2002, с. 4]. Обобщение результатов проведенного наблюдения над материалом англоязычных толковых словарей позволяет заключить: покаяние и прощение концептуализируются носителями английского языка как состояние, чувство и процесс.

Основным постулатом когнитивной семантики является то, что концепты формируются и интерпретируются «на фоне» других структур знания [Морозова, 2005, с. 65]. Соответственно, исследование процесса концептуализации покаяния и прощения в лексико-семантической системе английского языка не ограничивается анализом и описанием их базовых лексем-репрезентантов. С целью установления ассоциативного потенциала анализируемых нами ценностных смыслов, мы обратились к материалам словарей-тезаурусов и словарей синонимов. По наличию общих компонентов в дефинициях лексем, входящих в синонимический ряд, объединяем их в группы, которые обозначают ту или иную референтную ситуацию. У концепта «покаяние» выделено 4 группы: 1) наиболее многочисленной является группа, номинирующая покаяние как *guilty-feeling*; 2) лексемы с общим семантическим компонентом *disapproval of yourself*; 3) лексические единицы, репрезентирующие признак «признание о совершении проступков» или *admission of misdeeds (acknowledgment, confession)*; 4) лексические единицы с семантическим компонентом *feeling of sadness*.

Анализ имени концепта «прощение» и его синонимов, а также анализ лексической сочетаемости показал: его содержание формируют такие признаки, как: «милосердие», «отпущение грехов», «примирение», «помилование, амнистия», «избавление, освобождение от вины», «прощение плохого поведения», «долготерпение». Анализ словарного материала изученных лексикографических источников свидетельствует о богатстве синонимических средств выражения ценностных этических смыслов «покаяние» и «прощение».

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. О стыде и совести [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М. : Наука, 2000. – С. 54-77.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985.
3. Красухин, К.Г. Слово, речь, язык, смысл: Индоевропейские истоки [Текст] / К.Г. Красухин // Язык о языке ; под ред. Н.Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С.23-44.
4. Серебренникова, Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиотика ценностных смыслов : колл. моногр. / Н.П. Антипов, Л.Г. Викулова, В.П. Даниленко [и др.]. – Иркутск : ИГЛУ, 2008.

5. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 2002.
6. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко. – М. : Изд-во МГУ, 1997.
7. AHDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – Houghton Mifflin Company, 2006. – Mode of access : <http://www.yourDictionary.com>.
8. LAAD – Longman Advanced American Dictionary [Text] ; Harlow : Pearson Education Limited, 2000.
9. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Text] / D. Summers (Ed.). – Harlow : Longman, 2001.
10. OALD – Oxford Advanced Learner’s Encyclopedic Dictionary [Text] ; A.P. Cowie (Ed.). – Oxford : Oxford University Press, 1992.
11. OOD – Oxford Online Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://oxforddictionaries.com/entry>
12. RNDEL – The Random House Dictionary of the English Language [Text] ; J. Stein (Ed.). – N. Y. : Random House, Inc., 1966.
13. WEUDEL – Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language [Text]. – N. Y. : Avenel ; New Jersey : Gramercy Books, 1989.
14. WNED – Webster’s New Encyclopedic Dictionary [Text]. – N. Y. : Black Dog & Leventhal Publishers, Inc., 1993.

polina-gutorova@rambler.ru

Дашиницаева П.П., Улан-Удэ (Россия)

АПЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПСИХОНЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА-РЕЧИ-МЫШЛЕНИЯ

Сегодня невозможно ни в онтологическом, ни в эпистемологическом аспектах проводить исследования языка-речи-мышления в рамках одной дисциплины. О необходимости признания единой трансдисциплинарной (естественной?) науки сказано во «Всемирной Декларацией о Высшем образовании для XXI века», принятой ЮНЕСКО в 1998 г. Так, в соответствии со ст. 5 и 6 рекомендуется поощрять использование трансдисциплинарного подхода для решения сложных проблем природы и общества не только в исследовательских целях, но и в программах учебного процесса вузов [World declaration ...].

Относительно онтологии речемышления трансобразующую функцию могла бы взять на себя психонейролингвистическая парадигма, в основе которой лежат универсальные естественно-научные допущения, которые позволяют заново открыть перечень лингвистических проблем, подлежащих не только корректировке, но и постановке. Ее аппликативный потенциал состоит прежде всего в пересмотре эпистемологических критериев старой – формально-структурной – парадигмы, обеспечивающей догматический способ описания языка «в самом себе и для себя». Далее аппликативный потенциал состоит в корректировке новой – когнитивной – языковедческой парадигмы, в рамках которой каждому исследователю дано право произвольно создавать способ описания на основе тех или иных теоретических гипотез, не имеющих доказательной базы. Речь идет об исследованиях отечественных лингвокогнитологов, которые разрабатывают версии о способах хранения в «языковом сознании» индивида продуктов познания, о структуре его языковой картины мира и т.д. Эпистемологической ошибкой обоих подходов является редукционизм мышления как следствие отсутствия строгости методов исследования.

Как нам видится, основной целью психонейролингвистического подхода к изучению семантики является пересмотр тезиса о прямой связи между единицами языка и их референтами в реальном мире, с одной стороны, и между внешним и внутренним миром, с другой. Речь идет о недопонимании психонейрофизиологических закономерностей формирования внутреннего мира индивида, обуславливающего его вербальное и невербальное поведение в обществе. Другими словами, изучение всего того, что лежит под «значением» и «семантикой», важно не только с точки зрения науки, но и вообще морали, поскольку поступки индивида диктуются содержанием его мыслей. В этом смысле все большую значимость должна приобретать прескриптивная экология мышления – прикладное гуманистическое направление, за которое ратовали А. Эйнштейн, Н. Бор и др., настойчиво рекомендующие связывать практическое применение результатов научных исследований с морально-нравственным аспектом. Думается, что сегодня никто не будет отрицать актуальность исследования проблемы экологии и здоровья ума и психики человека.

Для надлежащего выхода за пределы старой языковедческой парадигмы следует прежде всего пересмотреть понимание верифицируемости лингвистических постулатов как необходимости цитирования популярных и модных мыслителей. Следующим шагом в сторону новой методологии является пересмотр установки на незыблемость функционального единства формы и семантики, отягощенную, в отличие от Соссюра, верой в присутствие в сознании индивида универсального референта. Иллюстрацией этого тезиса является само формулирование способа анализа сказанного – «слово / предложение означает...».

Необходимость пересмотра подобных установок в частности обусловлена нейроанатомическим и физиологическим принципом раздельного «хранения» и активации статичных языковых, т.е. формальных, знаков и производства динамических семантических сущностей, переживаемых во время актуального семиозиса. Нами обнаружено 5 научных открытий, свидетельствующих о том, что это не гипотеза, а аксиома. *Неосознанное* переключение формальных знаков двух кодов (например, в бурятско-русских дискурсах), вызванное интерязыковой асимметрией, может быть названо 6-ым основанием аксиомы автономности формального знака и семантики. Кроме данного принципа переключение верифицирует также ряд других психонейролингвистических положений: 1) автономность формальных знаков *разных языков*; 2) наличие *единой* концептуально-семантической системы для двух языков; 3) статику формального знака на фоне постоянного *видоизменения* концептуально-семантической системы, 4) когнитивное взаимодействие кодов интерязыка на принципе *сопоставительности*, 5) системогенез, т. е. *новый* способ согласования – специализации – клеток. С одной стороны, данные факторы в совокупности составляют нейрофизиологию интерязыка или когнитивную «архитектуру» головного мозга в аспекте производства и восприятия речи и значимости на двух и более внешних кодах. С другой стороны, эти факторы являются *причиной* асимметричного протекания того или иного *естественного* двуязычия. Иначе говоря, процесс непоступательного лингвогенеза языка, с одной стороны, подтверждает базовые принципы психонейрофизиологии интра- и интерязыка, с другой, является продуктом их реализации.

Признание идеи о нейроанатомической и нейрофункциональной автономности языковой формы и семантических составляющих и построение языка описания на ее основе подразумевают *далеко идущие последствия* для лингвистики и других смежных наук. Признание должно видоизменить не только эпистемологический вектор исследования новых объектов и явлений, но и определенным образом повлиять на изменение устоявшихся научных стереотипов. Обсуждаемый принцип должен, например, стать и мотивом, и обоснованием создания новых формальных знаков для более релевантного обозначения меняющихся внешних и внутренних реалий таким образом, чтобы остановить абсолютно оправданные сетования о том, что «наш язык перестал нам повиноваться, возможно, из-за изменения восприятия исторического времени»; «Кризис который выпал на долю нам, отмечен печатью немоты: бессилие языка не способно выразить происходящие изменения» [Хапаева, 2005, с. 99, 196].

К другим областям прикладного использования базовых психонейролингвистических принципов речемышления можно отнести такие сферы научного знания, как лингвокультурология, этнопсихоллингвистика, социоллингвистика, теория перевода, с одной стороны, и дискурсивная лингвистика, прагматическая лингвистика, с другой.

Таким образом, наше предложение заключается в интеграции наук с тем, чтобы естественно-научные данные находились *в основе* гуманитарной теории. Пришла пора остановить наши неуемные стремления породить идеализированные теории по интерпретации семиотических явлений, иначе тот огромный объем теорий, который должен быть изучен следующим поколением ученых, станет физически неподвластным для освоения на протяжении целой жизни. Ведь далеко не секрет, что плюрализм и буйный расцвет бездоказательных методологий и концепций в гуманитарной науке достиг такого апогея, что теоретические конструкты в виде символических моделей представляют действительно «движение вверх по лестнице» абстрагирования (а лестница, по-видимому, уже достигла космических высот) – то, от чего предостерегал А. Коржибски, один из основателей общей семантики (вспомним его ставшую знаменитой фразу «карта не есть территория», т.е. абстракция или образ объекта не есть сам объект) [Korzybski, 1995].

Библиографический список

1. Хапаева Д.Р. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий [Текст] / Д.Р. Хапаева. – М. : Новое литер. обозрение, 2005.
2. Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics [Text] / A. Korzybski. – 5th subedition. – N.Y. : Institute of General Semantics, 1995.
3. World declaration on higher education for the twenty-first century: vision and action [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.unesco.org/cpp/uk/declarations/world.pdf>

polinadash58@mail.ru

Дербина И.Н., Латышева Н.В., Тюмень (Россия)

СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ – СУБЪЕКТОВ ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ – В НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ

В процессе обучения иностранному языку в вузе студенты на определенном этапе сталкиваются с научным текстом. Одним из типичных явлений научного текста является пассив, с помощью которого

достигаются необходимые в данном случае строгость, логичность, объективность, доказательность. Однако, студенты часто испытывают трудности при переводе пассивных конструкций на русский язык.

Количественно-качественный подход к анализу пассивных конструкций предполагает не только определение различных типов этой грамматической формы, но и исследование состава ситуантов в структуре страдательного залога.

Мы попытались исследовать семантику существительных, выступающих в роли подлежащего при глаголе в *Passiv*. По данным В.К. Гречко, «в позиции подлежащего у пассивной конструкции наблюдается преобладание предметной, а не абстрактной лексики (предметные имена – 47%, абстрактные – 31%)» [Гречко, 1985, с. 102]. Однако анализ фактического материала не позволяет согласиться с этим утверждением.

В процессе анализа немецких текстов были выделены четыре группы существительных.

Первая, самая большая группа (48,2%), – это условные обозначения, используемые в процессе проведения анализов, опытов и исследований, и абстрактные понятия, дающие им количественную и качественную характеристику: *die S-Werte* (значения S), *der «Instantane-Arrhythmie-Index»* (индекс постоянной аритмии), *eine Folge von Kennsätzen* (последовательность условных обозначений). Например: «*Der «Instantane-Arrhythmie-Index» als Kenngröße für die Mikrofluktuationen ist von der Differenz zweier aufeinanderfolgender Herzfrequenzwerte abgeleitet*» [Röpke, Woraschk, 1978, s. 1237] ‘Индекс постоянной аритмии» как величина для микроколебаний является производным от разности двух следующих друг за другом значений частоты сердечных сокращений’.

Вторую по величине группу (24,8%) образуют имена, выражающие абстрактные понятия, идеальные и познавательные образы реальной действительности: *die Anforderungen* (требования), *das Prinzip* (принцип), *die Untersuchungen* (исследования), *die Erfahrungen* (опыты). Например: «*Die Forderungen aus der Praxis nach einer Lösung dieser Probleme konnten durch die verschiedentlich vorgeschlagenen CTG-Scores (4,7) nur teilweise entsprochen werden*» [Röpke, Woraschk, 1978, s. 1230] ‘Требования из практики к решению этой проблемы могли быть лишь частично удовлетворены за счет предлагаемых в разное время отметок КТГ (4,7)’.

Третью группу (18,8%) – это имена, выражающие абстрактные понятия, которые обозначают процессы, происходящие в организме человека во время опыта, анализа: *die Fetalbewegungen* (движения плода), *die Alterationen* (изменения структуры ткани), *die Uteruskontraktionen* (сокращения матки). Например: «*Die fetale Herzfrequenz, die Fetalbewegungen und die Uteruskontraktionen werden durch den Kardiotokographen 8021A mit Abdominal-EKG-Prozessor 15174A (Hewlett-Packard, Böblingen, BRD) erfaßt*» [Röpke, Woraschk, 1978, s. 1230] ‘Частота сердечных сокращений плода, движения плода и сокращения матки измеряются кардиотографом 8031A с абдоминальным процессором 15174A (Hewlett – Packard, Böblingen, BRD)’. В основном это существительные женского рода с суффиксами *-ung*, *-tion*. Среди них часто встречаются сложные существительные с двумя или тремя корнями, что характерно для всех стилей немецкого языка. Например: «*Die für die Antenatal-Kardiotokographie wichtigen Makro- und Mikrofluktuationen (Langzeit- und Kurzzeitvariabilität der fetalen Herzfrequenz) werden durch die «30-Sekunden-Standardabweichung» (S(30)), den «Instantane-Arrhythmie-Index» (IAI) und die Anzahl der Mittelwertdurchgänge der geglätt-eten Herzfrequenzkurve quantifiziert*» [Röpke, Woraschk 1978, s. 1229] ‘Важные для предродовой кардиотографии макро- и микроколебания (изменения долгого и короткого времени частоты сердечных сокращений плода) подсчитываются с помощью “30-секундного отклонения от стандарта” (S(30)), “индекса постоянной аритмии” (IAI) и количества прохождений средних величин сглаженной кривой частоты сердечных сокращений’. Как явствует из вышеприведенных примеров, во второй и третьей группах имеется большое количество отглагольных существительных с процессуальной семантикой.

Четвертую группу (8,2%) составляют конкретно-предметные имена, обозначающие предметы исследования или оборудования, с помощью которых оно проводится: *das Fruchtwasser* (околоплодные воды), *die Röhrchen* (трубочки), *die Anlage* (установка), *die Alveolarzellen* (альвеолярные клетки). Например: «*Als Hauptsyntheseort der im Fruchtwasser vorhandenen Phosphatide werden die Alveolarzellen (Pneumozyten Typ II) angesehen, in denen sich phosphorlipoidhaltige Lamellenkörper entwickeln, welche dann die Phosphorlipide in den Alveolarraum sezernieren*» [Neumann, gartzke, 1978, s. 1242] ‘В качестве главного места синтеза находящихся в околоплодных водах фосфатидов рассматриваются альвеомерные клетки (пневоциты типа II), в которых развиваются содержащие фосфорлипиды пластинчатые тела, которые затем отделяют фосфорлипиды в альвеолярное пространство’.

В русских медицинских текстах, как и в немецких, нами было проанализированы существительные в роли подлежащего пассивных предложений. В результате анализа было выявлено также четыре группы существительных. **Первая** группа – имена, называющие абстрактные понятия, обозначающие признаки, которые могут изменяться в организме человека или животного в связи с болезнью или выздоровлением: *Arbeitsunfähigkeit*, *Plastizität*, *Aktivität*, *Niedrigkeit*, *Empfindlichkeit*, *Resistenzfähigkeit*. Количество таких существительных составило 35%. Все они являются производными от прилагательных. Например: «*Соответственно увеличивается чувствительность его к гуморальным раздражителям (CO₂) и нервным стимулам*» [Абросимов, 1990, с. 190]. **Вторая** по величине группа – существительные, обозначающие медицинские термины (названия болезней и синдромов) – составила 25,8%: *Asthma*, *Infarkt*, *Neurose*; *Bronchospasmus* (*Bronchokonstriktion*), *Apnoe*, *Hyperreaktivität*. Например: «**Бронхоспазм**, вызываемый у них

нагрузкой, тормозится инталом, но не антихолинергическими веществами» [Абросимов, 1990, с. 143]. Третья группа – имена, называющие абстрактные понятия, идеальные и познавательные образы реальной действительности – составила 22,7%: *данные, оценка, методы, методика; классификация, интерес, гипотеза*. Например: «В последние годы разрабатываются **методы** и тщательно изучается **опыт** медикаментозного лечения в климактерическом периоде; особенно важное значение придается проведению заместительной гормонотерапии» [Сметник и др., 1988, с. 11]. В четвертую группу вошли медицинские термины, обозначающие названия химических соединений, участвующих в жизнедеятельности человека, и названия клеток человеческого организма, а также названия лекарственных веществ (вещественные существительные) – 10,6%: *пептиды, антагонисты, гистамин; эозинофилы; аналептики, интал*. Например: «В качестве противоастматических препаратов предлагаются **антагонисты** кальция, ингибирующие его проникновение в гладкую мускулатуру легких» [Абросимов, 1990, с. 217].

Таким образом, основную часть существительных, выступающих в качестве субъекта пассивной конструкции, составляют имена, называющие абстрактные понятия, что подтверждает стремление авторов научных текстов к обобщениям, синтезу. В медицинских текстах субъект чаще всего имеет неперсональный характер, обозначая не индивидуальное лицо или предмет, а лицо или предмет, являющиеся представителями некоторого множества.

Библиографический список

1. *Гречко, В.К.* Синтаксис немецкой научной речи: Элементарное предложение [Текст] / В.К. Гречко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985.
2. *Хвесько, Т.В.* Категория неопределенности в научной медицинской литературе [Текст] / Т.В. Хвесько, Н.В. Латышева // Медицинская наука и образование Урала. – Тюмень : Изд-во ТюмГМА, 2009. - №2. – Вып. 2. – С.153-154.

derbina_i@mail.ru

Джаманова Н.В., Новосибирск (Россия)

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНОМАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА -ness В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ФАУЛЗА

Одним из продуктивных аспектов исследования художественного текста в современной лингвистике является рассмотрение его с точки зрения концептуально-когнитивной организации, то есть в неразрывной связи с сознанием автора текста. При таком подходе внимание исследователя концентрируется на том, что в тексте репрезентируется «индивидуальное ментальное содержание», которое естественным образом реализуется в вербальной форме выражения. По словам В.А. Пищальниковой, «интерпретация языковых выражений в концептуальной системе реципиента осуществляется одновременно и как процесс осмысления зафиксированных в вербальном коде авторских смыслов, и как эстетическое осмысление (интерпретация) самого вербального кода» [Пищальникова, 1991, с. 43]. Таким образом, анализируя языковые средства, выбранные автором художественного произведения, мы приближаемся к пониманию личностных смыслов писателя или поэта, приобретаем представление о сложной и сугубо индивидуальной концептуальной системе.

Приступая к анализу языковых средств в произведениях Дж. Фаулза – одного из классиков современной мировой литературы – мы не можем не обратить внимания на столь яркое языковое явление как *аномалия* – довольно логичное языковое проявление постмодернистского сознания. В самом кратком виде аномалии характеризуются как «разного рода <...> отклонения и девиации на фоне стандартного языка, которые функционально нагружены, то есть являются средством выражения особой эстетической интенции автора» [Радбиль, 2006, с. 309].

Анализируя языковые аномалии в романном творчестве Дж. Фаулза, мы зафиксировали, что самым продуктивным способом образования аномалий на лексическом уровне является суффиксация; при этом самым продуктивным является суффикс *-ness*. Это высокопродуктивный суффикс имен существительных в английском языке в целом, и он обладает высокой комбинаторной способностью. Однако, как отмечает Р.А. Киселева, индивидуальность новообразования проявляется в сочетании уже имеющихся аффиксов с непривычными для них основами, то есть обязательным условием является «неожиданная валентность» [Киселева, 1970, с. 6-7].

Обычно суффикс *-ness* присоединяется к основе имени прилагательного – и это то, что мы называем его типичной валентностью. Однако у Дж. Фаулза мы наблюдаем сочетаемость этого суффикса с числительным: “*I noticed the **twoness** of the tea-table, and stood by the corner, embarrassed, aware of a trite English desire to sneak away*” [Mag], или: “*Lamaism – to achieve **oneness** with God*”; с предлогом: “*Man is an everlack, an infinite **withoutness**...*” [Aris]; с местоименной основой: “*But this I mean not only “nobody” but also the state of being nobody – “**nobodiness**”* [Aris]. Последний пример вскрывает когнитивный потенциал большинства аномальных существительных Дж. Фаулза, образованных с помощью суффикса *-ness*, – создание новых абстрактных понятий, или новых названий уже существующих понятий. Эти аномальные образования обладают огромным

экспрессивным зарядом, они останавливают внимание читателя, привлекая его к ключевым концептам текста, тем индивидуальным смыслам, которые так важно донести писателю.

Суффикс *-ness* также образует аномалии, сочетаясь с основами, представленными причастием настоящего и прошедшего времени, что также представляет собой случаи неожиданной валентности. Автор сам подчеркивает отсутствие необходимого ему слова в нормативном языке (в этом случае мы получаем так называемую «аномалию с атрибуцией»): “... *that is (we lack an exact word for it), the ability to feel and venerate the existingness in things*” [Worm]. В следующем примере понимание аномалии с причастием прошедшего времени в качестве основы, осложняется тем, что к традиционному потенциалу абстрактного значения добавлена морфема множественного числа: “*Second meanings hung in the air; ambiguities, unexpectednesses*” [Mag]. Автор подчеркивает напряженность ситуации, когда главный герой романа «Волхв» Николас Урфе пытается разузнать у своего коллеги про таинственный остров Фракос, на который он собирается отправиться. Читатель тем самым проникается духом неизведанного, а также понимает, что вместе с главным героем его ждет не одна неожиданность по ходу развития действия романа.

В качестве основы для аномалии с суффиксом *-ness* может также служить наречие. Например: “*I was trying to emphasize the importance of the now. The **nowness** of any given point in time is pure and virginal*” [Worm]. В приведенном примере когнитивный потенциал аномалии *nowness* огромен. Дело в том, что здесь мы сталкиваемся с одним из ключевых концептов всей концептуальной системы Дж. Фаулза, с концептом, который реализуется в той или иной форме во всех его произведениях. *Nowness* – это прелесть существования в данный момент, которая обладает удивительной новизной и простотой, это радость бытия сейчас, которую так сложно осознать. Во всех произведениях – романах или философских эссе – Дж. Фаулз призывает осознать счастье текущего момента, не гнаться за эфемерным, а ценить то, что реально существует рядом с нами – природу, людей, саму жизнь.

Большим когнитивным потенциалом обладают также аффиксальные образования, в которых суффикс *-ness* присоединяется к основам, уже претерпевшим деривационные процессы: “*She threw a look back, a shy one, as if she had been saving up this truth about herself, this rootlessness, **homelandlessness**, which she knew was also a truth about me*” [Mag]. Как мы видим, существительное *homelandlessness*, очень емко выражает сложное абстрактное представление об отсутствии принадлежности к такому важному для каждого явлению как Родина, дом в самом широком смысле этого слова. И будучи образованным от сложного слова, уже осложненного деривационным процессом (суффикс *-less*), данная аномалия представляет собой случай аналогии с предыдущим существительным. Явление аналогии играет важную роль в языке, и не менее важной представляется роль аналогии при образовании языковых аномалий. По словам Л.А. Козловой, аналогия на словообразовательном уровне имеет двойственный характер, она «с одной стороны, выступает как средство упорядочения и систематизации лексических единиц, а с другой, способствуя созданию новых, необычных единиц <...>, лежит в основе продуктивной, лингвокреативной деятельности [Козлова, 1998, с. 70].

Именно о лингвокреативной деятельности мы говорим, когда анализируем такие примеры языковых аномалий, как слово *heartlessness*, которое, очевидно, образовано по образцу существующей в языке единицы *heartedness*, однако несущей в себе противоположный «семантический заряд». Аналогия с существующим словом дает читателю, с одной стороны, подсказку к пониманию аномалии, а с другой, подчеркивает когнитивный потенциал образованной единицы с ярким негативным значением жестокости, бессердечия, бездушия.

Итак, проанализировав некоторые примеры авторских аномалий в произведениях Дж. Фаулза, образованных с помощью продуктивного суффикса *-ness*, мы оценили их богатый когнитивный потенциал, их необычность и яркость по отношению к существующим лексическим единицам языка, а также емкость и индивидуальность выражаемых ими понятий. Мы также кратко рассмотрели фактор аналогии при образовании языковых аномалий, который дает читателю некий ключ к пониманию нового слова, но при этом несет в себе и прелесть осознания новизны. Каждая аномалия Дж. Фаулза удивительна и неповторима, как удивительно и неповторимо создающее ее творческое сознание.

Библиографический список

1. Киселева, Р.А. Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции: автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Р.А. Киселева. – Л., 1970.
2. Козлова, Л.А. Роль фактора семантической аналогии в процессах функциональной переориентации частей речи (на материале английского языка) [Текст] / Л.А. Козлова // Семантика и прагматика текста. – Барнаул, 1998. – С.69-74.
3. Нухов, С.Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное [Текст] / С.Ж. Нухов. – Уфа, 1997.
4. Пищальникова, В.А. Концептуальный анализ поэтического текста [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1991.
5. Радбиль, Т.Б. Концепт игры в аномальном художественном дискурсе [Текст] / Т.Б. Радбиль // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М. : Индрик, 2006. – С. 308-316.
6. Fowles, J. The Aristos [Text] / J. Fowles. – L. : Vintage, 2001.

7. Fowles, J. The Magus [Text] / J. Fowles. – L. : Vintage, 2004.
8. Fowles, J. The Wormholes [Text] / J. Fowles. – N. Y. : Henry Holt and Company, Inc., 1998.

livetolive@rambler.ru

Добричев С.А., Барнаул (Россия)

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В КОНВЕРСНЫХ СТРУКТУРАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Как показывает анализ художественных текстов англоязычных авторов, в ряде случаев при выборе траектории описания потенциально конверсной ситуации необходимо учитывать аспектуально-темпоральные характеристики актуализируемого конверсного предиката.

Видо-временные формы конверсных предикатов, отражающие темпоральную локализацию действия в тексте, играют ведущую роль в развертывании временного континуума, традиционно членяемого на прошедшее, настоящее и будущее. Данные диктменно-контекстологического анализа показывают, что конверсная репрезентация событий может осуществляться в каждой плоскости данной темпоральной триады, однако конверсные отношения в ретроспекции оказываются более симметричными и сбалансированными в плане семантической и коммуникативной равноправности конверсантов, чем отношения, описываемые в рамках настоящего и будущего времени. Это отличие находит своё объяснение с точки зрения естественной логики событий. Ретроспекция подразумевает в первую очередь определенную фактуальность какого-либо происшедшего уже события, позволяющую интерпретировать его в более или менее равной степени с позиции одного из участников. Отношения же текущего настоящего и вероятностного будущего, выражающие общую незаконченность действия, в гораздо большей степени зависят от доминантной роли одного из участников, его инициативы, активности, желания и т.д.

Кроме того, использование, например, в некоторых контекстах индефинитной формы настоящего времени глагола-конверсива *sell* “размывает” один из базовых критериев конверсных преобразований – двойную импликацию, в результате чего нейтрализуется облигаторность конверсных отношений. Так, например, постулируемое Ч. Филлмором наличие конверсных отношений в паре предложений *John sells roses to schoolgirls – Schoolgirls buy roses from John* можно, на наш взгляд, подвергнуть сомнению и доказать, что возможность конвертирования, т.е. описания ситуации с точки зрения покупателей, здесь носит не строгий, а вероятностный характер.

Аналогичное явление возникает при смене вида конверсной глагольной формы, а именно, при использовании прогрессива (континуатива) вместо общего вида. Если синтаксические структуры *Charles sold a car to Paul* ↔ *Paul bought a car from Charles* различаются семантически лишь по наличию семантической “добавки” (surplus) “активность” у одного из участников завершённой сделки, являющейся нерелевантной для понимания ситуации как единого, целостного события, то в другой паре структур *Charles was selling a car to Paul – Paul was buying a car from Charles* различие между двумя предикатами и, соответственно, двумя структурами, является, безусловно, семантически релевантным. Стержневым пунктом данного различия является отсутствие двусторонней импликации и отношения симультанности между коррелирующими конструкциями, что выводит их за рамки истинных конверсных структур, придавая им статус квазиконверсных преобразований.

Следует также отметить, что в ряде диктем с конверсными предикатами в индефинитных и континуальных формах один из прототипических конститuentов ситуационного фрейма не просто “уходит в тень” (как это нередко бывает при употреблении глагольных конверсивов для описания конкретной ситуации передачи-приобретения в форме простого прошедшего времени), приобретая статус неопределённого референта, а становится весьма условным и гипотетическим, например:

- 1) “*There’s a trader along the front who has rooms that he rents,...*” (Maugham, 1977, 34);
- 2) “*You’re selling bonds, aren’t you, old sport?*” “*Trying to*” (Fitzgerald, 1977, 56).

В некоторых диктемах подобная темпорально-видовая репрезентация конверсных предикатов в сочетании с другими факторами приводит к нейтрализации таких, например, концептуальных признаков, как “локализованность во времени” и “однократность действия”, присущих акциональным глаголам и соответственно наделяет данные глаголы-конверсивы другим системным значением, а именно, “обобщенно-референтное воздействие на объект”, что дает основание определять их уже как глаголы свойства, или квалификативные глаголы (Болдырев, 2001, 45), например:

- 3) “*I talk to the American gentleman at my table. He sells typewriter ribbons*” (Christie, 1976, 105);
- 4) “*Apparently they’re selling these cases of whisky at three pounds*” (Mackenzie, 1971, 149).

В вышеприведенных отрезках текста при отсутствии (как эксплицитно, так и имплицитно) в структуре высказывания конкретного участника конверсной ситуации передачи-приобретения – реципиента проблема выбора одного из конкурирующих конверсных предикатов практически не стоит. Здесь фактически имеет место нейтрализация конверсности при помощи языковых средств и механизмов, среди которых важную роль

играют грамматические формы глагольных предикатов. Актуализированный конверсный глагол, составляющий симметричную семантически паритетную пару со своим коррелятом на парадигматическом уровне, репрезентирует максимально несимметричное отношение между конверсантами на синтагматическом уровне, описывая не конкретную ситуацию реального мира, а либо обобщенную ситуацию, либо квалификативный признак одного из актантов.

Что касается выбора конверсного предиката для описания ситуаций и событий будущего, то здесь в большинстве случаев существенную роль играют концептуальные признаки активности и волитивности субъекта, актуализируемые формами будущего времени. При этом в позиции исходной точки конверсных отношений доминируют местоимения первого лица *I* и *we*, имеющие статус прототипического подлежащего, что также является релевантным при выборе соответствующего глагола, например:

5) *“New Year’s Eve is amateur night. We’ll spend it at the loft. I’ll buy balloons, a small package of confetti, and two funny hats”* (Sanders, 1988, 314);

6) *“You want to work in my metal shop on a rocket, you’re welcome. I’ll sell you that metal for five hundred dollars”* (Bradbury, 1981, 100);

7) *“I’ll borrow a vacuum-cleaner tomorrow and vacuum this rug”, Sherman said, who was still concerned about the furniture* (McCullers, 1965, 73).

Применение метода трансформационного эксперимента показывает смысловую и коммуникативную невозможность альтернативного использования в вышеприведенных фрагментах текста конверсных структур с соответствующими глагольными коррелятами.

Возведение же в ранг подлежащего третьего лица “смягчает” жесткую одновекторность отношения и имплицитно потенциальную конверсную альтернативу, ср.:

8) *“Perhaps he’ll lend me enough to carry on with my hotel until the tourists return”* (Greene, 1974, p. 203).

Отмеченные закономерности заданного вектора отношения, предопределяющего интенцию действия, наблюдаются также при использовании конверсных предикатов в формах сослагательного наклонения, ср.:

9) *“I would advance you the money, James, but...” He shrugged hopelessly* (Abraham, 1972, p. 75);

10) *“They don’t have to steal. I would have given them money if they need money”* (Cheever, 1980, p. 54).

Обозначив лишь некоторые типичные случаи зависимости конверсных альтернатив от видовременных форм глагола, мы полагаем, что проблема соотношения широкого спектра аспектуально-темпоральных характеристик конверсных предикатов и степени их конвертируемости требует специального исследования.

Библиография

Болдырев, Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания [Текст] / Н.Н.Болдырев // Известия АН : Серия литературы и языка. 2001. Том 60. № 2. – С.40-55.

Список источников иллюстративного материала

1. Abraham, C. The Onedin Line [Text] / C. Abraham. – London, 1972.
2. Bradbury, R. A Medicine for Melancholy [Text] / R. Bradbury. – N. Y., 1981.
3. Cheever, J. Selected Short Stories [Text] / J. Cheever. – Moscow, 1980.
4. Christie, A. Selected Stories [Text] / A. Christie. – Moscow, 1976.
5. Fitzgerald, F. The Great Gatsby. Tender is the Night. This Side of Paradise. The Beautiful and Damned. The Last Tycoon [Text] / F. Fitzgerald. – London, 1977.
6. Greene, G. The Comedians [Text] / G. Greene. – London, 1974.
7. Mackenzie, J. Whisky Galore [Text] / J. Mackenzie. – London, 1971.
8. Maugham, S. Rain and Other Short Stories [Text] / S. Maugham. – Moscow, 1977.
9. McCullers, C. Clock without Hands [Text] / C. McCullers. – London, 1965.
10. Sanders, L. The Timothy Files [Text] / L. Sanders. – N. Y., 1988.

dsa@uni-altai.ru

Долгова И.А., Самара (Россия)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИНАМИЧЕСКОГО АСПЕКТА МАКРОСФЕРЫ «ОТНОШЕНИЕ»

Макросфера «Отношение» наряду с действием и состоянием выявляет категориальные признаки действительности и является инструментом познания мира. Главной характеристикой межличностных отношений, в отличие от деятельности и состояния, является бинарность, т.е. наличие двух субъектов или субъекта и объекта отношения. Это качество определяет его структуру, состоящую из трех компонентов: СУБЪЕКТА, ОБЪЕКТА, или ВТОРОГО СУБЪЕКТА, и ОТНОШЕНИЯ. Наряду с глаголами в прямом значении, обозначающими динамику конкретных видов отношений (*полюбить, поссориться, помириться*), эту

сферу интерпретируют устойчивые глагольно-именные сочетания, метафорически переосмысляющие имеющиеся в языке номинативные средства.

В данной статье речь пойдет о возможностях устойчивых словосочетаний, реализующих стертые метафоры, которые позволяют многообразно интерпретировать процессы практически любой сферы человеческого существования за счет варьирования лексического наполнения субъектной и локальной позиций.

Система средств выражения динамики отношения организуется двумя семантическими оппозициями, наиболее абстрактно выражаемыми глагольно-именными сочетаниями: а) *сойтись с кем-либо – разойтись с кем-либо* (*свести кого-либо с кем-либо – развести кого-либо с кем-либо*) и б) *войти в отношения – выйти из отношений*. Глагол движения является организующим звеном пропозиции, так как его синтаксическая валентность определяет возможность формирования конструкций, эксплицирующих двусубъектные или субъектно-объектные отношения. Лексическое наполнение локальной позиции при глаголе движения позволяет дифференцировать сферу отношения от состояния и деятельности, а также конкретизировать тип отношения.

Собственно пространственные отношения «сближение» и «удаление», т.е. *сойтись с кем-либо – разойтись с кем-либо*, в данном случае оказываются базовыми. В этом случае локальный ориентир называет второго субъекта отношения, а метафорическое выражение интерпретирует двусубъектные отношения (дружбу, приятельство, любовные, семейные, сексуальные отношения). Окружающий контекст уточняет характер отношений, диапазон которых чрезвычайно широк, ср.: *Какая она чудная у тебя, эта Тоня твоя. Боттичеллевская. ...Я с ней страшно сошлась* (Пастернак) – *На съемках мы с Ирочкой и Верой очень дружили! ...Потом мы как-то разошлись* (Рязанова); *Мы сходились с тобой на совместную жизнь. ...Надо быть вместе, когда плохо – вот для чего люди сходятся* (Распутин) – *Мы ушли друг от друга уже довольно давно – где-то весной приняли решение о том, что расстаемся* (КП. 10.09.04). Ключевым компонентом, указывающим на отношения между субъектами, является расстояние между ними: о расположении к контакту сигнализирует притяжение субъектов, о налаживании отношений – сокращение расстояния, о разобщении - удаление и отталкивание.

При реализации второй базовой оппозиции (*войти в отношение с кем-либо – выйти из отношения с кем-либо*) локус в большинстве случаев ассоциируется с отношением, представленным в абстрактном виде: *конфликт, контакт, дружба, немилость, опала, зависимость, брак, семья, дом, объятия, жизнь* и под., и расширяется за счет предложно-падежных форм *с + Тв.п., к + Д.п.*, например: *Павел Павлович Решиников, тоже фронтовик, трижды раненный, награжденный орденами, с ходу вошел в конфликт со школой* (Тендряков); *Он ценил в Бергмане ум, готовность пойти на конфликт с начальством...* (Гроссман); *Один из главных членов клана - алюминиевый король Дерипаска, супруг дочери Юмашева Полины - вошел в Семью [Ельциных] отнюдь не сразу* (КП. 5.06.03); *Из страха попасть в немилость к Пугачевой в шоу-бизнесе никто не рискует называться еще одной Аллой* (КП. 21.12.06); *На совместных посиделках полузащитник неожиданно-негаданно попал под плотную персональную опеку. И теперь приносит полчку жене Веронике...* (КП. 24.07.03); *А Сара [Семендужева] выпорхнула из-под его [мужа] опеки* (КП. 19.10.06); *...уж эта из-под власти не выйдет. Слово, милая свашенька, воперек боится сказать* (Шолохов). Наблюдается спецификация грамматического оформления локальной позиции при выражении различных типов отношения. В частности, различия в грамматическом оформлении локуса конструкций *впасть в немилость* и *попасть под контроль* указывают на уровень зависимости семантического объекта отношения от семантического субъекта: во втором случае подчеркивается полная зависимость. Эта семантика формируется ориентационной метафорой, которая репрезентируется конструкцией с предлогом *под*, в прямом значении именуя пространственные отношения «ниже чего-нибудь, со стороны нижней части», а в переносном иерархические. Кроме того, в локальной позиции называются отношения (*опека, контроль*), которые подразумевают доминирующее положение семантического субъекта. В конструкции *впасть в немилость* ту же ориентационную метафору воплощает глагол.

Функционирование метафорической модели перемещения в пространстве в сфере отношения связано с тенденцией к расширению состава глаголов (за счёт лексем *сойтись* и *разойтись*) и типов конструкций исходной локальной позиции с целью характеристики отношений между двумя субъектами – введением новых предложно-падежных форм, которые в разной степени сохраняют семантическую связь с локальной позицией. Речь идет о конструкциях типа *пойти навстречу кому-либо, сойтись – разойтись с кем-либо* (ср. *сойтись с кем-либо у колодца*), *войти в конфликт с кем-либо, пойти на уступки кому-либо* (ср. *уступить дорогу кому-либо*). Эти конструкции коммуникативно необходимы в том случае, когда в позиции грамматического субъекта обозначен лишь один из участников ситуации – один из двух субъектов отношения либо объект отношения. Для обозначения второго участника ситуации используется одна из вышеназванных конструкций, например: *...не то чтобы мама всегда шла у нас на поводу, но она всегда шла нам навстречу* (Райкин); *Хозяйка заведения ... с охотой пошла навстречу его предложению* (Куприн). Форма *с + Тв.п.* выражает значение связи, объединенности теми отношениями, которые названы существительным в локальной позиции (*войти в контакт / в конфликт с кем-либо, пойти на разрыв с кем-либо*) либо глаголом движения (*сойтись – разойтись с кем-либо*).

При интерпретации динамики отношения важны пространственные характеристики локуса. С трассой (Ср. *пойти по верному пути/ верным путем*) могут ассоциироваться отношения: любовные, дружеские,

семейные, общественные, способ (инструмент) установления отношения (*сойтись характером*). При параметризации двусубъектных межличностных отношений трасса ассоциативно соотносится с жизнью человека и репрезентируется лексемой *жизнь* либо лексемами, называющими события, ср.: *пройти жизнь вместе, пройти войну вместе*.

Материал, интерпретирующий динамику отношений посредством метафорической модели перемещения в пространстве, включает такой вид конструкции, который является результатом варьирования ассоциативных связей компонентов структуры отношения. Позиция грамматического субъекта заполняется наименованием отношения (*любовь, распря, унижение, отчужденность, противостояние, расположение* и др.), локальная позиция называет стадию отношения (*отношения зашли в тупик*), объект (*моя любовь летит к тебе*) или субъект отношения (*ко мне пришла любовь*). При этом роль участников нейтрализуется, так как акцент ставится на динамике релятивной ситуации.

Особую группу представляют выражения, грамматический субъект которых реализует значение трассы, репрезентируемой лексемами *путь, дорога, дорожка*. Актуализация трассы наблюдается применительно к оппозиции *сойтись – разойтись*. При этом трасса ассоциативно соотносится с жизнью человека, пересечение или совпадение дорог представляет релятивную ситуацию, ср. корреляты *они сошлись / сблизились – их дороги сошлись / сблизились*.

Каузативные конструкции последовательно реализуют первую семантическую оппозицию, организующую средства выражения отношений: *сойтись с кем-либо – разойтись с кем-либо* коррелирует с *свести кого-либо с кем-либо – развести кого-либо с кем-либо*, например: *Их свели небеса* (КП. 4.07.07) – *...судьба развела в разные стороны ее и человека, которого она искренне любила* (КП. 22.10.07). Вторая оппозиция представлена гораздо реже и репрезентируется конструкцией *привести кого-либо к отношению*: *Он не раз уязвлял Таню своим превосходством ... Привело это к легкой обиде с последующим примирением...* (Улицкая).

Итак, метафорическая модель перемещения в пространстве чрезвычайно продуктивна при интерпретации динамического аспекта межличностных отношений (дружбы, духовного родства, приятельства, любовных, сексуальных, семейных отношений), при этом ассоциативно соотносятся компоненты *субъекты отношения – перемещающиеся лица, отношение – локальный ориентир или трасса*.

Список источников иллюстративного материала

1. Гроссман, В.С. Жизнь и судьба [Текст] / В.С. Гроссман. – Куйбышев : Куйбышев. кн. изд-во, 1990.
2. Комсомольская правда [Текст] / газета. 2001 – 2007. – Ежедневн. (КП).
3. Куприн, А.И. Яма [Текст] / А.И. Куприн. – М. : Худож. лит, 1993.
4. Пастернак, Б.Л. Доктор Живаго [Текст] / Б.Л. Пастернак. – Вильнюс : Вага, 1988. – Кн. II.
5. Райкин, А. Воспоминания [Текст] / Аркадий Райкин. – СПб : Культ-информ-пресс, 1993.
6. Распутин, В. Уроки французского [Текст] / В. Распутин. – М. : Худож. лит, 1987.
7. Тендряков, В.Ф. Шестьдесят свечей [Текст] / В.Ф. Тендряков. – М. : Известия, 1985.
8. Шолохов, М.А. Тихий Дон [Текст] / роман: в 4 кн. Кн. 1 и 2 / М.А. Шолохов. – Н. Новгород : Волго-Вятское кн. изд-во, 1993.

baryshko@mail.ru

Доценко Д.В., Красноярск (Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА 'ВЕРА' В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С позиций когнитивной лингвистики язык предстает системой, обладающей своей структурой, перерабатывающей внешние для сознания впечатления в смыслы, которые находят свое выражение и закрепляются в знаковой среде. Речь и речевая деятельность рассматриваются в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса. Кроме того, они также исследуются с точки зрения этнопсихологической детерминированности языкового сознания и коммуникации. Каждый язык отражает в своей структуре и семантике основные параметры мира (время и пространство), восприятие окружающего мира, его оценку, - т.е. универсальные свойства модели мира. Наряду с этим национальную картину мира отличает степень отражения основополагающих категорий бытия. Н.Д. Арутюнова включает в число существенных компонентов ключевые концепты культуры: понятия духовной сферы, оценок, стихийных состояний человека [Арутюнова, 1980].

Невыясненным остается вопрос о соотношении статического и динамического в характере концептуальных образований. Е.С. Кубрякова определяет концептуальную систему как динамическое образование, которое «постоянно находится в состоянии развития и оперативной подвижности» [Кубрякова, 1994, с. 16]. С другой стороны, Е.Я. Режабек указывает, что «в поведении общественного человека традиция перевешивает инновацию», что «коллективный опыт может быть только прошлым по отношению к использованию его индивидом» [Режабек, 2003, с. 25].

Сознание средневекового человека по структуре находится как бы на переходе от первобытного мышления с его мифологической составляющей и современным логическим, понятийным мышлением. «Вся история мифа – это история «редукции» фидейного сознания под натиском рационально-логического мышления» [Никитин, 1996, с. 57]. Мифологическое мышление представляется особым видом мироощущения, которое включает в себя чувственное, образное понимание природных феноменов и фактов общественной жизни.

Усвоение новой христианской религиозной и культурной традиции не могло не привести к изменению традиционной для североевропейского региона языческой мировоззренческой парадигмы. Этот сложный процесс должен был занять много времени, и целые поколения людей жили в обстановке сосуществования мировоззренческих установок язычества и христианства. Характер такого взаимодействия следует искать в зафиксированном в письменных памятниках корпусе языческой лексики, репрезентирующей «старые» концепты. В эпоху христианизации происходит вытеснение из языка исконных слов, связанных с реалиями языческого культа. Тем не менее, многое из старого сакрального и мировоззренческого словника стало частью новой терминологической системы, подвергшись переосмыслению [Ганина, 2001, с. 5].

Анализ слов со значением «верить», «вера» с использованием словаря М.М. Маковского позволяет предположить, что в основе осмысления и номинации веры древним мышлением лежит физическое действие, а именно, принесение жертвы объекту поклонения, в качестве которого выступает то или иное сверхъестественное существо [Маковский, 1996, с. 71].

Принимая во внимание данные лексикографических источников, можно констатировать, что в эпоху общегерманской общности и ранний период пребывания союза западногерманских племен в Британии вера, будучи сложным эмоционально окрашенным этическим феноменом (телеономным концептом по С.Г. Воркачеву) осмысливалась в первую очередь через связанные с ней ритуальные действия, т.е. физические манифестации веры.

Дальнейшее развитие комплекса признаков, лежащих в основе номинации древнеанглийского концепта '*Вера*' или '*Geleafa/Leafa/Treow*' (по именам центральных элементов), определяется столкновением между первоначальным языческим комплексом мировоззренческих установок и христианской религиозной парадигмой, а также и латинской ученостью, благодаря которой оказалось возможным письменно зафиксировать англосаксонскую устную традицию. Кроме того, большинство произведений, сохранившихся до настоящего времени, были созданы как раз в этот переломный период, представляя собой выражение уникального сплава древних языческих представлений и новой веры.

Основным методом исследований в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии является концептуальный анализ, предполагающий многоступенчатый, комплексный подход: гештальтный анализ применяется наряду с контекстуальным, дефиниционным и сравнительным методами. В общем смысле под концептуальным анализом понимается способ исследования, фиксирования и объяснения представлений и понятий носителя языка. Это метод формализации того, «что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается языком в действии, т.е. речью» [Чернейко, 1996, с. 23]. Цель концептуального анализа заключается в раскрытии всех знаний (представлений, образов, гештальтов), характерных для конкретной культуры. Собственно гештальтный анализ представляет собой буквальное прочтение семантической сочетаемости имен, в ходе которого вычлняются имплицитные признаки в концептуальном содержании ментальных конструкторов (концептов).

В качестве примера такого исследования был выбран концепт '*Ge-treowp*', не принадлежащий к числу ядерных в древнеанглийской концептосфере '*Вера*'. Данный концепт, репрезентированный лексемой *ge-treowþ*, вербализуется как в религиозных, так и светских контекстах. Дефиниционный анализ выявил отличия в содержании данного концепта от ядерных, а именно, вместо *вера* как *склонность полагаться на кого-то \ что-то* обнаруживается оценочное *вера – верность (господину или данному слову)*. Концепт '*Ge-treowp*' широко распространен в текстах религиозной тематики при описании сферы отношений между людьми: *Freōnda gehwīlc mid rihtan getrywðan oðerne lufige; друга каждого с правую верой (как должно) возлюби [Ll. Th. i. 350, 13]*. В данном контексте актуализируется имплицитный признак *схема поведения*, который прослеживается и в контекстах, описывающих отношения человека и божества: *Ānum cunehlāforde holdlice hýran, and georne hine healdan mid rihtan getrywðan; одного бога верно слушаться и истово ему внимать с правой верою [Ll. Th. i. 314, 12]*. Данный признак зачастую усиливается в случаях употреблением при субстантивной лексеме прилагательного *riht* («верный, правильный»). Примечательно, что Ю.С. Степанов в труде «Константы: Словарь русской культуры» со ссылкой на исследования последних лет делает вывод о том, что изначальная линия развития внутренней формы концепта '*Вера*' в период индоевропейской общности, а именно восприятие веры как метафоры с духовным смыслом, возникшей «на основе ритуального материального действия – вынимания внутренней жертвенной животной и отдания их богу», затухает, сменяясь тенденцией, сближающей данный концепт с концептом '*Доверие*' [Степанов, 2001, с. 377]. Можно утверждать, что в случае с концептом '*Ge-treowp*' происходит не изменение смыслового содержания по сравнению с ядерными концептами, а скорее его преломление, вызванное акцентуацией, выходом на первый план восприятия веры именно как своего рода договорных начал с божеством по принципу «ты – мне, я – тебе». В выкристаллизованном виде идея веры-договора прослеживается в светских контекстах, в частности, в

«Англосаксонской хронике» при описании взаимоотношений между государствами Британии и их правителями: *Hér Norðhymbra álugon hira getreówaða*; в тот год Нортумбрия нарушила клятву [Chg. 941; P. 111, 9].

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения [Текст] / Н.Д. Арутюнова // *Аспекты семантических исследований*. – М. : Наука, 1980.
2. Ганина, Т.А. Готская языческая лексика [Текст] / Т.А. Ганина. – М. : Изд-во МГУ, 2001.
3. Кубрякова, Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус [Текст] / Е.С. Кубрякова // *Известия РАН. Сер. Литературы и языка*. – 1994. - № 2. – С. 3-16.
4. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов [Текст] / М.М. Маковский. – М. : Гуманитарный исследовательский центр «Владос», 1996.
5. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики [Текст] / М.В. Никитин. – СПб. : Научн. центр проблем диалога, 1996.
6. Режабек, Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ) [Текст] / Е.Я. Режабек. – М. : Едиториал УРСС, 2003.
7. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001.
8. Чернейко, Л.О. Имя «судьба» как объект концептуального и ассоциативного анализа [Текст] / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. – 1996. - №6. – С.21-41.

Список источников иллюстративного материала

1. *Bosworth, J.* An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth, ed. by T.N. Toller [Text] / J. Bosworth. – Oxford, 1898.
2. The Anglo-Saxon Chronicle [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.britannia.com/history/docs/asintro2.html>
3. The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>

dmitchina@gmail.com

Дронова Л.П., Томск (Россия)

КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

Формирование представления об антропоцентричности языка как преломлении реального мира в сознании субъекта и фиксации его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов, моделей, заставило пересмотреть соотношение синхронического и диахронического факторов в лингвистике.

Приоритет начинают отдавать диахроническому фактору: механизмы языковых изменений, вариативности, подчиняющейся определенным регулярным тенденциям, – эти причинно обусловленные движущие силы объясняют многие явления, происходящие на синхронном уровне. Лингвокогнитивистика в разных своих направлениях, начиная с теории прототипов и категориальной семантики Э. Рош, пришла к заключению, что возможности семантического развития слова заложены в его исходной семантической структуре и система производных значений есть следствие импликаций исходного значения. Крылатой, можно сказать, стала фраза В.А. Плуменяна конца 90-х годов, что «для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов».

Оборотной же стороной этого широкого интереса к этимологии является значительное увеличение числа случаев некорректного использования материала и предлагающихся решений из этимологических словарей, что ведет в конечном счете к антиисторизму исследований и обесценивает предлагаемые когнитивные построения.

Этот антиисторизм имеет объективные причины: лингвистика много десятилетий была преимущественно «как-лингвистикой», ориентированной на синхронное изучение языка, системно-структурный подход к фактам языка. И многие поколения будущих лингвистов, начиная с вузовского курса «Введение в языкознание», познакомились лишь с приемами структурного метода применительно к разным уровням языка (приемы анализа синтагматических, парадигматических отношений, компонентный анализ семантики и т.д.). В лингвистических вузовских курсах (учебниках), по которым учатся будущие лингвисты, контрастно не представлены процедуры диахронического подхода к языку, аксиоматика современного сравнительно-исторического метода (соотношение внутренней и внешней реконструкции, поэтапность реконструкции – постепенность возведения к архетипу, учет ареальных, типологических и историко-

культурных характеристик изучаемой языковой ситуации и т.д.). Мы уже не однажды обращались к этому вопросу [Дронова, 2009, с. 116-123; 2011, с. 62-64].

При такой подготовке лингвистов и получаем в многочисленных исследованиях концептов представление их эволюции как вытекающее из сопоставления семантики лексем, выражающих этот концепт в современном языке, с реконструированной семантикой индоевропейского корня (!), без промежуточных реконструкций, без внутренней реконструкции, игнорируя разрыв между сопоставляемыми в 5-6 тысяч лет. То есть нет знания специфики собственно реконструкции в компаративистике и ее отграничения от диахронической интерпретации.

Собственно реконструкция предпринимается с целью исторического истолкования соответствий, зафиксированных в фактической данности родственных языков, приводит к построению некоторого архетипа (праформы). В то время как диахроническая интерпретация (термин О. Семереньи) располагает не реальным языковым субстратом, необходимым для выполнения реконструкции, а оперирует только архетипами, используется при желании углубить диахроническую перспективу исследования за счет проникновения в хронологически более отдаленные этапы праязыкового состояния. «Дифференциальный признак архетипа подчеркивает его гносеологическую функцию – служить историческим объяснением реально засвидетельствованных языковых форм, в отличие от конъектурной диахронической интерпретации, уже лишенной этой функции» [Климов, 1988]. А конъектура она и есть конъектура, то есть предположение, догадка без возможности верификации, и требуется пользоваться ею с осторожностью и после собственно реконструкции, выводимой из засвидетельствованных фактов языков (конкретные возможности корректировки диахронической интерпретации результатом исторической реконструкции см. на примере этимологии рус. *благо*, *долг* и др. [Дронова, 2006, с. 53-73; с. 149-157; с. 191-204]).

Важное для когнитивной интерпретации определение типов первичной мотивации в каком-либо семантико-понятийном поле (как выявление влияния когнитивных факторов на возможности семантического развития слова) без обращения к внутренней реконструкции, относительной хронологии языковых фактов, без соотнесенности с определенной историко-культурной ситуацией приводит к результату неверифицируемому, основанному не на анализе системных отношений, а на некоем моменте формального сходства или на установлении «шагов» семантического развития с высоты логико-семантических связей современного носителя языка, подведения под известную мегамодель типа «свой – чужой», «высокий – низкий», реализующие общую оценку «хороший – плохой». Системный характер современному диахроническому исследованию придает ориентация на определение генетических связей определяемого элемента в рамках этимологического гнезда, выявление направлений семантической деривации в нем [Варбот, 1986, с. 33-40; Топоров, 2004, с. 8].

Сложность «встречи» на новом уровне синхронии и диахронии проявляется и в рамках создания синхронно-диахронного направления исследований языка, интегрированного метода. Дело в том, что не меньший урон наносит диахроническому (этимологическому) анализу отсутствие в нем «синхронной» части, то есть если оно не имеет (не учитывает) системного описания особенностей функционирования в современном языке предмета исследовательского внимания. Проявление сложности встречи синхронии и диахронии, с одной стороны, в наличии иллюзии, что достаточно открыть и посмотреть М. Фасмера или Ю. Покорного – и можно определить эволюцию концепта (как этимологически обусловленную). Приведенное в этимологическом словаре значение уже воспринимается не как исследовательский конструкт, а как реальность, историческая данность. Хотя в диахроническом исследовании две синхронические системы избираются не любым образом. Две системы считаются находящимися в отношении диахронии, если между ними устанавливается прямая культурная преемственность (одна система происходит из другой).

С другой стороны, до сих пор продолжает жить иллюзия, что основная задача этимологии – поиски этимона, возведение к какому-н. индоевропейскому корню, и при этом невнимание к системному осмыслению современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений. «Корневые» этимологии не дают никакого реального историко-культурного результата в реконструкции, поддерживают или плодят неверифицируемые гипотезы, исторически необусловленные (ср. яркий пример [Трубачев, 2004, с. 790-793]). Известно ведь, что «подлинный историзм связан с определением последовательности способов моделирования окружающего мира» [Топоров, 1960, с. 51].

Необходимость синтеза результатов синхронного и диахронного анализа языкового материала в исследованиях, нацеленных на рассмотрение эволюционных изменений в этнокультурном знании, не только не отменяет, но и актуализирует одно из основных требований времен противопоставления по-сосюровски синхронии и диахронии: не смешивать факты синхронии и диахронии. В противном случае дискредитируется интерпретационный потенциал когнитивного исследования.

Библиографический список

1. Варбот, Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях [Текст] / Ж.Ж. Варбот // Этимология. 1984. – М. : Наука, 1986. – С.33-40.
2. Дронова, Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект [Текст] / Л.П. Дронова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006.

3. Дронова, Л.П. Синхрония и диахрония: отложенная встреча? [Текст] / Л.П. Дронова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2009. № 3 (7). – С.116-123.
4. Дронова, Л.П. Когнитивные исследования и проблемы исторической реконструкции языка [Текст] / Л.П. Дронова // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании. – М. : Добросвет, Изд-во «КДУ», 2011. – С.62-64.
5. Климов, Г.А. Реконструкция и диахроническая интерпретация в компаративистике [Текст] / Г.А. Климов // Вопросы языкознания. 1988. № 3. – С.9-16.
6. Толстая, С.М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике [Текст] / С.М. Толстая // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. – М. : Индрик, 2003. – С.549-563.
7. Топоров, В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа [Текст] / В.Н. Топоров // Вопросы языкознания. 1960. № 3. – С.44-59.
8. Топоров, В.Н. От автора [Текст] / В.Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. Т.1: Теория и некоторые частные ее приложения. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С.7-10.
9. Трубачев, О.Н. Заметки по старославянской этимологии: *боляринь, врачь* [Текст] О.Н. Трубачев // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С.786-793.

lpdronova@mail.ru

Друкаров М.Е., Новосибирск (Россия)

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В ШВАНКЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

Замысел автора, идею, заложенную в литературном произведении, зачастую несложно понять и объяснить, обратившись непосредственно к рассмотрению особенностей того функционального стиля, в рамках которого это произведение представлено, в нашем случае это литературно-художественный стиль.

Как известно, литературно-художественный стиль – функциональный стиль, который обслуживает эстетическую сферу общения. Используется в литературных произведениях разных родов и жанров: рассказах, повестях, романах, стихах, поэмах, трагедиях, комедиях и т.д. Рассматриваемый нами жанр шванка, конечно же, не является исключением из этого списка.

Рассматривая образные средства в шванке российских немцев как средства отражения картины мира, мы убеждаемся в том, что они в действительности способны дать представление о восприятии окружающей действительности авторами, создававшими эти произведения. Достаточно вспомнить об основной функции литературно-художественного стиля, чтобы это аргументировать.

Основной функцией литературно-художественного стиля является функция эстетического воздействия на адресата. Искусство вообще, и литературно-художественное в частности, направлено не только на познание мира, но и на его переживание, иными словами, не только на мир, но и на человека [Брандес, Провоторов, 2003, с. 98].

С уверенностью можно утверждать, что среди других функциональных стилей литературно-художественный стиль занимает особое положение. Во-первых, этот стиль предполагает использование языковых средств всех других стилей. Однако следует заметить, что эти средства выступают здесь в изменённой функции – в эстетической. Кроме того, в художественной речи могут использоваться не только строго литературные, но и внелитературные средства языка – просторечные, жаргонные, диалектные и т.д., которые также используются не в их первичной функции, а подчиняются эстетическому заданию. Таким образом, данный стиль не является загнанным в строгие рамки ясности, недвусмысленности или клише, как другие функциональные стили, и соответственно даёт гораздо больше свободы в творчестве автора, а значит и обеспечивает более многогранное восприятие и переживание замысла автора читателем.

Художественный стиль сложно представить без таких понятий, как образность, экспрессивность, эмоциональность, конкретность изложения, авторская индивидуальность. Кроме того, для него характерна специфичность использования всех языковых средств. Таким образом, текст в этом стиле воздействует на воображение и чувства читателя, передаёт мысли и чувства автора, использует всё богатство лексики, возможности разных стилей, характеризуется образностью, эмоциональностью речи. Что касается эмоциональности художественного стиля, следует отметить, что при её сравнении с эмоциональностью разговорно-бытового и публицистического стилей наблюдаются весьма существенные различия. Эмоциональность художественной речи выполняет эстетическую функцию, в ходе реализации которой для создания образов применяется всё многообразие языковых средств.

Литературно-художественный стиль по праву заслуживает особого внимания, так как открывает взору чрезвычайно многогранный мир и является крепким связующим звеном между человеческим мышлением и мировосприятием и системой языка во всём её многообразии. Множество исследователей, разделяющих эту

точку зрения, убеждены в том, что художественные образы, созданные средствами языка, являются не чем иным, как выразителями авторского отношения к описываемой действительности.

Приведём в качестве примера одно из рассуждений на эту тему: Основу эстетической, художественной деятельности составляет творчество, т.е. способ деятельности, цель которой – выражение человеком своих сущностных сил, его самовыражение. Своё отношение к действительности писатель реализует в художественных образах. В них дана концентрация мысли через сгустки, мысль непосредственно апеллирует к чувству читателя и поэтому всегда вызывает ответную реакцию [Брандес, Провоторов, 2003, с. 98].

Важнейшей целью создания литературных произведений, в том числе и шванка российских немцев, следует по праву признать освоение окружающего мира по законам красоты, удовлетворение эстетических потребностей, как автора, так и читателя, эстетическое воздействие на читателя при помощи художественных образов. Такие произведения являются хранилищем накопленного жизненного опыта предыдущих поколений, способным показать основополагающие законы бытия и существующий порядок вещей в мире. При этом не только отражается, но и активно формируется восприятие окружающей действительности читателем.

Кроме того, говоря непосредственно о шванке, следует заметить, что этот жанр позволяет проследить исторические предпосылки и особенности развития российских немцев как этноса, изучить особенности их специфического восприятия окружающего мира, их менталитета, ценностей, обычаев и традиций, запечатлеть основные моменты их образного мышления, возникновения стереотипов и социальной адаптации. Также шванк несет в себе ценность исторического памятника, сохраняя тот особый язык российских немцев, который в настоящее время постепенно утрачивает свой вес и значимость в связи с естественным ходом истории и развития общества, а также с большой численностью мигрантов, предпочитающих вернуться на свою историческую родину. Подробнее вопросы соотношения понятий «язык» и «картина мира» рассматриваются нами в одной из статей, посвященных жанру шванка [Друкаров, 2010].

Небезосновательным будет предположение о том, что особую роль в отражении понимания мира российскими немцами играют образные средства, которые используются ими при создании шванка. Попытаемся доказать это, рассмотрев ключевое для данного вопроса понятие – образ.

Вот, например, одно из определений этого понятия: Образ – обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления [Ожегов, Шведова, 1995, с. 427]. Шванк является литературным жанром, в котором фигурируют отдельно взятые персонажи, представители народа, члены общества, проявляющие типичные для всего общества в целом особенности, качества и являющиеся неким обобщающим, собирательным примером всего социума в целом, с его историческими, политическими, мировоззренческими и другими особенностями.

В качестве примера приведём несколько имён персонажей, встречающихся в шванке российских немцев:

(1) *Vetter Heinrich*, (2) *Hannes*, (3) *Iwan Iwanytsch*, (4) *Jegor Jegorisch* [Schwänke von einst und jetzt, 1967].

Как видно, в шванке фигурируют имена собственные как немецкого, так и русского происхождения. Очевидно, что все они являются собирательными образами, причем примеры (1) и (2) олицетворяют важную персону и противопоставляемого ей простолюдина, это заложено в самих значениях имён, которые имеют свою историю развития и употребления, а примеры (3) и (4) представляют собой собирательный образ того или иного уважаемого человека, занимающего определенный социальный пост.

Довольно наглядно понятие «образ» также описывается в следующей энциклопедической статье: «Образ – воссоздание, изображение в художественном произведении любых предметов, объектов: людей, других живых существ, явлений предметного мира (образы природы, образы городов, образы вещей и т. д.). Образ – одна из основных категорий литературоведения. Понятие «образ» не является исключительно литературоведческим термином; оно употребляется и в искусствоведении, и в музыковедении: принято говорить о живописных, скульптурных, архитектурных и музыкальных образах, хотя в архитектуре и музыке не воссоздаются предметы реального мира. Понятие «образ» употребляется также в психологии для обозначения конкретно-чувственных представлений о каких-либо предметах (реальных или воображаемых) в сознании человека» [Литература и язык: энциклопедия, 2007].

Таким образом, шванк российских немцев, являющийся литературно-художественным произведением, представляет собой широкое поле для исследований, где весь арсенал используемых образных средств выступает инструментом передачи всего того, что хотел сказать автор, а значит и всего того, что характеризует и обуславливает целый самобытный мир с его традициями, особенностями и законами – мир российских немцев.

Библиографический список

1. Брандес, М.П. Предпереводческий анализ текста : уч. пос. [Текст] / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003.
2. Друкаров, М.Е. Шванк российских немцев в контексте соотношения понятий «язык» и «картина мира» [Текст] / М.Е. Друкаров // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике : мат-лы IV-й международной научно-практической конференции ; в 2 ч. – Барнаул : АлтГПА, 2010. – Ч. 1. – С. 186-193.
3. Литература и язык: энциклопедия [Текст] / О.С. Асписова и др. – М. : РОСМЭН, 2007.

4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / РАН ; Российский фонд культуры. – М. : АЗЪ, 1995.

Источник иллюстративного материала

Schwänke von einst und jetzt [Text] / Moskau : Progress, 1967.

mih85@yandex.ru

Дудова Н.А., Омск (Россия)

ОПИСАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА 'REGEN'

Одним из главных свойств концепта является его неизоллированность, связь с другими концептами и категориями, поэтому анализ структуры концепта целесообразно проводить в системе принятых категорий. В качестве такой системы можно использовать систему категорий, восходящих к Аристотелю. Эта система, возможно, требует некоторых поправок, касающихся внутренней структуры данных категорий самих по себе, но независимо от этого представляет надёжную основу для дальнейших семиологических категоризаций. Данный постулат, сформулированный Ю.С. Степановым [Степанов, 1981, с. 132], доказан опытом применения категорий Аристотеля в лингвистических исследованиях (О. Есперсен, И.И. Мещанинов, Ф. Брюно, Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова и др.), в том числе и в рамках данного исследования.

Попытки обобщить категории Аристотеля, установить их иерархию неоднократно предпринимались в истории логики и философии. Фактический материал диктует следующее обобщение категорий Аристотеля: т.к. осадки представляют собой, с одной стороны, явление, а, с другой стороны, субстанцию, в данной работе главными категориями выступают категории «Субстанция» (сущность) и «Явление» (действие). Названные категории коррелируют с категориями количества, качества, пространства, времени и отношения. Категории «Положение», «Состояние», «Претерпевание» входят в категорию отношения как в более общую. Наиболее общее отношение, в которое могут быть включены осадки - это отношение «Наличие / отсутствие», которое актуализирует связь осадков с категорией «Бытие». А.И. Варшавская отмечает, что «категория отношения считается наиболее абстрактной, наиболее сложной и менее изученной в философском и лингвистических аспектах» [Варшавская, 1985, с. 6].

В результате анализа словарных и текстовых извлечений с лексемами, номинирующими концепт 'Regen', представляется возможным определить категориальную структуру исследуемого концепта, включающую его через систему более общих когнитивных категорий в немецкую ЯКМ.

Суммирование числа экспликаций даёт цифру, значительно превышающую объём выборки 500 единиц, так как в одном текстовом отрывке может быть отражено несколько когнитивных признаков, например: *Am Morgen und am Vormittag fällt hier wenig Regen [UL]*. В данном текстовом отрывке зафиксированы четыре когнитивных признака: «Вариативен по мере вещества», «Может выпасть в каком-нибудь месте», «Локализация во времени», «Выпадает из атмосферы, с «неба» на Землю (падает сверху вниз)». Приблизительная количественная оценка выражена прономинативом *wenig*, локализация в пространстве реализована при помощи наречия *hier*, локализация во времени – посредством существительного с предлогом *am Morgen, am Vormittag*; движение сверху вниз выражено глаголом *fallen*.

Полученная структура, количество экспликаций признаков, отражённых в словарях и текстах, приведены ниже в Таблице 1. Повторяющиеся категории остаются самими собой, т.е. по-разному проявляются, но сохраняют своё единство.

В результате проведённого исследования было установлено, что концепт 'Regen' обладает сложной категориальной структурой, которая объединяет в себе многообразные компоненты, сводимые к общим категориям «Субстанция», «Явление» и к условной категории «Субстанция + Явление». В парадигматике и синтагматике они соотносятся с глобальными мыслительными категориями «Качество», «Количество», «Время», «Пространство», «Бытие», «Отношение», последняя выявляет содержательные векторы, направленные на понятийные сферы «Деятельность человека», «Другие натурфакты» и «Артефактный мир».

В категориальной структуре концепта 'Regen' выявлено 23 концептуальных признака. К категориальной группе «Субстанция» можно отнести восемь признаков: «Вода в жидком состоянии», «Текучесть», «Может очищать», «Может иметь запах», «Температура», «Может иметь примеси», «Имеет форму капель», «Вариативен по мере вещества».

Категориальная группа «Явление» представлена семью признаками: «Выпадает из атмосферы, с «неба» на Землю (падает сверху вниз)», «Вариативен по степени интенсивности», «Временная протяжённость», «Локализация во времени», «Периодичность», «Имеет начало / конец», «Наличие / отсутствие».

Категориальная группа «Субстанция + Явление» объединяет следующие восемь признаков: «Сопровождается звуком», «Может выпасть в каком-нибудь месте», «Может быть связан с другими натурфактами», «Влияние на деятельность человека», «Неблагоприятные погодные условия», «Можно прогнозировать / предсказывать», «Можно измерять / исследовать», «Разновидность осадков».

Таблица 1.

Категориальная структура концепта 'Regen'

Категории		Концептуальные признаки	Экспликации признаков	
			в словарях	в текстах
Субстанция	Качество	Вода в жидком состоянии		10
		Текучесть		12
		Может очищать		12
		Может иметь запах		4
		Температура		12
		Может иметь примеси	1	4
Количество	Вариативен по мере вещества		107	
Пространство	Имеет форму капель	1		
Субстанция + явление	Отношение	Сопровождается звуком	5	48
		Может быть связан с другими натурфактами		27
		Влияние на деятельность человека		45
		Неблагоприятные погодные условия		27
		Можно прогнозировать / предсказывать	2	10
		Можно измерять / исследовать		4
		Разновидность осадков	3	
Пространство	Может выпадать в каком-нибудь месте	1	6	
Явление	Пространство	Выпадает из атмосферы с «неба» на Землю (падает сверху вниз)	4	46
	Время	Временная протяженность	9	29
		Локализация во времени	2	29
		Имеет начало и конец	1	57
		Периодичность		8
	Количество	Вариативен по степени интенсивности	40	141
Бытие	Наличие / отсутствие	2	21	
		Всего:	71	659

Наиболее частотными являются объективации категории количества и её когнитивных признаков таких, как «Вариативен по мере вещества» и «Вариативен по степени интенсивности». Количество данных признаков

составляет 39% от общего числа экспликаций, что позволяет сделать вывод о высокой степени релевантности категории количества в категориальной структуре исследуемого концепта.

Такие на первый взгляд очевидные признаки концепта 'Regen', как, например, «Вода в жидком состоянии», «Текучесть» частично зафиксированные в текстовых отрывках, совсем не отражены в словарях, что подтверждает положение – об известном не говорят.

Библиографический список

1. *Варшавская, А.И.* Смысловые отношения в структуре современного английского языка : дисс. ... докт. филол. н. [Текст] / А.И. Варшавская. – Л., 1985.
2. *Степанов, Ю.С.* Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / АН СССР. Ин-т языкознания [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1981.

Источник иллюстративного материала

UL – Deutscher Wortschatz [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de/>

nataomsk@yandex.ru

Dobrowolskij D.O., Moscow (Russia)

COGNITIVE APPROACHES TO IDIOM ANALYSIS

Idiom analysis with the help of cognitive methods is a relatively new domain of linguistic research. Strictly speaking, cognitive idiom analysis is not a single whole. Here we are rather dealing with various heuristics used in various fields of analysis in order to achieve results which are not achievable in the scope of traditional phraseology. In general, two principal directions in using cognitive methods within the field of phraseology can be distinguished. Let us label them

- *psychological perspective*, and
- *linguistic perspective*.

Cognitively based research from a psychological perspective is a predominantly empirical approach. Its main aim is to verify certain hypotheses about idiom processing in real time including special factors influencing idiom understanding (for example, the degree of familiarity of a given idiom), as well as hypotheses about mental images underlying idiom processing. This research direction is grounded in cognitive psychology rather than in cognitive linguistics. Its focus lies not on discovering linguistically important features of idioms as special units of the lexicon and not on describing their discursive behaviour, but on various problems of their mental processing.

My talk exclusively concentrates on the second perspective. This *linguistic perspective* is regarded as an application of both cognitive and purely linguistic methods (such as semantic analysis, corpus queries, substitution tests) on phraseological data whereby the cognitive heuristics are meant to extend the explanatory potential of traditional methods. Certain specific semantic and pragmatic features of idioms as well as certain peculiarities of their syntactic behaviour remain unexplained in terms of traditional analysis and have to be taken for usage-based irregularities. But addressing the category of knowledge allows us in many of such cases to find explanations for the given linguistic properties on another level, i.e. on the level of relevant conceptual structures.

The main postulate of cognitive linguistics, from which all its methods and heuristics can be derived, is the idea that there are conceptual structures standing behind the linguistic structures and that, therefore, investigation into linguistic structures has to involve addressing relevant conceptual structures. This basic assumption is what distinguishes the cognitive approach from other directions of linguistic research.

Let us briefly enumerate some current tasks of cognitively oriented idiom research.

- Clarification of the cognitive basis of motivation phenomena;
- Clarification of the function of underlying mental images for idiom usage conditions;
- Exploration of culture-specific phenomena in idiom semantics, in particular their relations to general cognitive mechanisms and their contribution to idiom semantic motivation;
- Elaboration of a metalanguage which would capture linguistically relevant conceptual structures (first of all, traces of the mental imagery that influence the meaning and usage of idioms);
- Investigation into particular semantic categories (among them near-synonymy and polysemy) against a background of cognitive heuristics;
- Clarification of the interconnections between particular properties of idiom syntactic behaviour and their conceptual and semantic qualities.

These problems will be discussed in some detail.

dm-dbrv@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КАРНАВАЛЬНОСТИ

Быстрое развитие компьютерных и информационных технологий, массовое освоение интернета, привнесло в нашу жизнь новую реальность – виртуальную и соответственно новую форму общения – карнавално-виртуальную.

Виртуальная коммуникация многое заимствовала из реальной жизни. В сети, как и в жизни, люди чаще всего разговаривают на бытовые темы в неформальной обстановке. Такое общение характеризуется вольным стилем, как в выборе тем, так и в лексике и орфографии [Горошко, 2005, с.50].

Ирония, пародирование, высмеивание – все это смешалось в сегодняшней виртуальной жизни в виде карнавального действия. Карнавал начинает существовать в виртуальной среде только тогда, когда разрушаются все установленные нормы реальной жизни. Разрушение норм происходит под воздействием огромного числа факторов как лингвистических, так и нелингвистических и маскарадных «эдитов». *Под маскарадными «эдитами» мы понимаем обязательные «аксессуары» реального карнавала, видоизмененные и нашедшие свое применение в интернет.*

Однако в данной статье мы бы хотели остановиться подробнее на лингвистических факторах карнавальности. К лингвистическим факторам, нам кажется, можно отнести так называемый «албанский язык», использование жаргонизмов, сленга, инвективы, безграмотность, использование аббревиатур и усечений, заимствования, вкрапление кириллицы и математических знаков, технические погрешности или опечатки и др. Давайте подробнее остановимся на каждом из них.

Интернет – это особый мир, жизнь в котором существенно отличается от тех других областей, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневности. Живя и общаясь в сети, вы не только получаете новые имена (ники), но и начинаете пользоваться своим особым языком – карнавално-виртуальным. Одной из особенностей карнавално-виртуального языка является использование в своей речи «албанского языка», языка подонков, ПТУ-стайла и др. Как бы мы его не называли, можно сказать одно: ПТУ-стайл вошел в моду и стал уже неким символом принадлежности к культуре виртуального общества.

Особенность «албанского языка» является то, что буквы в словах пишутся не по правилам русского языка. И для носителей этого ПТУ-стайла уже становится важно сделать хотя бы одну ошибку. Именно здесь действует система «без правил», которая заключается в том, чтобы сделать ошибку всякий раз, когда возможно и когда это не повлияет на понимание. По мнению Д. Соколовского [2008], прародителя данного языка, суть ПТУ-стайла сводится к следующему:

- Передача йотированных гласных через сочетание с й: *йазык*.
- Нарушение фонетического принципа русской орфографии. Если в нормальной письменной речи что-то пишется, как слышится, то согласно «ПТУ-стайлу» пишут не то, что слышится: *сотона, чиловег*.
- Нарушение правила «слитное-раздельное написание слов». Например, предлог *не* пишется слитно и через *и*: *нитребует, ниделать*.
- Замена морфологического принципа фонетическим: *фтыкать, афтар, Обломофф*.
- Передача на письме реальных фонетических процессов: частичная регрессивная контрактная ассимиляция согласных по глухости и на последующее стяжение в аффрикату: *аццкый*. Явление стяжения в аффрикату во всех русских возвратных глаголах также передается графически: *ашыбицца, прадаецца, баицца* [Соколовский, 2008, с. 47].

Следующей особенностью карнавално-виртуального языка являются аббревиатура и усечения. Их употребление диктуется принципом удобства, то есть экономии усилий отправителя и получателя. Учитывая то обстоятельство, что карнавално-виртуальная орфография отражает варианты произношения - правила чтения некоторых буквосочетаний, редукция гласных в речи, синкопа - чтение не должно вызывать трудностей у получателя.

Стремление как можно быстрее и убедительнее ответить на встречную реплику породило формирование аббревиатур по первым буквам устоявшихся среди коммуникантов речевых выражений. Они являются неотъемлемым атрибутом карнавално-виртуального общения. Например: *BBL - be back later (вернусь позже), BRB - be right back (скоро вернусь), LOL - laughing out loud (громко хохочу), AFK - away from keyboard (отошел/отошла от клавиатуры), rehi - hello again (привет еще раз)* [Трофимова, 2003, с. 102].

Аббревиация выполняет в языке компрессивную функцию, которая принципиально актуальна для интернета, именно поэтому она особенно активна в языке. В то же время в процессе формирования русскоязычных аббревиатур и сокращений, используемых в карнавално-виртуальном языке нельзя не отметить намек на карнавал.

Кроме того, процесс появления новых слов приобретает в языке интернет лавинообразный характер. Важнейшим источником пополнения словаря языка является словообразование. Как правило, в основе каждого словообразовательного гнезда лежит заимствование или калькирование англоязычной корневой морфемы. Заимствуются не только морфемы, но и аббревиатуры, которые затем занимают место корневых морфем. Далее процесс словообразования идет в соответствии с правилами русской словообразовательной системы:

chatланит, FTP-сервер, MIDI-контроллер, GIF-анимация. По мнению Л.Л. Федоровой, «латиница позволяет пользователям не соблюдать правила орфографии и пунктуации, и пишущий наслаждается возможностью создать оригинальный визуальный образ привычного слова» [Федорова, электронный ресурс].

Карнавалльно-виртуальный язык содержит целый ряд жанровых форм, среди которых Т. Щепанская выделяет такие как: феньку, мультку, стеб, пристеб, прикол, загибон, догон, наколку. Интересно, что им можно подобрать лишь приблизительные не всегда однозначные соответствия в научной классификации [Щепанская, 2004, с. 96].

Практически все эти жанровые формы направлены на пародирование стереотипов и норм (в том числе и речевых) господствующие в реальном и виртуальном обществах.

Следующей особенностью карнавалльно-виртуального языка – являются инвективы. В отличие от непристойных слов других языков, русские инвективы многослойны, разветвлены и многофункциональны, они выходят за границы ругани, превращаясь не столько в философию языка, сколько в философию жизни.

Для поклонников нецензурной лексики, она – не фон, не междометие, а инструмент, дающий возможность реального обозначения гендерных предметов и сексуального действия. Эта лексика становится языком обретенного тела, возвращается к своей первоначальной сексуальной функции, но уже не в качестве нарушителя табу, а как язык страсти [Царство мата].

В русском языке не так много инвективов, но пользователи карнавалльно-виртуального языка образуют от них такое количество производных (притом в самых разных значениях), что ими можно легко разговаривать, не прибегая к остальным словам русского языка.

Впоследствии некоторые инвективы переходят в жаргонную лексику, которая также изобилует в интернете. Мы знаем, что жаргонная лексика характеризуется ограниченной сферой употребления. Это социальный вариант речи, который употребляется в определенных условиях общения. Однако, нам кажется, что всю жаргонную лексику карнавалльно-виртуального языка можно разделить на две группы: профессиональный жаргон (компьютерный) и общеупотребляемый жаргон.

Употребление жаргонизмов в речи свидетельствует о стремлении говорящего заявить или имитировать свою принадлежность к группе пользователей интернета (*аська, флудить* и т.д.).

Подводя итог, хочется заметить, что в целом карнавалльно-виртуальная коммуникация – это эффективный способ публично заявить о себе, а упрощение языковых норм языка способствует более вдумчивому и творчески безграничному самовыражению. Карнавалльно-виртуальный стиль общения сближается по своей сути с традициями разговорного стиля и тем самым повышает степень доверия к высказыванию.

Библиографический список

1. *Горошко, Е.И.* Электронная коммуникация (гендерный анализ) [Текст] / Е.И. Горошко // Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация. – М. : Институт языкознания, 2005. – С. 48-63.
2. *Соколовский, Д.* Библия подонков. Откуда есть пошли подонки на Руси [Текст] / Д. Соколовский – М. : Издательский дом АСТ, 2008.
3. *Трофимова, Г.Н.* Об особенностях адаптации компьютерно-сетевых заимствований [Текст] / Г.Н. Трофимова // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2003. №4. – С.99-105.
4. *Федорова, Л.Л.* Маскарадная коммуникация в компьютерных сетях [Электронный ресурс] / Л.Л.Федорова. – Режим доступа : <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200204807> .
5. *Щепанская, Т.Б.* Система: тексты и традиции субкультуры [Текст] / Т.Б. Щепанская. – М. : ОГИ., 2004.
6. *Царство мата* [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.log-in.ru/articles/327/>

Tinkivinki78@yandex.ru

Егорова М.А., Иркутск (Россия)

СООТНОШЕНИЕ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО» И «МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

В настоящее время для обозначения когнитивного опыта человека используются термины «когнитивное пространство» и «ментальное пространство», рассмотрению которых посвящена настоящая статья.

Термин «ментальное пространство» был введен в конце XX века Ж. Фоконье для обозначения организации знаний в ментальном мире человека. В его трактовке ментальные пространства – это области, используемые для порождения и объединения информации [Fausonnier, 1994].

Дж. Динсмор определил ментальные пространства как предпосылку «моделирующего рассуждения», суть которого заключается в конструировании возможной, контрфактической и даже альтернативной реальности. Моделирующее рассуждение будет иметь успех, если будут сформированы умения образовывать пространства, правильно распределять знания по конкретным пространствам и совмещать разные пространства,

а также, умения выявлять осмысленные следствия этого рассуждения с учетом их отношения к реальному миру [Динсмор, 1996].

М.А. Холодная рассматривает ментальное пространство как динамическую форму ментального опыта, которая актуализуется в условиях познавательного взаимодействия субъекта с миром [Холодная, 1997, с. 96]. В рамках ментального пространства возможны разного рода мысленные движения и перемещения.

В понимании Дж. Лакоффа ментальное пространство – это среда концептуализации и мышления. К ментальным пространствам он относит такие сущности как: 1) непосредственно данная нам реальность – так, как мы ее понимаем; 2) вымышленные ситуации, ситуации, изображенные на картинах, представленные в фильмах, и т.д.; 3) прошлое или будущее ситуаций – так, как мы их понимаем; 4) гипотетические ситуации; 5) сфера абстрактных категорий, например, область общих понятий (сюда относятся такие сущности, как экономика, политика, физика), область математических концептов и т.д. [Lakoff, 1987].

Ментальное пространство, таким образом, представляет собой место для концептуализации и категоризации ментального опыта человека и «место в действии», активизирующееся в процессе познавательной деятельности. Под ментальным опытом обычно понимаются фиксированные формы опыта (то, что человек усвоил в прошлом), и оперативные формы опыта (то, что происходит в ментальном опыте этого человека в настоящем), и потенциальные формы опыта (то, что появится в его ментальном опыте в качестве новообразований в ближайшем или отдаленном будущем) [Холодная, 1997, с. 82].

Термин «когнитивное пространство», появившийся сравнительно недавно, совпадает по своему значению с термином «ментальное пространство». Для подтверждения сказанного приведем несколько определений термина «когнитивное пространство». По Д.Б. Ньюби когнитивное пространство – это «домен концептов и отношений, в которых берет свое начало, развивается и видоизменяется человеческий опыт» [Newby, 2001]. А.С. Нариньяни под когнитивным пространством понимает отражение денотативного пространства (множества объектов восприятия) в сознании человека [Нариньяни, 2004]. В.В. Красных определяет когнитивное пространство как структурированную определенным образом совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность (индивидуальное когнитивное пространство) или все личности, входящие в тот или иной социум (коллективное когнитивное пространство) [Красных, 1998, с. 41-45]. П. Певерелли, использующий термин «когнитивное пространство» при изучении социальной интеракции, не скрывает, что данный термин соотносится с теорией ментальных пространств Ж. Фоконье [Peverelli, 2000].

Исходя из изложенных выше формулировок, термины «ментальное пространство» и «когнитивное пространство» следует рассматривать как взаимозаменяемые, однако наше предпочтение мы отдаем второму термину, поскольку термин «ментальное пространство» в последнее время довольно часто используется для обозначения особой ментальности, или менталитета, в той или иной культуре [Гринева, 2003; Глузман, 2010 и др.].

Ментальность (менталитет) (от лат. *mens, mentis* – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) [Культурология, 1997, с. 271] определяется как «совокупность психических, интеллектуальных, идеологических, религиозных, эстетических и т.п. особенностей мышления народа, социальной группы или индивида, проявляющихся в культуре, языке, поведении и т.п.; мировосприятие, умонастроение» [БТС, 1998, с. 533]. По П.С. Гуревич, ментальность (менталитет) – это относительная ценность, совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции и какого-нибудь сообщества [Гуревич, 2001, с. 259].

Менталитет раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы, социальные установки и т.п. Относясь к когнитивной сфере личности, менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь, прежде всего, в стереотипах поведения. Представителю определенной культуры характерны стандартные формы социального поведения, которые заимствованы из прошлого и называются традициями и обычаями. Типовое поведение, характерное для представителей конкретной общности, позволяет описать черты национального или общественного характера, складывающееся в национальный или социальный тип, который в упрощенном и схематизированном виде предстает как классовый или этнический стереотип [Дубов, Петровский, электронный ресурс].

Ментальность формируется в процессе воспитания и обретения жизненного опыта. Ментальность – это то, чем различаются индивиды, получившие воспитание в различных культурных средах. Она не столько выражает индивидуальные установки каждого из людей, сколько внешнею сторону общественного сознания. Субъектом ментальностей является не индивид, а социум. Они проявляются в словесном языке (вербальной культуре общества) и языке жестов, в поведении, обычаях, традициях и верованиях.

Термин «ментальное пространство», таким образом, приобретает в настоящее время двойственное значение. С одной стороны, его можно рассматривать как совокупность знаний характерных для представителя определенной культуры, с другой стороны, как особый способ мышления. На наш взгляд, данные

обстоятельства послужили причиной возникновения термина «когнитивное пространство», под которым понимается весь объем знаний, которым располагает человечество.

Библиографический список

1. *Большой толковый словарь русского языка* [Текст] / С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998. – БТС
2. *Гринева, С.В.* Менталитет и ментальность современной России: Монография [Текст] / С.В. Гринева – Невинномысск: Северо-Кавказский гос. техн. ун-т, Невинномысский технолог. ун-т, 2003.
3. *Глузман, С.А.* Ментальное пространство России [Текст] / С.А. Глузман – М. : Алетейя, 2010.
4. *Гуревич, П.С.* Культурология: Учебное пособие [Текст] / П.С. Гуревич. – М. : Гардарики, 2001.
5. *Динсмор, Дж.* Ментальные пространства с функциональной точки зрения [Текст] / Дж. Динсмор // Язык и интеллект. – М. : Прогресс, 1996. – С. 385-411.
6. *Дубов, И.Г.* Менталитет [Электронный ресурс] / И.Г. Дубов, А.В. Петровский // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь / А.В. Петровский. Режим доступа : <http://wiki.myword.ru/index.php/>
7. *Красных, В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В.В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998.
8. *Культурология XX век. Словарь* [Текст] / А.Я. Левит (сост). – СПб. : Университетская книга, 1997.
9. *Нариньяни, А.С.* НЕ-факторы 2004 [Текст] / А.С. Нариньяни // Труды Девятой Национальной Конференции по Искусственному Интеллекту: матер. науч. конф. (Тверь, 28 сентября - 2 октября, 2004 г). – Тверь, М. : Физматлит, 2004. – Т. 1. – С. 420-432.
10. *Холодная, М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования [Текст] / М. А. Холодная. – Томск : Изд-во Томского ун-та; М.: Барс, 1997.
11. *Fauconnier, G.* Mental Spaces [Text] / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994
12. *Newby, G.B.* Cognitive Space and Information Space [Text] / G.B. Newby // Journal of the American Society for Information Science and Technology Archive. – 2001. – Vol. 52. – P. 1026-1048.
13. *Lakoff, G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago; London (UK) : University of Chicago, 1987.
14. *Peverelli, P. J.* Cognitive Space (A Social Cognitive Approach to Sino-Western Cooperation) [Текст] / P. J. Peverelli. – Delft : Eduron, 2000.

mariabaikal@mail.ru

Емельянова О.Е., Иркутск (Россия)

К ВОПРОСУ О СЕМИОСФЕРЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА: АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «BLOOD» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мысль о том, что семантические категории имеют языковую реализацию и воплощены в конкретных языковых средствах (лексических, грамматических и т.д.), специфических для каждого языка, и тем, что они тесно связаны со сферой коннотаций, т.е. дополнительным смысловым содержанием, соотношенным с образным мышлением, и со сферой структурных значимостей и функций, т.е. с различными типами сугубо языкового знания, признана многими лингвистами. Трактовка категории как содержательной единицы процесса категоризации мира, посредством которого действительность преломляется в сознании человека, позволяет заметить, что при таком преломлении имеет место опора на определенные признаки разной степени обобщенности. В основе этого подхода находится то, как пользуется значением слова индивид, и с этой точки зрения ряд исследователей описывает все стоящее за словом у человека через некоторый набор признаков.

Многие исследователи отмечают, что различные типы полярности, дуальности, обнаруживаются повсюду в мире и на всех стадиях культурного развития [Элиаде, 1987; Леви-Стросс, 1994]. Так, семиосфера являясь и результатом, и условием развития культуры, имеет в своём внутреннем пространстве границу, которую можно определить как черту, отделяющую внутреннее от внешнего. В.И. Вернадский отмечал, «все сгущения жизни теснейшим образом друг с другом связаны. Одно не может существовать без другого». Дуализм восприятия мира отражал начальное, древнейшее усилие мысли, как классифицировать свои представления об этом мире. Хотя со временем в архаичном сознании появились и более сложные системы классификации понятий, «эта древнейшая система сохранила поразительную устойчивость» [Иорданский, 1982, с. 65].

Blood, являющаяся универсальным культуроформирующим символом, достигшим культового статуса одновременно со становлением человека, обнаруживает в своей структуре категориальные признаки, являющиеся крайними оппозициями. [Альмяшова, 2006, с. 58]. К таким оппозициям, с помощью которых мышление организует мир относятся: жизнь / смерть, молодость / старость, здоровье / болезнь, и т.д.

С древних времён Blood является символом места «души и жизненных сил» [Андреева, 2000, с. 263]. В подавляющем большинстве религиозных культов кровь считается ритуальным символом жизненной силы:

«For the life of the flesh is in the blood, and I have given it for you on the altar to make atonement for your souls, for it is the blood that makes atonement by the life» [Leviticus 17:11].

«Everything that lives and moves will be food for you. Just as I gave you the green plants, I now give you everything. But you must not eat meat that has its lifeblood still in it. And for your lifeblood I will surely demand an accounting. Whoever sheds the blood of man, by man shall his blood be shed» [Genesis 9:3-6].

Экзистенциально понятие жизни контрастирует с понятием смерти, что основано на общих принципах восприятия людьми окружающей действительности и отражения данного восприятия в языковом сознании. Как отмечает Р. Кавендиш: «Еще первобытные люди, наблюдая, как с потерей крови человек слабеет и вскоре умирает, пришли к естественному выводу, что кровь содержит жизнь» [Кавендиш, 2002, с. 29].

- *«Moses took half of the blood and put it in basins, and the other half of the blood he sprinkled on the altar. Then he took the book of the covenant and read it in the hearing of the people; and they said, "All that the LORD has spoken we will do, and we will be obedient!" So Moses took the blood and sprinkled it on the people, and said, "Behold the blood of the covenant, which the LORD has made with you in accordance with all these words» [Exodus 24:6-8].*

К разряду витальной семантики относится физиология. Так, дуальную оппозицию содержания Blood составляют и такие категориальные признаки как молодость/ старость.

- *«Young blood must have its course, lad, and every dog its day» [Charles Kingsley's quote].*

- *«But that I am forbid to tell the secrets of my prison-house, I could a tale unfold whose lightest word would harrow up thy soul, freeze thy young blood» [Shakespeare, Hamlet, Act 1, scene 5, 13-16].*

- *«The old blood is bold blood, the wide world round» [Byron Weber's quote].*

Как отмечалось выше, семиосфера имеет в своём пространстве некую черту, границу, которая создаёт бинарную оппозицию при восприятии человека окружающей действительности. Связь человеческого опыта с языком проявляется непосредственно в акте номинации объектов окружающего мира, где обычно фиксируются существенные признаки, свойства, черты объекта. Т.И. Вендина отмечает: «Образ жизни не мог не сказаться на образе мышления. Существование тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических, т.е. ценностных, потребностно-мотивационных связей народа с окружающим его миром вело к актуализации в каждой семантической сфере макрокосма своих характерных мотивировочных признаков и оценок» [Вендина, 1999, с. 30].

Таким образом, анализ семантической категории "Blood" перемещает предметное содержание данной лексемы в пространство социальных взаимодействий языковой личности. Бинарная оппозиция, представляющая внутреннюю структуру категории "Blood", основывается на изначальной прагматической установке всякой человеческой деятельности, способе связи вещей. Способ передачи субъектно-объектных отношений ориентирован в языке на прагматически обусловленное противопоставление жизнь/смерть, молодость/старость, которые выявляют те доминанты, которые укоренены в философии народной жизни.

Библиографический список

1. *Альмяшова, Л.В.* Концепт BLUT и его языковая актуализация (на материале немецкого языка) : дисс. канд. филол. н. [Электронный ресурс] / Л.В. Альмяшова. – Барнаул, 2006.
2. *Андреева, Г.М.* Социальная психология [Текст] / Г.М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 1999.
3. *Вендина, Т.И.* Словообразование как способ дискретизации универсума [Текст] / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 1999. - №2. – С.27-31.
4. *Иорданский, В.Б.* Хаос и Гармония [Текст] / В.Б. Иорданский. – М. : Наука, 1982.
5. *Кавендиш, Р.* Магия Запада [Текст] / Р. Кавендиш. – М. : Локид, 2002.

Список источников иллюстративного материала

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Синодальный перевод [Текст] / Юбилейное издание М.П. к 2000-летию РХ.
2. *Lightfoot, J.* A Commentary on the New Testament [Электронный ресурс] / J. Lightfoot. – Mode of access: <http://www.philologos.org>.
3. *McClintock, J.* Cyclopedia of Biblical, Theological, and Ecclesiastical Literature [Text] / J. McClintock, J. Strong. – N.Y. : Baker Academic, 1982.

Емельянова С.М., Уссурийск (Россия)

КОНЦЕПТ 'ZEIT' В СВЕТЕ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА СЛОВА-РЕПРЕЗЕНТАНТА

Время, как когнитивная структура, является результатом познавательной деятельности с последующей оценкой отношения субъекта к объекту, и продуктом её концептуализации.

Единой общепринятой и устоявшейся методики изучения концептов на сегодняшний день не существует. Для абстрактных имён выдвигается особый метод, понимаемый как «анализ сочетаемых свойств лексемы» [Чернейко, 2010] – концептуальный анализ. Мы считаем данный метод исследования концептов обязательным, учитывая особенности абстрактного имени: слабо выраженную образную составляющую по сравнению с понятийной [Кобозева, 2000, с. 84] и большой ассоциативный потенциал. Но данный метод не является, на наш взгляд, исчерпывающим. На необходимость комплексного подхода

указывают сегодня многие исследователи [Рахилина, 2000, с. 16-17]. Так, развитие многозначности лексической единицы тоже может предстать как средство категоризации познаваемого мира и концептуализации познаваемого фрагмента. Компонентный анализ, предполагающий описание семного состава ключевого слова и позволяющий говорить о содержательной стороне языкового знака, должен остаться составляющей частью комплексной методики изучения концептов. Одним из когнитивных механизмов, лежащих в основе появления у слов новых значений, является актуализация компонентов когнитивной структуры, которые не зафиксированы в его первичном значении. Мы также придерживаемся мнения о том, что этимологический анализ лексемы, призванный выявить первичный чувственный образ и основные когнитивные признаки, которые были положены в основу номинации, может существенно приблизить исследователя к пониманию концептуализируемого предмета, так как позволяют выявить наиболее древние, скрытые семантические ассоциации языкового знака.

В рамках данной работы проводится компонентный анализ лексемы *Zeit*, на современном этапе её существования, и полученные данные сравниваются с признаками концепта, выявленными на основе этимологического анализа, проведённого ранее [Емельянова, 2010].

Лексикографическая интерпретация лексемы *Zeit* включает различное количество ЛСВ: от 5 до 13 значений, что указывает на высокую полисемию языкового знака и отражает сложность концептуализируемого объекта. Сопоставление словарных дефиниций 9 источников показывает неоднозначность интерпретации обыденных представлений о времени. При первом обращении к словарным дефинициям выявляется, что попытка понять и интерпретировать такую метафизическую сущность, как время, основывается на выделении мелких отрезков. По всей видимости, иначе помыслить абстрактную сущность не представляется возможным. Выделяемые временные отрезки могут быть, как вполне конкретной и фиксированной длительности, так и не имеющие определённой продолжительности. Основанием для выделения абстрактных временных промежутков является их связь с каким-либо событием или состоянием.

Одним из первых большинство словарей предлагает значение "*das Nacheinander / Vorübergehen von Stunden, Wochen, Jahren*", на основании которого чётко выделяется сема движения. Причём, в одних словарях оно понимается как «смена неких временных отрезков», подчёркивается их следование друг за другом, в других же, обозначается словом *Vorübergehen*. Движение по типу «проходить мимо» возможно лишь относительно какого-либо статического объекта, скорей всего, это человек, наблюдатель. Таким образом, уже в рамках одной дефиниции обнаруживаются существенные различия в интерпретации языкового знака.

По типу цепочечной полисемии образуется значение "*Ablauf des Geschehens, Nacheinander des Erlebens*", которое указывает на антропоцентрическое понимание времени: «смена не просто временных отрезков, а наполненных какими-либо событиями». На недопустимость изучения специфики концептуализации времени в отрыве от человека указывают многие исследователи. На глубинном концептуальном уровне человек вообще не различает когнитивные модели «движущегося Эго» и «движущегося времени», увязывая движение времени со своим корпоральным движением, с проживанием и развитием жизни в целом [Чугунова, 2009].

Концептуальная метафора движения легко выявляется и на основе древнего слова. Причём модели линейного и циклического восприятия времени хорошо сосуществуют. Так, древневерхнегерманское существительное *zīt* первоначально имело вполне конкретное значение – "*Abschnitt*". Время понималось древними германцами как отрезок, с одной стороны, (свойство земного времени) и как набор повторяющихся временных интервалов, с другой (свойство божественного времени). Дальнейшая судьба исходного индоевропейского корня **tī-* даёт основание предположить, что линейная модель времени становится всё же более актуальной и значимой для данного языкового коллектива, чем циклическая, которая, в свою очередь, является более древней и соответствует природным циклам.

Божественная составляющая, которая была актуальна для древнего понимания, в современной интерпретации не выявляется. Возможно, это связано с разделением понятий Время и Вечность, где последней приписываются бесконечность и божественное начало. На основании современных дефиниций лексемы *Zeit* не выявляется также символ Огня, который обнаруживается в древнем слове и указывает на тесную связь концептуализируемого объекта с языческим ритуалом. Изменение значения слова, безусловно, связано с изменениями в обществе, с переосмыслением ценностей. Так, современные дефиниции фиксируют признак монетарности: "*Stunden, Tage, die jemandem zur Verfügung stehen*" (находятся в распоряжении).

Время понимается как некая точка на временной оси, которая часто трактуется как момент «теперь» или указывает на относительно недалёкое будущее или прошлое "*das zeitliche Jetzt zwischen der Vergangenheit und der Zukunft*", кроме того на подходящую ситуацию или возможность для определённых событий или действий.

Таким образом, на данном этапе исследования, на основе компонентного и этимологического анализов, мы можем выделить следующие когнитивные признаки концептуализируемого явления: 1. делится на более мелкие промежутки, отрезки; 2. его можно измерить; 3. находится в постоянном движении или само есть движение; 4. движется относительно неподвижного объекта; 5. его можно чем-то заполнить; 6. понимается как точка на временной оси; 7. может быть правильным, подходящим / неправильным, неподходящим. Кроме того, выявляются антропоцентрические характеристики и признак монетарности. Божественная составляющая и символ Огня не выявляются у современной лексемы *Zeit*.

Языковая единица *Zeit* вбирает в себя много семантических оттенков и обозначает множество проявлений времени. Словарные дефиниции зафиксировали некоторые когнитивные признаки концептуализируемого объекта познания и приближают нас к пониманию понятийной составляющей концепта, но оставляют за его рамками образную и интерпретативно-оценочную, так как не фиксируют то, что знают носители языка на интуитивном уровне. Представляется возможным получить эту информацию посредством концептуального анализа. Таким образом, наиболее полное описание структуры и содержания концептов абстрактных сущностей возможно, на наш взгляд, лишь приняв комплексную методiku исследования.

Библиографический список

1. Емельянова, С.М. Этимологический анализ ядра концепта ZEIT [Текст] / С.М. Емельянова // Вестник ИГЛУ ; Сер. Филология. – 2010. - №4 (12). – С.168-175.
2. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебник [Текст] / И.М. Кобозева. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
3. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000.
4. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко. – М. : Книжный дом ЛИБРИКОМ, 2010.
5. Чугунова, С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореферат дисс. ... д-ра филол. н. [Текст] / С.А. Чугунова. – Тверь, 2009.

Список источников иллюстративного материала

1. Мультитран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://multitran.ru>
2. Deutsches Wörterbuch (2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://de.thefreedictionary.com/Zeit>
3. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch [Text] / G. Wahrig. – Neu hrsg. von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. – Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, Gütersloh, 1997.
4. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch [Text] / 3., neu bearb. Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996.
5. Duden. Bedeutungswörterbuch [Text] / hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. – 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl., Bd. 10. - Mannheim; Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut, 1985.
6. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache (2009) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://de.thefreedictionary.com/Zeit>
7. Görner, H. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache [Text] / Hrsg. von Herbert Görner u. Günter Kempcke. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1974.
8. Wiktionary. Das freie Wörterbuch [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://de.wiktionary.org/wiki/Zeit>
9. Wahrig, G. Wörterbuch der deutschen Sprache [Text] / Hrsg. von Prof. Dr. G. Wahrig. – Neu hrsg. von Dr. Wahrig-Burfeind. Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co., München, 1997.

sweetlanadeutsch@mail.ru

Ефремова Н.В., Барнаул (Россия)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЦЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Проблемы общения и речевого поведения его участников, способы вербализации их коммуникативных намерений привели к изучению «речевых актов как минимальных речевых действий, направленных на достижение говорящим определенной коммуникативной цели» [Козлова, 2009, 150]. В 50-х годах прошлого столетия в рамках лингвистической философии сформировалась теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Г. П. Грайс и др.), «которая стала ядром лингвистической прагматики и теории коммуникации» [там же].

Если исходить из понимания *коммуникации* как процесса, символического по своему характеру, в котором создаются значения (смыслы), совместно разделяемые коммуникантами, то *межкультурная коммуникация* относится к случаям, когда серьезные культурные различия препятствуют сходной интерпретации коммуникативных событий и не соответствуют ожиданиям об их успешном результате. Из этого следует, что «важнейшая межкультурная коммуникация сопряжена с определенными *усилиями*, требует от участников *изменений* в их эмоциональной, поведенческой, когнитивной сфере, предполагает опыт участия в межкультурном общении, последующую интерпретацию этого опыта и его накопление» [Пшёнкина, 2005, 102].

Применительно к высшему лингвистическому образованию данное положение требует глубокого осмысления: возможна ли подготовка профессионально ориентированной «вторичной» языковой личности [И.И. Халеева] на языковых факультетах к межкультурному общению и при отсутствии иноязычной среды? В

опоре на результаты многочисленных исследований мы, видимо, должны дать положительный ответ, тем более, что ведущие специалисты в области межкультурной коммуникации в своих трудах многократно указывают на *поступательный характер* межкультурного общения.

Так, некоторые из них считают, что в *определенных* условиях человек (в нашем случае - обучающийся) может пройти путь от этноцентризма (монокультурное общение) до этнорелятивизма (межкультурное общение), хотя другие исследователи межкультурной коммуникации говорят, что межкультурное общение «в известной мере патологично», так как оно «отклоняется от нормы» [Тарасов, 1996, 7-22, цит. по: Пшёнкина, 2005, 103].

Для лингводидактики высшего лингвистического образования важно понять, что поступательный характер межкультурного общения делает возможным построение особой модели обучения, предполагающей: создание определенных условий обучения; накопление опыта участия в межкультурном общении с последующей его интерпретацией под руководством преподавателя и его осознанием; возникновение мотивированных усилий обучаемых, результатом которых станет производство *новых знаний* о собственной культуре и культуре – доноре, «способных сформировать в концептуальной системе реципиентов на основе имеющегося у них ассоциативно-апперцепционного содержания мышления *новые познавательные структуры*, с помощью которых и может осуществиться общение представителей разных лингвокультурных сообществ» [см. подробнее: Пшёнкина, там же, с. 105].

В федеральных государственных стандартах нового поколения, в основе которых лежат идеи компетентностного подхода, межкультурная компетенция заняла целевую позицию, поэтому представляется целесообразным уточнить ее определение.

Мы полагаем, что межкультурная компетенция есть способность и готовность обучающегося *активно вступать в межкультурный диалог* с представителями другой культуры, *предпринимать* определенные усилия по преодолению недостатка лингвистических средств и культурной грамотности, *расширять свой иноязычный лексикон и концептосферу и модифицировать собственную языковую и концептуальную картину мира* на основе расширяющегося опыта межкультурного общения.

Изменения ориентиров в российском образовании предполагают обновленный подход ко всем компонентам образовательного процесса: уточнению целей, модернизации содержания, инновациям в организации образовательного процесса, оцениванию результатов обучения. Признание формирования межкультурной компетенции в высшем лингвистическом образовании одной из основных целей обучения влечет за собой необходимость создать такие условия, при которых залогом успешности «присвоения» студентами «чужой» системы языка и «чужой» картины мира станет модернизация содержания обучения. По нашему мнению, это обновление содержания должно базироваться на основной единице концептуальной картины мира – концепте.

Язык, по В. Гумбольдту, не представляет прямого отражения мира. В языке человек осуществляет акты своей интерпретации реальной действительности. Различные языки – различные мировидения. Всякий язык, обозначая отдельные предметы, в действительности *созидает*, формируя для говорящего на нем народа картину мира [В.Гумбольдт, Л. Вайсгербер, О.А. Радченко]. Когнитивная лингвистика выявляет и изучает объективно существующие взаимосвязи языковых знаков с познавательными традициями народа, историей развития социума, а также параметры когнитивно-культурного опыта говорящего на этом языке индивидуума.

Вся познавательная деятельность человека направлена на выработку умения человека ориентироваться в мире. Он должен научиться сравнивать (различать и отождествлять), оценивать и классифицировать объекты действительности. Для обеспечения этой деятельности человеку необходим механизм членения окружающего мира на «кванты» знания о нем, содержательная единица сознания, которая была бы связана с определенной долей объективной информации, познанной человеком, превращенной в его опыт и соотносящейся в его психике с его представлениями о целостной картине мира. Когнитивная лингвистика оперирует в этом случае термином *«концепт»*. Понятие концепта отражает те смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления (индивидуальная картина мира) и которые отражают содержание опыта и всей многогранной человеческой деятельности, в том числе и познавательной, в виде некоторой совокупности, точнее системы знаний, в терминах когнитивной лингвистики – концептуальной системы. Основными составляющими указанной системы, по мнению многих, являются концепты.

С точки зрения лингводидактики высшего профессионального обучения иностранному языку последнее положение показывает, как важно не упустить, «не потерять» возможности формировать языковыми средствами индивидуальную иноязычную картину мира. В обновленной модели обучения «ключевые» культурные концепты должны стать основной единицей содержания обучения уже на первом курсе.

Слово «ключевые» пришло, конечно, из многочисленных трудов А. Вежбицкой [см., например, Вежбицкая, 2001, с. 183]. Отобранные лингводидактиками для профессионального обучения концепты и их «имена» могли бы стать для обучающихся поистине «ключевыми», потому что они – «бесценные ключи к пониманию культуры» [J. Locke] и с их помощью можно упорядочить соответствующие знания в определенную систему, формирующую в сознании студентов, в определенной мере, целостную картину мира «чужого» этноса.

Слова «образование» и «университет», например, называют концепты, которые есть в каждой культуре, но недаром мы изучаем особенности образования в Германии, США или Англии. Мы делаем это, потому что за одним и тем же словом в разных странах стоит разный фон – разный культурный опыт наций и, как следствие, существуют разные системы образования.

Концепт «порядок» есть в концептуальной картине мира немцев и русских. Но сколь велика разница в отношении к этому концепту у обоих народов! Немцами этот концепт действительно «переживается» (Ю.С. Степанов), для них он – предмет симпатии, они уверены, что порядок должен быть везде. Русские же относятся к этому концепту скорее пренебрежительно, но без антипатии.

В заключение хотелось бы сказать, что модель обучения, выстроенная в контексте современных подходов к профессиональному обучению иностранным языкам, которая ориентирована на формирование межкультурной компетенции и ядром содержания обучения в которой является система ключевых концептов соответствующей культуры, по нашему мнению, открывает широкие перспективы для лингводидактики высшей школы.

Библиографический список

1. *Вежбицкая, А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянской культуры, 2001.
2. *Козлова, Л.А.* Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего [Текст] / Л.А. Козлова. – Барнаул : АлтГПА, 2009.
3. *Пиёнкина, Т.Г.* Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика: [Текст] / Т.Г. Пшенкина. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005.

nellyefremova@yandex.ru

Ефремова О.Ю., Барнаул (Россия)

О КОМПЛЕКСНОМ ПРЕПОДАВАНИИ ГРАММАТИКИ И ПРАКТИКИ УСТНОЙ РЕЧИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ УРОВНЯ «НАЧИНАЮЩИЕ»

Главной трудностью, с которой сталкиваются методисты при планировании работы со студентами неязыковых специальностей, является очень ограниченное количество часов, отводимых на занятия иностранным языком: на первом курсе технического вуза это всего 3 академических часа в неделю. За два первых семестра необходимо успеть заложить основы грамматики и сформировать активный словарь по основным устным темам.

Одним из методов эффективного распределения времени для представления и закрепления материала, на наш взгляд, является комплексное изучение грамматики и лексики. Отбор грамматического материала, производимый с учетом его необходимости для успешного решения коммуникативных задач в рамках заданных ситуаций общения, позволяет более рационально использовать учебное время и позволяет повысить мотивацию студентов.

Главным критерием при отборе и организации лексико-грамматического материала, на наш взгляд, должна быть логическая связь и принцип сообразности целям коммуникации: возможно, запас языковых средств студента по окончании курса будет несколько ограничен, зато он будет представлять собой действительно активный и понятный студенту набор средств коммуникации.

Упражнения для тренировки грамматического материала целесообразно строить, максимально задействуя лексику из активного тематического словаря, а закрепление грамматического и лексического материала производить с помощью заданий коммуникативного типа – монологических высказываний на заданную тему, построения вопросов и ответов на них, мини-диалогов, и т.д.

Недостатком сложившегося в настоящее время подхода к обучению студентов первого года обучения технических специальностей является перегруженность программы сложным теоретическим материалом, только на объяснение которого тратится большое количество учебного времени, не говоря уже о тренировке и контроле усвоения.

Это касается в первую очередь таких тем, как «Неличные формы глагола» и «Сложные конструкции с неличными формами глагола», которые согласно учебному плану преподаются уже во втором семестре первого года обучения.

Безусловно, эти темы необходимы – особенно для понимания текстов по специальности, но в случае с начинающими гораздо рациональнее было бы перенести их детальное изучение на второй год обучения, опираясь тогда непосредственно на примеры из текстов по специальности.

На первом году обучения на наш взгляд достаточно дать общее представление о семантике и функциях неличных формах английского глагола (их простейших форм) при рассмотрении соответствующих грамматических явлений, с тем чтобы была четче видна связь между семантикой неличных форм и их синтаксической функцией: ing-формы глагола логично рассматривать в рамках темы «Continuous (Progressive)

Tenses», инфинитив – в связи с модальными глаголами, а причастие II в рамках тем «Perfect Tenses» и «Passive Voice».

Нам представляется достаточным, если после первого года обучения студент будет понимать, что инфинитив – это начальная, исходная форма любого глагола в английском (и в русском) языке (за исключением модальных), и будет знать, когда перед ним нужно поставить маркер to, а когда этого делать не нужно, что ing-формы английского глагола – это формы, позволяющие охарактеризовать предмет или лицо через совершаемое действие (и в этом случае они функционально сближаются с прилагательным) или представить действие как событие/процесс/состояние (функционируя как существительное), и что с помощью причастия II он может говорить о совершённом кем-то действии.

Мы предлагаем следующую схему построения лексико-грамматического материала для студентов уровня «начинающие» первого курса технического университета:

1. Устная тема: *Describing people, places, hobbies, activities*

Модуль первый:

Грамматика: глагол «to be» настоящего времени, порядок слов в английском утвердительном и отрицательном предложении с глаголом «to be», специальные и общие вопросы с глаголом «to be», личные, указательные и вопросительные местоимения, множественное число существительных, артикль с исчисляемыми и неисчисляемыми существительными, названиями стран и национальностей, глагол «to have/have got», порядок слов в вопросительном и отрицательном предложении с «to have/have got».

Лексика: части тела, цвета, внешность, черты характера, профессии, национальность, названия стран, названия членов семьи.

Модуль второй:

Грамматика: закрепление материала из первого модуля, структуры «there is/there are», степени сравнения, притяжательные и абсолютные местоимения, предлоги места.

Лексика: закрепление лексики из первого модуля, словосочетания для описания местоположения предметов, лексика для описания комнаты, квартиры и т.п.

Модуль третий:

Новая грамматика: герундий для обозначения какого-то вида деятельности, причастие I как характеристика с точки зрения деятельности, выполняемой в обозначенный момент времени, формы длительных времен (Continuous/Progressive).

Закрепление грамматики из первого и второго модуля

Новая лексика: предлоги с указателями времени, способы обозначения времени с формами длительных времен (Continuous/Progressive): «now», «at the present moment», «at 5 o'clock in the morning» и т.п., хобби и любимые занятия (основные глаголы).

Закрепление лексики из первого и второго модуля.

2. Устная тема: *Working Day of the Student*

Модуль первый:

Новая грамматика: модальный глагол can, инфинитив (употребление с модальными глаголами), образование форм простых времен (группа Simple/Indefinite), вспомогательный глагол do/does, порядок слов в вопросительном и отрицательном предложении с глаголом do/does.

Новая лексика: основные правильные и неправильные глаголы (семантика и функции трех форм), наречия для описания действий, слова и словосочетания со значением времени.

Закрепление лексико-грамматического материала первой темы.

Модуль второй:

Новая грамматика: понятие «правильный/неправильный глагол», причастие II для обозначения совершенного действия, пассивный залог, предлоги направления, цели, модальные глаголы долженствования, инфинитив (с модальными и немодальными глаголами, в функции обстоятельства цели, вводного члена предложения), форма перфекта, глагол «to have» как вспомогательный.

Новая лексика: обозначение времени для совершенного действия.

Закрепление лексики первой темы.

Модуль третий:

Лексика: среднее и высшее образование.

Грамматика: закрепление материала первых двух модулей.

3. Устная тема: *Free time, Sport, Eating Out*

Модуль первый:

Лексика: тематическая.

Грамматика: повторение и закрепление материала первых двух тем.

4. Устная тема: *In the city*

Лексика: тематическая.

Грамматика: предлоги направления, придаточные предложения, повторение и закрепление материала первых двух тем.

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Особенности современной политической жизни повышают интерес к политической коммуникации со стороны таких дисциплин, как политология, социология, теория речевого воздействия и так далее. Особое внимание к проблемам языка политики уделяется и лингвистами. Данное обстоятельство объясняется тем, что политическая деятельность является общественным институтом, который закрепляется в социальных правилах, нормах, формулах, имеющих речевое выражение.

Ни один политический режим не может существовать без коммуникации, поскольку языковые и неязыковые средства политической борьбы нужны политикам для того, чтобы давать указания, убеждать, проводить законодательные акты.

Специфика политики заключается в ее дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями. Не случайно политическая деятельность вообще сводится к деятельности языковой, а в современной политологии наблюдается тенденция рассматривать язык не столько как средство отражения политической реальности, сколько как компонент поля политики.

Политический дискурс понимается как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, 1991, с. 6]. Е.И. Шейгал, исходя из широкого понимания политической коммуникации, включает в политический дискурс любые речевые образования, субъект, адресат, содержание которых относится к сфере политики.

Основной целью политического дискурса является борьба за власть, содержание которой может быть сведено к трем составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция) и борьба с противником (агональность).

Эта функциональная триада проецируется на базовую оппозицию политического дискурса «свои – чужие»: ориентация есть не что иное, как идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и где чужие?), интеграция – сплочение «своих», агональность – борьба против «чужих» и за «своих».

В связи с тем, что в политическом дискурсе необходимо конструирование и разрушение образа оппонента, политическая коммуникация происходит на фоне символической борьбы за «производство здравого смысла», за «монополию легитимной номинации», в том числе, манипуляцию образами «своего» и «чужого» [Бурдые, 1994, с. 197-199]. При этом противопоставление групповых субъектов политики, формирующее базовую дихотомию политических отношений «свои – чужие», обусловлено групповым характером политических ценностей [Захарова, 1998, с. 161].

Оппозиция «свои – чужие» является конкретизацией универсальных дихотомических пар «хорошо – плохо», «добро – зло» и так далее, что объясняет решающую роль, которую она играет в политической коммуникации. Благодаря реализации данной дихотомии посредством включения в текст политического дискурса четких языковых и неязыковых элементов (лозунгов, символов и так далее), политик добивается воздействующего эффекта, позволяющего сплотить своих сторонников и настроить их на борьбу с политическими противниками – чужими.

Необходимо отметить, что данная оппозиция может быть отнесена к понятийным категориям, которые определяются как «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами». Как смысловой компонент, оппозиция реализуется в семантическом пространстве языка, основной критерий её выявления – это наличие семантики «свойственности/чуждости». «Семиотический принцип членения мира на «своих» и «чужих» наиболее ярко отражается в категории чуждости именно как коммуникативной единице» [Захарова, 1998, с. 89].

«Коммуникативная категория чуждости затрагивает практически все стороны речевой коммуникации и проявляется на всех ее уровнях: и в структуре отдельного высказывания, и в пределах внутритекстовой организации, в коммуникативной структуре дискурса в целом» [Захарова, 1998, с. 90].

Анализ материалов исследования, которыми явились выступления политических деятелей США, опубликованные на интернет-сайтах, позволяет утверждать, что оппозиция «свои» и «чужие» в американском политическом дискурсе представлена разнообразными способами. В ходе анализа нам удалось выделить следующие маркеры «чуждости»:

- показатели умаления значимости: *some, any, неопределённый артикль*;
- показатели недоверия, сомнения в достоверности слов оппонента: *so-called, supposedly, as it were*;
- негативные оценки: *And while I honor John McCain's service to his country, his ideas for America are out of touch with these values. His plans for the future are nothing more than the failed policies of the past. And his plan to win in November appears to come from the very same playbook that his side used time after time...* (B. Obama. North Carolina Primary Night. May 6, 2008);
- эмоционально окрашенные единицы, ярлыки: *robbers, enemies, opposed*.

Интересно, что американские политики часто о «чужих» говорят имплицитно: *There are many who won't agree with every decision or policy I make as President* (B. Obama. Election Night Victory Speech. Grant Park, Illinois. November 4, 2008).

В качестве маркеров «своих» часто употребляются следующие:

- инклюзивное *мы*, которое помогает политике включить аудиторию в круг своих, близких по взглядам людей (*We are here to discuss*);
- лексемы совместности (*union, integrated, all, common, entire, together, the same, share something*);
- этнонимы (Americans); Интересно, что в американском политическом дискурсе это один из распространенных маркеров: *We are Americans, and our destiny is never written for us, it is written by us, and we are ready to lead once more* (B. Obama Speech to West Point 2010 Cadets);
- формулы причастности (*So do I, like You*);
- максимальная направленность на реципиента (You): *Because you came out in the bitter cold, and knocked on doors, and enlisted your friends and neighbors ...; because you still believe that this is our moment, and our time, for change...* (B. Obama. North Carolina Primary Night. May 6, 2008).

Приведенный пример показывает переход от you к we (*our moment, our time*), что можно понимать как сплочение сторонников. Ещё одним доказательством данной мысли может служить пример из того же выступления Б. Обамы: *...that's what you've accomplished in this campaign, and that's how we will change this country together* (B. Obama. North Carolina Primary Night. May 6, 2008). Другими словами, от ваших поступков зависит наша способность что-то сделать.

Таким образом, оппозиция «свои» - «чужие» может быть реализована как эксплицитно, при помощи социальных маркеров, так и имплицитно. В рамках имплицитной реализации представлены средства, которые выделяла Шейгал Е.И.: идеологическая коннотация политических терминов, тональность дискурса, целенаправленный подбор оценочной лексики [Шейгал, 2000б, с. 122].

В американском политическом дискурсе «свой» понимается как «собственный», «правильный», «приемлемый», «достойный». Так, «свои» - это та группа людей, для которых важность представляют следующие положения: *We rise or fall as one nation, as one people; Our stories are singular, but our destiny is shared.* (Election Night Victory Speech. Grant Park, Illinois. November 4, 2008)

В свою очередь, «чужой» - это «неизвестный», «враждебный», «запутанный», «вооруженный». В связи с этим, «чужие» - это группа людей, которые не принимают, не одобряют, сомневаются в правильности наших решений. «Они», «чужие», могут быть названы поименно, местоименными словами, привязанными к конкретной речевой ситуации (*some, others*) или представлять партию (*democrats*).

Библиографический список

1. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации [Текст] / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991.
2. Бурдые, П. Начала [Текст] / П. Бурдые. – М., 1994.
3. Веселовский, А.Н. Модель мира (мифопоэтическая) [Текст] / А.Н. Веселовский // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. – М., 1998. – С. 161-163.
4. Захарова, Е.П. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения [Текст] / Е.П. Захарова // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч.тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып.27. – С. 87-94.
5. Литвинов, П.П. Словарь наиболее употребительных синонимов английского языка [Текст] / П.П. Литвинов. – М.: Яхонт, 2001.
6. Шейгал, Е.И. Вторичные жанры политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал // Русский язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 143-144.
7. Шейгал, Е.И. Невербальные знаки политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: сб. научн. трудов. – Волгоград: Политех, 2000а. – С. 157-161.
8. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – Москва – Волгоград: Перемена, 2000б.
9. Graber, D.A. Political languages [Текст] / A. D. Graber // Handbook of political communication. – Beverly Hills, 1981.

eknatalya@yandex.ru

Жанаев А.Т., Улан-Удэ (Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ СОЗНАНИЯ И ВЕРБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ БУРЯТ

Главной формой выражения и отражения национальной культуры является язык. Языковое сознание не только антропоцентрично, но и этноцентрично, так как образ мира меняется от одной культуры к другой, и,

поскольку не существует двух абсолютно тождественных этнолингвокультур, нет и двух абсолютно тождественных образов мира. Поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев, 1993, с. 16]. Исходя из сказанного, можно говорить о несовместимости когнитивных структур в коррелируемых этнолингвокультурах. Под когнитивной структурой мы понимаем репрезентированное словом психическое образование, отражающее особый способ познания мира. В отличие от ментальных процессов, также реально существующих, но включающих и неосознаваемые компоненты, когнитивные структуры всегда вербализованы. В этом аспекте мы рассматриваем национально-маркированные языковые единицы, отражающие специфику сознания и коммуникативного поведения той или иной этнической общности или другими словами этнокультурные маркеры языкового сознания [Привалова, 2001, с. 10]. Исследуя когнитивную структуру, фиксированную вербально, мы создаем когнитивную модель, которая объясняет её принцип и механизм действия.

Известно, что истоки коммуникативной поведенческой модели ведут к культуре, национальному сознанию этноса. В бурятской коммуникативной культуре испокон веков считалось непреходящей ценностью немногословие: «*үгын үсөөниинь дээрэ, үхэрэй олонинь дээрэ*» (досл. *the best thing for words is sparsity, the best thing for cattle is multiplicity*). Это качество особенно ценно в мужчинах. Характеристика «*шаага эрэ*» (болтливый мужчина) имеет резко негативную коннотацию. Видимо, здесь можно провести параллель между буддистской философией о пустоте звука и нормативным речевым и неречевым поведением бурят [Дондокова, 2005, с. 215-217]. Как известно буддизм оказал мощное позитивное влияние на развитие традиционной науки, культуры бурят. Так мотив срединного пути явно прослеживается в коммуникативном поведении народа:

Когда разговариваешь,

Одинаково воздерживайся от высокомерия и робости.

Если поддашься любому из них,

Упадешь в пропасть опороченных (Галишев Э.-Х., Бэлигэй толи).

Вышеназванный постулат о поведенческой размеренности и «цене» слова предопределяет этикетную модель коммуникации. Например, не приемлемо применять слово «*үхөө*» (~*умер*) по отношению к человеку, так как считалось, что это слово слишком резкое. Вместо этого употребляли «*наһа бараа*» (~*прожил свои годы*), «*бурхан болоо*» (~*стал божеством*), «*бурханай орондо ошобо*» (*отправился в божественный мир*) и т.д. Также по моральным и религиозным мотивам использовалось большое количество заменителей наименований страшного, постыдного или одиозного. Например, слово «*шино*» (волк) было табуированным. Считалось, что применение этого слово вызывало нападение волка на скот. Вместо этого использовали «*тэнгэриин нохой*» (~*небесная собака*), «*хухэ модон нуултэ*» (~*с синим деревянным хвостом*). Такая система запретов – *сээрлэхэ ёһо /цээрлэх ёс/* – формировалась в течение многих столетий в монгольском обществе, где поведение человека было чрезвычайно регламентированным – поза, манера, речь, положение в пространстве, одежда, цвета. Все подчинялось строгой иерархии и строгим предписаниям, каким должен быть тот или иной человек. Нарушение этих правил влекло за собой духовный разлад, неприятности и сопровождалось особым осуждением со стороны общества. Такие предписания подразумевались в языке и поведении имплицитно, т.е. их не нужно было целенаправленно озвучивать.

При сравнении стереотипных оценок речевого поведения представителя английской и бурятской общностей выясняется, что некоторые параметры стереотипа, прописываемого для островитян подходят для ситуации с бурятским этносом. В частности, консервативность, стремление к объединению, патриотизм, здравый смысл, вежливость и «двусторонность». Последние две характеристики составляют семантическую базу коммуникативной культуры, частью которого является концепт конвенциональной «неискренности».

« - *Аблагүй нуунгүй. Хэлэхэ дуугарха байгаа. Надо бы говорить, а не молчать.*

- *Нюдэгүй хохор, шэхэгүй дүлиш хэн гү даа, мэдэжэ байгаа юм бэишэ гү. Они же не слепые, не глухие, сами должны знать» (Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомнай).*

Здесь неискренность заключается в том, что эксплицитно на вербальном уровне не выражены намерения говорящих: 1) вместо ошожо хэлэ (иди и скажи) автор использует неопределенно личную структуру; 2) муж не хочет открыто выяснять отношения с местным начальством поэтому он с некоторой суровостью отнекивается. Подобную схему ситуации можно отнести к социально-этнически мотивированному дискурсу неискренности т.к. представляют типичный сдержанный с недомолвками разговор в бурятской семье со старыми устоями и традициями. [Дашинимаева, 2005, с. 27-30] Напомним, что английский язык также славится недосказанностью и присутствием большой доли имплицитного материала. В рамках речевой деятельности говорящий может воспользоваться десятками различных коммуникативных сценарий. Конвенциализированность этикета привела к повышению образа косвенных форм речевого взаимодействия.

Таким образом, коммуникативное поведение генетически связано с национальной аксиологической системой и является по отношению к ней вторично-производным образованием, лингвистический конструкт которого выступает аксиологической квинтэссенцией оценок, норм, эталонов и представлений. По мнению А. Вежбицкой, языковые данные играют решающую роль в выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп населения.

Библиографический список:

1. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 1996. – С.291-292.
2. *Дашинимаева, П.П.* Конвенциональная несикренность – социально-этническая категория? [Текст] / П.П. Дашинимаева // Единицы языка и речи: межвузовский сб. науч. трудов. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2005. Вып. 4. – С.27-30.
3. *Дондокова, Р.П.* Коммуникативная культура как нормативная поведенческая модель в бурятской культуре [Текст] / Р.П. Дондокова // Россия–Азия: становление национального самосознания : материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2005. – С.215-217.
4. *Леонтьев, А. А.* Языковое сознание и образ мира. Язык и сознание: парадоксальная рациональность [Текст] / А.А. Леонтьев. М., 1993. – С.16-21.
5. *Привалова, И.В.* Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка [Текст] / И.В. Привалова // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 18. – С.10-17.

Список лексикографических источников:

1. *Шагдаров, Л.Д.* Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь : в 2-х т. [Текст] / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2006.
2. *Нямбуу, Х.* Монголчуудын цээрлэх ёсны хураангуй толь [Текст] / Х. Нямбуу, Ц. Нацагдорж. – Улаанбаатар, 1993.

ayur_zhanaev@mail.ru

Завьялова Г.А., Кемерово (Россия)

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО ФРЕЙМА (на материале романов А. Кристи)

В рамках когнитивной лингвистики сценарий рассматривается как «разновидность структуры сознания (репрезентации)», которая вырабатывается в результате интерпретации текста. Одним из уровней сценарной структуры является фрейм повествования, представляющий собой «скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие слушающему сконцентрировать полный тематический фрейм» [Кубрякова, 1997, с. 181]. В таком фрейме заложены конвенции о смене фокуса внимания, развитии действия, формах сюжета и действующих лица. Фрейм как структура данных для представления стереотипной ситуации соотносится с набором ожиданий о том, что должно произойти дальше в воспринимаемой ситуации и что нужно делать в случае, если ожидания не подтверждаются.

Исследуя детектив в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, С.В. Лесков под детективным фреймом понимает «связанную структуру знания, в которой опытом познания мира запрограммировано наличие определенных элементов. В процессе работы над текстом детектива автор акцентирует внимание на том или ином элементе детективного фрейма, определенным образом профилируя весь спектр заложенных в данный фрейм знаний, придает им конкретную конфигурацию и тем самым добивается передачи нужного смысла» [Лесков, 2005, с. 47].

По С.В. Лескову, в структуру детективного фрейма входят инвариантные концепты и типологически отмеченные концепты. Пять инвариантных концептов образуют вершинные узлы детективного фрейма – «crime/ преступление», «inquest/следствие», «detective/сыщик», «criminal/преступник» и «victim/жертва». Эти концепты выражают стереотипное представление о детективной ситуации и реализуются на инвариантном уровне детективного фрейма [Лесков, 2005, с. 47-48]. В отличие от инвариантных концептов, типологически отмеченные концепты, заполняющие терминальные узлы (слоты) детективного фрейма, не являются жестко фиксированными, их вариативность зависит от типа детективного текста [Там же]. Так, например, концепт detective может быть представлен в виде вариантов «сыщик-любитель» или «сыщик-профессионал», «пожилая женщина» или «католический священник» и т.д.

Включенный в повествование прецедентный текст помогает автору организовать художественное пространство произведения.

Источники прецедентности в детективных романах А. Кристи разнообразны – Библия, мифология, классическая литература. Одним из наиболее распространенных источников являются произведения жанра Nursery Rhymes. Это можно объяснить, во-первых, тем, что NR представляют собой пласт английской культуры, в котором находит отражение британская языковая картина мира, во-вторых, спецификой детективного жанра, основная функция которого – развлечение, игра с читателем, и в этом можно увидеть сходство обоих жанров.

Таким образом, гибкость структуры детективного фрейма позволяет автору варьировать наполнение ее слотов, не нарушая границ жанра, при этом прецедентный текст выступает в качестве сценария совершения преступлений или схемы расследования. Так, в романе «A Pocket Full of Rye» («Полный карман ржи») концепт «victim» представлен тремя персонажами, упомянутыми в считалке, а в «Five Little Pigs» («Пять поросят»)

жертва одна, но подозреваемых пять, что наводит Эркюля Пуаро на мысль о пяти поросятах из детского стишка.

Роман «Five Little Pigs» имеет четкую структуру – введение, показания адвокатов и беседы с подозреваемыми, их письменные показания, выводы, 5 вопросов – по одному каждому из подозреваемых, реконструкция событий, в которой Пуаро выдвигает основные версии происшедшего и, наконец, истина и последствие. Сыщик берет считалку как основу расследования, узнав, что подозреваемых было пять, и каждый из них ассоциируется у Пуаро с одним из поросят из считалки. Прецедентный текст помогает автору сфокусировать внимание читателя на одном из ключевых концептов детективного фрейма – расследовании, а точнее, на пяти вариантах данного концепта – «suspects» – «подозреваемых». Первый подозреваемый, Филипп Блейк, сосед убитого художника Эмиаса Крейла, напоминает сыщику самодовольного поросенка, и сразу же в памяти всплывает строка из считалки:

Hercule Poirot thought suddenly that he looked rather like a contented pig.

A pig. *This little pig went to market...*

Когда, посетив брата Филиппа, Мередита Блейка, Пуаро оказался в гостях у Эльзы Гриер, которая, незадолго до убийства Эмиаса Крейла, стала причиной размолвки в семье Крейла, сыщика поразила роскошь при явном отсутствии вкуса. Здесь царили деньги. После гибели возлюбленного Эльза, как видно, не бедствовала, выйдя замуж за лорда Диттишема, и цитата из считалки – «Этот поросенок съел ростбиф» – была именно о ней:

Money, money everywhere. Of taste, not so much. There had been a sombre austerity in Lord Dittisham's room. But here, in the house, there was only a solid lavishness...

Poirot said to himself: "Roast beef? Yes, roast beef!"

Бывшая гувернантка дочери супругов Крейл, Сесилия Вильямс, жила, напротив, очень бедно:

It was clear to Hercule Poirot that Cecilia Williams lived very near the bone. There was no roast beef here. This was the little pig that had none.

После ознакомления с показаниями читатель теряется в догадках – у всех подозреваемых были мотив и возможность совершить убийство, однако, проведенная сыщиком реконструкция событий позволяет обнаружить убийцу – ею оказалась Эльза Гриер. Считалка становится средством организации расследования, смещая фокус внимания читателя с одного подозреваемого на другого.

В романе А. Кристи «A Pocket Full of Rye» («Полный карман ржи») прецедентный текст акцентирует внимание на концептах «crime» и «victim» – убийца, используя детскую считалку, чтобы отвлечь подозрение на другого человека, совершает три убийства. Концепт «victim» представлен тремя персонажами – это Рекс Фортескью, богатый бизнесмен (в считалке – «король»), его жена Адель («королева») и их горничная Глэдис («горничная»). Так, прецедентный текст подчеркивает статус персонажей, их роли, «маски» и служит основой сюжета – в нем указана последовательность совершения убийств и намек на мотив совершения преступления – так называемый ложный ключ.

В романе прецедентный текст материален, опредмечен – аллюзиями на считалку становятся сами персонажи, а также предметы. Мисс Марпл воспроизводит события в той последовательности, в которой они происходили и наводит инспектора полиции на мысль о модели («a pattern»), по которой совершались убийства. В качестве модели выступает считалка, известная многим с детства – преступник и рассчитывал на узнаваемость текста.

Мисс Марпл цитирует считалку, а затем анализирует произошедшие события. Первой жертвой стал Рекс Фортескью, в кармане у которого оказались зерна ржи, что соответствовало первой строке считалки – «*Sing a song of sixpence, a pocketful of rye*»:

«It was rye in his pocket, wasn't it?»

Затем она напоминает, что Рекс по латыни означает «король», а умер он в своем офисе – «*The king was in his counting house, counting out his money*» и продолжает:

«And Mrs. Fortescue, the Queen in the parlor, eating bread and honey. And so, of course, the murderer had to put that clothes peg on poor Gladys's nose» («The maid was in the garden hanging out the clothes When there came a little dicky bird and nipped off her nose») – жена Рекса Фортескью, Адель, была убита в гостиной за чаем, а горничная – во дворе, в полном соответствии со считалкой.

Что касается второй строки, в которой упоминаются черные дрозды – «*Four and twenty blackbirds baked in a pie*» – то, как оказалось, такой эпизод имел место, хотя давно – несколько месяцев назад на столе г-на Фортескью были обнаружены мертвые дрозды, однако, никто не придавал этому особого значения, приняв за чей-то глупый розыгрыш. Автором розыгрыша оказалась невестка Рекса Фортескью, Дженнифер. Убийца же воспользовался этим эпизодом как уликой против Дженнифер Фортескью, «привязав» к нему свои преступления.

Прецедентный текст играет роль сценария, модели, сюжетной схемы, при этом сама считалка появляется в романе после совершения всех убийств, что дает возможность читателю обратиться к своему тезаурусу, вспомнив данный прецедентный текст либо теряться в догадках, не видя смысла в такой последовательности и просто следить за ходом расследования.

Итак, прецедентный текст в детективе позволяет автору организовать элементы детективного фрейма таким образом, чтобы сделать сюжет произведения более захватывающим, не нарушая границ жанра.

Библиографический список

1. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
2. *Лесков, С.В.* Лексические и структурно-композиционные особенности психологического детектива : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / В.С. Лесков. – СПб., 2005.

Список источников иллюстративного материала

1. *Christie, A.* Five Little Pigs [Text] / A. Christie. – N. Y. : Signet, 2000.
2. *Christie, A.* A Pocket Full of Rye [Текст] / A. Christie. – М. : Айрис-пресс, 2004.

zavialova1982@rambler.ru

Зайнуллина Л.М., Уфа (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Проблемы изучения языкового сознания и коммуникативного поведения привлекают к себе внимание многих современных лингвистов. Это объясняется “потребностями общества оптимизировать общение в меняющемся мире в условиях информационного взрыва, вторжения виртуальной реальности в нашу жизнь, умножения межкультурных контактов, изменения стереотипов восприятия действительности” [Карасик, 2009, с. 5].

Основными характеристиками сознания являются: а) *субъективность сознания*: фундаментальное свойство процессов сознания непосредственно открываться (репрезентироваться) субъекту; б) *закрытость сознания для других*: факты сознания могут открываться непосредственно тому, кому они даны и никому больше; качества ощущений, образов, переживаний - уникальны; в) *единство сознания*: при всем многообразии содержания сознания (образы непосредственно окружающего мира, образы-воспоминания, эмоциональные переживания, предчувствия, мысли, идеи и т.д.) оно осознается как единое целое сознания индивида в определенное время; г) *интенциональность сознания*: в нем всегда сосуществует объект сознания в трех ипостасях: представление объекта в форме образа, суждение о нем как истинном или ложном и его эмоциональная оценка как желаемого или отвергаемого [Никитина, 2006, с. 121-123].

Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов [Зинченко и др., 2008, с. 157]. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике по праву связано с именем Ю.Н. Караулова, который под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 2002, с. 34].

Придавая значение вещам, ситуациям, человек вводит их в ценностно-смысловое поле уже сложившегося этнокультурного сознания, таким образом, совершенствуя и упорядочивая его. Однако, достигнутый порядок существует до тех пор, пока познающий и неутомимый разум не ощутит потребность в означивании новых объектов и явлений. С этой целью старые знаки не устраняются, а наоборот, актуализируются, выводятся из глубины на поверхность сознания, чтобы в лингвокреативном процессе мышления стать основой порождения знаков вторичной номинации. Тем самым, совершенствуя свое сознание, человек как бы раздвигает границы мировосприятия [Алефиренко, 2005, с. 75].

Языковое сознание рассматривается как «вербально оформленное отражение действительности в сознании, как вербализованная форма существования *когнитивного сознания* человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности». Господствующий тип культуры «формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры»; в то же время, сознание, «выражая себя вербально, также принимает на себя языковые воздействия» [Стернин, 2007].

Известное выражение К.Маркса «Язык так же древен, как и сознание», вероятно, необходимо понимать в том смысле, что язык и сознание представляют два необходимых условия существования общества. Общественное сознание не могло бы возникнуть без языка, поскольку «опыт познания мира отдельными индивидами может превратиться в коллективный опыт только при посредстве языка» [Алефиренко, 2005, с. 127].

Сознание имеет следующие аспекты (содержание): 1) способность к целеполаганию; 2) свободное движение мысли по оси «прошлое-настоящее-будущее»; 3) орудием психической деятельности человека является язык, который способен описать внешние объективные свойства вещей, независимо от их отношения к человеку. Высшим выражением сознания является самосознание, имеющее коммуникативную природу, т.к. оно

формируется не только в процессе общения с другими людьми, но и в результате прямых и косвенных оценок личности со стороны окружающих [Маслова, 2007].

Очень важным для углубления представления о соотношения языка и культуры является разграничение понятий «когнитивное сознание» и «языковое сознание». Если первое включает в свой состав, как правило, результаты когниции, второе, кроме мыслительных, интегрирует в себе и другие формы отражения окружающего мира – эмоциональные, эстетические, экспрессивно-оценочные и т.п. Представляется, что взаимодействие языка и культуры имеет когнитивное основание, которым является взаимодействие процессов концептуализации и вербализации, а также соотношение концептуальных языковых и неязыковых репрезентаций [Алефиренко, 2005, с. 279].

Центральным системообразующим звеном коммуникативного процесса является языковая личность (ЯЛ). В межкультурной коммуникации ЯЛ определяется как национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, придерживающийся определенных языковых, поведенческих и ценностных подходов и стандартов и потенциально способный к межкультурной трансформации [Тхорик, 2006, с. 112].

В содержание языковой личности обычно включаются такие компоненты:

а) ценностный (мировоззренческий) компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе общения;

б) культурологический компонент, т.е. уровень усвоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

в) личностный компонент, т.е. нечто индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

В.И.Карасик считает, что в структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры. Духовные ценности, вбирающие сущность «национальной аксиологии, фокусируются в национальной модели мира языковой личности, в системе вербализованных представлений-оценок относительно собственного «я», а также объектов и явлений окружающего мира» [Карасик, 2009, с. 47].

В межкультурной коммуникации, основанной на единстве изучения языков и культур, системный характер языковой личности проявляется в полной мере. Овладение лишь вербально-семантическим уровнем любого языка является недостаточным. Языковая личность диалогична, поскольку проявляется на пересечении сознаний и культур. Системно-динамический подход к коммуникации позволяет говорить о многоаспектности языковой личности и признании необходимости учета различных параметров взаимодействия и взаимовлияния языка, культуры и коммуникации.

Библиографический список

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта; Наука, 2005.
2. *Зайнуллина, Л.М.* Общие проблемы лингвокультурологии [Текст] / Л.М. Зайнуллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008.
3. *Зинченко, В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И.* Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме [Текст] / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М. : Флинта; Наука, 2008.
4. *Карасик, В.И.* Языковые ключи [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009.
5. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : УРСС, 2002. – Изд.2-е.
6. *Маслова, В.А.* Homo lingualis в культуре [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007.
7. *Никитина, Е.С.* Семиотика: Курс лекций [Текст] / Е.С. Никитина. – М. : Академический Проект; Трикста, 2006.
8. *Привалова, И.В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) [Текст] / И.В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005.
9. *Стернин, И.А.* Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И.А. Стернин. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007.
10. *Тхорик, В.И.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация [Текст] / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М. : ГИС, 2006.

farkhad_m60@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Проблема формирования дискурсивной компетенции школьников является одним из объектов исследования современной лингводидактики. Дискурсивная компетенция играет важную роль при формировании иноязычных коммуникативных умений, так как, осуществляя общение на межкультурном уровне коммуниканту необходимы знания и умения использования адекватных стратегий речевого поведения с учетом определенных форм интеракции коммуникантов, принадлежащих разным языковым культурам. Следовательно, под дискурсивной компетенцией понимается способность воспринимать и порождать тексты различных жанров в соответствии с коммуникативным намерением в рамках определенного коммуникативного взаимодействия. Решение обозначенной задачи становится возможным на основе данных исследований таких областей научного знания, как социолингвистика, культурология, психолингвистика и когнитивная лингвистика. Таким образом, изучение данной проблематики приобретает междисциплинарный характер, так как в фокусе исследований вышеназванных научных направлений находится триада «язык – культура – сознание».

Человек как субъект познания и языковая личность, обладает определенной системой знаний, мнений и представлений в отношении окружающей его объективной действительности. Такая система определяется как картина мира, образ мира, модель мира и т. п. Взаимодействуя с окружающим миром, человек создает в своем сознании сложную и многообразную модель этого мира, некую «картину свойств вещей в их отношениях друг к другу и к субъекту» [Шахнарович, Голод, 1986, с. 54]. Следовательно, картина мира выступает как субъективный образ объективного мира.

В концепции Р.И. Павилениса концептуальная картина, как система мнений и знаний о мире, «отражает познавательный опыт человека как на доязыковом, так и на языковом уровне. Человек начинает познавать мир еще до знакомства с языком, благодаря каналам чувственного восприятия, получая в определенной степени истинную или ложную информацию об окружающем мире» [Павиленис, 1983, с. 101].

В качестве строительных элементов концептуальной картины выступают концепты, которые, являясь своеобразными «квантами» хранения знания о мире. В Кратком словаре когнитивных терминов концепт определяется как «оперативно содержательная единица языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 90].

Однако проблема определения универсальных концептов остается актуальной. Так, А.Д. Васильев указывает на проблематичность установления полного набора «универсальных концептов в сознании носителей всех языков мира, а также оптимальных средств для вербального выражения данных концептов» [Васильев, 1998, с. 34].

Трактовка понятия концепт указывает на то, что оно является системообразующим элементом картины мира, а значит ключевым в соотношении «язык – культура – сознание». Так, В. И. Карасик отмечает, что, «несмотря на множественность толкований концепта в лингвистике, исследователи сходятся в том, что данное научное понятие позволяет по-новому раскрыть сложные взаимоотношения языка и мышления, с одной стороны, и языка и культуры с другой» [Карасик, 2003, с. 17].

Концепт как ментальное образование, получающее репрезентацию в различных сферах познаваемой, переживаемой и преобразуемой деятельности, существует в индивидуальном и коллективном сознании. Несмотря на сложную природу концептуальной картины мира, в ней присутствуют константы, свойственные каждому индивиду и способствующие взаимопониманию людей. Например, общечеловеческие ценности и нормы поведения в обществе, связанные с такими концептами, как «любовь», «дружба», «ненависть», «мир», «война» и т. п. В то же время, в границах каждой языковой общности имеют место концепты, отражающие лингвокультурные характеристики данного социума. Так, например, практика показывает, что многие граждане России часто в рамках межкультурной коммуникации интерпретируют концепт немцев «бережливость» как «жадность». Так, например, немецкие поговорки *Sparsamkeit ist die beste Tugend* (Экономия – лучшая добродетель) и *Kleine Geschenke erhalten die Freundschaft* (Маленькие подарки сохраняют дружбу) могут в определенной степени способствовать коммуникативной неудаче в общении носителей русского и немецкого языков. Значение этих поговорок свидетельствует о том, что в сознании носителя немецкой культуры концепт «подарок» содержит неотъемлемый компонент «бережливость». В то же время, для представителей российской культуры этот концепт в большинстве случаев не соотносится с бережливостью или экономией, например, *Отдам последнюю рубаху, Не имей сто рублей, а имей сто друзей*.

Другим примером может служить разница в понимании концепта «времени». В речевом обиходе русского человека встречается выражение, *Если что, звони*, которое может оказаться препятствием в межкультурной коммуникации. Для представителя немецкой языковой общности необходимо указание на определенное событие, например, *Wenn du mit Monika zur Disco gehst, ruf mich an* (Если пойдешь с Моникой на дискотеку, позвони мне).

Таким образом, концептуальную картину мира языковой личности можно рассматривать в качестве ментальной основы коммуникативной компетенции. В контексте исследуемой проблемы коммуникативная

компетенция понимается как способность соотносить языковые средства адекватно задачам и условиям коммуникативного взаимодействия, учитывая социальные нормы языкового поведения участников межкультурной коммуникации. Поэтому при формировании иноязычной коммуникативной компетенции школьников важно использовать разные типы дискурса. Использование дискурса в обучении иностранным языкам позволит познакомить учеников с образцами речевого и неречевого поведения носителей иного языка и культуры в контексте определенной коммуникативной ситуации, что будет способствовать формированию дискурсивной компетенции, которая помогает школьнику адекватно использовать вербальные и невербальные средства в условиях реальной коммуникативной ситуации.

Основу содержания обучения дискурсивной компетенции составляют определенные типы дискурса, необходимые для реализации иноязычного общения; языковой материал, адекватный жанрово-стилистическим характеристикам соответствующих типов дискурса; социальный контекст, включающий коммуникантов, их фоновые знания, сферы и ситуации общения; коммуникативные намерения; умения и навыки иноязычного общения.

В качестве основных умений дискурсивной компетенции выделяют следующие умения: осуществлять выбор типа дискурса и его построение адекватно поставленной коммуникативной задаче; выбор жанра текста в соответствии с дискурсом, знание его жанрово-стилистических характеристик и их соблюдение при построении дискурса.

Формирование дискурсивной компетенции учащихся необходимо осуществлять в рамках деятельностного подхода. Важно использование естественных ситуаций общения, которые дают возможность демонстрировать реальные типы дискурса. Обучение дискурсивной компетенции школьников реализуется в ходе нескольких этапов. На первом этапе учащимся демонстрируется определенный тип дискурса. В случае обучения письменному дискурсу ученики знакомятся с его структурой, лингвистическими особенностями и правилами оформления. В обучении устному дискурсу особое внимание уделяется специфике речевого и неречевого поведения коммуникантов.

Задачами второго этапа являются формирование репродуктивных умений учащихся в упражнениях на восприятие и воспроизведение. В ходе данных упражнений ученики усваивают нормы построения конкретного дискурса, его логико-смысловую структуру, лингвистические и композиционные характеристики, экстралингвистические признаки.

На завершающем этапе учащиеся самостоятельно продуцируют реальный дискурс, соответственно условиям коммуникативной ситуации.

Таким образом, при формировании вторичной языковой личности в условиях школьного обучения преподавателю необходимо учитывать, что концептуальная картина мира обучающегося формируется на основе картины мира его родной культуры, что в значительной мере будет являться интерферирующим фактором при изучении иноязычной культуры. Поэтому учителю / преподавателю иностранного языка целесообразно использовать на уроке задания по сбору и систематизации лингвострановедческой информации, для обучения способам выхода из социокультурных тупиков и для овладения необходимыми коммуникативными стратегиями.

Библиографический список

1. *Васильев, А.Д.* О некоторых вопросах изучения концептов [Текст] / А.Д. Васильев // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития : мат-лы первой международной шк.-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. – Ч.1. – С.34-35.
2. *Карасик, В.И.* Транслируемость концептов [Текст] / В.И. Карасик // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума, Волгоград, 22-24 мая 2003 г. – Волгоград, 2003. – Ч.2. – С.17-19.
3. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
4. *Павиленис, Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983.
5. *Шахнарович, А.М.* Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности [Текст] / А.М. Шахнарович, В.И. Голод // Вопросы языкознания. – 1986. - №2. – С.52-56.

zapisolga@rambler.ru

Заюкова Е.В., Барнаул (Россия)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЯ ИНТЕНЦИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Говоря о синтаксических средствах выражения значения намерения совершить действие, необходимо поднять вопрос о семантической модели предложения, который возникает в связи с проблемой порождения

конкретного предложения и в связи с изучением синтаксических связей, благодаря которым в предложение включается та или иная структура.

Семантическая модель любого предложения определяется:

- 1) наличием в реальной действительности известного факта, отношения;
- 2) переработкой его и отбором модели кодирования со стороны говорящего в ходе мыслительно-речевого процесса в соответствии с «углом зрения», «ситуацией общения», «фоновым знанием», «коммуникативной интенцией» [Москальская, 1973, с. 36].

Денотатом синтаксических средств, выражающих значение намерения, цели, являются отношения «средство – цель», существующие в природе и обществе. Поскольку объективному миру присущи не только непрерывность, постепенность переходов от одного явления к другому, но и прерывистость, или дискретность, то языковые структуры могут воспроизвести отдельные элементы его действительной или проецируемой сознанием расчлененности. Отсюда следует необходимость установления семантических признаков (сем) средства и цели, конституирующих все значение.

Средство может быть определено как сознательное, необходимое, реальное действие, обусловленное и порожденное целью, но предшествующее ее действию в реальной действительности. Цель есть преднамеренный, желаемый, пока нереализованный результат действия:

- (1) *I perceived my sandal was loose; I stopped to tie it* (Ch. Bronte, p. 232).

Необходимость рассмотрения синтаксических средств объясняется тем, что любая семантическая модель предложения воплощается в одной или нескольких функционально синонимичных поверхностных структурах предложения, различия между которыми являются по своему характеру вариативными [Бархударов, 1973, с. 55]. Инвариантом, в нашем случае, является намерение совершить действие, как смысловая единица, лежащая в плане содержания; все синтаксические средства для ее выражения – варианты, являющиеся единицами плана выражения. Каждому семантическому варианту намерения свойственны формальные показатели: союзы, предлоги, интенсификаторы, неличные формы глагола – целевого действия. Внутри каждого варианта выделяются подварианты, рассматриваемые как синонимы. Для их разграничения решающую роль играют стилистические критерии, контекстуальные условия и цели коммуникативного акта.

Синтаксическими средствами, выражающими значение интенции, являются инфинитивные конструкции со значением намерения, придаточные предложения обстоятельства цели и предложно-именные сочетания с импликацией намерения.

Обстоятельство цели называет некоторое желаемое событие, которое ожидается в результате предшествующей активной, сознательной деятельности. Так как это действие связано с сознательной деятельностью, то это значит, что в нашем случае субъект действия инфинитива всегда некто одушевленный, способный к такой деятельности. Анализируя данную подгруппу по способу включения предикативной единицы и по типу ее связи ядерных предложений, следуя за О.И. Москальской [Москальская, 1973], можно выделить две семантические модели, на базе которых путем трансформационных процедур порождаются предложения, реализующие отношения «средство – цель».

Модель 1: Subject – Predicate – to Infinitive

- (2) *The boys have gone off to play golf* (Maugham, p. 132).

Данная базовая модель допускает три модификации (или варианта): Subject – Predicate – in order – to Infinitive; Subject – Predicate – so as – to Infinitive; Subject – Predicate – as if/as though – to Infinitive.

Целевое значение инфинитива, как правило, определяется без затруднений и всегда может быть однозначно установлено подстановкой союза. Возможности подстановки этого союза в любую структуру с инфинитивом цели очень важны, т.к. возможность или невозможность его подстановки в ту или иную структуру может служить диагностирующим признаком при определении функции инфинитивной конструкции как обстоятельства цели там, где другие его параметры совпадают с параметрами каких-либо иных разрядов, например, обстоятельства последующих явлений, как в примере (3):

- (3) *The night passed rapidly. I was too tired even to dream; I only once awoke to hear the wind rave in furious gusts, and the rain fall in torrents...* (Ch. Bronte, p. 62).

Подстановка in order в данном случае ведет к бессмыслице; адекватен перифраз с двумя равноправными предложениями, передающими последовательность действия. В этом случае зачастую говорят о переводческой проблеме, а именно о распознавании данного комплекса, поскольку формальная структура английского предложения не позволяет дифференцировать функцию инфинитива. При переводе подобных конструкций необходима трансформация. Чаще всего используется прием грамматической замены: неопределенная форма глагола заменяется однородным глаголом-сказуемым, иногда требуется прием членения предложения: *Ночь промелькнула незаметно; я настолько устала, что не видела снов. Лишь один раз я проснулась, услышала, как ветер проносится за стеной беженными порывами, как льет потоками дождь.*

Модель 2: Subject – Predicate – for Noun/ Prn – to Infinitive

Специфика модели состоит в том, что действие, совершаемое одним субъектом, имеет целью реализацию задачи, поставленной другим субъектом:

- (4) *...the preacher was lining out a hymn. He lined out two lines for them to sing* (Twain, p. 379).

При переводе данного оборота необходимы трансформации, поскольку перевод на уровне языковых знаков не соответствует языковым нормам языка перевода: ...*проповедник читал молитву. Прочтет две строчки, и все подхватят их хором.*

Ввиду существования в языке тенденции к речевой экономии выражения, т.е. замещение значимых структур компрессивными вариантами – несмотря на наличие специализированного союза в конструкции *in order to infinitive*, и на то, что она может вводить инфинитив цели в любом случае его употребления, фактическое ее использование довольно ограничено – бессоюзные структуры являются более рекуррентными.

К центральным компонентам функционально-семантического поля интенциональности относятся также придаточные предложения обстоятельства цели, образуемые по модели: *Sentence main – connector – Subordinate clause*

Естественно, также как и в предыдущей подгруппе, так и во всех конструкциях, передающих значение намерения совершить действие, субъект действия должен быть одушевленным, способным к такой деятельности, хотя он может быть не выражен в предложении, а имплицироваться посредством совершенной им деятельности:

(5) *The crystal chandelier was shrouded in muslin so that the flies should not spot it* (Maugham, p. 208).

Для данной подгруппы характерны три варианта базовой модели, реализующие отношения «средство – цель»:

Sentence main – connector – Subordinate clause (подлежащие ядерных предложений идентичны):

(6) *I carefully avoided another glance, lest I should see it in gloomy shadow, like the rest of the landscape* (A. Bronte, electronic resource);

Sentence main – connector – Subordinate clause (подлежащие ядерных предложений различны):

(7) *She tiptoed down the stairs so that no one should hear her* (Maugham, p. 228);

Sentence main – connector – Subordinate clause (подлежащее ядерного предложения идентично дополнению матричного предложения):

(8) *But he insisted on walking home with me, in order that I might make no extra preparation for him* (Dickens, p. 266).

Что касается перевода, то в данном случае следует говорить о возможности перевода данных моделей на уровне языковых знаков или на уровне структуры высказывания, где воспроизводится значительная часть синтаксической структуры оригинала.

Для конструкций, включающих в свой состав предложные словосочетания с целевым значением, характерна только одна семантическая модель, реализующая отношения «средство – цель»: Модель: *Subject – Predicate – for/to – Noun/Gerund* (подлежащие ядерных предложений идентичны).

(9) *“She’s in Switzerland, is she? I don’t care where she is; I only care about Mr. Mirabel. We all heard he was at Brighton for his health.”* [Collins, electronic resource].

Для перевода подобных конструкций необходимы определенные трансформации, а именно экспликация намерения посредством замены типа предложения, либо использования приема добавления, поскольку буквальный перевод в данном случае явился бы нарушением языковой нормы и узуса.

В заключении необходимо подчеркнуть тот факт, что при переводе данных конструкций с английского языка на русский очень часто происходят потери именно в плане стилистической окраски, что объясняется, как показывает анализ, отсутствием подобных соответствий в русском языке и наличием более широкого синонимического ряда синтаксических средств выражения интенциональности в английском языке.

Библиографический список

1. Бархударов, Л.С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения [Текст] / Л.С. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1973. - №3. – С. 50-61.

2. Москальская, О.И. Проблема семантического моделирования в синтаксисе [Текст] / О.И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1973. - №6. – С. 33-43.

Список источников иллюстративного материала

1. Bronte, A. Agnes Grey. [Electronic resource] / Mode of access: <http://www.literature.org/authors/bronte-anne/agnes-grey>

2. Bronte, Ch. Jane Eyre. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1952.

3. Collins, W. I Say No. [Electronic resource] / Mode of access: <http://collins.thefreelibrary.com/I-Say-No>

4. Dickens, Ch. Great Expectations. – Great Britain : Penguin books, 1994.

5. Maugham, W.S. Theatre. – М. : Международные отношения, 1979.

6. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer. The Adventures of Huckleberry Finn. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1960.

elena-zayukova@yandex.ru

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЕМИОТИЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ В РАМКАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Сегодня не только лингвистика, философия и психология, но и целый ряд других наук пытаются – каждая со своей стороны – найти ответы на вопрос о том, что современная наука понимает под метафорой, поскольку от ответа на него, от понимания природы этого феномена, в первую очередь будет зависеть то, как его изучать. Сделать вывод о характере общего вектора развития научной мысли и основных направлений исследования заявленной темы позволяет анализ научных работ и различных справочных изданий последних лет, посвященных понятию метафоры, а также контекст ее изучения в профессиональном дискурсе (см. напр.: [Скляревская, 2004; Колпакова, 2004; Жура, 2007; Бородулина, 2007; Козинец, 2009]).

На основе анализа семантической структуры метафоры с позиции предлагаемого нами лингвосемиотического подхода (см. подр.: [Зубкова, 2010 а]), можно утверждать, что сжатый смысл, скрытый в профессиональной метафоре, разворачивается в рамках системы координат, присущей конкретному человеку, с учетом индивидуальных характеристик личности в данный момент (чувственное отношение к обсуждаемому предмету или явлению, общее эмоциональное состояние, психические и психологические особенности индивида). При отсутствии внешнего контекста предшествующий опыт индивида определяет необходимый «угол зрения» для установления связи между воспринимаемыми словоформами профессиональной метафоры и хранящейся в памяти информацией. Это составляет тот внутренний многоаспектный (перцептивный, когнитивный, аффективный) контекст, включающий в себя профессиональную метафору и на фоне которого она имеет смысл, манифестирующийся в семантическом поле. Учет всех этих факторов обеспечивает формирование смысла исследуемого феномена.

По замечанию Д. Дюбуа, эти процессы сопровождаются «кристаллизацией и стабилизацией свойств и характеристик объектов в таком образом дефинированных в категориях» [Dubois, 1993, с. 156]. Следовательно, как нам представляется, профессиональная метафора перестраивает на уровне естественного семиозиса (см. подр.: [Зубкова, 2010 б]) основной мир в мир категориальный. При этом исследуемый феномен не является результатом случайных ассоциаций означаемого в означающее. Профессиональная метафора находится в центре связанных между собой согласно критериям схожести референций сопоставляемых понятий. По нашему мнению, когерентность когнитивных процессов и ментальных репрезентаций осуществляется в рамках искусственного семиозиса (см. подр.: [Зубкова, 2010 в]) и результатом этого процесса является формирование привилегированных референций.

Важно отметить, что привилегированный референт не связан с языковым пространством индивида, однако, являясь составной частью семиозиса, он способен индуцировать иерархии семантической структуры метафоры. Последняя, по нашему мнению, организована согласно двум основным принципам: абстракции сем и трансферту сем. В первом случае осуществляется формирование семантической структуры посредством потери некоторых элементов смысла. Во втором случае, как нам представляется, осуществляется трансферт элементов сигнификации из одной семантической структуры в другую (метонимический трансферт). В этом случае метафорическая девиация не идентична метонимической или синекдотической. В случае метонимии / синекдохи категориальное применение следует из использования одной случайной категории для другой, в то время как в метафоре, идет речь о категоризации случая в категории, которая ей обычно не свойственна.

В нашем понимании в рамках семиотического континуума просодический фокус восприятия профессиональной метафоры запускает лингвистические процессы, в то время как кинетический размер речи является результатом первичной интересубъективности в ментальном пространстве индивида. Семантическая пустота заполняется синестезией нашего восприятия реальности. Когда мы употребляем метафору, мы неизбежно приступаем к конденсации воспринимаемой, «реальной реальности», которая вытекает из отражения мира, представленного в качестве ментальных репрезентаций, и подвергается радикальному сокращению в языке, в котором она воплощается в соединении произвольных голосовых или письменных знаков.

Вместе с тем, профессиональная метафора выступает как понятие, принадлежащее двум понятийным областям. По нашему мнению, на уровне семантической структуры это объективируется сначала общим представлением о характере её специального значения, указывая на то, что обозначаемый феномен есть агент действия трансформации. В специальном же значении знака, обозначаемого в языковом поле в виде профессиональной метафоры, дополнительно имеются весьма существенные дискретные элементы, определяющие специфику агента действия и самого действия. Наличие этих дополнительных элементов семантического значения, не вытекающих из значений компонентов, и делает профессиональную метафору в её специальном значении знаком, т.е. семантически целостным образованием. Например: «*stop and go (стой и иди)* – метод регулирования экономики», «*vente forfaitaire (продавать «а форфэ»)* – продажа по заранее обусловленной цене», «*продажа «под ключ»*» [Нечаева и др., 1995, с. 215, с. 236].

Профессиональная эффективность (нацеленность на быстрое и эффективное решение профессиональных практических и теоретических задач) способствует выявлению скрытых отличительных характеристик предмета или явления, и дает возможность переноса знаков из непрофессионального континуума в профессиональный. Это способствует более четкой конкретизации профессиональных реалий и потенциально

возникающее новое знание выражает в метафоре какой-то один, наиболее значимый в данной профессиональной ситуации признак предмета. Это привело нас к заключению, что смысл профессиональной метафоры зависит от локализуемого радикального синтеза прошлого и концептуализированного воспринятого настоящего. Например: «*tel quel* («*такой как есть*»; «*без подсчета процентов*») – условия продажи товара без гарантии качества» [Нечаева и др., 1995, с. 224].

В этом случае метафора играет роль классификатора, образующегося по принципу «когнитивной экономии»: в ней согласуются содержания ментальных категорий объектов/явлений окружающей действительности, которые могут принадлежать к различным областям, но между которыми индивид устанавливает достаточно стабильные связи, фиксирующиеся в языке. Это своеобразный когнитивный алгоритм формирования смысла метафоры, имеющий последовательный характер. При этом заметим, что наращивание семиотического потенциала метафоры происходит за счет активного использования аналитических возможностей метафоризации, манифестирующей на языковом уровне продукты когнитивных операций.

Подчеркнем, что, осознавая в полной мере смысл профессиональных метафор, индивид не пытается осмыслить их буквально, а через собственную интерпретативную активность, посредством своего профессионально-опытного толкования, приходит к построению новых смыслов и дальнейшей онтологизации последних в языковом поле. Например: «**Фигура омеги** – контур складок кожи верхней части лица, напоминающий греческую букву Ω (омега); наблюдается при депрессии и обусловлен сокращением мышц, сдвигающих брови, с образованием продольной складки кожи, над которой расположены поперечные складки» [Энциклопедический словарь медицинских терминов, 1984, с. 231].

Резюмируя вышесказанное заметим, что исследуемый феномен является продуктом взаимодействия семиотических и когнитивных составляющих, а его значение становится функциональным в поле образующейся интегративной системы, что, безусловно, заметно усложняет его концептуальную значимость.

Библиографический список

1. Бородулина, Н.Ю. Метафорическая репрезентация экономических понятий как объект семиотического анализа: Монография [Текст] / Н.Ю. Бородулина. – Тамбов : Изд-во «Грамота», 2007.
2. Жура, В.В. Фреймовая репрезентация медицинского дискурсивного контекста [Текст] / В.В. Жура // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007, №3. – С. 69-75.
3. Зубкова, О.С. Метафора как семиотическая система [Текст] / О.С. Зубкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2010а. - №3 (2). – С. 23-26.
4. Зубкова, О.С. Метафора как часть естественного семиозиса [Текст] / О.С. Зубкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010б. №4. – С. 326-331.
5. Зубкова, О.С. Некоторые когнитивные аспекты формирования метафоры [Электронный ресурс] / О.С. Зубкова // Вестник КГУ. Сер. Филология. – 2010в. - №2 (14). – Режим доступа : <http://scientific-notes.ru/pdf/014-17.pdf>
6. Колпакова, Г.В. Семантика языковой единицы [Текст] / Г.В. Колпакова. – Казань : Из-во Казанск. ун-та, 2004.
7. Козинец, С.Б. Семантический потенциал словообразовательных метафор [Текст] / С.Б. Козинец // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. - №1. – С.79-86.
8. Нечаева, И.М. Финансовый и банковский менеджмент. Французско-русский профессиональный словарь [Текст] / И.М. Нечаева, Е.С. Стоянова. – М. : Перспектива, 1995.
9. Складьяевская, Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Складьяевская. 2-е изд. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004.
10. Энциклопедический словарь медицинских терминов [Текст] / Б.В. Петровский (Гл. ред.) : в 3-х т. Около 60 000 терминов. – М. : Советская энциклопедия. – Т.3. Рабдитозы – Ящур. 1984.
11. Dubois, D. Semantique et cognition: categories, prototypes, typicalites. – Paris, CNRS Edition, 1993.

olgaz4@rambler.ru

Иванова Т.В., Иркутск (Россия)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ «ШАНТАЖ»

Шантаж как сложное и многогранное явление, находящееся в зоне сопряжения периферийных областей семантически сопряженных пространств – категоричности и некатегоричности [Топка, 2007(б), с. 358], образуется путем слияния нескольких ситуаций (Угроза, Участие, Предостережение и других), следовательно, и способы его языковой репрезентации варьируются от весьма категоричных до некатегоричных. «Владение средствами некатегоричного высказывания является важным условием для целенаправленного общения, так как некатегоричное высказывание может служить языковой формой выражения таких речевых действий говорящего, как объяснение, оправдание, извинение, а также, в определенной обстановке общения, для

выражения скрытой угрозы, иронии и шантажа» [Топка, 2002, с. 133-134].

К лексическим маркерам речеповеденческой ситуации «Шантаж», способствующим его идентификации, следует отнести:

1) вербальное выражение ситуации лексемами *blackmail/ing* и ее производными (e.g. *greenmail*, etc.): «*You bribed him and then you **blackmailed** him?! Leave the **blackmail** out of the story you tell the committee*» (Shore, 2004);

2) лексемы-репрезентанты, передающие внутреннее напряжение, сомнение, неуверенность, угрозу, просьбу, предостережение, варьирующиеся в зависимости от типа шантажа. В представленной ниже ситуации описывается реакция говорящего-шантажируемого –

Экройд опасается за собственное благосостояние, поскольку его невесту шантажировали и впоследствии убили, и теперь требуют денег от него самого:

«*I saw **the repulsion, the horror, in Ackroyd's face***» (Christie, 2001, с. 33), а также и реакция шантажирующего во время разоблачения –

Сыщик представляет говорящему доказательства его виновности:

«*All along I have had a **premonition of disaster**, from the moment I saw Ralph Paton and Mrs. Ferrars with their heads together*» (Christie, 2001, с. 141).

К средствам выражения речеповеденческой ситуации «Шантаж» можно также отнести авторские ремарки: введение в предложение добавочных сообщений, замечаний относительно действий, жестов, мимики, мыслей героев. Они (ремарки) отражают отношение говорящего к происходящему, к своим словам и словам партнера по коммуникации: «*There were flames glowing instead of his eyes*» (Christie, 2001, с. 34).

Проведенный нами анализ языковой структуры высказываний коммуникантов позволяет выделить следующие основные грамматические маркеры выражения шантажа в современном английском языке:

1) в высказывании шантажиста встречается (в качестве синтаксического средства выражения шантажа) частое употребление предложений с условными придаточными: «*If you do not do the surgery, [he starts to walk away] I am going to tell your wife that you have been sleeping with a series of nurses*» (Shore, 2004);

2) конструкции с предикатами страха в первичном значении (слова шантажируемого): «*I am scared to go to the police*» (Shore, 2004) и во вторичном значении (слова шантажирующего): «*The Comte de la Roche, is it not?*» he said. «*I am afraid you have wasted your time in coming here*» (попытка избавиться от собеседника апелляцией к «пустой трате времени») (Christie, 2001, с. 100);

3) повтор предложений с вопросительной структурой: «*Has any other woman in town got such trouble with her children? Why do you afflict me like this, Teresa? What is it that has gotten into you tonight?*» (Cornell, 2005, с. 20).

«Непрямая коммуникация охватывает целый ряд речевых явлений, при использовании и интерпретации которых как в повседневной речевой практике, так и во вторичных, книжных или официальных сферах общения оказываются недостаточными лишь правила языка. Часто использование данных явлений вообще осуществляется без непосредственной опоры на систему языковых значений и значимостей. Более того, многие типичные ситуации общения допускают и даже требуют от коммуникантов обращения к нестандартным языковым средствам, грамматическим конструкциям, типам предложений...» [Дементьев, 2006, с. 11]. Речеповеденческая ситуация «Шантаж», рассматриваясь нами через призму непрямого общения, обладает следующими характерными явлениями: осложненная интерпретация слушающего, его креативностью и особенностями условий общения. Нередко используется специальный маркер, при помощи которого сигнализируется о том, что имеется в виду «не то, что говорится». Как отмечает В.В. Дементьев, эти маркеры не способны лексикализироваться и грамматикализироваться в языке, поэтому примером маркеров НК в письменной речи являются кавычки: 1) *Blackmail is such an ugly word. I prefer «**extortion**»*. *The «X» makes it sound cool* (Groening, 1999). В исследуемой нами речеповеденческой ситуации часто имеет место замена слова «*blackmail/ing*» другим определением. Таким образом, шантажист пытается скрыть свои истинные намерения. 2) *Gyrich: This is blackmail. Brand: I prefer «**squeezing your unexplored hairy planetoids in a vise**»* (Whedon, 2010). На наш взгляд, замену слова *blackmail* нейтральным лексическим элементом в данном случае следует считать эвфемизмом. Однако необходимо уточнить значение данного термина – в данной работе под «эвфемизмом» мы понимаем прием «сокрытия» истинной информации, явление, присущее непрямого общения [Дементьев, 2006]. Для речеповеденческой ситуации «Шантаж» также характерно явление «дисфемизма», т.е. замены нейтрального или слова с негативной коннотацией на слово *blackmail/ing* с целью усиления экспрессивности высказывания: 1) – *You cannot do this! It is entrapment! – No, it is blackmail. Entrapment is what cops do to thieves* (Amiel, 1999).

Шантаж – это один из видов непрямого общения, который имеет своей целью заставить адресанта проинтерпретировать высказывание адресата в желаемом для него направлении, где роль неязыковых средств коммуникации является определяющей. Намеренное использование говорящим данных способов передачи информации можно рассматривать в качестве тактики привлечения внимания слушающего к передаваемому адресантом сообщению, тактики усиления воздействия высказывания на мысли и чувства адресата, тактики изменения состояния сознания и эмоционально-психологического состояния реципиента в нужном для продуцента направлении, тактики манипулирования дальнейшим поведением партнера по коммуникации.

Кроме вербальных средств выражения речеповеденческой ситуации «Шантаж» используются экстра- и паралингвистические средства, такие как мимика, жесты, поза, интонация и темп речи коммуникантов. Стоит отметить, что способы выражения явления предостережения, угрозы или шантажа варьируются от некатегоричных до весьма категоричных, в зависимости от обстановки общения, грозящей опасности [Арский, 1998, с. 129-131].

Существует вероятность неверного истолкования высказывания, влияющее на действие адресата, однако интерпретация высказываний, относимых к данной категории, более или менее осознанно регулируются адресантом, и неверное истолкование редко [Топка, Абрамова, 2007(а), с. 181].

Библиографический список

1. *Арский, А.А.* Семантические категории угрозы и предостережения и их вербальная реализация в современном немецком языке (тактико-ситуативный подход) : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / А.А. Арский. – Иркутск, 1998.
2. *Дементьев, А.В.* Непрямая коммуникация [Текст] / А.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006.
3. *Топка, Л.В.* Скрытое давление на адресата [Текст] / Л.В. Топка // Современные лингвистические теории : проблемы слова, предложения, текста : Вестник ИГЛУ, 2002. Вып. 2. – С.133-142.
4. *Топка, Л.В.* Поведенческая ситуация «Шантаж» через призму непрямого общения [Текст] / Л.В. Топка, М.В. Абрамова // Современные лингвистические теории : проблемы слова, предложения, текста : Вестник ИГЛУ, 2007а. – Вып. 3. – С.174-196.
5. *Топка, Л.В.* Некатегоричность [Текст] / Л.В. Топка // Внутренний мир человека : Семантические константы : колл. моногр. к юбилею д-ра филол. н., проф. Ю.М. Малиновича. – Иркутск : ИГЛУ, 2007б. – С.359-396.

Список источников иллюстративного материала

1. *Amiel, J.* Entrapment [Motion Picture] / J. Amiel. – USA : 20th Century Fox, 1999.
2. *Christie, A.* The Murder of Roger Ackroyd [Text] / A. Christie – М. : КАРО, 2009.
3. *Groening, M.* Futurama [Motion Picture] / M. Groening – USA, 30th Century Fox Television, 1999.
4. *Shore, D.* House M.D. [Motion Picture] / D. Shore. – USA : Universal pictures; A City Light Film productions, 2004.
5. *Whendon, J.* S.W.O.R.D [Comics] / J. Whendon. – USA : Marvel Comics, 2010. – Vol. 6, № 17.
6. *Woolrich, C.* The Black Alibi [Text] / C. Woolrich. – СПб. : Антология, 2005.

kjaerlighet.86@mail.ru

Ивашкевич И.Н., Минск (Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА

Основной задачей когнитивной лингвистики на современном этапе ее развития является установление корреляций между знаниями о мире и знаниями языка. Важной характеристикой этой парадигмы научного знания является рассмотрение языка как «ментального феномена», который выступает как основная форма фиксации знаний о мире. По Е.С. Кубряковой, когнитивная лингвистика по определению участвует в познании человеческого разума и интеллекта, немислимых без языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Уже это значит, что без когнитивизма (в разных его версиях и проявлениях) и без когнитивной лингвистики, составляющей вместе с когнитивной психологией и когнитивной социологией ядро когнитивной науки, сегодня не может быть ответа на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, каким он его видит и осмысляет и какие сведения становятся **знаниями** и формируют основы разнообразных наук [Кубрякова, 1999, с. 34].

Вслед за Р.Солсо, под знанием мы подразумеваем хранение, интеграцию и организацию информации в памяти. Информация, это производная от ощущений, но со знанием дело обстоит несколько иначе. Знание – это организованная информация; оно – часть системы или сети структурированной информации; в некотором смысле знание – это систематизированная информация [Солсо, 2006, с. 298]. В центре внимания лингвистов-когнитологов находится проблема **типологии знаний**, а также разные способы их репрезентации и схематизации на концептуальном и языковом уровнях, т.е. различные форматы знания: образные схемы, пропозиции, сети, когнитивные модели, фреймы, сценарии, матрицы, скрипты и другие. Главное отличие современного этапа в разработке данной проблематики заключается в том, что на смену собственно лингвистическому моделированию <...> приходят методы когнитивного моделирования лексикона в виде фреймов и других концептуальных структур, концептуальных таксономий и категорий: фреймовый, прототипический, концептуально-таксономический, когнитивно-матричный анализ и т.д. [Болдырев, 2007, с. 97]. В этой связи важным представляется вывод И.Ю. Колесова о том, что структуры языка референциально соотнесены с миром сознания, в котором репрезентирован реальный мир – физический и идеальный. Способы и

формы такой репрезентации охватывают картиноподобные (образные), схематические и пропозициональные (языковые) репрезентации, различие между которыми пролегает в **степени «закодированности» информации** (выделено нами. – И.И.), её отвлеченности от отображаемого объекта, что обусловлено целью использования информации, содержащейся в ментальной репрезентации [Колесов, 2009, с. 12].

В рамках настоящей статьи мы не только фокусируем внимание на различных способах репрезентации знаний в рамках когнитивной лингвистики, но и делаем акцент на изучении возможностей эффективного применения принципов и методов данной парадигмы знания в обучении языку специальности. В рамках обсуждаемой тематики возникает проблема **«разумной подачи знаний в обучении»**, поскольку специалистам в области ESP (English for Specific Purposes/язык для специальных целей) приходится работать с большими объемами материала, которые необходимо грамотно дозировать и четко структурировать. Следует подчеркнуть, что в терминоведении появляются новые методы, приемы и методики, позволяющие описать новое видение «терминосистемы» конкретной области знания и деятельности человека. Это пропозиционально-лингвистическое моделирование, методика представления концептуальной метафоры и метонимии, образные схемы, «ментальные пространства», концептуально-фреймовая структура и т.д. [Манерко, 2007, с. 37]. Известные определения термина (лингвистические, логические, информационные и собственно терминоведческие) дополнены положением о том, что термин – это квант когниции, что это единица специального знания, функционирующая в рамках определенного фрагмента научной картины мира. При этом, связывая сразу сущность (природу) термина с выполняемыми им функциями отмечают, что главной функцией термина, вопреки распространенному мнению, является не номинативная и не информационная, а когнитивная, то есть функция познания, и лишь потом функция фиксации знаний [Лейчик, 2007, с. 124]. Следовательно, когнитивная сущность термина непосредственно связана со структурой репрезентируемого им «кванта знания». Каждый из видов знания, репрезентированных в термине как языковом знаке, основан на определенном опыте взаимодействия человека с миром, причем главным оказывается профессиональный опыт и специальные знания, выработанные в определенной науке (см. работы В.Ф.Новодрановой).

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы ученые разработали специальную методику при работе с определенной областью терминологического знания, которая, с нашей точки зрения, имеет аппликативный потенциал в обучении иностранным языкам вообще и языку специальности, в частности. Суть данной методики состоит в следующем: во-первых, из всего массива материала необходимо отобрать ключевые понятия или узловые точки («суперфреймы») определенной концептосферы знания. Когнитивный подход к описанию терминологической системы, отражающей систему науки, требует, чтобы ключевые термины, составляющие ядро системы, были описаны концептуально как определенные когнитивные структуры, то есть конкретные структуры **специального знания**. Определение концепта или термина как ключевого, по мнению ученых, предполагает: а) его прямое участие в процессах субкатегоризации в изучаемой науке, когда ключевое слово выступает как «вершина» начинающегося членения материала; б) его *повторяемость* в дефинициях других терминов или в *перекрестных ссылках* между разными терминами, то есть в системе cross-references; в) его значимость для определения отдельных разделов науки и их организации и т.п.

Во-вторых, необходимо определить в описании когнитивных структур их «концептуальный костяк», а значит уметь дифференцированно выделять не просто отдельные базовые понятия/концепты, но и их организующие элементы («атомарные» концепты, минимальные кванты смысла) – *концептуальные признаки*. Так, если рассмотреть такое ключевое понятие/концепт экономической теории, как *рынок*, то минимальный набор концептуальных признаков, формирующих его концептуальную структуру, включает следующее: *система* (экономическая), *спрос* (покупатели), *предложение* (продавцы/производители), *соотношение* (спроса и предложения), *продукт* (товары/услуги), *обмен* (купля/продажа), *стоимость/цена*, *эквивалент* (деньги или др.), *структура* (рынка), а также *конкуренция*, *монополия*, *олигополия* и др. (см. подробнее [Кубрякова, Дроздова, 2007, с. 10-11]. Такой «суперфрейм» (где его слотами выступают ключевые концепты определенного формата знания, включающие информацию относительно их связей и взаимосвязей между собой) можно построить для любой терминологической системы. Фрейм – как некая совокупность стандартных знаний о предмете – выступает, с нашей точки зрения, как наиболее оптимальная когнитивная схема для обучения языку специальности. Наконец, в-третьих, необходимо наблюдение за языковым поведением терминов в речи. В этой связи бесспорным представляется положение специалистов о том, что именно в дискурсе в результате когнитивных операций коммуникантов лаконичная языковая форма термина способна передать довольно большой объем знаний, поэтому представление о строении и организации терминосистем следует изучать именно в когнитивно-дискурсивной парадигме. Когнитивные исследования языка имеют богатейший потенциал, применение которого предоставляет возможность формирования прочных основ базовых понятий определенной концептосферы знания.

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Проблемы исследования языкового знания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания. – М. – Калуга : Изд-во «Эйдос», 2007. – С.95-109.

2. Колесов, И.Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореф. дисс. ... докт. филол. н. [Текст] / И.Ю. Колесов. – Барнаул, 2009.
3. Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / [Текст] / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Семантика и структура художественного текста. – М., 1999. – С.186-197.
4. Кубрякова, Е.С. Ключевые понятия науки с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова, Т.В. Дроздова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. / Институт языкознания РАН. – М. : Рязань, 2007. Вып.5 – С. 8-14.
5. Лейчик, В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI веков [Текст] / В.М. Лейчик // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. / Институт языкознания РАН. – М. : Рязань, 2007. – Вып.5 – С. 121-133.
6. Манерко, Л.А. Современные тенденции развития отечественной когнитивной лингвистики [Текст] / Л.А. Манерко // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. / Институт языкознания РАН. – М. : Рязань, 2007. – Вып.5 – С. 20-39.
7. Солсо, Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо. – СПб. : Питер, 2006.

ivash@tut.by

Ивашко Е.А., Москва (Россия)

ТЕОРИЯ ГИБРИДИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

Языковое творчество принадлежит к одной из самых дискуссионных тем современной лингвистики. С одной стороны, изучение творчества в языке традиционно сводится к анализу лингвопоэтических текстов, которые рассматриваются как высшая форма проявления лингвокреативности. При таком подходе основное внимание уделяется особенностям идиостиля того или иного автора. При этом языковая конвенция как способность языка к нормированию (в широком смысле) рассматривается как препятствие в процессе творчества, не позволяющее автору в полной мере выразить свою индивидуальность [Ирисханова, 2009, с. 155-163].

В современной лингвистике намечается другой, более широкий, подход к лингвокреативности. Утверждается, что язык, являясь частью познавательной деятельности человека, выступает как постоянный и естественный источник творчества, а лингвокреативность – часть каждодневной речевой деятельности любого человека. Данная концепция берет свое начало в генеративной грамматике Н. Хомского, центральное положение которой заключается в следующем: на основе определенных моделей человек в процессе речевой деятельности создает и воспринимает новые языковые формы, порождаемые им самим или другим человеком.

В последние несколько десятилетий более широкая трактовка термина «лингвокреативность» получила дальнейшее распространение в связи с появлением все большего количества междисциплинарных исследований, возникающих на стыке лингвистики, когнитологии, психологии, нейробиологии, прагматики, теории коммуникации и некоторых других наук. Следует отметить особую роль когнитологии в разработке данного подхода к описанию языкового творчества. Так, основываясь на положениях грамматики Н. Хомского, Дж. Лакофф и М. Джонсон впервые заговорили о том, что метафора занимает одну из центральных позиций не только в художественной литературе, но и в языке повседневного общения. Метафора служит связующим элементом между уже известной информацией и новой, помогает через “старое” (понятие из домена-источника (source domain)) понять “новое” (содержащееся в домена-мишени (target domain)), служит своеобразным инструментом познания и структурирования опыта. Таким образом, Дж. Лакофф и М. Джонсон доказывают метафоричность человеческого мышления, а значит, присутствие творческого начала в речевой деятельности каждого говорящего.

Исходя из общих когнитивных принципов, Ж. Фоконье и М. Тернер разрабатывают теорию концептуальной интеграции, которая призвана не только продемонстрировать способность человека устанавливать проекции между различными когнитивными структурами, но и описать творческие ментальные механизмы, порождающие новые значения (метафорические и иные) в языке. В частности, Ж. Фоконье и М. Тернер пишут о более сложной модели метафоры, состоящей из нескольких ментальных пространств: нескольких исходных пространств, общего пространства и смешанного пространства (бленда). Важно, что, согласно теории концептуальной интеграции, бленд не является простым объединением исходных компонентов или ментальных пространств, а становится «зоной» лингвокреативности, в которой порождаются собственные оригинальные значения и свойства. Заметим, что во всех упомянутых выше концепциях подчеркивается творческая способность человеческого сознания оперировать смешанными или гибридными ментальными сущностями.

В целом, понятие гибридности пришло в лингвистику из биологии, обозначив некоторую схожесть языковых явлений с биологическими. Так, все гибриды имеют двух “родителей”, сочетают в себе их свойства, но не являются простым их сложением, это новообразования с уникальными, присущими только им, характеристиками. Более того, появление как биологических, так и языковых гибридов вызвано некой

необходимостью, то есть у каждого гибрида есть свои функции и свое место в системе [Ирисханова, 2009, с. 161-168].

Следует заметить, что понятие гибридности используется в лингвистике не столь часто и применяется при изучении так называемых слов-портмоне или межкатегориальных (частеречных) переходов – чаще всего, отглагольных номинализаций. Межкатегориальные переходы с когнитивной точки зрения исследуются через понятия *транспозиций* (Е.С. Кубрякова), *словопроизводственной модели* (Е.М. Позднякова), *гибридности* (О.К. Ирисханова). Повышенное внимание к межкатегориальным переходам вызвано тем фактом, что взаимодействие различных категорий языка ярко иллюстрирует особенности творческих ментальных процессов человека, в частности, категоризации и концептуализации окружающей действительности. В связи с этим мы полагаем, что особую значимость приобретает исследование тех межкатегориальных гибридов, которые еще не получили достаточного освещения, в том числе, в контексте проблем креативности.

К таким гибридам мы относим деадъективную номинализацию и предполагаем, что данным лексическим единицам присущи универсальные свойства языковых гибридов. Так, для того, чтобы языковая гибридность состоялась, источники вновь образуемой языковой единицы должны принадлежать к одному языковому уровню или/и обладать общими категориальными или концептуальными признаками. Кроме того, обязательным условием для гибридности является отличие источников минимум по одному признаку-основанию (в нашем случае *предметность –признаковость*).

Другая характерная черта межкатегориальной гибридности – ее асимметрия. В ходе гибридности используются ментальные репрезентации разного уровня и структуры: например, конкретный концептуальный признак прилагательного сочетается с более абстрактными категориальными признаками существительного, такими как предметность, устойчивость, наличие границ и пр. Кроме того, асимметрия проявляется еще и в том, что субстантивирующий словообразовательный формант, несмотря на свою сильную формальную позицию (конечную позицию в русском и английском языках), семантически дефокусируется, уступая основную роль семантике корня прилагательного.

Очевидно, что гибридность в деадъективах происходит по-иному, по сравнению с другими номинализациями. Если сопоставить деадъективную и deverбтивную номинализацию, то не вызывает сомнения влияние категориальных характеристик глагола-источника (его принадлежность к конкретным/абстрактным, переходным/непереходным глаголам) на deverбтивы, а прилагательного-источника (качественность/относительность, объективность/субъективность и т.д.) – на деадъективы, которые и определяют семантическую составляющую, на которую будет проецироваться более абстрактное свойство предметности.

Тем не менее, стоит заметить, что источники deverбтивной номинализации (прототипические существительное и глагол) отличаются друг от друга по большему количеству категориально-концептуальных признаков, чем источники деадъективной номинализации. Возможно, данный факт и объясняет гораздо большую изученность deverбтивов, сопоставление “родителей” которых представляется более очевидным и иллюстративным по сравнению с деадъективами. Так, глагол обозначает хронотопные, а существительные – пространственные характеристики объекта; глагол обозначает действие или состояние, а существительное – предмет.

При сравнении прототипических прилагательного и существительного выявляется гораздо больше сходств: оба концептуализируют предметный объект как перцептивно воспринимаемую сущность, обладающую одним или несколькими выделенными свойствами. Наше исследование показало, что данные различия обуславливают степень референтной самостоятельности гибридов – а именно: deverбтивы (как правило выражающие событие или его участников, например, *борец, осмотр, потепление*) проявляют большую референтную самостоятельность, чем деадъективы, в которых преобладание признака часто препятствует ее развитию. Однако, обозначая людей (*глухой*), обобщенно описывая ситуацию (*Красота! Какая несправедливость!*) деадъективы все же могут демонстрировать способность к референтной самостоятельности [Ирисханова, 2004, с. 125-141].

Еще одно наблюдение сводится к тому, что не каждое признаковое имя проявляет способность к референции (пусть и ограниченной). Иными словами, существуют определенные ограничения, налагаемые на процессы образования существительных от имен прилагательных. Проведенное нами исследование выявило, что наиболее продуктивными для русского языка оказываются качественные прилагательные, а относительность может служить препятствием при образовании гибридов. Так, в русском языке к «ограничителям» относятся прилагательные, обозначающие сложные цветовые оттенки (*позеленелый, мухортый, мышастый*), узкоспециальные слова (*мористый, венозный*), топонимические прилагательные (*замбийский, мексиканский*), прилагательные, образованные от существительных с предлогом (*накостный, безбилетный*), а также прилагательные, содержащие в своей семантике признак градуальности (*миленький, младший, гигантский*).

Таким образом, мы обозначили предпосылки и перспективы исследования гибридов и гибридности в языке, выделили общие характеристики данного процесса, наметили наименее изученные области межкатегориальной гибридности, исследование которых внесет вклад в развитие теории лингвокреативности и поможет выявить ментальные процессы, сопровождающие языковое творчество.

Библиографический список

1. *Ирисханова, О.К.* Лингвокреативные основания теории номинализации : дисс. ... док. филол. н. [Текст] / О.К. Ирисханова. – М., 2004.
2. *Ирисханова, О.К.* О понятии лингвокреативности и ее роли в метаязыке лингвистических описаний [Текст] / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка Исследование познавательных процессов языке : сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамб. университет им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. V. – С.158-171.
3. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
4. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры : сб. статей. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387-416.
5. *Chomsky, N.* Remarks on nominalization [Text] / N. Chomsky // R.A. Jacobs, P.S. Rosenbaum (Eds) Readings in English transformational grammar. – Waltham, MA : Ginn, 1970. – P.184-221.

katushon@gmail.com

Игнатъева О.В., Барнаул (Россия)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОНЯТИЯ «ПОДАРОК» И ЕГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Коммуникативное поведение, как вербальное, так и невербальное, имеет свои национально-специфические особенности не только из-за различий в средствах коммуникации, но и из-за различий в механизме их выбора, предпочтительности и частотности их употребления в тех или иных ситуациях общения. Выбор средств коммуникации в процессе общения не является свободным. Принцип отбора лежит не в языке, а вне его, в том, какие ситуации общество считает типичными, и в том, какого поведения оно требует от человека в этих типичных ситуациях. При изучении национально-культурных особенностей коммуникации первостепенное значение имеет анализ социокультурных факторов, определяющих это поведение, и эти факторы должны быть включены в сферу лингвистического исследования. Так, для адекватного использования языка в естественной коммуникации недостаточно только знания слов, грамматики и правил произношения – для этого требуется, помимо вышеперечисленного, знание принятых в данной языковой культуре ценностных ориентаций, установок и допущений, норм и ролей социального поведения и приемлемых отклонений от них, а также всех возможных алгоритмов действий в различных ситуациях общения. Национальная картина мира, таким образом, ярко отражается в формах коммуникативного поведения участников коммуникации, определяя выбор тех или иных единиц языка. Так, В.Н. Телия говорит о необходимости изучения и описания культурной семантики языковых знаков (номинативного инвентаря и текстов) в их реальном, синхронно действующем употреблении, отображающем культурно-национальную ментальность носителей языка, и указывает, что интерактивные процессы взаимодействия двух семиотических систем — языка и культуры — должны исследоваться с позиций языковой компетенции говорящего/слушающего на материале живого функционирования языка в дискурсах разных типов [Телия, 1999]. Именно знание принципов речевого общения, иллокутивных сил речевых актов, знания об адресате и т. д. обуславливают в каждой конкретной ситуации общения выбор носителем из имеющегося в его распоряжении огромного количества единиц. Таким образом, в коммуникации выделяются языковой и поведенческий аспекты.

В данной статье мы остановимся на невербальном аспекте коммуникативного поведения участников дискурсивного события «дарение», который определяет, как будет происходить вручение подарка, какими языковыми средствами будут оформлены речевые акты дарения и благодарности, входящие в модель коммуникативного события «дарение», попытаемся рассмотреть влияние экстралингвистических факторов на ее вербализацию, будет ли модель всегда полной или возможны отклонения (подарок не вручается, а кладется молча, или вместо слов благодарности последует кивок и так далее); рассмотрим, как данное событие реализуется в различных культурах.

История подарка в его современном понимании насчитывает века. Одними из первых подарков, зафиксированных в истории, были – золото, ладан и смирна, имевшие глубокое символическое значение. Как с помощью слов, так и с помощью подарка можно выразить свое отношение к человеку. А иногда вещь вместо слов выражает желание, стремление дарителя к поддержанию хороших, добрых, дружеских отношений с одариваемым, несет определенную информацию о субъекте дарения и его отношении к бенефицианту. Соответственно, каждый подарок символичен, является носителем культурных символов и используется людьми как своего рода средство коммуникации.

В культуре народа может быть общепринято определенное символическое значение того или иного предмета дарения, при этом необязательно, что представителями другой лингвокультуры в этот предмет вкладывается одинаковый смысл. У европейцев, например, считается приемлемым дарить четное количество цветов, а для русских четное количество цветов символизирует печаль, смерть. Этот факт подчеркивает, что знание особенностей национально-культурной специфики невербального поведения коммуникантов

представляется столь же важным для эффективного взаимодействия представителей разных лингвокультур, как и знание вербальной составляющей.

Расшифровка и анализ древних текстов, изучение сохранившихся до наших времен обычаев показывают, что в большинстве первобытных обществ дарение было практически основной формой общественных отношений между кланами, племенами, семьями и индивидуумами. Известный французский ученый, этнограф и социолог, Марсель Мосс исследовал жизнь аборигенов Океании, Австралии, северной Америки. Он отмечает, что до появления денег универсальным средством обмена в архаических обществах являлось дарение. Обмен здесь является не просто экономической сделкой в современном понимании. Дар непременно предполагает компенсирующий взаимный дар в той или иной форме, но, в отличие от обычной сделки, эти два акта отделены друг от друга во времени. Будучи формально добровольными, в действительности дары являются строго обязательными. Из трёх, тесно связанных между собой обязанностей, которые составляют обмен в форме дара: дарить, брать и возмещать, - наиболее существенной, по мнению Мосса, является обязанность возмещать.

Хотя сегодня четко разводятся понятия «товарообмен» и «обмен подарками», некоторые ученые придерживаются мнения, что подарок приобрел статус универсальной формы отношений. Овеществившись и объективировавшись, он, по сути, превратился в товар (я тебе – подарок, а ты мне – хорошее отношение) (Jon Baldwin). Однако мы, вслед за Моссом, считаем, что подарок, с заложенной в нем субъективностью, несет в себе личное, непосредственное отношение, при этом значение подарка не в материальной форме даримого объекта, а в отношениях, в которые вступают люди и которые поддерживаются ими с помощью подарка, в акте дарения, в информации, которую он в себе несет. То есть, подарок обладает дополнительным скрытым смыслом, понятным как для дарителя, так и для одариваемого. Этот смысл обусловлен личными отношениями людей, а также способом преподнесения подарка или же случаем, по которому подарок был преподнесён. Например, в японской культуре есть понятие «гири» - яп., «чувство долга» — элемент культуры; долг чести определяемый традицией поведения; «некая моральная необходимость, заставляющая человека порой делать что-то против собственного желания или вопреки собственной выгоде» (Особенности японского характера и образа жизни, эл.ресурс). В восточных странах принято дарить гостю то, чем он восхитился, будь то картины, ковры, запонки, оружие или другие вещи хозяина дома. При этом от гостя будет ожидать ответный жест. Протягивать подарок или деньги левой рукой нельзя, в мусульманстве она считается "нечистой". Если даритель и одариваемый находятся не в дружеских, а в деловых отношениях, нельзя делать подарки жене коллеги, иначе можно нанести оскорбление. Напротив, в Соединенных штатах Америки деловые подарки вызывают настороженность из опасения, что подарок в деловой среде может быть квалифицирован, как взятка.

В Китае в знак того, что подарок принят, получивший должен сразу воспользоваться им. Нельзя дарить часы, т.к. на китайском языке слово "часы" и "похороны" близки по звучанию. Для китайцев характерно несколько раз решительно отказаться от подарка, прежде чем принять его. Считается, что китаец, принявший подарок "без церемонии", рискует выглядеть жадным.

В Германии принято дарить подарки недорогие, но практичные. При нанесении визита дарят вино, фрукты, цветы. Цветы необходимо разворачивать в прихожей и только потом вручать. В Германии есть свои понятия о цветовой гамме букета, о том какой цвет что обозначает, например, белые и желтые цветы – символ траура.

Итак, подарок (дар) – одно из древнейших явлений культуры, и уже в древности подарок стал важнейшим элементом дипломатии, так как дары являлись способом примирения, объединения, сглаживания конфликтов, помогали найти общий язык не только людям, но и целым государствам. Главное свойство подарка – символизм, а с лингвокультурной точки зрения подарок характеризуется, прежде всего, интерпретативной глубиной и многомерностью, он может интерпретироваться бенефициантом по-разному, независимо от намерений субъекта дарения, а глубинный смысл, который несет в себе предметное выражение подарка, неравнозначен в отдельных лингвокультурах. Вербальное выражение коммуникативного события «дарение» определяется множеством невербальных составляющих (как то: поводом для вручения подарка, его характером, социальными ролями участвующих в акте дарения, национально-культурной спецификой и так далее).

Библиографический список

1. *Артемьева, Н.А.* Символическое содержание подарка [Электронный ресурс] / Н.А. Артемьева. – Режим доступа : <http://www.acapod.ru/1283.html>.
2. *Ильин, В.И.* Потребление как дискурс [Текст] / В.И. Ильин. – СПб. : Интерсоцис, 2008. С. 268-288.
3. *Мосс, М.* Очерк о даре [Текст] / М. Мосс // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / М. Мосс; пер. с франц., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана. – М. : Восточная литература ; РАН, 1996.
4. Особенности японского характера и образа жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aensland.narod.ru/Japan/stati/japans04.htm>.
5. *Телия, В.Н.* Основные постулаты лингвокультурологии [Текст] / В.Н. Телия // Филология и культура : мат-ы II междунар. конф. Тамбов. – 1999. – Ч. 3. – С. 14-15.

6. Уфимцева, Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование [Текст] / Н.В. Уфимцева // Известия Академии наук (РАН). Сер. литературы и языка. – 1995. – Т. 54. № 3. – С. 55-62.
7. Цурикова, Л.В. Анализ межкультурной коммуникации: Когнитивно-прагматический подход [Текст] / Л.В. Цурикова // Воронеж. гос. ун-т / Вестник. Сер. Гуманитарные науки. – 2003. - № 2. – С. 162-182.
8. Baldwin, J. Exchange and subjectivity, commodity, and gift [Text] / J. Baldwin // Semiotica 173. – 1/4. – 2009. – P. 377-396.

olesya-ign@mail.ru

Илинская А.С., Барнаул (Россия)

ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Естественные языки в разной степени грамматикализуют эмотивную семантику, и, как полагает Дж. Лайонз, в английском языке она грамматикализована в относительно малой степени, так как в основном закодирована в большей части его словаря и в просодической структуре устных высказываний [Лайонз, 2003, с. 59]. Признавая важную роль лексического и просодического уровня английского языка в эмоциональном оформлении высказывания, мы должны все-таки отметить существование значительного количества грамматических средств (морфологических и синтаксических), участвующих в передаче эмоциональных переживаний. На фоне общего содержания текста эти средства можно охарактеризовать как маркеры эмоционального состояния или отношения говорящего.

Мы полагаем, что эмотивная семантика морфологических и синтаксических единиц обладает схожими характеристиками и при этом отличается от собственно лексической и грамматической. К ее особенностям можно отнести следующие: во-первых, эмотивные грамматические единицы, в отличие от лексических эмотивных единиц, обладают обобщенным значением (также как и другие виды грамматического значения), а лексические единицы в структуре своего значения содержат также спецификатор, конкретизатор эмоции как обязательный компонент. Конечно, ряд маркеров могут быть в большей степени специфицированы на выражении определенного круга эмоций, как, например, длительная форма глагола в сочетании с лексемой *always* преимущественно выражает недовольство:

(1) *But, then, there is one face I am always trying to paint or to sketch, and always without success; and that vexes me (A. Bronte).*

Также вопросительные конструкции часто используются для выражения удивления и гнева:

(2) *'So what did you do?' I said, sitting on my hands to stop myself shouting 'What about me? me? Why doesn't anyone love me?'*(H. Fielding)

Вместе с тем, конкретный характер эмоции в этих примерах, может быть понят только исходя из дескрипторного анализа, т.е. с опорой на контекст.

Вторая особенность заключается в том, что, в отличие от основного грамматического значения, эмотивная семантика грамматических единиц не во всех случаях является регулярной, т.е. обязательной. Так, основной коммуникативной функцией повествовательного предложения является констатация факта – сообщение о некотором положении дел; в этом случае коммуникативное значение повествовательного предложения выступает как обязательное. Помимо своего основного коммуникативного значения этот тип предложений может брать на себя дополнительную семантическую нагрузку, например, эмотивную и выражать, таким образом, некатегориальное значение, не имеющее системной релевантности в отношении этой формы.

Как мы видим, эмотивная семантика грамматических единиц занимает промежуточное положение между лексической и собственно грамматической семантикой, обладая характерными чертами как одного, так и другого типа. Вместе с тем, представляется, что в большей степени эмотивная семантика грамматических единиц сближается с эмотивной лексической семантикой. Так, вслед за В.А. Портянниковым, Е.В. Гулыгой, Е.И. Шендельс мы считаем возможным найти объяснение грамматической эмотивной семантики через теорию семного (компонентного) анализа. По аналогии с семной структурой лексического значения значение грамматических единиц языка также состоит из основного (ядерного) и добавочного (периферийного, коннотативного) компонентов.

Применение метода компонентного анализа позволяет раскрыть, как эмотивная семантика кодируется в грамматической (морфологической и синтаксической) структуре языка. В этой связи мы полагаем, что эмотивная семантика морфологических и синтаксических единиц, также как и лексических [Шаховский, 1994], может быть представлена в виде: а) эмотивного значения (только для синтаксических единиц); б) эмотивной коннотации; в) эмотивного потенциала.

Эмотивное значение синтаксических единиц реализуется в предложениях, которые в научной литературе традиционно называются восклицательными. Они характеризуются особой грамматической структурой, лексическим наполнением, интонацией и, прежде всего, отличаются своей коммуникативной установкой. Используя их в речи, говорящий в первую очередь преследует цель выразить свои чувства или эмоциональную

оценку. Статусом «эмотивное значение» обладает эмосема в структуре значений следующих синтаксических маркеров эмоциональности:

– в восклицательных предложениях с интенсификаторами *what* и *how*:

(3) *My God! how mad I was to love you! What a fool I have been! You are nothing to me now. I will never see you again. I will never think of you. I will never mention your name (O. Wilde);*

– в предложениях квазипридаточной структуры:

(4) *If it were only the other way! If it were I who was to be always young, and the picture that was to grow old! For that– for that– I would give everything! (O. Wilde)*

Основной функцией этих маркеров является выражение эмоционального состояния или эмоционального отношения. Большинство морфологических форм и синтаксических конструкций реализуют эмотивные смыслы через добавочные, коннотативные семы. К этим маркерам относятся:

– транспонированные видовые формы глаголов:

(5) *Why can't these American women stay in their own country? They are always telling us that it is the paradise for women" (O. Wilde).*

– длительные формы глагола-связки *to be + Adj*:

(6) *You're not old enough to make these decisions, Gabriella, and you're being extremely foolish." She then ended the subject, annoyed at how resistant Gabriella was (D. Steel).*

– парцелированные конструкции:

(7) *She sought to re-create herself. She took on every lustrous role. A moll. A star. A person of causes. A conquistadora of wayward passion. A clever, hard-nosed prosecutrix, determined to master and punish those lesser types who could not contain ugly and violent impulse. But no disguise could change her (S. Turow).*

– инвертированные конструкции:

(8) *And before his eyes, him with tears, came Megan's face with the sprig of apple blossom in her dark, wet hair (J. Galsworthy).*

Для этих маркеров эмотивная функция является добавочной, сопутствующей и переменной. Основной функцией для парцелированных и инвертированных синтаксических конструкций является выделительная функция. Для морфологических маркеров основным является выражение закрепленного за ними грамматического значения.

Реализация эмотивного потенциала морфологическими и синтаксическими формами может быть представлена более широко. Так, приемы, основанные на отклонении от правил и грамматических норм английского языка, также в потенции могут являться маркерами эмоциональной напряженности. В совокупности данные явления в языке можно обозначить как *неконвенциональные грамматические маркеры эмоциональности*. Так, «неправильные» формы сравнительной степени прилагательных наиболее часто используются в рекламных текстах: *the orangemostest drink*.

Одним из наиболее распространенных маркеров, в структуре значений которых эмосема обладает статусом эмотивного потенциала, являются эмотивные варианты повествовательных, вопросительных и побудительных предложений. Основная функция этих синтаксических единиц соответствует их основной коммуникативной задаче. Вместе с тем, в потенциале эти формы обладают эмотивной функцией, которая способна эксплицироваться.

Исходя из вышесказанного, можно говорить об относительно бесконечной эмотивности языковых единиц, т.е. в потенциале любое слово и любая грамматическая конструкция может при определенных условиях реализовать свою эмотивную семантику.

Библиографический список

1. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969.
2. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика [Текст] / Дж. Лайонз; перевод с англ. – М. : Языки славянской культуры, 2003.
3. Шаховский, В.И. Типы значений эмотивной лексики [Текст] / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1994. – №1. – С. 20–25.

Список источников иллюстративного материала

1. Bronte, A. The Tenant of Wildfell Hall [Electronic resource] / A. Bronte. Mode of access: http://www.online-literature.com/brontea/wildfell_hall/
2. Fielding, H. Bridget Jones's Diary [Text] / H. Fielding. – L. : Picador, 2004.
3. Galsworthy, J. The Apple Tree [Text] / J. Galsworthy // Английский рассказ XX века. Сборник 3. – М. : Менеджер, 2000. – С. 3-76.
4. Steel, D. The Long Road Home [Text] / D. Steel. – N. Y. : Dell Publishing, 1999.
5. Turow, S. Presumed Innocent [Text] / S. Turow. – N. Y. : Warner Books, 1988.
6. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray [Text] / O. Wilde. – L. : Wordsworth Editions Limited, 2001.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТЕМПЕРАТУРЫ В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В современной когнитивной лингвистике под концептуализацией принято понимать осмысление человеком поступающей к нему информации и образование концептов, концептуальных структур, всей концептуальной системы [Болдырев, 2001, с. 22; Кубрякова, 1996, с. 93; Lutzeier, 1996, S. 149]. Одним из релевантных объектов концептуализации в языковых картинах мира (ЯКМ) разных народов представляется феномен «температура», что обусловлено значимостью данного феномена для жизнедеятельности человека. Предметом внимания в данной статье является концептуализация температуры в немецкой ЯКМ.

Комплексный семантико-когнитивный анализ температурных номинаций разных частей речи немецкого языка в парадигматике и синтагматике позволил выделить процессуальный и результативный аспекты концептуализации температуры. Процессуальный аспект концептуализации образуют стратегии познания температуры человеком, а результативный аспект – содержание концепта TEMPERATUR, в котором можно выделить признаковое ядро.

В процессуальном аспекте концептуализации температуры были выявлены две стратегии её познания – эмпирическая перцептивная и научно-экспериментальная. Первая представляет собой познание температуры посредством температурной чувствительности, а вторая восходит к научной картине мира и подразумевает измерение температуры с помощью специальных приборов. В результате данных когнитивных стратегий температура концептуализируется в немецкой ЯКМ как параметрический перцептивный или параметрический точно квантифицируемый признак объектов действительности. Реконструировать данные когнитивные стратегии удалось, во-первых, посредством изучения характера самих температурных номинаций, в результате чего были выделены оценочные перцептивные (*kalt, warm, Hitze, glühend* и др.) и собственно параметрические идентифицирующие (типа *15 Grad Celsius*) обозначения. Во-вторых, соответствующие стратегии наиболее полно отражаются в высказываниях о целостных ситуациях познания температуры с эксплицитным прямым или косвенным обозначением всех или большинства элементов данных ситуаций – субъекта, объекта, способа, органа/инструмента познания: Например: *Ich reiche Ilona den Arm und fühle wieder die kühle ... Haut* [Zweig, 1995, S. 29] (эксплицитно прямо выражены субъект познания – человек; объект познания – температура, принадлежащая объекту соматосферы как её носителю; способ познания – эмпирический перцептивный; орган познания – часть тела человека). *Es war empfindlich kalt geworden über Nacht, achtzehn Grad unter Null hatte das Thermometer ... gezeigt* [Tellkamp, 2008, S. 99] (эксплицитно прямо выражены объект познания – температура, принадлежащая натурфакту как её носителю; инструмент познания – измерительный прибор; эмпирический перцептивный и научно-экспериментальный способы познания).

В результативном аспекте концептуализации температуры было реконструировано признаковое ядро концепта TEMPERATUR. Данное ядро можно представить как совокупность когнитивных дифференциальных (КДП) и обобщающих когнитивных классификационных (ККП) признаков. Под КДП понимаются осознанные человеком признаки концептуализируемого объекта, отображаемые как отдельные элементы содержания концепта, а под ККП – признаки, обобщающие однородные КДП и отражающие «тот или иной аспект, параметр категоризации ... объекта или явления» [Попова, Стернин, 2007, с. 128]. КДП толкуются как варианты ККП.

Интегральными сущностными ККП концепта TEMPERATUR являются: при его объективации адъективами – качественный ККП 'объективное свойство носителей'; количественный ККП 'температура (степень нагретости)' с рядом градуальных вариантов; перцептивный ККП 'нечто, данное в ощущениях' с вариантами 'нечто, ощущаемое как внешнее' и 'внутреннее ощущение'. К интегральным сущностным ККП рассматриваемого концепта при его объективации субстантивами относятся указанные количественный и перцептивный ККП и событийный ККП 'событие', а при объективации концепта глаголами – динамический ККП 'процесс' с рядом градуальных вариантов и перцептивный ККП 'нечто, данное в ощущениях' с вариантом 'нечто, ощущаемое как внешнее'. Другими релевантными интегральными признаками концепта в числе прочих являются каузативный ККП 'воздействие' с рядом оценочных и не оценочных вариантов; нормативный ККП 'ориентация на норму' с вариантами 'соответствие норме', 'отклонение от нормы' (для случаев выражения концепта номинациями всех трёх частей речи); темпоральный ККП 'время' и пространственный ККП 'пространство' (для случаев выражения концепта субстантивами) и др.

Многие признаки концепта совместно реализуются в контекстах выборки. Например: ... *sagte ich und fühlte die warme Sonne des späten Nachmittages auf meinem Gesicht wie eine Liebkosung* [Remarque, 2008, S. 146]. *Die Luft erwärmt sich für einen Januartag auf rekordverdächtige Temperaturen (WUL)*. В первом из приведённых высказываний имплицированы ККП 'объективное свойство носителей', 'температура (степень нагретости)' с вариантами 'в среднем больше/значительно больше нейтральной температуры', 'умеренно высокая/относительно высокая/высокая температура', 'между холодным и горячим' и эксплицированы ККП 'нечто, данное в ощущениях' с вариантом 'нечто, ощущаемое как внешнее', ККП 'воздействие' с вариантом 'нечто приятное', ККП 'время' с вариантом 'локализация во времени'. Во втором фрагменте имплицирован ККП 'процесс' с вариантами 'завершённый процесс, имеющий результат', 'изменение температуры объекта',

‘приобретение объектом некоторой температуры’, ‘приобретение объектом более высокой температуры по сравнению с исходной’ и ККП ‘ориентация на норму’ с вариантом ‘отклонение от нормы’,

В содержании концепта TEMPERATUR также наблюдаются признаки, характерные для представлений об определённых температурах. Среди прочих, к ним относятся: для температуры *eisig* – КДП ‘лёд’; для температур *Frost, frostig* – КДП ‘точно измеренный диапазон температур’, ‘ниже нуля градусов по шкале Цельсия’; для температуры *glühend* – КДП ‘бытие красным’, ‘красный’, ‘свечение’; для температуры *Wärme* – КДП ‘тепловая энергия’ и др. Многие из этих КДП чаще всего имплицированы в высказываниях: *In der Südhälfte ist es ... besonders eisig (WUL)* (‘лёд’). *Und so früh bricht der Frost herein* [Konsalik, 1991, S. 500] (‘точно измеренный диапазон температур’, ‘ниже нуля градусов по шкале Цельсия’). Некоторые КДП могут быть выражены эксплицитно прямо или косвенно: *Er wischte sich ... die Schweißperlen aus dem rot glühenden Gesicht* (‘бытие красным’, ‘красный’). *Deutsche Verbraucher mussten noch nie so viel Wärme bezahlen ... (WUL)* (‘тепловая энергия’).

Итак, изучение концептуализации температуры в немецкой ЯКМ посредством комплексного семантико-когнитивного анализа температурных номинаций немецкого языка позволяет выделить процессуальный и результативный аспекты концептуализации данного феномена. Первый аспект образуют эмпирическая перцептивная и научно-экспериментальная когнитивные стратегии, а второй – признаковое ядро концепта TEMPERATUR как совокупность КДП и ККП.

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001.
2. *Кубрякова, Е.С.* Концептуализация [Текст] / Е.С. Кубрякова // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, В.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С.93-94.
3. *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.
4. *Lutzeier, P.R.* Wandel bei Konzeptualisierungen. Einblicke bei Präpositionen [Text] / P.R. Lutzeier // Wenn die Semantik arbeitet: Klaus Baumgärtner zum 65. Geburtstag / hrsg. von G. Harras und M. Bierwisch. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – S.149-166.

Список источников иллюстративного материала

1. *Konsalik, H.* Ein Kreuz in Sibirien [Text] / H. Konsalik. – München : C. Bertelsmann, 1991.
2. *Remarque, E.M.* Die Nacht von Lissabon [Text] / E.M. Remarque. – Спб. : Капо, 2008.
3. *Tellkamp, U.* Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land [Text] / U. Tellkamp. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2008.
4. WUL – Deutscher Wortschatz-Portal [Elektronische Ressource] / Der Zugriffsmodus : <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>
5. *Zweig, S.* Ungeduld des Herzens [Text] / S. Zweig. – Frankfurt am Main : Fischer, 1955.

evgeniyakabanova@yandex.ru

Каверина О.А., Иркутск (Россия)

МОДУС СРАВНЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С СОЮЗАМИ *as if / as though*

Операция сравнения представляет собой ведущую когнитивную способность человека, связанную с одним из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека – категоризацией [Кубрякова, 1994, с. 42]. Сравнение является когнитивной операцией, производимой мыслящим субъектом как в процессе первичной категоризации действительности, при которой на основе сходства или различия объект относится к определенной категории, так и в последующей категоризации с целью получить новое знание об объекте.

Способность человека сравнивать, сопоставлять, находить общее и различное объясняется интерпретативным характером его индивидуальной концептуальной системы. Сравнение и интерпретация находятся в причинно-следственных отношениях друг с другом, в сравнении рождаются процессы и результаты субъективного понимания и осмысления человеком мира, «пропущенного» через его индивидуальное сознание. Языковая репрезентация познавательной деятельности человека объективируется в виде одной из систем языковой категоризации знаний – интерпретирующей, или модусной. Модусные категории объединяют определенные языковые средства на основе общности их интерпретирующей функции [Болдырев, 2005, с. 32].

Среди модусных категорий выделяют модус сравнения. Модусная категория сравнения призвана языковыми средствами передавать то, как говорящий интерпретирует различные ситуации внеязыковой действительности посредством их сравнения с ситуациями, имеющимися в сознании говорящего. Модус сравнения актуализируется в случае присутствия в высказывании сравниваемого субъекта, квалифицирующего

некоторое положение дел в процессе когнитивной операции сравнения, которую можно представить в виде пропозиции «я интерпретирую данное положение дел, сравнивая реальную ситуацию с ситуацией, возникающей в моем сознании».

Знаком присутствия модусного субъекта в высказывании являются английские союзы *as if / as though*. Интерпретативная модусная семантика союзов *as if / as though* эксплицируется в словарных дефинициях, ср.: 'to suggest that something may be true' (ANED); 'when you are giving a possible explanation for something although it is probably not correct one' (CEELD), актуализирующих такие когнитивные признаки как «неуверенность», «предположение», «сомнение», «кажимость» и другие. Данные когнитивные признаки позволяют категоризовать вышеназванные союзы как показатели недостоверного сравнения.

Лингвоспецифичность союзов *as if / as though* заключается в их способности сравнивать две различные в модальном плане ситуации, ср.: He would grab the leash in his teeth, shaking his head from side to side *as if he were wrestling a python* (Grogan). В примере выше объективируется ситуация, в которой воспринимающий субъект наблюдает, как собака схватила свой поводок, мотая при этом головой из стороны в сторону, и эта реальная ситуация сравнивается с воображаемой ситуацией борьбы с питоном. Первая пропозиция категоризирует реальную ситуацию, имеющую место в действительности. Соотношение с миром действительности объективируется реальной модальностью. Вторая пропозиция, вводимая союзом *as if*, существует только в концептуальном мире говорящего, о чем свидетельствует ирреальная модальность. Характерной чертой модуса сравнения являются тесные коррелятивные отношения с модусом восприятия. Объект сравнения необходим просто потому, что является стимулом для говорящего сравнить его с другим, похожим концептуальным содержанием.

С понятием модуса тесно связана идея субъектной перспективы высказывания, суть которой заключается в соотношении сообщаемого факта и субъекта факта сообщения [Золотова, 2004, с. 231]. Применительно к модусной ситуации сравнения субъектная перспектива высказывания актуализуется в выведении нового смысла действительного положения дел через его сравнение с похожим концептуальным содержанием в сознании сравнивающего субъекта.

Сравнивающий субъект в высказываниях с союзами *as if / as though* категоризован как модусный субъект, который актуализуется как через авторскую точку зрения, так и через точку зрения персонажа. В примере Banford looked at him from her wide, vague eyes, *as if he were some creature in a museum* (Lawrence), сравнивающий субъект квалифицирует взгляд героини через сравнение одного из участников диктумного события с музейным экспонатом. Экспликации смысла «с удивлением», «с интересом» способствуют языковые единицы wide, vague eyes. В роли сравнивающего субъекта выступает автор высказывания.

Сравнению со стороны модусного субъекта подвергаются не только участники диктумного события, но и их действия, поведения, ср.: The neighbours began to gather in the hall, staring in at the weeping woman *as if watching the contortions of a dying dog* (Crane). В фокусе внимания сравнивающего субъекта находится взгляд соседей, пристально разглядывающих рыдающую женщину так, как разглядывали бы, судороги умирающей собаки.

Сравнивающий субъект может акцентировать внимание на внешних симптомах персонажа, на основании которых концептуализируется внутреннее эмоционально-психическое состояние героя, ср.: The shout made him wince, *as though in pain* (Beckett). Так, объектом наблюдения в примере выше являются телодвижения персонажа, вызванные криком, которые уподобляются движениям тела как реакции на боль.

Еще одна модусная ситуация сравнения, которую формируют союзы *as if / as though*, актуализуется когда сравнивающий субъект объективирует точку зрения персонажа, ср.: Don't address me *as if I were a beauty*; I am your plain, Quakerish governess (Bronte). Сравнивающим субъектом является сама героиня, представляющая свою собственную точку зрения. В данном случае имеет место самооценка героини. Будучи некрасивой от природы, она не может принять отношение к себе как к красавице. Первое лицо указывает на совпадение сферы субъекта диктума и субъекта модуса [Золотова, 2004, с. 234]. В другом случае модусная ситуация заметно усложнена и содержит несколько точек зрения, ср.: She threw up her hands to heaven. – That was a good movement, dear. *As if you were throwing a cricket ball* (Maugham). Модусную сферу ситуации составляют воспринимающий субъект (читатель), субъект-говорящий (сравнивающий персонаж) и субъект-слушающий (сравниваемый персонаж). Воспринимающий субъект категоризируется не как сравнивающий субъект, а как субъект-интерпретатор, концептуализирующий жест героини, «воздевшей» руки к небесам, как невербальное выражение отчаяния. Сравнивающим субъектом в высказывании выступает персонаж, муж героини, который в жесте жены видит не более чем хороший бросок мяча в крикете. Подобное сравнение создает у читателя образ мужа как человека равнодушного, не способного разглядеть семиотически значимого движения.

Таким образом, сравнивающий субъект по-разному актуализируется в высказываниях с союзами *as if / as though*. В высказываниях, где сравнивающий субъект является субъектом восприятия и сравнивает реальную ситуацию с ситуацией, имеющейся в его концептуальном мире, формирование нового смысла происходит по линии диктумной ситуации. В высказываниях, где роль сравнивающего субъекта отводится персонажу, дополнительный смысл формируется относительно самого героя повествования.

Итак, модус сравнения в высказываниях с союзами *as if / as though* объективирует как авторскую позицию, так и позицию персонажа, которые вербализуются данными союзами. Модусный субъект реализует

когнитивную операцию сравнения посредством категоризации явления окружающего мира и эта категоризация актуализируется в сравнении реальной ситуации, существующей в действительности с нереальной, принадлежащей концептуальному миру субъекта. Порождаемый подобным сравнением модус является одним из средств объективации и познания внутренней сферы человека.

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Категория как форма репрезентации знаний в языке [Текст] / Н.Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. посв. юбилею профессора Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С.16-39.
2. *Золотова, Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – 2-изд. – М. : ИРЯ РАН, МГУ, 2004.
3. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. фак-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996.
4. ANED – The All Nations English Dictionary [Text] / All Nations, 1992.
5. CCELD – Collins Cobuild English Dictionary [Text] / Collins London and Glasgow, 1991.

Список источников иллюстративного материала

1. *Beckett, S.* Whispers of the dead [Text] / S. Beckett. – Great Britain : Bantam Books, 2010.
2. *Bronte, C.* Jane Eyre [Text] / C. Bronte. – М. : Jupiter-Inter, 2003.
3. *Crane, S.* Maggie: A girl of the streets [Text] / S. Crane. – М. : Jupiter-Inter, 2005.
4. *Grogan, J.* Marley & me [Text] / J. Grogan. – Australia : Harper Collins Publishers, 2005.
5. *Lawrence, D.H.* The fox [Text] / D.Y. Lawrence. – М. : Jupiter-Inter, 2005.
6. *Maugham, S.* Theatre [Text] / S. Maugham. – St. Petersburg : KARO, 2009.

vastik4@mail.ru

Казакова, О.М. Барнаул, Зимбули А.Е., Санкт-Петербург (Россия) ЛИНГВОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОПОСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Начать свои рассуждения нам хотелось бы с определения целей заявленного сопоставления. Ведь уже само определение целей здесь оказывается сопряжено с этическими смыслами: то ли речь пойдёт о чисто переводческих проблемах, то ли о возможности налаживания дипломатических межгосударственных отношений, то ли о поиске путей взаимообогащения культур, то ли о выискивании у партнёра по межкультурному диалогу реальных и кажущихся слабину. Думается, нет нужды лишней раз провозглашать исходные принципы гуманитарных профессий – педагогов, переводчиков, учёных-исследователей. Мы убеждены, что нужно всемерно направлять усилия на то, чтобы замечаемые в межкультурных взаимодействиях трудности как можно более тактично преодолевались, с тем, чтобы богатство каждой из культур радовало все окружающие народы.

Выбор ведущих концептов – дело ответственное и очень непростое. Ведь в рамках одного и того же этноса всегда уживаются множественные языковые картины мира. Для различных страт социума, для официоза и неформальных общностей свойственны существенно различные мировоззрения, которые характеризуются разными наборами жизненных ценностей и обслуживаются различными лексикой, фонетикой, даже логикой. Представления о справедливом, правильном, допустимом, о добре и зле – у родителей и детей, господ и слуг, законопослушных граждан и диссидентов, олигархов и безработных – в принципе не могут совпадать полностью. Вместе с тем, как в геометрическом пространстве, заполненном телами самой разной конфигурации, можно выделять точку, линию, плоскость, объём и прочие универсальные характеристики протяжения, так и в пространстве межсубъектного взаимодействия, которое являет собой всякая культура, можно отыскать наиболее значимые нравственные модусы, к которым сводится вся пестрота человеческого общения. Скажем:

- аккуратность-неопрятность, благодарность-неблагодарность,
- великодушие-низость, доброта-злоба, достоинство-раболепие,
- дружба-вражда, любовь-ненависть, мужество-трусовость,
- общительность-замкнутость, ответственность-безответственность,
- отзывчивость-равнодушие, открытость-подозрительность,
- принципиальность-беспринципность, уважительность-высокомерие,
- самообладание-распущенность, справедливость-несправедливость,
- тактичность-бестактность, трудолюбие-леность, щедрость-скупость.

Если предельно обобщить перечисленное, то можно, пожалуй, утверждать, что речь идёт о силе характера, культуре чувств и разумности, которые проявляются в отношении человека к себе, ближним и к остальному миру. Нас же будет интересовать соотношение этических концептов в русском и английском языках, их культурно-значимые особенности, выявляемые при сопоставлении языковых картин мира в этической сфере.

Многочисленные исследования русской языковой картины мира (ЯКМ) [Апресян, 1995; Вежибцкая, 2005; Зализняк, 2005] показывают, что в ее основе лежат такие идеи, как непредсказуемость мира, моральная страстность, душевность. *Душа* в русской ЯКМ – орган внутренней жизни человека, самое ценное, что у него есть, средоточие его внутреннего мира, что подтверждается богатейшей сочетаемостью слова (*от души, поговорить по душам, души не чаять, на душе кошки скребут, в душу плюнуть, с души камень свалился, душа в пятки ушла, души прекрасные порывы...*), множеством производных (*душевный, душеполезный, душевнобольной, душечка* и т.д.). *Душа* – ключевой концепт для понимания русской культуры, в английском же языке это место занимает концепт *mind*. *Душа* занимает центральное место в нравственном мире русского человека: «С точки зрения этики *душа* является носителем некоего *этического идеала*, которому должна соответствовать, причем это соответствие ценится выше всех материальных благ» [НОССРЯ, с. 303].

Mind охватывает не только интеллектуальную, но и эмоциональную сферу, противопоставляется телу, является вместилищем сознания и внутренней жизни человека в ЯКМ английского языка. *Mind* – высокоупотребимое многозначное слово: 1) thoughts – the ability to think, feel emotions and be aware of things (*go out of smb's mind, have a mind of one's own, set/put one's mind to* etc.); 2) memory (*call/bring smth to mind=remember*); intention (*make up one's mind, have in mind* etc.); 3. opinion (*to my mind, be of the same mind*) [CIDE, с. 898 - 899].

В терминах «наивной анатомии», задаваемой каждым языком по-своему, главной этической сущностью (органом) человека в русской ЯКМ является *совесть* [Урысон, 2000]. «Функция совести – оценивать с нравственной точки зрения действия, мысли и чувства субъекта, заставлять его глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам и менять действия, мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали» [НОССРЯ, с. 302]. *Совесть* тесно связана с *душой*, у В. Даля она определяется как «тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка» [Даль, 1956, с. 256]. Соответствующее английское слово *conscience* обозначает помимо пришедшего из христианства понятия «совесть» еще и «сознание», для последнего имеется также производное *consciousness*.

Английский концепт *conscience* обладает гораздо меньшей значимостью в языке и культуре, чем русский концепт *совесть*. Характерно, что в Longman Language Activator, словаре, группирующем слова по гнездовому принципу, *conscience* даже не выделено в заглавное слово, оно включено в словарные статьи, озаглавленные *guilty* и *good/moral*, и стоит в словарной статье на последнем месте после *guilt, shame, remorse* [LLA, с. 584]. В русском же языковом сознании превалирует нравственность совести [Арутюнова, 2000], что подтверждается высокой частотностью слова (74 употребления на 1 млн. слов), многочисленными устойчивыми сочетаниями, также высокоупотребимыми (*голос совести, совесть заела, ни стыда ни совести, потерять совесть, бессовестный* и др.).

Совесть относится к концептам, регулирующим отношение человека к другим людям. Другие концепты из этого ряда: *стыд, срам, позор, достоинство, слава, честь*; в английском языке: *shame, guilt, dignity, pride, worth, honor*. Для установления иерархии данных концептов в русской и английской ЯКМ представляется полезным подход американских исследователей Э. Доддса и Р. Бенедикт [Доддс, 2000; Бенедикт, 2004], указывавших на существование культуры стыда (*shame-culture*), главный этический ориентир в которой – общественное признание, боязнь внешнего осуждения, и культуры вины (*guilt-culture*), где царят нравственные нормы, установленные законом. Хотя Э. Доддс полагал, что культура вины идет к упадку [Доддс, 2000, с. 46], современные модные авторы, такие как Э. Гилбрет указывают, что чувство вины во многом управляет современной американской культурой: «For me, though, a major obstacle in my pursuit of pleasure was my ingrained sense of Puritan guilt» [Guilbert, 2006, с. 74]. *Guilt* определяется как 1. «feeling of anxiety or unhappiness because you have done something wrong, especially something that has harmed someone else»; 2. «fact of having done something wrong or committed a crime» [CIDE, с. 631], причем второе значение не менее, если не более значимо в современной англоязычной картине мира в связи с важностью в культуре юридической сферы; близкая связь с концептом *conscience* обнаруживается в устойчивом сочетании *guilty conscience*. Таким образом, обнаруживается различная расстановка акцентов в этических картинах мира русского и английского языков:

Русский язык отдает предпочтение концепту *совести*, этические решения в рамках русской культуры принимаются в первую очередь на основе этого голоса, что говорит о большей интериоризации нравственного закона в русской языковой картине мира. Для английского языкового сознания и культуры в сфере этики наиболее значимым выступает концепт *guilt*, подтверждающий важность закона в англоязычной картине мира.

Библиографический список

1. *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. - № 1. – С.37-67.

2. Арутюнова, Н.Д. О стыде и совести [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Языки этики. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С.54-78.
3. Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры [Текст] / Р. Бенедикт. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
4. Вежибицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке [Текст] / А. Вежибицкая // Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – С.467-499.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. Т. IV. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
6. Доддс, Э.Р. Греки и иррациональное [Текст] / Э.Р. Доддс. – СПб. : Алетейя, 2000.
7. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст] / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / 2-е изд. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003.
9. Урысон, Е.В. Голос разума и голос совести [Текст] / Е.В. Урысон // Логический анализ языка: языки этики. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С.184-189.
10. Cambridge International Dictionary of English [Text] / Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
11. Guilbert, E. Eat, pray, love: one woman's search for everything across Italy, India and Indonesia [Text] / E. Guilbert. – NY. : Penguin Group, 2006.
12. Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary [Text] / Harlow: Longman, 1993.

kazakova-olga@mail.ru

Казанцева Л.В., Барнаул (Россия)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА 'ПРИЧИНА' В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ПЕРИОДЕ

Категория причинности как одна из универсальных категорий в жизни человека занимает значительное место в концептуальной картине мира. Причина и следствие в языковом сознании есть смыслы-концепты, формирующие абстрактное целое «Причинность» [Малинович, 2007, с. 407].

Исследование средств вербализации концептов в языковом сознании является одним из актуальных направлений когнитивной лингвистики. Под концептом в данной статье понимается «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004, с. 10]. Язык выступает лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Посредством изучения семантики языковых знаков можно проникнуть в концептосферу людей, можно выяснить, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным [Попова, 2007, с. 18]. В настоящее время категория причинности стоит в центре внимания многих исследователей в основном в области современного немецкого языка. Изучение концепта 'Причина' на материале средневерхненемецкого (срвн.) периода представляется не менее важным. Для описания концепта в его диахроническом состоянии необходимо диахронное исследование репрезентаций концепта 'Причина' в лексико-семантической системе языка. Законы причинного мышления в сознании разных народов, как и закономерности коммуникации во все времена в их основных параметрах одинаковы, меняться могут средства выражения, но не сами отношения в их основной сущности.

Предметом нашего внимания является концепт 'Причина' в срвн. периоде. Как важнейшие категории человеческого познания причинно-следственные связи не могли не отразиться в языке, в появлении специализированных показателей причинно-следственных отношений на уровне сложного предложения – причинных союзов. Материалы истории языка отражают одинаковые тенденции в вычленении причинных связей из представлений о взаимосвязи вообще. В языковых формах древних языков слабо выражена расчлененность причинных, целевых и пространственных связей. Материал этих языков показывает переход от конкретного к более абстрактному: «из союзов более конкретного значения, например, союзов места и времени, вырастают союзы абстрактного значения – причинные, следственные, условные, уступительные» [Строева, 1940, с. 12]. Анализ языкового материала срвн. периода подтверждает правоту данного утверждения.

Срвн. период представляет собой особую переходную ступень в развитии структуры сложного предложения вообще и с причинно-следственными отношениями в частности. Сложные предложения с причинно-следственными отношениями значительно отличаются от аналогичных синтаксических конструкций древневерхненемецкого (дрвн.) периода особенностями семантики и функционирования союзов, что обусловлено переходным характером синтаксического строя срвн. В этот период происходит постепенный отбор и совершенствование союзов как грамматического средства выражения различного рода семантических отношений и, в частности, причинно-следственных. В данный период существует особая система причинных союзов, отличная от системы союзов, сложившейся как в дрвн. так и в современном немецком языке: *wande, sît,*

daz, dô, sô, nû, des и др. К числу основных причинных союзов срвн. периода относится *wande* и его варианты (*wanne, wann, wande, wan, wante*). Это связано, на наш взгляд, с тем, что союз *wande* уже в этот период характеризуется минимальной полисемией и постепенно приобретает ведущую роль в рассматриваемый период вплоть до ранненововерхненемецкого период, когда появились новые причинные союзы *weil* и *denn*. В рамках одного периода сложно зафиксировать намечающиеся языковые изменения, и тем не менее даже едва заметные отступления от принятого в данный период можно наблюдать при внимательном рассмотрении. Например:

*Des abends ging der konig bezytt schlafen, wann die nacht kurcz warn, ann
es zu halbem augst eins fritages zu abent [Lanc., 5].*

В данном примере налицо расхождение языковой сущности. Чисто причинный союз *wande* приобретает разные значения: причинное и пояснительное.

Наряду с простыми союзами в срвн. периоде употребляются двойные: *sît daz, sît nû* и др. Существование двойных союзов объясняется тем, что концепт «Причина» находится в этот период в процессе формирования. Ещё не отдано предпочтение тому или иному языковому средству. Наблюдается их плеонастическое употребление: семантика одного союза усиливается семантикой другого. Асемантический союз *daz* в сочетании с коррелятом *darumb* служит для выражения причинного значения при переходе от срвн. к новонемецкому. Сочетание *darumb daß* употребляется значительно чаще союза *weil* [Eröms, 1980, S. 107].

Важным признаком большинства союзов срвн. периода является их многозначность, что зачастую затрудняет понимание семантических отношений между предложениями, соединяемыми ими, и делает необходимым привлечение широкого контекста. Причина многозначности союзов заключается в том, что у большинства из них абстрактное значение возникает на базе конкретного, преимущественно временной и локальной семантики. Например, союз *wande* возникает из временного союза, союз *dâ* возникает из локального союза, союз *sît* – из временного и т.д. Г. Пауль отмечает, что у срвн. союза *sît* «с тех пор как» наряду с временным значением имеется ещё одно самостоятельное значение, тождественное значению нововверхненемецкого причинного союза *da* «так как» и приводит следующий пример:

*Sît ich âne einen vrumen man
mîn land niht befriden kan,
sô gewinne ich gerne einen.*

*Так как без мужа сильного и умного
Я не могу дать мир моей стране
Я хотела бы иметь такого человека.*

В этом примере первоначальное временное значение союза *sît* исчезает совсем, как у нововверхненемецкого *weil* «потому что». Причинный союз *weil* развился из существительного *die wîla* «время» через ступень временного союза «*als, solange, während*» [Пауль, 1960, с. 190].

Одновременное существование новых и старых значений порождало синонимию союзов. Союзы *wanne, dâ* совпали в своём каузальном значении, *do, als, nû, sît, wanne* употреблялись со значением «когда» и т.д.

Другая особенность причинных союзов срвн. периода – синкретизм значений:

1) у союза *sît* выделены причинно-временное, причинно-условное, причинно-уступительное значения.

Например:

*sît ich verlôs Sîfride,
sît was mîn freude zergân. [Nib.]*

2) у союза *wande* – причинно-условное, причинно-временное. Например:

*wann nu keyn man wedder gott gestritten mag,
so muß der man vertragen, das im gott dût. [Lanc.]*

3) в союзе *daz* объектная семантика явно сочетается с причинной в предложении с глаголом *weunen*.

Например:

...ich weyn das ich morn fru solt syn in konig Claudas hofe... [Lanc.]

Синкретизм значений союзов имеет место и в современном немецком языке (Ср., например союзы *wenn, da, nun, dass*). В период становления синтаксической системы немецкого языка синкретизм значений союзов имеет широкое распространение.

В срвн. период усиливается, в частности, омонимия между союзами, наречиями и предлогами.

Например, *sît* – наречие «позднее, с тех пор», *sît* – союз «потому что», *sît* – предлог «от, с».

Sît - (союз) – «потому что», «ибо», «так как»; sît – (предлог) «от», «с»

Kriemhilt in ir muote sich minne gar bewac.

sît lebete diu vil guote vil manegen lieben tac.

das sine wesse niemen den minnen wolde ir lîp.

sît wart si mit êren eins vil kûenen recken wîp [Nib.]

Итак, одной из ярких особенностей языковой репрезентации концепта «Причина» в срвн. период является наличие множества союзов участвующих в его реализации. Их количество и многообразии семантических оттенков говорят об особом месте и большой значимости данного концепта в сознании носителей языка и в культуре народа и связано с промежуточным характером срвн. периода.

Библиографический список

1. Внутренний мир человека: семантические константы [Текст] ; отв. ред. М.В. Малинович. – Иркутск, 2007.
2. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960.
3. Пименова, М.В. Предисловие [Текст] / М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику ; под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово, 2004. – Вып. 4.
4. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : Восток – Запад, 2007.
5. Строева, Т.В. Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке [Текст] / Т.В. Строева. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1940.
6. Eroms, H. Funktionskonstanz und Systemstabilisierung bei den begründeten Konjunktionen im Deutschen [Text] / H. Eroms // Sprachwissenschaft. – Heidelberg, 1980. – Bd. 5. – H.1.

Список сокращений и источников иллюстративного материала

1. Lanc. – Lancelot [Text] // Deutsche Texte des Mittelalters.- Berlin, 1949
2. Nib. – Das Nibelungenlied [Text]. hg. von de Boor : Leipzig, 1964.

Казачинина А.В., Барнаул (Россия)

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА (ОСВОЕННОГО И НЕОСВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКОМ) В АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Категория пространства, рассматриваемая в данной статье, является категорией онтологической, существующей объективно, а оттого и одной из самых основополагающих со времен существования материи. Поскольку сама идея пространства уже давно и прочно усвоена человеком, данная категория становилась объектом изучения многих исследователей, а в последнее время – когнитивистов в особенности (Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, Р.М. Фрумкина, Е.С. Яковлева имеют глубокие теоретические разработки по методологии когнитивного анализа и описанию пространства).

В лингвистике категория пространства рассматривается с точки зрения ее структуры, сложность которой отмечается многими лингвистами. Так, Дж. Лич выделяет в ней следующие компоненты: *место, протяженность, близость, вертикальность/горизонтальность, север/юг, запад/восток, ориентация, движение, виды передвижения, поза* [Цит. по: Яковлева 1994, с. 19]. А. Вежицкая помимо данных отмечает *направление, границы пространства, силу притяжения* [там же]. Все эти составляющие онтологической категории пространства имеют свои средства языкового выражения.

В лингвистических трудах заметна разрозненность мнений в определении статуса пространства как объекта изучения – как категории или концепта. Так, Е.С. Кубрякова использует оба термина [Кубрякова, 1997]. Р.М. Фрумкина дифференцирует их, подчеркивая, что онтологическая упорядоченность окружающего мира «отражена в наших представлениях как категоризация» [Фрумкина 1992, с. 6]. В нашем понимании, процессы категоризации и концептуализации пространства сознанием происходят параллельно, но имеют различный результат. В данном исследовании лексической репрезентации пространства в рамках когнитивной лингвистики ключевым является понятие концептуализации, поэтому пространство рассматривается как концепт.

История изучения категории пространства, а также сказанное выше свидетельствуют о том, что пространство не зависит от человеческого сознания и воли, но именно в сознании протекают процессы категоризации и концептуализации пространства, однако различные языки показывают своей организацией, что «знание о пространстве в различных когнитивных системах структурируется различно» [Хайруллин 1997, с. 30].

Известно, что пространство трехмерно, и что все предметы обладают протяженностью, размерами, объемом, занимают определенное место и определенным образом расположены друг к другу: дальше/ближе, правее/левее, выше/ниже, – так, что образуются определенные ландшафтные сцены (если рассматривать изучаемые нами элементы открытого физического пространства), включающие в себя некоторые признаки, интерпретируемые сообществами по-разному, что играет важную роль в формировании национального менталитета. Например, вряд ли в американской культуре встретится что-либо в роде **fieldie*, сравнимое с так любимым и воспеваемым многими авторами русским «полюшком».

Если перефразировать известное высказывание “Beauty is in the eye of the beholder”, то можно сказать, что “Nomination lies in the mind of the beholder”: разные интерпретации воспринимающих субъектов находят разное выражение в языках и характеризуют особенности мировосприятия и национального характера сообщества. Целью исследования лексических номинаций открытого физического пространства является выявить те признаки, которые актуализировались в английском языке как результат концептуализации пространства представителями англоязычного социума.

Воспринимаемое пространство исследовалось на примере английских глаголов [Куксова, 2006] и предлогов [Березина, 2008] как средств категоризации пространства, а также на материале русского и немецкого языков [Овчинников, 2010] и аварского языка в сопоставлении с английским [Абашилова, 2002]. В данной статье мы обращаемся к исследованию английской лексики, называющей две сферы воспринимаемого пространства: пространство, освоенное в человеческой деятельности (*cornfield, warpath, farmland, cityscape*) и естественное природное пространство, не подвергаемое человеческому воздействию (*highland, snowscape, hillside, tableland*).

Первичная обработка лексики на основе словообразовательных элементов показала наличие групп слов с элементами *-scape, -land, -side, -field, -line, -path, -yard*, в которых уже прослеживается категоризация видов пространства. Например, элемент *-scape* имеет следующее пространственное значение: *used to form nouns referring to a wide view of a place, often one represented in a picture* [CIDE, с. 1262], присущее всем именам данной группы: *landscape, seascape, skyscape, cloudscape, streetscape, cityscape* и др. Как видно из примеров, один и тот же словообразовательный элемент может относить лексические единицы к обеим сферам пространства – освоенного и неосвоенного в человеческой деятельности. Напротив, все слова с элементом *-yard* сопряжены с человеческой жизнедеятельностью, поскольку он имеет такие значения как: *area of land next to a building; a piece of land next to a house usually used for growing flowers; area of land in which a particular type of work is done* [CIDE, с. 1695]. Например, *backyard, barnyard, churchyard, farmyard* и др.

Случаи концептуальной интеграции наблюдаются при наложении значений двух слов друг на друга, когда имеет место когнитивное дефокусирование, и от первого слова в фокусе остается лишь одно его качество, переходящее на второй референт, на основе чего формируется переносное значение. Например, в лексической единице *moonscape* (*moon + landscape*) от слова *moon* осталось значение «непродуктивность», а в слове *tableland* от *table* – лишь значение плоской поверхности.

Наглядней всего изменение представления людей об окружающем мире прослеживается на примере пространства в географическом значении. В истории развития древних цивилизаций можно обнаружить, что главную роль в формировании государства играли топологические и размерные характеристики его территории. Как отмечает А. Николова, первыми реалиями бытия, с которыми сталкивался человек в своей повседневной жизни, были участки окружающего его ландшафта: поля, равнины, горы, леса, реки, озера и др., где он селился и которые постепенно узнавал и использовал [Николова 2002, с. 60].

В зависимости от образа жизни народа – оседлого или кочевого – формировались различные знания человечества о территории земли и об окружающем пространстве. Ф. Моро-Дефарж отмечает, что оседлые племена из поколения в поколение собирали урожай на одном и том же участке земли, и пространство для них ограничивалось их полем, жилищем и деревней - т.е. «близким горизонтом, за которым лежал чужой и враждебный мир. Для кочевника... пространство было бесконечно. Он его завоевывал и опустошал, чтобы тут же отправиться на поиски новой добычи» [Моро-Дефарж 1996, с. 4].

Сегодня существует отдельная наука «геополитика», которая рассматривает политическое, экономическое и стратегическое значение географии и определяет мощь государства по его местоположению, площади, ресурсам. Исторически, именно удобное территориальное расположение стран служило толчком к началу захватнических войн. Так, Великобритания господствовала над морями и океанами благодаря контролю над ключевыми географическими точками: Ла-Манш, Гибралтар, Сингапур, Гонконг.

Таким образом, понятия о пространстве изменяются благодаря постоянно накапливаемому опыту. В ходе исторического развития «пространственные представления человека постепенно эволюционировали от наивно-бытового, наглядного, архаического восприятия пространственных форм и отношений к более умозрительному, абстрактному и научному его объяснению» [Николова 2002, с. 61]. Познавая свое место в мире и изучая разные параметры физического пространства, человек может максимальным образом к нему адаптироваться. Но «человек не только приспосабливается к ландшафту, но и приспосабливает ландшафт к своим нуждам и потребностям. Значит, пути через разные ландшафты ему проложили не адаптивные, а творческие возможности» [Гумилев, электронный ресурс]. Эта идея находит подтверждение в лексической подгруппе «*пространство, освоенное в человеческой деятельности*», названной выше.

Библиографический список

1. Абашилова, А.М. Лексико-грамматические средства выражения семантики пространства в аварском языке в сопоставлении с английским : автореф. дис. ... канд. филол. н. [Текст] / А.М. Абашилова. – Махачкала, 2002.
2. Березина, Е.Н. Концептуализация пространства: предлоги *against, opposite* в современном английском языке и их русские соответствия : Автореф. дис. ... канд. филол. н. [Текст] / Е.Н. Березина. – М., 2008.
3. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Электронный ресурс] / Л.Н. Гумилев. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/index.html>
4. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка [Текст] / Е.С. Кубрякова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1997. – Т. 56. – №3. – С. 22-31.
5. Куксова, Н.А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. [Текст] / Н.А. Куксова. – Тамбов, 2006.

6. *Моро-Дефарж, Ф.* Введение в геополитику [Текст] / Ф. Моро-Дефарж. – М. : Конкорд, 1996.
7. *Николова, А.* Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание [Текст] / А. Николова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2002. – С.59-92.
8. *Овчинников, Д.В.* Тематическая группа в языковом сознании этноса: на материале лексики, называющей элементы природного ландшафта в русском и немецком языках : автореф. дис. ... канд. филол. н. [Текст] / Д.В. Овчинников. – Воронеж, 2010.
9. *Фрумкина, Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация / РАН. – Серия 2. – 1992. – № 3. – С.1-8.
10. *Хайруллин, В.И.* Структурирование информации о пространстве [Текст] / В.И. Хайруллин // Научно-техническая информация / РАН. – Серия 2. – 1997. – №11. – С.30-36.
11. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994.

Справочная литература:

CIDE – Cambridge International Dictionary of English. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1995.

angry_beaver@mail.ru

Калёных Е.В., Улан-Удэ (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕКСТА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ЭПОХИ ВЕБ

Современное научное знание поистине многогранно. С развитием новых технологий постоянно происходит изменение социальной функции коммуникации. На смену античному ораторскому искусству, целью которого является грамотная и убедительная речь, приходит современное общение «виртуальных личностей» [Казнова, 2009, с. 152]. Главным приоритетом коммуникантов становится не то, каким образом правильно, красиво и убедительно сформулировать свою речь, а то, каким образом занять место в глобальной сети. Подчас многие молодые люди даже не задумываются о выборе языковых средств, создавая свои собственные понятия, характерные для компьютерной среды («чатиться», «френдиться» и т.д.), и тем самым, ставя под сомнение «величие и мощь» русского языка. На первый план выходит общение ради общения. Так, стремительно меняется образ современного человека, а вместе с ним и человеческая деятельность в целом.

В данных условиях изменениям подвергается и сам текст, о чем свидетельствуют новейшие исследования в области социолингвистики, психолингвистики, антропологии и пр.: «В современном лингвистическом анализе текста, как в кипящем котле, из разных составных частей образуются новые комбинации научных вкусов и пристрастий, рождаются и развиваются новые концепции описания целых речевых произведений» [Филиппов, 2003, с. 16].

Принято считать, что первые попытки анализа текста были предприняты именно в античности. Софисты, являющиеся родоначальниками риторики, считали, что самое важное для оратора – не постижение истины, а убедительность. Однако, на протяжении всей истории риторики, понимание ее предмета подвергается существенным изменениям. Если на первом этапе (расцвет греческой цивилизации) предмет риторики определяется как искусство убеждения, а на втором (расцвет римской цивилизации) – «искусство говорить хорошо» в целом, то на третьем этапе (средние века и начало эпохи Возрождения) риторика понимается как «искусство украшения речи».

Вместе с предметом меняется и форма, и содержательная сторона текста.

Античность подарила нам великих ораторов. Лишь избранные, коими являлись философы, могли не просто красиво говорить, но и постигать все тайны письменных текстов. В средние века монахи, подвергая свою жизнь опасности (когда за чтение запрещенной литературы человека отправляли на виселицу), пытаются ввести чтение письменных текстов в массы. В эпоху Возрождения появляется некоторая «мода» на чтение. Тем более, что в это время одно за другим появляются произведения, признанные сегодня шедеврами мировой литературы.

Современный человек ищет способы усовершенствования письменного текста. Ему кажется уже недостаточным чтение «просто текста». С тем, чтобы «оживить» письменный текст, к вербальной составляющей он добавляет изображение, тем самым, добиваясь улучшенного восприятия посылаемого сообщения посредством двойного кодирования. Так появляются креолизованные тексты – вербальные тексты, сопровождаемые иллюстрацией [Вашунина, 2007, с. 7]. Получая информацию из двух источников (вербального текста и иллюстрации), реципиент более полно декодирует смысл прочитанного. Причем восприятие этих двух источников происходит параллельно, а не последовательно: «мысли входят в наше сознание толпой» [Бате, цит. по: Филиппов, 2003, с. 28]. Более того, информация, которую реципиент получает из формы иллюстрации, практически всегда воспринимается неосознанно. В этом заключается психологический аспект восприятия текста.

Одним из первых, кто стал изучать психологическую составляющую текста, был Н. Рубакин, основатель библиологической психологии. Он сформулировал взаимоотношения читателя и текста в виде триады «читатель (реципиент) – книга (текст) – автор». Исследователь предполагал, что «читательские оценки авторских «возможных миров» предоставляют возможность делать соответствующие выводы относительно прозрачности для реципиентов тех смыслов / смысловых масс, которые разрешены в этих возможных мирах» [Рубакин, 2006, с. 7]. Причем, тем прозрачнее будут эти смыслы для реципиента, чем больше сходства в психической (психо – семио – биологической) организации читателя и психической (психо – семио – биологической) организации автора.

Принято считать, что физиология эмоций, чувств, стремлений – реакций человека на воздействие внутренних и внешних раздражителей – универсальна. Однако, разная структура субъектов и разность психологического состояния в момент восприятия того или иного события диктуют и обуславливают разницу в толковании окружающей действительности. Не случайно Н. Рубакин говорил, что содержанием прочитанного может считаться только то, что «дошло до читателя» [там же, с. 61]. Так, есть основания полагать, что не может быть тождественного восприятия текста: каждый читатель будет активировать в своем сознании свои – единичные – образы.

Как же определяют текст в психолингвистике? «Текст – основная единица коммуникации, включенная в отношения между говорящими, он структурирует деятельность, регулирует и планирует отношения между говорящими» [Белянин, 2004, с. 110]. Текст обладает набором психолингвистических характеристик, таких как цельность, связность, эмотивность, креолизованность, прецедентность и скважность. «В тексте сохраняются следы невербального поведения участников коммуникации, и он обладает большой степенью интерпретативности» [там же, с. 108].

Сегодня говорят о существовании «текста эпохи веб» [Горошко, 2009, с. 267]. Будучи современной формой Интернет-коммуникации, текст эпохи веб открывает неограниченные возможности для своих пользователей, а именно: возможность «коллективного соавторства и соредактуры текста, высокий уровень гибридизации, легкость обновления содержания, возрастающая роль цветовой и графической информации при его восприятии и т.д. [там же, с. 271]. Таким образом, происходит переход от анализа однослойной семиотической системы, которой является язык, к изучению многослойной (текстово-аудио-визуальной) информации представления текста в Интернете) [Горошко, 2008, с. 5]. К текстам эпохи веб относятся популярные социальные сети, блоги, мультимедийные системы распространения информации и т.п.

Что дает использование поликодового текста? Для пользователей социальных сетей это, в первую очередь, возможность проявить свое творчество. Но самое главное, это – «возможность самопрезентации человека», когда он может «не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он хотел бы, но не может стать в реальности [Казнова, 2009, с. 152].

Следовательно, для лингвистов наступает новая эпоха – эпоха изучения поликодового текста. Несомненно то, что для анализа подобных текстов более высокого и сложного уровня от исследователей требуются навыки работы в рамках трансдисциплинарных парадигм. При этом одной из обязательных сфер научного знания, с которой должен ознакомиться лингвист, является психология.

Библиографический список

1. *Белянин, В.П.* Психолингвистика : учеб. [Текст] / В.П. Белянин. – 2-е изд. – М. : Флинта; Московский психолого-социальный институт, 2004.
2. *Вашунина, И.В.* Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста : моногр. [Текст] / И.В. Вашунина / Институт языкознания РАН; НГПУ. – Нижний Новгород : Изд-во НГПУ, 2007.
3. *Горошко, Е.И.* Психолингвистика Интернет-коммуникаций [Текст] / Е.И. Горошко // Вопросы психолингвистики. – 2008. - №7. – С.5-12
4. *Горошко, Е.И.* Текст эпохи веб 2.0: психолингвистический анализ [Текст] / Е.И. Горошко // Вопросы психолингвистики. – 2009. - №9. – С.267-281
5. *Казнова, Н.Н.* Сетевые дневники как новый вид реализации личности [Текст] / Н.Н. Казнова // Вопросы психолингвистики. – 2009. - №9. – С.150-156
6. *Рубакин, Н.А.* Библиологическая психология [Текст] / Н.А. Рубакин. – М. : Академический Проект; Триеста, 2006.
7. *Филиппов, К.А.* Лингвистика текста : курс лекций [Текст] / К.А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

gwzhenya@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВ В РОМАНАХ Б. АКУНИНА

Доминирование одного или нескольких континуальных единств в художественном тексте (единства времени, места, участников, темы и т.д. [Лузина, 1996, с. 87]) задает направление текстовой интерпретации в зависимости от используемых в тексте когнитивных моделей времени и пространства. Традиционное различие линейной и циклической временных моделей базируется на присутствии/отсутствии человека как точки отсчета в модели времени. «С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность однотипных событий, жизненных кругов (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Циклическое представление о времени отличает архаические цивилизации, развитие же представлений о линейном движении времени в первую очередь связано с формированием исторического сознания» [Яковлева, 1994, с. 97].

Романы Б. Акунина «Сокол и ласточка» и «Детская книга» ориентируют читателя на поиск особого хроноса уже с обложки. Подобный дизайнерский шаг обусловлен структурой акунинских романов, в которых главы, соотносящиеся с современностью, чередуются с главами «историческими». История интересует Акунина не в варианте «линейного» представления чередующихся событий, а в варианте определенного топоса, конструирующегося / реконструирующегося при временных изменениях. В более ранних романах единство топоса создается за счет «персонажа-наследника» (например, Николас Фандорин, проезжающий по «местам боевой славы» Корнелиуса фон Дорна). То же происходит и в романе «Сокол и ласточка»: Николас попадает в область «законсервированного» времени недалеко от места обитания своих дальних родственников – «тифельцев» [Акунин, 2009, с. 592].

В романе «Детская книга» единство топоса усиливается за счет персонального дейксиса: в «разновременных» главах романа действует один и тот же персонаж, Эраст Фандорин-младший (он же – Ластик), проникающий в иные времена через некие «хронодыры». Как объясняет юному персонажу таинственный профессор Ван Дорн, «Chronohole», или «хронодыра», – ...это такой лаз, по которому можно попасть в другое время» [Акунин, 2007а, с. 65]. Похоже, что Б. Акунин со свойственной ему переводческой иронией реконструирует достаточно популярный в последнее время физический и синергетический термин wormholes (в русской традиции – «кратовые норы/кратовины»), обозначающий гипотетические туннели, в которых меняются свойствами пространство и время (ср. название сборника эссе Дж. Фаулза и его понимание данного термина [Фаулз, 2002, с. 7]). Подобный термин оказывается понятным для акунинских персонажей в так называемой «пре-когниции» [Кубрякова, 2004, с. 83], т.е. в ситуации незнакомства с феноменом.

Б. Акунин сам термин chronoholes использует в ситуациях попыток целенаправленного исправления «неудачной ветви» истории, зачастую представленных в ироническом ключе (ср. «реконструкцию» истории Григория Отрепьева как случайно попавшего в хронодыру советского пятиклассника Юрки Отрепьева из Киева [Акунин, 2007б, с. 72-86]). Но целенаправленность попадания нужного персонажа в нужную эпоху, видимо, не дает возможности исправить определенное ответвление истории. Однако именно она отличает тексты Дж. Фаулза и Б. Акунина от текстов большинства писателей-фантастов. Типично британская склонность к восприятию Времени как преемственности сочетается в текстах «Волхва» и «Детской книги» с типично японским пониманием Времени как переменчивости. Возможно, именно этим и объясняется характер временных моделей, используемых в романах «Сокол и ласточка» и «Детская книга».

«Цикличность» восприятия времени ориентирована на поиск типических ситуаций, «линейность» связана с восприятием времени в ключе индивидуального сознания, то есть с включением в систему пространственно-временных координат еще одной координаты – субъекта. Именно поэтому весьма колоритный рассказчик «исторической» части романа «Сокол и ласточка», попугай Андоку, живя в пределах вневременного, циклического пространства (чудесный японский остров-кофун, где «не было времени. Оно не двигалось» [Акунин, 2009, с. 100]), не ощущал себя «человеческим». И лишь покинув пределы заколдованного острова и переместившись в мир нециклического, линейного времени, Андоку начинает чувствовать себя иначе. Он является не просто действующим и мыслящим субъектом, ему присваивается статус диегетического рассказчика, тогда как Ластик в «Детской книге» – лишь субъект-наблюдатель и участник разновременных событий. Различается статус данных персонажей в текстах и с точки зрения номинации (имя собственное > прозвище). С помощью хронодыр или определенного стечения обстоятельств «межвременные» путешественники Андоку и Ластик совершают прорыв от бытового времени к времени надбытовому, «подразумевающему исключительность описываемого. События этого времени выведены из круга повседневности, они ...уникальны, незабываемы, особо значимы (соотносятся с духовной сферой человека)» [Яковлева, 1994, с. 138]. Андоку, кроме того, как рассказчик-философ наделяется способностью воспринимать так называемое аналитическое время – «время стечения обстоятельств и сплетения событий самой разной природы и масштаба. Этому времени соответствуют оценки «рациональные», «внеположенные» (взгляд со стороны на предмет описания)» [там же, с. 139].

Изменение скорости переживаемых «мгновений» позволяет Акунину устами профессора Ван Дорна выдвинуть гипотезу о том, что время в настоящем и прошлом движется с разной скоростью: «...Судя по вашим часам, экскурсия в 1914 год продолжалась триста восемьдесят шесть секунд. ...У меня прошло... Всего одна

целая пятьдесят шесть тысячных секунды» [Акунин, 2007а, с. 92]. Последующие рассуждения Ван Дорна по поводу коэффициента различия скоростей движения («Примерно 365,25. Хм, это количество оборотов, которые Земля совершает вокруг собственной оси в течение года») являются отсылкой к разнообразным временным моделям, обыгрываемым в «Маленьком принце» А. де Сент-Экзюпери (см. о возможностях интертекстуальных хронотопических отсылок [Draine, 1991]).

В «Детской книге» реализуется так называемое «future-in-the-present», время, присущее именно детской литературе, где «a number of events which must obviously have occupied different pockets of time are expressed in the same space» [Johnston, 2006, p. 58-59]. Акунинский футурологический прогноз здесь представляет собой нечто существенно отличающееся от эпохи КВД (Когда Время Двигалось) [Акунин, 2007б, с. 283]. Зафиксированное на «лучших» датах (одной из которых является день рождения скромного автора) время эпохи «Завтра» завершает кольцевую композицию двух акунинских романов и едва не оставляет Ластика в такой же чудесной области безвременья, с которой начинается творческая биография мудрого попугая Андоку. Иронический проект нелицеприятного будущего имеет, как и положено прогнозу, и своего авторитетного субъекта речевой деятельности, и верификатора [Циммерлинг, 1997, с. 341]. Это время так называемых «whimperatives» [Wierzbicka, 2002, s. 202]. В качестве авторитетного эксперта своего времени выступает футурологическое существо среднего рода, «собранное» из профессора Магды Дженкинс, микробиолога, и доктора Итиро Ямады, специалиста по электронике [Акунин, 2007б, с. 293]. Верификатором, так и не оценившим техногенную цивилизацию, является Ластик, попавший через хронодыру в Москву «в никаком году». Блаженным островом без календаря становится вся планета Земля, и Время из персонализированной, движущейся субстанции превращается в деперсонализированную Вечность. Собственно, и логичный для детской книги хэппи-энд с возвращением в родной хронотоп ничего не меняет, ведь именно светило объединенных гуманитарных и естественных наук (физики и истории) профессор Ван Дорн заявляет: «Продолжение следует».

Библиографический список

1. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
2. *Лузина, Л.Г.* Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматический аспекты) [Текст] / Л.Г. Лузина. – М. : ИНИОН РАН, 1996.
3. *Фаулз, Дж.* Кротовые норы [Текст] / Дж. Фаулз. – М. : Махаон, 2002.
4. *Циммерлинг, А.В.* Логика прогноза [Текст] / А.В. Циммерлинг // Логический анализ языка: язык и время. – М. : Индрик, 1997. – С.336-347.
5. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994.
6. *Draine, B.* Chronotope and Intertext [Text] / B. Draine // Influence and Intertextuality in Literary History / ed. by J. Clayton and E. Rothstein. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1991. – P. 318-340.
7. *Johnston, R.R.* Childhood. A Narrative Chronotope [Text] / R.R. Johnston // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt. – Vol. 3: Cultural Contexts. – L. ; N. Y. : Routledge, Taylor and Francis Group, 2006. – P. 46-68.
8. *Wierzbicka, A.* Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Interaction [Text] / A. Wierzbicka. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2003.

Список источников иллюстративного материала

1. *Акунин, Б.* Детская книга [Текст] / Б. Акунин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС; ОЛМА Медиа Групп, 2007. – Т.1.
2. *Акунин, Б.* Детская книга [Текст] / Б. Акунин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС; ОЛМА Медиа Групп, 2007. – Т.2.
3. *Акунин, Б.* Сокол и Ласточка [Текст] / Б. Акунин. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009.

vkarpuhina@yandex.ru

Катынская М.В., Благовещенск (Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ ИМИДЖА АВСТРАЛИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕТЕВЫХ ТЕКСТАХ

Повсеместная коммерциализация образовательных институтов и высокая конкуренция на международном рынке образовательных услуг приводит к необходимости развития PR коммуникаций в данной сфере. Задача формирования привлекательного для потребителей имиджа становится приоритетной для отраслей разных стран. Существенно повышается актуальность модификации созданного имиджа в периоды системных и финансовых реформ в образовательной сфере, что в полной мере характерно для австралийской системы образования, лидирующей на международном уровне в течение последнего десятилетия. Однако с

2010 года в Австралии наблюдается значительное снижение количества иностранных студентов, что требует действенных мер по коррекции имиджа австралийского образования.

Проблемы имиджологии затрагиваются специалистами различных областей современной науки. Однако, разнообразие точек зрения на понятие имиджа имеет под собой и общее основание, которое, на наш взгляд, наиболее полно отражается в следующей дефиниции: «целенаправленно создаваемый особого рода образ-представление, которое с помощью ассоциаций наделяет объект дополнительными ценностями и, благодаря этому, способствует более эмоциональному восприятию объекта» [Матвеева, 1994]. Целенаправленность процесса моделирования имиджа предполагает намеренный отбор способов и средств фокусирования восприятия аудиторией информации об имиджируемом объекте. Являясь средством концептуализации окружающего мира, язык обладает потенциалом воздействия на сознание человека, суть которого и состоит в моделировании восприятия действительности. Пространство сетевых австралийских СМИ, наиболее доступных потенциальным студентам со всего мира, является благоприятной средой для продвижения заданного имиджа.

В настоящее время считается общепринятым положение об аксиологичности человеческого сознания, его ориентации на выработанные обществом и принятые субъектом сознания ценности. В аксиологии оценивание понимается в общем смысле как процесс концептуализации действительности [Гадамер, 1988, с. 33]. Являясь проявленным актом оценивания, оценка связывает человека с миром ценностей [Нечепуренко, 2005, с. 175], так как назначение оценки – удостоверять качество ценностей [Серебренникова, 2008, с. 42].

В профессиональной сфере жизни современного общества важность образования сложно умалить или переоценить. Образование относится к общечеловеческим ценностям, обеспечивающим устойчивость и воспроизводство культуры. Соответственно, моделирование положительного имиджа австралийского образования с необходимостью требует использования адресантами выражающих оценку текстов в качестве средства убеждения адресатов в наличии определенных характеристик, способных привлечь иностранных студентов и, вероятно, отражающих их потребности.

Анализ оценочных суждений, представленных в рассмотренных нами сетевых текстах, позволяет выделить следующие качества австралийского образования, являющихся компонентами формируемого имиджа: *качество, стабильность, развитие, международное сотрудничество*. В качестве примера приведем фрагменты медиа-релиза министерства образования Австралии «Minister to lead higher education delegation to China» [Minister to lead...]. Исходя из функциональной направленности пресс-релиза как вида PR-документа, текст носит информативный характер и «не должен содержать оценочных данных» [Основные понятия в PR...], однако, в данном сообщении очевидным становится наличие оценочного отношения адресанта к предмету речи. В структуре оценочного отношения выделяются, в первую очередь, объект (1), основание оценки (2) и субъект (3)

Фрагмент 1. The visit will also highlight *the economic and social importance* (2) of Australia's international education sector (1) and the significance that the Government (3) places on *quality and sustainability* (2) in international education (1). В приведенном высказывании имплицитно, что правительство Австралии данный сектор образовательной отрасли считает важным для социально-экономического благополучия страны, а также подчеркивается необходимость поддержки стабильного развития сектора со стороны государства. Следуя типологии оценок М.В. Никитина, мы определяем рассматриваемое оценочное суждение как качественную прагматическую оценку, связывающую объект с базисной оценочной сферой по линии полезно-вредно, так как выявленные признаки данного объекта «качественный» и «стабильный» способствуют благополучному существованию субъекта; иными словами обобщенно объект оценивается как полезный. Во фрагменте 1 лексические единицы оценочной семантики не находятся в предикативной позиции в рамках оценочных конструкций. На необходимость такого положения для признания конструкции оценочной указывает М.Я. Блох [Блох, 1986], в то время как некоторые исследователи придерживаются более широкого понимания оценочных высказываний. Так, мы поддерживаем мнение Ю.С. Старостиной, которая отмечает, что ведущим фактором при выделении оценочных суждений является их коммуникативная цель, смысловой центр [Старостина, 2007]. Таким образом, представляется верным отнести проанализированный фрагмент медиа-релиза к косвенной оценке, при помощи которой в структуру имиджа австралийского образования инкорпорируются такие признаки оцениваемого объекта как «качество» и «стабильность».

Фрагмент 2. “It is exactly the right time to push on to build a sector (1) that *is stronger and better* (2) because it *is built around improved quality and integrity* (2),” Senator Evans (3) said. Предлагаемый для анализа фрагмент представляет собой цитату сенатора Эванса о необходимости улучшений сектора международного образования в аспекте качества и целостности. Данное высказывание является примером оценочного выражения в рамках ценностной аргументации, где тезис *a sector is stronger and better* подкреплен аргументом *because it is built around improved quality and integrity*. Цель аргументации состоит в убеждении аудитории в том, что международное образование Австралии развивается. Рассмотренное предложение содержит оценочно-предикатные конструкции, что позволяет отнести данное оценочное выражение к прямой прагматической оценке, связывающей объект с базисной оценочной сферой по линии хорошо-плохо. Типологически оно принадлежит к количественной оценке, так как она имеет целью установить меру признака (*stronger and better*;

improved quality and integrity). Таким образом, объект оценки (1) обладает признаками улучшенного качества и целостности (2), следовательно, в структуре имиджа конституируется компонент «развитие».

Фрагмент 3. “I (3) am keen to personally underline the message that *Australia* (1) *welcomes international students* (2) and *remains a world leader in education* (2),” Senator Evans (3) said. Данный отрывок медиа-релиза находится в маркированной позиции последнего предложения текста, играя, соответственно, резюмирующую роль в его композиционной и смысловой структуре. Благодаря оценочному глаголу с положительной семантикой *welcomes* в рамках квалификативной оценки, австралийская система образования наделяется признаком открытости для международного сотрудничества. В оценочно-предикатной конструкции *remains a world leader in education* прилагательное *world* эксплицирует мировой уровень деятельности Австралии на рынке образования, в то время как оценочная лексема *a leader* в предикативной позиции призвана оценить меру успешности австралийского образования как высшую. Другими словами, в данном случае механизм количественной прагматической оценки по линии хороший-плохой позволяет адресанту имплицировать тезис «Австралийское образование – лучшее в мире».

Таким образом, при посредстве языка коммуницирующий субъект ориентирует других субъектов в мире ценностей, оказывая речевое воздействие на их сознание и побуждая к определенным действиям [Серебренникова, 2008, с. 20]. Результатом включения в коммуникацию оценочных суждений об образовании Австралии является моделирование его имиджа как ценности, обладающей признаками *качество, стабильность, развитие, международное сотрудничество*, с целью привлечения иностранных студентов.

Библиографический список

1. Блох, М.Я. Структура и семантика оценочной конструкции [Текст] / М.Я. Блох, Н.В. Ильина // Функциональная семантика синтаксических структур : межвузовский сб. научных трудов. – М. : МГПИ, 1986. – С.14-23.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер: пер. с нем. ; общ.ред. и вступ.ст. Б.Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988.
3. Матвеева, Л.В. Рекламный имидж в бизнесе и политике [Текст] / Л.В. Матвеева // Реклама. – 1994. - №5-6.
4. Нечепуренко, Т.Л. Социокультурный компонент языковой личности как предпосылка развития системы оценки [Текст] / Т.Л. Нечепуренко // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. – М. : МГПУ, 2006. – С.173-179.
5. Никитин, М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях [Текст] / М.В. Никитин // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка : Studia Linguistica. – СПб. : Изд-во «Тригон», 2000. – Вып. 29.– С. 6-22.
6. Основные понятия в PR (PR глоссарий) – пресс-релиз [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://koptev-anatoliy.livejournal.com/70508.html>
7. Серебренникова, Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – С. 8-31.
8. Серебренникова, Е.Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – С. 31-49.
9. Старостина, Ю.С. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений [Текст] / Ю.С. Старостина // Самар. гос. ун-т / Вестник. – 2007. - № 3 (53). – С. 232-241.

Источник иллюстративного материала

Minister to lead higher education delegation to China [Электронный ресурс] : медиа-релиз. – Режим доступа: http://www.deewr.gov.au/ministers/evans/media/releases/pages/article_101027_162408.aspx

marinak_munrfe@mail.ru

Керимов Р.Д., Федянина Л.И., Кемерово (Россия)

ПРЕДМЕТНЫЙ КОД НЕМЕЦКИХ КОНЦЕПТОВ ‘ДЕНЬГИ’ И ‘ПОЛИТИКА’

Метафорический признак предмета концептуальных сфер «Деньги» („das Geld“) и «Политика» („die Politik“), традиционно играющих важную роль в немецкой социальной коммуникации, может быть рассмотрен с двух точек зрения: с одной стороны, как «предметность» в целом, при которой посредством соответствующих метафорических обозначений создается образное впечатление об актуальных сущностях (в первую очередь это касается «политики») как о материальных объектах, с которыми могут совершаться разнообразные манипулятивные действия. С другой – актуальным признаком могут выступать мыслимые свойства денег и

политики как конкретных, «овеществленных» предметов – артефактов, передающих (посредством метафорических образов) в немецкой лингвокультуре значимые аспекты данных социальных явлений.

В первом случае по отношению к сфере политики используются, например, глаголы с семантикой «захватить», «получить», «брать», «терять», «передавать» и т.п., проецирующиеся в абстрактную область политической власти, с которой, как с неким предметом, совершаются соответствующие действия, ср., словосочетания „die Macht“ / „die Regierung“ / „die Kraft“ „bekommen“, „ergreifen“, „gewinnen“, „übergaben“, „verlieren“ и соответствующие сложные слова „die Machtergreifung“, „der Machterhalt“, „die Machtübernahme“, „der Machtverlust“ и т.д.

При обозначении денежных средств предметный признак не выявляет метафорического переосмысления, поскольку деньги являются и абстрактным понятием (если речь идет о богатстве, благосостоянии, некоторой сумме, цене и пр.), и конкретным предметом («материализованы» в виде платежных средств и финансовых инструментов – банкнот, монет, чеков, счета в банке и т.д.). В связи с этим такое выражение как „Geld verlieren“ может быть интерпретировано, в зависимости от контекста, двояко: потеря реальных денежных знаков (пропажа с кошельком и т.д.) или абстрагированная, «виртуальная» ситуация (убыток при неудачных финансовых операциях, вложениях; банкротство; лишняя покупка).

Второй подход обусловлен выделением артефактного концептуального признака и охватывает номинации, связанные с созданными трудом человека предметами и устройствами, к которым относятся: технические устройства и механизмы, транспортные средства, архитектурные сооружения, объекты коммуникаций и транспортной инфраструктуры, а также объекты сферы гастрономии и одежды.

Деньги в современной немецкой лингвокультуре в первую очередь выступают инструментом («ключом», «топором»), выполняющим различные технические действия, которые описывают различные жизненные ситуации и могут расцениваться как позитивно, так и негативно, ср.: „Geld ist ein Schlüssel für alle Türen“. „Geld öffnet alle Türen“. „Geld ist das Beil, das gute Freunde trennt“.

Политика в свою очередь также является инструментом (средством) для осуществления определенных действий, однако, в отличие от денег она не самостоятельна и не самодостаточна, а лишь орудие в руках политиков, правительства и пр., например: „Alle Experten kommen zu demselben Schluss: Die Mindeststeuer ist ein völlig ungeeignetes Instrument zur Verbesserung der Steuergerechtigkeit“ (Waigel). „Die Bildung ist ein Teil des Schlüssels zu dem Haus, in dem wir alle wohnen, und wer diesen Schlüssel nicht benutzen kann oder will, der bleibt draußen vor der Tür“ (Rau).

При реализации транспортного признака деньги предстают в образе некоего транспортного средства (железной дороги, корабля и пр.) или его составной части. Таким образом, метафорически выражаются определенные свойства денег, как, например, их «прочность» („fest“), то есть их большая сила, покупательная способность и т.д.: „Geld ist fest wie Eisenbahn“. „Das Geld soll wie die Eisenbahn sein, weiter nichts als seine Staatliche Einrichtung, um der Warenaustausch zu vermitteln, wer sie benutzt, soll Fracht zahlen“.

Морская тематика (парус, паром и пр.) создают образ денег как некоей движущей и управляющей силы, а их отсутствие сулит беды и несчастья, ср.: „Geld – ein Segel in der Tasche“. „Das Leben ist ein Meer, der Fährmann ist das Geld; wer diesen nicht besitzt, schiffet übel durch die Welt“.

Политика также получает метафорическое переосмысление терминами транспортной субсферы. В публицистике при этом реализуются образы корабля, поезда, автомобиля, а также их составных частей (мотор, якорь, вагон).

Традиционный метафорический образ корабля, восходящий еще к античной риторике, создает впечатление о государстве, его развитии, об институтах государственной власти. Наиболее актуальными при этом представляются ситуации движения корабля-государства определенным курсом (правильным или неверным) и управления им командой во главе с капитаном-канцлером, например: „Wenn Sie von etwas Ferne auf das Geschehen in der Bundesrepublik blicken, dann sehen Sie, dass wir schwierige Aufgaben zu bewältigen haben, dass das Staatsschiff aber auf gutem Kurs ist“ (Solms). „Das Land auf dem richtigen Weg zu halten und da, wo nötig, Kurskorrekturen vorzunehmen, ist die Aufgabe, die wir für die nächsten Jahre haben“ (Schröder).

Железнодорожный транспорт (поезд, состав, локомотив) описывает развитие разнообразных политических процессов в динамике. Так, например, движение поезда может манифестировать процессы внутригерманской (Западная и Восточная части единой Германии) и европейской (внутри ЕС) интеграции, ср.: „Höchst unerwartet ist der Zug der politischen Union Europas wieder ins Rollen gekommen“ (Herzog). „Aber Brandt hat gesagt: Je schneller der Zug der deutschen Einheit fährt, desto mehr müssen wir darauf achten, dass niemand unter die Räder kommt“ (Rau). Помимо этого важный смысл передают контексты с номинациями железнодорожных станций, вокзалов, начала и места назначения, а также направления движения состава.

Исходная концептуальная субсфера гастрономии актуализируют у сферы мишени «Деньги» перцептивные качества и свойства. Деньги как кулинарное блюдо могут иметь вкус и запах (приятный или горький), служить ингредиентом, улучшающим качество блюдо или придающим ему особенный вкус (иногда – в ироническом смысле), ср.: „Das Geld schmeckt, riecht und stinkt“. „Geld – Eiscreme in der Hölle“. „Geld versüßt die Arbeit“. В некоторых контекстах наоборот речь идет о том, что «деньги» – не пища, не хлеб, то есть они ценны не сами по себе, а лишь потому, что на них можно приобрести необходимые вещи и продукты питания („Geld stillt keinen Hunger“. „Geld ist nicht Brot“).

В сфере общественных отношений продукты питания и пища в целом создают образы крайне необходимых для функционирования общества духовных сфер деятельности человека, как, например, культура и искусства, которые как раз и делают общество «живым»: „*Kultur und Kunst sind ein Grundnahrungsmittel für eine lebendige Gesellschaft*“ (Clement).

Определенные политические явления, например, межгосударственные отношения или международный терроризм, в свою очередь могут «питаться» из неких источников, то есть иметь политическое, идеологическое, финансовое основание: „*Unser Wunsch ist, dass das Verhältnis zwischen Deutschland und Polen sich aus den gleichen Quellen speisen soll wie das deutsch-französische Verhältnis: aus dem Bewusstsein enger Freundschaft und gemeinsamer Verantwortung für Europa*“ (Rau).

Традиционный статус в немецком языке получила (и уже закрепились на уровне словаря) метафора «рецепт», указывающая на некие решения по выходу из сложившейся ситуации: „*Beim Thema Arbeitslosigkeit geht es um Rezepte. Es geht zwar auch um die Analyse der Ursachen, aber doch nur, um die richtigen Rezepte zu finden*“ (Babel).

Социально-политическая сфера современной немецкой лингвокультуры концептуализируется также понятиями из механистической, архитектурной и текстильной артефактных концептосфер, которые являются для сферы-мишени «Политика» специфическими, поскольку другой социальный концепт 'Деньги' подобными признаками на регулярной основе не обладает.

Метафоры механизма объективируют представления о немецком государстве, о Европейском Союзе, о германской экономике как о работающем механизме и описывают механизм в целом, составные части механизма, процессы его функционирования, поломки/починки, управления им.

В качестве механизма могут быть представлены и политические системы (например, Европейский Союз) и экономическая сфера: „*Lernen Sie verstehen, wie die Europäische Union funktioniert*“ (Rau). „*Dass der Markt als Mechanismus des Wirtschaftslebens allen anderen Prinzipien überlegen ist, wird nirgendwo und von niemandem mehr ernsthaft bestritten*“ (Rau).

Еще одним распространенным метафорическим образом, характеризующим государство как некоторую целостную структуру, является метафора дома. Разные аспекты функционирования и устройства государства объективируются посредством номинаций дома как целостного сооружения („*das Staatsgebäude*“), а также конструктивных составляющих здания (фундамент, стены, окна, двери, крыша и т.п.), выражающих определенные социально-политические процессы, происходящие в Федеративной Республике и в Евросоюзе, например: „*Die politische Bildung an unseren Schulen vermittelt jungen Menschen die Kenntnis von den Bausteinen unserer Gesellschaft und unseres Staatgebäudes*“ (Rau).

Номинации объектов сферы коммуникаций и дорожно-транспортной инфраструктуры (мост, дорога, улица и др.) концептуализируют ситуации международного сотрудничества и процессы политического и экономического развития немецкого общества. При этом мост выполняет важную связующую функцию, сближая народы, государства: „*So war es auch möglich, geistige Brücken über den Eisernen Vorhang zu schlagen und kulturelle Bindungen und Verbindungen zu den Menschen zu pflegen*“ (Kohl).

У немецкого концепта 'Деньги' особыми номинациями в предметной сфере проявляют себя наименования материальных носителей денежных единиц, из которых они изготавливаются и на которых они собственно существуют (бумага, железо, медь, золото, серебро и т.п.). Подобные лексемы не передают никакого образного значения, хотя и часто используются, например, в разговорной речи и в немецкой паремиологии.

Таким образом, в немецкой лингвокультуре деньги ведут себя как относительно самостоятельно действующая сила, оказывающая сильное влияние на человека, в то время как политика концептуализируется либо в динамике, развитии (при описании различных социальных процессов), либо как инструмент в руках политиков, воздействующих на государство и на общество.

kerimovrus@mail.ru

Клименок А.Н., Сологуб О.П., Новосибирск (Россия)

ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ УЧАСТНИКОВ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Умения и навыки осуществления эффективной коммуникации в различных коммуникативных условиях квалифицируются сегодня как одна из необходимых составляющих компетентности современного специалиста. В силу того, что основным орудием общения выступает текст, ядерным компонентом коммуникативной компетенции следует признать **текстовую компетенцию**, определяемую как «комплекс знаний о тексте как форме коммуникации, как совокупность умений и навыков, обеспечивающих продуцирование и понимание, интерпретацию различных типов текстов, то есть текстовую деятельность» [Гольшкихина, 2010, с. 26]. В современной лингвистике текста понятие текстовой компетенции становится одним из наиболее актуальных, оно нуждается в обосновании как в теоретическом, так и в прикладном аспектах (Обоснованию понятия

текстовой компетенции посвящены работы Н.С. Болотновой, М.Я. Дымарского, Н.И. Супрун и др.). Что касается последнего, то здесь на передний план выдвигается задача определения уровня текстовой компетенции носителей языка, выявления наиболее проблемных зон в их текстовой деятельности и определения путей повышения уровня текстовой грамотности.

Для решения этой задачи необходимо обосновать методику анализа, обусловленную спецификой объекта исследования. Эта специфика заключается в том, что компетентность является внутренним качеством человека, ментальной категорией, связанной с речемыслительной деятельностью. В силу невозможности непосредственного наблюдения интериоризованных процессов мы должны обратиться к **результатам** речемыслительной деятельности: реально функционирующим текстам, метатекстовым показателям, высказываниям носителей языка по поводу создания или функционирования того или иного типа текста, их вопросам, касающимся различного рода проблем текстовой деятельности (такие вопросы размещены, например, на сайтах gramota.ru, doc-style.ru). Подобный материал может послужить базой для характеристики текстовой компетенции носителей языка.

Настоящая работа посвящена характеристике текстовой компетенции участников официально-деловой письменной коммуникации как наиболее регламентированной сферы речевой деятельности, где необходимы специальные знания по оформлению текста. Основным методом избран метод **мониторингового исследования**, определяемый в общем виде как диагностика качественных и количественных характеристик эффективности функционирования и тенденций саморазвития той или иной системы. Мониторинг направлен на широкое обследование аудитории по интересующим исследователя вопросам, он позволяет системно оценивать как процесс, так и результат. Структуру мониторинга образуют три уровня: подготовительный (формирование тестовых заданий), сбор информации (анкетирование или опрос респондентов), систематизация и интерпретация данных [Сладкова, электронный ресурс].

Для реализации мониторингового исследования состояния текстовой компетенции участников официально-деловой письменной коммуникации нами была проведена серия опросов различных групп респондентов (студентов и сотрудников НГТУ): 1) студентов технических специальностей; 2) студентов гуманитарных специальностей (нефилологов); 3) студентов-филологов; 4) студентов-филологов, обучающихся по специализации «Филологическое обеспечение документоведения»; 5) сотрудников деканатов и учебно-методических отделов, секретарей. Каждая группа состояла из 15 человек.

Мониторинг проводился в несколько этапов. На первом, подготовительном, этапе был задан ряд вопросов, ориентированных на выяснение отношения респондентов к официально-деловому тексту, их коммуникативного опыта в данной области, основных проблем, возникающих в ходе официально-деловой письменной коммуникации. Это такие вопросы, как: *С какого рода документами вам приходится сталкиваться? В какой ситуации (составления, редактирования, восприятия и понимания, консультирования и пр.)? Какого рода трудности возникают при этом?* Практически все респонденты вступают в ситуацию делового общения, составляя такие документы, как заявления, анкеты, деловые письма, объяснительные записки и резюме, хотя делают это от случая к случаю (кроме сотрудников). Главной трудностью при их оформлении для испытуемых оказались орфография и пунктуация.

На втором этапе выяснялись более конкретные проблемные зоны официально-деловой письменной коммуникации. Испытуемым предлагались специальные задания, ответы на которые должны способствовать выявлению таких зон: *Отметьте случаи, которые являются для вас проблемными в ситуации составления документов: оформление реквизитов; их расположение в пространстве документа; последовательность расположения; членение основного текста на составные части; связность отдельных частей текста; логичность изложения; отбор необходимой информации; подбор соответствующих характеру делового общения слов и устойчивых выражений; орфография; пунктуация; другое.*

В целом, по мнению опрошенных, их уровень документной грамотности достаточно хороший: из общего количества ответов только 19% содержали те или иные проблемы. Обратимся к анализу данных проблем, основываясь на результатах проведенного мониторинга (см. таблицу). Для большинства студентов (прежде всего нефилологов) проблемным является оформление и расположение реквизитов в пространстве документа (эту проблему отметили 35% студентов технических и 19% гуманитарных специальностей). Для последних проблемным является и отбор необходимой информации (19%). Указанные затруднения вызваны небольшой практикой работы с официально-деловыми текстами и отсутствием специальных знаний. Для студентов-филологов трудность составляют подбор слов и устойчивых выражений (28%), а также отбор необходимой информации (26%). Очевидно, это обусловлено повышенным вниманием филологов к процессам создания стилистически грамотных текстов. Студенты-филологи, обучающиеся по специализации «Филологическое обеспечение документоведения», отмечают трудности, испытываемые ими при членении текста на составные части (36%). Данные процессы требуют глубинной переработки информации, что свидетельствует о более высоком уровне требований, предъявляемых к тексту документа. Для группы сотрудников деканатов, учебно-методических отделов и секретарей проблемными являются случаи, связанные с подбором соответствующих характеру делового общения слов и устойчивых выражений (45%). Данное обстоятельство объясняется большой степенью унификации большинства документов, с которыми им приходится иметь дело;

нехарактерный для привычной деловой коммуникации документ вызывает сложности в подборе необходимой лексики.

Если анализировать всю группу носителей языка в целом, то можно отметить, что наибольшие затруднения при составлении документов вызывают у них членение текста на основные части (23%), подбор слов и устойчивых выражений (22,%). Также довольно частотны трудности с оформлением, расположением и последовательностью реквизитов (16%) и отбором необходимой информации (15,5%). Можно предположить, что именно эти качества являются, по мнению носителей языка, наиболее важными свойствами официально-деловой речи и именно на них нужно в первую очередь обращать внимание. Однако успешная реализация названных качеств требует постоянной практики в составлении документов, совершенствования навыков делового письма. Большая же часть опрошиваемой аудитории делает это от случая к случаю, не особенно заботясь о соблюдении текстовых норм.

Наряду с этим ни одним респондентом не были отмечены трудности, связанные с логикой изложения текста документа; минимальны также случаи затруднения в установлении связи отдельных частей текста (7,5%). Возможно, это обусловлено недооценкой респондентами роли логичности и связности текста, низкой значимостью данных показателей в организации текста документа. Кроме того, эти качества являются глубинными, не лежащими на поверхности (как, например, структурная расчлененность на реквизиты, использование официально-деловой лексики), а потому и менее заметными для носителей языка.

Таким образом, на данном этапе исследования нами выявлены наиболее проблемные для участников официально-деловой письменной коммуникации зоны, что должно послужить основой для определения направлений развития текстовой компетенции. Дальнейшие исследования в избранном направлении позволят более точно и детально представить программу этой деятельности.

Таблица 1.

Результаты мониторинга по определению состояния текстовой компетенции участников официально-деловой письменной коммуникации¹

Испытуемые	СтТ	СтГ	СтФ	СтФД	Сотр.	Группа в целом
Проблемные случаи						
Оформление, расположение, последовательность реквизитов	35%	19%	10%	5%	11%	16%
Членение основного текста на составные части	15%	14%	18%	36%	33%	23,%
Связность отдельных частей текста	4%	8%	9%	16%	0%	7.5%
Логичность изложения	0%	0%	0%	0%	0%	0%
Отбор необходимой информации	15%	19%	26%	16%	0%	15,5%
Подбор слов и устойчивых выражений	8%	14%	28%	16%	45%	22,%
Орфография, пунктуация	23%	26%	9%	11%	11%	16%

Библиографический список

1. Гольшикина, Л.А. Текстовая компетенция как ценностная доминанта современного образования: риторический подход [Текст] / Л.А. Гольшикина // *Философия образования*. – 2011. № 1 (34). – С.25–31.
2. Сладкова, О.Б. Количественные методы в исследовании социокультурного пространства [Электронный ресурс] / О.Б. Сладкова. – Режим доступа : <http://misit.ucoz.ru/load/0-0-0-26-20>.

klimenok.anastasia@gmail.com

¹ Используемые в Таблице 1 сокращения означают: СтТ – студенты технических специальностей, СтГ – студенты гуманитарных специальностей, СтФ – студенты-филологи, СтФД – студенты-филологи, обучающиеся по специализации «Филологическое обеспечение документоведения», Сотр. – сотрудники деканатов и учебно-методических отделов, секретари.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В XXI ВЕКЕ

Две основные номинативные единицы языка – слово и предложение – оказались неравноправными перед лицом лингвистической науки. В то время как в лексикологии исследуются проблемы «слова как основной единицы языка, типы лексических единиц; структура словарного состава языка; функционирование лексических единиц; пути пополнения и развития словарного состава; лексика и внеязыковая действительность» [ЛЭС, 1990, с. 259], в синтаксисе на первом месте стоит изучение сочетаемости и порядка слов внутри предложения, а потом уже – общие свойства предложения как автономной единицы языка (там же, 448), причем эти свойства не раскрываются. Синтаксис по-прежнему изучает функции классов слов в предложении и способность слов к распространению, а также структуру словосочетаний, разновидностью которого считалось предложение (Ф.Ф. Фортунатов). Он по-прежнему определяется как «наука о строении сочетания и предложения» [Тестелец, 2001, с. 22], а как учение об объединении слов в предложение противопоставляется морфологии как науке о структуре слова [Crystal, 1989].

Положение ненамного улучшилось, когда в результате так называемой Хомскианской революции «трапедия перевернулась», и предложение как главная единица языка, выражающая законченную мысль, оказалось в центре внимания лингвистов: идея сборки (из фонем образуются морфемы, из них – слова и т.д. до предложения) сменяется идеей разборки (предложение состоит из словосочетания, те – из слов, которые разлагаются на морфемы и т.д. до фонем), но композициональность остается ведущей идеей синтаксиса, а синтаксис – наукой об аранжировке, структуре и т.д.

Причину отставания синтаксиса я усматриваю в том, что в нем до сих пор не определено точно понятие «значение предложения». Вербоцентрическая концепция предложения, сыгравшая огромную роль в развитии учения о предложении, тем не менее, не смогла это сделать, потому что все свое внимание направила на утверждение мысли Л. Теньера о том, что глагол задает семантические актаны и формальные способы их выражения, из чего как-то само собой вытекало, что глагол является основой значения предложения (отсюда названия «лексический синтаксис», «семантический синтаксис»). Высказывалась даже мысль, что информация, заключенная в предложении, равна лексикографическому описанию глагола в словаре (В.О. Храковский), и для обозначения предложения не нужен символ S, можно ограничиться символом V (У. Чейф).

Вопрос об отношениях между словом и предложением, таким образом, был решен в пользу слова, и эта идея вдохновила большое количество лексикологов на исследование лексико-семантических групп глаголов и их употребление в предложении. В России результатом такого рода исследований явился словарь «Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь» (2002) под редакцией Л.Г. Бабенко.

Определению значения предложения через семантику предиката мешает многозначность глагола, например, глаголы *уловить*, *ухватить*, *усечь*, не будучи ментальными предикатами, тем не менее широко употребляются в предложениях, категоризирующих ситуацию мыслительной деятельности (*Он уловил / ухватил / усек, что пора уходить*). Узнаем мы это, кстати, не по глаголу, а по строению и семантике всего предложения. Определение значения предложения через семантику его части – предиката – противоречит общему подходу к семантике знака, которая определяется через его отношение к миру, т.е. в случае с предложением – к ситуации в действительности.

В когнитивной лингвистике принято считать, что в слове и предложении предметы, явления и ситуации отражаются так, как они восприняты, осмыслены, поняты говорящим. В таком случае все языковые категории имеют когнитивный статус, а задача лингвиста – заметить за разнообразием языковых форм разное видение (осмысление) ситуации говорящим [Кубрякова, 2004, с. 117]. Например, два человека обсуждают одну и ту же ситуацию: смерть человека по имени Артман. Однако осторожный следователь (M) говорит о *гибели* Артамана, а самоуверенный детектив (D) – об *убийстве*:

M: *Tell me about Arthman.*

D: *He's dead.*

M: *Murdered?*

D: *I think he was murdered (1).*

M: *When did Arthman get killed (2)?*

D: *An hour and half or two hours ago. If Arthman Fargo is dead, he was killed (1) by Myrth. (Gardner).* В (1) Субъект действия категоризируется как неопределенный, во (2) Субъект не только неопределенный, он – неличностный, т.е. скорее всего, Субъект здесь на самом деле – неопределенная Причина.

Признание отсутствия обязательной и прямой зависимости значения предложения от семантического класса глагольного предиката снова привлечет внимание лингвистов к идее содержательного минимума предложения, о необходимости выделения которого писали В.Г. Адмони и Б.А. Абрамов, и к изучению незаслуженно забытых сирконстантов.

В работах современных когнитологов появляется понятие идеализированной когнитивной модели (Idealized Cognitive Model), которая представляет в обобщенном виде содержание категоризируемой ситуации. Прототипу категории каузальности, например, приписывается на семантических основаниях от 12 до 10 признаков [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987]. Эти признаки предложены авторами на основе их

представления об идеальной ситуации в действительности, которой однозначно не соответствует никакая языковая структура в языке. Это ментальная структура.

Понятия идеализированной когнитивной модели (которая может иметь и другое название, например, «прототипическая ситуация»), и прототипической конструкции помогают синтаксису теоретически соединить в предложении мир, его отражение в сознании говорящего и репрезентацию в языке (ср. треугольник Огдена-Ричардса).

Ономасиологический подход к предложению позволяет также экстраполировать в синтаксис понятие семантического поля, которое изначально относится к объединению языковых единиц на основе общности содержания в одно целое. Различные теории полевой структуры языка сыграли выдающуюся роль в решении проблемы структурирования языковых единиц, потому что в языке каждая единица (предложение, слово и даже морфема) есть некий центр, окруженный родственными по своей природе единицами, образующими некоторые сферы, поля, которые в целом образуют корпус всех его предложений, словосочетаний и слов.

Представляется актуальным введение в практику лингвистического анализа понятия «сентенциональное поле», которое формируется предложениями, объединенными прежде всего общностью смысла (общей прототипической ситуацией); в центре его находятся предложения с предикатами соответствующей семантической группы. Непрототипические предложения этого семантического поля репрезентируют непрототипические ситуации [Ковалева, 2009].

Все вышеизложенное предполагает выделение в синтаксисе разделов типа «поле предложений, категоризирующих ситуацию восприятия»; «поле предложений, категоризирующих ситуацию каузальности» (знания, полагания, желания, речи и др.). В центре таких полей должны находиться предложения с предикатами соответствующих семантических классов (восприятия, каузальности и т.д.) Предложения, категоризирующие эти же ситуации, но организуемые предикатами других семантических классов, образуют периферию поля и анализируются в этих же разделах. Их изучение ставит вопрос о том, насколько закономерно или случайно их присутствие в этом сентенциональном поле. На каких когнитивных основаниях, например, ситуации понимания категоризируются конструкциями с предикатами а) собственно понимания, б) восприятия, в) поиска и г) хватания, а ситуации говорения – конструкциями с предикатами а) собственно речи, б) звучания и в) метапредикатами, оценивающими перлокутивный эффект речевого воздействия [Гуревич, 2010, с. 216-217]. Это, в свою очередь, стимулирует изучение метафоризации в синтаксисе. Исследования в этом направлении наводят на мысль о важной роли сирконстантов в развитии семантики предложения в ту или другую сторону от прототипического центра. Формально и содержательно конструкции развиваются в сторону сближения с другими сентенциональными полями [Семкова, 2010]. При контрастивных исследованиях этих полей становятся заметными причины схождения и расхождений синтаксических конструкций в разных языках.

В рамках полевого исследования легче ответить на вопросы, которые ставит когнитивная грамматика: какие ситуации категоризируются одной и той же конструкцией, какими конструкциями может категоризоваться одна и та же ситуация и, наконец, какая конструкция лучше всего категоризирует данную ситуацию. В первом случае можно выяснить общее концептуальное содержание, этой конструкции, во втором – способы и причины репрезентации одного концептуального содержания разными формами, в третьем – выделяется корпус прототипических конструкций данного языка, который и составляет основу его синтаксиса.

Представляется, что ближайшее десятилетие пройдет под знаком когнитивного синтаксиса, центральными понятиями которого будут 1) содержательные модули, соотносящие предложение как единицу языка с миром, пропущенным через восприятие и сознание говорящего, 2) сентенциональные поля, в основе которых лежат прототипические содержательные модели, 3) прототипические конструкции с предикатами той семантической группы, которая совпадает с названием поля, 4) непрототипические конструкции с любыми предикатами. Такой подход позволит структурировать корпус всех предложений любого языка на семантических основаниях, что приведет к изменению структуры самого синтаксиса, а также поможет глубже понять процессы метафоризации.

Библиографический список

1. Гуревич, Л.С. Прагма-семантический анализ как методологическая основа исследования диапозона смысловых реализаций слова [Текст] / Л.С. Гуревич // Слово в предложении : колл. моногр. под ред. Л.М. Ковалевой. – Иркутск : ИГЛУ, 2010. – С.216-249.
2. Ковалева, Л.М. Английская грамматика: предложение и слово [Текст] /Л.М. Ковалева. – Иркутск : ИГЛУ, 2008.
3. Ковалева, Л.М. Сентенциональное поле как объект когнитивного исследования [Текст] / Л.М. Ковалева // Когнитивные категории в синтаксисе : колл. монография под ред. Л.М. Ковалевой. – Иркутск : ИГЛУ, 2009. – С.105-126.
4. Кубрякова, Е.С. Язык и сознание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
5. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
6. Семкова, А.В. Влияние актантов и сирконстантов на изменение значения предложения [Текст] :

моногр. под. ред. Л.М. Ковалевой. – Иркутск : ИГЛУ, 2010. – С. 83-94.

7. *Тестелец, Я.Г.* Введение в общий синтаксис [Текст] / Я.Г. Тестелец. – М. : Изд-во РГГУ, 2001.

8. *Crystal, D.A.* Dictionary of Linguistics and Phonetics [Text] / D.A. Crystal. – Oxford : Basil Blackwell, 1989.

9. *Lakoff, G.* Women, Fire and Dangerous Things [Text] / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987.

10. *Lakoff, G.* Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980.

logosem@pochta.ru

Кожанов Д.А., Барнаул (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА КАК ОТРАЖЕНИЕ СМЕНЫ ПАРАДИГМ В НАУКЕ XX ВЕКА

Одной из отличительных черт современного этапа развития науки является стремление к интегрированию опыта различных наук, в результате чего все большее количество исследований может претендовать на статус междисциплинарных. Данная тенденция является бесспорным свидетельством качественных изменений в структурной организации научной картины мира.

Еще в середине XX века проблема интеграции научного знания рассматривалась философами, анализировавшими перспективы экспоненциального увеличения числа научных дисциплин и неизбежность изменения его характера на линейный, на смену которому придет так называемый «инерционный» прогресс, заключающийся в освоении уже полученных научных знаний [Лем, 1968, с. 58].

На рубеже веков проблема смещается в языковую плоскость: эволюция научной картины мира начинает рассматриваться с точки зрения изменений в устройстве языка науки. При этом в большинстве исследований проблема формулируется как терминологическая. Авторы рассматривают различные аспекты функционирования единиц научного языка (терминов) в условиях изменяющейся научной картины мира. Однако взаимодействие научных дисциплин это, прежде всего, взаимодействие их концептуальных аппаратов, как следствие, наибольшую актуальность на настоящем этапе имеют исследования, в которых единицы языка науки рассматриваются в когнитивном аспекте, т.е. в неразрывной связи со стоящими за ними ментальными структурами и процессами.

Иными словами, акцент делается не на системных характеристиках единиц языка науки, а на особенностях их функционирования, т.е. под термином понимается функция обычного языкового знака, соотносящая любое слово с особой сферой его употребления, с особой картиной мира (научной, технической, профессиональной и др.) или ее фрагментом [Дроздова, 2003, с. 77]. В данном случае анализ языкового материала неизбежно предполагает реконструкцию одного из фрагментов научной картины мира, его содержательного наполнения, структуры, связей с другими фрагментами картины мира и т.п. При этом нерешенным остается целый ряд проблем, связанных, так или иначе, с методологией исследования научной картины мира.

Несмотря на то, что термин научная картина мира вошел в терминологический аппарат многих наук достаточно давно, его понятийное содержание продолжает уточняться и дополняться в ходе дискуссий между представителями различных направлений. Так, этап становления данного термина связан с обсуждением принципиального вопроса о возможном количестве научных картин мира, которые могут существовать параллельно. Сторонник натурфилософского подхода склонялись к тому, что научная картина мира представляет собой результат синтеза всех знаний о природе и обществе, своего рода универсальную, философскую модель вселенной, как следствие, исключая одновременное существование нескольких научных картин мира. В данной интерпретации научная картина мира обладает философским статусом, выводящим ее за пределы конкретных наук: это надстройка над конкретными научными дисциплинами, образующая связующее звено между ними и мировоззрением [Постовалова, 1988, с. 14]. В этом случае, множественность научных картин мира может иметь место лишь в историческом аспекте, когда эволюция научной картины мира рассматривается как последовательная смена одной научной картины мира другой (от механической до квантовой).

Противоположная гипотеза была выдвинута сторонниками сциентистского подхода, отстаивавшими идею параллельного существования множества научных картин мира. По их мнению, само возникновение понятия научной картины мира обусловлено социокультурным феноменом, прямо противоположным синтезу, т.е. распадом реального единства знаний на автономные научные дисциплины. С утратой целостного, всеохватывающего видения мира, которое было присуще донаучным картинам мира, оно становится предметом сознательного конструирования исследователя, занимающегося частными проблемами и стремящегося выяснить их отношение к общему фонду научных знаний. Именно в рамках сциентистского направления формулируется определение научной картины мира, остающееся актуальным и в настоящее время: это

«категория, предназначенная для описания результатов саморефлексии науки, проведенной в ее собственной среде и посредством ее собственных методов» [Бляхер, Вольтинская, 1983, с. 44].

Таким образом, признается не только факт существования, так называемых, специальных, или частнонаучных картин мира, но и принципиальная возможность выдвижения любой наукой собственной картины мира. При этом понятие научной картины мира расщепляется на ряд взаимосвязанных понятий (общенаучная картина мира, естественнонаучная картина мира и т.п.), каждое из которых обозначает особое концептуальное образование, являющееся результатом систематизации научных знаний на том или ином уровне.

Принимая тезис о множественности научных картин мира, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой междисциплинарного знания: в какой форме существует междисциплинарное знание и какую роль оно играет в функционировании общей системы человеческих научных знаний. Очевидно, что ответ на данный вопрос не может быть получен в рамках классической модели познавательной деятельности человека, в которой объекты окружающей действительности отражаются субъектом в гносеологических образах, или понятиях. Природа междисциплинарного знания может стать предметом изучения только в случае принятия идеи об активности познающего субъекта, воспринимающего объект через призму многообразных средств и способов освоения окружающего мира, т.е. не столько отражающего, сколько конструирующего понятия. Междисциплинарное знание представляет собой результат активной деятельности субъекта познания, являющегося носителем нескольких специальных научных картин мира, конструирующим на их стыке новое концептуальное образование.

Отличительной чертой большинства междисциплинарных проектов является неизбежное «соскальзывание» исследователя в область быденного сознания, к структурам общего для всех неспециализированного языка [Бугорская, 2009, с. 3], т.к. являясь специалистом в одной научной области, ученый достаточно часто знакомится с идеями и методами других наук уже в «готовом виде», в каком они функционируют в быденном сознании. Таким образом, процесс конструирования междисциплинарного знания детерминирован целым рядом факторов, в числе которых личный опыт исследователя, предрассудки и заблуждения эпохи, в которую он живет, язык, которым он владеет и т.п.

Результатом такого конструирования является научное понятие, представляющее собой многомерное концептуальное образование на стыке нескольких специальных научных картин мира и имеющее проекции в практическую, религиозную и другие картины мира. Наличие подобных структур характеризует такую особенность ментального мира современного человека, как отсутствие четких границ между составляющими его картинами мира. Представляется, что именно обращение к ментальным структурам данного вида является ключом к пониманию особенностей устройства и функционирования языка науки XXI века.

Библиографический список

1. Бляхер, Е.Д. Соотношение общей картины мира и картин мира частных наук [Текст] / Е.Д. Бляхер, Л.М. Вольтинская // Научная картина мира (логико-гносеологический аспект). – Киев : Наукова думка, 1983. – С. 43-51.
2. Бугорская, Н.В. Методологические проблемы описания лингвистической терминологии : автореф. дисс. ... д-ра филол. н. [Текст] / Н.В. Бугорская. – Барнаул, 2009.
3. Дроздова, Т.В. Проблемы понимания научного текста [Текст] / Т.В. Дроздова. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2003.
4. Лем, С. Сумма технологии [Текст] / С. Лем. – Москва : Мир, 1968.
5. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8-69.

dsf4k@mail.ru

Козлова Л.А., Барнаул (Россия)

ИНТЕГРАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

История развития лингвистики показывает, что становление новой парадигмы чаще всего проходит путем резкого отрицания идей непосредственных предшественников, и именно поэтому более характерным является т.н. «прыжок к предкам», т.е. обращение к трудам более ранних предшественников (в качестве таковых для когнитивного направления служат работы В. фон Гумбольдта, А.А. Поттебни, Э. Сепира). Так, становление идей генеративной грамматики проходило в условиях ее резкого отмежевания от сравнительно-исторической парадигмы языкознания. Достаточно вспомнить, как тяжело приживались на советской лингвистической почве в условиях острых дискуссий идеи генеративной грамматики, развиваемые в трудах В.А. Звегинцева, Н.Ф. Иртеневой, Л.С. Бархударова и др. Становление функционального и когнитивного направлений также проходило путем противопоставления их постулатов идеям структурной, генеративной

лингвистики, рассматриваемым как догмы. Так, Р. Лангакер в своих ранних работах, излагая сущность когнитивного подхода к грамматике языка, подчеркивал, что “the grammar of a language is non-generative and non-constructive” [Langacker, 1988, p. 4]. Т. Гивон при изложении основных постулатов своей версии функциональной грамматики последовательно противопоставляет их «догмам» Ф. де Соссюра и Н. Хомского [Givon, 1995].

Возможно и иное положение дел, при котором, как отмечает П. Серио, парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются друг на друга, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга [Серио, 1993].

Очевидно, наиболее приемлемой является точка зрения, основанная на необходимости учета принципа преемственности в развитии лингвистической науки, а, следовательно, целесообразности интегративного подхода к такому сложному и многогранному феномену, каким является человеческий язык. Подчеркивая важность данного принципа в развитии лингвистической науки, В.В. Налимов пишет следующее: «Точные и естественные науки, развиваясь во времени, растут как деревья: одни их ветви засыхают и опадают, другие разрастаются, и по мере того, как дерево растет, его нижние части врастают в землю – уходят в область истории. Языкознание развивается не так – это мозаика ярких цветов на обширном лугу, и этот луг оказывается волшебным: после появления новых цветов старые не вянут, не теряют своей яркости и свежести» [Налимов, 1974, с. 29]. Эту же мысль подчеркивает В.З. Демьянков, говоря о том, что в «науке нередок тот случай, когда в новой концепции слышны отголоски когда-то звучащих положений и проблем», и что «затронуло это *déjà vu* и когнитивизм» [Демьянков, 1994, с. 17]. Назовем лишь некоторые из этих отголосков, т.е. тех идей, которые были первоначально озвучены в рамках предшествующих парадигм и получили дальнейшее развитие в рамках когнитивного подхода. Так, например, статья Е. Ленненберга под названием “Language and Cognition” вышла в 1971 году, [Lennenberg, 1971], за 18 лет до официального утверждения когнитивной парадигмы как нового направления в лингвистике, и в ней автор использует понятия категоризации, памяти, концепта, а также затрагивает вопрос о биологической концепции семантики, который сегодня связывается с идеями У. Матураны и Ф. Варелы и пользуется большой популярностью среди ряда представителей когнитивного направления. В концепции метафоры, предложенной М. Блэком, базирующейся на понятии интеракции, четко прослеживается попытка автора рассмотреть сущность метафоры как процесса мыслительной деятельности. Именно он ввел в лингвистический обиход понятие «когнитивная метафора». Он рассматривает механизм метафоры как результат взаимодействия двух ассоциативных систем: обозначаемого метафоры и ее образного средства, в результате которого обозначаемое предстает в новом свете, под новым углом зрения, получая новое, метафорическое название [Блэк, 1990]. В этой трактовке метафоры легко прослеживается связь с теорией концептуальной метафоры, связанной прежде всего с именами Дж. Лакоффа и М. Джонсона, работа которых стала «Библией когнитивной лингвистики».

Современное состояние науки о языке позволяет предположить, что экспансионизм как одна из парадигмальных черт современной лингвистики сегодня находит свое проявление не только в сотрудничестве лингвистики с другими науками, но и в интеграции различных направлений внутри самой науки о языке. Попытку такой интеграции можно увидеть в более поздних работах Р. Лангакера. Анализируя сущность различных подходов к языку и отмечая ограничения каждого из них, он в то же время подчеркивает необходимость их сотрудничества при изучении языка и заключает: “it is the place where all the domains come together” [Langacker, 1999, p. 18].

Е.С. Кубрякова отмечает, что задача когнитивной лингвистики заключается в том, чтобы не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуру, но и объяснить причины выбора именно данной формы для передачи содержания [Кубрякова, 2004, с.16], в этой трактовке задач когнитивной лингвистике уже заложена идея интеграции когнитивного и коммуникативного подходов к описанию языковых фактов, идея, которая лежит в основе когнитивно-дискурсивного подхода, развиваемого Е.С. Кубряковой и ее учениками.

Анализ существа некоторых новых теории, таких, например, как теория оптимальности [Prince & Smolensky, 1993], показывает конкретные пути и продуктивность такой интеграции. Теория оптимальности является интегративной по своей сути, так как она объединяет идеи когнитивной, структурной и функциональной грамматики. Грамматика рассматривается в рамках данной теории как открытая функциональная система, предназначение которой состоит в соотношении каждой вводимой в нее единицы [input] с ее правильным структурным представлением [output]. Одним из центральных понятий в рамках данной теории является понятие генератора [generator], функция которого заключается в создании для каждой глубинной структуры множества кандидатов на роль поверхностной структуры путем анализа ресурса возможных репрезентаций. Роль генератора в данной теории отводится языковому сознанию индивида, которое и переводит замысел в его вербальную репрезентацию в соответствии с правилами конкретного языка и тактикой построения дискурса. Будучи первоначально разработанной на материале фонологии, данная теория успешно применяется при анализе единиц грамматического уровня языка [Hoop & Swart, 1998].

Другим примером успешной интеграции различных подходов является сотрудничество когнитивной и корпусной лингвистики, которое позволяет привлекать обширный фактологический материал, необходимый для верификации гипотез, выдвигаемых в процессе концептуального анализа. Достаточно отметить, что на X

международной конференции по когнитивной лингвистике, проходившей в Кракове в 2007 году, была представлена отдельная секция по корпусной лингвистике, в которой были представлены доклады, показывающие продуктивность сотрудничества когнитивной и корпусной лингвистики [Рахилина, 2008].

На наш взгляд, наиболее четко необходимость интеграции структурного, функционального и когнитивного подходов выявляется при изучении базовых концептов и способов их языковой репрезентации. Концепт как оперативная единица (со)знания представляет собой двустороннюю сущность. Одной своей стороной он обращен к сознанию как среде своего обитания, а другой – к языку, поскольку большинство концептов находят репрезентацию в языке и, будучи «схваченными языковым знаком», образуют основу значения. При этом, как известно, такие базовые концепты, как время, количество и т.п. имеют множественную репрезентацию в языке, получая как грамматическое, так и лексическое оформление. Как отмечает Л. Талми, именно базовые концепты получают грамматическое оформление в языке, формируя концептуальную рамку, через которую затем «пропускается» концептуальный материал, получающий лексическую репрезентацию [Талми, 1999, с. 92].

Таким образом, именно грамматическому способу репрезентации базовых концептов отводится центральная роль в системе языка, и грамматически объективируемый концепт занимает центральное место в языковом сознании, притягивая и организуя вокруг себя другие средства своей языковой репрезентации. Наиболее адекватным способом систематизации языковых средств объективации базовых концептов оказывается, как показывают многочисленные когнитивно-ориентированные исследования, их радиальная структурация в виде поля с выделением центра, или ядра/ и периферии. При этом периферийные участки разных полей неизбежно пересекаются, накладываются друг на друга, что отражает диффузность границ между ними, в частности, и континуальность нашего мышления в целом. Несмотря на различия в терминологии, нетрудно заметить значительное сходство в подходе Л. Талми, когнитивном в своей основе, с функциональным подходом, представленным в теории функционально-семантических полей, разрабатываемой А.В. Бондарко и его школой. Организация языковых единиц разных уровней по полювому принципу отражает то, как они организованы в нашем сознании, т.е. объединены вокруг общего концепта, а не по уровневому принципу, как это принято в системном описании языка. Таким образом, эти два принципа организации не противостоят, а дополняют друг друга.

Подводя краткий итог, подчеркнем, что попытка интеграции структурного, функционального и когнитивного подходов к анализу такого сложного феномена, как язык, позволяет заключить, что развитие теории языка носит скорее эволюционный, чем революционный характер, и наиболее ценные результаты получаются тогда, когда переход от одной парадигмы к другой основан на преемственности, что позволяет использовать и развивать новое, опираясь при этом на положительный опыт предшественников.

Библиографический список

1. *Блэк, М.* Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153-172.
2. *Демьянков, В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. - №4. – С.17-33.
3. *Кубрякова, Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1. – С. 6-18.
4. *Налимов, В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков [Текст] / В.В. Налимов. – М., 1974.
5. *Рахилина, Е.В.* X международная конференция по когнитивной лингвистике [Текст] / Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 2008. - №2. – С. 154-157.
6. *Серио, П.* В поисках четвертой парадигмы [Текст] / П. Серио ; авториз. пер. с франц. Ю.С. Степанова // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков : ОКО, 1993. – С. 36-48.
7. *Талми, Л.* Отношение грамматики к познанию [Текст] / Л. Талми // Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова / Вестник. Сер. 9. Филология. – 1999. - №1. – С. 88-114.
8. *Givon, T.* Functionalism and Grammar [Text] / T. Givon. – Amsterdam ; Philadelphia, 1995.
9. *Hoop, H. de.* Temporal Adjunct Clauses in Optimality Theory [Electronic resource] / H. de Hoop, H. de Swart. – 1998. – Mode of access: <http://www.cogsci.jhu.edu>
10. *Langacker, R.W.* An Overview of Cognitive Grammar [Text] / R.W. Langacker // Current Issues in Linguistic Theory. Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam ; Philadelphia, 1988.
11. *Langacker, R.W.* Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise [Text] / R.W. Langacker // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 12-59.
12. *Lennenberg, E.H.* Language and Cognition [Text] / E.H. Lennenberg // Semantics An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1971. – P. 536-557.
13. *Prince, A.* Optimality Theory Constraint Interaction in Generative Grammar [Electronic resource] / A. Prince, P. Smolensky. – 1993. – Mode of access : <http://roa.rutgers.edu/>

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на примере перевода субтитров фильма «Дневник Бриджит Джонс»)

В каждом языке существует такое понятие, как языковая норма. Это образец письменной и устной речи, принятой в данном обществе в определённую эпоху времени.

Термин «норма» используется лингвистами как в узком, так и в широком смысле этого слова [Крысин, 2005, с. 3-4]. Если под широким смыслом понимают различные средства и способы речи, отличающие одну разновидность языка от другой, то норма в узком смысле является результатом кодификации языка. Образцом языковой нормы является литературный язык, и один из его важнейших признаков – это нормативность, которая защищает язык от проникновения диалектов, арго, просторечий и бранной лексики. Благодаря языковой норме литературный язык сохраняет свою целостность и становится носителем культуры народа.

Но если есть норма, значит, существуют и отступления от неё. К ним можно отнести использование бранной и табуированной лексики, которая на протяжении последнего десятилетия стала стремительно проникать в речь носителей литературного языка. Если еще сравнительно недавно она звучала из уст мало образованных слоёв населения, сегодня её все чаще употребляют представители творческих профессий, которые издавна считались носителями литературного языка [Крысин, 2004; Земская, 1979].

Мы придерживаемся мнения исследователей о том, что развитые языки проявляют себя в различных стилях, поэтому нельзя сводить представление о языке лишь к его кодифицированному варианту, поэтому считаем, что ненормативная лексика также должна стать объектом всестороннего исследования [Беликов, 2005].

Проникновение подобной лексики в повседневную речь, а также в художественные произведения и фильмы ставит перед переводчиками новую задачу: как адекватно переводить бранную лексику с иностранного языка на русский. Сложность возникает не только из-за лексических различий, но и из-за национально-культурной специфики ее употребления – расхождений в степени допустимости, сферах употребления, в частности, в силе воздействия, функциях, прагматическом значении и т.д. Кроме того, перевод должен не только точно воспроизводить смысл сказанного или написанного, его основанная задача – отображать эмоциональное состояние говорящего и ситуативную экспрессию. В противном случае перевод превратится либо в сухой пересказ событий, либо в нескончаемый поток вульгарной лексики.

Важно понимать, что часто одно и то же бранное слово в английском языке может передавать разную смысловую окраску и эмоциональное состояние говорящего, иметь иное, отличное от русского языка, прагматическое значение. В результате то, что нормально воспринимается представителями английской коммуникативной культуры, недопустимо в культуре российской.

Целью моего доклада является попытка выявить особенности перевода сниженной лексики английского языка на русский в художественном фильме и показать ее прагматические и функциональные различия.

Материалом исследования послужил английский фильм «Дневник Бриджит Джонс» (“Bridget Jones’s Diary”) и его перевод на русский язык.

Главная героиня фильма – журналистка Бриджит Джонс, работает на одном из ведущих телеканалов Великобритании. Она неоднократно выступает в прямом эфире, общается с людьми высшего общества и имеет высшее образование, поэтому этого человека можно назвать носителем английского литературного языка. В своей речи Бриджит часто употребляет сквернословия в различных коммуникативных контекстах, что говорит об определённой степени допустимости употребления подобных слов в среде носителей литературного языка. В связи с этим возникает проблема перевода фильма на русский язык таким образом, чтобы не оскорбить и не вызывать недоумения российского телезрителя.

Для выявления способов, особенностей и качества перевода, автор проанализировал субтитры фильма и выявил наиболее употребляемые бранные слова. Среди них оказались: *fuck* (32 раза), *God* (13), *ass* (6), *shit* (6), *bloody* (5), *bollocks* (5), *idiot* (5), *bastard* (3), *hell* (3), *goddess* (2), *damn* (2).

Самое популярное слово в фильме – это «fuck». Дословно оно может переводиться как вульгарное, матерное выражение. Однако переводчик не мог допустить употребления столь негативно окрашенного слова. В противном случае, это выглядело бы так, что сотрудник центрального телеканала не стеснясь материться в прямом эфире. Такой перевод мог бы не только удивить российского телезрителя, но и создать искажённое представление о британских СМИ и культуре англичан в целом. По этой причине в переводе на русский используется бранное слово *чёрт*:

«Anyway, *fuck him*. Listen, I don't let him ruin our evening» - переведено как:

«Ладно, *чёрт с ним*, давай не будем портить наш вечер».

В некоторых случаях переводчик использует приём лакуны и вовсе не переводит это слово:

«...and not continue to form romantic attachments... to any of the following... alcoholics, workaholics, commitment-phobics... peepingoms, megalomaniacs... emotional *fuck* wits, or perverts» - переведено как:

«...и не завязывать романтических отношений со следующими типами: алкоголики, трудоголики, шовинисты, женоненавистники, альфонсы, извращенцы».

Таким образом, мы видим, что одно и то же слово может по-разному переводиться в зависимости от контекста.

Приведу ещё два примера перевода бранного слова «ass». В первом случае переводчик почувствовал, что несоответствие степени экспрессии между оригиналом и переводом может вызвать недоумение, поэтому он полностью перестраивает фразу и опускает бранное слово:

- *Oh, Bridget. Come on, it's... I mean, I know it's been awkward as ass... but there's no need to leave..*

Перевод:

- *Бриджит, перестань. Если у нас с тобой возникли разногласия, это не повод уходить с работы.*

Следует заметить, что вопрос об уместности применения приёма лакуны в данном случае довольно спорен. С одной стороны, автор передаёт смысл фразы, с другой, он смягчает эмоциональную экспрессию, заботясь об эстетической стороне. По этому вопросу в кругах лингвистов возникает много споров и разногласий: имеет ли переводчик право брать на себя роль цензора? Как писал К. Чуковский: «Переводчик натягивает на автора самодельную маску и эту маску выдает за его живое лицо» [Чуковский, 1988].

По мнению автора, примером адекватного перевода [Комиссаров, 1990, с. 55-56] может служить следующая фраза, произнесённая раздосадованной Бриджит во время разговора об увольнении с начальником:

- *... frankly, I'd rather have a job wiping Saddam Hussein's ass.*

- *Но, честно говоря, вместо того, чтобы работать на вас, я бы лучше вытирала задницу Саддаму Хусейну.*

Как мы видим из этого и других вышеуказанных примеров, сегодня в английском языке наблюдается тенденция к снижению литературной нормы языка, что является следствием демократизации общества.

Перевод стилистически сниженной лексики является наиболее сложным вопросом как в контексте теории, так и практики перевода. Дело в том, что обсценная лексика английского языка менее табуирована, чем русский мат, что отражается в современных словарях: соответствующие лексемы включены и довольно подробно описаны в академических словарях.

На основе проделанной работы мы можем сделать вывод о том, что при переводе ненормативной лексики переводчик часто прибегает к приёму трансформации, в частности – к лексико-семантической замене (генерализация и использование лакун). Кроме того, при переводе субтитров фильма наблюдается тенденция к занижению степени экспрессии лексических единиц оригинала, которые не передают в полной мере эмоциональный настрой говорящих.

Библиографический список

1. *Беликов, В.И.* Национальная идея и культура речи [Текст] / В.И. Беликов // Отечественные записки. – 2005. - № 2 (23). – С.57-58.
2. *Земская, Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения [Текст] / Е.И. Земская. – М. : Русский язык, 1979.
3. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990.
4. *Крысин, Л. П.* Языковая норма и речевая практика [Текст] / Л.П. Крысин // Отечественные записки.– 2005. №2 (23). – С.36-46.
5. *Крысин, Л.П.* Социальная маркированность языковых единиц. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л.П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
6. *Чуковский, К.* Высокое искусство [Текст] / К. Чуковский. – М. : Советский писатель, 1988.

fle-ur@yandex.ru

Кокорина Ю.Г., Москва (Россия)

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ

Концептуальная область археологии отражает категориальную и концептуальную структуры археологического знания. Археологическое знание включает в себя археологическое источниковедение (вещеведение), теоретическую археологию, полевую археологию, историю археологии и т.п. Рассмотрим концептуальную область одной части археологии – археологического вещеведения.

Это рассмотрение проводится на материале выборки объемом 1500 лексических единиц, включающих в себя слова и словосочетания. Понятие фрейма в лингвистику ввел Ч. Филлмор, понимая фрейм как особые конструкции знания или связанные схематизации опыта [Филлмор, 1988, с. 54]. М. Минский, неоднократно возвращаясь к проблеме фрейма [Минский, 1979], определил фрейм как «один из способов представления стереотипной ситуации, причем, в каждом фрейме «связана» разноплановая информация, касающаяся использования данного фрейма, предупреждающая о том, что может произойти дальше, а также предписывающая действия в случае, если эти ожидания не подтвердятся» [Минский, 1988, с. 289]. К разным аспектам изучения фрейма обращались как зарубежные [Bederode, 1995; Croft, Cruse, 2005; Ungerer, Schmid,

1996], так и отечественные когнитологи [Астафурова, 1997; Кубрякова и др., 1996], и в отечественной лингвистике накоплен значительный опыт применения теории фреймов, в том числе и в терминоведении [Ивина, 2003, с. 37-46].

Концептуальная область археологии может быть представлена в виде системы **фреймов**. Приведем примеры некоторых из них.

Как известно, фрейм характеризуется наличием узлов связи, обеспечивающих организацию информации в сознании человека. В когнитивной науке нет единого понимания термина *фрейм*, в настоящей работе используется одно из них, которое звучит как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о типичном и возможном для этого понятия» [Кубрякова и др., 1996, с. 188]. Тогда фрейм *изба* включает в себя слоты, отражающие функционирование избы как постройки для жилья, как деревянной постройки, принадлежности древнерусской культуры, состоящей из конструктивных элементов, имеющих специальные названия, а также ассоциациями ее с другими видами построек как Древней Руси (*сарай, землянка, терем*), так и других стран.

Можно указать на наличие в концептуальной области археологии **партитивного фрейма**. Концептуальная структура такого фрейма включает предметные сущности, соотносимые между собой как целое и часть [Жаботинская, 2003, с. 153].

Например, концепт *сосуд* включает в себя такие части, как *основа* (состоящая, в свою очередь, из *тулова, края и дна*), *венчик, горло, поддон, ножка, ручка, носик*. Концепт *меч* состоит из таких элементов как *клинок, рукоять, древко, крепление, навершие, перекрестье*, иногда могут добавляться *шип и ушко*. В свою очередь, клинок имеет части, обозначаемые терминами *лезвие, спинка, вершина, конец, полотно*, в традиционной терминологии добавляются термины *пята и долы* для некоторых видов клинков. Концепт *пика* имеет части *туля, втулка, плечики, шейка*. Обозначающие их термины заимствованы из оружейоведения.

Сложную структуру имеют партитивные фреймы концептов *постройки*. Так, в них выделяются *стены, перегородки, пол, перекрытия, крыша, кровля, входной и световой проемы*. У *полужемлянок* имеются такие элементы как *наземная часть жилища и дно*. Концепт *входной проем* имеет такие элементы как *вход или выход, порог, двери, ступени*. Сложную структуру имеет концепт *двери*.

Как партитивный фрейм сложной структуры может быть рассмотрен концепт *изба*. В его состав входят части, обозначающие помещения избы – *горница, клеть, подклет, прируб* – так и элементы избы как любой постройки, перечисленные выше. Такая часть избы, как *крыша*, в свою очередь, подразделяется на *кровлю, матицу, слези, самцы, курицы* и т.п.

Сложную структуру имеет фрейм *стационарное жилище Средней Азии*, в состав которого входят, наряду с общими элементами построек, *айван, тошнау, кан, тандыр, суфа* и т.п.

Каждая из рассматриваемых категорий может быть представлена, в свою очередь в виде **гипонимического фрейма**, в котором выявляется не соподчинение предметов, а соподчинение признаков: признаки рода включают признаки вида. Если вид, в свою очередь, включает подвиды, он может мыслиться как род [Жаботинская, 2003, с. 154].

Так, фрейм *украшения* может иметь слоты *височные кольца, диадема, гривна, пектораль, ожерелье, серьга, браслет, перстень, булавка, фибула, пуговица, пряжка*, и другие. Рассмотрим далее структуру фрейма на примере такой категории, как *височные кольца*. *Височные кольца*, в свою очередь, подразделяются на *щитковые, бусинные, перстнеобразные, браслетообразные, лучевые, лопастные, язычковые, височные кольца с раструбом*. Лопастные подразделяются на *семилопастные*, которые, в свою очередь, подразделяются на *височные кольца семилопастные сrostнозубцовые, височные кольца семилопастные решетчатые, височные кольца семилопастные подзорчатые, височные кольца семилопастные ажурные и височные кольца семилопастные кружевные*.

Фрейм *оружие* может иметь слоты *колющее, режущее и рубящее оружие*. Рассмотрим пример родовидовых связей в фрейме на примере слота *режущее оружие*. Так, оно включает концепты *нож, меч, кинжал, сабля, ятаган, шпага*. Концепт *нож* включает в себя термины *нож однолезвийный и нож двулезвийный, нож черенковый и нож бесчеренковый*. Как видовые элементы однолезвийного ножа выделяются *нож плоскорукоточный, нож шляпковый, нож коленчатый, нож вогнутообушковый, нож дугообразнообушковый, нож ложносоставной, нож гирибовидношляпковый* и др.

Фрейм *конское снаряжение* включает в себя подфреймы *узда, седло, элементы украшения*. Подфрейм *седло* имеет подфрейм *стремена*, который включает в себя слоты *стремена округлые, стремена треугольновидные, стремена арочные, стремена кольчатые, стремена подтреугольно-округлые, стремена яйцевидные, стремена уплощеннопрямые, стремена вытянутоовальные, стремена выделеннопластинчатые*.

В концептуальном поле археологии можно выделить **ассоциативные фреймы**, которые иллюстрируют отношения подобия в мышлении человека. Такое сближение концептов в мышлении исследователя-археолога является ассоциативной связью, присутствующей в концептуальной метафоре и объективирующаяся в метафорах и сравнениях языка [Жаботинская, 2003, с. 156].

Так, фрейм *черепаховая фибула* (термин славяно-русской археологии) состоит из концептуального референта (мыслимого предмета) и концептуального коррелята – черепаха. Основой для сравнения послужило

сходство по форме щитка фибулы с панцирем черепахи. Сам термин *щиток* имеет концептуальный коррелят – щит как предмет вооружения.

Необходимо отметить, что ассоциативные фреймы легко построить на примерах из традиционной терминологии, а в терминологии, основанной на конструктивно-морфологическом подходе, метафор значительно меньше, и, соответственно, меньше ассоциативных фреймов.

Библиографический список

1. *Астафурова, Т.Н.* Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации [Текст] / Т.Н. Астафурова. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 1997.
2. *Жаботинская, С.А.* Концептуальный анализ: типы фреймов [Текст] / С.А. Жаботинская // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование : мат-лы междунар. конф. – Калининград : КГУ, 2003. – С. 153-163.
3. *Ивина, Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминисистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) [Текст] / Л.В. Ивина. – М. : Академический проект, 2003.
4. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ, 1996.
5. *Минский, М.* Остроумие и логика коллективного бессознательного [Текст] / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Т.23. – С. 181-310.
6. *Минский, М.* Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979.
7. *Филлмор, Ч.* Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Т.23. – С. 52-93.
8. *Brederode, T. van.* Frames and Metaphor [Text] / T. van Bredervode. – Amsterdam : Univ. of Amsterdam, 1995.
9. *Croft, W.* Cognitive Linguistics [Text] / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge [UK] : Cambridge University Press, 2005.
10. *Ungerer, F.* An Introduction to Cognitive Linguistics [Text] / F. Ungerer, H.-J. Schmid. – L. ; N. Y. : Longman Publishing Group, 1996.

kokorina@inbox.ru

Колесникова В.С., Барнаул (Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИАЛЕКТА И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время наблюдается стремительный рост межнационального и межкультурного делового и межличностного общения. Данное обстоятельство требует хорошего владения иностранными языками. Для формирования высокого уровня межкультурной компетенции необходимо не только овладение основами иностранного языка, но и знание национальных культурных традиций, обычаев и нравов другого народа, повседневного, обиходного языка, национально-окрашенной лексики. Овладение национально-маркированной лексикой направлено на проникновение в иноязычную культуру через слово. По сути весь лексический корпус отдельного языка представляет собой национально-маркированную лексику. Наиболее глубокое проникновение в иноязычную культуру обеспечит знакомство с яркой, колоритной **диалектно-окрашенной лексикой**.

Для успешной межкультурной коммуникации необходимо овладеть набором коммуникативных средств и уметь осуществлять их адекватный ситуативный выбор, соблюдать нормы этикета как родной культуры, так и культуры собеседника, учитывать **когнитивный** аспект, отличать коллективные и личностные качества в поведении собеседников – представителей иной культуры [Садохин, 2004, с. 275]. В результате приобретенного жизненного опыта у человека формируется определенное видение мира. Эта модель мира, сформированная в человеческом сознании, известна в современной когнитивистике как концептуальная картина мира, концептуальная система человека, которая создается, прежде всего, **лексическими** средствами, которые обеспечивают возможность коммуникации.

Русско-немецкое деловое партнерство осложняется тем, что немецкие партнеры из разных Земель Германии в процессе общения предпочитают пользоваться не обще-немецким национальным литературным языком, а своим родным диалектом. Несмотря на обширную федеральную программу развития общенационального немецкого литературного языка, в Германии до сих пор существуют проблемы межрегионального общения и языкового барьера, что является следствием тысячелетней раздробленности Германии. Диалекты отличают друг от друга не только особенности произношения фонем, не только грамматический строй предложения, но, прежде всего, **оригинальная лексика**, которая веками складывалась в определенных условиях общественного развития немецких говоров. В каждом регионе развивались и складывались свои национальные культурные традиции, свой словарный состав диалекта.

Диалектный словарный потенциал является важной составляющей общей когнитивной базы индивида и характеризует его как языковую личность с высоким уровнем лингвокультурной компетенции. Понимание иностранцем родного говора партнера делает процесс коммуникации более тесным и доверительным, что позволяет более успешно разрешать производственные и межличностные проблемы.

Коммуникативный аспект рассматривается в данной статье на материале исследования национально-маркированной лексики современного верхне-саксонского немецкого диалекта, носители которого проживают в настоящее время в центральной части Германии, в области городов Мейссен, Лейпциг, Дрезден. Высокий уровень саксонской языковой культуры проявляет себя не в канцелярском языке, не в публичных речах, а в повседневной жизни народа. Саксонец общителен и открыт для контакта, для коммуникации (*dä Gommunigadschohn*). Если иностранец разыскивает какой-то населенный пункт, он может использовать не только дорожные знаки-указатели, но и устную справку всегда готовых к помощи коренных жителей региона, однако на их родном саксонском диалекте:

Leibzch – Leipzig
Worrzn – Wurzen
Freibärbch – Freiberg

Drähsdn – Dresden
Meißn – Meißen
Zwigge – Zwickau

Gemmnids – Chemnitz
Birne – Pirna
Älbe – Elbe

Саксонец готов также помочь в поисках нужного объекта, для этого в диалекте имеется целый ряд национально-окрашенных наречий и местоименных наречий, обозначающих направление:

iehworr – über
dorrgwähre – dazwischen
diregdemang – direkt

Drunndorr – drunter
zwichdrinne – dazwischen
gwähre – quer

hiebn – hüben
hieh – hüben
hiwwor – hinüber

Внешне саксонец ничем не отличается от среднего европейца (*Homo europaensis*), однако при обозначении частей тела обнаруживается национальный колорит:

dä Riewe – Kopf
dorr Gobb – Kopf
dorr Binnßl – Kopf
dä Gusche – Mund
iß Ooche – Auge
dä Guggchn – Auge
dä Giehge – Nase
dorr Rieschor – Nase
dä Daddschn – Hände
dä Gwanndn – Füße
dä Schdärn – Stirn
dorr Buggl – Rücken
dorr Bohbsdorr – Hintern
iß Bäls – Haar

dä Gullor – Kopf
dorr Nischl – Kopf
dä Färnßche – Kopf
dä Lawwe – Mund
dä Glubbschn – Augen
dä Guggln – Augen
dä Gewärrznälge – Nase
dorr Rüsl – Nase
dä Flossn – Hände
dä Gnäbborrzchn – Füße
iß Gehärne – Gehirn
iß Greize – Rücken
dorr Bohboh – Hintern
dä Bläke – Zunge

dä Bärrne – Kopf
dorr Bähnorrd – Kopf
dorr Dunsdguller – Kopf
dä Glabbe – Mund
dä Gnäbbe – Auge n
dä Glodsn – Augen
dorr Bohbldurm – Nase
dorr Zinkgn – Nase
dä Gehwaardsn – Beine
dä Fissahsche – Fratze
dä Läßfl - Ohren
dorr Rannzn – Bauch
dä Wamme – Bauch
dä Bladde – Glatze

Иностранец, пребывая в Саксонии, неизбежно познакомится с саксонской кухней, а также с обозначениями основных продуктов питания:

dä Sämml – Semmel
dorr Beegling – Räucherhering
Dorr Gwahrg – Quark
dä Zwiwln – Zwibeln
dä Blinsen – Eierkuchen
dorr Abbl – Apfel
Bamms – Brei

iß Breedchen – Brötchen
ä Bäffschdägg – Beefsteak
dä Worrshd – Wurst
dorr Mährräddch – Meerrettich
dorr Fannguhchen – Pfannkuchen
dorr Ferssch – Pfirsich
dä Didsche – Soße

Среди местного населения распространена шутка, что типичный саксонец питается главным образом кофе, поэтому он вошел в немецкую историю как «**Gaffeesaggse**». Питьё кофе (**iß Gaffeedringgn**), наслаждение чашечкой горячего кофе «**Schälchen Heeßn**» возведено здесь в культ, а так как один кофеин не сделает сытым, то пьют здесь его с молоком и сахаром. Отсюда возникла и поговорка: «**Aworr scheen sieße mussorr sinn!**» Даже дети воспитываются здесь в духе черного кофейного зерна, так как они ежедневно получают свой детский кофейный напиток (заменитель кофе) (**Muggefugg, Blihmchgaffe**). К кофе они получают обычно **Grummblguhchen** (Streuselkuchen) [Bendixen, Werner, 2006, S. 57].

Саксонец охотно принимает гостей у себя дома, либо приглашает в кафе, чтобы пообщаться «**gwaddschn**». Если нет гостей, он один идет в кафе «**Gneibe**», чтобы там уютно посидеть «**richdch gemiedlich hamm**» и свою кружечку пива выпить с приятными людьми «**mid näddn Leidn**» или поболтать за чашечкой горячего кофе «**Schälchn Heeßn**» [Bendixen, Werner, 2006, S. 64].

При необходимости получить медицинскую помощь иностранцу нужно иметь в запасе некоторые саксонские слова и выражения из этой области:

rummiehmln – sich krank fühlen
bliehmorrand – schlecht, mulnig
gähßch aussähn – blaß aussehen
dä Humini – Kopfschmerzen
Rodds hamm – Schnupfen haben
iß Härrzebubborn – Herzklopfen
forschwiehml d aussähn – verquollen

rummiggorn – krank aussehen
mehsldrehnde – schwindlich
mallahde – krank sein
roddßch – verschnupft
Gahge – Herpes
dorr Dinnfiff – Durchfall
Däbradur – Temperatur

Одежда (**Glähddasche**) в Саксонии ничем не отличается от других регионов Германии, но называется часто иначе. Поэтому при необходимости купить что-либо потребуются также знание некоторых саксонских слов:

dorr Bibbi – kleine Mütze
iß Gosddiehm – Kostüm
iß Fordsrägghn – kurzer Rock
dä Schdrimme – Strümpfe
dorr Schwitzor – Pullover
Gähgriem – Krawatte

dä Gobbguhge – Kopftuch
dorr Fordsgiddl – kurzes Kleid
dorr Bummborr – große Unterhose
dä Babbuhschn – warme Handschuhe
Undorhämd – Unterhemd
Gärdl – Gürtel

Для обозначения родственных отношений (**Forwandschafdsforhädlnisse**) используется также диалектно-окрашенная лексика:

dorr Faddor – Vater
dorr Sängk – Sohn
iß Würgl – kleines Kind
dorr Bohrbe – Bube
Babbch – Vati

dä Muddor – Mutter
dorr Onggl – Onkel
iß Zwusch – kleines Kind
dä Älldorn – Eltern
Muddch – Mutti

dä Dochdor – Tochter
dä Dannde – Tante
iß Ballsch – Kind
dorr Babba – Vater
ä Bohrbs – Bübchen

В настоящей статье мы рассмотрели особенности диалектно-окрашенной лексики среднего саксонца. Однако личность человека говорящего многогранна и индивидуальна и представляет собой объект для изучения антропоцентрической лингвистикой. Знание носителем другого языка и другой культуры основ саксонской лексики поможет преодолеть проблемы языкового барьера. Диалектные фоновые знания являются одним из показателей развитой поликультурной языковой личности.

Библиографический список

1. Садохин, А.П. Межкультурная коммуникация [Текст] / А.П. Садохин. – М. : Альфа-М ; Инфра-М, 2004.
2. Bendixen, E.-M. Das wahre Deutsch [Текст] / E.-M. Bendixen, K. Werner // Kauderwelsch. – Bielefeld : Reise Know-How Verlag, 2006.

Колесов И.Ю., Барнаул (Россия)

КОГНИТИВНАЯ СЦЕНА КАК МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Проявления человека и его когниции в языке весьма многообразны, насколько можно судить по результатам изучения «человеческого фактора» в языке. Речь идет о том, что картина мира запечатлена не только в лексических единицах языка, в коннотациях, импликациях, этимологии, внутренней форме лексики и т.д., но и в грамматическом строе языка, и в тексте, и даже в служебных словах и частицах воплощаются особенности этнического «раскрытия» мира. Несмотря на высокий «индекс цитирования» таких понятий, как «когнитивный», «когнитивная наука», и подобных им, в самой когнитивной лингвистике и её разновидностях и ответвлениях (в когнитивной семантике, когнитивной грамматике и др.) пока еще не было сформулировано общепринятого определения того, что именно в языке следует считать «когнитивным». На роль такого элемента претендуют само знание как результат когниции, и что важно, в единстве с его языковой символизацией, а также сам процесс репрезентации знания в языке и речи. Анализ результатов когнитивных исследований показывает, что, несмотря на всю их разнородность, их объединяет исходное представление об антропоцентричности языка – в нем заключены практические, теоретические и культурные знания и опыт, которые получили осмысление и прямо или косвенно вербализуются, и в результате семантического и концептуального анализа предстают в виде языковой картины мира. Идеи о том, что процесс познания, собственно знание и значение языковых знаков связаны между собой непосредственно, были известны со времен античности, еще Аристотелю принадлежит формула, согласно которой слова суть символы представлений в душе человека. В современной семасиологии со значением связывают лишь часть понятия,

«схваченную» языковым знаком, в частности, информация, составляющая какое-либо понятие – это его обязательные интенциональные признаки и некоторая часть его импликационных признаков, имплицитно “оживляемых”, актуализированных контекстом или эксплицитно называемых в нем [Никитин, 1983, с. 25]. В результате обсуждения проблемы соотносительности значения знака с понятием было положено начало концептуальному анализу, ориентированному на языковую вербализацию содержания сознания, т.е. гораздо шире, по сравнению с собственно языковым значением. А в качестве одного из возможных решений вопроса о соотносительности знания и значения было предложено понятие языковой картины мира как *репрезентации* концептуальной системы средствами языка и в самой его системе.

Так была подготовлена почва для переориентации в направлении поиска *эпистемологических* основ языкового значения, чему способствовало появление и формирование когнитивной парадигмы лингвистики, обратившейся к изучению *знания*, предлагающего языковому знаку и вскрываемому в анализе его употреблению. Многие теоретики, осознавая неимоверную сложность построения эффективной семантической теории, ограничиваются специфическими рамками в понимании значения: например, референцией имен (отношением к называемым денотатам), прагматическими свойствами высказывания (интенцией говорящего индивида добиться результата вербальным действием) и т.п. В новейших концепциях значение связывается с ментальными репрезентациями на основе понятия картины мира, либо осмысливается с точки зрения биологических «целей» в символической деятельности.

Среди актуальных подходов к указанной проблеме следует назвать, в первую очередь, концептуальный анализ языка, направленный на выяснение знания, стоящего за языковыми знаками. Не касаясь концепций современной лингвистики о сущности значения (это целые тома), обратимся к одному аспекту – той связи значения и знания, которая лежит в основании когнитивного анализа языка, и приведем в качестве примера мнение, возможно не очень известное, судя по лингвистическим работам, но заслуживающее внимания. В современной аналитической философии снова в фокусе внимания (но на новом уровне) оказался вопрос об истинности языкового выражения: так, известный оксфордский философ и логик Майкл Дамметт, занимающийся также и анализом языка, выразил идею о том, что для понимания значения языкового выражения, индивид должен владеть процедурой верификации – то есть уметь реконструировать знание говорящего. И говорить об этом знании и реконструировать процесс его верификации в ходе анализа языка можно лишь тогда, когда это знание себя *манифестирует* – т.е. проявляет в употреблении языка [Dummett, 1993].

Манifestация концепта как формы или вида знания и составляет один из предметов концептуального анализа языка. Она может быть связана как непосредственно с языковой формой, знаком (интенционал значения), так и с когнитивным контекстом, порождаемым употреблением знаков, и в таком случае концептуальное содержание устанавливается в инференции посредством ассоциативных механизмов метафоры и метонимии (импликациональная составляющая семантики языкового выражения) [Кубрякова, Демьянков, 2007]. Обратим внимание, что существенной чертой знания, которое «разлито» в концептах, является его «активированный» характер. Так, разграничивая концептуальную и языковую картины мира, Б.А. Серебренников указывает, что «сознание – это знание, *функционирующее* в процессе освоения действительности человеком» [Серебренников, 1988, с. 106]. Включенность концептуальной модели мира, концептуальной системы, концепта в *оперативную* часть сознания неоднократно подчеркивалась в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004; 2007]. Осознаваемость, понимаемость концептуального содержания языковых единиц является презумпцией их семантического и концептуального анализа. Совершенно очевидно, что решать проблему репрезентации знания в языке можно лишь рассматривая и ее «обратную сторону» – участие самого языка в семиотическом процессе, т.е. «как [...] язык приписывает особые ментальные представления каждому языковому выражению, определяя его форму и значение» [Хомский, 1999, с. 224].

Понятие когнитивной сцены мы используем в качестве одного из инструментов концептуального анализа как лексических единиц, так и высказываний. Когнитивная сцена – это концептуальный образ, схематическая репрезентация реальной денотативной ситуации, которая складывается в результате познания индивидом определенного фрагмента мира для его символизации в языковом коде. Основанием данного понятия выступает понимание значения как результата осмысления, интерпретации содержательной мыслительной репрезентации, складывающегося в процессе интерпретации «положения дел», это не свойство языка *per se*, а свойство языкового выражения, включенного в процесс *понимания*, т.е. в семиотическую деятельность, и в *коммуникацию*, и в отношения с реальными объектами-денотатами.

Рассмотрим в качестве примеров языковую репрезентацию наблюдаемых статических сцен (сюжетных, пейзажных, ландшафтных), в которых актуализируются динамические и квази-динамические когнитивные модели. Рассмотрим в качестве примеров репрезентации когнитивных сцен предложения с глаголами движения (1) и глаголами, обозначающими охват пространства в каком-либо направлении (2):

(1) *Солнце блестело только вверху на дороге, которая змеёй бежала по скату снизу вверх (А.П. Чехов); Справа подошли к морю кругловерхие горы (С.Н. Сергеев-Ценский); [Вера] стояла к Геннадию боком. Под воротом кофточки был виден выгиб шеи и начало ложбинки, убегающей вниз по стине (Д. Гранин).*

(2) *На сотни километров размахнулся здесь низкий, тундровый берег (С.В. Диковский); Далеко вперед, насколько хватал глаз, простиралось чистое поле (Г. Линьков); Крутой стеной возвышался частый осинник. (И.С. Тургенев).*

Предложения данных типов с точки зрения их концептуального содержания воплощают когнитивные сцены, включающие СУБЪЕКТА-НАБЛЮДАТЕЛЯ, поскольку содержанием предложений выступает пространство *поля зрения* (служащее ФОНОМ) и некоторый *воспринимаемый объект* (являющийся ФИГУРОЙ), например:

(3) *Над зарослями поднимались обломки колонн (А.Н. Толстой).*

Признаками данных высказываний выступает использование динамической когнитивной сцены ДВИЖЕНИЕ для наречения денотативных ситуаций без движения (в предложениях группы 1, а также высказывание (4)), что производит эффект так называемого «фиктивного движения», благодаря актуализации комбинированной когнитивной сцены РАСПОЛОЖЕНИЕ+НАПРАВЛЕНИЕ. В предложениях группы 2 используется квазидинамическая сцена, но в них также актуализируются пространственные координаты воспринимаемых объектов вследствие той же когнитивной сцены РАСПОЛОЖЕНИЕ+НАПРАВЛЕНИЕ, см. также (4):

(4) *Впереди, верстах в трех, возвышались синеватые холмы горного берега Волги (М. Горький).*

Динамические когнитивные сцены предполагают наличие компонента ДВИЖЕНИЕ, который, как правило, актуализируется предикатом перемещения – *бежать, подниматься, идти, подойти, ползти* и т.п., см. примеры (1). Квазидинамические сцены содержат компонент НАПРАВЛЕНИЕ или ПРОСТРАНСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ, которые могут быть инкорпорированы в лексическом предикате (*вознестись* и *воздвигаться* в предложениях (5) указывает направление вверх; *распахнуться* – направление вправо и влево) и/или могут быть актуализированы адвербиальными компонентами предложения (*к небу; на столе; на тысячи километров и к северу, и к югу, и к востоку, и к западу*):

(5) *Томское Приобье... Оно распахнулось на тысячи километров и к северу, и к югу, и к востоку, и к западу (Г.М. Марков); Мне помнятся раскаты непогоды, // Громады гор, что к небу вознестись (А.К. Толстой).*

Важно, что без компонентов НАПРАВЛЕНИЕ и ПРОСТРАНСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ такие предложения невозможны:

(6) **Приобье распахнулось; *Горы вознестись.*

Невозможность подобных построений свидетельствует о том, что в данных предложениях концептуализируется не изменение в денотативных ситуациях (ср. *Показались горы*: «гор не видели – горы стали видны»), которое прочитывается в семантике глаголов СВ *вознестись, распахнуться* и т.п., а состояние. С другой стороны, компоненты концептуализации НАПРАВЛЕНИЕ и ПРОСТРАНСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ свидетельствуют об охвате называемым явлением некоторых пространственных координат. Соответственно, основное концептуальное содержание предложений типа (2) следует охарактеризовать как ФИКТИВНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ.

Указанные признаки предложений как средств языка, кодирующих результаты восприятия и концептуализации, входят в круг вопросов языковой репрезентации и актуализации знания, и их изучение позволяет анализировать результаты конструирования в языковых формах тех денотативных ситуаций, с которыми данная форма соотносена, т.е. изучать различные концептуализации денотативных ситуаций.

Библиографический список

1. *Кубрякова, Е.С.* Предисловие [Текст] / Е.С. Кубрякова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов / РАН ; Ин-т языкознания ; ТГУ им. Державина. – М.-Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С.7-18.
2. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. *Никитин, М.В.* Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) [Текст] / М.В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983.
4. *Серебрянников Б.А.* Как происходит отражение картины мира в языке? [Текст] // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. – М. : Наука, 1988. – С.87-107.
5. *Хомский, Н.* Язык и мышление. Язык и проблемы знания [Текст] / Н. Хомский. – Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999.
6. *Dummett M.* The Seas of Language [Text] / M. Dummett. – Oxford : Clarendon Press, 1993.

igor.kolesov44@gmail.com

СОЦИО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕНИЯ МАТЕРИ С РЕБЁНКОМ

Данная публикация посвящена проблеме уточнения онтологического статуса общения: по результатам анализа аудио- и видеоматериалов, фиксирующих процесс общения матери и ребёнка (младенца), делается вывод о том, что способы и модели взаимодействия матери и младенца, по большей части, являются ритуализированными в рамках данного сообщества наследуемыми от одного поколения матерей к другим в малой степени поддающимися рефлексии практиками, в которых социальный и вербальный компоненты тесно переплетены, а сами практики имеют целью формирование у ребёнка социально значимых паттернов поведения.

Долгое время «русскоязычная» лингвистика, вслед за кибернетикой, использовала термин «коммуникация» для обозначения процесса, происходящего между, по крайней мере, двумя говорящими или пишущими друг другу людьми. В последние десятилетия можно наблюдать определённую конкуренцию двух терминов «коммуникация» и «общение». Выступая против отождествления данных двух терминов А.С. Нариньяни в свое время писал что, если коммуникация есть технический обмен информацией, взаимодействие, объекты которого участвуют в обмене актами порождения и восприятия информации, то общение – коммуникация, не сводящаяся только к обмену информацией, и не ограничивающаяся только ею [Нариньяни, 2008, с. 620]. В отношении того, какие характеристики общения выходят за границы коммуникации, интересной представляется концепция глубинного общения Г.С. Батищева.

Генрих Степанович Батищев, считая, что само слово *общение* существенно дискредитировано тем атомистически-редукционистским содержанием, которое в него на протяжении многих лет вкладывала именно деятельностно ориентированная психология и философия марксистской направленности, обозначает истинное глубинное общение термином «онто-коммуникация». В онто-коммуникации автор выделяет два основных процесса, организующих не просто со-прикосновение, но со-бытие общающихся, моделирование ими некоего общего мира: а) унаследование и извлечение субъектами из виртуального состояния все большей и большей бытийственной пред-общности между собою и актуальное воссоздание, претворение ее в бытие; б) со-творение и установление заново этой же самой общности между ними же в тех ее моментах, в которых она только и возможна как *заново*, свободно-креативно, «предначинательно» выбираемая каждым и как вводимая, а тем самым до-страивающая собою виртуальную пред-общность. Это – единство противоположностей пред-общности и вновь-общности, осуществляемое как незавершенное становление. Г.С. Батищев отмечает, что «онто-коммуникация неподводима ни под какую категорию, даже под максимально ёмкую, предельно обогащенную смыслом, многомерно понятую: *деяние*. Общение есть нечто гораздо большее, нежели любое деяние, ибо *глубинность* общения означает значимое участие в нем поистине громадных *за-пороговых*, не поддающихся распределению содержанию» [Батищев, 1995].

В современной западной теории познания и философии языка находится на этапе становления и бурного развития теория распределённой когниции, которая во многом, на наш взгляд, созвучна идеям, составляющим исследовательский пафос Г.С. Батищева.

В работах С. Коули [Cowley, 2004, с. 206] раскрываются следующие аспекты распределённой когниции:

- а) распределённая когниция основана на феномене совместной деятельности коммуникантов, в которой собственно языковые структуры выполняют второстепенные функции (second order structures);
- б) она является контекстуализованной деятельностью, так как локализована в контексте аффективных реакций окружающих, в контексте реального времени, в социально значимом взаимодействии;
- в) в её основе лежит не собственно языковая деятельность, а «высказывательная активность» (utterance activity) – формируемая в опыте социальной интеракции способность к осуществлению различных форм интенциональной активности в ответ на воздействия других участников общения;
- г) одним из базисов распределённой когниции является так называемое «соглашение о мнениях и суждениях», имплицитно существующее между членами одного лингвокультурного сообщества.

Итак, важнейшим пространством формирования когниции признаётся пространство социальных взаимодействий. Во взаимодействии с другими членами социума индивид усваивает специфические для данного сообщества практики «обращения» с окружающим миром. Усвоение подобных практик невозможно вне и без языкового взаимодействия.

Материалом для нашего анализа послужили наблюдения за общением матерей и младенцев (возраст от 1 до 3-х месяцев). Мы выдвинули гипотезу о том, что, с одной стороны, модели поведения с младенцем являются теми (в терминах Г.С. Батищева) унаследованными структурами предобщности, которые виртуально уже содержатся в сознании каждой потенциальной матери, выросшей внутри определённого сообщества; с другой стороны, данные модели общения, мы будем называть их практиками, служат формированию в когнитивном опыте ребёнка элементарных и, вероятно, наиважнейших паттернов социального поведения, которые послужат затем основой для со-творения, моделирования общего мира с другими членами социума. Таким образом, практики материнского общения дважды распределены: они являются одновременно и результатом распределённой когниции и способом формирования структур пред-общности для дальнейшего действия распределённой модели знания.

В процессе наблюдения нами были выделены следующие практики материнского общения: практика формирования позитивного отношения к собственному телу, практика формирования категории совместности («недискретный агентив»), практика опережающей аккультурации, практика формирования социальной прозрачности, практика формирования интенциональной чувствительности, практика формирования категории диалогичности.

Каждая из перечисленных практик названа соответственно её социально-когнитивному функционалу. Естественно, что каждая практика реализуется в вербальной деятельности, но и невербальную составляющую в данном случае недооценивать нельзя. Остановимся на кратком описании некоторых практик.

Для **практики формирования категории совместности** характерен ряд особенностей.

Совершая какие-либо действия с ребёнком – почистить уши, помыть глаза, переодеть, поменять подгузник – мать, оформляя высказывание, ставит имя ребёнка в позицию агентива (мы назвали такую особенность «псевдоагентивом»):

(1) / *чистую Катя маечку сейчас оденет;*

(2) / *вот Маша ушки почистила;*

либо – «совместного» агентива:

(3) *сейчас мы погуляем помоемся и спать;*

(4) *спинку будем вытирать;*

Часты случаи, когда действие выполняет именно ребёнок, но мать обозначает ситуацию при помощи «совместного» агентива – мы назвали данную особенность «псевдосовместный агентив»:

(5) *мы сейчас на животик ещё с тобой ляжем;*

(6) *а куда мы смотрим;*

Практика формирования категории диалогичности является одной из наиболее частотных моделей взаимодействия с ребёнком: мать обращает какую-то реплику к ребёнку и сама же воспроизводит якобы ответные реплики ребёнка, маркируя условность этого диалогического взаимодействия коммуникативным коннектором *скажи*:

(7) *давай ушки почистим / не хочешь / скажи / вот мать издевается / то ей ногти то ей ушки чистить;*

(8) *а ты чего, что такое / мама скажи / покушать не даёт / вот я уже 15 минут лежу / прошу / а она не даёт / скажи / я тут язык тебе показываю, а ты мне не даёшь покушать / скажи / давай есть быстрее / я хочу есть / страх как хочу / а она не даёт;*

При этом, как правило, в якобы «репликах ребёнка» реализуются речевые акты упрёка, обиды, возмущения. Мать референционально смещённо употребляет дейктическое местоимение *я*, обозначая им не себя – говорящую – а ребёнка, якобы являющегося субъектом высказывания. Себя же мать обозначает либо дейктическим местоимением *она*, либо номинациями *мать, мамка, мама*. Во время этого взаимодействия мать хмурит брови, покачивает головой, но одновременно ласково смотрит на ребёнка.

Таким образом, мы полагаем, что изучение практик общения представляет собой эвристически полноценное проблемное поле, а понятие практики общения может стать единицей социокогнитивного исследования.

Библиографический список

1. Батищев, Г.С. Найти и обрести себя [Текст] / Г.С. Батищев // Вопросы философии. – 1995. - №3. – С.12-25.
2. Нариньяни, А.С. Бермудский треугольник: взаимодействие – коммуникация – общение [Текст] / А.С. Нариньяни // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2008 г.). – Вып.7 (14). – М. : РГГУ, 2008. – С.618-627.
3. Cowley, S.J. Simulating others: the basis of human cognition? [Text] / S.J. Cowley // Language Sciences. – 2004. – Vol. 26. – No.3. – P. 273-299.
4. Cowley, S.J. Bridges to history: biomechanical constraints in language [Text] / S.J. Cowley // Integrational Linguistics and History. – L. : Routledge, 2006. – P. 200-223.

nastiakol@mail.ru

Коляда Н.А., Ростов-на-Дону (Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. КОНСАЛИКА

Для европейского читателя имя Консалика является синонимом понятию «Россия и профессия врача». Из интервью с различными журналистами выясняется, что Х.Г. Консалик в свое время изучал медицину, затем, однако, не доучившись, посвящает свою жизнь литературному творчеству, развивая в своих произведениях медицинскую тематику и позволяя себе вольную фантазию в этом направлении. Второй излюбленной темой романов писателя становится описание жизни русских людей и самого русского народа. Определяющим для

этого направления явились переживания романиста, связанные со второй мировой войной, и особенно то, что было им пережито в эти годы в России. На писателя производит неизгладимое впечатление Россия с ее широтой, бесхозяйственностью таежного ландшафта, простотой и в то же время глубиной души русского человека. В интервью Гюнтер Консалик заявляет, что он влюблен в русских людей, в русскую страну, в то, что называют Россией [Riedler, 1989, S. 18]. Казалось бы, даже названия его произведений «кричат» об этой любви: «Любовь на Дону», «Ночи любви в тайге», «Наталья, девушка из тайги», «Любовники в Сочи» и т.д.

Обратимся к его романам, и в частности, к роману «Любовь на Дону». Эту книгу Г. Консалик посвятил М. Шолохову, «великому эпическому поэту казаков, которым я восхищаюсь как ребенок королем» [Riedler, 1989, S. 21]. Образцом писательского мастерства для самого Консалика является Михаил Шолохов, грандиозный эпос которого «Тихий Дон» он любит всем сердцем [Weigand, 1989, S. 11]. Характеризуя творчество Г. Консалика, журналистка Б. Блобель замечает, что Консалик «записывает» мечты героев, которые являются его собственными мечтами. Он мастерски фантазирует, как убили последнего царя в России, что происходит сегодня за кремлевскими стенами, как работает русский народ, о чем думает и как ругается и т.д. [Blobel, 1989, S. 45]. Консалик же заявляет, что каждый роман он подготавливает с чрезвычайной тщательностью, придавая большое значение тому, чтобы в нем каждая деталь соответствовала действительности [Riedler, 1989, S. 26]. Литературовед Р. Андерегг полностью опровергает это заявление Консалика при анализе манускрипта его романа «Улица в пещере». Даже при беглом просмотре отмечаются несоответствия описываемых событий. Автор никак не может решиться, каким языком наделить своих героев, так как не уверен, говорят ли в Бразилии по-португальски или по-испански или как называются денежные знаки – крусейро или эскудо; в романе вдруг появляется змея, которая по данным зоологов обитает только на африканском континенте; и наконец, его герои меняют свои имена от главы к главе не потому что того требует сюжет романа, а потому что автор уже забыл к концу повествования, какие имена он присвоил своим героям в начале произведения [Anderegg, 1989, S. 53]. Эти несоответствия объясняются, возможно, не только безответственным отношением Г. Консалика к описываемым событиям, но и тем фактом, что роман пишется в один присест, ничего не перечитывая и не выверяя даже орфографические ошибки [Anderegg, 1989, S. 51], без правок, раздумий и сомнений.

Именно такие несоответствия реальной действительности, извращение сути вещей прослеживаются в произведениях Консалика, посвященных событиям в России. Насколько Консалик искажает факты, высмеивая образ жизни и скудоумие казаков, ярко демонстрирует 10-я глава романа «Любовь на Дону». В этой книге описываются события 70-х годов. Последний раз в России романист же был в годы войны, будучи военным корреспондентом. Эпизод о покупке мотоцикла одним из сельчан свидетельствует о том, что Г. Консалик все еще продолжает представлять себе Россию 40-х годов. В своем романе Консалик повествует о том, что жители села «Перекопская» впервые в жизни видят мотоцикл, который для них не что иное, как чудо-зверь, однако управлять им легко, просто имея в руках инструкцию. По данным романиста, в деревне были только лошади, и на них жители села решили устроить гонки с мотоциклом. Но ведь в 70-е годы для жителей деревень не то, что мотоцикл, легковые машины были более привычным явлением, чем для городских жителей. Консалик в своих фантазиях предлагает следующее: *(авторский перевод)*

«- Какое чудо! – воскликнул Климчук и сел на сиденье. – Такую штуку не заменит даже лучший жеребец!

- Скажи лучше, умеешь ли ты вообще водить мотоцикл? - произнес с кислым выражением Кольцов.

- А инструкция зачем? – Климчук взял документы и добросовестно прочитал их. Затем он сделал так, как предписывала инструкция. Но газ дал сразу на полную катушку. После первоначального испуга дело это ему стало даже нравиться; гордо восседая на сиденье своего громахющего «коня» и кивая всем станичникам, стоявшим у плетней, он промчался по станице до околицы, где жил сапожник Калинин. Хотел там перевести двигатель на пониженные обороты, сделать разворот и с триумфом прикатить назад. Но с этими его намерениями мотоцикл не согласился. Рукоятка газа не сдвигалась с места ни на миллиметр, она стояла в положении «полный газ». Климчук как одержимый старался ее повернуть, у него ныла от боли ладонь, но рукоятка не поддавалась; он вылетел с улицы на объездную дорогу и проехал вдоль всей станицы с внешней стороны. Когда Климчук второй раз мчался вдоль улицы, все хлопали в ладоши.

- Вот это вещь! – произнес Ребизов и попытался скрыть пробуждающиеся опасения в своем голосе. – Надо же изобрести подобное! Есть же все-таки гении!

При четвертом круге по Перекопской поняли даже самые глупые: что-то не в порядке. Бросалось в глаза, что Климчук как сумасшедший все кружит и кружит по станице, когда он в пятый раз прогромыхал мимо, Кольцов заорал ежес: - Стой! Хватит!

Шестой круг. Теперь все мужики Перекопской стояли на улице и выкрикивали добрые советы.

Стало вечереть, а Климчук все еще кружил на своем чуде вокруг Перекопской. На третьем часу его марафона вокруг станицы (а этот марафон вызвал интерес не меньший, чем полет Гагарина) четверо казаков на самых резвых лошадях задумали устроить скачки наперегонки с Климчук. Они мчались рядом с громахющей машиной вдоль станицы как оглашенные, но Климчук оказывался быстрее. Он с шиком обгонял всадников. После шестьдесят четвертого круга Климчаку дали поесть. Двое верховых приблизились к нему, протянули ему жестяную миску с овсяной кашей, на сладком жирном козьем молоке, три больших очищенных луковицы,

чтобы Климчук вовсе не обессилил, и, наконец, кружку с вином. Федор Игнатьевич все съел и выпил на несущемся мотоцикле и продолжал совершать витки вокруг Перекопской...»

Также не правдоподобен эпизод, искажающий действительность в России тех лет, и с отцом Ифаном, когда он галопирует на коне, догоняя поезд, уносящий главных героев романа Ньюшу и Бодмара. Консалик яростно описывает отца Ифана, несущегося в своей черной сутане с развивающейся седой бородой со знаменем в правой руке и с крестом в левой. А ведь в 70-е годы церковь была отделена от государства. Более того, героиня романа Ньюша, девица 20-ти лет, дочь председателя колхоза, не работающая, что в те годы было не допустимо, не вступившая в комсомол, отец которой был член партии, приходит в церковь к попу за советами...

В этой связи интересна в романе и фигура майора Тумова, который является прототипом Берии. В своих фантазиях романист предоставляет майору милиции право допрашивать Кольцова, председателя колхоза, с летальным исходом. А в романе «Наташа» по приказу сотрудников НКВД хирурги делают знаменитой певице аборт, документально фиксируя операцию как операцию по удалению аппендицита, чтобы певица не покинула Россию с любимым человеком, который решился на эмиграцию.

При создании своих произведений Консалик не считает нужным проанализировать практику присвоения имен собственных в России, их функционирования в живой речи. Писателю, претендующему на знание жизни в России, менталитета русского народа, не знаком, однако, тот факт, что человек в России наделяется не только именем, но и отчеством. Писателю не знаком и тот факт, что русские имена могут иметь краткую и полную форму. Поэтому в романе мы сталкиваемся с такими именами, как, Граня Николаевич, Ньюша Дмитриевна, Боря Ферапонтович, вместо правильного варианта - Анна Дмитриевна, Борис Ферапонтович и т.д.

Несоответствия норм обращения прослеживаются не только в ситуации с переводчицей, которая представляется иностранцу полным именем – Елена Анотовна, вместо „Elena“ или „Frau Elena“. Писатель даже не задумывается над тем, что любой переводчик должен быть хорошо знаком с нормами обращения, принятыми в той или иной стране, с представителями которой он работает. Да и обращение «мамушка» должно было бы соответствовать у казаков обращению «маменька» или «мамания», наконец «мамочка».

Все эти несоответствия и искажения реальной действительности в России имеют своим последствием неправильное восприятие многих событий и реалий в России 70-х годов читателями произведений Консалика, которые никогда, к примеру, не были в России, но получают о ней представления на основе его романов. Романы же Консалика переводятся почти на 40 языков мира...

Библиографический список

1. *Anderegg, R.* Der Berufs-Russe [Text] / Heinz G. Kosalik. Leben und Werk eines Bestseller-Autors. – Wilhelm Heyne Verlag : München, 1989. – S.49-54.
2. *Blobel, B.* Ich bin ein Volksschriftsteller [Text] / Heinz G. Kosalik. Leben und Werk eines Bestseller-Autors. – München : Wilhelm Heyne Verlag, 1989. – S. 44-48.
3. *Riedler, R.* Gespräch mit dem Autor [Text] / Heinz G. Kosalik. Leben und Werk eines Bestseller-Autors. – München : Wilhelm Heyne Verlag, 1989. – S. 16-28.
4. *Weigand, J.* Kosalik . die Leidenschaft des Erzählers [Text] / Heinz G. Kosalik. Leben und Werk eines Bestseller-Autors. – München : Wilhelm Heyne Verlag, 1989, S. 7-12.

kolna@inbox.ru

Коробейникова Н.Н., Барнаул (Россия)

УЧЕТ ИКОНИЧЕСКОГО МОДУСА ЗНАКА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ФУНКЦИИ КОММЕНТАРИЯ

Основная функция комментария – интерпретативная, герменевтическая, т.е. обеспечение понимания текста. В рамках настоящей работы понимание рассматривается с антропоцентрических позиций в русле деятельностного подхода как «процесс встречного смыслопорождения», осуществляемого в концептуальной системе читателя [Павиленис, 1983, Пищальникова, 1999]. Понимание текста, в том числе иноязычного, подразумевает приведение в соответствие концептуальных систем отправителя и получателя. Восходящая к Р. Ингардену идея о том, что «любой текст принципиально не полон», свидетельствует о возможной лакунизованности текста для читателя. Восприятие некоторого явления в тексте (знака) как лакуны указывает на отсутствие определенного кванта знания у читателя, на несформированность или неполную сформированность соответствующей когнитивной структуры знания. Формирование познавательной структуры читателя зависит от многих факторов, в том числе и от актуализации иконической потенции знака. Положения семиотической теории, в частности, обращение к структуре знака, системе его значения, к актам семиозиса и к изучению вопросов иконичности знака, уточняет и дополняет представление о роле комментария в процессах понимания текста.

Начало семиотики – науки о знаках и знаковых системах – связывают с идеями стоиков (2-3 вв. до н.э.) о знаке как сущности, в которой сопряжены обозначаемое, обозначающее и объект [БЭС, 495]. В свое время эти идеи нашли свое второе рождение и получили развитие и новые толкования в философии, логике, математике, лингвистике, психологии, прикладных науках. При определении истоков лингвистической семиотики ссылаются на знаковую теорию языка Ф. де Соссюра, для которого знак – это элемент системы, определяемый в оппозиции к другим элементам системы, и представляющий собой диадическое единство означаемого (понятия) и означающего (акустического образа). Знак, таким образом, рассматривался в заложенном Ф. де Соссюром системно-структуралистском направлении как двусторонняя «психическая сущность», не имеющая связи с референтом [Соссюр, 1977].

Привлечение внимания к динамическим аспектам семиотических процессов, к акту семиозиса – процессу порождения значения, «означивания», интерпретации знака – заслуга американского логика и философа Ч. С. Пирса. В противоположность (и в дополнение) лингвистически ориентированной семиотики Ф. де Соссюра (опирающейся на модель языка), семиотика Ч. Пирса, «стремилась к гносеологической всеобщности и метафизической универсальности» [Нет, 2001, с.6]. Исходными посылками в теории Ч. Пирса являются 1) основанное на онтологии и феноменологии учение о трех универсальных категориях (Первичности, Вторичности и Третичности), из которых выводится концепция знака, и 2) «пансемиотический взгляд на универсум», где все, включая познание, мышление и самого человека, имеет семиотическую природу (ср. с идеями о разделении семиотической и онтологической реальностей [Соломоник, 2004]).

Новым в семиотике Ч. Пирса является не столько количественное усложнение модели знака, включение в нее референта, сколько обоснование иных отношений внутри триадической сущности, что есть знак, а также акцентирование отношений инференции для понимания значения знака. По Пирсу, в значение знака связываются три коррелята – репрезентант (тело знака), объект, к которому отсылает знак, и, так называемая, интерпретанта [Пирс, 2000]. То, что Ч. Пирс называет интерпретантой («нечто, что производится в сознании интерпретатора», «то, что замещает репрезентант») есть в некотором смысле классическое понятие значения.

Несмотря на терминологическую непоследовательность, пирсовская модель знака и понятие интерпретанты, позволяет сделать некоторые важные выводы. Первое, семиозис есть динамический процесс интерпретации знака, при котором производится интерпретанта знака. Понимание одного явления с позиций семиотики есть его представление посредством другого, т.е. интерпретанта выступает как перевод, толкование знака в последующем знаке. «Чтобы установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого, в свою очередь, будет следующий знак и т.д.» [Эко, 1998, с. 53].

Второй важный вывод из концепции Ч. Пирса, на который указывает У. Эко, заключается в том, что производство интерпретанты совершается не самим знаком, а человеком. В актах семиозиса ведущая роль принадлежит интерпретирующему сознанию. Именно поэтому мы утверждаем, что понимание фрагмента текста напрямую зависит от сформированности в сознании конкретного читателя соответствующих структур знания.

Наконец, в-третьих, нам важна восходящая к Пирсу идея об *иконичности знака*. К семиотическим сущностям Пирс относит не только традиционные знаки-символы, основанные на произвольном отношении между двумя сторонами знака, но и иконические знаки, связанные отношениями подобия, и индексальные знаки, образующиеся на основе смежности. Следуя за мнением В.А. Виноградова о том, что система языка (код) и дискурс (текст) имеют разные семиологические характеристики: система ориентирована на символизацию, текст на иконичность, а устная речь на индексальность (Виноградов, цит. по [Кубрякова, 2004, с. 502]), в исследовании интерпретативной функции комментария мы особенно заинтересованы в иконическом модуле знака.

С точки зрения Пирса, иконический знак – это знак, который обладает рядом свойств, присущих обозначаемому им объекту, знак становится знаком вследствие того, что он похож на свой объект. В иконических знаках, считает Пирс, проявляется сходство или параллелизм между знаком и объектом, структурой языка и структурой действительности [Чертов, 1993, с. 144-154].

В современных когнитивных исследованиях концепция иконичности знака, доработанная и дополненная, выстраивается при совмещении семиотических и когнитивных теорий. Новый взгляд на понимание сущности иконичности был предложен Умберто Эко в «Отсутствующей структуре» и получил дальнейшее развитие у следующего поколения когнитологов. Проблема иконического знака для У. Эко, как отмечают исследователи его научного творчества, – это симптом кризиса концепции знака в целом, так как объекты не существуют как эмпирическая реальность, они создаются разумом [Усманова, 2000, с. 84]. По Эко, иконический знак воспроизводит не объект действительности или его свойства, как у Пирса, а «структуру его восприятия». Если иконический знак, указывает Эко, и обладает общими с чем-то свойствами, то не с объектом, а со структурой его восприятия, он выстраивается и узнается в ходе тех же самых умственных операций, которые мы совершаем, формируя образ, независимо от материала, в котором закрепляются эти отношения. Иконический знак представляет собой модель отношений, изоморфную той модели перцептивных отношений, которую мы выстраиваем, когда узнаем или припоминаем какой-то объект [Эко, 1998, с. 134]. Следуя таким рассуждениям,

можно признать, что иконический знак по своей природе оказывается также произвольным, конвенциональным, как и другие знаки.

В настоящее время иконичность (в описанном выше смысле) представлена во многих концепциях тремя основными принципами: *принципом последовательности*, или порядка упоминания; *принципом дистанции*, согласно которому формальное расстояние между единицами соответствует концептуальному расстоянию между ними; *принципом количества*, основанным на соотношении количества информации с количеством обозначающего [Кобозева, 2000, Ungerer, 1999]. В исследовании комментариев именно принцип количества представляет особый интерес: он актуализирует иконическую потенцию знака при передачи лакунизированной информации и оптимизирует процессы адаптации текста к иноязычной аудитории (подробней об этом см. [Пшенкина, 2005, с. 87-96]).

Согласно принципу иконичности, количество формы прямо пропорционально количеству содержания: чем больше формы (текста), тем больше содержания (информации) и наоборот. Соответственно, большие по объему пояснения сообщают больше информации, чем краткие комментарии, которые только соотносят поясняемый объект с полем денотатов. Например, в романе Ш. Бронте «Джен Эйр» М. Лорие определяет **Calvinism (кальвинизм)** как *one of the sterner variations of the protestant creed (одно из направлений протестантской веры, придерживающееся строгих правил)* [Brontë, 1958, с. 381]. К. Андерсон, в другом издании считает нужным не только классифицировать кальвинизм, относя его к религиям протестантской ветви христианства, но и сообщить особенности именно кальвинизма, по сравнению с другими направлениями протестантизма. В комментарии появляются дополнительные дифференцирующие признаки, и он вырастает по объему: **Кальвинизм** – *вероучение протестантского толка, осуждающее роскошь, а главное проповедующее идею предопределения, согласно которой человек, угодный Богу будет процветать еще при жизни, а если он нищ и невезуч, значит Бог к нему не благосклонен и судьбу свою ему не изменить* [Brontë, 1993, с. 495]. Более широкий комментарий К. Андерсона формирует более объемную структуру знания, а, следовательно, обеспечивает более глубокое, многослойное понимание текста.

Иконический принцип количества нельзя сводить только к формальной его трактовке. Значения, выраженные в комментарии языковыми знаками и освоенные читателем, свидетельствуют о построенной в его сознании на основании этой информации когнитивной структуре, другими словами, иконический принцип количества представляет собой соотношение между протяженностью языкового выражения и сложностью познавательной структуры, ассоциируемой с ним. Переход при переводе к внешней адаптации (в виде комментария) соответствует иконическому принципу в его диаграмматической форме. Функциональный аналог или описательный перевод (внутренняя адаптация), ограниченные рамками текста в количестве формы, могут не представить достаточно информации для формирования адекватной когнитивной структуры в сознании инофона. Соответственно, объем информации, поясняющий некоторый объект, определяет сложность и устойчивость когнитивной структуры, отвечающей за понимание связанного с ней текстового фрагмента.

Библиографический список

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь: Языкознание [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000.
2. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М. : УРСС, 2000.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
4. Нет, В. Чарльз Сандерс Пирс [Текст] / В. Нет // Критика и семиотика. – Вып. 3/4. – Новосибирск, 2001. – С. 5-32.
5. Павленис, Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павленис. – М. : Мысль, 1983.
6. Пищальникова, В.А. Психопоэтика : моногр. [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999.
7. Пирс, Ч. Логические основания теории знаков [Текст] / Ч. Пирс. – СПб. : Лаборатория метафизических исследований философ. ф-та СПбГУ; Алетейя, 2000.
8. Пшенкина, Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика : моногр. [Текст] / Т.Г. Пшенкина. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005.
9. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977.
10. Соломоник, А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) [Текст] / А. Соломоник. – Минск : Изд-во МЕТ, 2004.
11. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – СПб. : Петрополис, 1998.
12. Ungerer, F. An Introduction to Cognitive Linguistics [Text] / F. Ungerer, Y-J. Schmid. – L. ; N. Y. : Longman, 1999.

Список источников иллюстративного материала

1. *Bronte, Ш.* Джен Эйр [Текст] / Ш. Бронте; [комментарий К. Андерсона]. – Калининград : Кн. изд-во, 1993.
2. *Brontë, Ch.* Jane Eyre [Text] / Ch. Brontë; [комментарий М. Лорие]. – М. : Foreign Language Publishing House, 1958.

koro.na.nik@gmail.com

Косых Е.А., Барнаул (Россия)

РЕБЁНОК КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Можно ли рассматривать ребёнка в возрасте от 2 до 4 лет как языковую личность? Почему взрослый – языковая личность а priori, а ребёнок – только с 4-х лет? Возможно ли раннее становление языковой личности? Одинаково ли должны описываться взрослый и ребёнок с точки зрения лингвокогнитивного подхода? Эти проблемы автор пытается решать в процессе изучения детской речи совместно со студентами, вовлечёнными в сбор фактического материала и научное освещение подобных вопросов в квалификационных работах [см. список литературы].

Явление языковой личности – бесспорный в современной антропоцентрической парадигме феномен. Психологи определяют личность как субъект социокультурной жизни, носителя индивидуальных черт, особенностей, сознательно или осознанно действующий. Важным в данном определении, на наш взгляд, выступает понятие сознательной деятельности. И ребёнок, вынужденный жить в обществе, приоритетным видом общения в котором является речь, сознательно осваивает ту систему знаков, которая позволяет ему включиться в социум. Лингвисты, изучая «человека в языке и язык в человеке» оперируют термином «языковая личность» (далее – ЯЛ), введённым ещё В.В. Виноградовым. Ставшие классическими работы Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика, К.Ф. Седова содержат общие и частные параметры анализа homo loquens et homo scribens. По нашему мнению, по-особому должна рассматриваться языковая личность infans loquens (термин нами используется вслед за И.П. Амзараковой).

Ю.Н. Караулов предложил структуру языковой личности, состоящую из трех уровней: 1) вербально-семантического, 2) когнитивного, 3) прагматического [Караулов, Электронный ресурс].

Каждый уровень отражает этапы изучения и постижения речи испытуемого исследователем. Наиболее простой, как принято считать, так называемый «нулевой» уровень, отражающий степень владения лексико-грамматическим строем языка, т.е. «нормальное владение родным языком», становится наиболее сложным при описании ребёнка. Это связано с непониманием в полной мере взрослыми «речи» детей первого года жизни. В литературе по становлению и развитию детской речи распространено мнение, что ребёнок первые 3 года жизни (особенно – первый) учится произносить звуки, и все проблемы, проявляющиеся в этот период (возрастное косноязычие и т.п.), связаны с несовершенством речевого аппарата. Именно поэтому ребёнок преодолевает или переживает гуление, лепет, язык нянь и т.п. По нашему твёрдому убеждению, речевой аппарат родившегося настолько совершенен, что ему приходится потратить от 1,5 до 4 – 5 лет, чтобы выбрать из всех доступных ему лишь ограниченное число звуков. Начинаящий носитель языка способен выучить разное количество языков, овладеть «разносемейными» языками, реализоваться как представитель полилингвизма. В ходе речевого развития, как известно, ребёнок «адаптирует» средства языка к своим артикуляционным и возможностям и способен заменять сложные структуры более простыми, доступными для него. Начало этого процесса – первый этап становления ЯЛ.

Второй, показательный для ЯЛ уровень представлен единицами, отражающими когнитивную деятельность говорящего, реализующуюся в интеллектуальной сфере и отражающую специфическую индивидуальную «картину мира»: идеи, концепты, понятия и т.д. Отражение познавательной деятельности и её результат, как правило, находим в речи, текстах, порождаемых homo loquens. Уровень текстопорождения у каждого носителя языка свой. Пока в научной литературе нами не выявлена качественная шкала определения уровня текстопорождения ЯЛ. Если вообще рассуждать о способности к речи, овладении ею, следует подчеркнуть такой факт. И взрослый, и ребёнок лишь воспроизводят языковые единицы, естественно, в разной степени. Возможно, они этим почти не отличаются. При этом ребёнок более свободен в выборе и создании языковых средств, он не «занормирован». С этой точки зрения, infans loquens более креативен и в словотворчестве, и в текстопорождении. Инновации в речи детей возникают чаще, чем в речи взрослых. Процесс называния, интерпретации имени-номинатива регулярно фиксируется в речи детей: *анупа* (первоначально – диссертация, затем любое смешное слово), *дурилит* (пользоваться дуришлагом), *раскоатерилса* (потягиваясь, выпустил когти) (Лера К., 01.10; 02.02; 04.10). Способность к субституции, замене – важное качество языковой личности, подчёркивающее осознанную речевую деятельность. Особенно показательными в этом плане являются детские тексты [Косых, 2011]. Например, 2 пересказа сказки «Курочка Ряба» (приводятся в соответствии с записями родителей):

«Туя-Яба»

Зии-бии деда, баба, туя-Яба. Неса туя ища, не тое. Дед бий-бий, баба бия-бия, мыся безая, ища пая. Дед тацит, баба тацит, туяца дудацит: тудак-тах! (Лера К., 01.07).

«Курочка ряба»

У дедуськи Миси и бабуськи Вали билля куаська. Она сился ицька, пасто, а зато. Деда билля-бия, никак. Бабиська биль такуськай – никак («не бьется толкушкой»). Вика пия ис садик бия-бия гуськой, никак ни магу. Мама и папа били. Се били, тока мысик бизала, хосьтиком махула, иська пала и биль. Се хопать адоськи ме (Вика П., 02.08).

И в первом, и во втором текстах имеются субституции. Оба реципиента меняют финал сказки, при этом Вика П., как более «взрослый» ребёнок способен к творческому пересказу с элементами персонификации и контаминации сюжетных элементов разных сказок.

Существенно подчеркнуть, что в возрасте от 1,5 до 3-х лет ребёнок способен выбирать из имеющегося, пусть и небольшого, арсенала лексических единиц наиболее актуальные, с его точки зрения, слова. Например, Миша Е. [Евсюкова, 2009] в возрасте 2 лет 9 месяцев называл сам (и требовал от других) свои руки и ноги – *лапки*, а себя – *рыбка*, это слово будет употребляться и по отношению к маленьким зверьям: *Лапки рыбке день, мама!*; *Мам, рыбку день* (Миша Е., 02.09.11–16); однако клешни рака называет *руки*: *Аки щок-щокуками* (Миша Е., 02.09.11 – 16).

К трём годам многие дети способны не только пересказать сюжеты различных сказок, потешек, мультфильмов, но и заимствовать из них отдельные фрагменты для создания игровых ситуаций. К примеру, Мише Е. (Миша Е., 02.11) показалась очень смешной реплика из мультфильма «Ну, погоди!»: *Заяц – волк, волк – заяц*, и уже через неделю он использовал в игре с мамой фразу: *Мама – сын, сын – мама*, – с той же интонацией, что звучала в мультипликационном фильме [Евсюкова, 2009]. Этот факт свидетельствует о том, что ребёнок в возрасте 2.8–3-х лет может не только адекватно воспринимать и воспроизводить какой-либо текст, но и создавать на его основе свой собственный. Второй этап становления ЯЛ.

Третий уровень в структуре ЯЛ – самый сложный для изучения и описания взрослых, наверное, будет самым доступным при характеристике ЯЛ ребёнка. Ю.Н. Караулов представляет прагматикон ЯЛ как уровень, заключающий «цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [Караулов, Электронный ресурс]. Основной целью ребёнка, его установкой первых 2-х (?) лет жизни является освоение родного языка (языков), при этом нельзя не учитывать и другие цели и мотивы, характеризующие психологические составляющие маленькой личности и реализующиеся через реплики (уточнение услышанного, перепроверка правил поведения, сопоставление повторяющихся действий с различными оценками со стороны взрослых и т.п.). Например, «Взрослый читает «Красную шапочку». Ребёнок внимательно слушает, как волк проглотил бабушку и девочку, и спрашивает: *Баба, а почему волк бабушку проглотил? Надо же зубами кусать, а он всю глотает. Подавится же!* (Лера К., 3.01. 09) или «Взрослый, забыв что-то сделать, в сердцах сетует, что память стала плохая: «Ничего не помню, всё забываю, ничего в голове не держится!» Лера, решив проверить бабушку: *Баба, а как деда звать, помнишь?* (Лера К., 3.01. 10 – 12).

Понимая всю гипотетичность наших рассуждений, всё-таки считаем возможным предложить следующие выводы.

Для признания ребёнка языковой личностью в возрасте от 2-х, а не 4-х лет, следует принимать во внимание большое количество факторов, отличных от характеристики ЯЛ взрослого, с учётом, например, уровня владения фонетикой, времени появления предложений, способности к пересказу, субституции, осознанному переименованию предметов, объектов, персонажей произведений, реальных людей, в том числе и себя; способности слушать и слышать, реализующейся через вопросы, которые можно рассматривать, с точки зрения взрослого, как риторические: *А как будут звать Красную шапочку, когда она снимет свою шапочку?* (Даша, 04.00) и под. Языковая личность – понятие индивидуальное, тем более, когда речь идёт о будущем.

Библиографический список:

1. *Амзаракова, И.П.* Языковая личность ребенка: infans loquens и семантические аспекты его речевой реализации [Текст] / И.П. Амзаракова // Личность и модусы ее реализации в языке: колл. моногр. к юбилею д-ра филол. н., проф. Ю.М. Малиновича. – Иркутский гос. лингв. ун-т. – Москва-Иркутск, 2008. – С. 20-51.
2. *Евсюкова, Ю.А.* Языковая личность: вербальные и невербальные средства передачи информации (на примере ребёнка в возрасте от 1 мес. До 3-х лет): Дипломная работа. – Барнаул, 2009.
3. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.
4. *Караулов, Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи её изучения [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов. – Режим доступа : http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm
5. *Косых, Е.А.* Текстопорождение в детской речи [Электронный ресурс] / Е.А. Косых // Современные проблемы развития человеческого общества : мат-лы III-й междунар. науч. конф. (2011). – Режим доступа: <http://www.icp-ua.com/ru/node/416>

6. Косых, Е.А. Дневниковые записи [Рукопись] / Е.А. Косых (1990-2004 гг.).

7. Тарасова, О.В. Становление лексикона ребенка в гендерном аспекте : магистер. дисс. [Рукопись] / О.В. Тарасова. – Барнаул, 2008 (Приложение № 7. – С. 111-113).

veko@mail.ru

Кофман Е.П., Красноярск (Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 'ОТРИЦАНИЕ'

(на материале английского языка)

Основное назначение языка и его роль в человеческом обществе обуславливаются тем, что с одной стороны, он служит познанию мира, а с другой является средством взаимодействия в процессе коммуникации. Так как эти две функции языка неразрывно связаны между собой, в фокусе внимания исследователей находятся два основополагающих вопроса: какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами (т. е. каковы когнитивные основания этих форм) и с помощью каких языковых форм репрезентируются те или иные форматы знания в процессе коммуникации [Кубрякова, 2009].

Проблемы, связанные с изучением корреляций между языковыми и когнитивными структурами, являются центральными и в исследовании процесса концептуализации отрицания в современном английском языке. Выявить специфику формирования знаний человека о действительности, т.е. изучить с помощью каких средств концептуализируется отрицание в языке, представляется возможным через анализ семантики разноуровневых языковых единиц формирования отрицательного смысла.

Вся познавательная деятельность человека, как известно, направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. Одним из базовых процессов в ее осуществлении является концептуализация, заключающаяся в осмыслении поступающей информации и приводящая к образованию концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека. Результаты процесса концептуализации, с помощью которого мы формируем, организуем, структурируем наши знания о мире в той или иной мере отражаются в языке [Болдырев, 2001]. В свете сказанного представляется возможным определить языковую концептуализацию как один из способов осмысления окружающего мира и формирования знаний о мире в виде вербализованных концептов или операций с уже готовыми знаками языка. Отрицание как одна из фундаментальных категорий сознания также участвуют в структурировании содержательного мира человека.

Сущность концепта 'отрицание' составляют отсутствие, несуществование, неприсущность, несовместимость каких-либо признаков или явлений окружающего мира на фоне стереотипного знания.

Важная роль концепта 'отрицание' в концептуализации и категоризации мира в языке подчеркивается Н. Н. Болдыревым. Он относит отрицание к языковым категориям, имеющим внутриязыковую природу и служащим для интерпретации и реинтерпретации любого концептуального содержания в языке [Болдырев, 2009, с. 39-40].

Таким образом, язык не только обеспечивает поступление большей доли информации в концептуальную систему, но и помогает свести воедино и обобщить всю информацию, поступающую по другим каналам. Связь языковой и концептуальной систем состоит в том, что язык отражает результаты процесса концептуализации (как следствие, концептуальное содержание выявляется посредством языка), и таким образом он играет существенную роль в процессе формирования, организации и структуризации знаний о мире, т.е. в создании концептуальной системы.

Анализ английского языка позволяет выявить многоуровневую систему языковых средств репрезентации концепта 'отрицание'. Все эти средства можно разделить на две основные группы – эксплицитные, в образовании которых используются формальные средства, и имплицитные, не имеющие формальных показателей в синтаксической структуре предложения. Эксплицитные средства включают: отрицательные аффиксы, отрицательные частицы, отрицательные местоимения, отрицательные наречия и отрицательные союзы.

Наиболее употребительными средствами выражения отрицательного значения являются эксплицитные. Приведем примеры:

1. Распространенным средством выражения отрицания в английском языке являются отрицательные аффиксы: *dis-*, *mis-*, *in-*, *un-*, *-less* и др. К характерным особенностям английского языка следует отнести использование аффиксов с именными основами и наречиями. В соответствии со словарными дефинициями они имеют такие семы, как: *show negative*, *a lack*, *not having something* (716, 808, 1563). Например: *unfair* = *not fair*, *unhappy* = *not happy*; *childless couple* = *who have no children*; *he was hatless* = *wore no hat*. С глагольными основами присоединенные префиксы дают не отрицательное, а противоположное значение. Существует всего несколько глаголов с префиксами '*dis-*', '*mis-*', '*over-*' имеющими отрицательное значение: (1) *Why do you dislike her so much?* (2) *I see no reason to disbelieve him.* (3) – *To make no distinction between honesty and dishonesty*

would be quite unfair. You know that perfectly well. – I **don't** know anything perfectly well and **mistrust** those who say they do (WM, 71).

2. Наиболее употребительным средством выражения отрицания являются отрицательные частицы и отрицательные местоимения. Например: (1) *Here was a man who **did not** mind what people thought of him, and so convention had **no** hold on him* (MaS, 67). (2) *She is **not** earning anything, she **can't** be kept on **nothing*** (AP, 234). (3) ***Nobody** expected her newly televised face to appear; she had gone **unnoticed*** (PI, 126).

3. Отрицательные наречия: *She will **never** come to life again. – The girl **never** really lived and so she **never** really died* (PoD, 130).

4. Отрицательные союзы: *Art was **neither** here **nor** there; money was the issue* (LDCE, 951). *Milk quickly turns sour **unless** it's refrigerated* (LDCE, 1575).

К средствам выражения имплицитного отрицания в английском языке относятся некоторые слова и словосочетания с отрицательной семантикой (Jespersen, 1917: 31-35).

1. Таковы некоторые глаголы, например, *fail – 'not succeed': He **didn't** know he was going to **fail*** (TF, 381); *lack – 'not have something': Alex's real problem is that he **lacks** confidence* (LDCE, 785); *forget – 'not remember': - I **forgot** what he said exactly, but it was very rude; overlook – 'fail to notice or take into account': I'll **overlook** your mistake this time* (LDCE, 1011).

2. Сложноподчиненные предложения с придаточным предложением нереального условия: *I wish I had ever had such an experience. It would have made me in love ... for the rest of my life* (PoD, 128).

3. В диалогической речи отрицательный смысл может выражаться посредством повтора, который служит для эмфатического выделения и эмоционального воздействия: *Give me fifteen pounds a week and I'll believe you. - **Fifteen pounds a week? How can I?*** (Th, 56)

4. Имплицитным средством выражения отрицания, имеющим экспрессивный характер, является риторический вопрос без отрицания: *Harry, did it ever occur to you that Basil was murdered? – **Why should he be murdered? He was not clever enough*** (PoD, 249).

5. Имплицитное отрицание содержат некоторые идиоматические выражения: *I'd love to lend you a quid, but I'm absolutely **stony*** (Th, 40). (be stony = have no money). *Why they say it, **God only knows**, because **nobody** in a ship ever said it* (AP, 198)(God only knows = nobody knows).

6. Употребление отрицания в повелительных предложениях служит для выражения предупреждения, вынужденности, обусловленной ситуацией или социальными нормами. Основная функция таких предложений - предотвращение нежелательного действия с целью избежать негативных последствий: ***Don't** spoil him! **Don't** try to influence him!* (PoD, 3)

7. Отрицание может выражаться экстралингвистическими (невербальными) средствами: *Have you read it? – The young man **shook his head**. - It's **not** come my way* (SSp, 115).

Исследование функционирования форм отрицания в английском языке позволяет сделать вывод, что концепт 'Отрицание' репрезентирован на разных уровнях языка: лексическом, грамматическом, фонетическом и образует иерархическую систему средств выражения. Проанализированные примеры показывают, что одно и то же содержание мысли, может быть выражено с помощью значительного количества вербальных конструкций, как эксплицитных, так и имплицитных, а также невербальными средствами.

Неудивительно, что отрицание является одной из немногих категорий, которые привлекают исследователей на протяжении многих веков, потому что «отрицательные высказывания являются специфической особенностью любой системы человеческой коммуникации и отсутствуют в системах коммуникации животных. Негация и ее корреляты – значение истинности, ложные высказывания, противоречие и ирония – могут, поэтому рассматриваться как определяющие характеристики человеческого вида» [Horn and Kato, 2000, с. 1].

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц [Текст] / Н.Н. Болдырев // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 383-393.

2. *Болдырев, Н.Н.* Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. науч. труд. в честь д-ра филол. н, проф. Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С.38-50.

3. *Кубрякова, Е.С.* В поисках сущности языка [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. - № 1. – С.5-12.

4. *Jespersen, O.* Negation in English and other languages [Текст] / O. Jespersen. – Copenhagen: Host, 1917.

5. *Horn, L.R.* Introduction: Negation and Polarity at the Millennium [Текст] / L.R. Horn, K. Yasuhiko // Studies in Negation and Polarity. – Oxford University Press, 2000. – P.1-19.

Список источников иллюстративного материала

1. *Dreiser, Th.* The Financier (TF) M., 1964.

2. *Galsworthy, J.* The Silver Spoon (SSp) M., 1976.

3. *Galsworthy, J.* The White Monkey (WM) M., 1976.
4. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English / Third edition. Longman, 2001.
5. *Maugham, S.* The Moon and Sixpence (MaS) M., 1969.
6. *Maugham, S.* Theatre (Th) M., 1969.
7. *Priestly, J.B.* Angel Pavement (AP) M., 1974.
8. *Spark, M.* Public Image (PI) M., 1976
9. *Wilde, O.* The Picture of Dorian Grey (PoD) M., 1973.

jacobs@mail.ru

Кочкинекова А.В., Барнаул (Россия)

ФРЕЙМ КАК ПРОВОДНИК В СФЕРУ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время наблюдается высокая частотность в объяснении многих языковых явлений в рамках теории когнитивистики. Когнитивная наука постепенно набирает новые обороты в исследовании феноменов, так до конца и не раскрытых умами ученых лингвистического сообщества. Современная лингвистика решает многие вопросы, представляющие актуальность для исследований, не автономно, а в тесной кооперации с другими областями знания. Исследование многих языковых явлений осуществляется с помощью различных структур знания, таких как концепт, фрейм, гештальт и т.д. При этом в некоторых случаях прослеживается тенденция к отнесению данных единиц к строго лингвистическим инструментам анализа, предполагая их непосредственную принадлежность к системе языка. В данной статье эти структуры знания рассматриваются как теоретические конструкторы с учетом их артефактного характера.

Особый интерес представляет то, каким образом данные структуры вписываются в общую систему языка и чем обусловлен характер реляции между элементами. О.В. Трунова, например, подчеркивает важность разграничения элементов, относящихся к системе (фактов), и тех, которые были привнесены в нее извне, и выступают в роли так называемого «инструментария анализа» (артефакты). Проведение демаркационной линии между ними является свидетельством зависимости естественно созданных системных образований от элементов, созданных искусственно за гранями системы [Трунова, 1998, с. 80].

В работах некоторых исследователей также прослеживается тенденция в акцентуации особой значимости в использовании языком вспомогательных средств, ввиду его относительной несамостоятельности в решении и объяснении многих вопросов: «Язык не предназначен для обработки каких-то данных, он представляет собой неоднородный набор артефактов и практик, становящихся в процессе онтогенеза неотъемлемой частью человеческой деятельности» [Коули, Кравченко, 2006, с. 113].

В центре данной работы находится фрейм как искусственно созданный теоретический конструктор, заимствованный в область лингвистики из сферы искусственного интеллекта. Основные заслуги в развитии исследований природы фрейма в лингвистике принадлежат Ч. Филлмору. На протяжении всей исследовательской деятельности ученого прослеживается постоянно эволюционирующее представление о фрейме. Принимая во внимание различные характерологические особенности данного термина, в последних работах Ч. Филлмора подчеркивается и уточняется когнитивная природа фрейма, и он определяется как когнитивная структура, раскрывающая знания, ассоциирующиеся с концептами, которые, в свою очередь, вербализуются словами [Fillmore, Atkins, 1992, p. 75].

Одним из важных свойств фрейма, открывающих доступ к раскрытию различного рода явлений, можно назвать процесс его активации. «Фрейм активируется, когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста» [Филлмор, 1988, с. 65].

Отталкиваясь от классификации фреймов, предложенной В.И. Хайруллиным [Хайруллин, 1995], проследим основные механизмы осмысления человека и его психофизиологических особенностей непосредственно сквозь призму фреймового анализа. Человек в силу анатомио-физиологических и онтологических закономерностей может представляться в качестве объекта с внутренним пространством (вместилище / контейнер – в концепции М. Джонсона [Johnson, 1987]). Данный принцип эксплицируется на примере процесса активации **объемно-пространственного типа фрейма**:

1) *He had a curious black beard appearing only at the corners of his chin, and his large eyes were oddly set in his face like the flat decorative eyes painted in old Egyptian profiles (G.K. Chesterton, The Wisdom of Father Brown).*

В данном случае посредством активации вышеуказанного типа фрейма подчеркиваются особенности представления тела человека в качестве объемной субстанции с условно обозначенными границами. В английском языке профилировщиком данного типа отношений выступает предлог *in*, который в концепциях многих исследователей-лингвистов (Leech, Bennet, Clark) рассматривается в качестве предлога с объемной конфигурацией.

Лицо человека может выступать вместилищем не только для расположения определенных органов в силу анатомио-физиологических особенностей, но также и для различных чувств, психо-эмоциональных состояний,

выступающих в качестве психических констант внутреннего мира человека. Н.Д. Арутюнова справедливо указывает на то, что «Психические компоненты и состояния перемещаются из внутреннего мира человека внутрь его лица или появляющегося на лице симптома» [Арутюнова, 2000, с. 375]:

2) *There was an aspect of subdued exhilaration in her face, that kindled into almost a smile of exalted... (A. Bronte, The Tenant of Wildfell Hall).*

Как видно из примеров, лицо человека становится контейнером для чувств и эмоций также посредством активации **объемно-пространственного фрейма**.

Обратим внимание на другие случаи организации информации, отражающие идею лабильности в осмыслении человека, что приводит к его рассмотрению уже не под углом объемно-пространственной конфигурации, а, напротив, в зеркале плоскостного восприятия:

3) *'My amiable lady!' he interrupted, with an almost diabolical sneer on his face (E. Bronte, Wuthering Heights).*

В примере речь идет о нахождении усмешки на поверхности лица героя. Словарь дает следующее определение усмешки (sneer): it is a facial expression of scorn or contempt, typically with the upper lip curled (АВВУ Lingvo 12). Данный процесс можно определить как поверхностно-ориентированный. Механизмом профилирования данного типа представлений служит активация **плоскостного типа фрейма**. В языке эта особенность маркируется посредством предлога *on*, который во многих исследовательских концепциях рассматривается с точки зрения плоскостной конфигурационной осмысленности.

При описании преходящих психических и эмоциональных состояний человека, выступающих в качестве компонентов его внутреннего мира, происходит активация **психохарактеризующего типа фрейма** (*термин науи*), который эксплицирует основную специфику локализации различных черт характера, чувств и состояний:

4) *'Did you see anything in her manner?' 'No, certainly; but then, you know, I always said there was something strange about her' (A. Bronte, The Tenant of Wildfell Hall).*

5) *...but I thought there was a certain refined affectation of superiority, and an ungenial self-consciousness about her, that negated all her advantages... (A. Bronte, The Tenant of Wildfell Hall).*

Предлог *about* в данных случаях абсорбирует указание на характер (ср. *about* – 1) when you say that there is a particular quality or feature about someone or smth, you are saying that this is a characteristic feature of theirs [CCELD, 1993]; 2) In the nature or character of a person or thing [LDCE, 2003, p. 3.]).

Посредством активации **психохарактеризующего фрейма** в рассматриваемом примере индивид наделяется определенными характерными чертами, качествами, такими как «странность» и «самоуверенность».

Таким образом, на основе анализируемого материала, можно заключить, что фрейм, проникая в глубинную структуру знания, объясняет закономерности в описании эмоциональных, психических компонентов и состояний, что позволяет судить о фрейме как о надежном проводнике в сферу психофизиологических особенностей индивида.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. «Два эскиза к «геометрии» Достоевского» [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 368-385.
2. Коули С.Д. Динамика когнитивных процессов и науки о языке [Текст] / С.Д. Коули, А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 133-141.
3. Трунова, О.В. Человек и мир в языковом зеркале восприятия и оценки [Текст] / О.В. Трунова // Личность и модусы ее реализации в языке. – Москва–Иркутск, 2008. – С. 73-108.
4. Хайруллин, В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : автореф. ... д-ра филол. н. [Текст] / В.И. Хайруллин. – М., 1995.
5. Fillmore, Ch. Toward a Frame-Based Lexicon: The semantics of RISK and its Neighbours [Text] / Ch. Fillmore, B.T. Atkins // Frames, Fields, and Contrasts. – Hillsdale, N.Y. : Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. –P.75-102.
6. Johnson, M. The Body in the Mind. The bodily basis of meaning, imagination, and reason [Text] / M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1987.
7. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. – Rome : La Tipografica Varese, 2003.
8. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary [Text]. – L. : HarperCollins Publishers, 1993.

Список источников иллюстративного материала

1. Bronte, A. The Tenant of Wildfell Hall [Electronic resource] / A. Bronte. – Mode of access : <http://www.booksshouldbefree.com>
2. Bronte, E. Wuthering Heights [Electronic resource] / A. Bronte. – Mode of access : <http://www.booksshouldbefree.com>
3. Chesterton, G.K. The Wisdom of Father Brown [Electronic resource] / G.K. Chesterton. – Mode of access : <http://www.booksshouldbefree.com>

alena_koch86@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК ПРЕДМЕТ МЕТАЯЗЫКОВОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

Актуальность исследования проявлений метаязыкового сознания, представленных в форме метаязыкового комментария, определяется как онтологической непрямоносностью самого объекта изучения, так и основными тенденциями современной лингвистики, ориентированной в первую очередь на изучение языка в тесной связи с человеком и акцентирующей поворот к употреблению и интерпретации языка индивидом [Демьянков, 2010, с. 39-40].

В нашем исследовании термин «метаязыковой комментарий» трактуется как эксплицитное интерпретационное вербальное замечание, касающееся разнообразных аспектов употребления языковых знаков, и являющееся продуктом осмысления автором художественного произведения своей коммуникативной интенции, общепринятых норм общения и стратегий, способствующих пониманию.

В данной статье предпринята попытка наметить типологию авторских метаязыковых высказываний (оформленных как в виде слов автора, так и в виде реплик или мыслей персонажей), цель которых облегчить идентификацию и интерпретацию данных слов читателем. По содержанию, были выделены следующие типы метаязыкового комментирования:

I. Метаязыковой комментарий (далее – МК), содержащий комплексную, объективную информацию о языковом знаке.

1) МК, включающий перевод-объяснение иностранного или диалектного слова, заполняющий лауну и адаптирующий данное слово внутри текста:

*I recognized her by her veil for all the women in the street wore the **çarşaf** – a sort of black scarf tightly binding the forehead and hair and with another piece of material, **peçe**, covering the lower part of their faces. (I. Orga)*

2) МК, совпадающий с объективным значением слова, представленном в лексикографическом источнике. Этот вид комментария часто встречается при упоминании терминов, стилистически сниженных слов и т.д. Например:

*"I suspect that what happened came as a result of too much cheap whiskey ... and a curious condition which the old-timers call **cabin fever**. Do you know the term?" ... "It's a slang term for the claustrophobic reaction that can occur when people are shut in together over long periods of time (S. King) (ср. словарная дефиниция: cabin fever – a state in which you feel bad-tempered, because you have not been outside for a long time [LDCE]).*

3) МК, содержащий развернутое объяснение вымышленной автором языковой единицы:

*"I hope so," said Harry, "because once I'm seventeen, all of them – Death Eaters, dementors, maybe even **Inferi** – which means dead bodies enchanted by a Dark wizard – will be able to find you and will certainly attack you (J.K. Rowling).*

4) МК, представляющий собой упрощенное толкование значения слова, при помощи синонимов, перифраза, также приведенный с целью семантизации незнакомого лексикона:

*"When you say 'master of Death' –" said Ron. "**Master**," said Xenophilius, waving an airy hand. "Conqueror. Vanquisher. Whichever term you prefer" (J.K. Rowling).*

5) МК, представляющий собой заведомо неверную интерпретацию слова. Часто подобное ложное толкование вкладывается в уста персонажа с целью достижения юмористического эффекта:

*When I asked Jem what **entailment** was, and Jem described it as a condition of having your tail in a crack, I asked Atticus if Mr. Cunningham would ever pay us (H. Lee). (здесь идентификация незнакомого слова осуществляется при помощи опоры на знакомые морфологические элементы)*

II. МК, содержащий объективные сведения об отдельных аспектах значения слова.

1) МК, включающий упоминание о признаках, образующих денотативное значение комментируемого слова, и представляющий собой вербализованный метаязыковой поиск. Например:

*"So you **seduced** your all-too-willing husband. That's not a capital offense. "... "The word seduced implies a certain amount of premeditation. " "Maybe that was the wrong word. " he allowed (S. Meyer).*

2) МК, приводящий информацию коннотативного плана, не зафиксированную в словарях:

*The word **Saga** might be objected to on the ground that it connotes the heroic and that there is little of heroism in these pages. (J. Galsworthy) (ср. словарная дефиниция: saga – a long story, especially one that continues over a period of many years [LDCE])*

3) МК, служащий источником информации о наличии у слова прямого и переносного значений:

*I was going to **die** – metaphorically – when she left me. (S. Meyer)*

III. МК, включающий субъективную информацию о слове.

1) МК, содержащий личностную оценку языковых средств.

Так, наряду с метаязыковым комментированием, при котором автор просто объясняет значение слова, приводя какую-либо информацию о нем, может быть выделен тип оценочных метавысказываний, в которых вербализуется субъективная, эмоциональная оценка лексической единицы автором:

*"I think **abortion**'s too clean a name for it," Peter Goldsmith said. ... "I think it's infanticide, pure and simple (S. King).*

Л.В. Барсук утверждает, что в сознании носителя языка слово и обозначаемый им объект сливаются» [Барсук, 1999, с. 50]. Исходя из того, что значение слова рассматривается как «аналог целостного и самостоятельного объекта», мы предполагаем, что отношение говорящего к предмету действительности или к жизненной ситуации может распространяться и на обозначающие их слова:

Edward had another word in mind, and that word was the source of the tension I felt. It put my teeth on edge just to think it to myself. Fiancée. Ugh. I shuddered away from the thought... But more than that, I just couldn't reconcile a staid, respectable, dull concept like husband with my concept of Edward. (S. Meyer)

Таким образом, можно сделать вывод, что акцентирование внимания читателя на каком-либо слове, посредством метаязыкового комментирования, может выводить читателя на индивидуальное содержание концепта, стоящего за этим словом. Естественно, что спектр репрезентаций, лежащих в основании концепта, будет отличаться у разных носителей языка, поскольку они определяются личным опытом индивида. Стремление автора восполнить разницу между своим собственным жизненным и лингвистическим опытом и опытом возможного читателя, осознанное желание быть понятым, заставляют его делать акцент на сведениях метаязыкового характера, приводимых в тексте:

The cook didn't conform to Wendy's image of the typical resort hotel kitchen personage at all. To begin with, such a personage was called a chef, nothing so mundane as a cook - cooking was what she did in her apartment kitchen when she threw all the leftovers into a greased Pyrex casserole dish and added noodles (S. King).

Обобщая вышесказанное, еще раз подчеркнем, что метаязыковое комментирование, представляющее собой вербализованный продукт осознанной рефлексии автора над коммуникативной интенцией, а также воплощающими ее языковыми средствами, может включать как объективную информацию о языке, так и индивидуальные метаязыковые знания, актуализирующиеся в виде субъективной оценки языковых знаков. Развитое чувство языка и осознанное желание быть понятым позволяют автору прогнозировать ситуации коммуникативного напряжения при будущем прочтении текста и эксплицировать свои метаязыковые знания в виде комментария, который выступает «двигателем» коммуникации между автором и читателем, являясь средством облегчения общения и понимания *отрывка и текста в целом*. Метаязыковая информация, почерпнутая из такого комментария, оказывается полнее сведений, зафиксированных в словаре, так как является средством доступа к субъективному знанию, к содержанию индивидуальной концептуальной системы говорящего, которое неразрывно связано со знаниями о языке. Необычайно точны в этом смысле слова И.Т. Вепревой, которая вслед за А. Мустайоки отмечает: «Исследование вербализованной метаязыковой деятельности языковой личности позволяет «заглянуть» в «черный ящик» сознания, реконструировать различные этапы речемыслительного процесса» [Вепрева, 2003, с. 22].

Библиографический список

1. Барсук, Л.В. Категоризация как психолингвистическая модель установления референции [Текст] / Л.В. Барсук // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека : колл. моногр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь, 1999. – С.21-55.
2. Вепрева, И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении : дисс. ... д-ра филол. н. [Текст] / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург, 2003.
3. Демьянков, В.З. «Интеллектуальная революция», «поворот» и «волна» как факторы изменения категоризации в языке науки [Текст] / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2010. – Вып. VII. – С.26-44.
4. Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. – L. : Longman, 1999.

Список источников иллюстративного материала

1. Голсуорси, Дж. Собственник [Текст] / Дж. Голсуорси ; на англ. языке. – М. : Прогресс, 1973.
2. Ли, Х. Убить пересмешника [Текст] / Х. Ли ; на англ. языке. – СПб. : Антология, 2006.
3. King, S. The Shining [Text] / S. King. – N. Y. : Doubleday, 1993.
4. King, S. The Stand [Text] / S. King. – N. Y. : Doubleday, 1993.
5. Meyer, S. Breaking Dawn [Text] / S. Meyer. – N. Y. : Little, Brown Books for Young Readers, 2010.
6. Meyer, S. New Moon [Text] / S. Meyer. – N. Y. : Little, Brown Books for Young Readers, 2009.
7. Orga, I. The Portrait of a Turkish Family [Text] / I. Orga. – L. : Eland Publishing Ltd, 2004.
8. Rowling, J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows [Text] / J.K. Rowling. – L. : Bloomsbury, 2007.

Кошкарлова Н.Н., Челябинск (Россия)

ДИХОТОМИЯ «ВОСТОК-ЗАПАД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Дихотомия «Восток-Запад» является объектом исследования прежде всего социологических и философских наук, однако, тенденция к интеграции различных научных направлений не могла не отразиться и на изучении представления двух разных культур в языке. Таким образом, настоящее исследование выполнено в

русле философии, культурологии, этнологии, выводы научных изысканий в рамках которых могут представлять базу для формирования теории о представлении восточной и западной культур в языке и речи. Авторы учебника «Культура и этнос» [Щеглова, 2002] определяют Восток и Запад как условные смысловые конструкции, применяемые для первичной типологии мировой культуры.

Не стоит отрицать тот факт (и на этом настаивают составители указанного пособия), что Восток и Запад представляют собой парную категорию, которая, с одной стороны, характеризует единство культуры человечества, а с другой, – разделенность на принципиально отличные модели культурной идентичности. Сводя воедино те характеристики Запада и Востока, которые выделялись в разные периоды и разными авторами, Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина [Щеглова, 2002] предлагают следующую сравнительную характеристику двух цивилизаций: 1. *Восточная цивилизация*: а) следование вековым традициям, упор на адаптацию к складывающимся условиям жизни; б) дух созерцательности, пассивного наблюдения и бездеятельности; в) дух коллективизма и единства народа, сплоченного общей собственностью, общиной, религией, сильной централизованной властью государства, коллективистскими традициями и нормами поведения, восприятие отдельного человека как винтика огромной «машины» общества; г) отсутствие полноценной частной собственности, то есть неразделенность собственности (кто у власти, тот и при собственности); д) господство государства над обществом, административный произвол (властвует не закон, а конкретное должностное лицо, «начальник»). 2. *Западная цивилизация*: а) стремление к постоянному обновлению, преобразованию жизни, к социально-экономическому прогрессу; б) дух активных действий, инициативы и предприимчивости; в) дух здорового индивидуализма, самоценности отдельного человека, его свободы, самостоятельности и внутренней ответственности за свою судьбу, дух состязательности между людьми на основе равенства их возможностей; г) узаконенность и гарантированность частной собственности, разделение власти и собственности; д) государство не повелитель, а лишь инструмент в руках граждан, чьи права и свободы защищает закон.

Проследим, являются ли актуальными перечисленные ценности для современного состояния восточного и западного мира не как географических понятий, а как культурных феноменов, и каким образом выделенные характеристики востока и запада получают реализацию на языковом и речевом уровнях. Коммуникативная среда современного человека во многом формируется средствами массовой информации. Тематика и стилистика газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов часто влияют на коммуникативное пространство. Руководствуясь этим положением, мы выбрали материалом для исследования тексты интервью российских политиков представителям восточных и западных средств массовой информации, которые служат ярким примером проявления национальных особенностей ситуации и партнеров по общению, всех специфических характеристик дихотомии «восток-запад», сферой эмоционального воздействия на слушателя и адресата.

События последних лет в стране и мире создали такую геополитическую конфигурацию, которая позволяет говорить о существовании дихотомии «Восток-Запад» даже в рамках одного государства, а именно России. 26 августа 2008 г. Указом Президента Российской Федерации была признана независимость республик Абхазия и Южная Осетия, в то время как Грузия по-прежнему считает их своей территорией. Подобная ситуация на политической арене позволяет считать разговор между Премьер-министром России В.В. Путиным и представителями абхазских СМИ диалогом двух культур (12 августа 2009 г. произошел именно такой разговор). Как уже отмечалось выше, для восточной культуры характерна традиция клановости (или соборности в православной культуре), что находит свое отражение и в темах, интересующих представителей абхазских СМИ, позиционировании журналистов как представителей «большой дружной семьи», грамматическом оформлении высказывания. В ходе анализируемого интервью Премьер-министру России был задан такой вопрос: *«Народы Кавказа высоко оценили поступок России в августе прошлого года // Но Запад критикует Россию за спасение двух малочисленных народов // Насколько такая политика двойных стандартов со стороны Запада влияет на шаги России в регионе ??»* Примечательна реакция интервьюируемого на этот вопрос: *«Мы все время как бы по стандарту говорим /: «Вот Запад.../», а «Вот Россия.../». Вы знаете/, Запад тоже неоднороден // Совсем неоднороден // На Западе /, условном Западе /, есть реально немало наших сторонников //»*. Как видно из приведенного фрагмента, журналисты выступают в данном случае не только как представители аккредитованных изданий, но и как члены семьи кавказских народов, отсюда – их озабоченность проблемами своего региона в свете последних политических событий. Причисляя себя к так называемому «восточному» миру, абхазские журналисты противопоставляют его миру «западному», отсюда – реакция интервьюируемого, который в ответ на иницирующую реплику интервьюеров развивает мысль о дихотомии «Восток-Запад». Как уже отмечалось выше, идея коллективизма и единства народов Востока находит свое отражение и в грамматических особенностях вопросов, заданных в ходе анализируемого интервью. Употребление личных местоимений в парадигме «мы-инклюзивное» делает вопросы интервьюеров более ориентированными на коллектив и свою культуру: 1. *Несмотря на экономический кризис /, экономика Абхазии в последнее время интенсивно развивается // По крайней мере /– так считают наши эксперты //*. 2. *Мы все в Абхазии очень переживали за Россию /, когда решался вопрос Олимпиады 2014 года //*. 3. *Владимир Владимирович /, большая часть населения нашей республики /– это граждане Российской Федерации //*.

В интервью как особом типе информационного диалога наиболее ярко проявляется прагматическая направленность языковых единиц. С.Г. Агапова [Агапова, 2002] отмечает, что обмен репликами в диалоге данного вида всегда направлен на изменение информационного состояния коммуникантов после каждой очередной реплики. Автор приходит к выводу, что одним из основных аспектов анализа такой формы межличностного взаимодействия выступает движение информации, актуализируемой в процессе обмена репликами. Побуждение к позитивному обмену информацией в ходе интервью (особенно его начале) происходит при помощи вопросов. Журналист должен стремиться к получению достоверных, актуальных и полных сведений по обсуждаемой проблеме. М.М. Лукина [Лукина, 2005] выделяет еще несколько функций вопросов в журналистских интервью: 1) Стимулирование развитие беседы. 2) Провоцирование собеседника на продолжение разговора. 3) «Разворачивание» разговора вширь, углубление его, уточнение деталей, запрашивание аргументов. Не стоит отрицать тот факт, что и в анализируемых нами текстах основные и дополнительные функции вопросов в интервью реализуется с наибольшей полнотой. Как показывает анализ языкового материала, вопросы журналистов-представителей восточных СМИ лишены конфликтогенного потенциала, задаются в очень корректной форме, редко провоцируют собеседника на спор или ссору. Мы считаем, что подобная формулировка вопросов позволяет интервьюеру быть не партнером по разговору, а лишь пассивным участником беседы, отдавая большие права интервьюируемому в плане выражения своей точки зрения и планирования беседы в нужном ему ракурсе. В таких интервью сохраняется асимметрия ролей партнеров, что позволяет нам отнести подобные информационные диалоги к сфере функционирования гармоничного дискурса. Так, например, в интервью Премьер-министра России В.В. Путина японскому информационному агентству «Киодо Цусин», телерадиокорпорации «Эн-Эйч-Кей» и газете «Нихон Кейдзай» («Никкей») журналисты используют следующие вводные фразы в своих вопросах и характерные для гармоничного дискурса формулировки своих высказываний: *Теперь хотел бы задать вопрос об экономическом сотрудничестве. // Хотел бы обратиться к Вам еще с одним вопросом. // Я хотел бы спросить Вас насчет международных проблем. // Теперь вопрос об американо-российских отношениях. // У меня еще один вопрос по ядерному разоружению // Теперь хотел бы задать вопрос о Северной Корее. // Я хотел бы задать вопрос о внутренней экономической ситуации в России. // Опять вопрос относительно автомобилей. // Хотел бы задать еще один вопрос по экономике. // Затрону еще одну международную проблему – связанную с Афганистаном.*

Таким образом, общение представителей Востока и Запада в политическом интервью представляет коммуникацию не столько стран, сколько двух культур с присущими им национальными особенностями. В данном случае индивидуальные особенности речевого поведения человека будут включены в систему норм, конвенций и правил, которые вырабатываются в той или иной культуре. Эти правила определенной лингвокультуры обуславливают типовую программу речевого поведения, принятую в том или ином обществе, и реализуемую в данном типе информационного диалога.

Библиографический список

1. Агапова, С.Г. Прагматические особенности английской диалогической речи [Текст] / С.Г. Агапова. – Ростов-на-Дону : АПСН, 2002.
2. Лукина, М.М. Технология интервью: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика» [Текст] / М.М. Лукина. – М. : АспектПресс, 2005.
3. Щеглова, Л.В. Культура и этнос [Текст] / Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина. – Волгоград : Перемена, 2002.

nkoshka@rambler.ru

Кравченко А.В., Иркутск (Россия)

ЧТО ИЗУЧАЕТ КОНЦЕПТОЛОГИЯ?

В последние годы в России широкое распространение получили так называемые концептологические исследования, и уже говорится о развитии новой области знания – "концептологии, раздела междисциплинарной когнитивной науки" [Карасик, Стернин, 2005, с. 4]. В среде отечественных лингвистов принято говорить о *лингвоконцептологии*, выделившейся из лингвокультурологии [Воркачев, 2005], и число публикаций в рамках этого направления растет с каждым днем – стоит упомянуть хотя бы двухтомную "Антологию концептов" [Карасик, Стернин, 2005] или сборник "Концептуальный анализ языка" [Кубрякова, 2007]. Однако, несмотря на большое количество исследований, посвященных концептам, самое понятие концепта продолжает оставаться весьма неопределенным. В большинстве дефиниций, предлагаемых лингвистами (насколько эти дефиниции иногда противоречат одна другой – отдельный вопрос), одно неизвестное (понятие концепта) определяется через другое неизвестное (или ряд неизвестных), которое само не имеет определения. Рассмотрим несколько определений концепта из публикаций последних лет.

Вот как определяется концепт у М.В. Никитина [2004, с. 53; выделено мною. – А. К.]: "Концепт – дискретная *многофакторная ментальная единица со стохастической (вероятностной) структурой*. Его

единство и отдельность обеспечивается тождеством того денотата, с которым он соотнесен в *каких-то ментальных мирах*". К сожалению, подобное определение, мало что проясняя по сути, вызывает множество вопросов, таких как: "Что представляет собой "ментальная единица"? В чем проявляется ее многофакторность? Если она обладает вероятностной структурой, то из каких "кирпичиков" эта структура складывается и чем обуславливается ее вероятность? Если, как утверждает М.В. Никитин, концепты представляют собой "структурированные совокупности признаков (свойств и отношений, которые полагают характерными для сущностей данного класса – от обязательных до несовместных)" [там же, с. 54], то какова онтология этих "признаков", и в чем, в таком случае, состоит различие между когнитивными операциями концептуализации и категоризации? Что нужно понимать под выражением "тождество денотата в каких-то ментальных мирах"? и т. д. и т. п.

Вот еще одно определение, вызывающее ряд вопросов: "*Концепт (национальный концепт)* – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея "предмета" в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью. Концепт лишен образности..." [Красных, 2004, с. 187]. Что такое "идея предмета", и чем "общие идеи предметов" отличаются от "частных идей тех же предметов"? Непонятно, считает ли автор данного определения *сознание* и *языковое сознание* синонимами, а если нет, то какова процедура разграничения одного и другого, и каким образом обеспечивается доступ к неязыковому сознанию? Что подразумевается под "когнитивной обработкой идеи"? Если идея – явление нематериальное, его обработка не может осуществляться механизмами, укорененными в материальном субстрате, в противном случае мы имели бы дело с онтологическим нонсенсом. Следовательно, язык, будучи материальным феноменом, не может принимать участия в когнитивной обработке идеи. Но тогда мы получаем парадокс: непонятно где, чем и как обработанная единица мира идеального ("идея предмета") репрезентируется чему-то, имеющему в своей основе систему определенных единиц мира материального ("языковому сознанию"). Наконец, что следует понимать под "валентными связями", которыми, якобы, обладают идеи предметов"? То, что такими наблюдаемыми связями обладают *имена* идей, не подлежит сомнению, но имена есть материальные сущности, вступающие в доступные наблюдению (и познанию) связи с другими материальными сущностями, тогда как идеи, по определению, являются неявными сущностями, недоступными прямому наблюдению – соответственно, и связи между ними также не могут быть непосредственно наблюдаемы. Отсюда естественным образом возникает вопрос о том, что представляют собой "национальные маркеры валентных связей" идеи предмета. Даже если предположить, что автор рассматриваемого определения концепта отождествляет связи между именами (словами) и связи между идеями, понятие национального маркера остается, по существу, не эксплицированным. Как результат, предложенная В.В. Красных дефиниция концепта обладает сомнительной эмпирической значимостью, так как не позволяет привнести ясность в вопрос о том, что же такое концепт.

Корифеи отечественной когнитивной семантики З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают набор постулатов, от которых следует отталкиваться в исследовании соотношения семантики языка с концептосферой народа и семантических процессов с когнитивными. Вот некоторые из них:

"Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания.

Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода.

Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу" [Попова, Стернин, 2005 с. 7].

При этом "концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации", т. е. он "может быть вербализован, а может и не быть вербализован" [там же, с. 8].

Как видим, в качестве определения концепта, опять-таки, предлагается набор общих фраз ("принадлежность сознания", "глобальная единица", "квант структурированного знания"), лишенных какого-либо конкретного содержания. Более того, делаются ни на чем не основанные утверждения о характере человеческого мышления, восходящие к идее Н.И. Жинкина о так называемом "универсальном предметном коде", которые когнитивная наука третьего поколения (т. е. биологически ориентированная наука) вряд ли может воспринимать серьезно. Данные постулаты – наглядный пример того, насколько глубоко проник картезианский дуализм в теоретические построения, предлагаемые отнюдь не заурядными исследователями. То ли отдавая дань научной моде, против которой названные авторы сами же неоднократно и по делу выступали [Попова, Стернин, 2001; 2003], то ли по каким-то другим, не вполне понятным причинам, талантливые исследователи языка вдруг перестают замечать, насколько противоречивы их "постулаты". Так, с одной стороны, они говорят о "концептосфере народа", а, с другой стороны, концептосфера – это "упорядоченная совокупность концептов в сознании человека". Даже если допустить, что "концептосфера народа" – это "упорядоченная совокупность концептов в сознании человека", остается вопрос о том, что такое сознание вообще, и чем отличается сознание человека от сознания народа, в частности. На сегодняшний день вопрос о природе сознания, его онтологии остается главным дебатлируемым вопросом в когнитивной науке – впрочем, как и вопрос о природе знания [Кравченко, 2009, Залевская, 2009].

Утверждение о том, что люди мыслят концептами – при полном отсутствии какого-либо приемлемого научного определения концепта – напоминает попытки физиков не столь отдаленного прошлого объяснить тепловые явления с помощью понятия теплорода. Я уже не говорю о том, что "глобальная единица мышления" никак не может одновременно быть "квантом структурированного знания" (*глобальный* – 'относящийся ко всему миру', *квант*, физ. – 'неделимая порция величины'), а семантика просто не может не быть когнитивной [Кравченко, 2000], если она подразумевает изучение механизмов порождения значения, а не абстрактное теоретизирование.

Так что же, все-таки, изучает (лингво)концептология? Анализ концептологических постулатов показывает, что объектом изучения концептологии являются "некие единицы сознания", существующие сами по себе и составляющие основу мыслительной деятельности, а выявление и описание этих единиц как главная задача концептологии осуществляются посредством выявления и описания языковых средств, якобы эти концепты репрезентирующие, и их семантики. Да простят меня уважаемые коллеги, чьи заслуги перед отечественной лингвистикой в "доконцептуальный" период неоспоримы, но подавляющая часть публикуемых в стране концептологических "штудий", с моей – конечно же, субъективной – точки зрения (хотя, отмечу попутно, "объективной" точки зрения на что бы то ни было не может быть по определению) представляет собой пример такого лингвистического шаманизма, с той разницей, что место шамана занимает лингвист, а вместо камлания мы слышим (читаем) малопонятные заклинания в виде концептологических "постулатов".

Как мне уже приходилось подчеркивать [Кравченко, 2005], проблема определения концепта должна рассматриваться как проблема определения *эмпирической сущности* обозначенного этим термином явления, которое хотя и становится доступным для анализа благодаря языку, тем не менее, не является собственно языковым феноменом в традиционном понимании языка как кодовой системы коммуникации. Как структура знания, концепт объединяет в себе *все* аспекты когнитивной деятельности человека, поэтому в нем присутствуют и перцептивная, и сенсомоторная, и эмоциональная, и языковая составляющие. Именно по этой причине какие-либо выводы о структуре концепта и его характеристиках, полученные в результате только лишь семантического анализа соответствующих языковых единиц и структур, не могут дать представления о действительном устройстве концепта как *оперативной единицы сознания*. Конечно же, всякая попытка выделения и описания того или иного концепта начинается с анализа языкового знака, обеспечивающего доступ к соответствующей структуре знания [Langacker, 1991], но этим она не должна ограничиваться.

Поскольку материальным субстратом знания и сознания является нервная система (особенности ее функционирования и состояния), речь нужно вести о *нейронных* структурах, соответствующих тому, что мы называем концептами, а точнее, о *состоянии активности* определенных участков нервной системы, или *репрезентациях* – специфических состояниях активности нервной системы, возникающих в процессе когнитивной (= жизненной) деятельности и сохраняющихся во времени как единицы опыта/памяти. Однако для того, чтобы это стало возможным, отечественной когнитивной лингвистике необходимо не на деле, а на словах стать действительно междисциплинарным проектом. К сожалению, до этого еще очень и очень далеко.

Библиографический список

1. Воркачев, С.Г. Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Карасик В.И., Стернин И.А. (ред.) Антология концептов. Т. 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 10-13.
2. Залевская, А.А. Проблема знания в различных ракурсах [Текст] / А.А. Залевская // Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (Studia linguistica cognitiva. Вып. 2). – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 14-64.
3. Карасик, В.И. Антология концептов. [Текст] / В.И. Карасик.– Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1.
4. Кравченко, А.В. Почему семантика не может не быть когнитивной: на пути к пониманию языка [Текст] / А.В. Кравченко // Когнитивная парадигма : тез. междунар. конф. – Пятигорск, 2000. – С. 102-104.
5. Кравченко, А.В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления [Текст] / А.В. Кравченко // Жанры речи: Жанр и концепт. – Саратов : Колледж, 2005. – Вып. 4. – С. 84-102.
6. Кравченко, А.В. Знание, языкознание и язык [Текст] / А.В. Кравченко // Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (Studia linguistica cognitiva. Вып. 2). – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 5-13.
7. Красных, В.В. Концепт «Я» как репрезентант русского культурного пространства. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности [Текст] / А.В. Кравченко. – Волгоград : Центр, 2004. – С. 184-204.
8. Кубрякова, Е.С. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.-Калуга : Эйдос, 2007.
9. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – С. 53-64.
10. Попова, З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 7-10.

11. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001.
12. Попова, З.Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык. Этнос. Картина мира. – Кемерово : Графика, 2003. – С. 16-23.
13. Langacker, R. Concept, image, and symbol. The cognitive basis of grammar [Text] / R. Langacker. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991.

sashakr@hotmail.com

Кузнецов В.Г., Москва (Россия)

АППЛИКАТИВНО–ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ФРЕЙМОВЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Если обратиться к истории методики преподавания иностранных языков, то нетрудно заметить, что эта дисциплина, разрабатывая методы и приемы обучения, основывалась на достижениях лингвистической науки своего времени. Так, в современной методике важное место занимает лингвострановедение, цель которого формирование лингвострановедческой компетенции через обучение языку. Когда методисты говорят о лингвострановедении, то, как правило, имеют в виду экстралингвистический, а не внутрилингвистический аспект этой дисциплины. Между тем овладение внутрилингвистическим аспектом представляет собой более сложную задачу при обучении иностранному языку. Этот аспект является коррелятом понятия идиоматичности, или внутриязыковой нормы. При этом норма понимается не в пуристическом смысле. Норма – это языковой узус, национальные особенности лексико-семантической и грамматической систем, а также экспрессивных средств конкретного языка. Проблема узуса восходит к В. Гумбольдту, к его понятию Geist – дух языка, народа, сопоставимое с «абсолютной идеей» Гегеля.

В. Гумбольдт выделял два способа освоения иностранного языка. Если он освоен адекватно, то такое освоение «можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира». Однако чаще всего этого не происходит, поскольку «мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное представление о языке». Во втором случае, говоря современным языком, имеет место интерференция – построение речи на иностранном языке по моделям, образцу родной. В результате мы имеем «русифицированный французский», «русифицированный испанский» и т.д. Преодоление интерференции, максимальное усвоение нормы чужого языка является самой сложной задачей методического и лингвистического плана при обучении иностранному языку.

Способ представления мира у разных народов национально специфичен в силу различных факторов: культурно-исторических, социальных, этнопсихологических, географических. У людей, говорящих на разных языках, неодинаковы способы концептуализации, категоризации, классификации, структурирования и описания предметов объективной действительности.

Носителями национально-культурной информации являются различные уровни языка: фонетика, лексика, фразеология, паремия, грамматика, а также системы невербальных знаков (мимика, жесты). Выявление национально-специфичных элементов и феноменов в конкретном языке и культуре – своего рода лингводидактический ответ на вопрос Гумбольдта о «духе языка». Таким образом, языковой узус, проявляющийся на разных языковых уровнях, не препятствуя в целом коммуникации, является показателем идиоматичности речи на иностранном языке, и его формирование можно выдвинуть как сверхзадачу обучения иностранному языку.

Лексико-синтаксическую норму можно проиллюстрировать следующим примером. Во французском и в английском языках неодушевленные существительные, в отличие от русского, употребляются в функции субъекта действия. Фраза *В ДТП пострадало три человека* может быть передана по-французски *Trois personnes ont été victimes de l'accident de route*. Однако носитель языка скорее всего скажет *L'accident de route a fait trois victimes*. Простой английский пример: *В газетах пишут – Newspapers report*.

Заслуга внедрения языкового и дидактического аспектов важного понятия нормы в умы лингвистов и методистов принадлежит видному отечественному языковеду В.Г. Гаку (1924-2004).

В настоящее время продуктивное воздействие на методику преподавания иностранных языков оказывает новая научная парадигма – когнитивная лингвистика. Широкое распространение получило понятие «компетенции», вытеснившее термин «навыки». Однако более продуктивным может стать разработанное в когнитивной лингвистике понятие фрейма. Существуют разные определения этого понятия, но для методики наиболее продуктивным является определение фрейма, разработанное американским лингвистом-когнитологом М. Минским. Фрейм определяется как сценарий, последовательность действий, своего рода алгоритм поведения в определенной ситуации, обстановке. Примерами сценариев могут служить процедуры открытия банковского счета, оформления кредита, приобретения и размещения акций, правила проезда в метро и многие другие. Так, в США, в отличие от России, при открытии банковского счета предъявляются два документа – *Driver's licence* (водительские права заменяют внутренний паспорт) и *Social Security Card* (карта социального страхования, один из основных документов гражданина США). Кроме имени владельца она содержит также

идентификационный номер (*social security number – SSN*) и подпись владельца. Карта выдается Администрацией социального страхования.

В связи с признанием в перспективе дипломов российских вузов важно будет знать сценарии трудоустройства, имеющие свои особенности в западноевропейских странах. Во Франции, например, нет трудовых книжек, являющихся в России основным документом о трудовой деятельности. Примерным аналогом является *certificat de travail* – справка, которую работодатель выдает работнику. Значительно отличается и процедура собеседования. Очевидно, что надо обучать не только фреймам поведению, но и использованию языковых средств в определенной ситуации, многие из которых включают в свой состав этнокультурную составляющую.

Со сценариями связаны и соотносятся на инклюзивной основе коммуникативно-речевые стратегии, в первую очередь, вежливости, обращения, приветствия, извинения, комплиментов. По мнению многих исследователей, категория вежливости является наиболее культурно-специфической, и незнание этой коммуникативной стратегии может значительно снизить эффективность межкультурной коммуникации. В отличие от русского языка формулы вежливости в английском, французском, испанском и других языках значительно варьируются в зависимости от ситуации общения и являются гораздо более дифференцированными. Даже выражение по-английски и по-французски такой простой просьбы, как «Дайте мне, пожалуйста, вашу визитную карточку», требует знания национально-культурных норм. В случае калькированного перевода эта просьба будет воспринята носителями языка как слишком настойчивая, прямолинейная. Правильно попросить: *Do you have a business card?* или *Can I have your business card, please?*

Обращение является особым культурно и социально обусловленным способом взаимодействия говорящего и адресата, способом создания особого коммуникативного пространства до начала разговора и поддержания или изменения его в процессе общения. Формы обращения в английском языке более разнообразны, чем в русском, тем более, что существуют различия между британским и американским вариантами. В британском английском слова *Sir* и *Madame* используются в официальной обстановке при обращении к посетителям. В американском слова *Sir* и *Ma'am* не являются официальными и используются в обиходном разговоре, особенно с людьми, старшими по возрасту, имена которых неизвестны. В качестве обращения используются названия профессий, рода занятий: *doctor, nurse, waiter, porter*. Но не используется слово *teacher*. Обращение в США отличается фамильярностью. Также и на переговорах поведение американцев отличается непринужденностью. Тем не менее выступление принято начинать с официального обращения: *Ladies and gentlemen*, также при обращении *Mr/Madam President*.

Для успешного владения коммуникативными стратегиями важно знание языковых средств их актуализации. В противном случае последствия могут быть весьма досадными. Так, в случае выражения симпатии на английском языке употребление дословного эквивалента – глагола *to sympathize* может быть истолковано как выражение сострадания.

Поэтому обучение языку на основе фреймового метода должно базироваться на микроситуациях, включающих определенный сценарий и коммуникативное задание. Особенно это важно для овладения коммуникативными стратегиями и языковыми средствами их реализации. Обучение языку на основе микроситуаций практикуется достаточно давно, но в отрыве от этнокультурной среды. При этом ситуации, как правило, относятся к бытовому, а не к деловому и межпрофессиональному общению.

Национально-культурные особенности языка проявляются в процессе коммуникации не только во внутриязыковом плане, но и в плане внешнем: поведение в определенной ситуации и профессиональной среде требует владения паралингвистическими средствами и этнокультурным кодом. Последний включает, в частности, и цветовой, незнание которого может привести к серьезному нарушению межкультурного общения. Так, крайне неуместно было бы вручить членам французской делегации хризантемы, которые символизируют во французской культуре скорбь.

Если рассматривать вопрос в теоретическом плане, то ситуации, очевидно, относятся не к языковой, а к концептуальной картине мира, поскольку языковая картина мира отражает особенности лексико-семантической системы языка. Сценарии сближаются, в определенной мере, с правилами этики и носят императивный характер. Знание сценариев экономит время и усилия, придает уверенность, позволяет минимально отличаться от поведения резидентов в конкретной деловой и профессиональной среде.

Знание сценариев поведения и коммуникативно-речевых стратегий, овладение национальной спецификой, идиоматикой языка приобретают особую актуальность в связи с интеграцией России в европейское образовательное пространство в соответствии с Болонским соглашением.

ТЕКСТ В КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

В современной лингвистике доказанным постулатом является «первичность» текста как произведения в речи, т.к. материалом лингвистического исследования является именно текст как сфера функционирования языковых единиц, слово получает конкретное значение и осмысливается реципиентом только в тексте, текст хранит следы невербального поведения участвующих в коммуникации. Именно текст манифестирует языковую личность как творческий субъект, владеющий системой языка, образ мира в сознании конкретной языковой личности. Художественный текст имеет ряд специфических отличий от любого другого текста: в частности, он отличается особым акцентированием на выполнении эстетической функции в противоположность экспрессивной и коммуникативной. Поэтому структура художественного текста полифункциональна, многослойна, иерархические отношения между его «слоями» обусловлены использованием тех ярусов и аспектов, которые в обыденном языке оказываются ненагруженными.

Семантические элементы структуры художественного текста имеют эквивалентность особого рода, не подразумевающую тождественности отношений к остальным элементам естественного языка или адекватного отношения к денотату. Художественный текст *устанавливает* между этими элементами *эквивалентность*, в связи с чем адресат предполагает существование иной семантической системы, отличающейся от общеязыковой, характеризующейся особыми отношениями между её компонентами. Таким образом, семантическая структура конкретного художественного текста организуется как *вторичная моделирующая система* [Лотман, 1998, с. 57], как *модель мира денотатов*, а не копия реального мира.

Особое значение в художественной структуре имеет контекст употребления лексемы, за счет которого происходит «наращение смысла», т.к. семантический потенциал лексемы актуализируется именно в контексте. Интегрирующие семы являются условием включения данного слова в определенный контекст, тогда как дифференциальные семы углубляют значение фразы. Контекст помогает эксплицитно выразить составные части структуры значения, имплицитные семантические признаки: «Эстетический знак имеет не стандартную (общепринятую), а особую художественную форму – необычную сочетаемость с другими словами, экспрессивную словообразовательную, морфологическую структуру, инверсию, подчеркнутую звуковую (фоническую) организацию и др. [Русский язык, 1997, с. 357].

В художественном тексте наибольшую семантическую нагрузку имеют так называемые *ключевые слова*. В ходе уточнения свойств ключевых слов как важного компонента художественного текста отчетливо определена их связь с миром произведения в качестве основной черты данного феномена, поэтому первоначально главным из учитываемых признаков – частотность – отходит на второй план, тогда как связь с глубинным идейно-художественным смыслом выступает как доминирующая, определяющая остальные признаки. Композиционная роль ключевых слов в создании художественного текста находится в прямой зависимости от строгой организованности художественного текста как релевантного свойства искусства. Произведен от функции ключевого слова как носителя художественной идеи произведения и его третий признак – семантическая осложненность. Развитию данного свойства способствует его употребление в особых текстовых условиях: соотносясь с разными реалиями в различных отрезках текста, ключевое слово «обрастает» контекстными смыслами, что также влечет за собой его семантическое осложнение. Всё более очевидно, что реализация ведущих идей произведения редко осуществляется посредством изолированного слова, чаще – особым образом организованной группы слов, ключевых тематических групп или семантических полей. С другой стороны, будучи тесно связанными с организацией текста, выступая в композиционно-организующей роли, ключевые слова функционируют на всех уровнях композиции художественного текста. Кроме того, ключевые слова составляют основу конструирования художественных концептов.

В художественном тексте концепт рождается как образ, способный увеличивать собственную степень абстракции; с увеличением уровня абстрактности концепт превращается из чувственного образа в собственно мыслительный [Попова, Стернин, 1999, с. 37]. Концепты как ментальные образования (индивидуальные, групповые, общенациональные) подразделяются по содержательному критерию на представления, схемы, фреймы, сценарии и гештальты [см. Бабушкин, 1999, с. 56], при этом гештальты являются наиболее общим понятием по отношению к остальным.

Понятие концепта тесно связывает лингвистический подход к тексту с культурологическим, ведь концепт – «как бы сгусток культурной среды в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 1997, с. 40]. Концепт может быть структурирован в виде поля, в котором имеется ядро и периферия. Концепт в художественном тексте формируется на основе взаимодействия общего и частного, универсальных и индивидуальных представлений о мире. Определяющей ценностью обладают при этом универсальные концепты, тогда как художественные, авторские концепты обладают большей вариативностью, индивидуальностью, личностным смыслом, вводят определенный инновационный элемент в структуру текста. Этот процесс имеет в своей основе способность концепта к развитию, прежде всего, на семантическом уровне.

Среди методов лингвистической интерпретации текста особое место отводится концептуальному анализу. Современная наука понимает его в широком и узком смысле с обязательным пошаговым алгоритмом.

Изучение художественных концептов представляет собой важный этап в постижении концептуальной картины мира. Концептуальный подход к анализу художественного текста позволяет выявить компоненты, составляющие ментальное поле концептов – концептосферу, создаваемую из отдельных концептов и их оппозиций, образующих нечто целостное, что лежит над текстом, но непосредственно из него вытекает. Следовательно, концептуальный анализ, направленный на изучение внутреннего содержания концепта, является необходимым шагом на пути осмысления художественного текста как аксиологической сущности, как репрезентанта мировосприятия его автора. Концепт – это поле знаний, понятий, представлений, ассоциаций, поэтому концептуальный анализ дает возможность показать органическую связь между формой и содержанием в художественном целом.

Таким образом, если выявление ключевых слов отражает лингвистический подход к анализу художественного текста, то концептуальный анализ объединяет лингвистику и культурологию на методологическом, терминологическом и понятийном уровнях научной абстракции. Важно подчеркнуть при этом, что в художественном тексте одна и та же лексема способна эксплицировать обе позиции – быть одновременно и ключевым словом, и именем концепта.

Невозможно дать исчерпывающий анализ всех художественных концептов в творчестве того или иного художника слова. В основе каждого из них – проходящий через всё творчество словообраз, закрепленный самим автором как идеологически акцентированное ключевое слово. В каждом произведении присутствуют такие ключевые слова, иногда (особенно в лирической поэзии) образующие «ключевую фразу». Слово в континууме поэтического языка обладает смысловой статичностью, которая дана нам полностью в момент высказывания. Смысл этот дан, тем не менее, потенциально, и лишь в контексте он обретает последовательное воплощение. Таким образом, поэтическое слово является динамической смысловой единицей.

В рамках современной научной парадигмы художественный текст изучается с новых позиций – с точки зрения концептуализации им мира. Анализ художественных концептов как основных элементов авторского сознания и концептосферы текста в целом, как результата процесса концептуализации позволяет обнаружить и описать специфику идиостиля поэта, отражающую индивидуально-авторское мировосприятие.

Библиографический список

1. *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 1996.
2. *Лотман, Ю.М.* Об искусстве [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1998.
3. *Попова, З.Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999.
4. Русский язык. Энциклопедия [Текст] ; гл. ред. Караулов Ю.Н. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997.
5. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.

avk21@yandex.ru

Кузнецова Т.Я., Архангельск (Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В ЗЕРКАЛЕ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Научно-технический перевод как одно из направлений прикладных научных исследований постоянно привлекает внимание ученых. Однако наибольшую остроту изучение закономерностей научно-технического перевода приобрело в связи с задачами, которые поставлены в Программе освоения и использования Арктики на 2008-2012 годы.

Вопросы научно-технического перевода, вписываясь в общую проблематику переводоведения, имеют, вместе с тем, свою специфику.

Одна из важнейших проблем общей теории перевода – это определение подхода к переводу. В последние десятилетия в этом вопросе наблюдаются изменения, обусловленные обращением к рассмотрению текста как дискурсу. Из многочисленных точек зрения на дискурс остановимся на двух из них. Первая: дискурс это высказывание; предложение/предложения рассматривается в процессе его формирования. Вторая точка зрения: дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Арутюнова, 1990, с. 8]. В основе порождения и понимания дискурса лежит социокультурная ситуация, отраженная в сознании мыслящего и говорящего субъекта в виде схем и моделей. Дискурс – это «деятельность, погруженная в жизнь» [Дейк ван, 1989, с. 137].

Для нашего исследования мы останавливаемся на первом подходе – рассматривая текст и его единицу, сверхфразовое единство, в процессе его формирования. С этим подходом вполне согласуется второй подход:

если первый имеет отношение к сверхфразовому единству независимо от специфики текста, то второй предполагает определенный его тип. Именно тип текста определяет типологию перевода.

Для анализа научно-технического перевода мы взяли тексты из газеты «Московские новости» и их переводы во франкоязычной версии «Les nouvelles de Moscou». Эти тексты, трактующие тематику штокмановского месторождения, включают результаты интервью с президентом Д. Медведевым, премьер министром В. Путиным, вице-президентом компании Shtokman Development Э. Мадео. Тексты носят новостной характер. Выбором текстов подтверждается положение, что между текстами подчас трудно установить границы. В каждой категории есть прототип и периферия, постепенно переходящая в другие категории. Прототипом научно-технического текста является монография. Выбранные нами тексты, находясь на периферии прототипического поля, демонстрируют четко выраженную композиционную и семантико-синтаксическую структуру.

Сопоставление перевода с оригиналом проходит по следующим текстовым критериям: функция, смысл, сообщение [Сдобников, Петрова 2007, с. 278]. Функция соответствует коммуникативной интенции отправителя, определяющей возможные реакции со стороны получателей сообщения. Коммуникативная интенция данного текста заключается в обсуждении вопроса о реализации проекта по освоению Штокмановского месторождения. Смысл текста оригинала состоит в том, что разработка Штокмановского месторождения стоит в числе основных национальных интересов РФ. Смысл возникает на пересечении индивидуальных когнитивных пространств с образованием зоны «общих» знаний и представлений [Красных, 1998, с. 222]. К ним относится знание языка оригинала и предмета речи. Сообщение, информация, заключается в содержании предложений текста оригинала.

Создание текста оригинала начинается с коммуникативной интенции отправителя, обуславливающей и смысл, и сообщение. Получатель, переводчик, идентифицирует языковые единицы, интерпретирует их значения по отношению друг к другу и к описываемой реальности и определяет языковое содержание высказывания с большей или меньшей полнотой. И лишь после этого или наряду с этим он может осуществить понимание смысла, выводимого из этого содержания [Комиссаров, 1999, с. 44]. После этого начинается порождение перевода текста, и переводчик становится отправителем, не создающим, а воспроизводящим текст в соответствии с исходной коммуникативной интенцией и исходным смыслом.

Анализируемые тексты разделяются на две части. Первая часть содержит выступления в интервью по штокмановскому проекту. Вторая часть характеризует штокмановское месторождение. Рассмотрим наш подход к анализу на примере текста с интервью Д. Медведева (Москва, 24 апреля РИА Новости). Первая часть включает три абзаца, представляющие собой три сверхфразовых единства. Заключенное в каждом из них сообщение разворачивается в процессе его формирования. Выбор глаголов прошедшего времени завершенного вида передает следование сообщений во времени. Эта речевая стратегия находит адекватный перевод в акциональной семантике предикатов, употреблении *passé composé* и в синтаксической структуре предложений: *заявил президент России Дмитрий Медведев в интервью норвежской газете «Афтенпостен».- a déclaré le président russe Médvédev dans une interview; сказал Медведев.- a indiqué le président; подчеркнул президент России – a souligné M. Médvédev.*

Первый абзац выражает речевые действия президента, передающие его отношение к штокмановскому месторождению: *Россия заинтересована в том, чтобы приступить к реализации проекта по освоению штокмановского газоконденсатного месторождения.* В переводе: *La Russie est toujours aussi intéressée par le gisement de Shtokman.* Несмотря на расхождения, вызванные различиями языковых систем, перевод адекватно передает и семантическую структуру (реляционную семантику), и актуальное членение предложения: в фокусе предложения находится объект реляционного предиката.

Второй абзац включает перечисление действий, которые, с точки зрения Д.А. Медведева, необходимо предпринять по штокмановскому проекту в первую очередь: *выбрать правильную дату начала подготовки проектной стадии и начала уже строительства – bien choisir la date de préparation du projet ainsi que celle du lancement de la construction; с участием наших партнеров приступить к реализации этого проекта – participer ensemble avec nos partenaires étrangers, à lancer la réalisation du projet.* При всей адекватности выполненный перевод при передаче второго сообщения не отличается точностью ни с точки зрения лексики, ни с точки зрения морфологии, ни с точки зрения семантического синтаксиса. Эти несоответствия объясняются тем, что заявленная в первом предложении субъективная модальность (*весь вопрос в том, чтобы – l'important est de*) продолжается в каждом из следующих предложений абзаца.

Основная мысль сообщения в третьем абзаце заключена в первом предложении: *Будет ли это сделано в 2010 году или 2011 году, это не столь принципиально. – Que le projet démarre en 2010 ou en 2011, cela importe peu.* В продолжении этого абзаца в русском тексте употреблено всего два союза, из них союз *и* соединяет однородные члены. Во французском тексте на малом пространстве в два сложных предложения употреблено пять союзов, выражающих причинные (*car*), дополнительные (*que*), противительные (*mais*) отношения. Во французском языке ярче проявляется тенденция к большей экспликации соединения составляющих текст частей, чем в русском языке.

Вторая часть текста оригинала содержит сообщение, дающее объяснение высказанному в первой части пожеланию Д. Медведева начать как можно скорее освоение Штокмановского месторождения. Дается

характеристика месторождения с точки зрения его расположения, запасов его природных ресурсов и партнерства по реализации Штокмановского проекта. Кроме специфичной научной терминологии этот фрагмент отличает синтаксис, выражающий указанную семантику: это локальные и реляционные предикаты. В тексте перевода они находят адекватное выражение: расположено в центре шельфовой зоны – *est situé au centre du plateau continental*; составляет около 3,8 триллиона кубометров природного газа – *recèle 3.800milliards de m3 de gaz*. Сказуемые выражены в переводе, как и в оригинале, описательным презентом.

На примере анализа текста по освоению Арктики мы видим, что адекватный перевод новостного текста с научно-технической тематикой возможен при понимании и передаче интенции отправителя оригинала, определяющей коммуникативную функцию и смысл текста, формирующийся семантикой предложений в сообщениях и пресуппозициями. Сообщение играет роль лингвистической основы как при порождении оригинала, так и при его восприятии и переводе. Функция (новостная либо предметно-указательная) определяет субъекта речевого действия и композицию текста.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989.
3. Комиссаров, В.Н. Общая теория перевода (Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых) [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999.
4. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998.
5. Сдобников, В.В. Теория перевода. [Текст] / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : АСТ; Восток-Запад, 2007.

kuz1971@atnet.ru

Кузьмина С.Е., Нижний Новгород (Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ (на материале английского языка)

В современной лингвистике предложение рассматривается как знак, планом выражения которого является некоторая синтаксическая модель, или структурная схема, а планом содержания – пропозиция, отражающая ситуацию действительности – типизированное отношение между предметами или предметом и его признаком. В терминах когнитивной лингвистики типовая пропозиция трактуется как синтаксический концепт [Волохина, 1999; Казарина, 2004; и др.]. Элементы пропозиции соответствуют определенным позициям в структурной схеме предложения (позиция подлежащего, сказуемого, дополнения, локативного или директивного обстоятельства).

Включенность элемента, отражающего предмет действительности, в пропозицию и выраженность этого элемента в той или иной синтаксической позиции обуславливается значимостью участника реальной ситуации с точки зрения говорящего. В целом, одни и те же ситуации объективной действительности в зависимости от целей говорящего могут быть представлены как разные типы отношений и соотнесены с разными концептами. Так, например, некоторое природное явление может быть представлено как ситуация наличия в окружающей среде некоторого явления (*There's a strong wind*) или как ситуация обладания окружающей средой некоторым непроцессуальным признаком (*It is windy*). Иными словами, синтаксический концепт отражает способ осмысления, интерпретации человеком окружающей действительности, структурирования фрагмента наблюдаемой реальности.

Ситуация действительности может получать интерпретацию посредством уподобления другой ситуации, то есть вследствие метафорического переноса.

По мнению основоположников теории концептуальной метафоры, метафорический перенос представляет собой проекцию (*cognitive/conceptual mapping*) одной области человеческого опыта на другую. Эти области называются соответственно областью-источником (*source domain*) и областью-мишенью/целью (*target domain*) [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1993]. На уровне содержания структурной схемы метафорический перенос, на наш взгляд, заключается в представлении ситуации одного типа «через призму» другой, уподоблении сущностей одного вида и связывающего их отношения иным сущностям и типам отношений. Подчеркнем, что при этом метафорическое осмысление определенной системы сущностей с их отношениями, или целостной ситуации, как ситуации иного рода может быть выражено только на уровне предикативной единицы; и метафорический синтаксический концепт представляет собой «переносное значение» структурной схемы в целом. В этом отношении выдвигаемое здесь понятие метафорического синтаксического концепта пересекается с выделяемым Дж. Лакоффом и М. Джонсоном понятием ориентационной метафоры, заключающейся «в организации системы понятий по образцу некоторой другой системы» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 396].

Наиболее часто метафорическому переосмыслению подвергаются схемы с пространственным значением, объективирующие концепты «расположение предмета в пространстве», «перемещение предмета в пространстве», «перемещение предметом другого предмета в пространстве». Приведем некоторые примеры конкретных метафорических синтаксических концептов.

Различные метафорические концепты выражаются, например, схемой с локативным обстоятельством SPA_{Loc.}, являющейся знаком концепта «расположение предмета в пространстве». Анализ фактического материала показывает, что ситуация расположения предмета в пространстве (в определенном порядке с другими предметами или на том или ином расстоянии от другого предмета (предметов) или наблюдателя) легко переносится на различные типы отношений.

Так, например, посредством идеи вертикального расположения предметов, а именно представления о нахождении одного предмета под/над другим, передается идея воздействия, влияния, подчинения одного предмета (лица) другим: *He is under hypnosis; He is under the influence of alcohol, He was under the impression of the painting; He was under oath* и т.п., *He rules over the country; He presided over the meeting* (ABBYY Lingvo). Схемой SPA_{Loc.}, таким образом, выражается метафорический концепт, который можно обобщенно назвать «воздействие одного предмета на другой/подверженность одного предмета воздействию другого».

Посредством уподобления ситуации взаимного расположения двух предметов также представляются относительная величина, ценность, стоимость, статус и т.п. абстрактных предметов; соответственно, схемой SPA_{Loc.} выражается концепт «обладание большей/меньшей степенью проявления признака», представленный в следующих основных разновидностях: «обладание большей/меньшей величиной по отношению к другому предмету» (*She is over twenty; It is above eight months; His achievement was below average* (ABBYY Lingvo) и т.п.; «обладание большей/меньшей ценностью (значимостью) по сравнению другим предметом» (*Health is above wealth; Heart over mind*) и др.

Весьма многочисленны также абстрактные ситуации, получающие осмысление в результате соотнесения с ситуацией перемещения предмета в пространстве. Приведем лишь некоторые примеры метафорических синтаксических концептов, выражаемых схемой SPA_{Dir.}

Как перемещение в пространстве в английском языке, подобно многим другим языкам, представляется изменение во времени, длительность события во времени. Так, например, следующее предложение, построенное по схеме SPA_{Dir.}, посредством идеи перемещения предмета из одной точки пространства в другую передает информацию о длительности события во времени (*The meeting went from noon to 3 p.m.* (ABBYY Lingvo), а достижение конечной точки служит основой для осмысления ситуации завершения какого-либо события: *The meeting has come to an end* (ABBYY Lingvo).

Известно, что жизнь человека в целом осмысливается как путь, движение, что находит свое отражение в единицах разных языков: *This is my way* (Anka); *жизненный путь* и т.д. (см. подробнее: [Чес, 2000, с. 25]). Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что различные проявления жизнедеятельности человека отражаются в языке схемой SPA_{Dir.}, предназначенной для сообщения о перемещении в пространстве. Например, мыслительная деятельность, затрагивающая тот или иной предмет, нередко представляется в языке как перемещение относительно предмета: *She ran down the first page of her letter; You have to go behind the poet's words to see what she really means* (ABBYY Lingvo) и т.п. Или, например, изменение межличностных отношений, в частности, «сближение» людей интерпретируется посредством уподобления изменению расстояния между предметами в физическом пространстве, приближению одного конкретного предмета к другому: *He doesn't get across to his pupils; He would really like to get close to her but she is being evasive* (ABBYY Lingvo) и т.п.

Возможности переноса пространственных концептов на многообразные ситуации действительности весьма многочисленны: имеющийся материал позволяет говорить и о ряде других метафорических концептов, объективируемых схемами SPA_{Loc.}, SPA_{Dir.}, SPOA_{Dir.}, не все из которых могут быть приведены здесь. Их систематизация и подробное описание может стать предметом отдельного исследования и необходимой частью работы по изучению особенностей метафорического осмысления действительности носителями разных языков.

Библиографический список

1. Волохина, Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения [Текст] / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж, 1999.
2. Казарина, В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (К вопросу о его формировании): дисс. ... д-ра филол. н. [Текст] / В.И. Казарина. – Воронеж, 2003.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. – М.: Прогресс, 1990. – С.387-415.
4. Чес, Н.А. Функционирование метафорических концептуальных систем в текстах современной англоязычной прозы (на материале художественной литературы): дис. ... канд. филол. н. [Текст] / Н.А. Чес. – М., 2000.
5. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor [Text] / G. Lakoff // Ortony A. (Ed.) Metaphor and Thought (2nd ed.), Cambridge University Press, 1993. – P.202-251.
6. Lakoff, G. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980.

Список источников иллюстративного материала

1. ABBYY Lingvo Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.abbyyonline.com/ru>.
2. Anka, P. My way [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.elyrics.net/read/f/frank-sinatra-lyrics/my-way-lyrics.html>

evkuzmin@sinn.ru

Купна Н.С., Барнаул (Россия)

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ СОСТАВНОГО ГЛАГОЛЬНОГО МОДАЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО

Понятие оценки, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого либо объекта, определяет особенности взаимодействия человека и окружающей действительности. Мыслительная и познавательная деятельность человека не ограничивается простым отражением реальности. В процессе распознавания, идентификации и характеристики определенного явления человек одновременно оценивает событие и формирует свой характер, взгляды и убеждения. Таким образом, посредством оценки говорящий описывает свое отношение к воспринимаемым, имеющим объективный статус предметам, явлениям, событиям и фактам [Рожкова, 2004, с. 29].

В лингвистической концепции структура оценки представлена следующими основными элементами: субъектом оценки, объектом оценки и оценочным предикатом. Основные элементы структуры оценки в языковой экспликации оценочных смыслов соответствуют элементам логической структуры оценки, в которой любая оценка предполагает также наличие мотивации, составляющей ее основание [Ивин, 1979].

Оценка является ментальной сущностью и служит формой интерпретации действительности индивидом [Никитин, 2000, с. 3-11; Трунова, 1991, с. 81]. Результаты формирования человеком мнения об окружающем мире материализуются в языке в качестве оценочных суждений. Одним из языковых репрезентантов мнения (эпистемической оценки в диапазоне значений «знать – полагать») в английском языке являются модальные глаголы, содержащие оценочные семы [предполагать], [полагать], [считать]. В результате их сочетания с другими единицами того же уровня (глаголами, включаемыми в структуру составного глагольного модального сказуемого) происходит актуализация оценочной семантики всего построения.

Природа оценочных значений различна, поскольку базируется на разных основаниях оценки. Анализом суждений, в которых отражен образ человека, занимаются разные науки. Так, аксиология рассматривает оценку в связи с понятиями добра и зла [Анисимов, 2001]. Система значений «полагать/знать» изучается в эпистемологии [Ильин, 1994] Именно эпистемическая оценка и представляет особый интерес, так как формируется в результате эпистемического восприятия информации, ее психического переживания и ценностного осмысления. Когнитивные процессы эпистемической оценки объекта восприятия порождают оценочные суждения, которые могут принимать формы оценки-мнения или оценки-предположения. Так, исходя из того, что мнение и предположение представляют собой субструктуру эпистемической субъективной модальности, эпистемическую оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которая накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения [Вольф, 2002, с. 11].

Сложность проблемы в данном случае заключается в многомерности понятия модальности и, соответственно, в широком разнообразии интерпретации этой категории в лингвистическом плане. В настоящей статье в качестве наиболее аргументированного определения этой категории принимается понимание ее предназначения, как способа выражения характера отношений объект – признак (объективная модальность) и степени познания этих отношений познающим субъектом (субъективная модальность) [Трунова, 1991].

В записи логических выражений относительно их характера вычлняют объективное содержание предложения (отношения объект – признак в рамках пропозиции), структуру, именуемые диктумом, и структуру, передающую позицию мыслящего субъекта по отношению к этому содержанию (отношения пропозиция – надпропозициональный компонент), именуемую модусом. Такой подход был перенесен на анализ языковых экспликаций логических суждений французским лингвистом Ш. Балли, уделявшим особое внимание анализу модусной части высказывания. В структуре модуса им выделяются два компонента: субъект модуса и предикат модуса. Единицу, занимающую в структуре модуса позицию предиката, Ш. Балли квалифицирует как модальный глагол. При этом к модальным глаголам он относит те, семантический потенциал которых включает модальную (в его понимании) сему, например, желание, предпочтение, сомнение, предположение [Балли, 2001, с. 43].

В англистике собственно модальными считаются те глаголы, которые в силу семантических и функциональных особенностей, характеризуются особым статусом в системе языка. Этой жестко ограниченной группой глаголов, наиболее функционально «нагруженной», а потому рекуррентной являются абсолютные модальные глаголы *may*, *must*, *can*. Выражаемые ими значения комментативного плана (предположение разной степени уверенности и достоверности) находятся в области значений субъективной модальности, связанной с

позицией автора. Их актуализационная комбинаторика определяется моделью V mod + V dict (глагол модальный + глагол диктальный), представляющей собой глагольный бином, выступающий в функции составного глагольного модального сказуемого. Глаголы, занимающие вторую позицию в составе данной модели, актуализируют дескриптивные значения и выражают оцениваемые говорящим физические, ментальные или вербальные действия.

(1) *“My grandfather sent me to this spot to find this. He **must be trying to tell me more than that**”* (Brown, 2004, p. 173).

Модальная часть составного модального сказуемого является в некотором роде актуализатором всего коммуникативного смысла, поскольку именно через модальность, выражающую замысел говорящего, информация распределяется по тема-рематической структуре высказывания. Отдельные компоненты составного сказуемого могут иметь различный денотативный статус, т.е. по-разному соотноситься с действительностью в зависимости от избираемой говорящим информационной перспективы и синтаксической модели построения предложения. Так, одни предикативные группы высказывания могут непосредственно соотноситься с действительностью, т.е. употребляться с конкретной референцией, другие могут передавать различные субъективно-стилевые коннотации говорящего и относиться не к действительности, а к высказываниям других лиц о ней:

(2) *Vernet laughed. “Some of these people I drive for have so much money they **must be criminals**”* (Brown, 2004, p. 263).

(3) *“He **must have gone to London to search for me**”* (Brown, 2004, p.363).

Таким образом, являясь сложным ментальным действием, оценочный компонент направлен на характеристику действительности, т. к. категория оценки тесно связана с миром оценивающего человека, и поэтому изучение способов языковой репрезентации оценки является многоаспектным, во многом спорным и открытым вопросом. Модальные глаголы в структуре составного модального глагольного сказуемого могут отражать объективные параметры окружающего нас мира и выражать субъективное отношение говорящего к действительности. Они являются одним из многочисленных способов выражения оценки, репрезентантом мнения в английском языке.

Библиографический список

1. Анисимов, С.Ф. Введение в аксиологию [Текст] / С.Ф. Анисимов. – М. : Современные тетради, 2001.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С.181-184.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : УРСС, 2001. – С.27-45.
4. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М. : УРСС, 2002. – С.11-13.
5. Золотова, Г.А. О модальности предложения в русском языке [Текст] / Г.А. Золотова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1962. – №4. – С.72-75.
6. Ивин, А.А. Основания логики оценок [Текст] / А.А. Ивин. – М., 1977.
7. Ильин, В.В. Теория познания. Эпистемология [Текст] / В.В. Ильин. – М. : Издательство МГУ, 1994.
8. Никитин, М.В. Заметки об оценочных значениях [Текст] / М.В. Никитин // Studia Linguistica. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб : Тригон, 2000. – Вып. 9. – С. 3-11.
9. Рожкова, Т.Н. Концепт «Осознание» в когнитии и языковой картине : моногр. [Текст] / Т.Н. Рожкова. – Барнаул, 2004. – С. 27-42.
10. Трунова, О.В. Дифференциальная семантика оценочных конструкций [Текст] / О.В. Трунова // Системный анализ простого и сложного предложения : межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1990. – С.88-97.
11. Трунова, О.В. Логико-коммуникативные корреляции модальных и оценочных значений [Текст] / О.В. Трунова // Коммуникативный аспект языка. Процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1991. – С.81-83.

Источник иллюстративного материала

Brown, D. The Da Vinci Code [Text] / D. Brown. – N. Y. : Corgi Books, 2004.

knaties@mail.ru

Купцов А.Е., Ярославль (Россия)

РОЛЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ЛОГИКО-КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (на материале испанского языка)

Проблематика логико-коммуникативного членения предложения всегда находилась в центре внимания многих лингвистов, однако, несмотря на то, что в данной области имеется значительное количество исследований, выполненных на материале различных языков, многие вопросы теории коммуникативного

членения не получило до сих пор однозначной интерпретации. Так, не решены вопросы о природе и сущности актуального членения в формировании высказывания как коммуникативной единицы. По-разному трактуются такие вопросы, соотношение грамматического и актуального членений, критерии выделения основных компонентов тема-рематического членения – темы и ремы. Недостаточно разработан вопрос о типологии предложения в коммуникативно-синтаксическом аспекте.

В основе различного толкования вопросов теории логико-коммуникативного членения лежат, на наш взгляд, следующие факторы. Ряд авторов рассматривает проблематику коммуникативного членения с чисто лексико-семантической структуры точки зрения, в отрыве от логической и грамматической структуры предложения. Такой подход к изучению явления актуального членения, то есть без учета грамматических способов ремывыражения, обуславливает множество субъективных и произвольных интерпретаций и на практике ведет к ошибкам при определении смыслового центра сообщения – ремы. Некоторыми исследователями вопросы теории актуального членения рассматриваются в отрыве от изучения о предложении, заложенного В.В. Виноградовым, А.А. Шахматовым и др. В ряде случаев явление тема-рематического членения изучается без привлечения интонационно-просодических факторов (логического ударения, фразового ударения, речевой интонации), однако, как известно, без использования интонационных средств невозможно правильно выделить тему и рему предложения, а значит, достоверно установить его коммуникативную структуру.

Вопрос о средствах выражения логико-коммуникативного членения относится к числу вопросов, имеющих теоретическое и прежде всего – практическое значение. Не подлежит сомнению тот факт, что знание языковых средств выражения актуального членения позволяет коммуникантам, с одной стороны, адекватно воспринимать, адекватно воспринимать содержание чужого высказывания, а с другой стороны, продуцировать коммуникативно однозначное высказывание, то есть высказывание, адекватно отражающее замысел сообщения.

Как известно, наиболее употребительными средствами выражения тема-рематического членения в аналитических языках являются порядок слов, ремывыделительные конструкции, артикль, интонация, а также частицы. Без частиц трудно представить себе любую речь, и данный аспект является интересным, но сложным для анализа объектом лингвистического исследования.

Интерес к изучению частиц, как отмечает Т.М. Николаева, объясняется тем, что частицы обладают способностью передавать самые разнообразные коммуникативные характеристики сообщения: они могут быть акцентирующими, выделительными, экспрессивными [Николаева, 1985, с. 3]. Акцентирующая функция частиц заключается, по мнению Е.А. Стародумовой, в их способности выделять определенный компонент с целью сосредоточить внимание на той реалии, которую он обозначает [Стародумова, 1974]. Кроме того, частицы способны выражать отношение адресанта к адресату и к описываемой ситуации, намерения и эмоции говорящего, т.е. способны передавать несколько коммуникативных линий одновременно [Николаева, 1985, с. 7].

Т.М. Николаева полагает, что частицы выполняют по отношению к коммуникативно-нейтральному предложению функцию формирования «теневых высказываний», возникающих параллельно с исходным высказыванием. Таким образом, присутствие частиц по ее мнению, сливается с идеей акцентирования, создавая «комплекс: частица+акцентирование» [Николаева, 2000, с. 90-91].

И.П. Распопов также обращает внимание на то, что при использовании в составе предложения частиц они, как правило, действуют вместе с логическим ударением, благодаря чему отдельные слова или сочетания слов выделяются в предиктируемую часть высказывания. В то же время в ряде случаев они могут указывать и на характер связи данного предложения с контекстом, причем в зависимости от этой связи акцентируемый член предложения может обозначать как рему, так и тему высказывания [Распопов, 1970, с. 166-167].

Предметом рассмотрения в настоящей работе являются особенности функционирования испанских частиц *sólo, por lo menos, solamente*.

Анализ художественного дискурса позволил установить, что ограничительные частицы *sólo, por lo menos, solamente* могут являться средствами маркировки ремы, выделяя подлежащее, находящегося в начальной позиции. Ср.:

Sólo una persona sin principios podía ser tan complaciente con el dolor (G.G. Márquez); Solamente una bombilla, sobre la inscripción de la puerta, emanaba un leve resplandor (A.M. Matute).

Данные примеры показывают, что рематический характер компонентов высказывания дополнительно акцентируется с помощью неопределенного артикля (*una persona, una bombilla*). Приведем пример, где ограничительная частица подчеркивает рему в эллиптическом предложении, являясь тем самым показателем моноремы. Ср.:

No había un alma en la playa. Sólo yo, el agua y las estrellas (M. Benedetti).

В результате анализа было установлено, что частицы значительно реже употребляются при подлежащем-реме, занимающем срединную позицию. Ср.:

Lo hizo sólo una niña cuando se dio cuenta (G.G. Márquez); Eran invitados por lo menos los pasajeros notables (G.G. Márquez).

В ходе анализа художественного дискурса нами не было выявлено ни одного примера употребления ограничительных частиц при подлежащем-реме, занимающем конечную позицию.

Исследование позволило установить, что ограничительные частицы достаточно редко используются при сказуемом-реме. Ср.: *Sólo se bañaban el último viernes de cada mes* (G.G. Márquez); *Por lo menos no lo advertía...* (V. Llosa).

Проведенное исследование позволило установить, что частицы достаточно часто употребляются при дополнении-реме, занимающем начальную позицию. Ср.:

Sólo para ellas en los goces del amor, estaba tomada desde la Navidad reciente (G.G. Márquez); *Solamente para él todo había hecho* (G.G. Márquez).

В то же время дополнение-рема очень часто занимает конечную позицию. Ср.:

Con la amenaza de que iba a necesitar por lo menos un año para empezar (G.G. Márquez); *El violín tocaba sólo para ella* (G.G. Márquez); *El no quiere hablar solamente con Usted* (V. Llosa).

Выявлены случаи, когда ограничительные частицы употребляются при обстоятельстве, являющемся ремой. Ср.:

El cólera fue endémico no sólo en la ciudad (G.G. Márquez); *La apreciación era incorrecta sólo en parte* (G.G. Márquez).

В проанализированном материале встречается несколько случаев употребления ограничительной частицы *sólo* в моделях противительного отрицания, которая придает отрицательному предложению повышенную экспрессивность, выделяя в качестве ремы именные компоненты высказывания (сказуемое, дополнение или подлежащее) Ср.:

No sólo se podía ser feliz sin amor (G.G. Márquez); *En todo caso, la tragedia fue una conmoción no sólo entre su gente* (G.G. Márquez); *Era no sólo un riesgo inútil sino una insensatez histórica* (G.G. Márquez).

В заключение отметим, что рассмотренные частицы представляют собой в испанском языке продуктивные коммуникативно ориентированные средства, которые дают возможность говорящему (пишущему) с большей или меньшей точностью построить коммуникативно релевантное высказывание. Таким образом, частицы участвуют в организации коммуникативного процесса как обмена информацией в широком смысле этого слова.

Библиографический список

1. Николаева, Т.М. Функция частиц в высказывании (на материале славянских языков) [Текст] / Т.М. Николаева. – М. : Наука, 1985.
2. Николаева, Т.М. От звука к тексту [Текст] / Т.М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000.
3. Распопов, И.П. Строчение простого предложения в современном русском языке [Текст] / И.П. Распопов. – М. : Либроком, 2009.
4. Стародумова, Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Е.А. Стародумова. – Л., 1974.

kupcov.a@mail.ru

Курбатова Л.П., Барнаул (Россия)

ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ЛИНГВО-КОГНИТИВНОМ УРОВНЕ

Любой вид человеческой деятельности вне зависимости от того, является ли его целью создание материального или интеллектуального продукта, предполагает наличие у субъекта деятельности определенных знаний, умений и навыков. Применительно к переводческой деятельности принято выделять такие отличительные признаки языковой личности переводчика как: социально – личностные характеристики; внутренние личностные свойства; филологические знания, умения, навыки; совпадение (близость или несхожесть) личностей автора оригинала и переводчика [Никитченко, 2000, с. 11].

То есть, для полноценного перевода только одних знаний, умений и навыков явно недостаточно. Языковая личность переводчика, находящаяся на стыке двух или более культур, играет роль определенного посредника между ними, или так называемого медиатора, и в процессе перевода происходит активизация фоновых знаний того, кто переводит, его тезаурусных представлений об иноязычной языковой личности, языковой картине, особенностях менталитета носителя иностранного языка, чью речь, устную или письменную, предстоит перевести.

В теоретико-гносеологической модели языковой личности предложенной Ю.Н. Карауловым принято выделять три уровня: вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационный, где все три уровня взаимозависимы, но эта зависимость далеко не прямая и не однозначная. Знание об устройстве и особенностях функционирования вербально-семантического уровня языковой личности еще не дает оснований делать заключение об языковой модели мира, то есть от лексики личности нельзя перейти непосредственно к ее

тезаурусу. Точно так же, коль скоро нам известен тезаурус личности, мы еще не можем делать вывод о мотивах и целях, управляющих ее текстами [Караулов, 1997, с. 52].

Как известно, языковая личность существует в любой культуре как носитель языковой и культурной картин мира, обладающий целостной совокупностью общекультурных, социальных, коммуникативных, лингвистических и нелингвистических характеристик. Поэтому для перехода от одного уровня к другому каждый раз необходима дополнительная экстралингвистическая информация, представленная социальной составляющей языка и связанная с историей ее приобретения и принятыми в данном обществе стереотипами в отношении определенных понятий.

Из обозначенных уровней языковой личности переводчика наибольший интерес для нас будет представлять лингво-когнитивный уровень, так как именно он формируется совокупностью концептологических трансформаций, наиболее ярко проявляющихся при переводе, а это могут быть: усиления, ослабления, подмена или содержательное изменение когнитивных концептов, направленных на трансляцию особенностей жанровой картины мира переводимого текста, лингвокультурных реалий, системы ценностей и менталитета породившей исходный текст культуры.

Особенно ярко проявление концептологических трансформаций наблюдается в случаях, когда перед переводчиком стоит задача адекватно перевести название литературного или иного художественного произведения, то есть когда необходимо кратко, одним словом или фразой, передать содержание, основной посыл автора, сохранив при этом лингвокультурную составляющую событийного ряда.

В качестве примера нам хотелось бы остановиться на некоторых случаях проявлений языковой личности переводчика на лингво-когнитивном уровне при переводе им наименований литературных произведений, а также названий художественных и документальных фильмов.

Так, в частности, известный французский фильм 1981 года режиссера Франсуа Трюффо с блистательными актерами Фанни Ардан и Жераром Депардьё в главных ролях в отечественном прокате шел под названием *“Соседка”*, тогда как во французском варианте его название звучало как *“La Femme d'à côté”*, что предполагает более глубокое и философичное трактование создателями фильма роли женщины в жизни мужчины, нежели банально-бытовое восприятие слова *соседка* русскоязычным зрителем. Тем более что во французском языке есть его абсолютный аналог – *la voisine*.

Аналогичная ситуация ослабления когнитивного концепта при переводе названия фильма наблюдается и в случае с фильмом 2008 года немецкого режиссера Маттиаса Тифенбахера *“Der Mann an ihrer Seite”*, когда российскому зрителю он был представлен как *“Мужчина рядом”*. В данном случае оказалась полностью нивелирована мысль создателей картины, что мужчина, а по сюжету фильма он является мужем главной героини, оказывается не просто с ней рядом, но на ее стороне, то есть принимает ситуацию, когда женщина в финансовом плане становится главой семьи.

Концептологическая трансформация в этом случае проявилась и в том, что при переводе оригинального названия фильма переводчик оставил “за скобками” изменение реалий в современном европейском, в частности немецком, обществе, когда понятие женского счастья, в традиционном его понимании, в последнее время наполнилось дополнительным содержанием.

Это проявляется в том, что наряду с мужчинами женщины занимают все более высокое положение в обществе, что влечет за собой повышение социального статуса женщины и, как следствие, улучшение ее собственного материального благосостояния и материального благосостояния ее семьи. Разумеется, в большей степени это относится к развитым в социально-экономическом плане странам, российские реалии в этом плане несколько отличны, что отразилось, в частности, при переводе названия французского документального фильма 2010 года режиссера Марка Бердюго о жизни первой леди Франции Карлы Бруни.

Оригинальное французское название фильма – *“La voie de Carla”* – подчеркивает уникальность личности известной французской модели и певицы, привыкшей до замужества вести богемный образ жизни и ставшей за короткое время эталоном супруги Президента, умеющей не выходить за рамки протокола, справляться с нападками недоброжелателей и оправдывать ожидания поклонников.

В русской версии зрители первого государственного телеканала увидели этот фильм, переведенный как *“Вишенка на торте”*, что позиционирует героиню не более чем, пусть привлекательное, но дополнение к Президенту Франции Николя Саркози. Подобное содержательное изменение когнитивного концепта при наименовании можно трактовать как проявление в языковой личности российского переводчика, пусть и на подсознательном уровне, общественных установок современной России, где равные возможности для мужчин и женщин в сфере бизнеса и политики пока остаются в большей степени областью декларируемых понятий.

Что касается проявлений личности переводчика при переводе названий уже литературных произведений, то здесь можно привести пример содержательного изменения когнитивного концепта при наименовании романа Франсуаза Саган *“И переполнилась чаша”*. В оригинале название романа звучит как “Уставшая от войны” (*“De guerre lasse”*). То есть, если автор в названии своего произведения делает акцент на внутреннем психоэмоциональном состоянии героини, что является весьма типичным для французской литературы в целом, то российский переводчик концептуально выводит на передний план реакцию французских граждан, даже весьма далеких от политики, на действия фашистов во время оккупации Франции гитлеровской Германией.

Несомненно, сложности в любом переводимом тексте, тем более таком минимальном по объему как название фильма или художественного произведения, представляют собой актуализации и именно с ними связан когнитивный поиск лучшего инварианта. Таким удачным инвариантом нам представляется перевод на русский язык названия романа современной французской писательницы Анны Гавальды *“La consolante”*.

На первый взгляд русскоязычное название кажется слишком длинным – *“Утешительная партия игры в петанк”*, но именно здесь мы наблюдаем наиболее полную картину трансляции особенностей жанровой картины данного литературного произведения. Переводчику удалось отразить в названии и особенности сюжетной линии, и мысль автора о том, что главному персонажу, как и всем людям в целом, в жизни, как и в игре, всегда можно попытаться начать все сначала. И этот утешительный раунд может стать главным достижением по сравнению со всеми прошедшими годами. Лингвокультурная реалья, представленная в переводном названии романа широко распространенной именно во Франции игрой в шары под названием *петанк*, уместно дополнила общую картину русского инварианта.

В целом, как мы заметили, для удачного перевода подобных названий, когда нагрузка приходится на интерпретацию скрытых смыслов, то есть имплицитную составляющую художественного произведения, крайне важным для любого переводчика является привлечение социокультурных знаний.

Кроме того, при переводе такого специфического по форме и содержанию вида текста как название произведения, когда помимо собственно лингвистической составляющей необходимо учитывать привлекательность названия для потенциальных зрителей или читателей, переводчик обязан также обращать внимание на тончайшие нюансы семантики и коннотативных аспектов используемых языковых единиц.

Библиографический список

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1997.
2. Никитченко, Т.Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода) [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филол. н. / Т.Г. Никитченко. – Краснодар, 2000.

lussja@yandex.ru

Куровская Ю.Г., Усть-Илимск (Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ИМЕН

В структуру семиосферы «Личное имя» наряду с ценностной, понятийной и образной составляющими входят также установки и стереотипизованные умения функционального использования данной семиосферы в процессе общения. Она включает в себя фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в языковом сознании с именами и их обладателями.

Поэтому прецедентность, под которой понимается «значимость явления для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, его известность для широкого окружения данной личности и способность многократного обращению к этому явлению в дискурсе данной личности» [Курбакова, 2006, с. 5], является неотъемлемой характерной чертой ономастического пласта лексики и охватывает разные сферы употребления личных имен: политической, социальной, экономической, педагогической, религиозной.

Религиозный дискурс по праву считается одним из основных источников прецедентности, так как включает в себя все типы прецедентных феноменов, выделяемых в лингвистике:

- прецедентный текст;
- прецедентное высказывание;
- прецедентную ситуацию;
- прецедентное имя.

Так, в первую очередь, библейский текст сам является собственно прецедентным текстом, то есть обладает характеристиками, описываемыми Ю.Н. Карауловым следующим образом [Караулов, 1986, с. 105]:

(1) значимые для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях,

(2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие,

(3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Широко известны и прецедентные высказывания религиозной направленности, являющие собой законченную и самодостаточную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений [Русское культурное пространство, 2004, с. 17-18].

К числу таковых относятся цитаты типа *Содом и Гоморра; жить как у Христа за пазухой; wie Gott in Frankreich leben*; пословицы и крылатые выражения *На Бога надейся, а сам не плошай; Хочешь насмешишь Бога, расскажи ему о своих планах, Человек предполагает, а Бог располагает; Der Mensch denkt, der Gott lenkt* и др.

Так, например, оборот общеславянского происхождения *жить как у Христа за пазухой* и его немецкий аналог *wie Gott in Frankreich leben* имеют значение «жить беззаботно, в полной безопасности», которое актуализируется в следующих отрывках:

... 32-летняя жительница Новосибирска Олеся Гаврова два года работала бухгалтером в одном из банков. **Жила как у Христа за пазухой**. И зарплата выше среднего, и прекрасный, независтливый женский коллектив, и рабочий график, позволяющий после шести вечера посвящать себя маленькой дочке. Короче, не служба, а мед... [Комсомольская правда от 13.06.2010].

So zu leben wie Gott in Frankreich war unser Traum seit Zeiten Gedenken, also eigentlich seit wir uns kennen gelernt haben [ngz-online.de vom 01.09.2006].

Кроме того, религиозный дискурс отличается большой степенью продуктивности прецедентных ситуаций, то есть неких эталонных ситуаций с определенными коннотациями; примерами которых могут служить ситуации изгнания из рая Адама и Евы, предательства Иудой Христа и другие.

Что касается прецедентного имени (ПИ), то, несомненно, каждый библейский персонаж может считаться таковым, представляя собой индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией; «сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии - референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Русское культурное пространство, 2004, с. 17].

Например:

US-Präsident George W. Bush sei wohl von vielen gerade deshalb wiedergewählt worden, weil er sich zu Jesus Christus bekenne [fr-aktuell.de vom 03.01.2005 in: wortschatz.uni-leipzig.de].

Следует отметить, что при изучении религиозных прецедентных личных имен данный термин необходимо понимать несколько шире с точки зрения отсутствия языковых границ; следовательно, воздействие прецедентных личных имен как феномена интернационального характера не ограничивается определенным языковым пространством, а выходит за его пределы.

Кроме того, религия как основа социальной духовной культуры аккумулирует в себе общечеловеческие понятия, определяющие бытие всех верующих и неверующих людей без исключения; не только хранящиеся в сакральных текстах, но и постоянно актуализирующиеся в коммуникации.

Таким образом, религиозный ономастикон, в основе которого лежит такая характерная особенность как прецедентность, представляется одним из наиболее значимых лексических пластов, раскрытие смысловой палитры которого возможно только при наличии определенных фоновых знаний, общих для всех членов конкретного религиозного сообщества.

Библиографический список

1. Брилева, И.С. и др. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый [Текст] / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2004.
2. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М. : Русский язык, 1986. – С.105-126.
3. Курбакова, Ю.В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением в СМИ (на материале современных американских журналов) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Ю.В. Курбакова. – М., 2006.

Список источников иллюстративного материала

1. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – Комсомольская правда от 13.06.2010 – Режим доступа : Код доступа: <http://kp.ru/daily/24505/657708/>
2. Deutscher Wortschatz [Electronic resource]. – Mode of access: http://wortschatz.uni-leipzig.de/cgi-portal/de/wort_www?site=22&Wort_id=368722 &blocknr=1&bl=208
3. NGZ-online [Electronic resource] / ngz-online.de vom 01.09.2006 – Mode of access: http://www.ngz-online.de/hps/client/ngz/public/pjsub/production_long.hbs?hxmain_object_id=PJSUB::ARTICLE::94713&hxmain_category=:pjsub::opinio::fotos_geschichten/fortsetzung_folgt

kurovskaja@mail.ru

Лебедева К.Л., Барнаул (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ

Как языковая личность человек – существо социальное, а так как социальный организм – это структура многогранная, то и человек подвержен разностороннему воздействию. Речевое воздействие не является единственной формой социального воздействия на личность. Один и тот же эффект или разные способы

влияния могут достигаться как при помощи речи, так и различными неязыковыми средствами (мимика, интонация, взгляд и т.д.).

Только при определенных условиях общения начинают развиваться личностные отношения, характеризующиеся релевантными контактами на основе сложившихся более или менее устойчивых представлений друг о друге. Эти представления определяют характер речевого общения между людьми и психологические процессы, сопровождающие их взаимодействие: непринужденность, усеченность речи, более персонифицированное восприятие собеседника и более активная идентификация с ним, определенность взаимных ожиданий.

Уровень духовно-нравственного развития, культурный опыт и его функциональное проявление, профессиональное совершенство – этот стержень человеческой личности позволяет самому человеку успешно осуществлять свою социальную роль в трудовом коллективе и создавать благоприятные условия для других, обогащая своей духовностью психологический климат функционально объединенной группы людей.

В этой связи психическое состояние личности является источником определенного воздействия на окружающих и кумулятивным средством собственного развития и состояния. Психика – это интериоризованный социум; она социальна, так как детерминирована социальной деятельностью языковой личности. Язык же – средство опосредованного овладения социальным опытом общества. Он усваивается только в процессе коммуникации, в социальном взаимодействии.

Социальная роль личности представляет собой общественно принятый способ поведения человека. Чем более интериоризован социальный опыт в исполнении социальных ролей, тем более успешно осуществляется коммуникативное общение и тем большей адаптивности достигает личность в контактной группе профессионального коллектива. Но адаптивность вовсе не означает однообразной устойчивости человеческой деятельности. Наоборот, усвоение и проявление социо-детерминированных норм, правил и эталонов способствует вариативной адаптивности языковой личности как созидательного члена современного информативного общества, несмотря на существование депрессивных факторов воздействия на личность.

Человек – это существо недовольное самим собою и при определенном состоянии психики способно себя перерастать, то есть добиваться своего личностного роста в процессе творческой активности. В силу своей противоречивости человек – существо высокое и низкое; сильное – своей духовностью, а слабое – уязвимое, рабское по конформному проявлению своего «я».

Являясь частью природы, он зависит от природной среды. Благодаря антропологическим критериям он гуманизирует среду своего обитания, творчески изменяя ее и приобретая этим самым космологическое значение. Создавая цивилизованное общество, перерастая себя, человек выражает свою духовную значимость через чувства и действия, высоко переживаемые и проявляемые только им. Одновременно в человеческой жизни порождаются такие депрессивные факторы, как ужас, озлобленность, негодование, возмущение, извращение и т.п. Это издержки эволюционного процесса. Инновационные и информационные достижения, с одной стороны, возвышают человеческую личность как интеллектуала – созидателя, инноватора, а, с другой, – отчуждают его от естественного межличностного общения, ослабляют его природные инстинкты (половые, речевое общение, межличностное взаимодействие и т.п.).

Эволюционный конфликт современного человека заключается в том, что творческое начало в нем согласно христианской антропологии не может подавлять языковую личность как инициатора социо-лингво-эволюционного процесса. Она всегда недовольна собой, ставит перед собой проблемы и, решая их, совершенствуется, обретает новые ценности, которыми она одухотворяется, обогащая свое окружение: «Именно сверхличностные ценности и созидают ценность личности» [Бердяев, 1998, с. 62].

Критерием существования личности являются сверхличностные ценности. Отношение к ценности, переоценка ценностей, вообще ценностные отношения характерны и принципиальны только для личности, причем, духовно-нравственной. Именно духовность, ценностно возвышенный нрав конституирует личность. Только она может испытывать трагедию различных жизненных ситуаций. Сама жизнь духовной личности направлена на постоянное саморазвитие, самопреодоление, самоутверждение не с целью возвышения над живым существом, индивидуумом, а для достижения личностного самосовершенства.

Дух современности требует создания общества личностей, связанных между собой межличностными высоконравственными многогранными отношениями. Ее истинная ценность как раз и устанавливается другими людьми в процессе этих отношений. Изоляция личности от себе подобных, уход в виртуальную сферу жизни лишает человека коллективного социума, который является необходимой «почвой» для духовного роста. Личное нравственное сознание всегда находится в противоборстве с социальным нравственным сознанием только в реальной жизни, где постоянно возникают проблемные ситуации, выход из которых требует от человека постоянного совершенства. Изолированное примитивное существование индивидуума бесплодно как для общества, так и для него самого.

Творческое начало в человеке, зарождение духовности, дальнейшее развитие творческой энергии – все это является источником цивилизации, которая, в свою очередь, порождает болезненное ослабление человека, пространственное раздвоение, делает его уязвимым. В этой ситуации только источники нравственного бытия, «живительные» средства, которыми руководствуется человек, могут спасти его как личность.

Цивилизационные процессы, порождаемые духовным сознанием, делают человека одновременно их прикладной силой, их придатком.

В техно-цивилизированном информационном обществе моральной основой его существования становится духовно-нравственная цельность личности, которая предполагает единство сверхсознания и действия, им порождаемого, эмоционального феномена и функционального. У каждого человека свои собственные нравственные каноны – мысли, идеи, действия, взаимодействия, отношения. И здесь не может быть каких-то общих направлений, законов, предписаний, нормативов. Один человек более эмоциональный, общительный, эмпатийный, открытый, уязвимый, чем другой. Но, если тот, другой, более замкнутый, сдержанный в проявлении своих чувств, внешне не проявляет эмпатийности по отношению к кому-либо и т.п., то это вовсе не значит, что он безнравственный, бесчувственный, равнодушный ко всему и ко всем. Основным принципом духовно-нравственной целостности человека можно считать такой уровень отношений со своим окружением, который бы приносил ему самому полное моральное удовлетворение еще и от всеобщего признания своих проявлений. Если человек удовлетворен своим поведением, своими возвышенными чувствами и направленностью своих отношений, получая положительные результаты от своих действий, проявляющееся в одобрении других людей, то его можно считать нравственно устойчивой личностью. Такая личность максимализм и строгость применяет, прежде всего, к себе, а к ближнему – доброжелательность, снисходительность и сопереживание. Современная личность – это человек, который жертвует своими благами, спокойствием, своим ценностно-материальным достоянием во имя ближнего, во имя блага коллектива, во имя высшей цели существования. С христианской, духовной точки зрения душу спасает тот, кто, по сути, готов ее погубить ради торжества высоких идеалов. В итоге победит мораль общества людей сильных духом, духовно совершенных не страдающих «болезнями» «слабого» человека. А такими болезнями является большое самолюбие, зависть, корыстолюбие, ненависть, равнодушие, зависимость от цивилизованных процессов. Только сила духа, воли в преодолении трудностей во имя решения великих задач, проявление христианской добродетели являются проявлением духовной мощи, то есть победой над самостью. Самая большая, греховная слабость человека – это погружение в себя, концентрация на себе, привлечение внимания только к себе. Эгоцентризм человека смещает центр бытия в себя, а в себе человек задыхается своей самостью, одиночеством, отсутствием смысла жизни.

В современном мире индивидуум все более погружается в свою личную жизнь. Она становится, образно говоря, убежищем от окружающей действительности. Развитие цивилизации, экономики страшит людей; с ее развитием усложняются межличностные отношения, утрачиваются коллективные связи, все более прослеживается разобщенность людей и даже неуверенность в завтрашнем дне. В трудовых коллективах общая цель осуществляется индивидуализированным путем. Коллективистский характер труда не является уже отличительной чертой людей, занятых общим делом. Общая цель достигается разными людьми по-разному, по-своему. Трудовая деятельность индивидуально детерминирована. Каждый, испытывая свои собственные трудности в работе, борется с ними самостоятельно, независимо друг от друга.

Только духовность способна объединить людей, а ее отсутствие разобщает их, нивелирует естественные человеческие связи, семейные отношения, еще более развращает и, в итоге, происходит самоуничтожение человека своей собственной самостью, несовершенством. Страдания, страхи людей, драматизм человеческого существования происходят именно от разобщенности людей, закрытости друг для друга, от отсутствия всесвязующей духовности.

Библиография

Бердяев, Н.А. О назначении человека [Текст] / Н.А. Бердяев. – М. : Республика, 1998.

kira_lebedeva@mail.ru

Лизунова Е.А., Новокузнецк

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯВЛЕНИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ МИМИКРИИ И МАНИПУЛЯЦИИ

Роль коммуникации в жизни современного общества трудно переоценить. При этом, как отмечает Г.Г. Почепцов, исторически коммуникацией было именно принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть «для коммуникации существенен переход от говорения одного к действиям другого. Именно ради этого реализуется передача значений между двумя разными автономными системами, которыми являются два человека» [Почепцов, 2001, с. 16]. Однако, так как эти системы автономны, для каждой из них характерны свои ценности, интересы, целевые установки, которые часто не совпадают, а порой вступают в противоречие. Учитывая это, говорящий для реализации своих целей применяет различные коммуникативные стратегии и тактики, пользуется коммуникативной мимикрией, манипулирует собеседником. Иными словами, человек осуществляет определенный выбор из широкого арсенала коммуникативных средств и использует их настолько

искусно, насколько ему позволяют его психологическая и лингвистическая компетенция, а также собственные моральные принципы.

В данной статье мы рассмотрим явления коммуникативной мимики и манипуляции, попытаемся раскрыть их взаимосвязь и выявить отличительные черты. Термин «мимикрия» (от греческого «*mimikós*» - подражательный) был введен в зоологию Г. Бейтсом еще в XIX веке для обозначения особых случаев явления имитации, при котором существо принимает облик иного животного или растения, или даже неодушевленного объекта, обычно с целью защиты. Существуют и формы мимики, позволяющие хищнику приблизиться к жертве, которой он сам подражает [Диксон, 2009]. Позднее данный термин стал использоваться во многих областях знания, включая лингвистику, в которой рассматривается явление коммуникативной мимики. Оно имеет еще очень молодую историю изучения, и ему пока сложно дать четкое определение. Опираясь на мнение В.Б. Кашкина, мы полагаем, что под коммуникативной мимикрией можно понимать ситуацию, когда «отправитель имеет намерение скрыть свои цели полностью или частично» [Кашкин, 2007, с. 99].

В.Б. Кашкин приводит и типологию коммуникативной мимики, в которой выделяется: мимикрия участников коммуникации (коммуникант выдает себя за другого); мимикрия функций коммуникации (цель скрывается под другой); мимикрия элементов коммуникации (выбирается не прямое выражение идеи: эвфемизмы, риторические вопросы и др.). В дискурсе разные типы мимики могут присутствовать одновременно [Кашкин, 2007].

Термин «манипуляция» также имеет иностранное происхождение (от латинского «*manus*» — рука) и его область распространения также расширилась со временем. Так, в словаре иностранных слов он определяется как: 1) движение рук, связанное с выполнением определенной задачи, например, при управлении каким-либо устройством; 2) демонстрирование фокусов, основанное преимущественно на ловкости рук, умении отвлечь внимание зрителей от того, что должно быть от них скрыто; 3) махинация, мошенническая проделка [Комлев, 2000]. Хотя первые два значения достаточно далеки от понимания манипуляции как воздействия на человека, в них уже присутствуют некоторые признаки, демонстрирующие, что перенос термина был вполне обоснован (управление, отвлечение внимания, скрытый характер).

В научной литературе сегодня мы можем встретить множество трактовок понятия «манипуляция». Например, В.П. Шейнов называет манипуляцией скрытое управление человеком против его воли, приносящее инициатору односторонние преимущества [Шейнов, 2001]. Е.Л. Доценко, обобщив представления различных авторов и уточнив признаки манипуляции, определяет ее как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997, с.59].

Мнения ученых о том, что считать манипуляцией и насколько негативны ее проявления, несколько различаются. Так, С.Г. Кара-Мурза отмечает, что само слово «манипуляция» имеет отрицательную окраску, и им обозначается то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать так, что мы оказались в проигрыше [Кара-Мурза, 2003]. Е.Л. Доценко же не соглашается, что манипуляция – исключительно отрицательное явление, считая, что она может выступать средством защиты от дурного характера или производиться в интересах манипулируемого (например, чтобы кто-либо бросил пить, употребляют манипулятивные приемы) [Доценко, 1997].

Отношение к коммуникативной мимике в научной литературе, как правило, отрицательное. В.Б. Кашкин, по всей видимости, воспринимает ее негативно, так как он приводит примеры мимики со стороны цыганок-мошенниц, а также политиков и создателей рекламы, внушающих гражданам радужные ожидания и их же не оправдывающих [Кашкин, 2007]. По мнению Л.Д. Тюлюповой, коммуникативная мимикрия – одна из форм неэффективной коммуникации, или даже псевдокоммуникация, симулятивная подмена общения [Тюлюпова, 2009]. Если говорить о речевой мимике, можно упомянуть точку зрения Н.В. Муравьевой, которая считает речевую мимику отрицательным вариантом контактной подстройки, противопоставляя ее речевой гибкости. Речевая гибкость понимается как способность находить и использовать слова и конструкции, сближающие «языковое пространство» адресанта с «языковым пространством» адресата. Неумеренная речевая гибкость приводит к простому копированию языка адресата и отказу от собственного, что автор и называет речевой мимикрией [Муравьева, 2002].

Коммуникативная мимикрия может выступать как инструмент реализации манипуляции. Мы рассматривали, как это происходит, на примерах из американских художественных фильмов. Так, мошенники Фрэнк и Рой из фильма «Великолепная афера» («*Matchstick men*») сначала по телефону склоняют клиентов к покупке системы фильтрации воды по завышенной цене, а затем приходят к ним, заявляя: *'We're from the Federal Trade Commission... We'd like to ask you a few questions'*. («Мы из Федеральной Торговой Комиссии... Мы хотели бы задать вам несколько вопросов»). Затем клиенты рассказывают свою историю, а «представители комиссии» сообщают, что они стали жертвами мошенничества. Далее они предлагают помощь, но для этого просят письменное разрешение на распоряжение банковским счетом. Это им нужно, чтобы снять деньги со счета своих наивных жертв. Здесь присутствует мимикрия разных типов. Во-первых, Фрэнк и Рой выдают себя за других людей, и их речь соответствует речи инспекторов государственной организации (мимикрия участников коммуникации и элементов коммуникации). Во-вторых, прикрываясь стремлением помочь, они на самом деле гарантируют себе, что никто не обратится с жалобой на их первую аферу, и получают карт-бланш

на осуществление второй (мимикрия целей коммуникации). И, конечно, здесь происходит манипуляция доверчивыми клиентами.

Очевидно, что в реальном повседневном дискурсе коммуникативная мимикрия и манипуляция могут быть взаимосвязаны. Они обладают общими чертами: оба явления носят скрытый характер и успешно реализуются, только если адресат не осознает действительных намерений собеседника, а также предполагают определённую подготовленность осуществляющего их субъекта.

Хотя коммуникативная мимикрия и манипуляция нередко сопровождают друг друга, мы не считаем правомерными попытки отождествить эти явления. Прежде всего, манипуляция может быть и невербальной (осуществляемой при помощи позы, жестов, мимики и т.д.). Например, в фильме «Heartbreakers» («Сердцеедки») такую манипуляцию применяет Пейдж Коннерс, дочь и помощница брачной аферистки по имени Макс. Устроившись секретаршей к мужу Макс, Дину Куманно, она соблазняет его с целью предоставить матери повод для выгодного развода. При этом в ход идут короткое платье с декольте, взгляды, позы. Коммуникативная мимикрия же предполагает обязательное речевое общение, хотя и может дополняться мимикой, жестами, имиджем и т.п.

Коммуникативная мимикрия может использоваться и без намерения реализовать манипулятивные цели. Например, в случаях, когда взрослые подражают детской речи, чтобы быть ближе к ним в общении, или при «облагораживании» речи с целью показаться более культурным. Манипуляция также может осуществляться без помощи коммуникативной мимикрии. Так, в фильме «Beethoven» («Бетховен») дети добиваются разрешения отца на то, чтобы оставить щенка, играя на его чувстве родительской любви.

Итак, мы выяснили, что в коммуникации имеют место случаи, в которых явления манипуляции и коммуникативной мимикрии присутствуют одновременно. С другой стороны, каждое из этих явлений может реализовываться самостоятельно, независимо от другого. И хотя иногда бывает сложно разграничить их восприятие в коммуникации, не стоит их отождествлять, учитывая еще и то, что одно из них (манипуляция) в большей степени – явление психологическое, а другое – лингвистическое.

Библиографический список

1. Диксон, Д. (2009) После человека: зоология будущего [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.sivatherium.narod.ru/library/Dixon/main_ru.htm
2. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита [Текст] / Е.Л. Доценко. – М. : ЧеРо; Издательство МГУ, 1997.
3. Кара-Мурза, С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2003.
4. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс [Текст] / В.Б. Кашкин. – М. : АСТ; Восток – Запад, 2007.
5. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н.Г. Комлев. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.
6. Муравьева, Н.В. Язык конфликта [Текст] / Н.В. Муравьева. – М. : Изд-во МЭИ, 2002.
7. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2001.
8. Тюлюпова, Л.Д. (2009). Проблема эффективной коммуникации в современной университетской корпорации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/t/tulupova.doc
9. Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования) [Текст] / В.П. Шейнов. – М. : АСТ; Минск : Харвест, 2001.

Ложкина Е.А., Ижевск (Россия)

ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ‘МНЕНИЕ’ В АНГЛИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Отличительной особенностью современного этапа развития гуманитарных наук является интеграция достижений лингвистики, логики, права, риторики и социологии на пути создания общей теории коммуникации, в которой центральное место отводится языку, так как он выполняет роль посредника всех интерактивных процессов. Поиск современных форм реализации естественного языка актуализирует проблемы значения, семантики и содержания единиц языка в различных условиях коммуникации. В фокусе исследования всё чаще оказываются разные языковые формы, выражающие сложные логические структуры, к которым, в полной мере, можно отнести способы репрезентации мнения. «Мнение даёт знание и заключает в себе заблуждения, которые являются носителями истины и лжи» (Б. Рассел).

В современной лингвистике пока не сложилось единой точки зрения относительно определения термина «концепт». Под концептом понимают «глобальную единицу мыслительной деятельности», «квант структурированного знания», «единицу семантического пространства языка», «представление о фрагменте мира» (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.). Роль концепта велика, поскольку концепты обеспечивают возможности ориентирования в окружающем мире, позволяют отождествлять и различать события, объекты, явления. С помощью концептов можно реконструировать и описать языковую картину мира.

В данной статье концепт понимается нами как оперативная содержательная единица сознания, представляющая собой сложное образование, совокупность элементов, признаков и отношений, обусловленное когнитивной картиной мира человека и является в ней центральным элементом [Попова, Стернин, 2002, с. 19].

В интеллектуальной человеческой деятельности практически нет сферы, где бы не выразилось мнение, являющееся важным составляющим компонентом ментальной сферы языка, отражающей «...совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определённой эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества» [Горошко, 2003, с. 28].

Оно выступает одним из самых значимых концептов ментальности человека и играет активную роль в формировании языковой картины мира. Мнение в языке опирается на отдельную категорию – интенциональности, объективация которой может проходить на разных уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, текстовом и т.д.

В рамках данного исследования нами рассматривается концепт 'Мнение' в юридическом дискурсе, который направлен на эпистемику, когда автор выражает различную степень ответственности за обоснованность утверждения или за выраженное мнение. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть концепт 'Мнение' в свете модальной репрезентации, поскольку общим семантическим признаком модальности является точка зрения говорящего: «модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [ЛЭС, 1990, с. 206].

Мнение как один из видов отношения говорящего к содержанию высказывания относится к субъективной (эпистемической) модальности. Высказывание, с точки зрения говорящего, может быть действительным, возможным, предположительным, желательным, недействительным и т.п. С этой целью в английском языке используются различные средства: модальные слова и наречия (*maybe, perhaps, possibly, certainly, definitely, arguably, clearly, apparently, obviously* и др.); модальные глаголы (*may, can, could, would, might, should*); модальная конструкция *to be likely to + Infinitive*; интонация.

Активная роль в репрезентации исследуемого концепта принадлежит модальным глаголам *can, could, will, would, must, may, might, should*, поскольку они обозначают оценку реальности действия:

1) *Any person can be an arbitrator, if acceptable to the disputants, but in practice arbitrators are usually selected from among lawyers or other professionals [Redmon, 1995, p.61].*

2) *If insufficient evidence is collected to go to trial within the time limit allowed by the law, the case could be dismissed [M. Gleeson, 2005, p.96].*

По-видимому, в данном случае эпистемическая модальность представлена значениями положительной оценки и допущения возможности выполнения действия, что характерно для юридического дискурса.

Предписывающий характер информации, свойственный интерпретации законов и нормативно-правовых актов, регулирующих отношения людей в обществе в рамках одной страны, передается с помощью модального глагола *can* со значением возможности:

In such cases the equitable or beneficial owner can sue to recover the land from the purchaser only if it can be shown that the purchaser knew or should have known at the equitable interest at the time he purchased the land [Redmon, 1995, p.276].

При формулировании выводов для научного юридического дискурса характерно употребление глагола *must* в значении необходимости как эпистемического логического умозаключения, вытекающих из определенных предпосылок:

The testator's debts must be paid before his estate is distributed, and sometimes the property given by his will must also be used wholly or partly for this purpose [Redmon, 1995, p.94].

Так называемые «мягкие» модальные глаголы *may, could* и *should* выражают то, что возможно или разрешается с точки зрения закона или моральных принципов:

1) *So today it may be necessary for a lawyer to consult many statutes, judgements and books of authority to ascertain the principles of common law applicable to a particular case [Redmon, 1995, p.233];*

2) *If the parents (of children of 16-18 years) or the guardians are overseas, their signatures should be witnessed by a notary or consular officer [Gleeson, 2005, p. 56].*

Использование модальных глаголов *could* и *should* позволяет выразить содержание высказывания в менее категоричной форме:

At common law, a defendant could normally escape liability if he could show that, despite his negligence, the harm complained of would not have occurred if the plaintiff had not contributed to the accident by his own negligence [Redmon, 1995, p.246].

Наиболее характерно употребление глагола *may* с оттенком значения фактуальной или альтернативной возможности осуществления одного из двух или большего количества вариантов:

A person may have a right over their own property or over the property of another [Redmon, 1995, p.274].

Модальный глагол *would* может рассматриваться как более слабая форма *will*, но выражающим большую уверенность, чем глагол *may*:

If spouses were required to prove marital fault to obtain a divorce, they would behave differently during the marriage, because defective conduct during the marriage may entitle the other spouse to claim a greater share of matrimonial property following the breakdown of the relationship [Gleeson, 2005, p. 89].

В анализируемом нами юридическом дискурсе обнаруживается активное употребление модальных слов, типа *obviously, perhaps, indeed, certainly*, которые, на наш взгляд, позволяют эксплицитно выразить авторскую позицию по отношению к чужой точке зрения со ссылкой на источник информации. Используя модальные слова, автор субъективирует собственную речь, манифестируя тем самым одну из граней своей личности – интеллектуально-рациональную:

Certainly, a tortuous claim is based upon the commission of a wrong, actual or alleged [Redmon, 1995, p.205].

Кроме того, указанные модальные слова позволяют подчеркнуть степень очевидности того, что утверждается; оценить степень соответствия действительности того, что утверждается; выдвинуть предположение о реальности (нереальности) чего-либо в будущем (настоящем):

Indeed the law presumes that statements made in the form of telegrams are published to Post Office officials though, obviously, not intended for them to read [General principles of English law]; On the other hand, the defendant's explanation, while perhaps revealing how the accident in fact occurred, may fail to satisfy the court that he was not negligent, after all [Redmon, 1995, p.251].

Таким образом, мнение как процесс и результат мышления, как одно из самых важных психических состояний личности, определяющих и регулирующих ее деятельность и поведение, является основой акта коммуникации, в то время как концепт 'Мнение' выступает одним из самых значительных концептов ментальности человека, играя активную роль в формировании концептуальной и языковой картины мира. При этом модальные средства, обеспечивая реализацию интенций, позволяют выразить автору мнение с учётом степени категоричности, сомнения, уверенности в правоте, избежать чрезмерной настойчивости и излишней прямолинейности.

Библиографический список

1. *Горошко, Е.И.* Языковое сознание: гендерная парадигма [Текст] / Е.И. Горошко. – Москва–Харьков : Институт языкознания РАН ; ИД ИНЖЭК, 2003.
2. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.
3. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ, 1996.
4. *Кубрякова, Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997.
5. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под общ. ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
6. *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ ; Восток-Запад, 2007.

Список источников иллюстративного материала

1. *Gleeson, M.* Powers of Attorney [Text] / M. Gleeson. – Granada : UGR, 2005.
2. *Gleeson, M.* Family Law [Text] / M. Gleeson. – Granada : UGR, 2005.
3. *Redmon, P.* General principles of English law [Text] / P. Redmon. – L. : ME Handbook Series, 1995.

lena_lozh@mail.ru

Лукьянова Е.В., Белгород (Россия)

КОНЦЕПТ 'LOSS/ПОТЕРЯ' И ЕГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

К концу XX столетия лингвистика приобрела новый образ, обусловленный возникновением и интенсивным развитием когнитивного направления, которое во многом определяет лицо современного языкознания во всем мире. Первостепенным отличием лингвистики когнитивной является то, что она считает своей целью не описание явлений языка, а описание работы человеческого разума, основываясь на данных языка и посредством языка: «Языковые формы изучаются ... с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды» [Болдырев, 2001, с. 5-6].

Тем самым лингвистика становится одной из наук, которая развивается в русле антропоцентрической парадигмы научного знания, обращаясь от простого описания научных проблем и явлений к пониманию роли человека и его сознания.

В настоящее время термин «концепт» является ключевым понятием и центральным объектом исследования в когнитивной лингвистике. Несмотря на широкое использование, содержание этого понятия очень существенно варьируется в концепциях разных научных школ и отдельных ученых. Сложность в том, что концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, что дает большой простор для ее толкования.

Термин концепт в области филологии впервые был употреблен в 1928 г. С.А. Аскольдовым-Алексеевым. отождествляя концепт с отдельным словом, ученый определил его как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 269]. При этом признание ментального характера концепта не предполагает только его субъективности, он может иметь все степени соответствия внешнему бытию и отражать его идеальную природу. Положения о природе концепта получили дальнейшее развитие, и нашли выражение в лингвокультурном и лингвокогнитивном подходах.

В данной работе мы опираемся на следующее определение концепта З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в котором, на наш взгляд, содержится наиболее полная характеристика составляющих элементов этого понятия: концепт – «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007, с. 34]. На основании вышесказанного остановимся подробнее на рассмотрении некоторых характерных особенностей концепта *'Loss/Потеря'*.

В понимании сущности природы исследуемого концепта, мы придерживаемся точки зрения И.В. Чекулая, который значимое место отводит изучению окружения анализируемого нами концепта [Чекулай, 2006].

Рассматривая сферу ценности и оценки в современном английском языке, ученый описывает четыре базовых принципа ценностной квазикатегоризации – принцип Антропоцентризма, принцип Значимости, принцип Гармонии и принцип Ожидания результата. Эти принципы образованы «в результате пересечения относящихся непосредственно к метапонятию «деятельность» основных стадий деятельности и соответствующих им параметров сравнения как особого вида мыслительной деятельности, составляющего содержание ценностно-оценочного осмысления» [Чекулай, 2006, с. 33]. На этой основе автор строит матричную структуру, представленную ценностными доменами INTEREST, MEANING, ORDER, RESULT, во внутренней структуре последнего и находит свое место исследуемый концепт.

Особое внимание уделяется изолированности как важнейшему свойству концепта. Концепт как единица мыслительной деятельности, отражающая содержание полученных знаний, не существует обособленно от других подобных себе единиц, а образует целостную систему, компоненты которой, взаимодействуя, устанавливают постоянные связи – поэтому концепты погружены в домены. Домены представляют собой область знания, ограниченную от других областей знания и образующую тот фон, из которого выделяется концепт [Рахилина, 2000, с. 350].

Общепризнанным свойством концепта является его автономность от языка, что подтверждается невербальностью мышления. Исследователи признают, что только часть концепта может иметь выражение в языковых средствах. При объективации в языке внимание акцентируется лишь на отдельных аспектах концепта и, как результат, вербализуется не весь концепт целиком, а лишь какая-то его часть. Различные части содержания одного и того же концепта могут репрезентироваться в языке при помощи единиц различных уровней: морфем, лексем, словоформ, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений.

Доступ к содержанию концепта LOSS/ПОТЕРЯ обеспечивается на уровне лексики – через словарные толкования и контексты употребления слов и сочетаний. Комплексное изучение доступных средств репрезентации рассматриваемого концепта обеспечит получение наиболее достоверных и объективных результатов и позволит выявить его основное содержание.

Динамичность является другой важной характеристикой концепта, находясь в постоянном развитии, и в результате этого – отсутствие жесткой структуры. Возникнув первоначально в сознании человека как конкретный чувственный образ, концепт впоследствии способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстракции концепт превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Н.Н. Болдырев сравнивает процесс формирования концепта с катящимся комом снега, который постепенно обволакивается новыми слоями [Болдырев, 2001, с. 30].

Следствием динамической природы является тот факт, что структура концепта (в частности, концепта *'Loss/Потеря'*) включает концептуальные признаки, отличающиеся по степени абстрактности: конкретно-образные характеристики, представляющие результат чувственного восприятия мира, его познания; и абстрактные характеристики как производные от конкретных, результат теоретического научного познания. Наиболее абстрактные, устойчивые и регулярные признаки в содержании концепта *'Loss/Потеря'* образуют его понятийное содержание, информация о котором зафиксирована в толковых словарях.

Динамичность природы концепта отражается и в его содержании, которое также не является постоянным, а непрерывно пополняется новыми концептуальными признаками. Это определяется спецификой

человеческого знания, которое непрерывно меняется, аккумулируя новые сведения об окружающем мире. В этой связи Н.Н. Болдырев заключает: «... форма нашего знания должна быть легко приспособляемой к этим изменениям, а единица хранения и передачи знания должна быть достаточно гибкой и подвижной» [Болдырев, 2001, с. 30]. Как представляется, непрерывное пополнение содержания концепта *'Loss/Потеря'* носит уточняющий характер, т.е. конкретизирует его основные признаки, формирующие понятийное содержание.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что концепт *'Loss/Потеря'* – это единица мыслительного (концептуального) уровня, которая получает частичную объективацию в языке средствами лексического уровня и представляет собой абстрактный концепт с четко выраженным эмоционально-оценочным компонентом. Данный концепт обнаруживает определенную, хотя и нежесткую структуру, образованную концептуальными признаками, отличающимися по степени абстрактности. Содержание концепта также не отличается постоянством, а непрерывно пополняется новыми концептуальными признаками, отражая специфику человеческого знания на данном этапе его развития. В связи с тем, что концепт LOSS/ПОТЕРЯ не является изолированной независимой единицей мышления, а тесно связан с другими концептами, его границы не могут быть определены четко.

Библиографический список

1. *Аскольдов, С.А.* Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность / под ред. В.П. Нерознака. – М. : Академия, 1997. – С. 267-279.
2. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
3. *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика : учеб. пособие [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.
4. *Рахилина, Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000.
5. *Чекулай И.В.* Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке : моногр. [Текст] / И.В. Чекулай. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006.

lukyanova@bsu.edu.ru

Луткова Е.С., Москва (Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “US COLLEGE EDUCATION” КАК МОДЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье представлены результаты исследования лингвокультурологического поля «US College Education» как модели содержания обучения лексическому аспекту речи в рамках изучения одноименной темы на профильном уровне общеобразовательной школы.

В соответствии с проектом государственного федерального стандарта полной общеобразовательной школы целью обучения иностранным языкам является развитие иноязычной коммуникативной компетенции учащихся, которая наряду с расширением и систематизацией знаний о языке, лингвистического кругозора и лексического запаса учащихся предполагает формирование устойчивой мотивации к овладению иностранным языком как элементом общей культуры для осуществления межкультурного общения в устной и письменной форме, как с носителями языка, так и с представителями другой культуры [Бим, 2010, с. 16-17].

Это ставит на повестку дня вопрос о формировании специфических умений, входящих в состав межкультурной компетенции и, следовательно, уточнении целей обучения ИЯ с позиции межкультурного подхода, а именно расширении языковой компетенции в составе иноязычной коммуникативной компетенции за счет лингвокультурологического аспекта.

В целях выявления сущности лингвокультурологического аспекта языковой компетенции, представляется важным уточнить понятие языковой компетенции как таковой. Обобщение основных концепций зарубежных и отечественных ученых к трактовке данного понятия позволяет определить языковую компетенцию в качестве базового компонента коммуникативной компетенции, базирующегося на знаниях языковой системы изучаемого языка на всех уровнях (фонологическом, лексическом, грамматическом), и навыках оперирования этими знаниями [Бим, 2010].

Расширяя языковую компетенцию за счет лингвокультурологического аспекта, мы считаем возможным включить в содержание обучения иностранному языку дополнительные компоненты. Так, расширение знаньевого компонента можно осуществить за счет знаний о лингвокультуре как единице, совмещающей лингвистическое и экстралингвистическое содержание и отражающей в себе представления об определенном фрагменте действительности [Воробьев, 2008, с. 45].

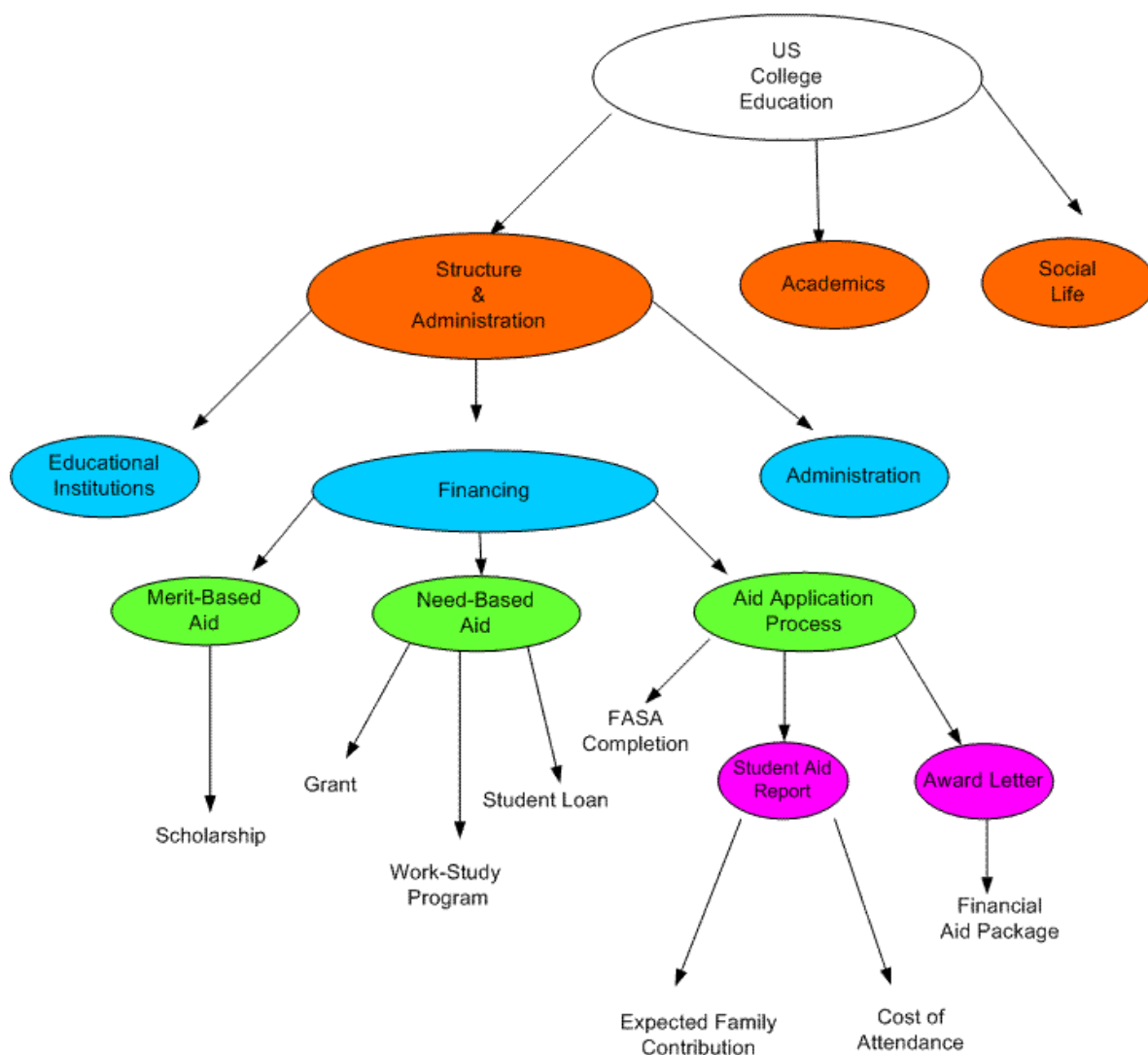
Наряду с умениями нормативного лексического и грамматического оформления речи лингвокультурологический аспект языковой компетенции предполагает развитие умений по отбору и

упорядочиванию лингвокультурем, выявлению и изучению их культурного фона, сопоставлению с культурным фоном слов в родном языке, выявлению общего и различного в двух культурах, толкования различий в ситуациях межкультурного общения.

В свою очередь такой компонент содержания обучения как отношение может быть расширен за счет формирования следующих качеств личности: открытость новой информации, желание восприятия «чужого» как равноправного, адаптация к явлениям культуры страны изучаемого языка, эмпатическое отношение к носителям другой культуры.

В контексте лингвокультурологической концепции обучения иностранным языкам мы считаем целесообразным использование лингвокультурологического поля как модель содержания обучения лексическому аспекту речи, как средство систематизации знаний учащихся о пласте культуры и как инструмент исследовательского метода обучения и изучения ИЯ учащимися филологического профиля общеобразовательной школы.

В качестве источников исследования были использованы научная литература, энциклопедии, толковые словари, справочники; университетская документация, определяющая деятельность высших учебных заведений в США; художественная литература, а также периодика, в том числе издаваемая на университетских кампусах; тематические художественные фильмы; материалы сайтов департамента образования США и официальных сайтов университетов и колледжей. В процессе работы над источниками была проведена сплошная выборка лингвокультурем, которая составляет более 200 единиц. Анализ выборки позволил определить ядерную культуру первого порядка *US College Education* и три субполя второго порядка, особенные лингвокультуры, задающие три основных направления исследования фрагмента действительности: *Structure & Administration, Academics, Social Life* (система управления и структура высших учебных заведений, учебный процесс и внеучебная социальная жизнь на университетском кампусе) (Схема).

Исходя из ограниченного объема публикации, проиллюстрируем структуру субполя третьего порядка *Financing*, раскрывающего функционирование системы финансовой поддержки студентов, организуемой

государством на федеральном, уровне штата, муниципальном и институциональном уровнях. Это субполе представлено субполями 4 и 5 порядка, а также единичными лингвокультурами. Так, лингвокультуры четвертого порядка *Merit-Based u Need-Based Aid* представлены единичными культурами *Scholarship, Grant, Work-Study Program, Student Loan*, которые раскрывают содержание различных видов финансовой поддержки студентов в зависимости от их академических успехов или экономического статуса их семьи. Субполе четвертого порядка *Aid Application Process* представлено особенными лингвокультурами пятого порядка и единичными культурами, которые отражают всю процедуру получения финансового пакета *Financial Aid Package*, начиная с заполнения формы заявления *FAFSA*, составления специалистом центра финансовой поддержки специального доклада, резюмирующего финансовое состояние семьи *Student Aid Report* на основе анализа банковских документов для вычисления *Expected Family Contribution*, и сообщающего суммарную стоимость обучения и пребывания на кампусе *Cost of Attendance*, завершая получением письма *Award Letter*, в котором сообщается, на какой вид финансовой поддержки и на какую сумму может рассчитывать студент. (Схема)

Результаты исследования лингвокультурологического поля “US College Education” позволяют сделать следующие выводы:

1. В проводимом нами исследовании лингвокультурологическое поле выступает как метод исследования пласта культуры «US College Education», который дает возможность системно и достаточно полно представить фрагмент инокультурной действительности как единство общего, особенного и единичного [Языкова, 2009].

2. Разработанное лингвокультурологическое поле является моделью содержания обучения лексическому аспекту речи по одноименной теме, содержащей знания о фрагменте культуры. Данная модель является открытой системой, так как она может быть дополнена в процессе дальнейшего исследования данного пласта культуры.

3. Лингвокультурологическое поле представлено ядерной лингвокультурой и субполями второго, третьего, четвертого, пятого, шестого порядков и единичными культурами, которые в совокупности представляют собой минимальную, но достаточную базу для изучения темы. При отборе лексического материала на основе лингвокультурологического поля необходимо ориентироваться на общую и особенные лингвокультуры, покрывающие фоновые знания данного фрагмента иноязычной культуры. Количество единичных лингвокультур достаточно подвижно, так как во многом зависит от интенсивности самостоятельной работы учащихся по теме.

4. Процесс изучения фрагмента культуры и разработки лингвокультурологического поля на основе прочитанных аутентичных текстов, ресурсов Интернет, видеофильмов, справочной литературы представляет собой мини-исследование школьников по выявлению культурологических лакун, заполнению их культурологической информацией и составлению комментария на основе сопоставления с явлениями родной культуры. Это обеспечивает филологическое образование учащихся, а также формирует способность критического осмысления «другой» культуры, основанную на знаниях, а не на стереотипах.

Библиографический список

1. Бим, И.Л. Цели обучения второму иностранному языку на современном этапе [Текст] / И.Л. Бим // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А.А. Миролюбова. – Обнинск : Титул, 2010. – С.39-46
2. Бим, И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского) [Текст] / И.Л. Бим. – Обнинск : Титул, 2001.
3. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы) [Текст] / В.В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1997.
4. Языкова, Н.В. Культура и обучение иностранным языкам [Текст] / Н.В. Языкова // Моск. городск. педагог. ун-т / Вестник. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – М., 2009. – 1(3). – С.95-100.

krepih.elena@bk.ru

Лушников Г.И., Кемерово (Россия)

ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Получившая в последние десятилетия широкое распространение в лингвистике теория интертекстуальности рассматривает разнообразные тексты, в которых интертекстуальность выполняет разные функции – от ведущих до второстепенных, занимает разное место – от основополагающего до периферийного, актуализирует разные аспекты текста первичного – от формальных до идейно-смысловых, привносит определённую модальность – от возвеличивающей, хвалебной, до иронизирующей, критической, по-разному его осмысливает и интерпретирует.

К вторичным текстам относятся критическая полемика, переводы, переложения, пародии, стилизации, подражания, дописывание книг, экранизации и др. Они представляют собой своеобразные реплики на исходный текст, особую его интерпретацию, обусловленную спецификой жанра и веянием новой эпохи.

В любом случае, должное восприятие вторичного текста невозможно, во-первых, без знания текста первичного, а, во-вторых, без учёта характера взаимоотношений вторичного и первичного текстов. Восприятие такого вторичного текста изолированно, без знания исходного текста в принципе возможно, но тогда он будет восприниматься как первичный, самостоятельный текст.

В связи с тем, что любой вторичный текст переосмысливает текст исходный, главный акцент при анализе вторичного текста следует делать, прежде всего, на изучении переосмысления исходного текста [Лукшик, 2010, с. 52].

Вторичный текст может либо разрушать смысл текста первичного, либо изменять его частично, либо развивать его смысл, акцентируя внимание на определённых аспектах, либо сгущать смысл исходного текста. В любом случае вторичный текст формирует новый концепт текста первичного и меняет его интенцию.

Анализ интертекстуальности и специфики вторичных текстов в когнитивном аспекте представляет собой самостоятельную проблему. Процесс декодирования интертекстуальных ссылок всегда предопределяется наличием общих фоновых знаний, общей когнитивной базы у адресанта и реципиента. По справедливому замечанию Л. Лукшик, «прецедентные тексты используются для частичной переконцептуализации картины мира реципиента. Знания, хранящиеся в сознании человека в виде фреймов, претерпевают контекстуальную трансформацию, адаптируются к новому контексту, сохраняя при этом свои доминантные смыслы» [Лукшик, 2010, с. 59].

Интересным представляется наблюдение о том, что на когнитивном уровне, согласно модели нейролингвистического программирования, ситуация несогласованности, неконгруэнтности общения возникает тогда, когда послания, получаемые по разным каналам приёма информации, не совпадают. Требуется переключить наше внимание на другой результат, более уместный и успешный, а для этого необходимо кардинально переменить акценты, т.е. поместить наше восприятие в новый фрейм. Рефрейминг, или смена фрейма, обозначает помещение какого-либо образа или переживания в новый фрейм. Произвести рефрейминг означает преобразовать смысл чего-то, поместив это в новую рамку, в новый когнитивный контекст, отличный от исходного, что позволит нам иначе интерпретировать те или иные проблемы и находить новые решения, поскольку именно фреймы влияют на наши переживания и интерпретацию контекстной ситуации [см. Робустова, 2009, с. 126-133].

В связи с этим к изучению вторичных текстов представляется продуктивным применение когнитивного механизма дефокусирования (подавления), предложенного Е.С. Кубряковой и О.К. Ирисхановой. Согласно их точке зрения, для освоения мира, в том числе посредством языка, важными являются не только когнитивные процессы фокусирования информации, но и процессы дефокусирования (подавления) информации, т.е. в той или иной мере осознанная мыслительная деятельность, направленная на устранение, выведения из фокуса внимания определённых свойств объектов или ситуаций. При обработке лингвистических данных подавление играет роль фильтра, который «отсеивает» информационные «помехи». По мнению Е.С. Кубряковой и О.К. Ирисхановой, в когнитивных работах, в том числе в когнитивно-функциональных исследованиях дискурсивной деятельности, акцент ставится, главным образом, на выдвигании в фокус внимания тех или иных аспектов референтного объекта или события. Вместе с тем, выделенность объекта (или каких-либо его свойств) не всегда означает его релевантность для решения разного рода проблем [Кубрякова, 2007, с. 3-12].

На наш взгляд, вторичный текст фокусирует внимание на первичном тексте для того, чтобы он был узнан, и одновременно перефокусирует некоторые его аспекты, осуществляет смену топика, детализирует, выпячивает то, что в исходном тексте является незначительным, дефокусируя тем самым его основную идею, трактовку образов, общую тональность.

Во вторичных текстах разного типа осуществляются разные варианты переосмысления, перефокусировки, рефрейминга. Например, в случае пародии происходит фокусировка на характерных чертах пародируемого объекта. При этом данные черты трансформируются и/или утрируются, показываются в смешном свете, а всё произведение тем самым переносится в комический регистр.

Особый интерес в плане новой интерпретации, в плане перефокусировки нашего читательского восприятия представляет такой вторичный текст, как дописывание книг или написание предыстории известных произведений (эти жанры получили наименование сиквел и приквел). Данный феномен представляет достаточно уникальное явление в мировой литературе. Как правило, дописыванию подвергаются широко известные, популярные произведения, такие, которые настолько занимают человеческие умы, что авторы-современники, а иногда авторы другой эпохи, той же самой или другой страны, а, следовательно, другой культуры решают выступить своеобразным соавтором или оппонентом данного произведения, предлагая своё продолжение или свою предысторию описываемых событий, свою концовку или начало и, в конечном счёте, свою интерпретацию этих событий.

В случае дописывания книг читатель получает новый взгляд на исходное произведение. Причём могут быть разные варианты таких новых интерпретаций. Так, в романах А. Рипли «Скарлетт» и Д. Маккейга «Ретт

Батлер», которые являются продолжениями книги М. Митчел «Унесённые ветром», реализуется мечта подавляющего большинства читателей о счастливом конце любовных романов.

В романе Д. Рис «Широкое Саргассово море» [Rhus], который является предысторией романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», представлен другой взгляд на главного героя Эдварда Рочестера и его жену Антуанетту Мейзон, и, косвенно, на главную героиню Джейн Эйр. И видение всего романа Ш. Бронте, оценка ситуации, отношение к героям по прочтении романа Д. Рис изменяется. По крайней мере, ставится под сомнение единственное, как казалось, правильное толкование, интерпретация событий, описанных Ш. Бронте. Вторичный текст показывает таким образом, что всегда существует другая точка зрения, что нельзя судить однозначно практически ни о каких фактах. Всегда имеет право на существование иное мнение.

Иногда дописывание книг может представлять собой род литературной игры. Примером такого варианта использования текста предшественника является дописывание пьесы А. Чехова «Чайка» Б. Акуниным [Акунин, 2002]. Причём Б. Акунин предлагает несколько версий продолжения классической пьесы, несколько дублей, как он их называет, в каждом дубле содержится свой вариант объяснения убийства Треплева, каждый дубль выдвигает предполагаемого убийцу (в его интерпретации версия самоубийства Треплева опровергается и обосновывается версия убийства). Здесь прослеживается ещё одна интертекстуальная связь – излюбленный приём А. Кристи, когда изначально подозреваются практически все действующие лица.

Существование вторичных текстов, в частности, таких достаточно популярных жанров, как дописывание окончаний или предысторий художественных произведений, подтверждает тот факт, что бытию текста в культуре сопутствуют разнообразные формы его интерпретации, новые трактовки и переосмысления.

Библиографический список

1. Кубрякова, Е.С. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий [Текст] / Е.С. Кубрякова, О.К. Ирисханова // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. – 2007. Т. 66. – С.3-12.
2. Лукшик, Л. Когнитивный подход к проблеме интертекстуальности (на примере немецких и венгерских текстов) [Текст] / Л. Лукшик // Московский государственный ун-т / Вестник. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №4. – С. 52-59.
3. Робустова, В.В. Функциональная роль прозвищной номинации в литературном произведении / В.В. Робустова // Московский государственный ун-т / Вестник. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №4. – С. 126-133.

Список источников иллюстративного материала

1. Акунин, Б. Чайка [Текст] / Б. Акунин. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2002.
2. Rhus, J. Wide Sargasso Sea [Text] / J. Rhus. – L. : Penguin Books, 1966.

lushgal@mail.ru

Магировская О.В., Красноярск (Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА В РАМКАХ СИСТЕМЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ КООРДИНАТ

Современный взгляд на содержательную сторону языка значительно отличается от всех предыдущих. Прежде всего, он учитывает принцип антропоцентричности, который также претерпел революционные изменения, в результате чего абстрактный человек в языке как единая точка отсчета стал рассматриваться как сложная антропоцентрическая координата, характеризующаяся многоаспектной функциональной представленностью.

Когнитивный подход к решению вопроса антропоцентричности в языке позволяет существенно расширить диапазон исследований вследствие того, что язык изучается по его ориентации на человека в рамках всего многообразия осуществляемых когнитивных функций. Соответственно содержательная сторона анализируется относительно активизируемых когнитивных механизмов и языковых способов их репрезентации. Разработанный метод концептуально-конфигуративного анализа представляется значимым, т.к. направлен на моделирование языковой системы как особого пространства, организованного не вокруг абстрактного человека в языке (что, в принципе, невозможно), а относительно системы универсальных, взаимодействующих и взаимообусловленных антропоцентрических координат [Магировская, 2008, 2009; Болдырев, Магировская 2009].

Выявленная система ведущих антропоцентрических координат языка соотносится с набором основных когнитивных функций, активизируемых в процессе познания, и демонстрирует собой строгое соответствие конкретного уровня когнитивной деятельности конкретной антропоцентрической координате. Данное соотношение трехуровневое и представлено следующим образом: эмпирическое познание осуществляется субъектом эмпирического познания, понятийное осмысление – субъектом понятийного осмысления, вторичное (интерпретационно-оценочное) осмысление – субъектом вторичного осмысления (интерпретатором и

субъектом оценки соответственно) [Магировская, 2008]. Результатом когнитивной деятельности данных антропоцентрических координат выступают три типа знаний, а именно: эмпирическое знание о конкретно-предметном устройстве окружающего мира, системное языковое видение логического устройства мира, индивидуальное (интерпретативное) знание. Они находят свою материализацию в рамках основных уровней языковой категоризации.

Эмпирическое знание о мире представляет собой систему отдельных первичных концептов. Их формирование осуществляется в результате избирательного выделения и концептуально-категориального преломления определенных онтологических признаков конкретных предметных сущностей. Группа слов, материализующих перцептивно воспринимаемые признаки, включает в себя лексические единицы различной частеречной принадлежности. Данные языковые единицы составляют абсолютное большинство лексем, актуализирующих объективные характеристики предметного мира. В системе лексической категоризации они репрезентируют весь диапазон его физически воспринимаемых онтологических признаков. Одновременно они указывают на конкретные типы эмпирического субъект-объектного взаимодействия человека с миром:

- наименования многочисленных предметов и объектов природного мира (наименования животных и птиц (домашних и диких), рыб, насекомых, цветов, деревьев и кустарников, овощей, фруктов, ягод, злаков, природного материала, элементов окружающей среды, ландшафтных и природных образований, мест обитания животных, явлений природы и проявлений стихийных бедствий и т.д.) репрезентируют результат концептуализации мира в рамках наблюдения;

- наименования объектов предметной деятельности (предметы одежды и обуви, украшения, продукты питания и приправы, напитки, жилища, здания, постройки для скота и хранения продуктов, части зданий, предметы мебели, посуда и емкости для хранения, орудия труда, инструменты, предметы домашнего обихода и предметы, необходимые человеку для его жизнедеятельности, музыкальные инструменты, транспортные средства и т.д.) вербализуют результат концептуализации мира в рамках создания и использования предметов в процессе жизнедеятельности;

- наименования временных промежутков (прежде всего, время суток и времена года) фиксируют результат концептуализации в процессе пространственно-временного восприятия действительности;

- слова со значением перцептивно воспринимаемого признака (качественные прилагательные конкретной семантики, глаголы, обозначающие основные действия и состояния, а также существительные, значение которых указывает на признак или чувственно воспринимаемое действие) репрезентируют результат конкретной эмпирической активности: зрительной, слуховой, вкусовой, обонятельной, тактильной, предметной.

На уровне языкового функционирования данные языковые единицы по-разному включены в общий процесс формирования смысла. В первом случае имеют место концептуализация эмпирически воспринимаемых ситуаций, конкретизация отдельно наблюдаемых объектов и их категоризация на основе дифференцирующих признаков (например, *Theodora watched a large, grey speckled hen parade slowly across the sweep, pause, raise an enquiring eye to the front door and pace on into the shrubbery [BNC]; When she examined her fingers, they were red with blood [BNC]* и т.п.). Во втором случае знания, закрепленные данными лексическими единицами, выступают необходимой опорой для вторичного (образного и/или оценочного) переосмысления в рамках интерпретативных когнитивных механизмов (преимущественно механизмов концептуального сравнения и концептуальной метафоры, например: *His voice was soft as the hiss of a snake [BNC]; But he refused to allow her rapier-sharp tongue to find its mark this night [Vinet, 1993, c. 8]; The outer crust of her life... was torn away [Anderson, 1981, c. 83]* и т.п.).

Системное языковое видение логического устройства мира, которое, в свою очередь, заключается в избирательном распределении акцентов на характеристиках логического устройства мира, выбранных представителями отдельной лингвокультурной общности в качестве ключевых, представлено в языке на уровне грамматической категоризации, категории, формы и структуры которого выражают наиболее общие и важные концептуальные признаки, отношения, внутренние концептуальные связи. В современном английском языке это части речи, словообразовательные и лексико-грамматические категории, члены предложения, формы морфологической категории числа, артикля, видовременные формы глагола, формы степеней сравнения имен прилагательных и наречий, переходная и непереходная синтаксические конструкции. Данная система грамматических средств языка обеспечивает возможность его функционирования, т.к. лежит в основе номинации, с одной стороны, и синтактико-морфологического оформления предложения-высказывания, с другой. Одновременно она репрезентирует целый ряд активизируемых когнитивных способностей, стратегий и действий (например, профилирование категориальных характеристик предметных сущностей и их признаков (части речи, словообразовательные и лексико-грамматические категории, морфологическая категория числа имени существительного); конкретизация, категориальное обобщение и противопоставление отдельных предметных сущностей и категорий (артикль); выявление признакового сходства, различий и превосходства (категории степеней сравнения прилагательного и наречия); ментальное соотнесение действия с моментом концептуализации и другими действиями (видовременные формы глагола) и др.).

Интерпретативное знание наиболее субъективно. В отличие от предыдущих типов знаний, которые в своей совокупности составляют знание коллективное, оно выступает результатом индивидуального когнитивно-языкового моделирования мира, которое характеризуется тем, что учитывает цели познания

конкретного индивида, привносит в процесс осмысления особый личностный смысл и предполагает креативное использование языка для более точного объяснения мира. Внимание концептуализирующего субъекта фокусируется на определенных особенностях реального мира, его отдельных фрагментах (событиях и ситуациях), которые в момент концептуализации представляются наиболее важными, основными и потому подлежащими интерпретации и / или оценке.

Интерпретативно-оценочная переработка языкового знания репрезентируется в языке случаями нарушения системно заданных морфологических форм для отдельных лексико-грамматических категорий, а также базовой синтаксической структуры предложения-высказывания и прототипических характеристик ее главных членов. Специальными средствами репрезентации данного знания выступает система интерпретативных категорий и структур, которые позволяют объяснять мир относительно его интерпретативно-оценочного восприятия.

Таким образом, содержательная сторона языка может быть описана и объяснена как результат интеграции системно и иерархически взаимосвязанных когнитивных функций различных антропоцентрических координат. Она охватывает комплексное знание, сформированное в рамках процесса познания, – как коллективное (системное, языковое), так и индивидуальное (интерпретативно-оценочное).

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Языковая репрезентация основных уровней познания [Текст] / Н.Н. Болдырев, О.В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7-16.
2. *Магировская, О.В.* Репрезентация субъекта познания в языке [Текст] / О.В. Магировская. – Москва – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.
3. *Магировская, О.В.* Теория концептуальной конфигурации: концепция и метод [Текст] / Магировская О.В. // Тамбовский государственный университет / Вестник. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. Вып. 2 (70). – С. 9-13.

Список источников иллюстративного материала

1. *Anderson, Sh.* Selected Short Stories [Text] / Sh. Anderson. – М. : Progress Publishers, 1981.
2. BNC – British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. *Vinet, L.* Love's Golden Promise [Text] / L. Vinet. – N.Y. : Leisure Books, 1993.

magirovskaya@rambler.ru

Максимов В.Д., Максимова Т.Д., Барнаул (Россия)

О ТАКСОНОМИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ФОНОНИМОВ

В настоящее время в когнитивной лингвистике общепризнанным является тезис о том, что мышление лучше всего может быть понято в терминах репрезентативных структур, характеризующих разум человека и тех процедур, которые касаются этих репрезентаций. Семантико-когнитивный подход дает возможность лингвистическими средствами описать вербализованную, коммуникативно релевантную часть концепта как единицы мышления и моделировать на основании лингвистических данных концепт как единицу мышления. Язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания. Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц [Попова, 2009, с. 359].

В настоящей статье мы рассмотрим, как язык концептуализирует процесс генерации физических звуков, реализуя при этом фонационный вектор когниции, и процесс аудиальной перцепции физических звуков, имплементируя акустический вектор когниции. Далее покажем, каким образом язык использует эти векторы в качестве основного принципа при категоризации фононимов.

Двуединная семантическая особенность фононимов заставляет носителей языка постоянно учитывать не только **акустический** аспект звуковых явлений со стороны реципиента, но и их **фонационную** сторону со стороны продуцента. На корреляции этих факторов основана перцептивная диатеза, при которой локативный предикат заменяется глаголом восприятия: *С улицы доносился шум – Он услышал шум на улице* [Гак, 1996, с. 24]. Иначе говоря, как в процессе вербализации звуков, так и в процессе функциональной реализации фононимов в речи язык позволяет себе номинативную альтернативу, именуя звуковые явления то как продукт аудиального восприятия, то как продукт фонации со стороны продуцента звуков.

По свидетельству физиков звук возникает в результате интеракции (соударения) двух физических объектов. Назовём их **актор** и **ре-актор** от лат. *actus* – «действие, движение» и *re-* приставка, обозначающая «обратное действие, противодействие». Гипотезой нашего исследования является тезис о том, что бинарная природа языкового означивания используется Ното Loquens для категоризации фононимов и для выбора

ракурса языкового представления конкретной фоноакустической ситуации, а следовательно, и для выбора одной из синонимических синтаксических структур.

Предваряя наше доказательство, укажем на некоторые имманентные **свойства** «протоэлементов» звука:

1. Минимальное, но обязательное количество участников производства звука – два: актер и ре-актер.
2. Актеры (напр.: *fist, hammer, heels, etc.*) чаще всего подвижны в отличие от ре-актеров, которые чаще всего статичны (напр.: *table, door, floor, etc.*). Нередко оба «протокаузатора» звука (и актер, и ре-актер) могут находиться в движении во время столкновения: *plane crash, car accident, to clap one's hands, etc.*
3. Актуален размер участников звукопорождения. Актер, как правило, имеет меньший размер, чем ре-актер: "*clapper vs. bell*", "*stiletto heels vs. parquet floor*", etc. Но возможны и исключения типа *The rain was pounding on the roof*.
4. Вес (масса) «первозлементов» также существенен при концептуализации процесса генерации звука. Как правило, ударяющий предмет (актер) легче, чем ударяемый (ре-актер).
5. «Первозлементы» звука получают в речи неодинаковую представленность. Фоническое высказывание может иметь в своём составе оба компонента «бинома»: *He heard a tapping of high heels on the floor and without turning knew that Teri had entered the room* (Cussler), либо одного из них: *Boland's lecture was interrupted by a knock on the door* (Cussler). Анализ эмпирического материала показывает, что чаще всего имплицитруется актер. Иногда протокаузаторы звука получают в речи синдицированную (недискретную) представленность: *to clap hands*. Нередко оба члена бинома устраняются из состава высказывания (суждения, дефиниции). По нашим наблюдениям их элиминация происходит из тех высказываний, которые содержат а) глаголы речи *to speak, to discuss, etc.*; б) музыкальные предикаты *to sing, to accompany, to play music, etc.*; в) зоофонимы такие как *to bellow, to bark, to bay, to neigh, etc.* г) технофонимы, например: *hum, whine, bleep, roar, tick, etc.* д) имплицитная номинация протоэлементов звука наблюдается также при глаголах (преимущественно в форме инфинитива), обозначающих фазы речевой коммуникации: *Speak up! Fire away! Go on! Stop talking! Shut up!*

Перейдём теперь к основной теме нашего исследования, заявленной в названии статьи, и посмотрим, как лексикографы используют «звуковой бином» при классификации фонимов.

Категоризация предполагает мысленное соотнесение объекта или события с конкретной категорией объектов или событий на основе определённых представлений об их сущностных свойствах [Болдырев, 2009, с. 3]. При категоризации звуков или звуковых событий их сущностные свойства становятся категориальными признаками. Термин «событие» мы используем в широком смысле для обозначения онтологии звуков, т.е. для обозначения референтов конкретных фоноаудиальных ситуаций, когда профилируется попеременно то акустический (перцептивный) вектор, то артикуляторный (фонационный) вектор когниции.

Проследим, как сущностные признаки звуковых референтов становятся категориальными в процессе классификации звуковых явлений в *фонационном* ключе. А.А. Шушков, составитель Толково-понятийного словаря русского языка [Шушков, 2008], использует фактурные признаки протокаузаторов: металлические, костяные, стеклянные предметы; твёрдые, лёгкие, небольшие, хрупкие и жидкие предметы (в отдельных случаях даже называются сами эти предметы: *бумага, листва, дождь, водопад*). Это помогает ему осуществить процесс категоризации звуков на классы: короткие, отдельные, высокие, невысокие, негромкие, резкие и «мокрые».

Словарь Longman [LLA, 1996, с. 1267-1271] также делит корпус английских субстантивных фонимов с опорой на физическую природу: 1. Звуки ударов при падении предметов на твёрдую поверхность: *bang, thud, crack, crash, clatter* (Предмет – актер, поверхность – ре-актер). 2. Звуки двух трущихся друг о друга предметов: *scrape, creak, squeal*. (Указаны оба члена бинома). 3. Звуки ударов двух предметов друг о друга: *knocking, rap, patter* (То же, но без кинетики предметов). 4. Звуки ударов стеклянных или металлических предметов друг о друга: *clink, clank, clang* (То же, но с указанием на материал протокаузаторов звука). 5. Звуки, производимые воздушной струей: *hiss, swish, fizz*. (Указан только актер звукового действия: *воздушная струя*). 6. Звуки колокола или кляксона: *ring, toll, chime* (Назван недискретной бином как холистичный каузатор звука.). 7. Звуки жидкостей: *splash, squelch, gurgle* (Указан только актер звукового действия).

Однако фонационный вектор когниции способен при категоризации звуковых событий уступать когнитивную сцену акустическому вектору (подробнее о когнитивной сцене см. [Колесов, 2008, с.19-31]). В частности, в словаре Рожэ [RTEWP, 2000] приводится классификация звуков с основой на перцептивный фактор, который учитывает то звуковое впечатление, которое они оказывают на реципиента. Конкретные звуки делятся на 1. резкие и громкие (sudden and violent): *snap, knock, click, etc.* 2. повторяющиеся и длинные (repeated and protracted): *roll, rumble, etc.* 3. звонкие (resonance): *ring, ringing, jingle, etc.* 4. шипящие (hissing): *hiss, buzz, whiz, etc.* 5. неприятные (harsh): *stridor, jar, grating, etc.* 6. человеческие (human): *voice, cry, vociferation, etc.* 7. животные (animal): *bellow, bark, yelp, etc.*

В первых пяти разрядах общим категориальным признаком является характеристика звуковой субстанции как объекта перцепции. Семантика признаковости акустических объектов возведена в ранг категориального значения. В 6-м и 7-м разряде нарушен классификационный принцип онтологической категоризации звуковой субстанции: акустический эффект от объектов-перцептивов заменён на наименование типа источника звука – «звуки человека» и «звуки живой природы».

Таким образом, анализ эмпирического материала – классификаций, приведённых в толковых словарях – подтверждает нашу гипотезу о том, что в основе категоризации фононимов лежат два когнитивных вектора – *фонационный*, перспективизирующий акт продуцирования звуков, и акустический, профилирующий как сам акт *аудиальной* перцепции, так и отношение перцептора к звуковому событию.

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Функциональная категоризация английского глагола [Текст] / Н.Н. Болдырев. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009.
2. *Гак, В.Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации [Текст] / В.Г. Гак // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб. : Наука, 1996. – С.6-52.
3. *Колесов, И.Ю.* К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка [Текст] / И.Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – №2. – С.19-32.
4. *Попова, З.Д.* Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Когнитивные исследования языка. – Москва-Тамбов, 2009. – Вып. II. – С.358-367.

Список источников иллюстративного материала

1. *Шушков, А.А.* Толково-понятийный словарь русского языка [Текст] / А.А. Шушков. – М. : АСТ : Астрель: Хранитель, 2008.
2. *Cussler, C.* Sahara [Text] / C. Cussler. – N.Y., 2005.
3. LLA: Longman Language Activator [Text]. – L., 1996.
4. RTEWP: Roget's Thesaurus of English Words and Phrases [Text]. – L. : Penguin Books Ltd, 2000.

mksmv@yandex.ru

Мараховская Т.А., Иркутск (Россия)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРНЕТ-ФОРУМА КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Электронная почта, серфинг по сети, блоги, чаты, форумы, icq-сервис и социальные сети – сегодня мало кто может представить повседневную жизнь без Интернета. Он стал неотъемлемой частью политики, бизнеса, науки и образования. Здесь можно познавать мир, учиться, работать и отдыхать. Ежедневно миллионы людей выходят во Всемирную сеть, чтобы узнать последние новости, почерпнуть необходимую информацию, отправить и получить почту, пообщаться с друзьями и партнерами, просто провести время с удовольствием. Обладая широкими возможностями и огромным потенциалом, современные информационные технологии становятся одним из важнейших средств ориентации человека в окружающей действительности, размывая географические, социальные, национальные, возрастные и гендерные границы.

Все больше проникая в реальную жизнь, виртуальная (virtual от ср. лат. virtualis – возможное) однако не заменяет, но дополняет ее, делая динамичнее, богаче, разнообразнее. Более того, она начинает выступать в качестве самостоятельной сферы вербального взаимодействия людей, представляя собой особое коммуникативное пространство, открывающее перед нами двери в новый, ни на что не похожий мир – особую модель реальности с эффектом присутствия в ней человека и иллюзией погружения в этот мир.

Изучение электронной коммуникативной среды только начинается. Как специфический объект научного исследования мир виртуального общения имеет недолгую, но вместе с тем яркую историю. Возникнув в современной культуре во второй половине XX столетия, он не только существенно изменил характер и условия общения, но и представления о коммуникации в целом, заставив, тем самым, задуматься о статусе, структуре и языковых особенностях коммуникативного взаимодействия в глобальной компьютерной сети Интернет.

Одним из наиболее эффективных способов обсуждения вопросов во Всемирной паутине и исконно сетевым «инструментом общения» является Интернет-форум (от англ. www-conference, синонимы: конференция, веб-конференция). Как специфическая форма взаимодействия людей по передаче информации от человека человеку коммуникация в виртуальной среде Интернет-форума имеет свои особенности (структуру, цель, характер, способы языкового выражения) и представляет собой процесс взаимного обмена информацией, предполагающий ответную реакцию и участие пользователей в обсуждении. При этом участники дискуссии преследуют различные цели: передать или получить информацию, поддержать эмоциональный или психологический контакт, выразить свое «Я», найти друга или единомышленника. В зависимости от определенного речевого поведения коммуникантов данный процесс может варьироваться от обсуждения при нейтральных и дружеских отношениях до флейма (спора с обострением отношений и разделением на группы).

Принципиальными свойствами Интернет-форума являются разграничение обсуждаемых тем и возможность общения в асинхронном режиме. Каждый форум имеет свое тематическое направление –

достаточно широкое, чтобы в его пределах можно было вести разностороннее обсуждение. Единое целое виртуальной коммуникации Интернет-форума составляет полилог, последовательно разрабатываемый в речевом общении группой коммуникантов, при этом связь между виртуальными личностями устанавливается путем обмена сообщениями, регулирующими общение в соответствии с коммуникационной моделью: «адресант – сообщение – адресат». Объединенные общей темой и представляющие последовательность вопросов и ответов, такие коммуникативные эпизоды образуют треды (от англ. thread – нить). Чем более актуальной для собеседников является тема, тем длиннее цепочка вопросов и ответов, составляющих древовидную структуру виртуального полилога, участником которого может стать любой желающий, присутствующий в данный момент на форуме, независимо от того, участвует он в обсуждении предложенной темы непосредственно или пассивно следит за его ходом.

Содержание дискуссии является открытым для всех участников полилога, в силу этого коммуникативное взаимодействие посредством Интернет-форума осуществляется по принципу *manу-to-manу* (многие-многим), а тексты межличностного общения, являясь адресными по форме, становятся публичными, доступными всему электронному сообществу. Кроме того, сообщения, отправленные для обсуждения на форум, могут храниться неограниченно долго, что позволяет обмениваться информацией с задержкой во времени и не требует одновременного пребывания в Сети. Возможность общения в асинхронном режиме располагает к более серьезным обсуждениям и предоставляет коммуникантам больше времени на обдумывание ответа, позволяя четко сформулировать мысли и обосновать свою точку зрения.

Особого внимания заслуживает тот факт, что общение в виртуальной среде Интернет-форума осуществляется при помощи компьютерной техники и поэтому является опосредованным. Отсутствие непосредственного контакта между собеседниками, использование ником (от англ. nickname – прозвище) и аватар (картинок, подчеркивающих индивидуальность) дает редкую возможность примерить новую социальную роль, перевоплотиться и создать привлекательный, отличающийся от реального портрет – вербальный имидж, соответствующий интересам, особенностям характера и личностным качествам коммуниканта. Подобный виртуальный образ снимает психологические барьеры, помогает реализовать творческий и интеллектуальный потенциал, «освобождает от соображений престижа, условностей, обязанности соответствовать ожиданиям окружающих» [Кон, 1984, с. 138].

Перечисленные особенности процесса коммуникации в электронном пространстве Интернет-форума позволяют говорить об особой коммуникативной среде, порождающей новые ситуации и отношения и открывающей уникальные перспективы для межличностного общения.

Библиография

Кон, И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание [Текст] / И.С. Кон. – М. : Политиздат, 1984.

mta1305@mail.ru

Мельникова А. С., Белгород (Россия)

КОНЦЕПТ 'ПУТЬ' КАК ОСНОВА СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена детальному рассмотрению концепта *'Путь'* в аспекте семантического преломления фразеологических единиц английского и русского языка на основе их репрезентации и функционирования в языковой картине мира носителей английского и русского языка.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, семантика, языковая картина мира.

Современные когнитивные исследования, содержащие пояснения к русской и английской концептосфере, одним из главных объектов выделяют концепты *'Путь / Дорога'*, лежащие в основании формирования принципов языковой картины мира.

В лингвистической традиции существует несколько научных течений, в которых концепт рассматривается в различных формах его языковой и ментальной передачи: как объект живой или неживой природы, отражающий национальную картину мира, как абстрактная единица переработки реальной действительности. Весьма продуктивной является мысль о взаимодействии концепта и языковой картины мира.

Концепты *'Путь / Дорога'*, – как отмечают исследователи, – причислены к универсалиям мировой культуры. Репрезентанты концептов *'Путь / Дорога'* имеют большое значение для русской и английской лингвокультур и достаточно широко представлены. Они обладают базисными характеристиками, которые отражают народный характер.

О. А. Черепанова обращает внимание на то, что с середины XX столетия дорога и связанная с ней символика оказываются для сознания носителей русского языка особенно привлекательными. Лингвист обращает внимание на то, что образ дороги наиболее ярко раскрывается в песенном жанре. (дорога, дорога, та знаешь так много о жизни моей непростой – Любэ). Так с «дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога- это фантом, не дающий перейти к разумной стабильности жизни» [Черепанова, 1999, с. 30].

Концепты 'Путь / Дорога' сложны по структуре и способны к формированию фразеологических единиц и лексических сращений. Вследствие чего, данные концепты достаточно широко репрезентированы в языке.

Понимание Пути, Дороги как пространственной материализация времени сделало возможным такие сочетания, как *жизненный путь* («время жизни, жизнь»), *исторический путь* («последовательность исторических событий, историческое развитие»). Протянувшаяся в пространстве нить дороги, как нить, которую прядут Парки, - это судьба. Отчетливая связь идеи судьбы с идеей пути видна в диалектном значении слова *дорога* «о судьбе», в выражениях *путеводная звезда, путеводная нить*. Дорога-судьба – это может быть бесконечный безблагодатный путь как символ вечности (путь Агасфера), тернистый путь страдания во имя спасения людей и постижения вечных ценностей (крестный путь Христа), это трудный путь, исполненный блужданий, неустроенности, борьбы во имя достижения необходимых целей. Значительно реже дорога понимается как путь в светлое будущее, благополучная судьба, окрыленная счастьем [Черепанова, 1999, с. 30].

В концепте пути ярко обнаруживает себя оппозиция жизнь – смерть. Дорога – это соединительное звено двух сфер, жизни и смерти, этого мира и «того», своего и чужого. Оба элемента оппозиции могут кодироваться образами Пути, Дороги, но в большей мере — смерть. Проявляется это в обрядах и ритуалах (прежде всего похоронном), в тексте, на лексическом уровне. Семиотическое пространство жизни обнаруживается в выражениях *жизненный путь, дорога жизни* (и даже в известном выражении, связанном с блокадой Ленинграда: *дорога жизни*), *широкая дорога* как обозначение благоприятных жизненных обстоятельств [Черепанова, 1999, с. 30].

Смерть мыслится как переселение в иной мир, достичь который можно, преодолев определенный длительный и нелегкий путь. Особенно отчетливо это проявляется в текстах похоронных причитаний и плачей, где присутствуют не только лексемы со значением Пути, Дороги, но и последовательно сменяющие друг друга названия географических и природных объектов, встречающихся на пути и маркирующих пространство:

«Уж ты пойдешь, сердечно дитяtko, Пойдешь по тем путям-дороженькам, По лесам да по дремучим, По болотам по седучим, По ручьям по презрубым, Пойдешь по узеньким тропиночкам, Пойдешь по часту вересинничку, Уж как встретишь-то, мое сердечное, Моих-то родных родителей» [Чистяков, 1982, с. 119].

Идея смерти звучит в выражениях *проводить в последний путь, закончить свой земной путь*, к выходу, к чьей-либо смерти [Черепанова, 1999, с. 30].

Как отмечает И.А. Андреева, в англоязычной языковой картине концепт 'Way' (Путь), вербализованный лексемами *way, path, track*, получает достаточно объемную концептуализацию в ментальности носителей английского языка, проявляющуюся в разнообразии и многочисленности продуктивных ориентационных метафор, использующих в качестве области (домена) источника концепт 'Way'.

Этот факт объясним сформировавшимися в наивной картине мира и устоявшимися в современной концептуальной картине мира представлениями о человеческой жизни как о пути, получившими широкую вербализацию в англоязычной картине мира, в том числе и на фразеологическом уровне [Андреева, 2006].

Лексическая единица *way* имеет обширное поле полисемантических структур, что ведет к дальнейшему метафорическому преломлению данной единицы как привычки, способа действия, места и т.д.

1) Путь может содержать семантическое выражение привычки: *be fond of one's own way; be set in one's ways*.

2) Путь репрезентируется как уход от центральной точки на большие расстояния: *a long way*.

3) Путь преломляется в таксономическом смысле: *from way back*.

4) Прохождение пути представлено в виде законченности действия: *be with smb all the way; all the way*.

5) Появление на пути предметов мира рассматривается как трудность: *be in the way; clear the way for; get in the way of smth.; stand in smb's way/path; every path has a puddle*. Отсутствие или ликвидация трудностей соотносится с успехом: *make way for; get out of smb's way*.

6) Позиция на пути к чему-либо характеризуется как мотивация: *be in the way of doing smth; get one's own way*.

7) Многозначность языковой единицы *way* позволяет представить ее в виде способа действия: *all the other way; bring smb up the hard way; come up the hard way; in a tin-pot way*.

8) Путь модифицируется в виде некой силы, воздействующей на предмет: *go a long way; go a very little way with smb*.

9) Для изменения жизненного уклада необходимо произвести усилия: *go out of one's way*.

10) Путь осмысливается как подход, если персона осведомлена о расположении троп, дорог, путей: *know one's way about/ around; have a way (with smb)*.

11) Метафорическое преломление данной лексемы в значении жизненного пути рождает появление возможностей – *lay / put / throw smth in smb's way*.

12) Понятие жизненного пути несет в себе смысловое содержание устоявшегося уклада – *pretty Fanny's way; the ways of the world; mend one's ways*.

Путь может нести в себе коннотацию как прогрессивного, так и регрессивного движения. Дорога с обилием препятствий преломляется как прогресс: *find / edge/ force / push / shoulder / squeeze / thread one's way; be well on one's way; go a long way*.

Начало пути метафорически представлено следующими единицами: *be well under way; get under way*. Пребывание на участке пути понимается как положительное значение: *be on track; go / make / wend / take one's way; in the way of doing smth; in a fair way to do smth*. Метафоризация идиомы *make one's way* «продвигаться» имеет другую семантику – «сделать карьеру, завоевать положение в обществе».

Большое удаление пути несет прогрессивное отношение: *have come a long way; have a long way to go*, а заблуждение или возвращение назад – *lose one's way; no to know which way to turn* – представляется как регресс.

В ходе проведенного анализа было выяснено, что семасиологическая основа *way* имеет разнообразную и продуктивную репрезентацию в языке и порождает большое количество переносных и метафорических значений. Положительная или отрицательная коннотация данной лексической единицы в составе фразеологизмов зависит от семантического осмысления.

Библиографический список

1. Андреева, И.А. Метафоризация концепта «way» средствами идиоматики в современном англоязычном художественном дискурсе [Электронный ресурс] / И.А. Андреева. – Режим доступа : [Http://visnyk.sumdu.edu.ua/arhiv/2006/11\(95\)2/1_Andre.pdf](http://visnyk.sumdu.edu.ua/arhiv/2006/11(95)2/1_Andre.pdf)
2. Гусева, Е.В. Культурная единица «дорога»: атрибутивно- семантические свойства [Текст] / Е.В. Гусева. – Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Н. Новгород, 2001.
3. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А.В. Кунин. – М. : Русский язык, 1984.
4. Черепанова, О.А. Путь и дорога русской ментальности в древних текстах [Электронный ресурс] / О.А. Черепанова // Сб. науч. докладов III научной конференции «Рябининские чтения 99». – Петрозаводск, 2000. – Режим доступа : http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin1999/01_35.htm
5. Чистяков, В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX-XX вв. [Текст] / В.А. Чистяков // Обряд и обрядовый фольклор. – М. : Русский язык, 1982. – С.114-127.
6. Cambridge International Dictionary of Idioms [Текст] / Cambridge : CUP, 1998.

amelnikova.86@mail.ru

Мельничук О.А., Якутск (Россия)

КАТЕГОРИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

При исследовании концептуальной картины автора художественного текста важно определить ключевые термины и понятия, обозначающие авторское присутствие в тексте. Среди теорий, разграничивающих автора в реальной действительности от автора в художественном, вымышленном мире произведения, большой популярностью среди российских филологов пользуется теория образа автора, разработанная В.В. Виноградовым. Нарратологи ввели понятие «абстрактного (имплицитного) автора». Концептуальный анализ использования данных понятий в художественном тексте и их определений показал, что и российские филологи, и зарубежные исследователи отделяют автора произведения (конкретный, физический, реальный автор) от автора в мире произведения (образ автора, абстрактный, имплицитный автор), понимая под последней повествовательной инстанцией либо художественного двойника реального писателя, его художественную проекцию, либо основную идею произведения, его суть.

Как видно, автор в мире произведения понимается и отечественными филологами, и нарратологами двояко. На наш взгляд, это связано с тем, что в терминах «образ автора» и «абстрактный автор» смешалось два явления, вернее, два вида присутствия автора в тексте:

1. Первый вид присутствия связан с тем, что образ автора понимается в буквальном смысле, т.е., «образ» как вид, внешность, подобие предмета. Не секрет, что часто писатель создает в том или ином произведении своего двойника, для которого он сам и является «моделью». Литературный критик и писатель Филип Форест, отмечает, что для писателя двойник является вторым «я», который, в отличие от него, решил прожить жизнь, а не мечтать о ней. Изобретение двойника является ответным действием писателя на разрыв между словом и действительностью. Персонажи-двойники выполняют конкретные акты, на которые у писателя не хватает смелости [Forest, 2001, p. 59-63]. Восприятию образа автора как двойника писателя или его «портрет», возможно, способствует и тот факт, что, как утверждает Ю.А. Сорокин, фрагментом читательской проекции текста является ментальный портрет его автора, «в представлениях о словесной структуре текста содержатся и представления о личностных особенностях автора, упакованных в слова», что доказано экспериментально [Сорокин, 1997; 1999, с. 57-60]. Подтверждением этому может служить и письмо одного читателя писателю Аудиберти, просящего выслать ему фотографию, но не потому, что его интересует физический портрет писателя, а потому, что его беспокоит то, что образ автора, который он создал, не имеет лица [Textuel, 1994b, p.168].

2. Второй вид присутствия автора в произведении не сводится к созданию своего образа, а выражается в изображении некой модели мира, отражающей авторское сознание, авторское отношение к действительности, которое в свернутом виде можно сформулировать как главную идею произведения. М.М. Бахтин считал, что

внутри произведения автор является совокупностью творческих принципов, а его «индивидуация» как человека есть уже вторичный творческий акт интерпретирующего, независимый от автора, как активного принципа видения, и делающий его пассивным [Бахтин, 2000б, с. 226].

Представляется, что термины «образ автора» и «абстрактный автор» больше подходят для обозначения первого вида авторского присутствия в тексте, ввиду того, что они лексически отсылают к автору как денотату, вызывая ассоциации с личностью автора как человека.

Поскольку при чтении произведения читатель встречает в нем авторское отношение к действительности и отражение его понимания мира в произведении, т.е., имеет дело с сознанием писателя, закодированным в тексте при помощи языковых и композиционных средств, мы предлагаем обозначить второй вид авторского присутствия в тексте термином «авторское сознание», обозначающим категорию авторского сознания, под которой понимается выражение авторского мировоззрения, т.е., системы предельно обобщенных взглядов автора на объективную действительность и свое место в ней, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции, убеждения, ценностные ориентации.

Данная категория включает следующие субкатегории: авторские интенции, авторская модель мира, основная идея (концепт) произведения, авторская точка зрения.

В художественном тексте интенции – это не просто речевой поступок с целью воздействия на читателя, это более сложное явление. Интенции в теории текста определяются как сложное соединение мышления о действительности (замысел) и сознательного выбора средств художественного воздействия автора произведения на читателя (реализация замысла). Поэтому под **авторскими интенциями** мы понимаем:

- стратегические интенции, которые определяются как общий замысел произведения, т.е., самый общий нерасчлененный смысл, общая концепция будущего произведения, диктующий выбор средств для реализации концепции;

- тактические интенции, включающие речевые интенции автора (выбор языковых средств) и выбор композиционных и графических средств в произведении.

Строя модель реальной действительности в вымышленном мире произведения, автор осмысливает реальную действительность и выражает свое отношение к ней. В определениях некоторых понятий, обозначающих присутствие авторского сознания в тексте, часто можно встретить термины, обозначающие восприятие и осмысление мира автором («мироощущение», «мировосприятие», «миросозерцание»), которые определяются в философии как целостное осознание и переживание воздействующей на человека действительности в форме ощущений, восприятий, представлений и эмоций и представляют эмоционально-ценностный аспект мировоззрения. Все эти термины отображают присущий индивиду, в нашем случае, автору, взгляд на мир, поэтому многие исследователи говорят об авторской **модели мира** или **картине мира**. Картину мира может иметь каждый индивид, независимо от того, является он художником (в широком смысле слова) или нет. Поскольку искусство выступает как моделирующая система, для определения авторского миросозерцания и мироощущения, отображенного в художественном тексте, на наш взгляд, больше подходит термин **«модель мира»**, под которым понимаются представленные в художественном произведении и обусловленные авторскими интенциями представления и знания автора о мире, включающие в себя его мировоззрение. Как метко заметил А. Робб-Грийе, все писатели считают себя реалистами, так как все пишут о реальности, только представляют ее себе по-разному: классики думали, что она – классическая, романтики представляли ее себе романтической, сюрреалисты – сюрреальной, Камю – абсурдной. Каждый говорит о мире так, как он его видит, но никто не видит его одинаково [Robbe-Grillet, 1986, p. 135-136].

Свернутую, сжатую авторскую модель мира или концентрированный смысл произведения можно определить как концепт, под которым в интерпретации текста понимается основное идейное содержание произведения, отражающее знания и мнение автора о фрагменте действительности. Однако, учитывая неоднозначность термина «концепт» (его использование в когнитологии, культурологии и т.д.), мы предпочитаем использовать словосочетание **«основная идея произведения»**.

Формирование авторской модели мира на протяжении всего текста происходит при помощи авторской точки зрения. К сожалению, понятие «авторская точка зрения» до сих пор очень мало исследовано. К тому же, многозначность словосочетания «точка зрения» приводит к его использованию в качестве термина с разными значениями в различных теориях. Например, у нарратологов точкой зрения называется выбор повествовательной инстанции, исключающий авторское вмешательство в описываемые события, т.е., формирование повествовательной перспективы или фокализации.

Мы предлагаем понимать под термином «авторская точка зрения» отношение автора к отдельным фактам, событиям, действиям, изображенным в произведении. Авторских точек зрения в одном тексте может быть несколько, так как в таком произведении, как, например, роман, как правило, поднимается несколько проблем, используется несколько сюжетных линий. То есть, объектов авторского отношения может быть несколько, но само отношение пронизывается единой идеей, так как подчиняется авторскому мировоззрению.

Автор, порождая текст, отображает в нем свою модель мира. Читатель пытается воссоздать (смоделировать) авторскую модель мира, т.е., создает модель модели мира, которая включает когнитивные представления о событиях, действиях, персонажах, т.е., ситуацию, отраженную в тексте, но с учетом предыдущего опыта и фоновых знаний читателя.

Проблема авторского сознания, на наш взгляд, тесно связана с дискуссией о понятиях «содержание» и «смысл», основанной на разграничении планов автора и читателя. Представляется, что необходимо вести речь и о содержании, и о смысле в обеих плоскостях: и в плане автор/текст, и в плане текст/читатель. Смысл закладывается автором в содержание текста, а читатель, имея дело с тем же содержанием, воссоздает авторский смысл.

Библиографический список:

1. *Бахтин, М.М.* Автор и герой – К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М.М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000.
2. *Сорокин, Ю.А.* Ментальная реконструкция образа автора [Текст] / Ю.А. Сорокин // Межкультурная коммуникация : тез. докл. и сообщ. 2-го сибирско-французского коллоквиума. – Иркутск : ИГЛУ, 1997. – С.65-67.
3. *Сорокин, Ю.А.* Почему живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты [Текст] / Ю.А. Сорокин. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 1999.
4. *Forest, Ph.* Le roman, le Je [Texte] / Ph.Forest – Nantes : Editions Pleins feux, 2001.
5. *Robbe-Grillet, A.* Pour un nouveau roman [Texte] / A.Robbe-Grillet. – Paris : Les Editions de Minuit, 1986
6. *Textuel.* “Ecrire à l'écrivain” [Texte] / Textes réunis par José-Louis Diaz. Revue de l'U.F.R. “Science des textes et documents”. – 1994. – № 27.

oam@sitc.ru

Можжаева Т.Г., Анкара (Турция)

ВРЕМЕННЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАГОЛОВКОВ МЕДИАСООБЩЕНИЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА

В работе рассматривается соответствие между традиционными ментальными представлениями о времени и пространстве Востока и Запада и их языковой реализацией в заголовках медиасообщений современных западноевропейских и турецких СМИ.

Глобализация, распространившаяся на общественно-экономическую сферу, закономерно приводит к расширению глобальных медиасистем, что сталкивает медиасообщество с проблемой определения масштабов глобальной коммуникации и границ ее возможностей. В отличие от финансово-экономических и политических последствий глобализации, культурные составляющие этих процессов оказываются значительно более сложными и менее заметными. Тем не менее, выявление культурной компоненты играет порой определяющую роль для осуществления продуктивной коммуникации.

Эффективная обратная связь между создателем и получателем сообщения обуславливается наличием общих фильтров восприятия, среди которых значимое место занимают когнитивные структуры восприятия и обработки информации. В активизации таких структур и заключается эффект так называемого «медиа-прайминга», обеспечивающего продуктивное восприятие медиасообщения при отсутствии отрицательного влияния на психику человека [Ерофеева, 2009, с. 214].

При определении национально-культурной специфики фильтров восприятия медиасообщений значимыми являются не только установки читателя или зрителя на восприятие содержания сообщения (социальные нормы, гендерные установки, этнические стереотипы и т.д.), но и на особенности формы сообщения, т.е. соответствие структурно-синтаксических, лексико-грамматических, стилистических особенностей медиадискурса базовым когнитивным структурам обработки информации.

Выявление этнокультурных особенностей структуры и стиля медиасообщений позволяет очертить границы между национальным и глобальным, что предупреждает непродуктивное взаимодействие между формой медиасообщения и фильтрами восприятия той или иной аудитории, обеспечивая полное декодирование смыслов, заложенных коммуникатором.

Результаты выявления этнокультурных характеристик медиасообщений приобретают большую значимость при сопоставительном подходе. В рамках нашего исследования сопоставляются структурно-синтаксические особенности заголовков медиасообщений из различных этнокультурных контекстов – Западная Европа (Германия) и Средний Восток (Турция) – с целью выявления соответствия языковой репрезентации времени и пространства традиционным ментальным представлениям Востока и Запада об этих категориях.

Время и пространство, образующие единый пространственно-временной континуум, воспринимаются опосредованно через человеческий опыт, откладывающийся в сознании установленные единицы восприятия. Образует ценностно-значимую структуру национальной модели мира, пространственно-временной континуум является частью аксиологического пласта культуры [Ерофеева, 2009, с. 216].

Традиционно время как мгновение представляется более ценным для западного сознания, тогда как время как непрерывный поток вечности – для восточного. Не зря в ответ на западноевропейские «Время – деньги», «Потерянного времени не воротишь» и «Время и прилив никого не ждут», турецкие поговорки гласят: «Поспешность – бедствие», «Кто идет скоро, у того запутываются ноги в платье» и «Муха, которая спешит, падает в молоко» [Пословицы и поговорки ..., Электронный ресурс].

Часы как неизменный атрибут католического и протестантского храма, расположенные на его колокольне, имеют знаковый характер для западной культуры и являются неоспоримым свидетельством ценности времени для глубинных пластов культурно-генетического кода Запада. Так, из глубины веков в день сегодняшний, «западный человек-монада, вечно гонимый смертельным «слишком поздно», мчится по быстротечной орбите своего времени с хронометром в руках» [Шубарт, 2000, с. 114].

Благоговение Востока перед бесконечностью, цикличность мышления берет начало в религиозных представлениях: «восточная церковь делает акцент... на культе с его властью настроения; протестантская – на догмате с его требованием длительной значимости» [там же, с. 216]. Исторически упорядоченному сознанию Запада противостоит природная цикличность Востока, где «время и пространство, находясь в непрерывном круговращении, подчиняются центростремительной силе и постепенно стягиваются в одну точку, в центр круга, ... где одно становится другим и достигается ощущение их полного исчезновения, нирвана» [Шахматова, 1997, с. 13]. Судьба времени и пространства на Западе и Востоке уходит корнями в традиции устной культуры Востока и письменной – Запада [Innis, 1991]. В частности, исламская культура, отдавая предпочтение слуху над зрением, запрещала живопись, театр и прочие зрелищные искусства, создающих иллюзию сиюминутности.

Итак, противопоставляя культуры Востока и Запада как вечность – мимолетности, традицию – сиюминутности, покой – движению, мы наблюдаем столкновение различных ментальных представлений о времени и пространстве.

В рамках сопоставительного изучения пространственно-темпоральных особенностей заголовков были проанализированы структурно-синтаксические особенности 300 заголовков новостных сообщений ежедневных общественно-политических печатных изданий Турции и 300 заголовков сообщений, опубликованных в изданиях Германии за август-сентябрь 2010 года. По причине различных морфосинтаксических особенностей языкового материала, мы использовали англоязычные варианты заголовков турецких медиасообщений, предлагаемые в дайджесте Хюрриет Дейли Ньюс (www.hurriyetdailynews.com), проверив соответствие перевода оригинальным вариантам. Основные результаты исследования отражены в Таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительный анализ структурно-синтаксических особенностей заголовков новостных сообщений общественно-политических изданий Турции и Германии

Структурно-синтаксические особенности	Заголовки в изданиях Турции	Заголовки в изданиях Германии
распространенность предложений, локализация событий во времени и пространстве	78%	35%
отсутствие временной и пространственной локализации событий	22%	65%
передача чужого высказывания (прямая и косвенная речь)	26%	25%
передача чужого высказывания в форме косвенной речи	2% *	99% *
передача чужого высказывания в форме прямой речи	98% *	1% *

* из общего числа заголовков, передающих чужие высказывания

Заголовки новостных сообщений в турецкой прессе имеют общую тенденцию отражать содержание текста более полным образом, чем заголовки изданий Германии. Основная их часть представлена простыми распространенными предложениями в активном залоге, предлагающими читателю полную информацию о субъекте и объекте действия, а также локализуя события во времени и пространстве: *Orthodox Christians pour into Turkey's Black Sea region for ceremony* [Milliyet, August 1, 2010], *Cattle will be Imported before the Feast of Sacrifice* [Yeniçağ, September 1, 2010].

Практически все заголовки в турецких изданиях, передающие чужие высказывания, представлены прямой речью, что позволяет воспроизвести ситуацию достоверно и целостно: *“Justice must be Powerful, and Mighty People must be Fair”* [Milliyet, September 7, 2010], *“If No Votes More Than Yes, Democracy Will Go Through a Serious Trauma”* [Sabah, September 3, 2010].

Заголовки новостных сообщений ежедневных изданий Германии демонстрируют наличие противоположных особенностей. 65 % из них выражено неполными номинативными предложениями: *Merkel's Misery* [The German Times, August 7, 2010], *Der Jungste* [Frankfurter Allgemeine Zeitung, August 8, 2010], *Loveparade-Unglück* [Süddeutsche Zeitung, September 6, 2010].

Около 25% заголовков немецких изданий передает чужую речь, которая представлена практически исключительно в субъективированном варианте: *SPD Nennt Sauerlands Reaktion „Dilettantisch“* [Süddeutsche

Zeitung, September 6, 2010], *Soldaten sehen Ende der Wehrpflicht Skeptisch* [Süddeutsche Zeitung, September 8, 2010], *CDU will Druck auf Zuwanderer Erhöhen* [Frankfurter Allgemeine Zeitung, September 2, 2010].

Итак, основные выводы, полученные в результате исследования, соответствуют характеру ментальных представлений о времени и пространстве в восточной и западной культуре. Заголовки новостных сообщений Запада демонстрируют динамичное течение времени и смену пространства, мимолетность и сиюминутность, противопоставленную восточной целостности, цикличности и созерцательности. Полученные результаты призваны оптимизировать стратегии продуктивного информационного воздействия на аудиторию в соответствующем медиакультурном контексте.

Библиографический список

1. *Ерофеева, И.В.* Пространственно-временной континуум современного медиатекста в аспекте национального восприятия [Текст] / И.В. Ерофеева // Санкт-Петербургский государственный ун-т / Вестник. Сер. 9. Филология. – 2009. – Вып. 4. – С.214 – 221.
2. *Шахматова, Е.В.* Искания европейской режиссуры и традиции Востока [Текст] / Е.В. Шахматова. – М. : Эдиториал УРСС, 1997.
3. *Шубарт, В.* Европа и душа Востока [Текст] / В. Шубарт. – М. : Русская идея, 2000.
4. Пословицы и поговорки народов мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sayings.ru/world/turk/turk_2.html
5. *Innis, H.A.* A plea for time. A problem of space [Text] / H.A. Innis // The bias of communication. – Toronto: University of Toronto Press, 1991. – P.61-131.

Список источников иллюстративного материала

1. Akşam. – 2010 (август-сентябрь).	14. Posta. – 2010 (август-сентябрь).
2. Berliner Zeitung. – 2010 (август-сентябрь).	15. Radikal. – 2010 (август-сентябрь).
3. Birgün. – 2010 (август-сентябрь).	16. Sabah. – 2010 (август-сентябрь).
4. Cumhuriyet. – 2010 (август-сентябрь).	17. Süddeutsche Zeitung. – 2010 (август-сентябрь).
5. Der Tagesspiegel. – 2010 (август-сентябрь).	18. Tageszeitung. – 2010 (август-сентябрь).
6. Die Welt. – 2010 (август-сентябрь).	19. Taraf. – 2010 (август-сентябрь).
7. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2010 (август-сентябрь).	20. The German Times. – 2010 (август-сентябрь).
8. Frankfurter Rundschau. – 2010 (август-сентябрь).	21. Türkiye. – 2010 (август-сентябрь).
9. Habertürk. – 2010 (август-сентябрь).	22. Vatan. – 2010 (август-сентябрь).
10. Handelsblatt. – 2010 (август-сентябрь).	23. Yeni Şafak. – 2010 (август-сентябрь).
11. Hürriyet. – 2010 (август-сентябрь).	24. Yeniçağ. – 2010 (август-сентябрь).
12. Milliyet. – 2010 (август-сентябрь).	25. Zaman. – 2010 (август-сентябрь).
13. Neues Deutschland. – 2010 (август-сентябрь).	

t_mozhaeva@mail.ru

Моисеенко Л.Н., Омск (Россия)

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (на материале современного немецкого языка)

Интенсивность является одной из количественных характеристик глагольного действия и определяется как «степень напряжённости его протекания» [Паутова, 1972, с. 69].

Вопрос о статусе интенсивности как языковой категории ставился в работах Г.Г. Галич, Л.Я. Герасимовой, Н.В. Лисовой, К. Т. Рсалдинова, Э. Сепира, Е.Н. Сергеевой, И.И. Туранского, Е.И. Шейгал. Под категорией интенсивности в лингвистике понимается языковая понятийная категория, которая служит для отражения градаций в степени проявления признака в сторону увеличения и уменьшения (усиления и ослабления) и выражается средствами различных языковых уровней [Рсалдинов, 1980, с. 5-6; Шейгал, 1981, с. 4].

Градуирование действия по интенсивности всегда базируется на сравнении. Говорящий субъект сравнивает объект-носитель выделяемого признака с другим конкретным носителем того же признака и приблизительно оценивает данные этого сравнения. Оценка в большинстве случаев не является произвольной, а опирается на опыт коммуникантов – личный или социальный – и оказывается связанной с закреплёнными опытом объективными нормами.

Количественные модификации интенсивности, устанавливаемые посредством сравнения с некоторым эталоном, принимают в речи форму относительной или абсолютной оценки данных этого сравнения. Соответственно этим двум планам в рассматриваемой категории обнаруживают две разновидности –

относительную и абсолютную, обладающие собственным арсеналом средств выражения и объединяющиеся в категорию степени интенсивности действия на основании семантической общности.

При абсолютном градуировании степень проявления динамического признака у объекта сравнивается с нормой и оценивается как равная норме, превышающая её или не достигающая нормы. Различные абсолютные градации могут быть представлены в виде линейной шкалы градуирования по интенсивности, которая существует как в сознании говорящего, так и в сознании слушающего. С точки зрения осмысления строения этой шкалы на основании социального опыта в ней могут быть выделены участки «норма», «больше нормы» и «меньше нормы».

Относительные градации проецируются на шкалу абсолютных градаций, подвижны в этих проекциях и могут быть локализованы на разных её отрезках. Для них актуально выражение отношения «равно», «больше» или «меньше», но в ориентации на норму, действующую в каждом случае [Галич, 1981, с. 29-30].

В роли нормы может выступать степень признака, необходимая или желаемая с точки зрения говорящего для объекта в данной ситуации. Этот вид нормы можно обозначить как ситуативную норму, одной из основных характеристик которой является соответствие потребностям субъекта и / или оцениваемой им ситуации. Несмотря на разнообразие норм, их объединяет способность участвовать в операции сравнения в качестве эталона признака при оценке той или иной интенсивности глагольного действия.

Структуры со значением интенсивности отвечают на вопросы «как?», «как сильно?», «в какой степени?», «в какой мере совершалось / совершается / будет совершаться действие?». В силу того, что в немецком языке отсутствует морфологическая категория, способная передавать градуальные различия глагольных действий, это значение отражается в семантике многообразных единиц, которые могут быть объединены по способам выражения.

Аффиксальный способ касается градационных различий в значениях некоторых корневых и аффиксально-производных глаголов типа *husten / husteln (leicht husten)*, *sausen / säuseln (ein wenig sausen)*, *tanzen / tänzeln (sich mit leichten, federnden Schritten bewegen)*.

Лексико-семантический способ объединяет синтетические средства передачи значения интенсивности, которое включается в семантику глагольного слова. Внутренняя интенсификация в немецком языке свойственна единицам следующих семантических классов: «движение» (*eilen, hasten, rasen* с семантической структурой «двигаться» + «(очень) быстро, энергично, резко», *schlendern, taumeln*, имеющие значение «двигаться» + «(очень) медленно, затруднённо»), «эмоциональное состояние» (*hassen, verachten*). Интенсивность может быть неразрывно связана с объектом, который она характеризует: громкость (интенсивность звука) – *heulen, toben*, яркость (интенсивность света) – *glühen, schimmern*.

Лексико-синтаксический способ объединяет лексические градуальные показатели, указывающие на большую или меньшую степень проявления интенсивности действия. Средствами выражения данного значения выступают 1) наречия степени, в значении которых содержится исключительно количественный признак (*sehr, besonders, ganz*), 2) наречия, которые своей семантикой называют какой-либо признак и содержат указание на высокую / низкую степень наличия данного признака (*mächtig, heftig, kräftig*). Среди них выделяют наречия качественного признака со значением величины, силы (*stark, riesig, gewaltig*), со значением чувства страха, ужаса, отвращения (*entsetzlich, furchtbar, schrecklich*), со значением субъективной оценки (*ungeheuer*).

Для наименований интенсивности глагольного действия квантификаторами являются парадигматические показатели степени *äußerst, durchaus, maßlos, unermesslich* с дифференциальным признаком «очень высокая степень признака». Экспрессивно высокая степень передаётся значениями качественно-количественных наречий *wahnsinnig, tödlich, entsetzlich* с отрицательной эмоциональной окраской.

При обозначении действия, изменчивого по признаку скорости, используются квантификаторы *schnell / langsam*, их функциональные синонимы *rasch, hastig*, предложные сочетания с существительными *Schritt* и *Hast* (*mit raschen / langsamen Schritten, in höchster / wilder Hast*).

Интенсивность светового излучения оценивается с помощью оценочных квантификаторов *hell, grell, gedämpft*. В роли оценочных модификаторов в сфере силы звука наиболее однозначны и частотны адъективы *laut / leise, gedämpft*. Для передачи крайне высоких значений интенсивности звука используются показатели *donnernd, gellend, hysterisch, schrill, tosend, wild*.

В сфере интенсивности действия применимы предложно-субстантивные группы с существительными *Mass, Grad* и обязательными количественными атрибутами к ним. Значение «больше / меньше нормы» возникает за счёт семантики атрибутов *hoch, höchst / gering, geringst*. Средняя / умеренная степень выражается лексическими индикаторами *ziemlich, recht*. В приглагольном употреблении отмечены также показатели *ganz, total, völlig, vollkommen*, реализующие парадигматическое значение тотальности, конкретизированное как «полная мера интенсивности признака».

Для наименования низкой степени интенсивности глагольного действия используются прономинативы «малого количества» *etwas, (ein) wenig, ein bisschen*, которые занимают очень небольшую часть шкалы в непосредственной близости к нулю и употребляются в основном в сочетании с глаголами изменения состояния, проявления звука, эмоций.

Парадигматическое значение «меньше нормы» отмечено у наречий *einigermaßen, gewissermaßen*. В микрополе «меньше нормы» включаются также сочетания глаголов движения, речевого действия с

синтагматическими показателями степени – качественными наречиями *leicht, leise, flüchtig, schwach, sanft*, употребляемыми окказионально. Подобные сочетания малочастотны и конституируют периферию данного микрополя.

Синтаксический способ выражения интенсивности глагольного действия включает повтор, некоторые типы придаточных предложений. Повтор глагола выражает одновременно высокую степень интенсивности и большую меру длительности действия и / или его многократность: *Die allgemeine Wut stieg und stieg* [Kriminalgeschichten, 1980, S. 177]. Выражение постепенного усиления / ослабления признака осуществляется союзом *je ... desto*: *Je kräftiger er auf die Bremse trat, desto stärker ist die Flüssigkeit ausgelaufen* [Crane 1985, S. 110]. Степень «больше нормы» может быть выражена в высказывании через указание на вызываемое ею следствие (*so sehr, dass*): *Dies hoffte er so stark, dass es ihn vor tödlicher Gefahr blind machte* [Loest, 1996, S. 81] Каждый из перечисленных способов обладает своими потенциальными в выражении уровня высокой степени признака (достаточность, чрезмерность, избыточность).

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что когнитивно-семантическое пространство интенсивности действия отличается большей ёмкостью, многообразием градаций степени признака и, соответственно, богатым арсеналом средств выражения.

Библиографический список

1. Галич, Г.Г. Градуальные характеристики качественных прилагательных, глаголов и существительных современного немецкого языка : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Г.Г. Галич. – Л., 1981.
2. Паутова, А.Н. К вопросу о лексико-стилистических возможностях выражения усиления и ослабления интенсивности глагольного действия в современном немецком языке [Текст] / А.Н. Паутова // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Торгеза. Вып. 67. – М., 1972. – С. 69-81.
3. Рсалдинов, К.Т. Категория интенсивности признака в современном немецком языке : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / К.Т. Рсалдинов. – М., 1980.
4. Шейгал, Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Е.И. Шейгал. – М., 1981.

Список источников иллюстративного материала

1. Crane, C. Das Zeichen des Mörders [Text] / C. Crane. – Bergisch Gladbach : Bastei-Verlag, 1985.
2. Loest, E. Durch die Erde ein Riss [Text] / E. Loest. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 1996.
3. Kriminalgeschichten. Der Metzger von Straßburg [Text] / Kriminalgeschichten. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1980.

moiseenkolarisa@inbox.ru

Морель Морель Д.А., Белоусов В.Ю., Белгород (Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА (на материале концепта 'Напитки')

Одним из обязательных этапов исследования концептов является, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, анализ интерпретационного поля концепта [Попова, 2001; Попова, 2007].

Если базовая, ядерная часть концепта служит преимущественно для фиксации в когнитивной картине мира *знаний* языкового коллектива о соответствующей реалии, то интерпретационное поле концепта отражает *отношение* к ней. При этом, если для вербальной репрезентации базовых когнитивных слоев концепта используются преимущественно лексические и фразеологические единицы, то интерпретационное поле представляет собой «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей» [Попова, 2001, с. 63-64] и объективируется, как правило, разного рода прецедентными фразами: пословицами, поговорками, афоризмами, крылатыми выражениями, а также сверхфразовыми единствами [там же, с. 130].

В дальнейшем данные авторы несколько пересмотрели свой подход к трактовке интерпретационного поля, выделив в нем ряд зон: оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную и паремиологическую [Попова, 2007, с. 110-113]. В отношении последней подчеркивается, что «она отражает не современные, а преимущественно исторические представления об отношении народа к концепту и понимании народом различных сторон этого концепта» [там же, с. 113].

Чтобы получить актуальный срез интерпретационного поля концепта 'Напитки', который в последние годы является объектом нашего исследования (подробнее см.: [Morel Morel, 2009]), мы провели опрос двухсот испытуемых от 13 до 40 лет включительно, постоянно проживающих в России (г. Белгород), с просьбой привести все известные им пословицы, поговорки, крылатые выражения о напитках (или связанные с ними).

В ответах 113 испытуемых (87 отказов) выявлено 145 исследовательских единиц (далее – реакций), из которых 37 – повторяющиеся, 107 – единичные. Общее количество приведенных испытуемыми

исследовательских единиц (корпус реакций) составляет 264. На долю повторяющихся реакций приходится 59,47% корпуса. В большинстве ответов (53) представлена одна реакция, в остальных – от 2 до 8; в одном ответе приведено 14 реакций (любопытно отметить, что график соотношения числа реакций в ответе с количеством ответов с одинаковым числом реакций имеет явно экспоненциальный профиль).

В полученный корпус реакций входят *идиомы* («сообразить на троих»), *пословицы* («что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»), *поговорки* («по усам текло, в рот не попало»), *антипословицы* («в вине – истина, в пиве – сила, в воде – микробы»), *афоризмы* («питие есть веселие Руси»), *прецедентные фразы* («ключница водку делала»), *рекламные слоганы* («Coca-cola – мечты сбываются!»), *триуизмы* («вода – источник жизни на Земле»), *тосты* («третий тост за любовь») и *сверхфразовые единства: прозаические* («Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно приятно пьется. Под конец оно укусит как змея и пустит яд как гадюка») и *рифмованные* («Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро. То тут 100 грамм, то там 100 грамм, на то оно и утро») *мини-тексты*. Таким образом, выявленные реакции обнаруживают высокую степень гетерогенности по формально-системным признакам и включают как языковые, так и речевые единицы различной протяженности.

60,5% корпуса реакций прямо или косвенно соотносится с распитием алкогольных напитков, причем наименования последних явно представлены только в 28% (распространены эвфемистические метонимии «пол-литра», «100 грамм», «бутылка» и т.п.). 38% корпуса соотносится с безалкогольными напитками, однако эта соотнесенность имеет неоднозначный характер. С одной стороны, наименования безалкогольных напитков зачастую формально не представлены в структуре высказывания («не плюй в колодец: пригодится воды напиться»). С другой – высказывание может включать подобное обозначение, однако содержательно никак не соотносится с исследуемым концептом («седьмая вода на киселе», «вода камень точит», «как с гуся вода» и т.п.). 1,5% текстовых единиц корпуса не соотносятся с концептом «Напитки» ни формально, ни содержательно, будучи ассоциированы, очевидно, по признаку «жидкость»: «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «(ждать) у моря погоды».

Отметим значительное количество приведенных испытуемыми рекламных слоганов безалкогольной продукции (преимущественно сладкие газированные напитки, представлены также квас, чай и вода): 8% корпуса.

Наиболее частотными реакциями являются «антипословицы» «водка без пива (или пиво без водки) – деньги на ветер» (18 реакций), «между первой и второй перерывчик (промежуток) небольшой» (17), прецедентная фраза «пейте, дети, молоко, будете здоровы» (15) и традиционная пословица «не плюй в колодец – пригодится воды напиться» (9).

Таким образом, ядро интерпретационного поля концепта '*Напитки*' в языковом сознании опрошенных четко соотносится с алкогольными напитками и их распитием. Ближняя периферия интерпретационного поля репрезентирована реакциями, соотносящимися с безалкогольными напитками (молоко, вода) и идеей их полезности, значимости для жизни и здоровья.

На дальней периферии преобладают (как по количеству, так и по воспроизводимости) реакции, соотносящиеся с алкогольными напитками (водка, пиво, вино, шампанское – по убыванию), их распитием и отношением к нему: в большинстве случаев явно («лучше живот (пузо) от пива, чем горб от работы») или завуалировано («кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет») положительным. Большая часть сектора, посвященного безалкогольным напиткам, репрезентирована рекламными слоганами Кока-колы и Спрайта (либо эксплуатирующими эти торговые марки: «квас – не Кола, пей Николу!»). Также к дальней периферии относится целый ряд традиционных русских пословиц и поговорок, включающих слово «вода», однако содержательно не соотносящихся с концептом '*Напитки*'.

Аналогичная картина распределения отмечается и на крайней периферии, представленной единичными реакциями. Для данного участка интерпретационного поля концепта '*Напитки*' характерно обилие «антипословиц» (в том числе и производных от получивших широкое распространение: «Гиннесс без виски – деньги на ветер», «между первой и второй даже лезвие не проходит», «кто не курит и не пьет, ровно дышит, сильно бьет»), прецедентных фраз («Мне надо выпить чашечку кофэ, принять ванну...», «Украл, выпил, в тюрьму»), коротких стихотворений, в том числе и результатов трансформации, языковой игры [Вальтер, 2010, с. 6-7] («Не надо печалиться, вся жизнь впереди! Вся жизнь впереди!.. Напейся и жги!»).

Необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие в ответах респондентов рекламных слоганов пивоваренной индустрии, количество реакций, выражающих положительное отношение к пиву и содержащих более или менее явную пропаганду его употребления, весьма значительно: 6,8% корпуса («губит людей не пиво, губит людей вода», «лучше живот (пузо) от пива, чем горб от работы», «раз в сутки пиво должно быть в желудке»). Впрочем, выявлен и пример шутливой антирекламы: «пнешь пиво – писать будешь криво».

Итак, проведенное нами исследование с привлечением эмпирических методов, показало, что языковое сознание испытуемых синкретично, недифференцировано рассматривает *все* разновидности сверхсловных средств репрезентации концепта (вне зависимости от их системного статуса и принадлежности), как некий единый комплекс (довольно диффузный с точки зрения категориальной соотнесенности). В ходе эксперимента языковое сознание испытуемых «не поддалось» попытке ограничения вывода его содержания (применительно к рассматриваемому концепту) только паремиями.

Таким образом можно утверждать, что интерпретационное поле концепта 'Напитки' репрезентируется широким спектром средств (от фразеологических единиц до сверхфразовых единств) и, следовательно, первоначальный подход З.Д. Поповой и И.А. Стернина к его синкретическому (с точки зрения системной принадлежности репрезентирующих единиц) представлению является наиболее адекватным.

Обращает на себя внимание обилие в ответах респондентов таких специфических речевых единиц, как «антипословицы», имеющих явную дискурсивную специфику, прагматические, функционально-стилистические ограничения. Причем устойчивое включение языковым сознанием в число средств репрезентации интерпретационного поля концепта столь очевидной «паремиологической неологии» [Вальтер, 2010, с. 4-6] вступает в противоречие с тезисом воронежских исследователей об определенной архаичности паремиологической зоны интерпретационного поля концепта.

Библиографический список

1. Вальтер, Х. Антипословицы в современной живой русской речи [Текст] / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Антипословцы русского народа. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – С.3-17.
2. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ ; Восток – Запад, 2007.
3. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001.
4. Morel Morel, D.A. About peculiarities of national language world mapping [Text] / D.A. Morel Morel // Materiály V Mezinárodní vědecko-praktická konference «Nastolení moderní vědy – 2009». – Praha : Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2009. – Díl 7 : Filologické vědy. Filosofie. – S.63-67.

dmm700@yandex.ru

Мороз Н.А., Тюмень (Россия)

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Значительная часть учёных справедливо рассматривают перевод как один из важных видов межкультурной коммуникации, так как в его рамках реализуется ознакомление с иной по отношению к самому переводу социально-культурной средой. При этом с позиции когнитивного подхода переводческий процесс целесообразно понимать в качестве восприятия и осознания какой-нибудь информации и последующего её преобразования в иной вид, в котором когнитивная система переводчика («язык его мозга») выступает непосредственным трансформирующим элементом.

В последнее время специалисты, занимающиеся переводом, и лингвисты всё чаще пытаются объяснить закономерности, которые обнаруживаются при контакте и взаимодействии языков и культур, прибегая к системным свойствам процесса перевода. Одним из таких исследователей является Л.В. Кушнина, изучающая процесс перевод с позиций гештальт-синергетического подхода [Кушнина, 2003, с. 200-203]. Под системными свойствами языка она подразумевает совокупность операций над смыслами текста, осуществляемых переводчиками. Смысл рассматривается как функция текста, и каждое измерение текста, как эксплицитное, так и имплицитное соотносится с компонентом смысла [Кушнина, 2004, с. 8-11].

В данной статье представлены результаты сопоставительного лингво-когнитивного исследования трёх переводов поэмы великого русского писателя Н.В. Гоголя «Мёртвые души» на английский язык на основе гештальт-синергетической модели Л.В. Кушнинной.

Учитывая тот факт, что стиль и язык произведения Н.В. Гоголя является наиболее сложной областью изучения творчества писателя, интерес к проблемам изучения интерпретации поэмы «Мёртвые души» с точки зрения передачи смысла автора в смысл перевода огромен.

Анализируя оригинал и его переводы на английский язык, мы делаем акцент на то обстоятельство, что произведения Н.В. Гоголя, их главная специфика заключается в историческом и национально-культурном компоненте. Известно, что наиболее ярко эта специфика проявляется в соответствующих языковых реалиях [Влахов, 1986, с. 312-315].

Характеризуя структуру русских языковых реалий, мы отметили, что в исследуемом произведении «Мёртвые души», в общей выборке преобладают этнографические реалии. Сопоставительный анализ показал, что при выборе способа перевода русских реалий, относящихся к этнографической группе, наиболее часто используемый способ перевода у английских и американских переводчиков – это аналог – 47,2% случаев. На втором месте по частоте применения идет описание – 17,3% случаев, на третьем – транскрибирование или транслитерация – 11,2% случаев.

Кроме того, свойственная Н.В. Гоголю ирония и юмор понятны, в основном, соотечественникам писателя, так как характеризуются особым колоритом. Именно через иронический аспект автор во многом передал дух эпохи, проблемы своего времени, особенности национальных традиций и менталитета. В связи с

этим мы проанализировали способы трансляции феномена «смех», реализованного в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души».

Было установлено, что феномен «смех» в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души» находит своё лингвосемантическое отражение в языковых реалиях русской культуры.

Отметим, что на протяжении всего произведения «Мёртвые души» встречаются фрагменты, характеризующиеся смеховыми интонациями. Например, у Н.В. Гоголя смех порождается за счёт сопоставления облика человека с окружающими его предметами. При этом следует отметить, что комичность рождается только в тех случаях, когда внешний вид в сравнении с предметами вскрывает отрицательные качества персонажа. Чувство смеха возникает при прочтении следующего отрывка, в котором Н.В. Гоголь передаёт образ Собакевича:

Н.В. Гоголь	Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался <i>весьма похожим на средней величины медведя</i> . Для довершения сходства фрак на нем был совершенно <i>медвежьего цвета</i> , рукава длинные, панталоны длинные, <i>ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги</i> . Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке.
Перевод К. Инглиша	When Chichikov stole a sidelong glance at Sobakevich he thought him <i>remarkably like a medium-sized bear</i> . To complete the likeness, <i>the suit he was wearing was exactly bear-coloured</i> , with sleeves and trousers too long for him; <i>he walked with a lumbering, awkward gait and constantly trod on other people's toes</i> . His complexion was a deep, burnished red, the colour of a copper coin.
Перевод Р. Магуайра	When Chichikov glanced at Sobakevich out of the corner of his eye, he was struck on this occasion by his <i>strong resemblance to a medium-size bear</i> . To complete the resemblance, his <i>tail-coat was exactly the colour of a bear's coat</i> , the sleeves were long, the pantaloons were long, and <i>when he walked he let his feet fall here, there and everywhere, and was constantly treading on other people's feet</i> . He had a fiery-red complexion, such as you see on a copper five-kopeck piece.
Перевод Д. Хогарта	A covert glance at Sobakevitch showed our hero that his host exactly <i>resembled a moderate-sized bear</i> . To complete the resemblance, Sobakevitch's long frockcoat and baggy trousers were <i>of the precise colour of a bear's hide</i> , while, <i>when shuffling across the floor, he made a criss-cross motion of the legs, and had, in addition, a constant habit of treading upon his companion's toes</i> . As for his face, it was of the warm, ardent tint of a piatok.

Говоря о категориях смеха по В.Я. Проппу [Пропп, 2000, с. 193-200], можно отметить, что здесь применены: и приём комизма сходства, и комическое преувеличение, и сравнение с предметом, и сравнение с животным и т.д.

Анализируя перевод данного фрагмента разными авторами, можно отметить, что К. Инглиш в существенной степени упрощает картину описываемого персонажа, используя нейтральную лексику. В этом смысле контрастирует перевод Д. Хогарта: автор воспроизводит оригинал с меньшими потерями, он сумел расшифровать оригинальный подтекст и предтекст, что способствовало удачному, на наш взгляд, подбору вокабуляра. Перевод же Р. Магуайра можно отнести к английской традиции сатирического писания: очень длинные и подробные объяснения и буквальные трактовки. В данном случае прежде всего возникает проблема избыточности речи при описании ситуации. Подобная трансляция негативно сказывается на восприятии смысла, заложенного Н.В. Гоголем.

В ходе сопоставительного анализа нами выявлено, что русские языковые реалии поэмы «Мёртвые души» и гоголевский феномен «смех» представляют серьёзную проблему при переводе на английский язык. Асимметрия фоновых знаний, непонимание замысла автора, неумение «читать между строк», что актуально для данного произведения Н.В. Гоголя, а также неточно передаваемый историко-культурный компонент приводит к трудностям перевода. В связи с этим, чаще всего, переводчики ищут собственное решение, обоснованное разнообразными факторами лингвистической и прагматической направленности.

Итак, процесс перевода представляется как совокупность операций над смыслами оригинального текста, осуществляемых переводчиками. Таким образом, при переводе происходит постоянный динамический синергетический процесс транспонирования смыслов оригинала в смысл текста перевода [Кушникова, 2004, с. 103-111]. При анализе лингво-когнитивных аспектов перевода поэмы «Мёртвые души» в центре нашего внимания находится текст как предмет пересечения языков и культур, где происходит столкновение и

транспонирование смыслов в процессе перевода. Следовательно, исследование лингво-когнитивных аспектов перевода поэмы Н.В. Гоголя с позиции гештальт-синергетического подхода даёт возможность проанализировать перевод как сложный процесс смыслотранспонирования.

Библиографический список

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, В. Флорин. – М. : Высшая школа, 1986.
2. Кушникова, Л.В. Динамика переводческого пространства [Текст] / Л.В. Кушникова. – Пермь : Изд-во Перм.ун-та, 2003.
3. Кушникова, Л.В. Языки и культуры в переводческом пространстве [Текст] / Л.В. Кушникова. – Пермь : Изд-во Пермского государственного технического университета, 2004.
4. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха [Текст] / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000.

Список источников иллюстративного материала

1. Гоголь, Н.В. Избранные сочинения. В 2-х т. [Текст] / Н.В. Гоголь. – М. : Художественная литература, 1984.
2. Гоголь, Н.В. Поэма «Мёртвые души» [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. – Режим доступа : [Http://public-library.narod.ru/Gogol.Nikolai/](http://public-library.narod.ru/Gogol.Nikolai/)
3. Gogol, N. Dead Souls / A poem / Translated by R. A. Maguire [Text] / N. Gogol. – Penguin Books, 2004.
4. Gogol, N. Dead Souls / Translated by Ch. English [Текст] / N. Gogol. – Raduga Publishers, Moscow, 1987.
5. Gogol, N. Dead Souls / Translated by D.J. Hogarth [Текст] / N. Gogol. – Dover, 2003.

narkiza-moroz@mail.ru

Москаленко Е.А., Ставрополь (Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНЫХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА

Выражение эмоциональной оценки является важнейшей функцией оценочных неофициальных именований лица. Сокращённая или уменьшительная форма несёт эмоционально-оценочную нагрузку в основном тогда, когда является отходом от стандартного способа именования. При этом необходимо отметить, что эта эмоционально-оценочная нагрузка не обязательно положительна. Оценочность – это «наиболее яркий представитель прагматического значения» [Арутюнова, 1998, с. 5]. Предметом оценочности может быть любой объект, попадающий в естественный класс сравнения по своей обычной или возможной деятельности, пригодности или по своему поступку [Вендлер, 1981, с. 550]. Оценочность по разному проявляется в семантической структуре слова. Ее категориальная сущность и вербальное средство выражения – оценка может быть положительной (мелиоративной) или отрицательной (пейоративной), соответствуя знакам на оценочной шкале (+) или (-). Анализ исследуемых оценочных именований лица показывает, что абсолютно доминирующая их часть приходится на пейоративы. Очевидно это связано с тем, что вторичные знаки с такой оценочностью порождаются на основе наиболее ярких и запоминающихся признаков, а таковыми являются негативные образы: *old drinking Caryoe* [Dreiser, 1968, с. 89] – *старый пропойца Карюо*; *The crazy ass!* [Dreiser, 1968, с. 376] – *Проклятый осел!*, *the Ambassador fallen* [Dreiser, 1968, с. 275] – *Павший посланник судьбы*; *Mr. Nobody from Nowhere* [Fitzgerald, 2008, с. 172] – *мистер Невесть Кто, Невесть откуда* [Фицджеральд, 2007, с. 140], *You dirty little coward!* [Fitzgerald, 2008, с. 182] – *Ничтожество, трус позаный* [Фицджеральд, 2007, с. 148], *You're already a bitch.* [Bushnell, 2009, с. 43] – *Ты и так настоящая стерва* [Бушнелл, 2007, с. 66] и т.п.

Именно в неофициальных ситуациях — дома, в кругу друзей, среди коллег по работе — людей называют неофициальными сокращёнными формами имен: *beloved Jennie* [Dreiser, 1972, с. 106] – *любимица Джени* [Драйзер, 2006, с. 99], *Lu* [Hardy, 1994, с. 439] – *Лу* [Гарди, 1983, с. 375], *dear Tessy* [Hardy, 1994, с. 241] – *Тэсси, милая* [Гарди, 1983, с. 215], *Willi* [Bushnell, 2009, с. 36] – *Вилли* [Бушнелл, 2007, с. 57], *Pammy* [Fitzgerald, 2008, с. 155] – *Пэмми* [Фицджеральд, 2007, с. 127] и т.д. Они сложились в быту для повседневного употребления, так как полные имена бывают иногда громоздкими и неудобными при общении в семье, и особенно среди детей и подростков [Суслова, 1991, с. 109]. Например: *'Where are you, Cad?'* he said, using a pet name he had given her [Dreiser, 1968, с. 131]. – *Где ты, Кэд?* – окликнул ее Друз, назвав ласкательным именем, которое он для нее придумал [Драйзер, 1983, с. 100].

'You look fine that way, Cad,' he said [Dreiser, 1968, с. 132]. – *Тебе очень к лицу эта новая причёска, Кэд!* – сказал он [Драйзер, 1968, с. 101].

'Be reasonable, Cad, said Drouet gently' [Dreiser, 1968, с. 260]. – *Будь же благоразумна, Кэд,* - ласково сказал Друз [Драйзер, 1983, с. 209].

Только возлюбленный Керри, придумывавший для нее ласковое *Cad*, зовет героиню этим именем.

В текстах произведений современных авторов, употребление неофициальных сокращённых форм имени является нормой, не зависимо от того, в какой обстановке оно употребляется. Так, в романе К. Бушнелл мы встречаем следующие именования: *Scotty, the TV producer* [Bushnell, 2009, с. 105] – *телендьюсер Скотти*

[Бушнелл, 2007, с. 146], *Tad, forty-one, a golden-boy architect...* [Bushnell, 2009, с. 60] – *Тед, молодой перспективный архитектор* [Бушнелл, 2007, с. 88], *Sallie Tisdale* [Bushnell, 2009, с. 11] – *Салли Тисдейл* [Бушнелл, 2007, с. 23], *Tammy Faye and Jim Bakker* [Bushnell, 2009, с. 9] – *Тэмми Фей и Джим Беккер* [Бушнелл, 2007, с. 20] и др. Преобладание неофициальных именовании еще больше подчеркивает стиль романа, легкость в отношении героев, отсутствие «официальности» общения между ними.

В результате исследования также установлено, что экспрессивно-оценочные именовании – класс весьма многочисленный и разнообразный, что подтверждает вывод о том, что ведущей функцией коллоквиализмов является наряду с номинативной *прагматическая*. Прагматический слой значения или прагматическое значение языкового выражения – это содержащаяся в нем информация об условиях его употребления – многообразных аспектах коммуникативной ситуации, в которых оно используется [Кобозева, 2000, с. 60]. Возникновение подобных типично разговорных лексем связано со стремлением говорящих к такому отображению объектов реальной действительности, которое содержало бы в номинативных единицах ее экспрессивно-оценочную характеристику, что обуславливает актуализацию в исследуемых образованиях различного рода дифференциальных и оценочных сем и ослабление сем номинативных. Причем, несмотря на наличие большого спектра эмоционально-оценочных оттенков, эмоциональная насыщенность характеризуется преимущественно двоякой полярной направленностью: мелиорация/пейорация, вокруг и на базе которых осуществляется формирование частных эмоциональных оттенков.

В своей основе парадигматика личных имён в английском и русском языках имеет много общего, и русскому читателю в принципе понятна разница в употреблении полных форм и дериватов в тех случаях, когда первые соответствуют более официальной ситуации, а вторые отражают более интимные, дружеские отношения между говорящим и носителем имени. Поэтому в таких случаях передача имени по известным правилам транскрипции и транслитерации в той форме, в какой имя встречается в тексте (то есть на основе практической транскрипции), достаточна для эквивалентной передачи прагматического аспекта значения имени в тексте. Однако английские антропонимы гораздо более стабильны относительно различных ситуаций, чем русские. Поэтому разница в форме личного имени может свидетельствовать не столько о разнице в ситуации или индивидуальных намерениях говорящего, сколько о разнице социальных стереотипов восприятия, в которые «вписываются» люди с разными вариантами одного и того же имени.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
2. Вендлер, З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. – М., 1981. – Вып. 10. – С. 531-554.
3. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика : уч. пос. [Текст]. – М. : УРСС, 2000.
4. Сулова, А.В. О русских именах [Текст] / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. – Л. : Лениздат, 1991.
5. Бушнелл, К. Секс в большом городе [Текст]. – М. : АСТ, 2007.
6. Гарди, Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей [Текст]. – М. : Правда, 1983.
7. Драйзер, Т. Дженни Герхард: Роман. Рассказы [Текст]. – М. : Изд-во Эксмо, 2006.
8. Драйзер, Т. Сестра Керри; Рассказы [Текст]. – Алма-Ата : Казахстан, 1983.
9. Фицджеральд, Ф.С. Великий Гэтсби. Ночь нежна : романы [Текст]. – М. : АСТ, 2007.
10. Bushnell, C. Sex and the city [Text]. – L. [UK] : Abacus, 2009.
11. Dreiser, T. Jennie Gerhard [Text]. – М. Прогресс, 1972.
12. Dreiser, T. Sister Carrie [Text]. – М. : Higher school publishing house, 1968.
13. Fitzgerald, F.S. The Great Gatsby [Text] : Кн. для чтения на англ. яз. – СПб. : КАРО, 2008.
14. Hardy, T. Tess of the D'Urbervilles [Text]. – L. : Penguin Popular Classics, 1994.

ekaterina.moskalenko@inbox.ru

Москаленко Н.В., Максимова Т.Д., Барнаул (Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Современное общество характеризуется глобальной информатизацией всех сфер общественной жизни. Не стоит в стороне от этого процесса и система образования. Информатизация учебного процесса входит в одну из важнейших задач современного образования и является особенно важной при переходе на новые образовательные стандарты и становлении многоуровневой системы образования. Информационные (компьютерные) технологии находят все большее применение в обучении различным предметам школьного и вузовского образования, иностранным языкам, в частности.

Разработке теории и практике использования компьютерных технологий в учебном процессе посвящены труды многих ученых: Г.А. Китайгородской, В.П. Беспалько, Б.С. Гершунского, Л.А. Лысаковой, Е.С. Полат, В.П. Кузовлева, К.Б. Есипович, Е.А. Власова и др. В трудах этих ученых отмечается, что внедрение

компьютерных технологий преследует определенные цели, а именно: разработать пути повышения результативности процесса обучения и активизации познавательной деятельности учащихся, а также интегрировать компьютерные технологии в традиционную систему организации аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов, создать необходимые условия для управления процессом обучения, контроля, оценки и коррекции результатов обучения. По мнению И.А.Зимней применение компьютера в иноязычном образовании позволяет решать задачи личностно-ориентированного подхода в обучении, обеспечивать индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом способностей обучаемых. [Зимняя, 2002] Традиционная схема обучения основана на субъектно-объектных отношениях: преподаватель – субъект, а студент – объект, которому предлагается безальтернативное знание. С внедрением компьютерных технологий студент становится субъектом учения, а основная задача преподавателя заключается в разработке дидактических средств, обеспечивающих учебный процесс, и рациональном их использовании. При таком подходе в деятельности студента как субъекта учения преобладающей становится самостоятельная учебная деятельность. Переход на новую образовательную парадигму в вузе выдвигает на первый план студента в качестве «активного» субъекта, приобретающего знания в форме личностного знания» [Садовников, 2005, с.53].

Внедрение компьютерных технологий приводит к необходимости и возможности увеличения самостоятельной работы студентов. По мнению Н.Ш. Валеевой и Н.П. Гончарук «никакое воздействие извне, никакое управление путем инструкций, наставлений, внушений, убеждений, наказаний и т.д. не заменят и даже не сравнятся по качественному эффекту с самостоятельной деятельностью» [Валеева, 2004, с.134].

С внедрением компьютерных технологий как вспомогательного средства в учебный процесс, в организацию самостоятельной работы, в частности, изменяется структура деятельности преподавателя. Его основными функциями являются: аналитико-прогностическая, проектная, дидактическая, коммуникативная, контрольно-коррекционная, психологическая, организационная [Репьев, 2004].

Компьютерные технологии – это мощное средство обучения, позволяющее внести изменения в традиционный процесс. Они позволяют активно вовлечь студентов в учебный процесс, превращая их в субъектов обучения. С их помощью обеспечивается индивидуализация и дифференциация обучения с учетом типов восприятия, мышления и памяти студентов. Наличие моментальной обратной связи обеспечивает немедленное подкрепление правильного действия. В силу новизны работы с компьютером в учебном процессе усиливается сознательность и мотивация учения. Компьютер позволяет качественно изменить контроль деятельности студентов, повышая его объективность и оперативность. С применением компьютера у студентов успешно формируется способность к рефлексии собственной деятельности, т.к. у них появляется возможность наглядно представлять результаты своей деятельности. Компьютер позволяет студенту избежать отрицательных эмоций при повторе ошибок и обеспечивает ему условия максимального и эмоционального комфорта, т.к. с его использованием отсутствует возможное отрицательное эмоциональное воздействие, как преподавателя, так и одноклассников. Компьютер также дает возможность студенту самостоятельно выбирать темп выполнения заданий и выполнять многократно необходимые действия для достижения желаемого результата.

Несмотря на отмеченные достоинства использования компьютерных технологий, их внедрение в учебный процесс сопряжено с рядом трудностей, а именно, недостаточным обеспечением учебного процесса, как компьютерами, так и готовыми разработанными программами. В связи с этим преподавателям иностранных языков очень часто приходится адаптировать уже имеющиеся учебные программы к конкретным условиям обучения и образовательным потребностям студентов или разрабатывать собственные специализированные учебные программы. Последнее обстоятельство также реализуется с большими трудностями, т.к. очень часто преподаватели не имеют достаточного объема знаний в области компьютерной лингводидактики и им приходится обращаться за помощью к квалифицированным консультантам. Этим фактором объясняется то, что разработка и внедрение компьютерных программ в учебный процесс значительно тормозится.

Учитывая актуальность использования компьютерных технологий в современных условиях, нами был разработан комплекс интерактивных лабораторных работ по практической грамматике английского языка на CD для студентов 2 курса лингвистического института по теме «Модальность» как составная часть учебного пособия для самостоятельной работы студентов [Трунова, 2010]. Создание данного пособия было обусловлено необходимостью формирования устойчивых грамматических навыков на уровне операций с конкретными языковыми единицами и создания условий для эффективного текущего и итогового контроля их сформированности. Использование интерактивных заданий высвобождает время на учебном занятии и создает условия для выполнения более продуктивных, в том числе коммуникативных заданий.

Указанный комплекс включает лабораторные тестовые задания двух видов: тренировочные, предназначенные для самостоятельной работы студентов во внеучебное время, и контролирующие, имеющие своей целью осуществление текущего и итогового контроля в учебное время в компьютерном классе (Progress tests).

Главное меню программы содержит перечень лабораторных работ по разделам языкового материала для тренировки и контроля. Пособие состоит из 37 лабораторных работ (с банком данных 585 заданий), из которых 8 носят контролирующий характер.

В пособии представлены следующие формы тестовых заданий:

- *Тестовые задания закрытого типа:* на идентификацию, с выбором одного верного ответа (в виде вопроса или утвердительного высказывания, истинного или ложного), с множественным выбором верных ответов, на установление соответствия.

- *Тестовые задания открытого типа:* с кратким ответом, с развернутым ответом – свободный ответ с вводом с клавиатуры. Задания данного типа представляются важными, так как выбор правильной формы не всегда указывает на умение применить ее в практике владения языком. Практика тестирования показывает, что студенту легче выбрать правильный ответ из данных, чем сформулировать его самому.

При выполнении обучающих тестов проводится автоматическая проверка правильности/неправильности каждого задания с указанием правильного ответа, что позволяет успешно формировать навыки рефлексии учебной деятельности. По окончании выполнения каждого теста программа обрабатывает принятые ответы тестируемого и выставляет оценку по пятибалльной системе.

В контролирующих тестах анализируется качество работы после выполнении *всех* заданий теста с регистрацией процента правильных ответов и выставлением оценки.

Использование разнообразной цветовой гаммы в оформлении основного меню и индикации правильности ответов, а также включение смысловых пиктографических изображений создает положительный эмоциональный фон при выполнении лабораторных работ и способствует повышению интереса и мотивации к изучению языка.

Опыт использования разработанных нами интерактивных лабораторных работ подтвердил эффективность их использования для повышения качества знаний студентов.

С точки зрения обучения иностранному языку самостоятельная работа студентов на основе интерактивных программ позволяет студенту успешнее достигать учебные цели и повышать качество знаний, а для преподавателя полученные результаты являются средством диагностики трудностей языкового материала, а также мерой определения обученности студентов и способом прогнозирования успешности процесса обучения.

Библиографический список

1. *Валеева, Н.Ш.* Психология и культура умственного труда [Текст] / Н.Ш. Валеева, Н.П. Гончарук. – М. : КноРус, 2004.
2. *Зимняя, И.А.* Психологические особенности обучения говорению на иностранной языке [Текст] / И.А. Зимняя. – М. : Просвещение, 2002.
3. *Репьев, Ю.Г.* Интерактивное самообучение: монография [Текст] / Ю.Г. Репьев. – М. : Логос, 2004.
4. *Садовников, Н.В.* Фундаментализация современного вузовского образования [Текст] / Н.В. Садовников // Педагогика. – 2005. – № 7. – С.49-54.
5. *Трунова, О.В.* Modality: Modal Verbs in Language and Communication. Learning through Self-Study [Текст] / О.В. Трунова, Т.Д. Максимова, Н.В. Москаленко. – Барнаул : АлтГПА, 2010.

mksmv@yandex.ru

Москалюк Л.И., Барнаул (Россия)

ВЫБОР ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ БИЛИНГВОВ

При исследовании и описании двуязычной речи российских немцев, владеющих своим родным немецким языком в форме островного немецкого диалекта и русским языком, ставшим уже их вторым родным языком, следует различать две ее формы. Двуязычие может реализоваться, когда отдельные участники речевого акта активно используют в процессе речи более одного языкового варианта (русский и немецкий язык), а также в том случае, если вербальная коммуникация предполагает, что каждый из партнеров активно использует только один языковой вариант, но эти варианты не совпадают (русский или немецкий язык). В первом случае речь идет о комбинации языков в индивидуальной речи, в другом случае о комбинации языков в диалоге как целом, т.е. в разговоре собеседников с дивергентным употреблением языков. Таким образом, под многоязычной речевой практикой понимается:

- 1) многоязычная речь говорящего индивида, которая рассматривается как билингвальная альтернатива внутри индивидуальной речи;

- 2) многоязычно оформленная диалогическая речь билингвов, каждый из которых активно использует только один языковой вариант, то есть билингвальную альтернативу внутри текстового целого.

В первом случае представляют интерес отношения, в которых находятся между собой используемые языковые варианты. Так, говорящий может стабильно сохранять преимущество одного из вариантов в течение всего разговора или варьировать. Например, после начала на немецком языке говорящий может перейти на русский язык, или использовать резкий переход от одного варианта к другому, или постоянно переключаться на один язык, в то время как семантической основой может служить другой язык. В следующем отрывке, например, и в семантическом и в структурном отношении доминирует немецкий язык, а русский язык служит

для уточнения или для усиления выражения эмоций. Переключения кода могут происходить в короткие промежутки, внутри одного предложения или после длительного периода, охватывая отдельные предложения или даже отдельные высказывания.

Ученик средней школы с.Протасово, свободно владеет немецким диалектом, так как дома все члены семьи строго придерживаются правила – говорить только по-немецки. Но так как во всех остальных сферах общения в селе преобладает русский язык, то он не может избежать в речи, даже на традиционную тему, перехода с одного языка на другой:

ən onsəm darp jaxtə fi:lə menʃə, u nas ljubjət oħotit'sja, viəns
In unserer Dorf jagen viele Menschen, ... weil
det intərəsənt es. et' jaxt ok, obv et' hab nox t'oinə flint. et' doi
das interessant ist. Ich jage auch, aber ich habe noch keine Flinte.
просто enjoyə. klok zi:vən klok axt ʃtunə wi ap en t'rafə ans
Ich jage einfach ein. Um 7-8 Uhr stehen wir auf und treffen uns
am en' darp, na samom konce, en gunə nu də ʃta:p ap loizə.
am Dorfende, ... , und gehen in die Steppe, wir laufen Ski.

Во втором случае двуязычие проявляется не на уровне речи отдельного индивида, а на уровне диалога в результате употребления говорящими - участниками диалога - различных конкурирующих языковых систем.

Молодая женщина, 24-летняя жительница села Глядень говорит постоянно не на немецком, а на русском языке. При этом она происходит из семьи коренных жителей села с устойчивой языковой традицией, она владеет диалектом и может использовать его активно и пассивно, но предпочитает русский язык. Ее собеседница тоже коренная жительница села, но она принадлежит к старшей возрастной группе. Это является для нее решающим фактором при выборе языка общения. Она активно использует немецкий диалект. При этом она также хорошо владеет русским языком.

...

- Мы принесли лекарства. А у Вас поросята дома?

- Ну да, dei ʃtunə nef op ... onzə fo:təl zend kraŋk.

Na ja, sie stehen nicht auf... Unsere Ferkel sind krank.

- Они даже не едят.

- dei gunə nef en friet ok nef. vi vulə zə fendoy ok fni:də. kum valera krat' en zaxtə det je:t nef...

Sie laufen nicht und fressen auch nicht Wir wollten sie heute schlachten. Da kam gerade Valera und sagte, das geht nicht.

Собеседники не останавливают свой выбор на одном общем для них языковом варианте, а выбирают каждый для себя свой собственный языковой вариант для ведения диалога. Таким образом, языковая комбинация проявляется в этом случае в неодинаковом выборе собеседниками основного языка коммуникации. Подобная многоязычная практика встречается особенно часто в смешанных семьях представителей старшего и среднего поколения между мужем и женой и в немецко-немецких семьях между бабушками и дедушками, которые владеют немецким диалектом лучше, чем русским языком, и внуками, которым русский язык, язык школы, дается легче, чем немецкий. Подобная форма двуязычия продолжает функционировать, пока языковой код говорящего понятен слушающему, то есть пока слушающий обладает, по крайней мере, пассивной компетенцией языкового варианта, выбранного его партнером в качестве средства коммуникации. В ином случае двустороннее понимание невозможно.

Несмотря на то, что обе формы многоязычия могут быть рассмотрены отдельно, в действительности они часто встречаются в комбинированном виде. На самом деле, даже довольно "чистый" пример диалога на двух языках - разговор между бабушкой и внучкой – содержит в немецкой речи бабушки некоторые реплики на другом языке (русском) и является, таким образом, комбинацией двух типологически различных форм двуязычия.

Многоязычная речь как специфическая форма реализации выбора того или иного языка усложняет механизм говорения. Подобная ситуация не предусматривает стабильность при выборе кода. Многоязычная практика основывается на постоянно меняющемся выборе языковых вариантов. Постепенный или резкий сдвиг в сторону той или иной языковой системы как языка-доминанты уже не является редким феноменом в наблюдаемой языковой ситуации.

l.moskalyu@yandex.ru

Мучкина Е.С., Красноярск (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА ФРАНЦУЗА В РОМАНЕ «A YEAR IN PROVENCE» (P. MAYLE)

Большинство современных лингвистических исследований характеризуется антропоцентрической направленностью, т.е. во главу исследований поставлен человек с его жизненным опытом, системой ценностей, коммуникативными потребностями, суммой знаний, особенностями восприятия окружающей действительности

и т.д. В этой связи особый интерес вызывают исследования, посвященные этническим стереотипам, поскольку именно в таких работах ярко раскрываются особенности восприятия «чужих» этнических групп, особенности их поведения, характера и быта, а также специфика межэтнического взаимодействия. Под этническим стереотипом понимается «устойчивый комплекс наивных представлений о каком-либо народе, нации» [Березович, 2009, с. 22]. Этнические стереотипы, будучи ментальными образованиями, находят выражение в языке в виде генерализированных суждений, метафор, идиом, коллокаций с компонентами-этнонимами и, следовательно, представляют особый интерес для лингвистов. Следует пояснить, что этноним в данной работе понимается как «название этнической общности: нации, народности, племени и т.п.» [ЛЭС, 1998, с. 598].

Предмет настоящей статьи – этнические стереотипы, имеющиеся в сознании англичан относительно французов и их отражение в тексте. История взаимоотношений двух наций насчитывает несколько веков. Характер этого взаимодействия достаточно противоречив, что является естественным следствием многочисленных войн, периодов перемирия, соперничества, торговли и т.д. Соответственно, правомерно утверждать, что в сознании англичан с течением времени сложился яркий образ француза, что находит свое отражение в языке. Так, в английском языке существует особое поле имен, называющих французов прямо или иносказательно, ср. *Frogs, the French, Frenchmen, Frenchwomen, Toads, etc.* Помимо этого, словари фиксируют ряд идиом и коллокаций с компонентом *French*, которые отражают особенности жизни, быта и характера французов. Опираясь на словарные данные, можно говорить, что француз в сознании англичан предстает в разных ипостасях: как герой-любовник (*French kiss, French letter, a French, to French, French measles etc.*), изысканный кулинар (*French dressing, French bread/loaf, French bean, French brandy, French fries, French mustard, French truffle, etc.*), законодатель мод и вкусов (*French heel, French knickers, French braid, French cuff, French chalk, French seam, French twist, etc.*), архитектор и дизайнер (*French arch, French door, French polish, French roof, French sash, French window, etc.*). Однако стереотипный образ француза, представленный в словаре, несколько отличается от того стереотипного образа, который представлен в художественных текстах.

Цель данной статьи – выявить стереотипные представления о французах, представленные текстовыми данными. В качестве источника текстового иллюстративного материала для данной статьи выступает автобиографический роман английского писателя П.Мейла «*A Year in Provence*». Главные герои произведения – английская чета (супруги Мейл) – переезжают на постоянное местожительство во Францию. Находясь в новых условиях, супруги то и дело вынуждены вступать во взаимодействие с коренными жителями Прованса – французами. Соответственно, читатель имеет возможность проанализировать имеющийся в сознании англичан образ французов и сопоставить его с уже имеющимся представлением о нации, отраженным в словарях.

Для того, чтобы выявить стереотипный образ француза, имеющийся в тексте, необходимо обратиться к анализу импликационала лексического значения этнонима *French* и его дериватов, т.к. именно в этом слое лексического значения хранятся все стереотипные представления и ассоциации, истинные или ложные, положительные или отрицательные, которые традиционно связываются с каким-то классом предметов или явлений [Никитин, 1996, с. 110]. Поскольку импликационал актуализируется в определенном синтаксическом контексте, следует в первую очередь рассмотреть этноним *French* в различных синтаксических функциях в рамках предложения, а далее проанализировать идиомы, коллокации с компонентом-этнонимом *French*, а также вторичные наименования, т.е. этнонимы-прозвища, в основе образования которых лежат такие когнитивные процессы, как метафоризация и метонимизация.

Итак, основное словарное значение лексемы «француз» – это житель Франции (*Frenchman - a man who is French by birth or descent* (Lingvo x3)). Однако, француза англичане называют порой не просто *Frenchman*, но и *Frog*. Данное этническое прозвище появилось в языке как результат когнитивного процесса метонимизации, когда знание из области-источника БЛЮДО было перенесено в область-мишень ЧЕЛОВЕК. Появление этого прозвища связывают с особым пристрастием французов к блюду из лягушек – лягушачьим лапкам. Данное прозвище наделяется негативной оценкой, на что в словаре указывают пометы *prенебр., informal, derogatory*. Упоминание прозвища в тексте англичанином Тони, другом четы Мейл, (*Want to get in before the Easter rush and the Frogs put up the prices... (p.63)*) свидетельствует об актуальности пренебрежительного отношения англичан к французам, а также о признании англичанами кулинарных способностей жителей Франции.

В предложении собственно этнонимы и этнонимы-прозвища могут занимать различные синтаксические позиции, при этом выявляются определенные закономерности между позицией этнонима в предложении и характером реализуемого им значения. Так, при употреблении в позиции подлежащего, которая является тематической, этноним реализует свое словарное значение и, как правило, лишен каких-либо импликаций. Характеристики стереотипного плана обычно вводятся в такие предложения в позицию предикатива или в группу сказуемого. Например:

The French are as passionate about food as other nationalities are about sport and politics... (p. 16). The French spend as much of their income on their stomachs as the English do on their cars and stereo systems... (p.73).

Стремление достичь идеала пронизывает все сферы жизни француза и не только сферу гастрономии. Француз желает быть лучшим во всем. Неудивительно, что слово *expert* сопровождает этноним *French* в 16% случаев на страницах романа. Больше всего он боится показаться новичком в чем-то: *When a Frenchman takes up cycling or tennis or skiing, the last thing he wants is for the world to mistake him for the novice that he is, and so he*

accessorizes himself up to professional standard. (p.157). Чтобы ни случилось в доме у четы Мейл, французы всегда готовы дать совет, будь то связано с поиском трюфелей, охотой, установкой труб, покупкой мяса и т.д.

Мнение французов о других нациях нередко представлено в генерализированных суждениях. Так, например, цыганам приписывается такая черта, как способность к воровству (*The gypsies will be here soon for the cherry-picking. They'll steal anything....p.88*); бельгийцев французы винят в неумении водить машину (*The Belgians, so it was said, were to blame for the majority of accidents because of their habit of the driving in the middle of the road... p.121*), а англичан – в слабости пищеварительной системы (*And the English – ah, the English. They were renowned for the frailty of their digestive systems...p.121*).

При употреблении этнонима или его производных в позиции предикатива находят свою актуализацию так называемые знания о мире, т.е. те признаки и характеристики, которые ассоциируются в нашем сознании с тем или иным этносом. Чаще всего стереотип лежит на поверхности, а автор сам “расшифровывает” его. Так, отэтнонимическое прилагательное *French* в следующем примере помимо словарного значения *made in France* актуализирует и такой признак, как *некачественность товара*, ср. *He walked over to a radiator and patted it on the head. "Feel that," he said, "cast iron, not like the merde they use for radiators nowadays. And the boiler – you must see the boiler. But attention" – he stopped abruptly and prodded me with his lecturer's finger - "it is not French. Only the Germans and the Belgians know how to make boilers" (p. 33)*.

Информативным оказываются предложения, в которых этноним или его дериваты находятся в позиции обстоятельства образа действия, построенных по моделям “*in Adj + way/style/manner/fashion/voice*”, “*do smth Adj-style/way*”, где *Adj* – это отэтнонимическое прилагательное. При функционировании этнонимов и их производных в адвербиальной позиции в их семантике также профилируются импликационные признаки, связанные с этническими стереотипами, при этом большая роль в актуализации этих признаков отводится контексту. Так, в следующем примере обстоятельство образа действия *in correct French fashion* помогает понять, что есть собственно досуг в мае для француза: *Le premier Mai started well, with a fine sunrise, and as it was a national holiday we thought we should celebrate in correct French fashion by paying homage to the summer sport and taking to our bicycles (p. 83)*.

В позиции дополнения этноним реализует свое словарное значение и лишен каких-либо дополнительных смыслов. В позиции определения выступает не собственно этноним, а образованное от него имя прилагательное. Тем не менее при встрече с отэтнонимическим прилагательным в тексте читатель формирует определенный образ этнической группы, чье имя-этноним легло в его основу. Это происходит за счет того, что наряду с основным предметным значением, закрепленным в словаре, отэтнонимическое прилагательное заключает в себе ряд импликационных сем. Обратимся к примеру. В тексте романа нам встречается словосочетание *French bureaucracy*. Благодаря отэтнонимическому прилагательному *French*, словосочетание приобретает особый смысл и становится синонимичным слову *канцелярищина*: люди вынуждены собирать огромное количество документов, справок, стоять в очередях, ходить по различным инстанциям, чтобы получить желаемый документ. Неудивительно, что весь данный процесс сбора документов превращается практически в национальный вид спорта (*the national sport of paper-gathering ... p.21*), как иронично отмечают супруги Мейл.

Подводя итог, следует сказать, что этнонимы и их дериваты играют важную роль в репрезентации этнических образов различных этносов. Анализ импликационала лексического значения данных единиц позволяет выявить содержание этих образов, именуемых этническими стереотипами.

Библиографический список

1. Березович, Е.Л. Этнические стереотипы в разных культурных кодах [Текст] / Е.Л. Березович // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. – М. : РГГУ, 2009. – С.22-31.
2. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская Энциклопедия, 1998.
3. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики [Текст] / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996.

Список источников иллюстративного материала

1. Mayle, P. A Year in Provence. – L. : Penguin Books, 2000.
2. LINGVO – ABBYY Lingvo x3 [Электронный ресурс] / Европейская версия: электронный словарь. CD-Rom. Москва : Abbyu.

mes_kras@mail.ru

Немчинова Н.В., Лесосибирск (Россия)

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ТЕКСТОВЫХ ФРАГМЕНТОВ
С ИНТЕНЦИЕЙ «ПОЖЕЛАНИЕ»**

В ситуации пожелания ярко выражены благопожелания адресату, а также ценности, заложенные в данные фрагменты поздравителем. Как правило, пожелания направлены на будущие жизненные успехи и удачи.

Задачей данной статьи является анализ компонентов семантической структуры текстовых фрагментов, маркирующих ситуацию пожелания.

Для анализа смыслового наполнения концепта *пожелание* мы использовали материалы Русского ассоциативного словаря [РАС, 2002]. Анализ реакций на слово-стимул *пожелание* позволил выявить группы: 1) желаемые ценности – 51%, среди них – счастье (11%), любовь (10,5%), успех (9%), здоровье (8%), удача (5%) и др.; около 8% составляют негативные пожелания (смерти, сдохнуть, упасть, чтоб тебе); 2) *оценка* пожелания – 17% (от души, наилучшие, крутое, скромное, последнее и т.д.); 3) *адресат* – 14% (другу, подруге, друзьям, имениннику, всем); 4) *повод, событие* – 9% (праздник, Новый год, день рождения, на прощание, на ночь, на память); 5) *жанр / форма / способ* пожелания – 7% (открытка, написать, телефон, улыбка).

Анализ текстовых фрагментов с интенцией «пожелание»¹ показал, что главной ценностью в сознании авторов поздравительного текста, а следовательно, и получателя является **здоровье (99,2%)**. По словарю [МАС], здоровье – состояние организма, при котором правильно, нормально действуют все его органы || То или иное состояние организма, самочувствие.

Для усиления важности данного понятия в текстовых фрагментах встречаются атрибутивные определения: *крепкого (94,5%), доброго (45,5%), крепкого сибирского (1,7%), отменного (0,3%)*. Сюда же мы можем отнести пожелание *долгих лет жизни (11,6%)*, т.к. в сознании человека оно ассоциируется со **здоровьем**.

Не менее важной ценностью выступает **счастье (97,3%)**. Счастье – I. Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо || Внешнее проявление этого чувства. II. Успех, удача. III. Хорошо, удачно. IV. Участь, доля, судьба.

Категория **счастье** дополняется атрибутами: *личного (86,8%), семейного (5,8%), простого человеческого (4,5%)*.

Ценность **удача (94,2%)**, определяется как совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела; счастье, везение.

В проанализированных фрагментах **удача** является доминантой в следующих выражениях: *удачи в профессиональной деятельности (29,6%), удачи во всём (23,2%)*.

Успех (94,2%) – I. Положительный результат, удачное завершение чего-либо || Благоприятный исход, победа в каком-либо сражении, поединке и т.п. || Хорошие результаты в учебных занятиях достижение в освоении, изучении чего-либо. II. Общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений.

Ценность репрезентируемая словом «успех» дополняется атрибутами: *творческих (26,2%), финансовых (20,8%)*. В то же время успех выступает и как доминанта: *успехов во всех делах (81,5%), успехов в труде (16,5%), успехов в работе (14,2%), успехов в служении истине (0,2%)*.

Ценность **благополучие (85,8%)** – это спокойное, без каких-либо нарушений течение дел, жизни || Счастье || Довольство, обеспеченность.

Смысловая доминанта благополучие встречается в текстах в сочетании с атрибутами: *семейного (70%), житейского (1,5%), материального (0,2%)*.

Выражение пожелания может строиться с глаголом «желать» и зависимым родительным падежом существительного или зависимым инфинитивом: (Я) желаю (вам, тебе) + сущ. в род. п.; (Я) желаю (вам, тебе) + инфинитив. Глагол желать нередко распространяется степенными определителями: От (всей) души/От всего сердца желаю...! [Формановская, 2002, с. 113].

Семантическая структура высказываний с перформативным глаголом *желаю* имеет вид: **S+P+O+K**. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что S может быть только одушевлённым.

Субъект пожелания, как правило, выражается местоимением первого лица единственного числа **(1,7%)**:

Я желаю Вам крепкого сибирского здоровья...

В проанализированных нами корпоративных поздравлениях такая структура встречается редко. В основном такие предложения имеют вид: **P+O+K (74,6%)**:

... Желаю Вам мирного неба над головой, душевного спокойствия...

... Желаю Вам стабильной работы, заботы родных и близких...

¹ * Нами было проанализировано 670 текстовых фрагментов с интенцией «пожелание» процентное соотношение высчитывалось из проанализированного количества фрагментов методом математической пропорции.

Также предложения с интенцией «пожелания» могут состоять только из однородных существительных, распространённых квантификаторами или атрибутами (**18,4%**):

... *Крепкого здоровья, личного счастья, удачи и успехов во всём!*...

... *Здоровья, счастья, любви, терпения*...

Для создания текста пожелания авторы используют слова, которые характерны для весёлых, радостных текстов [Белянин, 2000]. В проанализированных нами фрагментах можно выделить следующие лексико-семантические группы слов:

1. **Добро, удача, успех (42,3%)**

... *Пусть верные друзья и добрые традиции*...

... *Желаем Вам успеха, удачи* ...

2. **Здоровье (99,2%)**

... *Желаем крепкого здоровья, долгих лет жизни*...

... *Желаем доброго здоровья Вам и Вашим близким*...

3. **Счастье (97,3%)**

... *Счастья и мира Вам и вашим семьям*...

... *принести нам радость, счастье*...

4. **Благополучие, процветание, стабильность (22,9%)**

... *началом добрых свершений, стабильности и процветания*...

... *успехов и процветания, которых Вы, безусловно, заслуживаете*.

Большое значение в тексте пожеланий имеют метафоры и эпитеты, которые имеют не логическое, а художественное, образное определение:

... *Желаем Вам доброго здоровья, большого человеческого счастья..., счастливых перемен и удач*...

Стиль пожеланий на морфологическом уровне характеризуется преимущественным употреблением в тексте существительных в род. п. (**2361**) и качественных прилагательных (**942**). Реже употребляются глаголы (**734**), чаще всего это глаголы «желать», «будет». Количественный подсчёт осуществлялся частотностью употребления той или иной части речи в текстовых фрагментах «пожелание».

На синтаксическом уровне в исследуемом материале выявлены простые повествовательные восклицательные предложения с однородными членами (**2671**). Встречаются также и сложноподчинённые предложения (**382**) с союзом *чтобы*:

...*Мы желаем, чтобы все проблемы и заботы остались в уходящем году*...

...*Искренне желаем, чтобы наступающий год был светлым, радостным, успешным и плодотворным*...

Эмотивность текстовых фрагментов на данном языковом уровне поддерживается средствами экспрессивного синтаксиса. Одним из таких средств являются повторы:

... *Желаем, чтобы грядущий год стал годом исполнения Ваших желаний и надежд, годом счастливых перемен и удач*...

... *пусть этот праздник станет началом нового удачного года: года, полного надежд и свершений* ...

При помощи повторов происходит акцентирование общего смысла сочетания [Шведова, 1960]. При этом эмотивность языковой единицы выступает как компонент, осложняющий её объективное информативное ядро, затрудняющий формирование точности [Ионова, 2000, с. 49].

Таким образом, мы пришли к выводу, что помимо ценностей, заложенных в пожеланиях, характеризующих языковое сознание не только отправителя сообщения, но и его получателя, пожелание необходимо исследовать с позиции функционирования выделенных текстовых фрагментов на разных языковых уровнях.

Библиографический список

1. Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе) [Текст] / В.П. Белянин. – М., 2000.
2. Ионова, С.В. Эмотивность текста официально-делового стиля [Текст] / С.В. Ионова // Единицы языка в их функционировании. – Саратов, 2000. – Вып. 6. – С.48-57.
3. МАС – Словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой, РАН, Ин-т лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
4. РАС – Русский ассоциативный словарь [Текст] : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции [Текст] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, А.В. Караулов. – М. : Астрель: АСТ, 2002.
5. *Формановская, Н.И.* Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст [Текст] / Н.И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002.
6. *Шведова, Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960.

natalyales.84@gmail.com

СИСТЕМНОСТЬ СВЯЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕНАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАК ИСТОЧНИК КОГНИТИВНОГО ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Реформа российской системы образования и переход на новые формы и методы организации преподавания и контролирования знаний делают актуальным обращение к концептуальной проблематике общенаучной категории *связи* – определению понятия, роли, значимости того, что обеспечивает единство, создает общее, взаимную зависимость, обусловленность, согласованность, стройность. В функциональном смысле связь есть опора, без которой не может существовать ни один объект, особенно в стадии интенсивного движения, развития, активного действия. Применительно к области лингвистических дисциплин категория связи требует единства научных представлений о языке. Это единство обеспечивается сохранением преемственности знания, а также развитием межпредметных корреляций в теории, научной коммуникации, практике (преподавании). И то, и другое возможно только при условии сохранения общих ядерных (нуклеарных) связей семантики используемых терминов, т.е. неких понятийных инвариантов.

Принято считать, что одним из методологических принципов, объединяющих лингвистику с комплексом смежных наук, является антропоцентризм. Как особый принцип исследования антропоцентризм заключается в том, что «научные объекты изучаются по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, в развитии человеческой личности и ее усовершенствований. Он ставит человека во главу угла всех теоретических предпосылок научного исследования» [Угланова, 2006, с. 165]. Однако в современном лингвистическом дискурсе наблюдается не всегда корректное оперирование понятием «антропоцентризм» применительно к лингвистическим объектам, потому что *центром* в сфере науки о языке может быть только сам язык как система знаков. Не «антропоцентричность» языка, а *лингвоцентричность* всех разделов науки о языке должна всегда осознаваться исследователями. Если в центр предметной области помещается не сам язык, а что-то другое, то это уже не лингвистика. Человек – важнейший объединяющий объект всех гуманитарных наук, но у каждой из них есть свои собственные предмет, цели, задачи и методология. Как центральный объект человек выступает, например, в антропологии – комплексной науке, изучающей физическое строение человека, его традиции и привычки, его язык, искусство и религию, его цивилизации.

И здесь важно отметить тот факт, что при чрезмерном внимании ко второму источнику единства науки о языке, т.е. междисциплинарности, первый источник этого единства – преемственность знания – часто упускается из виду и в теории, и в практике. Так, продолжающееся дробление лингвистики по направлениям, разделам и заимствование понятий из других областей знания, усиливает «энтропию» в когнитивной системе. От этого теряется общая картина, цельность восприятия информации. Современный этап развития лингвистики, объединяющей в себе черты гуманитарной и естественной областей знания, характеризуется множеством научных школ и разнообразием формирующихся терминологических систем. Это затрудняет стандартизацию терминологии и приводит к нестабильности в понятийной системе. О недостаточной системности, нестрогости значений реальных терминов, их многозначности, омонимии и синонимии пишут многие терминологи [Лейчик, 1991, с. 115].

Постоянный рост единиц специальной лексики и усложнение их семантических связей требуют пересмотра существующих представлений об организации учебно-образовательного процесса. Преподаватели отмечают, что у современных студентов недостаточно успешно формируются способности самостоятельного творческого поиска, умения ставить проблемы и тем более – их решать. Это влияет на усвоение базовой терминологии и на овладение научным стилем речи. Если заниматься проблемой преемственности обучения комплексно, то на разных этапах такого исследования будут выявлены скрытые недостатки существующей системы и с их учетом определены научно-методические подходы, рекомендации, обеспечивающие решение данной проблемы.

Мы полагаем, что в лингводидактике следует больше учитывать роль интерактивности как средства выявления и формирования у студентов ассоциативного поля предметной области – метаязыковой модели научных представлений о языке. Ассоциативный эксперимент позволяет уточнить, насколько прочны и осознанны полученные студентами знания. Можно проводить этот эксперимент в два этапа, отражающих семасиологический и ономазиологический аспекты терминов. Студентам предлагается дать дефиниции предложенным терминам, а затем самостоятельно привести примеры терминов, соответствующих заданным параметрам – назвать группы терминов из той или иной области лингвистики, термины, заимствованные из других наук, общенаучные термины, термины определенной структуры, придумать новые термины на базе заданных компонентов и т.п.

Последнее умение особенно важно в связи с постоянным расширением специального словаря лингвистики, тем более что ни в одном стандарте четко не прописано, каким должен быть в итоге терминологический минимум выпускника филологического факультета. Возникает вопрос, должны ли входить в этот «минимум» такие термины, как *поллизвукотип*, *фоноабзац*, *дифтонгоид*, *метод тензометрии*, *числовая дефектность*, *таксономизм*, *сентенциальный актант*, *кумулятивное отрицание*, *иллокуция*, *перлокуция*, *аффрицированные звуковые типы* и т.д. Как правило, терминологический «минимум» из новых терминов составляется по усмотрению преподавателя и может включать до 500 и более единиц. Именно из-за такого

неоправданного расширения базового специального словаря на начальном этапе обучения часто остаются недостаточно усвоенными действительно системообразующие термины лингвистики.

По данным проведенного нами эксперимента, целый ряд ключевых понятий современной науки о языке известен студентам на уровне формы, а не содержания, т.е. метаязык ассоциируется преимущественно с формой знаков. Вместе с тем очевидно, что метаязыковая функция зависит от системной организации обучения терминологии, при которой происходит упорядочивание и понятийных компонентов познавательного процесса. Однако в период продолжающегося формирования лингвистики ее теоретические основы во многом представляют собой, по определению С.В. Гринева-Гриневица, «не стройную систему утвердившихся положений, а скорее, конгломерат концепций и положений, выдвинутых отдельными учеными и научными школами <...> Необходимо представлять научные знания в виде стройной системы, что существенно облегчает их усвоение, сознательное использование в практике и дальнейшее развитие» [Гринева-Гриневиц, 2008, с. 3].

Таким образом, современный этап развития лингвистической терминологии характеризуется рядом новых особенностей – интегративностью, полифункциональностью, новой системностью, что требует выработки новых концептуальных подходов к изучению данного пласта языка, ставит вопрос о границах лингвистической парадигмы, актуализирует проблему научной систематизации терминологии лингвистики, особенно в тех ее разделах, которые формируются на пересечении с другими науками. Интегративность лингвистического знания обуславливает рост заимствований, развитие полифункциональности, усложнение терминосистемы. Это требует пересмотра представления о термине как о лексической единице и уточнения потенциального объема и качественного наполнения его дефиниции, а это предполагает внедрение новых принципов моделирования терминологических универсалий, их отражения в лексикографических источниках.

Библиографический список

1. Угланова, И.А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? [Текст] / И.А. Угланова // Филологические заметки : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 : В 2 ч. / Перм. ун-т. – Пермь; Скопье; Люблина, 2006. – Ч.1. – С. 163-173.
2. Лейчик, В.М. Семантическая омонимия и многозначность в сфере терминов [Текст] / В.М. Лейчик // Лексикология и лексикография : сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 115-121.
3. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение : уч. пос. [Текст] / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008.

kafruskin@yandex.ru

Нижник Н.Ф., Барнаул (Россия)

ТЕКСТ КОМИКСА КАК СИСТЕМА

Среди многочисленных направлений в изучении текста существует подход к тексту как системе [Поповская, 2006; Торсуева, 1986]. Одним из основных системных принципов текста признается его иерархичность. Как известно, сложный объект допускает не одно, а несколько расчленений. В разных концепциях представлены различные текстовые единицы: эпизод, период, абзац (составляющие, из которых непосредственно состоит текст), СФЕ, смысловой блок, сложное синтаксическое целое (сочетание нескольких предложений, характеризующееся относительной завершенностью темы, смысловой и синтаксической спаянностью компонентов), строфа, строка, макровысказывание и др.

Текст как система основан и на принципе структурности. Структурность – наиболее изученное свойство текста. Существуют различные классификации текстовых связей. Выделяются связи формальные, логические, смысловые, имплицативные.

Более высоким уровнем понимания структурности текста является выделение в нем структурных категорий [Гальперин, 1981]. К структурным категориям относят интеграцию (объединение каких-либо элементов в целое), сцепление, ретроспекцию (выстраивание прошедших событий жизни в определенный временной ряд), проспекцию (нарушение естественной последовательности эпизодов в рассказе), партитурность, континуум (непрерывность, длительность). Эти категории находятся в подчиненном положении по отношению к семантическим категориям информативности (насыщенности содержанием, информацией; количеством сведений, знаний), глубины, пресуппозиции (компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически anomальное или неуместное в данном контексте), модальности (категория, выражающая отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, отношение содержания высказывания к действительности) и прагматики.

Принцип системности присущ и тексту комикса. Комикс наиболее близок к классической форме представления вербальных произведений – книге. Однако те изменения, которые претерпел исходный иллюстрированный текст, позволяют исследователям говорить о нем как о новом специфическом

лингвокультурном явлении, имеющем собственную историю, особую технику создания, а главное – особые способы представления информации, порождения смыслов и структурной организации.

Выделение частотных базовых компонентов в различных дефинициях комикса позволило определить комикс как «особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, репрезентирующее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку. При этом рисунок и заключенный в него вербальный текст представляют собой органическое смысловое единство» [Сонин, 1999, с. 12].

Анализ структуры комикса показывает, что данный тип текста имеет специфические базовые единицы, которые, соотносясь между собой, организуются в единое целое. Специфической чертой комикса является разбивка визуального рассказа на планы. Каждый план (чаще всего в совокупности с текстом реплик персонажей и/или авторским комментарием) образует отдельный кадр – базовый компонент комикса. Являясь основой членения повествования, кадр в то же время представляет собой то минимальное звено, которое объединяет в себе единицы вербальной и пиктографической составляющих комикса. Кадр может рассматриваться как с точки зрения специфики его внутренней организации, так и через призму внешних связей с другими кадрами в контексте страницы, служа в обоих случаях основой для выделения и раскрытия своеобразия других содержательных компонентов комикса, выполняющих смыслоформирующую функцию. В комиксе каждый кадр приобретает смысл лишь в результате своей связанности с другими кадрами и только в качестве элемента ряда и даже целой страницы. Каждый кадр содержит упоминание о предыдущем и вызывает последующий. Восприятие одного кадра происходит под воздействием кадров его окружающих. Создается их ассоциативно-смысловая связь. Линейное развёртывание вербального и пиктографического произведений сопровождается внутренней «взаимозависимостью», взаимосвязностью, порождаемой постоянным движением смысла от рисунка к тексту и от текста к рисунку.

В качестве более крупных содержательных компонентов комикса могут рассматриваться страница или даже разворот, которые сами функционируют как особые единицы репрезентации.

Связность кадров в пространстве страницы проявляется в организации как пиктографических, так и вербальных компонентов комикса. Среди связующих пиктографических компонентов можно отметить:

1) единство действующих лиц и/или декораций; 2) графическое единство стиля, в котором выполнен альбом; 3) некоторые детали, повторяющиеся в разных кадрах; 4) используемую автором цветовую гамму.

Цвет может соединять кадры на странице в единое целое либо подчеркивать момент перехода от одного плана повествования к другому. Нередко связующая и структурирующая функции цвета неотделимы от смыслопорождающей. Применяя разные цвета, автор получает возможность ориентировать процесс восприятия сцены, подчеркивать её эмоциональную окраску. Преобладание синего, зеленого и серого придают рисунку таинственность, изобилие теплых цветов (коричневый, охра) сигнализирует о приближении чего-то неприятного. Ссора или бурная сцена с кипящими страстями сопровождается обычно оранжевыми и красными тонами, в то время как спокойное, романтическое настроение связано с пастельными красками. Цвет включается в отношения изоморфизма со смысловыми структурами других компонентов кадра [Сонин, 1999, с. 52].

За время становления комикса в нем сложился устойчивый набор основных планов представления сцен, происходящих в кадре: общий план, средний план, американский план, крупный план. Посредством различных планов реализуется категории модальности в тексте комикса. Кроме уточнения «объективной» модальности кадра, различные варианты его графической структуры могут передавать и некоторые нюансы модальности «субъективной». Этому способствует замена классического способа изображения персонажей (персонаж в кадре находится прямо перед глазами читателя), на те, в которых взгляд читателя на изображаемую сцену направлен как бы сверху вниз или снизу вверх. Первое не только позволяет охватить сразу всё происходящее, но также заставляет читателя почувствовать слабость изображаемого, его подчиненное положение. И, наоборот, в случае, когда читатель смотрит на изображаемую сцену снизу вверх, персонаж начинает доминировать над ним, предстает во всем величии, вызывает чувство угрозы и т.д.

Изменение позы и/или позиции персонажа в разных кадрах позволяет преодолеть свойственную рисунку статичность и соединить отдельные кадры в более крупные единицы с целью воссоздания континуальности повествования.

Вербальный компонент в комиксе делится на чисто речитативный (комментарии рассказчика) и звучащий (речь персонажей, шумы и другие окружающие героев звуки). Комментарии автора могут перемежаться комментариями действующих лиц.

Вербальный компонент выполняет важную для синтагматической связи между рисунками роль, где, прежде всего, отмечаются: 1) комментарии, не только ориентирующие восприятие кадра читателем, но и помогающие преодолеть разрывы в повествовании; 2) реплики персонажей.

Связующую роль в комиксе играет как само содержание текста: реплика, начатая в одном кадре, продолжается в другом, так и расположение содержащего реплику графического пространства речевого компонента. Когда реплика исходит от персонажа, не находящегося в кадре, это создает ощущение продолжения рисунка за его рамками.

Вербальный компонент комикса может передавать историю, предшествующую той, что изложена, осуществляя ретроспекцию, и, наоборот, передавать информацию, касающуюся будущего героя, реализуя категорию проспекции. Комментарии в комиксе обеспечивают континуальность повествования.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что комикс представляет собой сложную семиотическую систему, в которой пиктографическое произведение начинает ориентироваться на дискурс, а вербальный компонент – на графическое представление знания. Такое перераспределение между составляющими комикса в обеспечении коммуникативной функции – результат их корреляции, основой которой выступает интегративный признак.

Передача информации в комиксе происходит не на основе линейного вербального произведения, а через многомерную вербально-пиктографическую модель.

Библиографический список

1. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981.
2. *Поповская, Л.В.* Лингвистический анализ художественного текста в вузе [Текст] / Л.В. Поповская. Ростов н/Д : Феникс, 2006.
3. *Сонин, А.Г.* Комикс: психолингвистический анализ [Текст] / А.Г. Сонин. – Барнаул, 1999.
4. *Торсуева, И.Г.* Текст как система [Текст] / И.Г. Торсуева // Структурно-семантические единицы текста : сб. науч. тр. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1986. – Вып. 267. – С. 7-23.

nij77@yandex.ru

Никифорова Л.К., Новоуральск (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ С УЧЕТОМ ДИАХРОНИЧЕСКОГО АСПЕКТА (на примере метафор французского, немецкого и русского языков)

Политический дискурс представляет собой явление, с которым мы сталкиваемся ежедневно. Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики. Общественное предназначение и эффективность политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам – гражданам сообщества – необходимость политически правильных действий, в результате чего проецируется основная цель политического дискурса – не описать (то есть не референция), а побудить к действию [Bauley, 1985, с. 104].

В основе изучения политического дискурса лежит когнитивно-дискурсивная парадигма, позволяющая по-разному осмыслить проблемы, существующие в любом обществе, поскольку альтернативные способы описания одного и того же явления «возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон и в разных аспектах... и мы можем задуматься о причинах такого осмысления разных явлений мира» [Кубрякова, 2004, с. 17]. Это в полной мере относится к столь важной сфере человеческого существования, как энергетика. В воздействующей функции метафора является своего рода катализатором при формировании у реципиента определенного эмоционального состояния и мировосприятия, которое в данный момент необходимо говорящему [Богданова, 2006, с. 175]. При этом политическая метафора, являясь инструментом манипуляции общественным сознанием, может использоваться для переконцептуализации картины мира адресата. Из этого следует, что «выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия» [Будаев, 2006, с. 44].

При характеристике метафор, актуализированных для концептуализации атомной энергетики, вырисовываются две тенденции. Первая связана с понятием интердискурса, нивелирующего различия отдельных языков и культур и акцентирующего внимание на общих для человечества факторах.

Вторая тенденция прямо противоположна первой. В ее основе лежит представление о том, что всякая культура связана с определенной структурой метафорических понятий, обладающих своей спецификой. Как показало исследование, эти две тенденции в функционировании метафорики проявляются в трех аспектах: *культурном* (национальный дискурс), *аксиологическом* (позиция субъекта дискурса) и *темпоральном* (рассматриваемый период).

В *культурном* аспекте распределение категорий концептуальных метафор, используемых для создания метафорического образа атомной энергетики в России, Франции и Германии во многом совпадает. Значительный параллелизм в способах метафорического представления проблем можно объяснить тем, что рассматриваемые страны принадлежат к европейской культуре и одновременно переживали однотипные чувства надежды, тревоги, разочарования и отчаяния, связанные с атомной энергетикой. В одних аспектах метафорика отражает картину мира, которая типична для определенного культурного пространства, в других – мировоззрение, характерное для всего человечества.

Вместе с тем различия в метафорических образах позволяют говорить о специфике национального самосознания, историко-культурных особенностях носителей языка. Например, французы активно использовали кулинарные метафорические образы, сравнивая производство с шоколадной фабрикой или молочной фермой, а в Германии независимо от политической позиции авторов метафор активно использовались образы из сферы-источника АРТЕФАКТЫ, согласующиеся с представлениями о французах как о гурманах, а о немцах как об аккуратной и собранной нации. В российском политическом дискурсе эти сферы-источники малоупотребительны. Более того, культурные различия проявляются не только в частотности обращения к определенной сфере-источнику, но и в отношении к этой понятийной сфере, в выборе конкретных образов. Используемые в отечественном политическом дискурсе метафоры из сферы АРТЕФАКТЫ связаны непосредственно с реалиями русской культуры. Российские артефактные образы не порождают смыслов аккуратности, щепетильности, собранности и направлены на упрощенное понимание реалий атомной отрасли. В отечественной картине мира *тульский самовар* и *русская печка* являются практически аналогами любой атомной станции.

Помимо национально-культурного фактора на формирование образа атомной энергетики влияет категоризация адресанта дискурса по *аксиологическому* критерию, т.е. по отношению автора метафор к рассматриваемым вопросам. В политическом дискурсе ведется постоянная борьба внутри страны, направленная на переманивание колеблющихся в свой лагерь, а также превращение противников в колеблющихся. Эффективность этой борьбы зависит и от умелого использования метафорических образов, позволяющих реализовать интенции определенных политических групп.

В этом отношении принадлежность адресата к «своим» или «чужим», к «сторонникам» или «противникам» атомной энергетики зачастую играет не меньшую категоризирующую роль, чем национальная принадлежность. Другими словами, в метафорическом репертуаре сторонников атомной энергетики во всех трех странах обнаруживаются сходства, не характерные для набора метафорических фреймов, которыми пользуются противники атомной отрасли этих же стран. К примеру, противники охотно прибегали к морбиальной метафорике независимо от национальной принадлежности, в то время как сторонники предпочитали использовать для своих целей иные образы. Метафоры сторонников формируют представление об атомной энергетике как об управляемой технологии, поставленной на службу человечеству, указывают на перспективность отрасли. Образы противников концептуализируют отрасль как дьявольское изобретение, ведущее человечество в метафорическую пропасть.

Наконец, в результате сопоставительного анализа метафор были выявлены особенности употребления метафор по *диахроническому* аспекту. Метафорическая картина всех рассматриваемых дискурсов коррелирует с этапами в развитии атомной энергетики. Эта корреляция позволила выделить три основных периода в эволюции дискурса об атомной энергетике: дочернобыльский период («отдаленное прошлое»), постчернобыльский период («недавнее прошлое») и современный этап.

С одной стороны, диахронический фактор относительно автономен в своем потенциале воздействия на метафорические модели. Исследование показало, что и дискурс сторонников развития атомной энергии, и дискурс противников изменился после чернобыльской катастрофы во всех трех странах. Точкой опоры для сторонников и противников во всех странах, служит прошлое, позволяющее одним извлекать из него позитивные уроки, другим – неустанно посыпать голову чернобыльским пеплом и нести его прах в будущее.

С другой стороны, автономия диахронического фактора относительна. Объединяясь по одному критерию, метафоры могут различаться по другим. Так, евроинтеграция последних лет вынуждает Францию и Германию думать об общем европейском энергетическом *поезде*. Вопрос заключается лишь в том, какая страна будет *локомотивом*. Будут ли немцы полностью *удовлетворять* свои энергетические *аппетиты* за счет возобновляемых источников энергии или они будут вынуждены покупать излишки с французского *энергетического стола*. Другой иллюстрацией может служить совмещение интердикурсивного «всплеска» морбиальной метафорики после Чернобыльской катастрофы с доминированием образов *чумы* и *холеры* в политическом дискурсе Франции и Германии, и метафор *головной боли* в России и т.д.

Важно учитывать, что факторы, разделяемые в целях научного изучения и выявления закономерностей, в дискурсе накладываются друг на друга, создавая сложную картину метафорической концептуализации атомной энергетики в рассматриваемых странах.

Библиографический список

1. *Богданова, Л.И.* Лингвокультурный характер концептуальной метафоры [Текст] / Л.И. Богданова // Новое в когнитивной лингвистике : мат-лы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике». – Кемерово : КемГУ, 2006. – С.174-179.
2. *Будаев, Э.В.* Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Э.В. Будаев. – Екатеринбург, 2006.
3. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

4. Bayley, P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches [Text] / P. Bayley. – G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller (Eds). Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna : Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P.77-174.

niki_nu547@mail.ru

Николаева О.В., Владивосток (Россия)

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В ситуации коллективного многоязычия весь социум вовлечен в процесс ежедневных межъязыковых контактов. У индивидуальных носителей многоязычие чаще всего проявляется как двуязычие или билингвизм [Crystal, 1998, p. 362]. Изучение ситуаций двуязычия, при которых одни и те же лица поочередно используют два языка [Weinreich, 1953], переключаясь с одного языка на другой в зависимости от условий речевого общения [Розенцвейг, 1972, с. 10], дало основания рассуждать о взаимодействии языковых систем в умах двуязычных носителей, его возможных причинах и следствиях. Принимая во внимание тот факт, что языковые различия являются важными символами различий в культуре [Сепир, 1993, с. 245], говоря о языковых контактах в мультилингвальном сообществе, учитывают также и межкультурные взаимодействия.

Акцентирование когнитивных аспектов изучения многоязычия предполагает установление соотношения между процессами языкового контактирования и взаимодействием картин мира. Л. Вайсгербер отмечал, что по свидетельству тех, кто на самом деле владеет несколькими языками, они и сами *замечают*, насколько по-разному они мыслят на различных языках [Вайсгербер, 2004], из чего следует, что в их сознании актуализируются разные картины мира. Однако на этот счет существуют противоречивые мнения. Г.В. Колшанский считал, что «билингвы и мультилингвы не имеют никаких сдвигов в своем сознании относительно той или иной картины мира, которая представлялась бы им в зависимости от языка, на котором они в данный момент общаются» [Колшанский, 2010, с. 79]. Считаем эту точку зрения справедливой, при том условии, если под картиной мира понимать общую концепцию мира, обусловленную системой ценностей. Сдвиги на этом уровне действительно не зависят от количества языков, которым владеет личность, одна и та же система ценностей может быть объективирована на разных языках и, напротив, разные системы ценностей могут быть объективированы и в одном языке. Однако под картиной мира понимают также и операционную категориально-понятийную систему как упорядоченную систему концептов. Насколько сопоставима *такая* картина мира билингвов и мультилингвов с картинами мира *моноязычных* носителей тех же языков? В.В. Кабакчи отмечает, что монолингву часто непонятна информация, передаваемая билингвом: «билингв нередко становится подобен специалисту, речь которого недоступна непосвященным» [Кабакчи, 2008, с. 61–72].

Вероятно, в условиях регулярных культурно-языковых контактов в сознании билингвов и мультилингвов с детства формируется некая *интегрированная* картина мира, которая всецело является продуктом взаимодействия нескольких картин мира и сочетает в себе многие их фрагменты. Переплетенные в естественной системе, они не ощущаются в ней чуждыми элементами. Вследствие этого, переключаясь с одного языка на другой, билингвы и мультилингвы действительно не имеют сдвигов в картине мира, поскольку постепенно интериоризируют *продукты* взаимодействия двух или нескольких картин мира. Однако данная картина мира во множестве аспектов будет отличной от картин мира тех, кто владеет только одним из языков.

Изучение и использование иностранного языка, по мысли Г.В. Колшанского, также не ведет ни к каким изменениям картины мира в сознании коммуникантов [Колшанский, 2010, с. 80]. Однако современный взгляд на обучение иностранному языку состоит в формировании вторичной культурной картины мира и вторичной языковой личности. Представляется, что изучающие иностранный язык знакомятся не просто с языком, но инкорпорируют некоторые *иные концепты*, отсутствующие в их родной картине мира, а также и *упорядоченную иным образом систему концептов*, и даже испытывают сдвиги в *аксиологическом комплексе*.

Исходя из сказанного, считаем, что любая ситуация двуязычия или многоязычия, а также ситуации изучения и использования иностранных языков неизменно сопровождаются взаимодействием картин мира в той или иной мере или является результатом такого взаимодействия.

В странах бывших британских колоний двуязычие свойственно, прежде всего, коренному населению, в сознании которого совмещены разносистемные языки: английский и автохтонный. В условиях длительного, устойчивого языкового контакта *существование разных языковых систем у большинства двуязычных носителей* вызывает практически неограниченную интерференцию [Weinreich, 1953, p. 81]. Интерференция, будучи отклонением от нормы, при частом повторении сама может стать нормой, фиксирующей, в частности, *интеграцию кодов* [Хауген, 1972, с. 69]. По нашим предположениям, интеграция языковых систем сопряжена с интеграцией совмещенных в сознании двуязычных носителей картин мира. Исходя из того, что картина мира объективируется, прежде всего, в лексиконах и семантиконах языков, полагаем, что их диахроническое

изучение может стать источником сведений о результатах взаимодействия картин мира в умах двуязычных носителей за период лингво-культурно-когнитивных (термин И.В. Приваловой [Привалова, 2006]) контактов.

В процессе исследования были изучены особенности эволюции словарного состава коренного населения Новой Зеландии маори. Сопоставление лексических дефиниций из ранних лексикографических источников и современных словарей маори позволило выявить различия между современной и традиционной картинами мира коренного населения Новой Зеландии. Исследование семантиконов языка маори разных исторических периодов свидетельствует о том, что изменения традиционных концептов коренного населения вызваны взаимодействием картины мира маори с картиной мира европейских переселенцев. Сложение элементов концептосферы «христианство» в картине мира маори всецело является результатом данного взаимодействия: традиционные маорийские концепты, ранее относящиеся к сфере языческих верований маори, получили новые признаки, связанные с христианством. В дальнейшем произошло размежевание традиционных и новых признаков, в результате образовались новые концепты – элементы концептосферы «Христианство». Так, традиционный маорийский концепт *atua*, содержание которого было весьма многогранно (*ancestor with continuing influence, god, demon, supernatural being, deity, ghost, object of superstitious regard, strange being, a malicious person* – предок, бог, божество, дух, свехъестественные силы, демон, высшее божество, незнакомец, злой человек), получил дополнительный признак, на основе которого возник новый концепт '*Бог (в ХРИСТИАНСТВЕ)*'. Другой концепт традиционной картины мира маори *ariki* (*first-born male or female in a family of note; hence, chief, priest* – первенец (сын или дочь) в знатной семье, вождь, жрец) стал основой для нового концепта *Lord (in Christianity)* / Господь (в Христианстве). Текст Библии на языке маори предоставляет множество подтверждающих примеров: “*Mea atu ana a Ihu ki a ia, Ka oti ano hoki te tuhituhi, Kaua e whakamatautau ki te Ariki ki tou Atua*” [Maori Bible, Matthew: Ch. 4: 7] / Иисус сказал ему: написано также: ‘не ищущай *Господа Бога* твоего’.

Следует отметить, однако, что новые концепты не устранили традиционных маорийских концептов, что свидетельствует о возникшей *синкретичности* картины мира маори, включающей и традиционные языческие представления, и новые христианские.

Таким образом, изучение когнитивных аспектов двуязычия выявило глубокие ментальные процессы, происходящие в сознании билингов, заключающиеся не только во взаимодействии двух разных языковых систем, но и двух разных картин мира.

Библиографический список

1. Кабакчи, В.В. Билингвизм и межкультурная коммуникация [Текст] / В.В. Кабакчи // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже века : сб. научно-методических статей / ПГПУ им. С.М. Кирова. – Псков, 2008. – Вып. 8. – С.61-72.
2. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г.В. Колшанский / Изд. 4-е. – М. : КомКнига, 2010.
3. Привалова, И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование : дис. ... д-ра филол. н. [Рукопись]. – М., 2006.
4. Розенцвейг, В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов [Текст] / В.Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 5-22.
5. Сепир, Э. Язык [Текст] / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. – М. : Прогресс; Универс, 1993. – С. 223-247.
6. Хауген, Э. Языковой контакт [Текст] / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61-80.
7. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language [Text] / D. Crystal / 2nd edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
8. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems [Text] / U. Weinreich. – N.Y. : Linguistic Circle of New York, 1953.

onikolaeva2009@yandex.ru

Обнорская М.Е., Барнаул (Россия)

АРХЕТИПЫ, МИФЫ, ПРОТОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

В последнее время возрастает интерес исследователей к феномену массовой культуры, что объясняется, в частности, ее востребованностью. Так, популярность современной англоязычной романтической прозы (как разновидности массовой литературы) неуклонно растет, продажи этих произведений достигают более 50% от всей популярной литературы и приносят миллиарды прибыли ежегодно. Романтическая проза является самым популярным жанром массовой литературы [Ramsdell, 1999, с. 18]. При этом именно на любовный роман (romance) направлено острое литературной критики; высокомерное презрение, с которым критики и феминистки ополчаются на романтическую прозу, распространяется и на ее читательниц, хотя согласно данным, приводимым в исследованиях К. Рамсделл и других критиков, многие читатели подобных романов

люди состоявшиеся, с высшим образованием – бизнесмены, преподаватели, юристы и т.д. Вместе с тем, другие жанры массовой литературы – детективный, научно-популярный, фэнтези и т.д. пользуются достаточно благосклонным вниманием критики. Этот факт наводит на мысль о гендерной тенденции в критике, о двойном стандарте в отношении к женской прозе. Чем же объясняется привлекательность – вопреки всему – романтической прозы для читательниц?

Популярность жанра обусловлена, в частности, тем, что эти романы отвечают ожиданиям читательниц, так как они основаны на известных, гендерно-обоснованных *архетипах*, реализующихся в мифах, легендах, сказках, которые проступают, «высвечиваются» в мотивах, сюжетах, сюжетных ходах, персонажах дамских романов. Архетипы, как проявление коллективного бессознательного, представляют собой повторяющиеся мотивы (ситуации, образы), их комбинации, универсальные, устойчивые психологические *схемы*, бессознательно воспроизводимые и обретающие содержание в мифах, символах, архаических ритуалах, легендах и т.д. К. Юнг подчеркивает «формальность», схематичность архетипов («Архетип сам по себе пуст и чисто формален, он не что иное как предопределенная способность, возможность представления, данная a priori.» [Юнг, 2004, с. 214]. Содержательную характеристику архетип обретает лишь в сознании, наполняясь материалом сознательного опыта. Становясь более отчетливыми, архетипы сопровождаются оживленными эмоциональными тонами, они способны потрясать, внушать, увлекать. Сила воздействия искусства состоит в актуализации глубинного уровня, в обращении к вечным и общечеловеческим архетипам [ЛЭС, 1986, с. 38]. Именно этим объясняется тяга читательниц к романтической прозе.

Будучи схематичны, формульны по своей природе, архетипы «бесконечно разнообразны в своих проявлениях» [Юнг, 2004, с. 215]. С понятием архетипа связан целый ряд понятий и терминов: *архетипическая модель/формула, архетипический сюжет, образ, мотив*.

Итак, являясь мифообразующими компонентами, архетипы реализуются в легендах, сказках, мифах. Как известно, мифы являются «созданиями коллективной общенародной фантазии, обобщенно отражающими действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся первобытным сознанием вполне реальными» [ЛЭС, 1987, с. 222]; миф – это образная модель миропорядка. Как указывалось, особенностью романтической прозы является использование в ней известных мифов, которые, задействуя ассоциативный потенциал читателей, актуализируют вечные, важные для человечества проблемы. Дж. Кренц справедливо отмечает, что в разных жанрах угадываются группы древних мифов, характерных именно для данного жанра. Древними мифами, лежащими в основе романтической прозы, являются истории воссоединения мужчины и женщины, так как они воплощают ценности, жизненно-важные для выживания человечества [Krentz, 1999, с. 112]

Среди излюбленных мифов жанра романтической прозы особое место занимает миф о Персефоне. Похищенная таинственным могущественным Аидом, девушка вынуждена остаться с королем мертвого царства, и лишь на некоторое время может возвращаться к матери Деметре. Но и Аид очарован и покорен ею. Он – воплощение тьмы, смерти, она – свет, жизнь, возрождение. *Архетипический конфликт* решается победой света любви над мраком и смертью. В *типичном* современном серийном романе, представленном, например, произведениями В. Винспир, *сюжет* является отражением этого архетипического мифа. Но миф может эксплицироваться путем аллюзий, намеков на отдельные его детали, таким образом задействуются фоновые знания читателя: “*I am fond of pomegranate myself – may I share with you the forbidden fruit of the gods?*” ... *each bite made her think of the myth surrounding the strange red-gold fruit.*

Миф о Персефоне актуализируется в романах и с помощью контраста между главными героями – мрачность героя усиливает свет, сияние, исходящие от героини. В противопоставлении героев можно различить отзвуки мифов, где проводится параллель между героем и самим дьяволом: “The romance hero is often portrayed as a dark force, vaguely satanic” [Cameron, 1999, с. 143]. Эта параллель с мифологическим архетипом находит свою реализацию в языке романов. В проанализированных пяти романах В. Винспир неоднократно используются слова *demon, devil*, а также производные и ассоциативные слова для характеристики главного героя – *Lucifer, devilish, fallen angel, a devil in disguise, diabolical, diabolie, a scent of sulphur*. Отраженная в мифе борьба между вечной тьмой и вечным светом, между смертью и жизнью, злом и добром оканчивается победой добра, жизни, света – через любовь. В этой связи представляются важными слова В. Розанова о том, что расстояние между мужским и женским – это пропасть между жизнью и смертью. «Любовь мужчины и женщины эту пропасть преодолевает. Любить – значит воскресить».

Персонажи, наиболее четко воплотившие в себе перечисленные черты мифа, получают статус *архетипических образов* (фигур). Интересно, что С. Филипс утверждает, что Хитклиф (Heathcliff) – это не просто прототип, это архетип [Phillips, 1992, с. 65]. Черты Хитклифа можно увидеть в героях (alpha men) многих современных дамских романах. Типичные характеристики героя обобщены многими критиками: *mean, moody, magnificent, arrogant, mocking, overbearing, brutal, strong men with prestige and intelligence, short tempered, ruthless, cruel, formidable, tough, hard-edged, mysterious, exotic, powerful*.

Другим *архетипическим* (или прототипическим?) *образом*, характерным для современной романтической прозы является *байронический* персонаж с тяжелым душевным прошлым, духовными муками, циничный, подверженный приступам депрессии и угрызений совести. В романе В. Винспир «Медовый месяц» главный герой Ренцо Талмонте представляет собой именно байронический тип: он красив мрачной красотой

(*tall and broodingly handsome*), автор уподобляет его греческому богу Адонису, изваянию Родена. К тому же, как и Байрон, он прихрамывает, опирается на трость.

Излюбленным *архетипическим сюжетом* романтической прозы является история Золушки. Этот сюжет служит фоном для многих романов В. Винспир. В вышеназванном романе героиня, рано лишившаяся матери, взваливает на себя бремя домашней работы. В этот сюжет вплетается *архетипический мотив двух сестер*, доброй и злой, соперничества между ними. Сюжет осложнен и архетипом 'двойничества', сестры похожи друг на друга, как "зеркальные отражения". Но по своей сути они противоположны как архетипы добра и зла, героя и его *тени*. Архетип "тень" представляет собой бессознательную часть психики, которая символизирует темную сторону личности, все, что человек отказывается принимать в самом себе – низменные стороны характера, противоречия. Архетипы "двойничество", "тень" находят словесную реализацию в тексте, зачастую подчеркнуты образностью. Следовательно, сюжет романа содержит в себе "клубок мотивов".

В современной англо-американской критике широкое распространение получил термин "*прототип*". Распространенным является использование определений типа *прототипический роман*, *мотив*, *прототипический автор* и т.д. В русском литературоведении принято определять прототип как "реально существовавшее лицо, послужившее автору прообразом (моделью) для создания литературного персонажа" [ЛЭС, 1987, с. 310]. Смысл, который вкладывается англо-американской критикой в это понятие, гораздо шире и близок к понятиям семантической теории прототипов, в частности, к концепции Гивона: "прототип – это единица, проявляющая в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы; единица, реализующая эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [Кубрякова, 1996, с. 140]. Прототипическим романом считается тот, который воплощает, определяет, диктует характерные черты жанра или жанровой разновидности. К таким романам относят известные романы Ш. Бронте, Д. ДюМорье, Дж. Хейер, В. Холт, М. Стюарт, и др. Прототипические романы являются элитарными, представляют образцы для подражания. Если талантливому автору становится тесно в рамках определенных канонов, отраженных в прототипических романах, он вносит новые отличительные черты и, оставаясь в границах общего жанра романтической прозы, создает жанровую разновидность – романы из эпохи регентства, неоготические романы, романы триллеры и т.д. Чтобы подняться до ранга прототипического, произведение должно (помимо жанрообразующих черт) обладать художественными достоинствами, привлекающими читателей, возвышающими их над потоком тривиальной прозы. Эти романы должны быть узнаваемы именно благодаря наличию индивидуальных идиостилевых характеристик. Прототипические романы определяют сюжетную тематику последующих романов, типы персонажей, конфликты, и т.д.

Порой *один* роман талантливого автора задает тематическое направление многих последующих произведений. К подобным произведениям принадлежит классический прототипический роман Эдит М. Халл "Шейх", положивший начало популярной тематике об арабских шейхах, испанских грандах, итальянских графах, латино-американских олигархах. Развитием темы "шейх" является и упоминавшийся роман В. Виндспир "Медовый месяц", в основу которого положена тема "латинский герой" (*latin lover*). Ренцо Талмонте, итальянский граф, мрачный, гордый, принуждает провинциальную английскую девушку к женитьбе. Его высокомерие, вспыльчивость, ожесточение исчезают под влиянием теплоты, великодушия, любви героини. Автор умело использует различные приемы для правдоподобного воплощения темы (включение итальянских слов, реалий, интертекстуальных включений с итальянской тематикой). Романтическое звучание тема приобретает и благодаря эпиграфу – отрывку из стихотворения Э. Браунинг, и поэтической концовке романа.

Итак, романтическая проза апеллирует к читательницам хотя бы потому, что, основываясь на архетипических сюжетах, типах, ситуациях, ищет ответы на вечные вопросы, затрагивающие женщин всего мира. Герои, ситуации, мотивы прототипических романов – образцов жанра, угадываются во вновь создаваемых произведениях, доставляя дополнительное "наслаждение узнавания" читательницам. Эти романы вносят оптимистическую ноту в однообразие жизни, дают надежду, возрождают силы, чтобы справиться с трудностями жизни, а также вовлекают в повествование, заставляя читательниц сопереживать, проживать полную приключений и борьбы за высокие – семейные – идеалы жизнь.

Библиографический список

1. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ, 1996.
2. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / В.М. Кожевникова и др. – М. : Советская энциклопедия, 1987.
3. Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов [Текст] / К.Г. Юнг. – Минск : Харвест, 2004.
4. Cameron, S. Moments of Power [Text] / S. Cameron // *Dangerous Men and Adventurous Women*. J.A. Krentz (Ed.) Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992.
5. Krentz, J. Trying to Tame the Romance. Critics and Correctness [Text] / J. Krentz // *Dangerous Men and Adventurous Women*. J.A. Krentz (Ed.) Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992.
6. Phillips, S. The Romance and the Empowerment of Women. [Text] / S. Phillips // *Dangerous Men and Adventurous Women*. J.A. Krentz (Ed.) Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992.
7. Winspear, V. The Honeymoon [Text] / V. Winspear. – L. : Mills and Boon Ltd., 1986.

ЖАНРОВАЯ ФОРМА ПУБЛИКАЦИИ КАК ДИСКУРСООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ (на примере «русского» дискурса газеты «The New York Times» XIX века)

Патрик Серио в работе «Анализ дискурса во Французской школе» указывает, что ограничением при производстве дискурса является всё то, что помимо языка делает некий дискурс определённым дискурсом; таким образом, имеется в виду формирующая дискурс социально-историческая ткань [Серио, 2001, с. 549-562]. Дискурс связывается с идеологией: «Идеологические формации <...> содержат по необходимости в качестве своих составных частей одну или несколько взаимосвязанных дискурсивных формаций, которые определяют то, что может и должно быть сказано (в форме наставления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.д.) в соответствии с определённой позицией и при определённых обстоятельствах» [Пешё, цит. по: Серио, 2001, с. 560].

Основная цель дискурс-анализа – привести к позиционному единству рассеянное множество высказываний. Так, «в анализе дискурса исследуется совокупность проповедей или листовок в том смысле, в котором они указывают в социальном плане на определённую идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую. Чаще всего дискурсивная формация соответствует не одному единственному жанру, а объединяет несколько жанров (листочки, манифесты, газетные статьи...») [Серио, 2001, с. 551]. Для каждой дискурсивной формации существует не одна «законная позиция в процессе высказывания, поскольку совокупность высказываний, соотносимых с одной и той же позицией, может распределяться по нескольким дискурсивным жанрам. Но если аналитик должен принимать во внимание это разнообразие, он обязан понимать его следующим образом: разнообразие жанров дискурсивной формации отнюдь не является случайным возникновением при наличии ядра с устойчивым смыслом, оно способствует определению его характеристики» [там же, с. 552].

Н. Фэрклоу, изучающий медиа дискурс, пишет о том, что дискурсивные практики дифференцируются функционально: для новостей, документальных фильмов, «мыльной оперы» на телевидении существуют свои дискурсивные практики так же, как и свои дискурсивные практики представлены для «жесткой» и «мягкой» новости в газете [Fairclough, 1995, p. 64-65]. Н. Фэрклоу предлагает термин *тип дискурса*; он представляет из себя конфигурацию разных жанров и дискурсов или может быть основан на одном жанре или дискурсе. Жанр определяется учёным как такой способ использования языка, который соответствует социальной практике, в которую он вовлечён [Ibid., p.76]. Н. Фэрклоу отмечает, что нередко наблюдается взаимодействие разных жанров в рамках одного текста, именно поэтому он предлагает использовать в рамках дискурс-анализа термин тип дискурса.

Данная статья посвящена описанию жанров американского публицистического дискурса о России на примере газеты «The New York Times» XIX века. Различные конфигурации межжанрового взаимодействия могут стать основой для выделения некоторых устойчивых типов дискурса (по Н. Фэрклоу), или дискурсивных моделей, а также для описания особенностей изучаемого дискурса. Жанры – форма существования дискурса. Тексты, составляющие корпус изученных публикаций о России указанного периода, демонстрируют жанровое разнообразие, признаки межжанрового и интердискурсивного взаимодействия. Типичные дискурсивные практики, или дискурсивные модели, или типы дискурсов следующие (названы в порядке убывания частотности в дискурсе): *hard news*, *feature story*, *human interest story*, *creative non-fiction (travel writing)*, лекция, обзор прессы, открытое письмо.

Прототипичные жанровые формы в XIX веке ещё не выработаны окончательно. Так, материал, который по всем признакам должен быть отнесён к текстам типа *hard news*, демонстрирует некоторую жанровую диффузию, так как в нём присутствует весьма заметный элемент авторской оценки. Процитируем эту публикацию: «*A letter from St. Petersburg, in the Deutsche Volks-halle, of date 31st March, says two hundred Circassians were killed and the rest were hunted into the wood by the Cossacks, the Russians having only two officers and nine privates wounded. Very unlikely*» (May 6, 1853).

Значительное место в газете занимают *feature stories*. В русской классификации жанров журналистики этому виду текста соответствуют документальные очерки и тематические статьи. Оценочность и аналитичность в таких материалах является преобладающей характеристикой. Американская журналистика апеллирует к базовым дуальным оппозициям, например таким, как Добро и Зло. Отмечено возникновение образа тысячелетнего, т.е. вечного, извечного противостояния России и Америки как воплощений тирании и свободы, т.е. Добра и Зла. «*All the constitutional liberty of the world may yet be summoned to encounter the embodied tyranny and error and wrong of ages in a final, millennial struggle of right with wrong. Who shall then say, America has neither part nor interest in European politics?*» (Jan. 29, 1852).

Human interest story – жанровая форма, предназначенная для рассказа о жизни людей, их проблемах, характеров в яркой эмоциональной манере. В 1875 году один американский путешественник по России опубликовал в газете «The New York Times» рассказ о русском станционном смотрителе. Он заключается в следующем. Муж и жена прожили счастливо много лет в браке, были смотрителями почтовой станции около Харькова. Но муж понимал, что относился к жене не по-доброму, бил, но не любил. Однажды она его в этом упрекнула. Тогда муж в душевном смятении ударил жену и бросился вон из хаты – велел запрячь тройку и

помчался вербоваться в солдаты. *‘I ran into the stable yard. ‘Harness a troika’, said I to the starosta. ‘I leave at once for Kharkof with dispatches that the courier dropped, and that I’ve found upon the floor. Quick! Quick! The best courier horses’. In an instant they were ready. Merrily jingled the bells in the crisp air. Paul took the reins, and off I whirled. In twenty hours I was at Kharkof»* (Sept. 5, 1875). Под чужим именем служил годик-другой, пока не осознал, что влюбился в свою жену без памяти. Вернулся, прожили вместе еще шестнадцать лет, а государство всё не признает его: ведь он сказался умершим для своей жены, когда служил в армии. А жена его Ольга считается вдовой. В выше приведенном фрагменте отражены многочисленные «экзотические» признаки русского человека. Бросается в глаза чересчур подчеркиваемый американским путешественником удалой, бесшабашный характер русского человека. Важно, что это просто русский человек – без имени и фамилии, первый же встреченный им на пути стационарный смотритель. Этот человек любит «быструю езду», достаточно непоследователен в нежных чувствах, груб, как и положено русскому, бьёт жену. Ольга же является воплощением настоящей русской женщины – мягкая, терпеливая, любящая. Имя *Ольга*, наименования лакунарных концептов *kurupatka*, *starosta*, *troika*, *podorojna* – это все «русские» приметы, которые характеризуют американский дискурс о России XIX века.

В большой группе creative non-fiction выделяются разные жанровые формы, в том числе и travel writing. Этот тип дискурса, как и вообще жанры журналистики, “grounded in fact”, однако обладает такими характеристиками, как изобразительность и образность. Травелог, или travel writing, широко представлены в американской публицистике о России. Американские путешественники по России открывают для себя российскую экзотику. Один из специальных корреспондентов газеты «The London Standard» побывал в гостях у Л. Толстого. *«Count Leo Tolstoy received me today at his country house, Yasnaya Poliana, fifteen miles from Tula. A troika sleigh took me over the icy road from Tula to Yasnaya Poliana in less than an hour»* (March 12, 1905).

Интересный вид межжанрового взаимодействия представляют собой публикации о лекциях, прочитанных для определённой аудитории на какую-либо тему. В современной действительности данный жанр – лекция – присутствует в научном или педагогическом дискурсе. В изучаемый период времени лекция как жанр широко представлена в дискурсе политическом. В изучаемой газете частотны пересказы содержания лекций. Так, например, в феврале 1853 года в газете было опубликовано содержание лекции д-ра Бэрда на тему «Россия и Польша». Материал содержит лид: *«The second of the course of Nine Lectures to be given in Brooklyn, by Rev. Dr. Baird, came off Friday evening at the Female Academy. Its subject was Russia and Poland, their history, biography, human nature, and political position; and with truth it may be said, that no person who has travelled through those countries can be better qualified to do justice to the subject»* (Feb. 3, 1853). Данная жанровая форма позволяет автору публикации сделать нужные акценты на некоторых принципиальных идеологических оценках; в результате в тексте комбинируются две точки зрения, два «голоса» (voices, по Н. Фэрклоу). *«The lecturer than referred to the strength of Russia, and said he was entirely on the position that Russia is not a strong country <...> If the Western nations of Europe will allow Russia to domineer over them, they deserve to be conquered»* (Ibid.). По сравнению с Польшей Россия проигрывает: Польша более цивилизованная страна. *«The Poles advanced faster in civilization, because they were nearer to Germany, and had many wars with the Germans, especially with the Teutonic Knights»* (Ibid.). Указание на нецивилизованность России, варварство – достаточно распространённый стереотип о России изучаемого периода, демонстрирующий живучесть и в современной журналистике. Американский журналист (видимо, вслед за лектором) указывает на «ошибки» русских; данный фрагмент иллюстрирует принцип, в соответствии с которым всё своё – хорошее и правильное, всё чужое – неправильное: *«...the streets are too wide – this fault being characteristics of the Russians. The reason of this is, their houses are mostly built of wood, and to prevent fire»* (Ibid.).

В 1851 году в газете опубликован материал под названием «Foreign Periodicals in Russia». В публикации содержится обзор иностранной прессы, выходящей в России. Представленный обзор осуществлен не с позиций содержания газет, а с позиций презентации ими либеральных демократических либо авторитарных позиций. Американские газеты в России не читают; объяснение этому следующее: *«American newspapers, it will be remembered, are not recognized as actual entities in Russia. They are generally redolent of an atmosphere in which despotism cannot exist»* (Dec. 18, 1851). Данный материал в русской классификации жанров журналистики может быть определён как обзор прессы.

Также для американской журналистики изучаемого периода значимым жанром является открытое письмо: *«Hon. Simon Cameron.; His Letter Resigning the Position of American Minister to Russia. To His Excellency Abraham Lincoln, President of the United States: SIR: I herewith tender to you my resignation as American Minister to the Court of St. Petersburg. <...>and I now feel that I ought to realism at home, because there are duties to discharge, in the present and the future, when no pair one citizen can conscientiously avoid»* (March 1, 1863).

Подведём итоги. Анализ публикаций о России, вышедших в американской газете The New York Times в XIX веке, показывает разброс жанров, или типов дискурса, в которых осуществляется идеологическое позиционирование Америки по отношению к России. Некоторые из них занимают центральное положение в газетном политическом дискурсе – это feature story, hard news. Другие находятся на периферии, так как имеют признаки взаимодействия с другими дискурсами: художественным (creative non-fiction, human interest story), научным (лекция), бытовым (письмо). Дальнейшее исследование групп текстов одного жанра можно проводить

в ракурсе дифференциации по признаку институциональности, субъектно-адресатным отношениям и пр., по типу структуры текста, а также по способам объективации в них тех или иных идеологем.

Библиографический список

1. Серюо, П. Анализ дискурса во Французской школе [Текст] / П. Серюо // Семиотика. Антология ; сост. Ю.С. Степанов. – М., 2001. – С. 549-562.
2. Fairclough, N. Media-Discourse [Text] / N. Fairclough. – L. : Edward Arnold, 1995.

orlovaog@mail.ru

Осинов Б.И., Анохина Ю.М., Омск (Россия)

О КОННОТАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Национально-культурная коннотация – это исторически сложившийся и социально общепринятый в определенном языковом сообществе образно-символический и эмотивно-оценочный элемент семантики фразеологизмов [Латыпов, 1989, с. 80]. Исследователи выделяют фразеологически обусловленную коннотацию, когда образное значение выражается во фразеологической единице и, как правило, не проявляется в свободном сочетании; фразеологически связанную коннотацию, т.е. совокупность ассоциативно-символических значений элементов устойчивых сравнений, являющихся компонентами фразеологических единиц других типов; неязыковую коннотацию, при которой компоненты фразеологической единицы еще до вхождения в ее состав имеют символическое значение, фольклорное, предметное, но не лингвистическое [Нагаева, 2003, с. 37-39]. При анализе устойчивых сравнений с точки зрения лингвострановедения представляется возможным выделить некоторые черты французского менталитета, отраженные в данном разряде фразеологических единиц. Представляя собой род национально-культурной информации, эти черты могут быть выражены как в идиоматическом значении устойчивых сравнений в целом, так и в значении их элементов. При рассмотрении коннотативной лексики в составе устойчивых сравнений необходимо разделять коннотативные элементы А и В, выраженные преимущественно именами существительными и коннотативные элементы С, выраженные именами прилагательными и глаголами. Группа предметных символов в составе фразеологических единиц особенно велика, этим объясняется преобладание имен существительных среди символических компонентов фразеологизма [Степанова, 1987, с. 81].

Одним из важных аспектов изучения страноведения является французская национальная кухня. Здесь выделяют три группы: две фразеологические, со стержневым элементом С, а одну лингвокультурологическую, со стержневым элементом В. Ядро первой из групп с элементом С включает устойчивые сравнения *manger comme un bœuf / un fermier / un glouton / un Hospitalier / un loup / un maçon / un orge / un tigre* и т.д. В приведённых выражениях особенно подчёркивается негативное отношение к невоздержанной манере поглощения пищи, что дает основание выделить такую черту французского менталитета, как умеренность. Ядро второй из фразеологических групп со стержневым элементом С включает в себя устойчивые сравнения *boire comme un chantre / un fiancé / une éponge / une grenouille / un musicien / un pompier / un porc / un sonneur / un trou / un Suisse / un Templier* и т.д. Коннотативное значение элементов С объясняется коннотативным фоном, поскольку виноделие всегда было неотъемлемой частью экономики и самой цивилизации французов. Но Франции принадлежит печальный рекорд: первое место в мире по потреблению чистого алкоголя на душу населения. Реакция французов на пьяного в общественном месте – не сочувствие, а брезгливое презрение и негодование [Нагаева, 2003, с. 129].

Жизненно важным для французов является вопрос о том, как они выглядят. Хотя они и говорят, что «одежда не делает монаха», а всё же встречают незнакомца именно «по одежке», автоматически зачисляя в ту или иную привычную категорию по внешним признакам. Тщеславие, желание нравиться, блистать и боязнь насмешки заставляет французов обращать повышенное внимание на свой и, конечно, чужой внешний вид: «*Le savoir s'habiller est une pièce maîtresse du savoir-vivre français. Sortir avec une femme qui sait s'habiller est un de ces plaisirs raffinés que d'autres peuples goûtent moins que les Français*» [Харитонова, 2000, с. 126]. В связи с этим выделяется следующая группа фразеологизмов: *habillé (fait, accouter) comme un fagot / un mannequin, habillé (mis, vêtu) comme un prince, vêtu comme un carnaval / un chiffonnier / un grand seigneur / un loup-garou / un moulin, fait comme un chien fou / un modèle / un torchon / un voleur / un Cendrillon, ficelé comme un saucisson / un sac* и т.д.

Не менее важной чертой французов является красноречие, которое описывает фразеологическая группа на основе глагола *parler*, причём манера говорения может оцениваться положительно: *parler comme père et mère / un livre / un oracle / un ange*; и отрицательно: *parler comme un moulin / un four débouché / un perroquet / un capucin / un pot cassé, parler français comme une vache espagnole*. Смежной с предыдущей является фразеологическая группа организуемая глаголом *crier*, в центре которой выражения: *crier comme un cochon qu'on écorche / un aigle / un paon / un putois / un veau / un aveugle qui a perdu son baton / un diable / un brûlé / un fou* и т.д.

К доминирующим качествам французов относят также природную весёлость, смешливость [Воробьёв, 1997, с. 215]. Это объясняет выделение фразеологической группы, ядро которой составляют устойчивые сравнения *rire comme une baleine / un bossu / un coffre / un crevé / un fou / un gamin / une gosse / un enfant* и т.д. Природная французская весёлость часто воспринимается как легкомыслие. Считается даже, что лёгкость является первым интеллектуальным даром французов [Воробьёв, 1997, с. 213]. В этом плане, выделяется следующая группа фразеологизмов: *étourdi comme un hanneton / léger comme l'air / un bouchon / un liège / une bulle de savon / un serf / une plume / un duvet / un papillon / un oiseau / le vent / le zéphyre* и т.п.

Общепризнано, что французам присущи не только легкомыслие и беспечность, но и живость, упомянутая ещё великим Кантом, а также высокий темп речи, быстрота реакции и экспансивность, по сравнению с более сдержанными северными народами [Смирнов, 1988, с. 101]. Это отражено в следующих устойчивых сравнениях: *vif (agile) comme une anguille / un écureuil / un lézard / un lièvre / un oiseau / un papillon / la poudre / le salpêtre, agile (alerte, leste) comme un cerf / un chamois / un chat / les doigts de fée, un panthère / un singe / un tigre, rapide comme un éclair / la foudre / une flèche / une pensée* и т.п.

Среди коннотативных элементов В устойчивых сравнений отмечены, прежде всего, этнонимы – названия или самоназвания наций и народностей, за которыми на некоторой территории закреплена определённая коннотация, один из видов языковых стереотипов, жёсткие языковые сочетания, за которыми можно предположить стабильные, даже устойчивые схемы мышления [Нагаева, 2003, с. 137]. Эта область является весьма деликатной в силу большей частью отрицательной окрашенности этнонимов. Как правило, они передают благоприятное отношение к своей нации и являются критичными по отношению к другим, часто бывают произвольными и противоречивыми. Даже уроженцы различных провинций Франции пользуются в народе вполне определённой репутацией по части характера. Например, нормандец считается человеком осторожным, сдержанным, себе на уме. Об этом свидетельствуют и фразеологизмы: *madré / adroit comme un Normand (un prêtre normand), un fin Normand*. Гасконцы, напротив, считаются грубиянами, хвастунами и врунами: *agir en Gascon / fier comme un Gascon / faire la lessive de Gascon / une plaisanterie de Gascon*. Во фразеологизме *savant comme un Grec* слышится отголосок давней эпохи, когда греки были учителями римлян. Да и само выражение унаследовано из латыни. В контакт с турецкой нацией французы входили весьма нечасто, лишь во время крестовых походов и войн XVI, XVIII и XIX веков, и каждый раз Франция поддерживала Турцию против христианских государств. Возможно, именно в силу таких союзнических отношений образ турка не получил отрицательной окраски во французском языке: *fort comme un Turc / fumer comme un Turc / tête de Turc*. Отметим также устойчивое сравнение, не несущее отрицательной характеристики по отношению к жителям Швейцарии, но доказывающее давность эпохи франко-швейцарских контактов, времён, когда вооружением служили алебарды: *cela est vrai comme les Suisses portent la hallebarde par-dessus l'épaule*. Однако швейцарцы, охранявшие французских королей в давние времена, всегда держались особняком и без жалованья служить не хотели, что и вызвало народную нелюбовь к ним. Этот факт нашёл отражение и во фразеологии: *boire (manger) en Suisse / boire comme Suisse / faire Suisse / fumer comme un Suisse*. Стереотипное представление о пьяницах-поляках обязано своим возникновением вовсе не реальному их образу жизни, а всего лишь одной имевшей переносный смысл строчке Вольтера: «Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre». Однако французы, всегда недолголюбивавшие восточных славян и считавшие их варварами, восприняли её буквально, отсюда и выражения: *boire comme un Polonais / ivre comme un Polonais*.

Одним из проявлений традиционализма французов является их приверженность католицизму. Но со времён Просветителей влияние церкви стало ослабевать, что вызвало даже иронию по отношению к религии и ее институтам. Это находит отражение в соответствующей фразеологической группе: *gris comme un Cordelier / manger comme un Hospitalier / bouffer comme un pape / soûl comme un Templier* и т.д.

Итак, рассмотрение устойчивых сравнений с точки зрения лингвострановедения позволяет выделить следующие черты французского менталитета, отражённые во фразеологии: гурманство и в то же время умеренность, хороший вкус, красноречие, весёлость и лёгкость характера, франкоцентризм, а также склонность гордиться своей малой родиной, традиционализм с одной стороны и вольнодумство с другой.

Библиографический список

1. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология. Теория и методы [Текст] / В.В. Воробьёв. – М. : Наука, 1997.
2. Латыпов, Л.Н. Лингвострановедческий аспект ФЕ (на материале фразеологизмов русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Л.Н. Латыпов. – Л., 1989.
3. Нагаева, К.Э. Национально-культурный компонент значения французских устойчивых сравнений : дисс. ... канд. филол. н. [Рукопись] / К.Э. Нагаева. – М., 2003.
4. Смирнов, В.П. Франция: страна, люди, традиции [Текст] / В.П. Смирнов. – М. : Наука, 1988.
5. Степанова, И.С. Английские ФЕ с флористическим компонентом : дисс. ... канд. филол. н. [Рукопись] / И.С. Степанова. – Киев, 1987.
6. Харитонова, И.В. Франция как она есть [Текст] / И.В. Харитонова, И.С. Самохотская. – М. : Владос, 2000.

ocun@rambler.ru, lett.youlia@mail.ru

СИНЕСТЕЗИЯ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ (ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА)

Целью данной публикации является рассмотрение синестетических грамматических метафор, т.е. случаев интенционального семантического сдвига, получивших свое выражение в синестетических сочетаниях.

Синестетические сочетания представляют собой весьма интересное языковое явление, отражающее особенности восприятия действительности человеком. Синестезия, или взаимодействие органов чувств, чаще всего получает свое языковое выражение в виде синестетических или интересосенсорных метафор типа *warm, cold colours; clear sounds, loud strident colours; velvety voice* и т.д. [Тарасова, 1985, с. 94-101]. Проследим, как синестетические сочетания соотносятся с не менее интересным языковым явлением – грамматической метафорой или интенциональным семантическим сдвигом.

Под интенциональным семантическим сдвигом мы понимаем намеренное использование одной грамматической формы в функции другой с целью создания образности. В результате переноса категориальных признаков одной грамматической категории в сферу действия другой грамматической категории могут появляться яркие, экспрессивные сочетания, получившие название «грамматическая метафора» [Масленникова, 2006, с. 23]. В качестве примера интенционального семантического сдвига можно привести сочетание *he laughed redly* в следующем примере:

'Oh, so you don't want to be my boyfriend?' It was meant to be arch and, you know, good fun, but first a red tide roared up his face, then up mine... He laughed redly, 'We're both a bit long in the tooth to be blushing like this' (M. Keyes).

В приведенном примере происходит перенос признака *redly* с лица на действие – *laughed*. В результате интенционального семантического сдвига образуется синестетическое сочетание, объединяющее и акцентирующее признаки зрительной и акустической сфер восприятия, при этом создается выразительный образ, передается непосредственность восприятия персонажа.

Представляется закономерным, что процесс языкового выражения взаимодействия органов чувств сопровождается отходом от канонического развертывания высказывания, при этом взаимодействие ощущений получает языковое отражение в конструкциях с семантическим рассогласованием. Анализ адъективных синестетических конструкций приводится в работах В.К. Тарасовой [Тарасова, 1985, с. 94-101]; она выделяет два вида таких сочетаний: синестетические метафоры (*loud colour, flat voice*) и синестетические метонимии (*fragrant darkness of her hair, a cool scent of ivory roses, - a white virgin scent*). Особое внимание В.К. Тарасова уделяет метонимической синестезии, подчеркивая, что метонимический перенос происходит в результате тесной связи различных источников ощущения, приводя к появлению образного комплекса, при этом нередко происходит смешение метонимии и метафоры [Тарасова, 1985, с. 95-96]. Именно синестетические метонимии, на наш взгляд, можно отнести к числу грамматических метафор, поскольку в их основе лежит перенос, метасемиотическая транспозиция, в результате которой слово как член предложения выполняет вторичную для него семантическую функцию [Козлова, 1997, с. 46-47].

Обратимся к другим видам синестетической грамматической метафоры.

1) Выразительные случаи синестетической грамматической метафоры появляются на основе адвербиальных конструкций со смещением: признак предмета (лица) → признак действия. Взаимодействие органов чувств в таких конструкциях представлено переносом признаков тактильной сферы в сферу зрительную или акустическую, а также перенос признаков зрительной сферы в сферу акустическую:

а) тактильные признаки → зрительные признаки:

A fire was cracking in the spacious fireplace, its reflections gleaming warmly on the marble family crests that adorned the richly carved mantel, yet she felt quite cold (M. Atwood).

Адвербиальное синестетическое сочетание *gleaming warmly* происходит в результате интенционального семантического сдвига, при котором происходит перенос тактильного признака *warmly* с предмета (*fireplace*) или лица (*she*) на действие (*gleaming*).

Уже отмечалась способность глагола *gleam* служить аттрактором смещенных обстоятельств, называющих цвет – *whitely, redly*, но, очевидно, что этот глагол может использоваться и в сочетании с различными смещенными обстоятельствами, называющими тактильные признаки, передавая субъективность восприятия персонажа:

In Paris, in February, the sun was shining. At Le Bourget Airport, it gleamed coldly from an ice blue sky, and this was reflected, with much dazzle, from the runways, still wet after a night's rain (R. Pilcher).

Адвербиальные конструкции со смещением на основе синестезии этого типа могут образовываться не только вокруг глагола *gleam*, ср.:

I saw a great deal of high-school basketball and a decade later was still imbued with its heroics, as they are thumpingly, sweatily enacted in a hotly lit intimacy of jam-packed high-school gymnasiums (J. Updike).

б) тактильные признаки → акустические признаки

Непосредственность, субъективность восприятия героини, ее страх передается в следующем примере с помощью синестетической адвербиальной конструкции *clattered coldly*:

The spades and the pick clattered coldly one against the other, and Mrs. Ramage thought they would have given anyone who would have seen them a proper fright ... (S. King).

Смещенное обстоятельство *coldly*, называющее тактильный признак и на семантическом уровне относящееся к предметам (*spades and the pick*) или к лицу (*Mrs. Ramage*) переносится на акустическое действие (*clattered*). В сочетании со звуковой образностью синестетическая грамматическая метафора в этом примере передает не только непосредственность восприятия персонажа, но и участвует в создании гнетущей атмосферы страха – герои идут на кладбище, терзаемые подозрениями, что их знакомая была похоронена заживо.

в) Адвербиальные конструкции со смещением могут сопровождаться синестетическим переносом зрительные признаки → акустические признаки, примером которого является уже рассмотренное выше сочетание *laughed redly*.

2) Еще один вид синестетической грамматической метафоры встречаем, когда нарушаются лексические ограничения, налагаемые грамматической моделью, т.е. в случаях «несовместимости грамматического значения формы и лексического значения слова, выступающего в данной форме» [Шендельс, 1972, с. 53]:

I looked out of the window. You could see the cold out there, and the quiet, and the landscape was what might be termed old-fashioned (E. Buchan).

В этом примере мы имеем дело с интенциональным семантическим сдвигом на уровне нескольких скрытых категорий:

2а) тактильные признаки → зрительные признаки и

2б) акустические признаки → зрительные признаки.

Выразительность этого переноса обуславливается тем, что зрительный глагол *see* имеет ограничения на сочетаемость, и так называемым «формальным объектом» этого глагола в данном контексте могут быть предметы, воспринимаемые зрительно. Сочетание этого глагола с существительными, относящимся к тактильным ощущениям (*the cold*) и к слуховым ощущениям (*the quiet*) делает описание выразительным и емким, приводит к появлению новых смыслов: было так холодно, что даже из окна можно было заметить изменения в природе вследствие мороза, при этом полное отсутствие движения за окном подчеркивало ощущение тишины. Использование синестетической грамматической метафоры при описании природы помогает передать состояние героини: ее одиночество, безысходность ее положения.

Во всех рассмотренных выше случаях интенциональный семантический сдвиг происходит в соответствии с отмечаемыми исследователями принципами синестетического переноса, согласно которым перенос признаков происходит от тактильного поля к зрительному или акустическому, или же имеет место между зрительной и акустической сферами. Отмечается, что акустическая сфера чаще всего является конечной сферой синестетического переноса, в то время как тактильная сфера чаще всего является исходной сферой для переноса [Тарасова, 1985, с. 97-98]. Однако следующий пример противоречит традиционным законам синестетического переноса, согласно которым, признаки зрительной сферы переносятся только в акустическую сферу и не могут переноситься в сферу обонятельных признаков:

2в) зрительные признаки → обонятельные признаки:

'I'm growing three kinds of heirloom tomatoes in here,' he said, as he opened the door and ushered me inside. It smelt very green in there (Ch. Manby).

Интенциональный семантический сдвиг скрытых категорий: цвет → запах приводит к появлению дополнительных смыслов: в теплице героиню окружил специфический, сильный запах томатов, при этом реализуются дополнительные оттенки значения прилагательного *green* – “young, fresh” [Longman Dictionary of Contemporary English, с. 2001]. Эта синестетическая грамматическая метафора помогает передать отношение героини к Району, который с любовью занимается садоводством – он совсем не похож на молодых людей, с которыми она знакома.

Итак, взаимодействие органов чувств может получать языковое выражение не только в адъективных сочетаниях, но и в адвербиальных сочетаниях со смещением: признак предмета (лица) → признак действия, а также в глагольных конструкциях с нарушением сочетаемости, вследствие интенционального сдвига на основе скрытых категорий. Приведенные случаи интенционального семантического сдвига признаков различных сфер восприятия представляются экспрессивными и могут рассматриваться как грамматические метафоры. Их использование приводит к появлению дополнительных смыслов; помимо передачи непосредственности восприятия действительности персонажами, синестетическая грамматическая метафора может выполнять характерологическую функцию, участвовать в создании общей атмосферы повествования.

Библиографический список

1. Козлова, Л.А. Теоретическая грамматика английского языка (на английском языке) [Текст] / Л.А. Козлова. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005.

2. Масленникова, А.А. Особенности грамматической метафоры [Текст] / А.А. Масленникова // Метафоры языка и метафоры в языке / А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова и др.; под ред. А.В. Зеленщикова, А.А. Масленниковой. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 21-44.

3. Тарасова, В.К. Системные связи и семантика синестетических словосочетаний / В.К. Тарасова [Текст] // Семантическое взаимодействие языковых единиц различных уровней. Л. : ЛГПИ, 1985. – С. 94-101.

4. Шендельс, Е.И. Грамматическая метафора [Текст] / Е.И. Шендельс // Филологические науки. – 1972. – № 3. – С. 48-57.

Oguy O.D., Chernivtsi (Ukraine)

CONCEPTUAL RESEARCHES IN UKRAINE: ONOMASIOLOGIC PROBLEM AND ITS SEMASIOLOGIC PERSPECTIVE

The conceptual paradigm (with researches of concepts as fragments of the linguistic picture of the world) is actively used in Ukraine being based upon the anthropocentric-cognitive ideas of E. Bartminski, Z. Kövecses, G. Lakoff, R. Langacker, A. Wierzbicka et al., developed by N. Arutiunova, O. Bessonova, E. Kubriakova, A. Prykhodko, etc. It can be observed in Ukrainian qualifying cognitive works (theses): «HEROISM» (T.O. Shvab), «FEAR» (O. Borisov), «GLADNESS» (Y. Shamayeva), «MAN» and «WOMAN» (O. Bondarenko), the «COSSACKS» (S. Zapolskikh), et al., carried out with different methods (deductive lexicographic, concept-discourse analysis, etc.), as a rule, in synchrony. Some innovative researches were carried out in diachrony (T. Shvab, S. Zapolskikh). A diachronic approach has its own advantages because it allows learning sources and dynamics of development of many linguistic phenomena in the light of changes in extra-linguistic environment. Besides, application of post-classic methods in diachrony allows considering synergy and bifurcation processes of language-mental processes.

The essence of cognitive paradigm in Ukraine can be formulated in such a way: researchers define onomasiological concept and its constituents deductively, operating with lexicographic definitions in more than four explanatory dictionaries. Then the researches try to specify the found concept (from lat. *conceptum*: ethno-national, non-rigid structured, «kaleidoscopic» notional category with special contents without clear scopes) through discursive approach. They usually apply, having defined communicative strategies and tactics in this discourse, a standard procedure (after the method of S. Zhabotynska / S. Vostrova) for verbalization a concept to a frame. These netlike frames as «scopes, structures of data» with no formalized procedures for their determination, allow representation of linguistic knowledge about situations. Frames contain standard copulas, knots (slots) of concepts and terminals which correlate with the denotative-significative components of meaning in principle. However a problem is that determination of frames as fragments of reality is provided by intuition. This subjectivism of frame formulation can be overcome to a certain extent by procedure of Fillmore's semantic cases: someone (slot agent) operates (slot) on someone (slot patient) by something (slot), etc., where the proper lexical units are activated in. Our analysis of these slots certifies their field character. Frames are usually made of slots and terminals, joined in discourse, for example, HEROIC ACT or FEELING of FEAR.

All problems in defining concepts and their frames can be described as following:

(1). Unconcordances of terminologies and theoretical problems (as in standard semasiology);

(2). Methodical limitations: All analysed cognitive researches are based upon deductive introspection (i.e. subjective intuition) instead of objective empiric and formal methods;

(3). Material of analysis is unspecified (because of the vagueness of his units). Determination of concepts takes place, as a rule, on material of dictionaries, and description of frames - on text material, but their amount and quality is not certain.

(4). Deductive subjective procedure of research remains unclear. Due to our analysis of cognitive paradigm which brings cardinally new anthropocentric and mentalist prospective, there are certain elements of subjectivism while intuitional defining of concepts, their frames, its slots and terminals. Opposite – systemocentric approach, which casts aside mental processes, has its advantages in objective research methods for formal inductive defining of semantic fields (method of V. Levickyi).

Having taken into consideration the field character of frame slots we can use some formalized procedures for the determination of the concepts from semasiologic aspect.

aloguy@inbox.ru

Петрова Л.А., Одесса (Украина)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦВЕТА В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНОГО КОНСТРУКТА «ГЛАЗА»

Концепция человека как феномена русского языкового сознания активно обсуждается в лингвистических исследованиях. Ученые стремятся определить те ментальные конструкты, которые репрезентируют «сложное совокупное разноаспектное концептуальное представление о человеке, формирующееся по внешне проявляющимся физическим, психоэмоциональным и интеллектуальным признакам» [Богуславский, 1995, с. 10]. Их содержание основывается на выделении характерных признаков при минимальном когнитивном

усилии, то есть прототипических признаков.

Правомерно утверждение З.А. Харитончик о том, что прототипические характеристики рода представлены свойствами двух уровней. На первом уровне рассматриваются видовые свойства, которые задаются с помощью слов-классификаторов (идентификаторов). Поскольку знание прототипических свойств вида относится к важнейшим типам информации и ею должен обладать любой носитель языка, в описании семантики родовых обозначений оно приобретает статус пресуппозиционного и не требует своей экспликации. Второй уровень предусматривает выявление конкретных, индивидуализирующих характеристик, на котором прототипические свойства вида получают конкретизацию и уточнение с целью дифференциации родов. «Роль пространственных, временных, цветовых и других признаков сводится к дескрипции прототипических свойств вида, их видоизменению и вариативности, что приводит к разграничению родов» [Харитончик, 1997, с. 151].

Прототипический образ «глаза» может эксплицироваться в результате различных ментальных операций. Так, глаза были объектом образной репрезентации в исследовании Н.В. Павлович [Павлович, 1995, с. 383–404]. Наша цель – определить содержание колоративного компонента, вербализующее восприятие глаз в нейтральной речевой ситуации.

В результате эксперимента, проведенного на основе теоретических положений Р.М. Фрумкиной [Фрумкина, 2007], оказалось, что спектр адъективов, номинирующих цвет глаз без коннотативных включений, составляют 13 единиц. В обыденном сознании носители русского языка различают глаза светлые и темные. Большинство респондентов в качестве светлых определили глаза как *зеленые* «1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между желтым и голубым, цвета травы, зелени» – 100%¹;

синие «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым; цвета цветков василька» – 90 % респондентов;

голубые «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между зеленым и синим, цвета ясного неба; светло-синий, лазурный, лазоревый» – 90% респондентов;

изумрудные «2. Ярко-зеленый, цвета изумруда» – 80 % респондентов;

васильковые «ярко-синий, цвета василька» – 70% респондентов;

янтарные «2. Золотисто-желтый, цвета янтаря» – 70% респондентов.

Частотным оказалось в определении цвета глаз и прилагательное *болотный*, которое в языковой системе не имеет цветовой характеристики. Так, в МАСе зафиксирован адъектив с такой дефиницией: **БОЛОТНЫЙ**, -ая, -ое. 1. Прил. к болото. (Алексей) стал снимать с бархатистого теплого, пахнущего *болотной сыростью* мха одну ягоду за другой [Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке]. || Предназначенный для работ на болоте, передвижения по болоту и т. п. *Болотный плуг. Болотные сапоги*. 2. Живущий, произрастающий и т. п. на болоте. *Болотная птица*. В данном случае актуализировался признак цвета, характерный для окраски болот и связанный с лексемой *зеленый*, которая является самой частотной, отражающей эстетическую и оценочную значимость колоративной характеристики глаз.

Отдельно представляется адъектив *серые* «1. Цвета пепла, цвета, получающегося при смешении черного с белым», который находится на границе между определением темных и светлых глаз.

Темными по цвету названы глаза *шоколадные* «2. Коричневый, цвета шоколада» (**ШОКОЛАД**, -а (-у), м. «1. Масса или порошок, приготовленные из семян какао с сахаром и пряностями) – 100 % респондентов;

коричневые «Темный буро-желтый; цвета корицы или жареного кофе» – 90 % респондентов;

черные «1. Цвета сажи, угля; *противоп.* белый» – 80 % респондентов;

кофейные «2. Темно-коричневый, цвета кофе» – 80 % респондентов;

каштановые «2. Коричневый, цвета каштана» – 70 % респондентов.

По мнению опрашиваемых, цвет глаз может быть передан колоративами, которые употребляются с этой целью менее частотно. Среди них немотивированные прилагательные объективируют в основном светлые глаза или такие, которые отражают эмоциональное состояние человека: *белый* «1. Цвета снега, молока, мела; *противоп.* черный», *сизый* «1. Серо-синий, серо-голубой», *белесый* «беловатый, тускло-белый», *желтый* «1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между оранжевым и зеленым; цвета яичного желтка, золота», *красный* «1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови», *фиолетовый* «синий с красноватым оттенком, темно-лиловый, цвета фиалки»; *бурый* «серовато-коричневатый».

Производные прилагательные ассоциируют глаза с а) камнем (*аквамариновый* «2. Зеленовато-голубой, цвета аквамарина» (**АКВАМАРИН**, -а, м. Драгоценный камень синевато-зеленой или голубой окраски, разновидность берилла. [От лат. aqua marina – морская вода]), *аметистовый* (**АМЕТИСТ**, -а, м. Драгоценный камень фиолетовой или голубовато-фиолетовой окраски, разновидность кварца [греч. ἁμέθυστος]), *малахитовый* «2. Ярко-зеленый, цвета малахита», *грифельный* «черный, темный» (Грифельный сланец –

¹ Интересно наблюдение И.А. Герасименко, отмечающей амбивалентность прилагательного *зеленый* в народнопоэтическом языке, вызванную «общепонятийным движением от тьмы к свету, в рамках которого указанная лексема закономерно получила и первичный смысл «темный», и, позднее, производное значение «светлый» [Герасименко, 2010, с. 132].

особый вид слоистого глинистого сланца (аспидный сланец), который используется в качестве кровельного материала, а также для изготовления грифелей и аспидных досок), *жемчужный* «|| *перен.* Напоминающий жемчуг своим видом, блеском, оттенком»; б) с птицами (*канареечный* «2. Ярко-желтый, цвета оперения канарейки»); в) с растениями или плодами (*сиреневый* «2. Бледно-лиловый, цвета *сирени*», *сливовый* «цвета *сливы*»; *табачный* «2. Зеленовато-коричневый, цвета *табака*», *фисташковый* «2. Бледно-зеленый, цвета *фисташки* (во 2 знач.)», *горчичный* (**ГОРЧИЦА**, -ы, ж. 1. Травянистое растение сем. крестоцветных, с мелкими *желтыми* цветками и плодами – стручками, из семян которого получают пищевое растительное масло и эфирное масло), *гороховый* «2. Серовато-желтый с зеленым оттенком, цвета *гороха* (во 2 знач.)»; в) с артефактами (*индиговый* «2. Темно-синий, цвета индиго» (**ИНДИГО**, *нескл., ср.* Добываемое химическим путем темно-синее красящее вещество (в прошлом добывалось из сока некоторых тропических растений) [исп. indigo]), *бутылочный* «темно-зеленый», *пепельный* «2. Сероватый, похожий цветом на пепел»; *кофе с молоком*).

В качестве единичных цветообозначений респонденты назвали прилагательные, обозначающие горячие оттенки красного цвета: лиловый «светло-фиолетовый, цвета сирени или фиалки», золотистый «1. Цветом похожий на золото, блестяще-желтого отлива», ржавый «5. Разг. Красно-бурый, цвета ржавчины», алый «светло-красный», багровый «густо-красный, пурпуровый», бордовый «то же, что *бордо*2» (БОРДО2, неизм. прил. Темно-красный, цвета красного вина), коралловый «2. Ярко-красный, цвета коралла». Цветообозначение песочный «2. Разг. Серовато-желтый, цвета песка» выходит за рамки данной парадигмы.

Лишь одна производная единица соотносится с темными глазами: *антрацитовый*. Отметим, что в лексикографических источниках толкование относительного прилагательного *антрацитовый* отсылается к существительному *антрацит*: *Антрацитовые залежи. Антрацитовый пласт.* Заложный в семной структуре субстантива *антрацит* «лучший сорт каменного угля, отличающийся черным цветом, сильным блеском, большой теплотворной способностью [От греч. ἄνθραξ – уголь]» компонент цвета мотивирует переносное значение, синонимичное колоративу «черный».

Большую группу составили единицы, которые оказались малоинформативными для определения прототипических признаков цвета глаз: *аквамариновый, антрацитовый, бутылочный, гелиотроповый, индиговый, канареечный, карминный, кобальтовый, кумачовый, маджента, маренго, нанковый, охряный, палевый, патиновый, перванши, рдяный, сапфировый, сизый, сольфериновый, сомо, терракотный, ультрамариновый, фрезовый, шамау, малахитовый, опаловый, пунцовый, электрик*.

Таким образом, выявлены основные цветовые оттенки, которые репрезентируют ментальный конструкт «глаза» как эстетически значимый для детализации социально-типизированных образов человека.

Библиографический список

1. *Богуславский, В.М.* Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека : дисс. в форме науч. доклада ... д-ра филол. н. [Рукопись] / В.М. Богуславский. – М., 1995.
2. *Герасименко, И.А.* Семантика русских цветообозначений [Текст] / И.А. Герасименко. – Горловка, 2010.
3. *Павлович, Н.В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке [Текст] / Н.В. Павлович. – М., 1995.
4. *Фрумкина, Р.М.* Психоллингвистика [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М., 2007.
5. *Харитончик, З.А.* Категоризация и дифференциальные признаки [Текст] / З.А. Харитончик // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории) : мат-лы науч. конф. – М., 1999. – С.150-153.

nlla@mail.ru

Петрова Н.В., Иркутск (Россия)

ПОЛИГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Термин «полигенетическая интертекстуальность» выделяется в рамках понимания интертекстуальности как смыслопорождающей категории, когда под интертекстуальностью понимается наличие в тексте различного рода «следов» вербального или невербального прототекста или прототекстов, которые вместе с текстом, содержащим такого рода «следы», образуют своего рода «диалогические единства», которые принято называть интертекстами [Петрова, 2004].

Полигенетическая интертекстуальность имеет место в следующих примерах:

(1) *Prometheus Enriched was calling to witness forgotten sacrifices, forgotten rituals, prayers obsolete before the birth of Christ (F.S. Fitzgerald. The Diamond as Big as the Ritz);*

(2) *The petting of the rain increased as if in confirmation. Trudy thought, I'd better shut up. But suicidally: «Wouldn't it better if we moved to a slightly more expensive place?» she said.*

«The rain falls on the expensive places too. It falls on the just and the unjust alike.»

Gwen was thirty-five, a schoolteacher. She wore her hair and her clothes and her bit of lipstick in such a way that, standing by the window looking out at the rain, it occurred to Trudy like a revelation that Gwen had given up all thoughts of marriage. «On the just and the unjust alike,» said Gwen, turning her maddening imperturbable eyes upon Trudy, as if to say, you are the unjust and I'm just (M. Spark. A Member of the Family).

Прометей (Prometheus), титан-богоборец древнегреческой мифологии, неоднократно становился героем литературных произведений. Известна трагедия Эсхила под названием «Prometheus Bound». Не менее известна философская драма Шелли «Prometheus Unbound». Заголовок произведения Шелли является парафразом заголовка трагедии Эсхила, построенном на контрасте. В рассказе Ф.С. Фицджеральда (пример 1) иронический эффект достигается путем замены эпитетов «bound», «unbound» на «enriched». Данный эффект, вне сомнения, воспринимается на фоне нескольких прототекстов при условии, если эта цепочка прототекстов будет восстановлена.

В отрывке из рассказа М. Спарк (пример 2) есть предложение «*It falls on the just and the unjust alike!*», которое переводится на русский язык так: «*Он падает на праведных и неправедных*» (о дожде). Те, кому знакомо юмористическое четверостишие Боуэна (*The rain it raineth on the just / And also on the unjust fella: / But chiefly on the unjust, because / The unjust steals the just's umbrella*), воспримут его в качестве прототекста. Другие, возможно, вспомнят строки из Библии: «*He makes his sun rise on the evil and on the good, and sendeth rain on the just and on the unjust*» [Новый Завет, 1993, с. 16].

В приведенных выше примерах полигенетическая интертекстуальность имеет вербальную основу. Полигенетичность может создаваться и за счет соотнесенности текста-реципиента с источниками невербального происхождения:

(3) *She reminded him of the Psyche in the museum of Naples. Her features had the same clear purity of line, and though she had borne a child she had still a virginal aspect [W.S. Maugham, Red];*

(4) *He was tall, six feet and an inch or two - in the native house that used to stand here was the mark of his height cut with a knife on the central trunk that supported the roof - and he was made like a Greek god, broad in the shoulders, and thin in the flanks; he was like Apollo, with just roundness which Praxiteles gave him, and that suave, feminine grace which has in it something troubling and mysterious. His skin was dazzling white, milky, like satin; his skin was like a woman's [W.S. Maugham, Red];*

(5) *Her eyes, large and liquid, were the eyes of Hera and her smile was affectionate and gracious palms [W.S. Maugham, The Lotus Eater].*

Для того, чтобы подчеркнуть совершенство линий фигуры героини, ее красоту У.С. Моэм сравнивает ее со скульптурным изображением Психеи (пример 3). Источником вдохновения этого скульптурного изображения является древнегреческий миф, повествующий о неопишуемой красоте богини Психеи [МНМ, 1998, с. 344]. В другом примере из произведения этого же автора (пример 4) для описания женственной красоты главного действующего лица привлекается скульптурное изображение Аполлона («Аполлон, убивающий ящерицу»), принадлежащее древнегреческому скульптору Праксителю (340 г. до н. э.). Здесь, наверняка, сработает ассоциация, направленная на установление связи с древнегреческим мифом об Аполлоне, отличающимся исключительной красотой. В следующем примере (пример 5) интекст, под которым понимаются включения различного объема, отсылает к изображению Геры художником или скульптором. Гера, как хорошо известно, является мифологическим именем в древнегреческой культуре.

Особенностью полигенетической интертекстуальности в приведенных примеров является то, что ссылки на скульптурные изображения Психеи, Аполлона и Геры актуализируют не только их изображения, но и тексты мифов, вдохновившие мастеров на создание шедевров изобразительного искусства.

Итак, в краткой формулировке полигенетическую интертекстуальность можно определить как интертекстуальность, соотнесенную с некоторым множеством прототекстов вербального или невербального происхождения.

Библиографический список

1. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. [Текст] / под ред. С.А. Токарева. – М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 2.
2. Новый Завет. – Минск : Рісорг, 1993.
3. Петрова, Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа [Текст] / Н.В. Петрова. – Иркутск : ИГЛУ, 2004.
4. Kristeva, J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman [Text] / J. Kristeva // Critique. – Paris, 1967. – №23. – P. 438–465.

Список источников иллюстративного материала

1. Fitzgerald, F.S. Selected Short Stories [Text] / F.S. Fitzgerald. – М. : Progress Publishers, 1979.
2. Maugham, W.S. Selected Prose [Text] / W.S. Maugham. – М. : Manager, 1999.
3. Spark, M. The Public Image / M. Spark. – М. : Progress Publishers, 1976.

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ
(на материале русских глаголов социальных действий и отношений)¹

В современной лингвистике возрастает интерес к полисемии, обусловленный возникновением когнитивной парадигмы научного знания. Лингвисты, работающие в когнитивном направлении, пытаются ответить на вопросы о том, какие структуры знания репрезентирует многозначное слово, как осуществляется переход от значения к значению и можно ли смоделировать способы развития значения, как человеку удается запомнить множество значений многозначного слова и легко оперировать этими значениями в процессе коммуникации. Пытаясь дать когнитивное обоснование полисемии, исследователи приходят к мысли о существовании концептуальной структуры, которая позволяет объединять значения многозначного слова в семантическую парадигму, то есть пытаются дать ответ на классический для теории многозначности вопрос об общем значении.

В рамках когнитивного подхода к многозначности возникла теория концептуального конструкта, объединяющего значения многозначного слова. Для его обозначения в научной литературе используются различные термины: прототипическая схема (Г.И. Кустова), образ-схема (М. Джонсон, Дж. Лакофф), сценарий (Дж. Лакофф), прототип (А. Вежицкая, Д. Герартс, У. Лабов, Дж. Лакофф, Р. М. Фрумкина), фрейм (Ч. Филлмор) и др. Терминологические поиски такого конструкта доказывают стремление лингвистов объяснить феномен многозначности и уйти от списочного подхода, при котором все значения представлены как дискретные, а связь между ними не всегда эксплицирована.

Значение любого глагола в силу его предикатной природы фиксирует пропозициональные форматы знания. Оно содержит в свернутом виде программу осуществления действия, состоящую из упорядоченных во времени эпизодов.

Рассмотрим в качестве примера основное значение глагола *защитить*: *защитить* — ‘оградить от посягательства, нападения, неприятных и враждебных действий; оборонить’ (здесь и далее словарные дефиниции даются по Большому толковому словарю (2000)). Глагол *защитить* является ретроспективно направленным: защита всегда возникает как результат предшествующего ей нападения, враждебных или опасных действий со стороны противника. Именно эта ретроспективная направленность детерминирует его полипропозитивный характер. Поскольку в роли субъекта и объекта защиты могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные субстанции, обозначим их условными символами *X* и *Y*. Контрагенс, чьи действия направлены против *X*, или контрсилу, противодействующую *X*, обозначим символом *N*. Наблюдателя, который квалифицирует действия контрагенса как опасные и способные принести вред *X*, обозначим символом *Z*. Таким образом, глагол *защитить* включают две событийные пропозиции, образующие когнитивный сценарий:

Пропозиция 1 (событийная): *N* совершает или потенциально может совершать в отношении *X* действия, которые *Z* рассматривает как опасные, вредные для *X*. В словарных дефинициях глагола такие действия чаще всего обозначают лексическими репрезентантами *посягательство, нападение, враждебные действия*.

Пропозиция 2 (событийная): *X* охраняет, ограждает *Y* от *N*.

Пропозиции в сознании человека определенным образом упорядочены, представляют собой определенную последовательность действий и образуют *когнитивный сценарий* – абстрактную ментальную структуру, представляющую собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями.

Покажем, как когнитивный сценарий позволяет продемонстрировать единство семантической структуры многозначного глагола, на примере многозначных глаголов *обеспечить* и *одолеть*, входящих в ЛСГ социальных действий и отношений.

Глагол *обеспечить* является базовым глаголом лексико-семантической группы (ЛСГ) обеспечения и имеет три лексико-семантических варианта (ЛСВ): ‘1. Снабдить в достаточном количестве. 2. Предоставить достаточные материальные средства к жизни. 3. Создать все необходимые условия для осуществления чего-л.; гарантировать надежность, прочность чего-л.’ Когнитивный сценарий глагола состоит из нескольких сцен: 1) объект не имеет чего-либо вообще или в достаточной степени; 2) субъект обеспечивает объект каким-либо средством с какой-либо целью и при каких-л. условиях; 3) субъект в результате своей деятельности создает необходимые или благоприятные условия для существования или осуществления чего-либо. Развитие когнитивного сценария обусловлено специализацией актантных позиций. В основном значении глагол репрезентирует идею обеспечения в общем виде, без уточнения позиций субъекта (им может быть и отдельное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)» № 2.1.3./14060.

лицо, и организация), объекта (им также может быть отдельное лицо или организация), средства (в словарной дефиниции уточняется лишь количественная характеристика — «в необходимом и достаточном количестве»). Во втором ЛСВ конкретизируется третья актантная позиция — позиция средства. В качестве средств могут выступать деньги, материальные ценности, необходимые для жизни. Уточнение данной позиции ведет к конкретизации глагольного значения и его перемещению из обобщенной социальной сферы в сферу личных, преимущественно семейных и материальных отношений (*обеспечить семью, обеспечить детей, обеспечить себя и свое будущее*). В третьем значении также фокусируется позиция средства: *обеспечить всеми необходимыми условиями*. Следовательно, когнитивный сценарий обеспечивает смысловое единство значений многозначного глагола, а мена актантов ведет к формированию новых глагольных значений, связанных с иной денотативной сферой или с усложнением глагольного значения за счет наличия в актанте скрытой включенной пропозиции.

Глагол *одолеть* в основном значении является репрезентантом ситуации победы (*одолеть врага, неприятеля, противника*) и входит в ЛСГ глаголов победы и поражения. Действие субъекта направлено вовне, на противодействующую силу. В «семантической памяти» глагола содержится указание на существование конфликта между участниками: *одолеть* — ‘победить, осилить в борьбе’ (борьба предполагает активное противодействие участников, стремящихся победить, уничтожить друг друга и поэтому оказывающих друг другу сопротивление).

В когнитивном сценарии выделяются следующие пропозиции: 1) субъект 1 и субъект 2 (контрагенты) находятся в состоянии конфликта; 2) в результате интенсивных действий субъект 1 преодолевает сопротивление субъекта 2. При этом субъект 2 осознается как противодействующая сила – препятствие, требующее преодоления.

При развитии производных значений глагола (в семантической парадигме глагола 5 ЛСВ) происходит трансформация позиции субъекта 2, то есть препятствия, которое нужно одолеть. Если в основном значении препятствием является человек, то в производных значениях препятствием становится любой неодушевленный объект физического или интеллектуального характера: *одолеть* — ‘2. Осилить, преодолеть что-л., требующее физических усилий, труда’ (например, *одолеть перевал, подъем, лестницу, дорогу*). Интересно, что препятствие мыслится как пространственный объект, ориентированный вертикально (*подъем*) или протяженный (*дорога*). Ситуация преодоления препятствия описывается через схему движения вверх (*одолеть перевал, подъем, лестницу* означает ‘подняться’). В анализируемых значениях глагола важен активный и наблюдаемый характер действия.

Изменение характера препятствия способно привести к образованию производных метафорических значений, например: *одолеть* — ‘преодолеть трудности в изучении, освоении, овладеть чем-л.’ (например: *одолеть нотную грамоту, итальянский язык*). При этом вместе с изменением преграды происходит фокусировка внимания на психологическом факторе, т. е. *одолеть трудности в изучении* — это преодолеть какие-либо интеллектуальные препятствия или сопротивление внутренних обстоятельств. Те же процессы наблюдаются при образовании значения: *одолеть* — ‘преодолеть, побороть (какое-л. чувство)’. В данном значении чувство, эмоциональное состояние негативного характера (*одолеть страх, тревогу, волнение, застенчивость*) мыслится как препятствие, мешающее человеку (положительное чувство или эмоциональное состояние не может быть препятствием, ср.: **одолеть счастье, радость, храбрость*).

Сдвиг диатезы формирует новое значение глагола, в котором субъект теряет признак активности и становится носителем состояния, которое полностью охватывает и побеждает его: *одолеть* — ‘охватить кого-л., всецело овладеть кем-л. (о каком-либо состоянии)’. Например: *одолела зевота, бешенство, сон одолевал, старость одолевает* и др.

Таким образом, при развитии значений глагола происходят модификации когнитивного сценария: мена актантов (сдвиг диатезы), изменение характера препятствия (образная схема). Значения глагола *одолеть* образованы в результате метафорического переноса, в основе которого лежит образный компонент «препятствие».

Итак, основой семантической деривации многозначных глаголов социальных действий и отношений является когнитивный сценарий как способ концептуализации глагольного значения. Семантическая общность значений многозначного глагола определяется наличием когнитивного сценария как содержательного ядра, объединяющего значения многозначного слова в иерархически организованную внутрисловную парадигму и объясняющего развитие семантических структур глаголов. Характеристика когнитивных сценариев позволяет выявить те когнитивные структуры, которые лежат в основе семантических изменений значения, приводящих к созданию многозначного глагола.

Библиография

Большой толковый словарь русского языка: А-Я [Текст] / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000.

annamp@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ АНТРОПОЛЕКСЕМ

Коммуникативно-прагматический подход к описанию нового языкового материала, извлеченного из различных газет двух последних десятилетий, позволяет выявить условия создания и функционирования новообразований в текстах газетной публицистики. Говоря о новых словах на газетной полосе, необходимо учитывать, что газетный текст – это журналистский текст, который является неоднородным в плане жанровых разновидностей. Он подвергается влиянию художественной, научной, официально-деловой и разговорной речи, «вбирая в себя достижения речевой культуры всех сфер речевой практики общества» [Коньков, 1995, с. 159]. Коммуникативно-когнитивный подход, по нашему мнению, является приемлемым и плодотворным для исследования особенностей словопроизводственного процесса новообразований, так как он способствует, с одной стороны, эффективному анализу инновации в определенном речевом акте, а с другой стороны, позволяет определить структуры знаний, репрезентированных на языковом уровне новым словом. «Словообразовательный акт, в ходе которого устанавливается связь между предметом мысли и языковым знаком, является когнитивным актом, раскрывающим тайны механизма взаимодействия жизни и языка. Причем это не пассивная объективация внешнего мира, а *сознательное и целенаправленное словотворчество* (выделено нами – Л.П.), дающее систему ориентиров в предметном мире. Этим объясняется факт словообразовательной избирательности: в языке как духовной «памяти народа» семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет ценность в его повседневной жизни, то есть познавательное и ценностное как бы сливаются в акте номинации» [Вендина, 1998, с. 202].

Особенности функционирования новообразований в текстах газетной публицистики можно исследовать с учетом ономаσιологической, когнитивной и словообразовательной составляющих. Ономаσιологическая составляющая связана с определенным объектом, реалией объективной действительности, требующей своего обозначения. Ее анализ позволяет установить, что является наиболее важным и необходимым для носителей языка в определенный период, и исследовать принципы обозначения этих понятий, связанные с отнесением того, что обозначается, к определенному классу явлений. Когнитивная составляющая обусловлена обобщенными или индивидуальными знаниями, которые выражены в новом слове, выступающем в тексте в роли актуализатора. Она соотносится с общей идеей текста, что находит выражение в наличии слов-ассоциатов и однокоренных с новообразованием слов, то есть слов одного словообразовательного гнезда. Таким образом, данная составляющая позволяет выявить, как на основе имеющихся, «готовых» языковых единиц создается единица, обозначающая что-то новое. Словообразовательная составляющая организована набором деривационных моделей и словообразовательных средств, используемых автором в моделировании новых наименований, которые соответствуют его замыслу.

Новообразования-субстантивы, обозначающие лицо, составляют довольно многочисленный класс новой лексики. В нем широко и разнообразно представлены слова, служащие для наименования человека по различным параметрам. Категория лица объединяет разнотипные единицы, особым образом концептуализирующие человека и его социальный статус. Изучение данного класса представляет особый интерес, так как «в динамике этой лексики наиболее ярко выявляется неразрывная связь социального и языкового. Фиксируя качественные изменения контингента носителей языка, наименования лиц (антрополоксем) отражают динамику самой социалемы, которая, в свою очередь, как исходная единица эволюции языка, детерминирует его функционирование и развитие. Столь важным поэтому представляется обследование данной группы имен...» [Карева, 2001, с. 24].

Особенности новых антрополоксем рассмотрим на примере группы номинаций лица – носителя признака, концептуальная организация которых характеризуется атрибутивным способом (S-Qualit.-Attr.). Ономаσιологические модели, лежащие в основе образования слов данной группы, позволяют выделить в ней несколько ономаσιологических микрогрупп (далее – ОМГ). Остановимся на отдельных из них.

ОМГ номинаций лица, характеризующегося степенью признака. Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что в словах данной ОМГ репрезентантами степени признака являются различные препозитивные форманты, а субъект назван основой: *сверхмучитель, сверхкосмонавты, сверхтолстосумы; ультраперестройщик, ультрарыночник; суперпровокактор, суперкиллер, «супервредители», супергорожанин; максимум-казнокрад, «максимум-расточители»; мини-хулиган, мини-фюрер; микроопозиционер, микроагрессор, микродвойник* и др.

Препозитивные форманты в таких словах являются репрезентантами закрепленного смысла: *микро-*, *мини-* выражают значение «очень малый»; *сверх-* - «высшее качество, находящийся за пределами чего-либо»; *ультра-* = *сверх-*; *супер-* – значение «высшее качество, свойство»; *максимум* – «наибольшая величина».

Таким образом, новообразования вербализуют интегрированные пространства базовых концептов – концепта префикса/препозитивного форманта (выражающего значение степени признака) и концепта лица (в большинстве случаев – лица с характеризующим значением: мучитель, казнокрад, искуситель и т.д.). Ср. также: «Жириновский – *суперпровокактор* и *суперискуситель*». – Сег., 01.12.1994. – В данном случае новое знание выводится на основе закрепленных смыслов: *супер-* – высшее качество и *провокактор* – тот, кто провоцирует,

подстрекает к каким-либо действиям; по аналогии: *супер-* + *искуситель* – тот, кто искушает, соблазняет на какие-либо дела.

ОМГ номинаций лица, характеризующегося чрезмерным пристрастием к чему-либо. В этой микрогруппе отмечены слова, в которых репрезентантом лица является компонент *-ман*. Он не только соотносится с субъектом, но и выражает значение чрезмерного пристрастия к чему-либо: *газетоман, джазоман, компьютероман, кофеман, пепсиман, пивоман, пиццеман, сериаломан* и др.

Таким образом, объект пристрастия в подобного рода словах назван в первой части слова, а вторая часть этих слов называет не просто субъект, а страстного любителя того, что/кто названо/назван в первой части слова: *«Итоги конкурса для поттероманов подведены!»* – КП, 17.05.2002. – Исходное знание (Гарри Поттер – известный герой популярных книг английской писательницы Роулинг + *-ман* – чрезмерно увлеченный чем/кем-либо) позволяет вывести новое знание: *поттероманы* – о тех, кто чрезмерно увлечен похождениями Г. Поттера. Таким образом, в новообразованиях ОМГ объективируется объединение концептуальных пространств лица (страстного любителя, поклонника) и объекта (предполагающего предмет пристрастия, увлечения). Продуктивность данной модели в современном русском языке подтверждается созданием большого количества слов, при этом наименования, обозначающие объект чрезмерного увлечения, представлены очень широко и разнообразно в тематическом плане. Новизна и необычность таких слов во многих случаях создается контрастом между нейтральной, а в некоторых новообразованиях – сниженной первой частью и книжной второй (ср.: библиоман, балетоман – *салатоман, трепоман*).

ОМГ номинаций лица, характеризующегося признаком противопоставленности. Новообразования указанной микрогруппы содержат приставку *анти-*, обозначающую противоположность или враждебность чему-либо: *антибиблиофилы, антиперестройщик, антитеррористы, антифести-вальщик. Да, будут антирыночные силы, да, будет расширяться круг наших противников – антиреформаторов, но только в том случае, если мы будем осуществлять неразумную политику.* – ЭиЖ, 2000. № 21.

Репрезентантами лица в словах этой микрогруппы также являются основы слов, называющих субъекта по роду деятельности, участию в чем-либо, принадлежности к определенному направлению. Выразителем квалитатива «противоположный, враждебный» является префикс *анти-*. Таким образом, в пропозициональную структуру знания в данном случае объединяются концептуальные пространства лица и указанного квалитатива. Закрепленные значения позволяют говорящему в процессе креативной деятельности совмещать указанные базовые концепты, которые объективируются в новых лексических единицах: *Группа «антистекольщиков» провела акцию протеста у гостиницы «Россия».* – КП, 20.11.2001. – «*Антистекольщиками*» были названы противники программы ТВ-6 «За стеклом».

Таким образом, концептуальная организация новообразований представляет сумму знаний об обозначаемом, т.е. это определенным образом организованная модель, составленная из элементарных концептов. За каждым новообразованием как производным словом скрыты сложные связи и отношения между концептами, закрепленными за частями этого слова. Репрезентантами концептуальных связей можно считать словообразовательные модели, по которым новообразования созданы. Исследование позволило заключить, что разные ономазиологические группы новообразований характеризуются различными способами концептуализации.

Библиографический список

1. *Коньков, В.И.* Речевая структура газетного текста [Текст] / В.И. Коньков. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1995.
2. *Вендина, Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) [Текст] / Т.И. Вендина. – М. : Индрик, 1998.
3. *Карева, О.М.* Наименования лиц в социально-политической сфере русского языка 90-х гг. XX в. (словообразовательный аспект) [Текст] / О.М. Карева // Русский язык на рубеже тысячелетий: мат. Всероссийской конференции. Т.2. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2001. – С. 23-29.
4. *Плотникова, Л.И.* Словотворчество как феномен языковой личности [Текст] / Л.И. Плотникова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2003.

plotnikova@bsu.edu.ru

Поликарпов А. М., Архангельск (Россия)

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА

В целях изучения процесса перевода в современной транслатологии разработаны многочисленные гипотетические модели. Под моделью процесса перевода обычно понимается вербальное или вербально-схематическое представление процедуры осуществления процесса перевода, строящееся на идее распространения на перевод некоторых общих положений лингвистики. К традиционным моделям процесса перевода в отечественном переводоведении относятся, например, такие модели, как денотативная (ситуативная), семантическая, трансформационная, коммуникативная, информационная. В последнее время все

больше сторонников завоевывают коммуникативно-функциональная, интерпретативная, психолингвистическая, лингвосемиотическая и лингвокогнитивная модели перевода.

Создаваемая нами интегративная модель процесса перевода строится на интегративном подходе к факторам, влияющим как на процедуру переводческого акта и результат перевода, так и на самого переводчика, находящегося в центре процесса перевода, и выходит за рамки лингвистики, высвечивая связь с многими другими гуманитарными науками. Языковые, речевые, когнитивные, семиотические, этнокультурные, социально-исторические, морально-этические, психолого-педагогические, экономико-производственные, технические и некоторые другие факторы, в значительной мере оказывающие влияние на переводчика, осуществляемый им процесс перевода и продукт переводческой деятельности, будем считать константами перевода и рассматривать в качестве составляющих переводческого акта.

В эпоху глобализации, когда интеграция является поистине ключевым словом, интегративный подход к изучению процесса перевода представляется перспективным и многообещающим. При попытке предлагаемого моделирования переводческого процесса интегративные аспекты представляются особенно важными в свете их системообразующего и системосохраняющего характера.

Интегративная модель процесса перевода исходит из предположения о том, что в мозгу переводчика в момент переводческой деятельности параллельно протекает целый ряд мыслительных процессов, связанных между собой транслятологической идеей и вызывающих в качестве реакции соответствующие переводческие стратегии, операции и действия по переводу концептов как элементарных квантов знаний, стоящих за текстом оригинала, в вербальные структуры текста перевода.

Интегративное переводоведение позволяет изучать переводческий процесс как разновидность когнитивной деятельности переводчика с учетом креативности его языковой личности, а также целого комплекса факторов, определяющих и сопровождающих переводческий процесс. Особенно важным представляется в новой модели процесса перевода профессиональное владение предметными знаниями в различных сферах (к примеру, для переводчиков на приарктических территориях России: добыча нефти и газа, использование биоресурсов, судостроение, экология и пр.).

Несмотря на то, что интегративная модель процесса перевода представляет собой качественно новую модель процесса перевода, в ней используются наиболее ценные умозрительные посылки, наблюдения и заключения из существующих моделей процесса перевода. Интегративность не означает в данном случае смешение различных моделей представления процедуры переводческого процесса, а понимается как некий синоним целостности, термин, посредством которого подчеркивается «интерес не к внешним факторам проявления целостности, а к более глубоким причинам формулировки этого свойства, а главное, - к его сохранению» [Закономерности систем... электронный ресурс].

В качестве основы представляемой модели процесса перевода следует рассматривать лингвокогнитивную идею о процедуре переводческого процесса, согласно которой переводу подвергаются не вербальные структуры, а стоящие за ними концепты. В рамках предлагаемой модели будем развивать идею о том, что «перевод репрезентируется целым рядом лингвально-ментальных проекций, обусловленных психосемиотическими характеристиками переводчика в совокупности с его сознательными целевыми установками, что заставляет переводчика («перекодирующего интерпретатора») присущим только ему образом организовать креативные способности и выбирать из всех вербальных вариантов именно тот, который соответствует его «внутреннему логосу» [Фесенко, 2002, с. 67].

Интегративная модель процесса перевода представляет собой попытку объяснения того, что процесс перевода осуществляется по интегративному принципу при реализации переводческих стратегий, основанных на учете языковых, речевых, временных, пространственных, социокультурных, психолого-этических, семиотических и других факторов межъязыкового и межкультурного акта коммуникации.

Будем исходить из того, что в центре мыслительной деятельности переводчика поначалу находится текст оригинала, предназначенный для перевода, и его предпереводческий анализ. Для этого активно задействуются как лингвистические, языковые знания переводчика, так и его когнитивные способности. Лежащий в основе интегративного переводоведения текстоцентрический принцип позволяет посмотреть на процесс перевода с позиции сохранения цельности информации в процессе двуязычной межкультурной коммуникации.

Важным для предлагаемой интегративной модели процесса перевода представляется ранжирование типов экстралингвистических знаний, задействуемых в переводческом процессе: «когнитивный багаж» (концептосфера человека, отражающая общую культуру человека и знания, накопленные им в процессе жизни), «когнитивный контекст» (знания, полученные при восприятии текста оригинала и добавляемые к когнитивному багажу) и «когнитивные дополнения» (собственные идеи, появляющиеся в процессе предпереводческого анализа текста оригинала, создания текста перевода и его редактирования) [ср. Бодрова-Гоженмос, 2002, с. 13].

В год трехсотлетия со дня рождения М.В. Ломоносова позволим себе напомнить о том, что ученый-энциклопедист, занимаясь переводческой деятельностью в научных, художественных и прагматических целях, сопровождал переводы комментариями, объясняя, почему надо переводить именно так, а не иначе. М.В. Ломоносов внес значительный вклад в осознание социальной значимости перевода, который рассматривается им как специфический вид творчества, заслуживающий, как минимум, не меньшее уважение, чем создание произведения-оригинала. Закладывая нормы литературного русского языка не только в своих

произведениях, но и в переводах, великий ученый как сильная языковая личность призывал рассматривать последние как мощное средство обогащения русской литературы новыми замыслами и формами. Как и многие другие переводчики XVIII века, М.В. Ломоносов видел свою основную задачу в том, чтобы просвещать соотечественников и влиять на их нравственность.

Современный этап развития транслатологии в условиях глобализации выдвигает на передний план требование ориентировать научное знание на комплексное изучение переводческих компетенций и раскрытие целостной сущности языковой личности переводчика в качестве субъекта интегративных отношений. Интегративная модель процесса перевода среди прочего призвана показать, что именно в языке переводчик конституировался и продолжает развиваться как субъект, что обязательно отражается на выработке переводческих стратегий и реализации переводческих операций и действий.

Говоря об интегративной модели перевода, следует осознать, что языковая личность переводчика в процессе перевода продолжает формироваться под влиянием таких факторов, как: 1) ценностные, мировоззренческие компоненты воспитания; 2) этнокультурологический компонент; 3) личностный компонент; 4) компонент социальной интеракции и ряда других.

На языковую личность переводчика оказывают влияние многочисленные компетенции, составляющие основу профессиональной переводческой компетентности. К переводческим компетенциям, напрямую связанным с языковой личностью переводчика будем в первую очередь относить билингвальную компетенцию, включающую коммуникативную и социокультурную субкомпетенции. Коммуникативная субкомпетенция содержит соответственно также две составляющих: языковую и речевую. Языковая составляющая предусматривает уверенное использование двух контактирующих языков, предполагает знание всех их уровней (лексики, грамматики и фонетики) при умении сопоставления разноязыковых фактов, а также владение жанрово-стилистическими нормами. Речевая составляющая предполагает владение рецептивными (чтение, аудирование) и продуктивными (письмо, говорение) видами речевой деятельности, стратегиями общего и национального речевого поведения и приемами организации текстов разных жанров [Вербицкая, Соловов, 2010, с. 14]. Социокультурная субкомпетенция связана со знанием и пониманием культур родного и иностранного языков, этикета и норм вежливости в различных сферах деятельности с учетом коммуникативной роли, а также специфики использования невербальных средств коммуникации в культурах используемых языков. Кроме этого, она включает «умения осуществлять выбор языковых и речевых единиц с учетом их социокультурной приемлемости для конкретной ситуации общения, а также социальных ролей участников коммуникации, их интенций и коммуникативных стратегий» [Вербицкая, Соловов, 2010, с. 14].

Руководствуясь при разработке интегративной модели деятельности подходом к переводческой деятельности, будем рассматривать участников процесса перевода в качестве субъектов социальной деятельности. При исследовании процедуры акта перевода помимо факторов, влияющих на процесс и результат перевода, а также на самого переводчика, следует учитывать также роль создателя текста оригинала с его установками и интенциями и «получателя перевода с его реакцией на текст перевода, а также с его потребностями и национально-культурными особенностями» [Сдобников, 2009, с. 24].

Краеугольный камень интегративной модели процесса перевода составляет, таким образом, «очеловечивание» процесса перевода, позволяющее поставить переводчика как креативную языковую личность в центр процесса перевода. Под креативностью будем понимать внутренний ресурс переводчика, позволяющий отказаться от стереотипных способов мышления и обнаруживать новые способы решения, иногда интуитивно.

Библиографический список

1. *Бодрова-Гоженмос, Т.И.* Процесс перевода с точки зрения интерпретативной теории [Текст] / *Т.И. Бодрова-Гоженмос* // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. тр. – Вып. 5. – Воронеж, 2002. – С. 11-19.
2. *Вербицкая, М.В.* Компоненты и уровни переводческой компетенции [Текст] / *М.В. Вербицкая, М.Ю. Соловов* // Московск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова / Вестник. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. - № 4. – С. 9-18.
3. Закономерности систем. Иерархичность. Целостность. Интегративность. Коммуникативность (ТИПИС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://m-o-z-g.narod.ru/study/gos.htm.split/29-1.htm>
4. *Сдобников, В.В.* Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении [Текст] / *В.В. Сдобников* // Московск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова / Вестник. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. - № 2. – С. 19-30.
5. *Фесенко, Т.А.* Перевод в зеркале когнитивной науки [Текст] / *Т.А. Фесенко* // С любовью к языку : сб. науч. тр. посв. Е.С. Кубряковой. – Москва-Воронеж, 2002. – 65-71.

orip-ling@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

В последние десятилетия особое внимание отечественных и зарубежных лингвистов обращено к исследованию прагматического потенциала современных дискурсивных практик, что неизбежно предполагает изучение коммуникативных стратегий как средств и способа его реализации [Иссерс, 2008, Чернявская, 2006]. Учитывая, что лингвисты по-разному трактуют понятие «стратегия», уточним, что в данном исследовании мы опираемся на определение коммуникативной стратегии Иссерс О.С., которая рассматривает её как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего. Следующий за коммуникативной стратегией уровень в системе коммуникации – коммуникативная тактика – представляет собой одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии [Иссерс, 2008].

Материалом для исследования когнитивных стратегий послужили стенограммы онлайн-консультирования, опубликованные на сайте Федерального центра медицинского просвещения в Германии. Общее количество анализируемых текстов составляет 540, картотека примеров насчитывает более 1000 единиц. Прагматической целью авторов данных просветительских посланий – консультантов центра – является изменение поведения людей в соответствии с такими общекультурными ценностями как жизнь, здоровье, здоровый образ жизни. Вопрос о выборе адекватных стратегий как средств воздействия стоит перед автором просветительского текста особенно остро. Актуальность данного исследования определяется необходимостью комплексного изучения и описания коммуникативных стратегий, реализующих целенаправленное речевое воздействие авторов текстов на адресата.

Поскольку коммуникативное взаимодействие в просветительской сфере направлено, прежде всего, на изменение картины мира адресата, то мы считаем, что для данного типа институционального дискурса основными стратегиями являются *когнитивные*. Они рассматриваются как базовое когнитивное основание для коммуникативных стратегий, в основе которых лежит рассчитанное на достижение глобальной коммуникативной цели планирование последовательности речевых действий с учетом ожидаемых и/или желательных когнитивных состояний адресата [Дейк, 1989, Кобозева, 2010].

Когнитивные стратегии обращены к ментальным процессам и для анализа процесса их функционирования особое значение приобретает понятие фрейма. В данной работе принято следующее его понимание: *фрейм* – единица (фрагмент) картины мира, организованная вокруг некоего понятия или типовой для данного социума ситуации и, содержащая связанную с ними основную информацию, включающую сведения об обычном порядке протекания ситуации [Минский, 1979]. Выделенные на основании интерпретативного анализа содержания просветительских текстов смысловые блоки интегрированы в структуру фрейма «проблема», где ядро фрейма – это название проблемы, причины её возникновения, симптоматика, решение проблемы – базовые терминальные узлы, а участники проблемной ситуации, их отношение к проблеме, трудности, результаты решения проблемы, сигналы обратной связи (фиксирующие происходящие изменения в ходе решения проблемы) – факультативные терминальные узлы. Поскольку фрейм как фрагмент картины мира имеет статичную природу, то в реальной действительности – в данном случае в процессе консультирования – он может быть представлен как линейно разворачивающийся в пространстве и времени, то есть в виде фрейма-сценария, где терминалы фрейма начинают функционировать в действии.

Результаты анализа фактического материала наглядно демонстрируют, что консультанты используют различные когнитивные стратегии, посредством которых достигается взаимное приспособление моделей мира участников диалога. Рассмотрим некоторые когнитивные стратегии и тактики.

1. **Стратегия информирования** заключается в предоставлении адресату новых когнитивных элементов и как результат возникновение когнитивного диссонанса [Фестингер, 1999]. Ожидаемый перлокутивный эффект эксплицируется как в словах адресанта: *Was ich jetzt sage, wird dich überraschen*, так и в высказываниях адресата: *Ich wusste es gar nicht, wie schädlich das ist*.

2. **Стратегия актуализации** уже имеющихся у адресата знаний (например, о наличии проблемы, о её симптомах и т.д.) позволяет «высветить» разрозненные и часто не осознаваемые адресатом элементы общей картины проблемной ситуации – базовые и факультативные терминальные узлы:

- 1) название проблемы: *Du schreibst ...* (описание ситуации). *Ist es ein Problem?*
- 2) симптомы: *Gehen Sie die Fragen einfach der Reihe nach durch und markieren Sie die Punkte, die auf Sie zutreffen. Wenn Sie 3-6 Punkte erreicht haben, so geht es um geringe Abhängigkeit.*
- 3) причины: *Gibt es Leute in deinem Umfeld, die kiffen?*
- 4) условия решения проблемы: *Gibt es Freunde bzw. Freundinnen oder Bekannte, die dich bei deinem Vorhaben unterstützen können?*
- 5) возможные трудности в достижении результата: *Was, denkst du, sind für dich die Situationen, in denen es dir besonders schwer fällt, nicht zu kiffen?*

3. Поскольку ожидаемым перлокутивным эффектом является изменение уже сформированных установок и представлений адресата, то особое значение приобретает **стратегия убеждения**, оказывающая воздействие путем логического, рационального доказательства истинности и включающая такие тактики, как указание причинно-следственных связей, иллюстрация примерами, ссылки на статистические данные и др.

Остановимся подробнее на описании одной из тактик убеждения - тактики опережающей контраргументации, которая реализуется путем постановки под сомнение возможных возражений адресата и последующего «вытеснения» имеющихся когнитивных элементов.

Для опровержения возможных сомнений их значимость заранее понижается, они преподносятся как незначительные, несущественные, легко опровергаемые: *Und Ihre Bedenken, zu einem langweiligen Nichtraucher zu werden, können ebenfalls leicht entkräftet werden* или заранее маркируются как заблуждения: *Irrtum 1. Jetzt rauche ich schon so lange - das Aufhören lohnt sich für mich nicht mehr.*

4. **Стратегия рефрейминга** позволяет иначе интерпретировать те или иные элементы фрейма. Рефрейминг рассматривается как возможность преобразовать смысл чего-либо, поместив это в новую рамку или контекст, отличный от исходного.

Используя тактику когнитивного моделирования образа будущего как настоящего, адресант концентрирует внимание адресата на состоянии, когда результат уже достигнут: *Stell dir einmal vor, was du dir alles leisten könntest, anstatt dein Geld für Drogen auszugeben?*

Значимость следующих тактик рефрейминга обусловлена тем, что попытки адресата изменить свое поведение (например, ограничить время сидения за компьютером, не курить больше одной сигареты в день и т.п.) зачастую заканчиваются неудачей. Первая тактика направлена на изменение негативной тональности восприятия адресатом ситуации путем *замены негативного утверждения позитивной формулировкой* того же содержания. Так, консультант меняет фразу адресата *Ich hab' Angst, ich schaff' es nicht* на *Du meinst,* Новая формулировка близка по смыслу к первоначальной, но и отличается от неё, поскольку подразумевает скорее когнитивные процессы, чем эмоциональную реакцию.

Вторая тактика – это тактика *детализации* ситуации и помещения образовавшихся элементов в новый контекст. Например, в ходе онлайн-консультирования осуществляется дробление высказывания адресата *Ich hab' nichts geschafft!* на более мелкие детали (что конкретно не получилось, когда, где и т.д.), что позволяет выявить отдельные трудности и наметить пути коррекции.

Обобщая выше сказанное, отметим, что перлокутивный эффект исследуемых текстов обусловлен различными факторами: установкой адресата, характером его взаимодействия с просветительской информацией, наличием или отсутствием у него когнитивного диссонанса, адекватным выбором коммуникативных стратегий и речевых средств. В данной работе рассмотрен прагматический аспект одного типа коммуникативных стратегий – когнитивных, представлены некоторые тактики их реализации. Считаем, что исследование когнитивных стратегий, используемых в немецкоязычных просветительских текстах, является не только важной задачей теоретического плана, но и имеет практическую значимость при создании отечественной просветительской литературы.

Библиографический список

1. Дейк, Т.А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений [Текст] / Т.А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ. – М. : Прогресс, 1989. – С. 268-304.
2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. Изд. 5-е. – М. : Лки, 2008.
3. Кобозева, М.А. Базовые и вспомогательные когнитивные стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе [Текст] / М.А. Кобозева // Ставропольский гос. ун-т / Вестник. – 2010. – № 3. – С. 92-99.
4. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Мир, 1979.
5. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса [Текст] / Л. Фестингер ; пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешевой. – СПб. : Ювента, 1999.
6. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : уч. пос. [Текст] / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006.

Источник иллюстративного материала

Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bzga.de> (дата обращения 30.01.2011)

s_poluikova@mail.ru

Полякова Н.В., Томск (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА 'ВОДА' В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Жизнь селькупского этноса тесно связана с природой. У данного этноса существует особая система отношения к природе, природопользованию, и естественные реалии своеобразно отражаются в сознании людей.

Территория, на которой проживают селькупы, богата реками, озерами и болотами. Селькупы издавна предпочитали селиться рядом с водой, это удобно и стратегически, и экономически. Рыболовство являлось

наряду с охотой важнейшим промыслом селькупов. Рыба входила в качестве необходимого и основного компонента в их традиционный рацион.

Наиболее значимым для селькупского и русского этносов представлялось выделение в водном пространстве трех типов водоемов – озер, рек и болот. В этой связи данные водные объекты рассматриваются как дискретные единицы концепта '*Вода*'. Из-за ограниченности в объеме в данной статье будут рассмотрены две дискретные единицы данного концепта – озеро и болото.

В селькупском языке имеется несколько лексем, которые могут быть переведены на русский язык словом *озеро*. Ср.:

(таз.) *tō/tū* 'озеро (большое по размеру, не зарастающее травой и водорослями)';

tēkypyl' tō 'зарастающее с берега озеро (букв. 'высыхающее озеро)';

ōqy/āqy 'проточное озеро меньшего размера, часто удлиненной формы (вытянутое)';

ūtyl'tapša, ūtyl'caqy 'небольшое озерко, часто размером с лужу';

caqy, laša 'озерко';

utyrmol' tollaka 'озеро с волоком';

СтС. *tōr*; Ив. *kodatō* 'крючковатое озеро';

Нап. *aka* 'длинное, узкое озеро';

Чиж. *nurqaltū* 'сорное озеро (т.е. луговое)'; *čumbtū* 'длинное озеро';

СтС. *porul'dō* 'озеро с истоком';

Ив. *čwor* 'очень большое озеро, тянется на километры, в котором водится только белая рыба'.

Обозначения озер в селькупском языке являются конкретными, в них содержатся важные для представителей селькупского этноса сведения о форме, размере, наличии определенных пород рыбы, указание на возможность хорошего улова рыбы (у истока рыба ловится лучше).

Интересно сопоставить в этой связи наименования озер ненецкого языка. По данным В.И. Сподиной, «интересны слова – определители озер. Они говорят коренному жителю о многом. Например, *щечезэй* означает, что такое озеро мелкое, имеет травянистые мысы и зачастую песчаное. *Ханымеэй* – озеро, имеющее подземные ручьи, *вехелеэй*, искаженное произношение *валлял* – «прорезанный, вырезанный», то есть имеющий вытянутую, зигзагообразную форму» [Сподина, 2001, с. 59].

В отличие от селькупского и ненецкого языков русский язык имеет в своем распоряжении одну лексему *озеро*, имеющую значение «естественный замкнутый в берегах водоем» [МАС, 1999, с. 602]. Основными признаками дискретной единицы '*Озеро*' для русского этноса является естественное происхождение озер и их замкнутый характер.

При сопоставлении особенностей объективации дискретной единицы '*Озеро*' в русском и селькупском языках, было установлено, что в русском языке имеется видовой термин для обозначения озер, в то время как в селькупском языке имеется группа лексем, имеющих общий семантический компонент, который может быть выражен словом *озеро*. Наличие большого количества лексем в селькупском языке при наличии одной лексемы в русском языке дает основание говорить о немотивированных межъязыковых лакунах и свидетельствует о важной роли озер в жизни селькупского этноса, что подтверждают данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента. В Русском ассоциативном словаре на стимул **озеро** зафиксированы следующие ассоциации: *глубокое* (10), *вода* (8), *голубое* (6) [РАС, 1994, с. 89]. Реакции носителей селькупского языка связаны как с названиями озер – *Круглое*, так и с их «обитателями» – *todip tō* (*карасевое озеро*). Ассоциации селькупов, не владеющих языком своей национальности, схожи с ассоциациями носителей языка: озеро непременно связывается с *рыбой, рыбалкой*, в озерах *рыба плавает, булькает*. На данный стимул была получена также единичная реакция *красивое*. Самые частотные реакции селькупов (*рыба, рыбалка, карасевое озеро*) свидетельствуют о практической ценности озер для данного этноса, в то время как русские фокусируют свое внимание на внешних характеристиках озера.

В ходе сопоставления лексем русского и селькупского языков, результатов ассоциативного эксперимента было установлено, что основными признаками дискретной единицы '*Озеро*' в селькупском языке являются: форма; размер; наличие/отсутствие истока (у истока рыба ловится лучше); наличие/ отсутствие травы на озере, а также определенных пород рыб. Данные признаки являются нерелевантными для русского этноса, вследствие чего они не вербализуются в языке.

В селькупском языке имеется несколько лексем, содержащих в себе общий семантический компонент, который может быть выражен словом *болото*. Ср.:

(таз.) *lytpä* 'болото (Красноселькуп); трясына (Ратта)';

sär 'болото (Ратта); слегка заболоченный берег (Красноселькуп)';

lypäl tatty, nopyl tatty 'болото (букв. заболоченная земля)';

ñop 'зыбун';

tery 'трясына, обычно не замерзающая зимой';

lypä 'вязкое место в болоте, где легко утонуть';

katyj 'болото на месте старого русла'.

Наличие большого числа лексических единиц свидетельствует о важности дискретной единицы '*Болото*' для селькупского этноса.

В то время как в русском языке исследуемая дискретная единица вербализуется лексемой *болото*, имеющей значение «топкое место, часто со стоячей водой» [МАС, 1999, с. 105]. Основным признаком данной дискретной единицы в русском языке является его опасность для человека.

Языковой материал был дополнен данными Русского ассоциативного словаря и материалами, полученными автором в ходе ассоциативного эксперимента с представителями селькупского этноса. Наибольшие различия были зафиксированы между селькупскими и русскими ассоциациями на стимул **болото**.

Для русских **болото** – это нечто *топкое* (38), представляющее опасность для людей, так как там есть *трясина* (24). Для многих оно *зеленое* (22), но это совсем не тот радостный, радующий глаз цвет травы или листвы, а имеющий негативную коннотацию в русском языке некий болотный цвет [РАС, 1999, с. 5]. Анализ реакций русских испытуемых показал, что болото в русском языковом сознании – это нечто, представляющее опасность, малоосвоенное и не представляющее большого интереса с практической точки зрения.

Самыми частотными ассоциациями селькупов, владеющих селькупским языком, стали *čobjr* ‘ягода’, *karat čobjr* ‘клюква’. Реакции селькупов, пассивно владеющих и не владеющих селькупским языком, совпадают с ассоциациями носителей селькупского языка: *ягода, клюква, мох, вода, кормилец*. Реакции на данный стимул свидетельствуют о том, что болото играло и продолжает играть большую роль в жизни селькупского этноса, является источником пропитания.

На основе сопоставительного анализа лексемы «болото» и лексем, имеющих общий семантический компонент, который может быть выражен словом «болото» в селькупском языке, результатов ассоциативного эксперимента было установлено, что наиболее значимыми признаками данной дискретной единицы для представителей селькупского этноса являются: место нахождения; степень заболоченности; уровень опасности для человека. В то время как для русского этноса данные признаки не являются релевантными и не вербализуются в языке, а болото представляется русскими опасным и не пригодным для хозяйственной деятельности человека местом.

Результаты проведенного ассоциативного эксперимента с представителями селькупского этноса показывают, что стимулы, связанные с водоемами, вызывают у них позитивные ассоциации. Для русского этноса характерно двойственное отношение к воде. Ср. точку зрения Н.И. Толстого: «Вода в народных представлениях славян одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство осмыслялось как граница между этим и тем светом, путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших. Символика воды связана, с одной стороны, с ее природными свойствами – свежестью, прозрачностью, способностью очищать, с быстрым движением, с другой стороны – с мифологическими представлениями о воде как о «чужом» и опасном пространстве. Подобная двойственная оценка воды как оздоравливающей и одновременно смертоносной стихии проявилась в сказочных мотивах живой и мертвой воды» [Толстой, 1995, с. 38].

Список сокращений

таз. – тазовский диалект селькупского языка, *СтС* – Старо-Сондрово, *Нап.* – Напас, *Ив.* – Иванкино, *Чи.ж.* – Чижапка, *МАС* – Словарь русского языка в 4-х т., *РАС* – Русский ассоциативный словарь.

Библиографический список

1. Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М. : Помовский и партнеры, 1994.
2. Словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева; РАН, Ин-т лингв. исследований. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Русский язык. 1999.
3. *Сподина, В.И.* Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района [Текст] / В.И. Сподина. – Нижневартовск : Изд. дом «РЦБ», 2001.
4. *Толстой, Н.И.* Славянские древности: Этнолингвистический словарь [Текст]: в 5-ти т. / гл. ред. Н.И. Толстой. – М. : Международные отношения, 1995. – Т.1: А-Г.

nataliapoliakova@yahoo.com

Полякова Н.В., Москва (Россия)

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ УСЛОВНОСТИ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ С ГИПОТЕТИЧЕСКИМ ПРИДАТОЧНЫМ (на материале французского языка)

В современной лингвистической литературе существует деление повествовательных сложноподчинённых предложений с условным придаточным на собственно-условные и несобственно-условные¹ [Гавришина, 1971; Велла, 1972, с. 139-175; Renchon, 1967 (1), p. 98-125]. Эти два класса условных

¹ По другой терминологии – «псевдоусловные» или «мнимоусловные» сложноподчинённые предложения.

конструкций различаются как в семантическом плане (у несобственно-условных сложноподчинённых предложений кроме основного – условного – значения имеются ещё и дополнительные значения: причины, сравнения, уступки, противопоставления, сопоставления и др.), так и в плане формального выражения условности.

В связи с тем, что сложноподчинённые предложения с гипотетическим придаточным относятся к «гибким структурам» [Белошапкина, 1977, с. 199], то есть для них характерна относительная свобода в позиции протазиса по отношению к аподозису, одной из основных синтаксических проблем указанных конструкций является *определение позиции придаточного предложения по отношению к главному*.

На материале французского языка детальное исследование этого вопроса впервые проводится в книге А. Лориана “L’expression de l’hypothèse en français moderne: antéposition et postposition”. Как заявлено уже в самом названии данной работы, автор выделяет для условного *si*-придаточного только два возможных варианта позиции в сложноподчинённом предложении – 1) *препозицию* и 2) *постпозицию* по отношению к главному предложению. При этом А. Лориан приходит к выводу, что во французском языке ведущей позицией гипотетического придаточного в повествовательном сложноподчинённом предложении является препозиция: в среднем, в двух случаях из трёх [Lorian, 1964, p. 108].

Что касается *интерпозиции* протазиса, то у А. Лориана мы находим упоминание о том, что во французском языке гипотетические придаточные, представляющие собой различные формы смягчения высказывания (например: *si j’ai bonne mémoire, si je ne me trompe, si je peux le dire, s’il est possible, si Dieu le permet* и др.), чаще всего не находятся «ни в чистой препозиции, ни в настоящей постпозиции, интеркалируясь в главное предложение» [Lorian, 1964, p. 35].

С. Аллер выделяет данные случаи интеркаляции в отдельный тип позиции гипотетического придаточного, обозначая его как «мобильная позиция» (*position mobile*) и рассматривая его уже наравне с пре- и постпозицией [Allaire, 1973, p. 157]. Автор мотивирует выбор этого термина тем, что гипотетические придаточные, являющиеся формами смягчения высказывания, могут находиться как внутри главного предложения – после его подлежащего или после его сказуемого, так и после всего главного предложения.

Однако при идентификации собственно *интерпозитивных* гипотетических придаточных представляется более целесообразным опираться на критерии, выделенные С.К. Беданоковой на материале французских повествовательных сложноподчинённых предложений с временным придаточным: 1) размещение придаточного между структурно-обязательными элементами главного предложения; 2) отсутствие синтаксических связей на границе включения придаточного [Беданокова, 1980, с. 11-13]. Вследствие этого в интерпозиции представляется возможным рассматривать не только приводимые А. Лорианом и С. Аллер типы интеркалированных условных *si*-придаточных, но и любое гипотетическое придаточное, если оно одновременно отвечает двум вышесказанным требованиям.

Библиографический список

1. Беданокова, С.К. Позиция придаточного предложения как синтаксическая проблема (на материале временных придаточных в современном французском языке) [Текст] / С.К. Беданокова : автореф. дисс. ... канд. филол. н. – М., 1980. – С.11-13.
2. Белошапкина, В.А. Современный русский язык. Синтаксис [Текст] / В.А. Белошапкина. – М. : Высшая школа, 1977.
3. Велла, Т.М. Структурно-семантические типы гипотетических конструкций в современном французском языке [Текст] / Т.М. Велла : дисс. ... канд. филол. н. – Воронеж, 1974. – С.139-175.
4. Гавришина, К.С. Сложные мнимоусловные предложения в современном французском языке [Текст] / К.С. Гавришина : дисс. ... канд. филол. н. – М., 1971.
5. Allaire, S. La subordination dans le français parlé devant les micros de la radiodiffusion [Text] / S. Allaire. – P. : Librairie C. Klincksieck, 1973.
6. Lorian, A. L’expression de l’hypothèse en français moderne: antéposition et postposition [Text] / A. Lorian. – P. : M.J. Minard / Lettres modernes, Collection “langues & styles”, 1964. – P.35-108.
7. Renchon, H. Etudes de syntaxe descriptive. I vol. La conjonction *si* et l’emploi des formes verbales [Text] / H. Renchon. – Bruxelles : Palais des Académies, 1967.

aleksa2687@yandex.ru

Проскурин С.Г., Новосибирск (Россия)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010), подпрограмма 2.1.3/4541

Любой язык имеет внутренний порядок лексикона. Любая культура организована в виде сети уложений. В этом смысле мы наблюдаем различные уровни существования языка и культуры, их различные порядки. С

одной стороны, в терминологии и культурных концептах обнаруживаются ценности, разделяемые самими членами общества, и как следствие, имеющие особые термины для своего именованья, а с другой – существуют категории, также облеченные в словесную форму, но принадлежащие метаязыку исследователя.

Каков же внутренний порядок лексикона и какова его внутренняя сеть? Прежде всего, словарный состав языка может быть описан в алфавитном порядке. В европейских языках в таких случаях используется слово англ. *dictionary*, франц. *le dictionnaire*, etc. Словарь также может быть представлен как совокупность лексических единиц. Ср. англ. *lexis*, фр. *le lexique*. Остается еще один термин – англ. *vocabulary*, фр. *vocabulaire*, «который означает ‘лексикон’, но лексикон достаточно полный или же лексикон достаточно обширной области, и при этом не выровненный в простом алфавитном порядке» [Степанов, 1995, с. 23] Ср. название книги Э. Бенвениста ‘*Le vocabulaire des Institutions Indo-Européennes*’. Согласно дифференциальным признакам всех вышеописанных терминов в концептуализации лексикона, именно *vocabulary* позволяет классифицировать словарный состав как совокупность тематических групп, внутренняя сеть которого простирается от идей к словам. В связи с этим возникают разнообразные словари языка: идеографические, аналитические, синтетические, топикальные (ср. англ. *topical dictionary*).

В таких словарях часто название тематических групп дается не словом из лексикона, являющегося предметом анализа, а словом, которое является по отношению к анализируемым языкам термином «метаязыка». Так, Э. Бенвенист в исследовании терминов права индоевропейцев в качестве термина тематической группы сохраняет слово «право», однако само слово, несомненно, оказывается термином исследователя, т.е. термином метаязыка, а в самом индоевропейском лексиконе не присутствует. Многие индоевропейцы склоняются к тому, чтобы определять сначала концепты или понятия, актуальные на определенном этапе развития семантической сети языка и культуры и лишь затем реконструировать сам термин, функционировавший в протоязыке. Выявившаяся в сравнительно-историческом языкознании узость формальной реконструкции иллюстрируется, например, трудностями, связанными с воссозданием духовных концептов индоевропейской культуры.

Разнообразие данных о мире индоевропейцев свидетельствует о целесообразности переориентации анализа с формального на содержательный, т.е. первоначального установления мифологического, концептуального архетипа культурного концепта, а затем только реконструкции возможной лексической праформы, которой не обязательно станет лексический архетип, т.е. форма имеющая высокую представимость в языках индоевропейской семьи. Вероятно, у исследователя концептуальных систем появится возможность на основе реконструкции мифологического архетипа предпочесть какую-нибудь маргинальную или уникальную форму, которая подбирается по ассоциации с доминирующей концептуальной трактовкой понятия [Проскурин, 2005].

Так, при исследовании тематической группы терминов права Э. Бенвенист обращает внимание на инаковость уложения правовых принципов, которые затрагивают как личность, так и материальные блага индоевропейцев.

Э. Бенвенист пишет: «Откуда нам известна правовая организация индоевропейского общества? Имеется ли какой-либо восходящий к эпохе единства термин, означающий право? На поставленный таким образом вопрос, подразумевающий и распространенность понятия, и всю совокупность языков, казалось бы, следует ответить отрицательно. Существует множество слов для права, но они являются специфическими в каждом из языков» [Бенвенист, 1995, с. 299]. Таким образом, для реконструкции индоевропейского словаря прежде всего важно магистральное концептуальное решение того, что индоевропейцы мыслили как правовое уложение. Э. Бенвенист относит к индоевропейскому состоянию очень важное концептуальное понимание права как «порядка». Это понятие представлено ведийским *ṛta*, иранским *arta*. «Таково исходное представление правового, а также религиозного и нравственного сознания индоевропейцев: «порядок», которому подчинены как устройство мира, движения светил, смена времен года и течение лет, так и отношения между богами и людьми и, наконец, сами человеческие отношения. Все, что касается человека и мира, находится во власти «Порядка». Таким образом, это религиозная и нравственная основа всего общества; без этого принципа все возвратилось бы к хаосу» [там же, с. 299]. Но описав магистральный концепт индоевропейского представления о праве, Э. Бенвенист приходит к следующему выводу: «корень, общий для скр. *rta*, ир. *arta*, лат. *ars*, *artus*, *ritus* “порядок”, как гармоническое соответствие всех частей некоего целого, не дает в индоевропейском производных слов с правовыми значениями» [Бенвенист, 1995, с. 299].

Такая позиция Э. Бенвениста оказывается не совсем достоверной. Любопытный факт: идея упорядоченности и ритуала, вопреки мнению, доминировавшему в реконструкциях социальных терминов, все-таки связана с темой права у индоевропейских народов. Так, международные договоры, которые заключались между Византией и Древней Русью назывались договорами о «мире и ряде». Слово «ряд» того же корня, что и *rta* или *arta*.

А.Н. Сахаров пишет о договоре с Византией 911 года: «С другой стороны, соглашение 911 г. являлось не только договором “мира и любви”, но и “рядом”». Этот «ряд» относится к конкретным сюжетам взаимоотношений двух государств (или их подданных) в сфере и экономической, и политической.

Первая статья говорит о способах различных злодеяний и мерах наказания за них; вторая – об ответственности за убийство, и в частности об имущественной ответственности; третья – об ответственности за

умышленные побои; четвертая – об ответственности за воровство и о соответствующих за это наказаниях; пятая – об ответственности за грабеж; шестая – о порядке помощи купцам обеих стран во время их плавания с товарами, помощи потерпевшим кораблекрушение; седьмая – о порядке выкупа пленных – русских и греков; восьмая – о союзной помощи грекам со стороны Руси и о порядке службы русских в императорской армии; девятая – о практике выкупа других пленников; десятая – о порядке возвращения бежавшей или похищенной челяди; о практике наследования имущества умерших в Византии русских; двенадцатая – о порядке русской торговли в Византии (статья утеряна); тринадцатая – об ответственности за взятый долг и о наказании за уплату долга.

Таким образом, широкий круг проблем, регулирующих взаимоотношения между двумя государствами и их подданными в наиболее для них жизненных и ставших традиционными сферах, охвачен и регулируется этими тринадцатью конкретными статьями, которые и составляют содержание слова «ряд» [Сахаров, 1980, с. 167]. Данное свидетельство подтверждает связь ритуализации, выраженной в корне **ar/r*, т.е. действия, воплощенного в репрезентации космологического, этического и нравственного понимания мира, с правовой терминологией, поскольку слова ряд и ритуал имеют общий этимологический корень.

При этом слово «ряд» относилось к правовым положениям заключенного соглашения и регулированию вопросов исключительно правового характера. В дальнейшем в русской правовой терминологии утверждается концепт «Правопорядок».

Сказанное свидетельствует о принципиальной правовой предпосылке права как *порядка*. Наблюдается семиотическое развитие значимостей права как ряда, т.е. некоторого гармонического уложения, которое закрепляет правовые принципы. Затем этот порядок формализуется в русском языке как *правопорядок*. Налицо изменение тематической семантической сети языка и культуры. Как же происходят подобные вещи, когда в языках возникают подобные «тавтологии» как право – порядок?

Ч. Филмор отмечает: «Живя в постоянно меняющемся обществе, мы часто обнаруживаем, что имена хорошо знакомых нам вещей изменились и что мы теперь вынуждены «видеть» эти хорошо знакомые вещи в новом свете. Например, если вы сообщите мне, что вам легче определять время по аналоговым часам (*analog watch* – выражение, не имеющее никакого смысла всего несколько лет назад), то я буду знать, что вы говорите об обычном ручном хронометре, всем вам знакомом с детства, который совсем недавно был известен как часы. Мой вывод основывается на фразе, которую вы использовали для идентификации объекта; он состоит в том, что вы находите обычные часы более предпочтительными по сравнению с цифровыми (*digital*) часами, то есть с тем видом часов, которому они противопоставлены (на это указывает слово «аналоговые»). Единственная причина выбора вами слова «аналоговый» состояла в том, что оно противопоставлено слову цифровой, и вы ожидали, что использование этого слова при ведет к активации в моем сознании другого члена оппозиции... Существует немало «обычных вещей, получивших особые имена только потому, что в описании, предусматриваемом особым именем, они становились элементами контрастного множества, другой элемент которого и мотивировал контраст» [Филмор, 1988, с. 72-73]. Таким образом, если поставить задачу определения магистральной концептуальной трактовки того, что ныне понимается как право, мы должны уточнить индоевропейский термин, который мотивирует контраст современных русских правовых терминов «право» и «правопорядок». Аналогично процессам, протекающим в семантической сети названия часов, т.е. возможности отделить этапы становления терминов на основе принципа «новой значимости», мы можем сформулировать этапы становления формы. Итак, эпоха А – это термин «часы», далее эпоха Б – это появление термина «цифровые часы» с одновременной лексикализацией предмета эпохи А как аналоговых часов. В терминах, описывающих эволюцию права в индоевропейской культуре мы выделяем эпоху А или эпоху *предправа* – термин от и.е. корня **ar/r*, символизировавший порядок (юридический термин: рус. *ряд*), которая сменяется эпохой Б – эпохой права, характеризующейся юридическими терминами, специфическим для каждого индоевропейского языка: *право, law, droit* с параллельным процессом означивания *предправа / порядок* как *правопорядка*.

Соответственно, у исследователя семантической сети языка и культуры есть всегда возможность «привнести» термины «метаязыка», т.е. дополнительного языка, и построить тематические группы слов по принципам «иных значимостей».

Это равносильно тому, как если бы мы имели возможность спросить жителя планеты, живущего в 20-х или 30-х годах 20 столетия, как называлась война, в которую были вовлечены мировые державы с 1914 по 1919. Разумеется, ответ I мировая война был бы исторически невозможным, поскольку, значимость мировой войны еще не имела места и не определялась относительно событий 1940-1945 годов.

Иными словами, метаимена для таксономий будут напоминать семантемы предложения Ч. Филмора: *During World War I, Ronald Reagan's birth mother dropped his analog watch into the sound hole of the acoustic guitar – Во время первой мировой войны мать (по рождению) Рональда Рейгана уронила его аналоговые часы в отверстие деки акустической гитары.*

Группа примеров, подобных словосочетанию «аналоговые часы», включает такие выражения как «акустическая гитара» – обычная гитара, описанная в противопоставление электрической гитаре; «первая мировая», не называвшаяся первой до тех пор, пока вторая мировая война не инициировала счетный фрейм; мать по рождению (*birthmother*), отличающаяся от генетической матери только потому, что современная

технология сделала возможным перенесение яйцеклетки из тела одной женщины в тело другой [там же, с. 73]. Таким образом, тематическая семантическая сеть языка и культуры всегда предписана определенному хронологическому пласту. Исследователь подобных сетевых отношений в историческом времени всегда должен «плотно закрывать за собой дверь», приобщаясь к внутренней семантической сети определенного исторического текста.

Парадокс теории знака и значимостей состоит в том, что лингвистический знак может быть понят только в тотальности, т.е. в оппозиции, по крайней мере, к одному другому знаку. Только при наличии значимости слово можно применить. В этом смысле евангельское речение «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог ...» надо понимать не только как единичность изначального, но и как особую двоичность, дифференцированность. Язык возникает тогда, когда возникает первая значимость, которая служит руководством по применению слова. Олицетворение Бога Словом создает дуальный концепт различимости мира. Ср. далее «Оно было в начале у Бога (Слово). Все через него начало быть, и без Него ничего не начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Евангелие от Иоанна I, 1-5). Отмечая этот важный параметр семиотики – значимость, – мы тем самым совсем не утверждаем, что двоичность, т.е. бинарность, – это исходный принцип семантики. Скорее, мы говорим и о возможности двоичности, троичности и т.д. А это, в свою очередь, является утверждением того, что объект должен быть обозначен больше чем один раз ... (ср. и как Бог, и как Слово). Здесь следует важное методологическое заключение – семантика возникает не только из отношения формы слова / знака к объекту. Семиотическая природа номинации предполагает, существование особого отношения, когда рождается дифференциация, т.е. *valeur*, “значимость” (по Ф. де Соссюру). Для нас здесь важен сетевой характер связей семантики языка в его происхождении. Значение может быть извлечено только из констелляции слов, поскольку исключительно значимость обеспечивает сигнификацию. Значимости – это своеобразные узлы или центры пересечения (англ. *nodes*), при помощи которых осознается значение отдельных словоформ. Библиейский пример показывает, что благодаря синонимизации форм *Бог* и *Слово*, становятся ясным смыслы «и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Отсюда следует, что лексикон обладает значениями не столько в силу номинации, а, прежде всего, в виду значимостей, на основе которых он способен распознаваться.

Реконструируя лексикон древней культуры, например, индоевропейской, ученый сталкивается с ситуацией, когда он может исследовать терминологии первого порядка – ценности. Например, концепт и термин «Вера». Однако, термин «религия» находится вне системы ценностей носителя в культуре и принадлежит метасистемному порядку – порядку наблюдателя. Любопытно, что ценностные уложения культур – наиболее древние концепты, тогда как метапредикаты абсолютно вторичны по отношению к ним. В русской культуре предикат *Я верую* имеет ядерное значение как ценность и является очень древним. В то же самое время существование утверждения *Я религиозен* возможно только по отношению субъекта культуры с позиции внешнего наблюдателя. «Первое утверждение является непосредственным выражением чего-то, составляющего достояние данной культуры и достояние человека в ней, выражением принадлежащей ему ценности. Второе же – привносится в культуру ее наблюдателем извне, и поэтому не обладает семантической согласованностью с субъектом – говорящим, который (в норме) не может заявлять себя носителем этого предиката. Первое утверждение чем-то близко перформативу (в чем именно, еще предстоит исследовать), тогда как второе напоминает констатив. В самом деле, выражение *Я религиозен I am religious*, так же теряет смысл в произнесении от 1-го лица, как, скажем, «Я ошибочно утверждаю», тогда как «Он ошибочно утверждает» вполне нормально» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 12].

Таким образом, установления и уложения получают в языках и культурах внутренние и внешние оценки, в зависимости от того, являются ли они аутосистемными или принадлежащими метасистемному уровню. Так, исследователь древнего индоевропейского права будет всеми силами пытаться осуществить реконструкцию этого понятия. Но его ждет неудача.

Дело в том, что *право* – метасистемный термин, принадлежащий иному порядку – порядку наблюдателя, а не уровню ценностей субъекта индоевропейской протокультуры. Лексикон языка и культуры имеет различные уровни, которые облакаются в словесные формы, но которые существуют в разных измерениях. Так, ценности культуры, такие как вера, закон, любовь представляют собой аутосистемный уровень, который сопрягается с метасистемными, т.е. внесистемными концептами религия, право, секс В современном лексиконе происходит смешение порядков, поскольку говорящий склонен считать, что, если концепт терминологизирован, то сам термин, даже если он принадлежит метауровню, может быть использован как по отношению самой ценности, так и порядку наблюдателя. В современной американской культуре вполне оправдано говорить о себе в терминах метасистем, т.е. системы наблюдателя. Ср. *I am religious*. Под этим понимается принадлежность к определенной конгрегации, и это, само по себе, рассматривается как ценность. Метапредикаты в современной культуре вошли в список ценностей индивидуума. Однако так было не всегда.

Библиографический список

1. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 72-73.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ НАРРАТИВНЫХ ФОРМУЛ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ

Решение проблемы описания жанров может быть более продуктивным с использованием методов когнитивной модели понимания текста, которая делает акцент на том, каким образом подбираются элементы, как пользуется ими человек для выражения того или иного смысла, в каком контексте они употребляются и какую роль эти элементы играют в структуре. «Когнитивные принципы организации информации связаны также с большей или меньшей степенью приверженности текста к его прототипическому образцу» [Лузина, 1996, с. 79]. Необходимость ориентации на текстовой прототип обусловлена, прежде всего, фактором адресата, конвенциональной природой жанров, принятых в данной социокультурной языковой общности.

Прототипическую модель жанра сказки составляют структуры различного уровня: композиционного (начальные и финальные формулы, троекратные повторы); сюжетного (сюжетные функции, персонажная схема); языкового, в частности, синтаксического уровня, обеспечивающие восприятие письменного текста как устного рассказа. В тексте литературной сказки эти элементы становятся интертекстуальными фреймами, участвующими в процессе восприятия и интерпретации текста посредством соотнесения их с ментальной репрезентацией жанра и обеспечивающими прочтение текста по его законам.

Обрамляющие сказочное повествование начальные и финальные формулы прежде других узнаваемых элементов стереотипной модели сигнализируют о сказочном характере повествования, о принадлежности данного текста к жанру сказки, поскольку находятся в сильных позициях текста. Ввод в данную стереотипную модель новой информации позволяет предсказать возможный тип повествования, каким будет этот вымысел?

В сказочной повести А. Милна «Winnie-the-Pooh» традиционной начальной сказочной формуле предшествуют авторское предисловие, описывающее историю создания сказки, и экспозиция первой главы, в которой представляются главные действующие лица: игрушечный медвежонок, мальчик и его папа, выступающий в роли рассказчика. Только после того, как ребёнок и взрослый договорились, о чём будет очередная история, начинается собственно сказка. Начало сказочного повествования маркировано самым традиционным сказочным зачином «*Once upon a time*», который получает уточнение, противоречащее его смыслу: «*a very long time ago now, about last Friday, Winnie-the-Pooh lived in a forest all by himself under the name of Sanders*» [Милн, 1989, с. 29]. Этот довольно распространённый в английском языке стилистический прием – bathos и окружающий формулу контекст помогают воспринимать сказку как весёлую фантазию, игру взрослого и ребёнка в сказку.

Чем дальше уходит автор от схемы прототипа, тем ярче, индивидуальнее картина, которую он создает. Тем сложнее интерпретировать его произведение в рамках определенного жанра. Так, сказки Оскара Уайльда, представляющие собой своеобразное явление в этом жанре, определяются многими исследователями как философские сказки, при этом сам писатель свои творения сказками не называл. Рассмотрим зачин одной из сказок сборника «*The Star Child*»:

«*Once upon a time two poor woodcutters were making their way home through a great pine forest. It was winter, and a night of bitter cold. The snow lay thick upon the ground, and upon the branches of the trees: the frost came snapping the little twigs on either side of them, as they passed: and when they came to the Mountain Torrent - she was hanging motionless in air, for the Ice King had kissed her*» [Уайльд, 1979, с. 178].

Здесь отступление от стереотипа и перефокусировка внимания происходит через ввод в устоявшуюся инициальную формулу поэтического описания природы, не характерного для народной сказки. Писатель использует мрачные краски, как бы подготавливая читателя к драматичному характеру сюжета. Полное отступление автора от стереотипного счастливого сказочного финала кажется вполне оправданным: «*Yet ruled he not long, so great had been his suffering, and so bitter the fire of his testing, for after the space of three years he died. And he who came after him ruled evilly*» [Уайльд, 1979, с. 198]. В обеих формулах фигурирует прилагательное bitter: в начальной формуле в составе стёртой метафоры «*bitter cold*», а в финальной формуле в оригинальной авторской метафоре «*bitter fire of his testing*». Употребляемое в сильных позициях текста применительно к контрастным стихиям (в первом случае в прямом, а во втором случае в переносном смысле), прилагательное «*bitter*» становится ключевым авторским концептом, символизирующим неприменность судьбы, преследующей человека, даже если это сказочный герой.

Любое произведение сказочного жанра отличается устремлённостью к добродетели. В литературной сказке эта идея связывается с введением христианской морали в текст произведения, что находит отражение в обрамляющих текст формулах. Таков, например, финал сказки Дж. Раскина «*The King of the Golden River*»:

«*And, to this day, the inhabitants of the valley point out the place where the three drops of holy dew were cast into the stream, and trace the course of the Golden River under the ground until it emerges in the Treasure Valley. And*

at the top of the cataract of the Golden River are still to be seen TWO BLACK STONES, round which the waters howl mournfully every day at sunset; and these stones are still called by the people of the valley The Black Brothers» [Ruskin, 1929, p. 55].

В данной финальной формуле мораль эксплицитно не выражена, однако, в неё введены ключевые слова, которые выстраиваются в две ассоциативные цепочки. Первая из них представлена выражениями *holy dew – the Golden River – the Treasure Valley*, она напоминает о добром деле младшего из братьев, спасшем родную долину с помощью святой воды и превратившем её в долину плодородия своим трудом и бескорыстной любовью. Вторая цепочка контрастирует с первой, поскольку напоминает о наказании, которое понесли два старших брата, превратившись в чёрные камни за то, что осквернили святую воду жадностью и своекорыстием: *TWO BLACK STONES – howl mournfully – The Black Brothers*.

В сказке Ч. Кингсли «*The Water Babies*» автор полностью использует традиционную схему построения обрамляющих формул: 1) «*Once upon a time there was a little chimney-sweep, and his name was Tom*»; 2) «*But remember always, as I told you at first, that this is all a fairy tale, and only fun and pretence; and, therefore, you are not to believe a word of it, even if it is true*». Однако и начальная, и финальная формулы имеют тесную взаимосвязь с окружающим их контекстом, в котором назидательным тоном подчёркивается христианская мораль. Так, за открывающим повествование предложением следует подробное описание главного героя, в нём, в частности отмечается: «*He had never been taught to say his prayers. He never had heard of God, or of Christ, except in words which you never have heard, and which it would have been well if he had never heard*» [Kingsley, p. 7]. Финальных формул в сказке две, представленная выше (2) завершает выведенную за рамки основного повествования мораль, в которой автор даёт разного рода поучения. Заключительным аккордом, непосредственно предшествующим финальной формуле, звучит наставление: «*Meanwhile, do you learn your lessons, and thank God that you have plenty of cold water to wash in; and wash in it too, like a true English man*» [Kingsley, p.205]. Следует также упомянуть другой финал - текста самой сказки, поскольку он представляет собой ироническое переосмысление традиционной финальной формулы пира:

«*And of course Tom married Ellie!*»

My dear child, what a silly notion! Don't you know that no one ever marries in a fairy tale, under the rank of a prince or a princess?» [Kingsley, p. 204].

Этот финал интересен тем, что в нём осуществляется диалог рассказчика с имплицитным читателем-слушателем, основанный на общем знании конвенций сказочного жанра. Читатель высказывает предположение, основанное на твёрдом убеждении, что герои сказки, прошедшие испытания, обязательно должны пожениться в конце её. Рассказчик опровергает данное утверждение, но лишь на том основании, что в сказках женятся только принцы и принцессы.

Данные наблюдения показывают, что в литературной сказке начальные и финальные формулы являются интертекстуальными фреймами, базисными структурными элементами, ассоциируемыми с жанром – прототипом. Они играют важную роль в идентификации авторского произведения в рамках сказочного жанра, поскольку читатель соотносит их с ментальной репрезентацией жанра и интерпретирует текст соответственно. Традиционные формулы подвергаются семантической трансформации в текстах литературных сказок. Их рамки раздвигаются за счёт ввода новой информации, которая фокусирует внимание адресата на ключевых идеях автора.

Таким образом, обрамляющие формулы в структуре сказочного нарратива являются базисными элементами, ассоциируемыми с жанром-прототипом. С позиций когнитивного подхода они могут быть рассмотрены как фреймы, соотносимые в сознании читателя с ментальной репрезентацией жанра.

Библиография

Лузина, Л.Г. Распределение информации в тексте: когнитивный и прагматический аспект [Текст] / Л.Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1996.

Список источников иллюстративного материала

1. Милн, А. Повести о Винни-Пухе. Стихи для детей [Текст] / А. Милн. Сборник. Сост. Д.М. Урнов / на англ. яз. – М. : Радуга, 1989.
2. Уайльд, О. Сказки [Текст] / О. Уайльд. – М. : Прогресс, 1979.– На англ. яз.
3. Kingsley, Ch. *The Water Babies* [Текст] / Ch. Kingsley ; introd. by B. Alderson. – Oxford [England]; New York : Oxford University Press, 1995.
4. Ruskin, J. *The King of the Golden River* [Текст] / J. Ruskin. – N.Y. : Macmillan, 1929.

larpro@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭВРИСЕМИЧНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ИХ УЧЁТ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Возросший в настоящее время интерес к феномену перевода, с одной стороны, подтверждает его статус многоаспектного и разностороннего вида деятельности, а с другой – заставляет переводоведов вновь и вновь обращаться к основополагающим вопросам определения перевода, его сущностных характеристик и моделей. Вместе с тем нельзя не заметить, что ответы на поставленные вопросы во многом зависят от предметно-объектных (парадигмальных) приоритетов исследователей. В оформившейся сегодня когнитивной лингвистике язык привлекает учёных как средство организации, обработки информации в сознании человека, а также как средство восприятия и последующей передачи полученной информации в акте коммуникации. На этом фоне переводческая деятельность объективно обладает выраженным когнитивным характером. Межъязыковой перевод, являясь одной из форм межкультурного общения, может успешно осуществляться лишь при «подобии интеллектов» коммуникантов, при наличии у них общности знаний о мире. Отсюда можно предположить, что важнейшие стратегии в деятельности переводчика, в его речесмысловосприятии и речесмысловорождении, должны быть направлены на формирование базовых интегративных когнитивных структур, которые активизируют соотносимые познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием [Пшенкина, 2005, с. 127-140]. Под когнитивной структурой понимается структура знания, репрезентирующая различные соотношения содержания ментальных компонентов в сознании человека с помощью вербальных средств, которые являются частью когнитивной структуры и средством доступа к ней.

В рамках обозначенного выше когнитивного подхода в настоящей статье обратимся к особенностям перевода знаков особого рода – фразеологических единиц. Хорошо известно, что любой знак не открывает доступ к своему значению автоматически – означаемое и означающее могут находиться как в отношениях «детерминированного соответствия», эквивалентности, базирующихся на фиксированных, стабильных, неизменяемых связях, так и в отношениях инференции, операциях, основанных на умозаключениях и выводных знаниях. Таким образом, «опознание» знака происходит, с одной стороны, в контексте языковых единиц, окружающих знак, а с другой – в контексте непрерывно формирующегося, широкого и разнопланового опыта индивида, пользующегося знаком, связанного с отдельными сторонами его жизни, в том числе и с культурой.

Несмотря на то, что во фразеологическом фонде языка раскрываются универсальные постулаты духовно-нравственного устройства мира, он неизменно признаётся хранилищем национально-культурных стереотипов, смыслов, мифологем, в которых находит отражение самосознание нации. В современных когнитивно-культурологических исследованиях идиом (школа В.Н. Телия) значение идиомы определяется как «информационный текст, различные смыслы которого проходят «сквозь фильтр ментальности» говорящего и слушающего, интерпретируются в пространстве социального и культурного знания, активизируемого субъектом речи в момент общения» [Ковшова, 1999, с.164]. При этом осознание культурно маркированного не ограничивается только реалиями и/или строевыми элементами, входящими в состав фразеологизма, а включает культурную коннотацию, под которой понимается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996, с. 214]. Такой подход к реконструкции исследователем структуры знаний, представленной в идиоме, хорошо согласуется с уточнённой трактовкой мотивации, предложенной Е.А. Селивановой, которая определяет её как «лингвopsихоментальную операцию выбора мотиватора(-ов) из фрагмента знаний об обозначаемом», направленную на формирование понятийной (ономасиологической) структуры производного знака [Селиванова, 2009, с. 70]. Механизмом наиболее частотного типа мотивации в рамках описанной концепции, ассоциативно-терминального, выступает концептуальная метафора, которая характеризуется в духе Дж. Лакоффа и М. Джонсона использованием знаков одной предметной области для обозначения другой.

На наш взгляд, данный механизм формирования фразеологизма наряду со своеобразием его номинации, в основе которой чаще всего лежит ситуация, наряду с ведущей ролью коннотативного компонента в структуре его значения во многом предопределяет одно из доминантных свойств фразеологической семантики – эврисемичность (широкозначность) [Солодуб, 1997; Шихова, 2009]. Хорошо известно, любой языковой знак не обозначает, а лишь представляет посредством ментальных механизмов, например, метафоры, «сконструировать» новое знание-значение, новые смыслы. Именно этот принцип знака лежит в основе теории концептуальной интеграции [Turner, Fauconnier, 1995], механизмов фокусирования и дефокусирования [Ирисханова, 2007] и позволяет осознать суть современных динамических теорий значения.

Эврисемичность фразеологических единиц как раз и проявляется в том, что идиома, представленная даже в узуальной форме и помещённая в определённый контекст, адаптирует своё содержание к этому контексту и для успешного общения требует от коммуникантов способности осознанно или неосознанно производить операции с единицами языка и связанными с ними когнитивными структурами. Ментальные операции могут усложняться, если фразеологизм используется окказионально.

Обратимся к конкретному примеру. Фразеологическая единица *the opera isn't over till the fat lady sings – something is not finished until one particular important part has taken place* появилась в американском варианте английского языка сравнительно недавно (в 1976 году). Она результат фразеологизации ставшего известным

высказывания спортивного обозревателя Дэна Кука, который таким образом пытался ободрить болельщиков проигрывавшей баскетбольной команды [Knowles, ODQ]. Восходя к образам из мира классической оперы, фразеологизм вызывает представления о внушительном облике примадонны, выводит на ассоциации относительно продолжительности заключительных арий оперных героинь, и несмотря на то, что обобщённый смысл идиомы всё-таки вырисовывается – *it isn't over till it's over* (досл.: «это ещё не конец, пока есть продолжение») – специалисты отмечают крайнюю расплывчатость её значения (*surprising vagueness and lack of perception*).

Окказионально преобразованная идиома широко используется для описания спортивных и политических событий, выступая мотиватором для создания ментальных пространств, причудливо интегрирующихся в новые и новые структуры знания, способствуя проявлению языкового творчества коммуникантов. Концептуальные инновации при восприятии идиомы могут возникать благодаря когнитивной выделенности отдельных её компонентов. Например, в статье об оживлённом спросе на ценные бумаги без покрытия акцент делается на описание начальной фазы их неминуемого обвала: *The increase in shorts is the result of increasing their positions just prior to the down draft. The fat lady is on the stage and warming up ... get ready for the fast down move* [RI]

Осознанию того, что избирательная компания Билла Клинтона уже в прошлом, помогает надпись на футболке президента, в которой он появился перед жителями родного городка: *“The Fat Lady Sang”* [T]

В фокусе внимания тренера английской футбольной команды, вынужденной покинуть премьер лигу, содержание неприятного известия: *“The fat lady is singing and unfortunately I do not like her tune”* [SJA]

В романе Дж. Гришема «Дело о пеликанах» фразеологизм встречается дважды, и оба раза при переводе профилируется не совсем точная ментальная картина описываемого. Так, в первом случае известный журналист расследует дело об убийстве, в котором замешаны высокопоставленные лица: *I'll write the story with everyone's name along with that cute little picture of Mattiece and his friend in the White House, and the fat lady will sing.* Он уверен, что после его публикации *делу будет дан ход*, но в переводе компонент *sing* – *петь* уводит переводчика в иное ментальное пространство и в русском варианте звучит явная угроза: *«Я напишу статью, указав имя каждого из них и поместив эту маленькую любопытную фотографию Маттиса и его друга из Белого дома, и вот тут-то они и запоют»* (пер. В.Г. Пурескина).

Во втором случае описывается напряжённая атмосфера адвокатской конторы, и фразеологизм привносит ощущение нависшей, неминуемой развязки, но при переводе он просто опускается: *“Mattiece will not talk to us. They've told the boys with the guns to get out of town immediately. The chase is off. The fat lady is singing – Mammuc не хочет разговаривать с нами. Они дали команду своим боевикам немедленно покинуть город. Погоня прекращена* (пер. В.Г. Пурескина).

В известной сказке маленькая Алиса задаёт вопрос: «Можно заставить слова означать множество совсем разных вещей?» Современные когнитивные теории, давая утвердительный ответ на поставленный вопрос, предлагают и объяснительную базу для этого. Дело переводчиков, взяв за основу эту базу, помочь в процессе коммуникации успешно совместить слова и вещи.

Библиографический список

1. Ирисханова, О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования [Текст] / О.К. Ирисханова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. / Ин-т языкознания РАН ; ТГУ им. Г.Р. Державина. – Москва-Тамбов, 2007. – С. 69-80.
2. Ковшова, М.Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом [Текст] / М.Л. Ковшова // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 164-174.
3. Пшенкина, Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика : моногр. [Текст] / Т.Г. Пшенкина. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005.
4. Селиванова, Е.А. Когнитивно-ономасиологический аспект фразеологического семиозиса [Текст] / Е.А. Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: мат-лы межд. симпозиума 4-6 мая 2009 г. – Великий Новгород, 2009. – С. 69-72.
5. Солодуб, Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений [Текст] / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1997. – №5. – С. 43-54.
6. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты [Текст]: моногр. / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996.
7. Шихова, Т.М. К вопросу об эврисемичности значения фразеологических единиц русского языка как фразеосемантической категории [Текст] / Т.М. Шихова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: мат-лы межд. симпозиума 4-6 мая 2009 г. – Великий Новгород, 2009. – С.92-95.
8. Knowles, E. (Ed.) Oxford Dictionary of Quotations (ODQ) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ukcatalogue.cup.com>
9. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expression [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol.10. – No.3. – P.183-204.

Список источников иллюстративного материала

1. *Гришем, Дж.* Дело о пеликанах [Текст] / Дж. Гришем. – М. : АСТ, 2005.
2. *Grisham, J.* The Pelican Brief [Text]. – Iceland : Dell, 2001.
3. RI [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.resourceinvestor.com/News/2011/3>
4. SJA [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.sportsjournalistsco.uk/sporting-quotes/>
5. T [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.time/magazine/article/0,971,2080757,00.html>

t_pshenkina@hotmail.com

Рапопорт Л.С., Барнаул (Россия)

КОМПРЕССИЯ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

Компрессия как термин не имеет однозначного толкования, но чаще всего под компрессией понимается процесс порождения экономных синтаксических конструкций, в результате которого достигается возможность выражения определенного объема информации минимальными языковыми средствами [Гурин, Беляева, 2007, с.150].

В лингвистике существует две трактовки компрессии: в «широком» и «узком» понимании. Компрессия в широком смысле понимается как одна из главных тенденций в функционировании языка, действующая во всех сферах этого функционирования, но проявляющаяся по-разному. Поэтому и возможно говорить о компрессии в «узком» понимании как о наборе тех средств, которые служат целям ее реализации в широком смысле во всех языковых уровнях.

Термин «компрессия» часто встречается в исследованиях и по переводоведению, в которых утверждается, что, в основном, компрессия характерна для перевода с русского языка на иностранный, а не наоборот. Проведенное нами небольшое сопоставление произведения М. Леви «*Et si c'était vrai ...*» с его переводом на русский язык как подтверждает эту точку зрения, так и опровергает ее. Французские предложения, в целом, более компактны, что, естественно, объясняется особенностью французского синтаксиса, его тенденцией к стяжению синтаксических единиц:

- *Les quelques meubles épars étaient dominés par de très jolies lampes rehaussées d'abat-jour plissés, acquises une à une au fil de trois dernières années (Levi,8)*

- *Мебель терялась в свете на редкость красивых ламп с плиссированными абажурами; их Лорен подбирала одну за другой последние три года (Леви,8).*

Приведенный пример позволяет увидеть расхождения в синтаксических характеристиках сопоставляемых структур. С одной стороны, мы наблюдаем более компактный синтаксис французского текста: в русском варианте пассивный предикат заменен на активный, что потребовало введения дополнительного актанта *в свете*, который имплицитно включен в семантику французского актанта *dominés par de très jolies lampes*; осложненное предложение заменено бессоюзным сложным предложением. Для передачи одного определения *acquises* переводчик употребил предложение с эксплицитно выраженными подлежащим и сказуемым. С другой стороны, переводчик избежал нерелевантного для информации причастия *rehaussées*, опущение которого сделало русскую фразу более компактной. Следовательно, нельзя однозначно говорить о том, что компрессия как явление характерна только для иностранных языков и не свойственна русскому языку.

Компрессия может быть обусловлена различными факторами, к которым можно отнести, особенно при устном переводе, контекст, цели и задачи коммуникации, а в письменном переводе, естественно, главным фактором являются различия в лексике и грамматическом строе исходного языка и языка перевода.

Учет указанных различий приводит к резюмированию текста, когда компрессия достигается посредством опущения избыточных элементов. Они могут быть восполнены в смысловом плане за счет фоновых знаний внеязыковой ситуации, контекста коммуникации, а в языковом за счет стратегий использования более компактных форм выражения. К таким стратегиям можно отнести переход от видового понятия к родовому, замена глагола конкретной семантики глаголом более широкой семантики, номинализация глагольных конструкций, использование синтетических конструкций вместо аналитических, слов вместо словосочетаний и т.д. Характерным примером лексической компрессии можно считать употребление гиперонимов вместо гипонимов и наоборот. Гипоним имеет более сложный семантический состав, чем гипероним. Поэтому употребление номинации более широкого значения предстает как более экономичный способ выражения, то есть как компрессионный прием. В качестве гиперонимов могут выступать не только слова родового понятия, но во французском языке в качестве гиперонимов могут выступать и местоимения. Например, при переводе в русском языке в качестве гипонима часто используются имена собственные, видовые термины, тогда как во французском – номинации более широкого значения (*il, enfant, homme, elle, jeune fille, femme*):

- *Au milieu de la nuit, elle quitta le parking de l'hôpital au volant de sa Triumph, rentrant chez elle à vive allure par les rues désertes (Levi,9).*

- *Выехав на своем «триумфе» с больничной стоянки, Лорен на приличной скорости оправилась по пустынным улицам домой (Леви,9).*

В последующем отрывке французского текста из десяти предложений собственное имя не было употреблено ни разу, тогда как в русском переводе этого отрывка в каждом втором предложении переводчиком оно употреблено. Кроме того, можно отметить как компрессионную стратегию замену выражения части на целое в переводе на русский язык: *au volant de sa Triumph – на своем триумфе.*

Экономия средств или компрессия возможна при переводе благодаря тому, что в языках отмечается тенденция к употреблению избыточных слов в определенных структурных позициях. Для французского языка структурно-семантическая избыточность характерна при употреблении: приглагольных личных местоимений, при указании на говорящего или на собеседника, употреблении дополнений при переходных глаголах, избыточного указания на часть тела при характеристике действия, употреблении прилагательных, причастий, личных форм глагола в связующей функции, семантически дублирующих другие компоненты высказывания, употреблении выделительных конструкций и т.д.

В определенных высказываниях в русском языке примерами структурно-семантической избыточности, которую можно избежать при переводе, отмечаются: использование дополнительных локализаторов, так же, как и во французском языке избыточное употребление слов, обозначающих части тела, повтор в ответных репликах слов, подкрепляющих слова коммуниканты типа *да, нет*, интенсификаторы [Гак, 1998, с.515-516].

Избыточным элемент становится в связи с тем, он содержит сему, уже содержащуюся в другом компоненте высказывания, тем самым не сообщая ничего нового. Этот элемент, теряя свое семантическое значение, выполняет в предложении формальную функцию и может быть необходимым в структуре предложения одного языка, но лишним для другого. Именно это положение и позволяет осуществлять компрессию при переводе. Это довольно характерно для перевода с французского языка на русский язык, так как аналитические тенденции французской грамматической системы обуславливают наличие в нем большого числа структур с десемантизированными словами, выполняющими в основном строевую или чисто грамматическую функцию экспликации грамматических категорий. Данные структуры могут соответствовать одному слову русского языка или даже одной из морфем (префиксу, суффиксу, корню), например: *La délégation a quitté Moscou par avion à destination de Paris – Делегация вылетела из Москвы в Париж.* Сумма элементарных значений, составляющих общий смысл обеих фраз, одинакова. Однако направление движения в русском языке передается префиксом и предлогом, а способ движения корнем слова: предикативное словосочетание французского языка *a quitté par avion* редуцировано до простого глагольного предиката: *вылетела.* Таким образом, возможность применения компрессионных стратегий при переводе объясняется также особенностями речевой нормы, отсутствием возможности употребления слова в определенной грамматической форме, необходимостью решения частных конструктивных и смысловых задач. Это же расхождение объясняет и появление определенного расширения предложений при переводе с французского языка на русский язык. Во французском языке имеются модели предложения, не имеющие аналогов в русском языке. Многие из них компактны за счет имплицитирования актантов и предикатов, которые в соответствии с нормой языка перевода должны быть эксплицированы.

- *Il lui intima de lui laisser le droit de l'aider, insistant en disant que la seule chose de la vraie vie qui lui restait était bien d'accepter de recevoir (Levi,88).*

- *Он просит признать за ним право помочь ей. Он настаивал на этом праве, говоря, что от настоящей жизни ей осталось единственное – возможность принять его помощь (Леви,92).*

Неличные формы глагола, местоименная субституция, опущение актанта делают французское высказывание более компактным, имплицитированным, в то время как в переводе местоимения заменены конкретным существительным *право*, все актанты и предикаты восстановлены, что значительно увеличило объем русского высказывания.

Кроме того, целый ряд структур французского языка не имеет структурных эквивалентов в русском языке. У переводчика есть две стратегии: либо он прибегает к компрессии через опущение возможно нерелевантного в когнитивном и смысловом отношениях, то есть избыточного, на его взгляд, элемента, либо использует развернутый пояснительный перевод. Так например, французской фразе с абсолютным причастным оборотом: *La guerre finie, le pays a vite rétabli son économie nationale* могут соответствовать: член предложения (обстоятельство) – *После окончания войны страна быстро восстановила свою экономику*; причастный (не абсолютный, как во французском языке) оборот: *Закончив войну, страна ...*; придаточное предложение времени: *После того как война закончилась, страна ...*; два отдельных простых предложения: *Война закончилась. Страна быстро восстановила свою экономику.* И, наконец, компрессионный вариант: *После войны страна быстро восстановила свою экономику.*

Количественные и качественные трансформации, обусловленные особенностями разных языков, позволяют переводчику добиться максимальной эквивалентности исходного и получаемого текстов.

Библиографический список

1. Гак, В.Г. Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе [Текст] / В.Г. Гак // Гак В.Г. Языковые преобразования : сб. статей. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С.515-516.
2. Гурин, И.В. Проблема компрессии в синхронном переводе [Текст] / И.В. Гурин, Т.Н. Беляева // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Вып. 4. – С.150-154.

Список источников иллюстративного материала

1. Levi, M. Et si c'était vrai ... [Texte] / M. Levi. – Paris : Edition Robert Laffont S.A., 2000.
2. Леви, М. Между небом и землей [Текст] / Пер. с фр. Р.Генкина / М. Леви. – М. : Махаон, 2008.

lidia.rapoport@mail.ru

Резинкин А.Ю., Барнаул (Россия)

МЕТОНИМИЯ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Изучение языковых явлений невозможно без обращения к когнитивным механизмам их образования, исследование которых представляет попытку проникновения в языковое сознание человека. Обращение к вопросу о взаимодействии языка и мышления определило основные направления исследований современной когнитивно ориентированной лингвистики.

Когнитивный подход на современном этапе развития лингвистики остается наиболее перспективным методологическим инструментом, который позволяет проникнуть в природу функционирования человеческого разума посредством обращения к языковым формам. Исследование когнитивной функции языка подразумевает изучение типов когнитивных структур и их языковых репрезентаций, языковых и концептуальных категорий и т. п. Представление знаний в языке осуществляется при помощи разнообразных структур, таких как имидж-схемы, пропозиции, фреймы, сценарии, в основе которых лежит идеализированная когнитивная модель (ИКМ), представляющая собой сложное структурированное целое, которое организует наше сознание, “накладываясь” на некоторые мыслительные пространства, передавая им заложенную в модели структуризацию [Рунова, 2006, с. 7].

В качестве одного из базовых когнитивных процессов в современной когнитивной лингвистике рассматривается метонимия. Метонимия, наряду с метафорой, как одно из фундаментальных свойств человеческого мышления на протяжении всей истории существования подвергалась всестороннему изучению практически во всех областях лингвистического знания, и, как известно, изучалась в рамках: а) стилистики, как средство создания художественной речи, т. е. как троп (И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Б.В. Томашевский, Е.А. Некрасова, Э. Ризель, М.П. Брандес и др.); б) лексической семантики, как способ семантической деривации слова (Д.Н. Шмелев, В.В. Виноградов, Е.Л. Гинзбург, Ю.Д. Апресян и др.); в) ономазиологии, как средство номинации (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, В.Н. Телия, В.Г. Гак, О.К. Жданов и др.); г) когнитивной лингвистики, как средство категоризации и концептуализации знания (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, Дж. Лакофф, З. Ковечеш, Г. Радден, Ф. Руиз де Мендаза Ибанез, Б. Уоррен, У. Крофт и др.). За пределами лингвистики метонимия рассматривается в более широком смысле как явление, присущее любой знаковой системе (Ю.М. Лотман, Р. Якобсон, М.В. Никитин, К.-У. Пантер, П. Рикёр и др.).

Опыт научного описания метонимии многими поколениями лингвистов стал тем толчком, который открыл горизонты для нового, когнитивного изучения метонимии, являющегося сегодня наиболее актуальным. С развитием когнитивной парадигмы происходит расширение интерпретации метонимии и отделение когнитивной метонимии как механизма концептуализации действительности от языковой метонимии как семантического механизма развития значения слова [Трухановская, 2009, с. 3]. В когнитивной лингвистике метонимия, как и метафора, считаются не тропами образного языка, а когнитивными механизмами, используемыми для логических операций и суждения о мире и его понимания. Это один из принципов организации обыденного мышления и определенный способ концептуализации и категоризации действительности.

Таким образом, в рамках когнитивной лингвистики метонимия рассматривается как способ концептуализации фрагментов действительности, часто понимаемых как денотативная ситуация. При этом следует заметить, что одна и та же денотативная ситуация может быть по-разному концептуализирована в языке. И как справедливо указывает Е.В. Падучева, «львиная доля различий между разными концептуализациями одной ситуации приходится на два параметра – оценку и фокус внимания» [Падучева, 2003, с. 239]. На основе смещения фокуса внимания, который является основополагающим механизмом процесса метонимизации, Е.В. Падучева выстраивает когнитивную теорию метонимии: «Предлагаемая модель метонимии основана на представлении о метонимии как о сдвиге фокуса внимания, и в этом смысле может быть названа когнитивной» [Падучева, 2003, с. 239]. Ссылаясь на Л. Талми, Е.В. Падучева пишет, что фундаментом для этого служит такой принцип мышления как избирательность человеческого восприятия,

которая отражается в языке в виде разнообразных возможностей сдвига фокуса внимания при описании одной и той же внеязыковой ситуации (там же).

Е.В. Падучева полагает, что в процессе концептуализации какого-либо фрагмента действительности происходит то, что одни аспекты реальности акцентируются, актуализуются, другие затушевываются, уходят в фон: происходит как бы схематизация реальной действительности [Падучева, 2003, с. 240]. Но аспекты ситуации, затушеванные в данной концептуализации, имплицитно присутствуют в контексте сделанного высказывания: затушеванные аспекты связаны с актуализованными отношениями по принципу «часть – целое», «параметр – значение», «причина – следствие» и т.п. «И здесь приходит на ум понятие метонимии», заключает Падучева [там же].

Е.В. Падучева считает, что возможность изучения метонимических соотношений возникла благодаря обращению лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительностью. Эти связи по смежности, как утверждает Е.В. Падучева, существуют не между смыслами, а между объектами действительности. И метонимический сдвиг, «перенос по смежности» в таком случае представляет собой перенос внимания на объект, смежный с данным [Падучева, 2003, с. 240].

Подобная смежность, сопредельность, вовлеченность в одну ситуацию может быть основана на различного рода логических отношениях (понятийных, синтагматических, пространственных, временных, событийных, причинно-следственных и др.) между разнообразными категориями, которые принадлежат действительности и ее отражению в человеческом сознании и закреплены в значениях слов. Эти отношения могут возникать между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т. п. [БЭС 2000, с. 300].

В своей когнитивной теории метонимии Е.В. Падучева выделяет определенные типы метонимических переносов, напр., «вместилище – вмещаемое», «материал – изделие», «автор – произведение», «означающее – знак», «производитель – продукт», «место – учреждение», «часть – целое» и наоборот и др. При этом Е.В. Падучева справедливо замечает, что традиционно выделяемые перечни метонимических переносов, приводимые в разного рода учебниках и пособиях, сходны в том, что они всегда неполны [Падучева, 2003, с. 241]. Так, они обычно не включают таких важных типов переносов как «отрезок времени → (занимающее его) событие»; «источник звука → издаваемый звук»; «часть тела → болезнь (этой части тела)» и др. Е.В. Падучева заключает, что «едва ли, вообще, этот перечень можно сделать полным» [Падучева, 2003, с. 241].

Вместе с тем, согласно точки зрения других лингвистов, в частности М.В. Бондаренко, существует необходимость в создании более детальной классификации метонимии. А для этого, как указывает исследователь, необходимо более четкое разграничение таких понятий как «тип метонимического переноса», «подтип (модель)» и «конкретный случай реализации модели» [Бондаренко, 1978, с. 121]. Данный подход подтверждает разграничение метонимии на уровне языка и уровне речи.

В рамках системы языка метонимический перенос как когнитивный механизм может лежать в основе смены ракурса концептуализации ситуации и носить при этом регулярный характер и отличаться определенной продуктивностью [Трухановская, 2009, с. 4]. Регулярность метонимических переносов, реализующих те или иные виды логических отношений, базирующихся на смежности понятий, дает основания говорить об их моделях (формулах), типах и подтипах, общая численность которых (от 11 и более) варьируется у разных лингвистов (см. работы Н.Д. Арутюновой, И.Г. Ольшанского, Д.Н. Шмелева, Ю.Д. Апресяна, А.А. Реформатского, Р. Якобсона и др.).

Таким образом, когнитивную основу метонимии составляет процесс смещения фокуса внимания (другими словами метонимическое проецирование), осуществляемый в пределах одной идеализированной когнитивной модели (ИКМ), которая представляет собой упорядоченную когнитивную репрезентацию фрагмента действительности или денотативной ситуации с определенным набором концептуальных составляющих и отношениями между ними. Когнитивная сущность метонимии заключается в том, что в ходе процесса метонимизации одна концептуальная сущность (концепт-средство) обеспечивает доступ к другой концептуальной сущности (концепту-цели) в пределах одной концептуальной области, одного домена, или ИКМ [Рунова, 2006 с. 3].

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая российская энциклопедия, 2000.
2. Бондаренко, М.В. О причинах и семантической сущности метонимии [Текст] / М.В. Бондаренко // Теория и методика преподавания германских языков. – Куйбышев, 1978. – С. 121-127.
3. Падучева, Е.В. К когнитивной теории метонимии [Текст] / Е.В. Падучева // Доклады международной конференции «Диалог 2003» (Протвино, 11-16 июня, 2003 г.). – М., 2003. – №1. – С. 239-246.
4. Рунова, Н.В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка) : автореф. дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.04 [Текст] / Н.В. Рунова. – М., 2006.

5. Трухановская, Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия) : автореф. дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.04 [Текст] / Н.С. Трухановская. – М., 2009.

aleksei-rezinkin@yandex.ru

Резниченко Л.В., Белгород (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ СУБСТАНТИВИРОВАННЫМИ ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

В центре внимания современной когнитивной лингвистики находится исследование языка как определенной системы репрезентации знаний о мире. Содержание системы знаний о мире или концептуальной системы, формирующейся в сознании человека в результате основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации, репрезентируется различными языковыми средствами. Чтобы рассмотреть специфику структур репрезентации знаний, активизируемых субстантивированными именами прилагательными, необходимо разъяснить специфику значений имени прилагательного и имени существительного, потому что субстантивированные имена прилагательные представляют собой номинативные знаки, сочетающие общекатегориальные значения указанных частей речи.

Части речи рассматриваются Е.С. Кубряковой “как классы слов, служащие членению мира и сортировке разных фрагментов его бытия” [Кубрякова, 2004, с. 10]. При этом отличительной особенностью значений имен прилагательных является выражение разнообразных характеристик людей, их поведения и черт характера, а также характеристик вещей, фактов, действий, событий. Это в свою очередь свидетельствует о “широком смысловом объеме” языковых единиц этой части речи [Уфимцева, 2010, с.196]. По этой причине прилагательные, по мнению А.А. Уфимцевой, “далеко не всегда способны реализовать свое лексическое значение без предметных имен” [Уфимцева, 2010, с. 198]. В основе значения предметных имен или имен существительных находится обозначение “дискретных, конкретных сущностей, таких как люди, животные или сделанные людьми артефакты”, а также общая “тенденция обозначать “виды вещей”, наделенные некими свойствами” [Вежбицкая, 1999, с. 102, с. 130]. В целом имена прилагательные и имена существительные относятся к лексическим категориям, которые “отражают онтологию мира и результаты его познания человеком: знания конкретных предметов, явлений, их характеристик и категорий, т.е. категоризацию естественных объектов” [Болдырев, 2007, с. 23].

Лексическая категоризация как форма концептуализации мира, по мнению Н.Н. Болдырева, “объективирует различные структуры знания не столько об отдельных объектах и явлениях и их характеристиках, сколько о различных концептуальных областях и их структуре” [Болдырев, 2007, с. 23]. При этом автор обращает внимание на то, что “данные структурированные области выступают в качестве когнитивного фона ... при осмыслении соответствующего объекта или явления” [Болдырев, 2007, с. 23-24]. В соответствии с этим явление субстантивации на концептуальном уровне следует рассматривать как переход из признаковой области в предметную концептуальную область. В результате этого перехода в языке появляются производные единицы – субстантивированные имена прилагательные.

Субстантивированные имена прилагательные со значением лица составляют многочисленную группу в английском и русском языках. Согласно семантической классификации О.В. Редькиной, к этой группе относятся субстантивированные имена прилагательные, обозначающие лицо по цвету кожи, по наличию какого-либо заболевания, физического недостатка, по внешнему признаку, по состоянию, по месту работы, службы, сфере деятельности, роду занятий, по званию, чину, должности, сану, по социальному статусу, по имущественному положению, по отношению к государству, к власти, по отношению к другим людям, по месту жительства, по убеждениям, по национальности, по черте характера, по признаку, определяющему личность, по предмету, к которому лицо имеет отношение, по характерному действию, субъектом или объектом которого оно является, по его местонахождению [Редькина, 2003, с. 63-67]. В статье мы рассмотрим специфику структур репрезентации знаний субстантивированными именами прилагательными со значением лица по цвету кожи. К данной семантической группе относятся следующие субстантивированные имена прилагательные: *темнокожий, чернокожий, краснокожий, белый, черный* [НБТСРЯ]; *black, white* [OALD].

Вышеперечисленные субстантивированные имена прилагательные образованы в результате субстантивации, основанной на переходе из признаковой области в предметную концептуальную область. В основе этого перехода, на наш взгляд, лежит мыслительный процесс концептуальной деривации, который мы, вслед за Н.Н. Болдыревым, понимаем “как формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания” [Болдырев, 2009, с.47]. Рассмотрим, как осуществляется процесс образования субстантивированных имен прилагательных на концептуальном уровне на конкретных примерах:

1. *Вот скажем, чернокожий ненавидит белого, а белый – черного* [НКРЯ].

В данном примере при субстантивации, предполагающей переход из признаковой области в предметную, образуется производный концепт ЧЕРНОКОЖИЙ, который создает основу семантики субстантивированного

прилагательного чернокожий. Формирование производного концепта осуществляется на основе действия когнитивного механизма конкретизации, подразумевающего сужение концептуального содержания посредством выделения каких-либо его специфических характеристик. В частности, в содержании исходного концепта ЧЕРНОКОЖИЙ выделяется характеристика “с темной кожей” [НБТСРЯ, 2008, с.1475], которая наследуется в процессе концептуальной деривации и создает основу для возникновения такой характеристики как “человек, характеризующийся по цвету кожи”.

2. *Carefree and full of youthfull enthusiasm, his happy disposition attracted whites and Indians alike* [BNC].

В приведенном примере в результате субстантивации образуется производный концепт WHITE, репрезентируемый субстантивированным прилагательным whites. Формирование производного концепта также осуществляется на основе действия когнитивного механизма конкретизации, потому что налицо сужение содержания исходного концепта WHITE, которое осуществляется посредством выделения его специфической характеристики. В частности, в содержании исходного концепта выделяется характеристика “с бледной кожей” [MED, 2007, p.1702], наследование которой в процессе концептуальной деривации служит основой для появления такой характеристики как “люди, характеризующиеся по цвету кожи” [OALD, 2010, p.1758].

Языковыми механизмами формирования субстантивированных имен прилагательных со значением лица по цвету кожи служат: употребление в синтаксической функции подлежащего (пример 1) и дополнения (пример 2), а также в форме множественного числа (пример 2).

Таким образом, рассмотрение специфики репрезентации знаний субстантивированными именами прилагательными со значением лица по цвету кожи позволяет сделать вывод о том, что в основе субстантивации, как перехода из признаковой области в предметную концептуальную область, лежит мыслительный процесс концептуальной деривации, предполагающий формирование нового смысла за счет использования и интерпретации исходного вербализованного знания. В результате появляются субстантивированные имена прилагательные – языковые средства конкретной семантики, репрезентирующие онтологическое, перцептивное знание о мире.

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* О типологии знаний и их репрезентации в языке [Текст] / Н.Н. Болдырев // Типы знаний и их репрезентация в языке : сб. науч. тр. / Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Общерос. обществ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С.12-28.
2. *Болдырев, Н.Н.* Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. V. – С.43-51.
3. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описания языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999.
4. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
5. *Редькина, О.В.* Субстантивация как семантическое явление : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / О.В. Редькина. – Киров, 2003.
6. *Уфимцева, А.А.* Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
7. НБТСРЯ – Новейший Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт ; М. : РИПОЛ классик, 2008.
8. MED – Macmillan English Dictionary [Text]. – Oxford [UK] : Macmillan Publishers Limited, 2007.
9. OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Text]. – Oxford [UK] : OUP, 2010.

Список источников иллюстративного материала

1. BNC – British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bl.uk>
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml/?mycorp>

Reznichenko_L@bsu.edu.ru

Робустова В.В., Москва (Россия)

НЕПРЯМАЯ НОМИНАЦИЯ В КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Настоящая статья посвящена исследованию построения и функционирования не прямых номинаций в художественном дискурсе. Следуя совету Аристотеля: «Как много споров могли быть прекращены, если бы участники договорились дать определение терминам», приведем основные определения. Номинация – это

процесс наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами [БЭС, 2001, с. 917]. Номинативные процессы чрезвычайно важны в языке, так как мы можем осмыслить объект, только если у него есть имя. Выделяется первичная и вторичная номинация. В лингвистической среде нет однозначной трактовки не прямой (вторичной) номинации, к ней относят аллюзивные и антономазийные номинации, прецедентные имена, стилистические приемы, в частности метафору и метонимию, фразеологические обороты и т.д. Приведем наиболее емкое определение на наш взгляд: «Вторичная лексическая номинация – это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия, 1977, с. 129].

Особого внимания заслуживает **непрямая антропонимическая номинация**, которую можно определить как использование уже имеющихся в языке имен собственных в новой для них функции наречения. Например *the Queen of Hearts* (так называли принцессу Диану после того, как она сказала на ВВС: “*I’d like to be a queen in people’s hearts but I don’t see myself being Queen of this country*”). Однако, впервые эта номинация была употреблена по отношению к королеве Богемии, Елизавете Богемской, дочери Якова I, которая была очень доброжелательной и миролюбивой даже перед лицом опасности. Непрямая номинация может иметь как языковой, так и речевой характер. В первом случае результаты не прямой номинации предстают как принятые языком и конвенционально закрепленные значения словесных знаков (*the Queen of Hearts*), во втором – как окказиональное употребление лексических значений в несобственной для них номинативной функции, например “*It probably would’ve been better to have a go at the makeup myself, but the Makeup Gestapo showed up like clockwork whether I liked it or not*” [Weisberger 6, с. 382]. Отметим, что в самих процессах не прямой (вторичной) номинации – языковой или речевой – нет существенной разницы. В языке закрепляются в основном такие не прямые наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы именования и восполняют недостающие в нем номинативные средства.

Изучение феномена не прямой антропонимической номинации основано на когнитивно-функциональном подходе. Нами была проведена выборка из произведений англоязычной литературы конца XX – начала XXI веков, в результате которой появился корпус, состоящий из более 500 единиц не прямой номинации, которые были подвергнуты классификации и комплексному анализу. В основе деления лежит критерий закрепленности или незакрепленности определенного не прямого наименования за его носителем. Номинации, которые закреплены за конкретным носителем, получили название **постоянные**, употребляющиеся в качестве его неофициального именования на протяжении всего произведения, и **временные** номинации, которые появляются у носителя один или два раза в процессе повествования и подчеркивают определенную черту референта в данный конкретный временной отрезок. Первая группа не прямых номинаций служит для создания определенного представления об объекте, формирует его целостный образ. Вторая группа фокусирует внимание на какой-либо важной черте референта на момент повествования.

Постоянные не прямые номинации в свою очередь разделяются на *индивидуальные* и *генерализирующие (обобщающие)*. За индивидуальной не прямой номинацией закреплен один носитель, из контекста читателю всегда понятно, о ком или о чем идет речь. К этой группе можно отнести следующие единицы анализа: *Bingo* – прозвище, закрепленное за одним из друзей Берти Вустера, героя серии рассказов П.Г. Вудхауза; *Tongue Ring Boy* – принадлежит только одному из поклонников Лили, героини романа «The Devil Wears Prada».

За обобщающей не прямой номинацией не закреплены определенные носители, она может иметь несколько референтов, однако, всегда отражает один и тот же заданный образ, на основе которого эта номинация была впервые построена. В отличие от первой подгруппы, где прослеживается явная мотивация появления не прямой номинации у ее обладателей, единицам второй подгруппы присуща скрытая или косвенная мотивация. Связь между референтом и номинацией не прямая, как в первой подгруппе, а опосредованная, через какой-либо дополнительный образ, например *Bicycle Boy, Mr. New Yorker*. Индивидуальные не прямые номинации возникают в зависимости от какой-либо черты их носителя, попавшей в фокус внимания именуемого, номинация определяется характерными чертами личности. *Модель номинации: Личность → Непрямая номинация*. В случае обобщающих номинаций процесс идет обратным порядком. Когда-то появилась индивидуальная не прямая номинация, обросла дополнительными значениями, стала представлять определенный образ, характеризоваться наличием тех или иных различительных признаков. И уже этот образ помогает определить, можно ли назвать личность этим онимом или нет. Здесь *модель номинации* выглядит так: *Непрямая номинация → Личность*.

Обобщающая не прямая номинация представляет собой особую категорию, обладающую определенным набором признаков-черт. Например: *Bicycle Boy*, в романе “Sex And The City” С. Bushnell:

“*The Bicycle Boy actually has a long literary-social tradition in New York. The patron saints of Bicycle Boys are white-haired writer George Plimpton, whose bike used to hang upside down above his employees’ heads at the Paris Review offices, and white-beard Newsday columnist Murray Kempton. They’ve been riding for years and are the inspiration for the next generation of Bicycle Boys, like the aforementioned Mr. New Yorker and scores of young book, magazine, and newspaper editors and writers who insists on traversing Manhattan’s physical and romantic landscape as solitary pedalers. Bicycle Boys are a particular breed of New York bachelor: Smart, funny, romantic, lean, quite attractive, they are the stuff that grown-up coed dreams are made of*” [Bushnell, 2006, p. 73].

Непрямую номинацию *Bicycle Boy* может носить только холостой мужчина: умный, смешной, романтичный, привлекательный. Ключевой особенностью этого типа номинации становится тот факт, что не личность мотивирует появление у нее какой-либо не прямой номинации, а сама номинация подбирает себе подходящего референта.

Индивидуальные не прямые номинации представляют особенно богатый материал для анализа в рамках когнитивно-функционального подхода. Именно они обладают определенным набором функций, неожиданная смена которых играет ключевую роль в раскрытии замысла автора. Такие не прямые номинации можно назвать *номинации* – «перевертыши», т.е. наименования, набор функций которых варьируется в контексте произведения, оценочный вектор изменяется, создаваемый образ подвергается рефреймингу или каким-либо другим когнитивно-прагматическим преобразованиям. Например *Bingo* в рассказе «*Jeeves and the Old School Chum*».

Источником возникновения выступают определенные обстоятельства, сопутствующие жизни героя: “... *the fortunes of my old pal Richard (“Bingo”) Little seemed to have reached their – what’s the word I want? He was, to all appearances, absolutely on plush. He ate well, slept well, was happily married ... if ever a bird was sitting on top of the world, the bird was Bingo*” [Woodehouse, 2004, p. 126].

В процессе повествования происходит трансформация образа героя, и на дискурсивном уровне наблюдается неконгруэнтность номинации и образа героя. Бинго становится совершенно несчастным молодым человеком, на пути которого возникает взявшаяся неизвестно откуда школьная подруга его жены. “*Anything up, Bingo?*” I asked. “*You have a mouldy look. Are you sickening for some sort of plague?*” “*I’ve got it.*” “*Got what?*” “*The plague.*”... “*You seem to me, old egg,*” I said, “*to speak in riddles.*” “*I’m talking about the Pyke,*” said *Bingo*. “*What pike?*” “*Laura Pyke. Don’t you remember?*” “*Oh, ah. Of course. The school chum. Is she still here?*” “*Yes and looks like staying for ever...*” [ibid, p. 130].

В первой фазе рассказа значение не прямой номинации на системном уровне полностью совпадает с ее значением на дискурсивном – герой (*Bingo*) наслаждается безоблачным счастьем. Во второй фазе путем использования контекстуального рефрейминга, как ключевого приема трансформации литературного образа, достигается противоречие между значением номинации и состоянием ее носителя. Бинго – глубоко несчастный человек, конструируемый образ приобретает оксюморонное значение. В заключительной фазе рассказа соответствие образа и номинации восстановлено благодаря ререфреймингу. Школьная подруга покидает дом семьи Бинго, где воцаряется былой баланс и воссоздается прежний образ счастливой супружеской пары. Оценочно-концептуальный сдвиг в рамках контекстуального рефрейминга в рассказе развивается так: *Bingo (+) → Bingo (-) → Bingo (+)*. Функциональная асимметрия проявляется в смене валентности коннотаций номинации в рамках оценочной функции на системном и дискурсивном уровнях. Контекстуальный рефрейминг дает возможность увидеть одно и тоже событие с разных ракурсов восприятия, с учетом фоновых знаний и предлагаемого контекста. Не прямая номинация отражает не только статичный образ референта, но и показывает его в динамике, в этом заключается ключевая особенность ее функционирования в дискурсе. Здесь появляется характерная только для дискурсивного уровня функция не прямой номинации – функция динамического развития референта.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001.
2. Молчанова, Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация [Текст] / Г.Г. Молчанова. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007.
3. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст] / В.Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований ; под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – С.129-221.

Список источников иллюстративного материала

1. *Bushnell, C. Sex And the City* [Text] / C. Bushnell. – L. : Abacus, 2006.
2. *Wodehouse, P.G. The Love That Purifies and Other Stories* [Text] / P.G. Wodehouse. – M. : Raduga Publishers, 2004.

nikarbs@yandex.ru

Рогозина И.В., Барнаул (Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ-АНТРОПОНИМ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Непреодолимый интерес лингвистов к исследованию языка политической медиакommunikации отражает осознание той роли, которую он играет в формировании политической картины мира, обеспечивая тем самым протекание процессов социально-политического взаимодействия членов любой лингвокультурной общности людей, имеющей доступ к продукту современных масс-медиа. Вместе с тем, и язык испытывает на себе влияние ряда факторов, к числу которых относится и действие политических сил, репрезентируемое в современном мире, главным образом, средствами массовой информации. Поэтому несомненным достоинством

антропоцентризма современной науки о языке является то, что он позволяет получать ответы на вопросы, связанные не только с воздействием политической медиакommunikации на язык, но и с влиянием языка политики на мышление и сознание индивида [Кубрякова, 1995].

На наш взгляд, особый интерес представляет собой изучение языкового сознания наивного носителя языка, помещенного в особую, медийную систему координат, характеризуемую, как правило, неравновесным, зачастую вербализуемым только с одной стороны медиавзаимодействием с политически статусной языковой личностью. Именно в условиях подобного речевого дисбаланса и происходит формирование политических концептов-антропонимов, заключающих в своей структуре то, что индивид «знает, думает, представляет» [Пименова, 2004, с. 9] о другом индивиде, облеченном властью и занимающем высокостатусное положение в иерархическом социально-политическом устройстве общества.

Избрание политического деятеля на пост президента, его включенность в широкий политический контекст задает вектор формирования соответствующего концепта-антропонима, поскольку имя собственное, начинает эволюционировать, подвергаясь семантической трансформации и концептуализации. Как следствие концепт-антропоним постепенно увеличивает количество своих репрезентантов, обретая, с одной стороны, свои специфические особенности, а с другой, по всей вероятности, повторяя путь, пройденный в своем формировании другими политическими концептами-антропонимами, репрезентирующими фигуру политического лидера на определенном историческом отрезке развития общества. На начальном этапе формирования концепта-антропонима его имя постепенно проникает в ментальные структуры индивида, выступая в качестве базисного когнитивного образования для сортировки «многообразного, исторически изменчивого социального опыта» [Степин, 1992, с. 43-44], который, наслаиваясь, постепенно приводит к возникновению многомерной, познавательной структуры, становящейся частью политической концептосферы индивида.

С целью моделирования такой структуры был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в процессе которого респондентам предъявлялось словосочетание-стимул – «президент Медведев» в качестве имени политического концепта-антропонима. Предлагая указанное словосочетание в качестве вербального стимула, мы исходили из предположения о том, что, его двукомпонентность позволит минимизировать реакции, фиксирующие официальный статус политического деятеля, «прикрепленный» к антропониму средствами массовой информации, и тем самым выведет респондентов на когнитивно значимые для них свойства политического лидера. В свободном ассоциативном эксперименте приняло участие 266 студентов и преподавателей технических и экономических специальностей Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. В ходе эксперимента было получено 258 реакций (при 8 отказах). Полученные ассоциаты обнаружили определенные тенденции в сортировке социально-политического опыта и связанную с ними вариативность в способах выражения когнитивных признаков, детерминируемую познавательной направленностью каждого из респондентов на конкретный, выбранный им аспект, так или иначе связанный с выполнением политическим лидером своих президентских полномочий. Как следствие результаты эксперимента позволили выявить несколько групп ассоциатов, каждая из которых репрезентирует какой-либо один когнитивный признак.

Совокупность реакций первой группы зафиксировала ту политическую реальность, на фоне которой функционирует моделируемый политический концепт-антропоним, выражая «нечто, кроме самого себя» [Комлев, 1969, с. 43]. Очевидно, в силу этого для 56 респондентов, или 21,7 % от их общего числа когнитивно значимым оказался «*преемственно-тандемный*» характер политической власти в современной России. Ассоциаты этой группы указывают на связь, а иногда и зависимость президента Медведева от своего предшественника на этом посту: *Путин* (45), *премьер-министр Путин* (1), *премьер Путин* (3), *премьер* (2), *первая часть пары* (1), *преемник Путина* (1), *Путинозаменитель* (1), *замена* (1), *Медведут* (1). Обращает на себя внимание единичная реакция *Медвенут*, представляющая собой новообразование из начальных слогов фамилий участников политического тандема. Новообразование указывает на такую «слитность» двух политических деятелей, когда один видится и воспринимается через другого.

Реакции, репрезентирующие значимость для респондентов *высшего положения президента в социально-политической иерархии страны и связанной с ним полноты власти*, составили вторую группу ассоциатов: *президент* (7), *глава* (6), *глава государства* (3), *глава России* (1), *главный* (5), *главнокомандующий* (1), *первый* (1), *верхушка власти РФ* (1), *лидер* (4), *начальник* (2), *командор* (1), *вождь* (1), *человек, владеющий страной* (1), *рулит тему!* (1), *монархия* (1). Этот когнитивный признак оказался актуальным для 34 респондентов (13,2 % от общего числа).

Эксперимент показал, что для 8,9 % респондентов (23 реакции) актуально знание о *месте осуществления политическим лидером своих властных полномочий*: *Россия* (10), *РФ* (1), *Русь великая* (1), *страна* (3), *Москва* (4), *Кремль* (2), *Красная площадь* (2).

Наличие реакций, составляющих следующую группу, подтверждает обязательность «сочетания знания и переживания», о котором говорит А.А. Залевская [Залевская, 2001, с. 43], поскольку оценивается то, что физически или духовно существенно для человека, а оценка представляет оцениваемого человека как цель, на которую обращен индивид [Арутюнова 1998: 181]. В силу этого когнитивно значимой для 58 информантов (22,5 % всех реакций) стала оценка деловых и интеллектуальных качеств президента, а также связанные с ней

положительные и отрицательные эмоции. Эмоционально-оценочный аспект концепта-антропонима содержит все возможные градации в проявлении эмоций и оценок в отношении президента Медведева – от восторженных с элементами обожествления до резко отрицательных.

Положительная оценка и эмоция были зафиксированы 25 респондентами, или 9,7 % от общего числа участников эксперимента: *кумир* (1), *молодец* (5), *наш президент* (1), *орел* (1), *мужик !!* (2), *крутой* (2), *да* (3), *нормально* (1), *нормальный деятель* (1), *работяга* (1), *пытается* (1), *уже лучше* (1), *пойдет* (1), *ничего* (1), *знаю* (1). Количество ассоциатов, представляющих отрицательную эмоцию/оценку составило 36, или 14 % от общего количества реакций. Значимыми для этой группы респондентов стали, в частности, такие когнитивные признаки, связываемые с президентом Медведевым, как:

- несамостоятельность – *не решает* (1), *марионетка* (3), *матрешка* (1), *заводной Мишка* (1);

- необходимость ухода с политической арены – *отставка* (2), *в отставку* (1), *нужно сменить* (1), *следует переизбрать* (1), *не верю* (1), *нет* (2) *лучше Путин* (1), *конец близок* (1):

Эксперимент также показал, что для определенной части информантов (5,4% от общего числа респондентов) когнитивно значимыми являются *внешние, физические данные* президента Медведева: *маленький* (4), *голова* (3), *головастик* (1), *маленькие плечи* (1), *пучеглазик* (2), *хоббит* (1), *мистер Бин* (1), *женщина* (1). Представляется, что приведенные ассоциаты указывают на значимость для отдельных респондентов физического, сенсорного восприятия президента страны, результаты которого они связывают с другими, сущностными для политического лидера страны качествами. В ряде случаев для вербализации особенностей физических данных президента респонденты прибегают к их метафоричному описанию, используя такие уже существующие знаки, как *головастик*, *хоббит* и *мистер Бин*. В этих реакциях прослеживается тенденция описывать одни явления внутреннего мира через другие ментальные образования, ставшие элементами концептуальной системы в результате либо практической деятельности, либо других граней индивидуального опыта.

Интересным представляется появление «современных» ассоциатов, связанных с феноменом Интернета: *превед Медвед* (2), *превед* (1), *твиттер* (1), *twitter* (1). Следует признать, что реакция в форме ассоциата *шмель*, которую зафиксировало 9 респондентов, оказалась неожиданной. Однако оказалось, что источником этой реакции стали воспоминания однокурсников Д. Медведева, которым запомнилось, как на свадьбе друга он переоделся в цыгана и спел песню «Мохнатый шмель», что произвело на всех присутствовавших большое впечатление.

Проведенный анализ результатов эксперимента позволяет сделать вывод о том, что образ политического лидера, как и любая другая ментальная структура, является результатом специфической когнитивной деятельности, состоящей в схематизации фрагментов политической реальности. Вместе с тем, схематизация как способ приобретения политического знания позволяет выявлять те аспекты, связанные с личностью президента страны, познание которых когнитивно значимо для наивного носителя языка. Как следствие репрезентанты концепта-антропонима отражают личность политического лидера в ее различных ипостасях – как индивида политического, индивида социального, индивида интеллектуального и индивида физического. Вместе с тем, полученные реакции также фиксируют особенности устройства когнитивной системы носителей языка в определенную историческую эпоху. Поэтому выявленный набор когнитивных признаков, связываемых с фигурой президента страны, и их иерархи отражают фрагмент современного национального политического сознания российской лингвокультурной общности.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998.
2. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 36-44.
3. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова [Текст] / Н.Г. Комлев. – М. : Наука, 1969.
4. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С.144-238.
5. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004.
6. Степин, В.С. Философская антропология и философия науки [Текст] / В.С. Степин. – М. : Высшая школа, 1992.

irogozi@mail.ru

ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Государственный контракт от 30 ноября 2010г. №14.740.11.0777

Изучение языка «не в самом себе и для себя», а «в человеке и для человека», обоснованное в парадигмах антропоцентрических, когнитивных исследований [Кубрякова, 2009; Болдырев, 2009], на сегодняшний день предполагает разработку «новых методов и приемов анализа простых и сложных структур знаний» [Болдырев, 2009] и их языковых репрезентаций, а именно: выявления форм представления и принципов организации знания на языковых уровнях в различных видах дискурса и разными языковыми личностями, специфики процессов концептуализации и категоризации в зависимости от типа языкового сознания (языковой личности) в различных дискурсах.

В новой социолингвистической обстановке представляется важным при опоре на методологические принципы антропоцентрического анализа языка и когнитивную теоретическую модель описания языковых явлений произвести мониторинговый анализ современных тенденций развития языка и языковой личности, выявить и систематизировать основные экстралингвистические и собственно лингвистические закономерности формирования дискурсивных вариантов русскоязычного коммуникативного пространства и полифункциональной, полидискурсивной языковой личности.

В частности, в качестве собственно лингвистического механизма интерпретации типа языковой личности нами были использованы модусные категории. С модальными стратегиями и тактиками связан мотивационный аспект языковой личности. Модусы **утверждения/отрицания, возражения/согласия, уяснения, уверенности/убежденности, определенности/неопределенности, возможности, кажимости** эксплицируют определенный психо- и социотип языковой личности, разный способ концептуализации и категоризации действительности.

К тактикам интеллектуальной квалификации, превалирующим в современном дискурсе относятся следующие: утверждение / отрицание, неясность / уяснение, кажимость, возможность / невозможность. Языковая личность может придерживаться двух речевых стратегий: наступательной и оборонительной. В первом случае, как правило, функционируют модальные тактики *утверждения, уяснения, уверенности, убежденности, определенности*, во втором – *отрицания, кажимости, неопределенности, возможности, возражения / согласия*. Можно охарактеризовать типы языковой личности, эксплицируемые рассматриваемыми речевыми тактиками и стратегиями.

К примеру, речевые тактики и стратегии утверждения / отрицания эксплицируют определенный тип языковой личности: личность, взгляды, мнения которой очень часто противоречат общепринятым, поэтому склонную возражать, отстаивать свое мнение; языковую личность, которой свойственна высокая степень субъективности, оценочности, перволичная форма повествования и рассуждения, употребление перформативных модусов, гиперболизация своего я. Использование эксплицитного модуса с глаголами мнения в функции введения аргумента, модальных средств с семантикой уверенности / неуверенности свидетельствует о рефлектирующем типе мышления, опущение эксплицитного типа перформатива, употребление модальных средств с семантикой уверенности, неуверенности, сомнения, использование инфинитивных конструкций, структур N1-N1, N1-Adj_полн, N1 не N1, Нет N2 и др. – о нерефлектирующем.

Тактики подтверждения, согласия / возражения сочетаются с семантикой сомнения, с тактикой выбора. Данные тактики (как и «согласие с оговорками», с зоной ограничения, подтверждение с опровержением-ограничением) можно считать ментально обусловленными, специфичными для русского сознания и русской языковой картины мира. В исследованном нами материале превалирует семантика согласия, подтверждения с оговоркой, возражением, что свидетельствует как о конфликтном, агрессивном типе речевого поведения, так и об аналитичном, рефлектирующем мышлении.

Для текстов с модальной доминантой уверенность / убежденность, как правило, характерна двухкомпонентная семантическая структура. Семантические отношения между частями текста определяют следующие тактики: ограничение утверждаемого (схема *уверен, убежден, но*); опровержение очевидного (схема *хотя, но верю / убежден*); опровержение общепринятого утверждения (*считают – думаю*); противоречие (уступка) привычному, общепринятому; опровержение прошлого мнения через сегодняшнее знание (средства реализации указанных тактик: антонимическое противопоставление *другие – я; <...>, а не <...>*, схемы *хотя, но*); обнаружение противоречия в своей и чужой точке зрения (прием: субъектная отстраненность – о себе во 2-м лице (транспозиция личных форм местоимений); «замалчивание» сомнений (*хотя...; но*). Интенция убеждения (направленная на адресата, в отличие от убежденности и уверенности) предполагает следующую текстовую структуру: тезис – мотивировка (аргументы, демонстрация).

Тактики и стратегии уяснения характеризуют, в первую очередь, рефлектирующую личность; личность, в результате рефлексирования формирующую комплекс своих эпистемических и аксиологических предпочтений; личность, склонную к оценке в целом, к самооценке, к оценке имеющихся логических, эстетических, этических альтернатив; личность, предпочитающую в достижении своей цели навязывать свои представления (эпистемическая установка) и желания (аксиологическая установка) говорящему, используя

имплицитные тактики (скрыто, а не открыто воздействующие, как в случае утверждения-отрицания при той же цели: «помочь» уяснить ситуацию).

Семантика неясности / уяснения относится к эпистемической модальности. Основное средство оформления модальной тактики неясности / уяснения – вопросительное по цели высказывания ключевое предложение. Причем, как правило, используется тактика «перерождения» чистого вопроса и ди-вопроса в риторический вопрос. Кроме того, сигналами коммуникативной установки, «вызвавшей» рассматриваемую модальность, являются глаголы речи и мыслительной деятельности (*спрашиваю, рассуждаю* и т.д.), вопросительные слова (*почему, зачем* и т.д.), предложения в модусной части которых – компоненты, содержащие сему ‘неясность’ и ‘уяснение’: *не знаю, (не) понятно, (не) ясно, я думаю, подумал, полагаю* и т.д.

Маркируемое модальностью кажимости образно-ассоциативное восприятие мира характерно в первую очередь для творческой личности, именно поэтому даже в нехудожественных произведениях творческой интеллигенции присутствует данная модальная доминанта. Модальность кажимости характерна для жанра мемуаров, поскольку в терминах кажимости часто говорят в ситуации смутного воспоминания. Данная модальность характерна для языковой личности с преимущественно чувственным, а не аналитическим восприятием действительности.

Знаками кажимости являются модус *кажется (казалось)*, модальные частицы *как будто, как бы, словно, точно, ровно*; лексемы с семой ‘кажимость’: *сон, видение, наваждение* и подобные. При употреблении глаголов в указанном значении важно текстовое окружение. Для текстов с семантикой кажимости в целом важна тактика «поддержки значения» (единичного употребления средства выражения кажимости, как правило, бывает недостаточно): повтор, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, тематическая группа и т.д.

Особенность текстов этого типа – полимодальность, связанная во многом с полисемантической средств выражения. Модальность кажимости связана с модальностью сомнения, предположения, неопределенности (тактики *точно не помню*», недоговоренности: умолчания, намек) выбора, уяснения, поэтому интенции субъекта речи заключаются в осознании границ между реальностью и кажущимся; в выражении сомнения, что эволюционирует в уяснение, прояснение ситуации, в определение ее и даже оценку.

Частое употребление языковых средств с семантикой возможности характерно для языковой личности, которой свойственны неуверенность, отсутствие категоричности, а также нежелание скрывать недостаточность информации. Данная языковая личность уклоняется от обсуждения ситуации, выражая нежелание трактовать ее вообще или трактовать однозначно. Это личность, склонная «смягчать» утверждения, предписания, тем самым проявляющая уважение к собеседнику и к объекту речи (подчас через «уклонение» от однозначных оценок); личность, предпочитающая не прямое речевое воздействие, скрытые модальные стратегии, тем самым часто имеющая целью быстрее достижение желаемого через расположение к себе собеседника.

Средством характеристики языковой личности служат и эмоции (эмотивно-оценочные стратегии и тактики). Особенности каждого типа языковой личности позволяют выявить черты современного национального языкового типа в целом и проследить, как развивается языковая личность в историческом времени, как взаимосвязаны изменяющиеся параметры: состав лексикона – концептуальное содержание языковых единиц; жизненные идеалы, иерархия ценностей в картине мира и речевые способы их презентации (деятельностная структура языковой личности, речевые стратегии и тактики).

Библиографический список

1. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальная основа языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : колл. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С.25-78.

2. *Кубрякова, Е.С.* В поисках сущности языка [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : колл. моногр. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С.11-25.

tvromanova@mail.ru

Рохвадзе Р.Ф., Иркутск (Россия)

ФАКТ / FACT: КОНЦЕПТ И КАТЕГОРИЯ (на материале современного английского языка)

Изучаемая категория широко представлена в английском лингвокультурном социуме. Одна из задач нашего исследования – изучение структуры категории FACT на материале современной английской художественной литературы. В связи с этим особое значение имеет анализ языковых репрезентаций соответствующего концепта. В данной статье fact – это основной элемент категории, на основе инвариантных признаков которого, формируется группа концептов. Категория – это концептуальное объединение объектов на основе общего концепта. Это является ее универсальным свойством. По А.В. Бондарко, основой для

структурной организации такой категории служат общие категориальные признаки. Эти признаки воспроизводятся пофрагментно в лексических единицах английского языка. Под категорией понимается любая группа языковых элементов, выделяемая на основании каого-либо общего свойства [Бондарко, 2002, с. 19].

Инвариантной является лишь наиболее общая семантическая черта, находящаяся на вершине иерархии [Бондарко, 1984, с. 217]. В основе формирования категории лежит инвариантно-вариативный принцип, следовательно, центром категории является слово с наиболее общим значением – инвариант [там же]. В основе категории FACT лежит соответствующая лексема, которая определяется как: 1. Сделанное «a thing done or performed» [WOD]. 2. allegation [ANDEL, 2000, p. 215]. 3. reality/actuality [COD, 2003, p. 316], 4. information [CCELD, 1992, p. 506]. 5. truth [LDELIC, 1999, p. 460]. В словарях синонимов зафиксирован следующий синонимический ряд: truth (LGEU, 1980); reality (LGEU, 1980); actuality (BDSA, 1983); verity (LGEU, 1980); и другие. Доминантой в данном синонимическом ряду является слово fact, которое имеет высокую частотность употребления и является стилистически нейтральным. Концепт FACT является основополагающим для категории, так как обладает наибольшим количеством инвариантных свойств исследуемой категории. Соответственно, общий концепт или группа концептов создают одноименную категорию FACT. Данная группа концептов выявляется на основе общекатегориальных признаков. Принадлежность к определенной категории выявляется при наличии множества общекатегориальных свойств, которые присущи всем элементам категории. Категориальный признак актуализируется в закрепленной и свободной формах репрезентации концепта.

Общекатегориальными признаками FACT являются:

Признак «устойчивость» манифестируется в следующих коннотациях: undeniable, indisputable, incontrovertible, indefeasible, irrefutable, hard facts, stick/keep to the facts, the fact remains [LAAD, 2000, p. 508]. Рассматриваемый признак находит свое выражение в следующих высказываниях: факты сегодняшнего дня не меняются: the facts are the same as they were in the Fifties [BNC]. Они устойчивы: facts are stubborn things [Adams, 1996, p. 20].

Признак «реальность» манифестируется следующими дефинициями: dead reality, truth reality [COD, 2003, p. 316], reality [LDELIC, 1999, p. 460], reality, what is true, what exists, something put forth as objectively real; the quality of being real or actual, real state of things [там же]. Факт описывается и воспринимается в обыденном сознании как нечто физически существующее.

Признак «объективность» манифестируется такими определениями как: information, that is accurate and true, bare facts, with no additional details [LAAD, 2000, p. 18], tell the plain/bare facts [LDELIC, 1999, p. 460]. Данный признак находит свое отражение в данных высказываниях: Оратор является худшим пересказчиком, так как он преукрашивает и разбавляет факты: An orator is the worse person to tell a plain fact [Elbridge, 2010, p. 23]. Человек дает факт без субъективных оценок: Blessed is the man who, having nothing to say, abstains from giving us wordy evidence of the fact [Eliot, 1991, p. 82].

Таковы основные категориальные признаки рассматриваемой категории в современном английском языке. Описанные характеристики являются базисом для объединения концептов в единую категорию FACT. По результатам исследования языковой репрезентации, наиболее частотными ядерными признаками рассматриваемой категории следует считать: Истинность (Truth), Реальность (Reality). Исходя из вышесказанного, данные категориальные признаки составляют ядро рассматриваемой категории: Reality, Truth. Инвариантные признаки данных концептов представлены ниже:

Признак «объективность» реализуется в данных высказываниях: The key here is capturing reality and not creating or altering reality [Tollin, 1986, p. 117]. Реальность можно видеть и запечатлеть, но нельзя создать. Hope is the denial of reality [Weis, 2010, p. 113]. Надежда является одной из попыток человека избежать реальность и надеяться на лучшее.

Признак «устойчивость» манифестируется в данных примерах: The truth is the truth, and it doesn't change [Ramsey, 2009, p. 28]. Правда есть правда и не меняется. The Truth and Nothing But the Truth [Keady, 2010, p. 18]. Правда есть правда, точно также как факт есть факт, и они не меняются и не исчезают; они упрямы. Reality is that which, when you stop believing in it, doesn't go away [Dick, 1992, p. 26]. Реальность не зависит от веры человека, она просто есть: очевидна и существует в действительности, поэтому человек с ней сталкивается лицом к лицу. Man cannot, and will not, face reality (John, 1986, p. 114). Она настолько жестока, что человек не может выдержать встречи с ней.

Таким образом, концепты Fact, Reality, Truth, входящие в категорию FACT в современном английском языке, отражают инвариантные дифференциальные свойства рассматриваемого феномена: объективность, очевидность, устойчивость. Анализ эмпирического материала показывает, что структура концепта Fact формируется общенациональными признаками (закрепленные в толковых словарях и языковых средствах), которые дополняются признаками индивидуального опыта. На основе вышеприведенных примеров его актуализации очевидно, что признак реальности рассматриваемой категории реализуется во всех контекстах и фактически не зависит от контекстуального окружения. Таким свойством факта является «реальность». Лексикографический и контекстуальный анализы концепта FACT позволяют утверждать: его инвариантным признакам свойственна частотность языковых репрезентаций, поэтому они могут считаться основными для категории FACT.

Библиографический список

1. *Бондарко, А.В.* Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984.
2. *Бондарко, А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики [Текст] / А.В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2002.

Список источников иллюстративного материала

1. *Adams, S.R.* The Dilbert principle Scientific Facts [Text] / *S.R. Adams.* – L. : Harper Collins, 1996.
2. BNC – British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bnc.com>.
3. *Churchill, W.* Memories over the Second World War [Text] / *W. Churchill.* – London : Marier Books, 1991.
4. *Dick, P.K.* The Man in the high Castle [Text] / *P.K. Dick.* – Minneapolis : Vintage, 1992.
5. *Eldridge, P.* Sex, Drugs and Techno [Text] / *P. Eldridge.* – U.S.A. : O-Books, 2010.
6. *Elliot, G.* Research Interviewing [Text] / *G. Elliot.* – Cambridge : Harvard University Press, 1991.
7. *John, G.* The Artist and the Work [Text] / *G. John.* – U.S.A. : Cornell University Press, 1986.
8. *Keady, G.* People from Pawnee County [Text] / *G. Keady.* – U.S.A. : Books LLC, 2010.
9. *Ramsey, H.* Quotes [Electronic resource] / *H. Ramsey.* – Mode of access : <http://www.thefreedictionary.com/Truth>.
10. *Rossetti, C.* Passion and Devotion [Text] / *C. Rossetti.* – England : Chelsea House Publications, 1999.
11. *Tollin, M.* Our America: Geography and History [Text] / *M. Tollin.* – U.S.A. : Beka Books, 1986.
12. *Weis, M.* Secret of the Dragon [Text] / *M. Weis.* – London : Tor Books, 2010.

Список использованных словарей:

1. AHDEL – American Heritage Dictionary of the English Language (2000) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bartleby.com>.
2. BDSA – Basic Dictionary of Synonyms and Antonyms [Text]. – New Delhi : Vision Books, 1983.
3. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary [Text]. – England : Harper Collins Publishers, 1992.
4. COD – Concise Oxford Dictionary [Text]. – Oxford : Oxford Clarendon Press, 2003.
5. LAAD – Longman Advanced American Dictionary [Text]. – Harlow : Longman, 2000.
6. LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture [Text]. – London : Harlow, 1999.
7. WOD – Webster's Online Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.websteronline.com>.

rosa1986@mail.ru

Руденко С.Ю., Барнаул (Россия)

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА АЛТАЕ (на примере с. Шумановка Немецкого национального района Алтайского края)

В современной лингвистической науке достаточно четко прослеживается приоритет личностного начала, обусловленный ее общей антропоцентрической направленностью. В этой связи Ю.Н. Караулов, работы которого оказали большое влияние на развитие антропоцентрического направления, отмечает, что невозможно познать язык сам по себе, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности [Караулов, 1987, с.7].

Д.И. Ермолович указывает на то, что каждый человек не может иметь уникальное, только ему одному присущее имя. Он считает, что личные имена и фамилии, взятые вне ситуации и сферы общения, имеют множество носителей и, следовательно, не указывают на какого-либо конкретного человека. Такие имена, которые в языковом сознании коллектива не связаны с каким-то конкретным человеком, получили название множественных антропонимов. Другие антропонимы также принадлежат множеству людей, но с кем-то одним связаны, в первую очередь. Это имена людей, получивших широкую известность (Платон, Шекспир, Дарвин и т.п.). Такие номинации автор обозначает единичными антропонимами. Они не требуют уточняющего контекста, поскольку их коммуникативная сфера – весь языковой коллектив [Ермолович, 2001, с.40].

При изучении ономастического материала необходимо учитывать внематериальные факторы. Личные имена как часть имен собственных в значительной степени детерминированы экстралингвистическими, в первую очередь социальными факторами. Изменения в социальной жизни языковой общности существенно отражаются на ее антропонимической системе.

Одной из актуальных проблем современной антропонимики является изучение специфики диалектных имен. Диалект – это относительно небольшая территориально-ограниченная область распространения языка, которая отделена от языка-основы границами и находится в иноязычном окружении.

Находясь более двух веков в изолированном иноязычном окружении, немецкие диалекты на территории России, тем не менее, сохранили свой статус повседневного языка общения для многих этнических немцев России.

Немецкий диалект представляет собой очень интересный феномен. В образовавшихся междиалектных вариантах общения и при контакте с русским языком наблюдается обмен и взаимопроникновение лексических и грамматических единиц и отдельных значений, что неминуемо ведет к изменению и перестройке не только лексической и грамматической подсистем языка, но и к изменению языковой картины мира в целом. Доказательством может служить тот факт, что язык меннонитов менее подвержен изменению и проникновению единиц из других говоров и русского языка, что обусловлено их конфессиональной принадлежностью и обособленным образом жизни.

Особый интерес в этом плане представляет село Шумановка Немецкого национального района Алтайского края, часть жителей которого являются носителями верхненемецкого диалекта (жители бывшего села Константиновка, ликвидированного в 1986 г.). Распространение этого диалекта связано с некоторой близостью его к современному литературному немецкому языку. Это значительно облегчает понимание и освоение верхненемецкого диалекта приезжими или носителями других диалектов. В распространении данного диалекта значительную роль играет церковь. Католическая община в Шумановке сейчас более многочисленна, чем меннонитская.

Верхненемецкий диалект с течением времени претерпел значительные изменения. Данные социолингвистических исследований свидетельствуют о том, что в повседневном общении широко используются русские слова и выражения, русский язык становится доминирующим средством общения, хотя в некоторых семьях до сих пор говорят на диалекте.

Воздействию русского языка подвергается также и антропонимия говора. Этим в значительной степени обусловлено значительное обновление состава личных имен. В связи с этим особое внимание в данной статье уделяется выявлению степени воздействия русского языка на именник говора.

Итак, среди зарегистрированного в селе Шумановка немецкого населения в количестве 644 человек зафиксировано 141 имя.

Обратимся сначала к анализу мужских имен. Мужское население численностью 324 человека является носителем 62 имен. Число мужских имен при минимальном превосходстве мужского населения несколько меньше количества женских имен.

Данные сельской администрации показывают, что наибольшей популярностью среди немецкого населения Шумановки пользуются имена Александр, Владимир, Сергей, Иван, Виктор, Николай и Андрей, которые отнюдь не являются исконно немецкими именами. На первом месте по частотности стоит имя Александр. К частым именам, также заимствованным из русского языка, относятся: Алексей, Евгений, Артем, Вадим, Юрий. Кроме того, в списке именника мы по-прежнему можем найти такие имена, как: Иосиф, Давид, Роберт, Август, Генрих, Рудольф и Эвальд. Хотя интерес к ним значительно ниже, чем к именам, заимствованным из русскоязычной среды, в последнее время наблюдается тенденция называть представителей молодого поколения немецкими именами (например, Альберт, Яков, Эдгард, Герман). Однако в целом наблюдается тенденция выхода из употребления старых (канонических) имен, имеющих в селе единичных носителей. Например, носители имен Рудольф, Генрих, Гейнрих и Эвальд.

Количество женского населения немного меньше мужского и составляет 320 человек. Несмотря на это, список женских имен более разнообразный, чем мужской. Он содержит 79 именованных как немецкого, так и русского происхождения.

Итак, в списке самых частых женских имен, число носителей которых превышает десять человек, находятся: Татьяна, Елена, Наталья, Ольга, Анастасия, Валентина и Надежда. Высокочастотными являются антропонимы Анна, Галина, Людмила и Светлана. Прочно вошли в антропонимикон говора-реципиента русские имена Лидия, Александра. Такие имена, как Роза, Нина, Ирина, Ида, Полина по-прежнему сохраняют свою устойчивость в антропонимиконе поселения. Менее часто встречающимися являются имена Ангелина, Марина, Раиса, Кристина, Клара, Фрида, Эрна. Наблюдаются единичные случаи появления в антропонимиконе таких имен, как: Анделена, Вильма, Гильда, Доротeya, Лилли, Милидия, Нелли, Павлина, Сабина, Эльза, Эмма. Это так называемые канонические женские имена, носителями которых являются в основном представительницы старшей возрастной группы. Кроме того, в настоящее время нередки случаи называния девочек немецкими именами, к примеру, Роза, Фрида, Эвелина. Несмотря на это, предпочтение имен русского происхождения остается преобладающим.

Сопоставление мужских и женских имен села Шумановка показывает, что именник женского населения отличается большим разнообразием. Антропонимикон поселения характеризуется наличием большого разнообразия имен, заимствованных главным образом из русского языка. Эти имена все больше вытесняют многие исконные немецкие имена.

Причина снижения интереса к исконно немецким именованиям, объясняется, прежде всего, возрастающим количеством смешанных в национальном отношении браков. В таких семьях русские имена встречаются гораздо чаще, чем в однородных в национальном отношении семьях. Следовательно, степень воздействия русского языка и русскоязычного окружения на антропонимикон поселения очень велика.

Библиографический список

1. Девкин, В.Д. Имена собственные в разговорной речи [Текст] / В.Д. Девкин // Структурно-семантические особенности немецкой разговорной и диалектной речи. – Омск, 1988.
2. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст] / Д.И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001.
3. Ермолович, Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи [Текст] / Д.И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2005.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987.
5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973.

tsvetulyochek@mail.ru

Рябова М.Ю., Кемерово (Россия)

ПАРАДОКС И ТЕОРИЯ ХОЛИЗМА

С точки зрения холистического подхода проблема интерпретации смысла решается в аспекте теории комплексности. Смысл является всеобщей формой самореферентной установки на комплексность. Самореферентное осуществление смысла требует символических генерализаций. При этом понятия символа и символического должны обозначать средства образования единства, а понятия генерализации – его функцию оперативной обработки множественности, т.е. множество подчиняется единству и символизируется им. Таким образом, согласно Н. Луману, действие возможно лишь благодаря символически-генерализующей идентификации единства связи его компонентов. Оно, как элемент системных образований, есть уже эмерджентный феномен, осуществимый лишь благодаря использованию символов. Смысл и генерализация в этом плане совпадают [Луман, 2007, с. 140].

Язык не только средство коммуникации. Его подлинная функция заключается в генерализации смысла с помощью символов. Генерализация имеет специфическую функцию обнаруживать множество измерений смысла. У всех измерений смысла наготове возможность разложения; а генерализация останавливает дальнейшее возможное разложение, исходя из потребностей где-либо использовать смысл. Самореференция может возникать прежде всего посредством генерализации, рудиментарно заложенной во всяком смысле, и за счет генерализации можно выделить локальные «единицы смысла», к которым в первую очередь обращаются в данный момент и которые представляют все измерения смысла, однако не сразу тематизируя их [там же, с. 142].

Генерализация смысла позволяет решить многие логические проблемы, включая и проблему противоречия и парадокса. Н. Луман доказывает, что только при включении всех противоречий мир смысла может приобрести характер самореферентной закрытости, лишь так он является коррелятом самореферентно-закрытой коммуникационной системы общества.

Противоречия обычно считаются логическими ошибками, нарушениями правил логики, которых следует избегать. В теории автопоэзиса противоречия образуют определенную форму. Любой смысл способен к противоречию, любой смысл может быть достроен до противоречия. В этом отношении противоречие есть момент самореференции смысла, так как всякий смысл включает в себя собственное отрицание как возможность [Луман, 2007, с. 476]. Автопоэзисная концепция противоречия состоит в том, что противоречие само порождает то, из чего оно состоит, то, что противоречит. Всякое единство есть единство самореференции и инореференции, т.е. оно конструируется парадоксально.

Если иметь в виду коммуникативные противоречия, то это такие противоречия, которые относятся не к противоречивой коммуникации, а к противоречию в коммуникативных намерениях сообщающего. Примером может служить ироническая коммуникация. В иронической коммуникации содержание опровергается ее формой. Думают о чем-то, но не всерьез. Такие формы коммуникации широко распространены: коммуницируют, давая понять, что высказывание не следует понимать буквально, с явным преувеличением или подчеркнуто вежливо [Луман, 2007, с. 480].

Противоречия артикулируют самореференцию. Их функции заключаются в сохранении, выделении единства формы смысловой связи; не в усилении, а в ликвидации надежности ожиданий. Ожидание двух направлений приводит к несовместимости (парадоксу), и неизвестно, какое из них сбудется. Таким образом, функцию противоречий можно объяснить, используя понятие автопоэзиса. Автопоэзис утверждает, что саморепродукция на основе нестабильности элементов является необходимой, если только система не должна прекратить свое существование. «Противоречия, подрывающие структуры и в какой-то момент подставляющие на их место себя, тем самым сохраняют аутопойетическую репродукцию, обеспечивают присоединенное действие, хотя неясно, какие ожидания имеют силу» [там же, с. 484]. Противоречия обладают свойствами, содействующими развитию иммунной системы. Иммунная система должна быть совместимой с

саморепродукцией в меняющихся условиях. «Противоречие, подобно боли, по-видимому, требует реакции на себя и упрямо побуждает к ней» [там же, с. 485]. Противоречие есть форма, позволяющая реагировать без познания. Ему достаточно характеристики, состоящей в том, что нечто укладывается в семантическую фигуру противоречия. Противоречия существуют лишь во взаимодействии структуры и события. Они предполагают структурное опосредование самореференции события. Лишь благодаря переадресации их смысла через иное структурирование события, событие может стать противоречивым. В неструктурированных условиях было бы невозможно ни контрадикторное противоречие, ни ирония, ни парадоксализация, ни коммуникация о намерении с учетом встречных сообщений о сомнениях именно в этом намерении. Все формы противоречивой коммуникации идут через смысл, специально выбранный для этого. Итак, противоречия есть синтезы, конституированные в самой системе, есть обобщения моментов смысла с точки зрения их несовместимости.

Одно из первых определений парадокса (от греч. *Παράδοξος*) восходит к Аристотелю, который характеризует парадокс как высказывание, противоречащее «доксе», т.е. противоречащее господствующему, общепринятому мнению, ожиданию. Семантическая функция парадокса - установка на вскрытие некой глубинной неявной истины, заключенной в суждении: парадокс эффектным образом ставит две величины в поразительные, казалось бы противоречащие, отношения, раскрывая таким образом в большей или меньшей степени, сокрытое положение вещей. Логическая структура парадокса основывается на отношениях антиномии, т.е. внутреннего противоречия. В философском аспекте условием существования парадоксальности и парадоксального мышления, вероятно, является постмодернизм как своеобразная форма философии «скандала», который олицетворяется парадоксом. Парадокс как эстетическая категория и литературный прием лежит в основе различных литературных жанров и форм. Так, например, парадоксы являются излюбленными приемами создания комического в пьесах известных английских писателей Оскара Уайльда и Бернарда Шоу. Парадоксы находятся в основе неожиданных концовок анекдотов, в поэтике пословиц (напр.: *Тише едешь – дальше будешь* и др.). Парадокс широко используется в детской «поэзии нелепостей» Л. Кэрролла, Э. Миля, К. Чуковского, в лирическом дискурсе песен (Б. Окуджавы, В. Высоцкого), в пародийной поэзии (А. Филатова «Сказка про Федота...»), наконец, в художественной литературе, например в произведениях Дж. Оруэлла «1984», «Ферма животных» и др. (ср. парадоксы: *Ignorance is Strength* [незнание – сила]; *War is Peace* [война – это мир]; *Freedom is Slavery* [свобода – это рабство]).

Парадокс зачастую представляет собой результат языковой игры, является механизмом создания комического эффекта в художественном дискурсе, суть которого заключается в нарушении стереотипов восприятия действительности, или в «остранении». Модус игровой коммуникации характеризуется определенной степенью неискренности и/или неистинности, что обуславливает несерьезный, пренебрегающий логикой способ общения, который и формирует игровой мир. Этому миру соответствует верификационная система, базирующаяся на отказе от реальности. С точки зрения философского и культурологического подходов роль игры в том, что современный мир представляет собой «переход от классического статичного модерна к «жидкой современности», в которой все прошлые понятия растаяли в потоке хаоса» [Наумов, 2008, с. 29]. Мир современной реальности понимается как некая игровая конструкция, в которой ведущая роль отводится коммуникации. Коммуникация представляется не через статичные, а через текущие схематизмы автопоэзиса с постоянными переходами от событий к структурам, от порядка к хаосу, от языка к речи и обратно.

Подводя итог, можно сказать, что парадокс как единство взаимоисключающих оснований и принципов в познавательной деятельности человека представляет собой один из универсальных законов мышления и языковой категоризации, когда суть явления охватывается и описывается по соотношению с чем-то ему противоречащим и противоположным, логически несовместимым. Парадокс есть особая форма противоречия, особое состояние сознания (и знания тоже), которое отражает сочетание несочетаемого в остроумно-ироничной форме языковой игры. Анализ значения предложения в холистической модели может осуществляться на основе понятия комплексности (суммарный смысл целого больше суммы смыслов, входящих в него компонентов). Комплексность смысла обеспечивается механизмом автопоэзиса – самореференции, осуществляемой в форме операции соотношения и присоединения дополнительных смыслов (рекурсии), так как смысл приобретает актуальную реальность (контингентность) лишь посредством указания на иной смысл, который может быть противоположен первичному или отрицать его. Такая референция конституирует парадоксальность, т.е. коммуникация становится парадоксальной, если добавляется возможность отрицания. Таким образом, парадокс как форма противоречивой коммуникации означает утрату определмости, в результате которой появляется двойная контингентность – тождественность и расхождение смысла в перспективах его понимания.

Библиографический список

1. *Луман, Н.* Социальные системы. Очерк общей теории [Текст] / Н. Луман / Пер. с нем. И.Д. Газиева. – СПб : Наука, 2007.
2. *Наумов, С.А.* Игра как способ представления реальности публичных коммуникаций [Текст] / С.А. Наумов // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С.29-35.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ НЕУЗУАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ

Немецкие печатные СМИ обнаруживают чрезвычайное разнообразие субстантивных инноваций – окказиональных имен существительных, которые в таком сконцентрированном виде не представлены в других типах текстов. Согласно данным Г. Вельмана, почти каждое третье слово, встречающееся на одной странице немецкого газетного текста, отсутствует в языковой традиции и не отражено в имеющихся лексикографических справочниках [Wellmann, 1995, с. 400]. Пресса вообще относится к такой сфере речевого общения, где сама специфика коммуникации, а также ее функциональная многоплановость требуют от журналистов постоянного языкового новаторства, интеллектуальных усилий. Последние необходимы также и читателю, поскольку «самый индивидуальный окказионализм должен быть понят другими. Иначе он пропадет втуне» [Земская, 1992, с. 180].

Функционирование субстантивных инноваций (далее – СИ) в немецкой прессе показывает, что часть этой лексики может быть правильно понята без поддержки внешнего контекста. Такие инновации являются самодостаточными в своих значениях и их можно отнести к категории автосемантических лексем.

Другая часть СИ – не самодостаточна и не самостоятельна в своих значениях, и может быть отнесена к синсемантическим лексемам, так как требует для адекватной интерпретации поддержки внешнего контекста. Такие лексемы сопровождаются в тексте определенными «подсказками», которые облегчают их правильное понимание.

Тем самым особый интерес для анализа представляет первая группа СИ, так как семантизация только этой разновидности инноваций осуществляется читателем «самостоятельно» и на специфике их интерпретации мы остановимся в настоящей статье.

Подмечено, что «стратегии говорящего при встрече с незнакомым словом требуют его членения на знакомые составляющие, и того, что во внутреннем лексиконе хранятся единицы, меньше слова, и того, что знание суффикса вызывает ассоциации с однокоренными словами, и того, что каждый ряд слов представлен прототипами, или «лучшими» образцами» [Кубрякова, 1994, с. 46]. Однако для понимания окказиональных словообразований кроме собственно лексических знаний или ассоциаций с другими лексемами является недостаточным. Особенно это касается так называемых «сильных» окказионализмов, для правильной интерпретации которых необходимы дополнительные ментальные операции и опора на разные структуры знания.

Так, примеры (1-3) возникли не на основе известных моделей, и их значения не сводятся к сумме значений образующих их компонентов. Принцип организации таких слов особенно характерен для немецкого языка и не имеет распространения в других языках, где передача соответствующих значений осуществляется с помощью словосочетаний. Тем самым слова типа *Wühltsch*, *Schlüsselkind*, *Gastgeschenk* для носителей немецкого языка часто выступают как непонятные, поскольку требуют восстановления недостающих сем в их структуре. Поэтому для пояснения таких СИ необходимо введение дополнительных элементов, ср.:

(1) *Mordwohnung* → *Wohnung, wo ein Mord verübt wurde.*

(2) *Kopfschmerzkongreß* → *Tagung, die der Problematik der Kopfschmerzen gewidmet worden ist.*

(3) *Fußball-Mittwoch* → *Mittwoch, an dem regelmäßig ein Fußballspiel stattfindet.*

И значения СИ (4-6) не сводятся только к сумме значений образующих их компонентов. Их интерпретация требует также определенного домысливания и поддерживается дополнительными «средствами» – знаниями о мире (о положении вещей и явлений) экстралингвистической действительности.

Например, в Германии имеется немало населенных пунктов, обладающих признаками города и села (4). В русском языке существует даже специальная номинация «поселок городского типа», которая в некоторой степени является аналогом окказионального слова *Dorfstadt*. Не являются редкостью и такие отношения между супругами, когда жены по-матерински относятся к своим мужьям (3). А номинация *Wochenend-Vater* (4) призвана обозначить тех отцов, которые из-за специфики своей профессии лишь по выходным дням могут посвятить себя своим детям. Таким образом, расшифровку этих слов в эксплицитном виде можно представить в виде следующих записей:

(4) *Dorfstadt* → *Ort, der die Eigenschaften der Stadt und des Dorfes besitzt.*

(5) *Mutterfrau* → *Frau, die ihren Mann wie eine Mutter behandelt.*

(6) *Wochenend-Vater* → *Vater, den die Kinder aufgrund seiner Arbeit erst am Wochenende sehen können.*

Сказанное относится и к примерам (7-12), в структуре которых основную смысловую нагрузку несут инициальные компоненты, от знания характерных свойств которых в большей степени зависит и адекватная интерпретация таких слов.

Так, инициальный компонент композиты (7) имеет значение «чертежная доска» и в сознании читателя ассоциируется с понятием «конструкторское бюро», выступающим типовым контекстом или фреймом реализации СИ *Reißbrett-Idee*. В числе таких ассоциаций – осуществление новых разработок и конструкторских решений, которые, однако, по разным причинам часто так и остаются «на бумаге», не получая дальнейшей реализации.

И объект номинации *Knast* (8) – «тюрьма», в сознании читателя может вызвать целый комплекс ассоциаций, включая и условия «проживания» в данном заведении, которые, как известно, далеко не блестящие. С номинацией «плавательный бассейн» (*Schwimmbhalle*) (9), принято связывать, особенно в России, достаточно невыразительные формы, непритязательный дизайн, поэтому применительно к архитектуре таких сооружений можно говорить о «шарме» лишь с иронией. Таким образом, в эксплицитном виде значения этих примеров можно выразить следующим образом:

(7) *Reißbrett-Idee* → *unverwirklichtes, nichtrealisiertes Vorhaben*.

(8) *Knast-Qualität* → *schlechte, minderwertige Qualität*.

(9) *Schwimmbhallen-Charme* → *ungemütlicher, langweiliger Eindruck*.

Аналогичные стратегии декодирования обнаруживают примеры (10-12), понимание которых также зависит от знания референциальных особенностей их компонентов. В частности, семантически прозрачные по отдельности компоненты *Turnschuh* и *Programmierer*, в представленной комбинации (10) не дают приемлемого смысла, поскольку известно, что разработкой обуви (кроссовок) занимаются не программисты, а дизайнеры, и что этот вид обуви носят в первую очередь молодые люди. Схожие ментальные операции необходимы для выявления значений также примеров 11-12. Тем самым их план содержания можно представить в виде следующих записей:

(10) *Turnschuhprogrammierer* → *junge Programmierer*.

(11) *Lego-Landschaft* → *unechte Landschaft, wie beim Legospiel*.

(12) *Blendamed-Lächler* → *Person mit weißblitzenden Zähnen*.

Для правильного истолкования многих СИ, помимо прочего (13-15), необходимы знания страноведческой фоновой информации, так как соответствующие референты представляют собой явления, не известные за пределами Германии.

Так, правильное понимание инновации *Ober-Kraniche* (13) основывается на том, что в качестве мотивировочного признака в ее структуре выступает «журавль», который является символом немецкой авиакомпании «Люфтганза». Значение «бело-зеленый цвет» шуточной номинации *Polizeilook* (14) объясняется тем, что большая часть атрибутики немецкой полиции – форма, автосредства, имеют два цвета – белый и зеленый. Также известно, что в ФРГ есть партия, которая возникла первоначально на основе движения за защиту окружающей среды и стала позднее называться партией зеленых (15). С учетом данных обстоятельств, значения этих примеров можно представить в виде следующих записей:

(13) *Ober-Kraniche* → *Leitung der deutschen Fluggesellschaft „Lufthansa“*.

(14) *Polizeilook* → *grünweiße Farbe*.

(15) *Immi-Grün* → *Immigrant, der Mitglied der Partei der Grünen ist*.

Таким образом, декодируя незуальные словообразования, читатель вынужден обращаться не только к собственно языковым знаниям – в первую очередь, знанию слов и их значений, знанию грамматических правил, но и знаниям о мире (положению вещей), культурологическим, энциклопедическим, фоновым и др. и совершать дополнительные интерпретационные операции. (Более подробно об этом см. в [Савицкий, 2010]).

Библиографический список

1. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] : моногр. / Е.А. Земская. – М. : Наука, 1992.
2. Кубрякова, Е.С. Производные слова с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова // Словообразование и лексические системы в разных языках : межвуз. сб. науч. тр. – Уфа, 1994. – Вып. 2. – С.42-52.
3. Савицкий, И.П. Реализация лексической креативности в современной прессе (на материале немецкого языка) [Текст] : моногр. / И.П. Савицкий. – Барнаул : АлтГПА, 2010.
4. Wellmann, H. Die Wortbildung [Text] / H. Wellmann. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. u. bearb. von Günther Drosdowski in Zusammenarbeit mit Peter Eisenberg. – 5., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverl., 1995. – S.399-539.

savitskij.ivan@yandex.ru

Самсонова О.Д., Иркутск (Россия)

ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА 'CERTAINTY'

Пространство интерпретационного поля концепта 'Certainty' включает в себя ряд концептуальных признаков и стереотипов, скрытых от прямого наблюдения и нашедших свое отражение во фразеологическом и паремиологическом фонде современного английского языка [Попова, Стернин, 2001, с. 99].

В план выражения фразеологических единиц инкорпорированы знаки «языка» культуры, содержание которых несет смысл концептов культуры, присущих ей символов, эталонов, реалий, имеющих ритуальную ценность, отражающих значимые для культуры социально-моральные и духовно-нравственные установки [Телия, 2004, с. 681].

В результате анализа фразеологических единиц, репрезентирующих концепт 'Certainty' в современном английском языке, был выделен ряд значений/семантических признаков, входящих в структуру интерпретационного поля концепта.

1. «Абсолютная уверенность в чем-либо, отсутствие сомнений»:

- *you can bet your boots (or bottom dollar or life)* – you may be absolutely certain [ODI, 2004, p. 23];

- *a safe bet* – a certainty [ODI, 2004, p. 23];

- *be dollars to doughnuts that* – be a certainty that [ODI, 2004, p. 83];

- *know your own mind* – be decisive and certain [ODI, 2004, p. 164];

- *lay (or give) odds* – be very sure about something [ODI, 2004, p. 206];

- *sure thing* – a certainty [ODI, 2004, p. 282];

- *a bird in hand* – something that you are sure of [ODI, 2004, p. 25];

- *sure as eggs is eggs (also sure as fate)* – without any doubt; absolutely certain [ODI, 2004, p. 282];

- *no two ways about it* – used to convey that there can be no doubt about something [ODI, 2004, p. 201];

- *put your shirt on* – bet all you have on, be sure of [ODI, 2004, p. 259];

- *open-and-shut* – (of a case or argument) admitting no doubt [ODI, 2004, p. 208].

2. «Уверенность в неблагоприятных последствиях действий/ поступков/ высказываний»:

- *on a collision course* – adopting an approach that is certain to lead to conflict with another person or group [ODI, 2004, p. 59];

- *be a recipe for disaster* – be almost certain to have unfortunate consequences [ODI, 2004, p. 80];

- *(like) a red rag to a bull* – an object, utterance, or act which is certain to provoke or anger someone [ODI, 2004, p. 240];

- *make no bones about something* – have no hesitation in stating or dealing with something, however unpleasant, awkward, or distasteful it is [ODI, 2004, p. 33];

- *an accident waiting to happen* – a person certain to cause trouble [ODI, 2004, p. 2].

3. «Уверенность в чем-либо успехе/победе»:

- *one-horse race* – a contest in which one candidate or competitor is clearly superior to all the others and seems certain to win [ODI, 2004, p. 208];

- *put money (or put your money) on* – have confidence in the truth or success of something [ODI, 2004, p. 191];

- *be a (dead) cert* – to be certain to happen or to succeed [LDCE, 2005, p. 239];

- *believe in* – to trust someone and be confident that they will be successful [LDCE, 2005, p. 124];

- *be sold on* – to be convinced that something is very good [OPVD, 2002, p. 251].

4. «Неизбежность»:

- *accidents will happen* – however careful you try to be, it is inevitable that some unfortunate or unforeseen events will occur [ODI, 2004, p. 2];

- *be a question of time* – be certain to happen sooner or later [ODI, 2004, p. 233];
- *be a cinch to do something* – something that will definitely happen [LDCE, 2005, p. 264];
- *depend on* – to be sure that something will happen [OPVD, 2002, p. 75];
- *bank on* – to be confident that something will happen [OPVD, 2002, p. 9].

5. «Категоричное согласие/несогласие с вышесказанным»:

- *not on your nelly* – certainly not [ODI, 2004, p. 198];
- *not for all the tea in China* – not at any price; certainly not [ODI, 2004, p. 287];
- *Buckley's chance* – no chance at all [ODI, 2004, p. 40];
- *I'm a Dutchman* – used to express your disbelief or as a way of underlining an emphatic assertion [ODI, 2004,

p. 89];

- *bang on* – exactly right [ODI, 2004, p. 15];
- *on the button* – exactly right [ODI, 2004, p. 43];
- *right enough* – certainly; undeniably [ODI, 2004, p. 242];
- *by all odds* – certainly [ODI, 2004, p. 206].

6. «Уверенность в истинности чего-либо»:

- *swear to* – to say that something is definitely true [OPVD, 2002, p. 294];
- *stake one's life on it* – you are completely sure that something is true [LDCE, 2005, p.1610].

7. «Уверенность в несбыточности желаний, надежд»:

- *dream on* – used to tell somebody that you are certain that what they have just said will not happen [OPVD, 2002, p. 84];

- *No chance!/Fat chance!* – you are sure something could never happen [LDCE, 2005, p. 243].

8. «Уверенность, выходящая за пределы приличия и переходящая в дерзость и наглость»:

- *as bold as brass* – confident to the point of impudence [ODI, 2004, p. 32].

9. «Безрезультатная настойчивость в отстаивании убеждений»:

- *do something until you are blue in the face* – persist in trying your hardest at an activity but without success [ODI, 2004, p. 30].

10. «Уверенность в своих последующих действиях»:

- *get/find your bearings* – to feel confident that you know what you should do next [LDCE, 2005, p. 114].

Представленный анализ фразеологических единиц свидетельствует о существовании двух основополагающих оппозиций, лежащих в основе структуры концепта Certainty: объективная/эпистемологическая (основанная на истинности имеющегося знания) vs. субъективная уверенность (проявление индивидуальных особенностей личности); позитивная уверенность (уверенность в чем-либо успехе/победе) vs. негативная уверенность (уверенность в неблагоприятных последствиях действий/поступков/высказываний).

Являясь «мощным источником интерпретации», пословицы и поговорки содержат в сентенционной форме установки жизненной философии этноса [Телия, 1996, с. 241].

Паремии, номинирующие концепт Certainty, объективируют отношение к уверенности как к чему-то невозможному, нереальному, что обусловлено непредсказуемостью нашей повседневной жизни. Можно быть уверенным лишь только в собственной смерти или в необходимости уплаты налогов:

- *Nothing is certain but death and taxes* – everything in life is unpredictable, except that you can be sure you will die and you will have to pay taxes [OCDP, 2002, p. 237];

- *Nothing is certain but the unforeseen* – you cannot foresee what will happen [OCDP, 2002, p. 237];

- *Don't count your chickens before they're hatched* – you should not make plans that depend on something good happening, because it might not [LDCE, 2005, p. 356];

- *A bird in the hand is worth two in the bush* – it is better to keep what you have than to risk losing it by trying to get more [LDCE, 2005, p. 138].

Анализ паремий свидетельствует о том, что уверенность не относится к социально значимым ценностям британского общества и, более того, является причиной неудач в достижении каких-либо целей.

Признаки концепта 'Certainty', выявленные в ходе анализа фрагментов фразеологического и паремиологического фонда современного английского языка, расширяют ментальную структуру интерпретационного поля, а также увеличивают объем культурно-маркированного содержания исследуемого концепта, что свидетельствует о его многокомпонентной структуре.

Библиографический список

1. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.

2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
3. Телия, В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов [Текст] / В.Н. Телия // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С.674-684.

Список использованных словарей

1. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Text] ; D. Summers (Ed.). – Harlow : Longman, 2005.
2. OCDP – Oxford Concise Dictionary of Proverbs [Text]. – Oxford : Oxford University Press Inc., 2002.
3. ODI – Oxford Dictionary of Idioms [Text]. – Oxford : Oxford University Press Inc., 2004.
4. OPVDLE – Oxford Phrasal Verbs Dictionary for learners of English [Text]. – Oxford : Oxford University Press Inc., 2002.

samsonovaod@gmail.com

Сарычева Г.П., Ростов-на-Дону (Россия)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА НОВОГО ТИПА

Вступление России в Болонский процесс и модернизация, которую переживает в настоящее время российская система высшего образования, обусловлены вхождением России в общеевропейское и мировое образовательное пространство и новыми требованиями, которые предъявляются к выпускникам вузов. В русле интеграционных процессов осуществляется гармонизация образовательных стандартов и учебных планов, специальностей и специализаций.

Открытое образовательное пространство предполагает академическую мобильность студентов, то есть возможность обучения в российских и зарубежных вузах. Академическая мобильность, равно как и взаимное признание документов о высшем образовании существенно расширяет перспективы будущих специалистов в плане повышения их статуса и возможностей трудоустройства.

Однако эффективное обучение в зарубежном вузе возможно только при условии свободного владения иностранным языком и межкультурной коммуникацией. Владение иностранным языком и межкультурной коммуникацией позволяет общаться и взаимодействовать представителям различных культур [Карпов, 2009]. За рубежом межкультурная коммуникация обозначается термином «кросс-культурная коммуникация» (от англ. Cross Culture – пересечение, столкновение культур). При этом делается акцент не столько на сходстве, сколько на социокультурных различиях субъектов коммуникации и, вследствие этого, на трудностях кросс-культурного общения. В то же время без навыков владения кросс-культурной коммуникацией невозможны эффективные международные контакты в сфере бизнеса, культуры, обучения и др.

Иностранный язык является инструментом профессиональной межкультурной коммуникации, поэтому его изучение не должно ограничиваться чисто лингвистическим аспектом. Поэтому изучение иностранного языка в вузе должно способствовать формированию у будущих специалистов навыков межкультурной коммуникации на трех уровнях: языковом, предметном и деятельностном, что позволит впоследствии эффективно применять приобретенные компетенции в ситуациях профессиональной деятельности.

При изучении иностранного языка наряду с чисто лингвистическим аспектом большое значение имеет изучение стереотипов мышления и поведения в лингвокультурных сообществах изучаемого языка, включая страноведческие реалии, национальные традиции, ритуалы и обычаи, национально-специфические особенности мышления и менталитет представителей изучаемой культуры, стереотипы формального/неформального общения, правила этикета, формулы вежливости и т.п. Ошибки, допущенные при кросс-культурной коммуникации из-за незнания вышеназванных аспектов, являются зачастую причиной неудачных бизнес-переговоров и срыва предполагаемого сотрудничества [Левина, 2010].

В связи с этим перед преподавателями иностранного языка ставятся серьезные задачи: они должны не только обучить студентов иностранному языку, но и способствовать их формированию как поликультурной языковой личности, обладающей толерантностью, эмпатией и способностью к адекватной межкультурной коммуникации [Халыпина, 2006]. Это предполагает развитие у будущих специалистов не только лингвистической, но также лингвострановедческой и межкультурной компетенций.

Лингвострановедческая компетенция представляет собой не просто практическое использование иностранного языка в процессе вербального общения, но и преодоление культурного барьера благодаря овладению культурой общения, этикетом и невербальными формами выражения в лингвокультурных сообществах изучаемого языка.

Даже при условии хорошего владения лингвистической компетенцией продуктивное общение невозможно без учета социокультурного фактора, то есть овладения социокультурной компетенцией, которая включает знание истории, культуры и реалий повседневной жизни стран изучаемого языка. Так, иногда

иностранное слово воспринимается как полный эквивалент родного, и вследствие этого возникают грубейшие ошибки. Вот, например, как студенты переводили на немецкий язык название своей специализации «отделение менеджмента»: они нашли в словаре слово «отделение», которое в немецком языке передается словами „Trennung“ (отделение, например, ракеты) и „Abteilung“ (отделение в учебном учреждении, фирме и т.п.) и взяли первый вариант перевода, в результате чего получилась полная бессмыслица. Большую сложность для студентов в немецком языке представляют фамилии и топонимические наименования, которые действительно являются, как правило, сложными существительными: например, студенты переводили фамилию Эйнштейн как «один камень» (что совершенно верно, если рассматривать ее как обычное слово) или название города Кёнигсберг как «королевская гора». Такого не произошло бы, если бы они лучше владели страноведческими реалиями и лучше ориентировались в контексте предложенного материала. Это является свидетельством отсутствия фоновых знаний о реалиях стран изучаемого языка и в реальных условиях общения может привести к взаимному непониманию.

Владение межкультурной компетенцией также является неотъемлемым элементом кросс-культурной коммуникации. В ситуациях реального общения недостаточно преодолеть один лишь языковой барьер, необходимо преодолеть еще и барьер культурный, с которым неизбежно сталкивается каждый человек в процессе кросс-культурной коммуникации. Люди в процессе социализации усваивают нормы поведения и образ жизни, которые являются общепринятыми в их культуре, и при столкновении с иными нормами могут испытать «культурный шок», однако без преодоления этого культурного барьера невозможно продуктивное общение с представителями другой культуры.

Характерно, что к ошибкам языкового характера отношение обычно намного мягче, чем к ошибкам культурного характера, которые могут крайне негативно повлиять на перспективы общения, вплоть до полного его прекращения. Особенно важен этот аспект в общении с бизнес-партнерами, когда человеческий фактор порой играет не менее важную роль, чем чисто деловые соображения.

Так, например, у хлебосольных россиян, когда они приходят в гости к немцам, вызывает недоумение довольно скудное угощение на столе, а немцев, наоборот, поражает наша традиция обильных и богатых застолий, несмотря на относительно низкий уровень жизни. В нашей стране воспитанный человек обязательно пропустит женщину вперед, откроет перед ней дверь, в США же благодаря феминисткам это может быть расценено как оскорбление – как намек на то, что женщины являются «слабым полом».

Владение бизнес-этикетом играет огромную роль в профессиональном общении. Как правило, оно не ограничивается чисто деловыми рамками, а переходит на уровень межличностного общения, и здесь особенно важно знать бытовые традиции и национально-специфические особенности мышления. За многовековую историю межкультурной коммуникации сложились определенные национальные стереотипы, которые далеко не всегда соответствуют реальной ситуации и которые партнер по общению может посчитать обидными. Поэтому необходима адекватная интерпретация общих представлений об особенностях менталитета того или иного народа, которая возможна только при условии хорошего знания его истории и культуры.

Даже в такой сравнительно новой среде, как Интернет, успели сформироваться определенные правила делового и межличностного общения, которые нужно знать и соблюдать. Успешная Интернет-коммуникация открывает перед студентами большие перспективы: они накапливают опыт общения, а порой и сотрудничества с представителями иных культур, имеющих иные взгляды на мир и иной социальный статус; знакомятся с последними достижениями в изучаемой отрасли науки.

Подводя итог, можно сделать вывод, что одно лишь хорошее владение иностранным языком не является залогом успешного обучения за границей и последующих бизнес-контактов в профессиональной деятельности. Язык является всего лишь инструментом, который должен быть неразрывно связан с лингвострановедческой и межкультурной компетенциями [Тер-Минасова, 2000]. Это диктует новые требования к самому процессу языковой подготовки будущих специалистов, которая не должна ограничиваться лишь изучением грамматического, фонетического и лексического аспектов иностранного языка. Лингвострановедческий и межкультурный аспекты должны занять достойное место в процессе обучения иностранному языку, так как без овладения ими невозможно выработать позитивное отношение к другой культуре и ее ценностям и способность эффективного делового общения на иностранном языке.

Библиографический список

1. Карпов, А.С. Межкультурная коммуникация и современные тенденции в обучении иностранным языкам [Текст] // Современные тенденции в обучении иностранным языкам : мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского университета, 2009.
2. Левина, Л.М. Межкультурная коммуникация в процессе обучения иностранному языку студентов специальности «Международные отношения» [Текст] // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Ч. II : сб. мат-лов междунар. науч. конф. 10-11 декабря 2009 г. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2010.
3. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]. – М. : Слово, 2000.

4. Халяпина, Л.П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам : автореф. дисс. ... д-ра пед. н. [Текст]. – СПб., 2006.

vipboy161@rambler.ru, olga-5153@mail.ru

Селезнев А.А., Барнаул (Россия)

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ НОМИНАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПОСТРОЕНИЯ

Сложность и гибкость человеческого мышления, его способность представлять и истолковывать реальность с помощью различных способов – это не только удивительное, но и невероятно сложное для исследования свойство, в том числе и для ученых-филологов. В данной статье речь пойдет об одном из аспектов мышления, связанного с организацией ментального лексикона, и о его представлении в рамках лексической парадигмы номинации.

Многие ученые, рассматривая ментальный лексикон и способы его организации, указывают на его концептуальную сложность. С.Пинкер, исследуя гибкость человеческого мышления, пишет, что это его свойство «...осложняет возможность предугадать, каким образом он осмыслит и вербализует определенную ситуацию» [Pinker, 2008, p. 51]. Некоторые даже сравнивают ментальный лексикон с тюрьмой, в которой находятся только нарушители закона («...like a prison – it contains only the lawless») [DiSciullo and Williams, 1987, p. 3]. Говоря об отношениях между частями речи, следует обратиться к точке зрения ученых-когнитивистов, которые рассматривают части речи как когнитивно-дискурсивные образования, формирующиеся в актах коммуникации, «в недрах высказывания». Как отмечает Е.С.Кубрякова, для характеристики любого слова как представителя той или иной части речи одинаково важно установить, какую когнитивную структуру (концепт или совокупность концептов) оно объективирует, и в какой функции оно может выступать в дискурсе и тексте [Кубрякова, 2004, с. 13].

Ведь если считать части речи основной формой вербализации того или иного концепта, то можно полагать, что избираемый говорящим способ языковой репрезентации концепта в качестве субстанции, действия или признака одновременно определяет и способ его вхождения в предложение. Можно предположить, что до этого этапа в процессе речепорождения концепт как оперативная единица сознания еще не имеет четкой языковой привязки, то есть частеречного оформления, а представляет скорее всего некий «словообраз».

Конечно, существует определенная связь между типом концепта и способом его частеречного воплощения, но эта связь носит очень сложный характер. Концепты, отражающие наши знания о предметах внешнего мира и предметах мысли, чаще всего вербализуются в форме существительных; концепты, связанные с действиями, как правило, находят свою языковую репрезентацию в форме глагола и т.д., но подобный изначальный параллелизм постоянно нарушается в силу значительных различий между миром мысли и миром языка, а потому один и тот же концепт может получать различное частеречное оформление. Подчеркивая сложную связь между объективным миром, нашим сознанием и миром языка, С. Пинкер отмечает, что существительные действительно чаще всего называют предметы, а глаголы – действия, однако вследствие того, что наше сознание обладает способностью воспринимать и интерпретировать реальность различными способами, и столь же различными способами репрезентировать ее языковыми средствами, семантический объем классов глаголов и существительных не ограничивается только этими случаями [Pinker, 1994, p. 106]. На частеречном уровне это находит свое отражение в существовании единиц так называемой смешанной категориальной семантики: существительных со значением качества (*greenness*), прилагательных со значением потенции к действию или воздействию (*drinkable*), глаголов с инкорпорированным объектом (*to honeymoon*) и т.д.

Для того, чтобы проследить всю сложность частеречного оформления мысли, следует обратиться к одному из наиболее продуктивных способов упорядочивания и систематизации единиц лексикона, который дает возможность множественного частеречного представления одного и того же концепта – *лексической парадигме номинации*, представляющей собой парадигматический словообразовательный ряд, объединяющий четыре знаменательные части речи: существительное, глагол, прилагательное и наречие, образованные от одного корня [Блох, 2002, с. 74-75]. Например, *nation – to nationalize – national – nationally*.

Именно возможность частеречного представления одного и того же концепта в рамках лексической парадигмы номинации представляет целый ряд особенностей когнитивного плана, связанных со способами построения парадигмы и межчастеречными отношениями в ее составе.

Для того чтобы построить лексическую парадигму номинации, язык предоставляет нам большое число различных способов. Обратимся к одному из наиболее продуктивных способов – аффиксации. Словообразовательный потенциал английского языка позволяет говорить о наличии так называемых потенциальных слов. В отличие от слов, зафиксированных словарями и активно используемых в речи, потенциальная лексика формируется на основе существующих в языке словообразовательных правил,

используются окказионально, однако о значении слова можно догадаться, проанализировав морфемы, его составляющие. Сравним две парадигмы, адъективная часть которых образована с помощью суффикса – *able*:

Read - to read – readable – readably

Cannibal – to cannibalize – cannibalizable – cannibalizably**

Слово *cannibalizable* не зафиксировано ни в одном словаре, однако его значение понятно, и если бы в нем возникла необходимость, то его возможно было бы использовать, так как суффикс *-able* означает “capable of being X’d”. Но далеко не все слова соответствуют этому правилу. Например, такие слова как *knowledgeable* или *probable* не означают, соответственно, *capable of being knowledged и *capable of being probed.

Помимо потенциальных слов в английском языке существуют большое количество слов, образованных только для определенного случая, и обладающих очень низкой частотностью употребления. Такие слова встречаются лишь один раз в корпусе, и некоторые из них не зафиксированы в словаре. Проследим частотность появления слов с суффиксом *-able* в корпусе (The British National Corpus) и их представленность в словаре [Collins English Dictionary, 8th edition, 2006]:

Лексема	Частотность в корпусе	Представленность в словаре	Лексема	Частотность в корпусе	Представленность в словаре
<i>Absorbable</i>	1	+	<i>Actionable</i>	88	+
<i>Abusable</i>	1	-	<i>Affable</i>	108	+
<i>Accruable</i>	1	+	<i>Achievable</i>	212	+
<i>Actable</i>	1	+	<i>Adaptable</i>	237	+
<i>Actualizable</i>	1	-	<i>Adjustable</i>	372	+
<i>Abstractable</i>	2	-	<i>Admirable</i>	474	+
<i>Admissable</i>	2	-	<i>Advisable</i>	530	+
<i>Addressable</i>	12	+	<i>Accountable</i>	659	+
<i>Adorable</i>	69	+	<i>Acceptable</i>	3609	+
<i>Abominable</i>	86	+			

Таким образом, из семи слов с низкой частотностью употребления четыре не зарегистрированы в словаре. Хотя приведенная выше группа слов отражает лишь малую часть лексикона, она ясно показывает, что обычно слова с низкой частотностью употребления не представлены в словаре, позволяя сделать вывод об их новизне и способности человеческого мышления создавать практически бесконечное количество новых слов по уже существующим словообразовательным моделям.

Судя по вышеприведенным примерам, аффиксация не всегда возможна при построении лексической парадигмы номинации. Язык накладывает определенные ограничения на использование того или иного аффикса. Причем часто ограничения носят не только лингвистический (фонологический, морфологический), но и экстралингвистический характер. Сравним два примера с семантическими ограничениями, позволяющими или запрещающими использовать одно и то же слово, образованное с помощью суффикса *-ee*:

I'd discovered that if I hugged the right side of the road, drivers would be more reluctant to move to their left thereby creating a squeeze play with me being the squeeze (V.E. Tavares).

*After making himself a glass of grapefruit juice, John threw the *squeezees away (Barker, 1998, p. 721).*

Ограничение в использовании *-ee* связано с понятием одушевленности-неодушевленности. Выжатые грейпфруты являются неодушевленными, что ограничивает использование деривата с суффиксом *-ee* в данном контексте.

Таким образом, на примере лексической парадигмы номинации и аффиксации как основного средства ее построения, можно проследить всю сложность работы механизмов человеческого мышления в отношении организации и представления ментального лексикона.

Библиографический список

1. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики [Текст] / М.Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2002.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова ; Рос. академия наук ; Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Barker, Ch. Episodic *-ee* in English: a thematic role constraint on new word formation [Text] / Ch. Barker. – Language. – 1998. – Vol. 74. – №4. – P. 695-727.
4. DiScuillo, A.M. On the definition of word [Text] / A.M. DiScuillo, E. Williams. – Cambridge [MA] : MIT Press, 1987.
5. Pinker, S. The language instinct. How the mind creates language [Text] / S. Pinker. – N. Y. : Harper Collins, 1994.
6. Pinker, S. The stuff of thought. Language as a window into human nature [Text] / S. Pinker. – England, 2008.

Список источников иллюстративного материала

1. Collins English Dictionary, 8th edition, 2006.
2. *Tavares V.E.* Vilmar's Pacific Coast [Electronic resource] / *V.E. Tavares.* – Mode of access: http://www.rightwinghowler.com/pacific_trip_week3.htm
3. The British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

sashasel@yahoo.com

Семенова Т.И., Иркутск (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОШИБОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В пространстве языка выделяются категории с различной степенью отклонения от истины: воображение, мечта, фантазия, притворство, ложь, неискренность, кажимость. Одним из видов уклонения от истины являются различные типы заблуждений, в частности – ошибки. Загадка ошибочных действий, по З. Фреду, заключается в том, что они не являются случайностями, а представляют собой серьезные психические акты. Ошибки возникают в результате интерференции двух различных намерений, из которых одно можно назвать нарушенным, а другое нарушающим [Фрейд 2010, с. 38].

Как же в языковом сознании отображаются специфические особенности и механизмы когнитивных процессов, в частности, заблуждения, сенсорные девиации, ошибочные действия, способность познающего субъекта к самокоррекции? Каков когнитивный статус феномена ошибки? Для ответа на эти вопросы необходимо выяснить, какая структура знания стоит за словом *mistake* (ошибка) для носителя английского языка и с какой концептуальной структурой это слово связано в его сознании, то есть установить, как знания о мире связаны с языковыми, конвенциональными формами вербализации этих знаний.

Ошибка, согласно толковым словарям английского языка, расценивается как неправильность в действиях и мыслях, которая может вызывать проблемы. Так, слово *mistake* определяется как “*something that you have not done correctly or something that you say or thing that is not correct*” [MEDAL]. Из дефиниций становится ясно, что когнитивная структура ошибки включает деятельность (физическую, ментальную, перцептивную) и оценку этой деятельности как неправильную. Однако сам тип деятельности не конкретизируется.

Изначально, слово *mistake* было связано в англоязычном сознании с идеей неправильного выбора “*the error in the choice of*” [OED]. Значение ошибочного выбора, ошибочной идентификации сохранилось и у современного глагола *mistake*, ср.:

“Someone actually shot at me.” – “I think that you *might have been mistaken for someone* or you were in the line of fire [Shaw].

Слово *error* этимологически связано с латинским *errāre* и первоначально означало «поиски», «блуждания», что нашло отражение в словарных дефинициях, ср.: *to take the wrong path, to stray from one's path, to astray, to wander* [CIDE], *the action of roaming or wandering, hence a devious or winding course* [OED]. Совершение ошибки метафорически уподобляется преодолению помех, неловким движениям, в результате которых человек может поскользнуться, оступиться, споткнуться, ср.:

I was completely *wrong-footed*; I *fell flat on my face* the last time I tried; She *stumbled over* the speech [MEDAL: 960].

Явления, которые концептуализируются в языке как реальные или потенциальные препятствия, описываются словами и выражениями, содержащими в своем значении внутреннее неявное или явно выраженное отрицание, подразумевающее оценку. Это могут быть *остановки* и *ошибки* в работе, *сбой*, *оплошность*, *огрехи*, *упущение*. Их объединяет идея «нанесения вреда» [Рябцева, 2004, с.201].

Ситуация ошибки когнитивно сложная, она включает как минимум два события: одно событие имеет место в действительности, а второе – есть ментальная обработка этого события в концептуальном мире познающего субъекта. Другими словами, субъект выполняет некоторое действие, чтобы достичь определенного результата, однако результат оказывается не тем, каким его планировал субъект, и в этом случае имеет место оценка действия как ошибочного. Ошибочность действия выявляется в результате его сопоставления с другим суждением, принимаемым за правильное, либо непосредственно с фактами. Любая ошибочная деятельность может быть проинтерпретирована универсальной формулой отрицания ‘не Р, а Q’, где элемент Р соответствует ожидаемому правильному действию, а Q – тому, которое было предпринято вместо Р [Труб, 2008]. Экспликацией ошибочной ситуации может служить пример ниже, в котором представлена денотативная ситуация (*мужчина зашел в бар*), оценка этого действия как ошибочного (*это было ошибкой*), и то «правильное действие», которое надо было сделать (*надо был обналичить чек, не заходя в бар*), ср.:

He was telling himself *it had been a mistake to come into the bar*. He should have gone immediately to the desk and cashed his check and left [Chase].

Общее свойство ошибочного поведения заключается в том, что ошибку нельзя совершить сознательно, она может быть осознана только ретроспективно, то есть в момент совершения ошибочного действия человек не знает, что оно ошибочно [Кустова, 2000]. Осознание ошибки – это результат ретроспективной рефлексии

над ситуаций. Даже в случаях референции к моменту речи сказать *Вы ошибаетесь* можно только тогда, когда ошибка уже сделана [Апресян, 2004, с. 17]. Глагол *ошибиться* относится к группе предикатов интерпретации [Апресян, 2004; Кустова, 2004]. Такие глаголы «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия, а служат лишь для оценочной интерпретации другого, вполне конкретного действия, представляемого как уже совершенное кем-то и образующего пресуппозицию данного глагола» [Апресян, 2004, с.17]. Интерпретационные предикаты являются языковым выражением рефлексии говорящего над концептуальным содержанием, референтом которого является некоторое положение дел. Интерпретация действия как ошибочного имеет когнитивный статус модусной ситуации. По своему типу модусная ситуация интерпретации ошибочного действия относится к ментальному (эпистемическому) модусу отрицательной истинностной оценки [Арутюнова, 1988, с. 123].

В рамках ошибочной деятельности различают такие типы ошибочного поведения как «автоматическую» деятельность, неправильное решение и неправильный поступок, ошибочное мнение, сенсорные девиации [Кустова, 2000; Труб, 2008]. Более подробно остановимся на концептуализации ошибочного мнения.

Мнение относится к ситуациям, про которые человек не обладает точной информацией. Неполнота уверенности порождается недостаточной убедительностью аргументов, неполным доверием к источнику информации, то есть неуверенность мнения обусловлена эпистемической недостаточностью. Отличие ошибочного мнения от лжи заключается в том, что субъект, высказывая ложное мнение, может и не знать о том, что оно ложное [Кустова, 2000, с. 234].

В английском языке смысловой компонент потенциальной ложности подчиненной пропозиции присутствует в семантике лексических единиц со значением мнения *allege, claim, imagine, think*. Предложения, включающие эти языковые единицы, описывают ошибочное, с точки зрения говорящего мнение, ср.:

To avoid prolonging the scene she paid Maria a month's wages. Then she showed her the door. Doubtless (Mrs. Garlic meditated) the girl *thought she would get* another rise of wages. If so, she *was* finely *mistaken*. A nice thing if the servant is to decide when curtains are to go to the wash [WS].

В приведенном примере присутствует мнение горничной о том, что ей прибавят жалование и оценка ошибочности этого мнения со стороны хозяйки. Несогласие говорящего с передаваемым мнением эксплицировано интерпретационным предикатом *was mistaken*. Ошибочность мнения эксплицируется языковыми единицами с семантикой опровержения, ср.:

He put down his knife and fork, pushed away his plate and sat with his head bowed. I *thought* at first that he was saying a grace but I think in fact he had been overcome with a feeling of nausea [Green].

На неточную или на неразделяемую говорящим оценку указывают и предикаты *imagine, believe*, ср.:

The bellboy showed his teeth in what *he imagined* was an accommodating smile [Shaw]; The poor lady sang Killarney in a bodiless gasping voice with all the old-fashioned mannerism of intonation which *she believed* lent elegance to her singing [WS].

Глаголы *imagine, believe*, как с очевидностью следует из примеров, категоризируют ошибочное мнение, основанное на завышенной самооценке. Ошибочное мнение, как разновидность ошибочных ситуаций, ретроспективно: тот, кто совершает ошибку, в том числе и высказывает ошибочное мнение, не знает заранее, что его мнение ошибочно, ср.:

He *had complete belief* in his night -watchman – *wrongly* as it turned out, for the man had been asleep at his post [Green].

Итак, говорящий структурирует свой когнитивный опыт взаимодействия с миром, включающий, наряду с истинным знанием, ошибочные когниции, ошибочное мнение, ошибочный способ переработки информации, способность познающего субъекта к самокоррекции. Ошибка, по данным языка, предстает как результат ретроспективной рефлексии над ситуацией.

Библиографический список

1. *Апресян, Ю.Д.* Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) [Текст] / Ю.Д. Апресян // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С.13-33.
2. *Кустова, Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. *Рябцева, Н.К.* Язык и естественный интеллект [Текст] / Н.К. Рябцева ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Academia, 2005.
4. *Труб, В.М.* О разнообразных типах отклонения от истины (шутка, ошибка, сенсорные девиации, умолчание) [Текст] / В.М. Труб // Между ложью и фантазией. – М. : Индрик, 2003. – С. 426-441.
5. *Фрейд, З.* Ошибочные действия: Введение в психоанализ [Текст] / З. Фрейд. – М. : АСТ, 2010.

Список использованных словарей

1. *CIDE* – Cambridge International Dictionary of Current English [Text]. – Cambridge : CUP, 1995.
2. *MEDAL* – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Text]. – L. : Macmillan Publishers Limited, 2007.

3. *OED* – The Oxford English Dictionary. A New English Dictionary on Historical Principles [Text] / in 12 vol. – Oxford : Clarendon Press. – Vol. 7.

Список источников иллюстративного материала

1. Chase, J.H. A Lotus for Miss Quon [Text] / J.H. Chase. – М. : Менеджер, 2004.
2. Dailey, J. Northern Magic [Text] / J. Dailey. – N.Y. : Harlequin Books, 1986.
3. Greene, G. Comedians [Text] / G. Greene. – М. : Менеджер, 2003.
4. Shaw, I. Nightwork [Text] / I. Shaw. – СПб. : Антология, КАРО, 2005.
5. *WS* – The White Stocking [Text]. – М. : Рольф, 2001.

logosem@pochta.ru

Серова И.Г., Барнаул (Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ 'ГНЕВ' И 'РАДОСТЬ' В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «КОЛЛЕКЦИОНЕР»

В основе эмоционального концепта лежит оценка, как онтологическое свойство человека, который естественным образом квалифицирует окружающий его мир в соответствии с первичной моделью восприятия действительности по принципу «хорошо–плохо», «полезно – бесполезно», «красиво – уродливо», «нужно – ненужно» и т.д., при этом характер этой модели крайне субъективен. Эмоциональный концепт является разновидностью культурного концепта и также обусловлен этнически, что определяется такими социологическими, психологическими и культурологическими характеристиками конкретного общества, как традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п. [Красавский, 2001, с. 60-67].

В отечественной и зарубежной эмотиологии исследователями выделяется разное количество базовых эмоциональных концептов, но практически все к их числу относят радость и гнев.

Эмотивность используется в качестве важного средства интерпретации смысла художественного текста. Эмотивно-оценочный фрагмент художественного текста (в лексическом аспекте) является уникальным языковым материалом, в котором воплощаются когнитивные, прагматические и психологические особенности говорящих [Шаховский, 1996, с. 80-96]. В данном исследовании рассматривается текст произведения Джона Фаулза «Коллекционер» как источник, позволяющий судить об эмоциональном состоянии героев романа, и о способах вербализации концептов 'Гнев' и 'Радость'

Герои этой трагической истории о похищении девушки психически нездоровым коллекционером бабочек предстают практически полной противоположностью друг другу. У них разные интересы, разный стиль жизни, разное восприятие жизни. Как следствие, у них разные радости. Для Фредерика смыслом жизни стала Миранда. Даже мимолётно увидеть её приносит ему огромное удовольствие, переполняет его радостью. Притягательная внешность девушки буквально завораживает его.

1. *She didn't look once at me, but I watched the back of her head and her hair in a long pigtail. It was very pale, silky, like Burnet cocoons. All in one pigtail coming down almost to her waist, sometimes in front, sometimes at the back. Sometimes she wore it up. Only once, before she came to be my guest here, did I have the privilege to see her with it loose, and it took my breath away it was so beautiful, like a mermaid.*

Использование инверсии в предложении (*Only once did I have the privilege*) подчеркивает уникальность момента, а идиоматическое выражение *to take one's breath away* в данном случае является вербализацией наивысшего счастья, радости. Фредерик не находит слов, чтобы описать красоту девушки. Он сравнивает её с тем, в чём разбирается, с коконами бабочек. Он как будто прикасается к ней. Но она для него также недостижима, как русалка. Язык кажется простым, но созданный образ почти эфемерен. Портрет девушки как будто набросан тонкими, едва уловимыми красками. Он будто боится прикоснуться к видению, поэтому называет её «гостьей». Осознание того, что она в его доме доставляет ему огромную радость:

2. *I was so excited, her there at last in the flesh. So nervous. I wanted to look at her face, at her lovely hair, all of her all small and pretty, but I couldn't, she stared so at me. There was a funny pause.*

Он ощущает какую-то эйфорию: *excited, lovely, pretty, funny*. Это чувство вызвано осознанием того, что он совершил что-то невероятное:

3. *She was mine, I felt suddenly very excited, I knew I'd done it.*

Удивительно, но такие же чувства вызывают радость и у Миранды :

4. *Three nights ago was so strange. I was so excited at leaving this crypt. I felt so nearly in complete control. It suddenly seemed all rather a grand adventure, something I'd one day soon be telling everyone about. A sort of chess-game with death I'd rather unexpectedly won. A feeling that I had run a terrible risk and now everything was going to be all right. That he was going to let me go, even. Mad.*

Её тоже возбуждает чувство риска, совершения чего-то необычного, опасного, это даже кажется ей приключением. Но эйфория Миранды граничит с сумасшествием. Она задыхается. Самой большой радостью для неё станет свобода, воздух. Она думает об этом постоянно:

5. *First, the outside air, being in a space bigger than ten by ten by twenty (I've measured it out), being under the stars, and breathing in wonderful wonderful, even though it was damp and misty, wonderful air*

6. *All the time I was breathing in beautiful outdoor air. That was good, so good I can't describe it. So living, so full of plant smells and country smells and the thousand mysterious wet smells of the night.*

Воздух прекрасен, чудесен. Он символизирует свободу, жизнь. Миранда повторяет слова, как будто убеждает себя, что это реально, что есть мир вокруг.

Радость сменяется гневом. Неправильное с точки зрения Фредерика поведение Миранды кардинально меняет его отношение к ней:

7. *I never respected her again. It left me angry for days.*

8. *I sounded sharp, I'd had enough.*

После этого в описаниях Миранды появляются совсем другие эпитеты (*fierce and nasty, a fierce cold look, real poison in her voice* и др.) Его всё раздражает, она разрушила нежный и воздушный образ. То, что раньше вызывало радость, теперь вызывает гнев.

Что касается Миранды, то гневом пропитана буквально каждая минута пребывания в его подвале. Её раздражает все: его внешность, его манера говорить, его случайные деньги, его ограниченность и т.п.

9. *What irritates me most about him is his way of speaking.*

10. *It sickens me every time I think of all the money Caliban has won; and of all the other people like him who win money. So selfish, so evil.*

11. *I sense, the violence, hatred, absolute determination not to let me go.*

12. *I have been so full of hatred for him and his beastliness. His vile cowardice. His selfishness. His Calibanity.*

Её гнев выражается в действиях, что скорее говорит о безысходности:

13. *I've broken all the ugly ashtrays and pots. Ugly ornaments don't deserve to exist.*

14. *I hit my pillow so hard that it has looked reproachful ever since.*

15. *I am a moral person. I am not ashamed of being moral. I will not let Caliban make me immoral; even though he deserves all my hatred and bitterness and an axe in his head.*

Миранда отчаянно борется за жизнь не только потому, что хочет жить, но и потому, что не хочет доставлять ему радость избавления от неё.

16. *I'm not going to die for him.*

Роман наполнен эмоциями. Они постепенно нарастают и достигают своего апогея в момент смерти девушки. Всё успокаивается. И для Фредерика мир снова становится красивым, приятным и радостным.

17. *It was a lovely morning. The country round Lewes is very pretty.*

Контраст, как основной приём, использующийся в произведении, возникает в том числе и благодаря оппозиции ключевых эмоций данного художественного текста: гнев и радость. Это эмоции, которые сменяют друг-друга постоянно.

Эмоции Фредерика кажутся размеренными, контролируемыми. Его состояние статично. В описаниях его эмоций преобладают прилагательные. Он не размышляет, он констатирует факт, описывая действительность с помощью модели «хорошо-плохо» (для него). Его гнев и радость тоже однозначны и закономерны. Он не выходит из себя, его не мучают сомнения, он всё воспринимает поверхностно.

Миранда просто фонтанирует эмоциями, они управляют её мыслями и действиями. В описаниях преобладают динамические глаголы. Её настроение постоянно меняется. Если её что-то раздражает, она предпочитает от этого избавиться, она не может с этим сосуществовать.

С одной стороны каждый из героев, независимо от их культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, что делает их более/менее похожими друг на друга. Но в то же время в силу индивидуального варьирования эмоции делают каждого человека уникальным. Каждая конкретная семантико-психологическая и эмоционально-эстетическая реализация эмоционального концепта в границах эмотивно-оценочного фрагмента художественного текста определяется особенностями языкового сознания личности.

Библиографический список

1. *Красавский, Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н.А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001.

2. *Шаховский, В.И.* Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты [Текст] / В.И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. / Волг. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1996. – С. 80-96.

Источник иллюстративного материала

Fowles, J. The Collector [Text] / J. Fowles. – L. : Random House, 2004.

«ДОЖДЬ» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Общеиндоевропейское название «дождя» или скорее всего глагол, обозначающий «вызывание дождя» восстанавливается в виде основы *seu-/*su- в первоначальном значении «выжимать (жидкость); выдавливать, давить (сок); выгонять». «Дождь» соответственно мыслился как «выжимание, выдавливание (воды)» некоторым активным началом – божеством [Гамкрелидзе, 1998, с. 679].

Активное начало – божество как источник дождя в древнеиндоевропейских представлениях проявляется в специфическом употреблении глагола *seu-/*su- в сочетании с названием верховного божества: ср. у Гомера ἕε δ' ἄρα Ζεὺς «а Зевс послал дождь». В дальнейшем такая активная конструкция трансформируется в безличную и приобретает в греческом значении «идет дождь, дождит» [Гамкрелидзе, 1998, с. 679-680].

С точки зрения современного человека такой «безличный» глагол, как греч. ἕε «дождь идет», означает, что «дождь падает», но древнее значение было другое: так как каждое явление природы считалось результатом какого-то существа, подобного живому существу, то ἕε означало «божество, дух дождит». У Гомера нет формы ἕε, но дважды встречается выражение: ἕε δ' ἄρα Ζεὺς «а Зевс дождал». По-латыни говорили Ioue tonante «когда Юпитер гремит» и т.д. Еще характернее ведийское выражение vāto vāti «ветер веет». Явления природы обозначаются, следовательно, не безличными глаголами, а третьими лицами, подлежащее к которым – более или менее смутно представляемые божества – точно не обозначены [Мейе, 1938, с. 256].

Связь акта «посылания дождя» с верховным божеством, которое является «источником дождя», посылаемого на землю и игравшего существенную роль в земледельческом хозяйстве, служила причиной табуирования сакрального слова и заменой его другими лексическими образованиями. Этим объясняется относительная малочисленность исторических индоевропейских диалектов, сохранивших *seu-/*su- в значении «дождит». Древняя основа *seu-/*su- в значении «дождит», «дождь» сохраняется лишь в таких языках как греч. ἕε «идет дождь», алб. shi «дождь», прус. suje «дождь», тох.А, В sū-, swās «лить (о дожде)», А swase, В swese «дождь». По диалектному распределению этих слов *seu-/*su- в значении «дождит», «дождь» представляется очень древним, восходящим к периоду ранней диалектной общности. Во всех остальных индоевропейских диалектах эта основа заменена другими словами [Гамкрелидзе, 1998, с. 680].

В латинском первоначальное слово «дождит» заменяется новообразованием pluit «идет дождь» (в безличной конструкции) от и.-е. глагольной основы p^hleu- «плыть (в воде)»; «мочить». В славянском первичное и.-е. слово заменяется описательным выражением *dūždī (ст.-слав. dūždī, рус. *дождь*, польск. deszcz «дождь») из dus-dīu «дурной день». В германском древнее слово заменяется на новообразования от индоевропейской основы *teg- «мочить, орошать» [Гамкрелидзе, 1998, с. 680].

Рассмотрим более подробно готское слово ġign «дождь». Данные готского языка для нас очень важны, поскольку он является одним из наиболее древних германских языков и содержит пережиточные элементы, характерные для периода индоевропейской общности.

В готском ġign – существительное ср. р. с основой на -a-, имеющее значение «дождь». В других германских языках родственными гот. ġign являются: др.-англ. regn «дождь», др.-фриз. rein, др.-сакс. regan, regin, др.-в.-нем. regan, regin, regen, др.-исл. regn «дождь»; др.-исл. ġigna, др.-англ. ġignan, др.-фриз. reinia, др.-в.-нем. reganþ «идти (о дожде), дождит» [Pokorny, 1951-1969, с. 857; Lehmann, 1986, с. 284]. Все эти слова восходят к прагерм. форме *regna-. Имеются также типологические параллели в других индоевропейских языках: лат. irrigāre «орошать», ġigāre «проводить воду; увлажнять», алб. ġjeth, афган. ġodha «течь, литься; источник, капля», лит. ġōkė «мелкий дождь» [Pokorny, 1951-1969, с. 857]. Эти соответствия указывают на то, что готское слово ġign «дождь» является общегерманским, образованным от общеиндоевропейской основы *reg-/*rek- «мочить, орошать; сырой, влажный; дождь» [Pokorny, 1951-1969, с. 857; Lehmann, 1986, с. 284].

Приведем пример из Библии, в котором наглядно показано, что в качестве активного начала, посылающего «дождь», выступает божество. М 5.45 СА «ei wairþaiþ sunjus attins izwaris þis in himinam, unte sunnon seina urtanneif ana ubilans jah godans, jah **rigneif** ana garaihtans jah ana inwindans» — «да будете сынами Отца вашего на небесах, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить (поднимает солнце свое) над злыми и добрыми и посылает дождь («дождит») на праведных и неправедных» [Streitberg, 1919]. Мы видим, что подлежащего в данном случае нет, но общее содержание примера указывает на то, что источником дождя является божество, которое посылает его на землю, т.е. дословно можно сказать, что «бог дождит». Это реликты языческих представлений, которые сохранились и в других индоевропейских языках, например, в греческом, как уже было сказано выше.

Важно рассмотреть этнокультурные данные, чтобы понять какую роль играл «дождь» в жизнедеятельности людей.

Длительные наблюдения земледельца над явлениями природы научили его правильно оценивать пользу или вред дождя в определенные периоды созревания посевов. Если дождя долго не было, обращались за помощью к божеству: в древности – к языческому, позднее – к христианскому. В силу различных климатических, социально-экономических и исторических условий обряд этот совершался в разных формах и в разные сроки. С древности получили широкое распространение различные магические обряды – прежде всего

связывавшиеся с культом плодородия, с полезными свойствами воды. Одним из главных таких обрядов является обычай вызывания дождя [Филимонова, 1983, с. 134-135].

Приведем многочисленные примеры вызывания дождя у народов различных уголков планеты. Например, на большом острове к западу от Новой Гвинеи шаман вызывает дождь, разбрызгивая воду по земле веткой, сорванной с определенного вида дерева. Когда у индейцев племени омаха в Северной Америке посевы иссыхают от недостатка влаги, члены священного Общества буйвола наполняют водой большой сосуд и четырежды обходят вокруг него в танце. Один из них, набрав в рот воды, выпрыскивает ее в воздух, создавая, в подражание туману или моросящему дождю, тонкую водяную пыль. Туземцы Центрального Ангониланда в случае, если дожди не выпадают вовремя, направляются к так называемому «храму дождя» и просят богов о его ниспослании [Фрэнгер, 2003, с. 72].

Но такого рода обычаи распространены не только в глухих районах Африки и Азии и в знойных пустынях Австралии и Америки. Практиковали их и в более холодном климате, например, в Европе [Фрэнгер, 2003, с. 86].

В Европе обычай вызывания дождя наиболее полно сохранился на Балканах – древнейшем ее сельскохозяйственном центре. Этот обычай известен под двумя названиями: пеперуда и додола. Он заключается в том, что группа девочек во главе с пеперудой – нагой девочкой, закутанной в зелень, идет по деревне и полям. Участницы процессии поют песню о бабочке (*пеперуда* по-болгарски значит «бабочка»), летящей на небо к богу и молящей его о ниспослании дождя, который принесет обильный урожай. В древности о ниспослании дождя обращались с просьбами к мифологическому громовержцу Перуну, позднее – к Илье-Пророку [Филимонова, 1983, с. 13-136]. По мнению Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, это, возможно, предполагает повторяющиеся засушливые периоды, когда редкие дожди считались даром неба, который следовало выпрашивать у бога [Гамкрелидзе, 1998, с. 681].

Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что «дождь» имел большую обрядовую значимость в общеиндоевропейский период, это приводило к табуированию первоначального индоевропейского названия «дождя» в виде основы *seu-/*su-. В связи с этим в разных индоевропейских языках для обозначения «дождя» используются слова от различных индоевропейских основ. Кроме того, ритуалы вызывания дождя отражают общеиндоевропейские представления о дожде, ниспосылаемом верховным божеством – богом грома и молнии, у которого люди и выпрашивают дождь. Реликты этих представлений можно наблюдать и в современных индоевропейских языках, например, в использовании безличных конструкций для явлений природы, таких как англ. it rains «идет дождь», нем. es regnet, англ. it snows «идет снег», it thunders «гремит гром» и т.д., где it является результатом мифологических представлений человека.

Библиографический список

1. Гамкрелидзе, Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Благовещенск : Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998.
2. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе. – М., Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.
3. Филимонова, Т. Д. Вода в календарных обрядах [Текст] / Т.Д. Филимонова // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М. : Наука, 1983. – С. 130-145.
4. Фрэнгер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст] / Дж. Дж. Фрэнгер. – М. : АСТ; Ермак, 2003.
5. Lehmann, W.P. A Gothic Etymological Dictionary [Text] / W.P. Lehmann. – Leiden : E.J. Brill, 1986.
6. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Text] / J. Pokorny. – Bern, 1951-1959.
7. Streitberg, W. (1919) The Gothic Bible [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.wulfila.be>

ankasai@rambler.ru

Сильченко Е.В., Барнаул (Россия)

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ КОММУНИКАНТОВ

В рамках когнитивной лингвистики метафора понимается, прежде всего, как универсальный когнитивный механизм. В основе процесса метафоризации лежит взаимодействие целых когнитивных матриц – фреймов, которые организуют не только язык, но и мысли, восприятие, эмоции, процесс познания и моторную деятельность. Это объясняет системность метафор, так как наложение двух фреймов ведет к тому, что параметры (свойства, элементы и т.д.) одного явления переносятся и участвуют в структурировании другого явления, что, в свою очередь, приводит к появлению целой системы взаимосвязанных метафор. Процесс метафоризации идёт в соответствии с ограниченным числом когнитивных моделей, которые задают возможные

пути взаимодействия фреймов. Метафорическое употребление практически любого слова является результатом реализации одной когнитивной модели или нескольких моделей, выделяемых для данной группы слов [Лакофф, 2008].

В то же время любому современному языку свойственна богатая синонимия метафорических средств. В связи с этим особую значимость приобретает выявление причин использования конкретной лексики посредством объективирования соответствующей когнитивной модели метафоризации.

1. *It's not fair. I loathe Melanie Braithwaite. She's a **drip** and she's not my age* (Cooper, 45).

Почти четверть всех метафорических высказываний строятся на основе противопоставления коммуникантов по одной или нескольким чертам характера, например, занудство (1). Подобные метафорические употребления позволяют прогнозировать, во-первых, отсутствие называемой черты характера у самого адресанта. Во-вторых, негативная или позитивная оценка тех или иных качеств человека позволяет прогнозировать этический компонент личности метафоризатора. Набор негативно оцениваемых черт характера и поведения человека достаточно универсален. Однако ценностные доминанты носят национально-специфический характер, а также зависят от эпохи и социального статуса человека. Так, наиболее частотными в современном английском языке являются метафоры, актуализирующие признаки «половая распущенность», «безчувственность, индифферентность», «жестокость», «занудливость», «суровость, строгость» и «слабохарактерность». Фактор частотности свидетельствует, что из всего многообразия свойств характера наиболее актуальными для современного английского языкового сознания являются вышеперечисленные.

2. *The planter's bamboo cane fell on the lad's naked shoulders with stinging force. "Answer me, **you dog!** What's his name?"* (Sabatini, 71)

3. *"You underrated me." He spoke English, so that all might hear. "I tell you that I was not fear death, and I show you that I was not fear it. You no understand. You just an **English dog**"* (Sabatini, 105).

Анализируемые метафорические употребления (2, 3) позволяют выявить, прежде всего, эмоционально-психологическое противопоставление адресанта и адресата. Так, эмотивность высказывания *you dog* (2) задаётся семантически лексемой *dog*, выделяющейся на фоне стилистически нейтральной лексики, сопровождающей эту метафору. Использование повелительного наклонения без традиционных элементов речевого этикета (2) определяет динамичность и экспрессию высказывания. Завершает эмотивную тенденцию интонационное оформление реплики (2) – восклицательный знак. Функция обращения с пейоративным именованием оппонента актуализируется в ситуации стилистической сниженности через использование местоимения *you*, что обусловлено стремлением говорящего к оптимальному воздействию на слушающего. Таким образом, пресуппозиция и экспрессивность высказывания позволяют определить эмоциональное состояние говорящего, инициировавшее процесс метафоризации: ярость по поводу поведения оппонента (2) и/или глубокое презрение, антипатию к нему (2, 3). При этом употребление в речи бранных выражений позволяет прогнозировать негативный психо-эмоциональный портрет продуцента речи (2) – человек грубый, наглый, с завышенной самооценкой, плохо воспитанный или неуравновешенный. Однако если оскорбительное метафорическое употребление мотивировано эмоциональным состоянием человека, вызванным неадекватным поведением объекта метафоризации, продуцент уже не может восприниматься реципиентом негативно. Так, в высказывании *an English dog* (3) актуализируется типичная для метафорических употреблений с негативным компонентом интенция адресанта «оскорбление» (объекта номинации). Однако контекстуальные условия эксплицируют подчинённое положение говорящего (пленный обращается к своему врагу-победителю), что позволяет прогнозировать достаточно привлекательный психо-эмоциональный портрет адресанта: гордость, несломленность поражением и пленом, стойкость, т.е. качества настоящего офицера, которые не позволяют ему выказать страх.

В метафорическом употреблении *an English dog* (3), детерминант *English* репрезентирует основу для противопоставления адресанта и адресата – национальный признак. Однако вне контекстуальных условий этот признак недостаточно информативен и только фоновые знания (война Англии и Испании) позволяют понять общественно-социальную природу негативной оценки объекта номинации. Иными словами, для порождения данного метафорического высказывания релевантным являются национально-политические приоритеты адресанта.

4. *Pity she's chucking herself away on that **frog*** (Cooper, 326).

5. *"She's a Mrs not a Miss, you smarmy **Kraut**, and keep your hands off her," said Rupert, but quite amiably* (Cooper, 274).

Метафорические употребления *frog* и *Kraut* также актуализируют противопоставление по национальному признаку, однако негативная оценка национальной принадлежности объекта номинации изначально инкорпорирована в смысловую структуру метафоры, а не эксплицируется посредством детерминанта. Метафоры (4, 5), взятые вне контекста, не несут информации о национальности говорящего. Для реципиента очевидным является то, что продуцент не является представителем соответствующей нации. Однако подобные метафорические высказывания позволяют прогнозировать некоторое пренебрежение, ироничное отношение к представителям этих наций и/или ко всем иностранцам. Отсутствие в тексте романа других антропонимов позволяет прогнозировать некоторые национальные предпочтения, очевидно, обусловленные социально-историческими взаимоотношениями Англии с Францией и Германией.

6. "What was Rupert like at school?" asked Helen. "Same as he is now – *Torquemada*" (Cooper, 720).

Метафорическое употребление имени *Torquemada* (6) репрезентирует морально-нравственное противопоставление коммуникантов, однако выбор области – источника (инквизиция) свидетельствует, как минимум, об эрудированности говорящего в этой сфере. При этом отсутствие детерминантов и краткость, спонтанность метафорического высказывания (6) свидетельствуют о том, что продуцент убежден в доступности источника метафоризации для реципиента, то есть высоко оценивает его уровень образованности. Таким образом, процесс метафоризации (6) мотивируется таким формантом социального статуса как образованность, имеющим двойственную природу. С одной стороны, образование свидетельствует о принадлежности человека к определённому социальному слою. С другой стороны, образование формирует личность человека – его интеллект, ценностные ориентиры и сферы личностной пристрастности.

7. *A more tender-hearted man, possessing his vision and his knowledge, might have found cause for tears in the contemplation of these ardent, simple, Nonconformist sheep going forth to the shamble* (Sabatini, 9).

Метафорическое выражение *these ardent, simple, Nonconformist sheep* (7) строится по принципу разнофакторного противопоставления. С одной стороны, конвенциональное метафорическое употребление *sheep*, усиленное детерминантом *simple* и экспрессивной препозицией, актуализирует представление об интеллектуальной несостоятельности объекта номинации. В данном метафорическом пространстве относительно метафоризатора прогнозируется чувство собственного превосходства над именуемым по указанному параметру, то есть он постулирует себя как человека разумного и здравомыслящего. С другой стороны, использование детерминанта *Nonconformist* позволяет прогнозировать принадлежность говорящего к традиционному направлению вероисповедания (католик). Таким образом, процесс метафоризации определяется объективной характеристикой говорящего (конфессиональная принадлежность) и его субъективной оценкой собственных интеллектуальных способностей.

Уровень интеллектуальных способностей продуцента может репрезентироваться в речи двумя способами: 1) в форме самооценки, опосредовано прогнозируемой через его оценку интеллекта других людей (7); 2) как объективное свойство продуцента, обусловившее выбор метафорических средств (6).

Таким образом, метафоры не только эксплицируют особенности когнитивной системы говорящего, но и отражают доминирующую роль в процессе метафоризации таких свойств говорящего, как эмоциональный, психологический и социальный статус. В условиях богатства метафорических средств английского языка выбор конкретного способа образного выражения (когнитивной модели метафоризации) предопределяется, прежде всего, имманентными свойствами личности говорящего, его языковым и жизненным опытом, его предпочтениями и интеллектуальным уровнем. Эти и другие свойства метафоризатора декодируются реципиентом при восприятии метафорического высказывания и составляют важный смысловой компонент метафоры, так как обуславливают более точное и глубокое понимание как высказывания, так и намерений говорящего.

Библиография

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : ЛКИ, 2008.

Список источников иллюстративного материала

1. Cooper, J. Riders [Text] / J. Cooper. – L. : Corgi Books, 1986.
2. Sabatini, R. The Odyssey of Capitan Blood [Text] / R. Sabatini. – М. : Менеджер, 2002.

mssw@list.ru

Симоненко М.А., Астрахань (Россия)

СЕМИОТИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В НАИВНОМ ДИСКУРСЕ ГОРОЖАН

В естественном процессе освоения городской среды пространственные формы и отношения между ними наделяются знаковыми функциями, устанавливаются синтаксические, семантические и прагматические правила структурирования пространства города, то есть имеет место процесс, который мы называем семиотизацией. Каждый из нас, по словам А.А. Леонтьева, «занимает свою нишу в субъект-объектном пространстве», поскольку все мы «постоянно и непрерывно находимся с миром в тех или иных отношениях – мы воспринимаем его, переживаем его, осознаём его, действуем в нём... и отдельные компоненты психического мира – это абстракция от этого непрерывного диалога человека с миром» [Леонтьев, 2001, с. 264]. Наша постоянная включённость в коммуникативное пространство города делает нас активными интерпретаторами городских пространственных текстов, в процессе восприятия и прочтения которых формируются индивидуальный образ города, построенный на основе взаимодействия чувственного, рационального и эмоционального аспектов функционирования индивида. Этот процесс осложняется рядом естественных эволюционных факторов, определяющих специфику развития современных городов. К числу таких факторов относятся проницаемость и открытость пространств, иллюзорность границ, размывание различий между телом

и городом. По мнению Н.В. Злыдневой, «современный город... допускает негативное пространство, разрывы... подобно тексту дискретного типа. Этим он обособляется от пейзажа природной среды как области знаков непрерывного типа» [Злыднева, 2008, с. 185]. Современный город представляет собой своеобразный коллаж, созданный в результате напластования, наслоения разнокодовых сообщений, причём эта картинка постоянно меняется в силу динамичности развития современных городов. В таких условиях чрезвычайно лабильными представляются синтаксические и семантические свойства знаков семиосферы города, подвижность синтактики и семантики неизбежно влечёт вариативность в прагматическом аспекте знака, что подтверждается данными нашего исследования.

Проведённый нами опрос жителей города Астрахани помог выявить некоторые свойства значимого пространства города в представлении рядовых горожан. Опрос проводился на центральной улице – площади Октябрьская, прохожих в произвольном порядке спрашивали, как пройти к Краеведческому музею, объекту, хорошо известному большинству жителей Астрахани. Все ответы записывались на диктофон, затем транскрибировались и обрабатывались. Всего было опрошено 30 человек. Нас интересовали индивидуальные стратегии означивания топографического пространства города, объективированные в спонтанных высказываниях горожан об одном из фрагментов городского окружения. Опрос показал, что город воспринимается как текст, в процессе прочтения которого пространственные формы и отношения наделяются знаковыми функциями и присваиваются индивидом, становясь частью его концептосферы. Ментальная проекция фрагмента целостной пространственной картины выстраивается на основе базовых универсальных когнитивных опор (перцептивный опыт) с подключением культурного опыта и личностных оценок.

В психологии пространственные представления, связанные с ориентированием на местности, описываются в терминах когнитивных карт, которые представляют собой апперцептивные схемы с ориентирами в виде определённой последовательности мест [БПС, 2009, с. 508]. Наш опрос показал, что наиболее частотными ориентирами, основными маркерами значимого пространства города являются улицы и здания:

«Краеведческий, по-моему, на Свердлова. По дороге пройдёте и направо»; «От Крепости есть дорога, вот этот переулок. Прямо пойдёте. Это недалеко от кинотеатра “Родина”».

В случае если наименование урбанонима не всплывает в памяти сразу, фокус внимания смещается на означающее знака-ориентира – его форму и цвет:

«Это по Советской. Вот она, Советская, красный дом. По Советской прямо, там увидите зелёное здание с правой стороны за красным зданием»; «Вот башня с часами. Прямо туда идёте. Белое здание..., красное здание, точнее».

В процессах членения и осмысления пространства, в особенности, обустроенного пространства города, значима роль предметных образов; по мнению Е.С. Яковлевой, «пространство “прочитывается” по объектам, его заполняющим», «без объектов внешнее пространство как бы не существует – не поддаётся описанию» [Яковлева, 1993, с. 54]. Предметные образы городской среды, сформированные перцептивной системой, образуют своеобразные узлы, смысловые «сцепки» в ментальной карте города, тем самым структурируя пространство города и придавая ему значимость и значение. Изначальные целостность и предметность восприятия обуславливают выбор значимых городских объектов (или их признаков) в качестве главных ориентиров в процессе вербализации пространственной сцены.

Среди высказываний реципиентов встречаются случаи, когда объяснение пути не содержит указания на какие-либо ориентиры. Например,

«Вам лучше вот так идти... Вон там прям близко... Там направо, до конца и направо».

Вероятно, в процессе речепроизводства через внутреннюю речь происходит развёртка ментальной проекции соответствующего пространственного фрагмента, при этом человек, объясняющий путь, помещает себя внутрь пространственной сцены и соотносит все перемещения в пространстве с движениями собственного тела, пропуская реконструируемую ситуацию движения через себя, следствием чего становится естественное игнорирование избыточной с точки зрения субъекта движения информации.

Даже при отсутствии в сознании соответствующей ментальной схемы определённого фрагмента местности реципиент даёт собственную интерпретацию пространственной сцены, включая в процесс распознавания пространственных связей и отношений весь свой перцептивно-когнитивно-аффективный опыт. Для иллюстрации сказанного приводим разговор между одним из участников опроса и интервьюером:

- Краеведческий? Сейчас вспомню. Это на улице Свердлова?

- Не знаю. Мне сказали, здесь недалеко.

- С Октябрьской недалеко? Я знаю Зал Боевой Славы. Это здесь недалеко, подняться, но там не Краеведческий, там Зал Боевой Славы. А если им дальше по Свердлова к Большим Исадам пройти? Нет, там Картинная Галерея. Краеведческий? Даже не знаю.

В памяти реципиента всплывает сразу несколько пространственных сцен, смена сценариев пути указывает на активный поиск нужной схемы движения, что можно объяснить феноменом «живого движения», то есть такого движения, которое каждый раз строится заново и потому всякий раз уникально, поэтому даже в перцептивно пустом геометрическом пространстве «строящееся моторное поле начинает заполняться “чувственной тканью”». Моторное поле строится посредством поисковых пробующих движений, зондирующих

пространство во всех направлениях» [Сахарова, 2005, с. 704]. Интерпретация пространственной ситуации происходит в системе координат, сформированной на основе актов «живого движения».

Следует уточнить, что искомым объектом – здание Краеведческого музея – расположен в самом центре города, где особенно высока семиотическая насыщенность пространства, в связи с чем выбор ориентиров может значительно варьироваться. В процессах восприятия и означивания пространственных отношений велика роль культурного опыта – «за пределами относительно небольшого объема универсальных пространственных концептов роль культурного своеобразия значительно возрастает» [Брунова, 2007, с. 19]. Самые частотные ориентиры в нашем опросе можно считать культурными доминантами города.

Восприятие городского пространства, по данным нашего исследования, одновременно целостно и фрагментарно. Горожане легко распознают и вычленивают из целостной картины города один из пространственных фрагментов. Вместе с тем всплывающая в памяти пространственная сцена целостна, поскольку представляет собой определенным образом организованное пространство – в сознании выстраивается когнитивная схема топографического фрагмента города, узловыми компонентами которой становятся запечатленные в памяти образы улиц и архитектурных объектов. Пространственные отношения структурируются горожанами на основе их перцептивного опыта, под влиянием культурных норм и при постоянном эмоционально-оценочном переживании воспринимаемого.

Библиографический список

1. БПС – Большой психологический словарь / Сост., общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко [Текст] / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М. : АСТ МОСКВА; СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 508-509.
2. Брунова, Е.Г. Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира : автореф. дис. ... д-ра филол. н. [Текст] / Е.Г. Брунова. – М., 2007.
3. Злыднева, Н.В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века [Текст] / Н.В. Злыднева. – М. : Индрик, 2008.
4. Леонтьев, А.А. Деятельностный ум (Деятельность, Знак, Личность) [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2001.
5. Сахарова, Н.А. Движения как зеркало души // Психология телесности между душой и телом [Текст] / Н.А. Сахарова. – М. : АСТ МОСКВА, 2005. – С. 700-716.
6. Яковлева, Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира [Текст] / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1993. – №4. – С. 48-62.

MASimonenko@yandex.ru

Сироткина Т.А., Сургут (Россия)

НАЗВАНИЯ НАРОДОВ КАК ОБЪЕКТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОЙ ЭТНОНИМИКИ

Названия народов (этнонимы) являлись объектом целого ряда научных исследований. Ученые обращались к этимологии этнических названий [Супрун, 1976; Ковалев, 1982], историческим аспектам этнонимии [Хабургаев, 1979; Шапошников, 1992], словообразованию названий этносов [Попова, 1999; Ковалев, 2003], их семантике [Опелова, 1982; Кручинина, 2004], историко-культурному [Бурыкин, 2006] и страноведческому потенциалу [Иванов, 1987].

В этнонимике, как и в антропонимике [Смольников, 2005, с. 2], можно выделить два направления – этнонимическую ресурсную, используемых для номинации человека по этнической принадлежности, и функциональную этнонимическую, рассматривающую функционирование этнических имен в социальной, жанровой, языковой среде, их репрезентацию в различных типах дискурса. Актуальным на данном этапе развития науки является, на наш взгляд, второе направление. Его логично назвать даже функционально-когнитивной этнонимикой, поскольку функционирование этнических имен необходимо рассматривать через призму картины мира и, в частности, категории этничности, являющейся важной составляющей языковой картины мира любого народа.

Особенно показательным представляется рассмотрение функционирования этнонимов в рамках отдельного региона. Это, на наш взгляд, помогает, с одной стороны, расширить лингвистические знания о региональном этнонимиконе, с другой – выстроить некую структуру когнитивной категории этничности: выявить, какие единицы ее образуют, как они меняются с течением времени, а также то, каким образом они представлены в различных типах дискурса.

Рассмотрение названий народов Пермского края, функционирующих в различных типах пермских текстов, позволяет сделать следующие выводы:

1. Категория этничности – одна из самых существенных в языковой картине мира. Определение людьми на уровне обыденного сознания принадлежности к тому или иному этносу выражается в выборе наименования – этнонима, который представляет собой языковую составляющую категории этничности.

2. Категория этничности – категория историческая. В разные периоды времени и в текстах разных дискурсов для ее вербализации используется определенный набор этнических имен, выполняющих одни и те же основные функции – различения «своих» и «чужих», отражение стереотипных представлений о представителях того или иного народа.

Доказательством «вневременного характера» этничности может служить рассмотрение этнонимии делового дискурса разного времени. Проанализировав этнонимы пермских памятников деловой письменности XVI – начала XVIII вв. и современные деловые документы, мы констатируем, что с течением времени изменение социальной среды (приток населения разных национальностей) привело к количественному изменению пермского этнонимикона – появлению в нем таких названий, как *грузины, цыгане, таджики, осетины, греки* и т.д. На протяжении рассматриваемого периода (XVI – XX вв.) изменился и качественный состав пермского этнонимикона: на смену этнонимам *вогулы, остяки, вотяки, зыряне* пришли официальные названия *манси, ханты, удмурты, коми-зыряне*. Большая часть из них является самоназваниями, что свидетельствует о смене когнитивного типа в номинации этносов: русский язык постепенно осваивает те этнические имена, которыми называют себя представители народа.

С течением времени категоризация этничности теряет ту степень обобщенности, которая была характерна для нее в XVI – XVIII вв. – уходит из употребления собирательная форма этнонаименований (*литва, черемиса, мордва*). Постепенно в этнонимиконе исчезают широкие номинативные ряды; для обозначения того или иного народа используется в настоящее время единственно возможное этническое имя (*татары* вместо многочисленных *татарове, татаре* и др.).

По сравнению с документами прошлых эпох в современной деловой речи теряют свою актуальность формулы «отэтнонимное прилагательное + слово *люди*», активно использовавшиеся в памятниках. Это свидетельствует о наличии тенденции к упрощению состава этнических имен. В современном деловом языке сохранили свою актуальность формулы с отэтнонимным прилагательным, использующиеся, например, в номинации эргонимов (*Украинский дом, Армянский культурный центр*).

Неотъемлемой чертой категории этничности остается ее вербализация в этнопонимах. Человек называет пространственные объекты именем того народа, который жил на данной территории. Ксенономинация (номинация через чужое) свойственна различным видам топонимов – гидронимам (река *Вогулка*), ойконимам (д. *Чувашево*) и т.д.

3. Категория этничности – одна из основных в концептосфере «Человек». Способами ее репрезентации являются концептуализация и ассоциирование. Этнонимия – это концептуализированная предметная область языка и культуры, ядро которой составляет концепт «этнос», состоящий из концептуальных областей «язык», «внешность», «материальная культура», «духовная культура» и др.

Область «язык» – одна из особо важных. Отличие по языку – основное отличие одной нации от другой, что хорошо репрезентируется в текстах живой речи: «Зырянский у них язык свой. На заводах работали. Санки у них свои были. С русскими по-русски, меж собой по-зырянски говорили»; «Мама! Как вогулы-то говорят? По-русски, по-татарски?»; «Есть татары, у их зовут «абдул непутный ревет»; «Да ты никакой язык не понимаешь. Ни белорусской, ни татарской»; «От ихнова слова от мордвинского»; «Своя нация – цыганы. Говорят по-своему между собой, не поймешь».

Области «материальная культура» и «духовная культура» также важны при различении «своего» и «чужого»: «Платок-от у тебя каки-то татарской. Раньше оне фсе такие любили»; «Вот ляпа. Обляпалась вся. Штаны как у татарки выпушилены наверх. Вот чудо морское»; «В Вёлсе две церкви было. Одна для русских, друга для татар».

Но первое отличие, по которому можно узнать представителя этноса – какие-либо внешние признаки. Поэтому область «внешность» также является одной из важных областей концепта «этнос»: «У них своя нация – сами черные, под вид цыганов. Раньше назывались казаки. И они гордились, что так назывались»; «Вогулы – народ, особая нация, степные люди, косы носят, глазки у них узенькие, похожи на первобытных людей, бог у них тоже свой. Они сюда приезжали» (в данном контексте репрезентируется, наряду с областью «внешность», область «духовная культура»).

4. Функционирование этнонимов определяется той сферой, в которой создается текст. В деловом дискурсе XVI – начала XVIII в. этнонимы входят в формулы именования лица. Их функционирование подчиняется нормам делового языка, они способствуют уточнению сказанного, конкретизации высказываний. В научном дискурсе этнонимы являются терминами, развивающимися вместе с развитием гуманитарных отраслей знания. Этносновы входят в состав сложных терминов, называющих различные стороны этничности. Диалектный дискурс отличается использованием этнонимов в нарицательном значении, образованием на их основе устойчивых сочетаний. В художественном дискурсе этнические имена и образования от них отражают представления об этничности автора или целого языкового коллектива.

Таким образом, функционально-когнитивный подход к анализу этнонимического материала позволяет нам не только выявить особенности функционирования этнических имен в разных типах текстов, но и показать, каким образом этнонимия отражает когнитивную категорию этничности, являющуюся неотъемлемой частью картины мира любого народа.

Библиографический список

1. Бурькин, А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири) [Текст] / А.А. Бурькин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006.
2. Иванов, С.С. Этнонимы современного русского литературного языка: дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / С.С. Иванов. – Л., 1987.
3. Ковалев, Г.Ф. История русских этнических названий [Текст] / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, 1982.
4. Ковалев, Г.Ф. Этнос и имя [Текст] / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003.
5. Кручинина, А.В. Семантическое пространство обско-угорской и самодийской этнонимии : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / А.В. Кручинина; Тюмен. ун-т. – Тюмень, 2004.
6. Опелова, М. Этнонимическая лексика в составе глагольно-именных сочетаний (на материале Новгородской первой летописи) : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / М. Опелова; Волгогр. ун-т. – Волгоград, 1982.
7. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999.
8. Смольников, С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI – XVII веков): автореф. дисс. ... д-ра филол. н. [Текст] / С.Н. Смольников; СПб. ун-т. – СПб., 2005.
9. Супрун, В.И. Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов [Текст] / В.И. Супрун. – Л., 1976.
10. Хабургаев, Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» [Текст] / Г.А. Хабургаев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979.
11. Шапошников, В.Н. Историческая этнонимика : уч. пос. [Текст] / В.Н. Шапошников. – СПб., 1992.

sirotkina71@mail.ru

Смагулова Г. Н., Алматы (Казахстан)

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Поскольку нет общего, одобренного всеми представления о значении когнитивных структур, можно говорить о том, что нет и алгоритма когнитивно-семантического анализа фразеологизмов. Поэтому, как говорит Н.Ф. Алефиренко, необходим метод моделирования когнитивной структуры, лежащей в основе содержания и во внутренней форме фразеологической единицы, так как нет особого лингвистического анализа когнитивной фразеологии [Алефиренко, 2008, с. 129]. При анализе концептов можно использовать отдельные приемы когнитивной семантики, к которым относятся: дефиницирование; контекстуальный анализ; этимологический анализ; анализ синонимических рядов и антонимических пар выражений, репрезентирующих концепты; анализ казахских пословиц, поговорок, афоризмов, индивидуальных высказываний. Исследователи, опираясь на собственные представления о природе концепта, часто придерживаются методов когнитивного и культурологического анализа. Культурологическое исследование особенностей употребления и устойчивости фразеологических концептов начинается с изучения их этимологии, культурных первоисточников. Определение внутренней формы фразеологического концепта упирается в связанные с этим концептом национальные традиции и обычаи, т.е. в этнокультуру. Когнитивный и культурологический методы в когнитивной фразеологии дополняют друг друга. Только комбинированное использование данных методов анализа во фразеологии дает конкретные результаты.

Когнитивный анализ фразеологизмов опирается на словари, прецедентные тексты, индивидуальные высказывания языковых личностей, фольклорные тексты, публицистические тексты, паремии. Семантико-когнитивный анализ фразеологизмов опирается на текстоцентрический принцип и принцип поля. Здесь достаточно вспомнить, что фразеологизм является «текстом в тексте» и лишь в тексте может проявлять свои свойства. Согласно современной ономастической теории, структурное поле фразеологического концепта составляют *ядро* и *периферия*. Близость смысловых элементов к ядру определяется их ценностью для выражения идеи концепта. Значение периферии здесь также не остается без внимания. На периферийных участках фразеологический концепт, как правило, основывается на культурных и прагматических понятиях. Поэтому анализ фразеологического концепта опирается на его языковую семантику и лингвокультурные особенности: *историю*, *культуру*, *быт* и др. Когнитивный анализ направлен на всестороннее раскрытие смыслового фона устойчивых словосочетаний, а также глубокое и продуктивное исследование семантики фразеологии. «В отличие от структурной лингвистики, ориентированной на систему языка, когнитивные исследования ориентированы на связь системы языка со средой» [Гольдберг, 2003, с. 43], поэтому когнитивное исследование фразеологического материала в сформировавшем фразеологизмы дискурсивном пространстве означает рассмотрение их в контексте естественной языковой среды. Дискурсивная среда – это отображение в сознании среды, существующей во внутреннем и внешнем восприятии человека и ее интерпретация средствами

языкового миропонимания. На долю когнитивного анализа выпадают преобразования фразеологических оборотов, интерпретация, сохранение и передача интеллектуально-эмотивной информации. Наиболее целесообразными для когнитивной фразеологии представляются два метода: метод когнитивного анализа и метод фреймового моделирования.

Методы анализа фразеологических концептов предполагают обзор первичной информационной семантической структуры концепта. Вообще косвенно-производные номинации – результат лингвокреативного мышления. Значит, в индивидуальном восприятии человека картина окружающего мира отображается вторично в дискурсивном описании. Поскольку в такой информации об истинном видении предмета или явления преобладает субъективная сторона, здесь могут иметь место неожиданные, внезапные фантазии. Например, *suga suïeni* (букв.: *опираться на воду*) – о безнадежности, бесперспективности.

Концепт, являясь «значением символов», определяет семантику языковых знаков [КСКТ, 1996, с. 92]. Придерживаясь этого положения, некоторые исследователи (Н.Ф. Алефиренко) дают дополнительные пояснения. Во-первых, фразеологическое значение шире концепта и имеет лингвокреативные стороны, образующие его периферийные участки. Во-вторых, по определению концепта, семиотическое направление и основные языковые единицы склоняются к внешней форме слова. Концепт, заключенный во фразеологизме, не зря называют лингвокреативным. У этого явления в когнитивной фразеологии есть важная цель – показать специфические особенности «фразеологического концепта». Основной из них является то, что концепт, как правило, может существовать и вне языка (в музыке, живописи, архитектуре, скульптуре). Разумеется, в языковой коммуникации, концепт реализуется посредством говорения. Быстро и легко раскрыться концепту позволяет слово в прямом значении. К примеру, слово *аке / отец* составляет основу концепта «Аке»: *мужчина, имеющий детей* [СКЛЯ, 2 т. 2006, с. 403]. Если бы концепт данного слова был многозначным, было бы трудно определить, о каком именно концепте идет речь. Так, в словаре казахского литературного языка рассмотрено 23 значения слова *bas / голова*. Например, *Bas – голова, суц. 1. а н а т. Верхняя или передняя подвижная часть туловища человека или животного ... 3. Выдающийся человек 14. Организатор, руководитель чего-либо...; 22. Начало какого-либо процесса* [СКЛЯ, 3 т. 2006, с. 10-11]. При образовании концепта из вторичных наименований в переносном значении возникают противоречия: например, *kayginin bulti* (*kaysi* – печаль, *bult* – туча) – здесь туча олицетворяет печаль. Посредством фразеологизмов выявляются лингвокреативные концепты, таившиеся в глубинах языковой семантики. Однако, не спугают концепты только те, кто знает их фразеологическое значение. К примеру: *jaman tuïenin jabuïnday* (букв.: как попона плохого верблюда) – *совсем изношенный, расстрепанный, старый* (концепт «*tuïe / верблюд*» или концепт «*eski / старый*»?); В действительности семантико-когнитивный анализ значения приведенного примера предусматривает необходимость в первую очередь отличать друг от друга источники, связанные с объектом. Для этого нужно определить дискурсивную среду фразеологизма в концепте. Очевидно, что в этой связи для понимания смысла ментальных единиц необходимы фоновые знания. Верблюда покрывают попоной по двум причинам. Во-первых, потому что, как правило, верблюды быстро простывают (высокий рост и наличие горбов не дают возможность держать этот вид скота в загонах, особенно в большом количестве). Во-вторых, чтобы уберечь от сглаза верблюжат (старой попоной покрывали обычно верблюжат не особо ценных пород). Здесь раскрытию смысла фразеологизма способствует слово *попона*. Это выражение употребляется по отношению к человеку и характеризует вызывающее поведение, неблагоприятные или неуместные поступки кого-либо. Таким образом семантико-когнитивный анализ фразеологизмов осуществляется в двух направлениях: с помощью реконструированной вербализации выбранного концепта фразеологическими средствами; с помощью ключевых слов в зависимости от их семантики и употребления в дискурсивном тексте. Указанные направления не обособляются, а, наоборот, дополняют друг друга.

Результаты исследования когнитивных параметров фразеологизмов находят отражение в трудах по фразеографии, что особенно характерно для русского языкознания. Так, в «Большом фразеологическом словаре русского языка», вышедшем в 2006 г. под редакцией В.Н. Телия, комплексные сведения о русской фразеологии подвергнуты когнитивному анализу.

В качестве следующей работы по лингвокогнитивному исследованию фразеологизмов, содержащей сведения о культурно-познавательном пространстве русской идиоматики, можно отметить фразеологический словарь Н. Алефиренко и Л. Золотых [Алефиренко, Золотых, 2008]. Несмотря на то, что данный словарь разработан в соответствии с общими принципами русской фразеографии, он отличается от большинства других фразеологических словарей тем, что при отборе материала здесь выбирались только культурно значимые фразеологические единицы, т.е. фразеологические концепты. Словарная статья в нем состоит из нескольких частей, в которых указывается: 1) главная тема (лемма), 2) иллюстрация, 3) функциональная грамматика, 4) речевые функции, 5) концепт (субконцепт), 6) лингвокультурологическое использование выражения в речи (в элитной или обыденной лингвокультуре), 7) способы закрепления в языковой памяти народа.

Попробуем применить методы лингвокогнитивного анализа в казахской фразеографии.

1. AT SHAPTIRIM JER (букв.: место, до которого нужно скакать на коне) – *используется в качестве меры длины*. Синонимы: *kunan shaptirim jer* (*kunan* – трехлетний жеребенок, *соотв.*: место, до которого можно доскакать на трехлетнем жеребенке), *tai shaptirim jer* (*tai* – стригунок, жеребенок по второму году, *соотв.*: место, до которого может доскакать стригунок) и др. Антонимы: *karga adim jer* (*karga* – ворона, *букв.*: на

расстоянии вороньего шага, совсем близко, рукой подать), *tayak tastam jer* (*tayak* – палка, *букв.*: на расстоянии брошенной палки, на близком расстоянии).

2. *Daryanin sol jaginda at shaptirim dai jerde Aksak Temir uakitinda salingan mangit ruinin dyhasi-mangit, odan ari bir kundik jerde Urgenish shahari jatkan ... (I. Esenberlin «Koshpendiler»).* – «... А напротив, на другом берегу (Джейхундары – Сырдары), стоял город Мангит, построенный еще при Хромом Тимуре. Это было на расстоянии одного дня пути от Ургенча» [И. Есенберлин, «Кочевники», перевод с казахского М. Симашко]. Здесь И. Есенберлин с помощью выражения *at shaptirim dai* определяет расстояние между городом Мангитом и Сырдарьей.

3. Соотносится с именем прилагательным. В предложении выполняет роль определения; 4. В речи используется для определения дальнего расстояния между двумя объектами; 5. Концепт «Мера»; субконцепт «далеко»; 6. Обыденная лингвокультура; 7. В языковой памяти сохранилось в связи с народными об измерениях расстояния с помощью привычных средств передвижения.

Формирование *слов и устойчивых словосочетаний* в казахском языке, обозначающих меры **расстояния, длины, веса, объема** напрямую связано с примитивным восприятием картины мира в понимании этноса. Единицы меры особенно ярко отражают представления о времени и пространстве, свойственные этнической картине мира.

Поскольку фразеологический концепт формируется коллективным и индивидуальным миропониманием, отражающим накопленный людьми опыт, субъективные представления во фразеологической семантике занимают главное место.

Библиографический список

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Белгород, 2008.
2. *Алефиренко, Н.* Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики [Текст] / Н. Алефиренко, Л. Золотых. – М. : Эллис, 2008.
3. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / Отв. ред. В.Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
4. *Гольдберг, В.Б.* Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования [Текст] / В.Б. Гольдберг. – Тамбов, 2003.
5. *Есенберлин, И.* Кочевники [Текст] / И. Есенберлин / пер. с каз. М. Симашко. – Алматы, 2005.
6. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
7. СКЛЯ – Словарь казахского литературного языка [Текст] / На казах. яз. В 3 т. Алматы, 2006.

Smagulova.g@mail.ru

Смирнова А.Г., Кемерово (Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ КРОСС-ГЕНДЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Гендерные исследования, направленные на познание человека и связанные с изучением взаимосвязи биологического пола человека с его культурной идентичностью, социальным статусом, особенностями психики и поведения по-прежнему остаются перспективной областью современной лингвистики. Изучение гендера предполагает учет различных параметров: культурных норм и ценностей, принятых в данное время в данном социуме, социальный статус мужчины или женщины, его поведение на вербальном и невербальном уровне, ожиданий по отношению к мужчине или женщине, существующих в обществе, их соответствующая деятельность, которая принимается и оценивается как гендерно верная.

Речевая деятельность всегда социальна, так как она является частью общественной жизни любого человека. Речевая деятельность реализуется речевым общением, а именно посредством конкретного коммуникативного акта, в котором участвуют не менее двух респондентов. В настоящем исследовании вслед за рядом исследователей (Красных В.В., Муравьева Н.В. и другие) используется термин коммуникативный акт, который в отличие от речевого акта нацелен на коммуникацию, на контакт, тогда как речевой акт является более общим понятием. Социальный аспект накладывает значительный отпечаток на особенности протекание коммуникативного акта. При этом, можно рассматривать различные признаки: социальный статус человека, возраст, место проживания и т.д. В рамках данного исследования рассматривается гендерной принадлежности коммуникантов. Это представляет интерес с точки зрения выявления проявлений гендерных стереотипов в коммуникации.

Е.И. Горошко, исследуя речевое поведение рядовых носителей русского языка, экспериментально доказывает и устанавливает особенности мужского и женского вербального поведения, а также мужского и женского стиля речи. «Анализируются и описываются все различия, обнаруженные в языке мужчин и женщин в области фонетики (особенности произношения тех или звуков, просодических элементов), организации

словаря мужчины и женщины, грамматических особенностей их речи (статистического превалирования одних грамматических средств языка над другими), в морфологии (частотные характеристики употребления и варьирования частей речи), синтаксисе (использование различного типа синтаксических связей и конструкций) и дискурсе» [Горошко, 1996, с. 11].

Женщины часто употребляют чрезмерно вежливые формы, меньше ругательств и вульгаризмов, нежели мужчины. Однако, в отличие от мужчин, стиль женской речи характеризуется как неуверенный, так как женщины часто прибегают к «подстраховочным» вопросам (Да? Так? Не правда ли?), вместо того, чтобы чётко формулировать высказывания [Табурова, 1999, с. 36-37]. Язык женщин даже характеризуется как язык оправданий, а язык мужчин как язык объяснений [Кеу, 1975, р. 147].

Возьмем в качестве примера коммуникативный акт приветствия в немецком языке. В результате гендерного анализа речевых ситуаций приветствия нами была выявлена следующая характерная особенность в использовании коммуникативных стратегий: при приветствии собеседника адресанты-женщины гораздо чаще, по сравнению с мужчинами, используют обращение, то есть называют адресата по имени („Hallo, Fred“ (Böll, 1966, S. 75)), фамилии („Guten Abend, Herr Erdmenger“ (Böll, 1993, S. 18), используют обращения по званию, профессии или социальному статусу („Guten Morgen, Herr Doktor!“ (Dillenburger, 1991, S. 153)). Мужчины же в большинстве случаев ограничиваются только приветствием, не используя при этом непосредственного обращения к адресату: „Guten Morgen“ (Böll, 1966: 42); „Grüss!“ (Görlich, 1976, S. 38); „Servus“ (Remarque, 1963, S. 373). Таблица ниже демонстрирует данные исследования. Были исследованы 300 примеров женских и 300 примеров мужских приветствий, отобранных из немецкоязычной художественной литературы.

Приветствие	Мужчины	Женщины
Использование обращений	45%	70%
Приветствие без обращения	55%	30%

Таким образом, гендерная дифференция проявляется довольно ярко в речевом общении. Говоря о различиях в вербальном поведении полов, необходимо отметить, что они носят не инвентарный (наличие отдельных «мужских» и «женских» вариантов языка), а вероятностный характер и выражаются в существовании определённых статистических различий в частоте и особенностях использования различных коммуникативных стратегий и языковых средств.

Работая в области гендерных исследований, мы заметили интересную особенность, наиболее ярко гендерная дифференциация проявляется именно в кросс-гендерной коммуникации. Кросс-гендерная коммуникация понимается нами как коммуникация между представителями противоположных полов и реализуемая посредством определенных коммуникативных актов. При этом кросс-гендерная коммуникация может быть реализована вербальным и невербальным путем. Рассмотрим примеры вербальной репрезентации кросс-гендерной коммуникации.

В ситуациях обращения к мужчине адресанты-женщины в 3 раза чаще, чем мужчины, используют прилагательные (в том числе и субстантивированные) с корнем *-lieb-*. Например: *“Ich tat noch mehr, Lieber”* (Rietzschel, 1988, S. 179) – «Я сделала ещё больше, милый»; *“O, Liebling, nun bist du nicht mehr böse”* (Rietzschel, 1988, S. 84) – «О, дорогой, ты больше не злишься». Женщины в силу своей эмоциональности, открытости, большей, чем у мужчин, ориентированности на адресата употребляют больше ласковых обращений.

Адресанты-мужчины чаще, чем женщины, используют при обращении к женщинам притяжательное местоимение *mein*: *“Mein kleines Mädchen”* (Klavan, 2002, S. 303) – «Моя малышка». Данная особенность свидетельствует о том, что мужчины в большей степени стремятся доминировать в общении, в определённой мере проявляя чувство «собственности» с помощью использования притяжательных местоимений.

Большой простор для исследований кросс-гендерной коммуникации представляет собой коммуникативный акт «комплимент».

Комплимент как коммуникативный акт, в семантике которого уже изначально заложено воздействие на адресата (т. е. момент «властный», элемент коммуникативной «игры во власть») [Двинянинова, 2002, с. 118], подразумевает постоянный учет гендерной принадлежности реципиента. При этом следует отметить, что выбор адресата, в свою очередь, во многом зависит от гендерной принадлежности самого адресанта. Считается, что чаще всего комплименты делают мужчины, а основным адресатом их комплиментов является женщина. Это связано с гендерными стереотипами, согласно которым, комплименты принято делать женщинам, так как это им нравится.

Пристальный анализ примеров комплиментов, отобранных из немецкоязычной художественной литературы выявил, что более чем половине случаев комплиментов репрезентируются в кросс-гендерной коммуникации, при этом 48 % комплиментов мужчины говорят женщинам и лишь 20 % женщина адресует мужчине.

“Quirt, wie nett du aussiehst.”

“Es ist das Kleid”.

“Dreh dich”, befahl er <...> “Ja, es ist das Kleid, aber auch die Figur... wirklich in Ordnung” (Werner, 1958, S. 90).

В данном примере адресантом комплимента является мужчина, а адресатом женщина (М ↔ Ж). Личное местоимение *eg* (он) и женское имя *Quirt* (Квирт) подтверждают это.

При этом в кросс-гендерной коммуникации согласно данным наших исследований предпочтительным является не косвенный, а прямой комплимент, т.е. коммуникативный акт основной интенцией которого является сделать комплимент.

Данные исследований объяснить существующей в мире традицией, согласно которой, комплимент принято считать неотъемлемой чертой коммуникативного поведения мужчин, ориентированного, прежде всего на женщин, и рассматривать его как проявление зависимости женщин от доминирующей в социуме (в том числе и в языке) «мужественности» [Двинянинова, 2002, с. 118]. Согласно гендерным стереотипам, женщина в процессе разговора с мужчиной ожидает услышать в свой адрес оценку, комплимент, надеется быть замеченной.

Библиографический список

1. *Горошко, Е.И.* Особенности мужского и женского вербального поведения (психолнгв. анализ) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Е.И. Горошко. – М., 1996.
2. *Двинянинова, Г.С.* Комплимент как коммуникативная стратегия и прагматическая тактика в англоязычном дискурсе [Текст] / Г.С. Двинянинова, И.С. Морозова // Гендер: Язык, культура, коммуникация : докл. II Междунар. конф. (Москва, 22-23 ноября 2001). – М. : Рудомино, 2002. – С. 118-125.
3. *Красных, В.В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода : Коммуникативный акт, дискурс, текст : дис. ... д-ра филол. н. [Рукопись] / В.В. Красных. – М., 1999.
4. *Муравьева, Н.В.* Язык конфликта [Электронный ресурс] / Н.В. Муравьева. – Режим доступа: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=192&c_id=1365
5. *Табурова, С.К.* Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения [Текст] / С.К. Табунова. – М., 1999.
6. *Key, M.* Male / Female language [Text] / M. Key. – New Jersey, 1975.

amica_anna@mail.ru

Сологуб О.П., Новосибирск (Россия)

КАТЕГОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОСТИ, СРЕДСТВА ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ (на примере официально-деловых текстов)

Понятие категории, активно используемое в философии еще со времен Аристотеля, получает новый импульс для осмысления в рамках современной когнитивной парадигмы. В Кратком словаре когнитивных терминов данное понятие определяется как «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [КСКТ, 1996, с. 45]. Иначе говоря, категория выступает как инструмент познания принципов организации какого-либо явления, его сути. В соответствии с этим пониманию сущности официально-делового текста должно способствовать обращение к категории официальности, трактуемой нами как одно из организующих начал текста, способствующее реализации последним функции регулирования административно-управленческих, производственных отношений на уровне наделенных особыми полномочиями инстанций и должностных лиц и предполагающее использование соответствующих специализированных вербальных и паравербальных средств. Подобная трактовка позволяет нам, вслед за Е.П. Захаровой, квалифицировать официальность как одну из коммуникативных категорий [Захарова, 2001].

Формирование данной категории в тексте обусловлено рядом параметров, среди которых в первую очередь выделяются **базовые экстралингвистические параметры**. Таковыми мы считаем:

1) статус адресанта: в сфере официальной коммуникации адресантом является какой-либо орган либо должностное лицо (в первую очередь руководитель). Наиболее высокий официальный статус имеют высшие государственные органы и должностные лица; далее следуют другие федеральные органы, органы регионального уровня и, наконец, органы местного самоуправления. Таким образом, государство, его структуры обладают наибольшей «официальной силой», и категория официальности формируется и наиболее разнообразно проявляется именно в рамках государственной коммуникации;

2) цель коммуникации: регулирование различных сторон жизнедеятельности государства, и в первую очередь законотворческой (создание законодательной базы), законоприменительной (контроль исполнения законов) и исполнительной (реализация исполнения решений различного уровня в конкретной, прежде всего производственной, деятельности);

3) особенности взаимоотношений адресанта и адресата: официальные отношения между адресатом и адресантом являются социально-статусными, нередко они реализуются как иерархически организованные;

4) средство регулирования: документ – письменный текст, исходящий от инстанций и лиц, наделенных особыми полномочиями, выполняющий регулятивную функцию, содержащий общественно значимую информацию и оформленный в установленном порядке.

Следующая группа экстралингвистических параметров связана с процессами создания и функционирования документа:

5) характер подготовки документа, включающий ряд этапов: подготовка проекта, обсуждение / согласование, подписание (полный цикл подготовки придает документу большую официальность, исключение какого-либо этапа снижает степень официальности документа);

6) техническое исполнение документа (на гербовом бланке, на трафаретном бланке, на листе формата А4, на тетрадном листе; в печатном либо рукописном виде);

7) придание документу дополнительной юридической силы (утверждение, проставление печати);

8) характер обработки документа в процессе его функционирования (регистрация, контроль исполнения).

Указанные экстралингвистические параметры обуславливают использование особых вербальных и паравербальных средств, которые определяются нами как **единицы официального функционирования языка** (ЕОФЯ).

Большим потенциалом формирования официального характера текста обладают такие **паравербальные ЕОФЯ**, как герб, эмблема организации. Причем чем выше уровень коммуникации, тем большей степенью официальности обладает данные единицы. Официальную значимость документу придает также печать. Такие ЕОФЯ, как отметка о регистрации (*№ 115-3/1*), отметка о контроле (*К*) носят более оперативный и, следовательно, менее официальный характер.

Широкий диапазон средств формирования официального характера текста образуют **вербальные средства**, проявляющие свойство официальности в двух планах: языковом и коммуникативно-речевом. В ядерную зону поля официальности включаются языковые единицы текстового уровня: 1) обобщенная модель текста документа; 2) реквизиты. Сильную позицию в официально-деловом тексте занимают также ЕОФЯ лексического уровня – канцеляризмы.

На коммуникативно-речевом уровне состав ЕОФЯ существенным образом расширяется. На основании выполняемых коммуникативно-речевыми единицами функций мы выделяем три группы ЕОФЯ: 1) реализующие коммуникативно-информативную функцию, 2) реализующие императивную функцию, 3) реализующие коммуникативно-регулятивную функцию. Комплексными являются наименования видов документов (*заявление, акт, протокол* и др.) и перформативные глаголы со значением волеизъявления (*прошу, приказываю, решил* и др.): они задают направление отбора информации и характер ее изложения в документе, устанавливают характер исполнительских действий, а также необходимость использования специфических коммуникативно-регулятивных средств. Сильную позицию в официально-деловом тексте приобретают также коммуникативно-речевые единицы, служащие средством выражения фактуальной информации и способствующие реализации точности документа. Таковыми являются словосочетания, включающие в свой состав имена собственные, обозначающие лиц, географические объекты, предметы и т.п. К ним примыкают обозначения количества, дат. Синтаксические единицы отличаются полнотой, замещенностью всех синтаксических позиций, фиксацией разнообразных, релевантных для правовой оценки описываемой ситуации связей, что способствует ясности изложения.

Коммуникативно-информативная функция ЕОФЯ пересекается с функцией выражения волеизъявления. Реализации данной функции служат средства морфологического уровня: модальные слова с семантикой волеизъявления в сочетании с инфинитивами (*необходимо направить, следует признать*); глаголы в форме наст. вр. с семантикой долженствования (*Контроль за обеспечением радиоактивной безопасности осуществляют органы государственной власти*). На синтаксическом уровне эту функцию выполняют определительно-личные (*Прошу принять соответствующие меры*) и инфинитивные предложения (*Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на А.С. Волкова*).

В отдельных случаях делового общения (в частности, в деловой переписке) предполагается установление и поддержание партнерских деловых отношений, что вызывает необходимость использования коммуникативно-речевых средств, выполняющих коммуникативно-регулятивную функцию: официальных обращений (*Уважаемый господин президент, Глубокоуважаемый господин Петров*), этикетных формул (*надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество, выражаем глубокое удовлетворение по поводу ...* и др.). Данные ЕОФЯ также способствуют формированию официальности отдельных видов текстов, однако в силу их необлигаторного характера для официально-делового языка и реализации ими вспомогательной функции они относятся к околядерной зоне.

Характеризуя периферийную зону системы ЕОФЯ, считаем возможным говорить о ближней и дальней периферии. Зону ближней периферии образуют языковые средства, характерные не только для официально-делового, но и для других книжных стилей (прежде всего научного), это специальная терминология, слова с абстрактной семантикой. На морфологическом уровне необходимо отметить широкое употребление отыменных предлогов. На синтаксическом уровне книжным характером обладают «цепочки» форм Р.п. существительного, причастные и деепричастные обороты, ряды однородных членов, уточняющие конструкции, сложноподчиненные предложения (чаще всего с причинно-следственной семантикой) и др. Организации книжного текста способствуют дискурсивы (*во-первых, во-вторых, в первую очередь, с одной стороны, так, таким образом, на основании вышеизложенного, в связи со сказанным*), обеспечивающие членение и связность

речи. На уровне текста актуальным становится вычленение таких его структурных компонентов, как абзацы, разделы – это способствует формированию ясности, логичности книжного текста. Реализации названных качеств способствуют также такие формы изложения информации, как таблицы, графики, диаграммы и пр. В зону дальней периферии включаются общеупотребительные слова нейтральной окраски, обладающие денотативной семантикой. На синтаксическом уровне периферийными являются простые предложения и такие их компоненты, как темпоратив и локатив.

Таким образом, обращение к коммуникативной категории официальности позволило выявить систему параметров, обуславливающих использование специфических вербальных и паравербальных средств, представить данные средства в системном виде, определить их значимость в формировании сущностной специфики текста.

Библиографический список

1. Захарова, Е.П. Коммуникативные категории и нормы [Текст] / Е.П. Захарова // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 163-179.
2. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.

olsolpa@mail.ru

Сологуб О.П., Гордеева М.Н., Новосибирск (Россия)

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В последнее время понятие компетенции стало одним из активно осмысляемых в современной лингвистике, что, на наш взгляд, обусловлено двумя основными факторами: во-первых, прикладными задачами в сфере лингводидактики, где, как и во всей системе российского образования, утверждается компетентностный подход, и, во-вторых, собственно научными задачами современной лингвистики с ее вниманием к процессам функционирования языка в актах коммуникации и сопровождающим эти процессы когнитивным механизмам.

Об активном осмыслении данной научной категории свидетельствует большое терминологическое разнообразие и выделение целого ряда различных компетенций. В связи с этим возникает проблема выяснения соотношения понятия компетенции со смежными понятиями *способность* и *компетентность* и упорядочения различных типов компетенций (так, выделяют *языковую*, *лингвистическую*, *речевую*, *коммуникативную*, *жанровую*, *текстовую*, *прагматическую*, *социальную* и др.).

Обратимся к проблеме соотношения понятий *способность – компетенция – компетентность*. Л.О. Бутакова, ссылаясь на мнения авторитетных исследователей, раскрывает содержание понятия «(языковая) способность» как «динамический, постоянно усложняющийся механизм, принадлежащий языковому сознанию индивида. Это система потенциальных языковых представлений (Л.В. Щерба), *потенциальная готовность* носителей языка к пониманию и производству речи (Г.И. Богин), *устройство*, предназначенное для осуществления определенных процессов, обладающее возможностями (и накладываемыми на них ограничениями), которые определяются материальным субстратом – мозгом (А.А. Залевская)» [Бутакова, 2004, с. 13]. Таким образом, языковая способность есть *потенциальная* возможность языковой личности оперировать готовыми языковыми единицами и создавать речевые произведения различного назначения в своей коммуникативной практике, *данная человеку от природы*.

Основу понятия (*языковой*) *компетенции*, введенного в научный оборот Н. Хомским, составляют знания о системно-структурном строении языка и семантике его лексико-грамматических единиц. Центральной идеей теории компетенции Н. Хомского является идея существования у человека языковой способности (компетенции), представленной в виде особых ментальных моделей, отражающих знание языка. Уровень языковой компетенции свидетельствует об уровне знаний индивидом языка и умения оперировать этими знаниями в речевой практике. Иными словами, языковая компетенция есть *реальное* воплощение языковой способности человека в его коммуникативно-речевой практике. Компетенции *формируются, развиваются* в ходе социализации человека, решающую роль в их формировании и развитии играет получение образования.

Совокупность компетенций, которыми обладает человек, образует такое его качество, как *компетентность*. Некоторые исследователи, например, А.В. Притуло, считают эти понятия синонимичными, а ряд исследователей разграничивает их вполне определенным образом. Так, например, Э.Ф. Вертякова, Т.В. Безродных и др. говорят о компетенции как о способности человека реализовывать на практике свою компетентность, т.е. подразумевают под компетентностью присущее человеку качество, характеристику личности, а под компетенцией – возможность его реализации в конкретных условиях.

Понятие компетенции вписывается в систему понятий, связанных с триадой «язык – речь – коммуникация», на этой основе возникают термины *языковая компетенция – речевая компетенция – коммуникативная компетенция*. Первое означает, как уже было сказано, знание системно-структурного строения языка и семантики его лексико-грамматических единиц, второе есть умение использовать эти знания в

речевой практике, в различных функциональных стилях, а третье связано с умениями и навыками включать знания о языке и речи в широкий социокультурный контекст коммуникации.

Каждый из названных типов включает в себя частные субкомпетенции. Так, например, языковая компетенция, представляя собой совокупность знаний о системно-структурном строении языка, соединяет в себе знания о каждом из языковых уровней, в соответствии с этим выделяют *лексическую, грамматическую, синтаксическую, текстовую компетенцию* и др. Высшим уровнем языковой компетенции можно считать *лингвистическую компетенцию*, которой обладают люди, занимающиеся языком профессионально, т.е. филологи.

Наиболее сложноорганизованной предстает коммуникативная компетенция, которая, наряду со знаниями лингвистического характера (языковой компетенцией) предполагает экстралингвистические знания. На этом основании субкомпетенции, образующие структуру коммуникативной компетенции, мы подразделяем на две группы: *экстралингвистические* и *собственно лингвистические компетенции*. Первые включают в себя *предметную компетенцию*, которая представляет собой знания о предметах окружающего мира, отраженные в языке, т.е. сформированную в сознании говорящего картину мира. Знания неязыкового характера включают в себя также и знание коммуникативной ситуации, условий общения. Такие знания можно определить как *ситуативную компетенцию*, а в более широком смысле – как *социальную компетенцию*, под которой понимаются «дополнительные, нелингвистические знания, устанавливающие нормативно “правильное” речевое и неречевое поведение человека как члена общества» [Азнаурова, 1990, с. 208]. В социальную компетенцию включаются такие компоненты, как национально-культурный, профессиональный, этический, образовательный и др.

Многообразие компетенций индивида делает значимой проблему определения центрального звена компетентностной системы. Таковой, по нашему мнению, является *текстовая компетенция*, определяемая как «знание основных характеристик текста и их различных видов, правил их построения, а также умение создавать и понимать различные виды текста» [Супрун, 2003, с. 203]. Основанием для данного вывода является то, что именно текст является основным средством коммуникации, именно в текстовой деятельности в первую очередь востребованы знания носителей языка о свойствах единиц всех языковых уровней и закономерностях их употребления в коммуникативных актах.

Структуру текстовой компетенции, вслед за М.Я. Дымарским, можно представить как иерархию следующих компонентов:

1) осознанная ориентация на текстовый способ создания речемыслительного произведения, что предполагает:

а) умение адекватно оценивать объем предполагаемой темы, расчленять ее на подтемы, устанавливая их иерархию, тем самым добиваясь четкой структурированности и логической выстроенности высказывания (такого рода компетенции в первую очередь связаны с владением системой строевых единиц текста, умением членить текст);

б) владение языковыми средствами выражения взаимосвязей между элементами содержания, которое позволяет создателю текста обеспечить адекватную реконструкцию (синтез) целого читателем (данные компетенции соотносятся с таким качеством текста, как его связность);

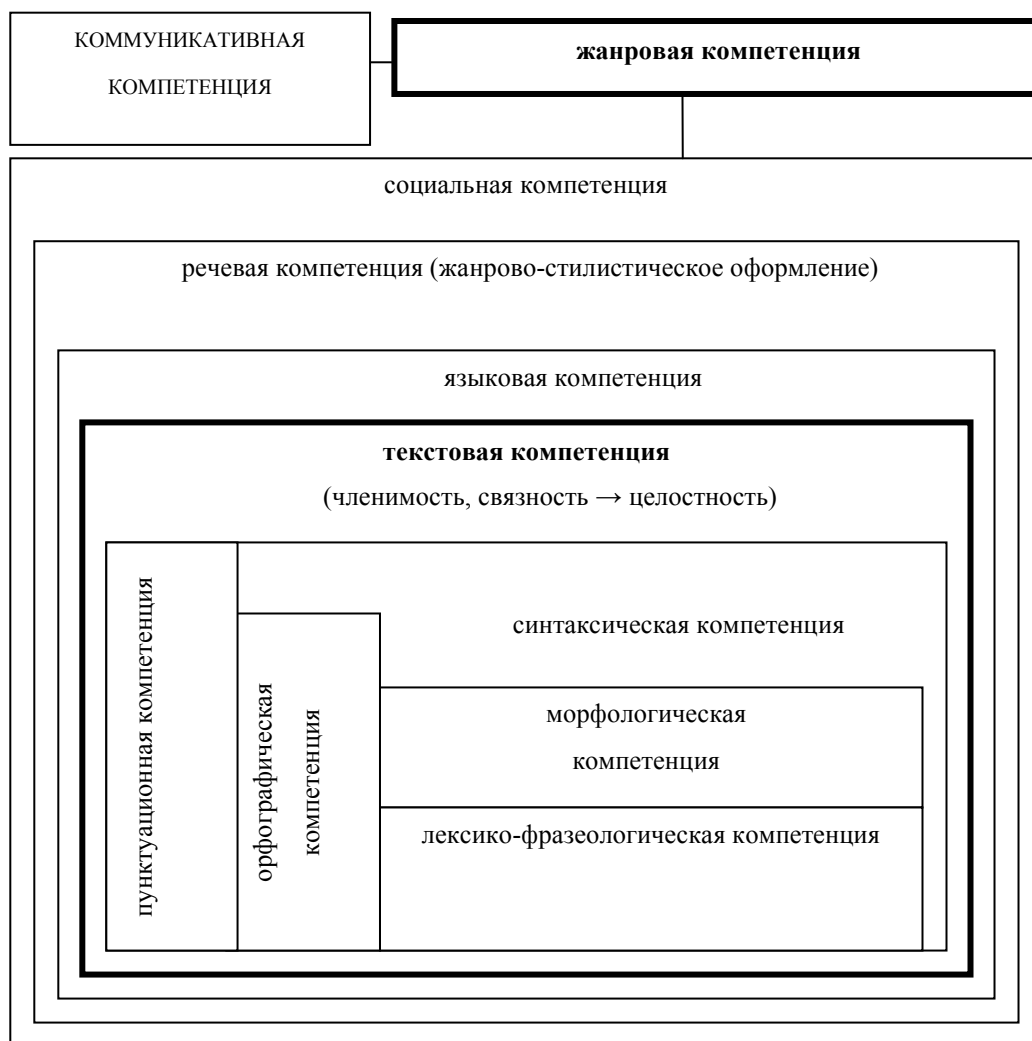
2) владение набором средств жанрово-стилистического воплощения текста.

Последовательная реализация указанных принципов способствует реализации основополагающего качества текста – его целостности.

Таким образом, текстовая компетенция включает в себя, с одной стороны, знание и умение воплощать в текстовой деятельности основные текстовые качества – членимость, связность, целостность. С другой стороны, эти качества, как и собственно языковые средства, получают свою специфику в зависимости от жанрово-стилевой принадлежности текста. Последнее обстоятельство является основанием для трансформации текстовой компетенции в *жанровую компетенцию*, которая организует представления о концепции речевого произведения, принципы объединения текстовых единиц сверхфразового уровня в структурное целое и выбор словесного оформления речевого произведения.

На основании изложенного мы можем представить компетентностную модель речевой коммуникации в следующем виде (см. Схему 1). Речевая коммуникация происходит в форме текстов определенного типа, процессы генезиса и функционирования которых осуществляются на основе комплекса лингвистических и экстралингвистических компетенций, представляющих собой систему знаний о нормах речевого поведения в рамках коммуникативной ситуации. Интегрирующей категорией в системе субкомпетенций выступает текстовая компетенция, представляющая в конкретных условиях коммуникации в виде жанровой компетенции.

Компетентностная модель речевой коммуникации

Библиографический список

1. Азнаурова, З.С. Норма речевого общения, языковая и коммуникативная компетенция [Текст] / З.С. Азнаурова // Нормы человеческого общения. – Горький, 1990. – С. 207-208.
2. Бутакова, Л.О. Языковая способность – речевая компетенция – языковое сознание индивида [Текст] / Л.О. Бутакова // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004. – С. 13.
3. Супрун, Н.И. Роль знаний в формировании текстовой компетенции [Текст] / Н.И. Супрун // Когнитивная деятельность при изучении и овладении иностранным языком (в разных типах учебных заведений). – Нижний Новгород, 2003. – С. 202-208.

olsolpa@mail.ru, aglie-svr@yandex.ru

Сотникова Е.С., Иркутск (Россия)

О СМЫСЛОВОЙ ЕМКОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ

Значительную роль в семантическом моделировании и формировании структуры языковой единицы играет ее внутренняя форма. На современном этапе развития научной мысли понятие «внутренняя форма» нашло широкое применение, хотя его толкование не всегда остается однозначным. Прежде всего, это связано с тем, что данный термин употреблялся представителями разных школ и научных традиций, и трактовался в различных интерпретациях. Его приложение к языку определяет границы и рациональность его употребления.

О рациональном употреблении «внутренней формы» говорили античные философы и мыслители Платон и Плотин. Платон соотносил рациональность с правилом и нормой. Для Плотина же первоочередной задачей

было решение вопроса о соотношении формы внешней и формы внутренней, при этом восприятие языка он сравнивал с эстетическим восприятием мира. Так, например, зодчий, сопоставив внешне данное здание с внутренней формой, называет его красивым. Это происходит потому, что внешне данное здание, если отвлечься от камней, и есть внутренняя форма [Шпет, 2003].

Соответственное применение «внутренней формы» характерно для представителей эпохи Возрождения. Внутренние формы они связывали с идеей «внутреннего художника», который оформляет «материю изнутри подобно тому, как изнутри семени и корня произрастает и развивается стебель и ствол» [Kuhlenbeck, 1906, S. 49-63].

Считается, что связующим звеном между эстетикой Возрождения и немецким идеализмом являются идеи Шейнберга. Он утверждал, что красота – не в материи, а в искусстве, не в теле, а в форме или формирующей силе (*forming Power*), отдавая при этом предпочтение формам, которые обладают силой создавать другие формы (*the forming forms*). Автор выделял три вида форм. Первые – мертвые формы (*the dead form*), образованные человеком или природой, но не имеющие формирующей силы, активности. Вторые – формы, которые формируют (*the forms which form*), эти формы активны, обладают красотой и сообщают эту красоту первому ряду форм. Третий вид – формы, которые формируют формирующие формы, и обладают наивысшей степенью красоты. Именно они и есть внутренние формы (*the inward forms*). Все вышесказанное свидетельствует о том, что изначально понятие «внутренняя форма» использовалась в эстетическом контексте. «Во внешних формах мы имеем дело с совершенною наглядностью, во внутренних – с всеохватывающей истиной» [Шпет, 2003, с. 57].

Ясно, что понятие «внутренней формы» в философской традиции, имело существенно иной объем смысла, нежели в традиции лингвистической. В философии «внутренняя форма» есть нечто живое, пульсирующе-жизненное, органическое и притом активное (не «формированная форма» – **forma formata**), но «формирующая форма» – **forma formans**).

В. Гумбольдт переносит понятие «внутренняя форма» в область языка, сопоставляя язык с искусством, «... язык часто, в особенности здесь, т.е. в синтезе двух синтезов, в самой глубокой и необъяснимой части своих приемов, напоминает искусство». В языке, как и в искусстве, воображение и разум, индивидуальное и общее, «образ» и смысл, – не противоречие, а корреляты [Гумбольдт, 1984].

Таким образом, внешняя и внутренняя формы, образующие синтез, не требуют взаимного устранения или преодоления. Они разделены лишь абстрактно и их изначальное признание единства структуры бесспорно. А синтез внешней и внутренней языковых форм и есть искусство. Внутренняя форма «пользуется» внешней формой для выражения мыслимого предметного содержания, которое принято обозначать термином «смысл». Смысл, в свою очередь, понимается через внешние формы его выражения.

А.А. Потебня предложил использовать понятие «внутренняя форма» для обозначения «способа, каким выражается содержание». То, как выражено содержание, есть часть того, что выражено. Значение языковой единицы включает в себя информацию о том, как оно выражено, т.е. внутреннюю форму.

Для П. Флоренского эпитет «внутренняя» имеет явные смысловые оттенки «интимно-личностного», «трепетно-жизненного», «неповторимо исторического», однако он не возвращается к платоновской его интерпретации. Внутреннюю форму он сравнивает с душой «...бессильно замкнутой в самое себя, откуда у нее нет органа проявления, и разливающую вдаль свет сознания, как только такой орган ей дарован. Эта душа слова – его внутренняя форма – происходит от акта духовной жизни» [Флоренский, 2008, с. 211]. Внешняя форма – это, по словам П. Флоренского, неизменный, общеобязательный, твердый состав, ее можно уподобить телу организма. Не будь этого тела – не было бы и слова как явления наиндивидуального. Если о внешней форме можно, хотя бы и приблизительно точно, говорить как о навеки неизменной, то внутреннюю форму правильно понимать как постоянно рождающуюся, как явление самой жизни духа.

Флоренский пользуется категорией «внутренней формы», центральной для филологии Потебни, но вкладывает в данное понятие несколько иной смысл. Для Потебни внутренняя форма совпадает с основным этимологическим значением слова (окно – око) и имеет устойчивый, объективный характер. По Флоренскому, внутренняя языковая форма принципиально изменчива, так как всякий раз заново творится личностью говорящего.

Можно предположить, что любая языковая форма обладает индивидуальным пространством смысла, в ней оно скользит от одного предела выражения к другому, не покидая границ скольжения. Смысл противостоит выражению, как случайное может противостоять постоянному. Выраженного смысла не существует, так как он всегда ускользает от формы выражения, оставляя при этом в ней следы собственного ускользания. И нам приходится изобретать все новые и новые средства толкования этих следов. Смысл, который стремятся понять и постичь, не локализуем в «вещи», «сумме значений», он нависает линией горизонта над формой выражения и, подобно горизонту, постоянно ускользает от нас, когда мы стремимся его достичь. Свойство ускользать от того, в чем он находит временное выражение, – онтологическое свойство смысла [Подорога, 1995].

Форма содержания и форма выражения находятся во взаимной пресуппозиции, т.е. форма содержания соположена форме выражения. Одна не существует без другой. Однако форма содержания не сводима к форме выражения, и тем не менее, вместе они составляют собой коммуникативное целое. Одну форму нельзя свести к другой или заменить одну другой. Несводимость форм друг к другу определяется наличием «пустых»

пространств, всегда остающихся незаполненными и поэтому выполняющих как функцию интервала, границы, так и функцию сближения [Потебня, 1995, с. 48].

Как указывал Э. Косериу, регулярное употребление языковой формы и составляет ее значение [Coseriu, 1987]. Смысл же выражает способ данности значения. Для того чтобы однозначно понять смысл необходимо всестороннее знание значения, что в принципе невозможно. Правильная связь между знаком, смыслом и его значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, определенное значение... [Фреге, 1997, с. 27]. Однако в силу асимметрии, естественные языки не всегда удовлетворяют этому требованию, при этом одни и те же языковые единицы на протяжении одного рассуждения не всегда имеют один и тот же смысл.

Возможность сообщить нечто дополнительное основному содержанию непосредственно связана с вопросом о минимальном и максимальном смысловом объеме языковой единицы, понятие которого неоднократно встречается в лингвистической литературе [Адмони, 1955, 1966; Ярцева, 1969].

В.Г. Адмони считает, что пределы психологически допустимого максимального смыслового объема могут значительно варьироваться, а ряд отклонений от «средней» нормы находит себе объяснение в факторах внелингвистического порядка. Однако структура языковых величин может оказаться «... в большей или меньшей мере ёмкой ...» для передачи сообщаемого [Адмони, 1966, с. 8].

Таким образом, внутренняя форма включает в себя множественность значений, в которых представляется жизненный опыт. Границы смысла расплываются, диффузируют, открывая внешнее внутреннему, и наоборот, т.е. определяются присущей ему широтой. Широта является тем, что согласует внутреннее и внешнее. Пространство смысла определяется границами широты. Смысл получает возможность свободно перемещаться в пространственных образах одной широты, но не в другом пространстве. При этом смысловая протяженность не дается, а задается, она является результатом деятельности языка и субъекта и, тем самым, обуславливает эффект «смысловой емкости», смысловой многоплановости языковой формы.

Библиографический список

1. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка [Текст] / В.Г. Адмони. – М. : Изд-во литер. на иностр. языках, 1955.
2. Адмони, В.Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка [Текст] / В.Г. Адмони. – Л. : Наука, 1966.
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984.
4. Подорога, В. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии [Текст] / В. Подорога. – М. : Ad Marginem, 1995.
5. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999.
6. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова [Текст] / Г.Г. Шпет. – М. : УРСС, 2003
7. Флоренский, П. Имена: Сочинения [Текст] / П. Флоренский. – М. : Эксмо, 2008
8. Фреге, Г. Избранные работы [Текст] / Г. Фреге ; пер. с нем. – М. : Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997.
9. Ярцева, В.Н. Переделы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации [Текст] / В.Н. Ярцева // Инвариантные синтаксические значения и структуры предложения. – М. : Наука, 1969. – С. 163-178.
10. Coseriu, E. Bedeutung, Bezeichnung und sprachliche Kategorien [Text] / E. Coseriu // Sprachwissenschaft. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag. – 1987. – Bd. 12. – H. 1. – S.1-23.
11. Kuhlentbeck, L. Gesammelte Werke [Text] / L. Kuhlentbeck. – Jena : Diederichs, 1906. – S.49-63.

sotnikowa72@mail.ru

Степанова Н.Н., Барнаул (Россия)

СРАВНЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (на примере детективного романа «Четырнадцатый камень» Ф. Варгас)

Познание в искусстве, по мнению Ю.М. Лотмана, достигается в процессе воссоздания действительности, а уверенность в истинности знаний – сопоставлением воссоздаваемого и воссозданного, причём сопоставлением многократным. Логический процесс познания сходства искусства и жизни, по Ю.М. Лотману, – это спираль, число витков которой зависит от глубины художественного создания и сложности воспроизводимой жизни. Реально этот процесс представляет собой «подвижную корреляцию», «соотнесённость» [Лотман, 1994, с. 30, 37].

Если довести процесс до логического завершения, конечной цели – восприятия его адресатом, то число витков спирали значительно возрастёт, а соотнесённость станет более опосредованной. Всё пространство между созданием художественного произведения, в первую очередь словесного, и его восприятием адресатом можно условно поделить на три области (или четыре – если адресант получает возможность ознакомиться с реакцией адресата). Обозначим область адресанта как когнитивно-кумулятивное субпространство. Посредством

многократного со – и противопоставления реального и воссоздаваемого мира, адресант моделирует новую действительность, одновременно познавая её. В результате воссозданная реальность становится репрезентативным субпространством, являющимся базой для когнитивно-перцептивного субпространства адресата, которое в свою очередь, послужит основой рефлексивного субпространства. При этом сравнение как термин следует понимать двояко: как совокупность операций со – и/или противопоставления и как собственно стилистическое явление. В когнитивно-кумулятивном субпространстве сравнение в качестве базового понятия выполняет, как представляется, две основные функции: селективную (отбора смыслов и структур) и координативную (упорядочения информации, накопленной адресантом). Функция сравнения в репрезентативном субпространстве детерминируется его обозначением, причём здесь сравнение понимается как собственно стилистическая фигура. Его задача – формирование логических и эмотивных ассоциаций адресата, апеллируя к его жизненному опыту. Центральными функциями когнитивно-перцептивного субпространства являются когнитивная и эмоционально-оценочная, посредством которой логические и чувственные ассоциации оформляются в конкретное представление. Основная функция рефлексивного субпространства – компаративно-аналитическая. Адресант получает возможность удостовериться в правильности/неверности авторского прогноза. Таким образом, сравнение есть тот стержень, который соединяет все названные субпространства в единое целое, но не замкнутое, а прирастающее в форме спирали. По меткому замечанию В.Н. Топорова, нет культуры, которая не знала бы операции сравнения, как нет художественного текста без фигуры сравнения [Топоров, 1989, с. 7]. Отождествим репрезентативное субпространство с художественным текстом в его традиционном понимании. В основу детективного романа «Четырнадцатый камень положен психологический конфликт главного героя и его антагониста. Арена схватки – умы противников: комиссара полиции Жана-Баттиста Адамсберга и судьи по профессии, но чудовищного монстра по сути, Оноре Гильома Фюльжанса. Несмотря на пропасть между ними, есть то, что их объединяет: одержимость. Известно, что любое художественное произведение – в той или иной мере вымысел автора. Однако в данном случае речь идёт о другом. К.Г. Фрумкин указывает на то, что в феноменологической философии различают три разновидности воображения: воспоминание, предвосхищение и чистую фантазию [Фрумкин, 2004, с. 31]. В романе Ф. Варгас представлены две первые разновидности: воспоминание и антиципация. Предвидение и интуиция – качества, отличающие главного героя.

(1) *Er wäre auch deshalb gezwungen, noch einmal alles zu überprüfen, weil diese weichtierartigen Eingebungen sich nur allzu häufig als richtig erwiesen, dank wer weiß welchem Adamsbergischen Vorauswissen, dass der raffiniertesten Logik trotzte (S. 11-12).*

Воспоминания Адамсберга прежде всего связаны с судьёй-убийцей.

(2) *„Sein Arm reichte so weit, dass er mit einer Handbewegung durch’s ganze Land streichen und die Justiz zum Schlottern bringen konnte, wo immer ihm danach zumute war“ (S. 55).*

Горечь и боль вызывают у Адамсберга и жертвы судьи, воспоминания о них особенно мучительны.

(3) *«Acht abgeschlossene Fälle, acht Schuldige, die wie die Fliegen geschnappt wurden, sozusagen mit der Waffe in der Hand“ (S. 65).*

Фигура судьи в романе открыто появляется дважды: в самом начале, когда поселяется в поместье неподалёку от деревни, где живут Адамсберги и где происходит первое известное Жану-Баттисту убийство, и в конце, когда «снисходит» до посещения Адамсберга в его квартире. Судье нужно ощущение безграничной власти над людьми. Он стремится морально раздавить противника. Фюльжанс олицетворяет Зло, но первое, о чём вспоминают все, кто хоть однажды видел судью, это его необыкновенная красота, элегантность, аристократизм

(4) *„Die alten Frauen erzählten sich flüsternd, in der Hoffnung, dass der Himmel sie nicht hörte, dass er schön wie der Teufel war“ (S. 53).*

(5) *„War er schön?“ – „Wie ein Gott.“ (S. 397).*

Фюльжанс не только красив, он чрезвычайно умен, изворотлив и осторожен: он всегда опережает противника на несколько шагов. Многие просто боятся его, многие поддаются под властное влияние его личности, искренне верят ему и видят то, что хочет судья.

(6) *Er besaß den Ruf eines „Mannes, der weiß“, wie der heilige Ludwig, der unter seiner Eiche sitzend zwischen Gut und Böse schied (S. 120).*

Адамсберга и его настоящих друзей и единомышленников слава судьи не вводит в заблуждение:

(7) *„Nein, Danglard, ein Mann, kaltblütig wie der Meeraal“ (S. 53).*

Из приведенных примеров следует, что Зло рассматривается в диалектическом единстве со своим антиподом – Добром. Однако, образ Добра, созданный автором, также неоднозначен. Жан - Баттист Адамсберг, ставший отличным комиссаром полиции, подвержен немотивированным эмоциональным взрывам. Ему не чужды чувства страха и тревоги. Адамсберг – удивительный сплав эмоций и здравого рассудка:

(8) *Sosehr er sich anstrengen müsste, um sich Wörter einzuprägen, so leicht nisteten sich Bilder in ihm ein, wie Kiesel in weicher Erde (S. 35).*

(9) *„Guter Gott, Retancourt, soll ich mich etwa wie ein Affe an Ihren Rücken heften?“ (S.278).*

(10) *„Sie sollen sich sogar wie eine Flunder anheften“ (S. 279).*

Приступы боли Адамсберг ощущает как физическое вторжение в свой организм:

(11) *Das erste Mal, dass er ein paar Sekunden lang taumelte, so als habe ein blinder Passagier sich an Bord seines Wesens geschlichen und das Ruder übernommen (S. 21).*

Одно из сравнений многократно повторяется в тексте и может считаться лейтмотивом :

(12) *„Ihr Ego ist nicht so groß wie dieser Tisch, sondern wie das Münster in Strassburg“ (S.99).*

(13) *„Er meint, dass mein Ego so groß ist wie das Münster“ (S.102).*

(14) *Das Münster war wieder das reine Juwel gotischer Baukunst, das sich ungehindert und sehr viel höher als er in den Wolken erhob (S.473).*

Данное сравнение тесно связано с развитием сюжета «Четырнадцатого камня». Судья Фюльжанс известен громкими, блестяще проведёнными процессами не только во Франции, но и в Канаде. Служаки-полицейские не верят в то, что он серийный убийца и считают, что Адамсберг из тшеславия гоняется за «призраком». (Чтобы «развязать себе руки», Фюльжанс инсценирует собственные похороны). Образ страсбургского монастыря преследует комиссара до того момента, когда его правота становится очевидной, и коллеги приносят ему извинение за своё заблуждение. Адамсбергу не удаётся схватить судью, но и судья не может духовно сломить Жана-Баптиста. Равновесие Добра и Зла восстановлено, невинно осуждённым возвращено их честное имя. Представляется, что Ф. Варгас намеренно подводит повествование к такой развязке, сохраняя интригу и оставляя за адресатом право домыслить то, о чём умалчивает автор.

Широчайший спектр характеристик персонажей, представленный в художественном тексте, в значительной степени объективируется в поверхностной структуре при помощи сравнений. Из 706 сравнений, выявленных в тексте объёмом в 479 страниц, 327 сравнений являются образными и 379 – логическими (О роли и функциях логических сравнений в детективном романе «Четырнадцатый камень» см.: [Степанова, 2010, с. 196-200]). В коротком сообщении невозможно передать всё семантическое и эмоциональное разнообразие образных сравнений, использованных автором в данном детективном романе. Безусловно, одни только сравнения не могут дать полного представления об авторской картине мира, но как одно из основных средств её отображения они служат ключом к пониманию глубинного смысла произведения.

Библиографический список

1. *Лотман, Ю.М.* Некоторые вопросы общей теории искусства [Текст] / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М. : Гнозис, 1994. – С.28-65.
2. *Степанова, Н.Н.* Ещё раз о сравнении [Текст] / Н.Н. Степанова // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике : Мат-лы IV международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2010. – Ч. 2. – С. 196-200.
3. *Топоров, В.Н.* Пространство культуры и встречи в нём [Текст] / В.Н. Топоров // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М. : Наука. – Вып. 4. – 1989. – С.6-18.
4. *Фрумкин, К.Г.* Философия и психология фантастики [Текст] / К.Г. Фрумкин. – М. : Едиториал УРСС, 2004.

Источник иллюстративного материала

Vargas, F. Der vierzehnte Stein [Text] / F. Vargas. – Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH., 2005.

Стрекалева Т.В., Ткачук А.Н., Красноярск (Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДА НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА

Уже не первый год проводятся, однако не теряют своей актуальности и сегодня, исследования влияния культурно-исторического фактора на мировосприятие и миропонимание народов, проводимые на материале номинативного корпуса языка.

Именно образно-ассоциативное восприятие привносит национальный колорит в ментальные процессы, что находит свое отражение в естественном языке. Восприятие всегда исторично и детерминировано опытом человека, его ценностными установками. Для определенной стадии развития общества характерны специфические условия: традиции, ценности, язык образуют «матрицу», в рамках которой формируются образ мировосприятия и способ миропонимания. Система культурных ценностей, свойственная определенной эпохе, накладывает отпечаток на мировосприятие народа, особенности которого проявляются в коллективном сознании и находят свое отражение в содержании номинативных единиц. Базовые ценности соответствуют основным потребностям человека и тем главным понятиям, которыми он руководствуется в своей жизнедеятельности.

Образ мировосприятия отражается в семантической системе естественного языка. Исследуя язык, как непосредственный продукт сознания, представляется возможным описание способа концептуализации действительности, закономерности, предпочитаемые конкретным языком. Кросскультурные исследования закономерностей мировосприятия и способа концептуализации действительности предполагают анализ соотношения концептуальных схем с языковыми структурами с позиции когнитивной программы исследований

человека, приоритетными задачами которой являются исследования особенностей восприятия и механизмов мышления. Именно в результате этих процессов формируются идеальные конструкторы в сознании человека.

Одним из эффективных методов компаративистского исследования различных культур является концептуальный анализ. Лингвокультурный концепт – глобальная единица национального языкового сознания, чья специфика задается совокупностью когнитивных и ценностных установок. Вербализация концепта в разных языках зависит от культурологических и лингвистических факторов.

Так, каждый народ имеет уникальную, только ему присущую, структуру чувств, систему ценностных ориентиров, определенный способ мировосприятия (тип мышления). Культурные антропологи, лингвисты, психологи полагают, что основные категории мышления передаются в основном через язык. Концепт – это научно детерминированная категория мировоззрения народа, отражающие его систему ценностей и образ мира, исследование которого осуществляется через язык.

Несмотря на тот факт, что значительное количество диссертационных работ посвящено исследованию лингвокультурных концептов, их различных аспектов, однако в научной литературе нет всестороннего и глубокого анализа такого явления как «Авантюризм» в русской языковой картине мира и соответственно «Adventurism» в английской языковой картине мира. Эти явления имеют инвариант восприятия в русской и англо-американской культурах, однако в понятия «Авантюризм» и «Adventurism» входят разные компоненты.

Понятия *авантюра* и *adventure* – комплексные, состоящие из простых, базовых понятий. В лексико-семантической системе слов, называющих данные понятия, имеют место синонимия и омонимия, что говорит о наличии смежных, близких и различных по своей природе явлений, которые формируют явления авантюризма в русской культуре, и *adventurism* в англо-саксонской.

В русском языковом сознании ядро данного понятия составляет значение *дело*, а его интенционал – признаки *рискованное* и *сомнительное*. Слова, в семантической структуре которых отражены признаки *авантюры*, организованы в синонимические и квазисинонимические ряды (*рискованный – сомнительный – опасный – обреченный; начатое – предпринятое; развлечения – удовольствия; в погоне – в расчете*). Доминирующие признаки – *рискованный* и *сомнительный*, сопутствующие признаки – *задумки, непредвиденности, преследования с целью настичь, поймать; чувства радости от приятных ощущений, забавы*. В данных рядах слова обозначают явления на базовом уровне категоризации и содержат то количество информации, достаточной для их идентификации во многих ситуациях, в которых люди с ними встречаются.

Лексико-семантическими вариантами слова *авантюра* являются *дело, предприятие*, к которым относится малое количество однокоренных синонимов – *расчет, учет*; разные слова с одинаковыми аффиксами: *приключение – похождение; рискованный – рассчитанный; случайный – недостойный – сомнительный*. Характеристики *авантюры* актуализированы группами прилагательных, существительных, предлогов и причастий: *прилагательные случайный – рискованный - недостойный – сомнительный – легкий; причастия рассчитанный – совершаемый – начатое – предпринятое – обреченное; предлоги на – в – без – за; существительные авантюра – предприятие – действие – приключение / похождение; успех – провал – возможности*, а также омонимии с одинаковыми аффиксами, у которых общие морфемы, и которые имеют одночленичное значение: *авантюра – похождение, приключение; предприятие, дело; поступок, действие*.

Неполный распад полисемии слов гнезда «Авантюра» в русском языке (*дело – предприятие – поступок – действие – приключение – похождение*) свидетельствует о том, что данное явление неоднозначно, состоит из смежных явлений. Этот факт подчеркивает и наличие нескольких лексико-семантических полей в семантической структуре слова *авантюра* (например, лексико-семантических поля «Предопределенность гибели», «Необходимые условия», образованные признаками: *обреченное – провал; реальные – возможности* соответственно). Таким образом, *авантюра* – сложное, многокомпонентное образование, имеющее полицентрическую структуру, в которой доминирующее положение занимают понятия «Дело» и «Предприятие», периферийное – «Приключение», «Похождение». Смыслообразующие признаки понятия *авантюра* в русском языковом сознании: *предопределения угрозы вреда, несчастья, гибели, полного крушения; двусмысленности, неочевидности; задумки, непредвиденности, преследования с целью настичь, поймать; энергии, чувства радости от приятных ощущений, забавы*. Архисемы *присутствия опасности, сомнительности, чувства радости, удовольствия, непостоянства* выделяются в иерархически организованной структуре.

По данным толковых словарей *авантюра* в русском языковом сознании ассоциируется с угрозой опасности, риском, несчастьем, гибелью, вредом, полным крушением; двусмысленностью, неочевидностью, непредвиденностью; задумкой, планированием; преследованием с целью настичь, поймать; энергией, чувством радости от приятных ощущений, забавы. По данным ассоциативных словарей «Авантюра» ассоциируется с (от стимула к реакции): роскошью, блеском, драйвом, адреналином, игрой, кайфом, радостью, тем, что не терпит отлагательства, риском, работой, делом, банкротством, поиском приключений, дорогой, экспериментом, шансом, счастьем-несчастьем, успехом, удачей – аварией, шансом.

В английском языковом сознании ядро *adventure* и его около ядерное пространство составляют понятия *experience* (слоты *danger* и *excitement*), *enterprise* (слоты *dare, hazard*), и *undertaking* (слоты *danger, excitement, hazard*). Явление *adventure* – сложное, многокомпонентное явление, в английском языковом сознании оно хранится в фрейм-структуре сознания, структурированной множеством слотов ассоциаций: слот *необычный*,

странный элемент (*unusual – strange – striking – noteworthy – remarkable – startling*); слот угроза *потерь* (*chance – risk – danger – hazard – loss – peril*); слот возбуждение (*excitement*); слот энергия (*vigorous – energetic – initiative – stirring – involving*); слот коммерческий расчет (*mercantile – speculative*); слот неопределенность, переменчивость (*uncertain – unforeseen – change*); слот смелость (*bold*); слот задумки, плана, проекта (*design*); слот судьба, случай (*hap*).

Для английского языка характерна более разветвленная парадигма языковых средств актуализации понятия *опасность* по сравнению с русским языком: *risk* (возможность неудачи, опасности) – *danger* (угроза несчастья, того, что может причинить вред, несчастье, зло) – *hazard* (опасность, которую можно предвидеть, но нельзя избежать) – *chance* (риск, возможность потерь) – *peril* (опасность, риск). Западный человек нуждается в *adventure* в значении *strange, dangerous excitement, incident* т.к. адреналин нормализует жизненный тонус, ускоряя ритм физиологических процессов. Эта характерная закономерность в человеческой сущности была подмечена людьми еще в древние времена. Если человек постоянно стремится получать только удовольствие и избегать трудностей и даже лишений, то это приводит к тяжелым последствиям. Человек постоянно испытывает жажду обладания, жадной более высокого положения в ранговом порядке, что неизбежно приводит к постоянному чувству тревоги и страха. Душе и здоровью человека вредит спешка, страх, тревога.

Восприятие человека всегда детерминировано системой культурных ценностей, которая определяет направление индивидуального развития человека, его деятельности, процесса приобретения знания. Данная система, не только предопределяет развитие человека, но и налагает на него определенные ограничения. Нормы, ценности детерминируют поведение человека, его мировосприятие и поступки, а также функции познания являются культурно обусловленными. Ценность является движущей силой нормы социального поведения субъекта. Жесткость традиционного ритуала закрепленные инстинктивные формы социального поведения, требует контроля со стороны нашей разумной ответственной морали. *Adventure* и *авантюра* являются социальным действием, в котором проявляются особенности жизненного народов, и анализ которого невозможен без рассмотрения когнитивных процессов. Концептуальный анализ делает возможным рассмотрение специфики мировосприятия народа, логики его мышления.

allatkachuk2@mail.ru, strekaleva@mail.ru

Стрелкова Е.Ю., Хабаровск (Россия)

МАНИФЕСТАЦИЯ ТРЕХМЕРНОГО КОНЦЕПТА «ГОЛОС» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале романа С. Майер «Сумерки»)

Язык, существующий как средство доступа к когнитивной деятельности человека, манифестируется в речи. Основной единицей речи, выражающей законченное высказывание, является текст. Текст по своей природе конечен, следовательно, обозрим и системен [Богуславская, 2008, с. 24]. Обозримость и системность текста связаны с направленностью на его понимание читателями: «текст, содержащий информацию, рассчитан на понимание, а значит, на извлечение этой информации» [Кубрякова, 2001, с. 78].

Концепт является определяющей для текста конструкцией и соотносится со смыслом, который «формируется, согласно авторскому замыслу, в читательском сознании из определенных языковых знаков и выходит за рамки текста к универсальным, общечеловеческим знаниям» [Карпинец, 2004, с. 55]. Поскольку для лингвистов наряду с вербальной коммуникацией интерес представляет коммуникация невербальная [Дюндик, 2006, с. 105], необходимо рассмотреть значение и роль голоса в акте речепорождения.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть структуру лингвокогнитивного концепта ГОЛОС на материале художественного текста.

Шведский лингвист П. Линелл представляет концепт ГОЛОС как конструкт трех измерений (*dimensions*). Во-первых, голос характерен материальной представленностью, подчеркиваются, в первую очередь, его акустические свойства, как и любого другого звука. Во-вторых, голос неразрывно связан с его обладателем. В-третьих, голос неизменно выражает мнение говорящего вне зависимости от того, является этот процесс осознанным или нет.

Основополагающей идеей Линелла в этом аспекте является то, что данные измерения сосуществуют в одном и том же высказывании, они не являются взаимоисключающими друг друга. Звук голоса тесно оказывается связанным с образом говорящего и высказываемым им мнением.

Проиллюстрировать данный тезис возможно посредством рассмотрения употребления слова-репрезентанта концепта ГОЛОС на страницах художественного произведения. Избранным материалом исследования является бестселлер англоязычной писательницы Стефани Майер «Сумерки». Выбор данного произведения обусловлен не столько популярностью романа, сколько его жанровой направленностью. С некоторыми оговорками данное художественное произведение считается любовным романом, что априори говорит о наличии огромного количества описаний взаимоотношений героев, их чувств, эмоций, внутренней речи (повествование ведется от первого лица) и т.д. Голос неизбежно играет одну из главных ролей в передаче

внутреннего состояния человека. Описывая голос, автор художественного текста проецирует в сознание читателя образы разговоров героев, образы самих героев и модели их поведения.

В английском языке репрезентантом концепта ГОЛОС является слово «voice». Для иллюстрации предложенных П. Линеллом измерений рассмотрим отношения слова «voice» в синтагмах, где оно употребляется.

В одном из своих первых разговоров с Эдвардом Калленом главная героиня романа, Белла, испытывает закономерное чувство волнения. Ее собственный голос кажется странным: *My voice sounded strange*. Вообще «слушание своей речи – это не внутренность внутреннего, которая затворяется в и на себе, это непреодолимая открытость во внутреннем, это глаз и мир внутри речи» [Деррида, 1999, с. 114]. Голос выдает ее взволнованность, а затем и удивление, которое испытывает героиня при восприятии своего странно звучащего голоса. Синтагматическая близость слов «voice» и «sound», встречающаяся довольно часто на страницах художественного текста, говорит об известных отношениях этих двух феноменов: голос – это звук. Соотнесенность голоса и обладателя голоса выполняется с помощью личного местоимения *my*; опущение этого элемента синтагмы повлекло бы за собой изменение смысла текста, ведь собеседник главной героини абсолютно не выказывал никакого замешательства в диалоге. Странность, необычность ситуации косвенно подчеркивается во фразе связью «voice» - «strange», при отсутствии упоминания чувств героини напрямую. Чувства же, как известно, возникают как отношение к происходящему, таким образом, в данном примере мы также видим имплицитное воплощение мнения персонажа.

Аналогичным образом возможно проследить манифестацию трех измерений концепта ГОЛОС в синтагме *his voice turned sharp*. Мы представляем себе мужской, а следовательно, низкий голос, который под воздействием чувств неожиданно звучит резко.

Предложение *Jacob's complaining voice reached us before he did* говорит о трех фактах. В первую очередь, голос узнаваем, «по человеческому голосу мы <...> узнаем и распознаем человека в толпе или на большом расстоянии, когда не можем человека увидеть или разглядеть» [Крейдлин, 2002, с. 216]. Более того, голос всегда предметно расположен во времени и пространстве. Героиня могла определить, через какое время она увидит появившегося Джейкоба и понять, что он рядом. Голос уникален еще тем, что, благодаря характеристике звука, он способен намного быстрее перемещаться, чем его обладатель. Глагол *reach* употребляется в описаниях действий как живых существ, так и неодушевленных предметов, что позволяет заметить замещение обладателя голоса самим голосом. Голос репрезентирует человека. Жалобный тон голоса, по наблюдениям паралингвистов, выше основного тона речи; читатель может представить, как меняется в ситуации низкий голос Джейкоба. Эпитет *complaining*, относящийся здесь к голосу, а не к самому юноше, выражает отношение к ситуации, в которой находятся герои.

Как пишет Г. Е. Крейдлин, «в конкретном акте речевой коммуникации паралингвистические параметры голоса согласуются с определенными кинетическими средствами» [Крейдлин, 2002, с. 226]. Жесты все же проще поддаются контролю говорящего, чем вариации звучания голоса. В отношениях с Беллой главный герой ведет себя напряженно, подавляя инстинкт вампира, находясь рядом с ней. В одном из эпизодов он на секунду теряет самообладание и с силой притягивает девушку к себе, что повергает ее в шоковое состояние. Эдвард обретает контроль над собой, движения его руки становятся мягче, однако в голосе слышится грубость: *He withdrew his hand, more gently this time, his voice was harsher than usual*. Изменение голоса становится заметным, поскольку обычно оно «маркирует изменение состояния» [Крейдлин, 2002, с. 226].

Голос может быть представлен как контейнер, содержащий эмоции и чувства. Зачастую это структура *наименование эмоции + предлог «in» + voice*, как, например: *I could hear the real curiosity in his soft voice; there were angry flashes in his voice; I verified, the sarcasm in my voice not entirely masking the slight but genuine anxiety I felt*. Конструкт контейнера представляет собой связь вещественной стороны голоса (представлена гипотетическая, незримая форма явления) и внутренней, содержательной, манифестирующей настроением героя.

По мнению В.И. Карасика, концепт «может представляться в художественном тексте без словесного обозначения и реализовываться через ряд контекстуальных характеристик, раскрывающих его суть» [Карасик, 2002, с. 131]. Голос героя можно представить и в той ситуации, когда имя концепта в синтагме отсутствует. В предложении *His words flowed swiftly now, I had to concentrate to catch it all* описывается характер речи. Быстрое произнесение слов свидетельствует о волнении говорящего; как уже указывалось выше, настроение, чувства, эмоции говорящего раскрывают его отношение к происходящему или описываемому, что составляет треть, по Линеллу, измерение. Личное местоимение соотносит голос и его обладателя. Слова *flow, swiftly, catch* часто употребляются в отношении описания человеческого голоса, этот факт закреплен толковыми словарями, в частности, Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999. Таким образом, даже при отсутствии в контексте слова-репрезентанта концепта ГОЛОС три измерения концепта являются эксплицитно или имплицитно выраженными.

Библиографический список

1. Богуславская, В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов [Текст] / В.В. Богуславская. – М. : ЛКИ, 2008.
2. Деррида, Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля [Текст] / Ж. Деррида. – СПб. : Алетей, 1999.

3. Дюндик, Ю.Б. Наречие как вербальное средство описания невербальной коммуникации (голос и его характеристика) [Текст] / Ю.Б. Дюндик // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве – 2 : мат-лы Междунар. науч. конф. 7-10 апреля 2006 г. – Пятигорск : ПГЛУ, 2006. – С. 105-111.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] : моногр. / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.
5. Карпинец, Т.А. Концепт как способ смысловой организации художественного текста [Текст] / Т.А. Карпинец. – Кемерово, 2004.
6. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык [Текст] / Г.Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002.
7. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс] / Е.С. Кубрякова. – Режим доступа : <http://www.philology.ru>
8. Шенберг, В.А. Риторика [Текст] : уч. пос / В.А. Шенберг, З.В. Савкова. – СПб. : СПбГИЭА, 1996.
9. Linell, P. On Bertau's and other voices [Electronic resource] / P. Linell // International Journal for Dialogical Science. – Fall, 2007. – Vol.2. – No.1. – P. 163-168. – Mode of access: <http://ijds.lemoyne.edu/index.html>

Источник иллюстративного материала

Meyer, S. Twilight. N. Y. : Hachette Book Group, 2005.

Сундуева Е. В., Улан-Удэ (Россия)

**ОБОЗНАЧЕНИЯ НАПРЯЖЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
СРЕДСТВАМИ КОРНЕВОГО СОГЛАСНОГО [r]**

Под кинестезией (от греч. *κινέω* ‘двигаюсь, прикасаюсь’ и *αἴσθησις* ‘чувство, восприятие’), как известно, понимается область ощущений, связанных с движениями нашего тела, которые возникают благодаря работе проприорецепторов – рецепторов мышц, сухожилий и соединительной ткани, покрывающей внутренние органы. В монгольских языках можно выделить ряд образных лексем, которые можно охарактеризовать как обозначения напряжения. Развитие данного значения обусловлено тем, что артикуляция представленного в лексемах корневого согласного [r] требует достаточно высокой степени напряжения артикулирующего органа – кончика языка.

Согласно утверждению С.В. Воронина, «напряжение мышц играет важнейшую роль в двигательных и иных процессах, имеющих отношение к телу человека. При общей склонности человека к подражанию, напряжении различных групп мышц тела имитируется («моделируется») напряжением мышц, относящихся к артикуляционному аппарату. Анализ убеждает, что в самых различных языках выявляется обширная группа слов, в основе которых лежит звукоизображение напряжения (сдавливания, судорожного сокращения, растяжения и т.д.) тех или иных мышц человеческого тела. Например, шотл. *jerk* ‘резкое движение, толчок, судорожное подергивание’, англ. *quirk* ‘двигаться резко, толчками» [Воронин, 1982, с. 103–104].

Несомненную ценность для этимологизирования монгольских лексем со значением ‘сухожилие’ представляет глагол п.-мо. *kurbeyi*- ‘напрягаться (о жилах)’, зафиксированный О.М. Ковалевским [Kow. 2646] и не упоминающийся в современных монголоязычных словарях. Согласный [r] в образном корне **kurb* указывает на напряжение сухожилий, которое, судя по субстантивам, также передается с помощью корней **qurb* и **sirm/sirb*: п.-мо. *qurbasu*, мо. *хурвас* ‘жила, сухожилие’; ср.-мо. *sirbüsün* [MA 130], прекл.-мо. *sirbüsün* [Tum. 565], п.-мо. *sirbusu(n)*, *sirmusu(n)*, мо. *шөрмөс(өн)*, бур. *шүрмэхэн*, *шүрбэхэн*, калм. *шүүрсэн*, ойр. *шүрвэсен*, орд. *šorwos*, *šorwosu*; даг. *sirbes*, *sirbus*, мнгр. *šбузэ*, *šулузэ*, *šurbusэ* [EDAL 1383–1284] ‘жила; сухожилие; нервы’. Ср. «эвенк. *сирэктэ* ‘сухожилие; нитка (сухожильная); волос конский’, сол. *и’уриктэ* ‘нитка’, эвен. *сирэн* ‘волосок, нитка у самострела» и др. [ССТМЯ, 1977, с. 97].

Тот же мотив номинации возможен и в термине ср.-мо. *borbaј* [MA 197], п.-мо. *borbi* [Kow. 1221], мо. *борви* ‘пяточное сухожилие, ахиллово сухожилие’, калм. *бөрвэ*, ойр. *бөрвэ* ‘подколенные сухожилия’, в котором также может быть выделен признак ‘пухлый, раздутый (по форме голени)’. Ср. бур. *борьбо* ‘голень’, калм. *борва-*, ойр. *борваа-* ‘вздуться; разбухать’; каз. *борби-* ‘распухать (о суставах)’, *борбақ* ‘распухшее, мясистое лицо’.

В производных от корня **gür* контаминируют два мотива: напряжение (п.-мо. *güreger*, мо. *гүргэр*, бур. *гүрэгэр*, орд. *gureger* ‘вздутый, набухший (например, о кровеносных сосудах)’; прекл.-мо. *güreyi:-* [Tum. 409], бур. *гүрды-* ‘вздуться, набухать (о кровеносных сосудах)’) и звукоподражания *гур-гур*, передающего пульсацию крови (п.-мо. *güreger*, мо. *гүргэр*, бур. *гүрэгэр*, орд. *gureger* ‘пульсирующий’; п.-мо. *gürege* [Kow. 2637], мо. *гүрээ*, бур. *гүрөө*, орд. *gurē*, даг. *gure*, ж.-уйг. *gurēn* [EDAL 573] ‘переднебоковая область шеи, шейная артерия’ калм. *гүрэ* ‘вена’; ср.-мо. *gürü:n sudusun* ‘шейная артерия’ [MA 172]). Ср. як. *хорук* ‘артерия, пульс’; эвенк. *сура* ‘кровеносный сосуд, вена’ [ССТМЯ, 1977, с. 129]; лезг. *гурп-гурп* – подражание учащенному пульсу. Выделение данного мотива номинации затрудняет предложенное в Алтайском словаре сопоставление Пмонг. *gürege* ‘передняя часть горла’ с Птунг. **gorgakta* ‘нёбо, увула’ и Птюрк. **Kurgak* ‘нёбо’ [EDAL 573].

В монгольских языках также представлена группа глаголов с доминантой [r], передающей дифференциальное значение ‘совершать резкое, одномоментное действие’, которое, несомненно, требует напряжения мышц ног, рук, спины и др., соотносимого с акустико-артикуляционными характеристиками дрожащего сонанта [r]: п.-мо. *jirbayi-* ‘прыгать, скакать, играть’, *qarayi-* ‘прыгать; вскочить’ [Kow. 2366, 823], мо. *харай-*, бур. *харай-*; бур. *хүрэ-* ‘прыгать, скакать; подпрыгивать, спрыгивать’; п.-мо. *čerbe-*, мо. *цэрвэ-* ‘отпрыгивать (в испуге)’; п.-мо. *derkere-*, мо. *дэрхрэ-* ‘бегать взапуски, состязаться в беге, оспаривать’.

В других алтайских языках также представлены нан. *дэрикэ:чи-* ‘прыгать, скакать’, ульч. *дэрин-* ‘прыгнуть’, ма. *дори-* ‘скакать; прыгать с разбега (о зайце)’; эвенк. *қурга-* ‘прыгать, скакать’; сол. *лэрбу:р-* ‘прыг-прыг (о беспокойных движениях)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237, 435, 518], ма. *суртэ-* ‘бежать взапуски’; эвенк. *турку-* ‘прыгать’; эвенк. *хуркузэһин-* ‘подпрыгнуть; нырнуть’ [ССТМЯ, 1977, с. 130, 220, 353], каз. *ыргы-* ‘прыгнуть (вниз)’, *ырышы-* ‘вскочить, подскочить на месте’, *қаргы-* ‘прыгать’.

Корни **lur/pur* в эвенк. *луриw;н-* ‘нырять’ [ССТМЯ, 1975, с. 512], *хур-* ‘нырять’, ульч. *пурин-* ‘нырнуть’, орок. *пуротчи-*, нан. *пурикэ:чи-*, ма. *фура--фури-* ‘нырять’ [ССТМЯ, 1977, с. 352] коррелируют с рус. корнем *ныр-*ять, также передающим кратковременное действие. Ср. также рус. разг. *ныр-*нуть ‘[неожиданно] ударить чем-л. остроконечным’, *тыр-*ить ‘красть’. Кинестетическое ощущение быстрого движения рук отражается в п.-мо. *düre-* [Kow. 1947], мо. *дүр-*, бур. *дүрэ-*, калм. *дүр-*, ойр. *дүре-* ‘окунать; макать; вонзять, втыкать острием; совать’; п.-мо. *türki-* [Kow. 1954], мо. *түрхэ-*, бур. *түрху-*, калм. *түрк-* ‘смазывать; натирать’; баргуз. *хүрд гүүлэ-* ‘стащить, своровать что-л.’. Ср. также п.-мо. *örübki-*, мо. *өрөвхий-* ‘быстрым, стремительным движением хватать добычу (о рыбе, змее)’.

Напряжение мышц при давлении, столкновении реализуется в глаголах: ср.-мо. *daru-* [MA 138], прекл.-мо. *daru-* [Tum. 362], п.-мо. *daru-* [Kow. 1671], мо. *дар-*, бур. *дара-*, калм. *дар-*, ойр. *дара-*, дунс. *дару-* ‘давить, жать, придавливать, прижимать’; п.-мо. *türe-*, мо. *түр-*, бур. *түри-* ‘теснить, толкать; гнать’; п.-мо. *nüre-*, мо. *нур-*, калм. *нур-* ‘толкать друг друга, сдавливать, прижиматься’, ойр. *нур-* ‘сталкиваться, сшибаться (о животных)’; возможно, ср.-мо. *törgü-* [MA 150], п.-мо. *törgü-* [Kow. 2072], мо. *мөргө-*, бур. *мүргэ-*, калм. *мөрг-*, ойр. *мөрге-*, бао. *мэргэ-* ‘бодать, бодаться’.

Значения глаголов п.-мо. *türe-* ‘толкать’, *nüre-* ‘сжимать, сдавливать’, очевидно, являются первоначениями в ср.-мо. *töre-* [MA 354], прекл.-мо. *tore-*, *törü-* [Tum. 589–590], п.-мо. *törü-* [Kow. 1945], мо. *төр-*, бур. *түрэ-*, калм. *төр-*, ойр. *төре-*, орд. *toro-*, мог. *tura-*, даг. *turu-*, *ture-*, ж.-уйг. *torō-*, мнгр. *turo-* [EDAL 1462] ‘рожать, рождаться (о человеке)’. Такие формы, как п.-мо. *durad-* ‘движение младенца в утробе перед родами’ [Kow. 1884], мо. *дурса-* ‘начинаться (о родовых схватках)’ косвенно свидетельствует о том, что корни **dur/dör/tör* могли служить для вербализации мышечного напряжения, ощущений, боли, испытываемых во время родовых схваток. Ср. нан. *дэру:-* ‘начаться предродовых схваткам’, ма. *дэрибушэ:-* ‘начинаться (о движении младенца), чувствовать (о наступлении родов)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237], ма. *орсон нимэ-, орсун нимэ-* ‘болеть (о животе после родов)’ [ССТМЯ, 1977, с. 25]. В EDAL Пмонг. форма **töre-* ‘рождаться’, сопоставляемая с Птюрк. **türe-* ‘рождаться, происходить’, рассматривается как заимствование из тюркских языков [EDAL 1462]. Примечательно, что рус. *рожать, рождать, роживать* также содержат в корне сильные с позиции фоносемантики согласные [r] и [ʃ]. У М. Фасмера также приводится глагол *ражить* ‘испытывать тошноту’, который исследователь считает новообразованием от *разить* [Фасмер, 1973, с. 432].

Таким образом, в рассмотренных примерах семантика корневой морфемы интерпретируется в зависимости от способа артикуляции ее фоносемантической доминанты, т.е. переднеязычного дрожащего сонанта [r]. Его физические характеристики позволяют также передавать такие витальные и органические ощущения, как бодрость, сексуальное напряжение, сила, физическое отвращение и пр. Данный согласный широко представлен в корнях монгольских лексем, появившихся в результате вербализации других видов осязательного модуса перцепции: механорецепции, терморецепции, болевой чувствительности. Следует отметить, что доминанта [r] участвует в языковой интерпретации всех видов модальности: в зрительной модальности она передает резкий свет; в слуховой модальности – резкий звук; во вкусовой модальности – резкий, острый вкус. В сфере вербализации обоняния она может передавать резкий, едкий запах. Это свидетельствует о синкретизме семантики языковых единиц, семантических признаках, мотивирующих метафорические и метонимические переносы в интермодальные сферы, о явлении синестезии в области обозначения физических ощущений.

Библиографический список

1. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л. : Изд. Ленингр. ун-та, 1982.
2. МА – Поппе, Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I-II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV [Текст] / Н. Н. Поппе. – М.-Л., 1938.
3. ССТМЯ, 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст]. – Л., 1975. – Т. I. – 672 с.
4. ССТМЯ, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст]. – Л., 1977. – Т. II. – 471 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка В 4-х т. : Пер. с нем. [Текст] / М. Фасмер. – М., 1971. – Т. 3.

6. *EDAL – Starostin, S.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages [Text] / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). – Leiden; Boston : Brill, 2003. – Part I. A–K, Part II. L–Z, Part III. Indices.

7. *Kow. – Kowalewski, J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français [Text] / J. E. Kowalewski. – Kasan, 1849. – V. I-III.

8. *Tum. – Tumurtogoo D.* Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII-XVI centuries) Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics [Text] / D. Tumurtogoo, G. Cecegdari. – Taipei, Taiwan, 2006.

sundueva@mail.ru

Супрун Л.Ф., Барнаул (Россия)

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА

Компаративность является естественным проявлением человеческого мышления и вызвана способностью человека сравнивать и сопоставлять явления ментального опыта и объективного восприятия. Сравнивая некие объекты, человек совершает и познавательную операцию, основывающуюся на суждении о сходстве, различии или равенстве данных объектов. Следует отметить, что процесс сравнения имеет смысл тогда, когда он затрагивает однородные предметы, образующие класс. Простейший тип отношений, который выявляется через сравнение – это отношения сходства и различия. Равенство или неравенство – это два разных результата процесса сравнения. При равенстве, некий признак представлен у сравниваемых объектов в одинаковой степени; при неравенстве возможна констатация превосходства и констатация более низкой степени каких-либо признаков.

Семантика компаративности представляет собой синтез категорий качественности и количественности. Упомянутые семантические категории, рассматриваемые вместе с комплексом равноуровневых средств их выражения в языке, структурируют функционально-семантическое поле компаративности.

В нашей работе проводится анализ равноуровневых языковых средств функционально-семантического поля компаративности.

Доминантой (ядром) этого поля являются прилагательные и наречия в сравнительной и превосходной степенях:

1. *And for his awene saule, that hire the selre beo (Incipit hystoria Brutonum).*

/ And for his own soul, so that it was better for the soul /

2. *I have the most stedefast wyf and eek the mekeste one that bereth lyf (Canterbury Tales).*

/ I have the most steadfast wife and also the meekest one that lives on the earth /

3. *gode per-tre coms god peres – Wors tre, wers fruit it beres (The Cursor Mundi).*

/ Of good pear tree come good pears – worse tree, worse fruit it bears /

Околоядерное пространство заполняется синтаксическими средствами, наиболее однозначно передающими значение компаративности.

- Это может быть либо сравнительный оборот, либо придаточное предложение сравнения, вводимые союзом *than*:

4. *He slepte namore than dooth a nyghtyngal (Canterbury Tales).*

/ He slept no more than a nightingale /

5. *I have no words; my voice is in my sword: thou bloodier villain than terms can give thee out (Chronicle of England).*

В приведенных примерах (4,5) конститuenty, актуализирующие категорию компаративности, выступают в сочетании друг с другом. Синтаксические средства объединяются со степенями сравнения прилагательных и наречий.

- сравнительный оборот или придаточное предложение сравнения, вводимые союзом *as*:

6. *And on that other side a gay daggere, harnished wel and sharp as point of spere (Canterbury Tales).*

/ On the other side a bright dagger, well mounted and sharp as the point of a spear /

7. *Hise eyen twinkled in his heed aright*

As doon the sterres in the frosty nyght (Canterbury Tales)

/ His eyes twinkled right in the head

As did the stars in the frosty night /

- сравнительный оборот или придаточное предложение сравнения, вводимые союзом *as...as*:

8. *Grehoundes he hadde as swift as fowel in flight (Canterbury Tales).*

9. *He was as fresh as is the month of May (Canterbury Tales).*

- придаточное предложение сравнения, вводимое союзами *as, as if, like*:

10. *Mi heart bounded like that of a prisoner escaped (Ayenbyte of Inwyte).*

11. *Embrouded was he, as it were a mede (Canterbury Tales).*

/ His clothing was embroidered as if it were a meadow /

В примере 10 выражено реальное сравнение с помощью сравнительного оборота с союзом *like*. В примере 11 выражено ирреальное сравнение, происходит приравнивание объекта к тому, чем он не является на самом деле.

- сема компаративности может сопровождаться семой «постепенное нарастание или уменьшение качества», реализуемое повтором прилагательных в сравнительной степени или наречий *more, less*

12. *And ich do þurg nigt and dai, þe more ich singe þe more I mai (The Owl and the Nightingale).*

/ and I do so through night and day – the more I sing, the more I can /

Проанализированные синтаксические средства, конституирующие околядерное пространство в системе средств выражения категории компаративности, примеры 4-12 показали, что сравнительные конструкции с союзами *than, as, as...as, as if* являются достаточно частыми в употреблении.

Периферийное пространство заполняется лексическими единицами.

- Это могут быть фразеологические единицы, встречающиеся в текстах этого периода

13. *Hir palfrey was as broun as is a berye (Canterbury Tales).*

/ Her saddle-horse was as brown as a berry /

- Это могут быть сложные прилагательные, подчеркивающие определенную степень качества, присущую объекту:

14. *Hir nose trefys; hir eyen greye as glas (Canterbury Tales).*

/ Her nose well-shaped; her eyes bright as glass /

- Сложные прилагательные могут передавать сходство по внешним характеристикам и форме

15. *A sheef of pecok-arwes brighte and kene. Under his belt he bar ful thriftily (Canterbury Tales).*

/ beneath his belt he carefully carried a sheaf of bright, keen peacock-feathered arrows /

- прилагательные, передающие количественное сходство или различие

16. *Arður for to Cornwale mid unimete ferde (Incipit hystoria Brutonum).*

/ Arthur went to Cornwall. The host with him was countless/unnumbered /

- слова, в структуре которых присутствует сема сходства, подобия или различия.

17. *And certaynly, it was wreton in suche wyse that it was more like to Dutche than Englysshe (Eneydos).*

/ And certainly it was written in such a way, that it was more like Dutch than English /

- слова, выражающие градацию признака *so, ful (very, most)*

18. *Full wel she song the service divyne (Canterbury Tales).*

/ She sang the divine service very well /

19. *So wrooth was she, that she was out of alle charitee (Canterbury Tales).*

/ She was so fierce that she took no part in charity /

- Антонимические пары

20. *Many lawys, and lytylle right;*

Grete countenanse and smalle wages,

Many gentillemen and few pages; (On the Times)

/ Many laws and little rights;

Great countenance and small wages,

Many gentlemen and few pages /

В этом примере сравнение не выражено формальными средствами, но противопоставление прилагательных *many – little, great – small, many – few* передает значение компаративности и обусловливается контекстом.

В результате проведенного исследования нами выявлены разноуровневые языковые средства, актуализирующие категорию компаративности.

Источник иллюстративного материала

Smirnitsky A.I. Specimens of English from the 7th to the 17th century [Text] : with a summary of Old and Middle English inflexions and a historical and etymological glossary / A. I. Smirnitsky. – М. : State Text-Book Publ. House, 1939.

Middle English texts: Layamon's Brut, Dan Michel's Ayenbyte of Inwyte, On the Times, Chaucer's Canterbury Tales, Capgrave's Chronicle of England.

Терских Н.В., Красноярск (Россия)

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Профессиональная коммуникация – это такая разновидность общения, которая характеризуется наличием надситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения. Главное отличие профессиональной коммуникации от других разновидностей коммуникации (бытовой, семейной, фольклорной и т.д.) состоит в том, что она включена в контекст профессиональной

деятельности. Поэтому характеристики профессиональной коммуникации определяется содержанием самой профессиональной деятельности как таковой.

Профессиональная лексика, используемая в речи специалистов для обозначения профессиональных предметов и явлений, подразделяется на три группы: *термины, профессионализмы и профессиональные жаргоны*

Термины — слова или словосочетания, точно называющие специальные понятия какой-либо сферы производства, науки, искусства. Термины составляют ядро значений специального (отраслевого) языка и передают основное содержание науки или отрасли знаний.

Традиционно к основным специфическим особенностям термина относят: 1) тенденцию к однозначности в пределах своего терминологического поля; 2) точность; 3) краткость; 4) отсутствие синонимов; 5) системность; 6) стилистическую нейтральность и т.д. Все эти свойства термин реализует только внутри терминологического поля, за пределами которого теряются его дефинитивные и системные характеристики.

Термины, обозначая наиболее значимые ментальные объекты профессиональной деятельности, вербализуют логическую модель определенной системы знания и выступают в качестве когнитивных ориентиров в рамках этих систем. Наиболее близка к этому пониманию точка зрения С.В. Гринева: «термины в составе терминологической системы через систему понятий создают модель фрагмента объективной действительности, необходимую в процессе познания в освоении мира» [Гринева, 2004, с. 45].

В составе терминологической лексики можно выделить *два слоя*.

Общенаучные термины, которые используются в различных областях знаний и принадлежат научному стилю речи в целом: *scientist, scholar, methodology, research, findings, experiment* и т. д. Эти термины образуют общий понятийный фонд различных наук и имеют наибольшую частотность использования.

Специальные термины, которые закреплены за определенными научными дисциплинами, отраслями производства и техники. Например, в сфере сервиса: *account day, balance sheet, offset account*, в военной терминологии: *rifle-grenade, sax, pole-axe, flak*, финансово-кредитной области: *credit, loan, credit line*. В религиозной терминологии: *holy, to redeem, almighty, to absolve*, в медицине: *brainpan, calotte, chalazia*, в судостроительной: *freight index, base port, free discharge*, в авиационной: *misfire, downlock, overspee*, в строительстве: *compass brick u feather-edge brick*, в нефтедобыче: *well, slurry, fracture* и пр. В этих частных терминологических системах концентрируется квинтэссенция каждой науки.

Термины являются важнейшим инструментом профессиональной деятельности, так как в них точно описана теория и методология любой профессии. Соответственно, профессиональный успех во многом зависит и от успешного овладения терминологической системой профессии.

Важное отличие *профессионализмов* от терминов заключается в том, что профессионализмы уместны преимущественно в разговорной речи людей той или иной профессии, являясь иногда своего рода неофициальными синонимами специальных наименований. В отличие от терминов профессионализмы функционируют преимущественно в устной речи как «полуофициальные» слова, не имеющие строго научного характера.

Профессионализмы характеризуются большей дифференциацией в обозначении орудий и средств производства, в названии конкретных предметов, действий, лиц и т.д. Они распространены преимущественно в разговорной речи людей той или иной профессии, являясь иногда своего рода неофициальными синонимами специальных наименований.

Кроме того, профессионализм часто является результатом творческого переосмысления, «освоения» узкоспециального явления. Таковы слова: в военной области: *tin fish, block-buster, tin-hat*, в общеспортивной: *four-bagger (home-run), coveted paste boards (hard-to-get), grid classic, tankmen, centure*, мореходной: *fore and aft, to let go the line, poop*, в нефтегазовой: *go-devil, fishing, wildcat, pig*. Такие профессионализмы, легко и по-своему замещая термины, делают специальную речь более живой, простой и освоенной, более легкой для быстрого употребления и понимания.

Профессионализмы иногда отождествляют с жаргонной лексикой отдельных профессий.

«*Профессиональные жаргоны* — это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные формы специального лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие социально-стилистически маркированную лексику, обозначающую употребительные в сферах специального профессионального речевого общения специальные предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью...» [Коровушкин, 2007, с. 116].

Профессиональный жаргон возникает в связи с объединением говорящих в социально структурированные группы, прежде всего по профессиональному признаку. Именно поэтому мы придерживаемся термина профессиональный жаргон.

Профессиональные жаргоны не случайно привлекают внимание социолингвистов, так как большая языковая мобильность и различные изменения в языковом поведении носителей языка отмечаются именно в период их профессионального становления.

Поскольку профессиональные жаргоны детерминированы социальной неоднородностью общества, состоящего из различных социальных производственно-профессиональных групп, то свой внешний социально-структурный статус профессиональные жаргоны получают в связи с имеющейся в обществе специальной производственной деятельностью людей – полиграфистов, журналистов, полицейских. Например, полиграфическая область: *morgue* (a department for press cuttings), в журналистике: *lobster shift* (a shift from 24.00 till morning), охрана правопорядка: *pad* (a list of shops paying for protection), *shoo fly* (a police officer sent to another station-house). Кроме того, внешний структурный статус формируется и национальной спецификой, и культурной коннотацией жаргонизмов.

Во внутренней структуре жаргонов выделяются следующие коммуникативно-языковые средства [Савинов, 2007, с. 43]: а) средства, совпадающие с единицами общенационального языка, например, в лексике полицейских: *K.J.* (known gambler); б) арготические слова и обороты, дублирующие официально принятые в соответствующей форме слова; в) жаргоны в их метафорическом образном переосмыслении, что характеризует особенность профессиональных жаргонов. Например, в политике: *highbrow* (intellectual), в речи полицейских: *hook* (an authoritative boss).

Образная внутренняя форма профессионального жаргона есть посредник между новым смыслом и действительностью, так как знания о мире удобнее фиксировать с помощью известных образов.

Мотивирующий компонент, совпадающий обычно с внутренней формой, состоит в коннотации. Сохранение коннотативных признаков, наследственность внутренней формы обусловлена необходимостью удержать связь переосмысленного и исходного значений. Их связь может удерживаться продолжительное время, пока осознается общность их понятийно-языкового содержания. Внутренняя форма способствует возникновению в сознании говорящего ассоциативных связей.

В процессе коммуникации говорящий не только называет объект, но и стремится охарактеризовать его, ссылаясь на какой-либо образ. В содержании внутренней формы присутствует только та информация, на основе которой коммуникант ассоциирует образ с познаваемым объектом. Например, именно данный признак устанавливает связь между переосмысленным и исходным значениями между звуковой реализацией слова и его значением, объективным содержанием и субъективным отношением, характеризующим это содержание.

Таким образом, каждый тип единиц профессиональной коммуникации приспособлен для выражения определенной прагматической информации. В конкретной сфере профессионального общения осуществляется ориентированный выбор языковых средств, отражающих интенциональные установки коммуникантов. С помощью данных единиц актуализируется скрытое или открытое воздействие коммуникантов друг на друга, реализуется объективная или субъективная модальность.

Библиографический список

1. *Гринева, С.В.* Введение в терминоведение [Текст] / С.В. Гринева. – М. : Московский лицей, 2004.
2. *Коровушкин, В.П.* Типологизация социолектов в английском и русском языках на уровне субстандартных лексических систем [Текст] / В.П. Коровушкин. – Екатеринбург, 2007.
3. *Савинов, Д.А.* К вопросу о профессиональном жаргоне [Текст] / Д.А. Савинов // Материалы 65-ой научно-технической конференции : сб. докл. – Магнитогорск : МГТУ, 2007. – Т.2. – С.42-43.

shapka2002@mail.ru

Токарева М.В., Иркутск (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОФИЛИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ СИТУАЦИИ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

Человек имеет когнитивную способность воспринимать, интерпретировать и описывать одну и ту же референтную ситуацию по-разному, используя разные языковые средства. Это происходит благодаря тому, что из обилия информации человек выбирает ту, которая для него в данный момент важна. Остальная информация временно отодвигается на задний план. В психологии восприятия для описания перцептивной связи между объектом фокусирования и остальной частью перцептивного поля используются термины фигура и фон. Их роль в восприятии определяется личностными и социальными факторами.

Слуховое восприятие подчинено операции разграничения фона и фигуры. Человек выделяет звук всегда на фоне, сначала происходит восприятие фона, затем выделение звуков. Что человек слышит, зависит от того, что ему представляется фигурой, находится в фокусе внимания, а что отходит на «задний» план. «Видение» ситуации с разных сторон возможно благодаря тому, что физическое восприятие действительности субъективно, избирательно и имеет интерпретационный характер.

Для решения вопросов о связи языковых форм со структурами человеческого опыта и знаний плодотворным является использование понятий фона и фигуры, фокусировки внимания и его распределения [Колесов, 2008; Кубрякова, 1999; Падучева, 2004; Lakoff, 1987; Talmy, 2007; Taylor, 1995 et al.]. Исследование лингвистического материала на фоне психологического, биологического, культурологического порядка, в том

числе привлечение понятий фон и фигура для осуществления лингвистического анализа, свидетельствуют о «новом методе исследования в лингвистике, который заключается в соотношении языковых данных с другими опытными сенсомоторными данными» [Кубрякова, 1999, с. 5]. Процессы фокусировки, перспективизации, профилирования предполагают выбор содержания, которое должно быть обозначено знаком, и организацию этого содержания путем определения его составляющих как фигуры и фона.

Разные способы репрезентации оттеняют или высвечивают разные сущности, появляется возможность отразить разные детали, свойства, признаки или особенности рассматриваемой ситуации. Если «в языке складываются и существуют альтернативные средства для выражения сходных или близких понятий, подобная синонимия выражения – кажущаяся, ибо за каждым синонимом стоит объективируемая только им индивидуальная концептуальная структура» [Кубрякова, 1999, с. 9]. Один и тот же фрагмент действительности может иметь различные концептуализации, а каждой концептуализации соответствует свое высказывание. Основная доля различий между концептуализациями одной ситуации приходится на такие параметры как оценка и фокус внимания; «сдвиг фокуса внимания, определяющий соотношение между концептуальными структурами, является добротной задачей лингвистической семантики» [Падучева, 2004, с. 156].

Как показывает анализ эмпирического материала, одну и ту же ситуацию внеязыкового мира можно категоризовать разными способами на языковом уровне, о чем свидетельствуют примеры:

She had hauled herself out of bed when she'd heard the doorbell (BNC); Elisa was about to make her second attempt to leave when a bell was heard – the front-door bell (BNC); It was nearly half an hour later that the doorbell sounded again (BNC).

Выделенные части высказываний близки по смыслу, но не тождественны. В референтной ситуации речь идет о восприятии одного определенного события, а именно, слышен звук дверного звонка, однако событие концептуализировано по-разному. Приведенные в примерах концептуализации одной и той же ситуации отличаются друг от друга смещением фокуса внимания. В первом случае профилируется, оказывается в фокусе внимания субъект восприятия. Речь, по сути, идет о воспринимающем субъекте и о том, что он получает информацию из внешнего мира. Объект, выраженный подлежащим, является центральным в ситуации, наиболее активным, деятельным, чьи воля и намерения осуществляют описанное в предложении действие [Talmy, 2007, с. 275]. В конструкциях в активном залоге с глаголом *hear*, где субъект восприятия занимает позицию подлежащего и эксплицирован местоимением, существительным или именем собственным, он концептуализируется как фигура в ситуации слухового восприятия, то есть находится в коммуникативном фокусе события, ср.: *She heard Sharon short down the phone (Ahern, c. 58)*. Очевидно, что наибольший интерес для говорящего с информационной точки зрения представляют перцептивные действия субъекта восприятия, а не признаки, качества, свойства звучащего объекта.

Высказывание в пассивном залоге является как бы «зеркальным» отражением аналогичной денотативной ситуации, ср.: *... a bell was heard – the front-door bell (BNC)*. Отражение не является точной копией ситуации, поскольку в данном примере именно объект слухового восприятия становится когнитивно выделенным компонентом. Говорящий концентрирует внимание на событиях, которые представляют для него больший интерес. Очевидно, что факт звучания звонка в приведенном примере, является для интерпретатора более значимым событием, чем само действие восприятия. Изменение точки зрения на ситуацию выявляет новые свойства ее участников, вводит в рассмотрение новые факты. Происходит смена фокуса внимания и, фактически, когнитивно выделенным компонентом ситуации становится звук, а воспринимающий субъект вообще не находит языкового выражения, он является «Наблюдателем за кадром» в терминах Е.В. Падучевой.

Событие, где слышен звук дверного звонка, может быть категоризовано еще одним способом, а именно: *It was nearly half an hour later that the doorbell sounded again (BNC)*. При кажущемся тождестве данной конструкции с пассивной, они категоризируют ситуацию по-разному, то есть акцентируют различные аспекты референтной ситуации. Данный глагол категоризирует ситуацию восприятия с точки зрения воспринимающего субъекта, который, однако, не эксплицирован в предложении. Субъект восприятия является имплицитным, потенциальным, это некий возможный наблюдатель, на органы чувств которого мог бы воздействовать звук. В данном высказывании звук звонка является центральной фигурой, а глагол *sound* указывает на то, что объект издавал звук и мог быть услышан. Данная концептуализация ситуации ставит в фокус внимания звуковой объект, а субъект восприятия не находит языкового воплощения в конструкции и «уходит за кадром».

Объект слухового восприятия является также когнитивно выделенным компонентом в ситуациях, категоризованных следующими примерами, ср.:

A groaning metallic thud hurt my ears (Meyer, c. 29); Footsteps fell on his ear, and the figure of one that walked somewhat wearily came into view (Grahame, c. 141).

В описываемых ситуациях звук оказывает влияние на субъекта, достигает его, доносится, даже причиняет боль. «Активность» звука, его направленность на воспринимающего находит языковое воплощение в следующих глаголах: *reach, fell on, hurt*. В фокусе внимания оказывается звук и его характеристики, предикаты эксплицирует степень воздействия на слушающего, а субъект восприятия репрезентирован на языковом уровне метонимически, органы восприятия (ears) являются метонимическим знаком субъекта.

В следующих высказываниях воспринимающий субъект только подразумевается, он является потенциальным и обобщенным, а на передний план выходит звуковое событие:

An earsplitting crash echoed from the other room (Meyer, c. 269); There is a sound of distant reapers, and yonder rises a blue line of cottage smoke against the woodland (Grahame, c. 142).

В подобных высказываниях отсутствует глагол слухового восприятия, а имплицитный перцептор может быть связан с широким кругом предикатов. Сюда включаются обозначения всех возможных событий, доступных слуховому восприятию, о чем свидетельствует наличие компонента «звук» в семантике предикатов. Субъект перцепции носит статус имплицитного и потенциального, он является лишь возможным наблюдателем, на слуховые органы которого может воздействовать звуковой объект.

Итак, одно и то же событие действительности, имеющее более одной формы языкового выражения, имеет различные концептуализации. Выбор определенного смыслового варианта события зависит от цели говорящего, интерпретации ситуации внеязыковой действительности и от того, какие языковые средства могут быть использованы для категоризации данной ситуации.

Библиографический список

1. Колесов, И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) : моногр. [Текст] / И.Ю. Колесов. – Барнаул : БГПУ, 2008.
2. Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1999. – Т.58. – № 5-6. – С. 3-12.
3. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
4. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987.
5. Talmy, L. Attention Phenomena [Text] / L. Talmy // The Oxford handbook of cognitive linguistics / D. Geeraerts, H. Cuyckens (Eds.). – N. Y. : Oxford University Press, 2007. – P. 264-293.
6. Taylor, J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory [Text] / J.R. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1995.

Список источников иллюстративного материала

1. Ahern, C. P.S. I Love You [Electronic resource] / C. Ahern. – Mode of access : <http://www.intexblogger.com>
2. BNC – British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. Grahame, K. The Wind in the Willows [Text] / K. Grahame. – СПб. : Антология, КАРО, 2006.
4. Meyer, S. New Moon [Electronic resource] / S. Meyer. – Mode of access : <http://www.intexblogger.com>

margo_2611@mail.ru

Топка Л.В., Иркутск (Россия)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА «КАТЕГОРИЧНОСТЬ» И НЕКОТОРЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Категоричность является сложным образованием – семантической константой [Топка, 2007], пространство которой представлено единством двух ядерных составляющих: категоричного утверждения и уверенности, что предполагает: прямолинейность, открытость высказывания говорящего, обусловленную рядом причин, а так же, достоверность, однозначность его суждения.

Периферия данной константы содержит зоны взаимных проникновений ее конститuentов, а также область ее сопряжения с некатегоричностью, поскольку некатегоричное высказывание в определенной обстановке общения может служить средством выражения скрытой угрозы, иронии, сарказма [Топка, 2002, с. 134].

Категоричное высказывание как один из коммуникативно-прагматических вариантов, предполагающий передачу полной уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, прямолинейности высказывания, несдержанности в выражении оценок, может служить языковой формой выражения таких речевых действий, как приказ, угроза, обвинение, возмущение, наставление и других.

Ядерная зона пространства данной семантической константы обладает сложной системой средств языкового оформления речевых действий говорящего. Все эти средства служат для выражения уверенности, прямолинейности и однозначности высказывания. Наиболее частотными средствами языкового выражения категоричности в современном английском языке является употребление форм повелительного наклонения, которое принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией, превращающей любое слово в категоричное утверждение:

«But never, Philip,» she said with the gesture of her hand, as if dismissing me. «Take it as final, and forever. If you hoped, I am sorry. I had no intention to mislead you. Now, good night.»

Ответной реакцией на такое решение явился категоричный и краткий ответ:

«*Never leave me*,» *I said*, «*swear it, never, never, never*» [Maurier, 2004, с. 281-282].

Содержание повелительного наклонения заключается в непосредственном волеизъявлении с целью побудить адресата к определенному действию. В связи с этим повелительное наклонение можно было бы назвать также и побудительным наклонением [Сковородникова, 2005 с. 343], репрезентирующим категоричность в русском языке:

– «*Слушай*, – сказал он, – *о жене не заботься*: что возможно сделать, то будет сделано. *Теперь слушай*: письмо Михаилу Илларионовичу *отдай*. Я пишу, чтобы он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность! *Скажи ты ему*, что я его помню и люблю. *Да напиши*, как он тебя примет. *Коли хорош будет, служи*. (...) *Николая Андреевича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет*. Ну, теперь *поди сюда*.» (...)

– «*Простились... ступай!* – вдруг сказал он. – *Ступай!* – закричал он сердитым и громким голосом, отворяя дверь кабинета» [Толстой, 1987, с. 290].

Использование вводно-модальных слов *certainly, of course, surely, really, indeed*; употребление модальных глаголов *should, ought, must*; использование разговорных вставок с глаголами уверенности, знания *as far as I know, so far as I know, I assure you, I am sure, I know*; употребление междометий и наречий *confidentially, much, rather, confidently, absolutely, entirely, definitely, exactly*, и сдвоенных наречий *too much, rather too* также являются средствами текстовой репрезентации категоричности в современном английском языке.

В русском же языке к наиболее часто употребляемым средствам языкового выражения вышеуказанной константы относятся: инфинитивные конструкции; вводные слова и предложения со значением уверенности *действительно, конечно, я уверен* и др.; модальные слова *в самом деле, непременно*; модальные частицы *пусть, пускай, что за*; междометия *уж, о*; глаголы умственной деятельности *знаю, убежден, утверждаю*.

Многочисленные и разнообразные опущения, ссылки, условные обозначения, к которым прибегают участники общения, включая средства не прямой коммуникации, являются значимыми для понимания смысла коммуникативного взаимодействия. Стремление быть понятым побуждает собеседников к выражению личных оценок, эмоций. При этом эмоциональная непосредственность не только не затрудняет, но наоборот, облегчает понимание происходящего [Куницына, 2002, с. 60-61].

Авторские ремарки – это прием введения в предложение добавочных сообщений, замечаний относительно действий, жестов, мимики, мыслей коммуникантов, они отражают отношение говорящего к происходящему, к своим словам и словам собеседника. В авторских ремарках используются конструкции с эмотивными предикатами, указывающими на «характер речевых поступков» [Шахнарович, 1991, с. 106], например: *looking angrily, confidently replied*:

«*We have a responsibility to each other*,» *she said sternly*. «*My clients do get caught occasionally. Through carelessness and complacency but never through this agency. There has never been a clink in our armour and I intend to keep it that way*» [Wenham-Jones, 2003, с. 84].

Этноспецифическим средством выражения категоричности в русском языке следует считать риторическое восклицание или, другими словами «эмоционально окрашенное предложение, в котором эмоции, даже не выраженные лексическими и синтаксическими средствами, обязательно выражены интонационно» [Сковородникова, 2005, с. 276]. Это явление появляется в речи тогда, когда волнение, другое чувство или эмоция, постепенно нарастая, достигают кульминации:

«*Клянусь вам, мне не смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой. Двум богам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удастся, доктор, и тем более – людям, которые вообще, отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают свои собственные штаны!*» [Булгаков, 1990, с. 485].

Сопоставительное изучение российской и британской коммуникативных культур, позволило многим лингвистам сделать вывод, что «русский язык более прямолинеен и категоричен», тогда как «англичанам свойственны языковая сдержанность, недосказанность, недооценка» [Тер-Минасова, 2004, с. 182-228]. Однако, категоричность и прямолинейность высказывания русскоговорящего, на наш взгляд, не является признаком его грубого, невежливого поведения, поскольку снижение категоричности высказывания – нехарактерная и ненормативная черта речевого поведения представителей русской лингвокультурной общности.

Библиографический список

1. *Виноградов, В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001.
2. *Куницына, В.Н.* Межличностное общение [Текст] : учебник / В.Н. Куницына, Н.В. Казанцева, В.М. Погольша. – СПб. : Питер, 2002.
3. *Сковородникова, А.П.* Энциклопедический словарь-справочник «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» [Текст] // А.П. Сковородникова. – М. : Флинта; Наука, 2005.

4. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : уч. пос. / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2004.
5. Топка, Л.В. Скрытое давление на адресата [Текст] / Л.В. Топка // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста // Иркутский гос. лингв. ун-т / Вестник. Сер. Лингвистика. – Иркутск : ИГЛУ, 2002. – Вып. 2. – С.133-142.
6. Топка, Л.В. Некатегоричность [Текст] / Л.В. Топка // Внутренний мир человека : Семантические константы : колл. моногр. к юбилею д-ра филол. н., проф. Ю.М. Малиновича. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – С. 359-396.
7. Шахнарович, А.М. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности [Текст] / А.М. Шахнарович, Т.А. Графова // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С.99-114.

Список источников иллюстративного материала

1. Булгаков, М.А. Собачье сердце [Текст] / М.А. Булгаков. – И. : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990.
2. Толстой, Л.Н. Война и мир [Текст] / Л.Н. Толстой. – М. : Правда, 1987. – Том 1.
3. Maurier, D. My Cousin Rachel [Text] / D. du Maurier. – М. : Менеджер, 2004.
4. Wenham-Jones, J. A Perfect Alibis [Text] / J. Wenham-Jones. – L. : Bantam Books, 2003.

lavtop@list.ru

Тронько С.С., Барнаул (Россия)

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА ‘TOD’, АКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ ЛЕКСЕМОЙ *der Tod*

Под концептом в настоящей работе понимается некое представление о фрагменте мира, отмеченное лингвокультурной спецификой, обладающее сложной структурой и окруженное эмоциональным, экспрессивным и оценочным ореолом. Концепт художественного текста отличается от соответствующего концепта в языковой картине мира. Анализ художественных текстов позволяет выявить такие признаки концепта, которые нельзя выявить на основании лексических, фразеологических и паремиологических средств.

Ключевой лексемой немецкоязычного концепта TOD выступает лексема *der Tod*, поскольку она выражает соответствующее понятие в общем виде, характеризуется широкими сочетаемостными возможностями, является немаркированной единицей, лишённой эмоционально-экспрессивной окраски, и является наиболее частотным элементом по сравнению с другими компонентами, вербализующими концепт.

Ключевая лексема *der Tod* и ее синонимы (*das Sterben*, *das Ende*) употребляются в исследуемых нами произведениях о войне общим объемом 4388 страниц в 643 контекстах и репрезентируют инвариантное значение ‘прекращение жизнедеятельности организма, переход из состояния бытия в состояние небытия’.

Следует сказать, однако, что лексемы *der Tod* и *das Sterben* не всегда рассматриваются как синонимы. По мнению Моника Шварц-Фризель, смерть (*der Tod*), интерпретируемая как момент перехода, как момент вступления в состояние небытия, являет собой умирание (*das Sterben*). Таким образом, умирание (*das Sterben*) – это процесс перехода из состояния «живой» в состояние «неживой», временно ограниченный процесс, а смерть (*der Tod*) – это и процесс, и неограниченное во времени состояние [Schwarz-Friesel, 2007, S. 252-253]. Некоторые авторы художественных произведений, в частности Г. Гофе, разграничивают процесс умирания и саму смерть: *...da haben wir viele Lieder von Sterben und Tod gesungen... (Hofé, S. 394)*. Однако в настоящей работе данные лексемы рассматриваются как синонимы, поскольку объединены единым значением: ‘прекращение жизнедеятельности организма, переход из состояния бытия в состояние небытия’.

Контекстное употребление данных лексем позволяет конкретизировать объект смерти, а также ее характеристики и следствия.

Атрибутивные словосочетания с лексемой *der Tod* (81 употребление) содержат указание на объект смерти. Им могут быть: члены семьи (*der Tod des Bruders, seiner Mutter, der Frau, ihres Mannes, der Tod von Angehörigen*), возлюбленные (*der Tod ihrer Liebsten, des Verlobten*), друзья, знакомые (*der Tod Wallaus, ungezählter Kameraden, seines Freundes, sein Tod*), участники коммуникативной ситуации (*mein Tod, dein Tod*), известные личности (*Lenins Tod*).

В глагольных словосочетаниях с указанием на объект действия (72 употребления) смерть сама может выступать: объектом желания, поиска, достижения: *den Tod suchen, finden, begehren, wollen, wünschen* и т.д. В условиях войны человек может желать не только чужой смерти: *Wünschte er Höfels Tod? (Apitz, S. 141)*, но и своей собственной: *„Und in den Tagen werden die Menschen den Tod suchen und nicht finden... und werden begehren zu sterben ...“ (Noll, S. 265)*; объектом мыслительных действий: *an den Tod denken, den Tod vergessen, an den Tod glauben* и т.д.; объектом эмоциональных отношений: *den Tod fürchten, verachten, hassen, Angst vor dem Tod haben* и т.д.

Достаточно большое количество атрибутивных, объектных и предикатных сочетаний с лексемой *der Tod* (240 употреблений) обнаруживает следующие характеристики смерти:

Антропоморфные характеристики. В одном употреблении *смерть* именуется *Freund Hein*, что подчеркивает представление о ней как о существе мужского пола: *Der Mommer sieht aus wie einer, der im letzten Moment Freund Hein von der Schippe gesprungen ist* (Hofé, S. 302). Более того, смерть может выполнять социальные роли: *Der Tod im Lager war dein Geselle. Der Tod vor dem Zaun ist dein Feind!* (Apitz, S. 231), быть носителем признака, свойственного живому существу: *Das ist der hinterhältigste, der verruchteste aller Tode!* (Apitz, S. 231). Смерть может ждать человека и сама быть гостем. Ср.: *Dort wartete der Tod! Konnte man ihn nicht auch hier erwarten?* (Apitz, S. 308).

Как и все живое, смерть может обладать признаками движения или нахождения в состоянии покоя: *Aus allen Lüften kam der Tod* (Hofé, S. 286). Смерть может взять, «захватить» что-нибудь или кого-нибудь, будучи уверенной в своей власти: *Er (der Tod) regierte sie wie ein Vivisektor, der beobachtet, was geschieht...* (Remarque. *Die Nacht von Lissabon*, S. 265).

Будучи живым существом, смерть может дышать: *... ein Stöhnen wehte über den Zug, ein Hauch von Tod und Verwesung* (Noll, S. 341) и принимать пищу: *Der Tod, der in ihr fraß, wollte nicht mehr weglaufen* (Remarque. *Die Nacht von Lissabon*, S. 265).

Смерть может говорить и даже кричать, то есть обладает речевыми способностями: *Er starrte geradeaus, mit offenem Mund, als hätte der Tod selbst ihn angeschrien, sich endlich anständig aufzuführen* (Seghers. *Das siebte Kreuz*, S. 291).

Смерти не чужды мимические проявления (ухмылка, насмешка, хихиканье), выражающие прежде всего отрицательные эмоции: злорадство, недовольство: *Was denke ich... von den Verbluten und allen, denen der vielgestaltige Tod Nacht und Tag ins Gesicht grinst* (Hofé, S. 50).

Зооморфные характеристики. Смерть предстает на войне в образе птицы, имеющей большие, мощные крылья, считающиеся символом силы и власти: *...erschien er ihr wie ein Todesvogel, der ein paar lustige Flügelschläge über dem Grab macht* (Seghers. *Die Toten bleiben jung*, S. 116). Идея «смерть есть птица» восходит еще к представлениям древних германцев и славян [Соболев, 2000].

Локальные и темпоральные характеристики. Смерть может находиться близко или отдаленно в пространстве: *Der Tod war weit weg; er traute sich nicht mehr in seine Nähe* (Seghers. *Die Toten bleiben jung*, S. 546). Смерть может располагаться где-либо, прятаться: *Dann schloß er den großen Schnitt wieder. Und darunter war der Tod verborgen* (Hofé, S. 449).

Во временном отношении она также может быть далекой или близкой: *Es war, als habe jede Minute in sich den Tod eingeschlossen...* (Thürk, S. 307).

Аудио-визуальные характеристики смерти. Смерть как реальность обладает такими характеристиками, как 'темнота': *Und das Dunkel des Todes war der sanfte Schleier, der die ewige Schönheit umhüllt* (Apitz, S. 203). Смерть может отбрасывать тень: *Als der Tod seinen Schatten zurückzog...* (Seghers. *Die Toten bleiben jung*, S. 578) и быть световым образом: *Das Röntgenfoto... zeigt immer zugleich die Lichtpause des Todes...* (Böll, S. 331). Она может издавать звуки, встречающиеся в природе: *Die Augen des Mannes leuchteten auf, als er den Tod heranrauschen hörte...* (Seghers. *Die Toten bleiben jung*, S. 316).

Вкусовые характеристики. Смерть, переживаемая эмоционально, приобретает также вкусовые качества: горькая, сладкая. *...und das Sterben sei süß von buntduftigen Blumen und zauberschönen Melodien garniert* (Hofé, S. 298).

Качественные характеристики. Смерть может наделяться такими характеристиками как 'коварная, лукавая, верная, уверенная, жуткая, жалкая, спокойная, великая': *Das ist der hinterhältigste, der verruchteste aller Tode* (Apitz, S. 231). Для объекта своего влияния смерть может быть угрожающей, мучительной, тяжелой, а также творящей благо: *Doch der Tod war wohlthätig* (Apitz, S. 252).

Контейнерные характеристики. Немаловажное место занимает представление о смерти как о контейнере, вместилище. Смерть может быть наполнением чего-либо и сама может быть наполнена: *Wenn man einmal richtig tief in den Tod reingeguckt hat* (Seghers. *Das siebte Kreuz*, S. 137).

Количественные характеристики. Количественный показатель смерти может быть различным: неопределенным: *Das Gut war ihm plötzlich nach einer Reihe von unvorhergesehenen Todesfällen zugefallen* (Seghers. *Die Toten bleiben jung*, S. 104); как нечто собирательное, охватывающее неисчисляемое количество: *...denen der vielgestaltige Tod Nacht und Tag ins Gesicht grinst* (Hofé, S. 50); определенным приблизительно: *Schon über tausend Tote* (Bredel, S. 260) и точно: *Vier Tote und elf Verwundete war die Bilanz dieses Sonntagvormittags* (Noll, S. 170).

Количественный анализ примеров показывает, что антропоморфные и количественные характеристики концепта *TOD* преобладают над остальными. Первые (67 употреблений) доказывают наличие представления человека о смерти как о живом существе, а вторые (69 употреблений) подчеркивают важность данного параметра концепта в ситуации смерти на войне. Следует отметить, что зооморфные, аудио-визуальные, вкусовые и контейнерные характеристики смерти не были обнаружены нами ранее [см. Тронько, 2007] при анализе вербализаторов концепта в языке.

Таким образом, синтагматические реализации ключевой лексемы концепта TOD конкретизируют объект смерти (члены семьи, возлюбленные, друзья, знакомые, известные личности), а также ее характеристики (антропоморфные, зооморфные, локальные, темпоральные, аудио-визуальные, вкусовые, качественные, количественные и контейнерные).

Библиографический список

1. *Соболев, А.Н.* Мифология славян: Загробный мир по древнерусским представлениям [Текст] / А.Н. Соболев. – СПб. : Лань, 2000.
2. *Тронько, С.С.* Конвенциональные средства репрезентации концепта TOD в современном немецком языке [Текст] / С.С. Тронько // Челябинский государственный педагогический университет / Вестник. – 2007. – №6. – С. 279-288.
3. *Schwarz-Friesel, M.* Sprache und Emotion [Text] / M. Schwarz-Friesel. – Tübingen; Basel : A. Francke Verlag, 2007.

Список источников иллюстративного материала

1. *Apitz, B.* Nackt unter Wölfen [Text] / B. Apitz. – Berlin : Verlag Volk und Welt, 1975.
2. *Böll, H.* Mein trauriges Gesicht [Text] / H. Böll. – Moskau : Verlag Progress, 1968.
3. *Bredel, W.* Die Prüfung [Text] / W. Bredel. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1976.
4. *Hofé, G.* Roter Schnee [Text] / G. Hofé. – Berlin : Verlag der Nation, 1972.
5. *Noll, D.* Die Abenteuer des Werner Holt [Text] / D. Noll. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1980.
6. *Remarque, E.M.* Die Nacht von Lissabon [Text] / E.M. Remarque. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1976.
7. *Seghers, A.* Das siebte Kreuz [Text] / A. Seghers. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1971.
8. *Seghers, A.* Die Toten bleiben jung [Text] / A. Seghers. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1973.
9. *Thürk, H.* Die Stunde der toten Augen [Text] / H. Thürk. – Berlin : Das neue Berlin, 1970.

Трунова Н.В., Москва (Россия)

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ВРЕМЕННОГО СДВИГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

*Какое несимметричное Время!
Последние минуты – короче,
Последняя разлука – длиннее... (А. Вознесенский)*

Архитектор по образованию, поэт по призванию, философ по складу ума и души, Андрей Андреевич Вознесенский говорит в своем стихотворении, конечно, о перцептуальном времени, одна и та же мера которого в переживании может ощущаться как мгновение и как вечность. Вместе с тем, здесь же отмечается очень важный квалификационный показатель времени онтологического, времени как данности – его асимметричность.

Лингвистика подходит к изучению этого сложного явления с позиций его экспликации в языке, то есть естественно-эмпирическим путем, сначала отмечая очевидность существующей морфологии (в тех языках, где сформированное представление о нем – или концепт – грамматизировано), затем выявляя иные способы его вербализации. Сложная структура грамматических форм выражения времени в английском языке, многочисленность факторов, воздействующих на их актуализацию, функциональное взаимодействие с другими репрезентантами темпоральных смыслов порождают многообразие теорий, цель которых состоит в устранении сложностей их понимания, что имеет как научно-теоретическую, так и аппликативную значимость. Нерешенных проблем в интерпретации времени много. Поскольку это опосредованно определяемая сущность, современные научные направления, включая, видимо, и такую точную дисциплину, как физика, не говоря уже о спекулятивной философии и зависимой от них лингвистике, еще долго будут расходиться во мнениях относительно того, что есть время. Поэтому в каждой конкретной работе важно определиться с исходными положениями, выбрав, как представляется, наиболее аргументированные тезисы.

В данном случае исходные положения сводятся к следующим положениям:

- время есть онтологическая данность, как параметр, мера существования предметного, материального и ментального, идеального миров, сама по себе могущая быть измеренной;
- время и пространство, представляя необходимые взаимосвязанные показатели бытия, согласно субстанциальной концепции, есть сущностно отличные данности, предполагающие разные системы измерения;
- понятие хронотопа применимо к описанию художественного произведения как композит, в характеристике триединства времени, места (от греческих *χρόνος*, «время» и *τόπος*, «место») и действия, где «место» соотносимо с «пространством» как положение в последнем, условно именуемое «точкой»;

– темпоральность и модальность следует понимать как самостоятельные понятийные категории на основании расхождения их семантических констант: «настоящее – прошедшее – будущее» для первой и «необходимо – возможно – случайно – невозможно» для второй;

– единицы передачи темпоральных значений в английском языке суть репрезентанты сложного концепта, отражающего две существенные характеристики времени, известных в философии как «парадокс МакТаггарта»: линейное расширение последовательностей темпоральных констант и «надвременная» актуализации деиктических темпоральных переменных «раньше», «позже».

На уровне системы грамматическое время в английском языке представляется дробно структурированным. В его линейном изображении (стрела времени Эддингтона) общепринятые семантические константы усложняются, включая сегменты с деиктической переменной «раньше». Кроме этого область прошедшего усложняется сегментом «будущего в прошедшем», которое по отношению к настоящему находится в статусе прошлого с вариантами достигнутой или недостигнутой (запланированного, предполагаемого, возможного, желаемого и так далее) результата. Функционально-семантическое поле темпоральности, естественно, не покрывается грамматической категорией и включает временные экспоненты другого порядка, в том числе самодостаточные лексические единицы, выполняющие детерминирующие, специфицирующие, ограничительные, дополнительные, функции, лексические коллокации (нестандартные номинации), фразеологизмы, инфинитивные и причастные обороты, грамматические формы пассива во вторичной функции, стилистические приемы и приемы простого и аллегорического описания. Число вариантов комбинаторики указанных средств не бесконечно, но достаточно велико. И весь этот арсенал служит организации темпоральной канвы вербального художественного произведения.

Темпоральная перспектива художественного текста выстраивается в преломлении онтологической, гносеологической, психологической, культурологической и изобразительной парадигм, создавая сложную многомерную структуру. Художественный текст, хотя и носит рефлексивный (отражательный) характер, являя собой аналоговую модель мира, живет по собственным законам, которые позволяют этот мир перекраивать. Общеизвестно, что в художественном изображении следствие может предшествовать причине, будущее воспроизводится в прошлом и настоящем, а использование настоящего в контекстах прошедшего и будущего вообще является нормой. Хорошо известны, хотя и не до конца изучены «игры со временем» М. Пруста, Дж. Б. Пристли, Дж. Фаулза. Они похожи на сны, когда подсознание высвобождается и по-своему монтирует временную перспективу, совмещая несовместимые в реальной действительности (или совместимые, но не познанные?) пласты времени, или на мечты в модусе «потока сознания», где понятийное «будущее в прошедшем» не так уж и парадоксально.

Возможность такого нарушения в смысле представления физических свойств времени обусловлена характером отношений человека с миром во времени, как равным образом, и в пространстве. Человек не может одновременно присутствовать более чем в одном месте, одной точке пространства. Для него так же невозможно совместить в одной временной точке три временных сегмента. Поэтому то, что воспринимаемо, всегда достраивается – по аналогии, стереотипу, косвенно полученной информации – тем, что осталось за рамками восприятия. Поэтому в осознании происходящего могут смещаться как причинно-следственные связи, так и временная перспектива. В этом случае использование временных форм становится композиционным приемом. По принципу «смещенного времени» строятся прологи, эпилоги, авторские дигрессии, эпизоды воспоминаний, эпизоды прогностического характера.

Смещение времени может носить событийный характер и никак не маркироваться в тексте повествования. Это простой (или непростой?) монтаж отдаленных во времени событий, связками для которых служат неизменность места действия (прием локального ограничения), небольшие идентичные эпизоды и перекликающиеся мысли (прием подхвата), исторические и природные циклы (прием итерации). Так написаны, например, романы современной английской писательницы Э. Фрейд.

Характерным для современной английской литературы является нарратив секвенций длительно развивающихся событий во временном диапазоне, условно говоря, «вчера – сегодня – завтра», выдержанный в форме “Present Simple” (Д. Лодж, Дж. Доусон, Дж. Дарлинг). По-видимому, теоретически это явление можно объяснить фактом расширения семантики слабой формы оппозиции «настоящее :: не-настоящее». Стилистически это создает «эффект присутствия», который по существу близок к кинематографическому приему съемок в формате 3D.

Иное впечатление оставляет использование грамматической формы “Present Simple” в некоторых общих рассуждениях в романе М. Фрэйна “Headlong” :

There are some paintings in the history of art that break free, just as some human beings do, from the confines of the particular little world <...> They leave home – they escape from the tradition <...> They step out of their own time and place, and find some kind of universal and enduring fame. They become part of the common currency of names and images and stories that a whole culture takes for granted (M. Frayn, 57).

Здесь время принципиально незначимо, поскольку высказываемое суждение воспринимается как истина, стоящая над временем. Возможно, такому восприятию способствует лексическая поддержка, семантизирующая разрушение условных границ (*break free from the confines of the little world*), постоянство (*enduring*) и всеохватность (*universal*).

Помимо указанных функций временной сдвиг позволяет представлять одно и то же событие в разных ракурсах, с разных наблюдательных позиций, давая возможность более отчетливо изобразить детали, оттенки, эмоции, таким образом раскрывая сущность происходящего (прием повторной диспозиции). В вербальном художественном произведении этот прием реализуется путем описания некоторого эпизода разными героями. Он также близок к кинематографическому способу передачи разного восприятия и оценки события (сравните, например, тройной повтор финальной сцены в фильме С. Мендеса “American Beauty”).

Очевидно, можно говорить о том, что временной сдвиг в художественном тексте не просто создает временную многомерность, но также способствует актуализации скрытых смыслов, в том числе, всеобщей связи событий.

Трунова О.В., Барнаул (Россия)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Интерпретация воспринимаемого, то есть наделение его смыслом, зависит от уровня готовности индивидуального и/или общественного сознания к пониманию сущности объекта, будь то первичная онтология, некоторый артефакт или знаковая величина. Верификация адекватности представления об объекте самому объекту осуществляется в опыте наблюдения и эвристике, ограничиваемых рамками «эмпирическое – рациональное». Достаточно привести простой пример движения научной мысли от считавшейся единственно возможной теории представления пространственных структур в плоскостной геометрии Эвклида к геометрии искривленного пространства Лобачевского-Гаусса и далее к геометрии многомерного пространства Римана, чтобы стала понятной функция разных типов осознания воспринимаемого и построения его моделей, в том числе и вербально-текстовых. Последняя оговорка важна исключительно в силу наблюдающегося широкого толкования текста в современных трудах по семиотике, более всего по семиотике культуры, поскольку в данном случае объектом описания служит художественный текст, а предметом является процесс его семиотизации.

Исходные посылки предлагаемых рассуждений составляют понимание текста как сложного знака, его интерпретации как когнитивной практики, и принятие принципов майевтики (*Μαίευτική*) как основополагающих в ведении диалога.

Обозначенные положения уходят корнями в учения античных философов. Так диалогия определялась Сократом как основная техника познавательного процесса. Изучение феномена в рамках современных научных парадигм и направлений сделало очевидными разные уровни его проявления. Признается, в частности, диалогичность мыслительного процесса (психология), диалогичность любого типа дискурса – политического, научного, культурного (социология, теория коммуникации). Отмечается скрытая диалогичность в отношениях «автор – читатель» (текстология, теория интерпретации). Наконец, обозначена диалогичность образовательного процесса (дидактика). Основы семиотики также заложены в философии языка Стоиков. Хорошо известно, что в их толковании значение (лектон) выявляется через отношения в триаде «обозначаемое – обозначающее – реальный объект». То есть в становление единицы как знака (семиозис) вовлекаются сущности первичной (реальный объект) и вторичной (обозначаемое) онтологии, связываемые конвенцией социума (обозначающее). Последнее предполагает включение в процесс знакотворчества создателя (или отправителя знака) и его интерпретатора (получателя). При этом означивание объекта или ситуации создателем знака, в данном случае – текста, есть, согласно Э. Бенвенисту, первичное, семиотическое означивание. Порождение значения знака на этой ступени его становления определяется как первичный семиозис. В восприятии знака (текста) происходит его осмысление и переосмысление, обусловленное общекультурным тезаурусом интерпретатора. Этот процесс представляет собой семиозис иного порядка. В научных трудах Р. Барта он получил название «коннотативного», на основании устанавливаемых связей с устойчивыми ассоциациями, существующими или возникающими в языковом сознании реципиента.

Таким образом, в интерпретации художественного произведения семиозис характеризуется приращением смысла. Это двунаправленный процесс, в котором, с одной стороны, информация, содержащаяся в тексте, встраивается в парадигму знаний реципиента (читателя, интерпретатора), с другой, собственная парадигма знаний читателя (интерпретатора) встраивается в информационную структуру текста, что и позволяет «домыслить недосказанное», вербализуя прогнозируемые на основе аналогий и ассоциаций имплицитные смыслы.

Заметим, что «домысливание», судя по разным показателям, является одной из основных функций сознания. Человек «домысливает» недослышанное и недопонятое. Как выясняется, и «недовиденное»: еще в 1668 г. французский физик Эдм Мариотт открыл так называемое «слепое пятно» на сетчатой оболочке глаза в том месте, где в глаз входит зрительный нерв. Поскольку в этой точке нет светочувствительных окончаний нервных волокон, часть объекта, на которую направлен глаз, не воспринимается, а полный образ объекта «домысливается», достраивается по стереотипу в силу рефлекторного свойства сознания, в силу приверженности устоявшимся представлениям. Такое достраивание создает зрительную иллюзию, а в интерпретации текста иллюзию его понимания (в силу устоявшихся точек зрения). Ментальная операция

«домысливания» характерна как для наглядно-образной формы мышления (решение творческих задач), так и для мышления понятийного (решение теоретических задач). Идея «домысливания» заложена в основу концепции открытости художественного произведения У. Эко. Её суть заключается в том, что когнитивная активность читателя вовлекает его в процесс порождения новых смыслов. Она опирается на постулат «неограниченного семиозиса» Ч.С. Пирса, как алгоритма создания сетей смысловых зависимостей.

Напомним, что если у Ф. де Соссюра знак конституируется его положением в системе, то в семиотике Ч. С. Пирса знак становится знаком постольку, поскольку он репрезентирует объект через ряд интерпретаций. Знак описывается как триадическая структура «объект – знак (материальное обозначение объекта) – интерпретанта». В этих отношениях прослеживается динамика семиозиса, заключающаяся в становлении знака в контексте семиотической ситуации. Суть неограниченного семиозиса составляет способность знака приобретать все новые смыслы в зависимости от структур вхождения (актуализационного контекста). Актуализационный смысл знака-текста, таким образом, определяется совокупностью интра-, интер-, и экстратекстуальных составляющих. Интерпретация текста как сложного знака опирается на элементарную систему координат в пересечении вертикальной и горизонтальной осей. В пределах горизонтальной координаты текст представляет собой имманентный объект, внутренняя организация которого определяется развитием сюжетной линии в поле причинно-следственных связей в условиях ограниченного хронотопа. Здесь проявляются отношения «текст – реальная действительность» (знак – десигнат), «текст – автор» (знак – интерпретанта), «текст – читатель» (знак – интерпретатор). Вертикальная координата задает трансцендентальное измерение объекта, то есть представляет его как единицу определенного множества (произведения идентичной проблематики, аналогичного жанра, данного автора). Здесь выявляются отношения «текст – текст» (знак – система). Все это свидетельствует о многомерности художественного текста и дает возможность представить его, как отмечает У. Эко, в виде уровневой структуры.

Становление текста как знака начинается с отношений «текст – реальная/виртуальная действительность». Это семантический уровень семиозиса, на котором выстраивается фактивная/условно фактивная информация, прослеживаемая в развитии сюжетной линии в соответствии (рациональное развертывание) или в нарушение (парадоксальное развертывание) причинно-следственных связей. Вербальное представление изображаемого предполагает последовательную реализацию двух моделей – динамической модели мира и динамической модели его осмысления.

Дифференциальным признаком художественного текста является образность, как результат творческого осмысления изображаемого. В создании образности проявляются отношения «текст – автор» («знак – интерпретанта»), в основу экспликации/ импликации которых заложены представления о норме и ценностные ориентиры, как рефлексивная функция изменчивости мира, а также индивидуальные предпочтения, как адаптивная функция взаимодействия индивида и социума. Порождение образа осуществляется использованием механизма сигнификативного переноса. По типу репрезентации объекта (знак – десигнат) – это семантический уровень семиозиса. Аксиологическая составляющая как обязательный компонент образного представления объекта или ситуации поднимает образный репрезентант на уровень прагматики («знак – пользователь»).

Равным образом, к уровню прагматики относится семиозис, осуществляемый в модусе «текст – читатель», или «знак – интерпретатор».

Отношения между знаками такого высокого ранга как текст могут толковаться в терминах двух типов отношений в синтактике. Первый из них – интертекстуальность, введенный в текстологию Ю. Кристевой, означает «интериоризацию внешнего», иными словами, включение в текст-объект отсылки к прецедентным текстам (например, аллюзии). Второй – гипертекстуальность, заимствован в философию постструктурализма из работ Т. Нельсона в области информационных технологий. Исходное понятие «гипертекст» трактуется как совокупный продукт познавательной деятельности, содержащий отсылки к однопорядковым объектам ризоморфной среды. В лингвистических исследованиях это заимствование к постановке проблем создания и интерпретации «иных миров» – возможных и существующих, придуманных и созданных, сопоставляя реальное и виртуальное, возводя их интерпретатора в ранг их со-творца, позволяя приписывать тексту как семиотической единице произвольные смыслы.

В учебной аудитории это приводит к тому, что У. Эко позднее назовет «читательским произволом», проявляющимся в поиске обязательного скрытого смысла. Однако, с другой стороны, отказ от многомерности интерпретаций в значительной степени обедняет объект.

В заключение подчеркнем следующее:

- семиозис имеет многоуровневую структуру;
- основное содержание активного семиозиса составляет порождение новых смыслов на основе заданной матричной структуры;
- семиотические приемы формирования смысла определяются логическими закономерностями мышления.

lachesis47@mail.ru

СУБЪЕКТИВНОСТЬ АВТОРА В ТЕКСТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (на материале французского языка)

Этнография – это наука о культуре народов, в задачи которой входит поиск и описание культур, удаленных от исследователя во времени и пространстве. Становление этнографии и смежных дисциплин (этнологии, социальной и культурной антропологии, социологии культуры) как научных направлений определяется работами ученых Э. Дюркгейма, Б. Малиновского, А. Рэдклиф-Брауна, М. Мосса и др.

Со времени присвоения этнографии статуса науки в XIX в., характерный для неё дискурс не остался без изменений. Тип и особенности этнографического дискурса зависят от автора-составителя, от научной школы и избранного подхода. Первые этнографические тексты были представлены отстраненными описаниями, содержащими большое количество экзотизмов, а в начале XIX в. этнографическое описание приобретает форму научного дискурса. В это время и возникает этнографическое описание (далее – ЭО) как жанр [Чегринцев, 1998].

ЭО заключается в воссоздании в письменном виде наблюдений этнографа-наблюдателя. Как отмечает французский ученый-антрополог Ф. Лаплантин, процесс создания такого текста очень сложен, так как автор должен подобрать нужные слова и выражения таким образом, чтобы написанное отражало увиденное в мельчайших деталях. ЭО – это лингвистическая обработка опыта, приобретенного исследователем, которая требует от исследователя не только внимания к фактам, но и особого отношения к языку [Лаплантин, 2010, с. 30].

ЭО – это жанр научного повествования и вид научного текста [Ярская-Смирнова, 1998]. Принадлежность текста ЭО научному стилю предполагает наличие таких характеристик, как монологичность, строгий набор языковых средств, стремление к нормированности, наличие характерной терминологии. Кроме того, описание как жанр текста (по Ф. Лаплантину) характеризуется наличием повествовательных предложений, перечислений, подробных объяснений, классификаций. Автор не должен давать волю фантазии, но ограничиваться перечислением фактов и подробным описанием обстановки [Лаплантин, 2010].

В нашем исследовании предпринимается попытка выявления особенностей текста ЭО XIX века. Обратим внимание на такие проблемы ЭО как степень присутствия автора (категории субъективности-объективности), жанры и методы понятия «этнография». В рассматриваемом нами этнографическом дискурсе XIX века присутствует авторская оценка, что выражается в употреблении отдельных стилистических приемов и большого количества эпитетов.

Представляется справедливым высказывание о том, что объективность научного языка является лишь идеализацией, так как «на каждого участника научного дискурса (создателя научного текста) оказывает влияние ряд факторов, формирующих концептуально-языковой каркас его научного опыта» [Верхотурова, 2008, с. 39].

В отличие от художественного текста, в котором есть «авторская перспектива» (термин Ю.А. Ладыгина), в тексте ЭО, как принадлежащего научному стилю, присутствие оценки и мнения автора не подразумевается. В литературном тексте субъект актуализируется полем авторской персональности в его модальном и когнитивном аспектах, посредством «комплекса языковых средств» [Ладыгин, 1997, с. 14]. Но, как мы полагаем, в ЭО также происходит актуализация субъекта.

Отметим, что традиция подготовки этнографических изданий Русским Географическим Обществом в середине XIX в. предполагала интерпретацию данных, собранных путем внешнего наблюдения. Несмотря на то, что все видимое оценивалось как научно объективное, происходило отождествление объекта и субъекта наблюдения. При определении, например, категории «нрава народа», в научный факт преобразовывались уже имеющиеся у этнографа-наблюдателя знания, представления и стереотипы [Лескинен, 2009, с. 75]. Поэтому, на наш взгляд, этнографические сведения должны восприниматься с учетом категорий, ценностей, а также стереотипов этнографа-наблюдателя. В подтверждение сказанному приведем следующую цитату: «...объективность получаемого в результате наблюдения знания, [...], недостижима в силу ряда причин. В частности, существует проблема «реакции ученого на свои материалы и на свою работу» [Белик, 2001, с. 47, цит. по: Верхотурова, 2008, с. 96].

Труд Густава Теодора Паули «Этнографическое описание народов России» («*Description ethnographique des Peuples de la Russie*»), изданный на французском языке Императорским Русским Географическим Обществом в 1862 г., представляет индоевропейские народы и переселенцев, проживающих в России, а также народы Кавказа, урало-алтайские, татарские, монгольские народы, народы Восточной Сибири, Камчатки и Русской Америки. В отношении каждого народа приводятся его история, географическое положение занимаемой территории, климат, исповедуемая религия, различные статистические данные. Описываются внешность, костюмы, образ жизни, занятия, характер и т.д.

Рассмотрим примеры, наиболее ярко представляющие субъективную позицию автора, представленную описанием характера народа.

Так, описывая народы, проживающие в начале XIX в. на территории современной Иркутской области, автор дает следующие характеристики: «*Tatar... pacifique, affable, doux, honnête, sobre, sûr et très-propre*» (татарин ... мирный, приветливый, добрый, честный, сдержанный, надежный, чистоплотный). Но, наряду с

положительными качествами, автор наделяет татар ленью, вредными привычками и глупостью («... *nature paresseuse, ... de mauvaises passions brillent comme des éclairs à travers leur stupidité*»). Используемые в описании эпитеты отличаются противоречивостью: «...*honnêtes; malpropres et fourbes; recommandables; les plus insouciantes; paisibles et silencieux*» (честные; нечестные; лукавые; достойные уважения; самые беззаботные; кроткие и молчаливые).

Что касается бурят, по мнению этнографа-наблюдателя, последние, как и татары, не лишены лености и глупости («... *insouciantes, dissimulés, paresseux, entêtés, taciturnes*»). Примечательна следующая характеристика, в которой наблюдается явное авторское противоречие: с одной стороны, гостеприимство для бурят – священный долг («*L'hospitalité est considérée par eux comme un devoir sacré*»), а с другой – они мало услужливы («...*peu serviables...*»). В свою очередь, тунгусы описаны следующим образом: «*Gais, vifs, intrépides, ... un esprit observateur...*», «... *travailleuses... Plein de modération et de frugalité ... un goût d'ornementation complètement étranger à leurs voisins...*» (Веселые, неустрашимые, обладающие созерцательным умом, работающие). Эта положительная характеристика сопровождается уточняющим замечанием – «в отличие от их соседей», что доказывает наше предположение об оценочном характере научного этнографического описания.

Приведенные выше оценочные описания позволяют выявить ценностные установки этнографа-наблюдателя. Автор четко выражает свою оценку положительных и отрицательных качеств народа, выделяя наиболее значимые из них, такие как эмоциональность, готовность к общению, работоспособность, чистоплотность, которые часто являются показателем уровня цивилизованности. Отрицательно оцениваются недоверчивость, лень, нечестность. Эти представления носят субъективный характер, отражая стереотипы этнографической науки XIX в.

Если наблюдение объективно, оно не зависит от мыслей и представлений наблюдателя, и одно и то же наблюдение может быть произведено и подтверждено любым наблюдателем. Если наблюдение субъективно, оно будет зависеть от наблюдателя. Таким образом, утверждение, что научные наблюдения всегда должны быть объективными [Годман, 1987, с. 69, цит по Верхотурова, 2008, с. 39], не всегда применимо к тексту ЭО, что доказывает особый статус последнего в системе научных текстов.

Библиографический список

1. *Верхотурова, Т.Л.* Фактор наблюдателя в языке науки [Текст] : моногр. / Т.Л. Верхотурова. – Иркутск : ИГЛУ, 2008.
2. *Ладыгин, Ю.А.* Автороцентрический подход к анализу прозаического художественного текста [Текст] / Ю.А. Ладыгин. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1997.
3. *Лескинен, М.В.* Понятие «нрав народа» и этнические стереотипы в отечественной этнографии второй половины XIX века [Текст] / М.В. Лескинен // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. ст. – М. : РГГУ, 2009. – С. 72-82.
4. *Паули, Г.-Т.* Этнографическое описание народов России [Текст] / Г.-Т. Паули. – М. : Библиотека РУСАЛа, 2007.
5. *Садохин, А.П.* Этнология [Текст] : уч. словарь / А.П. Садохин. – М. : Гардарики, 2002. – 208 с.
6. *Чегринец, М.* (2010) Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму» [Электронный ресурс] / М. Чегринец, П. Рубел // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. I. – Вып. 5. – Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/1998/2/7chegrin.html>
7. *Ярская-Смирнова, Е.Р.* (2010) «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии [Электронный ресурс] / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов // Социологический журнал. – №1-2. – 1998. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/12roman.htm>
8. *Laplantine, F.* La description ethnographique [Texte] / F. Laplantine. – P. : Armand Colin, 2010.
9. *Pauly, Th. de.* Description ethnographique des peuples de la Russie [Texte] / Th. de Pauly. – St.-Petersbourg, 1826.

tukil@mail.ru

Федяева Е.В., Новосибирск (Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНОЧНОЙ КВАНТИФИКАЦИИ В СФЕРЕ ВРЕМЕНИ

*...language is saturated with implicit metaphors like
EVENTS ARE OBJECTS AND TIME IS SPACE (S. Pinker)*

Чувство времени, как и чувство пространства, скорее универсально по своему характеру. Время наряду с пространством играет значительную роль и в структуре языкового кода, являясь важной частью мировоззренческой системы координат. Поэтому квантификация с использованием различных темпоральных имен присуща, как представляется, различным культурам, а наряду с классом образов неопределенного множества, мотивированным пространственными представлениями, выделяется класс образов на основе представлений о времени.

Континуальность мышления, как известно, обуславливает тот факт, что зачастую в языке отражается непосредственная корреляция понятийных категорий количества, пространства и времени. Наше повседневное представление о времени как **линейном** потоке последовательных состояний мира приводит к тому, что описание признака времени в количественных терминах может опираться на пространственную метафору. Например:

*I'd think about her away into the future when she'd be a tall girl at the university maybe, and it was like a **line of happiness** going right away into the future (I. Murdoch).*

Линия имеет определенное направление и служит средством языковой репрезентации образов и представлений, связанных с протяженностью, а также с размещением объектов в пространстве [см. Федяева, 2010, с. 240]. Однако в приведенном примере лексема **line**, используемая в образном значении, отражает перенос пространственных параметров на временной, обозначая “промежуток времени (довольно продолжительный), период какого-либо настроения, внутреннего состояния”, обнаруживая свой пространственно-временной синкретизм.

Для параметра «время» за эталонную меру принимаются величины, характеризующие период вращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца. Для наблюдателя это связано со сменой дня и ночи и с отсчетом лет, часов, минут и т.д.:

... but time keeps going on, and it also goes round and around, like the sun and the moon on the tall clock in the parlour (M. Atwood).

Кроме того, как отмечает Е.С. Яковлева, “время, в постижении которого важен фактор событийного наполнения, классифицируется как психологический феномен и носит название *lived time* – время жизни, плана существования, переживаемое и проживаемое время” [Яковлева, 1994, с. 141]. В связи с этим, в принципе, любые слова и выражения, которые в своем первичном значении обозначают отрезок времени, помимо собственного значения могут обозначать – в порядке переноса по смежности – события, происходящие на данном отрезке времени и, следовательно, занимать определенное пространство. Метонимическое смещение, как правило, “и создает образ, поскольку концептуализация, которая порождается буквальным смыслом метонимически употребленного слова, аномальна и воспринимается образно” [Падучева, 2000, с. 239]. В роли обозначений оценки протяженности во времени традиционно используются наименования частей суток. Например:

*It was a **morning of insults** capped by having marijuana smoke blown in her face that launched the personal assistant of punk music pioneer Stein into a murderous fury (The Independent on Sunday).*

В данном примере можно говорить о метонимическом переносе «время → событие», т.е. “множество событий, происходивших утром”. Предоставленное “самому себе” время объективно, ни от кого и ни от чего независимо и в силу своей континуальности всегда идет плавно и непрерывно. Лексема **morning** в анализируемом предложении представляет сущность дискретную, которая достаточно адекватно представляет границы между явлениями реального мира (*утро, ночь, вечер*), наполненными определенными событиями.

Подобное явление наблюдается при переносе «время → состояние»: *For him it had been a **night of anguish**, watching the pale face writhe and contort in her nightmares beneath the ugly bruises that had darkened it (D. Steel). Comme si la brève seconde de plaisir donné et reçu eût été une revanche contre des **nuits de malaise, de mauvaises excuses et de fausse désinvolture** (F. Sagan).*

В данном контексте мучительное состояние и страдания героев квантифицируются как делящиеся на отрезке между точками “вечер” и “утро”.

Отметим, что во французском языке метонимический перенос «время суток → событие» осуществляется при помощи специального “инструмента” – словообразовательного аффикса, маркирующего данный перенос. Сравним:

1. *Tous les **matins**, j'embauche à huit heures et demie et le **soir**, je quitte jamais avant minuit... (A. Gavalda).*

2. *Ils passèrent le reste de la **soirée** à pérorer peinture (A. Gavalda).*

В первом примере **soir** является термином времени суток, т.е. “вечер”, а во втором **soirée** – передает “событийную насыщенность данного времени суток”.

В терминах времени может осуществляться количественная оценка расстояний как отрезков определенной пространственной протяженности:

3. *An enormous sky; ...these **hours of climbing** had kept his head down, and now the immensity of this vast bowl overwhelmed him (P. O'Brian).*

4. *Deux **semaines de marche** et on défile la clique en tête dans les rues de Berlin (B. Clavel).*

В данных примерах существительные “час” и “неделя” используются в качестве средства импликации перемещения субъекта/субъектов в пространстве и понятия преодоленного расстояния в целом. В основе номинации лежит когнитивное представление о количестве времени, необходимом для преодоления какого-либо расстояния.

Использование прямых указаний на время оказывается предельно эффективным и выразительным средством для отражения наиболее ценной для человека информации:

5. *Years of **breakfasts**, inept, forsaken, never to be recovered... Years of **murdered breakfasts**, why had I done it? (M. Atwood).*

Лексема *year* в данном примере воссоздает последовательность событий. Повышенная экспрессивность высказывания подчеркивается за счет внесения эмоционально-субъективного компонента, привносящего дополнительные коннотации, связанные с невосполнимостью и безнадежной утратой времени.

Подобным образом функционирует и лексема *année* (год) во французском языке:

6. ... *un coeur durci, encrassé par des années de brigandage* (E. Zola).

В данном примере в выражении *des années de brigandage* имплицирована вся совокупность событий, которые происходили с человеком в течение многих лет.

Для темпоральной квантификации нередко также используются темпоральные имена. Например:

7. *That era of her life seemed not only closed but distant* (I. Murdoch).

В данном примере количественная оценка осуществляется через гиперболизацию отрезка времени, что приводит к повышенной экспрессивности высказывания.

Метонимия как стилистический прием и когнитивная операция оказывается непосредственно связанной с количеством, выполняя, с одной стороны, много функций и выражая много значений, и, с другой стороны, являясь средством экономии усилий, поскольку в максимально сжатом виде имплицировывает довольно разнообразную информацию. Таким образом, в случае метонимии отдельные фрагменты смысла, необходимые для понимания, остаются как бы «за кадром», но потенциальное их восстановление на основе знаний о мире не вызывает труда.

Приведенный анализ фактического материала позволяет говорить о том, что образы неопределенного множества, мотивированные временными отношениями, имеют много общих точек соприкосновения в английском и французском языках, поскольку для любого человека, независимо от культуры, восприятие времени является данностью.

Библиографический список

1. Падучева, Е.В. Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) [Текст] / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 239-254.

2. Федяева, Е.В. Использование существительных – метафорических квантификаторов, мотивированных пространственно-геометрическими образами [Текст] / Е.В. Федяева // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике : мат-лы IV междунар. науч.-практич. конф. – Барнаул, 2010. – Ч. II. – С. 239-243.

3. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994.

Список источников иллюстративного материала:

1. Atwood, M. Lady Oracle [Text] / M. Atwood. – L. : Virago Press, 1982.
2. Gavalda, A. Ensemble, c'est tout [Texte] / A. Gavalda. – Paris : J'ai lu, 2004.
3. Murdoch, I. An Accidental Man [Text] / I. Murdoch. – L. : Vintage, 2003.
4. O'Brian, P. Collected Short Stories [Text] / P. O'Brian. – L. : Flamingo, 1995.
5. Sagan, F. Un peu de soleil dans l'eau froide [Texte] / F. Sagan. – Moscou : Jupiter-Inter, 2003.
6. Steel, D. The Ring [Text] / D. Steel. – L. : Time Warner Books, 2004.
7. Zola, E. L'argent [Texte] / E. Zola. – Moscou : Edition en Langues Etrangères, 1954.

fedyeva_lena@mail.ru

Федяева Н.Д., Омск (Россия)

НОРМА В КРУГУ КОГНИТИВНЫХ ФЕНОМЕНОВ

В центре нашего внимания – соотношение представлений носителей языка о нормально-нормативных проявлениях тех или иных объектов и таких структур знаний, как категория и прототип. Специфика этого соотношения может быть установлена через определение роли нормативных представлений и их языковых репрезентантов в процессе категоризации.

Унифицирующая функция нормы базируется на том, что она представляет собой результат обобщения всего многообразия явлений, ситуаций и др., иными словами, норма есть результат сведения многочисленных вариантов к инварианту. Распространяя идею о регулятивном характере нормы, мы предполагаем, что на уровне мышления норма является условием формирования наивной категории.

Одной из базовых норм мышления является категоризация – процесс упорядочивания осмысленного, его распределения по смысловым «ячейкам». В процессе категоризации хаотичное многообразие мира упорядочивается благодаря категориям, представляющим собой своеобразные «логико-семантические схемы или рамки» [Корнилов, 2003, с. 119], отнесение к которым осуществляется на основании общности признаков.

Иными словами, категории – предельно общие понятия – являются результатом «сжатия неисчерпаемого многообразия мира» [Фрумкина, 2001, с. 62].

Известно, что объекты могут быть отнесены к категории при наличии у них неких общих признаков, при этом при формировании категории происходит отчуждение дифференциальных признаков – берутся во внимание признаки общие. Благодаря исследованиям Э. Рош и др. [Rosch, 1973, 1975; Cognition and categorization, 1978 и др.], установлено, что категории имеют особую внутреннюю структуру. Структура естественных категорий (цвет, форма и т.п.) видится ученым следующим образом: универсальный прототип, которому соответствует базовое наименование; другие члены категории, в разной степени приближенные к прототипу; границы, диффузность которых определяется национально-культурной традицией. Структура обобщающих категорий (овощи, фрукты, мебель и т.п.) также не является однородной: центр выявляется по степени типичности того или иного представителя категории [Семантика и категоризация, 1991, с. 48-49].

В прототипах, к которым можно отнести типичные примеры, социальные стереотипы, абстрактные идеализации, образцы, генераторы и проч., воплощены наиболее характерные признаки категории. Другие члены категории также обладают базовыми категориальными признаками, но в объективном мире и/или сознании человека не воспринимаются как «лицо» категории. Прототип и наиболее близкие к нему члены категории имеют особые когнитивные характеристики: в частности, они легко опознаются сами и способствуют определению категориальной принадлежности объекта [Лакофф, 1996, с. 152]. Как динамический концепт, прототип состоит из целевого образа предметной области, покрываемой категорией, оптимальных представителей категории, а также из представлений о возможных отклонениях и деформациях этих представителей [Holenstein, 1985, p. 204]. Таким образом, одной из значимых характеристик категории является градуальность (градационность) ее устройства, проявляющаяся либо в диффузности границ (градация членства, по Дж. Лакоффу), либо в степени удаленности от прототипа (градация центральности) [Лакофф, 1996, с. 144-146].

Обобщим, перефразируя:

- а) в категорию объединяются объекты, обладающие общим признаком;
- б) центральным членом категории является наиболее типичный ее представитель;
- в) члены категории отличаются друг от друга степенью выраженности категориальных свойств, частным проявлением которой является степень удаленности от прототипа;
- г) границы категории размыты, в связи с чем возможны переходные случаи.

Теперь сопоставим эти положения с пониманием нормы как, во-первых, границ, «в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» [Кемеров, 1996, с. 326] а во-вторых, как диапазона допустимых отклонений. Норма, унифицируя, задает такие границы, в которых все разнообразие явлений считается типичным, обычным, правильным, естественным.

Исследование нормы как условия формирования наивных категорий требует, на наш взгляд, использования понятия *представление* и введения понятия *нормативные представления*.

Представления понимаются нами как структурно-содержательные формы фиксации коллективного опыта, составляющие глубинные семантико-аксиологические основы культурной традиции. Отметим наиболее значимые для нашего исследования признаки представлений [прежде всего: Московичи, 1996, 1998]:

- 1) социальность: представления разделяются членами социума;
- 2) когнитивность: представления – результат когнитивного освоения действительности, в котором новые объекты познаются на основе моделей предыдущего опыта;
- 3) национально- и социально-культурная специфика: представления, действующие в различных культурах и социумах, различны;
- 4) обыденный характер: представления – это структуры обыденного знания, возникшие в результате обобщения повседневного опыта;
- 5) регулятивность: представления, становясь индивидуальным интериоризированным знанием, направляют обработку информации и в целом служат основой коммуникации.

Таким образом, представления – это национально- и культурно-специфические знания, мнения, образы и проч., являющиеся результатом освоения материальных и идеальных объектов и основой для категоризации новой информации.

Среди базовых представлений человека о мире следует назвать представления нормативные, являющиеся результатом освоения, осмысления человеком действительности, сводящие бесконечное разнообразие объектов к многообразию классов, вычленяющие типичные и нетипичные признаки последних. Содержание нормативных представлений – нормальная и, следовательно, правильная и обычная с точки зрения члена социума реализация объекта действительности.

Итак, соотношение нормы и категории видится нам следующим образом. Без представлений о норме невозможно протекание процесса категоризации. Отнести к категории – значит абстрагироваться от различного и выявить общее. Прототип категории, границы которой по сути очерчены нормой, является эталонным вариантом, в наибольшей степени соответствующим представлениям о норме для данного фрагмента действительности. Нормативные представления, иными словами, имеют прототипический эффект, формируя /

отражая в сознании носителей языка ядерный по сути и массовый по распространенности образ объекта. В своих границах категория представляет собой пространство нормы, при этом значительная удаленность от центра-прототипа означает повышение оригинальности, специфичности. Таким образом, норма во многом направляет категоризацию и задает иерархию элементов категории. Норма может быть охарактеризована как унифицирующее и регулирующее условие формирования категории.

В языке категориальный инвариант закреплен в значении языковой единицы, позволяющем использовать ее для обозначения широкого круга объектов. Сравнение объекта с нормативными представлениями о категории, к которой он может принадлежать, влияют на то, каким образом будет вербализован итог сравнения, иначе, какая номинация будет выбрана. Выбор номинации, таким образом, подводит своеобразный итог категоризационного процесса.

Библиографический список

1. Кемеров, В.Е. Норма [Текст] / В.Е. Кемеров // Современный философский словарь. – М. ; Бишкек; Екатеринбург : Одиссей, 1996. – С.326-328.
2. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003.
3. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М. : Прогресс, 1996. – С. 143-182.
4. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс [Текст] / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1996.
5. Московичи, С. Машина, творящая богов [Текст] / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998.
6. Семантика и категоризация [Текст] / Под ред. Ю.А. Шрейдера. – М. : Наука, 1991.
7. Фрумкина, Р.М. Психоллингвистика [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001.
8. Cognition and categorization [Text] / E. Rosch, B. Lloyd (Eds.). – Hillsdale, N.J. : Erlbaum, 1978.
9. Holenstein, E. Sprachliche Universalien: Eine Untersuchung zur Natur des menschlichen Geistes [Text] / E. Holenstein. – Bochum, 1985.
10. Rosch, E. Human categorization [Text] / E. Rosch // Advances in cross-cultural psychology. – London, 1975. – P.23-57.
11. Rosch, E. Natural categories [Text] / E. Rosch // Cognitive psychology. – 1973. – V.4. – P. 328-350.

ndfed@yandex.ru

Филистович Т.П., Барнаул (Россия)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕРОНИМИЧЕСКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Когнитивная лингвистика – это научное направление, в центре внимания которого находится «язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Краткий словарь..., 1996, с. 53]. Ее целью является исследование сознания, ментальных процессов, происходящих при восприятии, осмыслении и познании действительности, а основной задачей - «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова, 2004, с.13]. Когнитивная лингвистика в целом занимается исследованием содержательных параметров языка. Предмет ее изучения – когниция, понимаемая как процесс познания, как отражение сознанием человека окружающей действительности и преобразование этой информации в сознании. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «ключевое для всей когнитивной науки понятие когниции относится, прежде всего, к познанию обыденному, каждодневному, так сказать, непосредственному, важному для взаимодействия человека с миром его обычной жизни. Когниция – это манипуляции со знаниями, работа с информацией» [Кубрякова, 2007, с. 13]. Когниция как процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании в настоящее время в современной науке понимается расширительно: «означавший ранее просто "познавательный" или "относящийся к познанию", термин когнитивный все более приобретает значение "внутренний", "ментальный", "интериоризованный"» [Кубрякова, 2004, с. 9]. Центральным понятием когнитивной лингвистики является концепт – «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, квант знания» [Краткий словарь ..., 1996, с. 90-91]. Главной составляющей когниции, а значит, и материалом лингвокогнитивного анализа является язык.

Национальное своеобразие и особенности семантики любого языка наиболее ярко и ощутимо проявляются в области фразеологии. Образы фразеологических единиц прототипически восходят к нормам национального миропонимания, поэтому ФЕ являются основным источником хранения и трансляции культурной информации. В них отражаются особенности национального восприятия действительности.

Целью нашего исследования является лингвокогнитивный анализ немецких компаративных меронимических фразеологизмов в сопоставлении с таковыми в русском языке. Компаративные фразеологизмы, как и другие ФЕ, – это устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, фразеологическая специфика которых основывается на традиционном сравнении. Меронимические фразеологизмы являются составной частью корпуса компаративных фразеологизмов немецкого языка. Термином меронимия выражаются отношения *часть-целое*. При анализе корпуса компаративных фразеологизмов были выявлены меронимические ФЕ, в состав которых входит компонент, обозначающий часть тела. Это лексема, являющаяся ключевым, стержневым словом. В анализируемом материале такими лексическими единицами являются *Kopf, Gesicht; Auge; Mund/Schnabel*. Средствами фразеологии, а именно компаративными меронимическими фразеологизмами с вышеназванными стержневыми лексемами концептуализируются и кодируются следующие ситуации.

Wie vor den Kopf geschlagen sein – быть как громом пораженным, ошеломленным, взволнованным, растерянным. Согласно этимологическим словарям, в антропоморфной модели Вселенной голова символизирует верхний мир, творящее божество [Маковский, 2004, с. 275-276]. В сочетании с глаголом *schlagen* проявляется значение ударить, убить, т.е., нанести вред. В обоих языках ситуация концептуализируется фразеологической формой, однако, в отличие от немецкого фразеологизма в русском употребляется стержневое слово *гром*, употребляющееся в значении «пришла беда, несчастье; нечто неприятное, неожиданное». Стержневая лексема *Gesicht* в этимологических словарях соотносится с глаголом *sehen*, являющимся одним из основных в корпусе лексики со значением восприятия. Ein Gesicht machen wie sieben Tage Regenwetter – сделать (скроить) недовольное лицо, кислую физиономию; стать чернее тучи. В плане содержания данная ситуация концептуализирована средствами фразеологии и в немецком, в русском языках. При этом настроение человека сравнивается с явлениями природы – дождливой погодой и тучами, однако, что касается внешней формы, - в немецком это компаративный фразеологизм с компонентом *wie*, а в русском со стержневым компонентом *туча* употреблено прилагательное в сравнительной степени. Немецкий фразеологизм j-m wie aus dem Gesicht geschnitten sein соответствует русскому быть похожим, как две капли воды. В обоих языках ситуация концептуализирована в форме компаративного фразеологизма, однако, если в немецком языке стержневым словом является лексема *Gesicht* в сочетании с глаголом *schneiden* (резать, вырезать, т.е., из одного лица вырезается другое, внешне совершенно одинаковое), то в русском языке при подчеркивании полного сходства эта ситуация кодируется ФЕ со сравнительным оборотом *похожи, как две капли воды*. Необходимо отметить, что в немецкой ФЕ лексема *Gesicht* может заменяться на стержневое слово *Augen*: j-m wie aus den Augen geschnitten sein. Лексема *Auge* обозначает орган восприятия. Посредством ее включения в состав ФЕ производится интерпретация различных фрагментов действительности. При этом выявляется специфика мировосприятия носителей языка: j-d hat die Augen wie ein Luchs – немецкому фразеологизму в плане содержания соответствует русская ФЕ иметь глаза, как у орла. Обороты различаются компаративными компонентами: для носителей немецкого языка представителем зоркости является *Luchs* (рысь), тогда как в русской языковой картине мира представителем силы, зоркости, прозорливости считается *орел*. Как компонент компаративного фразеологизма лексема *Auge* встречается, кроме того, в следующих устойчивых словосочетаниях: Da fiel es ihm wie Schuppen von den Augen – у него словно пелена упала с глаз (он вдруг прозрел, ему вдруг стало ясно). В плане содержания отличие между немецкой и русской ФЕ лишь в использовании разных лексем – *Schuppen* (чешуя) и *пелена*. Выражение восходит к общему культурному источнику – Библии (Деяния святых апостолов: 9,18), где говорится о святом Савле: «И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился» [Библия, 1990, с. 141] Возможно, употребление лексемы *чешуя* объясняется тем, что мутные хрусталики глаз слепого могут создать впечатление, что глаза покрыты чешуей или скорлупой [Duden, 1992, S. 641-642]. Etwas passt zu etwas wie die Faust aufs/ins Auge – «Что-либо идет к чему-либо как (к) корове седло». Сравнением в немецком языке выражается, что два каких-то явления или предмета абсолютно не подходят друг другу, и, в частности, глаз и кулак, так как бывает очень неприятно получить удар кулаком в глаз. Причем в немецком языке благодаря частому ироническому употреблению этой ФЕ развилось противоположное значение – «что-то подходит очень хорошо, совершенно точно» [Duden, 1992, S. 538]. Русский фразеологизм, в отличие от немецкого, имеет в своем составе зооним *корова*. Лексема *Mund* также может выполнять функцию стержневого компонента в компаративных ФЕ: Wie aus einem Munde (sprechen) – «Единодушно выразить какое-либо мнение». В данном случае немецкому компаративному фразеологизму нет соответствия в русском языке, где ситуация обозначается фразеологическим сочетанием. Wie auf den Mund geschlagen sein – «отопонеть». Как и в предыдущем примере, в русском языке нет соответствующего фразеологизма, и его значение передается глаголом. *Reden / sprechen wie einem der Schnabel gewachsen ist* – «Говорит, как бог на душу положит (говорит свободно, заранее не взвешивая слова)». В обоих языках ситуация концептуализируется с помощью ФЕ. Лексема *Schnabel* (разг.) – клюв, нос. рот – в сочетании с глаголом *wachsen* – «расти, вырастать» имеет сниженное стилистическое значение. В русском фразеологизме употреблена лексема *бог*. По религиозным верованиям, это верховное существо, стоящее над миром или управляющее им. Оно и управляет речью человека [Маковский, 2004, с. 446].

Итак, характер языковых картин мира, что проявляется, в частности, в ходе сопоставления семантики фразеологических единиц, отражает специфику национального восприятия и свидетельствует о своеобразном видении окружающего мира представителями различных этносов.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета [Текст]. – Chicago, 1990.
2. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Кубрякова, Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» (2007) [Электронный ресурс] / Е.С. Кубрякова. – Режим доступа: <http://www.bestreferat.ru/referat-89636.html>.
5. Маковский, М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка [Текст] / М.М. Маковский. – М. : Азбуковник, 2004.
6. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Duden, Band 11. – Mannheim, 1992.

Список источников иллюстративного материала

1. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь / [Текст] / Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. – М. : Русский язык, 1975.
2. Duden. Stilwörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim : Dudenverlag, 1988.

tatiana-p@inbox.ru

Фукс А.И., Барнаул (Россия)

ОТ ВАЛЕНТНОСТИ К КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ГЛАГОЛА

В статье рассматривается эволюция взглядов на теорию валентности, которые изменялись со сменой доминирующих парадигм лингвистики.

В рамках системно-структурной парадигмы «валентность» понимается как способность слова вступать в словосочетания с другими словами. В середине прошлого столетия Л. Теньер и С.Д. Кацнельсон в одно время начали разрабатывать теорию валентности, но рассматривали ее с разных позиций. Представления о способности слова присоединять к себе другие слова появились гораздо раньше в работах различных ученых, например, учение о сочетаемости слов александрийской школы, однако исследования носили беспорядочный, бессистемный характер.

Только с выходом знаменитой работы Л. Теньера «Основы структурного синтаксиса» начались глубокие исследования валентности. Л. Теньер определил валентность как способность глагола «притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимости от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актанты при себе» [Теньер, 1988, с. 250]. На основании количественной характеристики валентности Л. Теньер выделил четыре группы глаголов: авалентные, моновалентные, дивалентные и тривалентные глаголы. Л. Теньер подчеркивал центральность глагола и глагольного узла в предложении, структуру которого он сравнивал с маленькой драмой со своими участниками и обстоятельствами, которые он соответственно назвал актанты (обязательные члены предложения) и сирконстанты (необязательные члены предложения) [Теньер, 1988, с. 117]. У.Чейф, известный американский когнитолог, также придерживается точки зрения, что глагол занимает центральное положение и что «доминирующим является семантическое влияние глагола, которое распространяется на подчиненные сопровождающие существительные» [Чейф, 1975, с. 115]. Ученый в своих рассуждениях приходит к довольно радикальному выводу, утверждая, что «то, что мы называем предложением, является или одним-единственным глаголом, или глаголом, сопровождаемым одним или более существительными, или конфигурацией подобного вида, к которой добавлен один или более сочинительных или подчинительных глаголов» [Чейф, 1975, с. 116].

Понятие валентности исследовалось не только с количественной стороны, но на основании семантических, синтаксических и морфологических особенностей элементов ученые обращались к содержательному анализу данного понятия. В результате детального рассмотрения и противопоставления семантических и синтаксических характеристик возникло два направления в изучении валентности. С одной стороны, Г. Хельбиг и его последователи интерпретировали валентность как синтаксическое явление плана выражения, разделяя в этом отношении точку зрения Л. Теньера, а с другой стороны, В. Бондцио, К. Зомерфельдт и другие ученые относили валентность к плану содержания, то есть связывали понятие со смыслом высказывания. Компромиссом этих разнополярных точек зрения стало принятие природы валентности как многоаспектного феномена [Кибардина, 1979, с. 5].

Г. Хельбиг выделяет логическую валентность, которая «представляет собой отражение отношений между внеязыковыми явлениями» [Степанова, Хельбиг, 1978, с. 155]. Это самый общий абстрактный уровень,

на котором устанавливаются «универсальные» связи вне зависимости от языка говорящего. В языке логические связи отражаются следующим образом – «в качестве операторов высказывания функционируют глаголы, в качестве аргументов логического предиката – существительные» [Степанова, 1978, с. 155].

С.Д. Кацнельсон выделяет содержательную и формальную валентность. Формальная валентность относится к синтаксическому уровню, на котором устанавливаются количество «мест» облигаторной и факультативной валентности и соответствующие морфологические формы актантов и сирконстантов. Таким образом, синтаксическая валентность определяет заполнение имеющихся логико-семантических открытых позиций обязательными и факультативными партнерами и их синтаксико-морфологическую репрезентацию частями речи в определенных падежах [Степанова, 1978, с. 156].

Содержательная валентность представляет собой семантический уровень, где предикат, «выражая определенное значение, в то же время содержит в себе будущий макет предложения» [Кацнельсон, 1972, с. 88]. Семантическая валентность определяет сочетаемость глагола с другими элементами на основании возможности сочетаемости их семантических признаков в определенном контексте, которые обусловлены положением дел в реальной действительности. Семантическая валентность лежит в основе порождения предложения как явление глубинной семантической структуры, где закладываются самые общие абстрактные представления описываемой ситуации. Содержательная валентность предопределяет общую синтаксическую структуру, но не устанавливает и не определяет ее окончательно [Степанова, 1978, с. 157].

Количество аргументов предиката зависит не столько от самой ситуации, сколько от субъективности восприятия говорящим данного события, фокусировании внимания на отдельных деталях происходящего, представляющихся наиболее значимыми в данный конкретный момент. Следовательно, процесс выделения какого-то конкретного предмета, его характеристик и свойств при переходе от впечатления к познанию, их ментальные представления, а также элементы личного опыта напрямую влияют на внутреннюю организацию предложения.

Л. Талми в своих исследованиях подробно описывает когнитивные процессы, обуславливающие структуру высказывания [Talmy, 2000]. Описываемая когерентная ситуация представляет собой фреймовое событие, освещенный фрагмент эпизода, то есть включенный в высказывание, выходит на передний план, остальное остается на заднем плане, то есть в тени. Такой процесс иллюминации отдельных частей события связан с возникновением в коре головного мозга очага возбуждения и одновременным торможением окружающих участков. Наиболее яркая работа сознания происходит в области сосредоточенности мыслей говорящего в данный момент времени на определенном предмете, событии, образе. Следовательно, та часть целого события, на которой говорящий акцентирует внимание и которая входит в высказывание, несет в себе новую информацию, элементы новизны, а та область, которая остается неосвещенной, может быть знакомой слушающему, или не представляющей интереса на момент речи, или свободно выводимой с помощью логических операций. Структура предложения полностью соотносится с фреймовым событием: событие описывается глаголом, освещенный фрагмент эпизода – актантами, фокус внимания говорящего выражается валентностью. Вариативность валентностных характеристик глагола не означает изменение в самой ситуации, а только указывает на акцентирование говорящим внимания на тех или иных элементах происходящего.

Рассмотрим следующий пример, представляющий разные способы категоризации одного события: (1) *to load hay onto the wagon*; (2) *to load the wagon with the hay* [Pinker, 2007, с. 44].

Данный пример представляет собой одно фреймовое событие, включающее в себя одних и тех же участников и выраженное глаголом *to load*, семантика которого остается одинаковой в словосочетаниях (1) и (2), однако фокус внимания меняется, и вместе с ним меняется и содержание высказывания. В примере (1) *hay* является прямым дополнением, то есть действие направлено именно на *hay*, в словосочетании (2) более важным становится *wagon*, именно с ним будут происходить дальнейшие манипуляции. Таким образом, объект на который направлено действие, в данном случае изменение положения или состояния, синтаксически занимает позицию прямого дополнения. Существенная разница проявляется и в количественной характеристике, так в (1) количество может быть любым, тогда как в (2) имеется в виду полная загруженность. Таким образом, валентностные характеристики зависят не от самой ситуации, а от того, под каким углом зрения ее рассматривает говорящий и какой глубинный смысл вкладывается в предложение.

Следовательно, с точки зрения когнитивной лингвистики валентность отражает ментальные процессы и напрямую зависит от фокуса внимания говорящего.

Библиографический список

1. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972.
2. Кибардина, С.М. Основы теории валентности: лекции: пособие по сравнительной типологии немецкого и русского языков [Текст] / С.М. Кибардина. – Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1979.
3. Степанова, М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке [Текст] : уч. пос. / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М. : Высшая школа, 1978.
4. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер ; пер. с фр. И.М. Богуславского ; авт. предисл. В.Г. Гак. – М. : Прогресс, 1988.
5. Чейф, У.Л. Значение и структура языка [Текст] / У.Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975.

6. *Pinker, S.* The stuff of thought: Language as a window into human nature [Text] / S. Pinker. – N. Y. : Viking, 2007.

7. *Talmy, L.* Toward a cognitive semantics [Text] / L. Talmy. – Cambridge, Mass., L. : A Bradford Book ; The MIT Press, 2000. – Vol. 1: Concept Structuring Systems.

Stryzhak677@mail.ru

Фурс Л. А., Тамбов (Россия)

ФОРМАТЫ МЕТАКОГНИТИВНОГО ЗНАНИЯ

Научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, государственный контракт № П382, проект «Исследование типов и форматов знания в языке»

Язык как ингерентное свойство когнитивных процессов является объектом исследования многих наук, однако именно междисциплинарный подход к исследованию языковых явлений позволяет объяснить их сложную и комплексную природу. Как справедливо указывает Е.С. Кубрякова, «эффект междисциплинарности лингвистики в ее когнитивной версии заключается в расширении базы ее экспланаторных возможностей» [Кубрякова, 2009, с. 25]. Обращение к синтаксису в русле междисциплинарного подхода, когда именно на стыке когнитивной психологии, когнитивной нейропсихологии и когнитивной лингвистики удастся объяснить взаимодействие когнитивных и языковых механизмов в речемыслительных процессах и, в целом, процесс конструирования знания в синтаксисе, позволяет раскрыть те скрытые процессы, которые получили толкование в традиционных терминах как глубинные структуры, интериоризованный язык и т.п.

В качестве ключевых терминов данного исследования используются термины «формат» и «метакогнитивное знание». Формат понимается как способ представления знания (см. подробнее о форматах знания в синтаксисе: [Фурс, 2004, с. 2005]), а метакогнитивное знание определяется как знание, которое используется для контроля за когнитивными процессами. В качестве содержательных аспектов метакогнитивного знания выделено три компонента – во-первых, это то, что человек знает о себе и других как носителях когнитивной системы переработки знаний; во-вторых, механизм контроля за процессом переработки знания; в-третьих, стратегия обработки знания в режиме on-line [Flavell, 1979]. В первом случае важными являются базовые когнитивные способности человека к восприятию и осмыслению информации о мире, которые можно классифицировать по четырем направлениям: (1) особенности внимания (селективность, широта, фокус, динамика); (2) способность сравнивать (категоризация, метафоризация, сравнение на основе отношений «фигура – фон»); (3) перспективизация (установление точки зрения, определение дейктических отношений и фокуса субъективности/объективности); (4) гештальтность восприятия (схематизация отношений, отношения на основе динамики силы, релятивные отношения) (подробнее об особенностях системы восприятия см.: [Croft, Cruse, 2004]). Фактически, это знание того, как человек оперирует информацией на уровне восприятия, это знание «как», иными словами, оперативное знание, знание процедур, лежащее в основе процессов конструирования поступающей из внешнего мира информации.

Второй компонент метакогнитивного знания включает механизм контроля за процессом переработки знания и предполагает как знание целей коммуникации, так и способ обработки знания в преломлении к способу его языковой репрезентации. Подчеркнем, что в данном случае сканирование поступающей информации включает не только ее обработку, но также и ее проецирование на структуру предложения. Базовой единицей синтаксиса является предложение, поэтому логично предположить, что на данном этапе метакогнитивное знание представлено в формате пропозициональной матрицы. Такой формат позволяет регулировать процесс обработки информации и, как правило, включает знание об отношениях смысловой зависимости элементов предложения на основе проецирования валентности предиката. Поскольку именно за глаголом как носителем обобщенных грамматических и семантических смыслов закреплена функция формирования прообраза пропозиции, то структура предложения представлена в матрице этого типа в свернутом виде, нерасчлененно. Так, проецируемое подлежащее представляет источник события, проецируемые дополнения указывают на объекты прямого или косвенного воздействия (это могут быть инструменты, средства и т.п.), а сказуемое представляет тип номинируемого события. В этой связи правомерно выделить такие типы пропозициональной матрицы, как акциональная, процессуальная, каузативная, статальная, квалитативная и релятивная. Данные типы пропозициональной матрицы репрезентируют в самом общем виде схемы событий, проецируя возможных участников этих событий, и выполняют прогнозирующую функцию в процессах конструирования смысла. Например, каузативная матрица предполагает следующие характеристики: «каузатор – акт каузации – объект каузации – результат каузации». Проецируя данные характеристики, каузативная матрица активизирует когнитивный контекст, являющийся фоновой информацией для осмысления каузативности. Однако в процессах языковой репрезентации не все характеристики могут получить объективацию (например, *Scott got a little confused* – каузатор не представлен в структуре предложения). За счет

информационного прогнозирования на основе когнитивного контекста каузативной матрицы такое предложение возможно, и оно однозначно интерпретируется партнером по коммуникации.

В этой связи необходимо отметить, что тип пропозициональной матрицы позволяет осуществлять контроль за процессом обработки поступающей из окружающего мира информации, однако в каждом конкретном случае требуется настройка на условия коммуникативной ситуации и контроль за когнитивным состоянием и ожиданиями партнера по коммуникации. С учетом данного положения третий компонент метакогнитивного знания опирается на стратегию регулирования текущих процессов обработки информации в режиме on-line и представлен в формате когнитивной доминанты. Стратегия когнитивной доминанты в режиме on-line является эффективной за счет того, человек как разумное существо способен членить поступающую информацию на значимую и незначимую, и что не менее важно, так это способность человека вопреки естественному ходу событий закреплять статус доминирующей сущности за статичным объектом. Факт намеренного акцентирования тех или иных аспектов события в процессе его конструирования интерпретируется как установление *когнитивной доминанты* говорящего. Связано это понятие с интенциями человека, за счет чего и удается объяснить интерактивный характер речемыслительных процессов.

В сознании человека хранится информация об окружающем мире в виде уже обработанного мышлением человека знания, иными словами, уже апробированного опытным путем. Когнитивно доминирующая структура включает только те блоки знания, которые значимы на данный момент (в режиме on-line). Активизация определенной концептуальной характеристики или набора характеристик посредством когнитивной доминанты позволяет оперативно выводить из памяти человека тот или иной концепт с последующей его репрезентацией. В зависимости от того, какие концептуальные характеристики попадают в фокус когнитивной доминанты, востребованными для их вербализации оказываются различные языковые средства. Отсутствие «зеркального» отражения объективного мира в языке объясняется жесткостью границ ментального пространства, что, собственно, и делает эффективным прием когнитивной доминанты. Посредством стратегии когнитивной доминанты обеспечивается эффективная обработка информации о мире, осуществляется контроль за значимой информацией с одновременной фильтрацией информации незначимой, а также благодаря осознанию когнитивных процессов достигается возможность саморегулирования этих процессов. Присущая этой стратегии рефлексивность позволяет контролировать успешную реализацию коммуникативной цели.

В заключении подчеркнем, что выделенные форматы метакогнитивного знания раскрывают особенности когнитивного мониторинга в процессах конструирования знания в синтаксисе и его языковой репрезентации.

Библиографический список

1. Кубрякова, Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Исследование познавательных процессов в языке. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов, 2009. – Вып. V. – С. 22-29.
2. Фурс, Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты : моногр. [Текст] / Л.А. Фурс. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2004.
3. Фурс, Л.А. Когнитивные аспекты синтаксиса английского простого предложения [Текст] / Л.А. Фурс. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005.
4. Croft, W. Cognitive Linguistics [Text] / W. Croft, A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
5. Flavell, J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry [Text] / J.H. Flavell // American Psychologist. – 1979. – V. 34. - № 10. – P. 906-911.

postmaster@furs.tstu.ru

Fedulenkova T.N., Arkhangelsk (Russia)

PHRASEOLOGICAL COMPETENCE IN ESP LEARNING

The phraseologism *the Iron Curtain* is defined as 'the Westernmost boundary of the group of Eastern European states politically and economically dominated by the Soviet Union'. The definition is followed by an exemplification which is worth quoting: *I just wanted to record my personal conviction that one should meet writers and scholars from behind the iron curtain whenever possible* [Cowie, 1984, p. 318]. The utterance emphasizes the fact that peoples' aspiration to communicate with one another is the most natural and everlasting thing irrespective of time and place.

Evidently, extending business and financial relationship is extremely helpful in this respect. This is what the peoples of the world are after on the one hand. And on the other hand people of business and finance are supposed to have a good command of the English language, which is universally considered the most practical means of communication. That is why the relevance of socio-cultural knowledge cannot be overestimated. When the students study foreign languages they come closer to understanding both other peoples and themselves.

However, to improve one's understanding of native speakers or writers, an ESP student should take into consideration not only the primary nomination signs of the language but the secondary nomination signs as well, the

most common being idioms and other types of phraseological units. This is particularly important in domain-specific language teaching to students of business and finance. The problem is that phraseology is ambiguous in its nature, i.e. it is characterised by different degrees of divergence of form and meaning. For instance, such familiar everyday word combination as *to ring to the market* in the field of business and financial communication has very little to do with actual 'ringing to the market'. In fact, the meaning of this idiomatic expression is understood by businessmen as 'to influence the rate of securities'. And the combination of such common everyday words as *a drug on the market* does not serve to denote the fact that marijuana or heroin, or any other kind of opiate is available, but serves as an economics term used to name 'goods on the market for which there is no demand' [Seidl, 1978, p. 63].

Learners who are faced with a well-defined domain in the foreign language need to be taught that vagueness and ambiguity is likely to decrease in the case of international idioms, i.e. those having equivalents identical in form and meaning in other languages of the world, such as *money laundering*, meaning 'the process by which the illegal source of proceeds is concealed by means of financial transactions or any other means to make it appear legitimate', for which the Russian equivalent is *отмывание денег*. But in business and finance, such ambiguity may lead to misunderstandings, which may sometimes have quite unexpected consequences. That is why awareness of the important differences between one's own culture and other cultures has become a growing issue in fields such as Business English.

As to Business English, like other registers in given domains, it involves a certain amount of specific terminology. What puzzles beginners is being unable to decipher the meaning of a financial, economic or business term because it is of idiomatic origin, e.g.: *Chinese wall*, meaning 'an action to stop secret information passing between departments', *Markovian queue*, meaning 'a special system of mass service with Poisson's entering stream and with exponential distribution of service time', *to be in the black*, meaning 'to be in credit' as in the e.g.: *After making losses for the last six years, we are at last in the black* [Gulland, 1994, p. 21].

The antonymous idiomatic expression *to be in the red*, meaning 'to have an overdraft, to be in debt' is also frequently used in the sphere of economics and finance. It is used in written correspondence as well as in oral communication, occurring both in professional settings and casual conversations, e.g.: *Oh, dear, I am overdrawn again. I hate being in the red* [Gulland, 1994, p. 7]. For ESP students it is interesting to know that the idiom originated in the banks' custom of showing the amount overdrawn in red type; overdrafts are shown in black today.

Before mastering idiomatic terminology in the field of business, economics and finance, the student must obtain a general idea of idiomaticity and phraseology in the language. However, western and eastern European linguists are by no means in agreement as to how that linguistic phenomenon is to be defined: the former usually refer to it as idiom, whereas linguists of the Moscow school follow the founder of Phraseology as a self-contained field of linguistics, the late professor of Moscow State Linguistic University Alexander V. Kunin (1909-1996), in maintaining that the phraseological unit is a set combination of words with a complete or partial transference of meaning [Кунин, 1970, с. 210]. Following the great Russian linguist Victor V. Vinogradov (1894-1969), phraseological units are generally classified into the three structural-semantic types: 1) phraseological fusions, or idioms, 2) phraseological unities and 3) phraseological combinations, or collocations [Виноградов, 1977, с. 145].

My own approach to English idioms being inspired by these leading Russian scholars, consequently, my work with ESP students, begins with a general survey of the history of the theory of phraseology and with an explanation of the main notions and terms of the subject.

First of all the students are acquainted with the fact that phraseological fusions, or idioms, are completely non-motivated word combinations whose meanings cannot be guessed, even though one knows the meanings of their components. A well-known example is *red tape*, which at first sight seems to be a combination of two words, the first meaning 'the colour of blood or of a ripe tomato' [Sinclair, 1990, p. 466] and the second meaning 'a narrow plastic strip covered with a magnetic substance, used to record sounds, pictures and computer information, or a strip of cloth used to tie things together or to identify who a piece of clothing belongs to' [Sinclair, 1990, p. 579]. But, synchronically at least, the meaning of the whole idiom has nothing to do with the meaning of its separate components, as described in the same dictionary: 'You refer to official rules and procedures as *red tape* when they seem unnecessary and cause delay' [Sinclair, 1990, p. 466]. So *red tape* stands for 'excessive use of formalities in public business; too much attention to rules and regulations'.

Even a native speaker of English could hardly guess the meaning of the idiom *Occam's razor* and would probably need to look up the meaning of its first component 'Occam' in the dictionary: 'William of Ockham (or Occam) 1347? – English scholastic philosopher'. And though there is no real need to consult the dictionary for the meaning of the second word, one would still find it impossible to derive the meaning of the whole from the meanings of its components. In fact, the idiom is an economics term defined as 'the principle that in explaining something no more assumption should be made than are necessary' [Ayto, 2010, p. 248].

The second part of the introductory lecture for the ESP students deals with phraseological unities that are regarded as partially non-motivated, because their meaning can generally be perceived through the meaning of their components. Set expressions of this kind connected with business include: *to drive a hard bargain* meaning 'to come to an agreement on one's own terms without making any worthwhile concessions' [Gulland, 1994, p. 139]; *after hours* meaning 'during the period after normal business hours' [Seidl, 1978, p. 231]; *to play for time* meaning 'to act in a manner that delays an event, decision, etc., until a time likely to be more advantageous to oneself' [Urdang, 1996, p. 341]; *to work round the clock* meaning 'to work without ceasing at a task until it is finished' [Gulland, 1994, p. 38], etc.

During the third part of the introductory lecturing the students are shown that some phraseological collocations are motivated, but their components possess specific lexical valence, which provides the whole word group with a certain degree of stability. One component is variable but its variability is strictly limited within the frames of the pattern. This phenomenon may also be illustrated by the following phraseological collocations of idiomatic character that are widely used in the field of business, economics, marketing communication: *to manipulate the market* which means 'to influence the market situation in order to cause artificial increase or fall in the prices', *to play the market* with the meaning 'to buy and sell stocks and shares in order to make a profit' [Hornby, 2000, p. 784], etc.

In fact a phraseological collocation is a combination of two notional word components, one of them having a transferred meaning – like the adjectival component in the following examples – and the other, the noun component, having a direct meaning, e.g.: *dead weight* – the weight of an unloaded vehicle [Tuck, 2000, p. 118]; *dead capital* – money that is not invested or not invested profitably [Tuck, 2000, p. 118]; *dead season* – a quiet time for business [Tuck, 2000, p. 376], etc.

Thus, an introductory course of ten lectures on basic phraseology contributes to ESP students' phraseological competence which is sure to enable them to successfully master the domain terms and to avoid an ambiguity in communication.

Библиографический список

1. *Виноградов, В.В.* Лексикология и лексикография : избранные труды [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1977.
2. *Кунин, А.В.* Английская фразеология : Теоретический курс [Текст] / А.В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1970.

Список источников иллюстративного материала

1. *Ayto, J.* Oxford Dictionary of English Idioms [Text] / J. Ayto. – Oxford : OUP, 2010.
2. *Cowie, A.P.* Oxford Dictionary of Current Idiomatic English [Text] : in 2 vol. / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – Vol.2 : Phrase, Clause and Sentence Idioms. – Oxford [England] : OUP, 1984.
3. *Gulland, D.M.* The Penguin Dictionary of English Idioms [Text] / D.M. Gulland, D.G. Hinds-Howell. – Harmondsworth : Penguin Books Ltd., 1994.
4. *Hornby, A.S.* Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English [Text] / A.S. Hornby / Ed. S. Wehmeier. – Oxford [England] : OUP, 2000.
5. *Seidl, J.* English Idioms and How to Use Them [Text] / J. Seidl, W. McMordie. – Oxford [England] : OUP, 1978.
6. *Sinclair, J.* (Ed). Collins Cobuild Student's Dictionary [Text] / J. Sinclair. – London : Harper Collins Publishers, 1990.
7. *Tuck, A.* (Ed.). Oxford Dictionary of Business English for Learners of English [Text] / A. Tuck. – Oxford [England] : OUP, 2000.
8. *Urdang, L.* (Ed.) Longman Dictionary of English Idioms [Text] / L. Urdang. – Harlow; London : Longman Group UK Ltd., 1996.

taniafed@atnet.ru

Ханташкеева Т.В., Улан-Удэ (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 'СУДЬБА' В РУССКОМ ЗАГОВОРНОМ ТЕКСТЕ

Несмотря на определенную эволюцию концепта 'Судьба' в русском языке, понимание судьбы опирается на традиционные представления, сложившиеся в русской культуре. Даже верный на первый взгляд тезис о возрастающей со временем роли личностного начала в формировании судьбы достаточно условен, о чем свидетельствуют и русские любовные заговоры, послужившие материалом данной статьи. Еще А.А. Потебней в качестве основной выразительницы идеи судьбы в традиционной народной культуре была выделена лексема *доля* и круг «средних» ей слов – часть, съ-частье, богъ, рокъ, часть, лихо и др. [Потебня, 2000, с. 357-378]. Подобная связь *доли* как судьбы с целым кругом лексем обусловлена тем, что *доля* является одним из важнейших символов народной традиции, реализующимся во многих сферах деятельности человека. Этимологический анализ единиц, образующих концепт 'Судьба' в славянской языковой картине мира, свидетельствует о том, что вокруг этой центральной лексемы группировались слова с различной исходной семантикой.

Развитию символических значений способствовала прозрачная внутренняя форма слова *доля*. Так, единая семантика *доли* и *части*, выявленная А.А. Потебней, подтверждается М. Фасмером: «*Доля* родственна лит. *dalià, dalis* «часть, доля», лтш. *dalis*, др.-прусск. *dellieis* повелит. «дели», др.-инд. *dalam* «кусочек, часть, половина» [Фасмер, 1996, I, с. 526]. Толкование *доли* как 'части целого, состоящей во взаимной зависимости с другими частями' присутствует, по мнению О.А. Седаковой, в традиционной этике, в соответствии с которой оптимальное поведение составляет не альтруизм, но довольствование своей долей и соответствие ей, ее

приятие и полное употребление – без захвата чужих долей [Седакова, 1990, с. 54-63]. В славянских фольклорных произведениях, поверьях, этических нормах традиционной культуры, в ритуалах и современных контекстах также актуализируется древнейшая семантика *доли* как ‘меры, отмеривания’ [Журавлев, 1998, с. 72-78].

Понимание определенной ограниченности, «отмеренности» жизненного пути, возможности случайности и переменчивости судьбы передается также лексемами, обозначающими время. Вместе с тем ряд лексем с семантикой времени были изначально связаны с представлениями о жизненной силе. Так, например, этимологический анализ лексемы *век* обнаруживает исходную индоевропейскую семантику ‘жизненной силы, *vis vitalis*’: *vĕkъ < *veikъ < *vei-/voi- (ср. др.-рус. вои, лат. vis) [Гавлова, 1969, с. 36-39], а также «позволяет выявить эволюцию первичного значения ‘жизненная сила’: с одной стороны, – переход в ‘борьба, победа’, с другой – ‘судьба; отрезок жизни; время’ [Красухин, 1997, с. 68].

Восприятие судьбы как объективного течения жизни, как данности, включающей в себя жизненный путь с его главными вехами, вне зависимости от желания и воли человека, объясняется традиционным миропониманием, свойственным представителю любого этноса. С этим связана идея детерминированности судьбы, отразившаяся в славянских архаических культурах. Такое понимание отражает образ судьбы как доли, данной отдельному индивиду из совокупности разных частей, составляющих единое целое; как отрезка времени, благоприятного или неблагоприятного для течения жизни, для сохранения или исчерпания жизненной силы; как нечто обусловленное высшими силами. Взаимодействуя друг с другом и входя в глобальные оппозиции, характеризующие мифологическое сознание, данные единицы формировали многоуровневый концепт ‘Судьба’, проявляющий себя до сих пор и в текстах традиционной народной культуры, и в произведениях нового времени.

Особенности репрезентации концепта ‘Судьба’ в описываемых заговорах продиктованы его разнообразными связями с концептом ‘Любовь’, представленном в любовном заговоре через идеи соединения, нерасчлененности, различных трансформаций объекта заговора и проч. Неудивительно поэтому, что понятие доли как судьбы, части как одной из единиц неразделимой любовной пары создают многослойный, многоуровневый символ.

Описание концепта ‘Судьба’ в любовном заговоре позволяет установить определенную группировку его репрезентаций в зависимости от отнесенности судьбы к субъекту – т.е. вхождению в группу субъекта (далее – ГС) или к объекту – т.е. включению в группу объекта (далее – ГО) заговорного текста. Это различие обусловлено воздействием на формирование судьбы человека двух факторов – свободы и воли – как самого человека, так и высших сил, с учетом трех звеньев «мифоритуальной коммуникации»: субъект заговора – высшие силы – объект заговора. Двойкий характер формирования судьбы человека в любовном заговоре тем самым продиктован тем, что субъект заговора полностью свободен в выборе своих действий, но частично зависит от воли божеств. Судьба же объекта заговора, не зависящая от его свободного выбора, представляет собой абсолютную детерминацию от желаний другого человека и, опосредованно, от воли божеств. Тем самым судьба как реализация взаимоотношений человека и сверхъестественного существа, предопределяющего все события в жизни одного человека, полностью содержится в ГС, где представлены адресаты обращения – персонажи христианской и мифологической сферы.

Судьба–доля как ‘часть’ присутствует в ГС и ГО в несколько трансформированном виде как идея целостности, неразделимости двух судеб, однако в ГО она осложнена глобальной оппозицией жизни и смерти, в которой объекту заговора суждена смерть в случае сохранения своей отдельности как самостоятельной личности: «*Как белая щука-рыба не может быть без проточной воды и без пробежи, так бы красная девица (имярек) не могла бы без (имярек) ни жить, ни быть*» [Майков, 1997, с.10]. В ГС судьба–доля с семантикой ‘часть’ приобретает дополнительное значение ‘центральное положение’: «*...так бы мне (имя) все бы молились, все бы корились – все мужчины, все женщины и все малые ребята, паче свой жених богосуженный молился и корился больше всех*» [Курец, 2000, с.29].

Судьба–доля как ‘мера, отмеривание’ передается как показатель степени признака, действия. В ГО она преимущественно связана с семантикой ‘всегда’, т.е. с подчеркиванием отсутствия разделительных границ между временными периодами. В ГС (если не учитывать контексты с темпоральными значениями, связанными со временем совершения ритуала) данная семантика преобразуется как отсутствие разделительных границ между частями в социальном плане, овладение другими долями путем их вытеснения: «*И казался бы ей (имярек) милее отца и матери, милее всего роду-племени...*» [Болонев, 1997, с.355-356].

Судьба в ее связи с жизненной силой человека также представлена в ГС и ГО различным образом. В ГО семантика жизненной силы преобразуется в многообразные контексты ее отсутствия, условий и процессов ее утраты, болезни и болезненных состояний. В ГС она преимущественно находит выражение в идее красоты: «*...и казалась бы я, раба божья (имя), мила и бела, румяна и красна...*» [Любовные и семейные заговоры, 1944, с.37], и это видится далеко не случайным в связи с этимологией данного слова. Так, в соответствии с этимологией О.Н. Трубочева, праславянская корневая *kras- связывается с *krasa ‘цвет жизни’ и *kresati ‘создавать, творить’; глагол же, в свою очередь, родственен лат. crēscō ‘расти’ [Трубочев 1988, с. 210].

Судьба как путь в ГО находит отражение в виде дороги к субъекту заговора, ставшего центром социума, или в виде направленности, стремления к нему. В ГС судьба–путь реализуется как преодоление границ обжитого, человеческого мира для выхода в центр мифологического пространства, как это свойственно всем

заговорным текстам. В любовном же заговоре это находит дальнейшее развитие в семантике перехода (пре-ступления) через этические нормы и стереотипы поведения, принятые в традиционном обществе. Все эти репрезентации концепта 'Судьба', таким образом, свидетельствуют о значительных отличиях смыслового содержания данного концепта в любовном заговоре от «обобщенного текста» традиционной народной культуры.

Библиографический список

1. Гавлова, Е. Славянские термины «возраст», «век» на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках [Текст] / Е. Гавлова // Этимология 1967. – М., 1969. – С. 36-39.
2. Журавлев, А.Ф. К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении) [Текст] / А.Ф. Журавлев // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. – М., 1998. – С. 72-78.
3. Красухин, К.Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики [Текст] / К.Г. Красухин // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 62-77.
4. Потебня, А.А. О доле и сродных с нею существах [Текст] / А.А. Потебня // Символ и миф в народной культуре. – М., 2000. – С. 357-397.
5. Седакова, О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) [Текст] / О.А. Седакова // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. – М., 1990. – С. 54-63.
6. Трубачев, О.Н. Приемы семантической реконструкции / [Текст] / О.Н. Трубачев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. – М., 1988. – С. 197-231.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / М. Фасмер. – СПб. : Азбука ; Терра, 1996.

Список источников иллюстративного материала

1. Болонев Ф.Ф. Русский календарный обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока [Текст] / Подг. Ф.Ф. Болонев. – Новосибирск : Наука, 1997. – С. 346-373.
2. Курец Т.С. Русские заговоры Карелии [Текст] / Сост. Т.С. Курец. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского гос. ун-та, 2000.
3. Любовные и семейные заговоры [Текст] / Любовные и семейные заговоры // Вятский фольклор. Заговорное искусство. – Котельнич, 1994. – С. 36-58.
4. Майков, Л.Н. Заговоры приворотные, присушки и любжи [Текст] / Л.Н. Майков // Великорусские заклинания / Сост. Л.Н. Майков. – М. : Терра, 1997. – С. 6-25.

burteta@mail.ru

Хохлова Е.А. Барнаул (Россия)

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В ЖЕНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

(на материале шванков российских немцев)

В последние десятилетия лингвисты всё чаще и чаще обращаются к гендерному аспекту, в центре внимания которого находятся культурные, социальные, а также языковые факторы, характеризующие отношение общества к мужчинам и женщинам, стереотипные представления о мужских и женских качествах. Связано это, как отмечает В.Н. Шутина с тем, что отношения между мужчиной и женщиной, отношение мужчины к женщине и *vice versa* являются важной характеристикой культуры того или иного этноса. Гендерные отношения, иерархия полов воспринимаются как естественный пласт человеческой культуры [Шутина, 2009]. Анализ гендерного фактора в языке дает возможность получить представления о некоторых сторонах картины мира того или иного народа.

В данной статье рассматриваются особенности вербализации концепта «мужчина» в шванках российских немцев, авторами которых являются женщины. В задачи данной статьи входит выявление особенностей женского варианта концепта 'Мужчина'.

Под шванком российских немцев мы понимаем короткий комический рассказ в прозе, написанный на диалекте, основное назначение которого состоит в разоблачении какого-либо человеческого или социального порока [Strassner, 1968, с. 18; Десятникова, 2007, с. 33-34]. Шванк российских немцев является неотъемлемым элементом их региональной литературы. В Россию шванк попал вместе с переселенцами из Германии, которые привезли с собой свой культурный багаж, среди которого оказался и шванк как один из фольклорных жанров. В России шванк претерпевает определенные изменения структурного и содержательного плана, сохраняя при этом и свои первоначальные характеристики. И если в Германии в XIX-XX вв. шванк становится умирающей формой, то в России он переживает период своего расцвета. О распространенности шванков в народной среде свидетельствуют записи, сделанные в начале XX в. Эммой и Георгом Дингенсами. В более позднее время к данному типу текста обращаются российско-немецкие писатели, выходцы из села (Fr. Volger, D. Bush, Kl. Eck,

E. Günther, G. Haffner, W. Herdt, J. Kunz, H. Klein, E. Jost, Fr. Krüger, L. Marx, A. Sacks, Kl. Obert, E. Spuling, Elsa Ulmer, Erna Hummel). В своем творчестве эти авторы используют сложившуюся фольклорную форму, стремятся к максимальной имитации фольклорного жанра, сохраняют типичную для шванков тематику, ограниченную жизненным пространством деревенского жителя. Вследствие этого неотъемлемой характеристикой шванка российских немцев становится диалект (Десятникова 2007, с. 19). Являясь выходцами сел, где основным средством общения был немецкий диалект и хорошо владея этим диалектом, авторы писали большинство шванков на диалекте, используя литературный немецкий язык и русский язык как вспомогательные средства.

Для решения поставленной задачи нами было проанализировано 56 шванков, написанных женщинами, из которых были извлечены контексты, объективирующие концепт 'Мужчина' и определены основные когнитивные признаки исследуемого концепта. Полученные когнитивные признаки были объединены по таким когнитивным классификаторам, как профессиональная деятельность, взаимоотношения с женщиной, отношение к семье / положение в семье, свободное времяпровождение, внешность, физические характеристики, характер и темперамент, интеллектуальные качества. В данной статье подробно рассматриваются наиболее релевантные классификаторы.

• **Профессиональная деятельность:** названия профессий:

(*Sowchosdirektor / de Direktor vun Sowchos, dr Vorsitzende des Kolchos, Direktor / dr Direktor / der Hoteldirektor, Leiter im dramatischen Zirkel / Versorgungsleiter, Vrwalter, mei Natschalnik, unser Miliz / dr Milizionär / der Milizioneer / ehn Milizbeamter / der Milizmann, Doktr / unser Doktor, en Zahnarzt / Arzt, der Verkeifer / Verkäufr / der Verkäufer, dr Wächter / dr Bastanwächter, dr Posttreger, der Reiseleiter, Brigadier, Mechanisatore, Autoschlosser, dr Schoffer, Feldarbeiter, Buchhalter, Offiziant, Richter, dr Lehrer, Uhrmacher*); отношение к профессиональным обязанностям: пренебрегает должностными обязанностями (*Wann ich do Progul gemacht heb. - Wieviel mohl ich betrunke uf Arweit komme bin. - Wieviel Maschinedetali ich verdorwe heb. - Ich war net rechtzeitig uf meim Arbeitsplatz. - Du hast Abrechnung net zur rechter Zeit vorgestellt. - Der nixtaagiche Grischka-Bensowos. - Der Nixtaagich*), добросовестный и ответственный работник (*S Jaapche war aner von d Bestarweiter. - Mein Anton is en tüchtige Arweiter. - N gwisshafte Mensch*), ездит в командировки (*Ich wor doch uf Kommandierung. - Mei Papa is uf Kommandierung*); поведение на работе: льстит коллегам и начальству (*Ich gratulier jeden zu seim Geburtstag oder zum Ehejubiläum*).

Рассмотренные нами когнитивные признаки показывают, что женщина при концептуализации мужчины определяет его как человека работающего, причем в разнообразных сферах: сельское хозяйство, образование и наука, местное самоуправление, торговля, медицинское обслуживание, финансовая деятельность, судебное делопроизводство, сфера обеспечения безопасности граждан. Самыми распространенными профессиями оказались директор или руководитель, милиционер и врач. По отношению к должностным обязанностям женщины распределяют мужчин по двум категориям: добросовестные работники и бездельники. Причем пренебрежительное отношение мужчин к работе является для них более характерным. Типичными являются поездки в командировки. Некоторых мужчин отличает желание заслужить благосклонность, как со стороны коллег, так и со стороны начальства.

• **Взаимоотношения с женщиной:** отношение к женщине: должен быть галантным кавалером, обладающим хорошими манерами (*Mit ihrem Kavalier - anständiger Mensch als Ehemann - dr richtige Tanzkumrad - Ein richtiger Kavalier überrascht seine Frau mit einem Blumenstrauß.- Die Männer hen ne ganze Kerb volle Blume un verschiedene teirer Schmuck geschenkt*), не уметь красиво ухаживать за женщиной (*Hockt der Jörch wie'n Tanzbär un macht dere Barbara Liebeserklärung. - Gor nix vun Romantik. - Vun Liebeserklärung vrstehst du so viel wie die Kuh vom Sunntog. - Du huppst newer mir wie'n Gickel, anstatt dich weder mich zu drücke un mir was Interessantes ins Ohr zu pischple*), совсем не идеальный мужчина, не рыцарь (*Die heitige Männer sein richtige Waschlapppe, war kee Männer. - Du bist n Waschlapppe*); отношение к подаркам для женщины: иногда хочет делать своей женщине «рыцарские» подарки (*Ich wollt doch ä ritterliches Geschenk mache. - Im Juweliermagazin koofe mehrere Männer teire Geschenke. - Es gibt doch heit noch Männer, die wu ihrne Weiber ritterliche Geschenke koofe. - Am Morgen heb ich die Rose uf de Nachttisch vor s Bett gestellt un heb se mit m zärtliche Kuß ufgeweckt*), не умеет делать красивые, «рыцарские» подарки своей женщине (*Wos wird der schon scheenes koofe? Billigi Duchi un ä Paar Kapronstrimp. - Die Männer sin heitzutage arch geizig. Geld zum Saufe is ihne net schode, avr was Gscheites zum Frauentag schenke...- Morje is doch dei Feiertog, dr Achte März, un ich heb fer dich nix gekaafft*); с вождением и обожанием смотрит на красивых девушек (*Alli Mannskerl verrenke sich die Hälsler, wenn se ihre nochstarre. - Villeicht schwänzelt er och dere Nilla.- Schwänzelscht du ach dere Windhex*); готов успокоить плачущую женщину (не жену) (*Koom häb se getreest, wie ich koont*); больше думает о работе, чем о жене (*So geht's ewent, wann mr an sei Natschalstwo mehr denkt wie an sei eigene Fraa*).

Наличие при концептуализации мужчины в женском языковом сознании классификатора «взаимоотношения с женщиной» свидетельствует о значимой роли мужчины в жизни женщины. Однако мужчина, находящийся рядом с женщиной, совсем не соответствует ее представлениям об идеальном, настоящим мужчине, так называемом рыцаре эпохи средневековья, для которого женщина была предметом восхищения и поклонения. Ее реальный мужчина далек от романтических ухаживаний и признаний в любви. Он засматривается на чужих красивых девушек. Он делает дешевые подарки своей женщине, а иногда совсем забывает поздравить ее с каким-либо праздником. Но, возможно, в этом виновата сама женщина. Один из

выделенных нами когнитивных признаков гласит: «мужчина хочет делать своей женщине красивые подарки, и иногда он их делает». И когда он их делает, то за вспышкой радости и удивления следует недовольство, так как на этот подарок было потрачено много денег. Подобная ситуация неоднократно описывается в шванках.

• **Отношение к семье / положение в семье:** отношение к воспитанию детей: должен принимать участие в воспитании детей (*Du interessierst dich och net a bissel, wie der Jung in dr Schul lernt.- Du nehmscht kei Ricksicht uf unser Sohn*), применяет насильственные методы в воспитании детей (*„Ich will dir gleich zeige, was is!“ un mei Mann hat eilig dr Houserieme runnergenomme.- Sie schlugen mit dem Rieme ihren Sohn.- Mei Vater hat uns Kinner de Hintr vrkloppt. - Du bist kein Vater, du bist ein Schreckensgespenst.-Wann ich s Recht hätt, do tät ich dein gute Kerl de Hinter gut vrkloppe.- Was bezwekscht du awer mit deinem Schreie un Schimpfe?*); должен зарабатывать деньги (*Morje breng ich dir 200 Ruwel Prämie.- Ich vrdien ka Geld? - Sei Geld gebt mr dr Anton immer ab bei aam Kopi. - For die Prämie kaaf ich dir e schee Geschenk zu dein Geburtstag. - Warem geschte net uf die Arbeit?*); должен быть хозяином в доме, главой семьи, а не «тряпкой» (*Weil ich so n weichen Karakter hab, konnt ich Minna net absage. - Ich häb am ganze Kerper gezittert.- Bist du Vater im Haus odr bist du's net?- Du bischt kein Familjevater*); не занимается домашним хозяйством (*Du hockst schon am Televisor un kannst net weg drun. - Siehst, wie sorglos du lebscht, schmeischt ehn Haufe Geld aus. - Du bischt ehn Verschwender. - Ich spar, un du verschwendest alles*).

Выделение такого классификатора, как отношение к семье / положение в семье говорит о том, что женщина отводит важную роль мужчине в семье. Мужчину она рассматривает как главу семьи, добытчика денег, любящего и заботливого отца. Однако реальный мужчина не соответствует ее представлениям и желаниям. В действительности главой семьи, добытчиком денег и воспитателем детей является она сама.

Таким образом, когнитивные признаки, входящие в рассмотренные нами классификаторы, свидетельствуют о желании женщин видеть своего мужчину хорошо трудоустроенным, добытчиком, обеспечивающим семью, главой семьи, который внимательно относится как к жене, так и к детям. Однако в действительности мужчина не соответствует ее идеалам. С одной стороны, мужчина работает, он является представителем хорошо оплачиваемых профессий (директор, милиционер, врач). Но, с другой стороны, он пьет, пренебрежительно относится к своим должностным обязанностям, а свободное время тратит на разнообразные развлечения. Что касается отношения мужчины к семье, то в воспитании детей он применяет насильственные методы, а в отношениях с женой, по мнению женщин, он должен быть галантным кавалером.

Таким образом, на основе языковых средств объективации концепта 'Мужчина' нами был составлен обобщенный портрет мужчины в женском языковом сознании.

Библиографический список

1. Десятникова, И.В. Структурно-композиционные и диалектные особенности шванка российских немцев : дис... канд. филол. наук [Рукопись] / И.В. Десятникова. – Барнаул, 2007.
2. Шутина, В.Н. (2009). Сопоставительный анализ бинарной оппозиции «мужчина – женщина» в русской и французской пословичной картинах мира [Электронный ресурс] / В.Н. Шутина. – Режим доступа : <http://vestnik.stavsu.ru/62-2009/14.pdf>
3. Strassner, E. Schwank [Text] / E. Strassner. – Stuttgart : I.B. Metzlerische Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag GmbH, 1968.

Список источников иллюстративного материала

1. Neues Leben (Zeitung) – Jahrgang : 1970-1995.
2. Rote Fahne (Zeitung für Dich) – Jahrgang : 1960-1990.

malinkah@mail.ru

Храмова Т.Ю., Барнаул (Россия)

ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сочинение есть способ текстуального отражения сходства, симметричности смысловых единиц. Одновременно это эффективный способ компрессии средств выражения, позволяющий опускать повторяющиеся части симметричных групп [Кодзасов, 1987, с. 219]. Обычно считается, что грамматическое число предиката отражает грамматическое число имени, с которым он связан. Однако при наличии в предложении сочинённых членов, нередко наблюдаются колебания в числовой форме связанных с ним коррелятов. Проблема выбора числовых форм при сочинении затрагивается в лингвистических работах [Кодзасов, 1987; Barlow, 1988/1992 и др.].

Согласование выбирается так, чтобы соответствовать релевантным семантическим характеристикам. Таким образом, затрагиваются все уровни – синтаксический, морфологический, семантический, причем в этом процессе участвует оценка говорящим коммуникативной эффективности потенциального текста: адекватное

восприятие смысла всего высказывания в соответствии с интенциями, замыслом, правильной его интерпретации. Рассмотрим следующий пример:

(1) *Def Soul Classics President Jheryl Busby, a heralded label executive, former artist manager and entrepreneur, with a penchant for perennial talent, has been an avid fan and supporter of Patti's and can attest to her cross-generational appeal* (<http://www.pattilabelle.com>).

В данном предложении однородные члены (*a heralded label executive, former artist manager and entrepreneur*) относятся к одному и тому же лицу (*Jheryl Busby*), общность референта очевидна. Однако не во всех случаях референт очевиден из предложения, и поэтому для адекватного выбора формы согласующегося глагола-сказуемого требуется обращение к контексту и экстралингвистическим знаниям. Например:

(2) *My family and yours is well-known in the area.*

В таких случаях существует возможность неоднозначной семантической интерпретации сочинительной конструкции, но из предыдущего содержания – более широкого контекста повествования известно, что говорящий и адресат принадлежат одной семье. Таким образом, референт является общим, и глагол-сказуемое принимает форму единственного числа. Безусловно, возможны более сложные и интересные взаимоотношения, когда нет оснований, говорить об общем референте. Рассмотрим следующие примеры:

(3) *Everard was assured by M. de Croisnel that every attention and affectionate care were being rendered to his gallant and adored nephew* (*G. Meredith*).

(4) *Miss Bertram's attention and opinion was evidently his chief aim ...* (*J. Austen (a)*).

Основным фактором, определяющим выбор вида согласования в сочинительных конструкциях, является смысловые отношения между сочиняемыми элементами. При одном осмыслении пары доминирует идея раздельности, сопоставления (пример 3); при другом осмыслении – идея сходства, слияния, цельности, совместимости, действия воспринимаются как две составляющие одного целого (пример 4). Таким образом, в первом случае имеет место расчленённая множественность, во втором – собирательная, соответственно предпочитают и согласовательные формы единственного или множественного числа. Цельность предполагает внутреннюю связность объектов, тогда как расчленённость – их независимое (отдельное) существование. Очевидно, это различие часто находится на периферии внимания говорящего и вероятно поэтому не находит четкости выражения в языке. Обратимся к следующим примерам:

(5) *Hell, they were all working girls, weren't they? One way or another when you got right down to it, everybody and everything was for sale around here* (*T. Bell*).

(6) *When your father and mother moved to Norland, though the furniture of Stanhill was sold, all the china, plate, and linen was saved ...* (*J. Austen (b)*).

В примере (5) элементами рассматриваемой сочинительной конструкции являются неопределённые местоимения, их значения почти эквивалентны, дифференцируемой семой выступает лишь сема одушевлённости у местоимения *everybody* и сема неодушевлённости у местоимения *everything*. Акцент делается на том, что всё без исключения можно купить в этом месте. Усилению данного эффекта способствует и форма единственного числа предиката, подчеркивающая идею слияния, целостности, объединения.

Полагаем, что в примере (6) форма единственного числа предиката (*was saved*) объясняется тем, что однородные члены (*the china, plate, and linen*) воспринимаются целостно – все те вещи, которые удалось сохранить после переезда, их раздельность нерелевантна в данной ситуации. Неопределённое местоимение *all*, имеющие сему «объединение» в своём значении, также способствует объединению конститuentов сочинительной конструкции в одно целое.

Элементами сочинительных конструкций, допускающих семантическое согласование, часто выступают существительные, выражающие чувства, ощущения. Вероятно, это можно объяснить тем, что чувства, эмоции есть нечто абстрактное, субъективное, неустойчивое, принадлежащее интуитивной сфере. В некоторых случаях, трудно выразить то, что ощущаем, очень часто эмоциональное состояние описывается сразу несколькими характеристиками, которые воспринимаются как одно целое.

(7) *«Oh, father!» she murmured faintly, and in that word there was expressed regret and fear and dawning hope* (*J. Conrad*).

Форма единственного числа глагола обусловлена семантической интерпретацией сочинительной конструкции как цельной. Сожаление, страх и зарождающаяся надежда – это ощущения, между которыми невозможно провести четких границ, они выступают как одно целое, описывая внутреннее эмоциональное состояние девушки. Сравним следующие примеры:

(8) *That Gallant Moor, in Battle lost a Friend
Whom more than Life he lov'd; and the Regret,
Of not revenging on his Foes, that Loss,
Has caus'd this Melancholy and Despair* (*W. Congreve*).

(9) *After a pause of silence: even thus, said he, like two strangers that have fled to the same shelter from the same storm, not seldom do Despair and Hope meet for the first time in the porch of Death!* (*S.T. Coleridge*)

В примере (8) сочинительная конструкция (*Melancholy and Despair*) согласуется с указательным местоимением единственного числа *this*, актуализируется семантическое согласование в атрибутивной позиции ($\text{Prn-dem} - (\text{N}_1 + \text{N}_2)$). Как и в предыдущем примере, существительные описывают эмоциональное состояние

героя – горе утраты. Существительные, которые передают чувства отчаяния, уныния, семантически очень близки, вторят друг другу, а не противопоставлены как в примере (9), где элементы сочинительной конструкции полярны и, следовательно, реализуется синтаксическое согласование. Сочинёнными элементами могут выступать и звуки, например:

(10) «*I was frightened*», said Esther. «*The shouting and roaring of rude men is so hideous*» (G. Eliot).

В действительности очень трудно провести границу между криком и рёвом, всё это в общем воспринимается как шум, ор. Поэтому, сочинительная конструкция согласуется с глаголом единственного числа.

Рассмотрим следующий пример:

(11) *The innocence and ignorance of the patient is the first difficulty; he believes his disease is blooming health* (R. Emerson).

В данном примере такие черты как невинность и невежество пациента воспринимаются лишь как разные аспекты цельной, комплексной сущности – первой трудности, которая препятствует лечению больного, этим можно объяснить целесообразность согласования сочинительной конструкции с предикатом в форме единственного числа.

Таким образом, в анализируемых случаях под влиянием конситуации значение расчленённой множественности, свойственное сочинительным конструкциям, не затрагивает синтаксической сферы, не закрепляется в ней. Перед нами случаи, когда данная сема теряет свою синтаксическую (и смысловую) релевантность, отходит на второй план, становится фоном, релевантной характеристикой (фигурой) становится сема «совокупной множественности». Отметим, что в данном случае числовая форма глагола не выражает собственно числовую семантику, а характеризует соответствующую организацию элементов сочинительной конструкции.

Библиографический список

1. Кодзасов, С.В. Число в сочинительных конструкциях [Текст] / С.В. Кодзасов, Н.И. Лауфер, Е.Н. Савина // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М. : Наука, 1987. – С. 204-220.
2. Barlow, M. A Situated theory of agreement [Text] : Ph.D. dissertation / M. Barlow. – Stanford : Stanford University, 1988. Published 1992, N. Y. : Garland.

Список источников иллюстративного материала

1. Austen, J. (a) Mansfield Park [Electronic resource] / J. Austen // English and American Literature. CD-ROM. Директ-Медиа, 2003.
2. Austen, J. (b) Sense and Sensibility [Electronic resource] / J. Austen // English and American Literature. CD-ROM. Директ-Медиа, 2003.
3. Bell, T. Hawke. [Electronic resource] / T. Bell. – Mode of access: <http://www.fictionbook.ru/author/hawke.html>
4. Coleridge, S.T. Miscellaneous Poems [Electronic resource] / S.T. Coleridge // English and American Literature. CD-ROM. Директ-Медиа, 2003.
5. Congreve, W. The Mourning Bride [Electronic resource] / W. Congreve // English and American Literature. CD-ROM. Директ-Медиа, 2003.
6. Conrad, J. Almayer's Folly. A Story of an Eastern River [Electronic resource] / J. Conrad // English and American Literature. CD-ROM. Директ-Медиа, 2003.
7. Eliot, G. Felix Holt [Electronic resource] / G. Eliot // English and American Literature. CD-ROM. Директ-Медиа, 2003.
8. Emerson, R. Letters and Social Aims [Electronic resource] / R. Emerson // English and American Literature. CD-ROM. Директ-Медиа, 2003.

tatyana261@rambler.ru

N. Khalina, Barnaul (Russia)

THE TWO TRADITIONS IN THE CONTEMPORARY FOREIGN LINGUISTICS: LINGUISTICS APPLIED (L-A) AND APPLIED LINGUISTICS (A-L)

The tradition of applied linguistics established itself in part as a response to the narrowing of focus in linguistics with the advent in the late 1950s of generative linguistics, and has always maintained a socially accountable role, demonstrated by its central interest in language problems. But there is another tradition of applied linguistics, which belongs to linguistics; it is sometimes called Linguistics-Applied (L-A), but perhaps «applications of linguistics» would be a more appropriate title for this tradition as consider A. Davis and C. Elder. This version has become more noticeable in the last 20 years as theoretical linguistics has moved back from its narrowly formalist concern to its former socially accountable role. In this way the two traditions have come to resemble one another.

The «linguistics applied» view seems to derive from the coming together of two traditions: a) the European philological tradition which was exported to the USA through scholars such as R. Jakobson; b) the North American tradition of linguistic-anthropological field-work which required the intensive use of the non-literate informants and the linguistic description of indigenous languages for the purposes of cultural analysis. Applications of linguistics (applied linguistics) has been considered a subset of linguistics for several decades; it has been interpreted to mean the applications of linguistics principles to certain more or less practical matters.

We shall speak about linguistics applied and applied linguistics which are presented in *The Handbook of Applied Linguistics* Edited by Alan Davies and Catherine Elder [1]. The editors of this book try to explain applied linguistics as an independent and coherent discipline, which seeks to marry practical experience and theoretical understanding of language development and language in use.

The main themes of applied Linguistics are divided into parts: Linguistics-Applied (L-A) and Applied Linguistics (A-L). The L-A chapters that follow in Part I present a tendency toward the investigation of language using linguistic or other modes of investigation.

The most interesting themes are concerned language descriptions, language corpora, discourse analysis, the philosophy of applied linguistics.

Liddicoat and T. J. Curnow, speaking about language descriptions, stress that applied linguistics has great potential to inform the development of linguistic theory and refine our understanding of what needs to be included in language descriptions. The authors give a brief outline of what is involved in the description of languages.

M. Stubbs, the author of the chapter «Language Corpora», pays attention to such fact that no linguists can now ignore corpus data. Modern computer-assisted corpus study is based on two principles: 1) the observer must not influence what is observed; 2) repeated events are significant. The areas where assessment is required are as follows: language teaching and lexicography, translation studies, stylistics, forensic linguistics, cultural representation and keywords, psycholinguistics, theoretical linguistics. The implications in the area of theoretical linguistics lie in revisions or rejection of the langue/parole opposition, the demonstration that the tagging and parsing of unrestricted text requires changing many assumptions about the part-of-speech system and about the lexis/grammar boundary.

The original view on discourse analysis by H. Trappes-Lomax is based on illustration the range of educational issues. The author discusses the problem of discourse-based descriptions first of all of phonology and grammar. A discourse-based pedagogical description of phonology focuses on prosodic aspects including rhythm (especially differences between L1 and L2), the use of tonic stress placement to signal information status (given, new, etc.), and the use of tone and key to signal functional (e.g., question, statement), attitudinal (e.g., concerned, unconcerned), and interactional (e.g., turn and topic management) meanings. A discourse-based description of grammar – a “discourse grammar” – treats grammar functionally. It covers not only the possible realizations in grammar of particular speech act functions such as requesting and suggesting mitigation for, but the way in which grammatical categories such as tense, aspect and modality pattern across texts, the role of grammar in creating textual cohesion and information structure have been resolved.

Very significant chapter is «The Philosophy of Applied Linguistics (A-L)» written by K. Rajagopalan. The term “philosophy of applied linguistics” is capable of being interpreted in any one of the three senses. It may be understood as philosophically informed account of the nature of applied linguistics. The term “philosophy of AL” may also be understood to cover a broad range of philosophically important issues that have of late begun to capture the attention of scholars in AL in their efforts to, on the one hand, reflect upon how they have traditionally conducted themselves in their scientific practices and, on the other, redefine their research priorities in light of new challenges and rethink the very scope of their field. The term “philosophy of AL” may also be understood to mean philosophy of science with its attention riveted on AL as a scientific discipline in its own right. Our aim in AL is to make use of the knowledge and insights gained from scientific investigations into the nature of language, in the hope that we may solve some of the problems which arise in the planning and implementation of language teaching programs. The philosophical significance of the critical turn in AL can hardly be overestimated. Following a tradition going back to Kant, Hegel, and Marx, among others, critical theorists are intent on bridging the proverbial gap between theory and practice. Instead of treating the latter as a mere handmaiden to the former, they endeavor to bring the weight of dialectical thinking to bear on the task of coordinating theory and practice.

The A-L chapters that follow in Part II present a view toward the applied-linguistics as a coherent activity which theorizes through empirical investigations real-world problems in which language is a central issue.

The most interesting themes are concerned research methods for applied linguistics, the practice of LSP, language planning, critical applied linguistics.

J.D. Brown in the chapter «Research Methods for Applied Linguistics: Scope, Characteristics and Standards» deals with the notion of what research is. Applied linguistics research can be described from many different perspectives including at least (1) the contextual factors involved in applied linguistics research, (2) van Lier’s parameters of educational research design, (3) Grotjahn’s data collection methods, data types, and data analysis procedures, (4) other sets of research characteristics, and (5) the qual–quant continuum. All researchers in applied linguistics have two overriding ethical responsibilities: (1) to continue reading, learning, and growing as researchers in order to better serve the field, and (2) to design research that is effective and fits well into the particular institutional contexts involved by selecting those characteristics and standards along the qual–quant continuum.

The chapter «The Practice of LSP» by H. Basturkmen and C. Elder is devoted to the practice of LSP (Language for Specific Purposes) both from a teaching and testing perspective. Applied linguistics sees LSP as both conservative and disempowering: LSP is generally used to refer to the teaching and research of language in relation to the communicative needs of speakers of a second language in facing a particular workplace, academic, or professional context. In such contexts language is used for a limited range of communicative events.

«Language Planning as Applied Linguistics» by J. Lo Bianco is about language problems always arising in concrete historical contexts. These inevitably, as Bianco considers, involve rival interests reflecting “loaded” relations among ethnic, political, social, bureaucratic, and class groupings, and other kinds of ideological splits and controversies, including personal ones. Language policy and planning are ancient, extensive, and predictably expanding. Their understanding and explanation are enhanced if in addition to more rigorous understandings of status attribution politics, corpus modification processes, esteem and prestige alteration, and impacts on usage. Contemporary history LPP theory focused on the particular needs of developing nations and on processes of modernization. The modernization-language-development connection remains a crucial topic in LPP, especially prominently in light of global English. This modernization involved progressive specialization in economic domains, lessening of clan, tribal, and ethnic bonds, and their substitution with the identities and relationships of liberal, industrial, and post-industrial consumerism in which standardized, codified national languages and near-universal literacy, predominate.

The chapter «Critical Applied Linguistics» by A. Pennycook is devoted to projects of critical ideas into the sphere of applied linguistics. The theoretical bases of author’s conception is Davies’s position according to which critical applied linguistics is both a mode of critique and as a mode of practice in critical pedagogy. Critical applied linguistics implies a hybrid model of research and praxis. It is a constantly shifting and dynamic approach to questions of language in multiple contexts, rather than a method, a set of techniques, or a fixed body of knowledge. It is a new form of interdisciplinary knowledge. A. Pennycook prefers to view it as a form of anti-disciplinary knowledge, as a way of thinking and doing that is always problematizing. Critical applied linguistics is a postmodern version of an ethics of applied linguistics.

The editors of the book consider that L-A uses language data to develop our linguistic knowledge about language, while A-L studies a language problem (an aphasia, let us say, or a speech impediment, such as a speech therapist studies) with a view to correcting it.

Reference

The Handbook of Applied Linguistics [Text] / A. Davies, C. Elder (Eds). – Oxford / Malden, MA : Blackwell, 2004.

nkhalina@yandex.ru

Цветкова Т.В., Барнаул (Россия)

СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ И СРЕДСТВА ЕГО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (на материале немецкого и английского языков)

Одной из основных тенденций лингвистических исследований последнего времени является отказ от анализа чисто грамматической и семантической структуры языковой единицы и обращение к ней как к средству репрезентации ментальных процессов. При изучении концептосферы и способов ее языковой актуализации лингвисты стремятся «не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуру..., но и объяснить причины выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» [Кубрякова, 2004, с. 16].

В рамках когнитивной парадигмы рассматриваются в настоящее время и когнитивные модели таких значимых пластов человеческого опыта, как «образ действия», «способ действия», «орудие действия». Являясь важной частью ментального пространства человека, данные концепты реализуются в различных языках, в том числе в английском и немецком, при помощи большого количества разнообразных языковых средств. Так как «образ», «способ» и «орудие действия» в сознании носителей данных языков привычно связаны непосредственно с самим действием, то и их языковые репрезентации традиционно рассматриваются в составе синтаксической категории обстоятельства – категории, уточняющей количественные и качественные характеристики события или действия. При этом лексические единицы, выражающие «способ», «образ» и «орудие действия», в немецких и английских грамматиках зачастую объединяются в рамках одного типа обстоятельства – обстоятельства образа действия (the adverbial modifier of manner, die Adverbialbestimmung der Art und Weise). Это можно объяснить тем, что, как отмечает Е.В. Рахилина, «способ выражения средства (или инструмента) вообще в языке часто склеивается со способом выражения образа действия» [Рахилина, 1998, с. 315].

Схожесть средств выражения «способа» и «образ действия» не мешает, однако, заметить, что действие они характеризуют с различных сторон: в то время как «образ действия» дает качественную характеристику действия, «способ действия» указывает на средство, инструмент, с помощью которого достигается результат, осуществляется цель планируемого действия. Обратимся к примерам.

1) ...residential roads...**corkscrewed their way up and around the vertical hills...**(D. Lodge)

2) *But on three occasions during the Bosnia war he took his group north and **raped, tortured and murdered his way across that miserable province until American intervention put a stop to it*** (F. Forsyth).

В примере 1 дается качественная характеристика горной дороги, а в примере 2 эта же конструкция указывает на средство осуществления действия.

Благодаря этому различию и представляется возможным говорить о двух разных концептах, а, следовательно, и предпринять попытку разграничения языковых средств, вербализующих данные концепты.

«Способ действия» и «орудие действия» разграничить намного сложнее по ряду причин. Их более тесная связь обусловлена, в первую очередь, тем, что оба концепта, в отличие от «образа действия», являются компонентами деятельностной структуры. Данная структура подробно описана в работах многих психологов.

Каждый телеологизованный шаг, направленный на удовлетворение потребности человека, психологи называют действием. Действие, в свою очередь, реализуется посредством операции. Операции в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и других психологов получают различное определение, однако во всех работах операция тем или иным образом связывается со способом действия.

По мнению А.Н. Леонтьева, операции – это те способы, какими осуществляется действие, и подчиняются они не мотиву и цели, а тем условиям, в которых дана эта цель [Леонтьев, 1975, с. 266]. С.Л. Рубинштейн называет способы действий частью операций. Г.А. Балл, в свою очередь, систему операций, посредством которой оно (действие) осуществляется, может осуществляться или должно осуществляться, называется способом действия [Балл, 1974, с. 14].

Нередко на уровне операций способ действия рассматривается неразрывно с орудием действия. Как полагает В.А. Иванников, в операции представлена «характеристика действия, отражающая способ подчинения орудию, условиям среды и общества» [Иванников, 1999, с. 45]. Орудия, используемые человеком, как отмечал А.Н. Леонтьев, как бы кристаллизуют, воплощают в себе способы действия с этими орудиями и таким образом встраиваются в структуру деятельности [Леонтьев, 2000, электронный ресурс].

Итак, «способ действия» в психологии понимается как один из этапов на пути достижения конечного результата, нередко неразрывно связанный с определенным орудием, или инструментом действия. Следует отметить, что орудие, или инструмент действия, при этом понимается очень широко. Орудием, или инструментом действия, может служить не только какой-либо предмет, но и другое действие, способствующее достижению цели.

Эта неразрывная связь вербализуется при помощи различных языковых средств в разных языках. В первых, «способ действия», подчиненный определенному орудию, потенциально заложен в лексических единицах обозначающих «орудие действия», функционирующих как свободная, преимущественно прилагательная форма. Например, в сознании носителей немецкого языка «*Schlüssel*» - это, в первую очередь, инструмент для замыкания и отпирания. И этот опыт, полученный реципиентом в результате освоения деятельности, позволяет ему безошибочно распознавать способ действия, т.е. определенный набор операций, составляющих пресуппозиционный фон высказывания: *Er öffnete die Tür mit dem Schlüssel*. Перед тем, как дверь была открыта, ключ был вставлен в замочную скважину и повернут в нужном направлении определенное количество раз. Другим примером реализации «способа действия» служат в немецком языке существительное со значением инструмента в сочетании с предлогом *mit*, *mittels*, *durch* в составе глагольной конструкции, в английском языке – существительное со значением инструмента в сочетании с предлогом *with*, *by*, *through*, например:

3) *She refreshed the flowers **by plunging** them into the fountain's basin* (I. McEwan).

Часто способ действия выражается ингерентно, в качестве семы в семантической структуре глагола, образованного по конверсии от существительного со значением орудия (инструмента).

4) *Someone **was hammering** in the cellar* (Macmillan English Dictionary).

Особенно четко данная сема видна в глаголах, появившихся сравнительно недавно или в авторских окказионализмах. Например:

5) *Okay, ich habe Sie **gegoogelt*** (Kerstin Gier).

6) *My sister **Houdini'd** her way out of the locked closet* (пример заимствован из работы [Clark & Clark, 1979]).

В английском языке для передачи способа действия служат также различные конструкции, например:

7) *Mitch **was working his way up** the hill with a heavy pack on his back.*

8) *She threaded **her way through** the narrow streets.*

9) *I talked **her into going** to London with me.*

10) *His father **talked** him **out of moving out*** (Macmillan English Dictionary).

Следует особо подчеркнуть, что значение «способ действия» передает не столько лексема глагола, сколько вся конструкция.

Как показывает предварительный сопоставительный анализ, различия в выборе средств репрезентации способа действия в различных языках в большинстве своем обусловлены типологическими особенностями данных языков. В языках с развитой морфологической системой, каким является немецкий, основными средствами выражения способов действия является падежная форма, а в языках аналитического типа в качестве

основного средства выступает предложная конструкция. Тот факт, что в этих языках отражен, хоть и с помощью различных языковых средств, концепт СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ представляет собой важный аргумент в пользу его значимости.

Способ действия, как было показано выше, является звеном на пути достижения определенного результата. В связи с этим представляется целесообразным разграничивать способ действия и образ действия, являющийся качественной характеристикой действия. Также было отмечено, что концепт СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ, отраженный тем или иным способом в различных языках универсален и значим. Таким образом, данный концепт может быть предметом отдельного лингвокогнитивного исследования.

Библиографический список

1. Балл, Г.А. О некоторых основных понятиях теории действий [Текст] / Г.А. Балл // Вопросы психологии. – 1980. - №1. – С.73-81.
2. Балл, Г.А. О понятиях «воздействие», «действие» и «операция» [Текст] / Г.А. Балл // Вопросы психологии. – 1974. - №4. – С.10-20.
3. Гиппенрейтер, Ю.Б. Психологическая теория деятельности (часть 1): действия и цели; операции; психофизиологические функции [Электронный ресурс] / Ю.Б. Гиппенрейтер. – Режим доступа: http://www.opsinauke.info/view_post.php-id=556.htm
4. Иванников, В.А. Подход к анализу деятельности [Текст] / В.А. Иванников // Тенденции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева. – М. : Смысл, 1999.
5. Кобрин, Н.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пос. [Текст] / Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. – М. : Высшая школа, 2007.
6. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивная лингвистика. – 2004. -№1. – С.6-17.
7. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975.
8. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии [Электронный ресурс] / А.Н. Леонтьев. – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.vipstudent.ru/?q=lib&r=16&id=1178715099>
9. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – Вып. 36. – М., 1998. – С.274-323.
10. *A New University English Grammar*. Грамматика современного английского языка [Текст] : учеб. для студ. вузов / Емельянова О.В., Зеленщиков А.В., Петрова Е.С. и др. – М. : Академия, 2004.
11. Duden – Deutsches Universalwörterbuch [CD-ROM]. – Mannheim, 2006.
12. Duden – Grammatik der deutschen Gegenwartssprache [CD-ROM]. – Mannheim, 2006.

Список источников иллюстративного материала

1. Clark, E. & Clask, H. When Nouns Surface as Verbs [Text] / E. Clark, H. Clask // Language. – 1979. – Vol. 55. – No. 4. – P.767-811.
2. Gier, K. Für jede Lösung ein Problem [Text] / K. Gier. – Bremen : Lübbe, 2008.
3. Forsyth, F. Avenger [Text] / F. Forsyth. – L. : Jorgi Books, 2003.
4. Lodge, D. Changing Places [Text] / D. Lodge. – L. : Penguin Books, 1975.
5. McEwan, I. Atonement [Text] / I. McEwan. – L. : Vintage Books, 2007.
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Electronic resource] / CD-ROM. – Macmillan Publishers Limited, 2007.

Цыбина Ю.Ю., Курск (Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Интерес к метафоре расширил сферу ее применения и изучения, так как именно метафора является ключом к познанию действительности. Проникновение метафоры в разные виды дискурса весьма очевидно, так как разные профессиональные сферы деятельности имеют свои метафоры, в том числе и сфера педагогического дискурса.

В коммуникативной деятельности *метафора* – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата, что немаловажно для педагогического дискурса, так как одной из главных целей данного дискурса является воздействие на адресата. В языке педагогического дискурса для участников коммуникативного акта необходимо единое и сходное понимание реальности, так как единство понимания реальности создает предпосылки для профессионального общения.

Для большинства людей метафора – это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка – то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия.

Детальному рассмотрению метафоры как способа мышления в рамках когнитивной лингвистики посвящена работа Э. МакКормака, в которой он дает определение метафоре как некоему познавательному процессу [МакКормак, 1990, с. 361]. По Э. МакКормаку, причиной возникновения метафоры является сопоставление концептов, в значительной степени несопоставимых, в сознании человека путем определенных организованных операций. С одной стороны, метафора предполагает наличие сходства между свойствами ее референтов, поскольку она должна быть понята, а с другой стороны – несходства между ними, так как метафора призвана создать некий новый смысл.

В педагогической практике (как и в любой другой) существуют своего рода опорные точки, которые являются метафорами действия, а не понятиями, отражающими структуру объективного мира. Их функция – «место сбора» интеграции и реализации педагогического дискурса. Такие слова-аттракторы, кроме отмеченной ориентировочной функции, позволяют педагогам осуществлять социальную идентификацию, опознавать этот дискурс как «свой» и себя, как принадлежащих ему.

Метафоричность позволяет точно схватывать словами-метафорами смысл явлений, помогает демонстрировать себе и педагогическому сообществу направленность происходящих действий и событий, т.к. метафоры глубоко укоренены в нашем сознании и придают понятиям определенную структуру. Многие сложные, абстрактные понятия понимаются исключительно посредством метафор.

Метафора – это скрытое сравнение, в котором опущены слова “как”, “как будто”, “словно” [Арнольд, 1981, с. 82]; “метафора ... - скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго” [Арнольд, 1981, с. 82].

Когнитивный подход к языку предполагает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Языковые структуры рассматриваются сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, в тесной связи с психологическими, коммуникативными и культурными факторами. Когнитивные способности человека и усвоенные им модели познания находят непосредственное и регулярное выражение в языке; иными словами, языковые структуры являются важным источником сведений о базовых ментальных представлениях.

Как отмечает К.Ф. Седов, взглянуть на дискурс с точки зрения внутреннего строения речевого произведения возможно только через текст [Седов, 2004, с. 9]. Именно текст, по мнению В.Е. Чернявской, составляет эмпирическую основу любого дискурса, в том числе профессионального [Чернявская, 2006, с. 26]. В современном языкознании дискуссионным остается, например, вопрос о дискурсивном статусе монологических и диалогических текстов. В рамках нашего исследования оппозиция «монологичность-диалогичность текста» не является определяющей, так как в любом тексте можно усмотреть внутреннюю диалогичность [Попова, 2006, с. 144]. Даже в том случае, если речь идет об авторском монологе, то нельзя не учитывать потенциального адресата – читателя или слушателя, – поэтому основной принцип педагогического дискурса – взаимодействие, интерактивность – сохраняется и в этом случае. Для текстов профессионального дискурса особенно характерно «принципиальная диалогизированность ... поскольку профессиональная сфера всегда предполагает обсуждение проблемы, конкретного вопроса или факта» [Граудина, 1996, с. 239].

Метафоры в педагогическом дискурсе используются преимущественно произвольно, бессознательно, а рефлексия этого явления важна, а попытка отказа от использования метафор практически не возможна. Метафорическое использование языковых конструкций, позволяет мысленно разорвать жесткую связь конкретного свойства и конкретного объекта, считать данное свойство общим для разнотипных объектов, на этой основе строить более широкие классы, объединять разнородные объекты в единую систему, отвлеченное свойство рассматривать в качестве заместителя самого реального объекта и т.п. Таким образом, метафоризация влияет на сознание, смысловую сферу, способствует запоминанию.

Метафора является эффективным средством большой убедительной силы, позволяет мгновенно схватывать суть явления или идеи. Однако, педагогическую коммуникацию сложно описать языком строгих научных понятий. Обновляется педагогический словарь за счет терминов, взятых из психологии, философии, социологии, то есть из тех сфер знания, которые в настоящий момент претендуют на конституирующую по отношению к педагогике роль.

Современная теория метафоры видит в метафоре важную ментальную операцию как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек при помощи метафор мыслит и познает мир, в котором он живет.

Сейчас педагогические метафоры все чаще привлекают внимание специалистов, которые стремятся выяснить, как и почему рождаются эти метафоры, в какой мере они отражают систему образования и социальную психологию. Использование метафор нередко оказывается для ученого удачным способом «выразить многое, сказав немного».

С когнитивной точки зрения метафора рассматривается как результат мыслительной переработки субъективных образов объективной педагогической действительности, которые откладываются в сознании в виде представлений. При помощи метафор становится возможным: во-первых, закрепление значимых для педагогов смыслов; во-вторых, эффективная организация познавательной деятельности учащихся; в-третьих, описание языкового сознания профессиональной педагогической культуры.

Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. В последние годы наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, которые также рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления [Чудинов, 2001, с. 37]. Таким образом, метафора не только моделирует, т.е. формирует представление об объекте, но и предопределяет способ и стиль мышления о нём.

Метафора в педагогическом дискурсе представляет собой не просто языковой феномен, но и повседневную реальность, так как семантическая емкость метафоры делает необходимым ее использование в педагогическом дискурсе. Как уже отмечалось, метафора – это многогранное, и, как следствие, многофункциональное явление.

Итак, метафора есть действенная когнитивная модель. Она способна, как отмечали Лакофф и Джонсон, высветлить и затемнить различные стороны концептуализируемого объекта; она сложна и многогранна, она помогает выявить не только универсальные, но и национальные аспекты педагогического дискурса, фиксируя и сознательные, и подсознательные движения мысли.

Библиографический список

1. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1981.
2. Граудина, Л.К. Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения [Текст] / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М. : Наука, 1996.
3. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры [Текст] / Э. МакКормак // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358-386.
4. Попова, Е.А. Нарративные универсалии : моногр. [Текст] / Е.А. Попова. – Липецк : Изд-во ЛГПУ, 2006.
5. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции [Текст] / К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004.
6. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста : уч. пос. [Текст] / В.Е. Чернявская. – М. : КомКнига, 2006.
7. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) : моногр. [Текст] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Jeremina3@gmail.com

Чайкисова А.В., Иркутск (Россия)

ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

В связи со своей многоплановостью, языковая категория модальности представляет сложность как для теоретического осмысления, так и в практическом аспекте. С одной стороны, существует множество подходов к её изучению, различные воззрения на её природу, статус и содержание, с другой стороны, многообразие модальных значений и языковых средств их выражения вызывают трудности при усвоении данной категории в процессе изучения иностранных языков. Последнее усугубляется ещё и тем, что разные типы модальности могут выражаться в языке при помощи одних и тех же языковых единиц, и наоборот, один и тот же тип модальности выражается в языке при помощи разнообразных средств. В этой связи необходимо рассмотреть, как можно применить результаты когнитивного исследования модальности в сфере обучения иностранным языкам в рамках лингвистического и филологического образования. Обобщая результаты проведенного нами когнитивно-прагматического анализа побудительной модальности и средств её выражения в современном английском языке [Чайкисова, 2010], представляется возможным на примере побудительной модальности показать, каким образом могут быть пересмотрены некоторые аспекты преподавания теоретической и практической грамматики в языковых вузах.

Итак, побудительная модальность рассматривается нами как категория, объединяющая различные языковые средства, с помощью которых говорящий выражает своё волеизъявление и осуществляет побуждение адресата к совершению действия или определённому поведению. К средствам выражения данной категории относят формы глагольного наклонения, модальные глаголы, модальные слова, императивную фразеологию и т.д. [Беляева, 1992; Демидова, 2005; Рубанова, 2006]. Традиционно же в практической и теоретической грамматиках повелительное наклонение рассматривается отдельно, модальные глаголы и их эквиваленты – отдельно. Такой подход представляется не вполне оправданным, так как не позволяет изучающим английский язык как иностранный сформировать целостное представление как о модальности в целом, так и об отдельных её видах и средствах их выражения.

С позиций когнитивной лингвистики лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум символических структур, при этом фундаментальной единицей грамматики признаётся конструкция,

определяемая как корреляция между формой и содержанием, которая обладает семантическими и синтаксическими свойствами, не выводимыми из свойств частей [Goldberg, 1995; Лакофф, 2004]. Необходимо отметить, что в когнитивной грамматике эти конвенциональные лингвистические единицы определяются как «тщательно обработанные структуры, которые могут быть очень сложными по своей внутренней организации, однако простыми в том плане, что представляют собой уже собранные блоки, которые говорящий может использовать автоматически, не вникая в детали их строения. Говорящий использует эти единицы, опираясь на свои когнитивные способности» [Лангаккер, 1992, с. 13]. В этой связи при обучении английской грамматике следует отойти от традиционного рассмотрения наклонения как морфологической категории глагола и отдельного изучения модальных глаголов и модальных слов, а принять в качестве основной единицы грамматики конструкцию, представляющую собой единство формы и содержания.

Еще одна проблема заключается в том, что существует ряд языковых средств выражения, которые, на первый взгляд, имеют схожее значение, например: *Do X, You'd better do X, I want you to do X, You must do X, You should do X, It's necessary for you to do X, Why don't you do X* и т.п. Здесь мы солидарны с точкой зрения Я. Ньютса о том, что «если существуют альтернативные средства выражения одной семантической категории, должны быть причины их существования, которые являются основанием их различного (иногда в очень малой степени) употребления» [Nuyts, 2001, p. 30]. Следует, таким образом, найти и объяснить различия между вышеупомянутыми конструкциями. При этом важно учитывать, что «грамматические конструкции следует изучать только в рамках естественного коммуникативного контекста» [Givón, 2005, p. 36]. В связи с вышесказанным, традиционное объяснение схожести конструкций в терминах синонимии представляется недостаточным. Мы предлагаем использовать экспланаторный подход, основанный на выделении прототипической ситуации, и, следовательно, прототипической и непрототипических конструкций. Это помогает, например, объяснить студентам разницу между такими конструкциями, как *Do X!, I want you to do X, You must do X, I advise you to do X*, и определить, в какой ситуации их следует употреблять. Проведённое нами исследование показало, в частности, что императивная конструкция (*Do X*) является прототипическим средством выражения побуждения, так как она чаще употребляется, быстрее распознаётся, легче усваивается, а также отражает целостность представления о прототипической ситуации побуждения. Другие конструкции можно рассматривать как непрототипические, так как ситуации их употребления отклоняются от прототипического побуждения по определённым признакам. На основании проведённого анализа было также установлено, что выбор говорящим различных языковых средств выражения побуждения определяется его способностью оценивать собственные текущие ментальные состояния и ментальные состояния собеседника. Так, употребление конструкции *I want you to do X* характеризуется тем, что говорящий эксплицитно выражает своё желание, указывает на себя как источник побуждения, при этом он понимает, что занимает приоритетную позицию по отношению к слушающему, и убеждён в том, что слушающий принимает её. Важно отметить, что данная конструкция имеет побудительный смысл только с глаголами определённой семантики. Например, глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, не подвластные воле человека, употреблённые в рамках этой конструкции, меняют её значение, и тогда имеет место выражение пожелания, например: *I want you to be happy and successful* [Grisham, p. 88]. На данную особенность функционирования конструкций следует обращать особое внимание студентов лингвистических вузов в рамках курса теоретической грамматики, так как это позволяет им лучше осознать взаимозависимость синтаксической формы конструкции и её лексического наполнения. Что касается отличительной характеристики конструкции *You must do X*, отметим, что, употребляя её, говорящий не обязательно занимает приоритетную позицию по отношению к слушающему, он знает, что слушающий не намерен совершать казулируемое действие, и его необходимо убедить в целесообразности данного действия для самого адресата, для говорящего или для общества. Используя конструкции с перформативными глаголами типа *I order/suggest/insist that you do X / you to do X* для выражения побуждения, говорящий заинтересован в том, чтобы казулируемое действие было выполнено, он знает, что адресат способен его выполнить, при этом слушающий признаёт авторитет говорящего. Как мы видим, существуют определённые различия в употреблении разных конструкций для выражения побуждения, и их можно объяснить с точки зрения оценки говорящим текущих ментальных состояний. На занятиях по грамматике необходимо, таким образом, обсуждать со студентами схожие типы конструкций и примеры их употребления в актуальных ситуациях коммуникации, при этом крайне важно напрямую обращать их внимание на отношения между конструкциями, их синтаксические характеристики и различное лексическое наполнение. Это помогает изучающим английский язык усвоить, как осуществляется выбор языковой формы выражения побуждения из ряда альтернатив в конкретной ситуации коммуникации.

Итак, мы рассмотрели, как можно объяснить употребление различных конструкций со схожим значением не в терминах синонимии, а с позиций когнитивной лингвистики, в частности, в терминах прототипичности и непрототипичности, а также с точки зрения оценки говорящим собственных ментальных состояний и ментальных состояний собеседника. Такой подход, на наш взгляд, способствует более глубокому познанию особенностей функционирования языковых единиц английского языка при его изучении. Это лишь один пример того, как можно использовать достижения когнитивной лингвистики в процессе преподавания теории и практики английского языка студентам лингвистических вузов.

Библиографический список

1. *Беляева, Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык [Текст] / Е.И. Беляева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992.
2. *Демидова, И.А.* Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках (на материале газет) [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / И.А. Демидова. – Калининград, 2005.
3. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
4. *Лангаккер, Р.У.* Когнитивная грамматика: научно-аналитический обзор [Текст] / Р.У. Лангаккер / пер. С.Н. Петровой. – М., 1992.
5. *Чайкисова, А.В.* Когнитивно-прагматический анализ побудительной модальности и средств её выражения в современном английском языке [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Чайкисова. – Иркутск, 2010.
6. *Givón, T.* Context as other minds: the pragmatics of cognition and communication [Text] / T. Givón. – Amsterdam : John Benjamins, 2005.
7. *Goldberg, A.* Constructions: a construction grammar approach to argument structure [Text] / A. Goldberg. – Chicago : Chicago University Press, 1995.
8. *Nuyts, J.* Epistemic modality, language and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective [Text] / J. Nuyts. – Amsterdam : John Benjamins, 2001.

Источник иллюстративного материала

Grisham, J. A time to kill [Electronic resource] / J. Grisham. – 1989. – Mode of access: <http://andrey.tsx.org>

anncher@rambler.ru

Чалый В.В., Краснодар (Россия)

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ УРОВЕНЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Языковое пространство литературного произведения содержит не только арсенал художественно-изобразительных средств, выполняющих эстетическую функцию, но и имеет коммуникативные параметры, с помощью которых читатель «принимает» от автора необходимую информацию об общающихся друг с другом персонажах. По мнению Т.Е. Владимировой, «речевое поведение личности как продукта развития определённой этносоциальной и культурно-исторической целостности отличается национально обусловленным своеобразием. В частности, дискурсивная специфика проявляется в коммуникативных максимах (постулатах дискурса), направленных на достижение взаимопонимания и взаимодействия» [Владимирова, 2006, с. 59].

В представлении автора художественного текста говорящий и слушающий (как главные субъекты коммуникации), безусловно, играют важную роль, стремясь достичь какой-то конкретной цели и выбирая ключевые слова, предопределённые обстоятельствами или ситуацией общения. М.В. Колтунова утверждает, что «существование неких моделей речевого поведения, правил оформления высказывания, реакции на услышанное, правил мены коммуникативных ролей и т.д., которые нельзя или нежелательно нарушать, особенно в социальной сфере, свидетельствует о существовании конвенций. Они проявляются в коммуникативных табу, в запретах, в фигурах умолчания, в эвфемистических заменах и т.д. Как правило, они связаны с необходимостью сохранения лица адресата. Сам же факт нарушения таких запретов или отклонения от принятых моделей взаимодействия ярче всего обнаруживает или проявляет существование конвенций. Таким образом, социальное речевое поведение можно описать как результат действия таких ограничений, влияющих на выбор тактики при достижении целей в диалоге» [Колтунова, 2004, с. 107].

На наш взгляд, в прозаических произведениях Антона Павловича Чехова поступки героев нередко во многом продиктованы манипулятивным воздействием со стороны окружающих их людей. Чеховские персонажи невольно попадают в зависимость от натур корыстных, своенравных и эгоистичных. Как правило, манипуляторы, которые представлены писателем в литературном тексте собственной речью, не только управляют сознанием своих «жертв», но и тем самым влияют на дальнейший ход развития событий в рассказе или повести. При этом, как полагают Е.М. Коломейцева и Е.В. Ляхова, манипуляция и манипулирование отличаются «одним свойством: они оценочны, и в силу этого сами по себе обладают манипулятивным потенциалом» [Коломейцева, Ляхова, 2002, с. 38].

В речевой коммуникации собеседники (адресант и адресат) решают различные жизненные вопросы, соответствующие сокровенным желаниям и отвечающие запросам каждого как языковой личности. В.П. Шейнов констатирует, что «задача манипулятора – управлять процессом принятия решения адресатом его воздействия, придать ему определённую направленность, обеспечить нужный для себя результат. При этом искусственный манипулятор задействует и сознательные, и бессознательные составляющие психики адресата, что даёт ему огромное преимущество» [Шейнов, 2011, с. 47].

Рассмотрим фрагменты прозы Антона Павловича Чехова, в которых, по нашему мнению, наиболее чётко обозначены параметры манипулятивного (лексически выраженного) уровня поведения персонажей.

«Родители Елены Гавриловны согласились на брак её с Максимом Кузьмичом. Атлет нравился им: он был почитаем и как чиновник подавал большие надежды. Елена Гавриловна чувствовала себя на эмпиреях. Она была счастлива. Зато бедный атлет был далеко не счастлив! До самой свадьбы его терзала та же мысль, что и во время объяснения...»

Терзал его и один приятель, который, как свои пять пальцев, знал его прошло. Приходилось отдавать приятелю почти всё своё жалованье.

- Угости обедом в Эрмитаже! – говорил приятель. – А то всем расскажу ... Да двадцать пять рублей дай взаймы!

Бедный Максим Кузьмич похудел, осунулся Щёки его ввали, кулаки стали жилистыми. Он заболел от мысли. Если бы не любимая женщина, он застрелился бы» [Женщина без предрассудков, Т.2, с.53-54].

Как нам кажется, Чехову вполне удаётся описать сложное психологическое состояние своего персонажа с помощью указания на существующее давление извне. Товарищ Максима Кузьмича, знающий о его прошлой работе в качестве циркового клоуна, манипулятивным «запугиванием», несомненно, оказывает влияние на внутренний мир жениха, забирая у него деньги для решения собственной финансовой проблемы.

Иногда писатель вводит в речевую структуру рассказа диалогическое общение, построенное на «столкновении» людей с разным социальным статусом и потому неодинаково поступающих в выборе решения выхода из сложившейся ситуации.

«Дездемонов сделал шаг вперёд, шевельнул языком, но не издал ни одного звука: во рту что-то запуталось. Одновременно почувствовал депутат, что не в одном только рту идёт путаница: и во внутренностях тоже Из души храбрость пошла в живот, пробурчала там, по бёдрам ушла в пятки и застряла в сапогах А сапоги порванные Беда!

- Эээ ... чего тебе? Не слышишь?

- Гм ... Я ничего Я только так. Я, ваше -ство, слышал ... слышал

Дездемонов придержал язык, но язык не слушался и продолжал:

- Я слышал, что её -ство разыгрывают в лотерею карету Билетик, ваше -ство Кем ... ваше -ство

- Билет? Хорошо У меня пять билетов осталось, только Все пять возьмишь?

- Не ... не ...нет, ваше -ство Один билетик ... достаточно

- Все пять возьмишь, я тебя спрашиваю?

- Очень хорошо –с, ваше -ство!

- По шести рублей Но с тебя можно по пяти Распишись От души желаю тебе выиграть

- Хе-хе-хи-с Мерси-с, ваше -ство Гм Очень приятно

- Сступай!

Через минуту Дездемонов стоял среди швейцарской и, красный как рак, со слезами на глазах просил у приятелей 25 рублей взаймы» [Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало, Т.2, с.147].

Считаем, что диалог между «маленьким» человеком и чиновником, манипулятивно (хитро и исподволь) диктующим принятие решение приобрести лотерейный билет, наиболее точно отражает нравственную позицию самого Чехова, впоследствии выраженную во фразе о необходимости «по капле выдавливать из себя раба!» Дездемонов безропотно соглашается на покупку билетов, не имея нужной денежной суммы, так как им изначально движет чувство страха и неуверенности.

В ряде случаев А.П. Чехов использует словесную канву произведения для демонстрации сложной манипулятивной тактики, которой пользуются «сильные мира сего» и таким способом полностью подчиняют себе волну зависимых от них людей.

«В это время на берегу озера прогуливался бывший ключник майора, а ныне волостной писарь Иван Павлович Вдруг он услышал раздирающий душу крик. В этом крике он узнал голос своих бывших господ.

- Ваня, голубчик, спаси меня, - пропищала дрожащая майорша, держась за фалду майора, – меня спаси!

Если меня спасёшь, то я выйду за тебя замуж! Клянусь всем для меня святым! Ай, ай, я утопаю!

- Иван! Иван Павлович! По-рыцарски! ... того! – забасил, захлёбываясь, майор. – Спаси, братец! Рубль на водку! Будь отцом-благодетелем, не дай погибнуть во цвете лет Озолочу с ног до головы Да ну же, спасай! Какой же ты, право Женюсь на твоей сестре Марье Ей-богу, женюсь! Она у тебя красавица. Майоршу не спасай, чёрт с ней! Не спасёшь меня – убью, жить не позволю!»

... Трудно было Ивану Павловичу тянуть одной рукой двойную ношу и плыть от счастья, но мысль о блестящей будущности поддержала его

На другой день Иван Павлович, по поискам майора, был удалён из волостного правления, а майорша изгнала из своих апартаментов Марью с приказом отправиться ей «к своему милому барину» [За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, Т.1, с.19].

В анализируемом текстовом фрагменте содержится комплекс манипулятивных речевых приёмов: от обещаний и клятв до прямых угроз. Хотя Иван Павлович, поддавшись на посулы, обещанные господами, не

жалея себя, спас тонувших, но, как отмечает автор, не сумел предугадать дальнейшее развитие событий вокруг себя и своей сестры.

Итак, манипулятивный уровень речевого поведения литературных персонажей позволяет читателю прозы А.П. Чехова обратить внимание на большую зависимость одного человека (адресанта) от другого (адресата). Говорящий, пользуясь своим социальным (статусным) преимуществом, подавляет слушателя и, в конечном счёте, управляет его личностью.

Библиографический список

1. *Владимирова, Т.Е.* Ты и Я в мире диалога [Текст] / Т.Е. Владимирова // Русская речь. – 2006. - №3. – С. 57-65.
2. *Коломейцева, Е.М.* Разновидности речевого воздействия в публицистике [Текст] / Е.М. Коломейцева Е.В. Ляхова // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения. – Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 37-38.
3. *Колтунова, М.В.* Конвенции как прагматический фактор диалогического общения [Текст] / М.В. Колтунова // Вопросы языкознания. – 2004. - №6. – С. 100-115.
4. *Шейнов, В.П.* Манипуляции и юмор [Текст] / В.П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2011.

Источник иллюстративного материала

Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем [Текст] : в 30 т. / А.П. Чехов ; АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974-1982.

v_chaly@mail.ru

Чепель Ю.В., Курск (Россия)

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ, ВАРИАТИВНОСТЬ, АЦЕНТРИЧНОСТЬ ПЕРСОНОСФЕРЫ ИНТЕРНЕТА

На современном этапе развития компьютерных технологий и интернет-коммуникации можно говорить о формировании персоносферы Интернета. Интернет выступает как особое социокультурное пространство, имеющее свои особенности и культурные аспекты, где существуют определенные правила поведения. Оно наполнено многочисленными образами и персонажами, вымышленными и реальными, всевозможными типажам и характерами, составляющими его персоносферу. Как справедливо отмечает А.А. Ухтомский, великое многообразие лиц, преобразующих мир энергией своих доминант, создает в этом мире особую «персоносферу» [Ухтомский, 1997]. Данную мысль продолжает А. Бажанов, определяющий персоносферу как совокупность лиц, составляющих данное общество и преобразующих мир с помощью энергий своих психических доминант [Бажанов, 2001]. Говоря об интернет-коммуникации, нужно заметить, что миром в данном случае выступает безграничное пространство Интернета, которое подвергается постоянным инновациям и трансформациям, благодаря многообразию лиц, его населяющих.

Однако регулярно данный круг субъектов дополняется новыми представителями, желающими стать частью Интернет-сообщества, вступить в неизведанные и привлекающие внимание просторы интернет-коммуникации. Причем новые персонажи, попадая в незнакомую среду, обязательно ориентируются на действительных членов групп, их личностные характеристики и особенности характера, сформировавшиеся устои и правила, то есть они частично изучают персоносферу Сети. Как отмечает Г.Г. Хазагеров, «Персоносфера представляет возможность сопоставления себя с ними, возможность сопереживания, подражания, в частности, копирования речевых манер, возможность помещения себя в мир персоносферы, моделирования своего поведения в этом мире» [Хазагеров, 2002]. Это происходит, потому что самостоятельно невозможно понять, «как же себя вести, как входить в поле, пока не сформируются представления о персоносфере: какими типажам и конкретными персонами, и даже – какими характерами представлено интересующее человека социокультурное пространство» [Климов, 2008, с. 96]. Те же «храбрецы-бунтари», которые пытаются привносить новое и пропагандировать свою политику, выступать против устоев и вести себя асоциально, подвергаются резкой критике и не получают никакой поддержки, что позднее сводится к абсолютному игнорированию данных пользователей и их уходу. Новичку проще принять имеющиеся правила, чем идти против сформировавшегося большинства. Так, Г.Г. Хазагеров пишет: «Человеку легче подражать другому человеку, чем стремиться к достижению абстрактного идеала. На этом феномене построено ученичество в любой области жизни. Но соотношение себя с другим – это не только ученичество. Подражание учителю как высшему авторитету – это еще и узнавание себя в зеркале другого, это конструирование себя, самовоспитание в самом широком смысле этого слова. В процессе такого самовоспитания участвуют и положительные, и отрицательные персонажи» [Хазагеров, 2002]. Для нового коммуниканта учителями выступают те основные столбовые пользователи, зарекомендовавшие себя, умудренные опытом и количеством времени, проведенного в Интернете. Однако данные персонажи постоянно трансформируются, уходя и возвращаясь, эволюционируя и регрессируя, сменяясь другими героями и предводителями. Персоносфера Сети

не является статичным образованием, в связи с активным развитием и преобразованиями Интернета она все время видоизменяется и дополняется. На основании этого основной характеристикой персониферы Интернета является **подвижность и проницаемость ее границ**.

Как мы уже отмечали, персонифера – это совсем не закрытая система, здесь постоянно происходят какие-то изменения, она увеличивается, причем не только за счет новопришедших и занявших определенную нишу в сфере виртуального общения. Дело в том, что одной из составляющих персониферы Интернета являются ники и аватары, а также скрывающиеся за ними художественно-когнитивные образы пользователей. Их появление и смысловое наполнение зависят от многих факторов, например, от личностных особенностей, эмоционального состояния, внешних данных участника, при даже незначительном изменении которых вышеобозначенные составляющие персониферы могут также модифицироваться, перерождаться, расширять или сужать имплицитно заложенную информацию. Исходя из этого, один пользователь может предлагать один или несколько образов, но это совсем не означает, что каждый вновь появившийся персонаж сразу же становится компонентом персониферы. Ведь «персонифера – это мыслительная и эмоциональная сфера, в которую входят отдельные личности, сыгравшие большую роль в истории какой-либо культуры» [Айдачич, 2007]. Поэтому в персониферу Интернета заслуживают войти лишь наиболее яркие представители интернет-сообщества, вызвавшие значительный общественный резонанс, многочисленные обсуждения, подражания, цитирования. Причем интересен тот факт, что в зависимости от столь дифференцированных ситуаций общения, разнопланового контингента участников, абсолютного разнообразия перечня тем и вопросов, такие представители будут абсолютно не тождественными друг другу по основным параметрам, иногда спорными, а подчас даже парадоксальными. Исходя из вышеизложенного, следующей особенностью персониферы Интернета следует отметить ее **вариативность**.

Проводя дальнейший анализ Интернета как социокультурного пространства в целом и его персониферы в частности нетрудно проследить такую особенность как ацентричность. Ацентричность понимается нами как «равновозможность, равное право на параллельное сосуществование в децентрированном культурном пространстве различных и даже взаимно альтернативных культурных программ и стратегий» [Можейко, 2001]. Персонифера Интернета ацентрична, поскольку среда ее функционирования также лишена какой бы то ни было стержневой основы. Информация в Сети, а соответственно и сосуществование пользователей, рассеивается в виртуальном пространстве и коррелирует в связи с гипертекстовым построением речи, когда функционирует множество взаимных переходов, бесконечных связей и параллелей. В результате этого «любой пользователь имеет возможность посещения любых информационных сайтов различной идеолого-аксиологической направленности Кроме того, «ацентричный характер организации и функционирования Интернета влечет за собой и ацентричность социокультурной среды в целом (широкий, а главное – плюральный доступ к информации, включая независимые серверы новостей, с одной стороны; и свобода распространения информации, включая Web-страницы, – с другой)» [Можейко, 2001]. В Сети персонифера лишена каких-то почитаемых абсолютно всеми идиологов и фаворитов, здесь нет явно выраженных лидеров и персонажей, признаваемых и поддерживаемых большинством, поскольку Интернет представляет собой массовую среду общения, соединяющую пользователей всего мира по разным интересам и преследуемым целям, здесь нет и не может быть зафиксированного, четко прослеживающегося центра, вертикального построения Интернет-сообщества именно по причине его массовости. Каждый участник обладает одинаковыми возможностями для общения и взаимодействия, параллельно сосуществуя с миллионами других коммуникантов. Их бытие в Сети может отличаться лишь по следующим параметрам: больший/меньший опыт, более/менее быстрый доступ к ресурсам, более/менее прогрессивные технические средства, которые фатально не влияют на функционирование других персонажей и образов персониферы.

Библиографический список

1. Айдачич, Д. Этническая принадлежность и проекции в научно-фантастической литературе славянских народов [Электронный ресурс] / Д. Айдачич // Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина / Вестник. Сер. Филология. – 2007. – Вып. 52. - № 787. – С. 227-232. – Режим доступа : http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/
2. Бажанов, В.А. «Вне логики времен ...» Анти-глобализационные тенденции и факторы в России [Электронный ресурс] / В.А. Бажанов // Независимая Газета. – 2001. – Режим доступа : <http://staff.ulsu.ru/bazhanov/gussian/ant6.pdf>
3. Климов, И. Размышления о полево шоке [Текст] / И. Климов // Социальная реальность. – 2008. - №3. – С. 87-99.
4. Постмодернизм. Энциклопедия [Электронный ресурс] ; сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – Режим доступа : <http://www.infoliolib.info/philos/postmod>
5. Ухтомский, А.А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука [Текст] / А.А. Ухтомский. – Рыбинск : Рыбинское подворье, 1997.
6. Хазагеров, Г.Г. Персонифера русской культуры [Текст] / Г.Г. Хазагеров // Новый мир. – 2002. - №1. – С. 33-45.

К ВОПРОСУ О ПАРАКОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Современный русский язык характеризуется тенденцией постоянно возрастающего употребления заимствованных слов. Будучи естественным явлением в любых национальных языках, межъязыковое заимствование лексических единиц за последние два десятилетия стало характерной чертой языкового функционирования в связи с активно происходящими в мире процессами экономической, политической и культурной интеграции и глобализации. Традиционный лингвистический подход к межъязыковому заимствованию позволяет определить его как универсальное языковое явление, представляющее собой сложный, многоуровневый и многоступенчатый процесс, обусловленный комплексом лингвистических и экстралингвистических причин. Важнейшей причиной и условием возникновения межъязыковых заимствований является наличие контактов между культурами, в профессиональных сферах это определяется наличием экономических контактов. Значимым фактором заимствования и активного вхождения иноязычного слова в речевой оборот выступает коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [Епимахова, 2010, с. 9].

В типологиях, разработанных В.И. Карасиком, О.А. Леонтович и И.В. Приваловой, заимствования делятся на три группы: концептуальные, параконцептуальные и бесконцептуальные.

В случае концептуального заимствования результатом является обогащение существующих денотативных пространств и формирование новых денотативных пространств, которое приводит к модернизации общего национального фонда знаний по причине появления в повседневной реальности нового явления, сопровождающегося новой совокупностью перцептивных и концептуальных знаний. Результаты концептуального заимствования непосредственно влияют на процессы языкового контактирования, так как появляется не только новое означающее, но и целая структура нового знания, стоящая за ним. Внешняя форма языковых репрезентантов концептуальных заимствований может претерпевать ассимилятивные изменения, но с появлением чужих концептов в этнолингвокультуру привносится новая структура знаний, сохраняющая свои исходные признаки и параметры [Привалова, 2005, с. 346]. Данный тип заимствования можно определить как лингвокультурологическое «проникновение» одной культуры в другую на ценностном уровне, как «столкновение» целостных национальных концептосфер, которое происходит в разного рода обстоятельствах.

Ученые, занимающиеся проблемами языковой экологии, разграничивают в процессе заимствования две противоположные тенденции: 1) плодотворную тенденцию концептуально-языкового интегрирования в интернациональное пространство; 2) тенденцию разрушения языковой этнической самобытности [Никитин, 2010, с. 37]. И.В. Привалова отмечает, что концептуальные заимствования соотносятся и с первой, и со второй тенденцией. При этом в маркированной информационной структуре происходит изменение ценностной значимости существующих информационных структур и переоценка определенного явления. Таким образом, интернационализируются сложившиеся представления, структуры знаний, модели мира.

В данной перспективе анализа заимствований, предлагающих их подразделение на бесконцептуальные и концептуальные заимствования, выделяют также и заимствования параконцептуальные как частный случай концептуального заимствования. К такого рода заимствованиям относятся заимствования концептуальные по своей природе, смысловое содержание которых сопоставляется с однородными смыслами, но не совпадает полностью с существующими концептуально-аксиологическими параметрами принимающей лингвокультуры. В виде параконцептуальных заимствований привносятся новые явления и новые структуры знаний, отражающих лучшие ценности лингвокультуры-акцептора. В зависимости от факта существования или отсутствия определенного концепта в принимающей лингвокультуре параконцептуальное заимствование возможно в двух вариантах. В случае близкого или такого же концепта в лингвокультуре-реципиенте привносится новый аксиологический концепт, который иллюстрирует фрагмент ценностной картины мира культуры-источника. В новом лингвокультурном пространстве данный концепт ассимилируется, с одной стороны, вызывая изменения в аксиологической картине мира, с другой стороны, претерпевая модификации, вызванные новой средой функционирования [Привалова, 2005, с. 212].

Второй вариант параконцептуального заимствования представляет собой трансляцию какого-либо репрезентанта концепта при существовании такого же или близкого концепта в лингвокультуре-реципиенте. Наложение транслируемого ценностно значимого концепта на существующий концепт вызывает изменения в представлениях, оценках «своего» концепта. Заимствуется не только языковая единица, объективирующая иноконцепт, но и определенного рода ценностное видение явления или образа реального мира. Это, в свою очередь, не может не привести к проникновению национально-культурных ценностей, функционирующих в лингвокультуре-источнике [Дальхеева, 2010, с. 38]. Главной особенностью параконцептуального заимствования является то, что в транслированном репрезентанте национально-значимых концептов в лингвокультуре-реципиенте заложена тенденция к изменению своей значимости в концептосфере лингвокультуры-источника. Сохраняя свой концептуальный потенциал, он может привести к ценностным изменениям в принимающем лингво-культурно-когнитивном пространстве, уже обладающем соответствующим когнитивно-оценочным и языковым содержанием. При параконцептуальном заимствовании репрезентант «теряет» свою характеристику параметрического смысложизненного регулятора. Параконцептуальные заимствования тесно связаны с

процессами глобализации и взаимодействия культур, которые приводят к пересмотру и изменению уже существующих национально-культурных ценностей и проникновению с их последующей адаптацией ценностей из других культур. Глобализация в таком случае затрагивает аксиологические составляющие картин мира, аксиологические концепты и образуемые ими аксиологические концептосферы, а также прескрипции, выраженные в единицах паремиологического фонда языка [Привалова, 2005, с. 306].

Бесконцептуальное заимствование не сопровождается привнесением новой информационной структуры, поэтому такого рода концептуальное импортное определение определяется как нулевое или пустое. Языковые единицы, эксплицирующие подобного рода концепты, «проявляются как варваризмы, используемые в речи вместо русских слов без смысловой дифференциации» [Карасик, 2002, с. 254]. Результатом подобного процесса является функционирование в языке дуплетных пар, различающихся графической оболочкой, но восходящих к одной информационной структуре, вследствие чего «создается избыточность наименований, что нарушает ономастологическое развитие и, в конечном счете, противоречит коммуникативной целесообразности» [Костомаров, 1999, с. 112].

И.В. Привалова отмечает, что подобный тип заимствования, несмотря на свою информационную непродуктивность, получает все большее распространение в современном русском языке [Привалова, 2005, с. 313].

Библиографический список

1. *Дальхеева, А.М.* Параконцептуальное заимствование как вид взаимодействия лингвокультур: на примере трансляции фразеологического репрезентанта американского концепта Self-reliance в русскую лингвокультуру : дисс. ... канд. филол. н. [Рукопись] / А.М. Дальхеева. – Иркутск, 2010.
2. *Епимахова, А.Ю.* Межъязыковое заимствование наименований лиц по профессии в когнитивно-коммуникативном аспекте : автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / А.Ю. Епимахова. – Челябинск, 2010.
3. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.
4. *Костомаров, В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999.
5. *Никитин, Д.С.* Структурно-функциональные особенности иноязычных заимствований в тексте современной газеты : дисс. ... канд. филол. н. [Рукопись] / Д.С. Никитин. – Ярославль, 2010.
6. *Привалова, И.В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : моногр. [Текст] / И.В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005.

shatiolga@yandex.ru

Шибкова О.С., Климовских Ю.А., Ставрополь (Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Ряд современных лингвистических дисциплин, использующих когнитивный подход в качестве методологической основы, рассматривает понятие концептуализации одним из ключевых. Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков определяют данное понятие как «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Кубрякова, 1996, с. 93].

С позиции лингвокультурологии Т.Б. Радбиль дает следующее определение понятия концептуализации: «Концептуализация есть предельно общее понятие, предполагающее направленность познания, как на разные стороны объекта познания, так и на объект познания в целом, каким бы максимально широким этот объект ни был» [Радбиль, 2010, с. 166]. Если объектом концептуализации выступает вся Вселенная, весь универсум, включая человека как важную его часть, «мы говорим о концептуализации мира» [там же].

Под процессом концептуализации окружающей действительности мы понимаем определенный тип познавательной деятельности индивида, обладающий системным характером, но эта системность не строгая, а репрезентируемое множество ее компонентов есть не что иное, как размытое множество [Шибкова, 2006, с. 11]. Данный процесс осуществляется посредством разных когнитивных механизмов. Например, наивное восприятие мира органами чувств на уровне обыденного сознания, объективное теоретическое осмысление через научный концептуальный аппарат, субъективное эстетическое освоение мира в художественных образах посредством чувств и эмоций.

Таким образом, факты реальной действительности человека отражаются в виде разных концептов. По определению В.И. Карасика, концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [Карасик, 2005, с. 8]. Неоспоримым также является тот факт, что концепт представляет собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997, с. 40] – **культурный концепт**. Несмотря на некоторые

расхождения в выявлении количества и характера его смысловых компонентов [Воркачев, 2002], авторы сходятся на следующем определении культурного концепта как этнокультурно маркированного многомерного ментального образования [Степанов, 1997; Воркачев, 2002; Карасик, 2002]. Так, В.И. Карасик считает, что в культурном концепте содержатся «ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2002, с. 129]. По мнению С.Г. Воркачева, понятийная составляющая отражает признаковую и дефиниционную структуру культурного концепта; в то время, как образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в актуальной зоне языкового сознания [Воркачев, 2002, с. 80].

Основным видом глобальной концептуализации действительности является языковая концептуализация мира как фундамент всех остальных видов концептуализации. Язык – это та область, где откладываются все достижения в сфере духовной деятельности человека и этноса в целом. Язык определяет наш взгляд на вещи, задает характер и направление умственной активности. В результате концептуализации мира человеком появляются существенные расхождения между реальными свойствами объектов действительности и тем, как они представлены в языковой системе. Это объясняется тем, что человек структурирует мир согласно своим потребностям, руководствуясь практическим опытом, а не научной достоверностью данных.

Процесс построения концептов тесно связан с процессом концептуализации: «Суть концептуализации заключается в осмысливании человеком поступающей к нему информации и дальнейшем ее структурировании в ментальной системе» [Носовец, 2002, с. 193]. По мере приобретения человеком жизненного опыта уже имеющиеся знания позволяют проверенным предыдущими поколениями способом с помощью стереотипов отнестись к новой ситуации и оценить ее. Полученная информация хранится в строго упорядоченной форме, структуре, состоящих из единиц, пропозиций – «структурных пучков ассоциаций, связывающих элементарные представления или концепты» [Anderson, Bower, 1973, с. 2]. Пропозиционные структуры с цветовым компонентом связывают стереотипным отношением разные концепты: например, *цвет – представитель окружающей культурной действительности и цвет как абстрактная сущность*. В состав данных структур входят как устойчивый набор составляющих, так и конструируемый. Если цветовая лексическая структура выступает в качестве готовой единицы, ее свойства извлекаются из памяти и немедленно используются в мыслительной деятельности. Если такая единица отсутствует, используется аналогия сопоставления с уже готовыми. Например, *green hand* (новичок, неопытный, молодой) характеризует человека по аналогии с *greenery, green grass, leaves etc.* (зелень, зеленая трава, листва – молодость) через понятный культурный образ.

Естественные науки дифференцируют разные цвета, исходя из физических свойств световых лучей, тогда как концептуализация цвета «наивным» сознанием практически не имеет общего с физическими свойствами цвета. Поскольку концептуализация цвета – процесс индивидуальный, во многом субъективный и его результат у разных индивидов не совпадает, общенациональная цветовая картина мира (далее – ЦКМ) и формирующаяся на ее основе индивидуально-авторская ЦКМ могут иметь существенные различия. ЦКМ объединяет концептуальный и языковой уровни: языковая цветовая семантика является, с одной стороны, оформлением, «оболочкой» когнитивных структур (цветовых концептов), с другой стороны, она выступает содержанием по отношению к вербальному уровню (цветообозначениям: далее – ЦО) [Носовец, 2002].

Природа значения данных единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями и обычаями народа, говорящего на данном языке. ЦО приписывают определяемым объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию, оценивают ее, а также выражают отношение к ней. Своей семантикой они направлены на характеристику самого человека, продуктов его деятельности (артефактов), предметов окружающей действительности (жизненно важных реалий), предствляющих ядерные концептуальные признаки имен цвета в национальном сознании. Следовательно, **цветовая картина мира** – это значимая часть языковой картины мира, объединяющая посредством языковой цветовой семантики совокупность цветовых концептов на когнитивном уровне и их вербализованных вариантов (ЦО) на языковом. При этом следует отметить, что если физиология цветового видения идентична, то цветовая концептуализация у различных народов неодинакова. Ряд экспериментов [Залевская, 1988; Братчикова, 2006] подтверждает предположение А. Вежбицкой о том, что «то, что происходит в сетчатке и мозгу не отражается непосредственно в языке» [Вежбицкая, 1997, с. 234]. В этнопсихолингвистическом исследовании «Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов» А.А. Залевская на материале русского, белорусского, украинского, словацкого, польского, английского и др. языков показала различный спектр вербальных ассоциаций и неодинаковую оценку ЦО у разных народов [Залевская, 1988, с. 34-48]. В поисках универсальности цветовой семантики исследователи приходят к выводу о наличии национальной специфики на всех уровнях описания. Следовательно, правомерным становится введение далее термина национальной ЦКМ.

Представителем любой культуры, каких бы идеологических принципов он не придерживался не чуждо цветное зрение, а, следовательно, категория цвета присутствует в любой культуре независимо от того, вербализована ли она в языке. Учитывая этнокультурные особенности восприятия, **национальная цветовая картина мира** – этнокультурно маркированная ЦКМ, закрепленная в ЯКМ определенного народа.

Библиографический список

1. Братчикова, Н.С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании : дисс. ... д-ра филол. н. [Рукопись] / Н.С. Братчикова. – М., 2006.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежицкая – М. : Наука, 1997.
3. Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании. Опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. – Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та, 2002.
4. Залевская, А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов [Текст] / А.А. Залевская // Этнопсихоллингвистика : сб. статей. – М., 1988. – С. 34-48.
5. Карасик, В.И. Антология концептов [Текст] / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. – Волгоград : Перемена, 2005.
6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.
7. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац и др. – М., 1996.
8. Носовец, С.Г. Цветовая картина мира В. Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте») : дисс. ... канд. филол. н. [Рукопись] / С.Г. Носовец. – Омск, 2002.
9. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М. : Наука, 2010.
10. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1997.
11. Шибкова, О.С. Когниоллингвистическая концепция категории качество : дисс. ... д-ра филол. н. [Текст] / О.С. Шибкова. – Ставрополь, 2006.
12. Anderson, J.R. Human Associative Memory [Text] / J.R. Anderson, G.H. Bower. – Washington, DC : Winston, 1973.

juliana_ice@mail.ru

Шипицына Г.М., Белгород (Россия)

О РАЗНОВИДНОСТЯХ СМЫСЛОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

В докладе на научной конференции мы намерены показать, как прагматика речевого продукта решающим образом воздействует на адресата через его языковую картину мира и может изменить восприятие общего смысла текста. Материалом исследования послужили этические кодексы современных российских банков и компаний. Этический кодекс корпорации есть ни что иное, как сумма правил, регулирующих отношения (речевые, профессиональные, межличностные) как внутри отдельного профессионального или корпоративного сообщества, так и вне его: во взаимоотношениях таких сообществ с акционерами, поставщиками, наемными рабочими, клиентами, партнерами, конкурентами, наконец, с обществом в целом.

Прагматика речевого продукта решающим образом воздействует на адресата через его языковую картину мира. Это происходит потому, что «представления, формирующие картину мира, входят в значение слов в неявном виде; человек принимает их на веру, не задумываясь, и часто даже не замечая этого. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир» [Зализняк, 2007, с. 54].

Еще А.А. Потебня писал о том, что «слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании» [Потебня, 2003, с. 301]. С другой стороны, речевая деятельность, как правило, в подавляющем большинстве случаев обусловлена неречевыми задачами. Результативность их решения зависит от выбора языковых средств для выражения смыслов текста.

Мы различаем *языковой смысл текста* (это суммарный смысл семантических единиц, выражающий коммуникативное намерение автора, то есть то, что он хотел сказать) и *дискурсивный смысл текста*, обусловленный прагматическими «догрузками» семантических единиц в реализованной синтагматике текста (то есть то, что в действительности сказал автор). Проиллюстрируем сказанное на материале этических кодексов (далее – ЭК).

Качество продуктов Компании складывается из качественной работы каждого сотрудника. От качества работы сотрудника зависят его профессиональная репутация и авторитет. Взятые обязательства необходимо выполнять вовремя, но плохо выполненная работа – хуже, чем задержка срока. Лучшие заранее предупредить о невозможности выполнить работу в срок, чем выполнить ее некачественно [ЭК Холдинга RBI, www.rbi.ru].

Оценивая данный контекст с лингвокультурологических позиций и соотнося его с ментальной системой ценностей россиян, отметим, как язык отражает особенности национального менталитета, поскольку пример содержит дополнительную информацию, называемую И.Р. Гальпериним содержательно-подтекстовой. Содержательно-подтекстовая информация, по И.Р. Гальперину, представляет собой скрытую информацию,

извлекаемую из текста благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативные и коннотативные значения. Такая информация «возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом» [Гальперин, 2005, с. 45]. Возвращаясь к приведенному примеру (... *плохо выполненная работа – хуже, чем задержка срока*), отметим, что в нем звучит не только эксплицитно выраженная отрицательная оценка (*плохо, хуже*), но и явное указание на желательный образ действия, а его содержательно-подтекстовая информация заключается в сообщении о том, что авторами данного этического кодекса вполне допускается невыполнение работы в срок. Так языковыми средствами прогнозируется определенный образ действий, который выражен имплицитно.

Огромными возможностями формирования различных смыслов обладает контекст, когда оценка закладывается не в семы той или иной лексической единицы, а эксплицируется ее окружением, когда вербализация элементов концептосферы определяется местом описываемой ситуации в корпоративной картине мира. Например, *Этический кодекс Компании – это документ, в котором сформулированы принципы деятельности, которым следует RBI* [ЭК Холдинга RBI, www.rbi.ru].

В продекларированном положении можно увидеть оценку, выраженную имплицитно: фраза *«принципы деятельности, которым следует RBI»*, в контексте приобретает позитивный смысл: у компании есть принципы, она ими руководствуется, значит, в компании порядок, даже законность. Этот имплицитный смысл навеян действием системных отношений в лексике: *принципы, нормы, правила* противопоставляются *хаосу, произволу, анархии*. В такой оппозиции уже сам факт существования принципов воспринимается позитивно, но если им еще и *следует* компания, это факт для русского сознания вообще уникально надежный. Поэтому принципы – это всегда хорошо. Так же, с помощью контекста, позиционируют свои этические кодексы, и следовательно, компании в целом, и другие авторы кодексов. Слова *принципы, правила, нормы* в контекстах такого типа становятся узловыми, берут на себя ядерную часть семантики всего предложения. Дальнейшие фразы контекста сознанием русского человека, оглушенного такими важными словами, уже не воспринимаются. Например,

Строгое соблюдение установленных правил и приверженность корпоративным ценностям Тройки Диалог являются залогом успеха компании и условием для поддержания и развития в ней высоких этических стандартов [ЭК компании «Тройка Диалог», www.troika.ru].

Однако при внимательном изучении контекста оказывается, что *принципы, нормы*, и тому подобное – все это может иметь место лишь в рамках корпоративных ценностей и задач: *являются залогом успеха компании*.

В Кодексе деловой этики Группы UniCredit изложены принципы, которые должны направлять и вести нас в повседневной деятельности. Кодекс отражает систему ценностей, на которую мы можем опираться в критические моменты. Он задуман как основа для поиска выхода из проблемных ситуаций, которые не всегда регламентируются законами, подзаконными актами или внутренними корпоративными процедурами [Кодекс деловой этики Московского Международного банка, www.imb.ru].

Прием экспликации оценки с помощью контекста весьма распространен в этических кодексах и используется практически во всех их разделах, при оценке любого из участников бизнеса, но в первую очередь – там, где дается оценка собственной деятельности банка или компании. Так, авторы этического кодекса Страховой группы «Авеста», описывая свое отношение к обществу в целом, имплицитно дают положительную оценку самим себе («мы так поступаем, следовательно, мы хорошие»): *Мы понимаем, что благополучие нашего бизнеса напрямую зависит от доверия потребителя, так как полезность приобретенного продукта наш потребитель может оценить только в будущем, и только в результате страхового события, то есть когда случается беда* [ЭК Страховой группы «Авеста», www.avesta.spb.ru].

В семантической структуре слова *беда* есть яркая сема отрицательного оценочного значения. Беда - это событие со знаком «минус». Однако в контексте «минус» превращается в «плюс»: *беда* клиента обеспечивает *благополучие нашего бизнеса*. Данный пример прекрасно иллюстрирует использованный авторами этического кодекса прием деэвфемизации высказывания. Канцелярское выражение, вуалирующее суть явления, *страховое событие*, им представляется неэффективным для привлечения клиента, потому что оно не возбуждает чувства опасности, тревоги, как это способно сделать слово *беда* с яркой денотативной семой «несчастье, горе, большая опасность». Апеллирование к сильным чувствам потенциальных клиентов осуществлено переходом с канцелярско-делового стиля на эмоциональный разговорный, с манерой объяснить клиенту суть дела «по-человечески», то есть «пропугать его наперед».

Таким образом, важнейшую роль в процессе создания этического кодекса играют приоритеты национальной культуры и прежде всего национальный менталитет, связанный с оценочно-ценностной сферой сознания. При создании этического кодекса особое значение приобретает групповой (корпоративный) менталитет, обуславливающий особенности восприятия, понимания и реконструкции действительности группой людей, связанных деловыми отношениями.

Библиографический список

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М. : УРСС, 2005.

2. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой культуры мира [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005.

3. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика: учебн. пос. [Текст] / А.А. Потебня. – СПб. : филол. ф-т СПбГУ; М. : Академия, 2003.

Shipitsina@bsu.edu.ru

Широколобова А.Г., Кемерово (Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ТЕРМИНОВ ДАМБОСТРОЕНИЯ

Статья посвящена сопоставительному анализу словообразовательных особенностей терминов дамбостроения в английском и русском языках, с целью определения закономерностей номинации терминов данной области научного знания. Сопоставительный анализ нацелен на выявление общих и специфических характеристик в концептуализации действительного мира, а также позволяет проследить особенности национального самосознания, отразившиеся в номинации объектов действительности.

Словообразование является особой системой средств и способов, составляющей неотъемлемый элемент структуры каждого языка, оно имеет непосредственное отношение к лингвистической характеристике языковых единиц. Действие словообразовательных законов наиболее ясно проявляется на материале терминов. Для номинации новых объектов используются все способы словообразования, любые ресурсы национального языка, а также лексика других языков. Однако, взяв за основу существующие в языке способы и модели словопроизводства, язык науки и техники формирует свою словообразовательную подсистему, подчинив ее основным требованиям и функциям терминологической лексики и языка науки в целом. Таким образом, словообразовательные средства в терминологии представляют собой определенную систему. При этом в терминологическом словообразовании происходит отбор конкретных средств словообразования, которые отвечают требованиям, предъявленным к специальным наименованиям, что сводится к отбору и формированию специализированных на выражении определенных значений морфем и моделей. В английском и русском терминообразовании активны и продуктивны такие способы создания наименований, как семантический, синтаксический и морфологический.

Обратимся к практическому материалу и проанализируем терминообразовательные особенности английских и русских терминов дамбостроения.

Однословные английские термины (54%) представлены *производными* и *непроизводными единицами*.

Непроизводные однословные термины, образованные семантическим способом, составляют 43%. В результате терминологизации образовалось 37% непроизводных терминов; такое количество свидетельствует о том, что в процессе номинации фрагментов окружающей действительности человек предпочитает использовать уже известную языковую форму, нежели создавать принципиально новую, поскольку «старая» форма несет в себе определенные концептуальные признаки, и они только усложняются в процессе их специального осмысления: *slip* – *сдвиг* – *оползень*; *slide* – *скольжение* – *оползень*; *hole* – *дыра* – *шахта*; *site* – *сторона* – *место заложения дамбы*; *body* – *тело* – *тело плотины*; *head* – *голова* – *верхняя часть плотины*.

Часть *непроизводных* терминов (33%) составляют заимствования из классических языков: *barite* (*греч.*) – *барит/тяжелый шпат*, *vermiculite* (*фр.*) – *вермикулит*, *kaolin* (*кит.*) – *каолин/белая глина*, *potash* (*англ.*) – *поташ*, *fluorit* (*лат.*) – *флюорит/плавиковый шпат* и т. п.

В процессе транслерминологизации образовались 29% английских терминов, которые были заимствованы из терминотерминологических систем горного дела, терминотерминологических систем полезных ископаемых, и отходов обогащения полезных ископаемых, поскольку данные области являются смежными с гидротехникой: например: *shaft* – *шахтный ствол*, *coal* – *уголь*, *slime* – *шлам*, *slurry* – *пульпа*, *tails* – *хвосты*, *fill* – *засыпка*, *hole* – *скважина*, *drainage* – *дренаж*, *soil* – *почва*, *clay* – *глина*, *derbis* – *дербис*, *fluorit* – *флюорит*, *barit* – *барит*, *radium* – *радий*, *kaolin* – *каолин*, *copper* – *медь*, *gold* – *золото* и т. д.

Однословные производные английские термины составляют 56%, причем весь массив терминов создан путем морфологического терминообразования, аффиксальным способом и способом словосложения. В исследуемой английской терминотерминологической системе обнаружены следующие аффиксальные модели, при помощи которых было создано значительное количество (89%) терминов.

Модель R + s (R – корень, s – суффикс) является наиболее продуктивной, и в материале представлена следующими терминами:

R + *tion/sion* – *sedimentation, contamination, diversion*;

R + *age* – *breakage, blockage, shrinkage*;

R + *ing* – *choking, capping, raveling*;

R + *ture/sure* – *fracture, fissure, puncture*;

R + *ment* – *settlement, displacement*.

В результате словообразовательного анализа было выявлено, что 11% однословных терминов дамбостроения создано способом словосложения. Например: *free + board* – *надводный борт*, *bore + hole* –

скважина, *pipe + line – трубопровод, stand + pipe – напорная труба, bit + stone – засыпка, pot + ash – поташ, mud + stone – аргилит, land + slide – оползень* и т. д.

Однословные модели **русских терминов** дамбостроения представлены как *производными, так и непроизводными единицами*. На долю производных приходится 69%, а непроизводных – 31%. В ходе анализа установлено, что 63% непроизводных русских терминов являются заимствованиями из классических языков или других областей знания: греческого (*пора, диафрагма плотины, барит*) и латинского (*суффозия, противозероизийная плотина, дренажный коллектор, седиментация*). Были также выявлены заимствования из французского (*боксит, флюорит, помпа*), голландского (*дамба*), китайского (*каолин*) и итальянского (*габионная дамба, каркас*), немецкого (*буна, шламовая плотина*), а 14% созданы в результате процесса терминологизации общеупотребительных слов: *уголь, песок, почва, золото, серебро*.

Однословные производные русские термины классифицируются в зависимости от морфемной модели:

R, R + нулевой суффикс – пора, вал, рым, фильтр, труба;

p + R – пролом, сдвиг, пробой, прокол;

p + R + s – оползень, заражение, скольжение, утечка, усадка, расслоение, сползание;

R + s – трещина, скважина, башня, кромка.

В результате анализа было установлено, что самыми продуктивными являются следующие префиксы и суффиксы:

Таблица 1.

Продуктивные префиксы и суффиксы русского терминообразования

Префиксы	Суффиксы
<p>за- указывает положение по другую сторону предмета (<i>запруда, застройка, забор, закупоривание</i>).</p> <p>на- указывает положение на поверхности предмета (<i>насыпь, навал</i>).</p> <p>с- указывает на процесс (<i>сброс, скольжение, сдвиг, сползание</i>).</p> <p>у- указывает направление движения (<i>утечка, усадка</i>).</p> <p>о- указывает остатки (<i>обычно нечто испорченное, обесцененное</i>) в результате действия (<i>оползень, отвал, откос, обрушение</i>).</p> <p>от- выражает движение, начинающиеся отделением от какого-либо предела, с указанием направления или характера действия (<i>отходы, отвал</i>).</p>	<p>-ан- (-ян-) указывает на явления, характеризующиеся отношением к тому, что названо исходным словом (<i>флокулянт, выпучивание, закупоривание, деформация, переливание</i>).</p> <p>-ин-, -ен- указывает на результат (<i>скважина, пробоина, трещина, оползень, скольжение, заражение</i>).</p> <p>-чк- указывает на процесс (<i>утечка, усадка</i>).</p>

Проведенный анализ показал, что термины дамбостроения в английском и русском языках обладают особенностями и имеют свой инвентарь словообразующих средств, что доказывает их системность в сфере словообразования и демонстрирует то, как научная картина мира отражается языковыми средствами. Так, первая особенность терминосистем проявляется в том, что в обоих языках выявлен корпус однословных и многословных терминов, в английском это 54% (однословные) и 46% (многословные), в русском – 57% (однословные) и 43% (многословные). Следовательно, вторая особенность заключается в употреблении морфологического способа терминообразования: в английском языке 83% приходится на суффиксальное образование терминов, тогда как в русском на долю суффиксального способа приходится 8%, что объясняется спецификой языков. Так, английскому языку свойственен именно суффиксальный способ образования терминов, тогда как русскому – суффиксально-префиксальный. Третья особенность заключается в том, что в русской терминосистеме не было выявлено терминов, созданных способом словосложения, что также характеризуется типологическим отличием языков, данный способ терминообразования характерен для английского языка – 11 % терминов.

Говоря о семантическом терминообразовании, необходимо подчеркнуть, что терминосистемы не проявляют существенных отличий в этом способе образования терминов.

Подводя итог, подчеркнем, что терминообразовательные особенности в английском и русском языках имеют как сходства, так и отличия. Системность в терминообразовании может изучаться на материале терминологии в силу того, что терминология системна, обозначает взаимосвязанные понятия и является отражением специализированной концептосферы.

nastja_shirokolo@rambler.ru

НОМИНАТИВНАЯ ПЛОТНОСТЬ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА 'WOMAN', РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫХ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В современных концептуальных исследованиях наиболее перспективным представляется метод семантико-когнитивного анализа, включающий в себя анализ семантики языковых единиц, объективирующих концепт, и когнитивную интерпретацию полученных данных, которая позволяет моделировать структуру концепта посредством выявления его признаков. Таким образом, метод семантико-когнитивного анализа позволяет исследователю пройти путь от семантики языковых единиц к содержанию концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 9].

Настоящая статья посвящена выявлению и классификации признаков концепта 'Woman' на основе анализа семантики 500 атрибутивных прилагательных, сочетающихся с ключевой лексемой-репрезентантом *woman*, и их частотности в корпусе COCA (Corpus of Contemporary American English), объем которого составляет 410 млн. словоупотреблений. Общее количество употреблений данных словосочетаний насчитывает 69068 примеров.

В контексте данного исследования важным представляется то, что атрибутивные прилагательные, как правило, выражают постоянные признаки ("stable, inherent properties") объекта, в то время как предикативные прилагательные выражают временные признаки, обусловленные обстоятельствами ("temporary, circumstantial properties") [Taylor, 2002, с. 455]

Количество номинаций того или иного концепта или концептуального признака в языке свидетельствует о его культурной значимости для данного народа. Чем чаще и разнообразнее вербализируется концепт или тот или иной признак концепта, тем выше его «номинативная плотность» (термин В. И. Карасика), свидетельствующая о его коммуникативной востребованности, актуальности и релевантности. Номинативная плотность может рассматриваться в системе культурно-ценностных координат: многостороннее обозначение в языке получают именно те предметы, процессы или явления внеязыковой действительности, которые являются для человека данной культуры наиболее ценными [Карасик, 1996, с. 4-5].

Признаки концепта 'Woman', выявленные в результате проведенного анализа, можно условно разделить на три основные группы, а именно: а) внешние признаки, характеризующие внешность, физический облик или состояние женщины; б) внутренние признаки, характеризующие психологические качества, черты характера, эмоциональное состояние женщины; в) социальные признаки, характеризующие женскую идентичность в социуме, отношения с другими представителями социума.

Группа **внешних** признаков (27791), приписываемых концепту 'Woman', представлена физическими и эстетическими признаками.

Подгруппа физических признаков (24179) включает следующие (в скобках указано количество употреблений словосочетаний лексики *woman* с соответствующими прилагательными, минимум 100 раз): 1) возраст (20081): *young* (11517), *old* (5887), (*numeral*)-*year-old* (807), *elderly* (799), *middle-aged* (479), *mature* (120), *senior*, *adult*, *adolescent*, *aging*, *elder*, *ancient*, *aged*, *college-age*, *middle-age*, *grown-up*, *teenage*, *youngish*; 2) размер (1072): *little* (404), *small* (188), *large* (164), *big* (140), *tiny*, *petite*, *full-grown*; 3) цвет волос (713): *blond* (216), *blonde* (120), *dark-haired* (108), *gray-haired* (101), *red-haired*, *white-haired*, *black-haired*; 4) полнота (618): *fat* (189), *overweight*, *heavy*, *obese*, *stout*, *plump*, *formidable*, *full-figured*, *voluptuous*, *stocky*, *sturdy*, *buxom*, *hefty*, *heavy-set*; 5) худоба (329): *thin* (146), *slender*, *skinny*, *slim*, *slight*; 6) рост (291): *tall* (239), *short*; 7) болезнь/физический недостаток (421): *HIV-positive*, *blind*, *disabled*, *sick*, *ill*, *HIV-infected*, *deaf*, *infected*; 8) здоровье (214): *healthy* (182), *athletic*, *fit*; 9) витальные (401): *dead* (272), *dying*, *mortal*, *living*; 10) прочие (39).

Подгруппа эстетических признаков (3612) представлена двумя противоположными признаками: 1) привлекательность (3519): *beautiful* (1537), *pretty* (523), *attractive* (363), *smart* (150), *lovely* (133), *nice* (128), *good-looking*, *handsome*, *gorgeous*, *elegant*, *stylish*, *well-dressed*, *glamorous*, *striking*, *fashionable*, *stunning*, *fascinating*, *chic*, *charming*, *best-dressed*, *graceful*, *nice-looking*; 2) непривлекательность (93): *ugly*, *plain*, *unattractive*.

Группа **внутренних** признаков (7405) представлена психологическими признаками, обозначающими характер, поведение, эмоции; признаком «сексуальность»; религиозными и ментальными признаками, оценивающими умственные способности женщины.

Подгруппа психологических признаков (2652) включает в себя положительно и отрицательно коннотированные признаки, а именно:

1) положительные (1890): а) сила (целеустремленность, уверенность в себе) (662): *strong* (406), *determined*, *ambitious*, *tough*, *strong-willed*, *confident*, *assertive*, *proud*, *hard*, *willing*, *stern*; б) независимость (373): *independent* (197), *free*, *liberated*, *feminist*, *liberal*; в) активность (245): *active*, *busy*, *energetic*, *hard-working*, *creative*, *radical*, *vibrant*; г) веселый нрав (142): *smiling*, *happy*, *funny*, *cheerful*; д) смелость (136): *brave*, *courageous*, *heroic*; е) вежливость (мягкость) (104): *soft-spoken*, *friendly*, *delicate*, *kindly*; ж) честность (57): *honest*, *outspoken*; з) сдержанность (51): *quiet*, *silent*; и) прочие (120): *generous*, *passionate* и другие;

2) отрицательные (762): а) несчастье (142): *distraught*, *weeping*, *unhappy*, *troubled*, *unfortunate*, *depressed*; б) несдержанность (128): *wild*, *screaming*, *hysterical*, *possessed*; в) злость (102): *angry*, *bitter*; г)

слабость (95): *vulnerable, invisible, weak, helpless*; д) одиночество (91): *lonely, solitary, abandoned*; е) пассивность (89): *traditional, conservative*; ж) опасность/зло (70): *dangerous, evil*; з) прочие (45): *difficult, tired*.

Признак «сексуальность» (1697) представлен тремя подгруппами, а именно: 1) нагота (474): *naked (315), nude (121), half-naked, topless*; 2) сексуальная ориентация (290): *heterosexual (98), straight, gay, lesbian, bisexual*; 3) сексуальная привлекательность (169): *sexy (91), hot, desirable, fancy*.

Религиозные признаки (1528) объективируются следующими прилагательными: *Muslim (430), Jewish (364), Christian (190), catholic (138), religious (107), holy, Mormon, orthodox, protestant, Islamic, Hindu* и другими.

Подгруппа ментальных признаков (766) концепта «woman» представлена двумя противоположными признаками, а именно: 1) ум (557): *educated (135), wise (99), reasonable, bright, accomplished, sensible, college-educated, sophisticated, well-educated, clever, intellectual, sane, articulate*; 2) глупость (209): *crazy (102), stupid, silly, mad, foolish, uneducated*.

Группа социальных признаков (26381) представлена подгруппами признаков, выражающих этническую, национальную и классовую принадлежность, семейное и материальное положение, социальный статус и т.д.

(1) Этнические признаки (8538): *black (4453), white (1992), African-American (700), Asian (265), African (251), Hispanic (225), Arab (107), European* и другие;

(2) Национальные признаки (6186): *American (2281), Indian (485), Chinese (366), Japanese (238), French (189), Russian (151), Iraqi (135), Mexican (131), Palestinian (124), British (117), German (111), Afghan (110), Irish (110)* и другие;

(3) Репродуктивные признаки (2373): *pregnant (1921), post-menopausal (112), menopausal (100), childless, infertile, fertile, non-pregnant, barren, menstruating* и др.;

(4) Семейный статус (2239): *married (902), single (885), unmarried (225), divorced (113), lone, never-married, widowed, sole*;

(5) Социальная оценка (1981): 1) высокая (1872): *good (352), gifted (159), wonderful (154), great (131), right (107), remarkable (95), talented (95), extraordinary, perfect, fine, best, ideal, amazing, interesting, brilliant, greatest, incredible, sweet, fabulous, dear, cool, pleasant, admired, exceptional, terrific*; 2) низкая (109): *bad, wrong, scorned*;

(6) Материальное положение (1331): *poor (737), homeless (167), rich (153), wealthy (117), low-income (112), impoverished, uninsured, affluent*;

(7) Насилие (1121): *battered (634), abused (150), missing, incarcerated, murdered, trafficked, frightened, injured, terrified, raped, imprisoned*;

(8) Социальный успех (1024): *powerful, successful, famous, top, lucky, prominent, respectable, important, influential, leading, highest-ranking, outstanding, eminent, notable, self-made, distinguished, top-ranked, high-profile* и другие;

(9) Функциональные (958): *professional (354), working (271), military (121), qualified, experienced, eligible, capable, employed, unemployed, competent, retired*;

(10) Социальный класс (345): *middle-class (113), working-class (93), royal, upper-class, elite, noble, bourgeois, lower-class, privileged*;

(11) Этические признаки (285): 1) отрицательные (202): *loose, fallen, adulterous, kept*; 2) положительные (83): *virtuous, decent*.

Прочие признаки (8733), не вошедшие в вышеназванные три группы, представлены реляционными (5725), локативными (1331), темпоральными (650) и другими (1027) признаками. Наибольшей номинативной плотностью из трех выделенных групп обладает группа внешних (45%) и социальных (43%) признаков. В группе внешних признаков преобладает физический признак “возраст” (72% в группе); также относительно частотен эстетический признак “привлекательность” (13%). Группа социальных признаков представлена более разнообразно, при этом наиболее часто эксплицируется этническая (32%) и национальная (23%) идентичность женщины; относительно часто – репродуктивные признаки (9%) и семейное положение (8%). Обращает на себя внимание преобладание положительно коннотированных прилагательных при выражении психологических признаков (73% положительных vs 27% отрицательных), ментальных признаков (73% “ум” vs 27% “глупость”), социальной оценки (94% высокая vs 6% низкая оценка) и успеха женщины в обществе (признак неуспеха не представлен вообще).

Библиографический список

1. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С.3-16.
2. Попова, З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С.7-9.
3. Taylor, J.R. Cognitive Grammar [Text] / J.R. Taylor. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

oxanashishigina@rambler.ru

**ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СТРАХА И СОПОСТАВЛЕНИЕ
РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ЕЕ КОНСТРУКЦИЙ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ**

Количество ситуаций, с которыми ежедневно сталкивается человек, не поддается исчислению. Тем не менее, благодаря существованию прототипа, человек способен категоризовать любую из них, пропуская через свое сознание и подводя под определенную языковую структуру. Он приспосабливает ее (структуру) к каждому случаю употребления [Гаспаров, 1996, с. 213], передавая малейшие изменения в восприятии ситуации. Прототип – это единица, которая проявляет в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, и реализует эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [Givon, 1986, с. 195]. Конструкции, категоризирующие прототипическую ситуацию самым лучшим образом, называются прототипическими, а конструкции, категоризирующие ситуацию «хуже» или совмещающие в себе признаки нескольких прототипических ситуаций, оказываются непрототипическими (под конструкцией мы понимаем модель предложения, в которой все формальные единицы лексически субкатегоризованы, например: N-лицо V-действие N-предмет [Ковалёва 1981, 2008]).

Данная статья посвящена сопоставлению репрезентирующих прототипическую ситуацию страха конструкций в немецком, английском и русском языках.

Рассмотрим компоненты прототипической ситуации «страха». Для прототипической ситуации «страха» является обязательным присутствие одушевленного Субъекта, способного не только испытывает и категоризовать свои (или чужие) эмоции, но и давать рациональную оценку происходящей ситуации. Субъект прототипической ситуации может совпадать или не совпадать с говорящим.

Сама эмоция страха может быть охарактеризована как «аффективное состояние человеческой души, которое переживается как страдание и выражается в ощущении неудовольствия» [СФС, 1998, с. 867]. Эмоция страха включает в себя два компонента: оценку и неприятную эмоцию.

Эмоционально-оценочное отношение Субъекта всегда имеет причину, которой может быть событие, связанное с определенным лицом или предметом. Страх вызывает не конкретный человек или предмет, а возможность столкновения с ним, т.е. вероятность осуществления определенных негативных событий – гипотетического События (ситуации).

Названные компоненты прототипической ситуации представлены в языках следующим образом: Субъект – одушевленным существительным или его заместителем (местоимением); эмоция страха – эмоционально-оценочным предикатом страха; гипотетическое Событие – причина – при помощи различных грамматических форм: имена существительные, вторично-предикативные обороты, придаточные предложения, что предопределено различными подходами к категоризации ситуации и особенностями исследуемого языка в целом.

На основании данных толковых словарей все предикаты страха можно разделить на три группы: предикаты, в значении которых рациональный и эмоциональный компоненты представлены в равной степени; предикаты, в значении которых преобладает рациональный компонент; предикаты, в значении которых преобладает эмоциональный компонент. Только предикаты, в значении которых рациональный и эмоциональный компоненты представлены в равной степени, могут экономно категоризовать прототипическую ситуацию. Для остальных предикатов необходимым условием будет наличие сирконстанта причины или интенсификатора эмоции в конструкции, что отодвинет предложения с данными предикатами от центра поля, т.к. они не будут самыми экономными

Для наиболее полной и экономной категоризации ситуации гипотетическое событие должно быть представлено инфинитивной группой, т.к. инфинитив несет в себе признак будущего гипотетического действия. Прототипическая ситуация может быть обозначена как «Субъект испытывает страх перед совершением каких-либо действий». Поиск прототипической конструкции ведется среди предложений с предикатами, открывающими валентность для одушевленного существительного и для инфинитивной группы, таким образом, прототипическая конструкция представлена следующим образом: Nлицо VAngst haben / to be afraid/ бояться Infinitiv действия:

1. Da blieb er stehen; *er hatte Angst, sich umzudrehen* [Wilde, с. 118];
2. Maryam, who *had been afraid to shout* in the robber's presence [Hardy, 1968, с. 210];
3. *He feared to look* behind [Maurier, 1965, с. 7];
4. *Она боялась оглянуться* [Толстой, с. 144];
5. Тому же, *кто страшился предстать* перед Господом своим [Османов].

В данных высказывании представлены три основных компонента прототипической ситуации, ни эмоция, ни рациональное отношение специально не подчеркиваются субъектом.

При выборе других предикатов страха происходит смещение семантического центра, в зависимости от того, какой компонент преобладает в его семантике. Эмоциональный или рациональный компоненты компенсируются с помощью сирконстантов причины или интенсификаторов эмоции, но эти конструкции не будут относиться к прототипическим, т.к. не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к прототипам: избыточность, наиболее полное выражение смысла, частотность [Ковалёва, 2008, с. 43], сравним:

1. *Die Kinder grausten sich, die Scheune zu betreten, weil dort Ratten waren* [Рахманов, 1983, с. 190];

2. [...] denn *mit jedem Augenblicke* mussten sie *befürchten*, einer Rundwache oder einem Piquet von Feinden *zu begegnen* [Cooper, с. 58];
3. *She was frightened, but not enough to lose her wits* [Mitchell, 1971, с. 478];
4. *Cecilia still lay weak and inert terrified to move* [Lawrence, 1965, с. 4];
5. *Он испугался своего желания удержать* Веронику [Шоу, с. 190];
6. *Закаев побоялся ехать* в Бельгию *из-за угрозы экстрадиции* [MalleX.Info].

Итак, в ходе сопоставительного анализа конструкций прототипической ситуации страха мы пришли к выводу о том, что общность прототипической ситуации порождает общность структур, используемых для категоризации ситуации страха во всех трех исследуемых языках. Для категоризации прототипической ситуации страха используется конструкция N-лицо V-Angst haben / to be afraid, to fear / бояться, страшиться Infinitiv-действия. Обязательным условием является использование предиката, в значении которого присутствует рациональный и эмоциональный компоненты в равной степени. При использовании предикатов, в значении которых преобладает эмоциональный или рациональный компоненты, необходимо использовать сирконстант причины или интенсификатор эмоции, что отодвигает данные конструкции от центра поля. Разница в восприятии одной и той же ситуации кроется не в языке, как таковом, а в способности говорящего уловить эту разницу и категоризовать в соответствии с замеченными признаками.

Библиографический список

1. *Гаспаров, Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996.
2. *Ковалёва, Л.М.* О первичных и вторичных структурах в синтаксисе [Текст] / Л.М. Ковалёва // Лингвистика и методика в высшей школе (X) : сб. науч. тр. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. – Вып. 170. – С. 41-51.
3. *Ковалёва, Л.М.* Английская грамматика: предложение и слово [Текст] / Л.М. Ковалёва. – Иркутск : ИГЛУ, 2008.
4. Современный философский словарь [Текст] ; под ред. В.Е. Кемерова. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Москва ; Минск : Панпринт, 1998. – СФС
5. *Givón, T.* Prototype: Plato and Wittgenstein [Text] / T. Givón // Noun Classes and Categorization / Ed. by C. Craige. – Amsterdam : John Benjamins, 1986. – P. 77-102.

Список источников иллюстративного материала

1. *Османов, Н.О.* Симфония Корана [Электронный ресурс] / Н.О. Османов. – Режим доступа: <http://www.ko-ran.ru/osmanov/s/s.htm>
2. *Рахманов, И.В.* Немецко-русский синонимический словарь [Текст] / И.В. Рахманов, Н.М. Мишина, Д.Г. Мальцев, Л.И. Рахманова. – М. : Русский язык, 1983. – 704 с.
3. *Толстой, Л.Н.* Война и мир. Кн. 1. [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. – Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru/author/tolstoi_lev/tolstoi_lev_voina_i_mir_kniga_1/
4. *Шоу, И.* Две недели в другом городе [Электронный ресурс] / И. Шоу. – Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru/author/shou_irvin/shou_irvin_dve_nedeli_v_drugom_gorode/
5. *Cooper, Ja.F.* The Last of the Mohicans [Electronic resource] / Ja.F. Cooper. – Режим доступа: www.gutenberg.org.
6. *Hardy, T.* The Woodlanders [Text] / T. Hardy. – N. Y. : St. Martin's Press, 1968. – 380 p.
7. *Lawrence, D.W.* The Woman Who Rode Away and Other Stories [Text] / D.W. Lawrence. – L. : Penguin Books, 1965.
8. MalleX.Info. Информационно-новостной портал [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.mallex.info/world/Zakaev-pobojalsja-ehat-v-Belgiju-iz-za-ugrozy-ehkstradiicii/>
9. *Maurier, D.* Rebecca [Text] / D. Maurier. – М. : Foreign Publishing House, 1956.
10. *Mitchell, M.* Gone with the Wind [Text] / M. Mitchell. – N. Y. : Bantam Books, 1971.
11. *Wilde, O.* Das Bildnis des Dorian Gray [Electronic resource] / O. Wilde. – Режим доступа : <http://gutenberg.spiegel.de>.

waagen83@mail.ru

Шнякина Н.Ю., Омск (Россия)

СИЛА И СЛАБОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА (на материале немецкого языка)

Окружающая действительность во всём её многообразии представляет собой неисчерпаемый источник получения человеком новой информации. Визуальные, тактильные, слуховые, обонятельные и вкусовые образы, соотносясь с уже имеющимися перцептивными знаниями, особым образом перерабатываясь, образуют основу формирования и непрерывного развития его концептуальной системы. Мысль о значимости телесного опыта часто встречается в работах философов, психологов, лингвистов [Жоль, 1984, с. 127; Барабанщиков,

2006, с. 14, Рубинштейн, 1997, с. 48; Василюк, 1993, с. 16; Величковский, 2006, с. 330; Залевская, 2007, с. 131; Никитин, 2006, с. 81; Арутюнова, 1974, с. 94; Селиверстова, 2002, с. 110]. Так С.Л. Рубинштейн говорил о том, что «во всякое понятийное обобщение, как правило, вкраплена чувственная генерализация» [Рубинштейн, 1997, с. 48]. Анализ «перцептивной составляющей» процесса познания и концептуализации окружающей действительности при изучении языковых форм позволяет получать интересные результаты понимания разума человека в целом.

Предметы и явления материального мира, представленные в процессе восприятия как совокупность признаков, дают возможность проникновения человеческого разума в новое, непонятное, недоступное органам чувств. Телесный опыт («источник») в результате ассоциативных построений, обусловленных человеческим воображением, позволяет осознать новое знание («цель») и оперировать им в концептуальном и языковом пространствах [Лакофф, Джонсон, 2004]. Концептуализация нового знания, как считает А.А. Залевская, становится возможным через взаимодействие нескольких процессов: узнавания, ассоциирования, глубинной предикации и опоры на выводные знания разных видов. При этом внимание познающего субъекта сосредоточено на одном из признаков познаваемого объекта, существенном и эвристичном» [Залевская, 1991, с. 162].

В настоящей работе предпринимается попытка анализа элементов интеллектуально-волевой сферы человека как нового выводного знания, описываемого в терминах напряжения (аффектами *stark/schwach* и их дериватами). Анализ житейской терминологии при описании интеллектуально-волевой сферы человека показал, что он может обладать как внешней (физической) силой, так и внутренней. Об этом свидетельствует двоякая трактовка слова *Kraft* в следующих примерах: *unter Aufbietung aller Kräfte wurde das Projekt zu Ende geführt (Duden), im Urlaub neue Kräfte sammeln (Duden)*. Как показывает материал, две составляющие внутреннего мира человека могут характеризоваться как обладающие силой: его волевая сфера и его умственное развитие (интеллект).

Степень проявления воли является одним из признаков человеческого характера как «совокупности устойчивых свойств индивида, в которых выражаются способы его поведения и способы эмоционального реагирования» [Гиппенрейтер, 1988, с. 257]. Внутренняя сила и слабость по отношению к волевой сфере концептуализируется в метафорической схеме «**сильный-наличие воли/слабый-отсутствие воли**». В данной группе распространены атрибутивные и предикативные конструкции показателей *stark/schwach* с наименованиями человека, например, *Niemand kann leugnen, dass die Martin irgendwo eine enorm starke Persönlichkeit ist (Mann, S. 37), So war es wohl und daran hatte er als kleiner, schwacher Geistlicher nicht zu rütteln (Strittmatter, S. 447)*. Слабый, безвольный человек может быть представлен также существительным *Schwächling*, например, *der Thronfolger war ein Schwächling (Duden)*. Указание на моральную силу или слабость содержится в сочетаниях этих аффективов с наименованием формального носителя воли: *sie hat einen starken Charakter (Klappenbach, S. 3550), sie ist willensstark (Duden), der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach (Klappenbach, S. 3328), sie entdeckte bald seine schwachen Seiten (Klappenbach, S. 3328)*. Указание на изменение волевых особенностей характера человека проявляется в глагольных конструкциях, например, *die Not hatte sie schwach gemacht (Klappenbach, S. 3328), jetzt nur nicht schwach werden (Duden)*.

Волевая слабость человека проявляется в невозможности преодолеть трудности или соблазны. На этой основе формируются выражения, в которых невозможность волевого контроля представляется как слабость, что проявляется в широком употреблении слова Schwäche: *jeder hat seine kleinen verzeihlichen Schwächen (Duden)*. Человеческая слабость может касаться предпочитаемых продуктов питания, интересов и вредных привычек: *Sie war sehr scheu, hatte aber eine Schwäche für Eiscreme... (Updike, S. 250), Rauchen ist leider meine schwache Seite (Klappenbach, S. 3328)*. Аналогичная оценка может быть применена по отношению к чрезмерной симпатии к другому человеку, например, *wenn ich diese Frau sehe, werde ich schwach (Duden)*.

Концептуализация нового знания, результирующего в процессе переноса из сферы «источник» в сферу «цель» начинается с ассоциативного узнавания признака физической силы, который представлен физическим (мускульным) напряжением, неким прилагаемым усилием. Установление общей точки соприкосновения известного и нового знания обеспечивается актуализацией когнитивных связей между продуктами переработки опыта человека: перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного, поведенческого. В данном случае этой точкой соприкосновения является аналогия между физической силой и волевым актом с точки зрения прилагаемых усилий. Глубинная предикация при этом связана с приписыванием новому явлению признака ориентации на результат вне зависимости от внешних обстоятельств. В результате описанных мыслительных построений в сознании индивида появляется новое выводное знание: под силой характера понимается та энергия, с которой человек пытается добиться поставленных целей, используя свой внутренний волевой потенциал, умение развивать напряжение при преодолении трудностей и достижении поставленной цели. Слабая же характера ассоциируется с проявлением малодушия, нерешительности, незначительного потенциала в достижении целей, неустойчивости взглядов, отсутствия собственного мнения и т.д.

Другая сфера, описываемая в терминах мускульного напряжения, касается интеллектуальных способностей человека. Взаимодействие «источника» и «цели» осуществляется в рамках метафорической схемы «**сильный - способный мыслить, обладающий определёнными знаниями/слабый - мало способностей мыслить, не обладающий достаточными знаниями**». Во-первых, человек может

характеризоваться как обладающий силой (хорошими знаниями) в какой-либо предметной области: *Photographieren ist meine starke Seite* (Klappenbach, S. 3329), *Chemie ist nicht seine Stärke* (Klappenbach, S. 3551), *er ist in der Klasse im Kopfrechnen der Schwächste* (Klappenbach, S. 3329), *ein schwacher Kandidat* (Klappenbach, S. 3329). Во-вторых, сила ассоциируется с успешностью, большим внутренним потенциалом – всё это предполагает неуязвимость и независимость. Данные характеристики не относятся непосредственно к человеку, а скорее к группе людей, ситуативному сообществу, и выражают суммарный потенциал, например: ... *dass es Ihre Verhandlungsposition stärkt* (Toelke, S. 232), *eine starke Partei, Flotte* (Klappenbach, S. 3550), *der Fehlschlag schwächte seine Position* (Duden).

Признаком, по которому осуществляется узнавание смысла в примерах второй группы, является ориентация на достижение результата в процессе приложения физической силы. Общей точкой соприкосновения двух сфер при этом следует считать усилия, прилагаемые к какому-либо делу с целью получения отличного результата. Актуализация данного значимого признака порождает и другие ассоциации, такие как накопление силы, формальное ограничение сферы деятельности, превосходство над другими людьми и т.д.

Итак, внутренний потенциал человека или группы людей (волевая и интеллектуальная сферы) ассоциируется с физической силой ввиду совпадения особенностей этих на первый взгляд разных типов явлений. Воля, успех, неуязвимость, уверенность в себе, способность действовать и сопротивляться являются неотделимыми атрибутами как физической, так и внутренней силы человека. Данное утверждение ещё раз доказывает универсальность параметрических адъективов для описания внутреннего мира человека и положение о том, что представления и высказывания о невидимом основываются на реально воспринимаемых признаках событий и явлений окружающего мира.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976.
2. Барабанщиков, В.А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса [Текст] / В.А. Барабанщиков. – М. : Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006.
3. Василюк, Ф.Е. Структура образа [Текст] / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. - №5. – С. 5-19.
4. Величковский, Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания [Текст] / Б.М. Величковский. – М. : Смысл: Издательский центр «Академия». – Т.2. – 2006.
5. Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию [Электронный ресурс] / Ю.Б. Гиппенрейтер. Режим доступа : <http://shp.by.ru/psy/lit/gippenteiter/lectures/15.shtml>
6. Залевская, А.А. Метафора и формирование проекций текста [Текст] / А.А. Залевская // Текст в коммуникации. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1991. – С. 158-168.
7. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М. : РГГУ, 2007.
8. Никитин, В.Н. Онтология телесности: Смыслы, парадоксы, абсурд [Текст] / В.Н. Никитин. – М. : Когито-центр, 2006.
9. Рубинштейн, С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997.
10. Селиверстова, О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития науки [Текст] / О.Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2002. – №6. – С. 12-26.

Список источников иллюстративного материала

1. Duden Deutsches Universalwörterbuch [Text]. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1989.
2. Klappenbach, R. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache [Text] / R. Klappenbach, W. Steiniz. – Berlin, 1961-1977.
3. Mann, K. Mephisto [Text] / K. Mann. – М. : Tsitadel, 2001.
4. Strittmatter, E. Der Wundertäter [Text] / E. Strittmatter. – М. : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1962.
5. Toelke, W. Die Operation [Text] / W. Toelke. – Berlin : Das neue Berlin, 1980.
6. Updike, J. Gott und die Wilmonts [Text] / J. Updike. – Rowohlt : Taschenverlag GmbH, 2001.

zeral@list.ru

Шрайнер Н.В., Барнаул (Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ПРОПРИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (на примере немецких топонимов Алтайского края)

Под «немецкой» топонимией понимаются немецкие по происхождению и/или употреблению географические названия, т.е. топонимы, находящиеся в обращении у немецких переселенцев.

На территории Алтайского края за последние 120 лет активно происходили процессы естественной и искусственно номинации. Данные явления представляют большой интерес для ономастики. Становление немецкой топонимии как класса проприальной лексики носило организованный характер.

Массовость переселений немцев в Сибирь обусловлена столыпинскими реформами (Knaube: „das Stolypinsche Reformenwerk“). 19 сентября 1906 г. был принят закон "О передаче Кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления Землеустройства и Земледелия для образования переселенческих участков", 9 ноября 1906 г. вышел Указ о проведении в России земельной реформы. После принятия этих документов процесс переселения принимает организованный характер. Так, с 1907 по 1914 г. немецкое население Славгородского округа выросло до 17 тысяч человек (Матис, 1996, с. 11).

Особое положение проприальной лексики в языковой системе обусловило выделение специальных ономастических проблем из общего круга лингвистики. Все многообразие имен собственных изучает ономастика. Т. Н. Чернораева говорит о наличии трех подходов к классу топонимов: функциональный, когнитивный (включающий несколько аспектов изучения топонимической лексики) и психолингвистический.

При функциональном подходе топонимы рассматриваются как социо-функциональная единица, данное имя выполняет «адресную функцию», т.е. с его помощью осуществляется выделение данного денотата из ряда однотипных (Сычалаина, 2008, с. 28).

В рамках когнитивной парадигмы топоним понимается как свернутый текст, некая компрессированная информационная субстанция, которая по-разному и в неравном объеме актуализируется в различных речевых ситуациях и состоит из нескольких логико-информационных блоков (Горбаневский, 1996, с. 6-7). Е.Л. Березович, придерживаясь данной текстовой концепции топонимического пространства, видит в совокупности топонимов языковую личность их коллективного автора, что позволяет представить процедуру концептуального анализа топонимии как сопряжение поверхностного уровня, на котором проявляются внешние приемы организации текста, и глубинного уровня, на котором обнаруживаются интенции создателя текста (Березович, 1999, с. 23).

Интересный и продуктивный вариант моделирования семантики имени предложен М.В. Голомидовой и обозначен ею как разработка концепта имени собственного (Голомидова, 1998, с. 13). Под концептуальностью имени автор понимает совокупный объем представлений о возможностях его применения – языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием ономастического знака, которые сложились у носителей данного языка. М.В. Голомидова выделяет следующие уровни этой концептуальной модели:

1) общая категориальная семантика имени, вырастающая из его противопоставления апеллятиву, благодаря чему высвечивается специфика способа означивания: имя является знаком-индивидуализатором, который не только на речевом, но и на языковом уровне свидетельствует о ценности вербального выделения отдельной реалии;

2) частная категориальная семантика, основанная на связи онама (нарицательного термина) и возможности для противопоставления разных разрядов собственных имен в онимической системе языка;

3) частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, отличающая имена друг от друга и основанная на денотативной отнесенности и мотивировочном значении, которое определяется "на момент" создания имени и оказывается чрезвычайно важным для выполнения именем его различительной функции, поскольку несет указание на индивидуализирующий мотивировочный признак, служащий для различения и опознавания реалии среди подобных;

4) фреймы (несобственно языковые знания), отражающие значимые для языкового коллектива фоновые знания о специфике применения имени; метафрейм социальной мимикрии, предопределивший многочисленные акты смены имени (Голомидова, 1998, с. 14). Так, немецкие ойконимы менялись в зависимости от государственной политики. При образовании Немецкого национального района (1927) были приняты немецкие варианты, при его ликвидации в предепортационный период русские (1938).

Первым немецким селением на Алтае считается село Шенфельд (п. / уч. Желтенькое / Желанное), основанное в 1890 году. Л.В. Малиновский характеризует селение следующими словами: «Маленькое поселение в Кулундинской степи в конце XIX в. было названо немецкими новоселами из Южной Украины Шенфельд, по-русски это значит «хорошее и вокруг — ничего!»» (Малиновский, 2010, с. 137). Воспоминания жителей, очерки историков позволяют нам выявить коннотативное значение топонима. Предпосылки формирования и социальные условия проживания в селе («с. Желтенькое было расположено в совершенно голой и гладкой степи») говорят о нелегкой судьбе того «коллектива», который оставил след в языковой системе.

Спустя 120 лет со дня основания с. Желтенькое уже не существует, причина – «ликвидация неперспективных деревень в 1980-е гг». Жители деревни были переселены в соседний Кусак (сегодня Гальшпштадт), взяв с собой свое наследие (верхне-немецкий диалект, сохранившиеся особенности старого быта) и теплое отношение к месту (суффикс *-еньк*, прилагательное „*schoen*“).

Schoenfeld и другие немецкие селения, которых насчитывалось более ста на территории современного Алтайского края представляют интерес для ономастики, поскольку существовали, ряд из них и сегодня существуют в условиях билингвизма на так называемых языковых островах. Учет данной особенности

позволяет нам наиболее подробно рассмотреть концептуальность топонимов как самостоятельного класса проприальной лексики.

Библиографический список

1. *Березович, Е. Л.* Русская народная топонимия как концептуализированное пространство [Текст] / Е.Л. Березович // Лингвистические ретроспективы, современность и перспектива города и деревни : материалы международного научного совещания. – Пермь : ПГУ, 1999. – С. 22-29.
2. *Голомидова, М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998.
3. *Горбаневский, М.В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей [Текст] / М.В. Горбаневский. – М. : Общ-во любителей российской словесности, 1996.
4. *Малиновский, Л.В.* 120 лет со времени основания первого немецкого поселения в Алтайском крае – села Желтенького (Шенфельд) Славгородского района [Текст] / Л.В. Малиновский // Алтайский край 2010. Календарь знаменательных и памятных дат. – Барнаул, 2010. – С. 137-138.
5. *Матис, В.И.* Немцы Алтая [Текст] / В.И. Матис. – Барнаул : Барнаульский педагогический колледж, 1996.
6. *Сычалина, Е.В.* Немецкая топонимия Поволжья: социолингвистический аспект исследования : автореф. дисс... канд. филол. н. [Текст] / Е.В. Сычалина. – Саратов, 2008.

n-schreiner@yandex.ru

Шустрова Е.В., Екатеринбург

ВЕДУЩИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДИСКУРСА ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ Б. ОБАМЫ

В данном обзоре представлены результаты исследования, в котором мы попытались установить, какие метафорические модели преобладают в дискурсе действующего американского президента. В основу материала исследования были положены публичные обращения Барака Обамы (всего немногим более 100). Мы не ставим своей целью проведение статистического анализа. В большей мере нас будут интересовать общие образные линии. Первое, что стоит отметить, это скупость ярких, новых метафор и параллелей. В основном, речь строится на конвенциональных метафорах, переносных значениях, которые зафиксированы словарно, устойчивых, привычных оборотах. К наиболее часто встречающимся следует отнести модели, связанные с образом США и самого президента. В их число попадают следующие модели:

США – это путник. С точки зрения Б. Обамы страна «идет к неизвестному будущему», «находится на пороге нового трудного пути, путешествия», «должна соблюдать правила движения», «встанет на путь финансовой ответственности», «сделает шаги» в определенных направлениях, «пойдет вперед», «отойдет от устоявшихся практик», предпримет ряд мер для улучшения внешней торговли, которая не должна быть «улицей с односторонним движением», «сталкивается на своем пути (букв. дороге) с огромными проблемами в системе здравоохранения», «продвигается по пути [реформ]» и т.д. Сам президент – это тоже путник и человек, облегчающий тяготы пути, не боящийся их преодолевать.

*So here's the good news: **We've gotten pretty far down the road.** But I've got to admit, we had a little bit of a buzz saw this week.*

*So here we are, more than half a century later, once again facing the challenges of a new age. Here **we are, once more marching toward an unknown future**, what I call the Joshua generation to their Moses generation – the great inheritors of progress paid for with sweat and blood, and sometimes life itself.*

*I know **it's been a hard road we've traveled** this year to rescue the economy, but the economy is growing again. The job losses have finally slowed, and around the country, there's signs that businesses and families are beginning to rebound. We are making progress.*

США – это боец. В отличие от риторики Дж. Буша, мл., место борьбы с внешним врагом в дискурсе Б. Обамы занимает борьба за выживание **внутри** страны. Это борьба со «слабостью экономической и политической системы США», с «ежедневно подступающими сомнениями», с «настоящим положением дел», с «политическими интригами в Конгрессе и Сенате, ‘партизанщиной’ политиков», с «уходом ответственности», с «разрушением системы», с «зависимостью от поставок нефти», с «изменениями климата» как одного из результатов отсутствия модернизации системы производства США, с ухудшением дел в системе здравоохранения и образования. Это борьба за возможность остаться «на плаву», за сохранение работы и заработка, за получение страховки, за сохранение возможности учиться. При этом образ гордого героя сменяется образом избитого, измотанного бойца, неуверенного в будущем. Даже если этот боец одержал победу и сумел выправить тяжелое экономическое положение, впереди у него немало тяжелых дней.

*Good morning, everybody. This morning, I sent a budget to Congress for the coming year. It's a budget that reflects the serious challenges facing the country. **We're at war.** Our economy has lost 7 million jobs over the last two years. And our government is deeply in debt after what can only be described as a decade of profligacy.*

***Bruised, battered,** many people are legitimately feeling doubt, even despair, about the future. Like those who came to this church on that Thursday in 1956, folks are wondering, where do we go from here?*

США – это строитель, здание. Эта модель, с одной стороны, примыкает к выше упомянутым пессимистичным сценариям. Страна представлена как здание с провалившейся крышей, чьи обитатели придавлены упавшими конструкциями – следствие неудачной экономической политики. С другой стороны, реализованы и вполне оптимистичные сценарии дальнейшего успешного строительства, закладывания нового фундамента, обеспечения будущего выстраивания реформ, придания нужной формы будущему США.

Пессимистичные оценки сегодняшнего положения дел находят отражение в еще трех моделях:

США – это утопающий, терпящий стихийное бедствие. В качестве такого стихийного бедствия вновь выступает нестабильная экономическая ситуация, которая становится «самым ужасным штормом из всех тех, что видела Америка». Эта буря все еще заставляет многих американцев барахтаться в оставленных обломках былого процветания, в опустошенных пространствах экономики. Тем не менее, с точки зрения президента, горизонт уже просветлел и бури прошлого отступили. Однако всем придется приложить немало усилий, чтобы не допустить еще более страшной экономической катастрофы.

*It's that character that has borne our nation through the roughest of seas, a lot rougher than the ones we're going through right now. **That's the character that will carry us through this storm to better days ahead.** I am confident of that, because of you. And I'm very grateful for all of you taking the time to be here today.*

*Now, today, because we took those actions, **the worst of this economic storm has passed.** But families like yours and communities like this one are still reeling from the devastation it left in its wake.*

*These have been a tough two years. And there will no doubt be difficult months ahead. **But the storms of the past are receding. The skies are brightening. And the horizon is beckoning once more.***

США – это больной. Страну ждет долгое выздоровление после кризиса, а вынужденное вмешательство государства во внутренние дела банков стало очень горькой пилюлей.

*Now, I think it's very important to understand: We won't be able to bring down this deficit overnight, given that **the recovery is still taking hold** and families across the country still need help.*

Еще одна модель, отражающая внутреннее развитие страны, это модель **США – это сад (поле).** Модель обладает отрицательным эмоциональным потенциалом, потому что в этом саду процветают бюрократия и внутренние политические распри, зреют плоды предрассудков и нетерпимости, от которых уже удается избавиться. Век жадности и безответности посеял плевелы сегодняшних финансовых неудач, а страховые компании собирают урожай самых здоровых граждан США, оставляя на волю судьбы больных и инвалидов.

Внешняя политика США находит отражение в следующих моделях:

США – это освободитель. *And we must make it clear to every man, woman, and child around the world who lives under the dark cloud of tyranny that **America will speak out on behalf of their human rights, and tend to the light of freedom, and justice, and opportunity, and respect for the dignity of all peoples.** That is who we are. That is the source, the moral source of America's authority.*

США – это врач. *We're in Afghanistan to prevent a cancer from once again spreading through that country. **But this same cancer has also taken root** in the border region of Pakistan. And that's why we need a strategy that works on both sides of the border.*

США – это союзник, партнер. *We will have to use diplomacy, because no one nation can meet the challenges of an interconnected world acting alone. I've spent this year renewing our alliances and forging new partnerships. **And we have forged a new beginning between America and the Muslim World** – one that recognizes our mutual interest in breaking a cycle of conflict, and that promises a future in which those who kill innocents are isolated by those who stand up for peace and prosperity and human dignity.*

Освобождать следует всех и вся, особенно женщин и детей, над которыми нависло грозное облако тирании и бесправия. Америка же несет свет свободы, справедливости, возможностей, уважения достоинства всех народов. Лечить следует тоже всех, особенно Афганистан, Ирак и Пакистан, чтобы искоренить «рак терроризма». Как партнер, США преследует те же цели, что и мировое сообщество, и хочет покончить с веком насилия и страданий.

Самого себя президент видит в следующих образах. Во-первых, как мы уже упомянули, это образ путника. Во-вторых, это образ бойца, сражающегося с внутренними проблемами. В-третьих, это образ защитника и труженика. Четвертое место по частотности у образа президента как объединяющего начала и примирителя. Нечастотные, но интересные образы возникают, когда Б. Обама сравнивает себя с продавцом (при этом товаром (качественным) становится деятельность президента, а покупателем выступают граждане США) и едоком политических неурядиц – неудобоваримым блюдом, оставленным ему в наследство администрацией Дж. Буша, мл.

Список источников иллюстративного материала

1. American Rhetoric: Barack Obama Speeches. Complete Transcripts, Audio, Video [Electronic resource]. – [2010]. – Mode of access: <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
2. Complete Text Transcripts of Over 100 Barack Obama Speeches [Electronic resource]. – [2010]. – Mode of access: <http://www.obamaspeech.com>.

shustrovaev@mail.ru

Щурина Ю.В., Чита (Россия)

ДЕМОТИВАТОР КАК КОМИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Переход к новой научной парадигме в лингвистике на рубеже XX-XXI вв. определяет расширение круга изучаемых явлений, связанных с передачей и восприятием информации в современном мире. Растет число исследований, посвященных семиотически осложненному, поликодовому тексту.

Для текстов, семиотически осложненных использованием комбинации естественного языка с элементами других знаковых систем, используется термин «креолизованные тексты» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180]. Основными компонентами креолизованного текста являются вербальная часть (надпись/подпись, текст) и иконическая часть (рисунок, фотография, таблица), комбинирующиеся в зависимости от типа текста. Вербальные и невербальные элементы образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата.

Особые возможности для порождения и функционирования креолизованных текстов представляет Интернет-коммуникация как специфическая форма информационно-коммуникативного пространства [Щурина, 2010]. Исследователи отмечают, что «виртуальная языковая личность крайне креативна в выборе и использовании лингвистических средств общения» [Горошко, 2008]. «Креативность» в использовании языка чаще всего проявляется в направленности на достижение комического эффекта.

Интернет как открытое коммуникативное пространство является почти идеальной средой для существования и развития смеховой стихии [Сычев, 2011]. Интернет-коммуникация и всенародная карнавальная жизнь средневековья в трактовке М. Бахтина [Бахтин, 1990] имеют ряд общих черт: характеризуются выходом за пределы официальных регламентаций и оформляются особым игровым образом. Игра – одна из преобладающих форм коммуникации в сети; при этом она формирует характерные качества самого общения: свободу от повседневности, свободу самовыражения, наличие добровольно принятых правил, позитивную эмоциональность и т.д.

Реализация игрового компонента в Интернет-общении может быть связана с функционированием различных речевых жанров, относимых к сфере комического. Специфическими для Интернет-общения жанрами являются объединенные комической направленностью креолизованные жанры, такие как демотиватор, карикатура, веб-комикс, комические видеовербальные тексты и др. Рассмотрим подробнее комический жанр малого объема – демотиватор.

Демотиватор – составленное по определенному формату изображение, состоящее из рисунка и комментирующей его надписи-слогана. Появление демотиваторов связано с возникновением пародий на мотивационные постеры, или мотиваторы (популярный вид наглядной агитации, предназначенный создать подходящее настроение в школах, университетах, на рабочих местах).

Жанр демотиватора предполагает строгое соблюдение формата – необходимо размещение следующих элементов: изображение в рамке; лозунг, набранный крупным шрифтом; набранное более мелким шрифтом пояснение или цитата, объясняющие идею подробнее (последняя деталь факультативна). Специфика структуры демотиватора заключается в соединении изображения (рисунка, плаката, фотографии) и нестандартной, неожиданной подписи к нему. Для создания и восприятия демотиваторов необходимо не только наличие чувства юмора, но и способность увидеть явления в ином ракурсе (см. Рис. 1).

Надписи на демотиваторах часто становятся так называемыми Интернет-мемами – этим термином обозначают вошедшее в употребление в середине первого десятилетия XXI века явление спонтанного распространения некоторой информации или фразы, приобретшей популярность в Интернет-среде посредством распространения по электронной почте, в чатах, на форумах, в блогах и др., а также сама эта информация или фраза [Википедия, 2011]. Спонтанному неконтролируемому распространению от одного Интернет-пользователя к другому подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными к ней.

Интернет-мемы можно считать разновидностью прецедентных феноменов. Прецедентные феномены в сжатом виде способны передать информацию о тексте-источнике либо о целом культурном/историческом событии, следовательно, обладают особым типом коннотации (культурной). Наличие культурных коннотаций обеспечивает возможность идентификации прецедентного феномена адресатом. Восстановление культурных коннотаций и определенных ассоциативных связей оказывается необходимым для достижения нужного коммуникативного эффекта при реализации комических жанров [Щурина, 2006, с. 81-82].

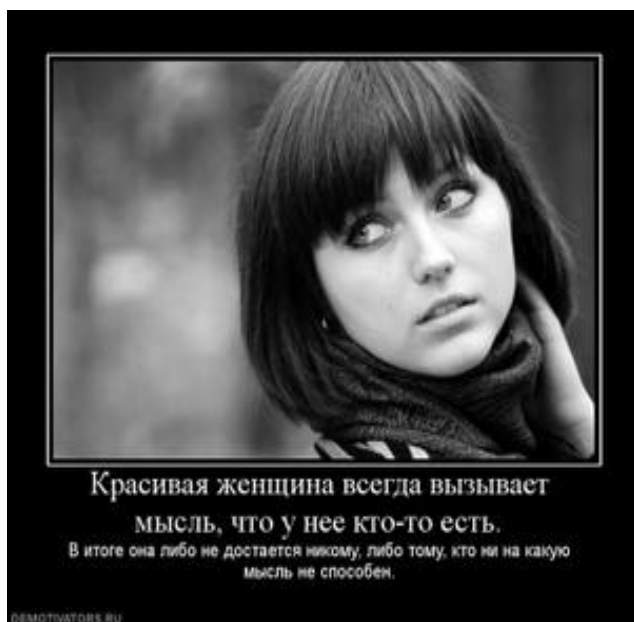

Рис. 1

Рис. 2

Прецедентный характер демотиваторов обусловлен их культурной значимостью в данном сообществе и проявляется как в широком распространении воспроизведения и ссылок на те или иные демотиваторы на сайтах, в блогах, на личных страницах пользователей, так и в цитировании текстового компонента демотиваторов в различных сферах общения вне Интернет-коммуникации (в первую очередь, в межличностном неофициальном общении). Так, в общении многих пользователей (преимущественно молодых людей) распространены выражения типа *Капитан Очевидность*, *Капитан снова в деле*, *Кэп снова в деле*, *Ну, ты Кэп* и т.п., используемые в случаях, когда человек говорит что-то очевидное, обозначая не требующие озвучивания реалии или события, например: *Идет дождь* (выходя на улицу под зонтом). Демотиваторы, в текстовой части которых используются фразы про Капитана Очевидность и отсылки к ним, широко представлены в сети (см. Рис. 2).

Как правило, тематически демотиваторы связаны с актуальными событиями или событиями, которые привлекают внимание, поэтому невербальные компоненты демотиваторов могут содержать отсылки к рекламе товаров известных марок, известным личностям, культурным/историческим событиям, теле- и кинофильмам и т.п. (Рис. 3).

Рис. 3

Для адекватной интерпретации демотиваторов необходимо совпадение составляющих культурного багажа коммуникантов, общность соответствующих пресуппозиций. Несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата (незнание адресатом соответствующих рекламных текстов, паремий; отсутствие необходимого, хотя бы предварительного, знакомства с литературными источниками, кинофильмами; незнание исторических событий, лозунгов советской эпохи и т.п.) может привести к

коммуникативному сбою – отсутствию комического эффекта. Возможности достижения коммуникативного эффекта определяются органическим взаимодействием вербального и иконического рядов.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1990.
2. Горошко, Е.И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета [Текст] / Е.И. Горошко // *Educational Technology & Society*. – 2008. - №11(2). – P.388-411.
3. Интернет-мем [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-мем>
4. Сорокин, Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция [Текст] / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С.180-181.
5. Сычев, А.А. Юмор в Интернет-коммуникации: социокультурный аспект [Электронный ресурс] / А.А. Сычев. – Режим доступа : <http://www.abc-globe.com/sichev.htm>.
6. Шурина, Ю.В. Комические креолизованные тексты в Интернет-коммуникации [Текст] / Ю.В. Шурина // Новгородский государственный университет им. Я. Мудрого / Вестник. Сер. «Филология. История». – 2010. - №57. – С.82-86.
7. Шурина, Ю.В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического [Текст] / Ю.В. Шурина // Российский лингвистический ежегодник. – Вып. 1(8). – Красноярск, 2006. – С.77-84.

shchurina@inbox.ru

Юлдашев Т.А., Омск (Россия)

ГЛАГОЛ-СКАЗУЕМОЕ КАК ЭКСПОНЕНТ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Сегодня значительная часть работ по когнитивной лингвистике сосредоточена на исследовании концептов как результатов когнитивной деятельности человека. Но когнитивные структуры не сводятся к одним лишь концептам и фреймам. Особый интерес для когнитивной лингвистики должны представлять процессы и стратегии познавательной деятельности, изучение которых позволит понять, каким образом функционирует сознание, как оно порождает концепты и оперирует ими.

Однако поскольку сами эти структуры для непосредственного наблюдения недоступны, единственным способом их исследования является «корректный анализ материально данных языковых фактов, представляющих собой грамматико-лексические комплексы в звуко-буквенной оболочке» [Галич, 2010, с. 42]. В частности, для исследования познавательной деятельности особый интерес представляют эксплицитные номинации ментальных процессов, такие, как глаголы знания, размышления, понимания и другие [Галич, 2011].

Одним из наиболее типичных глаголов познавательного действия является глагол *consider*. Дефиниционный анализ этого слова позволяет выделить среди прочих три значения, характеризующие глагол *consider* именно как экспонент познавательного действия: 1) *to think about/take into account an important fact when making a judgement* (принимать во внимание какие-либо важные сведения при формировании суждения); 2) *to think carefully before making a decision* (тщательно обдумывать что-либо перед тем, как принять решение); 3) *to have/form an opinion* (формировать мнение) [Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford Dictionaries, Macmillan English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary Online].

При внимательном рассмотрении можно заметить, что эти значения связаны с одним и тем же мыслительным процессом (процессом познания) и обозначают разные его стадии: 1) ‘*To think about/take into account an important fact when making a judgement*’ — отбор сведений, фактов, релевантных для оценки/принятия решения; 2) ‘*To think carefully*’ — рассмотрение, обсуждение, обдумывание, размышление; 3) ‘*To have/form an opinion*’ — решение, мнение, признание, допущение.

Наиболее полно познавательное действие отражается глаголом *consider* в значении «формировать мнение», поскольку такое значение указывает на последнюю стадию процесса, а значит, имплицитно включает в себя две предыдущие стадии. Самой типичной лексико-грамматической конструкцией для глагола *consider* в таком значении является конструкция «субъект действия» — «*consider*» — «объект действия» (выступает в качестве прямого дополнения к глаголу) — «свойство» (приписываемое объекту) (здесь и далее используются примеры из электронного корпуса [The British National Corpus]):

... I sincerely consider Ezra Pound the most important living poet in the English language.

При этом сам глагол относится к аксиологическим предикатам, основным свойством которых является способность объединять субъект и объект оценки, а образуемая им конструкция является модальной рамкой оценки [Вольф, 2002, с. 97]. Таким образом, имеются основания причислить оценочное действие к одному из видов познавательных процессов, а также представить указанную лексико-грамматическую конструкцию как схему S-A-O-Q, где S – это субъект познавательно-оценочного действия, A – это само действие (в данном

случае выраженное глаголом *consider*), O – это объект оценки, а Q – это свойство объекта, приписываемое объекту субъектом познания в результате познавательного-оценочного действия.

Субъектом познавательного-оценочного действия может выступать отдельный индивид, выражаемый именем собственным, личным местоимением или именем нарицательным:

Hodge... did not consider Korea fit for independence; ...but she still reserves the right to consider other people's consensual sexual choices distasteful and disgusting; ...the husband still considers his plan to be more appropriate... Данным способом выражается индивидуальная оценка, т.е. мнение определенного лица. Однако субъектом познавательного-оценочного действия может быть и «совокупность лиц, образующих некий социум с общими стереотипами»; в таком случае мы имеем дело с «общим мнением» [Вольф, 2002, с. 69]. Ср.: *we consider him as qualified to practice the Veterinary Art* — субъект выражен личным местоимением множественного числа; *...a life which society would consider to be in any sense worthwhile* — субъект выражен именем нарицательным со значением «совокупность/множество лиц»; *However almost nothing else was considered a taboo subject* — субъект формально не выражен, что тоже зачастую является показателем «общего мнения». Кроме того, субъектом «групповой оценки» может выступать лицо-представитель некоторой группы лиц или организации. В таком случае речь идет о «статусном субъекте» [см. подробнее: Красик, 2002]:

...the parties consider the Straits of Tiran and the Gulf of Aquaba to be international waterways open to all nations for unimpeded and non-suspendable freedom of navigation and overflight; But this school was not considered by the authorities to be a suitable place of safety.

Так или иначе, субъект познавательного-оценочного действия должен обладать способностью мыслить и анализировать данные. Однако вполне допустимо, что в качестве такого субъекта может выступать и вычислительная машина, являющаяся в том или ином смысле искусственным интеллектом: в бытовом общении вполне можно услышать сочетания типа *компьютер думает, что...* или *компьютер посчитал, что...*

Объектами оценки может становиться бесконечное множество предметов и явлений, т.е. весь универсум бытия, который можно свести к нескольким онтологическим категориям, выдвигаемым различными философами от Аристотеля до Джекендоффа, таким, как вещи, место и направление, количество, время, способ и др. Еще в 60-е годы прошлого века А.И. Уемов обобщил все эти категории до следующих трех: вещи, свойства и отношения [Уемов, 1963]. Под категорию вещей, таким образом, попадают люди (*...he rightly does not consider Morgan a socialist or a revolutionary*), предметы (как естественные, так и созданные людьми) (*...buffalo curd was considered a treat by those who could afford it*), занятия (*Paragliding is a sport most of us would consider dangerous*) и многое другое. Свойства выражаются конструкциями, объединяющими вещь и приписываемые ей свойства, такими, как атрибутивные словосочетания (*A woman with many daughters and no sons is considered not only unfortunate but a carrier of misfortune*) и номинативные словосочетания (*A little bit of excess weight... is not considered harmful*). Интересны примеры, когда объектом познавательного-оценочного действия выступает целая ситуация, выраженная придаточным предложением, инфинитивной группой с формальным «it» или с помощью номинативных словосочетаний со значением события:

...we consider it important that the movement as a whole should adopt a balanced approach to the problems that have arisen; I do not consider it useful to debate the significance of these phenomena; ...the marriage of two slaves was not considered legally binding.

Такие объекты имеют сложную структуру, объединяющую в себе как предметы, так и их свойства и отношения между ними. В подобных случаях в роли объекта могут выступать самостоятельные пропозиции как мысленные образы действительности. Можно сказать, такие объекты представляют события, выделяемые С.Д. Кацнельсоном в отдельную речемыслительную категорию объектов, характер которых близок к свойствам предложения [Кацнельсон, 1972, с. 142-143].

Последним элементом упомянутой лексико-грамматической структуры является свойство, приписываемое объекту, т.е. его оценка. Результатом ментального процесса, репрезентируемого глаголом *consider*, как правило, выступают частнооценочные значения, что указывает на сложный характер этого ментального действия. Оценки, производимые субъектом, можно распределить в соответствии с классификацией, разработанной Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988, с. 75-77].

Соответственно, результатом познавательного-оценочного действия, репрезентируемого глаголом *consider*, могут быть следующие типы оценок: 1) интеллектуальные (*Zambia did not consider herself stupid*); 2) эмоциональные (*Sibling comparison was considered highly offensive*); 3) эстетические (*I consider her a model of feminine beauty*); 4) этические (*I do not consider this ethical in treatment*); 5) утилитарные (*little bit of excess weight... is not considered harmful*); 6) нормативные (*A wife's adultery... was considered sufficient in itself*); 7) телеологические (*...we consider it important that the movement as a whole should adopt a balanced approach to the problems that have arisen*). Примеров использования глагола *consider* с последующей сенсорной оценкой обнаружено не было. По-видимому, это объясняется сложным характером выражаемого глаголом мыслительного процесса.

В заключение следует сказать, что исследование глаголов, эксплицирующих в речи/тексте ментальные процессы, таких, как глаголы с общим значением «думать», глаголы восприятия, запоминания, извлечения из памяти, забывания и др., открывает немалый потенциал для изучения процессов и стратегий когнитивной деятельности.

Библиографический список

1. Галич, Г.Г. Когнитивная грамматика: ранние версии и новые вопросы [Текст] / Г.Г. Галич // Концептуальные исследования в современной лингвистике. – СПб. ; Горловка, 2010. – Вып. 12. – С.35-43.
2. Галич, Г.Г. Когнитивные стратегии и языковые структуры [Текст] : моногр. / Г.Г. Галич. – Омск : Изд. Ом. гос. ун-та, 2011.
3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002.
4. Уемов, А.И. Вещи, свойства и отношения [Текст] / А.И. Уемов. – М. : Издательство АН СССР, 1963.
5. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972.
6. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.

Справочная литература

1. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ldoceonline.com>
2. Oxford Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access : <http://oxforddictionaries.com>
3. Macmillan English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.macmillandictionaries.com>
4. Merriam-Webster Dictionary Online [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.merriam-webster.com>

Источник иллюстративного материала.

The British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

utars@mail.ru

Языкова Н.В., Москва (Россия)

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ С ПОЗИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Межкультурный подход в обучении иностранным языком находится на новом этапе своего развития, характерной особенностью которого является завершение формирования его как концептуальной системы обучения (назначение, цель, содержание, принципы, категориальный аппарат) и широкое внедрение в практику языкового образования в стране.

Практическое владение иностранными языками рассматривается как одна из ключевых компетенций современного человека, способного функционировать в условиях глобализации. В связи с этим стратегической целью обучения иностранным языкам, как в общеобразовательной, так и высшей школе, является овладение иностранным языком как средством межкультурного общения.

Общение представителей различных культур, осуществляемое одним или несколькими участниками на иностранном языке, по сути дела, является межкультурным. Отличие межкультурной коммуникации от общения в рамках одной культуры заключается в следующем. При общении на родном языке его носители, принадлежащие к одной культуре, неосознанно придерживаются единой системы значений. У них возникают культурно обусловленные единообразные представления о картине мира, вербализованные средствами родного языка. В условиях межкультурного общения в силу отсутствия единой системы значений происходит перенос ценностей родной культуры на «чужую» культуру, что приводит к непониманию, а иногда и к срыву межкультурного общения, упрочению стереотипов и предрассудков относительно носителей иной культуры.

Исходя из структуры вторичной языковой личности (И.И. Халеева), логично предположить, что учитель должен формировать у обучающихся не только вербально-семантический, но и когнитивный и прагматический уровни языковой личности, т.е. языковую и концептуальную картины мира носителя языка. Как отмечают Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез, в современном процессе обучения иностранным языкам (далее – ИЯ) особый акцент делается на сопоставлении не столько разных языковых явлений, сколько разных концептуальных систем в контексте мировой и национальной культур [Гальскова, 2004]. Межкультурный подход, в отличие от коммуникативного, затрагивает тезаурусный уровень вторичной языковой личности и предполагает равноправное взаимодействие и обогащение двух концептуальных систем: родной и иной.

Важным для практики межкультурного обучения иностранным языкам является осознание преподавателями сущности и различий двух ключевых понятий межкультурного подхода: «коммуникативная» и «межкультурная» компетенции.

Исходя из уровневой организации вторичной языковой личности, можно сделать вывод, что становление коммуникативной компетенции связано, в основном, с присвоением обучающимся вербально-семантического

кода изучаемого языка – языковой картины мира (Тезаурус I или вербальный компонент картины мира по И.И. Халеевой). В отличие от коммуникативной компетенции межкультурная компетенция связана с присвоением студентом Тезауруса II (концептуальная картина мира). Понятие «межкультурная коммуникативная компетенция» как готовность и способность осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения интегрирует коммуникативную и межкультурную составляющие, тем самым как бы покрывая все три уровня вторичной языковой личности – вербально-семантический, когнитивный и потребностно-мотивационный. Целью межкультурного обучения иностранным языкам является формирование такого качества языковой личности, которое позволяет ей выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности [Елизарова, 2005]. С этой точки зрения целесообразно говорить о межкультурном обучении, нацеленном на формирование поликультурной личности, ее межкультурной компетенции, сформированной на базе более чем двух языков и культур: родной и иностранной.

Сформулированные выше положения составляют теоретическую базу методической системы межкультурного обучения иностранным языкам.

Практической целью обучения ИЯ в рамках межкультурного подхода является формирование межкультурной коммуникативной компетенции вторичной языковой личности как *готовности и способности понимать и порождать речевое высказывание в устной и письменной формах, базирующееся на знаниях, умениях анализа, понимания и интерпретации инокультурных концептов в процессе сопоставления с аналогичными концептами в родной культуре, навыках оперирования языковыми средствами их выражения, умениях применять их для решения коммуникативных задач и отношениях к партнеру по межкультурному общению.*

Образовательная, воспитательная и развивающая цели обучения ИЯ реализуются в процессе формирования, совершенствования и развития межкультурной коммуникативной компетенции.

Говоря об общеобразовательной цели обучения ИЯ, необходимо иметь в виду три аспекта цели: общее, филологическое и социокультурное образование.

Общее образование в рамках межкультурного языкового образования нацелено на расширение общего кругозора обучающихся, знаний о мире во всем многообразии его проявлений в различных сферах жизни: политике, экономике, бытовой, этнической, мировоззренческой, художественной культуре.

Филологическое образование нацелено на формирование инокультурной картины мира, реактивацию и углубление родной картины мира в процессе сопоставления языков и культур, расширение и углубление знаний обучающихся о языке как средстве общения, его неразрывной связи и непрерывном взаимодействии с культурой, орудием и инструментом которой он является; о неоднородности и самодостаточности различных языков и культур, языковых и культурных универсалиях, о человеке как о языковой личности и особенностях вторичной языковой личности, изучающей иностранные языки и культуры; дальнейшее совершенствование умений оперирования основными категориями и терминами применительно к лингвокультурологическому анализу языков, развитие языковой и контекстуальной догадки, чувства языка.

Социокультурное образование нацелено на развитие мировосприятия обучающихся, национального самосознания, общепланетарного образа мышления; обучение этически приемлемым и юридически оправданным политкорректным формам самовыражения в обществе; обучение этике дискуссионного общения и этике взаимодействия с людьми, придерживающимися различных взглядов и принадлежащих к различным вероисповеданиям [Сафонова, 1996].

Развивающий аспект цели межкультурного языкового образования акцентирует развитие обучаемых как личностей и как членов общества и предполагает развитие:

- умений самостоятельно добывать и интерпретировать информацию;
- ценностных ориентаций и чувств;
- готовности вступать в иноязычное межкультурное общение;
- универсальных метакогнитивных умений;
- потребности в дальнейшем самообразовании в ИЯ;
- умений самореализации и социальной адаптации;
- чувства достоинства и самоуважения;
- национального самосознания.

Сопоставление явлений изучаемой и родной культуры во многом способствует формированию и развитию национального самосознания, гордости и уважения к своему историческому наследию, более глубокому осмыслению роли России в современном глобальном мире, что, безусловно, способствует формированию поликультурной личности обучаемого.

Овладение межкультурной коммуникативной компетенцией способствует **воспитанию** личности. Участвуя в диалоге культур, обучающиеся развивают свою способность к общению, пониманию важности изучения иностранного языка в современном мире и потребности пользоваться им как средством межкультурного общения, познания, самореализации и социальной адаптации.

Сформулированные выше цели обучения ИЯ в рамках межкультурного подхода имеют общее значение и могут стать ориентиром при создании УМК для общеобразовательной школы и УМКД для вузов.

Библиографический список

1. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : уч. пос. [Текст] / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М. : Академия, 2004.
2. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам [Текст] / Г.В. Елизарова. – СПб. : КАРО, 2005.
3. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур [Текст] / В.В. Сафонова. – Воронеж : Истоки, 1996.

yazykova-n@mail.ru

Яковлева Э.Б., Самара (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЦЕПТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ЭЛИМИНИРОВАННОГО ИЗ ДИСКУРСА С МУЛЬТИКОДОВЫМ ХАРАКТЕРОМ ПЕРЕДАЧИ

Слуховая перцепция как многоуровневый, иерархический процесс предполагает сложный аналитико-синтетический путь обработки входного сигнала по разным параметрам: акустическим, семантико-синтаксическим, смысловым. Семантические и просодические факторы играют в этом процессе ведущую роль.

С целью выяснения степени предпочтения в ориентациях слушающих либо на семантические, либо на просодические факторы при реконструкции смысла высказывания был проведён аудитивный эксперимент на материале спонтанных звучащих полилогов с участием носителей немецкого и русского языков.

В данном случае следует учитывать факт получения слушающими информации в полилоге (смысловой и просодической) от нескольких участников в результате многосторонней речевой деятельности. Здесь важно проанализировать характер связи между репликами и релевантность для слушающего семантических и просодических факторов при восстановлении реплики-стимула (S) по предъявленной реплике-реакции (R) и наоборот.

С целью реконструкции смысла высказывания (реплики-стимула (S) или реплики-реакции (R) как членов диалогического единства (ДЕ)¹ в составе полилогического единства (ПЕ) слуховое восприятие речевого фрагмента (либо реплики-стимула (S), либо реплики-реакции (R) осуществлялось в режиме элиминации его из контекста ПЕ.

Основная **задача** эксперимента состояла: 1) в выявлении лингвистических и экстралингвистических признаков, обуславливающих просодико-семантическое варьирование компонентов спонтанного звучащего полилогического дискурса; 2) в разработке методики многокомпонентного анализа смыслового декодирования звучащего многостороннего аутентичного дискурса с учетом количественного фактора и социальных характеристик коммуникантов.

В качестве основной **гипотезы** выдвигался тезис о том, что перцептивно-ориентированная реконструкция смысла высказывания (реплики-реакции, реплики-стимула) в процессе восприятия речевого фрагмента, элиминированного из контекста, основана на антиципации. Прогнозирование смысла высказывания осуществляется с опорой на семантические и просодические признаки.

В эксперименте принимали участие 15 информантов, из них – носители русского языка (5 студентов-германистов, изучавших немецкий язык в качестве 1-го иностранного языка и 5 экспертов фонетистов-германистов), 5 информантов – носителей немецкого языка, студентов-славистов, изучавших русский язык в качестве 1-го иностранного языка.

До начала эксперимента было проведено анкетирование участников эксперимента с целью получения наглядной картины их социальных и социолингвистических характеристик для детального анализа и интерпретации эмпирических данных, их достоверности, объективности и возможности последующей верификации при создании речевой базы данных.

Логика предложенных в анкетах вопросов, их количество соответствовали целям исследования и служили получению информации, которая проверяла выдвинутую гипотезу. Максимальная конкретность сформулированных вопросов предусматривала получение исчерпывающей информации о каждом участнике эксперимента. По результатам анкетирования были составлены социогаммы, иллюстрирующие стратификационные и социально-психологические характеристики участников эксперимента.

¹ Взаимозависимость единиц в полилоге иная, чем в диалоге. В диалоге она *гомогенна*, то есть существует только между однородными простыми и сложными ДЕ (двучленными и многочленными); в полилоге эта взаимозависимость *гетерогенна*, то есть может существовать также и между разнородными формами единиц: ДЕ и ПЕ.

В задачу испытуемых входило: 1) прослушать исходные реплики-стимулы (S) и реплики-реакции (R); 2) предложить ответные варианты реплик-стимулов и реплик-реакций на исходные; 3) выделить из предложенных на выбор факторов релевантные для принятия того или иного решения с целью адекватной реконструкции смысла составляющих ДЕ реплик.

Анализируемые полилоги были оценены по принципу полноты, завершенности, соответствия нормам их построения, количества участников, числа реплик и реализуемых тем, а также изменения конфигураций взаимодействия коммуникантов. Для эксперимента были выбраны пары реплик – S и R на немецком языке, имеющие разную степень связности, элиминированные из контекста полилогических единств (ПЕ).

Эксперимент проходил в два этапа. На **первом этапе** аудиторы прослушивали предъявленные реплики-S (фрагменты звукозаписи на немецком языке) и записывали свои варианты реплик-R на них. **Второй этап** эксперимента предполагал процедуру обратного характера. Аудиторы прослушивали реплики-R (фрагменты звукозаписи на немецком языке) и записывали свои варианты реплик-S. Стимулы и реакции предъявлялись втроекратно с небольшими паузами между ними.

На первом и втором этапах эксперимента при прослушивании реплик-S и реплик-R аудиторы в специально подготовленных протоколах отмечали, какие факторы заставили их принять то или иное решение при прогнозировании ответа на предъявленные стимул и реакцию (**интегративное смысловое содержание высказывания, ключевое слово или словосочетание, просодические факторы: мелодика, громкость, темп, акцентная выделенность**), а также другие факторы.

По результатам эксперимента были сделаны следующие **выводы**.

Оценки аудиторов – носителей русского и немецкого языков при выборе факторов принятия решения относительно декодирования прослушанной реплики и реконструкции смысла требуемых реплики-R и реплики-S в целом совпадают, за исключением семантических факторов. Для **носителей русского языка** одинаково релевантны *интегративное смысловое содержание высказывания* и *ключевое слово или словосочетание*. Для **носителей немецкого языка** более релевантным фактором является лишь *интегративное смысловое содержание высказывания*.

В основном факты приоритетности ориентаций аудиторов на семантические факторы при прослушивании звукозаписей спонтанных речевых образцов свидетельствуют о смысловом восприятии речи, что подтверждает нашу гипотезу. Просодические признаки при этом играют также ведущую роль.

В результате эксперимента были получены следующие данные:

общее количество предпочтений при восстановлении **реплики-R**, отданных признаку *«интегративное смысловое содержание высказывания»* составило 56,7%, признаку *«ключевое слово или словосочетание»* - 66,3%, признаку *«мелодика»* - 65,3%, признаку *«акцентная выделенность»* - 68,2%;

общее количество предпочтений при реконструкции **реплики-S**, отданных фактору *«интегративное смысловое содержание высказывания»*, составило 66,3%, *«ключевое слово или словосочетание»* - 66,8%, *«акцентная выделенность»* - 62,5%, *«мелодика»* - 69,0%.

Полученные результаты подтверждают данные проведенных нами ранее исследований и указывают на тот факт, что перцептивный процесс осуществляется на нескольких уровнях и может быть определен как многоуровневый, иерархический. Результаты эксперимента дают основание для предположения о том, что перцептивный процесс с самого начала оказывается под влиянием самого характера речевого сообщения, определяемого языковыми особенностями (фонетическими, лексическими, грамматическими, стилистическими), логико-смысловой структурой сообщения, экстралингвистическими факторами.

Несомненный интерес представляют *темпоральный и динамический* факторы как наименее предпочитаемые (в нашем эксперименте группами студентов) при выборе решения о формировании смысла высказывания. Была выявлена общая зависимость восприятия от темпа звучащей речи и характер этой зависимости. При медленном темпе речи усложнялось синтетическое обобщение впечатлений в законченный образ, быстрый темп мешал аналитическому восприятию речевого потока. В предложенных на восприятие искусственно «отторгнутых» из спонтанного контекста репликах ускоренный темп в значительной степени ограничивал перцептивные потенции аудиторов-студентов как наименее опытных по сравнению с экспертами-фонетистами.

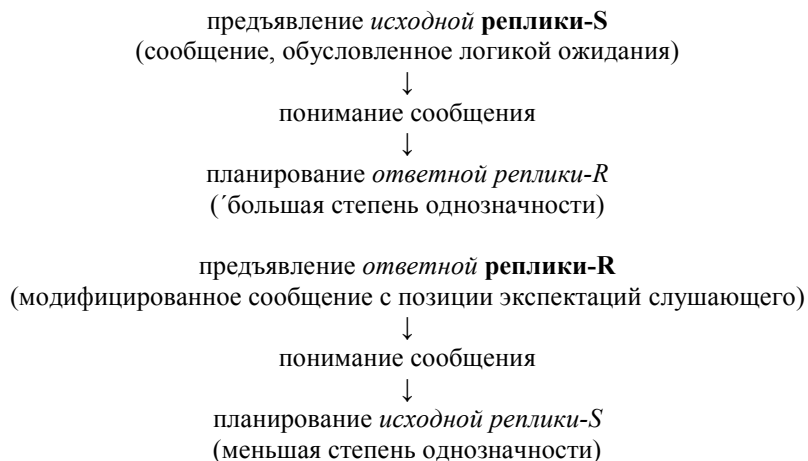
Недостаточная громкость также отмечалась как отрицательный фактор при декодировании смысла звучащего речевого образца.

Оценка аудиторами в качестве *других* факторов, способствующих пониманию сообщения, **hezитационных периодов** свидетельствует об их исключительно положительной роли при декодировании семантической стороны услышанного. В данном случае их можно рассматривать как «опоры», дающие возможность слушающему ориентироваться при восприятии потока речи. В хезитационные периоды слушающий декодирует услышанное и антиципирует дальнейшую речевую программу говорящего.

Отмеченные в качестве *других* грамматические факторы (**инверсия, препозиция ремы**) также можно выделить в качестве положительных в сложной перцептивно-мыслительной деятельности.

Экспериментальное исследование просодико-семантической вариативности многоуровневых вербальных компонентов звучащего спонтанного дискурса позволяет говорить об осмыслении речевого сообщения с позиции психолингвистики.

Планирование слушающим ответной реплики-R / исходной реплики-S можно изобразить в виде следующей схемы:

Данная модель свидетельствует о более усложненной степени антиципации вероятных вариантов выбора исходных реплик-S и их селекции при данной ответной реплике-R, поскольку смысл прослушанной ответной реплики-R как бы «задает» обратный ход стереотипной логике прогнозирования. Реплики-R, в отличие от реплик-S, в большей степени принадлежат одному семантическому полю, однако могут располагаться с разной степенью удаленности от его смыслового центра.

Согласно полученным данным по «успешности» восстановления составляющих диалогических единств, среднее число ассоциативных ответов, предложенных информантами при восстановлении реплик-R выше, чем среднее число этих ответов при реконструкции смысла реплик-S. Можно говорить о том, что восстановленные реплики-R отличаются большим разнообразием, чем восстановленные реплики-S. Разнообразие ответов снижается, когда семантическая область диалогических единств сужается. Следует отметить, что «успешно» восстановленными считаются реплики, относительно близкие в смысловом отношении к пропущенным. При этом наиболее значимым является наличие/отсутствие семантической связи между репликами диалогического единства. Там, где она явно выражена, возрастает и вероятность восстановления требуемого. Сравнительно большее число «успешно» восстановленных стимулов (вопросов) связано, по-видимому, с тем, что во многих случаях информантам предлагались вопросно-ответные единства. У информантов при прослушивании реплики-S всегда остается искушение дать личностный ответ, оставляя «за скобками» задание «восстановить» имеющуюся ответную реплику. Прослушивание реплики-R не допускает подобной раздвоенности мотивов, которые в этом случае совпадают: информанту необходимо обнаружить в ответе скрытый вопрос, независимо от того, руководствуется ли он мотивами личностного смыслового поиска или мотивами информанта-диктора.

Таким образом, проведенный перцептивно-слуховой эксперимент подтверждает нашу гипотезу о том, что прогнозирование смысла реконструируемого высказывания осуществляется с опорой на семантические и просодические признаки в равной степени. Принятие решения об альтернативе между семантическими или просодическими факторами или их совокупности зиждется на вербальной вариативности как онтологическом свойстве языка. Разработанная методика многокомпонентного анализа смыслового декодирования спонтанной полилогической речи обусловлена необходимостью изучения звучащего многостороннего аутентичного дискурса с учетом количественного фактора и социальных характеристик коммуникантов.

jakovlevaemma@mail.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Научное издание

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ЕГО АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

материалы I международной
научной конференции 5-7 октября 2011 г.

Под редакцией И.Ю. Колесова

Компьютерная верстка И.Ю. Колесова, Д.А. Кожанова, К.А. Отт

Подписано в печать 28.08.2012 г.

Объем 51,6 уч.-изд. л. Формат 60x84/8 . Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс Нью Роман. Тираж 250 экз. Заказ № 80.

Отпечатано в типографии «Концепт»

г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85

тел./факс: (3852) 36-82-51

e-mail: ra-koncept@yandex.ru